

**ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА
И СУДЬБЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Lomonosov
Moscow State University
Faculty of History

**THE FIRST
WORLD WAR
AND THE DESTINY
OF EUROPEAN
CIVILIZATION**

Edited by
L.S. Belousov and A.S. Manykin

Moscow
University Press
2014

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Под редакцией
Л.С. Белоусова, А.С. Манькина

Издательство
Московского университета
2014

УДК 94"19/..."
ББК 63.3(0)53
П26

*Данное издание подготовлено и опубликовано
при финансовой поддержке фонда «Русский мир»
и фонда «Наш исторический»*

Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред.
П26 Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. — М.: Издательство Московского университе-
та, 2014. — 816 с.

ISBN 978-5-19-010877-4

Первая мировая война стала крупнейшим водоразделом мировой истории, особенно исто-
рии Европы. Сегодня, спустя 100 лет после начала «Великой войны», ученые не прекращают
споры о роли и месте этого эпохального события в судьбах европейской цивилизации. Авторы
данной монографии пытаются внести свой посильный вклад в эту дискуссию.

Для специалистов-историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся
историей Европы и России начала XX в.

Ключевые слова: Первая мировая война, дипломатия, система политических партий, национа-
лизм, революции, пропаганда, социальная и политическая борьба, культура.

УДК 94"19/..."
ББК 63.3(0)53

The First World War and the Destiny of European Civilization / Edited by
L.S. Belousov and A.S. Manykin. — Moscow: Moscow University Press, 2014. —
816 p.

The First World War became a watershed in the European and world history. 100 years after the
outbreak of the Great War historians continue to debate a role of this milestone event in the develop-
ment of European civilization. The authors of the monograph try to make their own contribution to this
discussion.

Designated for historians and for all those interested in the history of early twentieth-century
Europe and Russia.

Key words: The First World War, diplomacy, political party system, nationalism, revolutions, propagan-
da, social and political struggle, culture.

ISBN 978-5-19-010877-4

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство Московского университета, 2014

Оглавление

<i>Предисловие</i>	8
<i>Введение</i>	11
 ЧАСТЬ 1 У ИСТОКОВ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»	
<i>Глава 1. На пороге системного кризиса. Международные отношения накануне войны</i>	27
§ 1. Изменения в расстановке сил на международной арене: эрозия «европейского равновесия»	27
§ 2. Конфликт на Балканах и крах «европейского концерта»	39
 <i>Глава 2. Военные планы великих держав и реальности июльского кризиса</i>	46
§ 1. Особенности военных планов великих держав	48
§ 2. Трагическая развязка интриги: ход и характер июльского кризиса	57
 <i>Глава 3. Россия на пороге перемен</i>	66
§ 1. Империя на рубеже веков	66
§ 2. Первая русская революция: пролог катастрофы	74
§ 3. Российское общество накануне «Великой войны»	84
 <i>Глава 4. «Мир 1914 года»: социокультурный срез</i>	93
§ 1. 1914 год: конец «прекрасной эпохи»	93
§ 2. Трещина мира и сердце поэта: литература как предчувствие	105
§ 3. Искусство накануне Первой мировой войны: от утопического синтеза модерна к анархическому нигилизму авангарда	121

ЧАСТЬ 2

**«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА» И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБЛИКА
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Глава 5. На фронтах Первой мировой: динамика военных действий и изменения в военной сфере	135
§ 1. Переход к позиционной борьбе и стратегия «войны на истощение»	135
§ 2. В поисках рецептов победы: боевые действия и развитие военного дела в 1916 г. . .	153
§ 3. Трудный путь к победе: военные действия на завершающем этапе войны	172
Глава 6. У истоков перестройки партийно-политических систем ведущих стран Запада и России	187
§ 1. Рост влияния левых сил в партийно-политическом спектре ведущих стран Европы .	187
§ 2. Война и корректировка программно-целевых установок партий центристского типа	202
§ 3. Россия в мировой войне: на пути к распаду империи	216
§ 4. От Февраля к Октябрю: провал «февральской демократии»	232
Глава 7. Культура и общество в годы войны	242
§ 1. Первые попытки осмысления войны	242
§ 2. Пушки заговорили, но музы не умолкли	261
§ 3. Искусство на войне и вне войны. Зарождение контркультуры	277
§ 4. Искусство и визуальная пропаганда	299

ЧАСТЬ 3

«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА» И ПОИСКИ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

Глава 8. Перестройка системы международных отношений в годы войны	315
§ 1. Цели великих держав и «вызовы» войны (1914–1916)	315
§ 2. В поисках выхода из войны: стратегия и дипломатия великих держав в конце 1916 — ноябре 1918 г.	335
Глава 9. Национализм и национальная идея в Первой мировой войне	359
§ 1. Роль и характер национализма в великих державах Европы	359
§ 2. Война и принцип национального самоопределения: путь к разрушению империй	382
Глава 10. Война умов. Проблемы войны и мира в общественно-политической мысли воюющих держав (1914–1918)	405
§ 1. Кто виноват? Причины и историческая роль войны в оценках интеллектуальной элиты стран Антанты	405
§ 2. Что делать? Дискуссия в странах Антанты о путях утверждения прочного мира . .	421
§ 3. Великие цели «Великой войны»: германский взгляд на войну и будущее мира . . .	431

ЧАСТЬ 4

ОТ ПОТРЯСЕНИЙ К СТАБИЛИЗАЦИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ
«ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ» ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

<i>Глава 11. Становление новой модели международных отношений</i>	445
§ 1. Планы держав-победительниц и мировые реалии	445
§ 2. Изменения в соотношении сил на международной арене: последствия для мировой политики	460
§ 3. Послевоенное урегулирование в свете национального вопроса	474
<i>Глава 12. Уроки «Великой войны»: новые стратегические реалии в оценках военного руководства ведущих европейских держав в 1920-е гг.</i>	497
§ 1. Неоднозначные результаты победы: вооруженные силы Франции и Великобритании в первое послевоенное десятилетие	498
§ 2. Учит ли чему-то поражение? Германская военная элита в 1920-е гг.	510
§ 3. Итоги à part: мировая война в оценках советского военного руководства в 1920-е гг.	518
<i>Глава 13. Война и итоги перестройки партийно-политических систем ведущих стран Запада и России</i>	527
§ 1. Становление советской государственности: первые шаги	527
§ 2. Центральная Европа: от полиэтничной Габсбургской империи — к суверенным национальным государствам	537
§ 3. Ноябрьская революция и становление Веймарской Германии	564
§ 4. Итоги партийно-политической перегруппировки в странах Запада: есть ли будущее у европейской цивилизации?	578
§ 5. На пути к тоталитарным режимам: массовое сознание фронтовиков и рост праворадикальных настроений в странах Западной Европы	598
<i>Глава 14. Оценки и выводы: общественная мысль после «Великой войны»</i>	614
§ 1. Мир после мира. Версальское урегулирование с точки зрения победителей	614
§ 2. Проигранная война и судьбы Германии. Идеиный ландшафт Веймарской республики	625
<i>Глава 15. «Эхо войны» в духовной сфере</i>	638
§ 1. Политическая философия в «эпоху революций и контрреволюций»: основные тенденции	638
§ 2. Литература на послевоенном перепутье: поиски и открытия	645
§ 3. Искусство после войны: испытание модерном и возврат к традиции	661
<i>Заключение. Контуры послевоенного мира</i>	682
<i>Приложения</i>	697

Предисловие

Историки любят юбилейные даты, особенно те из них, которые так или иначе перекликаются с современностью и позволяют привлечь к историческому событию внимание общества. Перечень таких дат нескончаем, но их реальная значимость зачастую преувеличивается или, напротив, сводится на нет в зависимости от политической конъюнктуры и потому весьма условна.

Грядущее 100-летие начала Первой мировой войны — яркое тому подтверждение. Долгие годы эта страшная война была во многом забытой, по сути стертой из памяти народов современной России, на территории которой до сих пор не воздвигалось достойных памятников погибшим. Война «империалистическая» или «германская» (как ее называли в те времена) блекла на фоне революционного вихря и войны гражданской.

Между тем именно эта — Первая мировая — впоследствии получила на Западе название «Великой». По своим непосредственным и отложенным результатам, по глубине воздействия на развитие современного общества она едва ли уступает (если не превосходит) любому иному эпохальному событию в XX в. Думается, вряд ли кто-либо из историков-профессионалов усомнится в том, что развитие цивилизации (прежде всего, европейской) пошло бы каким-то иным путем, не разразись чудовищный военный конфликт поистине вселенского масштаба. В этом утверждении нет преувеличения, поскольку наиболее значимые исторические факты и феномены прошлого столетия оказались так или иначе, прямо или косвенно связаны с Первой мировой войной.

Приближение этой юбилейной даты побудило нас, преподавателей кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, как, впрочем, и многих наших коллег, вновь задаться вопросом о характере и масштабах влияния этой войны на судьбу породившей ее западной цивилизации. Дистанция в 100 лет позволяет сделать это во многом без оглядки на политическую и дипломатическую конъюнктуру. Более того, с высоты прошедшего столетия, унесшего табу на засекреченные документы и материалы, многое, хотя далеко не все, стало более очевидным и понятным. События той драматической поры нам известны в мельчайших деталях, но их интерпретация по-прежнему остается полем для острейших дискуссий.

Говоря о западной цивилизации, мы отдаем себе отчет в том, что это понятие широкое и весьма условное. Поэтому для своего исследования в инструментальных целях мы решили сконцентрировать свое внимание на ее европейском сегменте. Наш выбор обусловлен некоторыми принципиальными соображениями. Прежде всего, Европейский континент стал основной ареной боевых действий, а расположенные на нем страны понесли наибольшие людские и материальные потери. В этом регионе в первые послевоенные годы произошли события, оказавшие решающее воздействие на последующий ход европейской и мировой истории; здесь была предпринята попытка похоронить капиталистическую систему, рыночную экономику и буржуазную демократию; тут появились на свет радикальные левые и правые движения и партии, захватившие власть в ряде крупных государств и сделавшие попытку перекроить мировое устройство на свой лад; наконец, именно здесь были посеяны семена новой, еще более разрушительной и ужасной войны.

Особый интерес и наиболее жаркие споры идут вокруг оценки последствий «Великой войны». Это неудивительно. Ведь именно они определили характер и динамику послевоенного развития подавляющей части мирового сообщества в самом широком плане, включая политические, социальные, военные, культурные, ментальные, дипломатические и иные аспекты. В гораздо меньшей степени мы затрагивали проблемы трансформации экономики и сделали это вполне осознанно по двум причинам. Во-первых, эти сюжеты в отечественной литературе разработаны значительно меньше, чем в английской, немецкой или французской, что не позволяет пока сформировать емкое, многоплановое представление о сути той трансформации, которая разворачивалась в военные и послевоенные годы в мировой экономике. Во-вторых, на данном этапе мы не сочли возможным в историческом исследовании глубоко вторгаться в область иной, хотя и пограничной науки — экономической. Эта область исключительно важна для понимания фундаментальных процессов, происходивших в послевоенном развитии западного общества, и требует глубокого погружения в дебри экономического анализа, способного увести наше исследование в сторону от главных сюжетных линий. Поэтому мы решили по мере необходимости использовать лишь ключевые выводы специалистов, которые считаются общепризнанными в отечественной и зарубежной литературе. Речь идет о наиболее существенных чертах, связанных с качественным изменением роли государства в регулировании экономики и социальных отношений.

Решение столь емкой и многоплановой задачи потребовало объединения усилий с коллегами других кафедр исторического факультета МГУ и ряда университетов нашей страны.

Данная работа подготовлена авторским коллективом в составе: **А.Г. Айрапетов** — д-р ист. наук, профессор Тамбовского ГУ имени Г.Р. Державина (§ 2 гл. 13); **Л.С. Белоусов** — д-р ист. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова (Предисловие, § 5 гл. 13); **В.Д. Дажина** — д-р искусствоведения, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова (§ 3 гл. 4; § 3, 4 гл. 7; § 3 гл. 15); **М.П. Кизима** — д-р филол. наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ (§ 2 гл. 4; § 2 гл. 7; § 2 гл. 15);

И.Э. Магадеев — канд. ист. наук, МГИМО (У) МИД РФ (гл. 12); **А.С. Маныкин** — д-р ист. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова (Введение; гл. 2 (в соавторстве); гл. 5 (в соавторстве), § 1, 2 гл. 6; § 4 гл. 13; Заключение), **Е.В. Романова** — канд. ист. наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 1, 8; § 1, 2 гл. 11); **А.М. Руткевич** — д-р филос. наук, профессор НИУ ВШЭ (§ 1 гл. 4; § 1 гл. 7; § 1 гл. 15); **В.И. Терехов** — канд. ист. наук, МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 2 (в соавторстве), гл. 5 (в соавторстве)), **Н.И. Цимбаев** — д-р ист. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 3; § 3, 4 гл. 6; § 1 гл. 13); **К.Н. Цимбаев** — канд. ист. наук, доцент РГГУ (§ 3 гл. 10; § 3 гл. 13; § 2 гл. 14); **А.М. Фомин** — канд. ист. наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 9; § 1, 2 гл. 10; § 3 гл. 11; § 1 гл. 14). Приложения подготовила канд. ист. наук, научный сотрудник исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **О.И. Агансон**.

Членом авторского коллектива мы считаем также аспирантку исторического факультета МГУ Р.В. Караханову, взявшую на себя труд первичной обработки текстов. Ответственными редакторами данной работы выступают д-р ист. наук, профессор Л.С. Белоусов (МГУ) и д-р ист. наук, профессор А.С. Маныкин (МГУ). Членами редколлегии являются Е.В. Романова, А.М. Фомин, Н.И. Цимбаев.

Каждый из авторов монографии имеет собственные взгляды на некоторые существенные проблемы, затронутые в монографии. Их подходы индивидуальны, иногда они разнятся между собой, а содержащиеся в ряде разделов суждения оценочного характера остаются личным мнением авторов, но общей логики повествования и цельности книги они, как нам представляется, не нарушают: все эти материалы объединяются в рамках общей концепции, которую мы и выносим на суд читателей.

Введение

Вот уже целое столетие отделяет нас от того момента, когда в Европе начался невиданный по своим масштабам военный конфликт, радикально изменивший последующее развитие стран и народов континента. Многие историки называют его «матерью всех катастроф», обрушившихся на человечество в XX в. Другие делают акцент на том, что по сравнению со Второй мировой войной эта явилась последней, которая велась «в относительно цивилизованных рамках», и она не сопоставима по степени жестокости и разрушительности с войной, вспыхнувшей в 1939 г., ставшей в полном смысле слова тотальной. Никто, однако, не отрицает, что если бы не Первая мировая война, дальнейшая история Европы развивалась бы по какому-то принципиально иному, отличному от того, что мы получили в действительности, сценарию.

С этим тезисом согласны большинство исследователей, которые на протяжении всех этих лет, тем не менее, отчаянно спорили, пытаясь понять, как же данные события повлияли на судьбы европейской цивилизации. Если ученые самых разных идеологических ориентаций солидарны в том, что «Великая война» (как ее «окрестили» уже современники), безусловно, стала вехой в судьбе Старого Света, то дальше практически по всем основным вопросам, связанным с этим, несомненно, знаковым для европейской цивилизации событием, специалисты с немалым трудом (да и то не всегда) находят почву для конструктивной дискуссии. И это несмотря на то, что конкретная канва истории многих аспектов Первой мировой войны (она же «империалистическая», «германская» и даже «Отечественная») известна в мельчайших деталях.

Уже такая разноголосица в названиях этого грандиозного военного конфликта, которая звучит в историографии и существует в народной памяти, заставляет современников задуматься над вопросами: что же произошло в Европе в 1914 г.? Была ли начавшаяся война результатом рокового стечения обстоятельств или закономерным итогом всего предшествовавшего развития системы международных отношений или даже прямым следствием вступления ведущих мировых держав в стадию индустриального общества? Перечень вопросов, встающих перед учеными, занимающимися изучением Первой мировой войны, можно продолжать еще очень долго. Важно подчеркнуть, что они касаются самых разных аспектов войны и практически всех ее стадий — от возникновения до последствий.

Несправедливо полагать, что научное сообщество не сумело за прошедшие годы создать сколько-нибудь стройную и развернутую концепцию этого эпохального события. Конечно, такие концепции имеются. Дело, однако, в том, что, во-первых, при внешней привлекательности они, как правило, по многим важным параметрам плохо стыкуются друг с другом (например, в оценке роли экономических факторов в развязывании войны, выяснении степени ответственности конкретных великих держав за перерастание июльского кризиса в мировую войну, оценке роли революционных потрясений в итогах войны и т.д.), а, во-вторых, такие события, как Вторая мировая война или развал СССР и крах биполярной системы международных отношений, заставляли специалистов вносить определенные корректировки в ставшие привычными представления о «Великой войне». Каждое новое поколение в известной мере добавляло что-то свое в формирование исторического образа данного события. Далеко не всегда и не все эти новации были рациональны. Многие стали порождением исключительно политической конъюнктуры. Однако даже такие новации, которые скорее затуманивают и картину войны в целом, и многие важные детали этого конфликта, все же необходимо учитывать при оценке исторической роли и места «Великой войны», ее последствий для развития европейской цивилизации.

И сейчас, в преддверии 100-летия с начала Первой мировой войны, мир, столкнувшись с комплексом сложнейших, взрывоопасных проблем, вновь обращается к опыту прошлого, пытаясь понять, какие действия политических элит превратили постепенно вызревавший в недрах европейского сообщества конфликт в неотвратимый, что нарушило, казалось бы, вполне размеренный ритм его функционирования и в итоге повлекло за собой качественный скачок в развитии европейской цивилизации. Наш авторский коллектив попытался воссоздать ту общую атмосферу, которая царила в предвоенной Европе, нарисовать по возможности объективную картину тех процессов, что привели ее к войне, и с позиции сегодняшнего дня оценить воздействие данного конфликта на судьбы европейской цивилизации.

Мы неслучайно вынесли в заглавие книги популярное сегодня понятие — «европейская цивилизация». Несмотря на широкое распространение, оно достаточно аморфно и подвержено различным интерпретациям, что требует определенного уточнения авторского подхода к его трактовке. На наш взгляд, это отнюдь не абстрактная, а сложившаяся на протяжении длительной исторической эволюции достаточно прочная социокультурная и этноконфессиональная общность, имеющая набор общих политических и экономических ценностей, уходящая своими корнями во времена Римской империи. За долгие годы она прошла сложный путь, пережила сходные, во многом синхронные общевропейские процессы, постепенно формировавшие ее современный облик.

Под ее непосредственным воздействием в XVI–XVII вв. в Новом Свете стали формироваться два во многом самостоятельных цивилизационных подвида — североамериканский и латиноамериканский. Сохраняя достаточно тесные связи с материнскими структурами, они быстро обрели важные отличительные

характеристики, придававшие им своеобразие и индивидуальность, что позволяло говорить об особом типе цивилизаций в этих регионах. Лишь с рубежа XIX–XX вв., по мере вступления стран этих регионов в фазу индустриального общества, начался процесс формирования некоей единой общности, которую сегодня, как правило, именуют западной цивилизацией. Чрезвычайно значимую роль в этой эволюции сыграла Первая мировая война, когда произошло прямое вовлечение ведущих государств Нового Света — США и Канады — в этот конфликт. Именно тогда и были созданы серьезные предпосылки формирования новой исторической общности. Однако это было только начало сложного пути, завершившегося уже после Второй мировой войны. Но очевидно, что без гигантских перемен, порожденных «Великой войной», сближение и симбиоз этих двух цивилизационных сегментов протекало бы в ином ритме и формате.

В развитии любой цивилизационной общности ключевую роль играет ее ядро, которое и определяет динамику становления этого образования. Естественно, само ядро европейской цивилизации никогда не было статичным. Его конфигурация неоднократно видоизменялась, но оно сформировалось примерно в XVII в. К началу Первой мировой войны это ядро объединяло пять или шесть государств. Если по поводу присутствия в этом списке Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии и Италии нет никаких сомнений, то включение сюда России традиционно вызывает у многих европейцев отторжение, да и сами жители нашей страны уже давно пытаются понять: кто же они — европейцы, евразийцы или представители какой-то иной общности, ни с кем не идентифицируемой?

В данной работе мы исходим из того, что Россия — интегральная часть европейского сообщества, без которой сложно понять, что же происходило там, на интересующем нас историческом отрезке, что привело его к столь масштабным потрясениям, как Первая мировая война. В центре внимания нашего авторского коллектива будут процессы, разворачивавшиеся в указанный период прежде всего в ядре европейского сообщества, ибо именно там происходили основные события, оказавшие решающее влияние на трансформацию облика европейской цивилизации.

Обычно исследователи, занимающиеся анализом событий, связанных с Первой мировой войной, концентрируют свое внимание на каком-то одном направлении, чаще всего на военной или дипломатической истории, в то время как многие другие принципиально важные вопросы (например, динамика развития партийно-политических систем стран Запада и России, сдвиги в социокультурной сфере, национальный вопрос и т.д.) остаются явно в тени. Блоку литературы, посвященной «Великой войне», очевидно, не хватает работ, охватывающих основные сферы жизнедеятельности европейского сообщества в годы войны. Степень изученности различных аспектов функционирования европейского сообщества в эти годы далеко не одинакова. Например, широкий спектр вопросов, связанных с анализом процессов, порожденных переводом экономики воюющих стран на военные рельсы, их влиянием на положение дел

в мировом хозяйстве, изучен явно недостаточно, особенно в отечественной научной литературе.

Формально большее внимание уделяется вопросам межнациональных отношений, изучению их влияния на положение дел в воюющих державах. Однако вопросов здесь остается гораздо больше, чем ответов. Серьезные диспропорции существуют и в степени изученности особенностей функционирования партийно-политических систем ведущих мировых держав. Все это создает немалые проблемы при подготовке синтезирующего исследования процессов, определявших лицо европейской цивилизации на одном из крупнейших изломов ее истории.

Наш авторский коллектив предпринял попытку дать свое видение тех наиболее значимых процессов, которые определяли общую динамику развития европейской цивилизации в годы «Великой войны» и в первые послевоенные годы. Естественно, прежде всего речь идет о вопросах, связанных с собственно военными действиями. Никто не отрицает, что во всех ведущих европейских державах интенсивно готовились к возможному военному столкновению. Парламенты этих стран бурно обсуждали бюджетные статьи, связанные с ассигнованиями на военные цели. В предельно засекреченных кабинетах генштабов разрабатывались планы будущих военных кампаний. Однако вспыхнувшая летом 1914 г. в Европе война оказалась совсем не такой, какой ее представляли высшие военные чины и политический истеблишмент великих держав.

Подобная ситуация не могла не породить в научном сообществе нескончаемые споры о том, насколько осознанно правящие круги ведущих европейских держав вели дело к развязыванию большой войны, насколько неотвратимым было столкновение Антанты и стран Тройственного союза. Как правило, именно в таком ракурсе историки рассматривают эти сюжеты. Мы хотели бы взглянуть на эту проблему под несколько иным углом зрения. В качестве гипотезы хотелось бы высказать следующее предположение. Дело, на наш взгляд, не в том, что лидеры великих держав строили коварные планы организации гигантского конфликта для передела мира. Планы силового разрешения имевшихся межгосударственных противоречий, безусловно, существовали. И в высших эшелонах власти как в странах Антанты, так и Тройственного союза никто не исключал возможности использования силовых методов для их разрешения. Но ясно и другое. Допуская возможность, а при определенных условиях и желательность военного столкновения со своими оппонентами, лидеры противоборствующих государств явно не предполагали, что оно может принять подобные масштабы. Таковую войну, с которой Европа столкнулась летом 1914 г., ни в одной из столиц вступивших в войну держав не ожидали и не желали. Мы исходим из того, что в процессе июльского кризиса ситуация вышла из-под контроля его участников.

Конечно, эта, очевидная с позиций сегодняшнего дня истина стала осознаваться современниками далеко не сразу. Однако повседневные реальности разразившейся войны быстро начали преподносить и военному, и политическому руководству неприятные сюрпризы, ставя перед ними вопросы, не имевшие

аналогов в истории. Важно иметь в виду, что спектр этих проблем отнюдь не ограничивался чисто военными аспектами. Гораздо сложнее и, главное, неожиданней оказалось все то, что было связано с положением в тылу. Здесь быстро обозначились два ключевых и во многом взаимозависимых момента.

Во-первых, с учетом масштабов мобилизации и неуклонным падением уровня жизни для правящих кругов всех воюющих стран принципиальное значение приобретало достижение если и не полноценного классового мира, то хотя бы временной консолидации основной части населения вокруг властных структур. Если на первых порах выполнять эту миссию помогал патриотический подъем, охвативший население воюющих держав, то по мере нарастания трудностей на фронтах атмосфера национального единения стала рассеиваться, что грозило осложнить деятельность властей по мобилизации всех возможных ресурсов для победы.

В этой обстановке политическим элитам предстояло серьезно переосмыслить модус взаимоотношений с оппозиционными силами, прежде всего с теми, которые располагались на левом фланге политического спектра. До войны они плохо вписывались в традиционный для партийно-политических систем Европы либерально-консервативный мейнстрим. Для наиболее дальновидных представителей политических элит стран Западной Европы становилось все очевиднее, что назревает необходимость достаточно глубокой перестройки всей совокупности норм и принципов взаимодействия основных политических институтов буржуазного общества. Однако сторонники этой идеи сталкивались с целым комплексом трудноразрешимых проблем. Их анализ пока еще не стал предметом детального исследования в отечественной литературе, и в своей работе мы попытаемся, насколько возможно, восполнить этот пробел.

Представляется, что ключевым в данном комплексе проблем является вопрос о том, как происходила постепенная интеграция в рамки существовавших партийных систем организаций, опиравшихся на рабочее движение, влияние которого в эпоху индустриального общества неуклонно росло. Вопрос о том, какое место будут занимать в политической жизни западноевропейских стран и России партии социалистической ориентации, еще до начала «Великой войны» стал приобретать все более судьбоносное значение для будущего европейской цивилизации. Начало военных действий обострило эту проблему, ибо в случае перехода важнейшего сегмента любого индустриального общества к конфронтации с властями положение последних заметно осложнялось. И наоборот, налаживание партнерских отношений между государством и теми политическими силами, которые претендовали на выражение интересов трудящихся, развязывало бы правительству руки при решении сложных социально-экономических задач, порожденных необходимостью перевода экономики на военные рельсы.

Решая эту судьбоносную для итогов войны проблему, ведущие политики западных стран (Россия, как мы знаем, выпала из этого процесса) одновременно, вероятно, не осознавая этого до конца, определяли базовый вектор политического развития западной цивилизации на весь XX век, ибо интеграция

партий социал-демократического и социалистического толка заметно повысила общую устойчивость и эффективность партийно-политических систем западноевропейских стран. Жизнь показала, что благодаря их подключению к конструктивному участию в так называемом демократическом политическом процессе в него удалось вдохнуть новую жизнь, придать всей европейской цивилизации дополнительную энергию, что в условиях продолжавшегося вплоть до конца века ожесточенного соперничества с иным вариантом общественного развития было весьма своевременным.

Таким образом, с нашей точки зрения, анализ этих сюжетов имеет первостепенное значение. По разным причинам и в СССР, и на Западе они долгое время обходились стороной, но ясно, что без тщательного изучения тех процессов, которые разворачивались в недрах партийно-политических систем воюющих стран, картина изменений, охвативших европейскую цивилизацию под влиянием Первой мировой войны, будет неполной. Однако констатация этого факта ни в коей мере не объясняет, как именно происходили эти события, какие препятствия пришлось преодолеть участникам данного процесса и, главное, в какой мере он был завершен в годы «Великой войны». Эти вопросы мы и попытаемся осветить в данной работе.

Не менее острые споры продолжаются вокруг оценки тех поистине тектонических сдвигов, которые произошли в сфере международных отношений под непосредственным влиянием войны. Дело даже не в том, что с политической карты исчезли сразу четыре, казалось бы, незыблемых империи, а в центре Европы возник ряд новых независимых государств с крайне запутанными двусторонними отношениями, отчаянно ищущих свое место в послевоенном мире. После войны впервые в истории была предпринята попытка сформировать такую модель системы международных отношений, которая не только учитывала бы фундаментальные интересы держав-победительниц, но и создавала надежные гарантии против повторения потрясений, подобных тем, что имели место в самом недавнем прошлом. Даже первые робкие попытки найти рецепты решения этой проблемы ставили перед главными акторами, действовавшими на международной арене, задачу переосмысления многих до того времени неоспоримых принципов международной жизни: баланс сил как главное условие стабильности системы международных отношений, приоритет государственного суверенитета перед правовыми нормами, доминирование европоцентристских подходов к организации мирового сообщества и т.д.

В научной литературе, посвященной вопросам становления новой модели международных отношений, детально рассмотрены все шаги основных участников Парижской мирной конференции по реформатированию политической карты послевоенного мира, но вопросы о том, как только что завершившиеся военные действия повлияли на представления политического истеблишмента стран Запада об оптимальных формах организации европейского и мирового сообщества, во многом остаются открытыми до сих пор. Отсюда серьезные расхождения в оценке степени эффективности новой, Версальско-Вашингтонской, модели системы международных отношений.

Не меньший разброс мнений существует и в понимании того, почему архитекторам нового миропорядка так и не удалось создать стабильный и устойчивый системный комплекс, который бы надежно страховал мир от повторения ужасов недавно завершившейся войны. Более того, сегодня мы знаем, что все усилия по формированию подобного миропорядка завершились через 20 лет полным крахом: в мире вспыхнула еще более кровопролитная и жестокая мировая война. Значит ли это, что вся проделанная в Париже работа оказалась бесполезной, что этот опыт, по сути, ничем не обогатил наши представления о характере процессов, определявших динамику международных отношений, и не внес в них ничего конструктивного?

Обилие подобных оценок заставляет нас вновь обратиться к осмыслению тех новаций, которыми была так богата международная жизнь в поствоенный период. Нам хотелось бы понять, почему в столкновении амбициозных планов формирования такой модели системы международных отношений, которая бы надежно страховала мир от новых глобальных потрясений, и конкретных запросов каждой из держав-победительниц последние возобладали. Чем это вызвано: недалекостью политических лидеров той эпохи или какими-то более фундаментальными причинами?

Не меньший интерес с позиций сегодняшнего дня представляют вопросы, касающиеся оценки итогов переформатирования политической карты Европы. Считать ли их результатом крайне непродуманного применения на практике принципа права наций на самоопределение или искать объяснение в исключительно своекорыстной политике великих держав? Ни в коей мере не утрачивает своей актуальности и вопрос о том, как оценивать события, связанные с созданием первого в истории международного института по поддержанию мира. Рассматривать ли факт создания Лиги Наций как прорыв в долгой истории поисков рецептов ограничения анархии и апологии силы в сфере международных отношений, или же это была циничная попытка закамуфлировать подлинные планы, адаптировать их к условиям эпохи «массовой политики»? Что из первого опыта создания организации по поддержанию мира имело непреходящее значение, а что оказалось явно непригодным для использования в целях предотвращения международных конфликтов?

Очевидно, что все эти события, на глазах менявшие облик европейской цивилизации, не могли не повлиять на ее ментальную сферу. Прежде всего, речь идет об идеологии и культуре. В оценке масштабов и векторов изменений в данных областях до сих пор специалисты не достигли даже минимального консенсуса, ибо идеология, духовная жизнь воспринимаются исследователями весьма субъективно, исходя из своих мировоззренческих симпатий и антипатий. Здесь крайне сложно подобрать объективные параметры, позволяющие охарактеризовать значение той или иной идеологической концепции или направления культурной жизни.

Действительно, любой специалист, занимающийся данными сюжетами, имеет какую-то собственную систему ценностных ориентиров, которые неизбежно сказываются на всех его оценочных суждениях. Как, скажем, требовать

полной объективности в оценке идей о необходимости утверждения в обществе принципов социальной справедливости, если эти специалисты являются сторонниками организации общества на основе так называемых «равных возможностей» или откровенных социал-дарвинистских постулатов? Другой пример. Вряд ли можно ожидать от приверженцев имперской идеологии хоть сколько-нибудь адекватных высказываний относительно концепции о праве наций на самоопределение. Хорошо известны яростные выпады, которыми обмениваются культурологи при обсуждении конкурирующих направлений в литературе или изобразительном искусстве. Эмоциональное восприятие здесь нередко перевешивает беспристрастный анализ. Многие даже полагают, что изучению духовной сферы противопоказана беспристрастность.

Означает ли констатация всех этих моментов, что объективный анализ сюжетов, касающихся различных аспектов духовной сферы, практически невозможен? Да, рассчитывать на высокую степень объективности при разработке вопросов, связанных с идеологической сферой, вряд ли приходится. Но это отнюдь не означает, что изучение подобной проблематики не имеет научной значимости. Наоборот, данное исследовательское поле занимает особое место в общем спектре исторического знания, ибо без идеологии человеческая цивилизация попросту немыслима. Без его анализа наши представления о сути процессов, разворачивающихся в недрах тех или иных обществ, будут неполными. Однако оценивая те или иные работы этого кластера, мы должны постоянно иметь в виду указанную особенность подобных исследований.

Безусловно, определенная ангажированность практически всех научных трудов по проблематике, затрагивающей те или иные аспекты идейной жизни мирового сообщества, предполагает, что по крайней мере фактическая сторона этих исследований должна быть максимально достоверной. Иными словами, ученый волен давать любую интерпретацию рассматриваемых явлений, но в описании их фактической стороны в силу элементарной профессиональной этики он обязан стремиться к предельной точности и репрезентативности.

Исходя из этой установки, мы хотели бы сформулировать свою позицию в отношении ряда вопросов, в анализе которых в годы «Великой войны» и под ее непосредственным воздействием произошли наиболее значимые изменения. Прежде всего, мы попытаемся понять, как трансформировались представления европейцев о характере взаимоотношений в триаде «индивид–общество–государство». Переход ведущих европейских стран в качественно новую фазу развития — индустриальное общество — уже до начала «Великой войны» породил в интеллектуальных элитах региона достаточно острые и эмоциональные дискуссии о необходимости внесения определенных корректив в традиционные представления о характере взаимодействия между составными элементами данной триады. Ряд социологов, юристов, историков склонялись к тому, что в силу очевидного усложнения социально-экономических отношений прежняя модель, определявшая общую динамику ее функционирования, уже не обеспечивает должной эффективности и стабильности. Они полагали, что в новых условиях объем задач, которые обязано решать государство, замет-

но возрастает, а время, когда оно играло роль своеобразного «ночного сторожа», наблюдавшего, но не вмешивавшегося в происходившие события, безвозвратно ушло. Однако сторонники традиционных подходов к роли государства в жизни общества явно не собирались сдавать позиции и вели активную контрпропагандистскую кампанию по защите прежних «жизненных устоев», стремясь доказать, что они ничуть не устарели.

Мы попытались показать, как повлияла война на ход и характер споров по этой проблеме, какие факторы стимулировали или, наоборот, тормозили процесс укрепления позиций сторонников этатистской идеологии. Наиболее дискуссионными здесь остаются вопросы, связанные с оценкой степени обратимости тех сдвигов во взглядах на роль государства в регулировании социально-экономических отношений, которые произошли в годы войны. В зависимости от своих взглядов и убеждений ученые, занимавшиеся изучением этих сюжетов, высказывали подчас диаметрально противоположные суждения, либо пытаясь доказать чисто конъюнктурный характер тех перемен в сфере идеологии, которые обуславливались исключительно военной необходимостью и были отвергнуты обществом сразу же после окончания войны, либо утверждая необратимость изменений во взглядах на функции государства в социально-экономической жизни и подчеркивая, что именно внутренняя логика эволюции «индустриального общества» делала эти перемены неизбежными и по сути закрывала дорогу для полноценного возвращения «назад к нормальным временам».

Думается, что, как и все крайности, две приведенные выше полярные оценки сущности изменений на идеологическом поле страдают известной однобокостью и прямолинейностью, что ведет к формированию упрощенной картины той ожесточенной полемики, которая шла в годы войны вокруг данных вопросов. Наша исходная посылка состоит в том, что в идейной жизни ведущих европейских стран в те времена теснейшим образом переплетались обе эти тенденции, что было обусловлено реальным состоянием идеологической сферы в этом ключевом сегменте мирового сообщества. Мощные напластования прошлой эпохи не могли в одночасье уступить дорогу новым веяниям, которым еще только предстояло доказать свою эффективность и пригодность для управления государственными делами. Война действительно убедительно показала, что добиться победы в ней без форсирования мер по государственному регулированию социально-экономических отношений невозможно, но ведь это были экстраординарные условия, и это все хорошо понимали. А вот ответ на вопрос о пригодности подобных мер в мирное время в глазах многих современников выглядел далеко неоднозначным, что обусловило всплеск острейшей полемики о пригодности этатистской идеологии для дальнейшего развития европейской цивилизации.

Дискуссия о роли и месте этатистских постулатов в жизни европейской цивилизации теснейшим образом переплеталась со спорами о том, какой идейной парадигмой должно руководствоваться в своей деятельности государство: стремлением к утверждению социальной справедливости или же защитой

«естественных прав» граждан. Впечатляющему появлению первой тенденции способствовала интенсивная пропагандистская кампания, развернутая идеологами левых политических партий, видевших смысл деятельности государства в гуманизации общественных отношений, постепенном искоренении всех форм и проявлений социальной несправедливости. Ради этого государство должно брать на себя все необходимые функции по регулированию социальных отношений, включая и регулирование отношений собственности. Естественно, для сторонников традиционных взглядов на задачи государства подобные предложения выглядели опасной крамолой, ибо здесь явно возникала угроза неприкосновенности главному, с их точки зрения, «естественному праву» — праву свободно владеть и распоряжаться частной собственностью.

Острота этих споров многократно возросла после того, как в России в 1917 г. к власти пришли представители крайне левого крыла социал-демократов, которые декларировали, что видят свою миссию в построении в России общества абсолютно нового типа, базирующегося на идее полного воплощения на практике принципов социальной справедливости. Важно подчеркнуть, что новые власти не только декларировали подобные цели, но и начали свехрешительно претворять их в жизнь. Хорошо известно, каким всплеском насилия сопровождалась эти шаги. Ясно, что противники самой идеи социальной справедливости умело использовали эксцессы, порожденные гражданской войной в России, для дискредитации всех предложений левых сил.

Однако те потрясения, которые охватили Европу в годы «Великой войны», заставляли рядовых жителей региона, прежде всего одетых в военную форму, усомниться в справедливости тех общественных устоев, на которых зиждилась европейская цивилизация. В обстановке жесточайшего шока, переживавшегося населением всех стран, участвовавших в войне, призывы к утверждению социальной справедливости отнюдь не выглядели ни утопией, ни химерой, ни крамолой. Наоборот, у многих они вызывали позитивный отклик. Конечно, сегодня эксцессы гражданской войны в России воспринимаются иначе, но тогда тезис о том, что за движение к «светлому будущему» необходимо платить, многим казался вполне оправданным — ведь на войне ее участники платят гораздо большую цену, причем далеко не ясно, ради чего.

Сложности оппонентов тезиса о необходимости утверждения в обществе идеалов социальной справедливости возрастали в силу того, что, кроме призывов возвратиться к «нормальным временам», к проверенным временем принципам управления государством они тогда не могли предложить согражданам какой-то конструктивной альтернативы. Такая альтернатива идеям большевиков была разработана позднее и, за исключением США, не столько либералами, сколько социал-демократами. Это обстоятельство вновь и вновь заставляет историков, социологов, философов обращаться к анализу тех идеологических баталий, которые не меньше, чем артиллерийские канонады, потрясли европейское сообщество. Естественно, мы не могли и не хотели оставаться в стороне от этих споров и попытались сформулировать свою позицию по данному комплексу вопросов.

Весьма важными для будущего духовной сферы европейского сообщества были дискуссии, охватившие прежде всего интеллектуальную элиту Старого Света, о той системе ценностных ориентиров, которой должны руководствоваться интеллектуалы в своей творческой деятельности. Строго говоря, эти споры зародились еще на рубеже веков, что было связано не столько с неуклонным ростом международной напряженности, сколько со стремительным разрушением привычной повседневной действительности, под напором мощных сил, вызванных к жизни вступлением Европы в стадию индустриального общества. Бурный научно-технический прогресс имел далеко неоднозначные последствия для жителей этого региона: с одной стороны, он, безусловно, способствовал тому, что повседневная жизнь людей становилась более комфортной, открывались новые возможности для развития, росла продолжительность жизни. Но, с другой стороны, ломка привычного уклада и ритма жизни порождала у людей массу стрессовых ситуаций, неизбежно деформировала устоявшуюся систему ценностей, во весь рост ставила перед ними проблему адаптации к новым условиям.

Всего этого не могли не ощущать представители интеллектуальных кругов. Сама жизнь ставила перед ними сложные и болезненные вопросы. Как, например, относиться к тому, что безудержный культ наживы подминает под себя все остальные проявления человеческих чувств, что вместо поощрения усилий по совершенствованию индивидуальных качеств личности последняя растворяется в стандартизированных стереотипах, жестко регламентировавших поведение человека, превращая его в маленький винтик в огромной, бездушной государственной машине?

У всех думающих людей не могли не возникнуть вопросы: куда же движется человечество? Той ли дорогой оно идет? Что ожидает его впереди? Этот последний вопрос приобретал все большую актуальность по мере того, как внутренняя логика развития индустриального общества вела к росту напряженности на международной арене. Хотя тогда подобного термина еще не было (как правило, использовалось понятие «империализм»), говорить о связи роста международной напряженности с вступлением ведущих мировых держав в качественно новую стадию развития, на наш взгляд, вполне правомерно. В пользу данного предположения можно привести ряд аргументов.

Во-первых, по сути никто не возражает, что становление индустриального общества в различных странах происходило далеко не одинаковыми темпами. Характерной чертой эволюции мирового сообщества стало заметное усиление неравномерности развития его главных акторов, что неизбежно деформировало устоявшийся баланс сил на международной арене, увеличивало общую нестабильность системы международных отношений.

Во-вторых, именно в этот период возникает такое опасное дестабилизирующее явление, как стадийный разрыв, когда отдельные сегменты единой, глобальной по своей сути системы международных отношений (чего не было на более ранних этапах развития человечества) оказываются на разных фазах исторического развития (ведущие мировые державы уже вступили в стадию

индустриального общества, а огромные пространства, занимаемые азиатскими и латиноамериканскими странами, еще не были даже на подходе к этой фазе). Такой разрыв в уровнях развития не мог не влиять на общий расклад сил на международной арене, не породить желание более продвинутых держав расширить свои сферы влияния за счет более слабых государств, что неизбежно увеличивало число болевых точек в мировой политике.

В-третьих, вхождение ведущих держав в эпоху индустриального общества во многом совпадало с завершением важного этапа в эволюции системы международных отношений, в ходе которого великие державы поделили между собой все «свободные земли», приобщив их к своим колониальным империям. В политической философии той эпохи своего рода аксиомой стал постулат о том, что наличие обширной колониальной империи является неотъемлемым атрибутом великодержавного статуса и важнейшим компонентом успешного развития страны. Следовательно, борьба за расширение колониальных владений превращалась в первостепенную задачу любого государства, претендующего на звание великой державы. Однако в конкретных условиях конца XIX — начала XX в. выполнение этой задачи предполагало перераспределение собственности, что являлось важнейшей предпосылкой роста конфликтности в межгосударственных отношениях.

Важно подчеркнуть, что все эти крупные сдвиги происходили практически на одном историческом отрезке. Такой масштабный каскад перемен неизбежно стимулировал рост общей нестабильности, это в свою очередь увеличивало вероятность слияния многочисленных локальных конфликтов в единый глобальный конфликт и, главное, создавало предпосылки для его перерастания в открытое военное столкновение.

Эти факты были очевидны многим современникам, и неудивительно, что множилось число прогнозов, предрекавших неизбежность крупномасштабного военного противостояния, в которое могут быть вовлечены все ведущие европейские государства. Утверждение о том, что оно может стать прологом будущего «Заката Европы», правда, еще не прозвучало, но ощущение грядущих потрясений все чаще пронизывало творческие искания европейских интеллектуалов. Их мучил вопрос: в чем причина всех этих тревожных симптомов? То ли их корни следует искать в субъективных факторах (своекорыстие или заблуждения политиков, несовершенство политических институтов и т.д.), или же дело в принципиальной неадекватности той системы ценностей, которая доминировала в Европе, новым потребностям общественного развития?

Война со всеми ее ужасами и страданиями лишь еще больше усугубила ощущение несоответствия прежних ценностей тем новым реалиям, которые она обнажила. Отсюда отчаянные попытки деятелей культуры сформировать новую систему ценностных координат, в которых могла бы развиваться европейская цивилизация. Их оппоненты возражали, что проблема, с которой столкнулась европейская культура, заключается не в изобретении каких-то диких методов отражения окружающей действительности, а в поиске способов очищения разумных в принципе представлений о тех идеалах, к

утверждению которых и должны стремиться представители творческой интеллигенции. Вопрос, однако, заключался в определении того, каких именно ориентиров должны придерживаться деятели культуры, к воплощению какой правды они должны стремиться.

Эти споры, которым война придала дополнительную остроту, не прекращаются и сегодня. Интеллектуальные элиты никак не могут решить, в какой системе ценностных координат отображать окружающий мир, на что делать акцент. Мы постараемся показать истоки этого раскола в интеллектуальной элите Европы, дальнейшую динамику данного процесса, его влияние на социокультурную сферу европейской цивилизации. Нам хотелось показать, как в ней причудливо переплетались ростки нового видения задач, стоявших перед культурой, с традиционными представлениями о том, на какие проблемы она должна ориентироваться сама и ориентировать общество в целом. Наконец, нам хотелось бы показать зарождение ростков контркультуры и влияние этого процесса на изменения в духовной жизни Европы.

Ясно, что столь масштабное военное столкновение, как Первая мировая война, не могло не заставить задуматься и политиков, и общественных деятелей, и ученых о роли и месте такого явления, как война, в развитии европейской цивилизации, о соотношении войны и мира в ходе эволюции общества, о механизмах, способных регулировать межгосударственные отношения, особенно уровень конфликтности. Даже беглое знакомство со спектром мнений по этим вопросам позволяет констатировать наличие их чрезвычайно широкого разнообразия. Наш авторский коллектив также попытался определить к ним свое отношение. Прежде всего, нас интересовало, как под влиянием реальной войны трансформировались представления об этом явлении, насколько серьезно она заставила политические и интеллектуальные элиты европейских стран задуматься над поисками эффективных рецептов упорядочения, а в идеале — устойчивого регулирования международных конфликтов.

Значительный интерес представляет и вопрос о том, как «Великая война» повлияла на перспективы антивоенного движения, на его взаимодействие с другими общественно-политическими силами. Наибольшие дискуссии здесь вызывает вопрос о степени проникновения постулатов либеральной и социалистической идеологии в идейную платформу антивоенных организаций. Безусловно, многие представления левых были инкорпорированы в идейный арсенал антивоенного движения. Но как подобный симбиоз традиционных пацифистских ценностей с идеалами сил новой политики воздействовал на общие позиции этого сегмента идейно-политической жизни Европы? Нам хотелось бы понять, каким образом события 1914–1918 гг. сказались на представлениях идеологов тогдашнего антивоенного движения о причинах возникновения войн, их роли в эволюции человеческой цивилизации и международных отношений.

Война в значительной мере расколола европейское антивоенное движение, которое вместо осуждения войны как таковой во многом перешло на выяснение того, кто виновен в ее развязывании. Еще более очевидными, как

нам представляется, стали расхождения в векторах развития антивоенного движения после окончания «Великой войны», когда побежденные и победители сконцентрировали свое внимание на плохо совместимых сюжетах. Если в странах Антанты участники антивоенного движения, пережив шок войны, с еще большим рвением принялись критиковать все проявления милитаризма и строить разнообразные планы предотвращения новой войны, то в странах, проигравших войну, прежде всего в Германии, акцент был перенесен на попытки доказать неправомерность ее обвинений в развязывании Первой мировой войны. Подобная линия поведения, несомненно, вносила серьезную путаницу в традиционные взгляды и представления участников немецкого антивоенного движения, деформировала позицию его идеологов. Мы попытаемся высказать свои соображения относительно того, как все эти явления повлияли на судьбы послевоенной Европы.

Итак, суммируя те исходные соображения, которые определяли наш замысел, мы формулируем и принципиальные задачи данного исследования. Мы хотели бы дать с позиций сегодняшнего дня ответ на ряд фундаментальных вопросов. Во-первых, постараемся понять, почему, несмотря на ожидания возможного конфликта, его масштабы и интенсивность достигли таких размеров и привели к таким последствиям, которых никто не предполагал и не желал. Во-вторых, мы хотели бы определить уровень и соотношение преемственности и изменчивости в ключевых областях жизнедеятельности европейского сообщества на данном историческом отрезке. В широком смысле это позволит понять, в какой мере война означала разрыв в плавном эволюционном развитии европейской цивилизации, создала определенный водораздел в ее истории и как все это сказалось на формировании контуров нового мира. В-третьих, мы хотели бы показать, почему произошел столь радикальный разрыв между ожиданиями, господствовавшими и в обществе, и в политических элитах накануне и на самой ранней стадии войны, и реальными результатами этого конфликта. Наконец, мы попытаемся наполнить конкретным содержанием наш базовый тезис о том, что война стала водоразделом между двумя историческими эпохами, иными словами, показать, чем мир 1914 года отличался от своего послевоенного аналога. В какой мере нам удалось решить эти весьма непростые и неоднозначные вопросы, судить читателям данной работы.

1

часть

**У ИСТОКОВ
«ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»**

Глава 1

НА ПОРОГЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

§ 1. Изменения в расстановке сил на международной арене: эрозия «европейского равновесия»

Никогда не любил я так сильно наш Старый Свет, как в эти годы накануне Первой мировой войны, никогда так не надеялся на единство Европы, никогда не верил в ее будущее так, как в ту пору, когда нам мерещилась заря новой эры. А на самом деле это было зарево мирового пожара.

С. Цвейг. Вчерашний мир

Все силы государств, все их помыслы были отданы войне...

Г. Уэллс. Война в воздухе

Обращаясь к рассмотрению периода, предшествовавшего Первой мировой войне, как в свидетельствах современников, так и в работах историков, исследователь находит указания на крайне противоречивые мироощущения европейцев начала XX в. — сочетание оптимизма, надежд на прогресс и, говоря словами Г. Уэллса, «иллюзорной уверенности в незыблемости своего мира»¹ и пессимизма, предвидения разрушений и гигантских катаклизмов. В основе такого различия в оценках, по-видимому, лежит противоречивый характер той эпохи. В сфере международных отношений он выразился в беспрецедентном расширении области европейского влияния, казалось бы, свидетельствовавшем о превосходстве европейской цивилизации, бурном развитии экономических связей и взаимозависимости, с одной стороны, и нарастании противоречий и напряженности в отношениях между великими державами, вылившихся в конфликт, который некоторые западные исследователи называли «европейской гражданской войной», — с другой.

Сегодня, спустя 100 лет после начала «Великой войны», существует целая россыпь различных версий ответа на вопрос о ее происхождении. При этом для одних исследователей принципиальным является поиск фундаментальной причины войны, другие идут по пути многофакторного анализа, третьи концентрируются на решениях государственных деятелей, дипломатов, военных,

¹ Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. М., 1964. Т. 4. С. 259.

выявляя элемент субъективного и случайного в ходе событий, предшествовавших войне¹. В современных исторических работах все чаще звучит тезис о том, что глобальные катаклизмы, подобные революциям и мировым войнам, являются результатом такого множества причин и взаимосвязей разного уровня, которое не поддается оценке или учету². Действительно, ощущение детерминированности исторических процессов, порожденное ретроспективным взглядом исследователя на события, во многом обманчиво. Однако столь же обманчива и абсолютизация случайности.

«Великую войну» нередко уподобляют колоссальному взрыву — в дискуссиях о причинах ее возникновения широко используются метафоры «порохового погреба» и «запального шнура», который становился все короче по мере приближения к 1914 г., или «искры», непосредственно вызвавшей взрыв. Прибегнув к этим метафорам, отметим, что при рассмотрении проблемы происхождения Первой мировой войны равно значимы и объяснение того, как Европа в начале XX в. превратилась в опасный «пороховой погреб», и анализ возможностей для лидеров европейских стран не допустить попадания в него «искр» или потушить «запальный шнур». Признание справедливости положений о нелинейности процессов, которые протекали в международных отношениях в конце XIX — начале XX в., о важной роли субъективного начала, на наш взгляд, не снимает проблемы синтеза и выделения основных параметров кризиса международной системы. К таковым следует прежде всего отнести поляризацию в ней сил — раскол европейских держав на два блока (Тройственный союз и Антанта), эрозию пронизывающих систему идеологических принципов и, наконец, ограничение возможностей для «концертного» регулирования конфликтов. Отражая изменения во внешнеполитическом курсе великих держав, именно они подрывали установления Венской системы, которую многие авторитетные исследователи справедливо относят к числу наиболее стабильных в истории развития международных отношений.

Безусловно, не стоит преувеличивать степень европейского единства на протяжении столетия, предшествовавшего Первой мировой войне. XIX век не был свободен от военных конфликтов, к числу наиболее крупных из которых принадлежали Крымская, Австро-прусская и Франко-прусская войны. Вместе с тем серьезно изменив установления Венской системы, эти войны, как представляется, их не сломали. Изначально в основе Венской системы лежал

¹ Более подробно об истории и современном состоянии западных исследований см.: *Mombauer A. The Origins of the First World War: controversies and consensus. L., 2002; The Origins of World War I / ed. by R.F. Hamilton, H. Herwig. Cambridge, 2003; Романова Е.В. Дискуссия о проблеме происхождения Первой мировой войны в современной западной исторической науке и политологии // Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва. 8 декабря 2010 г. М., 2011. С. 180–192. Более подробно о развитии отечественных исследований Первой мировой войны см.: *Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.**

² См., напр., *Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 433; Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 13.*

баланс сил, предполагавший отсутствие доминировавшей державы в Европе, подкрепленный консервативной легитимистской идеологией и «концертным» механизмом решения международных проблем. Стабилизирующий потенциал установлений определялся их соответствием интересам великих держав. Сохранение системы не являлось тождественным статус-кво: на протяжении ее развития менялось соотношение сил между государствами, принцип легитимизма, изначально вторичный по отношению к поддержанию баланса сил, применялся избирательно и часто отступал при столкновении с национальной идеей или политикой экспансии, «концерт» не всегда оказывался эффективным, свидетельством чему становились военные столкновения. Однако запас прочности системы, определявшийся сохранением в ее рамках широких возможностей для реализации внешнеполитических интересов держав без подрыва европейского равновесия, был достаточно велик.

Устойчивости Венской системы способствовало как состояние экономики ведущих держав, так и наличие простора для расширения ее пространственных границ. Великобритания, раньше других вставшая на путь промышленного развития, которое толкало ее к колониальной экспансии, долго оставалась единственной державой с поистине мировыми интересами. Но и с наращиванием темпов промышленного переворота в других странах, создававшего одновременно и возможности для интенсивного внутреннего развития, и предпосылки для внешней экспансии, первоначально ограниченные Европой географические рамки установлений системы оставляли этим странам на протяжении ряда лет относительно свободное поле для активной политики за пределами Европейского континента.

Однако к рубежу веков возможности такого развития сузились, периферийные области были поделены на сферы влияния, на арену мировой политики выходили США и Япония, обострилось соперничество между европейскими державами, стремившимися расширить пределы своего рынка зачастую за счет конкурентов. К этому времени система торговых обменов и денежных потоков достигла поистине всемирных масштабов, что позволило ряду исследователей выдвинуть тезис о формировании глобальной экономики и характеризовать этот период как глобализацию¹.

Конечно, степень интеграции разных стран и территорий в эту систему не была одинаковой. Различным было и положение стран в ней. На рубеже веков ее ядром являлась Великобритания. Однако неравномерность развития государств приводила к относительной неустойчивости сложившейся иерархии. Стремительный промышленный рывок позже вставших на путь индустриализации держав подрывал преобладание лидера. В системе мирового хозяйства

¹ Findlay R., O'Rourke K. *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton (NJ), Woodstock (Oxfordshire), 2007; O'Rourke K., Williamson J. *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy*. Cambridge (MA); L., 1999; Daunton M. *Britain and Globalisation since 1850: I. Creating a Global Order, 1850–1914* // *Transactions of the Royal Historical Society*, 6th series, vol. XVI. Cambridge, 2006. P. 1–38; Ferguson N. *The Cash Nexus. Money and Power in the Modern World, 1700–2000*. N.Y., 2001.

разворачивалась жесткая борьба за доминирование. Эту сторону мировой политики в абстрактном и схематизированном виде отразили и сформулированная в годы Первой мировой войны ленинская теория империализма¹, и ряд современных западных концепций международных отношений, представляющих их историю как последовательную смену систем, основанных на гегемонии (или лидерстве) наиболее экономически развитого государства.

Сдвиги в системе глобальной экономики шли рука об руку с изменениями в политической конфигурации держав на международной арене — процессом формирования долгосрочных военно-политических союзов европейских государств. Обстоятельства создания Тройственного союза и Антанты, а также история международных отношений в предвоенные годы подробно рассмотрены в исследовательской литературе, что позволяет в рамках этого очерка остановиться лишь на ключевых аспектах процесса поляризации. Его предпосылки были заложены перекройкой политической карты Европы в результате войн конца 1850-х — начала 1870-х гг. за объединение Италии и Германии. Эти события означали не только изменение соотношения сил между державами и создание в центре Европы государства (объединенной Германии), способного в перспективе предъявить претензии на континентальное господство. Завершение австро-прусской борьбы за доминирование в Германии, как и окончание чуть раньше, с образованием Итальянского королевства, австро-французского соперничества за преобладание на территории Апеннинского полуострова привели к исчезновению существовавших на локальном уровне в Европе элементов сдержек и противовесов, служивших своего рода предохранительным клапаном для системы.

На первый план в европейских отношениях выходил франко-германский конфликт, разрешение которого, в отличие от франко-прусского, являлось вопросом не локального, а общеевропейского баланса, что показали уже события «военной тревоги» 1875 г., когда Великобритания и Россия объединились в противодействие возможной попытке Германии нанести новый удар по Франции. Антагонизм этих двух великих держав, грозивший вылиться в войну, явился важнейшим фактором, подтолкнувшим их к созданию постоянных военно-политических союзов. Берлин и Париж первоначально выступали в качестве полюсов, вокруг которых сформировались противостоявшие друг другу блоки.

Как внешнеполитические, так и внутривнутриполитические расчеты определили союзную связь Германии с Австрией. Крах австрийской политики в Италии и Германии подтолкнул империю Габсбургов не только к внутренним преобразованиям, результатом которых стало утверждение в ней системы дуализма

¹ См.: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. См. также: Гобсон Дж. Империализм. Л., 1927. Споры о термине «империализм», о новизне этого явления применительно к концу XIX в. см.: Gallagher J., Robinson R. The Imperialism of Free Trade // *Economic History Review*. August, 1953. P. 1–15; Platt D.C.M. The Imperialism of Free Trade: Some Reservations // *The Economic History Review*, New Series, August, 1968. P. 296–306; Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999.

Вены и Будапешта, но и к поиску союзника для подкрепления заметно ослабленных международных позиций. В условиях проигрыша на итальянском и германском направлениях приоритетом внешней политики Австро-Венгрии становилась экспансия на Балканы, поддерживавшаяся прежде всего венгерской частью монархии. Подобная политика вела к углублению конфликта с Россией, также рассматривавшей Балканы в качестве важной сферы своих интересов. Исчезновение с поражением Франции во Франко-прусской войне надежды на сотрудничество с Парижем с целью реванша в Германии закрепило балканскую ориентацию внешней политики Дунайской монархии и окончательно определило выбор Вены и Будапешта в пользу союза с Берлином¹.

Поддержка существенно ослабленной империи Габсбургов стала краеугольным камнем политики германских правящих кругов после объединения. Союз с Австро-Венгрией, созданный в 1879 г., рассматривался канцлером Германской империи О. фон Бисмарком как средство формирования выгодного Берлину баланса сил на континенте — Дунайская монархия расценивалась как необходимый элемент для предотвращения изоляции Берлина перед лицом возможного сотрудничества Парижа и Петербурга. В то же время, решая задачу обеспечения интересов Германии в Европе, альянс с Веней был призван подкрепить внутреннее устройство объединенной по малогерманскому пути империи Гогенцоллернов, поддержать доминирование в ней Пруссии.

Осознание связи внутренней стабильности с сохранением союза было характерно и для правящих кругов Австро-Венгрии. В условиях нарастания межэтнических противоречий в двуединой монархии союз с Германией рассматривался в Вене и Будапеште как важная опора системы дуализма. Переплетение внутри- и внешнеполитических мотивов, лежавших в основе австро-германского союза, цементировало его, превращая поддержание союза в жизненный интерес сформировавших его государств.

Гораздо менее прочной оказалась связь Италии с Германией и Австро-Венгрией. Обладавшая наименьшим потенциалом из ведущих европейских держав, Италия в 1882 г. для защиты своих интересов пошла на сотрудничество с наиболее сильным и успешным на тот момент европейским государством — Германией и ее союзником Австро-Венгрией. Но итало-австрийские противоречия на Балканах и итальянский ирредентизм изначально подтачивали этот альянс. Парадоксально, но будучи союзниками, Вена и Рим разрабатывали планы войны друг с другом. В основе присоединения Италии к коалиции Центральных держав находились колониальные противоречия с Францией в Северной Африке. Однако в отличие от вопроса европейского баланса сил они подлежали урегулированию на базе компенсаций. Об этом свидетельствовали франко-итальянские соглашения: 1896 г. — по Тунису и 1900 г. — о признании итальянских притязаний на Триполитанию и французских — на Марокко, по сути устранившие почву для участия Италии в конфликте против Франции.

¹ См. подробнее: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.

Формирование Антанты как следствие сближения Великобритании с Францией и Россией еще более снижало вероятность выступления Италии на стороне своих союзников. Столкновение с Лондоном хотя бы только в силу протяженной береговой линии Италии, делавшей ее крайне уязвимой для мощнейшего британского флота, являлось бы ничем не оправданным риском. Поэтому закономерно, что Италия, остававшаяся в составе Тройственного союза вплоть до Первой мировой войны, с ее началом не поддержала Германию и Австро-Венгрию. А в мае 1915 г. Рим, стремившийся извлечь из развернувшейся в Европе и в мире борьбы свою долю добычи, выступил на стороне Антанты против своих прежних союзников.

Создание противовеса Тройственному союзу заняло десятилетие. В 1891 г. Россия и Франция заключили политическое соглашение, а в 1892 г. они подписали проект военной конвенции. Формирование русско-французского союза часто рассматривается как неизбежность, обусловленная действием в международных системах механизма равновесия. Альянс Парижа и Петербурга уравновешивал растущую мощь Германии, объединенной к тому же с двумя другими великими державами континента. Действительно, в основе франко-русского союза лежала общность интересов двух стран в предотвращении германского доминирования на континенте. В этом отношении союз России с Францией являлся логичным продолжением русской политики в ходе «военной тревоги» 1875 г., а также ее отказа гарантировать свой нейтралитет в случае германской агрессии против Франции.

Вместе с тем временной интервал, отделявший подписание франко-русского соглашения и военной конвенции от объединения Германии в 1871 г. и заключения австро-германского союза в 1879 г., нуждается в объяснении. Его следует искать в особенностях политики великих держав и искусстве дипломатии государственных деятелей, а также в характере союзов в рассматриваемый период. Раскола Европы на два блока удавалось избегать во многом благодаря тому, что австро-германская комбинация не исключала возможностей сотрудничества ее участников с другими странами, прежде всего с Россией. Так, еще до оформления союза Берлина и Вены, в 1873 г. германский, российский и австрийский императоры подписали соглашение о консультациях в случае международных осложнений, а затем в 1881 г. заключили союз, содержавший взаимные гарантии нейтралитета в войне, за исключением случаев нападения на Францию или Австро-Венгрию. После разрыва русско-австрийского звена Союза трех императоров Бисмарк сохранял связь с Россией, заключив с ней в 1887 г. «договор перестраховки». И если в ряде случаев, как, например, на Берлинском конгрессе, значение союза «трех восточных дворов» с точки зрения интересов России было сомнительным, то в других — таких как противостояние с Англией в Центральной Азии — он, очевидно, укреплял политические позиции Петербурга.

Построению политических комбинаций за рамками австро-германского союза в период канцлерства Бисмарка способствовал тот факт, что Австро-Венгрия и Германия в качестве основных противников рассматривали разные

державы. Если для первой таковой являлась Россия, то для второй — Франция. Это важное несовпадение ограничивало взаимное сотрудничество Вены и Берлина вопросами, связанными с сохранением каждой из сторон великодержавного статуса.

Фактором, сдерживающим логику поляризации, являлся консерватизм монархий России, Австро-Венгрии и Германии. Хотя во второй половине XIX в. он все чаще отступал на второй план при выработке «трех восточными дворами» внешнеполитического курса, но все же полностью не исчезал из этого процесса. Так, будучи консерватором по своим политическим убеждениям, Бисмарк оказался готовым подчинить идеологию цели достижения лидерства Пруссии в Германии. Во имя решения задачи объединения Германии он пошел на союз с национал-либералами и войну против Габсбургской империи, являвшейся оплотом консервативного и легитимистского Венского порядка. Однако нанеся удар по Венским установлениям, «железный канцлер» сразу же попытался возродить консервативное единство держав. Оно рассматривалось и как одна из гарантий нового статус-кво, сохранение которого устраивало «сытую» Германию, и как дополнительное средство поддержания внутренней стабильности. Одной из целей, которую ставил Бисмарк перед Союзом трех императоров, было сплочение монархических правительств «во имя государственного и общественного порядка»¹.

Система союзов Бисмарка не пережила ухода в отставку своего творца. Его преемник на посту канцлера Л. фон Каприви в 1890 г. отказался от продления «договора перестраховки» с Россией, что дало импульс сближению Парижа и Петербурга. Вопрос о причинах размежевания России и Германии и о его соответствии интересам каждой из держав остается предметом дискуссий в историографии. Очевидно, что ответ на него не был однозначным для современников. Общеизвестно, что в обеих странах вплоть до войны сохранялись влиятельные группировки, ратовавшие за восстановление прежних связей. В начале XX в. наиболее заметными попытками в этом направлении являлись Бьоркский договор, а также Потсдамское свидание императоров Вильгельма II и Николая II.

Однако в эпоху «индустриального общества» монархическая идея оказалась недостаточно прочным основанием для солидарности двух держав на международной арене. Германская империя бурно развивалась, и ее руководство ставило перед страной новые внешнеполитические задачи. Если главной целью Бисмарка после объединения Германии была консолидация империи и предотвращение создания антигерманской коалиции, то его преемники претендовали на расширение сферы германского влияния и более значительную для Германии роль в мировой политике.

Определенное воздействие на корректировку внешнеполитического курса Германской империи оказала позиция военных кругов, исходивших из тезиса о неизбежности европейской войны и уверенных в том, что для Германии она

¹ О. фон Бисмарк. Мемуары Железного канцлера. М., 2003. С. 549.

будет идти на двух фронтах — против Франции и России. «Договор перестраховки», не гарантировавший Германию от войны с Россией, являлся, с их точки зрения, бессмысленным и даже вредным в силу его способности пошатнуть доверие к Германии единственного надежного союзника — Австро-Венгрии, которая в связи с появлением у Германии существенных интересов на территории Османской империи приобретала все большее значение как необходимое связующее звено между Европой и Ближним Востоком. В подобной ситуации приоритетом «нового курса» Каприви являлись укрепление Тройственного союза и его консолидация посредством сближения с Великобританией.

В условиях стремительного экономического развития и трансформации социальной структуры германского общества наметилась тенденция постепенного вытеснения идеала консервативного единства монархических государств идеями национализма и экспансии, взятыми на вооружение монархией и использовавшимися в качестве средств для формирования общественного консенсуса в целях поддержания стабильности политического строя Германской империи. Наиболее явное выражение эта тенденция получила на рубеже XIX–XX вв. в принятии обширных программ строительства военно-морского флота, призванных способствовать как реализации колониальных интересов Германской империи, так и сплочению общества вокруг фигуры монарха¹.

Некоторое, хотя, на наш взгляд, далеко не решающее влияние на размежевание Германии и России оказали экономические противоречия. Уже в период канцлерства Бисмарка запретительные меры против ввоза русского скота и повышение хлебных пошлин вызвали ухудшение атмосферы в отношениях двух стран. Ударом по экономическим интересам России, остро нуждавшейся в капиталах, стало фактическое закрытие для нее в 1887 г. германского финансового рынка. В 1893 г. началась таможенная война между двумя странами. Мероприятия обоих правительств в торгово-экономической сфере затрагивали интересы влиятельных промышленных, аграрных и финансовых кругов. Несмотря на то, что они не играли ключевой роли в определении характера отношений двух стран, их позиция не могла не учитываться при выработке внешнеполитического курса. Так, в основе франко-русского союза лежало не только стремление каждой из держав предотвратить собственную изоляцию перед лицом потенциально враждебных Великобритании — на попрание реализации имперских амбиций и Германии — на континенте, но и общие финансовые интересы. Россия нуждалась в займах, которые Франция с готовностью предоставляла.

Окончательное складывание системы союзов континентальных европейских держав не вылилось в немедленный рост напряженности на международной арене. Отношения между Тройственным и франко-русским союзами на рубеже веков не являлись конфронтационными. Примечательно, что заключая союз с Францией, в Петербурге вместе с тем стремились избежать военного столкновения с Германией. Показательна позиция тогдашнего министра иностранных дел Н.К. Гирса, который, желая обеспечить России свободу дей-

¹ См. подробнее: *Berghahn V. Der Tirpitz-Plan: Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf, 1971.*

ствий на международной арене, пытался максимально оттянуть подписание, а затем и ратификацию военной конвенции¹. Оборонительный характер обоих союзов (обязательства помощи давались лишь на случай нападения на одного из членов союза) свидетельствовал о принятии, пусть и вынужденном, великими державами статус-кво, сложившегося на Европейском континенте в начале 1870-х гг. Сформировавшиеся блоки служили инструментом взаимного сдерживания, препятствием для усиления одной великой державы за счет другой.

И все же представляется, что подобная система противостоявших союзов если и обладала определенным стабилизирующим потенциалом, то лишь в краткосрочной перспективе. Тот факт, что в основе размежевания держав находились противоречия, грозившие вылиться в общеевропейскую войну, являлся показателем нестабильности. Государства не отказывались от реализации экспансионистских внешнеполитических целей, что вело к расширению сферы конфликтов. Не случайно за заключением франко-русского союза последовала заметная активизация французской политики в Египте и русской — на Дальнем Востоке, а усилия преемников Бисмарка, направленные на консолидацию Тройственного союза, сочетались с курсом на более решительное проведение в жизнь колониальных амбиций Германии.

Вне сферы союзов на рубеже XIX–XX вв. оставалась Великобритания. На протяжении большей части XIX в. военно-политический баланс сил в Европе сочетался с доминированием Англии в системе мирохозяйственных связей, основанным на ее безусловном лидерстве в области промышленности и финансов, огромных ресурсах ее обширной империи, а также господстве британского флота на море. Если континентальный баланс сил подкреплялся консерватизмом «восточных дворов», то внешняя политика Великобритании являлась преимущественно либеральной; с середины XIX в. англичане исповедовали принцип свободной торговли, отдавали предпочтение непрямым формам господства на периферии (хотя и со значительными исключениями) и придерживались мнения о нецелесообразности больших расходов на оборону. Идеология либерализма как нельзя лучше отвечала интересам экспансии экономически наиболее мощного государства. Своеобразие положения Великобритании на мировой арене наиболее ярко проявилось в политике «блестящей изоляции» (1860-е — начало 1900-х гг.), само название которой указывало на исключительность и превосходство.

Однако уже к концу столетия новые тенденции в экономике и политике поставили под вопрос способность Лондона удержать прежние позиции. Данные об уровне развития промышленности и торговли свидетельствовали о том, что эпоха безраздельного английского лидерства начала клониться к закату. Чрезвычайно быстрое промышленное развитие США и Германии привело к утрате Англией статуса «мастерской мира». На колониальной периферии Великобритания сталкивалась с нарастающей конкуренцией со стороны других держав, вставших на путь активной экспансии. Свидетельством относи-

¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. М., 2003. С. 149–150.

тельного ослабления британских позиций стал тот факт, что на рубеже веков Лондон вынужден был пойти на некоторое ограничение своей вовлеченности в конфликты в Новом Свете и на Дальнем Востоке. Британское Адмиралтейство делало вывод о невозможности выдержать конкуренцию с США в области морского строительства в случае принятия заокеанской державой программ создания мощного флота.

В то же время во многих областях Лондон сохранял свое лидерство. Так, уступая другим державам по темпам развития промышленности, испытывая дефицит торгового баланса, Англия удерживала ведущие позиции в сфере банковских услуг, зарубежных инвестиций, морских перевозок, транзитной торговли, страхования. Отрицательное сальдо торгового баланса с лихвой покрывалось доходами от этих статей так называемого «невидимого» экспорта. Британский фунт стерлингов фактически выполнял функции резервной валюты. Он конвертировался в золото по фиксированному курсу, его востребованность определялась положением Великобритании в системе мировой торговли, надежность опиралась на британскую экономическую мощь, военно-морской флот, обеспечивавший свободное течение торговли, и относительную безопасность Великобритании в силу ее островного положения. Колоссальные доходы Великобритания извлекала из эксплуатации своей колониальной империи и прежде всего из торговли с Индией.

Развитие международной торговли приносило прибыли державе, находившейся в центре системы мировой экономики, во многом ее организующей и обслуживающей. Неудивительно, что несмотря на развернувшиеся в Англии в начале XX в. дискуссии о возможности введения системы протекционизма, Лондон остался привержен политике фритредерства, проявив тем самым готовность пожертвовать своей промышленностью во имя интересов торгового и финансового центра мира.

Именно отстаивание этих интересов в значительной степени определило отношение Великобритании к формирующимся в Европе военно-политическим союзам и специфику ее вовлечения в их систему. Казалось бы, размежевание континентальных держав на блоки должно было восприниматься в Великобритании как фактор поддержания европейского равновесия, позволявший Лондону сохранять роль арбитра. Однако последствия создания военно-политических союзов в Европе расценивались Уайтхоллом не столь однозначно.

Образование русско-французского альянса, объединившего традиционных противников Великобритании в Азии и Африке, вызывало тревогу Лондона за свои имперские позиции, господство на коммуникациях в Средиземноморье и за судьбу европейского равновесия. Поэтому до середины 1890-х гг. симпатии «владычицы морей» оставались на стороне Тройственного союза. Ситуация заметно изменилась на рубеже XIX–XX вв., когда переход Германии к «мировой политике» и ее вызов морскому могуществу Великобритании заставил британские правящие круги пересмотреть представления об источниках основной угрозы своей безопасности.

Военная и экономическая мощь Германии делала ее очевидным претендентом на европейское доминирование. Активизация экспансии Берлина в Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке демонстрировала, что амбиции империи Гогенцоллернов не ограничивались лишь пределами Европейского континента. Разработанная занявшим в 1897 г. пост морского министра адмиралом А. Тирпицем программа строительства мощного военно-морского флота, способного в перспективе оспорить британское лидерство на море, была призвана подкрепить заявку Германии на статус «мировой державы». В этих условиях англо-французские и англо-русские противоречия постепенно стали отходить на второй план, а на первый план в системе международных отношений выдвигался англо-германский антагонизм.

В ситуации увеличения количества соперников и расширения сферы конкуренции Лондон взял курс на урегулирование колониальных противоречий с Францией и Россией, выразившийся в соглашениях 1904 и 1907 гг., вошедших в историю под названием Антанта¹. Однако примечательно, что после заключения соглашений с Францией и Россией формально Великобритания продолжала оставаться в стороне от европейских союзов. Лондон не связывали обязательства поддержки Парижа или Петербурга в случае войны. Более того, в среде британской политической элиты отсутствовало согласие в оценке степени германской угрозы и средств противодействия ей. Перспектива перерастания Антанты в военно-политический союз казалась неприемлемой для многих членов либеральной партии и лейбористов.

Вопрос о том, являлись ли англо-германские противоречия антагонистическими по своему характеру, поднимали и современники, и историки². Непримиримыми их считали некоторые высокопоставленные чиновники внешнеполитического ведомства, высшее офицерство; тезис об их первостепенной роли в возникновении войны выдвигал В.И. Ленин; советские, ряд современных российских и зарубежных исследователей также видели в них основную причину мирового конфликта.

В то же время видные представители интеллектуальной элиты, придерживавшиеся преимущественно либеральных взглядов, в преддверии «Великой войны» не считали противоречия между Великобританией и Германией не подлежащими урегулированию, а войну — неизбежной. Исходя из постулата о благотворности международной торговли для всех вовлеченных в нее сторон и указывая на значение для Великобритании и Германии взаимных торговых связей, либералы делали акцент на необходимости их развития, а значит, и поддержания мира. Наиболее ярко эти взгляды были выражены британским либеральным публицистом Н. Энджеллом, выступившим с резкой критикой

¹ Различные трактовки этого соглашения см.: *Siegel J. Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. L.; N.Y., 2002*; *Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012*.

² Как антагонизм характеризует англо-германские отношения, например, крупнейший англо-американский историк П. Кеннеди: *Kennedy P. The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860–1914. N.Y., 1980*. Иная точка зрения представлена в работе Н. Фергюсона: *Ferguson N. The Pity of War. N.Y., 1999*.

тезиса о том, что война между Англией и Германией может принести благотворные плоды какому-либо из этих государств. Он назвал этот тезис «великим заблуждением», так и озаглавив свою вышедшую в свет в 1910 г. и приобретшую огромную популярность работу, в которой доказывал экономическую пагубность войны как для побежденного, так и для победителя.

Нельзя сказать, что деловые круги обеих стран были нацелены на военное разрешение англо-германских противоречий. Показательно, что в Сити, финансовом центре Лондона, в период июльского кризиса 1914 г. целесообразность решения о вступлении Великобритании в войну вызывала серьезные сомнения, а журнал «Экономист», последовательно выступавший с антивоенных позиций, подверг это решение критике.

Однако подобно тому, как консервативная идеология отходила на второй план в германской внешней политике, внешнеполитический курс Лондона уже в последние десятилетия XIX в. стал демонстрировать определенную эрозию либеральных принципов. Так, Великобритания отошла от политики поддержания на низком уровне расходов на вооружения, втянулась в «схватку за Африку» и раздел этого континента. Определенное несоответствие либеральных принципов реалиям политики начала XX в. проявилось в том, что даже такой наиболее последовательный британский либерал, как Н. Энджелл, выступая за мир, одновременно призывал «строить броненосцы», «продолжать готовиться к войне» и «не уменьшать военный бюджет»¹.

Стремительный рост промышленного потенциала конкурентов Великобритании вел к тому, что Лондон не мог рассчитывать на сохранение своих позиций в системе мирохозяйственных связей, опираясь лишь на собственную экономическую мощь и либеральную риторику. Одним из средств решения этой задачи стало заключение Антанты, а затем и участие в войне.

При сохранении разнонаправленных тенденций в политике великих держав в рамках европейских союзов доминирующей оказывалась логика поляризации. Примечательно, что в Германии сближение Великобритании с Францией, а затем и с Россией восприняли как курс, направленный на ее «окружение». Уже первый марокканский кризис 1905 г., начавшийся как франко-германский конфликт из-за Марокко, продемонстрировал расширение поля межблокового противостояния. Он также положил начало совместному военному планированию Англии и Франции, приобретшему новый импульс в результате второго марокканского кризиса 1911 г.

Вовлечение Англии в систему блоковой политики означало слияние в один комплекс конфликтов на континенте, колониальной периферии и более широко — в системе глобальной экономики. Масштабы противостояния великих держав расширялись до уровня борьбы за мировое лидерство². В то же время методы ведения этой борьбы не были заранее predeterminedены.

¹ Энджелль Н. Великое заблуждение: Этюд о взаимоотношениях военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу. М., 1912. С. 169–170.

² См. подробнее: Романова Е.В. Путь к войне: Развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008.

Нельзя отрицать, что в конце XIX — начале XX в. европейские державы целенаправленно готовились к войне, ее ожидание являлось важной составляющей политики и идейной атмосферы. В большинстве из них была принята прусская система организации вооруженных сил с всеобщей воинской повинностью и генеральными штабами, которые в мирное время занимались вопросами военного планирования, на политической арене все активнее действовали группы давления, ратовавшие за расширение сферы экспансии и рост вооружений. Вопрос о перспективах и характере будущей войны обсуждался в публицистике и специальной литературе.

Даже инициативы, направленные на поддержание мира, косвенно указывали на осознание военной опасности. В то же время они отражали поиск средств по предотвращению войны. Против милитаризма и войны вели агитацию партии левого политического спектра. В ходе международных конференций государственные деятели пытались найти механизмы, позволявшие снизить военную угрозу, а в случае начала войны ввести ее в контролируемые, регулируемые рамки. Великие державы достаточно часто прибегали к решению спорных вопросов посредством переговоров. Можно констатировать, что вплоть до начала войны в их руководстве оставались определенные сомнения в отношении выбора наилучших средств достижения внешнеполитических целей.

§ 2. Конфликт на Балканах и крах «европейского концерта»

Эпицентром соперничества великих держав в начале XX в. стали Балканы. Не затихавшие в этом регионе конфликты представляли гораздо большую угрозу системе, чем, например, марокканские кризисы, урегулированные в итоге сочетанием силового давления, переговоров и компенсаций за счет колониальных владений. Неслучайно, что именно на Балканах в июле 1914 г. началась австро-сербская война, столь стремительно переросшая в европейскую, а затем и в мировую. Здесь переплетались разные группы глубоких противоречий: национально-освободительное движение балканских народов противостояло полиэтничным Османской и Габсбургской империям, малые страны боролись за реализацию своих национальных проектов, великие державы соперничали за наиболее выгодное для себя решение Восточного вопроса¹. Постепенно регион включался в сферу противостояния между Тройственным союзом и Антантой, что многократно увеличивало риск попадания искр балканских конфликтов в «пороховой погреб», наполненный противоречиями европейских великих держав. В то же время обилие игроков и переплетение многообразных интересов определили сложность и наличие разных вариантов регулирования конфликтов в регионе².

¹ См. подробнее: *Агансон О.И.* Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений (1903–1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

² См. подробнее: *Романова Е.В.* Пролог // *Стратегия России.* 2012. № 2. С. 40–48.

Осознание взрывоопасности ситуации на Балканах лидерами и внешнеполитическими ведомствами великих держав в ряде случаев подталкивало их к поиску взаимных договоренностей. Примером «концертного» подхода, основанного на согласии великих держав, стала их политика в отношении разразившегося в европейских вилайетах Османской империи кризиса, кульминацией которого явилось Илинденско-Преображенское восстание в Македонии в 1903 г. Ответом на дестабилизацию ситуации на Балканах стала разработанная Россией и Австро-Венгрией программа реформ для Македонии. Вена и Петербург действовали совместно в рамках так называемой балканской Антанты, созданной в 1897 г. и нацеленной на сохранение статус-кво в данном регионе. Программа македонских реформ была в целом поддержана другими державами и фактически навязана султану.

Целью реформ являлось предотвращение неконтролируемого великими державами развития конфликта, грозившего серьезными потрясениями как для Балкан, так и для Османской империи, в ситуации, когда ни одна из них не была готова к борьбе за османское наследство. Безусловно, «концерт», понимаемый как согласованная политика держав, не означал отсутствия конкуренции между ними. Каждая из стран руководствовалась собственными мотивами и отстаивала собственные интересы. Как и в предшествовавшие периоды совместной деятельности России и Австро-Венгрии на Балканах, их видение конечной цели реформ было различным. Австро-Венгрия рассматривала их как средство сохранения существовавшей системы (в Габсбургской империи понимали, что крах влияния Османской империи на Балканах и укрепление национальных государств в перспективе грозит целостности собственной страны), Россия — как шаг на пути к освобождению славянских народов. В ситуации конца XIX — начала XX в. позиции двух держав сближало нежелание резкого слома статус-кво. Однако их сотрудничество носило тактический, а не стратегический характер.

Сохранение статус-кво отвечало интересам Франции как главного кредитора Османской империи, а также Германии, политика которой определялась неуклонным ростом ее влияния в Турции и хорошими перспективами для дальнейшего укрепления там своих позиций. Пожалуй, лишь в Лондоне ставили под сомнение соответствие британским интересам курса, направленного на поддержание целостности Османской империи, все больше вовлекавшейся в русло германской политики. Однако в отсутствие союзников на континенте у Англии не было необходимой базы для того, чтобы отойти от «концерта». «Концертная» политика имела лишь ограниченный успех. Она не предотвратила дезинтеграционных тенденций в Османской империи и не разрешила противоречий между Турцией и балканскими странами. В то же время она знаменовала готовность великих держав отказаться от того, чтобы в одностороннем порядке воспользоваться нестабильностью для изменения ситуации на Балканах в свою пользу, и, таким образом, обеспечила локализацию конфликта.

Далеко не все конфликты на Балканах подлежали «концертному» регулированию. «Поставить Балканы под стеклянный колпак» (как формулировал задачи

балканской политики возглавлявший внешнеполитическое ведомство России в 1895–1896 гг. А.Б. Лобанов-Ростовский¹ на длительное время было невозможно, поскольку это требовало бы подавления национально-освободительного движения славянских народов Османской империи, пресечения национальных устремлений балканских государств, а главное — ограничения великими державами собственных амбиций, т.е. всего того, что превращало Балканы в зону нестабильности.

Совершенно справедливо за Боснийским кризисом 1908–1909 гг. закрепились определение пролога Первой мировой войны. Он продемонстрировал глубину существовавших в системе международных отношений противоречий как на региональном, так и глобальном уровне. Его региональной доминантой явилась австро-сербская конфронтация, приближавшаяся к «игре с нулевой суммой», т.е., по терминологии политологов, к такому типу конфликта, в котором выигрыш одной стороны автоматически означает равный проигрыш другой.

Еще в начале XX в. произошел отход Сербии от проавстрийской ориентации, характеризовавшей ее политику в конце XIX в. В результате переворота 1903 г. в Белграде у власти оказались силы, не желавшие следовать в фарватере австрийского курса. Потенциальные претензии Сербии на создание югославянского государства под своей эгидой рассматривались в Вене как угрожавшие целостности Габсбургской империи, включавшей в свой состав земли, населенные южными славянами. Поэтому любые попытки Белграда сначала выйти из орбиты экономического и политического влияния Дунайской монархии, а затем укрепить свои позиции на Балканах, будь то посредством заключения таможенного союза с Болгарией или строительством железной дороги к Адриатике, вызывали противодействие Вены.

Оценивавшиеся Веной как неблагоприятное развитие ситуации на Балканах, а также нараставший внутренний кризис Дунайской монархии подтолкнули ее руководство к решению об аннексии Боснии и Герцеговины². Таким образом, Австро-Венгрия пыталась переломить ситуацию в регионе в свою пользу. Примечательно, что определенные круги в империи Габсбургов, в частности начальник Генерального штаба Конрад фон Гётцендорф, рассматривали аннексию как первый шаг на пути к войне против Сербии³. Неудивительно, что демарш Дунайской монархии был воспринят в Белграде как затрагивавший его жизненные интересы.

¹ Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России в конце XVIII — начале XX вв. М., 1978. С. 288.

² Формально входившие в состав Османской империи Босния и Герцеговина были в соответствии с решением Берлинского конгресса 1878 г. оккупированы Австро-Венгрией и по соглашению с Османской империей 1879 г. на их территории вводилось австро-венгерское управление. См. подробнее о Боснийском кризисе: *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. — пролог первой мировой войны. М., 1964. О мотивах политики Австро-Венгрии см.: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 19; В «пороховом погребе» Европы. 1878–1914 гг. М., 2003. С. 371–382.

³ *Hötendorf C. von F.* Aus meiner Dienstzeit. Bd. I. Vienna, 1921. S. 578–581.

Фактический отход Австро-Венгрии от политики сохранения статус-кво на Балканах означал крах балканской Антанты Петербурга и Вены. Межблоковый уровень противостояния проявился в поддержке Берлином курса своего союзника и в изменении позиции Лондона, заключавшемся в отходе от характерного для второй половины XIX в. сотрудничества с Австрией для противодействия России. Со времени заключения Антанты Англия во все большей степени стала рассматривать Россию и балканские государства в качестве барьера на пути продвижения Центральных держав на Восток. Ярким симптомом углублявшейся поляризации стала обострившаяся борьба за привлечение в орбиту своего влияния малых балканских государств. Тот факт, что Балканы рассматривались как область потенциального столкновения не только отдельных держав, но и блоков, затруднял локализацию будущих конфликтов в регионе. События 1908–1909 гг. также показали, что «концертное» регулирование кризисов исключалось в том случае, если ими были затронуты жизненные интересы одной из великих держав¹.

Однако сползание мира к глобальному военному конфликту носило отнюдь не прямолинейный характер. Так, например, Балканские войны, казалось бы, давали надежды на возрождение «концертной» дипломатии. Предотвращение эскалации локального конфликта рассматривалось как успех деятельности Лондонского совещания послов великих держав под председательством главы МИД Великобритании Э. Грея. Одним из факторов, обусловивших возможность работы «концерта» в этот момент, как и в случае с Македонскими реформами, являлось согласование политики великих держав, входивших в противостоявшие блоки. Если в 1903–1908 гг. оно обеспечивалось балканской Антантой Австро-Венгрии и России, то в период Балканских войн опиралось на англо-германскую «разрядку», характеризовавшуюся некоторым снижением напряженности в отношениях двух стран и урегулированием ряда колониальных противоречий. Эта «разрядка» стала показателем борьбы по вопросам внешнеполитической ориентации в Великобритании и Германии и одним из факторов, подпитывавших надежды Берлина на сохранение Лондоном нейтралитета в случае начала войны между великими державами Европейского континента.

Помимо потепления англо-германских отношений еще одним чрезвычайно важным обстоятельством, определившим сохранение пространства для сотрудничества держав в период Балканских войн, являлась возможность реализовать идею компенсаций прежде всего за счет Турции и балканских государств. Хотя поражение Турции в Первой балканской войне противоречило интересам Германии и Австро-Венгрии, готовность Антанты примириться с ограничением результатов победы балканских государств (не допустить Сербию к Адриатике, согласиться на создание независимой Албании) компенсировало недовольство стран Центрального блока. Сохранение неопределенности внешнеполитической ориентации некоторых балканских стран позволяло

¹ См. о функционировании «концерта»: *Rendall M. A Qualified Success for Collective Security: The Concert of Europe and Belgian Crisis, 1831 // Diplomacy and Statecraft. 2007. Vol. 18. N 2. P. 271–295.*

и Антанте, и Тройственному союзу надеяться на их вовлечение в орбиту своей внешней политики.

И все же возможности «концертного» регулирования быстро снижались. Наибольшим потенциалом для эскалации обладал австро-сербский конфликт. Еще в мае 1913 г. британский посол в Вене Ф. Картрайт спрогнозировал сценарий, близкий к тому, по которому впоследствии, в период июльского кризиса 1914 г., развивались события: готовность Австро-Венгрии к аннексии Сербии, поддержка Сербии Россией и общеевропейская война¹.

К 1914 г. лидеры каждой из великих держав хотя и в разной степени ощущали, с одной стороны, некоторую шаткость международных позиций собственного государства, а с другой — наличие достаточных сил для того, чтобы военными методами переломить ситуацию в свою пользу. Такая оценка относилась к расстановке сил и на Балканах, и в Европе в целом.

В Австро-Венгрии и в Германии результаты Балканских войн расценивались как неблагоприятные. Основания к этому давало ослабление Болгарии и Турции, т.е. потенциальных союзников Центральных держав, значительные территориальные приращения Сербии, дрейф Румынии к Антанте. Соотношение военных сил в регионе изменялось не в пользу Центрального блока². Германская пропаганда муссировала идею об усилении славянства, враждебного германизму³. Перспектива ослабления или даже распада Дунайской монархии ставила вопрос о позициях Германии в Европе и возможности достижения целей на Ближнем Востоке. Руководство немецкого Генерального штаба полагало, что перспективы выигрыша в случае оттягивания начала общеевропейской войны с каждым годом будут ухудшаться. Подобный вывод сыграл свою роль в дальнейшем, в период июльского кризиса. Лидеры двуединой монархии считали, что развитие событий на Балканах угрожает ее великодержавному статусу, что и обусловило в итоге готовность Вены принять курс, нацеленный на пересмотр регионального статус-кво в свою пользу военными методами. Таким образом, внутренний кризис Австро-Венгрии, обусловленный в значительной степени ее неспособностью решить национальную проблему, стал важной составляющей кризиса системы международных отношений, одной из традиционных опор которой являлась империя Габсбургов⁴.

Как это ни парадоксально, но в государствах Антанты также ощущалась уязвимость собственных позиций. Вторая Балканская война показала, что державам Тройственного согласия не удалось сохранить блок балканских государств. Фактор австро-сербского антагонизма определял непрочность сложившегося в

¹ *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson Bart. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. L., 1930. P. 390.

² *Herrmann D.G.* The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996. P. 173–198.

³ См., напр., депеши посла в Берлине С.Н. Свербеева, характеризовавшие оценки ситуации в Германии (Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия. 1913. Д. 40. Л. 66, Д. 37. Л. 3–8).

⁴ *Schroeder P.* World War I as Galloping Gertie // The Journal of Modern History. 1972. Vol. 44, N 3. P. 319–245.

регионе и в целом благоприятного для Антанты равновесия. Поражение Сербии в потенциальном военном конфликте с Габсбургской империей привело бы к преобладанию здесь австро-германского блока. Тот факт, что в условиях поляризации расстановка сил на Балканах рассматривалась как составляющая европейского баланса, а также то, что она являлась чрезвычайно значимой для реализации азиатских интересов держав, обуславливали крайне низкую вероятность локализации австро-сербского конфликта.

Опасения в странах Антанты, а в 1914 г. прежде всего в России, вызывало растущее германское влияние в Османской империи. Назначение в конце 1913 г. германского генерала Лимана фон Сандерса командующим турецким корпусом в Константинополе усилило настороженное восприятие в Петербурге действий Германии, которая стала рассматриваться как препятствие на пути достижения Россией традиционной цели своей внешней политики — обретение контроля над проливами. Позиции Англии и Франции, несколько дистанцировавшихся от вызванного миссией Лимана фон Сандерса русско-германского конфликта, лишь подкрепляли намерения царского правительства в случае нового обострения отношений с Центральными державами на Балканах действовать более решительно.

Союзник России — Франция в 1914 г. была склонна поддерживать и даже поощрять такую решимость. Французское руководство оценивало шансы на выигрыш в европейской войне в союзе с Россией (и Англией) как благоприятные. Исходя из этого Франция, опасавшаяся изоляции в конфликте с Германией и отчасти движимая реваншистскими настроениями, была готова к вступлению в войну, вспыхнувшую из-за обострения ситуации на Балканах.

Наименее определенной оставалась позиция Англии. Обладая в силу своего географического положения большей свободой маневра, чем державы континентальной Европы, Лондон вплоть до августа 1914 г. откладывал принятие решения по вопросу об участии в европейской войне. К 1914 г. в британском руководстве сложилось представление об относительном равенстве сил двух противостоявших коалиций — франко-русского и австро-германского союзов, любой из которых в случае английского невмешательства мог бы рассчитывать на победу. Такая ситуация, казалось бы, соответствовала традиционно отстаивавшемуся Великобританией принципу «баланса сил» и позволяла ей остаться в стороне в случае начала войны. Однако никто не знал, сколько времени продлится война и каков будет ее итог. Победа как Германии, так и русско-французского союза без британского участия грозила чрезмерным усилением победившей стороны, отстранением Великобритании от процесса мирного урегулирования и соответственно утратой ею своих позиций в системе международных отношений.

Таким образом, для всех европейских держав (за исключением Италии) решение о войне в июле — начале августа 1914 г. оказалось в конечном счете более предпочтительным, чем дипломатическое отступление, которое в большей или меньшей степени связывалось каждой из них с угрозой подрыва своих великодержавных позиций. Закономерно, что восприятие их шаткости основ-

ными столпами системы международных отношений выливалось в ее нестабильность, кризис и в итоге — крах.

Примечательно, что принимая решения о войне, руководители великих держав рассматривали их как вынужденные, оборонительные. Подобное восприятие этих решений распространилось и в общественном мнении, что стало одним из условий общественной поддержки внешнеполитического курса правительств. Таким образом, наступательный, экспансионистский курс великих держав причудливо сочетался с ощущением уязвимости собственных позиций. Расширение сферы их интересов влекло к расширению области столкновения. Разворачивавшийся процесс поляризации отражал стремление государств обеспечить свою безопасность посредством обретения союзников, но в то же время складывавшаяся таким образом довольно жесткая структура ограничивала возможности и поле для дипломатического маневра, достижения своих целей невоенным путем, вела к повышению вероятности перерастания локального конфликта с участием великой державы в глобальное столкновение.

Безусловно, ни одна из держав не хотела отказаться от своего влияния и статуса. Это в конечном счете и стало причиной выбора военного решения даже при неуверенности в масштабах и исходе войны, которая сквозила и в пронизанном «гнетущим унынием» докладе германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега на заседании бундесрата 1 августа 1914 г.¹, и в названных англо-американским исследователем Н. Фергюсоном «эпитафией ушедшему веку» словах Э. Грея, произнесенных в день британского вступления в войну: «Огни погасли над Европой. В своей жизни мы не увидим, как они зажгутся вновь»².

¹ Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 407.

² *Ferguson N. The Pity of War. P. 177.*

Глава 2

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ И РЕАЛЬНОСТИ ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА

Сербский террорист Г. Принцип 28 июня 1914 г. в Сараево, входившем тогда в состав Австро-Венгрии, убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Это трагическое событие стало исходным пунктом острейшего кризиса, завершившегося величайшей трагедией — мировой войной, ставшей водоразделом в развитии европейской цивилизации. Хотя события лета 1914 г. заставили большинство европейцев врасплох, высшее военное руководство великих держав загодя готовилось к возможному и вполне вероятному конфликту между собой. К этому их подталкивали и постоянные международные кризисы, буквально захлестнувшие мир в начале XX в., грозившие в любой

*Эрцгерцог Франц Фердинанд и герцогиня Гогенберг 28 июня 1914 г.,
за несколько часов до гибели*

момент выйти из-под контроля, и логика развития военной мысли в предшествовавшие десятилетия. Еще со времен Г. фон Мольтке-ст. в менталитете военных элит европейских держав достаточно прочно укоренилась мысль о необходимости тщательного планирования предстоящих военных кампаний.

Но здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, вся военная стратегия строилась исходя из опыта прошлых войн, которые носили локальный по масштабам военных действий и относительно краткосрочный по временной протяженности характер. Во-вторых, эта область человеческой деятельности являлась тогда исключительно прерогативой военного истеблишмента. Ни дипломаты, ни представители спецслужб, ни руководители экономики, ни даже гражданские члены правительства к разработке этой проблематики не допускались. В Германии, например, в начале XX в. с военными планами империи, помимо кайзера и высшего военного руководства, был знаком только глава правительства, а в Австро-Венгрии министр иностранных дел даже в конце июля 1914 г. (т.е. накануне вступления

Гаврило Принцип

страны в войну) пребывал в неведении относительно планов военных. Хотя это и увеличивало степень защищенности стратегических наработок от нежелательных утечек, в то же время подобный метод решения важнейших для судеб отдельных стран и Европы в целом проблем, несомненно, сказывался на качестве военного планирования, существенно обеднял этот процесс.

Так или иначе, но все ведущие европейские державы активно готовились к грядущему конфликту, понимая, что он может вспыхнуть в любой момент. К концу первого десятилетия XX в. завершился процесс политического размежевания Европы на два жестко противостоящих друг другу военно-политических блока, причем оба в большей или меньшей мере были нацелены на изменение сложившегося на международной арене статус-кво. Ясно, что подобное развитие событий только повышало вероятность возникновения теперь уже не двустороннего, а общеевропейского конфликта, и неудивительно, что начиная с 1910 г. участники противостоявших друг другу коалиций вступили в стадию непосредственной подготовки к войне. В 1910–1912 гг. везде был отмечен рост ассигнований на военные цели, приняты новые законы о воинской обязанности, позволявшие основным действующим лицам европейской политики резко увеличить численность кадровых частей. Именно в эти годы ми-

литература жизни европейского сообщества сделала заметный шаг вперед, стала затрагивать повседневную жизнь и интересы большинства жителей этого континента¹.

§ 1. Особенности военных планов великих держав

Наиболее интенсивно и целенаправленно работа по подготовке к грядущему военному столкновению шла в Германии. С этим согласно подавляющее большинство историков. И дело здесь не в каком-то особом воинственном духе немцев. На это имелось несколько причин. Прежде всего, именно Германская империя в наибольшей мере испытывала очевидное неудовлетворение существовавшим на международной арене статус-кво. Кайзер и его министры неоднократно публично выражали уверенность в том, что Германия должна играть гораздо большую роль в мировой политике. Помочь ей выполнить эту миссию надлежало вооруженным силам империи. Неудивительно, что военные с энтузиазмом воспринимали такую установку верховной власти. В недрах немецкого Генерального штаба — главного мозгового центра военной машины Германии — уже в 90-е гг. XIX в. началась активная проработка различных вариантов будущего столкновения, которые в итоге воплотились в «плане Шлиффена»².

В 1891 г. А. фон Шлиффен возглавил Генеральный штаб, который под его руководством стал изыскивать способы достижения быстрой победы в войне, которая рано или поздно, но неизбежно должна была вспыхнуть в Европе. Как и многие его современники, он тяготел к модным тогда социал-дарвинистским взглядам, полагая, что сила является главным мерилем успеха и что достижения государством своих целей посредством войны вполне разумно и оправданно. В то время подобные идеи разделяли многие представители высшего света, и в этом отношении Шлиффен, безусловно, не был одиночкой. В принципе, и до Шлиффена немецкая военная мысль была нацелена на подготовку страны к войне. Правда, его предшественники, Мольтке и Вальдерзее, исходили из двух основополагающих посылок: главный враг их страны — Франция, Германия должна всячески избегать войны на два фронта. Это была разумная и реалистичная позиция. Однако уже в 90-е гг. XIX в. в высших эшелонах власти империи она была поставлена под сомнение.

В научной литературе до сих пор не прекращается дискуссия о том, почему были пересмотрены базовые императивы военной стратегии Германии и как это сказалось на динамике развития общеевропейского конфликта. Прежде чем давать свою версию ответа на эти вопросы, необходимо разобраться в тех новациях, которые внесли Шлиффен и его команда в стратегическое планирование Германии. В отличие от своих предшественников на посту руководителей Генштаба, которые стремились максимально тесно увязывать военные планы с внешнеполитической стратегией Бисмарка, Шлиффен не особенно

¹ Подробнее об этих процессах см.: *Albertini L. The Origins of the War of 1914. L., 1952–1957.*

² Пожалуй, наиболее детальный анализ этого документа и всех перипетий, связанных с его подготовкой, содержится в работе Д. Риттера (*Ritter Y. The Schlieffen Plan. N.Y., 1959.*)

интересовался внешнеполитическими планами руководства страны, хотя, очевидно, что вооруженные силы призваны обслуживать внешнеполитические интересы государства, а не наоборот. Опасность такого одностороннего подхода к проблемам военно-стратегического планирования становилась все более очевидной в силу того, что на рубеже веков на международной арене происходили крупные изменения, связанные с началом борьбы за передел мира и расколом Европы на два противоборствовавших блока. Вот эти качественные перемены и оставались вне поля зрения Шлиффена. Уже в 1894 г. он пришел к твердому убеждению, что необходимо разгромить противников поодиночке, путем нанесения последовательных мощных ударов, позволявших в кратчайший срок добиться победы — Шлиффен был убежденным сторонником концепции скоротечной войны. «Стратегия измора, — писал он, — немыслима, когда содержание миллионов вооруженных людей требует миллиардных расходов»¹.

К 1905 г. он завершил детальную проработку плана военной операции против Франции, которая, по его мнению, представляла наибольшую опасность для Германии, ибо и политическая элита, и французское общество в целом в качестве важнейшей стратегической задачи видели восстановление пограничного национального достоинства страны. Достижение реванша за унижительное поражение в 1870 г. являлось приоритетной задачей для любого французского правительства той эпохи.

В этом плане Шлиффен верно расставил акценты в своей концепции будущей войны. Понимая трудности ведения войны на два фронта — против Франции и ее союзника России — Шлиффен так формулировал первоочередную задачу немецкой армии: немецкой армии надлежало развернуться вдоль западных границ империи, причем основные силы — 70 дивизий — сосредоточивались на правом фланге, на границе с Люксембургом и Бельгией, а не собственно с Францией. Это был хорошо просчитанный шаг — франко-германская граница за годы, прошедшие после войны 1870 г., постоянно укреплялась, и прорыв системы французских укрепрайонов, расположенных по линии Верден — Туль-Бельфор, мог привести к большим потерям и обескровить немецкую армию уже на первой стадии войны.

Именно поэтому Шлиффен предлагал нанести главный удар по Франции через территорию нейтральной Бельгии. Такой «пустяк» его ничуть не смущал. «Нейтралитет Люксембурга и Бельгии не может стать препятствием для немецкого наступления», — утверждал главный военный теоретик Германской империи². На сороковой день после начала боевых действий немецкая армия должна была полностью сокрушить войска противника на Западном фронте, после чего основные силы немецкой военной машины предполагалось повернуть на Восток, против России, которая, по мнению немецких генштабистов, к этому времени еще только завершала бы мобилизацию своих вооруженных сил. До начала решающих боев на Востоке предполагалось, что противника

¹ Цит. по: Киган Дж. Первая мировая война. М., 2004. С. 46.

² Там же. С. 43.

будет сдерживать австро-венгерская армия при минимальной поддержке немецких частей.

Исход войны, по твердому убеждению Шлиффена, должен был решиться на Западном фронте. После разгрома наиболее воинственного оппонента Германии последняя без особых проблем сумеет добиться победы над ослабленной внутренними потрясениями и поражением в войне с Японией Российской империей, а Англия в такой ситуации не решится вступить в конфликт, разгоревшийся на континенте. Таким образом, на бумаге все получилось очень гладко — кадровая немецкая армия в короткий срок решала исход всей кампании в свою пользу, и Германия становилась абсолютным гегемоном на континенте.

Но жизнь не стояла на месте. В политике, экономике, науке и технике, в самом военном деле происходили серьезные перемены. Разработка плана Шлиффена, как уже отмечалось, была завершена к 1905 г., но в тот конкретно-исторический момент политическое руководство Германии не решалось дать «добро» военным на претворение в жизнь их планов.

По всей видимости, кайзер, увлекшись колониальными авантюрами, не только упустил благоприятный момент для достижения гегемонии Германии на континенте, но и подтолкнул Британию к укреплению контактов с основными противниками Берлина — Францией и Россией, что в перспективе серьезно меняло расклад сил в мировой политике. Именно этого и не учитывали творцы плана Шлиффена. К тому же надо добавить, что после унижительного поражения в Русско-японской войне даже косное царское окружение осознало необходимость принятия мер по укреплению вооруженных сил России, придания им большей мобильности. И хотя в этом плане было сделано далеко не все, бесспорно, русская армия нарастила свою мощь, что также не было учтено

Г. фон Мольтке

немецкими генштабистами. Правда, преемник Шлиффена, граф Мольтке-мл., несколько модифицировал первоначальный стратегический замысел фон Шлиффена. Его, в частности, весьма заботило мнимое и действительное наращивание боеспособности русской армии, укрепление экономического потенциала России. Так, Мольтке был крайне озабочен интенсивным расширением сети железных дорог в западных губерниях Российской империи, в этом он видел исключительно военные мотивы, прямую угрозу безопасности Германии. Дело даже доходило до предложений о превентивной войне против восточного соседа. В неприятии России Мольтке был не одинок. Он мог рассчитывать на поддержку кайзера, который был убежден, что «Россия ведет систе-

матическую подготовку к войне против нас»¹. Так или иначе, но планы немецких генштабистов в определенной мере вступали в противоречие с реальным положением дел в стане потенциальных противников Германии.

Возникает вопрос: почему же военная элита Германии, в которую входили весьма квалифицированные в своем деле люди, не учла эти принципиальные изменения? Ответ, на наш взгляд, можно свести к трем моментам. Во-первых, многие детали военно-дипломатического развития Антанты тогда были засекречены или являлись явно недостоверной информацией. Во-вторых, военная теория всегда и везде отталкивалась преимущественно от опыта прошлых войн, а не от гипотетических конфликтов будущего. Если исходить из этой посылки, то план Шлиффена выглядел вполне адекватным, соответствующим всем урокам войн конца XIX — самого начала XX в. Проблема состояла в том, что в это время военное дело, испытывая серьезное воздействие бурного прогресса науки, развивалось семимильными шагами, и теория явно отставала от практики. И, наконец, в-третьих, необходимо учитывать общую атмосферу, господствовавшую тогда в Германии. Речь идет о получившей широкое хождение идее о превосходстве немецкой расы. Она еще не достигла своих крайних форм, но уже оказывала глубокое воздействие на менталитет как рядовых немцев, так и элиты общества, в том числе и военных. И это, безусловно, не способствовало критическому анализу собственных позиций и планов.

Готовился к военному противостоянию с Германией и ее основной противник — Франция. К разработке плана-реванша она приступила практически сразу же после «катастрофы 1870 г.» Несмотря на политическую нестабильность и острейшую межпартийную борьбу, в ходе которой определялся характер нового политического устройства Франции, в кабинетах французского Генерального штаба начали формироваться контуры ее будущей военной стратегии². В последующем она неоднократно дорабатывалась и в итоге к 1914 г. воплотилась в «план XVII». Хотя в силу целого ряда причин Франции было сложно соревноваться с Германией по темпам роста вооруженных сил, ее правительство и руководство армией в основу своих военных планов закладывало наступательную линию поведения.

Справедливости ради отметим, что в высших эшелонах власти Франции понимали сложности реализации этих планов по причине демографической ситуации и состояния подготовки резервистов. В связи с этим в 1905 г. был одобрен закон об обязательной двухгодичной военной службе для всех мужчин призывного возраста, а в 1913 г. срок службы был продлен до трех лет. Кроме того, в 1911 г. глава французского Генерального штаба приступил к модернизации системы подготовки резерва. Правда, из-за политических интриг, столь характерных для Третьей республики, он был вскоре снят со своего поста, а его преемник Жоффри, человек с весьма непростым характером, не считал нужным принять во внимание наработки своего предшественника. Подчеркнем, од-

¹ Цит. по: Макдона Д. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. М., 2004. С. 542.

² Подробнее о подготовке Франции к войне см.: Keiger J. France and the Origins of the First World War. N.Y., 1983.

нако, что французские военные планы изначально содержали определенные ошибочные положения. Некоторые авторитетные исследователи оценивают их более жестко. Так, Г. Лиддел Гарт безапелляционно утверждал: «План этот был основан на отрицании исторического опыта и здравого смысла»¹.

Прежде всего, французские военные теоретики полагали, что немецкие войска будут равномерно рассредоточены вдоль всей франко-германской границы, а разведслужбы французской армии не сумели вовремя обнаружить ошибочность этих расчетов. Далее, руководство французскими вооруженными силами серьезно ошибалось в оценке численности немецких войск, дислоцированных в приграничных областях. В силу этого начальник французского Генерального штаба В. Мишель и сменивший его М. Жоффри предполагали нанести главный удар в районе Лотарингии. Они допускали, что немцы могут нарушить нейтралитет Бельгии, но не рассчитывали, что их основной удар будет нацелен именно на это направление. Здесь явно сказывалась инерционность мышления военной элиты Франции, механически переносившей опыт войны 1870 г. на совсем иную историческую эпоху.

Большие надежды руководство Франции возлагало на укрепление союзных отношений с Российской империей, видя в этом залог успешного противостояния своему смертельному врагу. Война на два фронта, несомненно, крайне осложняла положение Германии. Однако эффективность любого военно-политического альянса зависит от того, в какой мере он носит взаимовыгодный характер. Очевидно, что в чисто военном плане франко-русская Антанта была выгодна обоим участникам, поскольку перспектива войны на двух фронтах, несомненно, резко усложняла задачи германского военного командования. Другое дело — политическая составляющая этого союза. Здесь у каждой из сторон, наряду с наличием общих интересов (угроза со стороны Германии, правда, угроза разной степени) имелись и собственные, далеко не во всем совпадающие интересы. Так, например, Россию мало беспокоили конфликты, порожденные борьбой Германии за передел колоний, и весьма тревожили интенсивные попытки Берлина укрепить свое влияние на Балканах.

Хотя Жоффри, как и его немецкие коллеги, пытался абстрагироваться от политических аспектов потенциального конфликта с Германией, сделать это было непросто. Политические предпочтения французского командования, несомненно, сказывались на характере военного планирования. Так, Жоффри был убежден, что его страна в случае войны с Германией может твердо рассчитывать на поддержку Туманного Альбиона, хотя четких, юридически оформленных договоренностей на этот счет до самого начала войны не было. Однако автор «плана XVII» явно недооценивал готовность Российской империи выполнить свои союзнические обязательства. Причем эти оценки вытекали не только из объективных недостатков ее мобилизационных возможностей, вызванных слабой транспортной инфраструктурой и косностью управленческого аппарата, но и из-за ставшего уже традиционным для менталитета европейцев общего

¹ Лиддел Гарт Г. Правда о Первой мировой. М., 2010. С. 58.

негативного «образа России», государства, далеко не во всем вписывающегося в привычные для Западной Европы стандарты¹. В силу этого сотрудничество между военными Франции и России налаживалось медленно и с большими трудностями.

Стратегические планы русской армии действительно не отличались четкостью и стройностью. И дело здесь, на наш взгляд, не столько в недостатках русской школы военного искусства, сколько в неразберихе, царившей в политических верхах Империи. Там не утихали споры о тех приоритетах, которыми должно руководствоваться государство в реализации своих программно-целевых установок на международной арене. В верхах российского общества не стихало соперничество двух группировок, отстаивавших различные внешнеполитические ориентиры. И хотя на дипломатическом уровне очевидное преимущество имели сторонники максимального сближения с Антантой, германофильские настроения имели немало приверженцев в высших эшелонах власти, прежде всего в царском окружении. Это не могло не влиять и на позицию высшего военного руководства России.

Участие в Антанте автоматически превращало Германию в основного противника России, хотя, по мнению многих представителей генералитета, таковым являлась Австро-Венгрия, с которой Россия давно жестко соперничала за влияние на Балканах. Однако в силу союзнических обязательств Россия должна была прежде всего вносить свой вклад в борьбу с основным врагом Антанты — Германией.

В плане решения этой стратегической задачи предполагалось нанести удар по немецким войскам, дислоцированным в Восточной Пруссии, форсировать Вислу и взять под контроль ее устье. Вместе с русскими войсками, базировавшимися в Царстве Польском, эти соединения создавали плацдарм для активных действий на берлинском направлении. Правда, дальнейшие перспективы такого плана были неясны. Зато на другом направлении, в районе Карпат у русской армии существовали хорошие возможности добиться успеха уже после первого удара по передовым частям австрийской армии. Вероятность победы здесь была достаточно велика, однако в Генштабе Российской империи не решились, в силу политических причин, изначально сделать ставку именно на этот, бесспорно, перспективный театр военных действий.

В соответствии с планами командования русские войска были разделены примерно поровну между германским и австрийским фронтами. Конечно, сегодня мы хорошо знаем всю реальную картину событий, динамику их развития, замыслы сторон, которые тогда хранились в строжайшем секрете, и т.д. Однако факт остается фактом: военно-политическое руководство Российской империи и прежде всего сам император в ответственный момент не суме-

¹ Характерны в этом плане оценки потенциала русской армии, содержащиеся в известной работе Г. Лиддел Гарта, который прямо пишет, что ведущие западные военные давали крайне уничижительные характеристики ее боевым качествам. См.: *Лиддел Гарт Г. Правда о Первой мировой войне*. С. 48–49.

ли занять четкую позицию, понять, какая линия поведения в наибольшей мере отвечает интересам государства.

Первоначально русский Генеральный штаб планировал нанести первый удар по Австрии и лишь на 20-й день после завершения мобилизации начать боевые действия против немцев. Это, однако, совершенно не устраивало Францию. Ее руководство использовало все свои обширные дипломатические и экономические возможности для того, чтобы убедить правящую верхушку Российской империи пересмотреть свои стратегические планы. В итоге в августе 1910 г. военный министр России Сухомлинов, во многом вопреки мнению генералитета, уведомил своего французского коллегу о готовности России начать наступление на германском фронте в максимально короткие сроки после начала войны¹. При этом никто особенно не задумывался, как конкретно будут выполняться эти обещания, чем они могут обернуться для Российской империи. Более того, в сентябре 1913 г. эти обязательства были зафиксированы в франко-русской военной конвенции. На этот шаг Россия пошла не случайно. Именно в это время была одобрена «Большая программа по усилению армии», предусматривавшая значительное укрепление армии, наращивание ее огневой мощи. Правда, ее завершение планировалось лишь в 1917 г. Жизнь, как известно, перечеркнула все эти расчеты.

Свои военные планы строила и союзница Германии, Австро-Венгрия. Несмотря на союзные отношения, вопросы, связанные с разработкой совместной стратегии, решались не просто. С одной стороны, руководство генеральных штабов двух стран тесно контактировали друг с другом. Причем немецкая военная мысль, очевидно, оказывала заметное влияние на внешнюю и военную политику Вены. С другой стороны, интересы двух государств на международной арене далеко не во всем совпадали, и это затрудняло поиск согласованных решений в военной сфере. С точки зрения немецкого Генштаба, основная задача союзника состояла в том, чтобы в первые дни войны войска Австро-Венгрии сковывали русскую армию на Востоке. Однако начальник австро-венгерского Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф исходил из того, что его стране, возможно, придется вести боевые действия сразу на нескольких направлениях. В силу этого он предполагал разделить австро-венгерские войска на три части, каждая из которых должна была выполнять собственную миссию: «эшелон А», состоявший из 30 дивизий, призван был противодействовать возможному наступлению русских, «эшелон Б», включавший в свой состав 12 дивизий, выполнял роль резерва, который командование могло бы использовать в зависимости от конкретного развития событий. Кроме того, 10 дивизий входили в так называемую «минимальную балканскую группу», нацеленную на Балканы².

Такая диспозиция мало устраивала безусловного лидера Тройственного союза — Германию, для которой Австро-Венгрия нужна была прежде всего в

¹ Подробнее см.: Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926.

² Подробнее см.: *Williamson S. Austria-Hungary and the Origins of the First World War.* N.Y., 1991.

К. фон Гетцендорф

качестве временного противовеса России. Переписка высших военных чинов Германии и Австро-Венгрии, которая тогда была скрыта завесой абсолютной секретности, показывает, что немецкое военное руководство, пытаясь добиться согласия союзника на активные действия против России, откровенно обманывало его, ибо те обязательства, которые Берлин давал, априори не вписывались в «план Шлиффена» — основополагающий документ немецкой военной мысли. Так или иначе, немцам пришлось для успокоения союзника гарантировать Вене безусловную поддержку в любом конфликте со своими соседями. Однако в этом случае открытым оставался вопрос: как будет реализовываться основная идея плана Шлиффена? Ведь согласно этому документу главные события должны были происходить на западном фронте, и все основные силы Германии следовало сосредоточить именно там. Здесь опять политико-дипломатическая и военная составляющие немецкой внешнеполитической стратегии приходили в противоречие друг с другом.

Наиболее туманными, как и положено, были военные планы Туманного Альбиона. Это утверждение отнюдь не означает того, что в Лондоне, в отличие от других европейских столиц, не готовились к возможной войне. Политическому руководству Британии был очевиден и главный противник — Германия. Неясность существовала в вопросе о том, как лучше, эффективнее и дешевле противостоять этой угрозе. Хотя политика «блестящей изоляции» с началом XX в. ушла в прошлое и Англия в первое десятилетие нового века стала членом Антанты, недоверие к союзам со странами континентальной Европы сохранялось, и в силу этого правящие круги Великобритании не только не спешили конкретизировать свои обязательства перед союзниками, но и сами не могли четко определиться с тем, как вести себя в случае возникновения «большой войны» на континенте.

Эта неопределенность усугублялась тем, что чисто военные возможности Англии были ограниченными. Да, она обладала мощнейшим флотом, но при этом обычно забывают о том, что в отличие от своих основных потенциальных противников в этой стране не существовало всеобщей воинской повинности и в силу этого ее сухопутная армия заметно уступала по численности своим конкурентам. По существу это были колониальные войска, дислоцированные

вдали от Европы и имевшие вполне конкретные задачи. На европейском театре военных действий Англия не могла внести сколь-нибудь существенную лепту в укрепление военного потенциала Антанты. Ликвидировать этот дисбаланс в силу серьезных внутриполитических ограничений было непросто.

Несмотря на серьезные колебания, военно-политическое руководство Британии еще в апреле 1904 г. начало переговоры с представителями французского Генерального штаба о совместных действиях против Германии. Однако лишь в 1911 г. по инициативе нового начальника английского Генерального штаба Г. Вильсона Лондон согласился в случае нападения немцев на Францию перебросить на север этой страны шесть дивизий, т.е. все, что у него было в распоряжении. Правда, Форин оффис сразу же постарался обставить эту до-

Г. Вильсон

говоренность военных рядом оговорок, внесших в нее заметный элемент неопределенности, которая сохранялась вплоть до самого начала войны¹.

Много вопросов вызывала позиция Италии. Формально она уже давно являлась членом Тройственного союза. Однако в договор, по которому она

¹ Подробнее о подготовке Англии к войне см.: Steiner Z. Britain and the Origins of the First World War. N.Y., 1977.

ассоциировалась с этим альянсом, включались очень важные оговорки, позволявшие Риму маневрировать в хитросплетениях европейской политики. В чисто военном отношении эта страна заметно уступала основным акторам международных отношений, но геополитическое положение Италии делало ее позицию весьма значимой при выстраивании стратегических планов и Тройственного союза, и Антанты. Если Италия поддержит своих официальных союзников, то это заметно осложнит положение Франции, которой в этом случае предстояло сдерживать не только натиск Германии, но и открывать фронт на юго-востоке страны. Но если бы Италия переметнулась на сторону Антанты, то тогда в сложном положении оказывалась бы уже Австро-Венгрия. В Риме хорошо понимали преимущества своего положения и старались «не продешевить», решая, кого же поддержать в надвигающемся конфликте. Сегодня мы знаем, что руководство этой страны решило занять выжидательную позицию и вступило в войну гораздо позже. Однако летом 1914 г., когда разразился июльский кризис и надо было принимать судьбоносные решения, позиция Рима заметно осложняла общий расклад сил на европейской шахматной доске.

§ 2. Трагическая развязка интриги: ход и характер июльского кризиса

В таком состоянии находилась подготовка к войне, когда разразился июльский кризис 1914 г., ставший прологом к началу «Великой войны». Хотя дипломаты, особенно в странах Антанты, на первых порах были явно не склонны к тому, чтобы обострять ситуацию, военное руководство, оказывавшее большое влияние на выработку важнейших политических решений, изначально исходило из того, что попытки выработать компромисс закончатся провалом, а альтернативой этому будет война.

Вопрос, с их точки зрения, заключался в том, насколько сложившаяся ситуация отвечает тем замыслам, которые были заложены в их стратегических планах. В этом отношении в наибольшей мере условия, возникшие в ходе июльского кризиса, благоприятствовали намерениям Германии. Она практически полностью завершила программу перевооружения. В то же время для нее не было секретом, что аналогичные программы Франции и России должны были завершиться лишь к 1917 г. Таким образом, по мнению немецкого военного руководства, соотношение сил между соперничавшими группировками на лето 1914 г. было оптимальным для Германии и дальше могло только ухудшаться.

Именно поэтому в процессе интенсивных консультаций, развернувшихся сразу после рокового выстрела в Сараево, кайзер заверил своих австро-венгерских партнеров, что они могут рассчитывать на поддержку самого динамично развивавшегося европейского государства в надвигающемся столкновении. Он убеждал их, что «откладывать выступления нельзя. Россия, несомненно, займет враждебную позицию, но он к этому подготовлен уже много лет, и если даже дело дойдет до войны между Австрией и Россией, то Австро-

Венгрия может быть уверена, что Германия окажет ей поддержку, соблюдая свою обычную верность союзнику»¹. При этом немецкое руководство полагало, что в сложившейся ситуации русские к войне не готовы и все их возможные угрожающие демарши не более, чем блеф. Возникает вопрос, о столкновении с кем в таком случае говорил и думал в тот момент кайзер? Ведь тогда в непосредственный конфликт были вовлечены лишь Австро-Венгрия и Сербия, с которой дуалистическая монархия могла справиться и без помощи извне. В то же время и в Берлине, и особенно в Вене хорошо понимали, что за Сербией стоят Россия и ее ближайший союзник Франция. Правда, и в Берлине, и в Вене могли только строить предположения о намерениях противника или же надеяться, что достаточно влиятельная в окружении Николая II германофильская партия побудит его занять сдержанную позицию.

Так или иначе, но после встречи с представителями Австро-Венгрии 6 июля Вильгельм II, заверив свое окружение, что Германии ничто не угрожает, отправился в трехнедельный круиз на своей яхте. Действительно, на этой фазе июльского кризиса Россия, теснее всех связанная с Сербией, стремилась не обострять конфликт. Однако сделать это было нелегко, ибо Австро-Венгрия, получив заверения в полной поддержке своих действий со стороны Берлина, занимала все более жесткую позицию. В ее руководстве все отчетливее проявлялось желание одним ударом покончить с давно раздражавшей Вену Сербией. Ни для кого не было секретом, что это государство имело традиционно тесные отношения с Россией, и это до поры до времени сдерживало амбиции ряда влиятельных политиков Австро-Венгрии, включая самого императора престарелого Франца Иосифа, который не без оснований опасался, что война может подорвать и без того не особенно прочные устои внутриполитической стабильности в многонациональной империи. В разрешении этих колебаний в пользу жесткого курса в отношении Сербии решающую роль сыграло военно-политическое руководство Германии, которое уверяло своих союзников, что в случае войны Сербия окажется в изоляции.

Вопрос заключается в том, являлась ли такая позиция результатом искреннего заблуждения кайзера и его окружения, или же это была расчетливая попытка подтолкнуть развитие кризиса в сторону войны? Этот сюжет вот уже без малого 100 лет горячо обсуждается в историческом сообществе. Думается, сегодня не так уж важно, каков же правильный ответ на этот вопрос. Принципиально другое: в тот момент германское руководство, чем бы оно ни руководствовалось, явно не представляло последствий этого шага, а это означает, что все предвоенное планирование немецкого военного командования строилось на ложных послылках.

Первая трещина в их построениях возникла, когда 20 июля в Петербург прибыл французский президент Р. Пуанкаре. В ходе переговоров и было принято решение, что в случае чрезвычайных обстоятельств Россия поддержит

¹ Фей С. Происхождение мировой войны. М., 1934. Т. 2. С. 127.

Сербию и в свою очередь будет поддержана Францией¹. Таким образом, две великие державы, отбросив колебания, заняли жесткую позицию, что в условиях острейшего международного кризиса резко увеличивало вероятность его перерастания в войну. К концу второй декады июля оформились два тандема, склонных к силовому разрешению конфликта. Несмотря на то, что вопреки расчетам Берлина его оппоненты не собирались идти на попятную, немцы поддержали курс Австро-Венгрии на максимальное ужесточение давления на Сербию: или капитуляция без боя, или война. Кайзеру и высшему военному командованию Германской империи представлялось, что развитие событий по такому сценарию вполне отвечает их интересам.

В этом все более четко вырисовывавшемся раскладе сил оставался один, но очень важный неясный момент. Речь идет о позиции Великобритании. Ни для кого не было секретом, что Лондон уже 10 лет назад вступил в союзные отношения с Францией, а затем и с Россией, став таким образом полноправным членом Антанты, блока, жестко противостоявшего Тройственному союзу. Однако став участником этого военно-политического объединения, Англия явно не спешила с конкретизацией своих обязательств в случае наступления «часа X». В июле 1914 г. этот «час X» настал, и в сложившейся критической ситуации от позиции Лондона зависело очень многое.

Это уже тогда понимали практически все ведущие западноевропейские политики, в том числе и немцы. Канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег в самый разгар кризиса прямо говорил, что Великобритания могла «предотвратить перерастание столкновения России и Австро-Венгрии на Балканах в европейскую войну»². Действительно, все исходные расчеты Германии сводились к тому, чтобы молниеносно, по одиночке разбить Францию и Россию, при этом Англия, боящаяся увязнуть в континентальных разборках, остается в стороне.

К этому в идеале стремилась Германия, но вот чего добивался Лондон? Этот вопрос вызывает острые споры, ибо по крайней мере на начальной стадии июльского кризиса Англия подчеркнуто дистанцировалась от тех страстей, которые вызвало убийство эрцгерцога Франца Фердинанда. Известный специалист по истории Первой мировой войны Дж. Киган объясняет это стремлением творцов внешней политики Туманного Альбиона не усугублять накаленную атмосферу надеждами на созыв международной конференции по урегулированию кризиса³. Тогда непонятно, зачем в это же время британское Адмиралтейство решило провести крупные военно-морские маневры и предприняло шаги по укреплению крупнейшей базы ВМС Британии в этом регионе в Скапа-Флоу.

В дни июльского кризиса Англия сконцентрировала свои усилия на том, чтобы выступить в роли «честного брокера», пытающегося найти приемлемую

¹ Подробнее об этих переговорах см.: *Пуанкаре Р.* На службе Франции: В 2 т. М., 1936.

² Цит. по: *Романова Е.В.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта, 1898–1914. М., 2008. С. 257.

³ См.: *Киган Дж.* Указ. соч. С. 77.

формулу разрешения австро-сербского конфликта. Хотя уже в начале июля многим даже в Англии было понятно, что он представляет собой лишь надводную часть того гигантского айсберга, которым являлось противостояние Тройственного союза и Антанты, расколовшее Европу.

23 июля кризис вступил в решающую фазу. В этот день Австро-Венгрия вручила Сербии ноту (по сути дела ультиматум). Текст этого крайне жесткого документа многократно анализировался в научной литературе. Для нас важно понять, почему же Австро-Венгрия решилась, наконец, пойти ва-банк, ибо этот шаг сформировал качественно новую ситуацию: либо Австро-Венгрия дипломатическим путем добивается уверенного успеха, либо кризис неизбежно перерастает в войну, правда, пока еще не обязательно мировую, но с большой долей вероятности.

Во многих мемуарах приводится реакция императора Франца Иосифа на этот документ. Ознакомившись с текстом ноты-ультиматума, он воскликнул: «Это означает войну». С этим в его окружении и не спорили. В тот момент, правда, было не до конца ясно, какой характер будет носить военное столкновение. Сегодня мы хорошо знаем, как дальше разворачивались события, но можно ли было тогда точно прогнозировать действия вовлеченных в конфликт сторон?

Споры вокруг этого сюжета продолжаются уже почти 100 лет, ибо картина действительно достаточно противоречивая. Что, на наш взгляд, очевидно и доказано? Во-первых, в Берлине были явно настроены на эскалацию австро-сербского конфликта, понимая, что он, вполне вероятно, может получить развитие. Это входило в планы военно-политического руководства Германской империи. Но оно по-прежнему было твердо убеждено — война будет развиваться по сценарию, прописанному в «плане Шлиффена». Конечно, такой ортодоксальный догматизм явно не украшал политическую элиту Германии, но ее менталитет являлся производной долгого и сложного исторического развития немецкого общества, итогом которого на тот момент стало закрепление в сознании элит убежденности в превосходстве всего немецкого, в том числе и немецкой военной мысли. Отсюда и неспособность критически анализировать динамично развивавшуюся обстановку.

Во-вторых, хотя традиционно всю вину за начало войны возлагают на Германию, не меньшую ответственность за то, что кризис не удалось урегулировать, несет Англия. Ее двусмысленная позиция явно запутала Берлин. Другое дело, чем объяснить эту двусмысленность: традиционным коварством британского руководства или же отсутствием у него четкого плана действий (который был у немцев)? Здесь мнения историков расходятся. С одной стороны, в целом ряде серьезных работ достаточно убедительно показано, что военно-политическое руководство Британии пристально отслеживало все действия Германии, нацеленные на наращивание ее морской мощи, и тщательно планировало свою контригру в этом соперничестве. В ходе июльского кризиса ряд видных британских политиков и дипломатов

(Асквит, Грей, Кроу и другие) в частных разговорах вполне допускали, что кризис в отношениях Австрии и Сербии вполне может перерасти в обще-европейскую войну¹.

Но, с другой стороны, официальные действия британских дипломатов в последние дни кризиса вызывали и у современников, да и сегодня целый ряд вопросов. Почему Англия, являвшаяся партнером России и Франции, в решающий момент явно избегала координировать свои обязательства и действия, почему Антанта вплоть до самого последнего момента не выступила в ходе июльского кризиса единым фронтом? Ведь, очевидно, что при подобном раскладе и в Берлине, и в Вене заняли бы более осмотрительную позицию. Конечно, здесь сказывалась давняя и прочная традиция, в соответствии с которой Лондон всячески стремился избегать вовлечения в конфликты на континенте. Однако в военно-политическом руководстве Англии к 1914 г. хорошо понимали, что действия Германии представляют угрозу британским государственным интересам и противодействовать им в одиночку Лондон не в состоянии. Остается предположить, что-либо в Лондоне совершили грубый просчет при анализе текущего момента, либо хотели наверняка втянуть противника в войну, в которой он будет разбит. Во втором случае, который, на наш взгляд, все же более вероятен, ясно, что британские стратеги явно неадекватно оценивали характер грядущей военной кампании.

В-третьих, июльский кризис обнажил серьезные недочеты в системе военного планирования всех великих держав. В свое время выделение этой области военного дела в специальную отрасль было шагом вперед, позволившим повысить качество военного планирования, а, следовательно, и общий уровень политики государства на международной арене. Однако то, что могло рассматриваться как прогресс в середине XIX в., к 1914 г. требовало усовершенствования. Наряду с повышением качества военного дела у процесса развития военного планирования, в том виде, как он эволюционировал в конце XIX — в начале XX в., были и очевидные изъяны. Замкнутость военной касты вела к тому, что она оказывалась в значительной мере отчужденной от тех изменений, которые охватили европейскую цивилизацию в связи с ее вступлением в фазу индустриального общества. Они были многогранны и далеко не все затрагивали собственно военную сферу.

Стремительный технический прогресс, столь характерный для ведущих мировых держав в начале XX в., весьма существенно влиял и на различные отрасли военного дела, в том числе и на планирование. Скажем, очевидно, что бурное развитие транспорта, сокращавшего время и расстояние, серьезно меняло возможности наиболее развитых государств в проведении мобилизационных мероприятий. В условиях драматичного июльского кризиса, когда очень многое зависело от оперативности оценки ситуаций, этот фактор имел первостепенное значение для всех стратегических построений вовлеченных в

¹ Подробнее см.: Романова Е.В. Указ. соч. С. 257–297.

него сторон. Возрастание огневой мощи армий ведущих стран заметно меняло расчеты, связанные с обеспечением их боеприпасами, а это в свою очередь требовало изменений во взаимодействии армейского руководства с военной промышленностью (в широком смысле — с экономикой в целом). Список подобных примеров можно продолжать еще долго. Важно подчеркнуть, что высшие военные чины, вовлеченные в процесс военного планирования, в критической ситуации отталкивались от прежних представлений, а не от новых реалий.

Кроме того, выделение военного планирования в отдельную сферу привело к росту влияния военной касты на политику государства, ее отчуждению от других сегментов политической элиты. То обстоятельство, что практически во всех ведущих странах (кроме США) верхушка военного руководства по сути монополизировала процесс выработки судьбоносных решений, порождало опасный разрыв между теми целями, которых государство пыталось добиться на международной арене политико-дипломатическими и экономическими средствами, и той программой действий, которой военное командование предполагало руководствоваться. Получалась определенная асинхронность в функционировании важнейших государственных структур, что неизбежно сказывалось на эффективности общей работы государственного механизма. Это отчетливо проявилось как раз в ходе июльского кризиса, когда в важнейших эпизодах военные и дипломаты смотрели на события с разных позиций. По всей видимости, это сыграло далеко не последнюю роль в том, что кризис не удалось урегулировать.

Когда говорят об этой черте европейской политики, чаще всего ссылаются на пример Германии. Но одной этой страной дело не ограничивается. В России также существовала серьезная дисгармония в отношениях военного руководства и тех сил, которые определяли систему приоритетов во внешнеполитическом курсе Российского государства. Эти расхождения возникли еще при Александре II, но в обычные времена они не создавали серьезных проблем. Иное дело — кризисные ситуации. Так было в преддверии Русско-турецкой и Русско-японской войн, так произошло и на завершающей стадии июльского кризиса. Может быть, чуть менее рельефно, но все же достаточно отчетливо проявлялась эта особенность и во Франции, и в Австро-Венгрии.

25 июля Сербия после трудных консультаций между членами кабинета министров дала ответ на австро-венгерский ультиматум. Даже по мнению воинственного кайзера он «не оставлял никакого повода для войны». Однако за несколько часов до этого из Петербурга поступила депеша о том, что Николай II принял решение о введении в стране Положения о подготовительном к войне периоде, что можно было трактовать как готовность России поддержать Белград даже в случае начала войны. Насколько это решение было спонтанным, насколько являлось плодом детального анализа ситуации и результатом планомерной подготовки? На наш взгляд, скорее первое, ибо позиция царского окружения заметно изменилась в сторону большей жесткости лишь по-

сле визита Пуанкаре. Но за несколько дней невозможно перестроить работу такого сложного механизма, как военная машина, тем более в огромной стране. Первоначально мобилизации подлежали лишь военные округа, предназначенные для комплектования армий, которым предстояло действовать на австрийском фронте. Так или иначе, механизм перерастания кризиса в открытое военное противостояние был запущен, и остановить его было практически невозможно.

Начавшаяся цепная реакция перечеркивает все предвоенные планы военных. Как только стало известно о намерении России провести частичную мобилизацию, канцлер Бетман-Гольвег по дипломатическим каналам известил Лондон и Париж, что Германия рассматривает ее действия как враждебные и предпримет соответствующие шаги. Здесь немецкие военные и политики действовали в унисон. Другое дело, что при этом и те, и другие по-прежнему полагали, что Англия останется в стороне от конфликта, а удар по Франции хорошо вписывался в план Шлиффена. Характерный штрих: когда кайзер неожиданно заявил Мольтке, что, наконец-то, можно проучить зарвавшуюся Россию, нацелив на нее всю мощь немецкого удара, глава Генштаба жестко ответил императору: «Это невозможно. Нельзя допускать, чтобы мы в течение нескольких часов отказались от плана, который разрабатывался, а затем оттачивался на маневрах в течение многих лет. Если мы поступим так, как этого требуете вы, Ваше Величество, мы сможем выставить против России не более чем вооруженную толпу»¹. Некоторые военные историки, правда, считают, что Мольтке кривил душой, что имевшаяся тогда транспортная инфраструктура позволяла Германии в кратчайший срок переориентировать мобилизационные потоки на Восток, а его упрямство объясняют ортодоксальностью его менталитета. Мы уже никогда не узнаем, насколько искренним было приведенное выше утверждение Мольтке. Да это, строго говоря, и не важно. Принципиальное значение имело другое. События изначально стали менять предполагаемую на бумаге траекторию.

Еще большую сумятицу в общий расклад вероятных вариантов развития событий в этот момент внес министр иностранных дел России, неожиданно сделавший шаг, который можно рассматривать как стремление уйти от перерастания кризиса в войну: он дал понять немецкому послу, что Россия готова к поиску компромисса. И это в то время, когда военные, в соответствии с распоряжением императора, уже полным ходом готовились к войне, правда, только с Австро-Венгрией.

Очевидно, что с того момента, когда уже были запущены механизмы военной машины — явления, получившего позднее название «эффекта нажатой кнопки», события стали развиваться по иной логике. Конечно, в обоих лагерях были люди, предупреждавшие, что маховик мобилизации, раз начав раскручиваться, с очень большой долей вероятности вовлечет участников этого про-

¹ Нилланс Р. Генералы Великой войны. Западный фронт. 1914–1918. М., 2005. С. 58–59.

цесса в войну. Так и получилось. Австро-Венгрия, подстрекаемая Германией, 28 июля объявила войну Сербии, а 29 июля Германия заявила, что если Россия немедленно не приостановит мобилизацию, она поступит аналогично.

Германия к подобной мере морально была вполне готова, но «план Шлиффена» был нацелен на то, что первоначально следует разбить Францию, а уже затем обрушить всю мощь немецкой военной машины на Россию. Однако в момент кульминации июльского кризиса ситуация перевернулась с ног на голову. Сама Германия по сути определила дальнейший ход событий. Как справедливо отмечает Дж. Киган, она своими действиями практически не оставила ни России, ни самой себе разумного выбора¹. 30 июля Россия объявила теперь уже всеобщую мобилизацию, на что Германия ответила объявлением войны. Против этого до последнего выступал канцлер Бетман-Гольвег, но мнение военных перевесило.

Франция, которая активно советовала России проявить твердость, наоборот, избегала любых действий, которые позволили бы немцам истолковать их как враждебные. Появилась и еще одна новость, не вписывавшаяся в первоначальные построения немецких военных: Австро-Венгрия собиралась вести войну с Сербией основными силами, надеясь на то, что именно Германия будет противостоять русским. Несмотря на то, что подобные намерения Вены явно вступали в противоречие с планом Шлиффена, в Берлине решили форсировать события, потребовав от Франции соблюдения нейтралитета в возможной русско-германской войне. Начальник французского Генштаба Жоффр предложил в ответ «опередить неприятеля в сосредоточении и развертывании войск»², т.е. тоже провести мобилизацию. Одновременно французы пытались понять, что же в этой ситуации собирается делать Англия. Однако та, как уже отмечалось, вплоть до самого последнего момента не раскрывала свои карты.

Только 2 августа на заседании британского кабинета министров было принято решение о поддержке Франции в случае, если Германия при атаке на Францию нарушит нейтралитет Бельгии. В этот момент немцы начинают массированное дипломатическое давление на эту страну, обвиняя ее в пособничестве Франции. Тем самым Берлин сам расчищал почву для вступления в войну Англии, что опять-таки не предусматривалось планом Шлиффена. 3 августа Бельгия отвергла ультимативные требования Германии, и тогда немецкие войска вторглись в эту страну. И вот тут Англия показала свои подлинные намерения: Лондон потребовал от Германии немедленно вывести свои войска из Бельгии. Однако остановить запущенную военную машину было уже невозможно. Перспективы того, что события в Сараево можно будет ограничить рамками локального конфликта, были окончательно перечеркнуты. Началась цепная реакция распространения зоны конфликта на всю Европу и даже мир.

¹ См.: Киган Дж. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 83.

Хотя в предвоенных планах, имевшихся в ведущих европейских державах, такой сценарий в принципе предусматривался, в реальной действительности изначально конфликт стал развиваться в ином режиме, чем это представлялось военным планировщикам. В наибольшей мере расхождения между действительностью и бумажными планами коснулись Германии, России и Австро-Венгрии. И неслучайно именно эти три державы оказались в числе главных неудачников в начавшейся мировой войне. За просчеты в таком чрезвычайно важном и ответственном деле, как разработка перспективных стратегических планов, приходится платить дорогую цену.

§ 1. Империя на рубеже веков

В XX век Россия вступила единственным светским европейским государством с самодержавной формой правления. Основные законы Российской империи в редакции 1832 г. содержали важнейшую статью: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает»¹.

Апелляция к теории божественного права безнадежно устарела и выглядела в глазах просвещенного меньшинства анахронизмом. Божественная санкция и дополнявшая ее историческая традиция служили необходимым и достаточным обоснованием незыблемости устоев самодержавной власти как в глазах ее носителей, так и высших сановников империи, а главное – твердая вера в это была присуща огромному большинству населения страны и прежде всего крестьянству.

В литературе последних лет нередко высказывается мнение, что «народный монархизм» играл едва ли не главную роль в событиях начала XX века, что именно он и его мутации едва ли не более всего повинны в трагедии революционных потрясений. По мнению А.Н. Боханова, «это была темная народная стихия, огромная серая масса, исповедовавшая простые и одномерные формы жизнеустройства». Эта стихия «не имела рационального идеологического оформления», и когда в стране утвердилась власть коммунистов, то «находившаяся за рамками европейских приемов политического действия, потерявшая исконные ориентиры», эта стихия породила кровавую русскую смуту².

Данное суждение представляется более чем спорным. Оно не просто демонизирует «народный монархизм», который в разное время обретал различные формы и в конечном счете исчез, не выдержав бездарности монархической власти. Оно снимает ответственность с главных и второстепенных актеров политической сцены и не просто умаляет роль государственных институтов, партий и общественных организаций, но и предельно иррационализирует исторический процесс.

Между тем не подлежит сомнению, что в старой России отношения власти и общества, которые прежде всего и определяли ее политическое и граждан-

¹ Свод законов Российской империи. Спб., 1892. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1.

² Боханов А.Н. Государство и власть // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 307. См. также: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

ское развитие, хотя и принимали подчас крайне резкие формы, но всегда подчинялись внутренней логике противостояния и сотрудничества, вполне поддающейся рациональному осмыслению. В триаде власть — общество — народ именно народ менее всего повинен в том, что историческим, безальтернативным исходом из клубка политических, социальных и национальных противоречий, в который запуталась старая Россия, стала революция.

Вместе с тем справедливо, что неограниченная самодержавная власть не одно столетие была успешным гарантом единства и целостности Российской империи и до определенной степени гарантом ее внутренней стабильности. В императорской России XVIII–XIX вв. исповедовался принцип не разделения властей, а их единения, даже полного слияния, принцип абсолютной верховной власти императора.

Высшим законосовещательным учреждением, которое разделяло с императором тяготы законодательства, был Государственный совет. Его члены назначались императором и были видными сановниками, сделавшими военную или административную карьеру и по большей части принадлежавшими к родовитому дворянству. По должности в него входили министры. Главным содержанием деятельности Государственного совета было обсуждение важнейших законодательных актов, которые затем поступали на подпись императору.

Высшим административным органом считался Комитет министров, который призван был координировать деятельность министерств, контролировать работу губернаторов и решать вопросы, выходявшие за пределы компетенции одного ведомства. Важнейшую роль в решении принципиальных вопросов играли министерские доклады императору. Императорская воля, выраженная по докладу министра, обретала силу закона. Порядок и частота встреч царя и его министров ничем не регламентировались и зависели от множества факторов, среди которых едва ли не главным было личное доверие монарха. Ход текущих дел определялся канцелярской рутинной и в малой степени зависел от личных качеств исполнителя. Бюрократический аппарат министерств, центральных и местных учреждений постоянно увеличивался. К началу XX в. численность чиновников достигла 385 тыс.

Среди высших сановников Российской империи было немало опытных администраторов, людей твердой воли, больших знаний и опыта. Однако никто из них не мог позволить себе выйти за пределы ведомственной компетенции, иметь общегосударственный взгляд на состояние страны и направление ее дальнейшего развития. Судьбу России определяли самодержавная воля и самодержавная инициатива¹.

Воцарение Александра III, последовавшее после трагических событий 1 марта 1881 г., привело к определенной внутренней стабильности. Могучий облик императора способствовал повышению престижа верховной власти. Император любил и знал русскую историю, искренне верил в нерасторжимую связь монарха и простого народа. Его радовало прозвание «мужицкий царь».

¹ Подробнее см.: *Цимбаев Н.И.* Государственный строй. От самодержавной монархии к власти Советов // *Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX века.* Т. 2. М., 2011. С. 9–15.

Однако подданных своих он ставил невысоко и самодержавное отношение к ним выразил фразой: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» В повседневном обиходе он был неприхотлив, отличался здравым смыслом, был по характеру тверд и ценил твердость в других. Он был убежден в самобытности России, основу которой составляли «народное самодержавие» и следование традиционным устоям русской жизни¹.

В государственных делах он был прямолинеен и смотрел на Российскую империю как на вотчину Романовых. Важнейшие решения по внутривнутриполитическим вопросам принимались при его активном участии и нередко по его инициативе. Он умел выбирать сотрудников и доверял своему выбору. К примеру, он высоко ценил С.Ю. Витте, несмотря на трудный характер последнего. К делам внешней политики царь испытывал нерасположение, не доверял великим европейским державам. Однако именно в его правление началось имевшее исключительное военно-политическое значение сближение самодержавной России и республиканской Франции.

Составной частью политики «народного самодержавия» была, по словам Вл.С. Соловьева, «тираническая русификация». Великий мыслитель утверждал, что она губительна для России, которую нельзя представлять иначе, как «многонародное целое». В эти годы политика «народного самодержавия» выражалась в ограничении прав отдельных народов, в обрусении окраин. В административных учреждениях Привислинского края, как официально именовались польские губернии, Прибалтики и Финляндии насаждался русский язык, делались попытки вести на нем преподавание в школах и гимназиях. Дерпт был переименован в Юрьев, и в Юрьевском университете русский язык вытеснил немецкий. Существовала процентная норма приема евреев в высшие и средние учебные заведения. Политика правительства в национальном вопросе, принудительное обрусение поддерживались консервативной общественностью. Российская элита не осознавала остроты национальных противоречий в стране. Признавая значимость польского и еврейского вопросов, она исповедовала идеал единой и неделимой России, России православной, России русского языка и русской культуры. Это была безнадежная и опасная утопия.

Обличая политику принудительного обрусения, Вл. Соловьев в канун столетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина высказал «два желания»: «1) чтобы все народы не только в Российской империи, но и вне ее читали Пушкина и других наших великих писателей *на русском языке* и 2) чтобы никто не мешал насильно какому бы то ни было народу нашей империи читать и всероссийских и местных писателей *на своем родном языке*». И пояснил: «Читать Пушкина так, как он того достоин и как он сам желал, чтобы его читали, — можно только *добровольно*. Принуждение к русскому языку может производить только отвращение от него, нежелание и неспособность выходить в пользование им за пределы принудительных требований». Соловьев предостерегал от «ненависти

¹ Подробнее см.: Цимбаев Н.И. История России XIX – начала XX в. 3-е изд. М., 2010. С. 270–273.

к инородцам и иноверцам», которая способна лишь привести к возникновению «чувашефильства и мордвомании»¹.

Объективно Соловьев отстаивал давнюю традицию имперской терпимости, которой противоречила политика русификации и унификации². Предостережение философа было оставлено без внимания. В своем большинстве власть и дворянская общественность разделяли представления о самобытности России, которые были присущи времени Александра III и окрепли при его преемнике. Следствием близорукой политики стало развитие национальных движений на окраинах империи, которые со временем получили антиправительственный и антигосударственный характер.

Император Александр III умер в октябре 1894 г. Ему наследовал его старший 26-летний сын Николай II. О новом императоре было известно немного, но его молодость, ровный, спокойный характер и воспитанность первоначально вселяли надежды. Однако отец всерьез не приобщал его к государственным делам, хотя и внушил ему почти мистическую веру в то, что если «рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет».

Николай II не унаследовал отцовской твердости. С годами в характере царя все больше проявлялись такие черты, как упрямство, скрытность, о нем говорили, что он «не лжет и правды не говорит». В отличие от отца, он не доверял твердым и самостоятельным людям, его подавлял масштаб личности С.Ю. Витте, он не ценил преданности престолу В.К. Плеве и П.А. Столыпина. Его представления об окружающем мире и о своей роли в нем были просты и укладывались в формулу: «хозяин земли русской». Именно такую запись он сделал в анкете, когда в 1897 г. в России проводилась всеобщая перепись населения.

В государственных делах Николай II был несчастлив. Символом его царствования стала Ходынская катастрофа, когда в мае 1896 г. во время коронационных торжеств в Москве на Ходынском поле из-за преступной халатности властей произошла давка, в которой погибло, по официальным данным, около 1,5 тыс. человек и сотни были изувечены.

Нередко решения, принимаемые царем и лично для него важные, имели губительные последствия. Мечтая о превращении России в великую тихоокеанскую державу, Николай II привел страну к катастрофе на Дальнем Востоке. В разгар неудачной Русско-японской войны в октябре 1904 г. на Балтике была сформирована вторая тихоокеанская эскадра, посланная вокруг Африки на Дальний Восток. Командовал эскадрой, укомплектованной как устаревшими кораблями, так и эскадренными броненосцами новейшей постройки, З.П. Рожественский. Скорость эскадры определяли тихоходы, боевая выучка экипажей была невысока. После того как было получено известие о сдаче Порт-

¹ Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 354–356.

² Подробнее об основах традиционной имперской политики конфессиональной и национальной терпимости, о политике социальной ассимиляции как основе прочности Российской империи в XVIII–XIX вв. см.: Цимбаев Н.И. До горизонта — земля! К пониманию истории России // Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М., 2007. С. 9–46.

Артура, адмирал доносил Николаю II: «Ввиду изменения обстановки вверенная мне эскадра не сможет завоевать море, и ей теперь остается прорыв хотя бы частью кораблей во Владивосток». В ответ император поставил задачу «завладеть Японским морем».

В мае эскадра вошла в Цусимский пролив, где была встречена главными силами японского флота. 14 мая, в день годовщины коронации Николая II, произошло морское сражение. К вечеру эскадра, несмотря на героическое сопротивление офицеров и матросов, была полностью разгромлена. Прорваться удалось шести кораблям, из которых три дошли до Владивостока. На следующий день остальные корабли сдались. В России Цусимское поражение было воспринято как национальное унижение.

Русско-японские переговоры о мире начались после Цусимы и велись в американском городке Портсмуте. Русскую делегацию возглавлял Витте. Главные споры шли вокруг японского требования о возмещении военных издержек и об уступке Сахалина. Витте считал территориальные претензии к России неприемлемыми, но в последнюю минуту он получил прямое указание Николая II, по которому должен был согласиться на переход во владение Японии части Сахалина к югу от 50-й параллели. Позор Портсмутского мира российская общественность возложила на Витте, которого прозвали «графом Полусахалинским». В действительности главным виновником войны, военных поражений и унижительного мира был российский император Николай II¹.

Большое влияние на Николая II оказывало его ближайшее окружение. При нем резко возросло воздействие членов императорской фамилии, которая насчитывала около полусотни человек, на правительственную политику. Его дядя, великий князь Сергей Александрович, был московским генерал-губернатором и придерживался крайне реакционных воззрений. Другой дядя, великий князь Алексей Александрович, являлся генерал-адмиралом русского флота и во многом был повинен в Цусимском поражении. Их старший брат, великий князь Владимир Александрович, командовал войсками гвардии и Петербургского военного округа. 9 января 1905 г. им был отдан приказ «о пресечении беспорядков» в Петербурге. Даже искренние монархисты, близко стоявшие к престолу, нередко сетовали на засилье великих князей.

Самым доверенным человеком царя была его жена, императрица Александра Федоровна. Ее властность, экзальтированное православие, полное неведение русской жизни, склонность к мистицизму в конечном счете имели губительные последствия для династии и монархии. Николай II, особенно в последнее десятилетие своего царствования, беспрекословно следовал ее советам, часто некомпетентным и всегда пристрастным.

Несомненное влияние на царя, с годами все более возрастающее, оказывало ближайшее придворное окружение, реакционное и безответственное, которое либеральной общественностью именовалось камарильей. Столыпин утверждал: «Ошибочно думать, что русский кабинет даже в его современной форме

¹ Подробнее характеристику политических представлений Николая II и особенности принимаемых им решений см.: *Цимбаев Н.И.* История России XIX – начала XX в. С. 311–313, 319–328.

есть власть, — он только отражение власти. Нужно знать ту совокупность давлений и влияний, под гнетом которых ему приходится работать»¹. Министр иностранных дел А.П. Извольский в своих воспоминаниях сделал вывод, с которым нельзя не согласиться: «Николай II, действуя под руководством реакционной партии, погиб, потому что пытался бороться с силами, которым он не мог противостоять. Действительной причиной падения монархии в России является безрассудное стремление этой партии воскресить и упрочить в XX веке <...> анахронизм самодержавной власти»².

Вступив на престол, Николай II в своей первой публичной речи в январе 1895 г. счел необходимым пресечь надежды на либеральные перемены и заявить о своей верности заветам отца: «Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель»³. Политическое заявление Николая II о бессмысленных мечтаниях означало принципиальный отказ от перемен в российской политической системе. Между тем эти перемены давно назрели.

Главной проблемой, стоявшей перед Россией на рубеже XIX–XX вв., был аграрный вопрос. Продолжалось обнищание деревни, трудные времена переживало поместное дворянство. Этот процесс власти определяли как «оскудение центра России». В определенном противоречии с процессами оскудения находилось то, что две трети национального дохода давало сельское хозяйство. Россия прежде всего была крестьянской страной, в экономике которой главную роль играл аграрный сектор.

Как «мужицкий царь», Александр III проявлял неподдельное внимание к положению в деревне. По его настоянию был учрежден Крестьянский поземельный банк. Для смягчения остроты аграрного вопроса банк выдавал ссуды на покупку земли отдельным крестьянам и крестьянским товариществам. Банк регулировал переход части помещичьих земель крестьянам, которые менее чем за 20 лет купили при его посредничестве около 5 млн десятин земли. Была отменена подушная подать, установленная еще во времена Петра I. Стремясь сохранить патриархальные устои в деревне, правительство препятствовало семейным разделам, содействовало укреплению поземельной общины, запрещая частые общинные переделы земли, не разрешало залог и продажу наделных земель. Было отменено право крестьянина досрочно выкупить свой надел и выделиться из общины.

Однако все эти меры носили ограниченный характер и не решали проблемы крестьянского малоземелья и общего обеднения деревни. Противоречили они и принципиальному правительственному курсу на всемерное поддержание поместного дворянства⁴.

¹ Цит. по: Черменский Е.Д. Вторая российская революция. Февраль 1917. М., 1986. С. 13.

² Извольский А.П. Воспоминания. Пг.-М., 1924. С. 185.

³ Полное собрание речей Императора Николая II. 1894–1906. Спб., 1906. С. 7.

⁴ См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980.

Еще при Александре III на протяжении более 20 лет три последовательно сменявших друг друга министра финансов — Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте — целенаправленно проводили политику всемерного поощрения национальной промышленности. Ими был взят курс на форсированную индустриализацию, успех которой должен был привести к модернизации всей экономики. Преобразование сельского хозяйства, ликвидация отсталых полукрепостнических отношений в деревне, изменение социальной структуры общества выступали как необходимая составная часть экономической модернизации. В перспективе экономическая модернизация требовала и обновления государственных институтов. Она неизбежно вела за собой модернизацию политическую.

Историческая традиция и объективные условия — огромные российские расстояния и продиктованная этим необходимость эффективного государственного контроля над путями и средствами сообщения, крайняя неравномерность регионального экономического развития, избыточность населения в одних районах и чрезвычайно малая плотность в других, а главное, бедность капиталами, вынуждавшая правительство их аккумулировать и перераспределять, — диктовали принципиально иной путь модернизации экономики, иную схему взаимоотношений государства и предпринимателей, нежели в классических странах промышленного капитализма. Российское государство в лице Министерства финансов играло главную роль в проведении подобной экономической модернизации.

Министерство финансов контролировало практически все сферы российской экономики, и в его распоряжении были громадные возможности: финансовая и тарифная политика, правительственная опека над отдельными отраслями промышленности и регионами, гарантии частному, в том числе иностранному капиталу, регламентация отношений между фабрикантами и рабочими, ускоренное развитие государственных предприятий, где новейшие технические достижения сочетались с элементами давних нерыночных отношений. Российские министры финансов не видели противоречия в том, что именно государство выступало инициатором и единственным гарантом свободного предпринимательства, что сфера действия подлинно частной инициативы была предельно сужена.

Вместе с тем они были против чрезмерного и некомпетентного вмешательства государства в экономическую и частную жизнь. Бунге, например, предостерегал от опасности воззрений, согласно которым «государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусств и науки»¹.

Усилия министров финансов дали свои плоды. Российская промышленность развивалась тогда невиданно бурными темпами, в конце века за неполные семь лет объем промышленного производства более чем удвоился. По основным структурным параметрам и валовым показателям Россия входила

¹ Цит. по: *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 388. См. также: *Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен.* М., 1995. Кн. 1. С. 206–248.

в число пяти ведущих промышленных держав мира. Необратимый характер приобретала урбанизация: к 1897 г. городское население еще недавно сплошь сельскохозяйственной страны составляло около 13%, приток населения в крупные промышленные центры, которых было не так много, был исключительно высок. Серьезную конкуренцию старым промышленным центрам — Уральскому, Центральному, Северо-Западному — стали составлять новые: Донецкий, Варшавско-Лодзинский и Бакинский.

Успехи экономической модернизации были очевидны. Однако она носила ограниченный характер и практически не затронула сферу сельского хозяйства. При Вышнеградском и Витте возросли товарность и экспортные возможности российской деревни, но рост товарной продукции обеспечивался в основном ценой вовлечения в оборот новых земель. Усилий министров финансов было не достаточно, чтобы изменить расстановку социальных сил в деревне. Позиции поместного дворянства оставались непоколебленными, и важнейший вопрос русской жизни — земельный — не был решен. Вековой антагонизм крестьян и помещиков приобретал все более острые формы¹.

Противоречивы были политические и социальные последствия форсированной индустриализации. Ее успех не был успехом частнопредпринимательской деятельности, не был торжеством свободной конкуренции и стихийно складывающихся рыночных отношений. Государственное покровительство национальной промышленности привело к тому, что стихией российских предпринимателей был не свободный рынок, а монопольные права, которые им предоставляло правительство.

С особой силой это проявлялось в сфере взаимоотношений труда и капитала. Опираясь на правительственный аппарат, деятели российской промышленности извлекали сверхприбыли из эксплуатации рабочих. За исключением сравнительно небольших групп, сконцентрированных на государственных военных заводах, рабочие России зарабатывали меньше, чем в любой другой промышленно развитой стране. Зрелость рабочего движения, совпавшая с периодом модернизации, не была по-настоящему осознана фабрикантами.

В конце 1899 г. российская промышленность ощутила первые симптомы кризиса, который в 1900 г. стал всеобщим, охватив все мировое хозяйство. Для экономики России он оказался особенно длительным и тяжелым. Кризис показал неполноту модернизаторских усилий Бунге, Вышнеградского и Витте, ибо развитие производства, структурные изменения в промышленности не сопровождались социальными переменами.

Особенности становления и развития российского капитализма делали его представителей практически невосприимчивыми к идеям и практике социального реформизма. Следствием этого была радикализация рабочего класса, а несомненная связь самодержавных институтов и капитала способствовала выдвиганию рабочими не только экономических, но и политических требований. Промышленная Россия не знала социальной гармонии. Ценой форсированной

¹ См.: Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.

индустриализации стал глубочайший антагонизм между новыми классами общества — промышленным пролетариатом и буржуазией.

Власти же постоянно откладывали решение назревших социальных вопросов, игнорировали требования масс, что было опасно. Объективно дальнейшее проведение модернизации требовало кардинального изменения существующих социальных отношений, утверждения политических свобод, отказа от самодержавной формы правления.

Запоздавая попытка политическими средствами предотвратить наступление революции в России была предпринята министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским. Заняв этот пост после убийства Плеве эсеровским террористом в июле 1904 г., новый министр сознавал, что страна «обратилась в бочку пороха». Он не считал нужным противодействовать земско-либеральным пожеланиям конституции, полагая, что в случае революционного взрыва придется дать ту «конституцию, которую потребуют»¹. Пресса немедленно провозгласила наступление «эпохи доверия».

В начале декабря в разгар Русско-японской войны и накануне падения Порт-Артура Святополк-Мирский представил на рассмотрение Николая II проект указа о привлечении в Государственный совет выборных от земств. На Особом совещании министров и высших сановников его участники признали невозможность проведения прежней политики, считая, что это «приведет к гибели».

Однако это вызвало недовольство Николая II, для которого предполагаемые перемены являлись первым шагом к конституции. Царь был тверд: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа»². Николай II был уверен, что «одно самодержавие может спасти Россию», и в частной беседе сказал: «Мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда — я вас поздравляю, господа!»³

12 декабря 1904 г. был опубликован указ, в котором говорилось о «непременном сохранении незыблемости основных законов империи». Охранение законности определялось как опора престола, «важнейшая в самодержавном государстве». Правда, одновременно предполагалось ввести начала религиозной терпимости, расширить права земских и городских учреждений. Рабочим было обещано государственное страхование, крестьянам — уравнивание в правах с другими сословиями. Этим и завершилась «эпоха доверия». На смену ей шло время революционных потрясений, которыми был заполнен весь 1905 год.

§ 2. Первая русская революция: пролог катастрофы

Открылся этот этап русской истории событиями «Кровавого воскресенья» в Петербурге. Предыстория этого события такова. В начале января в Петербурге началась стачка рабочих, в ней участвовало более 110 тыс. человек. Связан-

¹ Цит. по: Россия в начале XX века. М., 2002. С. 357.

² Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 334.

³ Цит. по: Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 147–148.

ный с охранным отделением священник Г.А. Гапон предложил рабочим подать царю петицию о своих нуждах, для чего они должны были устроить шествие к Зимнему дворцу. Предложение Гапона было принято рабочими, которые сохраняли веру в Николая II.

В петиции, которая составлялась накануне 9 января и которую редактировал Гапон, рабочие описывали свою нищету и невыносимое положение и говорили о необходимости принять меры против невежества и бесправия русского народа, против «гнета капитала над трудом». В числе этих мер было требование 8-часового рабочего дня, свободы слова, печати, совести и собраний, созыва Учредительного собрания при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов.

Реакция властей была неадекватной, она не поддается рациональным объяснениям. В обстановке, когда армия и флот терпели поражения на далекой войне, когда страну потрясло полученное известие о падении Порт-Артура, они решили «дать рабочим урок». В город были стянуты войска, разработан план действий солдат, казаков и полиции. Больницам предписывалось готовиться к массовому приему раненых. Решение о расстреле мирного шествия рабочих было политическим преступлением и свидетельствовало о глубочайшем кризисе верхов.

В воскресенье 9 января 1905 г. рабочие с женами и детьми, неся хорутви, иконы и портреты императора, с пением национального гимна начали шествие от окраин к центру города. В разных местах их встречали цепи солдат и в ответ на отказ разойтись открывали ружейный огонь. С особой жестокостью против охваченных паникой беззащитных людей действовали казаки. Общее число убитых и раненых достигало, по некоторым данным, 5 тыс. человек. Вечером в Петербурге появились баррикады. Надежды рабочих на Николая II рухнули, их вера в «доброту царя» была расстреляна. После 9 января происходит быстрое размывание основ «народного монархизма» первоначально в среде фабрично-заводских рабочих, а затем — особенно на фоне размаха крестьянских выступлений 1906 г. — и в деревне.

«Кровавое воскресенье» дало сигнал революционной борьбе рабочих по всей России. В январе бастовало 440 тыс. промышленных рабочих — больше, чем за все предшествующее десятилетие. В феврале размах рабочего и студенческого движения был столь велик, а бессилие правительства столь очевидно, что один из великих князей записал в дневнике: «Власть как будто отсутствует»¹.

В мае началась стачка рабочих Иваново-Вознесенского текстильного района, подготовленная при участии социал-демократов. Бастовало около 70 тыс. рабочих. В ходе стачки возник первый общегородской Совет рабочих депутатов. По составу чисто рабочий Совет действовал как орган реальной власти. Он следил за порядком в Иваново-Вознесенске, вел переговоры с фабрикантами и властями, запретил повышать цены на продукты и выселять рабочих из фабричных казарм, установил контроль за вывозом готовой продукции, не

¹ Из дневника К. Романова // Красный архив. Т. 1 (44). М., 1931. С. 127.

допускал к проходным штрейкбрехеров. Были закрыты винные лавки и запрещены азартные игры. Иваново-Вознесенская стачка завершилась в конце июля. Хотя рабочим в итоге удалось добиться лишь незначительных экономических уступок, но они показали свою политическую зрелость и организованность. Найденная ими форма — Совет рабочих — быстро стала достоянием рабочих всей России¹.

Советы могли стать и со временем стали зародышами новой власти, прообразом новой государственности. Именно так понимали роль Советов лидеры социал-демократов, прежде всего большевики. Вместе с тем несомненно, что Советы могут и должны рассматриваться как элементы гражданского общества. При таком подходе выявляется их огромный потенциал, который остался нереализованным как в ходе первой русской революции, так и после установления Советской власти.

Ярким свидетельством остроты противоречий между трудом и капиталом стало Лодзинское восстание в июне 1905 г. В вооруженном выступлении рабочих Лодзи отчетливо переплелись политические, социальные и национальные требования. Восстание продолжалось 3 дня и было подавлено войсками.

Ход революции в большой мере зависел от армии. Выполняя приказ, солдаты 9 января стреляли в безоружных людей. Однако по мере развития событий нижние чины перестали быть надежной опорой самодержавной власти. Глухое брожение охватило Маньчжурскую армию, где призванные из запаса солдаты, возбужденные слухами о скором переделе земли, требовали демобилизации. В июне 1905 г. восстала команда броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Матросы вооружились, захватили корабль и избрали новый командный состав. Был создан орган политического руководства — судовая комиссия. Команда броненосца подняла красное знамя революции. Командующий Черноморским флотом адмирал Г. П. Чухнин сумел вывести против мятежного броненосца эскадру из 12 кораблей. «Потемкин» ушел в Констанцу, где сдался румынским властям. Восстание на броненосце показало, что правительство может потерять контроль над вооруженными силами. Революционные выступления в армии и на флоте sporadически происходили осенью 1905 г. и на протяжении 1906 г. и жестоко подавлялись военной силой.

В мае 1905 г. на съезде крестьян, проходившем в Москве, было принято решение о создании Всероссийского крестьянского союза, который должен был стать массовой и легальной общественно-политической организацией. Учредительный съезд Союза прошел нелегально в Москве и завершил свою работу 1 августа 1905 г. Съезд выразил недоверие правительству и выступил за созыв Учредительного собрания. В ноябре в Москве состоялся уже легальный съезд Крестьянского союза, который к этому времени насчитывал более 200 тыс. членов. Программа Союза предусматривала ликвидацию частной собственности на землю, безвозмездную передачу казенных, удельных и монастырских земель крестьянам. Отвергались любые соглашения с помещиками. На съезде

¹ Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 г. Иваново, 1955; Первый Совет рабочих депутатов, 1905, Иваново-Вознесенск. Время, события, люди. М., 1985.

прозвучало предложение начать всеобщую аграрную забастовку. Учреждались губернские, уездные, волостные и сельские комитеты Союза, к концу 1905 г. по всей стране их было около 500. Как и в случае с рабочими Советами, эти органы, очень различавшиеся по степени своего влияния в различных губерниях, следует рассматривать в контексте становления гражданского общества в России¹.

В стране возникала стройная крестьянская организация, в деятельности которой активное участие принимали социалисты-революционеры. Их партия заявила о своем возникновении в 1902 г. Долгое время она, действуя в условиях глубокого подполья, переживала процесс слияния местных групп и организаций. Эсеры верили в особый путь России к социализму через преобразование социальных отношений в деревне. Их аграрная программа состояла в требовании социализации земли: отмена частной собственности на землю и передача ее в пользование общине на условиях уравнительного землепользования.

В 1901 г. по инициативе Г.А. Гершуни была создана «Боевая организация» партии для борьбы с самодержавием путем индивидуального террора. «Боевая организация» была автономна от партийного руководства, центральный комитет партии лишь определял лиц, которых следовало уничтожить. С 1903 г. ее возглавлял Е.Ф. Азеф. Тогда никто не знал, что еще студентом он предложил Департаменту полиции свои услуги в качестве осведомителя и быстро стал его самым ценным агентом.

Осенью 1905 г. революция охватила всю страну. Правительство ощущало свое бессилие перед нарастающим забастовочным движением, перед самовольным захватом крестьянами помещичьей земли, оно не могло следовать призывам крайне правых «военною силой прекратить беспорядки». 6 октября в Москве забастовали рабочие главных мастерских Казанской железной дороги. С 15 октября политическая стачка стала общероссийской, в ней участвовало свыше 2 млн промышленных рабочих; к ним присоединились государственные служащие и служащие частных компаний, студенты, учащиеся старших классов. Были закрыты магазины, театры, учебные заведения, казенные и частные учреждения. Не работали почта, телеграф, телефон, замерли железные дороги. В городах бездействовали водопровод и освещение, не выходили газеты. В промышленных центрах стали создаваться советы рабочих депутатов по образцу Иваново-Вознесенского совета. Повсюду происходили митинги и демонстрации под лозунгами «Долой самодержавие». Главными требованиями бастующих были: 8-часовой рабочий день, демократические свободы и созыв Учредительного собрания. Власть была полностью парализована².

Вечером 13 октября Николай II поручил Витте объединить деятельность министров, чтобы «восстановить порядок повсеместно». По повелению царя сотрудники Витте стали работать над проектом манифеста, который понимался как объявление конституции. В шестом часу вечера 17 октября Николай II подписал Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Выбор, перед которым он стоял, хорошо охарактеризовал великий

¹ См.: Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989.

² Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1–2. М., 1955.

князь Александр Михайлович. Царь должен был либо удовлетворить требования революционеров, либо объявить им беспощадную войну: «Первое решение привело бы Россию неизбежно к социалистической республике, так как не было еще примеров в истории, чтобы революции останавливались на поддороге. Второе — возвратило бы престиж власти. Таким образом, было два исхода: или белый флаг капитуляции, или же победный взлет императорского штандарта». Однако 17 октября император, по настоянию Витте, принял иное решение, исторический смысл которого великий князь передавал следующими словами: «Николай II отказывался удовлетворить обе боровшиеся силы революции — крестьян и рабочих, но перестал быть самодержцем, несмотря на принесенную им во время коронования присягу в московском Успенском соборе — свято соблюдать обычаи своих предков»¹.

С точки зрения государственного права Манифест 17 октября означал провозглашение основ конституционной монархии и отказ от самодержавной формы правления. Однако его юридические нормы постоянно входили в противоречие с сохранявшейся практикой произвольного управления, что давало основание говорить о фиктивности российского конституционализма. Большинство современников думская монархия Николая II до ее падения в феврале 1917 г. воспринималась как «царское самодержавие».

Николая II откровенно раздражала и тяготила необходимость следовать духу и букве Манифеста 17 октября и Основных Государственных законов, которые были утверждены им 23 апреля 1906 г. за четыре дня до открытия I Государственной думы. Он никогда не считал себя конституционным монархом. Его взгляд на ход государственных дел, его правовые представления восходили к павловской традиции. Они противоречили установившемуся в XIX в. взгляду, который удачно изложил видный сановник николаевского времени Д.Н. Блудов: государь волен издавать любые законы, но издав их, должен им следовать. Именно так смотрел на вещи Александр III. В еще большей мере они противоречили Основным Государственным законам 23 апреля, 4-я статья которых содержала норму: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора»².

19 октября 1905 г. был издан указ о реформировании Совета министров, его председателем назначался Витте. Возглавив правительство в дни, когда была начата перестройка основ российской государственности, Витте действовал быстро и эффективно. Его кабинет не был «объединенным», как обещал Манифест 17 октября, но время и не требовало этого. Витте вел переговоры с либеральными общественными деятелями об их вхождении в правительство. Однако требования Д.Н. Шипова и А.И. Гучкова были, по его мнению, чрезмерны, ибо они претендовали на посты министров юстиции, внутренних дел и земледелия, настаивали на созыве Учредительного собрания.

¹ Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Государственные деятели России глазами современников: Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 342.

² Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 4.

Министром внутренних дел стал П.Н. Дурново, сторонник решительных действий против революционеров. Были организованы карательные экспедиции для возобновления движения на железнодорожном транспорте. Почти вся страна была объявлена на военном положении либо на положении усиленной или чрезвычайной охраны.

Политические свободы, провозглашенные Манифестом 17 октября, изменили характер деятельности либеральной общественности и привели к созданию общероссийских политических партий. В разгар октябрьской политической стачки в Москве был созван учредительный съезд конституционно-демократической партии, на котором произошло объединение Союза освобождения и части Союза земцев-конституционалистов. На съезде была разработана программа, которая провозглашала равенство граждан перед законом, гарантировала политические свободы и права личности. Программа устанавливала: «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией». Кадеты настаивали на всеобщем равном, прямом и тайном голосовании, без различия вероисповедания, национальности и пола. Предлагая свой вариант решения аграрного вопроса, кадеты высказывались за наделение крестьян «государственными удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства в потребных размерах частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке». Тем самым партия, претендовавшая быть «вождем общенациональной оппозиции», признавала свое нежелание идти навстречу крестьянским требованиям, которые простирались на все помещичье землевладение.

Кадеты высказывались за 8-часовой рабочий день и за «свободное культурное самоопределение» всех народов Российской империи¹. Кадеты, в распоряжении которых были немалые денежные средства, умело и охотно использовали политическую пропаганду, что первое время привлекало к ним значительную часть городского населения. В начале 1906 г. председателем центрального комитета партии стал князь П. Долгоруков, роль идейного вдохновителя играл историк П.Н. Милюков.

После нескольких неудачных попыток пришли к объединению представители крупного капитала. Их партия, создание которой завершилось в феврале 1906 г., получила название «Союз 17 октября», что подчеркивало ее лояльность власти. Признанным лидером октябристов был А.И. Гучков, крупный московский промышленник, сторонник конституционной монархии и единой неделимой империи. Октябристы поддерживали «спасительные реформы» правительства и высказывались за народное представительство на основе цензовых выборов. Главными для них были свобода промышленности и торговли, неизбежность частной собственности².

¹ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии 1905–1907 гг. М., 1994.

² Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1996.

Вслед за изданием Манифеста 17 октября в Российской империи происходил бурный процесс политического самоопределения разных социальных и национальных групп. Возникло несколько сотен политических партий и объединений, большей частью однодневных. Не справились с претензиями на общероссийское представительство партии «Мирного обновления» и народно-социалистическая (энесы), существовало несколько боевых организаций монархистов, которые не сумели объединиться. Определенным влиянием пользовались немногие национальные и социалистические партии, выражавшие интересы народов окраин: польская партия социалистов, белорусская социалистическая громада, грузинская партия социалистов-федералистов, украинская «Спилка», еврейский «Бунд», армянский «Дашнакцутюн». В целом партийная палитра в годы Первой революции была крайне пестрой и постоянно менялась¹.

Организацией, объединившей правых и националистов, стал Союз русского народа, возникший в конце 1905 г. Во главе его стояли В.М. Пуришкевич, А.И. Дубровин и Н. Е. Марков. Они заявляли, что в Союз входят до 3 млн человек. В действительности активных членов насчитывалось до 100 тыс., цифра очень значительная, которая дает основание считать Союз русского народа самой массовой общественной организацией. Союз финансировался правительством через Департамент полиции, его деятельности сочувствовал Николай II. У Союза были свои боевые дружины².

Идеи Союза сводились к отстаиванию неограниченной самодержавной власти и прав «коренных русских людей». В уставе Союза говорилось, что он «постановляет себе неуклонною целью развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний на пользу дорогого нашего Отечества — России единой и неделимой. Благо Родины — в незыблемом сохранении православия, русского неограниченного самодержавия и народности»³.

В конце декабря 1905 — в начале января 1906 г. состоялся учредительный съезд партии социалистов-революционеров. На нем была принята программа, основные положения которой написал В.М. Чернов. Эсеры объявляли о своей принадлежности к «международному революционному социализму». Своей задачей они считали совершение социально-революционного переворота, уничтожение частной собственности и деления общества на классы. В борьбе с самодержавием партия опиралась на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Партия выступала против «государственного социализма», подтверждала свое требование социализации земли, отстаивала основные политические свободы, «федеративные отношения между отдельными национальностями», высказывалась за 8-часовой

¹ См.: Селунская Н.Б., Тоштендаль Ф. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005.

² См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (105–1914). М., 1992.

³ Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1991. С. 41.

рабочий день и уничтожение постоянной армии. Ведя «непосредственную революционную борьбу с самодержавием», что означало масштабную террористическую деятельность, эсеры одновременно высказывались за созыв Учредительного собрания. Отстаивание крестьянских интересов делало эсеровскую партию влиятельной силой¹.

Растущая радикализация рабочего движения была связана с деятельностью российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), создание которой было декларировано еще в 1898 г. Однако как организация политических революционеров-марксистов партия оформилась в 1903 г., когда прошел ее II съезд, где была принята программа партии, над которой работали Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, В.И. Засулич, Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод. В качестве конечной цели партии провозглашалась задача осуществления социалистической революции, победа которой обеспечит благосостояние и всестороннее развитие всех членов общества и положит конец всем видам эксплуатации. Своей ближайшей задачей партия считала низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой. Предусматривалось предоставление права на самоопределение всем народам Российской империи, введение 8-часового рабочего дня и возвращение крестьянам отрезков. Социал-демократы объявляли себя партией рабочего класса.

На съезде выявились два течения внутри российской социал-демократии: одно, шедшее за Лениным, большевистское, и другое, возглавляемое Мартовым, меньшевистское. На III съезде РСДРП, который проходил весной 1905 г. в Лондоне, было одобрено ленинское понимание тактики социал-демократии в революции. Главной задачей партии съезд признал подготовку вооруженного восстания. Программные установки социал-демократов находили поддержку в рабочей среде, где тогда не придавалось серьезного значения расхождениям между большевиками и меньшевиками.

4 декабря Московский совет рабочих депутатов обсудил вопрос о политической забастовке. На следующий день Московский комитет РСДРП одобрил план начать 7 декабря с 12 часов дня всеобщую политическую стачку с целью перевода ее в вооруженное восстание. Речь шла о практической реализации тактических установок большевиков. 7 декабря забастовало большинство предприятий Москвы; более 100 тыс. человек прекратили работу. На следующий день забастовка стала всеобщей. В пределах Садового кольца началось возведение баррикад, в котором участвовали самые разные городские слои. Дружинники нападали на казачьи патрули, стреляли в полицию.

В распоряжении московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова было мало надежных частей, солдаты Московского гарнизона были разоружены и заперты в казармах. Лишь применяя артиллерию для разрушения баррикад, войска и полиция смогли к 14 декабря вытеснить боевые дружины из центра города. Восстание было окончательно подавлено после того, как в Москву был переброшен гвардейский Семеновский полк.

¹ См.: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.

В разгар Московского восстания 11 декабря 1905 г. был издан разработанный под руководством Витте избирательный закон о выборах в Государственную думу. Правительство давало охваченной революционным брожением стране понять, что оно твердо следует букве Манифеста 17 октября. Избирательный закон предусматривал многостепенность выборов и сохранял привычную для городских и сельских избирателей куриальную систему. Создавалась новая, рабочая, курия. Выборы не были ни прямыми, ни равными, ни всеобщими. Благодаря куриальной системе выборщики избирались на четких началах социально-имущественного неравенства. В четвертой, рабочей, курии один выборщик приходился на 90 тыс. человек, в крестьянской — на 30, в городской — на 7, в землевладельческой — на 2 тыс. человек. Таким образом, голос одного помещика приравнивался к трем голосам городской буржуазии, 15 крестьян и 45 рабочих.

Благодаря особенностям избирательного закона Витте мог надеяться, что большинство депутатов будет избрано от крестьянства и Дума, таким образом, будет «мужицкой». Он разделял воззрения, характерные для времени Александра III, о «народном самодержавии» и видел в крестьянстве оплот монархии.

Наделение Думы законодательными функциями потребовало реформы Государственного совета. По указу от 20 февраля 1906 г. он из совещательного органа был реформирован в Верхнюю законодательную палату и должен был участвовать в законодательной деятельности наравне с Думой. Половина членов Государственного совета назначалась императором, другая избиралась от сословных и корпоративных организаций — русской православной церкви, губернских земских собраний, биржевых комитетов, Академии наук и университетов, губернских дворянских собраний. Обновленный Государственный совет должен был, в случае необходимости, служить препятствием думскому законодательству.

Важной задачей правительства Витте была разработка новых Основных законов Российской империи, которые 23 апреля 1906 г. были утверждены Николаем II. Изложение основ конституционной монархии начиналось со слов: «Государство Российское едино и нераздельно. Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях».

В Основных законах была статья, которая предусматривала, что при прекращении занятий Думы, «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость», император может издавать законы. Эта особенность российской конституционной монархии быстро нашла себе применение.

В феврале–марте 1906 г. проходили выборы в I Государственную думу. Их бойкотировали большевики и некоторые другие политические группы. Они принесли успех кадетам, которые получили 161 депутатское место. Всего в Думу было избрано 499 депутатов. Второй по численности фракцией была Трудовая группа, куда входило свыше 100 депутатов, избранных по большей части от крестьянской курии, которые находились под влиянием эсеровской пропаганды. Широко были представлены депутаты из национальных окраин.

Накануне открытия I Думы Витте неожиданно получил отставку. Одновременно был уволен с поста министра внутренних дел Дурново. Николай II избавлялся от преданных слуг, которые в трудное время немало сделали для сохранения его власти, но которые не импонировали ему своей твердостью и самостоятельностью. Председателем Совета министров был назначен опытный бюрократ И.Л. Горемыкин, министром внутренних дел — П.А. Столыпин, который до этого был самым молодым в России губернатором. Его Саратовская губерния была центром аграрных беспорядков, и он решительно расправлялся с ними, без колебаний используя войска.

Депутаты I Думы находились в постоянной и жесткой оппозиции правительству. Главным вопросом в деятельности Думы был аграрный. Крестьянская аграрная программа, отраженная в проекте «104-х», предусматривала национализацию всех земель, превышающих трудовую норму. Это означало ликвидацию помещичьего землевладения. Правительство было бессильно перед аграрным законотворчеством радикально настроенных депутатов, и 8 июля Государственная дума была распущена.

Новое правительство возглавил Столыпин. Выборы во II Государственную думу проходили в начале 1907 г. По своему составу она оказалась более левой, более радикальной, чем I Дума. Свыше половины ее состава принадлежало к лево-социалистическим партиям и организациям. Ведущей была фракция трудовиков. К ним примыкали социал-демократы, эсеры и народные социалисты. С программной речью перед депутатами 6 марта 1907 г. выступил Столыпин. Премьер изложил правительственную программу крестьянской реформы и заверил депутатов, что возглавляемое им «стойкое и чисто русское правительство» сознает свой долг «хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие»¹.

Активность думских оппозиционеров все больше раздражала царское окружение. По мере спада революционной волны там крепло желание избавиться от нежелательных попутчиков и реставрировать свои позиции. Одновременно левое большинство Думы стремилось подчинить себе правительство. В ответ 1 июня 1907 г. на закрытом заседании Думы Столыпин сделал заявление о наличии антиправительственного заговора с участием социал-демократических депутатов.

3 июня II Государственная дума была распущена манифестом, где царь указал, что право изменить избирательный закон принадлежит «только власти, даровавшей первый избирательный закон». Одновременно был издан новый избирательный закон. Это прямо нарушало начала Манифеста 17 октября и противоречило Основным законам 23 апреля 1906 г. Избирательный закон 3 июня был издан и вступил в силу без его обсуждения и одобрения Государственной думы.

По сути, в России был произведен государственный переворот. Основы конституционной монархии оставались неизменными, но кардинальная перемена избирательной системы давала власти возможность проводить свой политический курс без противодействия оппозиционной Думы.

¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 50–62.

§ 3. Российское общество накануне «Великой войны»

Избирательный закон 3 июня 1907 г. был составлен таким образом, что при любом настроении избирателей исход выборов был предрешен. Из вариантов закона, представленных на его усмотрение, Николай II выбрал тот, что сами создатели называли «бесстыжим», поскольку в нем, по словам С.Е. Крыжановского, «слишком откровенно проявлялась основная тенденция — пропустить все выборы через фильтр крупного владения»¹.

По подсчетам Министерства внутренних дел, в России было всего, с учетом многоступенчатой системы выборов, около 3,5 млн избирателей, что составляло чуть более 3% населения. Как и прежде, не имели права голоса военнослужащие, женщины и многие категории лиц наемного труда. Имущественный и образовательный цензы, сословное происхождение определяли характер думского представительства третьеиюньской монархии. Государственная дума была цензовой, и партии, в ней представленные, выражали интересы цензовой общественности, а не всего населения.

Выборы в III Государственную думу принесли заложенную в самом избирательном законе победу октябристам, которые вместе с примыкавшими к ним группами контролировали свыше трети голосов, чуть меньше имели правые и националисты. Число кадетских депутатов сократилось до 53, но блокируясь с октябристами, они могли составить большинство. Сложилось положение, когда самая многочисленная фракция в Думе, — октябристы, чтобы получить необходимый результат голосования, должна была обращаться за поддержкой к правым депутатам или же к стоявшим левее центра кадетам. Эту ситуацию правооктябристского или октябристско-кадетского большинства называли «думским маятником». Практически всегда исход голосования был предрешен, особенно если правительство ясно выражало свою волю.

Думский механизм третьеиюньской монархии не выражал ни волю народов России, ни даже интересы тех граждан, которые участвовали в выборах. Не отражал он и степени влияния общенациональных политических партий на те или иные слои населения, поскольку партийное представительство в Думе было просчитано заранее. Это была умело сделанная властью конструкция, ничего общего не имевшая с демократическими институтами. Объясняется это как отсутствием в стране демократической традиции, так и слабостью большинства думских партий (октябристы, кадеты, правые, националисты и др.), которые были созданы в значительной мере самой властью и обслуживали ее потребности. Левые партии (эсеры, трудовики, социал-демократы) не имели никакого влияния в III Государственной думе, что неизбежно, наряду с иными факторами, подталкивало их не просто к внепарламентской оппозиции, а к деятельности антиправительственной и антигосударственной.

Вместе с тем Государственная дума была необходимым и важным органом конституционной монархии. Дебаты в ней давали выход общественному недовольству, ее законотворческая деятельность в определенной степени ограни-

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1929. С. 111.

чивала привычный российскому обывателю произвол власти. Для премьера П.А. Столыпина Дума была инструментом, умелое использование которого позволяло проводить намеченные реформы. Отношения правительства и Государственной думы редко были безоблачными.

Столыпин обнародовал программу преобразований, программу социальной модернизации России. Ее стержень — аграрная реформа: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы».

Столыпинская программа включала преобразование местного управления на началах бессловности; преобразование местного суда; государственное страхование рабочих; достижение бюджетного равновесия; введение всеобщего начального образования; реорганизацию вооруженных сил и постановку их «на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России»; распространение земского самоуправления на окраины; мероприятия на «пользу господствующей церкви и духовного сословия». Не затрагивая основ конституционной монархии, не подвергая сомнению прерогативы самодержавной власти, он излагал программу социальных реформ и выражал надежду на постепенное создание «правового уклада, соответствующего русскому народному самосознанию»¹.

III Дума была единственной в истории третьеиюньской монархии, которая отработала весь отведенный ей по закону срок. К важным положениям, принятым Думой, можно отнести аграрное законодательство и решение о предоставлении правительству полумиллиардного кредита для выполнения военноморской программы.

Объективно Столыпин действовал как реформатор, для которого аграрное переустройство и подавление революции были необходимыми условиями социальной модернизации. Он верил в возможность медленного эволюционного, но неотвратимого преобразования России.

При проведении аграрной реформы принципиальное значение для Столыпина имело его твердое намерение не предпринимать никаких принудительных мер по ограничению дворянского землевладения. Он считал, что отчуждение части помещичьих земель за выкуп, которое предлагали либеральные партии, нарушает право частной собственности и потому неприемлемо для правительства и страны, начинающих движение в направлении «правового уклада».

Столыпин был категорически против уравнительного землепользования. Он высмеивал социалистические идеи, согласно которым наделы земли предоставлялись бы желающим «социал-демократическим присутственным ме-

¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. С. 98–108.

стом». По его мнению, в этом случае «земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Вследствие этого культурный уровень страны понизится»¹.

Неудачей завершилась столыпинская попытка преобразования системы уездной и губернской администрации. Она предусматривала ликвидацию многочисленных уездных и губернских инстанций разных ведомств и создание единого административного учреждения, возглавляемого губернатором. Этот орган должен был руководствоваться строгими правовыми началами и со временем послужить основой для создания в России правового государства. Для Столыпина «законность местного управления» была важнейшим условием социальной модернизации. Однако все проекты, разработанные по его настоянию, не получили хода. Их главным противником было поместное дворянство. Столыпин был постоянным объектом нападок бездарной и безответственной придворной камарильи и лиц из ближайшего окружения царя. Говорили, что властный премьер умаляет достоинство самодержавной власти, что он не любит дворянство. Его действительные заслуги по успокоению и реформированию страны не понимали и не умели оценить. В столкновении с поместным дворянством последний российский реформатор периода империи потерпел поражение. Ценой дворянской победы стала гибель императорской России.

Слабость Столыпина как реформатора в значительной мере объяснялась тем, что он был лишен твердой поддержки общественных сил. Объективно действуя в интересах крестьянства, он не мог рассчитывать на то, что мнение «справного» крестьянина будет услышано в верхах. Кроме того, системный характер задуманных им преобразований далеко выходил за пределы непосредственных крестьянских интересов. Для торгово-промышленных кругов он всегда оставался чужим, а проводимая им аграрная реформа недооценивалась предпринимателями, большинство которых не было способно видеть социально-политическую перспективу. Столыпин вынужден был опираться на привычную для российских реформаторов бюрократию, к тому времени далеко не либеральную, и надеяться на верховную власть, которая давно утратила способность к творческой инициативе. Предлагаемая им социальная модернизация, даже на начальной ее стадии, воспринималась поместным дворянством как потрясение основ. Оно не желало отказываться от сословных преимуществ, своей первенствующей роли в местной администрации и земском самоуправлении. Быстрое сокращение дворянского землевладения не вело к вытеснению дворянства с политической арены, оно упорно, опираясь на поддержку верховной власти, отстаивало свои позиции.

В августе 1911 г. Столыпин отдыхал у себя в имении. Ему пришлось прервать отпуск для поездки в Киев, где по случаю недавнего юбилея Великой ре-

¹ Столыпин П.А. Цит. соч. С. 86–96.

формы открывали памятник Александру II. На торжествах Столыпину не нашлось места в автомобильном кортеже, в котором следовали царь и его свита. Ему не дали казенного экипажа, и он должен был нанять извозчика. 1 сентября 1911 г. в киевском оперном театре П.А. Столыпин был смертельно ранен на спектакле, на котором присутствовали Николай II, его семья и ближайшее окружение. Показателен отклик на трагедию 1 сентября императрицы Александры Федоровны: «Не надо так жалеть тех, кого не стало. Если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был ступеяться»¹.

В предвоенные годы заметно возросло непосредственное влияние императора на выработку и проведение правительственного курса. В обстановке подготовки и празднования 300-летия дома Романовых, когда правые инспирировали проявления народной преданности царю и исконно русским началам, вокруг Николая II усиливался «культ самодержавия», который придворные и дворянские круги понимали как возвращение к неограниченной монархии. У самого царя воспоминания о недавних революционных потрясениях поблекли и уступили место, по свидетельству премьера Коковцова, «идее величия личности государя и вере в безграничную преданность ему как помазаннику божию всего народа». Он верил, что «может сделать все один, потому что народ с ним»². Третьеиюньская монархия совершала попятное движение от думского конституционализма к «народному самодержавию».

После убийства Столыпина председателем Совета министров стал В.Н. Коковцов, который сохранил за собой пост министра финансов. В отличие от предшественника, он считал приоритетной поддержку промышленности, предлагал заменить государственные займы прямыми инвестициями иностранного капитала, придерживался принципа бюджетного равновесия и предостерегал от «фантазии и авантюризма в финансовой политике». При нем заметно возросли государственные доходы, за те восемь лет, что он возглавлял министерство финансов, почти вдвое вырос золотой запас.

Меры, предпринятые в рамках столыпинской аграрной политики по повышению товарности сельского хозяйства, дали свои результаты. Высокие урожаи зерновых и повышение мировых цен на хлеб привели к росту доходов казны и экспортеров сельскохозяйственной продукции. В свою очередь это стало толчком к увеличению внутреннего спроса на промышленную продукцию. В сочетании с программой перевооружения армии и флота эти факторы вызвали промышленный подъем в стране, который начался в 1909 г.

Темпы роста промышленного производства в предвоенные годы были устойчиво высоки, рос внутренний товарооборот. Бурное промышленное развитие вело к дальнейшей урбанизации, удельный вес городского населения к 1913 г. достиг 18%. В Петербурге было более 2 млн жителей, в Москве — 1,7 млн. Важным свидетельством капиталистического развития экономики стало увеличение численности обществ взаимного кредита и городских банков. Сово-

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Т. 2. С. 8.

² Там же. С. 156.

купная сумма их основных активов к началу войны превышала 1100 млн руб. Облегчение доступа к частному кредиту создавало условия для укрепления буржуазных слоев общества.

Крепнущее торгово-промышленное сословие стало все активнее вмешиваться в вопросы экономической политики, которые традиционно были прерогативой правительства. Особое возмущение российских капиталистов вызывало казенное предпринимательство. В 1908 г. на съезде представителей промышленности и торговли было заявлено: «Правительства, будучи лишены необходимой подвижности, не могут быть хорошими предпринимателями». На казенных заводах себестоимость продукции была значительно выше, чем на частных. Покрытие убытков шло из бюджета. Казенное хозяйство, которое включало военные заводы, железные дороги, лесные и земельные угодья, винную монополию, давало власти чувство относительной экономической независимости от буржуазии. Военные годы показали всю эфемерность этого чувства.

Привычное вмешательство правительственных органов в частную торгово-промышленную деятельность в XX в. приобрело новые формы. В годы промышленного кризиса 1900–1903 гг. и вызванной им депрессии власти покровительствовали созданию синдикатов. Монополизация промышленности позволяла легче справиться с экономическими трудностями, привлечь иностранный капитал, добиваться контроля над профессиональным рабочим движением. Возникшее в 1902 г. Общество для продажи изделий русских металлургических заводов — «Продамет» — контролировало свыше 80% всей продукции металлургической промышленности. Поощряемая правительством монополизация одновременно отвечала объективным экономическим процессам, и потому в короткое время она охватила ведущие отрасли. Синдикат «Продаруд» объединил крупнейшие горнорудные предприятия Юга России. Синдикат «Продуголь» подчинил себе 75% всей добычи угля Донбасса. Русское Общество пароходства и торговли (РОПИТ) монополизировало грузовые перевозки на Черном море¹.

Создание монополистических объединений способствовало развитию банковской системы. Государственный банк по-прежнему оставался крупнейшим кредитным учреждением и наряду с Министерством финансов определял экономическую политику правительства. Вместе с тем росла сеть частных акционерных банков, происходила концентрация банковского капитала. Около половины всех частных банковских активов приходилось на пять ведущих петербургских банков: Русско-Азиатский, Русский для внешней торговли, Торгово-промышленный, Петербургский международный, Азовско-Донской².

Укрепление позиций промышленников и банкиров в экономической, финансовой и в гораздо меньшей степени политической жизни страны вызывало недовольство бедневшего поместного дворянства, к голосу которого всегда должно было прислушиваться правительство. Перед войной власти начали последовательно наступать на крупнейшие синдикаты «Продамет» и «Прод-

¹ См.: *Воронкова С.В.* Российская промышленность начала XX века. М., 1996.

² См.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. 1860–1914. Л., 1991.

уголь». Отчасти это было вызвано и тем, что синдикаты произвольно поднимали цены, по которым казна расплачивалась за военные заказы. В марте 1914 г. была принята программа постепенной ликвидации «Продугля». В ответ лидер торгово-промышленной буржуазии П. П. Рябушинский открыл в издаваемой им газете «Утро России» кампанию против поместного дворянства и провозгласил: «Купец идет». Весной 1914 г., выступая на очередном съезде представителей промышленности и торговли, он выразил надежду, что «страна сумеет пережить свое маленькое правительство»¹.

Покровительственное отношение Коковцова к промышленникам вызвало недовольство поместного дворянства. Против него правыми была организована кампания травли, его обвиняли в нежелании содействовать мерам, на которых настаивал Николай II, по ограничению народного пьянства. Премьер характеризовал их как развал финансов страны. Он предупреждал, что тайное винокурение и подпольная продажа вина негативно скажутся и на здоровье народа. В январе 1914 г. Коковцов получил отставку, председателем Совета министров был назначен И.Л. Горемыкин.

Сфера главных внешнеполитических интересов Российской империи находилась на Балканах. Развитие юга России и рост экспорта повысили экономическое и военно-стратегическое значение режима Черноморских проливов, сохраняло свою силу стремление правящих кругов и либеральной общественности играть роль покровителя славянских народов. В предельной форме это стремление выразил еще Александр III, когда поднял тост за своего единственного друга — князя Черногории.

Сближение с Францией долгое время оставалось предметом споров в правительстве. Николай II не раз демонстрировал свое неприятие республиканских порядков и легко поддавался демагогическим призывам своего кузена Вильгельма II.

Прогерманские симпатии Николая II и его окружения не находили понимания ни в кругах поместного дворянства, чей хлебный экспорт ограничивал берлинский кабинет, ни у крупной буржуазии, для которой германская промышленная и финансовая экспансия представляла опасность. Среди думских партий кадеты, октябристы и умеренные правые высказывались за поддержание добрых отношений с Францией и Англией. Программный характер имела опубликованная в 1908 г. статья одного из лидеров российского либерализма П.Б. Струве под заглавием «Великая Россия», где речь шла о неизбежности столкновения с австро-германским блоком, победа над которым рассматривалась как условие российского экономического и политического могущества. Лидер кадетов П.Н. Милюков постоянно говорил о необходимости овладения Черноморскими проливами, чем заслужил прозвище «Милюков-Дарданелльский».

В 1907 г. по инициативе министра иностранных дел А.П. Извольского началось сближение России с союзником Франции Великобританией. Фактически Россия примкнула к «сердечному согласию», которое превратилось в Трой-

¹ Подробнее см.: Корелин А.П. Облик и импульсы власти // Россия в начале XX века. С. 520–541.

ственное. В мире окончательно определилась блоковая система, когда державам Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии противостояли страны Тройственного согласия, или Антанты, — Россия, Франция и Великобритания.

Против русско-английского соглашения выступили крайне правые, которые продолжали верить в солидарность континентальных монархов, и социал-демократы, которые призывали британскую общественность отказаться от поддержки «злейшего врага цивилизации», каковым они считали царизм.

В 1908 г. разразился Боснийский кризис, завершившийся дипломатическим поражением России. Внутренняя слабость России была очевидна, и Столыпин полагал, что «развязать войну — значит развязать силы революции». Извольский вскоре был отправлен в отставку. На его место был назначен свояк премьера С.Д. Сазонов.

В 1911 г. российская дипломатия попыталась решить вопрос о статусе проливов путем двусторонних переговоров с Турцией. Она готова была гарантировать неприкосновенность ее европейских владений в обмен на открытие проливов для русских военных кораблей. Предложение вызвало неприятие других балканских государств, которые готовились к нападению на ослабленную Турцию. Не поддержали Россию и ее союзники, опасавшиеся нарушения военного равновесия на Востоке. Предложение было отвергнуто и турецким правительством.

В ответ Россия подтолкнула Сербию и Болгарию к подписанию секретного договора, по которому эти страны условились о возможном разделе балканских земель Турции. В 1912 г. началась первая Балканская война, в которой Сербия, Болгария, Греция и Черногория действовали против Порты. Союзники одержали быструю победу. В России успехи союзных войск, которые остановились недалеко от Константинополя, были с восторгом встречены либеральной общественностью.

Первая Балканская война изменила расстановку сил в Европе, наглядно выявила растущую роль малых государств в большой политике и еще сильнее подстегнула гонку вооружений.

Для России большую важность имело многостороннее сотрудничество с Францией. Начальники генеральных штабов двух стран обсуждали вопросы об увеличении численности войск, которые они были готовы выставить против Германии, работали над ускорением сроков проведения мобилизации. На специальные французские займы Россия приступила к совершенствованию сети стратегических железных дорог. Военное ведомство к октябрю 1913 г. разработало Большую программу по усилению армии, основные положения которой были одобрены Николаем II. Выполнение программы намечалось на 1914–1918 гг.¹

Большая военная программа предусматривала увеличение численности нижних чинов на 40 %, офицерского корпуса — почти на 30%. Планировалось резко увеличить число кавалерийских полков и артиллерийских батарей,

¹ См.: Шаццлло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. — 1914 г.). М., 1992.

создать авиаотряды и автомобильные роты, совершенствовать средства связи. Большая программа требовала расширения военного производства, строительства новых военных заводов и арсеналов. На ее первоначальное осуществление предполагалось выделить свыше 400 млн руб. Значительные средства выделялись на воссоздание флота, во многом утраченного в войне с Японией. Военно-морские программы предусматривали ускоренное строительство Балтийского флота, оснащение его новейшими линейными кораблями, четыре из которых были построены к 1914 г. Меньшее внимание уделялось Черноморскому флоту, корабли которого достраивались уже в ходе войны.

Большая военная программа по усилению армии и военно-морские программы должны были укрепить западные рубежи империи, но их осуществление требовало времени, политической и финансовой стабильности. Спокойная обстановка была нужна для завершения реорганизации Военного и Морского министерств, для совершенствования мобилизационных расписаний и выработки планов будущей кампании. Не было завершено омоложение высшего командного состава армии, начавшееся после Русско-японской войны. Пост военного министра накануне войны занимал В.А. Сухомлинов, чей боевой опыт был связан еще с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Армия и флот имели отличный корпус кадрового офицерства, но крайне плохо была поставлена подготовка офицеров запаса. Выучка солдат отвечала современным требованиям, но социально-психологическая грань, отделявшая солдат от офицеров, была велика.

Возможное усиление военного потенциала России беспокоили ее противников. К 1914 г. державы Тройственного союза и прежде всего Германия в основном завершили перевооружение армии и лишь искали предлог для войны. В начале года Сухомлинов, чьи действия определяли карьерные соображения, инспирировал появление газетной статьи, которая содержала полуофициальное заявление: «Россия готова к войне». Это не соответствовало действительности, но предрешало скорый удар «бронированного германского кулака».

В итоге в ответственный момент нашей истории в правящих кругах России не было единства по вопросам внешнеполитической стратегии. Сазонов, военный и морской министры, чины Генерального штаба отстаивали жесткую линию, не желая идти на уступки австро-германскому блоку. Их позицию все больше разделял Николай II.

На императора не произвела впечатления поданная ему в феврале 1914 г. записка члена Государственного совета, бывшего министра внутренних дел и лидера правых П.Н. Дурново, который отмечал пагубность военного конфликта между Россией и Германией как представительниц «консервативных начал в цивилизованном мире», чьи жизненные интересы «нигде не сталкиваются». Он предсказывал, что при любом итоге войны, главная тяжесть которой «выпадет на долю России», страну ожидает революция. Со знанием дела он писал: «По глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, переки-

нется и в страну-победительницу». Его предсказания исключительно точны: «Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала “черный передел”, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расхлывшиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход из которой не поддается даже предвидению». Дурново полагал возможным вернуться к идее русско-франко-германского союза, что было иллюзией и делало его позицию уязвимой¹.

Компромисс с Германией отвергала либеральная общественность. Правда, одновременно кадеты голосовали в Думе против выделения военных кредитов, а прогрессисты не поддерживали законопроект об увеличении призыва в армию. Внутренней логики в такой позиции не было.

Крайней неопределенностью отличались и представления о политических целях России в войне. Так, министерство иностранных дел считало главным решение вопроса о Черноморских проливах, что находило полную поддержку у октябристов и кадетов. Окружение Николая II и та часть правых, что полагала войну необходимой, надеялись на укрепление престижа монарха. В широкой публике были распространены представления о необходимости воспрепятствовать германскому «движению на Восток». Для военных и значительной части либеральной общественности были важны соображения о верности союзникам, о необходимости защищать европейскую цивилизацию от «тевтонского варварства».

Важно подчеркнуть: вопрос о том, действительно ли война отвечает национально-государственным интересам Российской империи, так и не стал предметом серьезного обсуждения.

¹ Записка Дурново // Красная новь. 1922. Кн. 6. С. 182–199.

§ 1. 1914 год: конец «прекрасной эпохи»

Самое мирное в истории Европы столетие (1815–1914) было веком быстрых перемен: в начале этого периода европейцы жили почти так же, как люди всех предшествовавших аграрных обществ. К его концу одни страны Европы превратились в промышленные державы, другие встали на путь индустриализации и прошли значительную часть этого пути. Развитие фабричного производства, торговли, транспорта сопровождалось изменениями социальной структуры, которые в свою очередь способствовали политическим трансформациям. Пафос новизны, который был присущ европейской философской и научной мысли еще с XVII в., теперь достигает уровня политики.

В подобной атмосфере идея революционного обновления общества выглядела вполне логичной. Она сопрягалась с мечтой об эмансипации, движением вверх тех слоев общества, которые ранее не имели надежды на какое бы то ни было улучшение своего удела. Громадное большинство, жившее ранее только своими повседневными нуждами, начинает творить историю. Закрытая ранее для масс сфера публичной политики теперь открывается посредством революционного насилия. «История XIX столетия развивалась в тени Французской революции и последовавших за ней национальных либеральных революций. Столетие политической, экономической и социальной революций, столетие открытия мира, завоевания мира и мировой эксплуатации, оно было также великим веком капитализма; и оно же явилось свидетелем возникновения социализма и коммунизма...»¹

Революция мыслится как могучий поток, неодолимый ураганный ветер, сметающий на своем пути ветхие строения прежних эпох. После Французской революции практически любой бунт стал рассматриваться как продолжение движения, начатого в 1789 г., — словно периоды затишья и реставрации были всего лишь передышками, в которые революционный поток уходил на глубину, откуда, собравшись с силами, вновь выплескивался на поверхность². Именно осмысление революции и ее последствий вело к идее исторической необходимости. На смену прежним религиозным верованиям приходит вера в прогресс, в неизбежное движение ко все более совершенному состоянию. Идея бесконечного линейного прогресса, которая была неведома предшествующим

¹ Доусон К.Г. Миф революции. СПб., 2002. С. 305.

² См.: Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 60–62.

векам, теперь движет и наукой, и массами. Почерпнутая из биологии метафора «развития» переносится на общество, на изменения во всех сферах человеческой деятельности, включая науку и искусство. Как писал В. Соловьев в 1877 г., «понятие развития с начала настоящего столетия вошло не только в науку, но и в обиходное мышление»¹. От суеверий человечество переходит к научному мировоззрению, с помощью науки создает технику и промышленность, овладевает миром, сбрасывает с себя гнет прежних «неразумных» политических институтов, руководствуется все более человеколюбивой моралью, создает все более прекрасные произведения искусства. «А поскольку прогресс приводит к таким выдающимся успехам, то первым и священным долгом всякого нормального человека является служение ему, подчинение этому служению всего и вся»².

Эту веру в прогресс исповедует все расширяющийся слой образованных европейцев. Капиталистическая экономика и национальные государства испытывают потребность в большом числе специалистов — инженеров, учителей, врачей, юристов и им подобных работников умственного труда. Увеличивается число университетов, а сами они преобразуются по ходу реформ. Во второй половине XIX в. для такого слоя общества начнут искать наименование: термин *Intelligenz* из философских учений Шеллинга и Гегеля переключается в газеты и станет обозначать социальную группу образованных людей; в конце века правые публицисты во время «дела Дрейфуса» назовут своих противников «интеллектуалами».

Победное шествие разума в первой половине XIX в., как правило, еще связывалось с философией. Грандиозные построения немецких мыслителей той эпохи захватывали лучшие умы в том числе и потому, что философия обратилась к истории. Выражения «дух эпохи», «дух времени» принадлежат именно XIX веку. Французская революция и последовавшие за ней четверть века войн были разрывом с традицией, они оказали историзирующее воздействие на сознание современников, заключающееся в том, что «с этого момента современная эпоха, в противоположность всем прежним, понимает себя исключительно и категорически временно-исторически и обращает свой взгляд в будущее»³. Как писал Гегель, «философия есть эпоха, схваченная в мысли». Дух эпохи соотносится с исторической действительностью и выражает ее посредством идей.

Первые опыты такого постижения современности относятся к самому началу XIX в. — лекции Фихте «Основные черты современной эпохи» (1804–05), в которых обнаруживаются общие очертания и либерального прогрессизма, и пролетарской эсхатологии последующих десятилетий. Если мы хотим понять нашу эпоху, полагал Фихте, то вместе с тем мы должны понимать историю в целом, последовательность эпох: «такое понимание предполагает *мировой план*, который был бы вполне постижим в своем единстве и из которого можно было

¹ Соловьев В. Философское начало цельного знания. Минск, 1999. С. 179.

² Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., 1993. С. 120–121.

³ Лёвиг К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб., 2002. С. 353.

бы полностью вывести главные эпохи человеческой земной жизни и выяснить их происхождение и связь друг с другом»¹. Поиски подобного мирового плана получали в дальнейшем различные имена: польский гегельянец Чешковский ввел термин *историософия*, учение Маркса о следующих друг за другом *формациях* было названо *историческим материализмом*. Идея «всемирной истории» была одной из важнейших предпосылок появления исторической науки, которая быстро развивалась на протяжении XIX столетия. За несколько поколений (от Ранке до Дройзена и Моммзена) университетская историография проходит путь от юности до зрелости. Сходным образом конституируются как самостоятельные дисциплины экономика, социология, психология, филология, этнография. Творцы этих новых наук еще обращаются к философии, но их ученики на открываемых новых факультетах все меньше интересуются философией.

Еще дальше от философии отходят естественные науки. Вошедший в оборот к концу века термин «агностицизм» первоначально обозначал только то, что ученые держатся опытных данных и не прибегают к умозрительному (спекулятивному) познанию. Наука есть развитие здравого смысла², полагал Конт. Столь важная для немецких мыслителей 1830–40-х гг. гегелевская философия была предана забвению в эпоху «грюндерства»; В. Виндельбандт в своей «Истории философии Нового времени» не без оснований заметил, что в 1880–90-е гг. в Германии вряд ли нашлось бы пять человек, читавших «Феноменологию духа». Правда, к Гегелю во второй половине столетия обращаются в Великобритании и Италии. Но общая интеллектуальная атмосфера викторианской эпохи была совершенно чужда как прежней метафизике, так и гегелевской диалектике.

Несмотря на сопротивление всех церквей, ученое сообщество держится разных вариантов материализма и позитивизма. С учетом того, что медицинские факультеты по числу выпускников превосходили все остальные естественно-научные факультеты, типичным представителем подобных воззрений был врач, своего рода «среднестатистический Базаров». Медицинские науки только к середине XIX в. избавлялись от наследия витализма, которому противопоставлялся «механицизм» — опора на фундамент физики и химии.

П. Кропоткин, который был не только анархистом, но и крупным ученым-географом, выражал не только собственное убеждение, когда писал: «Механические явления, становясь все более и более сложными по мере того, как мы переходим от физики к явлениям жизни, но оставаясь теми же механическими явлениями, достаточны нам для объяснения всей природы и жизни органической, умственной и общественной... Мы не видим области, в которой нам будет невозможно найти объяснения явлениям при помощи тех же простейших физических фактов, наблюдаемых нами вокруг, как, например, при столкновении двух шаров на бильярде, или при падении камня, или при химических реакциях. Этих механических фактов нам пока достаточно для объяснения всей жизни природы. Нигде они нам не изменили, и мы не видим даже возможно-

¹ Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. М., 2000. С. 7–8.

² В «Духе позитивной философии» О. Конта целый раздел был посвящен «солидарности» между положительной философией и «всеобщим простым здравым смыслом».

сти открыть такую область, где механические факты будут недостаточны»¹. Получавшие образование в 1870–80-е гг. люди продолжали именовать себя «механицистами» и в начале XX столетия, даже если сами они далеко отошли от подобной узкой программы научного знания².

Математика и естествознание доказывали свою истинность все новыми техническими достижениями, но к «умственной и общественной» жизни применить законы физики или химии было довольно трудно. Попытки создать «социальную физику» оказались явно несостоятельными. После открытий Дарвина к общественной жизни стали применять понятие «естественного отбора», появляются различные варианты «социал-дарвинизма». Однако и эти доктрины демонстрировали свою несостоятельность, когда их применяли для объяснения искусства, морали, религии. «Человек произошел от обезьяны, и, следовательно, мы должны любить друг друга», — так насмешливо излагал В. Соловьев кредо эволюционистов XIX в.

С момента своего возникновения наука Нового времени противопоставлялась не только средневековой схоластике, но и политическим дебатам: наука есть плод незаинтересованного, бескорыстного постижения мира. Эта оппозиция была четко сформулирована уже в раннем трактате Гоббса «О гражданине»³. Сходным образом поступали и создатели позитивизма XIX в. Конт и Спенсер были основоположниками социологии, Милль — крупным экономистом. Для понимания процессов, происходящих во все более сложном обществе, требовались социальные науки. Они появляются одновременно с идеологиями, поскольку в основании лежит одна и та же социальная трансформация — переход от аграрного общества к индустриальному. В результате общество стало сложным и непрозрачным, число социальных взаимосвязей выросло. Управлять таким обществом, контролировать его оказывается невозможно без средств мобилизации атомизированных индивидов, преследующих собственные интересы. Общественные науки нужны для познания и предсказания, а идеология нужна для совместного действия.

Термин «идеология» первоначально обозначал научные изыскания наследников Просвещения, вроде Кабаниса и Дестюта де Траси в наполеоновской Франции. Но уже через пару десятилетий его начинают употреблять в другом значении, имея в виду политические трактаты и партийные программы. К началу 1830-х гг. складываются три основные идеологические течения, значимые до сегодняшнего дня: либерализм, консерватизм и социализм. Первоначальная, достаточно откровенная связь этих идеологий с интересами тогдашних социальных групп (движущейся вверх буржуазии, утрачивающего свои позиции дворянства, нарождающегося рабочего движения) со временем стала не столь

¹ Крототкин П.А. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 259–260.

² Например, З. Фрейд противопоставлял свои воззрения витализму («окулльтизму») К.Г. Юнга и писал, что сам он и его ученики остаются «механицистами и материалистами».

³ Или даже в нескольких афоризмах Леонардо да Винчи, противопоставлявшего «высшие достижения математических наук» наукам софистическим, «которые учат лишь вечному крику» (См.: Леонардо да Винчи. Суждения о науке и искусстве. СПб., 1998. С. 127–128).

очевидной, да и в начальный период ситуация была не столь простой. Так, один из идеологов социалистического толка Сен-Симон и его ученики желали представлять интересы всех «производителей» (включая фабрикантов), а британские консерваторы вовсе не были «реакционерами», мечтавшими о реставрации абсолютной монархии — таковыми не были и многие континентальные консерваторы вроде Гизо, Токвиля или фон Штейна. После волны революций 1848 г. на протяжении нескольких десятилетий либерализм, казалось бы, одержал окончательную победу, но консервативные партии отнюдь не сходят со сцены. В парламентах они становятся выразителями интересов не только остатков аристократии, но и сельской буржуазии. Казалось бы, сама социальная реальность подтверждала либеральную доктрину. Капитализм свободной конкуренции доказывал свое превосходство развитием промышленности, торговли, техники, образования. Однако этот период оказался довольно коротким.

В силу хорошо известных причин в последней четверти XIX в. в организме буржуазного общества происходят глубокие изменения, повлекшие за собой деформацию тех основ, на которых базировался капитализм свободной конкуренции. «Конкурентные рынки все больше и больше превращались в монопольные, а во внешней сфере набирали силу империалистические тенденции. Любопытно, что контрдвижение против экономического либерализма стало спонтанной реакцией, которая охватила все без исключения развитые страны, так что даже самые последовательные приверженцы этого учения не могли не осознать того факта, что *laissez faire* несовместим с условиями развитого рыночного хозяйства»¹. Это ведет к ряду серьезных последствий, в том числе и касающихся вопросов мира и войны. Начинается жесткая борьба за внешние рынки, колониальная экспансия ведет к конфликтам.

Не менее значимые процессы разворачиваются в границах каждой из ведущих стран Запада, где формировалось организованное рабочее движение. В борьбе между разными ветвями социалистических движений господствующее положение занял марксизм — учение о неизбежности и желательности пролетарской революции. С «красной угрозой» к концу века вынуждены считаться правящие элиты во всех ведущих мировых державах. Наиболее дальновидные мыслители еще в 1860-е гг. предсказывали вступление Европы в эпоху, в которой двумя главными идеями станут социализм и национализм. В статье «Национальное самоопределение» (1862) идеолог либерализма лорд Актон писал о том, что при всей утопичности социалистических доктрин они все же ставят вопрос об ужасающем бремени, которое цивилизация возложила на людей физического труда. Тем не менее, идеи подобного рода были для него неприемлемы, ибо и социализм, и национализм «отдают человека на милость коллективной воли»², а это абсолютно чуждо идеалам европейского гуманизма.

¹ Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010. С. 215.

² Лорд Актон. Очерки становления свободы. Л., 1992. С. 137.

Однако, и это важно подчеркнуть, у целого ряда мыслителей уже на то время под серьезным сомнением находились итоги развития буржуазной цивилизации — торжество либерализма совсем не походило на вершину человечности. К середине XIX в. уже были хорошо видны глубокие расхождения между заявленными в качестве высших ценностей «свободой, равенством и братством» и действительностью. Характерно, что наиболее яркая и жесткая критика постулатов классического либерализма исходила с крайних флангов политического спектра. У их лидеров нет внешних разногласий в оценке либералов: «либеральная буржуазия желает Бога, однако он не должен становиться активным; она желает монарха, но он должен быть беспомощным; она требует свободы и равенства и, несмотря на это, ограничения избирательного права имущими классами, чтобы обеспечить образованию и собственности необходимое влияние на законодательство, как будто образование и собственность дают право угнетать бедных и необразованных людей; она упраздняет аристократию крови и семьи и допускает бесстыдное господство денежной аристократии, глупейшую и вульгарнейшую форму аристократии; она не желает ни суверенитета короля, ни суверенитета народа. Так чего же она, собственно, хочет?»¹ Русские консерваторы охотно цитировали Герцена, разочаровавшегося в европейской буржуазии; в оценках Запада у анархиста Бакунина в «Кнуто-германской империи» можно найти суждения, сходные с идеями националиста Данилевского.

Правые и левые сходятся в оценке самого типа человека, который доминировал в Европе. Если буржуа революционной эпохи иной раз проявлял героические черты, если нечто величественное все же было присуще «грюндерам», которые становились «угольными» или «стальными баронами», то их дети и внуки предстают как откровенные рантье, как потребители. К. Леонтьев соглашается с Прудоном в оценке итога революционных перемен: «Европейская революция есть всеобщее *смещение*, стремление уравнивать и обезличить людей в типе *среднего*, безвредного и трудолюбивого, но безбожного и безличного человека, — немного эпикурейца и немного стоика»². Но разве можно считать этого эстетически и этически посредственного индивида наследником Возрождения, на которое так охотно ссылаются либеральные публицисты? Можно ли считать вершиной и целью истории царство серости? Господствующий тип буржуазного интеллектуала представлен прежде всего рантье, адвокатами, парламентскими ораторами. Доносо Кортес называл буржуазию *la classe discutidora*, имея в виду готовность до бесконечности забалтывать любой вопрос. Если же взять гуманизм этого человеческого типа, то вполне подходят слова А.Токвиля, сказанные о «короле-буржуа» Людовике Орлеанском: «Алчный и сладостный» (*cupide et doux*). Речи о свободах и правах прикрывают жестокую эксплуатацию в самих европейских странах³, вовне они служат обоснованием

¹ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 89.

² Леонтьев К. Записки отшельника. М., 2004. С. 159–160.

³ Марксистская критика идеологии как «ложного сознания» связана именно с таким представлением частных интересов одного класса в качестве высших общечеловеческих ценностей, причем и сами обманщики верят в проповедуемую ими ложь.

колониальных захватов. Первой войной «за свободу» была война Великобритании против Китая — за свободу торговли опиумом.

Те творцы цивилизации, которые поднимаются над уровнем вульгарного рантье — ученые, инженеры, художники, сделались наемными работниками капитала. Но власть денежных мешков не может быть вечной. Для одних торжество новой аристократии труда наступит в результате социалистической революции, для других эта аристократия предстает как синтез воинских доблестей феодального мира и научно-технических орудий современности. Ф. Ницше был, пожалуй, самой яркой фигурой среди тех, кто выступил проповедником такой аристократии, но далеко не единственной. Теории правящей посредством меча элиты создаются в то время целым рядом мыслителей в разных странах Европы. Итальянский экономист и социолог В. Парето или французский создатель социальной психологии Г. Ле Бон были теми авторами, которые сформировали сознание Муссолини. Новая аристократия предполагала и новую общественную иерархию, на вершинах которой оказываются не боящиеся крови «люди дела». При всей ненависти Ф. Ницше к демократии, социализму и анархизму он пишет: «Революция сделала возможным Наполеона. За такую цену мы должны были бы даже желать анархического низвержения всей нашей цивилизации»¹. На вратах подступающей эпохи начертано: «Горе слабому».

Социал-дарвинизм к 1890-м гг. соединяется с расизмом и становится составной частью идеологии колониальных держав. Практика создателей колониальных империй, вроде Сесилия Родса, воспевается поэтами, пишущими о «бремени белого человека». Как осмысливалась теория естественного отбора в рамках этой новой идеологии, хорошо известно: выживают сильнейшие, к ним относятся представители белой расы, создавшие замечательную индустриально-техническую цивилизацию. Прочие не смогли этого сделать, поскольку принадлежат к биологически ущербным расам. Эти воззрения принадлежали совсем не «реакционерам»: на конец XIX в. общепризнанными считались взгляды либерала Спенсера на эволюцию человеческого общества, который утверждал, что по мере прогресса все более сложными и высокоорганизованными становятся язык, знания, умения, умственные способности; люди с более развитым умом достигают успеха, выигрывают в конкуренции; столкновения групп приводят к вытеснению сильными и развитыми слабых и отсталых. «Поскольку победители наиболее приспособлены, то из теории Спенсера следовало, что англичане XIX века обладали наиболее высокими способностями и жили в самом развитом обществе, являя собой, таким образом, образец для сравнения других народов»².

Вполне обычными для этнографов, историков, социологов той эпохи были сравнения дикарей с детьми. Но не так уж редки были и рассуждения о принадлежности представителей «низших рас» к животным. В зоопарках ев-

¹ Nietzsche F. Der Wille zur Macht. Stuttgart, 1996. S. 597.

² Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 26.

ропейских государств нередко имелся и вольер с африканцами¹. Чаще всего рассуждениями о расовом превосходстве пользовались в Англии и Германии, но сходные пассажи обнаруживаются и у противников «пангерманизма». Например, автор монументальной книги «Империя царей и русские» А. Леруа-Болье обосновывает для французского образованного читателя союз с Россией детальным подсчетом того, что в крови русских арийское наследие преобладает над угрофинским. Антисемитизм был лишь одной из составляющих тогдашнего политического дискурса, и наиболее вирулентным он был в республиканской демократической Франции². В таком сложном и неоднозначном состоянии находилась сфера науки и идеологии на рубеже XIX–XX вв., когда европейское сообщество приблизилось к концу так называемой «прекрасной эпохи».

Этим термином обычно называют четверть века, предшествовавшую мировой войне, пережившие эту войну люди, которые ностальгически вспоминали о мирной и упорядоченной жизни. Это действительно была эпоха невиданного промышленного роста, многочисленных технических изобретений, научных открытий. В это время на улицах европейских городов появляются автомобили и трамваи, в домах — электрическое освещение и телефоны. Радио, аэропланы, кинотеатры, подводные лодки — этот список можно было бы продолжить. Все эти технические новинки опирались на научные открытия предшествующих десятилетий, но на это же время падают новые открытия, переворачивающие представления об устройстве мира, которые нередко именуют «научной революцией» (специальная теория относительности Эйнштейна, «атом Бора», генетика).

Ощутим ветер перемен и в литературе, и в изобразительных искусствах. Внешние обстоятельства были совершенно различными. Скажем, в Испании писатели и поэты, принадлежащие к так называемому «поколению 1898 года», выходят на сцену истории в момент военного поражения Испании в войне с США, тогда как в Германии, Австро-Венгрии, России ситуация была иной. Но во всех этих странах литераторы и художники обращаются к новым формам. Наименования этому движению в статьях и манифестах давались самые разнообразные. Как писал впоследствии Г. Адамович, «у движения этого есть несколько названий: есть кличка, ставшая презрительной, — “декадентство”, есть уклончивое, неясное имя — “модернизм”, есть определение литературное — “символизм”... Одна, единая творческая энергия вызвала в девяностых годах литературное оживление...»³ Общим для всех этих художников и поэтов оказывается отрицание эстетики викторианской эпохи.

Изменения происходят и в богословии. В католицизме они связаны с появлением «модернизма», в немецком протестантизме возникает «школа истории религии», которая отходит от морализаторских трактовок христианства в рамках так называемой либеральной теологии. Самым существенным в Новом

¹ Такие вольеры в некоторых странах Европы просуществовали еще несколько десятилетий. Последний из них закрылся в Милане только в 1930-е гг.

² Sternhell Z. La droite révolutionnaire 1885–1914. Les origines françaises du fascisme. P., 1978.

³ Адамович Г. Одиночество и свобода. СПб., 2006. С. 52.

Завете для этой школы оказывается не догматика, не нравственные идеи, но личное благочестие, мир переживаний верующего индивида¹. Высшим выражением религии становится мистика. Виднейший представитель этой школы Р. Отто с 1911 г. работает над книгой «Священное», которая выйдет уже во время войны — первым в XX в. наброском феноменологии религии. Пробуждается интерес к оккультизму, восточным религиям. При этом разочаровавшиеся в собственных религиозных традициях люди заняты поиском нового *опыта*, а не каких-то догматов и ритуалов. Каждый образованный индивид считал своим долгом иметь «мировоззрение», таковым могли стать хоть дарвинизм, хоть вагнерианство. «Это был век, когда музыка Вагнера, не довольствуясь ролью музыки, хотела занять место философии и даже религии; это был век, когда физика хотела стать метафизикой, философия — физикой, а поэзия — живописью и музыкой; политика уже не желала оставаться только политикой, а мечтала сделаться религиозным кредо и — что уж совсем нелепо — сделать людей счастливыми»².

Слова «переживание», «опыт», «субъективность» вообще наиболее характерны для умонастроений этого периода. Немецкий философ и социолог Г. Зиммель в неоконченном наброске «Индивид и свобода» писал о появлении нового индивидуализма. Наследием Просвещения был либеральный индивидуализм XIX века, утверждавший свободу и равенство абстрактного человека — равного любому другому, а потому и равноправного. «В практической области эта концепция индивидуальности явным образом выливается в *laissez faire*, *laissez passer*. Если во всех людях содержится всегда тот же самый “человек вообще” как общая их сущность, если предлагается полное и ничем не сдерживаемое развитие этой сердцевины, то не требуется никакого регулирующего вмешательства в человеческие отношения», — писал Зиммель³. Общественная гармония возникает из конкурентной борьбы, «невидимая рука» устанавливает равновесие не только на рынках, она гарантирует права и свободы в «гражданском обществе», а государство мыслится как «ночной сторож». Но возможно и совсем иное понимание индивидуальности, развитое прежде всего в рамках романтизма, подчеркивал он. Ведь «обособившиеся индивиды желают *отличаться друг от друга*, быть не просто свободными одиночками вообще, но особенными и неповторимыми»⁴.

Каждый индивид сам формирует некий совершенно неповторимый облик — такова нравственная задача каждого, каждый должен стремиться к самореализации, а потому не равенство, но различие людей становится нравственным требованием. Такой индивидуализм Зиммель называл «качественным», противопоставляя его «нумерическому» индивидуализму Просвещения и либерализма. Но качественный индивидуализм неповторимых личностей предполагал иные социально-экономические принципы. Уже не свободная кон-

¹ См.: Бульман Р. Избранное: Вера и Понимание. М., 2004. С. 17.

² Ортега-и-Гасет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 74.

³ Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 196–197.

⁴ Там же. С. 197.

курения, а разделение труда в рамках сложного общественного организма становится основанием экономики. Романтический индивидуализм связан не с механическим, а с органическим пониманием общества. В последнем роль государства никак не сводится к положению «ночного сторожа».

Философия в этот период также обращена к субъективному опыту мира. На разные языки переводят с датского С. Кьеркегора, растет число поклонников Шопенгауэра, пожалуй, самым популярным мыслителем становится Ницше — не только в Германии, но и в России начала XX в. Даже занятые обоснованием «математического естествознания» неокантианцы пишут о «чистом опыте», текучую «жизнь сознания» пытается уловить феноменология Э. Гуссерля. Слово «переживание» (Erlebnis) из философских трудов В. Дильтея переходит в повседневную речь, основоположник прагматизма У. Джеймс пишет о «потоке сознания» и создает теорию «радикального эмпиризма». И в интуитивизме Бергсона во Франции, и в немецкой «философии жизни» отвергается прежняя ориентация философии на естественные науки, причем речь идет не только о натурализме и позитивизме XIX в., но и о всей традиции Нового времени — философия перестает быть «служанкой науки». Появляются первые труды мыслителей (Бердяев и Шестов в России, Унамуно в Испании), которые впоследствии будут классифицироваться как экзистенциалистские.

Впоследствии и либералы, и марксисты напишут немало критических статей и монографий, в которых этот поворот к «жизни» будет рассматриваться как «затмение разума», иррационализм, реакционный антиинтеллектуализм, обслуживавший империалистическую политику и подготавливавший фашизм. Иные из этих работ были талантливыми (скажем, книга Г. Лукача); но такой узко «партийный» взгляд на философию той эпохи, на наш взгляд, явно односторонен. Легко указать и на то, что в то время сочинения Ницше, Бергсона, Зиммеля находили почитателей прежде всего среди «левых» интеллектуалов. В России Ницше зачитываются русские символисты, причем пишут о нем именно те из них, которые после 1917 г. станут служить новой власти, даже Плехановым была написана положительная рецензия на «Материю и память» Бергсона. Противники тогдашней философии правы, пожалуй, лишь в том, что через пару десятилетий некоторые тезисы философов превратятся в идеологические принципы послевоенных партий.

Идеологические дебаты предвоенного времени дают картину любопытных трансформаций доктрин и партийных программ. «Национал-либерализм» союзов немецкой буржуазии, вроде *Alldeutscher Verband*, *Kolonialgesellschaft*, *Flottverein*, представлял собой откровенную программу империалистических захватов, «борьбы за место под солнцем». Социал-демократы в целом пока еще не переходят на позиции появившихся среди них «ревизионистов» вроде Э. Бернштейна, но лидеры профсоюзов, желающие прежде всего улучшить условия наемных работников, уже далеки от революционных мечтаний. Конечно, на социалистических конгрессах они поют «Интернационал», но как практики они хорошо понимают, что наличие рабочих мест и благосостояние тружеников зависит от наличия рынков сбыта, борьбы за колонии.

Еще более характерны трансформации консерватизма. Во второй половине XIX в. происходила «национализация» европейских монархий. «Пангерманизм» и «панславизм», еще совсем не характерные для 1870-х гг., становятся направляющими идеями во времена Александра III и Вильгельма II. В Италии правые националисты начинают писать о революционной борьбе «молодых наций» против «старых». Происходит преобразование и либеральной, и консервативной идеологии: «Национализм из понятия, связанного с левыми и либеральными идеями, превратился в среде мелкой буржуазии в шовинистическое, имперское, агрессивное-ксенофобское движение, точнее — в правый радикализм»¹. В республиканской Франции эта эволюция консерватизма была еще более заметной. Action française III. Морраса выступает как партия «интегрального национализма», отказа от традиционных форм монархии, связи престола и алтаря. По существу, это уже партия нового «цезаризма», противостоящего плутократии. Более того, «интегральные националисты» пытаются выработать общую программу с левыми анархо-синдикалистами, воздействовать на рабочее движение через профсоюзы. Попытки были неудачными, но они задают вектор будущих движений такого рода: консервативные элиты должны опираться на рабочие массы. В Австро-Венгрии в 1904 г. возникает первая рабочая партия (Немецкая рабочая партия, DAP), которая увязывает улучшение положение рабочих с национализмом, направленным как против «еврейского капитала», так и против притока «дешевой рабочей силы» из Чехии. Молодой Адольф Гитлер в то время наблюдал за тем, как пользуется антисемитской пропагандой мэр Вены К. Люгер, а Г. фон Шённерер сочетал немецкий национал-либерализм с расовой доктриной.

Философы последних предвоенных лет занимались не только своими цеховыми проблемами онтологии и этики, они писали о путях развития европейской цивилизации. Они размышляли о борьбе в сфере духа, которая имеет отношение к борьбе наций. Н. Бердяев в книге о Хомякове писал о том, что ранним славянофилам приходилось бороться с классическим немецким идеализмом, тогда как ныне борьба идет с идеализмом эпигонским. «То вооружение, которое выковывалось в борьбе с классическим германским идеализмом, с вершинами западной философии, может пригодиться и для борьбы с идеализмом модернизированным»². Сходные отсылки к Гердеру, Фихте, Гегелю как «борцам» немецкой Kultur против западной civilization были нередки в Германии.

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 192.

² Бердяев Н. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С. 351–352. «Грех Хомякова был не в том, что он отрицал Запад (он не отрицал Запад, а в своей критике Запада часто бывал прав), — грех его в том, что он с нелюбовью относился к католицизму, то есть к целой половине христианского мира, и питал антипатию к романским народам, то есть к живым носителям католицизма на Западе. Хомяков всегда отдавал предпочтение Германии перед странами романскими. Думаю, что в этом он допустил большую ошибку по отношению к идеалам России и славянства. Германия — носительница идеалов пангерманизма, глубоко враждебных идеалам панславизма. Германия имеет всемирно-историческое стремление германизировать славянство, привить ему свою культуру. Германизм — одна из исторических опасностей для России и славянства, подобно опасности панмонголизма. Со странами романскими нам делить нечего» (Там же. С. 426–427).

Но намного интереснее таких отсылок к «национальному духу» — неутешительные размышления о судьбах европейского мира. «Конец XIX века переживался позитивистами как вершина, эсхатологически настроенными мыслителями как конец, как вырождение — декаданс, господство буржуазной посредственности, потеря творческой силы, как эпоха, которая породила неизбежность своего уничтожения»¹. Но пророками они все же не были, пророческим даром обладали скорее поэты, предрекавшие «неслыханные перемены, невиданные мятежи»². Можно вспомнить о видениях, посещавших как русских символистов, вроде Белого и Эллиса, так и немецких поэтов-экспрессионистов. Наступает век войн и революций — об этом было немало сказано мыслителями самых разных воззрений. Такие русские писатели, как Л. Толстой, К. Леонтьев или В. Соловьев, полемизировали по многим вопросам, но общим для них было предвидение насильственных перемен³.

Но ни они, ни западноевропейские писатели не предвидели характера, длительности, ожесточенности войны. О неизбежности войны пишут публицисты многих стран; опасаящиеся войны социал-демократы на своих предвоенных конгрессах обещают ответить на подступающую войну всеобщей забастовкой. «Война великих европейских держав, разразившаяся в начале августа 1914 года, ни для кого не была неожиданностью. Редко бывало так, чтобы о войне так много говорили задолго до ее начала. Прежде чем начались военные действия, война уже давно существовала в головах европейцев... Эта большая война стала возможна благодаря новому национальному мышлению культурных (!) народов Европы, его основные особенности можно выразить четырьмя понятиями: национализм, милитаризм, империализм и расизм»⁴.

Политики и философы писали о том, что война служит преодолению индивидуального эгоизма, дисциплинирует людей, развивает силы для служения высшим всеобщим интересам. Не только поклонники Гегеля писали о высшей разумности войны; слова оппонента Гегеля в философии истории Я. Буркхардта передают общее умонастроение правящих элит на 1914 г.: «Длительный мир не только расслабляет, он способствует появлению множества плачущих, боязливых, жалких существ, которые без него не могли бы появиться, но теперь

¹ Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М., 2011. С. 171–172.

² В предисловии к написанному в основном в 1910–11 гг. «Возмездию» Блок отмечает, что на то время в газетах мелькали статьи о грядущей войне: «Уже был ощутим запах гари, железа и крови».

³ «Мы чуть держимся в свой лодочке над бушующим уже и заливающим нас морем, которое вот-вот гневно поглотит и пожрет нас. Рабочая революция с ужасами разрушений и убийств не только грозит нам, но мы на ней живем уже лет 30 и только пока, кое-как разными хитростями на время отсрочиваем ее взрыв. Таково положение в Европе; таково положение у нас и еще хуже у нас, потому что оно не имеет спасительных клапанов» (Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Собр. соч. М., 1983. Т. XVI. С. 378–389). «Социализм (т.е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере для некоторой части человечества» (Леонтьев К. О всемирной любви // Леонтьев К. Записки отшельника. М., 2004. С. 210).

⁴ Данин О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990. СПб., 2003. С. 212.

с громким воплем кое-как цепляются “за право” существовать, занимают места, принадлежащие подлинным силам, и копят небо, а в общем оскверняют национальное достоинство. В войне восстанавливается уважение к истинной силе, жалкие же существа по крайней мере принуждаются к молчанию»¹.

§ 2. Трещина мира и сердце поэта: литература как предчувствие

С Первой мировой войной человечество вступило в новую культурную эпоху — XX век; предчувствие этого решающего исторического перелома определяло всю духовную атмосферу предвоенных лет — и, конечно, литературу того времени.

В этой обстановке сам календарный переход в новое столетие был воспринят обществом глубоко символически. В 1900 г. скончался Ницше, в том же году скончался и Владимир Соловьев — фигуры фундаментальные для развития европейского сознания; для многих их уход стал своеобразным указанием на приближение Европы к грозному пределу. В связи с кончиной Соловьева Александр Блок вспоминал, что «уже январь 1901 года стоял под знаком совершенно иным, чем декабрь 1900 года, что самое начало столетия было исполнено существенно новых знамений и предчувствий»².

Новые, 1900-е стали для литературы объектом пристального внимания и философского осмысления. В новелле «Смерть в Венеции» (1911) Томас Манн (1875–1955) дает такое определение времени действия: «теплый весенний вечер 19... года — года, который в течение столь долгих месяцев грозным оком взирал на наш континент»³. Мастер слова Манн роняет свое замечание о «грозном оке» года словно мимоходом, оно контрастирует с беспечным настроением героя, немецкого писателя Ашенбаха, идущего на прогулку, с теплотой воздуха в весенний вечер, точно определенный, но одновременно таинственно скрытый многоточием. Тревожное начало, таящееся под поверхностью обыденности, звучит как первая нота той роковой мелодии, которая раскроется в новелле, дающей срез европейской культуры накануне «Великой войны», исследующей глубины европейского сознания, суть его трагических изъянов и надвигающихся перемен. Тема смерти, постепенно нарастая, вплетается в сложную ткань текста, связывая воедино судьбу героя и всей Европы.

Интересно, что многие произведения, которые сейчас воспринимаются как послевоенные, вобравшие в себя опыт мировой военной катастрофы и революционных бурь, были написаны до этих событий. К числу таких произведений можно отнести, например, поэму Блока «Возмездие». В ее пророческих строках сегодня для нас звучит пронзительно точное определение трагического опыта всего столетия:

¹ Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. М., 2004. С. 143.

² Блок А. Владимир Соловьев и наши дни (К двадцатилетию со дня смерти) // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Л., 1982. С. 394.

³ Манн Т. Собр. соч. Т. 7 / Пер. с нем. М., 1960. С. 448.

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла)¹.

Поэма была задумана поэтом в 1910 г. и в главных чертах набросана в 1911 г. Блок отмечал, что тогда «уже был ощутим запах гари, железа и крови»².

Для литературы всех европейских стран предвоенные годы были периодом интенсивного развития, высоких художественных достижений, великих имен. Литература того времени отмечена противоборством различных — порой диаметрально противоположных — тенденций: их пестрая палитра отражала весьма противоречивое состояние европейского общества и европейского духа на исходе эпохи декаданса. Наряду с литературой декаданса бурно развивались художественные направления иного свойства. Своеобразное место в литературном процессе занимал неоромантизм, новыми поисками отмечено творчество писателей-реалистов. Симптоматично, что практически весь комплекс новых литературных течений, школ, направлений, ставший характерным для культуры XX в., в предвоенные годы во многом уже сложился, такие знаковые явления, как авангардизм, модернизм дали свои первые плоды.

Литературный *декаданс* был, конечно, ярчайшим проявлением общего кризисного состояния европейской культуры и сохранял свою актуальность вплоть до самой войны, ведь настроения «конца века», предчувствие катастрофы, разочарование в идее прогресса и либеральных ценностях, столь типичные для мироощущения писателей-декадентов, были сильны и в обществе в целом. Декаденты утверждали принцип «искусство для искусства», создавая произведения отточенной художественной формы, стремились к бегству из буржуазной современности в альтернативный мир — «башню из слоновой кости»; своеобразными «башнями» становились также аморализм, гедонизм, интерес к экзотическому, — все в их творчестве говорило о болезненном состоянии мира и литературы, которая не находила уже вдохновения в окружающей ее действительности.

Как мы уже отмечали, во всех литературных направлениях тех лет имели место противоречивые, иногда разнонаправленные по своей сути тенденции. Не было исключением и декаданс. Неоднозначность декаданса пролегла в нескольких плоскостях, затрагивая самую его сердцевину, что способствовало распространению его влияния на весьма широкий круг художников слова. Так, презрение Ницше к буржуазной посредственности, апология индивидуализма, сильной личности, «сверхчеловека» были словно обратной стороной декадентской тоски и печали. Ницше и сам отмечал это, говоря, что он — декадент, но в то же время и противоположность декадента. «Противоположность» имела своих многочисленных последователей у авторов рубежа веков: мы видим своеобразное преломление ницшеанских идей и в творчестве итальянца Га-

¹ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 277.

² Там же. С. 271.

бриеле Д'Аннунцио, воспевавшего «сверхчеловека» и итальянский империализм (драма «Сильнее любви», 1907; цикл стихов «Песни о заморских подвигах», 1911), и в аморализме героя романа М. П. Арцыбашева «Санин» (1907). Романтизация образа силы, человеческой энергии и воли, не связанной узами морали, противостоящей дряхлому и вялому обществу, проникает и в поэзию Николая Гумилева (его «конквистадоры»), и в творчество испанца Пио Барохи, создавшего многоотомный исторический цикл «Воспоминания человека действия» (1913–1928). Образы такого свойства мы находим у Джека Лондона, Теодора Драйзера и многих других авторов, в целом далеких от декаданта.

В 1900-е гг. в литературе всех направлений сильно было стремление выйти за оформившиеся ранее художественные пределы. Оно затронуло и декадентов, повлияло, например, на художественные поиски русских *символистов*, чье творчество достигло расцвета именно в 1900-е гг.: Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Иннокентия Анненского, Максимилиана Волошина, которые отмежевывались от эстетизма и субъективизма, столь характерных для декадентов (при всем том, что символизм являлся одним из важнейших направлений литературного декаданса); их вдохновляла идея преобразования жизни, в том числе через искусство, которое должно служить высшему началу и грядущему преобразованию мира. Предчувствие катастрофы и гибели старого мира было сопряжено для них с восхождением к первоосновам бытия и возрождением духа. Таков лейтмотив, например, поэмы Блока «Возмездие», полной надежд на обретение смысла: опустошенное сердце наполняется благодарностью и благословляет жизнь; тема, звучащая в «Прологе», обращенном к художнику:

«Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен»,

в завершающих строках звучит вновь в отношении простого смертного, ему также дано с благодарностью увидеть, что «мир — прекрасен, как всегда»¹.

О том, что такое изменение вектора художественных поисков было глубоко симптоматично для европейской литературы начала века, свидетельствует тот факт, что аналогичные тенденции можно отметить и в творчестве, скажем, бельгийца Мориса Метерлинка (1862–1949) — одного из важнейших представителей символистской драмы, лауреата Нобелевской премии за 1911 год. Его пьеса «Слепые» (1890) — классическое произведение декаданта, предвосхищающее модернистский театр, — была полна ожидания какой-то тайной,

Александр Блок

¹ Блок А. Собр. соч. Т. 2. С. 274, 312.

невидимой и оттого еще более страшной катастрофы. Слепые, оставшиеся в лесу без поводыря, — образ всего человечества, стоящего на пороге беды, неспособного понять, что происходит, беспомощного перед грядущим. В предисловии к сборнику своих драм Метерлинк писал, что его пьесы «полны верою в какую-то необъятную, невидимую и роковую власть, чьих намерений никто не знает, но которая по духу драмы кажется недоброжелательною, внимательною ко всем нашим поступкам, враждебною улыбке, жизни, миру, счастью»¹.

В 1900-е гг. он создал пьесу совершенно иного звучания — «Синяя птица» (1908). Сохранив верность символизму, Метерлинк наполнил свое произведение принципиально утверждающим духовным содержанием, о чем прекрасно писал Блок: «...Счастья нет, счастье всегда улетает как птица, говорит сказка; и сейчас же та же сказка говорит нам другое: счастье есть, счастье всегда с нами, только не бойтесь его искать. И за этой двойной истиной, неуловимой, как сама Голубая Птица, трепещет поэзия, волнуется на ветру ее праздничный флаг, бьется ее вечно юное сердце»². Художественные поиски Метерлинка были созвучны поискам самого Блока и повсюду обладали огромной актуальностью: в том же 1908 г. «Синяя птица» была поставлена К.С. Станиславским (совместно с Л.А. Сулержицким и И.М. Москвиным) на сцене Московского художественного театра.

Однако и самые тягостные, и скорбные настроения декаданса в 1900-е гг. не отошли в прошлое; более того, уже в предвоенные годы они нашли свое непосредственное продолжение в литературе *модернизма*. Силы, «враждебные улыбке, жизни, миру, счастью», о которых писал Метерлинк, господствуют в художественном мире одного из основоположников европейского модернизма Франца Кафки (1883–1924). Его первые произведения были написаны накануне войны, хотя многие из них были опубликованы значительно позднее — либо самим Кафкой в годы войны, либо Максом Бродом — другом и душеприкащиком — после смерти Кафки (Макс Брод, как известно, должен был уничтожить рукописи, но нарушил волю друга). Кафка писал своей возлюбленной, что основа его существования — страх; этим страхом наполнены все его произведения, а действительность предстает в них как таинственная и враждебная человеку.

Особый язык и стиль Кафки — ясный и педантичный — только подчеркивают иррациональность происходящего, силу внешней по отношению к человеку машины бюрократической власти, всей социальной действительности, частью которой человек все же стремится стать. Иррациональные ужасы, похожие на кошмарный сон, зачастую происходят с героями Кафки именно тогда, когда они просыпаются: у них открываются глаза на абсурдность бытия, его враждебную, все сокрушающую силу, на присутствие таинственного и недостижимого абсолюта, владеющего миром и обрекающего человека на страх, страдание и метафизическую безысходность. Эти характерные черты художественного мира Кафки мы видим уже в самых первых его произведениях, —

¹ Метерлинк М. Драммы. Стихотворения. Песни. Самара, 2000. С. 6.

² Блок А. О «Голубой Птице» Метерлинка // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. С. 411.

скажем, романе «Америка» (1912–1914, опубликован в 1927), новеллах «Приговор» (1912, опубл. в 1916), «Преображение» (1912, опубл. в 1915).

Существенную роль сыграли предвоенные годы и в творчестве таких важнейших представителей модернизма, как ирландец Джеймс Джойс и француз Марсель Пруст. Джойс (1882–1941) был одним из представителей так называемого ирландского литературного возрождения, но при этом решительно критиковал своих соратников — как предшественников, так и некоторых современников — за их стремление утвердить национальный дух через обращение к старине и фольклору. Джойс с самого начала желал беспристрастно изображать современность, ирландскую действительность XX века. Одной из вех на этом пути стал сборник «Дублинцы». Вошедшие в него рассказы были написаны в 1900-е гг., к 1907 г. состав сборника сложился, но по цензурным соображениям книга увидела свет только в 1914 г. И в самой формулировке замысла, и в образном решении рассказов Джойс был верен своему художественному кредо: его намерением было написать главу из духовной истории своей страны, а местом действия он выбрал Дублин, потому что этот город представлялся ему центром паралича. Эвелин, героиня одноименного рассказа, являет собой пример такого паралича современного человека. В определяющий момент своей жизни, когда она должна покинуть Ирландию и, сев на пароход, уплыть со своим женихом в Бразилию, Эвелин лишь в ужасе взирает на пучину, молит Бога указать ей, в чем ее долг, — ее словно накрывает пучина жизни, она оказывается не в состоянии вступить на трап корабля. Героиня утрачивает все признаки полноценной личности, человека живущего и действующего; последние слова рассказа так завершают историю любви Эвелин: «Она повернула к нему бледное лицо, безвольно, как беспомощное животное. Ее глаза смотрели на него не любя, не прощаясь, не узнавая»¹.

Первая часть многотомного романа Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени» — «В сторону Свана», завершенная в 1911 г., вышла в свет также накануне войны — в 1913 г. Тогда она не была замечена читателями, слава пришла к Прусту позже, с публикацией второго тома — «Под сенью девушек в цвету» (1918), за который он получил Гонкуровскую премию. По своему творческому складу Пруст словно вырастает из настроений «конца века», ему близок импрессионизм, но его роман свидетельствует и о качественном повороте в художественном освоении мира — повороте от декаданса к модернизму. Пруст утверждает пропасть между человеческим «я» и окружающим миром: «действительность создается лишь в памяти»; «цветы, которые я вижу теперь впервые, кажутся мне ненастоящими»². Единственной ценностью становится в его романе субъективное переживание жизни; лишь «поток сознания» через цепь сугубо личных воспоминаний и ассоциаций дает возможность проникнуть в сущность «я», совершенно отделенную от всего и всех; его герой об этом

¹ Джойс Д. Дублинцы: рассказы. Портрет художника в юности: Роман / Пер. с англ. Т. 1. М., 1993. С. 36.

² Пруст М. В поисках утраченного времени. Т. 1. По направлению к Свану / Пер. с фр. М., 1992. С. 163.

много размышляет: «И разве мои мысли не были тоже своего рода убежищем, в глубине которого я оставался невидимым, даже когда смотрел, что делается наружи?»¹ Многоотный роман Пруста перевернул традиционные жанровые представления, став одной из первых «субъективных эпопей» XX века.

Если для декадентов еще существовали альтернативные миры, то модернизм в них уже не верил, он видел только одну данность — окружавшую его действительность, бессмысленную и глубоко враждебную человеческой личности, да и сама личность утратила свое достоинство. В модернизме кризис европейского гуманистического сознания достиг своего апогея. Классические произведения модернизма были написаны в основном в военные и послевоенные годы, но первая проба пера — что показательно — состоялась именно перед войной.

Однако превалировавшее в творчестве декадентов, а затем модернистов убеждение в трагическом антагонизме между искусством и действительностью, в непреодолимом отчуждении человека от мира вокруг него и от самого себя выражало лишь одну из сторон мироощущения людей того времени. Не менее сильна была и оптимистическая вера в научно-технический и социальный прогресс, в возможности человеческого разума, — она также оказала свое воздействие на литературный процесс.

Новые достижения науки и техники, новые открытия в психологии, фундаментальных науках, новая социальная реальность промышленного общества требовали своего художественного освоения. Одним из ответов на эти вызовы времени стал *авангардизм*. «Старое», с точки зрения авангардистов, реалистическое и романтическое искусство не отвечало духу эпохи, новому содержанию действительности. Они стремились дать формы, которые, по их мнению, более соответствовали бы современной жизни, служили ключом к ее пониманию. Неприятие «старого искусства», приравненное к отторжению «старого мира», поиск новых выразительных форм, эпатажность были весьма характерны для 1910-х гг.

В выступлениях авангардистов много было от юношеского бунтарства, немало экспериментов, не давших существенных плодов в литературе, но были и удачи, оказавшие влияние на литературный процесс в целом. Таким ярким явлением был, скажем, русский *футуризм*, а это — и Владимир Маяковский, и Велимир Хлебников. Они открывали и творили формы, имевшие сами по себе высокое эстетическое значение и нередко развивавшиеся затем уже за пределами собственно авангардизма.

В целом авангардизм был явлением сложным и неоднозначным; не было согласия и в стане самих авангардистов, — даже в рамках одного и того же направления.

Не все авангардистские направления были социально и политически ориентированы, но были и те, кто декларировал свою ангажированность. Одним из таких авангардистских направлений, заявивших о себе перед войной, являл-

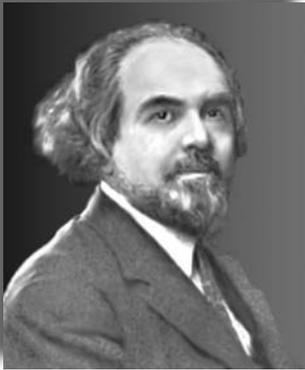
¹ Пруст М. Цит. соч. С. 79.

ся *экспрессионизм*. Но несмотря на то, что некоторые экспрессионисты принципиально отмежевались от политики, полемика внутри движения проходила в немалой мере именно по этой идеологической линии. Так, в Германии уже с 1911 г. выходил журнал «Акция», сплотивший вокруг себя писателей, настроенных бунтарски не только в отношении эстетических форм, но и общественной жизни. Вместе с тем, журнал «Штурм» (выходивший с 1910 г.) декларировал отделение искусства от политики.

Исходной посылкой для экспрессионистов был бунт против буржуазного мира, а характерной темой — бунт «сыновей» против поколения «отцов» (пьеса Вальтера Газенклевера «Сын», 1913, опубл. в 1914, поставлена в 1916). Экспрессионисты устремлялись к абсолютным истинам и законам, свои обобщенные представления о мире и человеке они пытались выразить и в обобщенных абстрактных образах. Их известный эстетический принцип — изображать «не падающий камень, а закон тяготения». При этом абстрактный «закон тяготения» был в художественной системе экспрессионистов совмещен с предельной напряженностью художественного высказывания. Эти черты характерны и для поэзии, и для прозы, и для драматургии экспрессионизма, полных грозных пророчеств и предчувствия мировых катастроф. Однако экспрессионистским произведениям были присущи двойственность, мирозерцание, разорванное на противоположности: ощущение глубокого кризиса соединялось с верой в грядущее обновление мира и человечества (сборник Иоганнеса Бехера так и назывался «Распад и торжество», 1914).

Для Германии экспрессионизм в литературе и изобразительных искусствах оказался ярким и значимым явлением, существенным и в межвоенные десятилетия. Среди экспрессионистов было много людей левых взглядов (И. Бехер, Б. Брехт), благодаря чему экспрессионизм в Германии — накануне войны, а затем и в военные годы — способствовал политизации и демократизации немецкой культуры.

В экспрессионистских изданиях участвовали и немецкие писатели иных эстетических позиций, в частности Генрих Манн (1871–1950). Художественная практика экспрессионизма с его концентрированной обобщенностью образов помогла ему в развитии сатирической традиции немецкой литературы — создании выпуклых сатирических обобщений немецкой действительности, решении публицистических задач (скажем, в романе «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» (1905), где предметом острейшей сатиры стала прусская система воспитания). В 1910-е гг. Генрих Манн задумывает масштабную трилогию «Империя». Ее первая часть — роман «Верноподданный» — была завершена перед войной, но опубликована сначала в России в 1915 г., а в Германии тиражом, доступным широкой публике, — только в 1918 г. Манн рисует в ней социально-психологический тип человека, сформированного немецким милитаризмом, он — олицетворение верноподданности, преклонения перед властью, но в своем низкопоклонстве такой человек никогда не забывает о собственных корыстных интересах; раболепство и страх сочетаются в нем с наклонностями тирана.

Николай Бердяев

В 1917 г. Николай Бердяев (1874–1948), рассматривая кризисные явления в европейской культуре, говорил о том, что Первая мировая война началась фактически сначала в сфере искусства, а затем уже вылилась на поля сражений, ведь «материальная война есть лишь выявление духовной войны»¹. С ним в этом трудно не согласиться. Авангардистские течения (футуризм, кубизм) Бердяев считал наиболее ярким выражением кризиса искусства, поскольку в них отразились «аналитические стремления», «разлагающие всякую органичность», в них «дух как будто бы идет на убыль, а плоть дематериализуется»². Самое яркое подтверждение

этому он видел в фетишизации машины некоторыми идеологами футуризма. Первую мировую войну он называл «войной футуристической»: «Нынешняя мировая война начата Германией как война футуристическая. Футуризм из искусства перешел в жизнь и в жизни дал более грандиозные результаты, чем в искусстве. Футуристические приемы ведения войны были предписаны Германией всему миру. Нынешняя война — машинная война. Она — в значительной степени результат возрастающей власти машины в человеческой жизни. Это — война индустриальная, в ней машина заменяет человека»³.

Данные размышления Бердяева затрагивают глубинные пласты культуры, позволяют ему выделить некоторые узловые проблемы и важнейшие тенденции. Но надо сказать, что художественное творчество представителей кубизма и футуризма было далеко не однозначно и не сводимо, на наш взгляд, к характеристике, предложенной Бердяевым.

Авангардисты, хотя и были едины в своем бунте против старого искусства и старой жизни, отнюдь не были единодушны в оценках технического прогресса и индустриальной цивилизации. Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1942) действительно славил агрессивность, красоту скорости, рычащий автомобиль и войну как «единственную гигиену мира», выступал за «освобождение» Италии от профессоров, библиотек и музеев. Футуристические манифесты Маринетти 1910-х гг. призывали к поиску средств, которые смогли бы отобразить бурно меняющуюся действительность: «эпоха аэропланов» должна была найти свое выражение и в изменении темпа и ритма поэтической речи, самого синтаксиса, упразднении пунктуации, расчленении слова. Эти художественные эксперименты были характерны для многих авангардистов, но в случае с Маринетти они были напрямую связаны с его идеологическими построениями, что привело его в годы войны в число ее ярых сторонников, а в дальнейшем — в ряды фашистов.

¹ Бердяев Н.А. Кризис искусства. М., 1990. С. 23 (Репринтное изд.).

² Там же. С. 7, 9.

³ Там же. С. 22.

Но был и другой «тип» футуристов. Маринетти полагал, что современной поэзии не могут быть интересны человеческие слезы, ее предмет — металл, машина, скорость, а вот Владимир Маяковский в 1913 г. написал стихотворение «Адище города», где центральная тема — трагедия человеческого отчуждения и распад природного мироздания, с пронзительной болью воспринимаемые поэтом:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
Над самым ухом взрывая гудки¹.

Аналогичное восприятие действительности звучит и в поэзии Блеза Сандра, Бехера, Сэндберга, Аполлинера.

Гийом Аполлинер (1880–1918) говорил о поисках лиризма нового и одновременно гуманистического, это стремление поэта со всей ясностью проявилось в первой книге его стихов — «Алкоголи» (1913). Как и Маринетти, он отказался от пунктуации, считая, что ритм и паузы внутри стиха суть настоящая пунктуация, он тоже создавал стихотворения–рисунки — «каллиграммы», строящиеся по очертаниям описываемых предметов, словесные коллажи, но над всеми экспериментами у Аполлинера была иная высота:

Бог мертвый в пятницу и смерть поправший в воскресенье
Взлетевший в небо выше чем любой пилот
Христос поставил мировой рекорд высот

(«Зона», перевод В. Микушевича)².

О сложности переплетений эстетических поисков и идеологических построений авангардистов свидетельствует и деятельность кружка имажистов, сложившегося в Лондоне в 1908–1912 гг. Вошли в него американцы Эзра Паунд, Эми Лоуэлл, Джон Гулд Флетчер, Хилда Дулитл, англичане Томас Хьюм, Ричард Олидингтон и другие; близок к имажистам был и Т.С. Элиот. Имажизм, как, впрочем, и многие другие авангардистские направления, просуществовал недолго (разошлись затем и пути развития самих поэтов-имажистов), но он оказал на развитие поэзии весьма существенное влияние. Девизом имажизма была предметность и конкретность поэзии, ее объективность — в отличие от романтического субъективизма. Философская подоплека этих эстетических исканий состояла в неприятии гуманистической концепции человека, что в послевоенные годы привело таких выдающихся поэтов, как Паунд и Элиот, к консервативным позициям.

Авангардисты декларировали свой решительный разрыв с прошлым, с традицией, сделали художественный эксперимент краеугольным камнем творчества, но можно сказать, что «прощание с прошлым» характерно для

¹ Маяковский В. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 84.

² Западноевропейская поэзия XX века. Библиотека всемирной литературы. Серия третья. Т. 152. М., 1977. С. 552.

предвоенной литературы в целом, в том числе для писателей, с традицией не порывавших: на рубеже веков ими были созданы обобщающие и глубоко критичные портреты уходящего мира. В реализме жанр семейной хроники обрел силу исторического обобщения: «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) Томаса Манна, «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси. Голсуорси (1867–1933) открыл свою «Сагу» романом «Собственник» (1906), продолжил затем в послевоенные годы (новелла «Последнее лето Форсайта», 1918; романы «В петле», 1920; «Сдается в наем», 1921) и закончил только в 1930-х гг., стремясь обобщить социально-политический и духовный опыт переходного времени. «Сага» стала одним из вершинных достижений классического реализма, социально-психологического романа.

Литературный процесс начала века отличался не только противоречивыми тенденциями внутри художественных направлений, но и сложными взаимодействиями между различными литературными течениями. И декаденты, и модернисты, да и авангардисты (каковы бы ни были их декларации) во многом опирались на весь предшествовавший литературный опыт. Для Кафки, например, были весьма существенны и традиция немецких романтиков (особенно творчество Гофмана), и реалистическая проза Диккенса. А художники-реалисты XX века развивали конкретно-историческую перспективу, критический взгляд, социально-психологический анализ, свойственные классическому реализму Бальзака, Стендаля, Тургенева, Толстого, вбирая в свое творчество эстетические достижения и романтиков, и своих современников — декадентов,

Максим Горький и Леонид Андреев

авангардистов, модернистов. В условиях крушения гуманистических идеалов многие писатели обращались к художественному опыту романтизма — неоромантизм стал одним из важнейших явлений литературы рубежа веков. Так, неоромантизм определял во многом эстетические принципы предвоенной прозы и поэзии Германа Гессе (1877–1962), Редьярда Киплинга (1865–1936), романов-притч Джозефа Конрада (1857–1924), где в мире экзистенциального безмолвия героини-одиночки утверждают нравственные основы личности и ее свободу.

О том, насколько сложно порой переплетались различные тенденции в творчестве того или иного писателя, свидетельствует признание Леонида Андреева (1871–1919), писавшего в декабре 1912 г. М. Горькому: «Кто я? Для

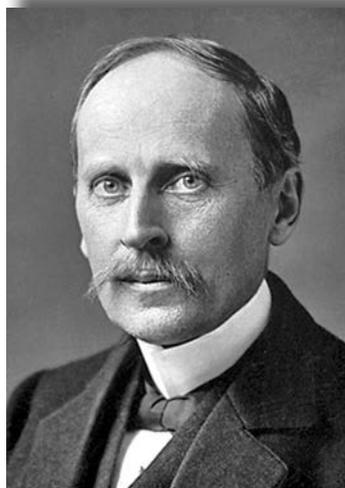
благороднорожденных декадентов — презренный реалист; для наследственных реалистов — подозрительный символист»¹.

Но ведь и творчество самого Горького (1868–1936) сочетало в себе эстетические возможности различных художественных направлений, в том числе романтизма. Романтическая эстетика сохраняла для Горького актуальность на протяжении всей его жизни: в 1901 г. он пишет свою романтическую «Песнь о Буревестнике», предвещающую близость революционных бурь, а в 1911–1913 гг. — «Сказки об Италии», где романтическая поэтика создает образ национального духа. При этом народная тема плодотворно разрабатывалась Горьким в предвоенные годы и в русле реалистической эстетики: его автобиографические произведения — «Детство», «В людях» (1913–1915), где жизнь народная переплетена с жизнью авторского «я» и полна движения, развития, а беспощадный социальный анализ сочетается с огромной нежностью и любовью (образ бабушки из «Детства»). Историческими коллизиями современности насыщены и реалистические пьесы Горького «Васса Железнова» (1910), «Зыковы» (1912), роман «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910–1911).

Реалистический роман претерпел в 1900-е гг. существенные изменения, в нем усилилась тяга к утверждению значения человеческой личности, ее нравственной ответственности и возможностей, стремление к созданию эпических полотен, которые бы рассматривали общественную и частную жизнь в их сложном единстве. В центр произведений выдвинулась размышляющая над жизнью человеческая личность, философские, социальные и политические идеи вошли в образную структуру произведений; более того, герой не только мыслит, но и утверждает себя в действии.

Эти качества очень выпукло проявились, например, в творчестве Ромена Роллана (1866–1944), в частности, в его романе «Жан-Кристоф», выходящем с 1904 по 1912 г. в журнальном варианте и затем в 1912 г. отдельным изданием. Произведение было глубоко новаторским: эпическое повествование — роман-река, — посвященное судьбе одного человека, рассматриваемой на широчайшем социальном фоне; в центре — сильная и творческая личность, гениальный композитор; он формируется как человек и творец в противостоянии убогому, филистерскому обществу, подавляющему созидательное начало, и хранит в себе духовный огонь.

Существенным представляется и отчетливо прозвучавший в романе накануне войны мотив общечеловеческого братства: его герои — немец Жан-Кристоф, француз Оливье, итальянка Грация. Роман был посвящен «свободным душам всех наций,

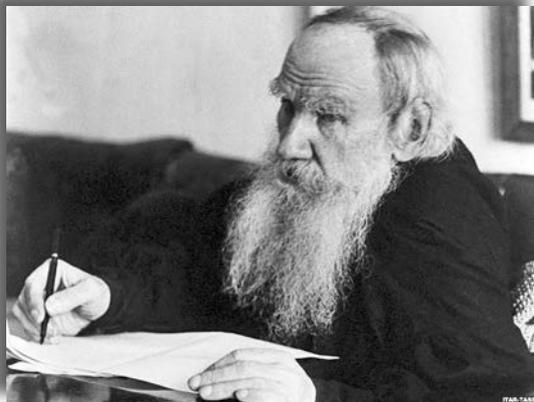
Ромен Роллан

¹ Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 72). М., 1965. С. 351.

которые страдают, борются и побеждают»¹; он полон веры в высшие идеалы человечества. Чрезвычайно важны были для Роллана эмоциональный заряд, утверждение жизни, творчества, созидания. Новаторство Роллана проявилось и в художественной ткани его произведения: это роман с сильным лирическим началом, среди его художественных средств немалое место заняли символические образы (река, путник).

Как видим, в многоголосом хоре начала XX в. классическая гуманистическая литературная традиция продолжала свое развитие, реалистическая эстетика играла в этом процессе ключевую роль. Реалистическое направление в русской литературе тех лет представлено крупнейшими фигурами: А.П. Чехов; И.А. Бунин, А.И. Куприн, И.С. Шмелев, А.Н. Толстой, М. Горький, В.Г. Короленко, не говоря уже о великом Льве Толстом.

В предвоенные годы Лев Толстой (1828–1910) интенсивно работал, по-новому ставя вопросы, волновавшие его на протяжении всей жизни. Его роман «Воскресение» (1899) был вехой в творческой эволюции писателя и событием в мировой литературе. Кроме того, многие значительные произведения, на-

Лев Толстой

писанные Толстым ранее, были опубликованы в 1910-е гг., став достоянием общественного сознания практически накануне войны: «Живой труп» (1900) — в 1911 г., «Хаджи-Мурат» (1896–1904), «Отец Сергей» (1890–98) — в 1912 г. Сама фигура Толстого как мыслителя, писателя и человека после его смерти стала предметом глубокого осмысления и в России, и далеко за ее пределами: одной из таких попыток была, в частности, книга Романа Роллана «Жизнь Толстого» (1911).

В литературе внутри разных художественных направлений все более нарастал социально-обличительный пафос, — публицистика Льва Толстого, соединившая в себе остроту критического анализа, живой отклик на события в общественно-политической и интеллектуальной жизни и глубокое философское осмысление действительности, сыграла в этом отношении особенно существенную роль. Так, о Русско-японской войне Толстой писал с точки зрения дальнейших судеб человеческой цивилизации, его слова звучали как голос совести и грозное предупреждение: «Война эта самым очевидным образом показала, что сила христианских народов никак не может быть в противном духу христианства военном могуществе и что если христианские народы хотят оставаться христианскими, то усилия их должны быть направлены никак не на

¹ Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. Т. 3 / Пер. с фр. М., 1955. С. 5.

военное могущество, а на нечто другое: на такое устройство жизни, которое, вытекая из христианского учения, давало бы наибольшее благо людям не посредством грубого насилия, а посредством разумного согласия и любви»¹.

Огромное внимание Толстой уделял революционному движению в России, событиям первой русской революции: «Об общественном движении в России» (1905), «Великий грех» (1905), «Что же делать?» (1906), «О значении русской революции» (1906); в годы реакции он решительно поднял голос против казней и репрессий — «Не могу молчать» (1908).

Революционные события в России преломились в судьбах многих писателей. Максим Горький был активным участником первой русской революции, членом РСДРП; не только его публицистика, но и художественное творчество были направлены на поддержку революции. Роман «Мать» (1906) носил откровенно пропагандистский характер, его эстетические достоинства весьма ограничены, — что хорошо понимал и сам Горький, — но о значении романа в те годы можно судить уже хотя бы по тому, что за три года — с 1907 по 1910 — он был переведен практически на все европейские языки.

Твердо встал на сторону русских революционеров в те годы Джек Лондон (1876–1916). Ощущение необходимости революционных перемен звучало уже в его документальной книге «Люди бездны» (1903) о жизни лондонских трущоб; события в России стали катализатором его перехода на позиции социалиста-революционера (статьи «Война классов», 1906; «Революция», 1908). Роман «Железная пята», увидевший свет в 1908 г. и ставший одним из важнейших художественных достижений Дж. Лондона, был написан им под впечатлением от первой русской революции, за ходом которой он пристально следил. Хотя в этом романе олигархия жестоко подавляет восстание и герои-революционеры гибнут, весь роман проникнут пафосом революционных преобразований действительности.

Развитие рабочего движения, распространение социалистических идей, социального реформаторства оказали на литературу во всем мире глубокое воздействие. На социализм в широком понимании этого слова возлагали свои надежды Ромен Роллан, Бернард Шоу (1856–1950) — один из создателей современной «драмы идей», жанра пьесы-дискуссии, ставящей в центр острые проблемы современности. Хорошо известно, что он был среди лидеров «Фабрианского общества» и много лет непосредственно пропагандировал социалистические идеи, издавая трактаты и книги.

Позиции писателей в отношении революционного переустройства мира, безусловно, были весьма различны, но стремление проникнуть в сущность исторических процессов объединяло многих. Осмыслению истории и путей, которыми должно идти человечество, были посвящены предвоенные романы Анатоля Франса (1844–1924), который ставил вопрос о возможностях и целесообразности социального переустройства действительности; сатира, ирония,

¹ Толстой Л.Н. Конец века // Полн. собр. соч. / Под общей ред. В.Г. Черткова. Серия первая: Произведения. Т. 36. М.-Л., 1936. С. 237–238.

гротеск, пародия были для него средствами взорвать устойчивые представления европейцев об историческом прогрессе. Речь в его романах шла о природе власти и подчинения ей, происхождении войн и морали. В «Острове пингвинов» (1908) через иносказание современное социально-политическое устройство подвергалось беспощадной обличительной сатире: «Между тем Пингвиния богатела и процветала. У тех, кто производил предметы первой необходимости, их совсем не было. У тех, кто их не производил, они были в избытке. Таковы непреложные законы экономики...»¹

Желание увидеть истоки такого рода экономики закономерно вело Франса в глубь истории: его следующий роман «Боги жаждут» (1912) был посвящен событиям Великой французской революции XVIII в. и прежде всего вопросу о революционном насилии. Книга Франса исполнена глубокого трагизма: он показывал ужасающие последствия попыток насильственно изменить мир в соответствии с субъективными представлениями о добре и справедливости. Мысль о бессмысленности революционного насилия звучала и в его романе «Восстание ангелов» (1914).

Вопрос о преобразовании действительности определял и развитие такого характерного жанра XX в., как научная фантастика: она вышла далеко за свои прежние пределы и в свою очередь дала толчок жанрам утопии и антиутопии, а последний приобрел особую актуальность. Это остро ощущалось в научно-фантастических романах Герберта Джорджа Уэллса (1866–1946), которые сыграли немалую роль в формировании общественного сознания XX в. И в художественном творчестве, и в публицистике, и в научно-популярной прозе Уэллс выступал как футуролог. Поставив под сомнение веру в научно-технический прогресс как безусловный двигатель прогресса в нравственной сфере, Уэллс показал возможности самого разного применения научных достижений в зависимости от общественного устройства и уровня нравственного сознания человека. В своем публицистическом произведении «Новые миры вместо старых» (1908) Уэллс высказывался в пользу социалистического переустройства общества. В 1900–1910-е гг. в его творчестве все чаще звучала тема военных конфликтов и их последствий: в романе «Война в воздухе» (1908) он прямо говорил о том, что мировая война (а в ней впервые военные действия будут вестись и с воздуха) приведет к полному краху всей существующей социально-политической системы.

XX век принес с собой преобразования во всех сферах жизни; одно из них затронуло самый фундамент человеческих отношений и коснулось абсолютно всех — политическое и социальное равноправие женщин. На рубеже веков борьба за женское равноправие распространилась на все общество и существенно обострилась; Первая мировая война послужила затем катализатором основополагающих перемен, — после войны во многих странах женщины получили право голоса.

Немалую роль в подготовке общественного сознания к такого рода переменам сыграла литература, где «женский вопрос» ставился очень остро.

¹ Франс А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3 / Пер. с фр. М., 1984. С. 213.

Особенно велики заслуги в этом плане у драматургии: театр по самой своей природе служил прекрасной общественной площадкой для обсуждения наболевших проблем. Великий реформатор театра Хенрик Ибсен (1828–1906) сделал «женский вопрос» ключевым для обращенной к современности социально-психологической драмы; его последователь Бернард Шоу продолжил работу в этом направлении.

Одна из самых известных пьес Шоу, посвященных данной проблематике, — «Пигмалион» — была написана в 1913 г., поставлена в Лондоне и Нью-Йорке в 1914 г. (текст был опубликован впервые уже в годы войны, в 1916 г.). В ней Шоу создает образ общества, находящегося перед лицом великих перемен: это общество, где девушки стремятся изменить свое социальное и экономическое положение, где устоявшаяся классовая, иерархическая структура «трещит по швам». Шоу связал проблемы социального устройства с речевыми особенностями, а это для английского общества, особенно на тот момент, было весьма актуально: особенности произношения отражали социальный статус человека. Шоу было важно подчеркнуть, что человек может все изменить, что почти кастовое деление общества уходит и неизбежно должно уйти в прошлое, что слово — это власть и борьба за право говорить на равных есть борьба за утверждение нового порядка.

В годы перед мировой империалистической войной особое место в общественном сознании заняла проблема взаимоотношений между народами и культурами, Востоком и Западом. В колониальных странах в это время зарождаются движения за национальное освобождение, причем многие из них находят поддержку среди деятелей европейской культуры. Тема колониальной политики становится в литературе чрезвычайно актуальной. Авторские позиции в этом плане могли существенно различаться: Редьярд Киплинг, скажем, был сторонником имперской политики Британии, но большинство крупных писателей — и в своем художественном творчестве, и в публицистике — выступали с резкой критикой империализма и колониального порабощения народов, их вдохновляла идея всечеловеческого братства (рассказ И.А. Бунина «Братья», 1914). Укреплению этих позиций способствовал и тот факт, что в XX в. происходит существенное выравнивание литературных процессов в различных культурах, некоторые переживают ускоренное качественное развитие, и в странах, находившихся под пятой колониализма, появляются писатели, воспринимаемые уже своими современниками, в том числе и на Западе, как фигуры мирового масштаба.

Такой фигурой стал в предвоенные годы Рабиндранат Тагор (1861–1941) — поэт, драматург, романист, философ, публицист. Сын угнетенной Индии, всю свою жизнь борющийся за развитие родного бенгальского языка, родной речи и литературы, он столь же последовательно выступал против национальной самовлюбленности и ограниченности. Тагор прекрасно знал европейскую литературу, живопись, музыку, специально изучил немецкий, чтобы прочесть «Фауста» Гёте в оригинале, переводил поэзию Петрарки и Данте, твердо полагая, что человеку принадлежат все величайшие достижения человечества. Он

выступал за подлинное развитие личности через преодоление социальных, религиозных, расовых, национальных барьеров и предрассудков, говорил о «бесконечной личности», о «религии человека». Этими идеями пронизаны все его произведения предвоенных и военных лет: пьесы «Незыблемый» (1911–1912), «Почта» (1912), роман «Дом и мир» (1916); такова центральная тема и его сборника «Гитанджали», за который в 1913 г. Тагор получил Нобелевскую премию. Стихи этой книги Тагор сам перевел на английский язык, об их огромном значении для мировой культуры свидетельствует тот факт, что только в 1914 г. вышли четыре издания переводов «Гитанджали» на русский язык¹.

Говоря о борьбе за национальное освобождение, не следует забывать, что и внутри самой Европы эта проблема стояла очень остро и имела для развития литературы первостепенное значение. В Ирландии, к примеру, входившей в состав Британской империи, в это время набирает размах новая волна «ирландского возрождения». Достижения в области поэзии, прозы, театрального искусства писателей «ирландского возрождения» по своему значению выходят далеко за рамки одной страны — достаточно назвать такие имена, как Уильям Батлер Йейтс, Бернард Шоу или Джеймс Джойс. Важнейший перелом в творчестве символиста Йейтса (1865–1939) был связан, по его собственному признанию, с участием поэта в общественной жизни страны. В известном смысле программным для Йейтса стало стихотворение «Сентябрь 1913», написанное под впечатлением от стачки дублинских рабочих.

Изменения политической карты мира, происходившие на рубеже веков, были болевой точкой и предметом глубоких размышлений не только в культурах, боровшихся за свою независимость, но и в культурах старых империй, постепенно терявших бывшее могущество. Надо сказать, что и в том, и в другом случае, когда эти размышления проникали в суть и касались важнейшего нерва эпохи, это приносило великий плод национального культурного взлета. Так было, с одной стороны, в угнетенной Ирландии, с другой — в утратившей свой прежний имперский статус Испании.

В испанской литературе велико было стремление осознать смысла истории, ее значение в жизни народа. Мигель де Унамуно (1864–1934) — представитель так называемого «поколения 1898 г.» (за метафорическую точку отсчета был взят год поражения Испании в испано-американской войне) — говорил о двух историях: истории внешней, данной в официальных документах и сводках правительств, и истории внутренней — истории народа, которую можно узнать через его фольклор, быт и искусство; эта внутренняя история есть выражение народного духа, она дается через интуитивное, внутреннее созерцание. В творчестве Унамуно экзистенциалистское мироощущение стремилось соприкоснуться с мироощущением народным, философские эссе и романы становились размышлениями об испанском народе, его идеалах, душевном складе и духе.

Вопросы национальной самости, смысла мировой истории, единства человечества для литературы начала века, как видим, являлись предельно акту-

¹ Тагор Р. Собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Евг. Баковой, Б. Карпушкина, В. Новиковой. Т. 12: Воспоминания. Письма. Стихи / Пер. с бенг. и англ. М., 1965. С. 429.

альными. Особое место занимает в этом отношении, конечно, творчество Льва Толстого. В последние годы жизни им был написан ряд статей, посвященных непосредственно проблеме освобождения народов: «Письмо к китайцу» (1906), «Письмо к индусу» (1908–1909).

«Письмо к индусу» было ответом на просьбу редактора журнала «Свободный Индустан» написать статью об Индии и стало отправной точкой личной переписки Толстого с Махатмой Ганди. В «Письме к индусу» патриарх отечественной литературы пишет о стремлении человеческих душ к единению, о том, что «закон жизни человеческой есть закон любви, дающий высшее благо как отдельному человеку, так и всему человечеству»¹, — закон универсальный, признанный во всех великих религиях, в учениях мудрецов и Востока, и Запада. В этой плоскости лежит, по мнению Толстого, и путь народов к освобождению: «Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас»². Толстовское непротivление злу насилием было глубоко созвучно с идеей ненасильственного сопротивления Махатмы Ганди; неслучайно последний видел в Толстом учителя и духовного наставника.

Подводя общий итог нашим размышлениям о литературе накануне «Великой войны», можно сказать, что в предвоенной литературной жизни не наблюдалось никакого «затишья перед бурей»; напротив, в ней шла интенсивная духовная работа, кипели страсти, сталкивались в противоборстве идеи и эстетические системы; литература была не только индикатором глубинных процессов, происходивших в обществе, но и предвестником грядущих событий, активным участником духовной и общественно-политической жизни мира.

§ 3. Искусство накануне Первой мировой войны: от утопического синтеза модерна к анархическому нигилизму авангарда

Предвоенная ситуация, которую условно можно ограничить 1890–1900-ми гг., в искусстве Европы и России была отмечена двумя доминирующими, но разнонаправленными процессами (при всей полистиличности и неопределенности общей картины): стилем модерн, или Ар Нуво³, имеющим

¹ Толстой Л.Н. Письмо к индусу // Полн. собр. соч. Серия первая: Произведения. Т. 37. М., 1956. С. 272.

² Там же. С. 269.

³ В зарубежной литературе обычно используется термин Ар Нуво по отношению главным образом к декоративному стилю, получившему распространение в странах Европы с 1890 г. и вплоть до начала Первой мировой войны. В настоящее время содержание термина значительно расширено, и под ним понимаются общие для стран Европы и США процессы обновления стиля, захватившие все виды изобразительного и прикладного искусства, однако наиболее последовательно проявившие себя в архитектуре. Этот стиль, под которым в отечественной литературе понимается стиль модерн, в разных странах имеет свое название: для Франции и Бельгии — Ар Нуво, для Австро-Венгрии — сецессион, для Германии — югендштил, для Италии — либерти, для Испании — модернизм. Термин «стиль модерн» имеет англоязычное происхождение и означает «современный стиль». Под этим термином он и вошел в отечественную историю искусства. Термин Ар Нуво впервые появился в названии журнала «L'art Nouveau», который с 1880-х гг. издавался в Бельгии. Во Франции он стал общеупотребимым с 1895 г., когда Зигфрид Бинг открыл под таким названием магазин-салон.

различные, но схожие модификации в основных европейских странах, и авангардными движениями, суть которых сводилась к оппозиции официальной культуре и деконструкции привычного художественного языка. При всей кажущейся разнице этих столь непохожих друг на друга явлений они сходились в обоюдном желании перемен, в общем для них устремлении к переустройству общественного сознания созидательными возможностями искусства, в опоре на те слои общества, которые видели в существующем порядке вещей преграду для дальнейшего развития.

Преодоление инерции в общественном и бытовом сознании могло быть достигнуто или путем разрушения привычных стереотипов позитивистской эстетики и художественной практики, или путем их последовательной эволюции. Первый путь казался более радикальным и быстрым. Его опорой стали левонастроенная творческая молодежь и анархисты. Второй, рассчитанный на внедрение в сознание современников консолидирующих идей нового «жизнеустройства», импонировал умеренным взглядам крепнувшего среднего класса и состоятельной буржуазии.

Безусловно, определение границ социальности или асоциальности тех или иных явлений искусства носит более чем условный характер в силу того, что эти границы размыты, а искусство модерна и авангарда имело своих адептов в самых разных слоях современного им общества. Для нас важно другое — в какой степени отмеченные нами тенденции повлияли на общий художественный процесс, имели ли они точки пересечения, как проявили себя в предвоенный и послевоенный периоды, смогли ли возродиться после потрясшей Европу катастрофы.

Если авангард оказался достаточно жизнеспособным, мимикрируя и приспособляясь к условиям послевоенной Европы, то модерн как цельное явление исчерпал себя уже к началу войны. Однако его стилиобразующие возможности проявились в послевоенном искусстве и архитектуре Ар Деко, в функционализме и в неоклассике тоталитарных режимов 1930–40-х гг.

Принято считать, что уже в середине XIX в. стала очевидной определенная исчерпанность позитивистской эстетики и художественной практики, основанных на наблюдении и опыте, на принципах дотехнической визуальности и выработанном в эпоху Возрождения «зеркальном» отражении чувственных ощущений в формах искусства, вызывающая осознанную обществом потребность в переменах. Последние подталкивались внеположенными искусству обстоятельствами — стремительной урбанизацией, характерной для развитых европейских стран и США, промышленной революцией и вытеснением техникой рукотворных ремесел и привычных форм творчества.

Стиль Ар Нуво в Европе и модерн в России стали ответом на запросы времени. Их укорененность в романтических идеалах европейской культуры с ее культом созидательных способностей творческой личности в создании непреходящих духовных ценностей стала основой для распространения утопических идей жизнестроения, подхваченных и авангардом. Мечты о переустройстве общества средствами искусства, об объединении уникальности рукотворной

продукции с промышленным производством, а искусства — с бытовой повседневностью сформировали представления о синтезе искусства, способном охватить как духовные, так и материальные сферы жизни, о том синтезирующем художественном начале, которое, последовательно реализуясь, приведет к изменению личности и общества в целом¹.

Из утопического желания преобразования «духовного» человека, а, следовательно, и общества средствами искусства вытекают как противоречивость теоретических манифестаций модерна, так и многоликость его художественных проявлений. Последнее, наравне с кратковременностью исторического существования модерна, сближают его с авангардом. Пик в их развитии падает на 1900-е гг. и охватывает примерно 10–15 лет. По существу к началу войны были исчерпаны созидательные возможности модерна и разрушительная экспансия авангарда. Приходится констатировать, что на пороге войны искусство находилось в состоянии неустойчивого равновесия, ядром которого было стремление к переменам, не обремененное трагическими предощущениями надвигающейся катастрофы.

Теоретической основой семантики модерна стали идеи современной ему «философии жизни», опиравшиеся на работы А. Бергсона, Ф. Ницше и В. Дильтея, на опыт психоанализа З. Фрейда. В России большое влияние на содержание произведений модерна и близкого ему символизма оказали философия В. Соловьева и поиски русских теософов. Панэстетизм, характерный для Ар Нуво, поставил художника-творца в центр мироздания, отводя ему роль главной созидающей силы для переустройства жизни, сделал его единственным инструментом художественного жизнестроения.

Реальной попыткой осуществления синтеза искусства и жизни, правда, не без коммерческой составляющей, стали создаваемые в разных странах художественные колонии, яркими примерами которых были Дармштадская колония в Германии, Понт-Авенская школа во Франции, мастерские в Абрамцево и Талашкино в России. Однако эти эксперименты, как и многие другие, потерпели фиаско, так как оказались не приспособленными к экономическим проблемам, решение которых требовало усилий в расширении реального производства, налаживании более тесных отношений с коммерческими структурами, формирования устойчивого спроса на художественную и уникальную дизайнерскую продукцию.

Противоречивость модерна коренилась в его истоках, в опоре на систему ценностей, выработанную еще в начале XIX в. и своими корнями уходящую в эпоху романтизма. Культ личностного начала, характерный для дендизма в Англии и богемной среды творческой интеллигенции в других странах Европы, провозглашение личной свободы в противовес общепринятым нормам морали, как и снятие табу в сфере сексуального, расширяли смысловое напол-

¹ Из общих работ см.: *Сарабьянов Д.В.* Модерн: Истоки. История. Проблемы. М., 1989; *Модерн и европейская интеграция: материалы международной конференции.* М., 2004; *Schmutzler R.* Art Nouveau — Jugendstil. Stuttgart, 1962; *Haman R., Hermand J.* Stilkunst um 1900. Berlin, 1967; *Madsen S.T.* Art Nouveau. P., 1967; *Wallis M.* Secessia. Warshawa, 1974; *Vergo P.* Art in Vienna, 1898–1918. L., 1975.

нение искусства модерна, смыкающегося с иррациональностью и опорой на трансцендентное, характерными для эстетики символизма.

Близость лексики модерна к символизму делает эти явления трудно различимыми. Так или иначе, но остается открытым вопрос соотношения модерна и символизма, его суть сводится к дилемме: является ли символизм одной из художественных систем стиля модерн, или модерн есть наиболее яркое проявление такого общекультурного явления, как символизм. На наш взгляд, это явления одного порядка с той только разницей, что мы считаем первичным — художественный язык или его содержательное наполнение. Видимо, придется признать, что разделение символизма и модерна чисто условно, а линия раздела едва различима и для каждого художника имеет свои смысловые координаты.

Модерн стремился к расширению, преодолевая элитарную ограниченность символизма. Его намерение быть современным, что коренилось в природе самого термина, заставляло его представителей искать такие формы «новой организации» жизни, которые приводили бы к эстетизации повседневности. Поэтому неслучайно, что наиболее последовательно модерн проявил себя в архитектуре и в обновлении ее типологии, учитывавшей проблемы тогдашней урбанистической среды, в использовании новых технологий и материалов — стекла, бетона, железных конструкций и пр. Пристальное внимание к предметной среде способствовало созданию не только уникальных предметов роскоши, но и обладавших эстетической ценностью предметов массового потребления: мебели, образцов тканей, изделий из металла, фарфора и стекла.

Характерное для модерна двойственное отношение к реальности — стремление быть современным техницизму машинного века и желание не утратить самоценности ручного труда, эстетизировать повседневность и сохранить уникальность артистического жеста — приводило к неразрешимым противоречиям внутри стиля и в итоге к его исчерпанности.

Общими для разных модификаций модерна и отчасти авангарда были поиски новых оснований для своих художественных экспериментов. Отвергая традиции европейской культуры Нового времени, представители модерна и авангарда искали опору в архаических культурах древних народов, в экзотизме Востока — как арабского мира, так и дальневосточных стран, прежде всего Японии. Общим было и увлечение непрофессиональным искусством, ремеслом и его фольклорными формами, стремление обрести вдохновение в греческой архаике, египетских мотивах, экспрессивности языка романского и готического стилей, в изысканности рокайльного орнамента и причудливой каллиграфии арабской вязи.

Если отвлечься от общих характеристик модерна как определенного состояния умов, то его историческое содержание как стиля, характерного для 1890–1910-х гг., имеет вполне конкретное наполнение. Несмотря на принципиальное стремление к новизне, модерн опирался, как мы уже отмечали, на целый ряд традиций ведущих национальных школ: для Великобритании, как и для Франции и Германии, это был романтизм с его культом личностного начала, движение «Искусство и ремесла» У. Морриса и его единомышленников в раз-

ных странах, творчество прерафаэлитов, немецкий бидермайер, постимпрессионизм Ж. Сёра и П. Синьяка, а также поздние живописные серии К. Моне, вплотную приблизившиеся к стилистике модерна. Такие заметные явления французской живописи конца века, как творчество П. Пюви-де-Шавана, графика и плакат А. Тулуз-Лотрека, живописные панно членов группы «Наби», не говоря уже о синтетизме П. Гогена, можно отнести к модерну, верхняя граница которого весьма подвижна. В русском искусстве с ранним модерном обычно связывают творчество М. Врубеля и деятельность художников групп «Мир искусства» и «Голубая роза».

При национальной самобытности модерна в разных странах он носил принципиально интернациональный характер (что не исключает той особой роли, которую играл «национальный романтизм» в странах Скандинавии и в России), чему способствовали международные промышленные и художественные выставки, выпуск специализированных журналов («Le Revue Blanch» во Франции, «The Studio» в Великобритании, «Pan» и «Simplicissimus» в Германии, «Ver Sacrum» в Австрии, «Volne Smery» в Чехии, «Мир искусства» в России), взаимные контакты архитекторов и художников из разных стран, роль ведущих художественных центров общеевропейского значения — Вены, Парижа, Мюнхена, Лондона, Праги и Брюсселя. Привлечению общественного внимания к новому стилю способствовали также национальные и международные конкурсы на создание общественно значимых объектов — павильонов и станций метрополитена, зданий вокзалов и бирж, национальных павильонов на Всемирных промышленных выставках, зданий театров, музеев и крупных государственных корпораций. Не меньшее значение в быстром распространении стиля модерн имели как частное коллекционирование, так и частные заказы на строительство особняков, гостиниц, курортных комплексов, зданий магазинов и торговых галерей. Все это вместе взятое вело к коммертизации модерна и нивелированию его программных установок.

Архитектура модерна, как и стиль в целом, не была однородной. В стремлении быть современной она использовала не только новые строительные технологии и материалы, но и новые принципы организации пространства, соотношения конструкции и декора. Основополагающая роль отводилась взаимодействию лаконичного пластического объема здания, его ритмической и пространственной организации и орнамента, под которым понималось единство формообразующих элементов, тот синтез пластического, пространственного и декоративного языка разных искусств, который стал визитной карточкой модерна. В архитектуру проникает «живописный» принцип формообразования, основанный на произвольности атектонических криволинейных очертаний, уподобленных растительным формам, как, например, в архитектуре А. Гауди или в интерьерах построек Ф.О. Шехтеля. Обилие орнаментального декора часто разрушало стенную плоскость, архитектура вступала во взаимодействие с другими искусствами — пластикой, живописью, изразцами, мозаикой и витражами, которые широко использовались в декоре зданий и убранстве интерьеров.

В модерне особая роль отводилась предметной среде, что не могло не способствовать формированию самостоятельных дизайнерских школ, как например, школа Глазго во главе с Ч.Р. Макинтошем или школа в Нанси. Теоретическое оформление и практическая реализация основных принципов модерна в архитектуре связаны с деятельностью таких классиков стиля, как архитекторы О. Вагнер, А. Ван де Вельде, В. Орта, Г. Гимар и Ф.О. Шехтель.

Нельзя не отметить и ту роль, которую сыграла в стилистике модерна опора на национальные традиции. Не нарушая формообразующих принципов его архитектуры, они проявлялись в стилизации под те или иные исторические стили, в использовании архетипических черт романики, готики, мавританского и неоклассического стилей в Западной Европе, «колониального» — в Америке, а в России — форм домонгольской архитектуры и узорочья теремных построек XVII в.

В развитых странах Европы, таких как Бельгия, Франция, Голландия и Англия, реализующих свои геополитические планы колониальной экспансии на Восток, особое значение приобретает увлечение ориентализмом, корни которого уходят в романтическое «открытие» Востока, но в модерне ориентализм (экзотизм) имел совершенно другую природу. В моду входят архитектурные и декоративные мотивы, стилизованные под китайские, индийские и японские формы, особенно при строительстве садовых павильонов, чайных магазинов, при оформлении ресторанов и частных особняков. Не меньшее значение в моде на ориентализм имело почти повсеместное увлечение творческой интеллигенции теософией, философией и космологией дзен-буддизма, шамаизмом и поисками общего основания для символической «конструкции» мироздания.

Другие виды искусства выступали в модерне в содружестве с архитектурой, особенно в плане синтезирующих возможностей декоративных живописных панно, стенных росписей, орнаментальных форм пластики (как лепнины, так и литья) и витражей. В живописи и в станковой пластике языковая природа модерна проявилась в общей для этих искусств стилизации, в преобладании линейного начала над пластическим, в отказе от решения проблемы пространства и в ориентации на плоскость. В живописи это нашло отражение в тяготении к плоскости и интенсивности звучания цветового пятна, в усилении роли линейного ритма и уподоблении картины декоративному панно; в скульптуре — в любви к низкому рельефу, разорванной объемно-пространственной композиции, в использовании таких материалов, как майолика и дерево, обладающих богатыми выразительными возможностями.

Вычленение принципов модерна в живописи весьма затруднительно в силу ее полистиличности. Многое зависит от качественной оценки явления: если исходить из чисто формальных черт живописного языка, то наиболее близкими к стилистике модерна окажутся такие мастера, как Г. Климт, А. Муха, художники группы «Наби», П. Гоген второго таитянского периода, Э. Мунк, С. Выспянский, П. Пикассо «голубого» и «розового» периодов, О. Ренуар в его тяготении к неоклассике, представители «Мира искусства», В. Серов, начиная с 1900-х гг. М. Врубель, Ф. Ходлер, А. Галлен-Каллела и др.

Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения модерна и символизма, так как в плане иконографии, выбора орнаментальных мотивов, любимых тем модерн «перекрывает» символизм и включает его в себя. Как для символизма, так и для модерна было характерно обращение к архетипическим темам жизни и смерти, весеннего цветения молодости и осеннего увядания старости, вечного томления любви, столкновения страстей и борения духа (произведения Л. фон Хофмана, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, Ф. Ходлера, Ф. фон Штука, Э. Мунка и др.). Экзотизм и эротика модерна были наиболее характерны для австрийского сецессиона и французского Ар Нуво с их эстетизацией женского начала, сведением женского образа к знаку притягательной сексуальности и порочной чувственности.

Несмотря на претензии модерна стать стилем, способным выразить «дух времени» и, более того, создать основания для формирования качественно нового общества, в основе которого лежали бы идеи духовного и материального синтеза, его историческое время было коротким. Социальное напряжение, вызывающее ощущение нестабильности, изменение направления художественных векторов сделали претензии модерна на художественное доминирование исчерпанными. Находясь между прошлым и будущим, модерн стал восприниматься молодым поколением как тормоз, только преодолев который можно было двигаться вперед.

Вместе с тем многие новации модерна не были забыты, а обрели новую жизнь в художественных теориях и практике авангарда. В период расцвета модерна (1890-е — начало 1900-х гг.) сформировались новые формы взаимодействия художника и общества, структурировался художественный рынок, была создана принципиально новая инфраструктура, включающая галереи, творческие объединения, роль которых со временем неизмеримо возросла, художественно-критическую публицистику. Благодаря деятельности маршанов и артдилеров были выработаны те механизмы рекламы и продвижения художников на артсцене, которые и поныне не исчерпали своих возможностей.

Авангард¹, как и модерн, был устремлен в будущее, однако его социальные и культурные основания были принципиально иными. Мы уже отмечали точки сопряжения одного и другого явления в искусстве предвоенного десятилетия и их во многом однокоренные истоки. В данном случае нас будут интересовать социокультурные параметры авангардных тенденций и заложенные в

¹ Термин «авангард» (avant-garde — франц.) имеет буквальное значение «идущий впереди» и относится к военной лексике. Впервые по отношению к искусству он был употреблен в 1885 г. парижским критиком Т. Дюре. Постепенно термин вошел в критический лексикон как определение новых нетрадиционных форм в искусстве. В настоящее время под авангардом понимают те тенденции в художественной практике, главным образом первой половины XX в., в которых присутствует целенаправленное стремление к преодолению устойчивых стереотипов восприятия искусства и созданию новых языковых форм. При расширительном толковании термин «авангард» охватывает все сферы культуры и искусства, являясь постоянным симптомом, характерным для того, что связывается в общественном сознании с «современным». По существу, именно под авангардом долгое время подразумевали всю сумму разнообразных проявлений художественной практики, отражающей современное состояние общества, его культурную «температуру».

них принципы формообразования, имевшие значения важнейших инновационных сдвигов в европейском искусстве первой четверти XX столетия¹.

Авангард рождался на волне перемен рубежа веков. Его истоки восходят к романтизму с его «мифотворчеством» и к формальным экспериментам постимпрессионизма, в первую очередь в творчестве таких художников, как В. Ван Гог, П. Гоген, П. Сезанн и Ж. Сёра, к «философии жизни» А. Бергсона, Ф. Ницше и В. Дильтея, к идеям марксизма и анархизма, получившим распространение в среде творческой молодежи с ее установкой на абсолютизацию личной свободы.

Зародившись в недрах стиля модерн и с доминирующим символистским окружением, авангард занял позицию принципиального оппонента, манифестируя свой отказ от культурных стереотипов прошлого, от форм и языка предшествующего искусства, от сформировавшейся на рубеже веков системы функционирования искусства в обществе, от ориентации на вкусовые пристрастия публики, поставленной перед необходимостью слома всей привычной системы координат в восприятии и оценке произведений искусства.

Установка на существующую моду и общественные вкусы, столь важная в стилеобразовании модерна, для авангарда не имела принципиального значения. Творчество его представителей было направлено на то, чтобы сломать привычные стереотипы восприятия качеств и ценности искусства, установить свою систему координат, переориентировать моду и вкус с традиционной системы ценностей на современную. В отличие от элитарности модерна авангард был демократичен, рассчитывая привлечь внимание молодежи, мечтающей об обновлении и свободе, молодежи, зараженной идеями социального равенства и анархическим отказом от диктата государства с его законами и нормами общественного поведения.

Авангард лишен однородности, он многолик и не поддается точному определению. В нем нашли отражение разнообразные, часто полярные, вызовы времени. Познание микро- и макромира благодаря открытиям современной науки, культ технического прогресса, способного преобразовать будущее общество, увлечение политикой уживались в авангарде с мифотворчеством и иррациональностью, а отрицание буржуазной культуры соседствовало с выходом в иные культурные или докультурные пространства. Пренебрежение христианской системой ценностей приводит представителей авангарда к поискам альтернативных точек отсчета и обращению к архетипическим кодам древних сакральных ритуалов и доисторических цивилизаций.

Авангард имеет тенденцию к расширению, захватывая в сферу своего влияния разные области жизни общества. Беря на себя пророческие функции, его

¹ В настоящее время историография авангарда обширна и составляет как исследования общих принципов и языка художественного авангарда, так и изучение конкретных школ, направлений, действующих лиц авангардных движений. Отметим лишь некоторые работы на русском языке: Турчин В.С. По лабиринтам авангарда. М., 1993; Тасалов В.И. Прометей или Орфей. Искусство технического века. М., 1967; Хофман В. Основы современного искусства / Пер. с нем. СПб., 2004; Рид Г. Краткая история современной живописи / Пер. с англ. М., 2006.

представители пытались продвигать идеи жизнестроения не только в сферу искусства, но и в общественную жизнь, политику и производство.

Разные авангардные практики сосуществовали рядом, развиваясь параллельно, они часто дополняли друг друга или выступали в качестве конкурентов на современной им артсцене. Для большинства из них были характерны быстрый взлет и замедленность последующей эволюции, инертность стиля, его медленное угасание, когда на смену энтузиазму преобразований и изобретения нового языка приходило подражание ведущим мастерам и вытекающее из него стилизаторство.

Существуют как исторические границы тех или иных направлений (например, кубизм, футуризм, фовизм, абстракционизм, экспрессионизм или сюрреализм), так и некие общие симптомы времени, свидетельствующие об остаточных признаках этих ведущих авангардных практик в последующем развитии заложенных в них формальных и концептуальных тенденций.

Понятно, что авангардизмом или модерном не исчерпывается панорама художественной жизни предвоенного десятилетия, она много сложнее и многограннее. Многие художники прошли искус разными авангардными тенденциями с тем, чтобы выработать собственный стиль; участвуя в выставках разных направлений, они сохраняли свою самобытность. Большие мастера, часто стоявшие у истоков того или иного направления в искусстве первого десятилетия XX в., впоследствии отходили от него, освобождая место для своих последователей и эпигонов.

Большая часть художественных практик раннего авангарда стояла на нигилистических позициях по отношению к современному им художественному окружению, провозглашая себя единственными носителями нового, предвестниками будущего (кубизм, экспрессионизм, футуризм, кубо-футуризм и пр.). Следует заметить, что практически вся культура порубежного времени жила предощущением грядущих перемен: искусством будущего называли свое творчество представители модерна и символизма (как, например, участники группы «Наби»), кубизма и экспрессионизма. Неслучайно в названии первого экспрессионистского объединения в Дрездене было использовано слово «Мост» как «переход, по словам В. Кандинского, от видимого к невидимому», от «мира явлений в царство сущностей». В таких самоназваниях, как футуризм или будетляне, устремленность в будущее громогласно декларировалась.

Зародившись практически одновременно в разных странах (фовизм и кубизм — в Париже, экспрессионизм — в Дрездене и Мюнхене, футуризм — в Милане и Риме, сезаннизм и кубо-футуризм — в Москве), авангард не имел точной даты рождения. Очевидно главное — к 1905–1908 гг. искусство вошло в полосу серьезных изменений, и их провокаторами стала творческая молодежь. За внешней агрессией по отношению к системе ценностей старой культуры и связанному с ней искусству скрывались куда более серьезные структурные изменения в системе функционирования искусства, в его содержательном и социокультурном наполнении.

В данном контексте форма была важна не столько сама по себе, в своем изолированном имманентном развитии (и уже в силу этого — самодостаточном),

а как возможность презентации некоей «информации», обладающей языковой природой, т.е. становящейся носителем смыслов, некоей «лингвистической» конструкцией. Неслучайно изобразительный авангард часто солидаризируется с экспериментами в литературном и поэтическом языке. Текст становится таким же артобъектом, как и произведение авангарда, что приводит к общим поискам в области вербального и визуального языков. Достаточно вспомнить тексты авангардных манифестов, их провокационную лексику и установку на эпатаж общественного мнения.

Отказываясь от традиционных форм взаимодействия искусства и общества, авангард порывал и с традиционными представлениями о ценности и качествах его произведений. Проблема стиля, столь важная для модерна, вытесняется в авангарде проблемой материала, теми возможностями, которые он предоставляет, и вытекающей из этого проблемой метода как объединяющего авангардные практики инструмента создания визуально-пластических объектов.

Характерная для авангарда тенденция выходить за границы тех или иных форм творчества вовлекала в его орбиту музыку и театр, литературу, особенно поэзию, архитектуру, фотографию и кинематограф. Симптоматично, что многие представители авангарда пробовали свои силы и в музыке, и в театре, и в литературе (В. Кандинский, К. Малевич, П. Пикассо, Морис де Вламинк, Ф.Т. Маринетти и др.).

Для ведущих направлений предвоенного авангарда было характерно теоретизирование, создание собственных концепций, связанных не только с искусством и творчеством, но и с миростроением. Искусство как род деятельности свободного человека рассматривалось как способное к созданию новых форм, сущностей и нового общества. Идеи жизнестроения объединяли большинство направлений авангарда, близких в своем желании переделать мир согласно неким общим принципам «чистой» формы, абсолютизация которой способна привести к социальному миру, общественной гармонии и построению новой реальности.

Развитие чистой формы, не зависимой от чувственного опыта и освобожденной от того, чтобы имитировать реальность, воспринималось как путь к абсолютной чистоте мышления, достижению раскрепощенности сознания, что открывало новые возможности и сферы познания. Таким образом, в искусстве абсолютизировались его познавательные функции. В предвоенном авангарде был сделан первый шаг к тому, чтобы художественный образ, как он понимался в классической эстетике, утвердился в своей знаковой природе, стал носителем не только эстетического переживания, но — что для авангарда более существенно — и смысловой информации, часто отстоящей от собственно искусства, а обращенной к общим проблемам бытия природных и знаковых (осознаваемых разумом) форм.

Период появления и развития раннего авангарда совпал с мощными цивилизационными сдвигами первой четверти XX в., отразив весь спектр преобразовательных изменений своего времени. Его нигилистическая природа имела свои основания в разбросе левых общественных идей, а герметизм отдельных

его проявлений — в теософских и богоискательских настроениях части творческой интеллигенции. Развитие экзистенциальной философии привело к углубленному самоанализу, а увлечение психоанализом — к культуре бессознательного, к опоре на спонтанное самовыражение в противовес позитивистской эстетике с ее погруженностью в жизненную реальность.

Ранний авангард был еще тесно связан со своими истоками, во многом опираясь на опыт символизма и утопичность модерна. Поиски абсолютного языка свободной формы, не отягощенной прямой зависимостью от реальности, а направленной на преобразование чувственного ощущения в языковую природу знака как носителя смыслов, характерны для всех авангардистских практик довоенного времени.

Так, фовизм, идя по пути упрощения зрительного образа, сводит его к цветовому пятну и линейной арабеске; кубизм, желая «организовать» чувственные ощущения, приходит к жесткой конструкции дробящихся геометризированных форм; футуризм в своем стремлении передать скрежет, шум и запах большого города прибегает к симультанности осколочных форм, калейдоскопичности их соединения.

С природой символизма в наибольшей степени были связаны экспрессионизм с его символикой цвета и драмой форм; абстракционизм, особенно в период становления стремящийся передать невидимую жизнь одушевленной материи — как освобожденной от формы цветовым потоком, так и существующей в стерильной знаковости чистой геометрии; метафизическая живопись, погруженная в конструирование пустынного мира городов-призраков и отвлеченных предметных мутантов.

При всем напоре отрицающей прошлый художественный опыт энергии раннего авангарда он оставался еще многим обязаный этому опыту, только в период военных потрясений радикализм авангарда достигнет своего пика с тем, чтобы обрести новое дыхание в послевоенное десятилетие.

Основными центрами авангарда были Париж, Мюнхен, Дрезден, Москва и в Италии — Турин, Рим и Милан. Наиболее радикальными из авангардных направлений были кубизм, ратующий за абсолютную смену художественного языка; футуризм, видевший в разрушении созидательную силу прогресса; экспрессионизм, вскрывающий трагизм утраты точки опоры в меняющемся мире.

Ломка привычных стереотипов в восприятии искусства проходила на фоне острых дискуссий в профессиональной и журналистской среде. Традиционная критика не понимала и не воспринимала новое искусство, видя в нем только разрушительную природу и оскорбление общественного вкуса. Оппозиция рождала потребность в самоутверждении, что привело к формированию теории авангарда, созданию собственных объединений и журналов, выпуску манифестов и проведению часто провокационных акций, направленных на эпатаж публики.

Естественно задать вопрос: было ли в предвоенном искусстве что-то, что указывало на надвигающиеся потрясения? Скорее всего, сознательного предощущения войны не было, напротив, было осознание наступающего обнов-

ления, которое ассоциировалось с новым веком — достаточно вспомнить Всемирную выставку 1900 г. в Париже, когда на фоне экономического подъема искусство заявляло о себе как о наиболее ярком проявлении национальных культурных достижений. Вместе с тем страдание, отчаяние, одиночество и смерть как неизменные спутники бытия оставались важнейшими темами искусства, особенно в таких его направлениях, как символизм и экспрессионизм. Достаточно вспомнить картину Э. Мунка «Крик», которая стала символом пограничной эпохи, стоящей на пороге многих испытаний.

Опыт, накопленный искусством в предвоенный период, был реализован в послевоенное десятилетие. Во время войны созидательная художественная активность практически замирает, искусство поляризуется: официальные структуры, связанные с искусством, направляют свою деятельность на поддержание национального патриотического подъема и на сбор средств для воюющей армии.

Молодое поколение художников (литераторов, актеров и музыкантов) было призвано в армию и участвовало в военных действиях. Многие художники сотрудничали с частными и государственными издательствами, связанными с пропагандой, создавая эскизы плакатов, открыток, листовок и афиш для благотворительных мероприятий.

Часть молодых художников, главным образом авангардных направлений, была пацифистски настроена и активно выступала против войны, многие представители творческой интеллигенции (и художники не были здесь исключением) эмигрировали или в Америку, или в нейтральную Швейцарию, где объединялись вокруг совместной деятельности и выставок. Именно из этой среды вышли ведущие представители контркультурных практик, в первую очередь дадаизма.

2

часть

**«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА»
И ФОРМИРОВАНИЕ
НОВОГО ОБЛИКА
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Глава 5

НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: ДИНАМИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

§ 1. Переход к позиционной борьбе и стратегия «войны на истощение»

В самом начале войны в Европе было создано три фронта, сохранявшие свое значение до самого конца войны. Западный фронт протянулся от Северного моря до Швейцарии. Восточный, или Русский, фронт простирался от берегов Балтики до границ с Румынией, а вдоль Дуная образовался Балканский фронт.

Первые недели боев выявили как минимум два обстоятельства. Во-первых, сразу же наметилось несовпадение бумажных военных планов и реальной действительности. Несмотря на колоссальную мощь первого немецкого удара на Западе, несмотря на большие потери французской армии, ее сопротивление не было сломлено, а угроза окружения Парижа была, по крайней мере на время, устранена. Более того, в планы немецкого командования пришлось сразу же вносить коррективы в силу того, что в войну вступила Англия. Ее войска помогли французам затормозить наступление немцев на Париж. Вместо «блицкрига» в сентябре 1914 г. разгорелось гигантское сражение на Марне, в ходе которого вместо победоносного марша на столицу Франции немцам пришлось перейти к обороне. И если бы не высокомерие командующего французской армии Жоффра, не считавшегося с мнением своих более талантливых подчиненных, положение немцев, думается, стало бы весьма тяжелым.

Планы немецкого военного командования были нарушены и неожиданными, хотя и авантюрными по сути действиями Российской империи. Уступая просьбам, по сути мольбам союзников, военно-политическое руководство, не завершив мобилизации и развертывания своих войск, бросило в середине августа в наступление на Восточную Пруссию 1-ю и 2-ю армии. Германия была застигнута врасплох. В принципе это давало русским войскам хорошие шансы для развития наступления на Кёнигсберг, ставило под прямую угрозу родовые имения верхушки прусского юнкерства. Неслучайно в Берлине моментально последовали кадровые решения: командующий немецкими войсками в Пруссии был отстранен от должности, его место занял корифей германской военной элиты П. фон Гинденбург, начальником штаба был назначен Людендорф — восходящая звезда немецкой военной касты. Они смогли переломить ситуацию в пользу Германии, но по ее стратегическим планам был нанесен

Сражение на Марне (5–12 сентября 1914 г.)

чувствительный удар, и с самых первых шагов события стали разворачиваться далеко не так, как это представлялось в предвоенные годы в тиши кабинетов высших военных чинов.

Во-вторых, уже в ходе битвы на Марне военно-политическому руководству воюющих держав пришлось столкнуться с рядом неожиданных проблем, порожденных масштабами боевых действий. Приведем лишь несколько цифр, иллюстрирующих размах этой операции. Так, только в одном этом сражении (напряженные бои шли практически на всех остальных фронтах) участвовало 1522 тыс. человек. Потери сторон составили 21 тыс. убитых и 122 тыс. раненых у войск Антанты и 43 тыс. убитых и 173 тыс. раненых — у немцев. И это всего за 5 дней боев¹. Понятно, что боевые действия столь высокой интенсивности требовали четкой работы транспорта. Вся работа железных дорог была сразу же подчинена нуждам армии, что неизбежно создавало проблемы для функционирования экономики, нагрузка на которую стала быстро возрастать. И это так же абсолютно не предусматривалось в предвоенных планах.

Ситуация усугубилась тем, что, несмотря на гигантский характер боевых действий, ни одна из сторон не смогла добиться решающего успеха. Сводки с фронтов стали напоминать качели, ибо успех попеременно перемещался от Антанты к Тройственному союзу и наоборот. Действительно, потерпев пора-

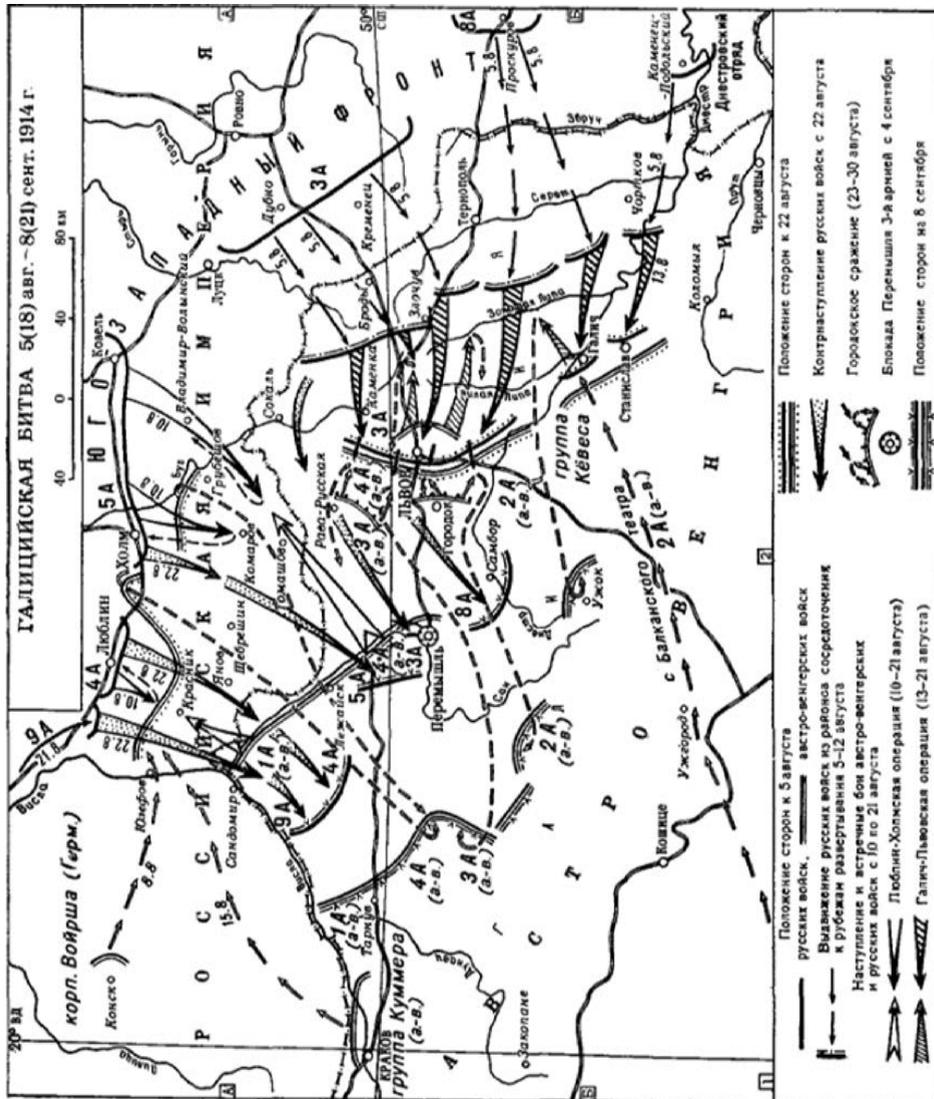
¹ Классическим исследованием этого одного из крупнейших в истории войн сражения считается работа: *Tung S. The Campaign of the Marne. Oxford, 1935.*

жение в битве на Марне, немцы сумели быстро перегруппировать свои силы и под руководством нового командующего генерала Э. Фалькенгайна начали мощное наступление на северном участке Западного фронта, стремясь захватить северо-западное побережье Франции и таким образом по сути изолировать Англию от Франции. В почти трехмесячных боях с обеих сторон участвовали более 100 дивизий и почти вся их кавалерия. Однако решающего перевеса противоборствующие стороны добиться не смогли и, понеся серьезные потери, в итоге лишь стабилизировали фронт.

Примерно так же развивались события на двух других фронтах. Успешно начатое наступление русских армий в Восточной Пруссии не получило продолжения. Заставив немцев несколько затормозить движение на Париж, русские армии сами попали в тяжелейшее положение после того как противник оперативно перебросил с Западного фронта дополнительные силы. В результате армии Самсонова и Ренненкампа, понеся огромные потери, вынуждены были отступить за Неман или попали в плен. Война была перенесена на территорию Российской империи. Примерно по такому же сценарию и в то же время разворачивалась операция в Галиции, где первоначальный успех русской армии под Перемышлем не получил развития и обернулся для нее крупными проблемами после того, как немцы, спасая своего австро-венгерского союзника, перешли в контр наступление в районе Лодзи. Однако к середине декабря 1914 г. их наступление выдохнулось, и на Восточном фронте установилось относительно стабильное положение¹. К концу 1914 г. противоборствующие стороны перешли к позиционной борьбе и на Сербском фронте.

После высокой активности первых месяцев войны наступило относительное равновесие и в борьбе за господство на море. Пожалуй, только в Средиземном море флот Антанты обладал очевидным преимуществом над противником. Правда, немецкое командование и не считало этот театр военных действий приоритетным. Основные силы противников концентрировались в Северном море, выжидая момент для решающей схватки. Примерно такая же ситуация сложилась на Балтике, где Россия и Германия безуспешно пытались обеспечить своим флотам решающий перевес в борьбе за контроль над акваторией Балтийского моря. Большое внимание в Берлине уделяли действиям своих крейсеров-рейдеров, которые активно пытались нарушить те устойчивые коммуникации, которые обеспечивали надежные связи огромной британской колониальной империи с метрополией. И надо сказать, что в первые месяцы войны эта задача решалась довольно успешно: действия немецких крейсеров нанесли немалый ущерб британскому торговому флоту. Однако к концу 1914 г. командование английскими ВМС сумело перехватить инициативу. В декабре 1914 г. в сражении у Фолклендских островов эскадра, возглавляемая адмиралом Д. Стэрди, разгромила немецкую группировку фон Шпее. Это событие завершило первый раунд борьбы за господство на море. Ни одна из сторон не

¹ Подробнее см.: *Stone N. The Eastern Front 1914–1917. N.Y., 1975; Шаццлло В.К. Последняя война царской России. М., 2010.*

Галицийская битва (18 августа - 21 сентября 1914 г.)

смогла на этом этапе добиться решающего перевеса и теперь изыскивала новые возможности для реализации своих планов.

Итак, спустя всего несколько месяцев после начала войны стало очевидно, что все столь тщательно прорабатываемые планы ведения войны и достижения быстрой победы по сути потерпели фиаско. Ближе всех к успеху на этом этапе были немцы. И это неудивительно, ибо качество военного планирования в этой стране традиционно отличалось высоким уровнем. Однако явная недооценка политической составляющей будущего конфликта привела к тому, что уже на стадии разработки «плана Шлиффена» в него закрались фатальные ошибки. В нем не правильно прогнозировалась реакция Англии и России на начало войны против Франции. А это в свою очередь обусловило еще ряд важных, незапрограммированных событий, характеризовавших лицо начавшейся войны, которую уже тогда можно было классифицировать как войну качественно нового типа, не имевшую аналогов в истории ни по интенсивности, ни по размаху боевых действий. Уже битва на Марне, сражения в Восточной Пруссии и Галиции буквально ошеломили современников масштабами потерь. Важно иметь в виду, что именно в ходе этих событий были уничтожены лучшие кадровые силы противоборствовавших держав и их руководство начало осознавать, что для достижения победы участникам конфликта придется задействовать гораздо большие людские ресурсы, чем предполагалось в предвоенных мобилизационных планах.

Однако здесь сразу же возникал целый комплекс непростых проблем. Расширение списков резервистов, подлежащих призыву, неизбежно ставило вопрос о том, как это отразится на состоянии трудовых ресурсов воюющих государств, а это напрямую затрагивало функционирование экономик участников конфликта. Вступление ведущих мировых держав в стадию индустриального общества вызвало кардинальные изменения во всех сферах жизнедеятельности человеческой цивилизации, в том числе и в военном деле. Для производства военной техники были необходимы высокотехнологичная промышленность и соответствующие трудовые кадры. Получался своего рода замкнутый круг. Для успехов на поле боя армии необходимо было постоянно получать новую технику и боеприпасы, что заметно увеличивало нагрузку на промышленность. Однако оборотной стороной роста огневой мощи воюющих армий стало колоссальное увеличение потерь в живой силе в действующих армиях, что требовало их немедленного восполнения, а сделать это можно было, лишь отрывая от производства занятых в нем работников. Понятно, что подобный сценарий не вписывался в предвоенные планы всех ведущих держав, нацеленные на достижение быстрой победы.

Ситуация усугублялась тем, что вступление наиболее развитых государств в стадию «индустриального общества» повлекло за собой выделение военной промышленности в особый сегмент экономики, значение которого неуклонно возрастало. До начала XX в. основная часть потребностей вооруженных сил удовлетворялась практически теми же производителями, что и нужды основной массы населения. Главную часть военных расходов, помимо жалованья, со-

ставляли закупки сукна, обуви, упряжи, продовольствия и фуража, коней и мулов. Потребности в собственно оружии обеспечивались предприятиями по производству и обработке металла и немногочисленными государственными арсеналами. Одни и те же верфи обеспечивали строительство военных и гражданских судов¹.

Со второй половины XIX в. ситуация стала быстро меняться. Наука развивалась столь стремительно, что в сфере промышленных технологий чуть ли не повседневно происходили качественные скачки, открывавшие новые горизонты индустриального прогресса. Это в полной мере относилось и к области военного дела, и военная мысль далеко не всегда успевала вовремя осмыслить эти новации.

Развитие и совершенствование железнодорожного транспорта, распространение телеграфной связи, качественный скачок в развитии артиллерии — все это приносило новые, не всегда до конца осмысленные военными теоретиками черты в характер боевых действий. Хорошо известно, что Мольтке-ст. призывал своих подчиненных вместо строительства устаревших, никому особенно не нужных крепостей развивать сеть железных дорог, ибо это резко увеличивает мобильность вооруженных сил. Именно он в огромной мере способствовал превращению немецкой армии в отлаженную машину, состоявшую из отлично подготовленных солдат и офицеров, каждый из которых был способен в любой момент заменить выбывшего товарища по оружию и при этом четко выполнять поставленную задачу. По уровню организации немецкая армия напоминала хорошо отлаженный механизм ведущих промышленных корпораций, и этот опыт оказывал заметное воздействие на процесс военного строительства в западноевропейских странах. Правда, именно эти высокопрофессиональные кадры и были в значительной мере выведены из строя в ходе боев, развернувшихся в первые месяцы.

Необходимо учитывать, что создание таких сложных организационно-технических структур наряду с безусловными достоинствами таило в себе и немалые опасности, что и показали события начала Первой мировой войны, когда единожды приведенные в действия эти структуры начинают функционировать по своей логике и перестроить их на иной ритм оказывается очень непросто. К концу 1914 г. стало очевидно, что все предвоенные планы великих держав, нацеленные на достижение молниеносной победы, потерпели фиаско.

Перестроить огромную машину по ходу дела, осмыслить в процессе боевых действий причины, приведшие к провалу тщательно продуманных военных планов, адаптировать к новым реалиям войны стратегические замыслы оказалось делом весьма непростым и небыстрым. Сложность этой задачи обусловливалась тем, что в военной тактике всех великих держав по-прежнему доминировала мысль о том, что в современных условиях любая война не может не быть скоротечной. Мысль о возможности затяжной войны считалась чуть

¹ Подробнее см.: Терехов В.И. Фактор военной силы в международных отношениях // Основы общей теории международных отношений. М., 2009.

ли не ересью¹. Но если осмыслить новые реалии военного дела (рост огневой мощи артиллерии, активное использование автоматического оружия, улучшение средств связи и управления войсками) было относительно просто, то крах самой идеи молниеносной войны порождал куда более серьезные последствия, причем отнюдь не военного плана.

Речь шла о том, что очевидная невозможность добиться победы в короткие сроки совсем в ином ключе ставила вопрос о взаимодействии фронта и тыла, армии и экономики, ибо и «капитаны-индустрии» также не рассчитывали на то, что война может принять затяжной характер. Показательно, например, что Германия вступила в Первую мировую войну практически без серьезных запасов сырья для производства взрывчатки, полагая, что тех боеприпасов, которые имеются на складах, вполне достаточно для выполнения задач, намеченных в «плане Шлиффена». Как будет функционировать экономика в экстремальных условиях затяжной войны? Над этим вопросом никто всерьез не задумывался ни в Германии, ни в Англии, ни в России, ни в других воюющих странах.

Поначалу основные действующие лица военного конфликта возлагали главные надежды не столько на модернизацию своих стратегических установок, сколько на увеличение числа своих союзников. Так, Антанта еще в конце августа 1914 г. сумела привлечь на свою сторону Японию. Правда, особых дивидендов от этого Антанта не получила, ибо Япония решила присоединиться к этому блоку лишь ради осуществления собственных планов по укреплению своих позиций на Дальнем Востоке. Единственный ее реальный вклад в общую копилку союзников состоял в том, что теперь Российская империя могла не беспокоиться о безопасности своих восточных рубежей. Что касается самой Японии, то присоединение к Антанте обернулось для «страны восходящего солнца» существенными выгодами: Токио полностью вытеснил Германию из Китая и захватил большую часть ее островных владений в Юго-Восточной и Центральной части Тихого океана. После этого в Токио с интересом наблюдали за тем, как остальные великие державы уничтожают свои лучшие воинские части, и планомерно укрепляли собственные вооруженные силы.

Более продуктивными, по крайней мере на этом этапе, были действия Германии, которая сумела склонить турецкое правительство к вступлению в войну на стороне Тройственного союза. В результате образовались еще несколько фронтов — кавказский, ставший серьезной проблемой для русской армии, месопотамский, палестино-сирийский и дарданелльский. Определенные трудности для Антанты этот шаг Турции создал, но главное — этим демаршем Турецкая империя подписала себе смертный приговор, ибо вынести тяготы большой войны это переживавшее нелегкие времена государство было не в состоянии.

Эти события ярко характеризуют первую реакцию лидеров противоборствовавших блоков на непредвиденные трудности первых месяцев войны. Она

¹ На наш взгляд, этот тезис достаточно убедительно доказан в исторической литературе. См. также для иллюстрации этого тезиса на мнение весьма авторитетного специалиста П. Кеннеди: *Kennedy P. The War Plans of the Great Powers. L., 1979.*

была вполне традиционной: необходимо расширить свой совокупный потенциал мощи за счет привлечения дополнительных внешних ресурсов, т.е. новых союзников. Это был экстенсивный путь решения возникших проблем, который вел лишь к расширению зоны конфликта, что в итоге еще больше осложняло задачу его главных действующих лиц. По большому счету, этот вариант, как сегодня очевидно, не давал ответа на главный вопрос: как выйти из того тупика, в который попали воюющие державы после провала их изначальных стратегических замыслов?

Конечно, сегодня легко критиковать военно-политическое руководство воюющих держав, выстраивать различные версии, гладко объясняющие, почему случилось так, а не иначе. Однако не надо забывать, что в тот момент события выглядели далеко не так, как они представляются нам сегодня. Известный исследователь Первой мировой войны Дж. Киган справедливо отмечает, что к зиме 1914 г. вся Европа оказалась в невиданном ранее положении: никогда со времен Римской империи континент не был так жестко разделен на два антагонистических лагеря, отделенных друг от друга колючей проволокой и сплошной линией траншей¹. К этому необходимо добавить, что интенсивные боевые действия велись уже не только в Старом Свете, но и в Азии, и в Африке, и на огромных океанских просторах. Очевидно, что подобная картина никак не вписывалась в те предвоенные прогнозы, которые строились в столицах всех великих держав, отталкиваясь от которых и принималось решение о начале Первой мировой войны.

Но тогда возникает естественный вопрос, почему же вся та огромная подготовительная работа, которая велась во всех великих державах на протяжении предвоенного периода отнюдь не дилетантами, оказалась на поверку несостоятельной? О некоторых причинах субъективного порядка, связанных с особенностями менталитета военной элиты, со спецификой самого процесса военного планирования, мы уже говорили в предыдущем разделе. Однако, на наш взгляд, события первых месяцев войны стали развиваться по непредсказуемому сценарию не только и не столько из-за этих факторов, сколько в силу того, что это была по сути первая серьезная война качественно новой фазы развития европейской цивилизации, которая уверенно вступила в стадию индустриального общества.

Сегодня, спустя 100 лет после этих событий, вооруженные относительно серьезным теоретическим багажом, мы можем попытаться реконструировать ход событий, понять логику мышления людей, ответственных за принятие стратегических решений. Тогда же XX век — время расцвета индустриального общества — только начинался. Все, чем могли оперировать политики и военные той эпохи, — это опыт XIX века, когда европейские государства находились на принципиально иной стадии развития, для которой были характерны скоротечные войны. То, что эта эпоха ушла в прошлое, в начале XX в. понимали немногие. Однако огромный скачок в техническом оснащении вооруженных

¹ См.: Киган Дж. Первая мировая война. М., 2004. С. 219.

сил основных мировых держав, резко повысивший их огневую мощь, сделал бесполезными все прежние оперативно-тактические построения, на которых основывались концепции ведения скоротечных, маневренных войн. К такому повороту события военная мысль оказалась явно не готовой. Здесь мы являемся свидетелями важного, но даже сегодня не до конца понимаемого явления. Речь идет о стадильном разрыве в развитии общества и его осмыслении людьми. В принципе подобный разрыв в этих двух формах человеческой жизнедеятельности существует всегда, но в периоды так называемого стадильного разрыва он принимает подчас фатальные формы, мешая привычным стереотипам вписаться в новые реалии.

Первая мировая война, ставшая своеобразным символом вступления европейской цивилизации в стадию индустриального общества, планировалась и поначалу велась по канонам прежней фазы эволюции ведущих держав Европы. Вопрос заключается в том, когда руководство воюющих держав начало осознавать эту истину. На наш взгляд, частично это стало происходить уже в 1915 г., хотя в разных странах этот процесс шел далеко неодинаковыми темпами, и военные элиты находились явно не в авангарде приспособления к новым реалиям.

События второй половины 1914 г. повлекли за собой не только крах прежнего понимания тактики боевых действий, но и крушение достаточно прочных понятий и представлений о «правилах ведения войны», казалось бы, утвердившихся в международном праве. Уже самые первые акты драмы под названием «мировая война» ознаменовались попранием общепризнанного нейтралитета Бельгии. Немецкое вторжение в нейтральное государство сопровождалось целенаправленными репрессиями против гражданского населения этой страны. Имели место сожжение деревень и небольших городов, расстрелы заложников. И это были отнюдь не отдельные эксцессы, вызванные ожесточенностью боя, а хорошо продуманная система мер, нацеленная на запугивание противника, подавление его воли к сопротивлению.

Правда, на практике эти действия немцев имели скорее негативный для них эффект, ибо факты мнимой и действительной жестокости, попрания ими норм международного права умело использовались пропагандой стран Антанты для мобилизации собственного населения и дискредитации политики Германии в глазах нейтральных государств. Немецкая пропаганда в свою очередь оправдывала действия своих войск неким «особым» правом Германии утверждать передовые немецкие ценности в загнивающей Европе. Эти взаимные обвинения в долговременном плане вели к деформации массового сознания европейцев, ставили под сомнение те традиционные ценности, на которых выросла и окрепла европейская цивилизация.

К концу 1914 г. в развитии боевых действий начинался качественно новый этап. Война была неотъемлемым атрибутом всего развития европейской цивилизации, и когда в августе 1914 г. вспыхнул очередной военный конфликт, первопричиной которого стали события в традиционно горячей точке Европы — на Балканах, он во многом и воспринимался как очередной неизбежный конфликт, своего рода «третья Балканская война», в которую оказались

вовлеченными и великие державы. Спустя примерно полгода после его начала и представители военно-политической элиты воюющих держав, и простые жители этих стран начали понимать, что они столкнулись с чем-то принципиально новым, не имеющим аналогов в прошлом, что эта война открывает новую, неизведанную страницу в судьбах Европы¹. Не случайно в исторической литературе, посвященной осмыслению места Первой мировой войны в развитии этого региона, стал популярным тезис: «Двадцатый век для Европы начался в 1914 г.».

В этом контексте большой интерес, на наш взгляд, представляет вопрос о том, как готовились к новым баталиям участники войны, какие выводы они сделали из ставшего очевидным банкротства всех прежних стратегических расчетов. Среди историков, анализировавших эти сюжеты, единства никогда не было. Попробуем обосновать собственную версию ответа на эти принципиальные вопросы. Представляется, что готовясь к кампании 1915 г., военно-политические лидеры воюющих держав, в первую очередь военные, далеко не полностью осознали, к чему ведет крах всех их предвоенных планов. Они видели лишь то, что не сработали их рецепты достижения быстрой победы, но вывод делался простой — надо адаптировать прежние, верные в своей основе установки к тем, новым реалиям, которые отчетливо проявили себя в первые месяцы войны (рост значения артиллерии, использование пулеметов, первые опыты применения авиации и т.д.). О долговременных последствиях в тот момент военное руководство и стран Антанты, и участников Тройственного союза еще явно не задумывалось.

В 1915 г. Центральные державы пытались по-прежнему громить своих противников поодиночке. Страны же Антанты стремились расчленив сомкнутый массив территории своих противников, и тогда можно было рассчитывать на возвращение к прежней тактике, присущей маневренной войне. Эти положения не вызывают сомнений у историков. Однако уже к концу 1914 г. линия фронта в районах основных боевых действий была настолько прочно укреплена, что было очевидно — ее прорыв потребует невероятных усилий². Поэтому в умах людей, осуществлявших руководство вооруженными силами Антанты, возникла мысль: а что, если временно перенести центр своих усилий на Балканы?

Во-первых, активизация боевых действий в этом регионе могла помочь дипломатам Антанты склонить на свою сторону колеблющихся Грецию и Румынию, а, во-вторых, нанесение с юга удара по Австро-Венгрии облегчало бы ситуацию для русской армии, создавало благоприятные условия для прорыва фронта в Карпатах и развития наступления вглубь Австро-Венгрии. Наиболее рьяно идею активизации боевых действий на юго-востоке пропагандировали представители британского военно-политического истеблишмента. Правда,

¹ Эти сюжеты стали привлекать внимание историков относительно недавно. Однако за последние 30 лет появился ряд интересных работ, посвященных анализу различных аспектов этой многогранной темы: *Winter I., Wall W. The Uphelval of War: Family, Work and Welfare in Europe 1914–1918. Cambridge, 1987; Wilson T. The Myriad Faces of War. Cambridge, 1986; Moyer L. Victory Must be Ours. L., 1995.*

² Подробнее см.: *Кизан Дж. Указ. соч. Гл. 6.*

между их армейским и флотским начальством существовали определенные разногласия. Так, военный министр лорд Китчнер, получивший известность еще в ходе Англо-бурской войны, настаивал на вторжении в Сирию с тем, чтобы обезопасить Суэцкий канал — важнейшую стратегическую артерию Британской империи от атаки турецких войск.

Военно-морское ведомство в свою очередь предлагало, используя силы флота, прорваться в Мраморное море, создав прямую угрозу столице Османской империи, а десантная операция в этом регионе позволила бы отделить пребывавшую не в самом оптимальном состоянии союзницу Германии от основной территории, контролируемой державами Центрального блока.

Кроме того, подобная акция не требовала снятия сколько-нибудь существенных сил с Западного фронта, против чего категорически возражали французы во главе с Жоффром, не потерявшие надежд (неясно, правда, на чем основывавшихся) на достижение коренного перелома на главном, по их мнению, фронте Первой мировой войны¹.

Ж. Жоффр

Э. фон Фалькенгайн

Германское командование в 1915 г. ставило перед собой три взаимосвязанные задачи. Во-первых, предполагалось нанести мощнейший удар по русской армии на правом фланге Восточного фронта. Фалькенгайн, руководивший разработкой немецких стратегических планов на 1915 г., считал Российскую империю слабым звеном Антанты. Исходя из этого он полагал, что немецкие войска при должной подготовке вполне способны осуществить там глубокий прорыв фронта, захватить важные в экономическом плане губернии Российской империи и даже принудить ее к заключению сепаратного мира. Заметим, что добиться столь амбициозных целей немецкий стратег рассчитывал отнюдь не путем сочетания политических и военных мер (заигрывания с оппозицией, поддержка национал-сепаратистских движений), а исключительно за счет преимущества немецкой военной машины².

¹ Эти споры детально исследованы в работе Г. Лиддел Гарта (Правда о Первой мировой. М., 2010. Гл. 4).

² См.: Фалькенгайн Э. фон. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923.

Во-вторых, изоляция России должна была способствовать достижению решающего успеха на Балканском фронте, что позволило бы участникам Тройственного союза установить свой практически полный контроль над Юго-Восточной частью Европы. Это в свою очередь облегчало решение третьей задачи: превращение Малой Азии в плацдарм и оперативную базу для атаки на Египет и важнейшие английские коммуникации, связывающие Лондон и его азиатские владения. Поистине «наполеоновские планы»!

Однако сразу же возникает вопрос: на чем базировались эти прожекты? Ведь даже если не ставить под сомнение чисто военную составляющую этого стратегического замысла, то все равно неясно, каким образом немецкое командование рассчитывало обеспечить его материально-техническую часть?

Сражения осени 1914 г. убедительно продемонстрировали значимость этих компонентов для общего успеха той или иной операции. Действительно, что может сделать пехота и кавалерия против шквального пулеметного и артиллерийского огня, как без совершенствования транспортных средств и связи повысить мобильность войсковых частей, что ожидать от развивающейся семимильными шагами авиации?

На эти и многие другие вопросы сами генералы не могли дать убедительного ответа. Здесь они неизбежно сталкивались с научно-техническими и экономическими проблемами, в которых они, естественно, были совершенно не компетентны. Вся система подготовки военных кадров исключала знакомство с этими сюжетами, а органы военного планирования не привлекали людей не из касты высшего командного состава. Гражданским лицам, даже входящим в элиту общества, доступ к этим судьбоносным разработкам был категорически закрыт. Получался замкнутый круг: в новых условиях представители военной элиты в одиночку не могли осуществлять корректную разработку стратегических планов, а допускать к этому процессу лиц, не входящих в узкий круг военной аристократии, последние отказывались. Это особенно относилось к Германии и России, а ведь по задуманным в тиши кабинетов руководства Антанты и Тройственного союза сценариям именно этим странам предстояло сыграть главную роль в военной кампании 1915 г.

Готовясь к решающему, как ему казалось, наступлению на русские войска, немецкое командование начало укреплять свою группировку, дислоцированную в Восточной Пруссии и Польше. Туда были переброшены с Западного фронта испытанные в боях корпуса. Численность немецких войск там в итоге выросла почти в 2,5 раза. Однако русские войска сумели опередить немцев и в феврале 1915 г. начали второе наступление в районе Мазурских озер. Правда, из опубликованных воспоминаний участников событий неясно, почему командование решилось на эту плохо подготовленную операцию, но итог ее был предрешен заранее — понеся большие потери, русские войска вынуждены были отступить. Однако и мощнейшая немецкая группировка, с которой в Берлине связывали самые радужные надежды, не сумела развить успех: отступив, русские войска заняли прочную оборону, прорвать которую противник с ходу не сумел.

План немецкого командования осложнила ситуация в Галиции, где русские войска зимой 1915 г. нанесли тяжелое поражение австрийцам. В марте 1915 г. была взята важнейшая в стратегическом плане крепость Перемышль, установлен контроль над ключевыми перевалами в Карпатах, что открывало дорогу на венгерскую долину — важнейшую житницу Австро-Венгрии. Тем не менее, и наши войска не смогли развить успех, ибо именно в этот момент разразился первый кризис снабжения армии — довоенные запасы боеприпасов были исчерпаны, а военное производство еще не развернуто в должной мере.

Отметим еще одно обстоятельство: именно с этого момента начался процесс разложения австро-венгерской армии. В ходе этих боев были отмечены первые случаи массового перехода на сторону русских войск целых подразделений австрийской армии, сформированных из солдат-славян. Власти Российской империи не сумели использовать в полной мере те возможности, которые открывало применение «этнического оружия» (т.е. использование межнациональных противоречий в стане противника), но несмотря на это, события, инициированные наступлением русских в Галиции, стали тревожным симптомом, свидетельствовавшим о неблагоприятном состоянии морально-политического климата в Австро-Венгрии. Другое дело, что и России этот успех достался дорогой ценой. Русские войска потеряли убитыми и ранеными только в этой операции около 750 тыс. человек.

Ситуация в Галиции сильно обеспокоила немецкое командование. Пытаясь отвлечь внимание русских от попавшей в тяжелое положение Австро-Венгрии, немецкая ударная группировка, используя свое превосходство в тяжелой артиллерии, нанесла мощный удар и полностью разгромила русские войска. В зоне прорыва (около 30 км) между Горлицей и Тарновым фронт был прорван. Эти события убедительно продемонстрировали эффективность такого вида вооруженных сил, как артиллерия, который, при условии должного обеспечения боеприпасами, способен решать судьбу сражения.

Развить дальнейший успех своего наступления немцы не сумели. Как полагают большинство исследователей, в силу сугубо субъективных обстоятельств — серьезных трений между командующим вооруженными силами Германии Фалькенгайном и командующим немецкой группировкой на Востоке Гинденбургом, к мнению которого начинал все больше прислушиваться кайзер. Очевидно, что между этими, весьма несхожими по характеру людьми сложились непростые отношения, перераставшие в открытую неприязнь, которая в наиболее напряженный момент весеннего наступления немцев на Восточном фронте сыграла с ними злую шутку¹.

Гинденбург, уже видевший себя триумфатором, обеспечившим германскому оружию победу, отчаянно настаивал на усилении натиска на деморализованного противника именно в районе прорыва, но Фалькенгайн посчитал это слишком рискованным и предпочел этому варианту план медленного вытеснения русских войск из западных губерний империи.

¹ Эти сюжеты подробно рассматриваются в работе: *Wheeler-Bennett J. Life of Hindenburg: the Wooden Titan. L., 1936.*

Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но спустя почти столетие после этих драматичных событий нам представляется все же возможным порассуждать о том, как могли бы сложиться события при ином исходе спора в верхах немецкого военного руководства. На наш взгляд, ряд фактов говорит о том, что в данном внутриэлитном конфликте Гинденбург занимал, несмотря на обвинения в авантюризме, более прагматичную позицию. Впервые, поражение в этих боях весьма болезненно сказалось на моральном духе русских войск, дислоцированных на данном участке Восточного фронта. Неслучайно за время «великого отступления» в плен было взято почти 900 тыс. солдат и офицеров. На какое-то время командование потеряло управление войсковыми соединениями.

Во-вторых, именно в этот момент разразился очередной острый кризис снабжения русской армии боеприпасами, порожденный неэффективностью системы управления военной промышленностью и особенно транспортом. Наконец, следствием этих событий стало то, что ура-патриотические настроения, захлестнувшие страну в августе 1914 г., пошли на убыль. В обществе зародилось и стало неуклонно нарастать сомнение в способности царской власти успешно вести войну. Для империи, основанной на идее сильной, дееспособной центральной власти, подобные настроения представляли серьезную опасность. В этом контексте настойчивость Гинденбурга, пытавшегося убедить свое руководство в необходимости «дожатия» противника, по всей видимости, была вполне оправдана и обоснована.

Почему мы сочли необходимым уделить этому эпизоду особое внимание? Рассуждая о динамике развития событий на фронтах Первой мировой, о причинах успехов и неудач сторон, о факторах, обусловивших подобные сценарии, мы часто за глобальными проблемами забываем о роли «человеческого фактора», который, как мы попытались показать на этом примере, может иметь судьбоносное значение.

В конечном счете русское командование все же сумело взять ситуацию под контроль. В сентябре 1915 г. в районе Ровно был нанесен мощный контрудар по войскам Австро-Венгрии. К этой операции русское командование рассчитывало приступить гораздо раньше, но в силу событий на русско-немецком участке Восточного фронта ее пришлось отложить. Ценой огромных усилий, напряжения всех внутренних ресурсов командование русской армии смогло реализовать свои планы. В результате боеспособность австро-венгерской армии упала до критической отметки, и немецкое командование вынуждено было в экстренном порядке объединить австро-венгерские части с немецкой армейской группой под командованием генерала Лизенгена. Таким образом, к осени 1915 г. на Восточном фронте сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как состояние неустойчивого равновесия: немецкая группировка явно доминировала над противостоящими ей русскими армейскими соединениями, но войска России серьезно превосходили своих австро-венгерских оппонентов.

При всей значимости и масштабности событий, происходивших на Восточном фронте, для судеб Европы главным оставался фронт Западный. Имен-

но там в это время определялись, какая из моделей развития, характерных для этого региона, обладает превосходством по крайней мере в силовом поле. Зимой и весной 1915 г. англо-французские войска пытались нащупать слабые точки в немецких построениях. Ради этого предпринимались порой хаотичные попытки организовать наступление на различных участках Западного фронта — от Артуа и Фландрии до Лотарингии¹. Ожесточенные бои сопровождались огромными потерями, но не приносили ожидаемых результатов — в лучшем случае атакующей стороне удавалось продвинуться на 1–1,5 км. В этих бесплодных боях было потеряно около 250 тыс. солдат и офицеров, растрочены последние предвоенные запасы боеприпасов, но путь к победе выглядел гораздо более туманным, чем в начале войны.

В этой ситуации перед командованием обеих противоборствующих сторон все острее вставал вопрос: каким образом, за счет каких ресурсов продолжать борьбу до победного конца? Эта проблема особенно остро стояла перед Германией, которая вела ширококомасштабные операции сразу на двух огромных фронтах и не могла рассчитывать на подпитку своей материально-технической базы за счет огромных колониальных империй. Германское военное командование в этот момент связывало надежды на успех с разработкой нового сверхоружия, которое позволило бы склонить чашу весов в свою пользу. В этом плане немецкое военно-политическое руководство рассматривало три варианта. Прежде всего, речь шла об увеличении мощности и дальности артиллерии. Тяжелая промышленность Германии уже не одно десятилетие считалась лидером в производстве этого вида вооружений и теперь перед индустриальными магнатами Рура ставилась задача обеспечить немецкой армии подавляющее превосходство над противником в этой области. Однако жизнь показывала, что только за счет артиллерии, даже самой совершенной, добиться решающего перевеса в войне невозможно.

Большие надежды верхушка Германской империи и лично кайзер возлагали на использование подводных лодок. С помощью этого нового типа военных судов немецкое командование рассчитывало парализовать или по крайней мере осложнить связи Англии и Франции со своими колониальными владениями². Немецкие подводники действительно наносили значительный ущерб английскому военному и торговому флоту, но, во-первых, для того, чтобы в полном объеме решить поставленную задачу, сил у них не хватало, во-вторых, их действия вызывали негативную реакцию во всем мировом сообществе, в том числе и в невоюющих странах. Достаточно вспомнить эпизод с атакой немецкой подводной лодки американского трансатлантического лайнера «Лузитания», чтобы понять, почему подводная война вела к международной изоляции Германии.

Наконец, в том же 1915 г. немцы впервые использовали оружие массового поражения (ОМП) — химические отравляющие вещества. 22 апреля 1915 г.

¹ Подробнее об этих операциях см.: *Wolf L. In Flanders Fields. L., 1958.*

² Операции немецкого флота, в том числе и подводного, детально проанализированы в монографии Д. Стемберга (*Stemberg J. Yesterday's Deterrent. L., 1965.*)

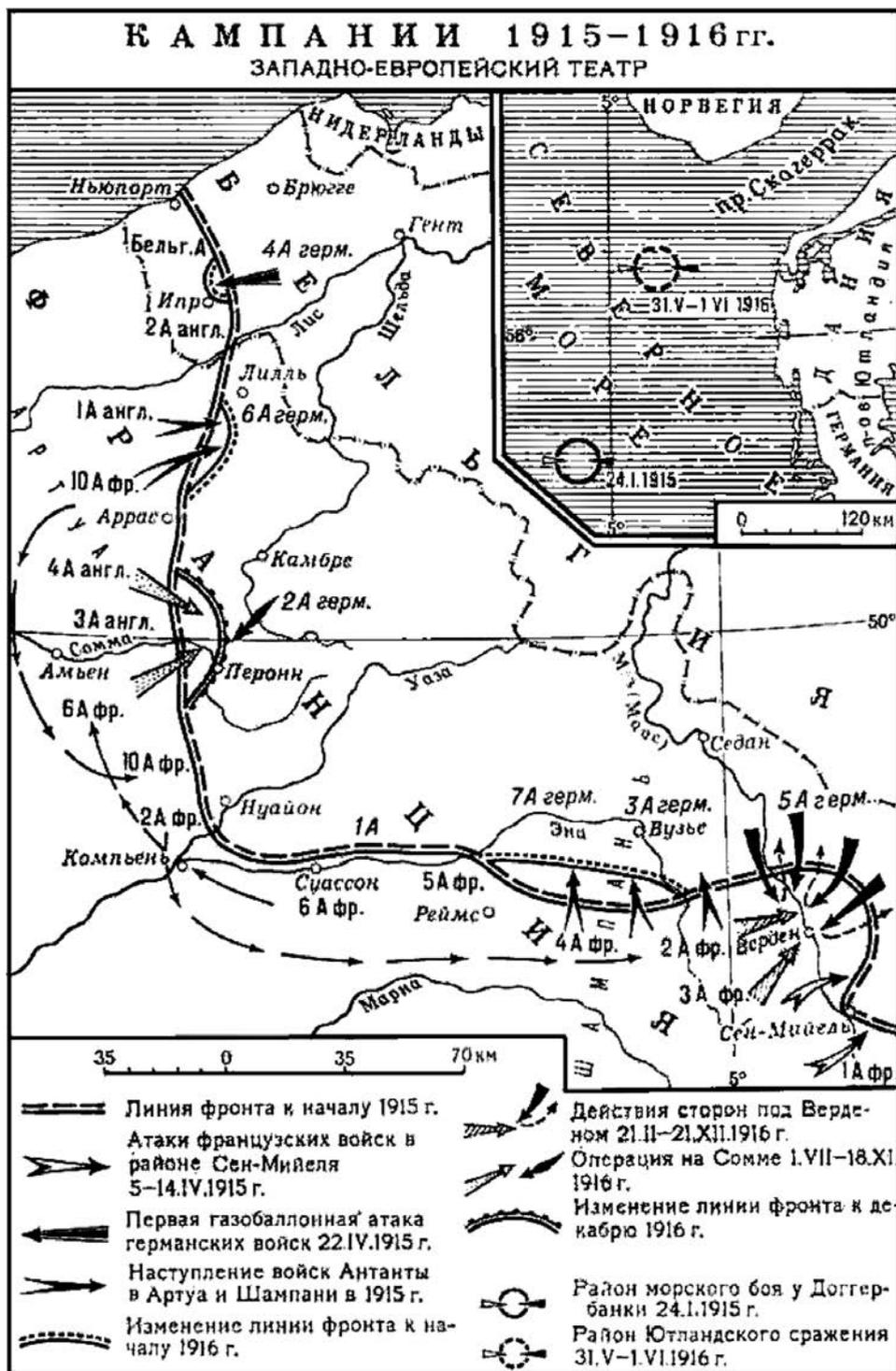
в районе Ипрского канала с их помощью были уничтожены две французские дивизии, около 60 тыс. человек потеряли англичане. Кроме того, газовая атака имела большой психологический эффект, ибо солдаты столкнулись с неизвестным ранее оружием, а неизвестное всегда пугает. Но если людские потери союзников были значительными, то территориальные успехи немцев были относительно скромными: они смогли продвинуться на 3,5 км. Возникает вопрос: почему немцы упустили возможность использовать эффект внезапности и психологического шока противника?

Судя по тому, что немецкое командование не стало сосредоточивать в районе использования ОВ дополнительные войсковые резервы, оно не особенно верило в эффективность нового, во многом непонятого для него самого оружия¹. Таким образом, ситуация свидетельствовала о том, что научная мысль явно опередила развитие военной стратегии и тактики. Тем не менее, это событие вошло не только в историю Первой мировой войны, но и в историю человеческой цивилизации в целом. Оно открыло трагическую страницу в ее развитии; возникла качественно новая угроза для будущего человечества, угроза, порожденная деятельностью самих людей — оружие массового поражения. Его появление генерировало целый комплекс новых проблем — военно-технических, правовых, моральных и т.д. Большинство из них решалось уже после войны, тогда же первостепенная задача заключалась в том, чтобы найти действенные средства защиты от нового оружия. В целом же, несмотря на драматизм событий, связанный с первым опытом использования ОВ в боевых действиях, сражение в районе Ипра не повлекло за собой кардинальных сдвигов в диспозиции сторон на Западном фронте. Военные действия там все больше заходили в тупик.

Даже вступление в мае 1915 г. в войну на стороне Антанты Италии, в последний момент изменившей свою политическую ориентацию, не повлекло за собой радикальных перемен в общем раскладе сил. Пожалуй, главное, что стало очевидным, — боевые качества итальянской армии на деле оказались крайне низкими. Неслучайно историки (кроме, естественно, итальянских) до сих пор ожесточенно спорят, чего больше — плюсов или минусов имело для Антанты вступление Италии в войну на ее стороне. Вопрос, действительно, не имеет однозначного ответа, однако здесь надо четко разделять политическую и военную составляющие этой проблемы.

Более очевидные последствия имело вступление в войну на стороне Тройственного союза осенью 1915 г. Болгарии. По крайней мере на время обстановка на Балканах стала выглядеть более предпочтительно для Германии и ее союзников. Положение Сербии резко ухудшилось. Однако при всем драматизме событий, развернувшихся осенью 1915 г. на Балканском фронте, очевидно, что не они определяли общую динамику развития войны. Ее судьба решалась на

¹ Очень эмоционально, с привлечением воспоминаний тех, кто сумел уцелеть в этих событиях, все детали газовой атаки описываются в книге: *Лиддел Гарт Г. Правда о Первой мировой. С. 177–187.*

Кампании на западноевропейском театре в 1915-1916 гг.

Западном и Восточном фронтах. А именно там сложилась устойчивая патовая ситуация.

Говоря об итогах боевых действий в 1915 г., стоит отметить парадоксальную ситуацию. Хотя зона конфликта неуклонно расширялась, в него втягивались все новые страны, добиться перелома в войне в 1915 г. не сумела ни одна из сторон. Конечно, были отдельные, достаточно значительные успехи, как, например, мощное наступление немцев на Восточном фронте, позволившее им заметно потеснить русские войска и ослабить их боевую мощь. Этот успех, однако, в определенной мере нивелировался поражениями главного союзника Германии — Австро-Венгрии в Галиции. На Западном же фронте, несмотря на поистине титанические усилия обеих сторон, массированное использование новейшей техники, ситуация на протяжении всего этого года не претерпела существенных изменений. Так, в войне возникло положение, которое можно охарактеризовать как неустойчивое равновесие. Важно, однако, подчеркнуть, что его поддержание требовало от всех участников войны предельного напряжения сил.

События 1915 г. во весь рост поставили тревожный вопрос: сколько еще смогут выдерживать подобное напряжение основные участники войны? Значительная часть кадровых военных к этому времени уже была выбита из строя. Для восполнения потерь приходилось мобилизовывать лиц, состоящих в запасе, это отягощало положение в экономике страны, которая и так находилась в состоянии крайнего напряжения¹. Неслучайно именно в это время на производство в массовом порядке начали привлекать женщин. За короткое время война гораздо больше стимулировала процесс эмансипации, чем долгие шумные кампании суфражисток. Но если с дефицитом рабочей силы в военном производстве ведущим государствам пока еще удавалось справляться, то с обеспечением армии и особенно гражданского населения продовольствием стали намечаться первые трудности. Это особенно касалось Германии и России, которые к концу 1915 г. стали испытывать очевидный недостаток материально-технических ресурсов. В ряде стран уже в это время вынуждены были перейти к рационарованию предметов первой необходимости и даже к введению карточной системы.

Однако, несмотря на отчаянные усилия по мобилизации всех ресурсов, имевшихся в распоряжении воюющих стран, перспективы достижения победы к концу года были столь же туманны, как и в момент перехода к позиционным боям. А это означало, что успех в войне скорее всего будет на стороне тех держав, которые сумеют раньше измотать своих противников, довести их до состояния, когда те исчерпают свои ресурсы. Иными словами, военно-политическое руководство и Антанты, и Тройственного союза стало осознавать, что позиционная война перерастает в свою следующую фазу — войну на истощение.

¹ Этот процесс на примере Германии скрупулезно исследован в монографии Дж. Фелдмана (*Feldman J. Arms, Industry and Labor in Germany. 1914–1918. Princeton, 1966*).

§ 2. В поисках рецептов победы: боевые действия и развитие военного дела в 1916 г.

Подготовка к кампании 1916 г. велась в условиях, когда всем ее участникам стало очевидно — надежды на возможность завершения войны в какие-то запланированные сроки нереальны, ибо за предшествовавшие 1,5 года она преподнесла столько сюрпризов, что они полностью опрокинули все прежние расчеты. Тем не менее, искать пути достижения победы было необходимо, поскольку война ежедневно пожирала огромные людские и материальные ресурсы. Неудивительно, что с каждым месяцем все острее становился вопрос: как долго ведущие державы мира смогут выдерживать подобную нагрузку?

Важно подчеркнуть, что, пожалуй, впервые с начала войны в обсуждении этой проблемы в военно-политическом руководстве ведущих европейских держав, помимо чисто военных и внешнеполитических сюжетов, все более заметное место начинают занимать социально-экономические вопросы. По крайней мере, политическая элита все больше стала склоняться к мысли, что от эффективности решения данного блока вопросов в не меньшей мере, чем от грамотной военной стратегии и тактики, зависит общий успех кампании 1916 г. И это отнюдь не было озарением или проявлением какой-то особой мудрости лидеров воюющих государств.

Этого настоятельно требовали и повседневные реалии войны, и накопленный за 1,5 года жизни в чрезвычайных условиях опыт. О чем он говорил? Впервые, даже далекому от военной службы обывателю стало понятно, что рассчитывать на успех наступления невозможно без массивной поддержки артиллерии, обеспеченной должным количеством боеприпасов. За непонимание этой, ставшей банальной к 1916 г. истины, все воюющие державы уже заплатили огромными людскими потерями, которые продолжали расти. Вывод из вышесказанного очевиден: промышленность должна значительно увеличить свою производительность. Предшествовавший опыт убеждал: добиться этого без использования экстраординарных мер невозможно, ибо экономика, функционирующая на принципах свободного рынка, оказалась неспособной решить эту задачу. Поиски рецептов повышения ее эффективности в этом контексте превратились в важную составную часть нахождения путей достижения победы.

Во-вторых, за время войны заметно изменился качественный состав вооруженных сил. Их костяк стали составлять вчерашние резервисты, ибо кадровые военнослужащие, как мы уже отмечали, к этому времени в значительной мере были выведены из строя. Их морально-политическое состояние отличалось от того, в котором пребывали в начале войны кадровые части. Тогда урапатриотические настроения буквально захлестнули и армию, и гражданское общество (некоторое исключение составляла Англия), властям было достаточно просто контролировать общественные настроения. Имея прочный тыл, они могли концентрировать все внимание на собственно военной стороне конфликта и решении дипломатических вопросов.

К 1916 г. положение дел существенно изменилось. Волна патриотических настроений явно пошла на спад. И гражданское население, и те, кто был мобилизован в армию, все чаще задавались вопросом, ради чего ведется эта война. Неслучайно, как показывают различные исторические исследования, с этого времени начинают расти случаи дезертирства, фиксируются первые факты коллективной сдачи в плен. Очевидно, что состояние морально-политического климата в обществе и особенно в армии не могло не беспокоить в той или иной мере руководство всех воюющих государств.

Важным симптомом нарастания социальной нестабильности стало постепенное оживление оппозиционных сил. Если в первые месяцы войны, они, как известно, за очень небольшим исключением, практически полностью поддерживали действия своего правительства, то теперь часть оппозиции и в стенах парламентов, и, что самое неприятное, вне его стен, включая и солдатские массы, начала вести все более активную антивоенную пропаганду. И хотя власти отвечали на это жесткими репрессиями, развертыванием мощной контрпропагандистской кампании, суть которой везде сводилась к тому, чтобы представить противников войны «изменниками Родины», «вражескими агентами» и т.п., деятельность этих сил создавала для властей все больше неудобств.

Отсюда вытекала еще одна тема, обсуждение которой стало занимать все более значительное место во внутривойсковой жизни основных участников войны. Речь идет о поисках рецептов поддержания социального мира, а для этого властям необходимо было убедить своих соотечественников в том, что победа в равной мере нужна всем жителям данной страны, независимо от их социального статуса. Поэтому при обсуждении собственно военной стратегии лидеры воюющих государств вынуждены были заботиться об их обрамлении соответствующими политическими декорациями. Однако, на наш взгляд, эти попытки, хотя и симптоматичные, нельзя признать успешными. Инерционность мышления продолжала довлеть над военно-политическим руководством всех воюющих держав: все споры прежде всего вертелись вокруг доли того или иного государства в разделе добычи после победы. Оставалось только объяснить, как ее добиться.

М.В. Алексеев

Здесь главное слово по-прежнему принадлежало военным. Наиболее нестандартное решение наметил, на наш взгляд, начальник штаба русской Ставки генерал М.В. Алексеев. Окончательно убедившись, что война приобрела затяжной характер, что на главных фронтах сложилась патовая ситуация, он предложил союзникам перейти к согласованной стратегии изматывания противника, нацеленной на истощение его ограниченных ресурсов. Для этого он предлагал временно отказаться от бесплодных и дорогостоящих попыток коренного перелома положения

дел на главных фронтах Первой мировой — Западном и Восточном. Там, считал Алексеев, следовало максимально укрепить свои оборонительные порядки и изматывать противника, который, по его мнению, несомненно продолжит попытки прорвать фронт союзников и мощным ударом решить исход всей кампании в свою пользу.

Пока немцы и их партнеры по коалиции будут растрчивать свои силы в этих тщетных наступательных операциях, союзники нанесут главный удар там, где страны Тройственного союза менее всего его ожидали: на Балканах, в районе Салоник, где базировались остатки сербской армии и куда предполагалось перебросить 10 армейских корпусов с Западного фронта, высвободившихся в случае предлагаемой Алексеевым оптимизации оборонительных построений войск Антанты. Неожиданный удар на этом фронте мог бы переломить ситуацию на Балканах. Одновременно мобильная группировка русских войск начинала атаку в направлении Будапешта, а итальянская армия должна была развернуть наступление на Вену. Совсем уже неординарно выглядело предложение Алексеева о заключении сепаратного мира с Турцией. Освободившиеся в результате этого силы следовало перенацелить на и без того ослабленную Австро-Венгрию. Таким образом, по мнению Алексеева, возникала возможность выбить из войны главного союзника Германии, что радикально меняло общий расклад сил¹.

Справедливости ради отметим, что многие историки считают план Алексеева чуть ли не мифом, запущенным в оборот родственниками уже после его смерти. Вряд ли с этим можно согласиться. Хотя какого-то законченного документа за подписью Алексеева действительно нет, подобные идеи неоднократно высказывались им в это время на разных уровнях, а главное — со схожими идеями представители России пытались выступить на конференции союзных штабов в декабре 1915 г. в Шантильи. Однако предложения, генерированные Алексеевым, были торпедированы его коллегами из Лондона и Парижа, да и непосредственно в царском окружении они не вызвали энтузиазма. Возникают два взаимосвязанных вопроса: почему план был отвергнут столь единодушно, и насколько он все же был рационален? Если говорить о том, почему этот план пришелся «не ко двору», то ответ достаточно очевиден. Так, англо-французское военное командование категорически не соглашалось с пересмотром военных приоритетов. Для них Западный фронт оставался ключом к победе. Кроме того, их явно не устраивала идея заключения сепаратного мира с Турцией, ибо это подразумевало сохранение ее в прежних территориальных рамках, а Англия и Франция претендовали на значительную часть владений Турецкой империи. Сложнее понять, почему план Алексеева отвергло царское окружение: то ли посчитало унижительным заключение мира с Турцией, то ли потому, что просто недолюбливало Алексеева?

Гораздо труднее ответить на вторую часть вопроса: насколько перспективны в военном отношении были концептуальные идеи, заложенные в плане

¹ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии: генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

Алексеева, ибо он был отвергнут и до его практической реализации дело просто не дошло. Конечно, однозначного ответа на этот вопрос нет. Тем не менее, представляется, что определенное рациональное зерно в стратегических разработках Алексеева и его команды было. На наш взгляд, дело в том, что они первые в военно-политической элите России, а, может быть, и Антанты в целом поняли, что Австро-Венгрия уже вступила в полосу серьезного внутреннего кризиса и в силу этого весьма уязвима для массивированного давления.

Конечно, все это скорее гипотезы. Однако, на наш взгляд, важно понять, было ли восприятие реалий войны в военно-политической элите одномерным, или же в этой среде все же присутствовало пусть и не достаточно четкое понимание того, что традиционная трактовка сути военной стратегии требует определенного обновления. Не претендуя на истинность выдвинутого здесь тезиса, хотелось бы высказать предположение, что, возможно, «план Алексеева» стал «первой ласточкой» в начавшемся переосмыслении предвоенных стратегических замыслов.

Так или иначе, но в Шантильи возобладала точка зрения Жоффра (командующего французскими войсками на Западном фронте) и Хейга (его английского коллеги), которые по-прежнему исходили из того, что судьба войны будет решаться прежде всего на Западном и отчасти на Восточном фронтах, и любое распыление ресурсов будет иметь пагубные последствия. Судьбу войны

Д. Хейг

должно было решить мощное наступление (очередное) на Западном фронте. На сей раз предлагалось нанести главный удар весной 1916 г. в долине реки Сомма. Одновременно должны были начаться наступательные действия русских и итальянских войск на своих фронтах. В целом командование Антанты, прежде всего Жоффр, было настроено весьма оптимистично, убеждая политическое руководство своих стран, что победа уже совсем близка.

Не менее оптимистично был настроен и командующий немецкими войсками Фалькенгайн¹. Он очень надеялся, что в ближайшее время к державам Центрального блока присоединится страна, обладавшая самыми богатыми в Европе запасами нефти, — Румыния. Благодаря массивированной материально-технической помощи и деятельности не-

мецких военных советников заметно активизировалась турецкая армия, добившаяся ощутимых успехов в Месопотамии и вышедшая на подступы к Суэцкому каналу. Сербская армия была разбита. За счет дополнительной мо-

¹ См.: Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923.

биллизации немцы смогли поставить под ружье еще 1,5 млн человек. И главное, по мнению Фалькенгайна, силы основных противников Германии — Франции и России — в ходе тяжелейших боев 1915 г. были надломлены. Кроме того, по мнению немецких военных аналитиков, в Российской империи под влиянием тягот войны быстро нарастал внутривосточный кризис, который еще больше подтачивал ее силы. Следовательно, главной целью кампании 1916 г. автоматически становилась Франция. И если французское командование рассчитывало решить исход войны в сражении в районе р. Сомма, то в Берлине в качестве направления главного удара выбрали Верден. Подготовка к его атаке началась еще в декабре 1915 г.

Жизнь убедительно доказала, что все эти прожекты строились на базе далеко не во всем корректных оценок, причем данное утверждение в полной мере относится к обеим сторонам конфликта. Все основные участники войны

Верденское сражение

явно ошиблись с оценкой потенциала противника. Да, все стороны уже испытывали немалые трудности и с обеспечением фронта всем необходимым, и в финансовой сфере; к тому же нарастала внутривойсковая напряженность. Но все эти процессы еще не достигли той критической отметки, за которой начинается распад государства. Алармистские оценки состояния потенциала участников войны скорее всего были вызваны тем, что никогда ранее аналитикам не приходилось сталкиваться со столь грандиозными потрясениями, и, естественно, им казалось, что все лимиты устойчивости государства исчерпаны. Отсюда надежды на то, что удастся в ближайшее время дожать противника.

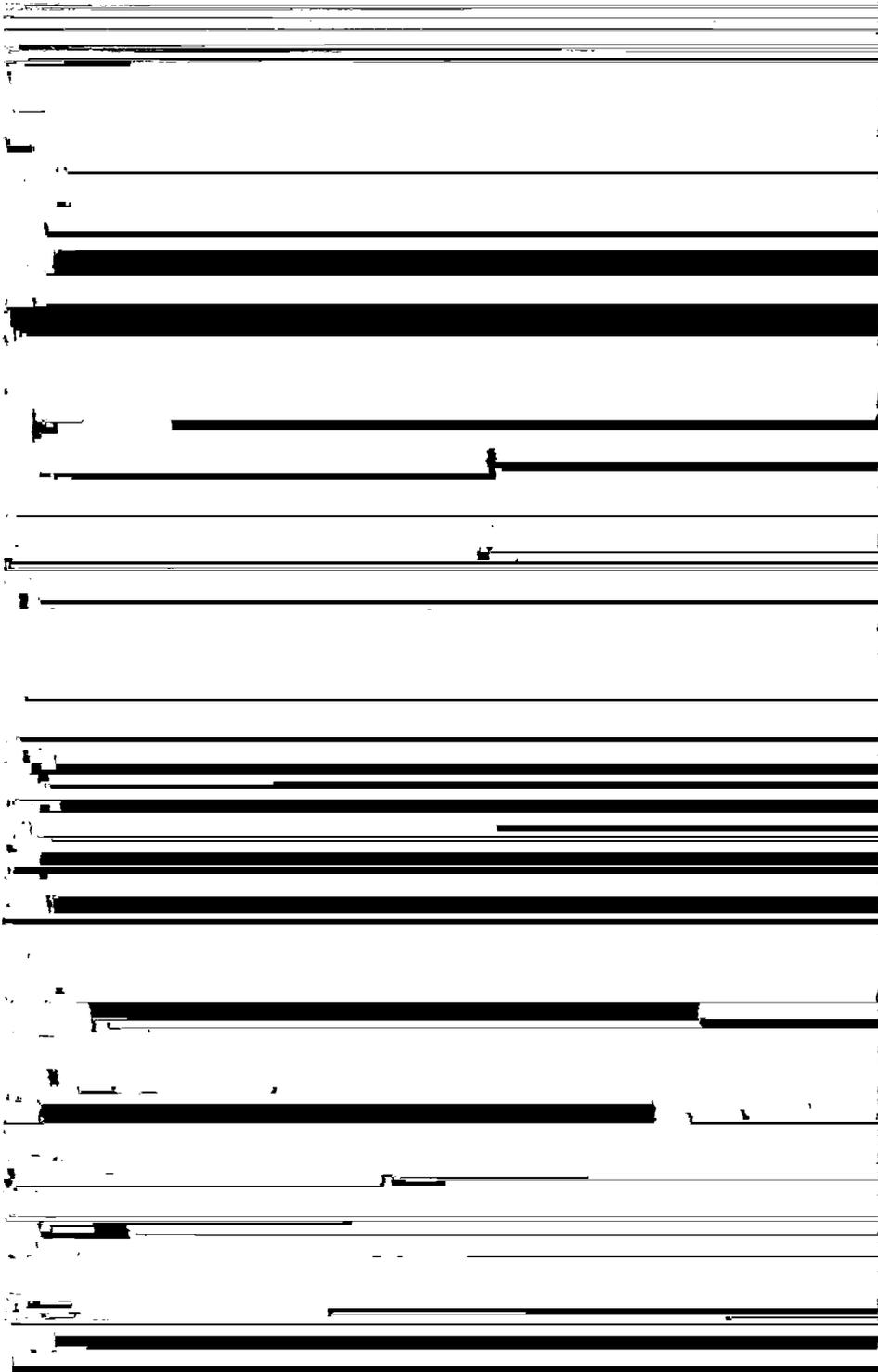
Поскольку наибольшими оптимистами были немцы, они раньше других начали готовиться к решающему штурму. Под Верден заранее стягивались ударные части, невиданное ранее количество тяжелой артиллерии и боеприпасов. Отметим, что все это удалось сделать так, что французская разведка не смогла (по некоторым данным, к ней не захотело прислушиваться командование) в должной мере отследить эти приготовления¹.

21 февраля немцы начали мощнейшую артподготовку. Историки подсчитали, что на Верден было обрушено более 2 млн снарядов. Лишь после этого немцы перешли в наступление. Ситуация для французов стала критической. В этот момент оборона Вердена была поручена генералу Ф. Петену, человеку, занявшему в истории Франции в своем роде уникальную нишу. Известность и славу ему принесла как раз Первая мировая война, одним из главных героев которой он стал, а закончил он свою долгую жизнь изменником Родины, запятнавшим себя сотрудничеством уже в годы Второй мировой войны с гитлеровцами. Звезда Петена взошла как раз в ходе жесточайших боев за Верден, когда, несмотря на тяжелейшую ситуацию, французские войска под его командованием сумели отстоять Верден, считавшийся воротами в Париж.

Не последнюю роль в их успехе сыграла технико-тактическая новация, автором которой считается Петен. Речь идет об организации высокомобильной оперативной переброске войск с помощью грузовых автомобилей, которые с той поры прочно вошли в повседневную армейскую жизнь и так же как и железнодорожный транспорт превратились в неотъемлемый атрибут военного потенциала страны. В более широком смысле стремительное внедрение грузовых автомобилей не только в военную сферу, но вообще в повседневную жизнь повлекло за собой глубокие изменения в экономике (у железнодорожного транспорта появился реальный конкурент), а потом и в жизни общества в целом.

Наиболее ожесточенные бои за Верден пришлось на март, но решить все поставленные командованием задачи немцы так и не смогли. К апрелю натиск немецкой армии стал постепенно ослабевать. Операция явно затягивалась. Положение немцев осложнилось в силу того, что 1 июля началось крупное наступление англо-французских войск на Сомме. Наступлению предшествовала почти недельная артподготовка. Однако подавить все долговременные огневые

¹ Детальный анализ этого наиболее ожесточенного сражения Первой мировой войны содержится в классическом труде А. Хорна (*Horne A. The Price of Victory. L., 1962*).

Битва на реке Сомме (1 июля — 18 ноября 1916 г.)

точки немцев не удалось, поэтому уже в первой атаке, в которой участвовало 60 тыс. английских солдат и офицеров (большая часть добровольцев), погибло больше 1/3 ее участников.

В сражении на Сомме было впервые использовано новое оружие — танки. Тогда они не произвели на военных (всех уровней) особого впечатления из-за своего явного технического несовершенства. Однако в историю военного дела эта дата, безусловно, вошла, ибо она знаменовала рождение нового вида военной техники, на базе которой позднее был создан отдельный род войск — танковые войска, без которых начиная с 30-х гг. XX в. уже просто невозможно представить армии ведущих мировых держав.

Сражение на Сомме продолжалось вплоть до ноября 1916 г.¹ Войскам Антанты удалось за несколько месяцев тяжелейших боев отвоевать у немцев 180 кв. км. Этот «крупный» успех обошелся англичанам в 420 тыс. погибших, французам — в 200 тыс. Немцы потеряли в этом сражении 600 тыс. человек. Однако эта операция позволила англо-французскому командованию ослабить натиск на Верден — главную болевую точку Западного фронта, и, таким образом, немецкое руководство не сумело решить основную стратегическую задачу, поставленную на 1916 г.

Свою роль в срыве планов немцев сыграла и русская армия, которая летом 1916 г. осуществила, бесспорно, свою наиболее удачную наступательную операцию, вошедшую в историю Первой мировой войны под названием «Брусиловский прорыв». Речь идет о крупномасштабном наступлении войск Юго-Западного фронта, которыми командовал генерал А.А. Брусилов. В анналы военной истории оно вошло благодаря тому, что это была единственная крупная и в то же время успешная операция такого уровня, в которой победитель не обладал превосходством над противником в артиллерии и других видах военной техники (930 орудий у Брусилова, из которых лишь 168 — тяжелых, против 2900 у его оппонентов) и имел примерно равное (даже чуть меньше) количество пехоты и кавалерии (около 600 тыс. человек у русских и 620 тыс. — у обороняющейся стороны)².

По поводу этой операции в исторической науке сломано немало копий. Спорят об оценке ее итогов и последствий для общего хода военных действий,

А.А. Брусилов

¹ Детальный анализ этой операции содержится в работе: *Middlebrook M. The First Day on the Somme. L., 1971.*

² Подробнее см.: *Кереновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1944; Stone N. The Eastern Front 1914–1917. N.Y., 1975; Осокин М.В. Брусиловский прорыв. М., 2010, а также воспоминания самого А.А. Брусилова, переизданные в 1963 г.*

по-разному трактуют ее место в общем контексте Первой мировой войны, пытаются понять, как спустя всего год после этой несомненной победы русская армия по существу полностью развалилась. Однако прежде чем выносить собственный вердикт, следует хотя бы вкратце рассказать о самой этой операции.

Как уже отмечалось, командование русской армии после того как план Алексева был отвергнут, склонялось к тому, чтобы именно в Галиции наносить в 1916 г. основной удар по оборонительным порядкам противника, которые были сильно потрепаны в предыдущих сражениях. Тяжелые бои, которые велись под Верденом, побудили Англию и Францию обратиться к России с просьбой ускорить свое наступление. Успеху операции способствовало то, что командование Центральных держав полагало, что после тяжелейшего поражения в 1915 г. русская армия не способна на масштабные операции, и не ожидало серьезных проблем на Восточном фронте. Надо сказать, что в ходе подготовки к этому наступлению очень удачно сработала русская контрразведка, сумевшая сохранить в тайне его подготовку, что, учитывая те возможности, которые имела немецкая разведка и ее агентура, получавшая информацию из самых высших эшелонов власти, можно считать большим достижением.

4 июня 1916 г. после хорошо просчитанной точечной артподготовки, позволившей подавить основные огневые объекты противника, на достаточно широком фронте началось наступление русских войск. Через два дня фронт был прорван на полосе шириной более 50 км. Еще через несколько дней, уничтожив две австро-венгерские армии, войска Брусилова заняли всю Буковину, часть Южной Галиции, вновь вышли на Карпатские перевалы, откуда открывалась дорога на венгерскую равнину. Австро-венгерская армия стала просто рассыпаться. Отметим, что развитие событий по такому сценарию говорит в пользу плана Алексева.

Немецкому командованию пришлось в очередной раз спасать своего незадачливого союзника. В противовес брусиловской группировке Фалькенгайн в срочном порядке сформировал новую ударную группировку, призванную сдерживать натиск продолжавшей развиваться наступление русской армии¹. Свою миссию эта «спасательная команда» выполнила: к 18 сентября дальнейшее продвижение армии Брусилова было остановлено. Определенную роль здесь сыграла и нерешительность военно-политического руководства Российской империи, не оказавшее в этот момент необходимой поддержки Брусилову. В итоге к последней декаде сентября наступление русских войск выдохлось.

Тем не менее, на наш взгляд, эту операцию можно по праву считать самой удачной операцией армии Российской империи в Первой мировой войне. Результат данного наступления — 9 тыс. пленных офицеров и 408 тыс. сложивших оружие солдат противника, занята значительная часть восточных земель Австро-Венгрии. Еще более ощутимыми были политические последствия этого наступления русской армии. Австро-Венгрия в итоге оказалась на грани военного поражения, и неслучайно после этих событий в Вене усиливаются пози-

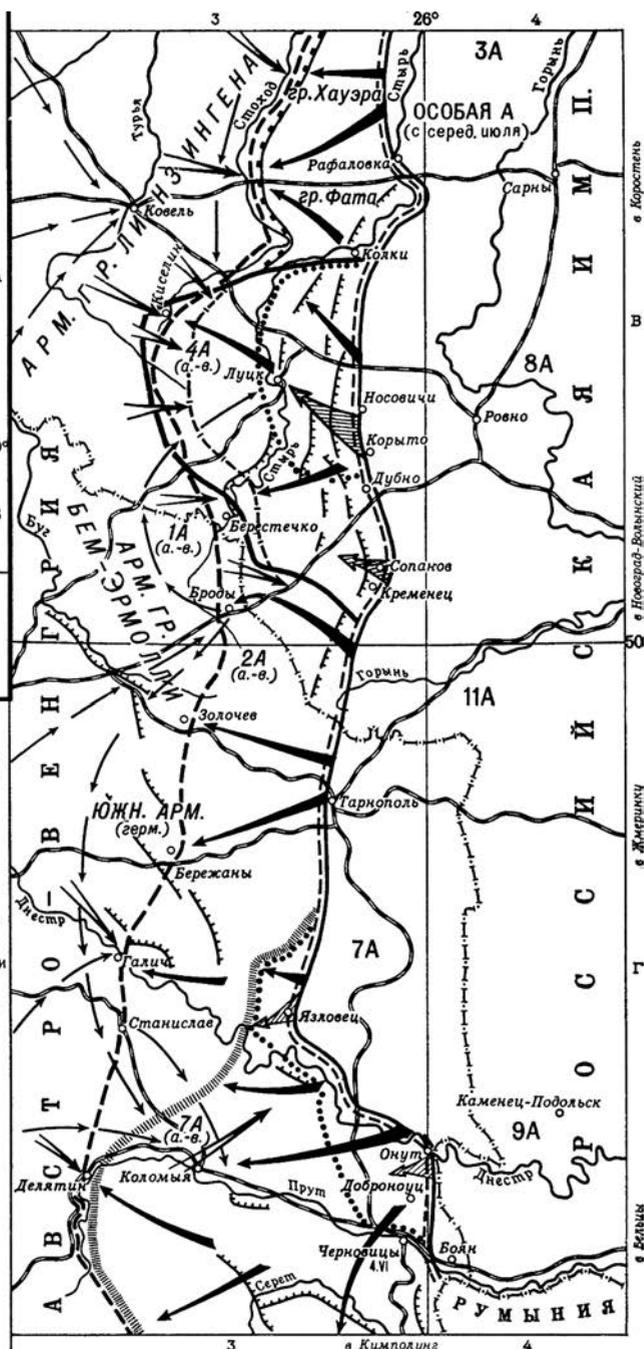
¹ Подробнее см.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч.

ПРОРЫВ АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА В 1916 г.

30 0 30 60 км

- Рубежи австро-германской обороны
- Положение войск к началу операции
- Направление ударов русских войск
- Изменение линии фронта**
- 29.V (11.VI)
- 2 (15).VI
- 20.VI (3.VII)
- 27.VI (10.VII)
- 15 (28).VII
- к концу операции
- Контрудары австро-германских войск
- Переброски австро-германских войск

Прорыв австро-германского фронта в 1916 г.

ции сторонников выхода из войны и заключения сепаратного мира. В обществе быстро нарастало разочарование в способности власти эффективно решать настоящие проблемы, стоящие перед страной и ее жителями. А если так, то ради чего продолжается война? Кому она нужна?

После поражения австро-венгерские войска на Восточном фронте были подчинены Гинденбургу и отныне участвовали в боях только под высочайшим присмотром представителей «старшего брата», назначаемого в Берлине. Если говорить об общем контексте войны, то очевидно, что Брусиловский прорыв помог ослабить натиск немцев на Верден и тем самым способствовал срыву генерального плана немцев на 1916 год. А ведь именно в ходе этой операции немцы были в наибольшей за все время войны степени близки к осуществлению своих стратегических замыслов.

Наступление Брусилова имело и еще один побочный результат: в самый разгар этой операции Румыния, которая долгое время не могла определиться со своей ориентацией, под влиянием побед русского оружия, наконец, сделала выбор. В августе 1916 г. Румыния объявила о вступлении в войну на стороне Антанты. Любопытно, что, по свидетельствам современников, командующий русской армией генерал Алексеев буквально умолял императора сделать все возможное, чтобы не допустить подобного развития событий. Алексеев не зря опасался появления такого союзника. Уже через несколько недель румынская армия была полностью разбита и по сути дела перестала существовать как боеспособная сила, и теперь задача сдерживания противника на румынском фронте легла дополнительным бременем на русскую армию в тот момент, когда Ставка пыталась найти резервы для поддержки Брусилова. В отечественной историографии прочно утвердилась негативная оценка этого эпизода Первой мировой войны, с чем вполне можно согласиться с одной, однако, оговоркой. Все-таки небольшую выгоду от присоединения Румынии к Антанте последняя получила, ибо Германия не смогла добиться подчинения ресурсов этой страны своим военным целям, а ее собственная материально-техническая база неуклонно истощалась. Вместе с этим таяли и без того призрачные надежды на скорую победу.

Эту истину начали осознавать все большее число представителей политической элиты Германии, включая ближайшее окружение кайзера. Однако из этой презумпции делались, как мы сегодня знаем, противоположные выводы. Меньшинство полагало, что пока не поздно, необходимо начать зондаж на предмет возможности заключения перемирия, большинство видело причину неудач в нерешительности и ошибках высшего военного руководства, которое никак не может реализовать преимущества, имманентно заложенные в немецкой военной машине. Эти люди убедили кайзера, что Фалькенгайн не способен раскрыть лучшие качества немецкой армии; его медлительность, граничащая с нерешительностью, обрекает блестящие замыслы на неудачу. Руководству армии нужна свежая кровь.

В итоге Фалькенгайн в августе 1916 г. был снят с должности начальника Генштаба и был отправлен в ссылку, которую даже нельзя назвать почетной, —

П. фон Гинденбург

на Румынский фронт, а на его место был назначен Гинденбург — безусловный лидер «партии войны». Эти перестановки выходили за рамки обычной кадровой чехарды, неизбежной в кризисных условиях. Менялся курс ведения войны. К управлению пришли наиболее яркие, агрессивные представители прусского милитаризма, готовые заплатить любую цену за победу в этой войне¹. Многие исследователи даже полагают, что в стране по сути установилось военное правление, поскольку кайзер попал под большое влияние Гинденбурга, а его единственный реальный оппонент, канцлер Бетман Гольвейг, был вскоре отправлен в отставку².

Устранив своих основных конкурентов, Гинденбург стал по существу не только решать чисто военные вопросы (что вполне естественно), но начал определять основные параметры функционирования военной экономики и, пожалуй, всей страны, включая внешнеполитическую деятельность государства. Используя шок, который после Брусиловского прорыва переживали власти Австро-Венгрии, Гинденбург серьезно преуспел в деле создания единых органов управления коалиционной войной. 6 сентября 1916 г. было учреждено Верховное военное управление Центральных держав, и отныне немецкие генералы стали контролировать и определять действия своих союзников. Конечно, говорить об установлении в Германии откровенно диктаторского режима вряд ли возможно, но шаг в сторону утверждения тоталитаризма был сделан.

Как мы видели, Брусиловский прорыв вызвал широкий и разноплановый резонанс, который не всегда играл на руку России. И все же в чисто военном плане эта операция, на наш взгляд, может быть отнесена к числу крупнейших удач русского оружия в этой войне. Даже традиционно не испытывающая пиетета к России англо-американская историография признает, что «наступление Брусилова, по меркам Первой мировой войны, когда успех измерялся метрами, доставшимися с боем, было величайшей победой, одержанной на одном из фронтов с тех пор, как два года назад на Эне появились первые линии окопов»³. По мнению военных специалистов, Брусилов убедительно доказал, что и в новых условиях, когда господствующие позиции в военном деле занимали сторонники позиционной стратегии ведения боевых действий, умелое использование маневренной тактики может принести серьезные успехи. И неслучайно многое из наследия Брусилова прочно закрепилось в том багаже военной нау-

¹ Подробнее см.: *Asprey R. The German High Command at War. N.Y., 1991.*

² См. напр.: *Kitchen M. The Silent Dictatorship: The Politics of the German High Command under Hindenburg and Ludendorff. L., 1976; Патрушев А.И. Германская история через тернии двух тысячелетий. М., 2007. Гл. 10.*

³ *Киган Дж. Первая мировая война. С. 386–387.*

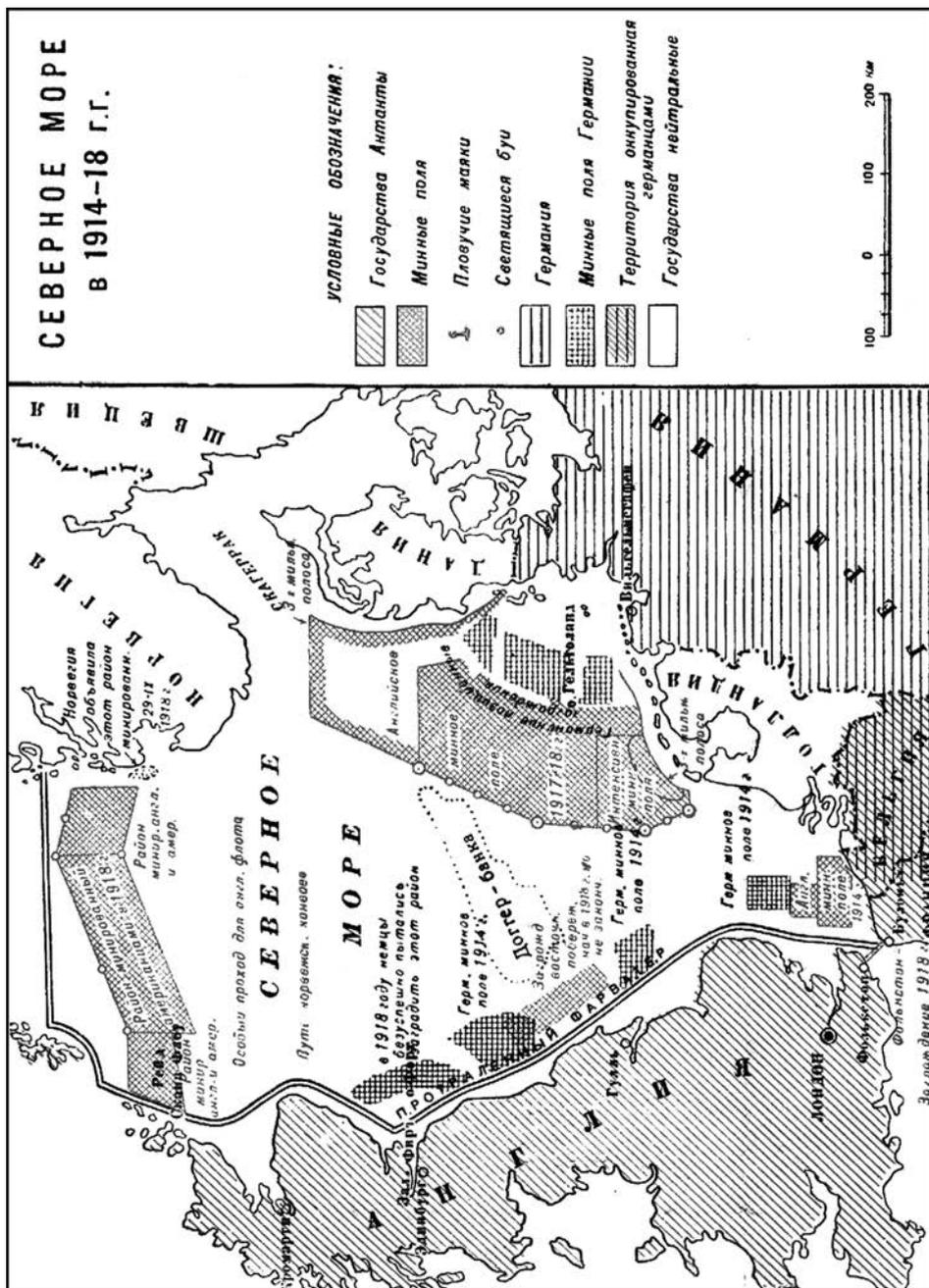
ки, на базе которого готовилось не одно поколение высшего командного состава и у нас в стране, и за рубежом.

Другое дело, что руководство Российской империи не сумело использовать тот шанс, который ему дал успех Брусилова. Здесь свою роль сыграли и объективные факторы, связанные с нехваткой боеприпасов и плохой работой транспорта, а также и субъективные обстоятельства, порожденные тем, что многочисленные посредственности, окружавшие царя и Ставку, очевидно завидовали успеху Брусилова и явно не горели желанием помочь своему более удачливому коллеге. Так или иначе, но Брусиловский прорыв стал наиболее удачной и по сути единственной успешной операцией русских войск в Первой мировой войне.

Продолжалась напряженная борьба за контроль над акваторией мирового океана, ибо от ее исхода зависела надежность снабжения главных участников войны крайне необходимым сырьем, продовольствием, боеприпасами. После разгрома группировки немецких крейсеров у Фолклендских островов война приобрела позиционный характер. Основные силы немцев (Флот открытого моря), базировавшиеся в Киле, выжидали удобного момента для того, чтобы преодолеть заслоны английского флота в Северном море и вырваться на простор Атлантики. Отдельными наскоками на английское побережье немцы пытались выманить главные силы английского флота (Гранд-Флот), базировавшиеся на севере Британии в Скапа-Флоу в открытое море, а затем либо прорваться через английские заслоны, либо путем маневрирования обойти их и вырваться в океан. При подобной стратегической установке в 1915 г. крупных событий на этом фронте ожидать не приходилось. Исключение, однако, было. В январе 1915 г. англичане перехватили группу немецких крейсеров в районе Доггер-Банк, направлявшихся в разведывательный рейд. В ходе короткой, но жесткой схватки немцы понесли серьезные потери. Те, кто уцелел, вынужден был вернуться на базу.

Активизация немецкой активности была связана с назначением новым командующим флота в январе 1916 г. адмирала Р. Шеера. Предельно честолюбивый, жаждущий славы великого флотоводца, он был явно не склонен придерживаться выжидательной тактики своих предшественников. Адмирал перешел к организации молниеносных вылазок против английских патрулей и портовых городов, рассчитывая навязать противнику свой сценарий дальнейшей борьбы за господство на море.

Бурный технический прогресс, характерный для этого этапа истории европейской цивилизации, в полной мере затронул и сферу ВМФ. За 1914–15 гг. техническое оснащение флота сделало огромный шаг вперед. В частности, для координации и управления действиями флота стала активно использоваться радиосвязь. Однако наряду с огромными плюсами здесь таились и определенные проблемы: радиосообщения можно было перехватывать, а значит, быть в курсе планов противника. Это позволило британскому командованию в конце мая 1916 г. получить информацию о готовящейся немцами крупной операции. Было решено использовать это обстоятельство, чтобы разгромить основные

Северное море в 1914-1918 гг.

силы Шеера. Утром 31 мая основные силы британского флота покинули базу в Скапа-Флоу и направились на перехват эскадры Шеера. Столкновение неожиданно для немцев произошло в тот же день в районе Ютландского полуострова (отсюда и название этого крупнейшего в истории Первой мировой войны морского сражения). В общей сложности в нем участвовало свыше 250 военных кораблей различных классов.

В итоге ожесточенного сражения, завершившегося уже 1 июня, немцы, потеряв 1 дредноут, 1 тяжелый крейсер, 4 легких крейсера и 5 миноносцев, вынуждены были отступить и вернуться на базу. Обе стороны упорно доказывали, что именно они одержали победу, манипулируя цифрами потерь, но факт остается фактом: решить главную задачу — вырваться в Атлантический океан — немецкий флот не смог. Можно согласиться с характеристикой этого сражения, данной германским журналистом, назвавшим ее «нападением на тюремщика, за которым последовало возвращение в тюрьму»¹.

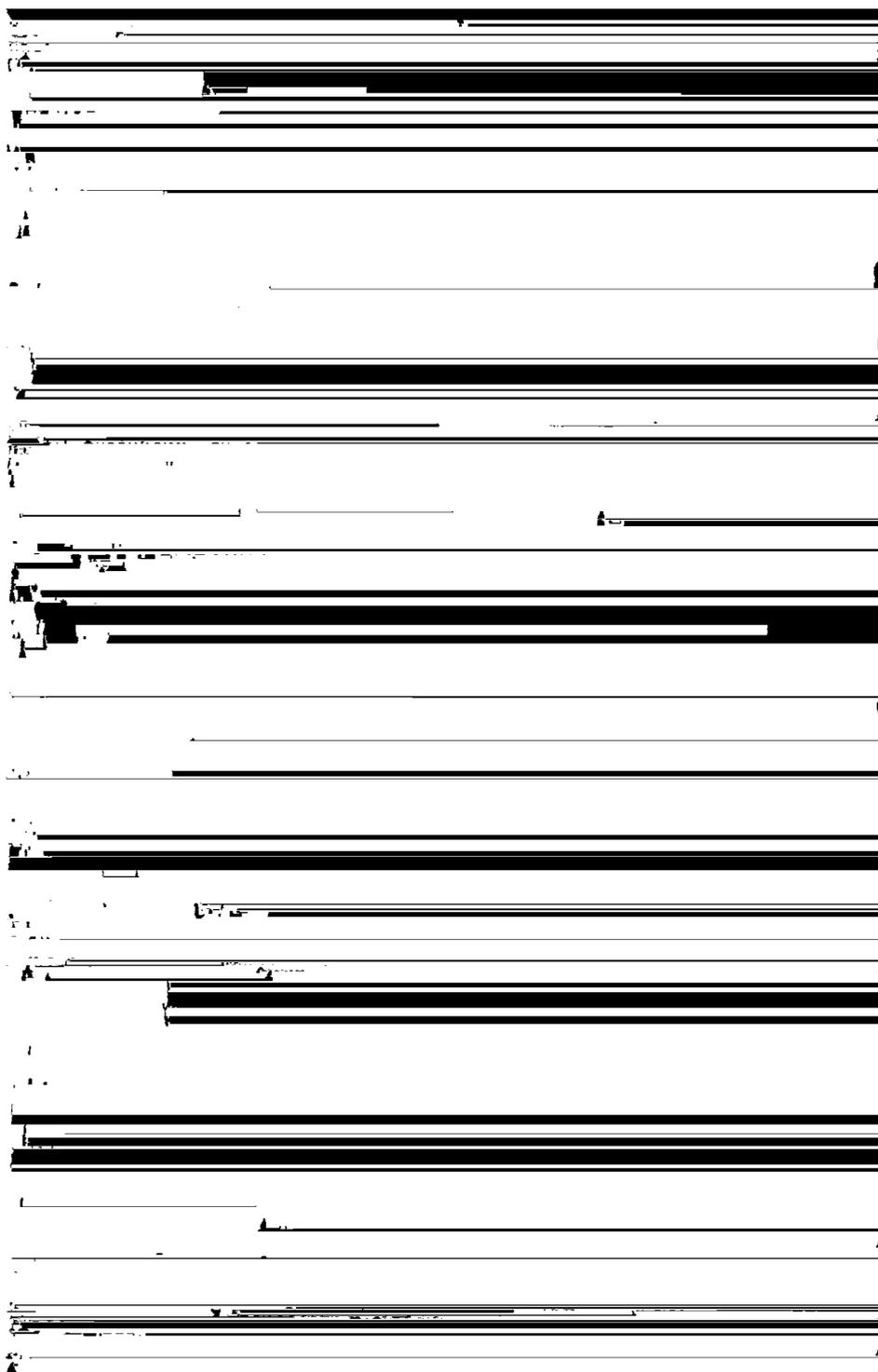
Кровопролитнейшие сражения на суше и на море, которыми был заполнен весь 1916 год, не принесли решающего перевеса ни одной из сторон. Расчеты на то, что концентрация всех сил на каком-либо направлении принесет общий успех в войне, не оправдались. Крах этих планов в большей мере ударил по державам Тройственного союза. Австро-Венгрия отныне держалась только благодаря массовой поддержке Берлина, но его возможности были не безграничны.

Неслучайно Гинденбург настаивал на том, чтобы любой ценой добиться победы в 1916 г. Он хорошо понимал, что потенциал Германии почти исчерпан, и в войне на истощение у нее нет шансов. После того, как не увенчались успехом попытки немецкого флота прорвать морскую блокаду, которую удачно осуществлял английский флот, экономика Германии, ее военная промышленность стали буквально задыхаться от недостатка цветных металлов, каучука, нефти, продовольствия². Тяжелейшие бои на Сомме, под Верденом, на других фронтах обескровили армию, ее дальнейшее пополнение за счет резервистов создавало серьезные проблемы для экономики, без нормального функционирования которой рассчитывать на успехи на фронтах не приходилось. Для того, чтобы в подобной ситуации обеспечить бесперебойное снабжение фронта всем необходимым, приходилось «закручивать гайки» на внутреннем фронте, а это вело к нарастанию социальной напряженности. Только быстрая победа могла заблокировать эту опасную тенденцию. Однако достичь ее не удалось, и перед руководством Германии все острее вставали два исконно русских вопроса: что делать и кто виноват?

Ответ во многом зависел от положения дел в других воюющих государствах. И здесь ситуация развивалась в целом в неблагоприятном для Германии ключе. В странах Антанты (за исключением России) кризис со снабжением армии в целом был преодолен. Свою роль сыграли, на наш взгляд, три обстоятельства. Во-первых, во Франции и особенно в Англии удалось наладить работу сложно-

¹ Цит. по: Киган Д. Указ. соч. С. 346.

² Подробнее см.: Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. Гл. 10.

Ютландский морской бой (31 мая – 1 июня 1916 г.)

го механизма государственного регулирования экономики, благодаря чему ее эффективность стала расти. Во-вторых, два эти государства, особенно Англия, сумели, наконец, отладить снабжение внутреннего рынка необходимым сырьем и товарами из своих огромных колониальных владений. Действия немецких подводных лодок не смогли сорвать эти поставки. И, наконец, в-третьих, все возрастающую финансовую помощь они стали получать от Соединенных Штатов, которые пока что сохраняли формальный нейтралитет, но после президентских выборов в ноябре 1916 г. стали все более откровенно склоняться на сторону Антанты.

У союзников же Германии дела, как мы уже отмечали, обстояли явно не блестяще. Их военная активность все больше зависела от помощи «старшего брата». В особенно сложном положении оказалась Австро-Венгрия, которой приходилось вести боевые действия на нескольких фронтах, армия которой после Брусиловского прорыва пребывала в шоке, а правительство так и не сумело наладить хотя бы относительно эффективную работу хозяйственного механизма. Соединение неудач на фронтах и роста внутренних трудностей все чаще заставляло задумываться подданных дуалистической монархии над вопросом, зачем им нужна империя и ее война. Опасность положения, в котором оказалась к концу 1916 г. Австро-Венгрия, все отчетливее начала осознаваться в политической элите империи. После смерти Франца Иосифа, долгие годы безоговорочно ориентировавшегося во внешней политике на Германию, его коронованный преемник сразу же стал демонстрировать желание отойти от откровенно прогерманской линии во внешней политике. В Вене явно усиливались позиции сторонников «партии мира», т.е. тех политических сил, которые были готовы к поискам путей заключения сепаратного мира с Антантой. Не знать об этом в Берлине не могли.

Итоги военной кампании 1916 г. порождали множество вопросов. В столицах практически всех воюющих государств активно размышляли о том, какой линии поведения придерживаться дальше. Как раз в этот момент в события неожиданно для большинства европейцев вмешалось новое действующее лицо — президент США В. Вильсон. Когда летом 1914 г. в Европе вспыхнула война, США, в силу целого ряда причин, сочли целесообразным остаться в стороне от этого конфликта. 4 августа 1914 г. они объявили о своем нейтралитете. Это, однако, не означало, что администрация Вильсона не следила и не оценивала то, что происходило в Европе. В исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной, утвердилась и, надо сказать, вполне обоснованно, точка зрения, согласно которой при внешнем соблюдении нейтралитета руководство США все больше отдавало свои предпочтения, а вместе с ними и огромные ресурсы страны Антанте¹.

¹ См. напр.: *Herring G. From colony to superpower. Oxford, 2008. P. 10*; *Киссинджер Г. Дипломатия. Гл. 8–9. М., 1997*; *Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М., 2005*; *Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2012. Гл. IV.*

Тем не менее, вплоть до выборов 1916 г. Вильсон постоянно подчеркивал: США — нейтральное, миролюбивое государство, заинтересованное в скорейшем завершении войны. В подтверждение этого тезиса в декабре 1916 г. Вильсон обратился ко всем воюющим державам с предложением изложить свои условия прекращения боевых действий. За этим шагом стояло стремление Вашингтона сыграть ключевую роль в послевоенном урегулировании, в формировании новой модели системы международных отношений. За океаном хорошо понимали, что при любом исходе войны все основные действующие лица прежней модели системы международных отношений будут серьезно ослаблены, и это открывает перед США, резко усилившими за годы войны свои финансовые и экономические позиции, хорошие перспективы.

Однако Вильсон прекрасно понимал, что на пути превращения США в лидера мирового сообщества таится немало препятствий. Обращение к воюющим державам стало своеобразным зондажом тех настроений, которые преобладали в европейских столицах. Отталкиваясь от итогов этой своеобразной рекогносцировки, президент США и его команда собирались выстраивать свои дальнейшие действия. Результат этого демарша несколько обескуражил американское руководство. По сути основные участники конфликта заняли жесткую позицию, свидетельствующую о намерении вести войну до победного конца, демонстрирующую, что никакие посредники им не нужны.

Возникает вопрос, как увязать эти воинственные настроения с той сложной внутривнутриполитической обстановкой в этих государствах, о которой мы говорили выше? На чем базировалась уверенность лидеров воюющих держав в возможности достижения победы в 1917 г.? Насколько реалистичными были расчеты политических лидеров и военного командования на возможность успешного завершения войны, или же желаемое выдавалось за действительное? На последний вопрос ответим сразу: сегодня очевидно, что надежды на достижение победы в 1917 г. были иллюзорны, беспочвенны и во многом авантюристичны.

Попытаемся понять логику мышления тех людей, которые тогда принимали стратегические решения. Бесспорно, наиболее авантюристично выглядела позиция Гинденбурга. Он признавал, что возможности собственно сухопутной армии Германии недостаточны для достижения победы. Поэтому, несмотря на возражения дипломатов, на заседании Коронного совета в самом начале января 1917 г. по настоянию Ставки было принято решение перейти к неограниченной подводной войне, в том числе и против судов нейтральных стран. Сторонники Гинденбурга уверяли, что в случае реализации этих планов Англия через шесть месяцев будет поставлена на колени. Не надо обладать какими-то сверхъестественными аналитическими способностями, чтобы увидеть уязвимые места этого замысла.

Во-первых, английский флот в ожесточенных сражениях в 1915–1916 гг. доказал свое превосходство над противником и, несмотря на тяжелые потери, доминировал на океанских просторах. Англия пока еще оставалась владычицей морей. Во-вторых, подводная война началась гораздо раньше, и немцы, хотя и добились определенных успехов в ней, решить главную задачу — разрушить

связи Лондона со своей колониальной империей — так и не сумели. Не хватило сил. И, наконец, неограниченная подводная война создавала предпосылки для вступления в войну на стороне Антанты самого мощного в экономическом отношении государства — США.

Почему же эти аргументы были отброшены? Озвученные возражения Гинденбурга и его сторонников хорошо известны: не сумели добиться успеха в подводной войне ранее именно из-за недостаточной решимости; за годы войны немецкий подводный флот набрался опыта, стал более мощным с точки зрения технической оснащенности; а что касается американцев, то с такой убогой армией им просто нечего делать в Европе, и они никогда не решатся вступить в войну. Очевидно, что это очень поверхностная, легковесная отписка, а не продуманный ответ оппонентам. Чем это объяснить? Высокомерием, самоуверенностью или же некомпетентностью высшего армейского руководства? Не беремся выносить окончательный вердикт, но думается, что ответ надо искать в сфере субъективных качеств военно-политической элиты Германии тех лет.

Важно, однако, подчеркнуть, что на этом форуме полностью возобладали сторонники партии войны. Безусловно, Гинденбург понимал, что судьба войны будет решаться отнюдь не в морских сражениях. Главной по-прежнему объявлялась задача разгрома Франции. Там, по мнению Гинденбурга, находился ключ к общей победе в войне. В стране была введена всеобщая трудовая повинность для лиц в возрасте от 16 до 60 лет. Так военное командование рассчитывало увеличить производительность в военной промышленности, которая была обязана обеспечить перевес немецкой армии в новейших видах военной техники. Однако нехватка важнейших видов сырья ставила под вопрос выполнение этих планов.

В Англии и Франции также тон задавали сторонники партии войны. Но там эта воинственность имела более серьезные основания, базировавшиеся прежде всего на улучшении динамики военного производства и росте поставок и кредитов со стороны США. Сухопутные армии стран Антанты к 1917 г. на 40% превосходили по численности своих конкурентов. Это позволяло строить достаточно масштабные планы наступательных операций в новом году. Замена в декабре 1916 г. командующего войсками Антанты на Западном фронте Жоффра на Нивеля привела к отходу англо-французского военного руководства от ряда прежних стереотипов и прежде всего от постулата о том, что исход войны будет решаться исключительно на Западном фронте. Теперь командование войсками Антанты пришло к выводу о необходимости большей координации своих действий и нанесении по противнику согласованных одновременных ударов сразу на всех фронтах¹.

Безусловно, это был шаг вперед и в развитии военного планирования, и в плане совершенствования механизмов взаимодействия внутри стран Антанты. С учетом положения дел в воюющих державах эти намерения англо-французского руководства, которые одобрили и в Петрограде, и в других сто-

¹ French D. *British Strategy and War Aims*. L., 1986.

лицах государств, входящих в Антанту, в целом выглядели обоснованными и внушали оптимизм. Однако все эти планы были перечеркнуты событиями в России в феврале 1917 г.

§ 3. Трудный путь к победе: военные действия на завершающем этапе войны

1917 год, радикально изменивший ход мировой истории, начинался относительно спокойно и даже буднично. После гигантских, кровопролитных сражений предшествующего периода противоборствующие стороны осмысливали их итоги, а военно-политическое руководство строило хитроумные планы, которые должны были принести долгожданную победу. Все эти расчеты были в одночасье разрушены событиями в России, вокруг которых сегодня идут ожесточенные споры.

Ясно, что падение монархии было напрямую связано отнюдь не с происками немецких шпионов, а с общим тяжелым для Российской империи ходом войны. Но в чем конкретно заключались те трудности, с которыми ей пришлось столкнуться? Ведь наряду с крупными неудачами на фронтах именно 1916 год был ознаменован главным успехом за всю войну — Брусиловским прорывом. В экономике ситуация также выглядела неоднозначно.

С одной стороны, именно к этому времени удалось наладить производство боеприпасов, объем которых достиг необходимого фронту уровня. Другое дело, что транспорт далеко не всегда справлялся с бесперебойными поставками военного снаряжения на фронт. Но что касается собственно промышленного производства, оно не внушало каких-либо панических настроений. Хуже обстояли дела в финансовой сфере. Огромный рост денежной массы, необходимый для финансирования военной промышленности, устаревшая банковская система вели к неконтролируемому росту инфляции, негативно влияющей на экономику.

Особенно болезненным последствием инфляции был рост цен на продовольствие. Сельское хозяйство переживало тяжелые времена не только из-за инфляции, но и в силу того, что именно на деревню лег основной груз огромных потерь, которые несла русская армия. Деревня была обескровлена, а это значит, что сельское хозяйство все хуже справлялось с задачей обеспечения страны, прежде всего тыла, продовольствием. В довершение к прочим бедам начало 1917 года выдалось исключительно холодным, что привело к увеличению спроса на топливо и продовольствие и образованию их дефицита в крупных городах.

Определенные экономические затруднения накладывались на прогрессирующий распад системы управления, на процесс, который современники называли «самоликвидацией старой власти». Управленческие структуры, постепенное, медленное реформирование которых началось под непосредственным влиянием революции 1905 года, явно не выдерживали тех экстраординарных нагрузок, с которыми им пришлось столкнуться в годы войны. Выскажем, воз-

можно, не бесспорное мнение, но традиционная для нашей страны сильная властная вертикаль оказалась слабо приспособленной к тем запросам, которые возникли перед Россией в связи с ее вступлением в фазу индустриального общества. Имперские структуры явно нуждались в глубокой модернизации. Однако экстремальные условия войны лишь обострили течение этой хронической болезни и многократно осложнили задачи модернизации.

Столкнувшись с непредвиденным сценарием развития войны, царское окружение испытало явную растерянность. В этой среде мучились над неразрешимой дилеммой: то ли продолжать курс на войну до победного конца, то ли, пока не поздно, попытаться заключить на приемлемых условиях сепаратный мир с Германией. На наш взгляд, в тот момент оба курса имели право на существование. Однако власть была обязана четко определить, какой линии поведения она собирается придерживаться. Вот этой демонстрации уверенности в правильности избранной тактики как раз и не хватало власти в этот напряженный момент. В такой обстановке в феврале 1917 г. в России вспыхнул кризис, изначально порожденный слухами о надвигающемся голоде. Не прекращаются споры о том, кто инициировал эти слухи. Но важно не это, а последствия и результат. Слухи взбудоражили население Петрограда, на улицы вышли десятки тысяч людей, и их число неуклонно росло. Попытки разогнать демонстрантов с помощью полиции не принесли успеха, и тогда было принято решение использовать армию для подавления беспорядков. Однако неожиданно для властей солдаты Петроградского гарнизона перешли на сторону восставших¹.

В этот критический момент Император находился в Ставке в Могилёве, сохраняя полное равнодушие к тому, что происходит в столице. А Петроград на какое-то время оказался во власти никем не управляемой толпы. Однако уже 27 февраля в городе возникли две структуры, претендовавшие на власть: Временный комитет Государственной думы для водворения порядка в столице во главе с М.В. Родзянко и Временный исполком Петроградского Совета рабочих депутатов во главе с Н.С. Чхеидзе. Раскол возник и в царском окружении. Наиболее воинственная часть монархистов настаивала на силовом варианте решения проблемы, но начальник штаба Ставки, генерал М.В. Алексеев заблокировал этот сценарий.

Пока в Ставке думали, как реагировать на события в Петрограде, Исполком Петросовета и Временный комитет Государственной думы договорились об образовании Временного правительства во главе с князем Г.Е. Львовым. Новые претенденты на власть, которых негласно поддерживала Антанта, лидеры которой опасались, что в царском окружении могут возобладать сторонники заключения сепаратного мира с Германией, требовали отречения царя от власти.

Поведение Николая II в ходе этих критических дней убедило высшее военное руководство страны в том, что он в принципе не способен управлять страной. В итоге 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола в пользу великого

¹ Подробнее см.: *Верт Н.* История советского государства. М., 1998. Гл. 2; *Кизан Дж.* Первая мировая война. Гл. 9.

князя Михаила Александровича. Однако и тот отказался от трона. Монархия в России прекратила свое существование.

В задачу данного раздела не входит анализ многочисленных последствий этого судьбоносного для нашей страны события¹. Нас интересует то, как Февральская революция сказалась на общей динамике Первой мировой войны. Союзники России в целом благосклонно восприняли известие о свержении монархии. Очевидно, что теперь их внешнеполитическим и пропагандистским службам было проще позиционировать боевые действия как противостояние сил демократии и прогресса тирании и варварству. Кроме того, и в Лондоне, и в Париже не без оснований надеялись на то, что в России к власти пришли люди, связанные с ними тесными коммерческими и ментальными узами. Думается, это действительно так. Для большинства новых политических руководителей России Англия и Франция выглядели эталоном, на который следует равняться.

Однако в их приходе к власти были и явно неприятные для Антанты моменты. Крах прежней политической системы вызвал в обществе и особенно в армии серьезный шок: вчерашний «помазанник Божий» в одночасье превратился в ничто. Ради чего тогда велась война? Ради чего все огромные жертвы? Ради чего воевать дальше? Новая власть просто обязана была дать ответ на эти животрепещущие вопросы. Поскольку времени на размышления не было (революция отнюдь не остановила войну), ответ был дан достаточно примитивный — войну следует продолжать ради защиты новых демократических ценностей. Однако их надо было еще создать.

1 марта 1917 г., в угаре демократизации, было принято решение об учреждении в армии солдатских комитетов, которые имели широкие полномочия. Таким образом, был нанесен смертельный удар по базовому принципу строительства любой армии — принципу единоначалия. Процесс разрушения русской армии принял необратимый характер, хотя заложенные в самой этой структуре консолидирующие начала сдерживали его до осени 1917 г.

В Берлине также внимательно следили за развитием событий в России. Немецкое командование резонно полагало, что боеспособность противостоящих им частей русской армии начала быстро падать, следовательно, необходимо просто не препятствовать развитию данного процесса. Симптоматично, что уже в апреле 1917 г. германское верховное командование приняло решение не предпринимать каких-либо широкомасштабных наступательных действий на Восточном фронте, ибо хорошо понимало, что ничто так не сплачивает армию, как необходимость давать отпор противнику. На российско-германском фронте установилось своеобразное перемирие, в ходе которого процесс разложения русской армии набирал обороты.

Перед Временным правительством стоял сложнейший вопрос: как вести себя в этой ситуации? Здравый смысл говорил, что из войны надо выходить

¹ Подробнее об этих событиях и их последствиях см.: Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd 1917. L., 1981; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде в феврале 1917 года. М., 1967.

с тем, чтобы сконцентрировать все внимание на решении первоочередных социально-экономических проблем, на укреплении ростков новой государственности. С этим, однако, абсолютно не могли смириться в Лондоне и Париже. И это понятно. В случае реализации подобного сценария немцы получили возможность перебросить освободившиеся войска из России на Западный фронт, что неизбежно резко ухудшало положение Антанты, приближало его к катастрофическому. Ясно, что руководство этих стран использовало все имеющиеся в их распоряжении рычаги для того, чтобы не допустить выхода своего союзника из войны. Хорошо известно, что весной 1917 г. между Петроградом, Лондоном и Парижем шли интенсивные консультации.

Тем временем в развитии конфликта, вошедшего в историю под названием Первая мировая война, произошел новый важный поворот. Соединенные Штаты Америки, хотя и оставались формально нейтральным государством, на деле явно симпатизировали странам Антанты, в первую очередь Англии. Туда направлялась большая часть американской сельскохозяйственной продукции и кредитов. Вплоть до конца 1916 г. руководство этой страны справедливо полагало, что статус нейтрального государства приносит Вашингтону гораздо больше выгод, чем открытая ассоциация с Антантой.

Однако в вашингтонских коридорах власти все больше склонялись к мнению, что для Америки будет нежелательным успех Германии в войне. К этой мысли творцов внешней политики США подталкивали действия самих немцев. В Берлине практически проигнорировали дипломатический демарш Вильсона, с которым тот связывал планы на посредничество США в урегулировании военного противостояния. Неуклюжие действия немецкой разведки и дипломатии давали повод обвинять Германию в попытках натравить мексиканских революционеров на США, а решение германского Верховного командования перейти с 1 февраля 1917 г. к неограниченной подводной войне вполне можно было трактовать как агрессивный акт.

Сегодня мы хорошо знаем, что Вильсон и его ближайшее окружение хотя и испытывали определенные колебания, неуклонно склонялись к тому, что США придется вступить в войну¹. Пожалуй, главную роль в том, что США все-таки вступили в войну, сыграли не действия немецких подводных лодок, как официально утверждал Вашингтон (это был прекрасный повод, позволивший убедить американцев в неизбежности подобного шага), а те события в России, о которых мы говорили выше.

Правительство США приветствовало Февральскую революцию, видя в ней торжество столь милых их сердцу принципов демократии. Уже 9 марта США признали Временное правительство и установили с ним дипломатические отношения. Однако в Вашингтоне изначально испытывали серьезное беспокойство по поводу способности постреволюционной русской армии сдерживать немцев и их союзников на огромных пространствах Восточного и Кавказского фронтов². Вильсона и его команду беспокоило, что теперь немцы смогут полу-

¹ См. напр.: *Herring G. From Colony to Superpower. Oxford, 2008. Гл. 10.*

² См.: *Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году. М., 2006.*

читать решающее превосходство над Антантой. Смириться с этим руководство США не могло, ибо победа немцев в войне была, по их мнению, несовместима с государственными интересами США¹.

Действия немцев на океанских просторах облегчили задачу Вильсона. В самом начале апреля 1917 г. США вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты. Отметим, что формально США не вошли в Антанту, заявив о своей поддержке этого союза в качестве ассоциированного государства. Правда, сразу принять участие в боевых действиях США были явно не готовы, ибо их армия ни по количественным, ни по качественным параметрам не соответствовала требованиям военного времени. Весь 1917 год ушел на создание и подготовку боеспособных частей. Их флот, правда, сразу же вступил в борьбу за контроль над океанскими просторами. К перевозкам огромного потока грузов, хлынувших в страны Антанты, немедленно подключился весь флот США. Вопрос о пополнении материально-технической базы Англии и Франции по сути был решен до самого конца войны².

Что касается России, то сюда, в силу неопределенности внутривнутриполитической ситуации, администрация Вильсона не спешила инвестировать средства, предпочитая ограничиваться морально-политической поддержкой Временного правительства и одновременно добиваясь от него активизации действий русской армии. Давление союзников на Временное правительство принесло результаты. В июне 1917 г. началось наступление русского Юго-Западного фронта. Хотя в первые три дня 7-ой и 8-ой армиям ценой больших потерь удалось прорвать оборонительные построения противника, осуществить глубокое продвижение вперед не получилось. Темп наступления резко замедлился. Между командованием и солдатскими Советами возникли разногласия. Солдаты сплошь и рядом отказывались идти в бой, митинговали, были отмечены случаи убийств офицеров, пытавшихся заставить солдат продолжить наступление. К этому добавилась и несогласованность действий отдельных соединений³.

В наступлении русских войск наметилась пауза, чем сразу же воспользовалось немецкое командование. На Восточный фронт были направлены дополнительные части с Западного и Итальянского фронтов, а также с Балкан. Туда же были переброшены большие запасы новейшего химического оружия. 6 июля 1917 г. немцы перешли в контрнаступление. Анархия, захлестнувшая страну, по сути парализовала управление русской армии. Даже гвардейские части отказывались подчиняться командованию и самовольно оставляли позиции. Таким образом, наступление русской армии на Юго-Западном фронте закончилось полной неудачей.

Еще более плачевными оказались результаты наступления русских войск Западного и Северного фронтов, задуманного в качестве вспомогательных

¹ См.: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1994. Гл. 2, 8, 9.

² *Terraine J. Business in Great Water. L., 1986.*

³ Подробнее о кризисе и распаде русской армии см.: *Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980; Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994; Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002.*

ударов, призванных отвлечь внимание противника на направлении главного удара, т.е. на Юго-Западном фронте. Здесь армейские части были еще более деморализованы, солдатские комитеты, вопреки приказам командования, принимали решение не наступать. Через день после начала наступления командование, по сути утратившее контроль над солдатскими массами, отдало приказ о переходе к обороне.

Легко отразив сумбурные и во многом авантюрные попытки стремительно разлагавшейся русской армии организовать масштабное наступление, немецкое командование пересмотрело свое прежнее отношение к тому, что происходило в России. Если весной 1917 г. оно предпочитало занимать выжидательную позицию, справедливо полагая, что Февральская революция запустила механизмы саморазрушения старой армии и надо лишь не мешать развитию этого процесса, то летнее наступление русской армии (точнее, его имитация) убедило верховное командование Германии и лично кайзера в том, что этот процесс зашел уже достаточно далеко и бывшая Российская империя с ее огромными ресурсами станет легкой добычей Германии.

Главный удар был нацелен на Ригу, которую обороняли латышские стрелки и отряды добровольцев, в основном из числа офицеров. При атаке на Ригу немцы применили новую тактику — создавали специальные штурмовые отряды, которые использовались для подавления опорных пунктов противника, расчищая дорогу для своей пехоты. Новация, по мнению специалистов, оказалась весьма эффективной. Несмотря на отчаянное сопротивление, Рига все-таки пала. Немцы вышли на дальние подступы к Петрограду.

Очевидные летние неудачи русской армии отчетливо высветили слабость Временного правительства, его неспособность эффективно контролировать ситуацию в стране, представлять ее интересы на международной арене. Именно в это время начинается стремительная поляризация общества. Временное правительство подвергалось критике и со стороны монархистов, требовавших наведения жесткого порядка, и со стороны крайне левых, обвинявших его в неспособности осуществить подлинные демократические преобразования.

Корниловский мятеж, ставший прологом будущей гражданской войны, окончательно разваливший русскую армию, на наш взгляд, можно считать одним из последствий падения Риги¹. Можно констатировать, что уже к осени 1917 г. русская армия как боевая сила перестала существовать. Подчеркиваем, это произошло до Октябрьской революции, и в этом контексте странными выглядят утверждения, что «большевики украли у России победу». Все было потеряно уже до этого благодаря политической импотенции Временного правительства. Выход России из войны, причем на условиях, продиктованных Германией, стал неизбежен. В сложившихся обстоятельствах судьба Первой мировой войны (это стало очевидным) решалась теперь на Западном фронте. Понимая, что после февральских событий в России питать особые надежды на ее армию не стоит, новый главнокомандующий французской армии Р.Ж. Ни-

¹ Подробнее см.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

вель настоял на нанесении массивного удара между Рейном и Суассоном, полагая, что прорыв в этом районе поможет обрушить все оборонительные построения немцев, ибо силы их были на исходе.

Действительно, союзники, как никогда ранее, тщательно готовились к этой операции¹. В район предполагаемого прорыва были стянуты 8 армий (6 французских, 2 английские), 11 тыс. орудий, 500 самолетов, 132 танка, огромное количество боеприпасов. На одну дивизию приходилось всего 1,5 км фронта. Операция началась 7 апреля (через несколько дней после вступления США в войну). Однако поскольку немецкая разведка в общих чертах знала о планах Антанты, когда началась артподготовка, немцы спокойно отвели свои войска на заранее подготовленные позиции — «линию Зигфрида». Печальным был дебют французских танковых войск. Из 132 танков, брошенных в бой, после первой атаки на ходу осталось только 11 машин. В этих боях союзники потеряли около 500 тыс. человек. К 5 мая наступление англо-французских войск выдохлось.

По сути, операция, к которой союзники готовились как никогда тщательно, потерпела крах. Это поражение повлекло за собой отставку Нивеля, место которого занял «лев Вердена», быстро набиравший влияние Ф. Петен. Еще одним последствием провала этого наступления стала волна антивоенных выступлений, охвативших 56 французских дивизий. Правда, за счет жестких репрессий командование не допустило перерастания волнений в открытый бунт. Для успокоения солдатских масс оно было вынуждено официально объявить, что отказывается на неопределенное время от проведения новых наступательных операций. Французское правительство вместе с англичанами усилило давление на Временное правительство, стремясь сподвигнуть его на активные действия на Восточном фронте. О том, чем это закончилось, мы уже говорили.

Сражения первой половины 1917 г. показали, что сама по себе концентрация сил и средств на направлении главного удара еще не решает проблем. За годы Первой мировой войны резко выросли требования к качеству управления войсками, стратегическому планированию, обеспечению безопасности этих процессов. Осознание этих моментов, а тем более выработка ответов на все те вызовы, которые были порождены предшествовавшими боевыми действиями, требовали времени. К этому надо добавить, что 1917-й год был отмечен ростом социальной напряженности в большинстве воюющих стран. Неудивительно, что их руководство избегало масштабных акций, делая акцент на бои местного значения.

Тем не менее, и в этих относительно будничных баталиях были свои всплески, вызванные скорее не военной, а политической конъюнктурой, необходимостью поддержания в собственном населении «духа победы», уверенности, что политическое руководство ведет страну правильным курсом.

Особенную активность в этом плане проявляли Англия и Франция, обладавшие большими, чем Германия, возможностями для такого рода

¹ Подробнее эти сюжеты изучены в ставшей уже классической работе: *Spears E. Liaison 1914: A Narrative of the Great Retreat and Prelude to Victory.* L., 1934.

военно-политических экспериментов. Французская и английская проправительственная пресса максимально поднимали на щит действия своих войск в таких относительно локальных сражениях, как операция в районе Мальмезона или у Камбрэ. В отличие от царского окружения, которое не сумело использовать действительно крупный успех Брусилова для поднятия престижа власти в глазах населения, политические элиты западных демократий уже неплохо поняли значение и освоили инструментарий, позволявший включать идеологические компоненты в потенциал мощи государства. В практику международных отношений, в технологию ведения международных конфликтов с этого времени начало встраиваться новое понятие, которое позднее окрестили «мягкой силой» (soft power).

Свои успехи имелись и у держав Тройственного союза. Безусловно, главные надежды в этом альянсе возлагали на прогрессирующий распад постимперской России, тем более, что с осени 1917 г. русская армия практически перестала существовать как боеспособная сила. Дальнейшие перспективы российской государственности в этот критический момент были весьма туманны, и военно-политическое руководство лидера этого блока — Германии — усиленно размышляло о том, какой сценарий развития внутрироссийского кризиса для него выгодней.

Большое моральное удовлетворение и Германия, и Австро-Венгрия испытали в октябре 1917 г., когда итальянская армия в сражении у Капоретто потерпела сокрушительное поражение. Надо сказать, что два примкнувшие к Антанте государства — Румыния и Италия — постоянно «соперничали» друг с другом за звание армии, способной на самое быстрое отступление. В 1916 г. оно принадлежало румынам, демонстрировавшим чудеса скорости отступления с поля боя. Однако при Капоретто итальянцы «поставили рекорд». Их потери были ничтожны, но в плен попало более 200 тыс. человек, армия была полностью деморализована, и Антанте в спешном порядке пришлось исправлять ситуацию. Катастрофа при Капоретто стала непосредственным поводом для создания Верховного военного совета союзников, в который вошли премьер-министры стран-членов Антанты, по одному министру от каждого правительства и военные советники. Что касается Германии и Австро-Венгрии, то сражение при Капоретто для них стало своеобразной моральной компенсацией, событием, позволившим хотя бы частично рассчитаться с Италией за ее предательство.

В свой актив они могли записать и успехи немецких подводников, сумевших в 1917 г. нанести максимальные потери англичанам, хотя оборотной стороной неограниченной подводной войны стало присоединение США к Антанте, так что вопрос о том, можно ли это считать успехом, весьма дискусионен¹. Теоретически немцы могли рассчитывать на серьезные дивиденды на этом направлении, для чего военное руководство должно было радикально пересмо-

¹ Все нюансы борьбы английского флота за контроль над океанскими просторами детальнейшим образом исследованы в пятитомной работе А. Мардера (*Marder A. From the Dreadnought to Scapa Flow. L., 1961–1970*).

треть стратегию развития своих ВМС. Но вместо наращивания мощи подводного флота немецкие адмиралы продолжали делать акцент на строительство суперлинкоров.

Пока в немецком руководстве шли споры о том, как эффективнее использовать флот, англичане и американцы искали пути противодействия подводным лодкам противника и немало в этом преуспели. Достаточно отметить, что после вступления США в войну немцам не удалось потопить ни одного их военно-транспортного судна — настолько эффективной оказалась новая тактика охраны конвоев.

Однако все эти драматические события не изменили общей динамики развития Первой мировой войны. Просчеты и достижения одной стороны быстро уравновешивались столь же противоречивыми результатами другой. Общий вектор событий явно менялся не в лучшую для Германии и ее союзников сторону, которые исчерпали почти все свои ресурсы. Для руководства Германии становилось все очевиднее, что кампания 1918 года станет решающей для определения итогов войны.

Этот тезис выглядит абсолютно безупречно с позиции сегодняшнего дня, когда мы владеем всей информацией. Тогда же далеко не все параметры, позволяющие оценить реальное соотношение сил противоборствовавших сторон, были доступны для анализа. Если же отталкиваться только от численности вооруженных сил, сконцентрированных в районе основных боевых действий, т.е. на Западном фронте, то они были примерно равновеликими: Антанта имела в своем распоряжении 2158 тыс. военнослужащих, Германия — 2037 тыс.; практически одинаковыми были и силы артиллерии. Лишь в авиации и танках

Дж. Першинг

Антанта имела очевидное преимущество. Отметим, что танков в то время в немецкой армии по существу не было, тогда как Антанта имела 893 танка. Однако проблема Германии заключалась в том, что источники пополнения армии к концу 1917 г. были по сути исчерпаны. Более того, стала ощущаться нехватка рабочей силы и на производстве, а это значило, что в любой момент могли возникнуть перебои с поставкой военной продукции на фронт. Тяжелейшее положение сложилось на продовольственном рынке. Голодал не только тыл — подчас не хватало продовольствия для нужд армии. Еще хуже в этом плане было положение дел у союзников Германии¹.

Экономическое и внутривнутриполитическое положение Антанты было более прочным. Ресурсы союзников после вступления США в войну стали почти неисчерпаемыми, и Германия, несмотря на хвастливые заявления Людендорфа

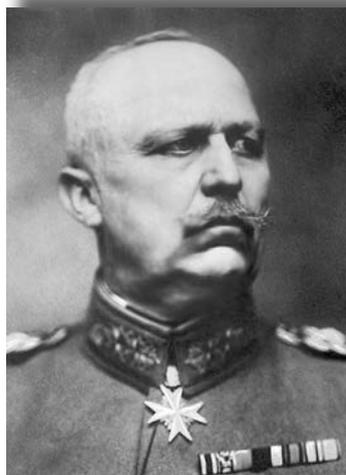
¹ Подробнее см.: Киган Дж. Первая мировая война. Гл. 8–9.

и его коллег, которые, как истинные арийцы, глубоко презирали американцев, не смогла помешать бесперебойной работе конвейера, обеспечивавшего поставки продуктов и военного снаряжения из США в Европу. В конце 1917 г. во Франции высадились первые американские части, которыми командовал генерал Першинг. К марту 1918 г. там уже дислоцировалось шесть дивизий, прибывших из США. Конечно, они уступали по уровню подготовки войскам союзников, и их нельзя было посылать на передовую, но нести вспомогательную службу они вполне могли, облегчая тем самым миссию основных сил союзников.

В таких условиях Гинденбургу стало ясно: либо Германия добывается как можно более быстрой победы (желательно к лету 1918 г.), либо противник просто возьмет ее на измор. Отсюда опять упование на один мощный удар, способный решить исход всей войны, ибо время работало против Германии. Планы Антанты, наоборот, сводились к выжиданию. Новый премьер-министр Франции Ж. Клемансо откровенно заявлял, что Антанта рассчитывает победить лишь к осени 1919 г. Ставка делалась на то, что за это время союзники сумеют задушить Германию голодом и, таким образом, сломают ее сопротивление.

Реализация немецких планов началась в марте 1918 г. Три немецкие армии, сосредоточенные на участке Аррас — Ла Фер, используя тактику, опробованную еще при штурме Риги, попытались взломать оборону войск Антанты. Одна из их армий сумела прорвать фронт и, развивая наступление, нацелилась на крупный транспортный узел — город Амьен, находившийся на полпути между Дюнкерком и Парижем. В результате на какое-то время возникла угроза прорыва немцев к столице Франции¹. В англо-французском командовании наблюдалось явное замешательство, грозившее перерасти в панику. К счастью для них, в их распоряжении, в непосредственной близости от места прорыва были дислоцированы солидные резервы. Используя преимущество в транспорте, командование вооруженных сил Антанты сумело затормозить продвижение немцев и восстановить сплошную линию фронта.

Не оправдались надежды немцев и на то, что после заключения Брест-Литовского мира они смогут перебросить с Восточного фронта на Запад значительные силы. Сделать это не удалось по двум причинам. Во-первых, на отторгнутых от России территориях сохранялась крайне нестабильная и неопределенная ситуация, и для поддержания хотя бы минимального порядка, охраны транспортных коммуникаций, обеспечения поставок сырья и продовольствия и т.д. требовалось постоянное присутствие значительных войсковых

Э. Людендорф

¹ Middlebrook M. The Kaiser's Battle. L., 1978.

соединений. Во-вторых, революционная волна, полностью захлестнувшая бывшую Российскую империю, не могла не оказывать воздействия на умонастроения находившихся на востоке немецких солдат. Идеи социальной справедливости, провозглашенные Октябрьской революцией, отнюдь не укрепляли их боевой настрой, желание бороться за победу¹.

Тем не менее, в апреле немецкое командование попыталось осуществить новое наступление — в районе Армантьерра с выходом на побережье. Как и в марте, на первой стадии операции успех сопутствовал немцам. Их мощный натиск смешал оборонительные порядки войск Антанты. Для них вновь создавалось угрожающее положение. И опять союзников спасло преимущество в резервах и мобильности. Все это позволило остановить очередной прорыв немецких войск.

И все же Гинденбург по-прежнему делал ставку на мощные таранные удары, которые, по его мнению, должны были дезорганизовать оборону противника. Еще через месяц на участке между Суассоном и Реймсом немецкие дивизии пошли на очередной штурм, прорвав фронт на участке шириной в 80 км и приблизились к столице Франции на расстояние, позволявшее немцам вести ее обстрел из сверхдальнобойной артиллерии, созданной на заводах Круппа. Было осуществлено около 40 воздушных налетов на Париж. Правда, все это имело скорее морально-психологическое значение. Эти факты всячески раздувались немецкой пропагандой. Однако в итоге ситуация повторилась. Для последнего, решающего броска немецкой армии не хватило сил, французы же в этот критический момент смогли бросить в бой 40 резервных дивизий, которые остановили немцев на подступах к Парижу.

Последнюю попытку переломить ход событий Германия предприняла в середине июля. Интересно, что пропагандистская машина Германии резко изменила тональность своих выступлений. Если раньше их лейтмотивом были призывы к победоносному завершению войны, то теперь речь шла о том, что успех наступления позволит Германии заключить мир на почетных условиях. Это говорило о многом, хотя, возможно, современники в пылу борьбы и не обратили должного внимания на такие изменения в восприятии ситуации немецким руководством.

Действительно, возможности Германии были практически исчерпаны. В середине июля ее руководство санкционировала очередную, как выяснилось, последнюю попытку наступления на Западном фронте, ставившего задачу форсирования Марны и выхода на оперативный простор, позволявшего начать атаку на Париж. Немцы очень тщательно подготовились к этой, претендующей на роль судьбоносной операции, подтянули к району будущего наступления все имевшиеся в их распоряжении ресурсы. Однако новый командующий союзными силами на Западном фронте Ф. Фош разгадал замыслы противника и вывел свои войска из-под мощнейшего артобстрела, который обрушился на

¹ Подробнее см.: *Wheeler — Bennett J. Brest-Litovsk: The Forgotten Peace. L., 1966; Майоров С.М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959; Верт Н. История Советского государства. М., 1998. Гл. IV.*

опустевшие позиции. Там остался лишь небольшой заслон, имитировавший наличие войск союзников¹. Немцы легко переправились через Марну, но оторвавшись от собственной артиллерии, натолкнулись на глубокоэшелонированную оборону французов, в попытках прорвать которую их наступление и захлебнулось. Через два дня после начала этой операции Гинденбург, поняв, что его попросту перехитрили и по сути немцы попали в заранее подготовленную ловушку, отдал приказ об отходе за Марну.

Однако было уже поздно. Через три дня после начала немецкого наступления 10-я французская армия перешла в контрнаступление. Вместо традиционной артподготовки его начал массивный танковый удар. В воздухе господствовала французская авиация. Таким образом, в этой операции, открывшей последнюю главу в истории Первой мировой войны, важную роль сыграли новые виды вооруженных сил, оружие будущего — танки и авиация. Инициатива отныне прочно перешла к войскам Антанты.

Пять месяцев непрерывных наступательных боев полностью измотали и обескровили ударные немецкие части. Получить адекватное пополнение они уже не могли, в то время как только в мае–июне во Францию прибыло более 500 тыс. американских солдат, пусть и необстрелянных, но прекрасно экипированных, с огромным запасом продовольствия, боеприпасов, горючего и техники.

К августу Фош счел, что имеет достаточные ресурсы для начала целой серии последовательных операций, нацеленных на вытеснение противника с территории Франции. 8 августа войска Антанты в районе Амьена неожиданно для немцев перешли в наступление. Опять в качестве главной ударной силы были использованы танки, которые прорвали передовые линии укреплений, рассекали немецкие части на отдельные, изолированные группы, ворвались на позиции вражеской артиллерии. В ходе этих боев стало очевидно падение боевого духа немецких солдат, многие из которых стали сдаваться в плен (в ходе этой операции было захвачено 30 тыс. пленных), что ранее было почти невысказано.

14 августа на совещании Коронного совета даже воинственный Людендорф изобрел новый термин, заявив, что Германия вынуждена перейти к стратегической обороне². Одновременно, полагал он, следует интенсифицировать усилия по поиску путей заключения мира на приемлемых для Германии условиях. Гинденбург и Людендорф надеялись таким образом опять вернуть боевые действия в фазу позиционной войны, что позволило бы оттянуть неизбежное поражение.

Ф. Фош

¹ Подробнее см.: *Фош Ф. Воспоминания*. М., 1939.

² См.: *Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914–1918*: В 2 т. М., 1923–1924.

На что же надеялись лидеры Германии? Честно о своем видении будущего страны никто из них, на наш взгляд, так никогда и не сказал. Думается, что ответ довольно прост и очевиден, хотя мы и не претендуем на истину в последней инстанции. На наш взгляд, к этому времени руководство вооруженными силами Германии уже отчетливо понимало, что шансов на победу у них нет, но беря курс на затягивание конфликта, они надеялись минимизировать последствия военного провала на политическом уровне за счет успешного дипломатического маневрирования. Но для этого требовалось максимально измотать противника, повысив тем самым степень его готовности к заключению относительно приемлемого для Германии мира. Это позволило бы избежать дискредитации военной касты, приведшей Германию к такому финалу. Важно было решить и еще одну не только политическую, но и морально-психологическую проблему. Войну необходимо было завершить пусть и поражением, но так, чтобы вражеские солдаты не вступили на землю Германии.

Отметим, что командующий войсками Антанты на Западном фронте Фош хотя и не знал всех этих нюансов, но интуитивно догадывался о планах противника. Поэтому он хотел по возможности быстрее довести дело не просто до поражения, но до полного разгрома Германии. Материальные предпосылки для этого имелись. Антанта никогда не была такой сильной. В распоряжении Фоша имелось 220 дивизий, и в порты Франции пребывали все новые американские войска.

26 сентября началось генеральное наступление союзников на всем Западном фронте. Несмотря на тщательную подготовку и перевес во всех компонентах, осуществить свой «блицкриг» Антанта не сумела. Немцы отступали, но весьма организованно, оказывая жесточайшее сопротивление, оставляя за собой полностью опустошенную французскую территорию. Здесь уже проявлялись черты тотальной войны, войны на уничтожение, взятой немцами на вооружение уже при Гитлере.

Несмотря на то, что процесс «добивания» Германии проходил отнюдь не столь гладко, как планировало руководство Антанты, силы Германии неуклонно таяли. 29 сентября на очередном заседании Коронного совета Гинденбург и Людендорф заявили, что более не в состоянии сдерживать натиск противника и армия в любой момент может выйти из повиновения. Выход — быстрое заключение перемирия. Возможно, они несколько кривили душой и намеренно сгущали краски. Они прекрасно понимали, что с ними руководство Антанты не будет вести переговоры о перемирии. Президент США В. Вильсон, явно претендовавший на роль морально-политического лидера западных демократий, прямо говорил, что предпосылкой мирного урегулирования должны стать меры по демократизации политической жизни Германии. И здесь для военной верхушки этой страны открывался шанс переложить ответственность за поражение на политиков либерально-демократического толка.

Так и получилось. На завершающем этапе войны Гинденбург и Людендорф были отправлены в отставку (по сути — по их собственному желанию), а рейхсканцлером был назначен принц Макс Баденский, имевший репутацию

стойкого либерала. В правительство были введены социал-демократы, а само оно стало ответственным перед рейхстагом. Отметим, что эта «демократизация» проходила под четким контролем Генштаба. Армия пока еще оставалась главным действующим лицом Германии. Но, во-первых, ее руководство переложило ответственность за неизбежный позор поражения на другие силы, и, во-вторых, это давало возможность обратиться к президенту США с просьбой о мире. Тот, правда, явно не спешил с ответом. Германской стороне дали понять, что переговоров не будет до тех пор, пока во главе Германии остается Вильгельм II, а армия не будет подчинена гражданским политикам.

Боевые действия тем временем продолжались. Германия еще держалась, но с середины сентября начался процесс распада блока Центральных держав. Союзники Германии стали один за другим выходить из войны. К 3-му ноября, оставшись без союзников, Германия теряла всякие шансы добиться скольконибудь приемлемого мира.

Однако и в этой безвыходной ситуации Германия продолжает сопротивляться. Эта стойкость, на наш взгляд, определялась тем, что немецкая дисциплина, обязательность, любовь к фатерлянду играли определенную роль в сохранении боеспособности армии даже в период, когда государство само довело себя до состояния агонии. Однако в том, что даже в такой безвыходной ситуации армия пыталась продолжить борьбу, скорее всего главную роль сыграла граничащая с маниакальной убежденность армейской верхушки, что немцы как особая раса способны в любой обстановке противостоять натиску врага. Поэтому они продолжали гнать солдат на смерть, надеясь такой ценой сделать противника более стоворчивым к переговорам об условиях мирного урегулирования.

Эти расчеты были порочны в своей основе в силу следующих обстоятельств. Во-первых, лидеры Антанты прекрасно понимали, что поражение Германии неизбежно уже в самое ближайшее будущее, и собирались не торговаться, а диктовать условия перемирия. Об этом прямо заявил Вильсон в конце октября, и Германия вынуждена была согласиться с таким подходом. Во-вторых, Людендорф и К° неизбежно приближали не всенародную войну против завоевателей, а революционный взрыв, ибо терпение солдатских масс пришло к концу. Люди просто не понимали, почему они должны рисковать жизнью, если не сегодня-завтра начнутся переговоры о перемирии.

Частью авантюрной стратегии Людендорфа на развязывание «тотальной войны» на уничтожение стал приказ немецкому флоту, заблокированному на базе в Киле, выйти в море и дать бой англичанам. Это была явная провокация, не имевшая рационального объяснения с чисто военной точки зрения: успешно выполнить поставленную задачу у немецких моряков не было никаких шансов, и они это хорошо понимали. Неудивительно, что они отказались выполнить приказ, что и стало исходной точкой восстания. Армия вышла из-под контроля. Восстание переросло в революцию, уничтожившую монархию. Ясно, что в этой обстановке даже самые экстремистски настроенные немецкие военные поняли — война окончательно и безоговорочно проиграна.

Военные уже задолго до этих событий хорошо понимали — война проиграна. И разговоры о том, что Германия проиграла из-за того, что получила «удар ножом в спину», — демагогия чистейшей воды, используемая для оправдания банкротства немецкой военной элиты. 11 ноября 1918 г. в Компьене германская делегация вынуждена была принять ультиматум Антанты и сложить оружие. Первая мировая война закончилась.

Завершилось четырехлетнее, не имевшее аналогов военное столкновение ведущих мировых держав, обернувшееся катастрофой для целого ряда государств, невиданными ранее жертвами и разрушениями. С самого начала конфликт стал развиваться по непрогнозируемому сценарию и в дальнейшем неоднократно ставил перед его участниками совершенно неожиданные проблемы. Поиск рецептов их решения шел методом проб и ошибок, что обуславливало очень высокие издержки и потери. В известной мере рухнули многие казавшиеся незыблемыми представления и стереотипы. Война разделила историю европейской цивилизации на две существенно отличавшиеся по основным параметрам части — до- и послевоенную историю. И собственно боевые действия, о которых шла речь, внесли огромную лепту в формирование этого водораздела.

Глава 6

У ИСТОКОВ ПЕРЕСТРОЙКИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВЕДУЩИХ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ

§ 1. Рост влияния левых сил в партийно-политическом спектре ведущих стран Европы

К началу Первой мировой войны в ведущих странах Западной Европы и в США, в отличие от России, уже не одно десятилетие успешно функционировали политические системы, в которых важную роль играли политические партии. Если история такого института, как государство, практически равняется всей эпохе существования цивилизованного общества, то партии, в современном смысле этого слова, возникли относительно недавно — в конце XVIII—начале XIX в. Очень быстро они превратились в неотъемлемый атрибут политической системы развитых стран. Как справедливо писал классик западной политологии Дж. Брайс, «дух и мощь партий в Америке столь же необходимы для нормального функционирования, как пар для работы паровоза»¹. Хотя это высказывание относится к политическим партиям США, оно вполне пригодно для определения роли и места партии в жизнедеятельности политических систем любой из ведущих западных стран в эпоху индустриального общества.

Именно партии обеспечивали интеграцию массового избирателя в политический процесс, генерировали идеи, которые брали на вооружение государство, придавали его деятельности общенациональное звучание. Партии стали тем инструментом, с помощью которого осуществлялось многомерное взаимодействие между государством и обществом, а государство привязывало к себе своих сограждан. Судя по всему, в так называемом демократическом обществе эффективное функционирование государственной машины просто невозможно без политических партий. Правда, вопрос в том, сколько партий необходимо для поддержания оптимального, с точки зрения власти, модуля в ее взаимоотношениях с обществом, или, говоря другими словами, имиджа демократического государства, до сих пор остается открытым.

Ответа на него нет сегодня, естественно, не было его и в начале XX в. Количество партий, пусть и не напрямую, связано с особенностями социальной структуры каждого данного общества, спецификой его исторического развития, той политической культурой, которая превалирует в стране². В тех госу-

¹ Bryce J. The American Commonwealth. N.Y., 1901. Vol. 2. P. 3.

² Подробнее эти вопросы рассматриваются в таких работах отечественных правоведов и историков, как, напр.: Ильинский И.П., Мишин А.А., Энтин Л.П. Политические системы современного капитализма. М., 1983; Манькин А.С., Сивачев Н.В. Двухпартийная система США: история и современность // Новая и новейшая история. 1978. № 3; Манькин А.С. История двухпартийной системы США. М., 1981; Марченко М.Н. Очерки теории политической системы сов-

дарствах, где в описываемое время в политические системы уже прочно интегрировались партии, существовали в разных модификациях две основные модели организации их взаимодействия — двухпартийные (США, Великобритания) и многопартийные (Франция, Германия).

Если же говорить не об организационно-функциональной стороне партийных систем, а об их идеологической компоненте, то при всем многообразии партий, входивших в политические системы ведущих мировых держав, выбор был тогда достаточно ограничен. В сущности, он сводился к внешне простой дихотомии — либералы против консерваторов. Конечно, название партий было сугубо индивидуальным, присущим именно этой стране. Пожалуй, из ведущих европейских стран лишь в Англии партийный тандем тогда состоял из партий, которые так и назывались: либералы и консерваторы. В США эти функции выполняли демократы и республиканцы, в Германии консервативные силы олицетворяла партия немецких консерваторов, а на роль выразителя интересов либеральных сил претендовали национал-либералы, партия католического центра и прогрессисты. Еще более запутанной была ситуация во Франции, где партийно-политический спектр отличался большой пестротой и подвижностью. Но все же либерально ориентированные силы тяготели к радикалам и левым республиканцам, а консерваторы — к правым республиканцам и националистам. Даже в Российской империи, где под влиянием революции 1905 г. власти вынуждены были дать добро на легитимизацию политических партий; зарождавшаяся партийная система также поначалу опиралась на привычную для Запада схему: относительно либеральные кадеты и консервативные октябристы.

В XIX и на протяжении большей части XX в., по мнению большинства исследователей, основные импульсы развитию общества исходили из стана либералов, которые являлись генератором новых идей, способствовавших постепенному совершенствованию различных сторон общественных отношений. Консерваторы же, как и следует из названия, стремились сдерживать темпы перемен, укреплять элементы преемственности в эволюции общества. Подобное сочетание динамичной, склонной к новациям партийной идеологии с ее внешним антиподом, олицетворявшим приверженность традиционным ценностям, позволяло правящим кругам держать под контролем основную часть электората и одновременно достаточно уверенно решать многие проблемы развития общества.

Такая схема уверенно работала отнюдь не всегда. Особенно сложные проблемы в функционировании партийных систем возникали в переломные моменты истории, когда ведущие государства вступали в качественно новую фазу своего развития и на повестку дня выдвигались принципиально иные проблемы. Так произошло и в момент перехода ведущих мировых держав в стадию индустриального общества. В этом формате развития прежние рецепты решения ключевых социально-экономических вопросов стали давать сбои, что

выразилось в росте социальной нестабильности и усилении разрушительных масштабов экономических кризисов¹. Не ощущать неадекватности прежних подходов к новым реалиям наиболее дальновидные представители политической элиты этих стран просто не могли. И они интуитивно понимали, что необходимо как можно скорее адаптировать программно-целевые установки и либеральных, и консервативных партий к новым реалиям. Однако понять, что проблема существует, и найти на нее ответ — две разные вещи. Для первой части достаточно интуиции, для второй необходимы глубокие знания. Политики же, как правило, обладали пусть и широкими, но довольно поверхностными представлениями о сути проблем общественного развития, а такого понятия, как политико-академический комплекс, тогда просто не существовало. В силу этого наработки ученых в большинстве ведущих держав (за исключением, возможно, США и Англии) очень медленно проникали в высшие эшелоны власти. Тем не менее, процесс адаптации программно-целевых установок либерализма и консерватизма к реалиям индустриального общества стартовал еще до начала Первой мировой войны, и определенный прогресс в этом вопросе, как показывают отечественные и зарубежные исследования, был достигнут².

Однако на динамику этого процесса со временем стал влиять качественно новый, непрогнозируемый практически никем из идейных вдохновителей как либералов, так и консерваторов фактор. Речь идет о том, что параллельно с вступлением ведущих стран в новую фазу развития — индустриальное общество в политическую жизнь этих государств ворвалась плохо вписывавшаяся в их партийно-политические системы сила — партии социалистического толка.

Социалистические идеи родились задолго до этих событий. Однако лишь с появлением в середине XIX в. марксистской идеологии, в которой давалось развернутое обоснование необходимости уничтожения капитализма, они обрели достаточно широкую поддержку. И это вполне понятно, ибо последователи марксистской версии социализма делали ставку на максимальное вовлечение трудящихся в политическую жизнь. Именно натиск масс должен был похоронить капитализм, но натиск не стихийный, а организованный. Инструментом, с помощью которого сторонники этого мировоззрения рассчитывали осуществить свои планы переустройства общества, должен был выступить организованный в собственную политическую партию пролетариат.

¹ Эти проблемы, носившие общий для всей западной цивилизации характер, на наш взгляд, лучше всего изучены на примере США. Так, их детально рассматривает известный отечественный специалист В.В. Согрин (См.: *Согрин В.В. Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX в. М., 1995*).

² К этому выводу ученые пришли уже достаточно давно, в 1970–80-е гг. В нашей стране тогда использовали понятие «государственно-монополистический капитализм». В принципе между этим понятием и понятием «индустриальное общество» можно найти немало точек соприкосновения, поэтому нам представляется правомерной отсылка к ряду серьезных отечественных исследований того периода, таких как, напр.: *Виноградов В.Н. У истоков лейбористской партии. М., 1965; Сивачев Н.В. США: государство и рабочий класс. М., 1982; Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985.*

Такой подход привел к тому, что привычный ландшафт политической жизни ведущих европейских держав с конца XIX в. начал меняться. В традиционное противостояние либералов и консерваторов все решительнее вмешивается третья сила — социалистические или социал-демократические партии. В 1889 г. был основан II Интернационал, пытавшийся координировать действия сторонников марксистской версии социализма в международном масштабе. К концу XIX в. практически во всех развитых странах уже действовали партии, опиравшиеся на новую идеологическую платформу, представлявшую жесткую альтернативу как либеральным, так и консервативным принципам. И влияние этих организаций постепенно росло¹. Это ставило вопрос о характере их взаимоотношений с другими институтами, составляющими каркас партийно-политической системы данной страны. Ведь те были нацелены на укрепление или совершенствование существовавших политических структур, а партии, основанные на марксистской идеологии, видели свою миссию в уничтожении всего буржуазного правопорядка. При такой постановке вопроса вполне естественно возникал вопрос: как, на какой основе они будут взаимодействовать с партиями и государством, стоящим на страже этого правопорядка?

Жизнь постепенно вносила коррективы в ту предельно жесткую схему эволюции человеческой цивилизации, которая была изложена в ранних трудах основоположников марксизма. К рубежу XIX–XX вв. стало очевидно, что капитализм отнюдь не собирается уступить место на исторической сцене какой-то новой модели организации общества, а революционный взрыв явно откладывался. Из этой посылки часть последователей марксизма делали вывод о том, что необходимо от политики штурма бастионов капитализма переходить к курсу на постепенное расшатывание его устоев. Осуществлять подобную стратегическую установку можно было, лишь опираясь на действующие в легитимном политическом пространстве массовые партии, проповедующие социалистические ценности, но не в революционном, а в реформистском ключе.

Правда, и в такой модификации партии социалистической ориентации плохо вписывались в тогдашние модели партийно-политических систем, ибо отказавшись от идеи революционного слома существующего правопорядка, они вынесли на авансцену политической жизни весьма неприятный для властей всех ведущих мировых держав вопрос о социальной справедливости. И либералы, и консерваторы тех лет охотно дебатировали вопросы о степени индивидуальных свобод, равенстве возможностей в экономике, необходимости укрепления правовых начал во всех сферах жизни государства и общества и т.д., но проблемы социальной справедливости плохо вписывались в построения как классического либерализма, так и консерваторов. Социал-дарвинистские постулаты, занимавшие видное место в их идейно-политическом багаже, рассматривали жизнедеятельность человеческого общества как слепок с живой природы, где все определяется естественным отбором, в соответствии с которым

¹ Подробнее см.: История II Интернационала: В 2 т. М., 1965.

выживает сильнейший. О какой социальной справедливости можно говорить при таком подходе к фундаментальным вопросам организации общества? Социальной справедливости здесь просто нет места.

Понятно, что партиям либерально-консервативного толка было очень непросто нащупать почву для системного взаимодействия с достаточно агрессивными новичками, а те в свою очередь никак не могли определиться с модусом взаимоотношений с буржуазными партиями. Отсюда обострение фракционной борьбы практически во всех основных партиях. В стане социал-демократии постепенно все более усиливались позиции тех, кто полагал, что их партии должны быть нацелены не на одномоментный революционный штурм бастионов капитализма, а на реформирование устоев этой формации, поэтапное встраивание ростков новых социально-экономических отношений в ткань буржуазного общества. Наиболее яркими представителями этого подхода были Э. Бернштейн, А. Мильеран, В. Адлер¹.

Однако даже такой откровенно реформистский подход к перспективам дальнейшей эволюции европейской цивилизации вызывал стойкое неприятие у многих видных политических деятелей — как либералов, так и консерваторов. Консерваторы исходили из того, что интеграция в политическую систему их стран партий, чуждых тем принципам, на которых зиждилось буржуазное общество (прежде всего незыблемость, неприкосновенность главной его клетки — частной собственности), сама по себе опасна. Уже сам факт существования таких партий вносил, по мнению консерваторов, элемент серьезной нестабильности в функционирование партийно-политической системы. А ведь стабильность — это один из тех китов, на которых базировалось мировоззрение консерваторов всех мастей. Сторонников классического либерализма против идей социальной справедливости заставляло выступать то обстоятельство, что, по их мнению, любая попытка ее реализации неизбежно повлечет за собой деформацию естественных законов развития человеческого сообщества, что потребует вмешательства государства, и не расширит, а ограничит свободу индивида².

Справедливости ради отметим, что среди представителей нового поколения либеральных политиков стали все громче звучать голоса тех, кто полагал: либералам следует задуматься над тем, как, на каких условиях налаживать диалог с умеренными социал-демократами, а главное, как перехватить у них инициативу в постановке вопросов об утверждении более справедливых начал в общественно-политической жизни.

¹ Наиболее ярким представителем этого направления социал-демократии был, на наш взгляд, Э. Бернштейн, взгляды которого оказали весьма существенное влияние на дальнейшую эволюцию западной социал-демократии. Подробнее см.: *Овчаренко Н.Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история. 1991. № 3.*

² Подробнее о взглядах представителей классического либерализма на магистральные проблемы развития общества см.: *Европейский либерализм в Новое время: теория и практика / Под ред. С.П. Пожарской. М., 1995; Либеральная традиция в США и ее творцы / Отв. ред. А.С. Маныкин, Е.Ф. Язьков. М., 1997; Либерализм Запада XVII–XX вв. / Отв. ред. В.В. Согрин. М., 1995; Asnford N., Davies S. (ed.) A Dictionary of Conservative and Liberal Thought. L., 1991.*

Однако вопрос о том, какое место должны занимать социал-демократические партии в партийно-политических системах западных стран, оставался открытым вплоть до Первой мировой войны. И дело тут, как нам представляется, не только в жестком сопротивлении их интеграции в политическую структуру буржуазного общества со стороны политических деятелей традиционного толка. Даже тех либералов, кто считал допустимым ставить вопрос о сотрудничестве с социал-демократией, настораживало, что в ее рядах, наряду с умеренным крылом, существовали и сторонники радикальных действий, направленных не на реформу, а на полное уничтожение буржуазного строя. На роль ведущего идеолога этого направления к началу Первой мировой войны выдвигается В.И. Ленин.

В такой достаточно неопределенной ситуации партийно-политические системы ведущих европейских держав подошли к лету 1914 г., когда вспыхнула Первая мировая война. Надо сказать, что социал-демократические партии, объединенные во II Интернационал, в предвоенные годы активно участвовали в антивоенном движении, призывали своих сторонников поддерживать акции протеста против милитаризации общества, подчеркивали, что рабочие всех стран должны продемонстрировать единство и солидарность в оппозиции планам разжигания военной истерии.

И вот война вспыхнула. Перед всеми политическими партиями встал вопрос, как реагировать на это событие. В наиболее сложном положении в этот момент, как нам кажется, оказались социал-демократы. Почему мы так считаем? Если исходить из их предвоенных заявлений, то представители этих партий в органах власти и партийное руководство в целом просто обязаны были резко осудить войну. Однако события развивались совершенно по иному сценарию, чем это предполагалось в предвоенных раскладах идеологов этого течения. Как известно, объявление войны вызвало во всех воюющих странах всплеск ура-патриотических настроений. «Пролетарский интернационализм» — тема весьма популярная в среде предвоенной социал-демократии, в этой ситуации стал выглядеть чем-то мифическим. Говорить об оппозиции властям в подобной обстановке стало просто опасно. Трагическая судьба Ж. Жореса, далеко не самого радикального социалиста, — яркое тому подтверждение.

Почему же реалии августа 1914 г. так разошлись с предвоенными представлениями социал-демократов? На этот счет существуют различные мнения¹. Постараемся обосновать собственную позицию. Во-первых, имели место определенные упрощения в исходных установках марксизма, который, как это сегодня ясно, явно преувеличивал степень сознательности пролетариата и его приверженности идеалам классовой солидарности. В то же время в марксизме, как, впрочем, и в либеральной идеологии, явно преуменьшались возможности воздействия национализма на менталитет широких слоев населения.

¹Подробнее о различных версиях процессов, протекавших в это время в недрах социалистического движения, см.: Второй Интернационал: социально-философские причины раскола социалистического движения / Под ред. Б.Н. Бессонова. М., 1991.

Во-вторых, лидеры социал-демократов недооценили возможности государственных структур манипулировать массовым сознанием. Пропагандистским органам, по крайней мере на первых порах, успешно удалось представить войну как акцию справедливую и оправданную, отвечавшую интересам всего населения каждой данной страны, требующей сплочения всех жителей вокруг власти ради защиты Отечества. Лозунг «защиты Отечества» оказался весьма эффективным, позволившим вытеснить хотя бы на время оппонентов войны на обочину политической жизни. Это было чрезвычайно важно именно в начальный период войны, когда общество одновременно перешло из одного состояния (мирное) в качественно иное (война). Ясно, что все страны переживали тогда серьезный стресс, и для власть имущих было исключительно важно направить вырвавшийся в результате этого огромный эмоциональный заряд в выгодное для себя русло. И они смогли это сделать, в то время как социал-демократы, не имевшие доступа к «административному ресурсу», не сумели использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах: по сути они оказались не готовы к подобному повороту событий.

В-третьих, выступать с антивоенных позиций в момент колоссального выброса патриотической энергии было явно не практично. Подавляющее большинство лидеров социал-демократов отдали предпочтение прагматизму перед приверженностью идеологическим постулатам. За небольшим исключением они высказались в поддержку действий своих правительств, а их парламентские фракции вместе с депутатами от других партий санкционировали все расходы, необходимые для ведения войны.

Этот шаг социал-демократов на протяжении вот уже почти 100 лет вызывает жаркие споры: как его оценивать, как он сказался на их дальнейших судьбах? Хорошо известна оценка этого события В.И. Лениным, который резко осудил позицию руководства ведущих социал-демократических партий. В своей работе «Крах II Интернационала» он приравнял ее к полному перерождению руководства этих партий, отказу от идеалов подлинного марксизма и жестко поставил вопрос о необходимости размежевания между подлинными сторонниками революционного марксизма и ревизионистами¹. Так раньше никто не ставил вопрос. По сути именно тогда был дан исходный импульс тому процессу, который спустя несколько лет привел к расколу европейской социал-демократии на два жестко соперничавших течения: коммунистическое и социал-демократическое, каждое из которых дальше пошло своим особым путем.

В начальный период войны позиция крайне левого крыла социал-демократов выглядела явно проигрышной, ибо она, во-первых, не соответствовала настроениям основных масс населения воюющих государств (что, кстати, признавал и сам В.И. Ленин, который, однако, считал это временным явлением), а, во-вторых, она давала властям повод для обвинения левых сил в предательстве интересов государства, отождествляемого с нацией в целом, и, следовательно,

¹ См.: Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 26.

для запрещения их деятельности. Действительно, вплоть до 1916 г. левое крыло социал-демократии находилось на положении политических маргиналов, о которых даже рядовые сторонники этих партий, не говоря о широких слоях населения, практически ничего не слышали и соответственно не знали.

Однако к 1916 г. обстановка заметно изменилась. Стало очевидно, что война приобретает затяжной характер и, несмотря на все усилия, ни одна из воюющих сторон так и не приблизилась к победе. У населения вовлеченных в конфликт государств все чаще стали возникать взаимосвязанные вопросы: почему все они оказались в таком положении, кто в этом виноват, и, наконец, что теперь делать? В такой ситуации лозунги левого крыла социал-демократов, резко осуждавшего войну, постепенно стали восприниматься в ином свете: не как предательские, пораженческие призывы, а как во многом оправданная и справедливая критика бездарных властей, которые завели Европу в тупик.

Неслучайно левые социал-демократы во многих странах Европы в это время заметно активизировались. Еще в конце 1915 г. по инициативе итальянских и швейцарских социалистов в Циммервальде (Швейцария) прошла конференция, в которой участвовали представители 11 стран¹. Все они в той или иной степени разделяли антивоенные настроения. Важно помнить, что в Циммервальде собрались как относительно умеренные оппоненты войны, видевшие выход из того тупика, в котором оказалась Европа, в заключении перемирия с последующим урегулированием спорных вопросов за столом переговоров, так и крайне левые политики, настаивавшие на революционном выходе из войны.

Основная же часть социал-демократов с началом войны взяла курс на сотрудничество с действующей властью. Другое дело, что та, особенно в начале войны, когда господствовала уверенность в ее скоротечном характере, когда волна ура-патриотических настроений буквально захлестнула большинство европейских стран, не чувствовала особой необходимости в тесном сотрудничестве с социал-демократами. Однако уже к рубежу 1914–15 гг. все предвоенные представления о ходе войны были опрокинуты реальной действительностью, и стало ясно, что достижение победы потребует мобилизации всех усилий не только государства, но и общества. Государственная власть должна была убедить всех своих сограждан, что успех в войне в равной мере необходим каждому жителю данной страны, ибо без этого немислимо обеспечить ее населению лучшую долю. Все это на деле означало одно — простым гражданам предстоит затягивать пояса.

И, действительно, 1915 год практически везде был отмечен заметным ухудшением жизненных стандартов. Вопрос о методах поддержания национального единства в этой обстановке приобретал исключительную актуальность. Имелось два возможных варианта решения этой судьбоносной проблемы. Первый, более привычный для тогдашних властных структур, заключался в подавлении всех проявлений инакомыслия, вытеснении диссидентов за рамки легитимного политического процесса. Второй вариант предполагал интеграцию умеренных

¹ Подробнее см.: Самарская М.А. Второй Интернационал: революционные надежды и иллюзии // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4.

оппонентов власти в рамки действующей политической системы, превращение их в системную оппозицию, а по сути — в младшего партнера правящей партии. Это означало, что партия, играющая роль лидера в существующей партийно-политической системе, берет на вооружение некоторые относительно умеренные идеи из багажа своих оппонентов и, придав им более умеренное звучание, ставит в политическую повестку дня¹.

Таким образом, происходит приемлемая для правящей элиты адаптация всего партийно-политического механизма к меняющемуся социуму. Конечно, в реальной жизни возвести «китайскую стену» между двумя этими вариантами взаимоотношений властных структур с оппозицией невозможно. Как правило, они достаточно тесно переплетаются, но в то же время столь же очевидно, что в каждый конкретный момент приоритет отдается какому-то одному из этих вариантов.

Этот важный тезис хорошо прослеживается на примере Первой мировой войны, когда каждый из основных ее участников по-своему решал эту общую и весьма важную для всех проблему. Поскольку, как мы уже отмечали, чрезвычайно выгодная властям воюющих держав атмосфера единения нации вокруг собственного правительства стала быстро рассеиваться, перед руководством противоборствовавших сторон встал вопрос: как обеспечить поддержание и укрепление духа национального единства? Ответ напрашивается довольно очевидный. Если верховная власть стремится к консолидации нации вокруг руководства государства, она должна инкорпорировать все основные политические силы, точнее — их представителей, в структуру органов власти. И здесь речь прежде всего шла о взаимоотношениях с партиями левого фланга политического спектра, в первую очередь социалистического и социал-демократического типа.

Первой из великих держав с этой проблемой столкнулась Франция. Во-первых, именно ей пришлось раньше других испытать на себе угрозу разгрома, что сразу же потребовало от правительства использования всех рычагов для мобилизации общества под лозунгом «защиты Отечества». И здесь принципиально важным было подключить к этой кампании тех, кто в соответствии с марксистскими взглядами полагал — интересы буржуазии и пролетариата несовместимы, и, следовательно, каких-то общих целей (в данном случае защита от внешней угрозы) у них быть не может. Но поскольку в момент вступления Франции в войну большинство лидеров социалистов поддержало свое правительство, открывалась возможность для достаточно прочного наведения мостов в отношениях с ними, а это позволяло надеяться на укрепление атмосферы национального единства.

Во-вторых, необходимо учитывать, что политическая элита Франции, страны с традиционно сильным влиянием левых, неизбежно вынуждена была еще до войны всерьез задуматься о характере своих взаимоотношений с эти-

¹ Подробнее о функционировании этого механизма см.: Манькин А.С., Язков Е.Ф. Роль третьих партий в партийно-политической системе США // Вопросы истории. 1981. № 2. Изложенная там схема основана на анализе американского опыта, но с некоторыми оговорками она вполне применима и к Западной Европе.

ми силами. Правда, на ранней стадии этого процесса речь шла не столько о полнокровной интеграции партий социалистического толка в политическую систему, сколько об их расколе, ослаблении и вытеснении на обочину политического процесса (вспомним, например, «казус Мильерана»)¹. Теперь тяжелейшая ситуация на фронтах требовала иных решений. Партийно-политическая система отчаянно нуждалась в консолидации, а добиться этого можно было, лишь полноценно подключив основную часть левых к поддержке курса правительства.

Наконец, решение этой задачи облегчалось традиционной для Франции многопартийностью, делавшую практически неизбежным постоянное блокирование различных партий в поисках относительно устойчивого парламентского большинства². Таким образом, в политической культуре Франции к описываемому периоду уже достаточно прочно укоренилась мысль о ценности компромисса с партнерами–соперниками по политическому процессу. Теперь это положение стало включать в себя не только представителей различных разновидностей буржуазной идеологии, но и умеренных сторонников социалистических идей. Это был своего рода качественный скачок в развитии политических систем западных демократий. И решающую роль в этом сыграли чрезвычайные условия военных лет.

Уже в конце августа 1914 г. в состав кабинета министров вошли два видных социалиста Ж. Гед и М. Самба. В отличие от хрестоматийного «казуса Мильерана», вызвавшего бурную полемику не только во Франции, но и в международном социалистическом движении, на этот раз знаковое по своей сути событие не привлекло внимания. Шла война, и это было главным и для политических элит, и для населения воюющих стран в целом. Что касается сторонников социалистов, то война заставила их во многом переоценить или по крайней мере задуматься над переоценкой ряда основополагающих положений классического марксизма, прежде всего тех, которые касались вопросов классового сознания, классовой солидарности пролетариата, его приверженности принципам пролетарского интернационализма. Реалии начального периода войны говорили о том, что национальная идентичность в критические периоды истории определяет поведение людей, серьезно перевешивая социально-классовые предпочтения. А раз так, то нет ничего зазорного в том, чтобы в момент, когда решается судьба Отечества, несколько поступиться жестко классовым подходом и во имя высших интересов общества пойти на сотрудничество с буржуазными партиями. Подчеркнем, что тогда этот акт воспринимался как временный, вызванный чрезвычайными обстоятельствами, но сегодня мы можем утверждать, что это был важнейший шаг на пути крупнейшей в XX в. перестройки партийно-политических систем ве-

¹ Подробнее о развитии социалистического движения во Франции накануне Первой мировой войны см.: *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции 1893–1905. М., 1969.

² Об этой черте многопартийных систем пишет, в частности, один из крупнейших западных политологов М. Дювержье. Подробнее см.: *Duverger M.* Political Parties. Their Organization and Activity in the Modern State. L., 1954.

душих стран Запада, суть которой состояла в прочной интеграции в них партий социалистического и социал-демократического толка.

Сходные процессы, хотя и несколько более медленными темпами, происходили в Англии. Там, в отличие от Франции, долгое время в политическом процессе безраздельно господствовали две буржуазные партии — либералы и консерваторы, скрепленные в прочный партийный тандем. Конечно, социалистические идеи проникли и на Британские острова, но вплоть до начала XX в. создать там сколько-нибудь массовую партию, которая использовала бы социалистические постулаты в качестве своей идейной платформы, не удавалось. Лишь в 1906 г. в этой стране возникла организация, которая меньше чем за 20 лет проделала путь от политического маргинала до вершины власти, став неотъемлемой частью политического ландшафта Британии. Речь идет о лейбористской (рабочей) партии, обогатившей практику партийного строительства новым принципом — коллективного членства, когда ее основой являются отраслевые профсоюзы. Быстрый рост тред-юнионов стал базой для увеличения влияния новой партии в политическом процессе¹.

Однако тот факт, что лейбористы в момент своего конституирования заявили, что видят свою цель «в освобождении основной части населения от существующих условий», поначалу серьезно настораживал не только политическую элиту, но и представителей средних слоев. Правда, уже к началу войны стало понятно, что подавляющее большинство лейбористов под «освобождением от существующих условий» понимают не революцию, а реформирование английского общества в сторону все большей социальной справедливости. Но ведь против этого (правда, в гораздо более умеренной форме) не возражали и многие либералы, а лидер этих кругов Д. Ллойд Джордж, как известно, даже начал «войну с бедностью»². Здесь уже возникла определенная почва для начала диалога между этими достаточно разноплановыми силами. А учитывая то, что в политической культуре Англии уже прочно укоренилась мысль о ценности консенсуса, точнее — умения его вырабатывать, вполне допустимо предположить, что вопрос о наведении мостов между новой партией и частью политической элиты Британии — дело времени.

Война, поставившая перед политическим руководством Соединенного Королевства целый ряд сложнейших внутри и внешнеполитических проблем, требовала от него поисков путей укрепления национального единства, а это подталкивало его к сотрудничеству с набиравшими все большее влияние в рабочем движении лейбористами. Но если Франция практически сразу же столкнулась с каскадом трудностей, порожденных войной, то в Англии все издержки войны стали ощущаться в полной мере лишь к 1916 г. В воздухе в это

¹ Подробнее см.: *Виноградов В.Н.* У истоков лейбористской партии. М., 1965; *Карлинер М.М.* Рабочее движение в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1961; *Мадер Ю.П.* Подъем рабочего движения в Англии в 1910–1913 гг. М., 1966; *Brivati B., Heffernan R.* The Labour Party^ A Century History. L., 2000; *Thorpe A.* A history of the Labour Party. Basingstone, 1997.

² Подробнее см.: *Cook Ch.* A Short History of the Liberal Party 1900–1997. L., 1997; *Dulton D.* A History of the Liberal Party in the Twentieth Century. Basingstone, 2005; *Marguand D.* The Progressive Dilemma. From Lloyd George to Kinnick. L., 1991.

время витал вопрос: может ли Англия продолжать войну, или настало время добиваться заключения перемирия? В этот критический момент, по мнению многих историков, решающую роль сыграла позиция нового лидера либералов Д. Ллойд Джорджа, который весьма эмоционально доказывал, что необходимо довести войну до победного конца, а для этого требуется сплочение всей нации вокруг правительства, представляющего интересы всех англичан, нечто вроде «правительства национального доверия», куда должны входить все те, кто поддерживает лозунг «войны до победного конца». Не разделение избирателей по социально-политическим признакам, а их консолидация вокруг власти, ведущей борьбу за необходимую всему обществу победу, — вот главный тезис Ллойд Джорджа¹.

По сути, он призывал к началу широкомасштабной партийной перегруппировки². Его активная деятельность, нацеленная на повышение эффективности военных усилий, вызвала правительственный кризис и отставку прежнего премьера Г. Асквита, классического либерала, неспособного адаптироваться к требованиям военного времени. Новым главой правительства стал Ллойд Джордж, при котором был осуществлен качественный скачок и в осуществлении партийной перестройки, и в этатизации всего комплекса социально-экономических отношений. Нас в данном разделе интересует, как это событие повлияло на ход и характер партийной перегруппировки в Великобритании.

Существует несколько важных, с нашей точки зрения, обстоятельств, фиксирующих особенности этой перегруппировки. Так, с момента перегруппировки началась полноценная интеграция лейбористской партии во властные структуры Великобритании. Из политических маргиналов, выдвигавших туманные лозунги переустройства общества на основе большей социальной справедливости, они сделали решающий шаг на пути превращения в ведущую силу, обеспечивавшую совершенствование буржуазных отношений в Англии, достаточно быстро вытеснив с этой роли либералов³. Великая либеральная партия, которая на протяжении большей части XIX в. надежно и уверенно вела государственный корабль Англии через все хитросплетения мировой политики, обеспечивала за счет прагматичного внутривнутриполитического курса стабильное, интенсивное развитие страны, благодаря чему этот век часто называли британским, стремительно развалилась, оказавшись на обочине политического процесса.

¹ Подробнее см.: Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985.

² Понятие «партийная перегруппировка» внедрили в практику изучения политических партий такие известные американские политологи, как В. Ки, У. Бэрхэм, У. Чемберс, Д. Клабб, Д. Сэндивист. Оно позволило им существенно расширить и обогатить представления историков о характере процессов, определяющих динамику развития партийного тандема США. Теория партийных перегруппировок активного использовалась отечественными американистами, которые с ее помощью смогли создать развернутую концепцию истории двухпартийной системы США. Представляется, что она может эффективно использоваться и при изучении истории развития партийных систем других Западных стран.

³ Подробнее см.: Миллибэнд Р. Парламентский социализм. М., 1964.

Старейшая политическая партия Англии — консервативная — традиционно считалась оплотом старой земельной аристократии. По большей части представители старых аристократических фамилий, чья родословная уходила корнями еще во время Тюдоров, поддерживали именно эту партию. Но их время уходило безвозвратно. Опорой консерваторов становились финансовые магнаты, контролировавшие ключевые звенья экономики Британии. В ходе начавшейся партийной перегруппировки эти люди взяли под свой контроль основные звенья управления консервативной партии. Эти «некоронованные правители» Англии сочли для себя возможным при определенных условиях сотрудничать во властных структурах со своими вчерашними антагонистами — лейбористами¹.

Ясно, что для столь глубоких и стремительных изменений в организме партийной системы Великобритании требовались какие-то мощные, внешние по отношению к ней импульсы, расшатывающие, точнее, разваливавшие устоявшиеся связи и привычные представления о характере взаимоотношений партий в политическом процессе. Такие системоразрушающие импульсы как раз и исходили от тех гигантских социально-политических и морально-психологических потрясений, которые вызвала «Великая война». Действительно, руководству ведущих политических партий этой страны пришлось столкнуться с комплексом сложнейших проблем, не имевших аналогов в прошлом. Это потребовало нестандартных решений, к восприятию которых «старая гвардия» двух ведущих партий оказалась явно неподготовленной. Лишь люди такого калибра, как Ллойд Джордж, способные поставить общегосударственные интересы выше узкопартийных, смогли предложить стране действенные рецепты решения проблем военного времени. Однако осуществить их в рамках прежнего партийного тандема было невозможно. Это и предопределило начало его кардинальной перестройки.

Последней из довоенного клуба европейских «великих держав» на путь перестройки своей партийной системы вступила Германская империя. Немцы, как известно, всегда шли своим, особым путем. Так и в данном случае. Если ведущие западные демократии достаточно быстро осознали необходимость активного подключения к выработке политического курса военных лет умеренного крыла социал-демократии, то в Берлине поначалу полагали, что в сложившихся экстраординарных условиях чрезмерный флирт с «демократическими условностями» явно не к месту, тем более что профсоюзы бодро поддерживали призыв кайзера к установлению гражданского мира и заявили об отказе от трудовых конфликтов, а фракция социал-демократов в рейхстаге поддержала военные усилия власти.

¹ Пожалуй, первым в отечественной историографии на эту черту данной партийной перегруппировки обратил внимание С.А. Соловьев (См.: Соловьев С.А. Указ. соч. Гл. 1, § 7). Интересные наблюдения о процессах, протекавших в консервативной партии на этом историческом отрезке, содержатся в монографии Р. Блейка (*Blake R. The Conservative Party: from Peel to Thatcher. L., 1989*).

Сохранять атмосферу национального единства в обстановке, когда надежды на победоносный блиц-криг растаяли, стало гораздо сложнее, но властные полномочия все больше сосредоточивались в руках Верховного командования, которое категорически отказывалось обсуждать какие-либо планы перестройки партийно-политической системы за счет подключения к реальным рычагам власти представителей умеренных социал-демократов. Вместо этого Гинденбург предлагал осуществить тотальную мобилизацию всех экономических ресурсов в Германии. Как метко заметил лидер национал-либеральной фракции в рейхстаге Г. Шреземан, «вся Германия превращается в единую военную фабрику»¹. Политическая система Германии в 1916–1917 гг. начала приобретать черты, присущие тоталитарному государству.

Здесь возникает вопрос: может быть, Германия не смогла добиться успеха в войне потому, что слишком поздно и недостаточно решительно вступила на путь формирования тотального государства? Ведь история показывает, что в определенных условиях тотальное государство может быть более эффективным, чем демократическое. На это обстоятельство, правда, не употребляя современный термин «тоталитарное государство», указывал еще Макиавелли². Проблема, однако, в том, что далеко не всегда подобная модель организации государственной власти способна эффективно мобилизовать общество на решение тех или иных задач. Для успешного функционирования подобной политической системы необходимо, чтобы основная часть общества была уверена в его справедливости и эффективности. Война, точнее, ее ход, как раз и опровергал эти устоявшиеся стереотипы немецкого менталитета. Но если привычная модель организации общества стала терять в глазах немцев свою убедительность, то тогда возникает вопрос: нужно ли дальше цепляться за эту модель?

Эта мысль постепенно пробивала себе дорогу и в сознании рядовых немцев, и в умах представителей политической элиты Германии. Конечно, в различных сегментах немецкого общества по-разному представляли пути и способы обновления политической системы страны, но важно понять, что к концу войны эта проблема встала в повестку дня. Парадоксально, но первый, хотя и очень запоздалый шаг в этом направлении сделали те люди, которые стремились установить в стране военную диктатуру. Лучше, чем кто бы то ни было, понимая, что война проиграна, они в последний момент попытались переложить ответственность за национальную катастрофу с военных на иные силы. По сути же, возможно, и не желая того, они дали старт партийной перегруппировке, ход которой, однако, очень быстро вышел из-под их контроля.

3 октября 1918 г. кайзер поручил принцу Максу Баденскому, имевшему репутацию стойкого либерала и сторонника реформ, создание нового правительства. В него впервые были включены представители умеренного крыла социал-демократической партии — Бауэр и Шейдеман. Правительство начало интенсивную работу по реформированию политической системы и демокра-

¹ Цит. по: *Патрушев А.И.* Германская история через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 357.

² *Макиавелли Н.* Государь. СПб., 1998.

тизации политической жизни. Однако новое правительство не могло влиять на основную проблему — ход войны. Верховное командование по-прежнему крепко держало в своих руках все нити руководства боевыми действиями¹. В итоге в ходе партийной перегруппировки возникло неразрешимое противоречие между планами реформ политической системы и нежеланием военной элиты, опиравшейся на кайзера, хоть как-то считаться с мнением нового правительства в вопросах ведения войны. В такой ситуации Германия превращалась в пороховую бочку, готовую взорваться от малейшего толчка. Таким детонатором послужили события в Киле. Начавшись как стихийное восстание военных моряков против бессмысленного приказа командования, оно моментально перебросилось на другие части Германии. В течение нескольких дней с казавшейся незыблемой империей было покончено. В стране победила революция, открывшая дорогу для становления качественно иной политической системы. Таким образом, едва начавшись, реформирование партийно-политической системы Германии было прервано революционным взрывом, и далее перестроенные процессы шли уже по иному алгоритму.

Еще более драматично развивались события, связанные с модернизацией партийно-политических систем Австро-Венгрии и особенно Российской империи. Там правящие круги категорически опоздали с осознанием необходимости приспособления существовавших политических систем к реалиям военных лет, прежде всего повышения их устойчивости за счет подключения к деятельности властных структур представителей оппозиции. В результате революционный взрыв привел не просто к принципиальному изменению формы государственного устройства, но к распаду (временному или окончательному) самой государственности.

Итак, можно констатировать, что война дала мощнейший импульс глубоким изменениям в функционировании политических систем основных ее участников. Те гигантские усилия, которые потребовались от всех политических институтов для достижения победы, выбивали их из привычного ритма, нарушали достаточно отлаженную работу политического механизма ведущих европейских государств. Для поддержания его в работоспособном состоянии необходимо было укрепить и расширить его социальную опору, а для этого требовалось интегрировать в рамки действующей политической системы ту часть социал-демократии, которая, отказавшись от идеи революционного уничтожения буржуазного строя, взяла курс на его постепенное реформирование, что создавало предпосылки для сотрудничества с буржуазными партиями. Таким образом, открывалась возможность для их превращения из силы, дестабилизирующей политическую ситуацию в обществе, в фактор, цементирующий существующий правопорядок.

Полноценное подключение социал-демократов к легитимному политическому процессу имело свою, причем, немалую цену. Либерально-консер-

¹ *Asprey R. The German High Command at War. N.Y., 1991.* В этой работе подробно анализируется не только роль Верховного командования в руководстве военными действиями, но и прослеживается его влияние на политическую жизнь империи.

вативному тандему (даже если в нем было больше двух партий) пришлось существенно модифицировать собственные программно-целевые установки, отказавшись или, по крайней мере, смягчив ряд краеугольных положений своих идеологических концепций в пользу главного тезиса социал-демократов — государство должно постоянно стремиться к большей социальной справедливости. А это означало, что эра «пассивного государства», выполняющего в сфере социально-экономических отношений роль «ночного сторожа», быстро уходит в прошлое. На смену ему идет эпоха «позитивного государства», активно вмешивающегося, регулирующего всю совокупность социально-экономических отношений ради поддержания в обществе социальной стабильности¹. В этом и заключалась суть перестройки партийно-политических систем ведущих стран Запада, начало которой было инициировано Первой мировой войной.

§ 2. Война и корректировка программно-целевых установок партий центристского типа

Начавшаяся интеграция партий социал-демократического толка во властные структуры ведущих западноевропейских государств была важнейшим, но не единственным результатом «Великой войны». Не менее серьезное воздействие она оказала на партии консервативного и особенно либерального типа, составлявшие тогда ядро партийно-политических систем подавляющего числа стран Запада. Как отмечалось в предыдущем разделе, стержнем всей их идеологической платформы был принцип невмешательства государства в сферу социально-экономических отношений, где должны господствовать «естественные законы рыночной конкуренции». Единственно, за чем обязано бдительно наблюдать государство, так это за тем, чтобы «священное право собственности» не подвергалось никаким ограничениям и посягательствам.

Но по мере усложнения экономической жизни, связанного с вступлением западной цивилизации в стадию индустриального общества, такая линия поведения государства, как сегодня очевидно, стала создавать проблемы для стабильного функционирования общества, которое все чаще испытывало серьезный дискомфорт от мощных всплесков социальных конфликтов². Достаточно вспомнить о таких резонансных событиях, как, например, всеобщая стачка в Италии в 1904 г., всеобщая забастовка горняков в Англии в 1912 г., мощная вол-

¹ Подробнее об этих процессах см.: *Сивачев Н.В.* О некоторых проблемах государственно-монополистического капитализма // Новая и новейшая история. 1980. № 3.

² Это понимали и некоторые современники, например, Брендайс, Гильфердинг, Гобсон, Кроули и др., которые в своих работах подчеркивали — западное общество вступило в качественно новую стадию развития, и это настоятельно требует глубокого реформирования всех политических институтов. Подробнее о зарождении ростков новых взглядов на роль политических институтов в жизни индустриального общества см., напр.: *Либеральная традиция в США и ее творцы* / Отв. ред. А.С. Манькин, Е.Ф. Язьков; *Согрин В.В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1973; *Черняк Е.Б.* Монополистический капитализм первой четверти XX в. в исторической ретроспективе // Новая и новейшая история. 1990. № 2; *Leach R.* British Political Ideology. L., 1991; *Marquand D.* The Progressive Dilemma. From Lloyd George to Kinnock. L., 1991.

на забастовочного движения, охватившая Францию в 1906 г., стачка в Гомстеде и Пульмановская забастовка в США в конце XIX в., события в России в 1905 г., чтобы понять — игнорировать этот фактор общественно-политической жизни могли только крайне близорукие политики. Вопрос заключался в том, как реагировать на новые реалии социальной жизни, ибо традиционный способ, заключавшийся в жестком подавлении всех проявлений социального протеста, явно не приносил желанного умиротворения. Необходимо было выработать более гибкие и современные ответы на вызовы со стороны массовых движений протеста.

В политической элите ведущих западных стран под явным воздействием роста социальной напряженности начала XX в. усиливались позиции тех сил, которые понимали: в интересах самих власть имущих стремиться к тому, чтобы государство взяло на себя функции беспристрастного арбитра в трудовых конфликтах и гораздо активнее занялось совершенствованием законодательства в области трудовых отношений. Наиболее известными сторонниками подобного курса были Д. Ллойд Джордж, Д. Джолитти, В. Вильсон¹. Последний несколько позднее высказал выглядящую сегодня хрестоматийной для западных политиков мысль. «Семена революции в репрессиях, — подчеркивал Вильсон, претендовавший на роль своеобразного апостола нового либерализма. — Лекарство против нее не должно быть негативным по своему характеру. Оно должно быть конструктивным»².

Другая сфера, где назревала необходимость пересмотра взглядов на роль государства, — функционирование экономики. С образованием гигантских корпораций, занявших доминирующие позиции в хозяйственной жизни, принцип равных возможностей, как и другие стереотипы эпохи свободной конкуренции, превращались в откровенный миф, мало соответствовавший жизненным реалиям. Динамика экономического развития все больше определялась и все больше подчинялась их запросам, которые далеко не во всем совпадали с магистральными потребностями общественного развития и приводили ко все более разрушительным сбоям в работе экономического механизма³.

Раньше и рельефнее всего эти новые качества экономики начали проявляться в США. Именно там прежде, чем в других развитых странах, стали склоняться к тому, что в деятельности большого бизнеса, по крайней мере в тех отраслях, которые имеют общенациональное значение, допустимы ограничения (в виде регулирования) права собственности.

¹ Эти принципиально важные вопросы в сфере идеологии и партийного строительства ведущих западных стран давно привлекали к себе внимание многих известных отечественных и зарубежных историков. См., напр.: *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970; *Либеральная традиция в США и ее творцы* / Отв. ред. А.С. Манькин, Е.Р. Язьков; *Ахимович З.П.* Становление концепции прогрессивного либерализма Джованни Джолитти (1882–1900) // *Проблемы итальянской истории.* М., 1993; *Dutton D.* A History of the Liberal Party in the Twentieth Century. Basingstone, 2005; *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Man Who Made it. N.Y., 1974.

² The State of the Union Messages of the Presidents of the United States. N.Y., 1967. Vol. 3. P. 2664.

³ См.: *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Исследование новейшей фразы в развитии капитализма. М., 1959.

На это было нацелено решение Верховного суда *Munn v. Shinois*, в котором прямо говорилось, что в тех случаях, когда затрагиваются общественные интересы, общество через государственные структуры имеет право регулировать деятельность бизнеса. Теоретически на ограждение общества от угрозы со стороны неконтролируемого процесса трестирования был направлен и закон Шермана, одобренный еще в 1890 г. (правда, вплоть до Первой мировой войны его использовали не столько против трестов, сколько против профсоюзов). Сходные идеи лежали в основе программы Вильсона «Новая свобода», опираясь на которую, он добился успеха на президентских выборах 1912 г.¹

В Европе стремление государства оказывать регулирующее воздействие на экономическую жизнь проявлялось не столь отчетливо, поскольку темпы концентрации капитала заметно уступали заокеанским. Определенные оговорки могут быть сделаны в отношении Германии, но там государство традиционно выполняло большой объем регулирующих функций, и они в первую очередь были нацелены не столько на формирование оптимальной среды для развития рыночных отношений, сколько на консолидацию устоев прусского государства и его элиты в рамках империи². Если в области регулирования правил игры на рынке Европа явно отставала от продвинутых американских коллег, то в плане социального законодательства политическая элита ведущих западноевропейских стран, пережившая немало социальных потрясений, безусловно, давала фору непуганым американцам.

Ростки новых подходов к роли государства в жизни общества давали о себе знать еще до Первой мировой войны, и партии либерального толка в той или иной мере улавливали эти веяния. Конечно, в это время речь может идти лишь о первых всходах тех идей, которые позднее составили основу концепции «позитивного государства». Даже наиболее продвинутая в этом направлении демократическая партия США, во многом строившая свою программу «Новая свобода» на основе этицистских подходов ко всему комплексу социально-экономических проблем, далеко не безоговорочно восприняла новые идеи. Требовались очень весомые аргументы, чтобы не только политическая, но и бизнес-элита осознала необходимость проведения подобного курса ради укрепления буржуазного правопорядка.

Таким историческим аргументом, на долгие годы предопределившим магистральные тренды эволюции западной цивилизации (или, как ее нередко называют, евроатлантической), стала Первая мировая война. В предыдущем разделе мы подчеркивали, что она поставила под сомнение ряд основополагающих постулатов классического марксизма (прежде всего, тезис о пролетарской солидарности и приоритете классового сознания над национальными чувствами), что создало немалые проблемы для партий социал-демократиче-

¹ Подробнее см.: Конституция США: история и современность / Отв. ред. А.А. Мишин, Е.Р. Языков. М., 1988. Гл. IV; Kelly A., Harbison W. The American Constitution. NY., 1979.

² В этой сфере особенно преуспел Бисмарк, долгие годы определявший характер внутренней и внешней политики империи, в том числе и ту роль, которую играло государство в социально-экономической сфере. Подробнее см.: Палмер А. Бисмарк. Смоленск, 1997.

ского толка. Однако перед консерваторами и особенно либералами война также поставила непростые вопросы.

Во-первых, либералы, делавшие акцент на универсальности своих ценностей, вынуждены были уже в самом начале боевых действий переключить внимание на доказательство преимуществ своей нации и присущих именно ей достоинств ради обоснования необходимости их защиты от посягательств враждебных сил. Положение приверженцев этой идеологии несколько облегчало то обстоятельство, что эталоном либерализма вплоть до Первой мировой войны считалась Англия, в то время как ее основной противник — Германская империя — к числу государств с либерально ориентированной политической системой никогда не относилась. Отсюда у либеральных политиков, игравших главную роль в определении политического курса стран Антанты, появлялась возможность представить военное противостояние как конфликт либерально-демократических и реакционно-охранительных сил, которые олицетворяли Германия и ее союзники¹.

Эти штампы не раз подробно анализировались в исторической литературе, и их несоответствие той реальной жизни Европы образца 1914 года давно убедительно доказано. Попробуем поставить вопрос иначе: в какой мере две ведущие на тот момент разновидности партийной идеологии — либеральная и консервативная — были способны обеспечивать эффективное выполнение тех функций, которые легли на политическую систему в связи с началом войны?

Дело в том, что обе эти идеологические конструкции возникли и сформировались в условиях, принципиально отличных от тех, которые сложились в начале войны. Если в XIX в. политические лидеры как либералов, так и консерваторов в первую очередь были озадачены тем, чтобы обеспечивать и сохранять оптимальные условия для развития частнопредпринимательской деятельности², то возникновение общеевропейской войны радикально изменило акценты в тех приоритетах, которыми руководствовались политики воюющих держав. На первый план выходит задача достижения победы в войне, создание условий стабильности в обществе.

Конечно, войны были и в XIX в., но их масштабы не давали серьезных поводов для пересмотра взглядов на роль государства — «ночного сторожа», ибо реализация тех стратегических задач, которые ставились по ходу этих конфликтов, не требовала обращения к каким-то иным, отличным от обыденных методов ведения дел. Экономика наиболее развитых государств была вполне способна обеспечить эти страны всем необходимым для поддержания стабильности общества и успешного выполнения внешнеполитических и военных замыслов. Даже когда дело доходило до открытого военного столкновения, у властных структур не было причин для использования экстраординарных методов воздействия на социально-экономическую сферу. Войны той эпохи носили скоротечный характер, а если и были затяжные вооруженные конфликты, то они проходили на

¹ Эти вопросы более подробно рассматриваются в гл. 10 данной монографии.

² Подробнее см.: Либерализм Запада XVII–XX в. М., 1995; Рахимир П.Ю. Эволюция консерватизма в Новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

глубокой периферии системы международных отношений (Судан, Афганистан и т.д.), между сторонами, находящимися на разных стадиях цивилизационного развития. Боевые действия подобного рода не требовали от государства и общества какого-то непомерного напряжения сил, не сопровождались массовыми людскими потерями и не влекли за собой нарушения привычных жизненных устоев. Такой сценарий не подталкивал ни либералов, ни консерваторов к внесению корректив в свои идейно-политические платформы.

Причина того, что ни одна из ведущих партий Западной Европы не стремилась к обновлению своего идейного багажа, кроется также и в социально-политической сфере. Весь XIX век был заполнен крупными социальными потрясениями. Как правило, они вспыхивали спонтанно, в ответ на какие-то непродуманные действия властей, но после бурного всплеска шли на спад и общество возвращалось к привычному ритму жизни. Хотя они и доставляли политической элите данной страны изрядное беспокойство, но не могли поколебать устоев буржуазного правопорядка. В силу этого от властных структур и их идеологов не требовалось какого-то переосмысления традиционных идеологических концептов. Все издержки общественного развития, присущие капитализму эпохи свободной конкуренции, списывались на происки люмпенов — неудачников, не способных вписаться в общество «равных возможностей». Из этого делался вывод, что социальные потрясения свидетельствуют не о несовершенстве западной цивилизации, а о происках деструктивных сил, а значит, необходимо думать не о смене доминирующей идеологической парадигмы, а об изоляции ее противников.

Ситуация начала меняться с возникновением массовых рабочих партий, базировавшихся на марксистской идеологии. Их появление на политической арене ведущих западных стран, превращение в перманентную угрозу существующему правопорядку, формулирование привлекательной в глазах достаточно широких слоев населения альтернативы общественного развития вносило дополнительную остроту в партийно-политическую борьбу, заставляло лидеров традиционных политических сил всерьез задуматься над расширением того арсенала, который ранее использовался для борьбы с протестными настроениями.

Наиболее дальновидным политикам становилось понятно, что правительство не может оставаться пассивным наблюдателем в социальных конфликтах, которые в то время захлестнули западный мир. Оно обязано активно выполнять роль посредника в ширящихся трудовых конфликтах. Вопрос заключался в том, как вписать эти новации в привычные идеологические императивы, которыми долгие годы руководствовались либералы и консерваторы. Решиться на это политической элите ведущих стран Запада было не просто, а многие и не понимали, зачем нужно ради умиротворения «богопротивных социалистов» подтачивать устои вполне рационального общественного устройства¹.

¹ Так, например, Т. Рузвельт неоднократно говорил, что поражается близорукости магнатов Уолл-стрита, всячески блокирующих принятие любого законодательства, регулирующего деятельность корпораций, усиливая тем самым позиции сторонников национализации. Подробнее см.: Манькин А.С. История двухпартийной системы США. Гл. 4.

И обществу в целом, и политическим элитам предстояло пройти сложный путь интеллектуальных метаний, пережить непростые катаклизмы, чтобы лишь подойти к осознанию неизбежности изменения роли государства в социально-экономической сфере. Достаточно вспомнить о том, как складывались события в США в годы «прогрессивной эры», когда попытки расширения регулирующих функций федерального правительства в сфере социально-экономических отношений натолкнулись на упорнейшее сопротивление деловых кругов, или какой всплеск политических страстей вызвала попытка Ллойд Джорджа провести пакет реформ, нацеленных на смягчение самых одиозных проявлений социальной несправедливости, чтобы понять: контуры новой политической платформы как либералов, так и консерваторов поистине рождались в муках, и в первое десятилетие XX в. происходили лишь первые родовые схватки.

Возникает вопрос: почему процесс адаптации либеральной и консервативной идеологии к условиям индустриального общества так растянулся во времени? Свою роль в таком варианте развития событий сыграл целый комплекс причин. На наш взгляд, ключевыми здесь стали следующие обстоятельства. Во-первых, восприятие людьми окружающей их реальности всегда отстает от развития самой этой реальности. Так и в данном случае. Ведущие страны Запада еще в последние десятилетия XIX в. вступили в эпоху индустриального общества. Однако понимание того, что общество перешло в новое состояние в полной мере, проникло в сознание политических лидеров этих государств значительно позднее, на наш взгляд, лишь в 30-е гг. XX в.

Во-вторых, «старый порядок» и те идеологические постулаты, на которых он базировался, долгое время вполне устраивали тех, кто определял параметры развития общества, и пока этому привычному укладу не возникла реальная угроза, большинство представителей правящей верхушки ведущих стран Запада не спешило пересматривать основы традиционного понимания оптимальных принципов общественного устройства. Лишь экстраординарные условия мировой войны, по сути не оставившие политикам иного выбора, кроме радикальной ревизии взглядов на роль государства в сфере социально-экономических отношений, сдвинули процесс модернизации либеральной и консервативной идеологии с мертвой точки. Важно, однако, понимать: это были экстраординарные условия.

В-третьих, практической, развернутой альтернативы традиционному подходу к вопросу о роли и месте государства в социально-экономической сфере до войны по сути дела не было. Если она и существовала, то скорее на бумаге и в умах ученых. Сказать, насколько эффективными и полезными для буржуазии будут эти виртуальные конструкции в реальной действительности, было крайне сложно. К этому надо добавить, что вплоть до середины XX в. политики, как правило, недоверчиво относились к рекомендациям представителей научного мира. В итоге получался замкнутый круг: скептицизм в отношении новых концепций общественного развития порождался отсутствием их практической апробации, а та была невозможна без использования новых наработок ученых-обществоведов, к которым существовало достаточно глубокое недоверие в

высших эшелонах власти. Лишь глубочайшая встряска, которую пережила западная цивилизация в ходе «Великой войны», помогла пробить брешь в стене косности, неприятия перемен.

Наконец, замедляла процесс адаптации либеральной и консервативной идеологии к потребностям индустриального общества специфика идейно-политической жизни ведущих государств Европы и Северной Америки. В ней долгое время практически безраздельно доминировала жесткая парадигма представлений о роли государства в социально-экономической сфере. Все, кто не вписывался в нее, выдавливались на обочину политического процесса¹. Отсутствие конкуренции либерально-консервативному тандему, прочно державшему в своих руках все нити партийно-политической борьбы, не способствовало внедрению в партийный мейнстрим принципиально новых идей. Такая ситуация стимулировала рост стагнационных явлений в идейно-политической полемике, вела лишь к нарастанию внутренних противоречий внутри либерально-консервативного альянса, мешая ему эффективно защищать позиции тех социальных сил, интересы которых он и отстаивал в политической жизни.

Первой на путь радикального пересмотра традиционных взглядов на роль государства в организации жизнедеятельности общества вступила, по нашему мнению, Франция. И это вполне объяснимо, поскольку именно она первая испытала на себе все последствия мощнейшего натиска немцев, поставившего Третью республику на грань военной катастрофы. Уже в самом начале войны Парижу пришлось в экстренном порядке перестраивать практически всю систему управления государством. Привычные демократические нормы политической жизни были в одночасье отброшены, уступив место чрезвычайным мерам. Основные функции по организации обороны страны были переданы военному командованию. Эти шаги не вписывались в традиционные для демократического государства нормы, но очевидно и то, что расширение полномочий военных властей не может трактоваться как принципиальное переосмысление прежних взглядов на привычные нормы и принципы внутриполитической жизни. Понятно, что все многочисленные новации того периода были вызваны угрозой военной катастрофы, а не осознанием невозможности решать весь комплекс социально-экономических проблем, отталкиваясь от прежних исходных установок как либерализма, так и консерватизма².

¹ Эти процессы на примере США хорошо исследованы как отечественными, так и американскими историками, и их выводы с некоторыми коррективами могут быть распространены и на Европу (без учета России). Для иллюстрации этого утверждения сошлемся на монографию В. Паригтона, Р. Хофстадера и исследования американистов кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ: *Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought*. Boston, 1954; *Паррингтон В.* Основные течения американской мысли. М., 1982. Т. 3. Из серии работ американистов нашей кафедры отметим коллективную монографию «Либеральная традиция в США и ее творцы» / Отв. ред. А.С. Манькин, Е.Ф. Язьков.

² Эти сюжеты детально рассматриваются в работах ряда отечественных историков. См., напр.: *Антюхина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции 1870–1918. М., 1986; *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. М., 1983.

Уже на самом раннем этапе войны политической элите Франции, до предела напуганной перспективой повторения «катастрофы 1870 года» и последовавшим за этим революционным взрывом, было понятно, что необходимо в срочном порядке укреплять национальное единство. Ради решения этой судьбоносной задачи руководство Франции, ранее не замеченное в симпатиях к левым силам, согласилось на включение в состав правительства ряда лидеров социалистов, благодаря этому удалось добиться соглашения с профсоюзами о намерении избегать трудовых конфликтов и улаживании всех спорных вопросов в сфере трудовых отношений путем переговоров, где роль беспристрастного арбитра отводилась правительственному агентству. Это уже был явный отход от классических принципов невмешательства государства в социально-экономические отношения.

Однако практически вплоть до конца войны идеи государственного регулирования социально-экономических отношений не получили глубокого развития, и шаги по институционализации отдельных регулирующих и надзирающих агентств в стройную систему не дошли до логического завершения. И здесь возникают два взаимосвязанных вопроса: почему во Франции этатистские принципы не смогли полноценно вписаться в практику социально-экономической жизни, и за счет чего французские власти сумели все же организовать работу тыла в форс-мажорных обстоятельствах? В научной литературе до сих пор нет ясного ответа на эти вопросы. Акцент делается на чисто военные аспекты, в то время как социально-экономическая политика правительства Франции остается как бы в тени.

Действительно, в этой стране, несмотря на то, что именно на ее территории разворачивались наиболее тяжелые боевые действия, так и не сложилась законченная модель государственного регулирования социально-экономической сферы. Сейчас можно высказать лишь некоторые соображения, помогающие объяснить подобную ситуацию. Прежде всего, необходимо учитывать, что Франция заметно уступала другим ведущим государствам Запада по темпам вхождения в стадию индустриального общества. А ведь именно от степени его зрелости зависит формирование условий, способствующих осознанию и политическими элитами, и обществом в целом необходимости государственного решения социально-экономических проблем. Неудивительно, что во Франции этатистские идеи получили гораздо меньшее распространение, чем, скажем, в США, Германии или Англии¹.

Следует учитывать, что партийная система Третьей республики отличалась многопартийностью, исключительной внутренней аморфностью, непостоянством электоральной базы партий. В целом же палитра партийной жизни вполне укладывалась в рамки привычного либерально-консервативного спектра. Партии постоянно блокировались друг с другом, причем конфигура-

¹ Характерно, что даже французские радикал-социалисты, наиболее склонные к проведению социальных реформ, не готовы были идти на такое расширение прав правительства в сфере регулирования трудовых отношений, как, скажем, В. Вильсон. О позиции их в этом вопросе см.: Гурвич С.Н. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX в. М., 1976.

ция этих альянсов отличалась частой изменчивостью. В предвоенной Франции продолжительность пребывания у власти правительств, сформировавшихся на основе парламентского большинства, редко превышала один год¹.

Наконец, надо иметь в виду, что во время войны основные промышленные районы Франции были оккупированы немцами и снабжение армии всем необходимым происходило за счет закупок на американском рынке и отчасти поставок сырья из колоний. Подобная практика жизнеобеспечения фронта и тыла также не способствовала формированию эффективной системы государственного регулирования экономики. Пожалуй, единственный сегмент французской экономики, который выиграл от этого, был банковский сектор, традиционно имевший большое влияние в политической и экономической жизни страны. Однако, как свидетельствует история, именно эта часть бизнес-общества в наибольшей мере противится внедрению в повседневную практику экономической жизни регулятивных начал, ибо они неизбежно ограничивали простор для откровенно спекулятивной активности, к которой так склонны все банки. Ясно, что подобная ситуация не способствовала продвижению этатистских идей в жизнь французского общества.

В итоге можно с большой долей вероятности предположить, что хотя Франция выдержала все испытания военного времени и вышла из войны победительницей, достигнуто это было не столько за счет эффективной организации работы тыла, сколько благодаря грубым просчетам в стратегическом планировании со стороны военно-политического руководства Германии, массированных поставок всего необходимого французской армии из США и помощи союзников, оттягивавших на себя значительные силы врага. Что касается вклада собственно политических институтов Третьей республики в общую копилку победы, то, на наш взгляд, он невысок. Особенно это касается политических партий, которые по сути самоустранились от выработки важнейших политических решений, добровольно передав основные рычаги управления страной исполнительной власти и военному командованию. Неудивительно, что из всех уцелевших по итогам войны основных ее участников партийно-политическая система Франции вышла из этих потрясений в наименьшей мере видоизмененной, сохранив свои базовые параметры и, главное, недостатки, что через два десятилетия привело и ее, и страну в целом к катастрофе.

Партийно-политическая система основного антагониста Антанты — Германии эволюционировала по несколько иной схеме. Так же как и в других странах, там на первых порах воцарилась атмосфера национального единства, которую поддержали даже социал-демократы, правое крыло которых с этого момента стало все теснее ассоциироваться с либеральным сегментом правящих кругов империи. Начавшееся активное встраивание социал-демократов в партийно-политическую систему Германии неизбежно создавало предпосылки для ее модернизации. Безусловно, однако, и другое: военно-политическое

¹На это обстоятельство обращают внимание многие отечественные специалисты-франковеды, например В.И. Антюхина-Московченко, А.В. Ревякин, В.П. Смирнов и др.

руководство Германии было не заинтересовано в каких-либо переменах в политическом процессе, приближении его к привычным для Запада стандартам.

Конечно, условия войны заставляли правящие круги Германии вносить коррективы в практику решения экономических проблем. Провал планов «молниеносной войны» поставил немецкую экономику в крайне сложное положение, ибо в высших эшелонах власти и в бизнес-элите никто не предполагал, что экономике потребуются экстраординарные усилия и рассчитывать надо лишь на собственный потенциал, а не на мифические контрибуции с завоеванных территорий. Работа в таком режиме неизбежно ставила в повестку дня вопрос о повышении роли государства в мобилизации всех ресурсов на достижение победы. Для Германии подобное решение выглядело вполне логичным, ибо в этой стране государство (особенно в Пруссии) исторически играло весьма значительную роль во всех сферах жизни общества, в том числе и в экономике. Неудивительно, что меры, нацеленные на усиление регулирующих функций государства в сфере экономики, повышение его роли в мобилизации народного хозяйства и перестройке всей его работы с учетом потребностей армии, не вызвали сколь-либо широкой общественной оппозиции¹.

Своей кульминации меры по огосударствленному решению проблем военной экономики достигли в упоминавшейся «программе Гинденбурга». Вокруг ее оценки в научной литературе уже давно идут достаточно острые споры, уходящие корнями еще в 20-е гг. прошлого века, когда были предприняты первые попытки объяснить причины поражения Германии в войне. Именно тогда появились и закрепились в исторической традиции негативные оценки «программы Гинденбурга», которая, на наш взгляд, вряд ли может быть однозначной. Нам представляется, что ситуация много сложнее. Конечно, одним из результатов этой программы стало заметное ухудшение продовольственной ситуации в тылу, падение уровня жизни населения, а следовательно, рост социальной напряженности, что создавало предпосылки для революционного взрыва. Но ведь сходные процессы имели место во всех воюющих странах, кроме США. И накал социальных страстей явно не был связан со степенью вовлеченности государства в сферу экономики. Речь идет о цели этого вмешательства.

И здесь мы выходим на главную, на наш взгляд, проблему в контексте оценки немецкой модели государственного регулирования экономики. В отличие от более поздних вариантов этатистского решения социально-экономических проблем, которые были нацелены не только на повышение эффективности экономики, но и, что может быть главное, на поддержание и укрепление классового мира, творцов программы Гинденбурга заботило только одно — любой ценой стимулировать поставки военной продукции на фронт. Однако такой приземленно-прагматичный подход наряду с серьезными негативными последствиями принес Германии и определенные дивиденды, выражавшиеся в том, что несмотря на достаточно ограниченную сырьевую базу, немецкая про-

¹ Подробнее см.: *Feldman Y. Arms, Industry and Labor in Germany 1914–1918. Princeton, 1966.*

мышленность смогла обеспечивать потребности своей армии практически до самого конца войны и оказывать помощь союзникам¹.

В целом, если воздействие немецкой программы государственного регулирования промышленности и сельского хозяйства на экономику проявило себя вполне ощутимо, став своего рода предтечей тотальной модели организации экономики, то ее влияние на партийно-политическую систему Германии, на наш взгляд, было незначительным. Объяснение этой аномалии следует искать в том, что инициатором «программы Гинденбурга» выступили не лидеры политических партий, а военное руководство, поддержанное ближайшим окружением кайзера. Эти круги по существу подмяли под себя все остальные сегменты политической элиты империи, которые вместо выполнения роли силы, генерирующей новые идеи, слепо плелись в хвосте у ее милитаризованного ядра.

Такая линия поведения в итоге дорого обошлась практически всем политическим партиям, которые потерпели фиаско, не пережив ноябрьской революции. Полностью привязав себя к курсу Гинденбурга, они в критический момент немецкой истории не сумели предложить обществу никакой конструктивной альтернативы революции и тем самым предопределили свой крах. Единственным исключением стали социал-демократы, которые смогли не только сохранить свои позиции и свой электорат, но и занять важную нишу в политической системе обновленной Германии. Важно подчеркнуть, что на какое-то время именно эта партия стала выполнять важнейшую, с точки зрения перспектив развития буржуазных отношений, функцию, соединяя в своих программно-целевых установках либеральные ценности и популярную в массах идею социальной справедливости, что позволило им успешно выполнять главную роль в процессе становления новой, постреволюционной модели политической системы Германии. И это, пожалуй, основной итог эволюции партий в годы «Великой войны» в этой стране.

Наиболее интересной, с нашей точки зрения, была история внедрения этикетистских принципов в практику повседневного функционирования экономики в Англии. Там этот процесс сопровождался глубокой перестройкой партийного механизма, в результате чего серьезно видоизменился весь политический ландшафт этой страны, причем в отличие от России, Германии и Австро-Венгрии, на Британских островах все эти кардинальные перемены проходили без революционных потрясений, достаточно плавно, в эволюционном ключе. На наш взгляд, такое положение объясняется несколькими причинами.

Во-первых, здесь сказывались особенности политической культуры Англии, в которой уже давно укоренились такие качества, как толерантность, умение вести конструктивный диалог с оппонентами, способность идти на новации ради сохранения устоев «британского образа жизни» и многое другое, что

¹ На эти моменты, в частности, обращают внимание известные американские и английские историки Дж. Киган и В. Бергхан. См.: *Kigan Дж.* Первая мировая война. М., 2004; *Berghahn V.* Germany and the Approach of War in 1914. N.Y., 1973.

в совокупности обеспечивало на протяжении многих десятилетий благоприятный для проведения реформ политический климат.

Во-вторых, Англия, как и США, обладала наиболее эффективными партийными тандемами, которые имели огромный опыт решения сложнейших социально-экономических проблем. Ни одна другая страна Запада (не говоря уже о России, где партии были еще экзотикой) не имела подобных партийных систем¹.

В-третьих, свою роль в достаточно успешном и относительно безболезненном внедрении этикетистских принципов в практику повседневной жизни сыграло качество политической элиты Туманного Альбиона, где уже давно сложилась стройная система подготовки кадров будущих политиков, позволявшая обеспечивать страну квалифицированными управленческими силами.

Наконец, следует иметь в виду, что по степени зрелости индустриального общества Англия вместе с США занимала лидирующие позиции, и объективно там имелись все условия для институционализации этикетистских подходов к решению социально-экономических проблем.

Несмотря на то что в Англии практически еще до войны существовали объективные и субъективные предпосылки для этикетизации социально-экономической жизни, лишь те жесточайшие испытания, которые выпали на ее долю в годы «Великой войны», подтолкнули высшие эшелоны власти Британской империи к кардинальному повороту в своей социально-экономической политике. Для этого потребовалось пережить 2,5 года тяжелейших испытаний, которые к концу 1916 г. во весь рост поставили перед британским истеблишментом вопрос, способна ли Англия довести войну до победного конца. Ответ звучал неутешительно — без резкой интенсификации работы промышленности, мобилизации всех ресурсов и модернизации финансовой системы рассчитывать на успех в войне не приходится². Подобное резюме ставило перед руководством страны непростую дилемму: то ли искать пути для заключения перемирия с немцами на явно невыгодных для Лондона условиях, то ли попытаться найти рецепты, позволяющие повысить эффективность экономики, что позволило бы рассчитывать на конечный успех в войне на истощение.

Бурное обсуждение этой судьбоносной проблемы вызвало острейший политический кризис, кульминация которого пришлось на декабрь 1916 г. Очевидно, что это не случайно и напрямую связано с развитием событий на фронтах Первой мировой. Действительно, уже в разгар сражения за Верден английские власти вынуждены были санкционировать принятие Закона о всеобщей воинской повинности, свидетельствующий о том, что «вести дела, как обычно», Англия больше не могла. Жители Туманного Альбиона, долгое время кичившиеся тем, что они не такие, как жители континентальной Европы, начали осознавать, что война уничтожает «британскую исключительность». Битва

¹ Об этих качествах партийной системы Великобритании и специфике идеологии ее составных компонентов см.: *Leach R. British Political Ideologies. L., 1991; Ware A. A Political Parties and Party Systems. Oxford, 1991.*

² Подробнее см.: *Woodward L. Great Britain and the War of 1914–1918. L., 1967.*

на Сомме, проходившая летом — осенью того же 1916 г., показала, что и этих мер явно недостаточно, ибо там в отчаянной борьбе за контроль над клочком территории англичане потеряли более 400 тыс. солдат и офицеров и израсходовали такое количество боеприпасов, которых с лихвой хватило бы на повторное завоевание всей огромной британской колониальной империи. И все эти колоссальные издержки по сути не принесли никакого ощутимого перевеса в войне. Более того, огромное перенапряжение, которое испытывала Англия в ходе этих событий, поставило экономику страны на грань коллапса.

В правительстве подобная ситуация вызвала обострение разногласий, которые быстро выплеснулись наружу. И в парламенте, и в прессе спорили о том, какой курс — на продолжение войны до полного разгрома врага или на поиски путей заключения мира или хотя бы перемирия с Германией — будет в лучшей мере отвечать государственным интересам страны. Партии, особенно их руководство, оказались в самом центре этой схватки, от итогов которой во многом зависело будущее Англии и дальнейший ход войны.

Итог этих коллизий хорошо известен: в споре сторонников и противников продолжения войны победа осталась за первыми. Наиболее яркий представитель этих сил Д. Ллойд Джордж получил право на формирование кабинета, который он и возглавлял до конца войны. Хотя в мемуарах современников эти события описываются в весьма драматичных тонах¹, сегодня очевидно — особой альтернативы у правящих кругов Британии и не было, ибо начинать с немцами разговор о перемирии в тот момент, когда они реально угрожали Парижу, а русские войска из последних сил пытались сдержать мощнейший натиск противника на огромных пространствах Восточного фронта, было бы равносильно политическому самоубийству, добровольной сдаче позиций ведущей мировой державы. На наш взгляд, очевидно, что пойти на это большинство представителей политической элиты Англии не могли. А раз так, то выбор в пользу политиков из стана сторонников «партии войны» был предопределен. Другое дело, почему он пал именно на Ллойд Джорджа. Думается, дело здесь не только в его ораторских способностях, умении плести политическую интригу, харизме, наконец, а в том, что в отличие от других претендентов он готов был к смелым политическим экспериментам и имел относительно четкое представление о мерах, необходимых для решения вопросов, связанных с максимальной мобилизацией всех ресурсов (людских и материальных) для обеспечения потребностей фронта.

Именно это обстоятельство привлекло на его сторону влиятельные круги, которые развернули шумную кампанию в пользу передачи ему не просто всей полноты власти, а предоставления чрезвычайных полномочий. Хотя формально на посту премьера одного либерала Г. Асквита сменил представитель той же либеральной партии Ллойд Джордж, речь на сей раз шла не просто

¹ Эта традиция восходит к мемуарам самого Ллойд Джорджа, а затем перекочевала в труды его биографов (см. напр.: *Mallet Ch. Lloyd George. L., 1930; Owen F. Tempestuous Journey. Lloyd George, his Life and Times. L., 1954*) и, наконец, прочно укоренилась в английской историографии.

о смене персоналий на капитанском мостике государственного корабля, декоративном дворцовом перевороте, а о глубокой корректировке всего социально-экономического курса и о начале одной из самых масштабных в истории Англии партийных перегруппировок. Несмотря на то что во главе правительства остался представитель либеральной партии, ведущие роли в нем играли консерваторы, которые по сути и санкционировали перевод управления экономикой на этактистские рельсы. Именно члены этой партии занялись в новом правительстве вопросами, связанными с мобилизацией всех сегментов экономики на увеличение поставок фронту¹.

Эти события стали ярким свидетельством крушения традиционных представлений о базовых принципах экономической политики, согласно которым государство не должно вмешиваться в экономические процессы. Практика военных лет убедительно показала, что на такой основе рассчитывать на успешное функционирование хозяйственного комплекса, особенно в экстраординарных условиях, не приходится. И большинство английских политиков, по крайней мере на время войны, согласились принять этот вердикт. Те же, кто не вписался в новую парадигму, оказался на обочине политического процесса.

Прежде всего это коснулось либеральной партии, многие представители которой не поддержали социально-экономическую программу правительства Ллойд Джорджа. И наоборот, лейбористы, активно подключившиеся к работе его правительства, набрали на этом солидные очки, позволившие им резко укрепить свои позиции в партийно-политическом механизме Великобритании. Их приверженность этактистским подходам к решению социально-экономических вопросов во многом объяснялась тем, что идеологи этой партии рассчитывали использовать возможности, открывавшиеся в связи с увеличением функций государства, для решения насущных социальных проблем, большей гуманизации социальной сферы, постепенного утверждения принципов социальной справедливости. Ради решения этих задач их лидеры были готовы пойти на тесное сотрудничество и с либералами, и с консерваторами.

Это, конечно, насторожило многих партийных функционеров двух главных буржуазных партий и представителей бизнес-элиты, но их наиболее дальновидные лидеры хорошо понимали значимость подключения лейбористов к государственному управлению не только для эффективного решения проблем военных лет, но и в интересах стабильного развития Англии в послевоенном мире. Эту мысль всячески подчеркивал и пропагандировал Ллойд Джордж, который вспоминал: «Я считал привлечение лейбористской партии к актив-

Г. Асквит

¹ Подробнее см.: Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985. Гл. II.

Д. Ллойд Джордж

ному сотрудничеству с правительством делом «первостепенного государственного значения»¹.

Сегодня, спустя почти 100 лет после этих событий, очевидна справедливость такого утверждения. Именно благодаря начавшейся перестройке партийной системы правящие круги Великобритании сумели не только добиться в короткий срок позитивных сдвигов в социально-экономической сфере, что помогло решить главную на тот момент задачу — победить в войне, но и застраховало страну от серьезных потрясений, сопровождавших процесс возвращения Европы к мирной жизни. Правящие круги Великобритании, проявив гораздо большую, по

сравнению со своими коллегами из других стран Европы и особенно России, гибкость и дальновидность (мы бы назвали эти качества адаптивным потенциалом), оказались лучше подготовленными к условиям вступления их страны в эпоху «массовой политики». И сегодня мы можем смело утверждать, что именно это обстоятельство обусловило тот факт, что в межвоенный период Англии не пришлось столкнуться с такими катаклизмами, которые переживали в это время страны капиталистической Европы. И это, пожалуй, главный итог той трансформации, которую претерпели их партийно-политические системы в годы «Великой войны».

§ 3. Россия в мировой войне: на пути к распаду империи

Сараевское убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда дало Австро-Венгрии и Германии удобный и желанный повод для развязывания военных действий. Военно-политическое руководство Германии пришло к выводу о готовности страны к большой войне. Австрийский министр иностранных дел говорил о том, что наступило время для «разрешения сербского вопроса». На объединенном заседании советов министров Австрии и Венгрии 1 июля 1914 г. был единогласно одобрен ультиматум Сербии. Россия пыталась предупредить венское правительство о возможных опасных последствиях ультиматума, однако российский посол не смог вручить телеграмму австрийскому министру иностранных дел. 10 июля Австро-Венгрия предъявила ультиматум, по получению которого Сербия обратилась к России с просьбой о помощи.

После заседания Совета министров Сербии было рекомендовано уступить и одновременно обратиться к посредничеству великих держав. Приняв австрийский ультиматум, сербское правительство попросило разъяснения вопроса об участии австрийских властей в расследовании обстоятельств покуше-

¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. I–IV. М., 1934–1937. Т. III. С. 21.

ния на ее территории. Австро-Венгрия сочла ответ неудовлетворительным и 15 июля объявила Сербии войну, начав бомбардировку Белграда.

В итоге сбылись давние прогнозы — большая европейская война началась именно на Балканах. Начало боевых действий против Сербии по сути не оставляло России иного выбора кроме вступления в войну¹.

Российское правительство приняло решение о начале мобилизации, на чем настаивал Генеральный штаб. Министр иностранных дел Сазонов особо информировал Берлин, что мобилизация носит оборонительный характер. К этому времени он получил подтверждение Франции и Англии о готовности исполнить союзнический долг.

Вечером 16 июля, получив от Вильгельма II телеграмму, где тот предложил выступить в качестве посредника между Россией и Австро-Венгрией и высказал просьбу не форсировать военных приготовлений, Николай II повелел приостановить всеобщую мобилизацию и провести частичную мобилизацию четырех пограничных округов. Плана частичной мобилизации Генеральный штаб не составлял, такое решение нарушало стройность общего мобилизационного плана и грозило срывом мобилизации. По настоянию Сухомлинова и начальника Генерального штаба Янушкевича Сазонов сумел убедить императора в необходимости всеобщей мобилизации с 18 июля. В ответ германское правительство предъявило России ультиматум с требованием в течение 12 часов прекратить мобилизацию.

В 7 часов вечера 19 июля германский посол в России Ф. Пурталес вручил Сазонову ноту с объявлением войны. 24 июля войну России объявила Австро-Венгрия. Россия вступила в мировую войну².

Первые соображения о планах ведения войны с Германией и Австро-Венгрией были представлены еще в 1880-е гг. В 1914 г. мобилизация русской армии проходила по плану, который был составлен четыре года назад. Генеральный штаб исходил из того, что вести военные действия придется сразу против двух противников. В случае, если Германия и Австро-Венгрия направили бы свои главные силы против России, то вступал в действие вариант развертывания, по которому большая часть русских сил концентрировалась против Германии. Если бы Берлин направил свои главные силы против Франции, то был предусмотрен другой вариант, по которому главный удар направлялся против Австро-Венгрии. По этому варианту предусматривалось разбить австро-венгерские войска в Галиции и в обход Карпат выйти на Венгерскую равнину в направлении Будапешт—Вена. В конечной военной победе над противниками стратеги Генерального штаба не сомневались.

Оба варианта плана развертывания придавали особое значение действиям в Восточной Пруссии. Формулировка второго варианта плана практически совпадала с формулировкой первого и гласила: «Поражение германских войск,

¹ См.: *Полетика Н.П.* Возникновение первой мировой войны (Июльский кризис 1914 г.). М., 1964.

² Подробнее см.: *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000.

оставленных в Восточной Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий»¹.

Правда, не все высшие военачальники разделяли эту точку зрения. Еще в 1908 г. генерал М.В. Алексеев, занимавший тогда пост начальника штаба Киевского военного округа, утверждал: «Когда мы, сосредоточив все свои силы, будем считать возможным нанести удар, то, казалось бы, выгоднее направить усилия против Австрии. Здесь более определенная обстановка: мы в точности почти будем знать противопоставленные нам силы, район их сосредоточения, театр борьбы (первоначально Галиция) менее подготовлен в инженерном отношении и представляет противнику менее выгод при обороне. Нанося удар по Германии, мы втянемся в долгую и — надо опасаться — бесплодную борьбу в Восточной Пруссии». Тогдашний военный министр генерал Сухомлинов наложил на записку генерала Алексева резолюцию: «Вполне согласен»².

Существенным просчетом разработанного плана было то, что он не соответствовал наличным военным силам и не обеспечивал захвата инициативы, необходимой для достижения наступательных целей. Обязательство, взятое при подписании военной конвенции с Францией, начать активные боевые действия на 15-й день мобилизации, диктовалось политическими и не в последнюю очередь финансовыми соображениями, но с военно-стратегической точки зрения было крайне непродуманным.

Генерал Ю.Н. Данилов, бывший в начале войны генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего, позднее авторитетно утверждал: «Эта финансовая помощь, нами в свое время широко использованная и от которой мы не отказывались и на будущее время, накладывала на свободное творчество отечественной стратегии еще действительнее свою тяжелую руку. Рука эта чувствовалась на протяжении всего периода существования наших союзных отношений с Францией, и от ее давящего влияния не мог освободиться ни один из руководителей русского Генерального штаба»³.

До выяснения планов Турции Кавказская армия должна была прикрывать границу. Планы действий военно-морских сил носили оборонительный характер. Было отвергнуто предложение командующего Балтийским флотом Н.О. Эссена поставить минные заграждения у немецких баз, чтобы сорвать выход флота противника в море. Правительство не желало брать на себя «инициативу войны». Действия Черноморского флота потребовали серьезных корректив после того, как в черноморские проливы в августе 1914 г. вошли германские военные корабли, дредноут «Гебен» и крейсер «Бреслау», якобы купленные турецким правительством, что изменило соотношение сил на море.

Главная ошибка военно-стратегических планов России, как и планов всех других государств, заключалась в том, что они строились в расчете на краткосрочную кампанию. Никто не предвидел длительной войны на истощение⁴.

¹ Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М., 1939. С. 27.

² Там же. С. 351.

³ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 80.

⁴ См.: Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне (планы сторон). М., 1926.

Объявив о своем стремлении сделать все для «организации победы», власти в то же время демонстрировали недалекость и некомпетентность. За три дня до войны Николай II утвердил Положение о полевом управлении войсками в военное время, которое предоставило Верховному главнокомандующему огромные права в тылу. Одновременно военные получали права вмешиваться в гражданское управление в зоне боевых действий, не ставя об этом в известность ни министерства, ни Совет министров. Тем самым нарушалось единство управления страной и делался шаг к разрушению системы. Положение было составлено в расчете на то, что Главкомандующим будет царь. Однако императрица и некоторые министры отговорили его, и Главкомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич (младший), профессиональный военный, находившийся в плохих отношениях с Сухомлиновым и презиравший гражданские власти. Страна как бы раскололась на две самостоятельно управляемые части¹.

Вел. кн. Николай Николаевич-мл.

С началом войны быстро выяснилось, что с реальной действительностью плохо соотносятся не только собственно военные планы, но и ситуация в сфере экономики. Казенная военная промышленность не обеспечивала армию потребным количеством боеприпасов и снаряжения. Ощущался недостаток патронов. С 1900 г. производство винтовок на казенных Тульском, Сестрорецком и Ижевском заводах неуклонно сокращалось, что привело к потере квалифицированных кадров. Переход частной промышленности на производство вооружения был начат с опозданием. Железные дороги не справлялись с возросшим объемом перевозок, что уже в первые месяцы войны привело к трудностям в снабжении промышленности и городов топливом и продовольствием. Межведомственная неразбериха вела к созданию параллельных бюрократических структур и размыванию политической и управленческой ответственности. Разрушение системы принимало необратимый характер².

Ход боевых действия на Восточном фронте неоднократно анализировался в научной литературе, достаточно подробно описан он и в данной работе. Здесь нас прежде всего интересует, как ситуация на фронте сказалась на общей динамике развития империи, ее дальнейшей судьбе.

Военные действия в 1914 — начале 1915 г. вопреки радужным ожиданиям общества шли с переменным успехом, оборачивались огромными потерями

¹ Подробнее см.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 154–160.

² Подробнее см.: *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.

и не сулили скорого успеха. Часто удачно начинавшиеся крупномасштабные операции заканчивались практически безрезультатно или вообще неудачно. Так, начавшаяся победой под Гумбинненом в августе 1914 г. операция русских войск в Восточной Пруссии из-за несогласованности действий закончилась разгромом армии генерала А.В. Самсонова, наступление в Галиции, сулившее хорошие перспективы, в итоге было остановлено. Даже взятие в марте 1915 г. важнейшей в стратегическом отношении крепости Перемышль не принесло ожидаемых дивидендов.

Более того, уже на этой стадии войны части действующей армии начали ощущать определенную нехватку боеприпасов, что серьезно сказывалось на эффективности ее действий. Это обстоятельство, не являвшееся секретом для немецкого командования, сыграло не последнюю роль в том поражении, которое русская армия потерпела в апреле 1915 г. в районе Горлицы, где немцы прорвали фронт и стали продвигаться вглубь нашей территории. Началось «великое отступление» 1915 г., ставшее одной из героических страниц истории русской армии. С огромным трудом, ценой больших потерь все же удалось остановить германские части. Война и на Востоке приобрела позиционный характер¹.

С первых месяцев войны непросто складывались отношения с союзниками — французами и англичанами. Верная союзническим обязательствам, Россия предприняла наступление в Восточной Пруссии, которое представлялось общественности и части офицерского корпуса как спасение Парижа. Союзники не отвечали взаимностью. Пережив «великое отступление» 1915 г. и как бы подводя итоги первым полутора годам войны, генерал Алексеев, назначенный в августе 1915 г. на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего, в начале 1916 г. писал о союзниках и их военных поставках: «Хуже того, что есть, не будет в отношениях. Но мы им очень нужны, на словах они могут хвалиться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка, но выгоды должны быть хоть немного обоюдные, а не односторонние. Они не дают нам теперь необходимого, говоря, что еще не заготовили всего для будущих формирований (которые когда-то еще будут). Итак, мы деремся без тяжелой артиллерии; у англичан лежит без дела тяжелая артиллерия. Ибо еще нет тех войск, которые нужно вооружать тяжелой артиллерией»².

На фоне тяжелых, кровопролитных боев, не приносящих каких-то значимых, с военной точки зрения, результатов, особое место занимает операция,

¹Подробнее см.: *Зайончковский А.М.* Мировая война. Маневренный период 1914–1915 гг. М.; Л., 1929; *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. Ценный материал по истории Великого отступления русской армии в 1915 г. содержится в кн.: *Бонч-Бруевич М.Д.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. 1. М., 1921; Ч. 2. М.; Л., 1926.

²Цит. по: *Павлов А.Ю.* Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008. С. 99–100; см. также: *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. Интересный материал о настроениях русского офицерства по отношению к союзникам содержится в кн.: *Андреев В.* Первый русский марш-маневр в Великую войну: Гумбиннен и Марна. Париж, 1928.

вошедшая в историю под названием «Брусиловский прорыв». Поскольку о ней уже говорилось, мы ограничимся здесь лишь некоторыми, необходимыми для понимания ее роли комментариями.

Планируя военные действия на 1916 г., начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев настаивал на проведении наступательных операций, поскольку при растянутости фронта активная оборона не предвещала успеха. К прорыву австро-германской обороны готовились войска Западного и Юго-Западного фронтов. Первоначально нанесение главного удара возлагалось на войска Западного фронта, но его командующий А.Е. Эверт сослался на незаконченность сосредоточения войск. Вспомогательный удар Юго-Западного фронта под командованием А.А. Брусилова превратился в главное событие всей наступательной операции, ускоренной по настоятельной просьбе союзников, обеспокоенных поражениями на Итальянском фронте.

Брусиловский прорыв привел к развалу позиционной обороны австро-венгерской армии на фронте 550 км и к продвижению русской армии на 60–150 км. Противник потерял до 1,5 млн человек. Однако развить наступление не удалось из-за отсутствия фронтовых резервов. Запоздало решение Ставки перебросить на фронт гвардейские корпуса, которые вступили в бой на реке Стоход и понесли тяжелые потери. К осени линия фронта стабилизировалась и вновь начались позиционные бои¹.

В разгар наступления Юго-Западного фронта в войну на стороне Антанты вступила Румыния. В короткое время ее армия была разбита австро-германскими, болгарскими и турецкими войсками, что вынудило Ставку сформировать новый, Румынский фронт². Общая линия Восточного фронта удлинилась на 500 км и протянулась от Балтийского до Черного моря.

Кампания 1916 г. на Восточном фронте была для русской армии успешной. Она показала высокую боеготовность солдат и офицеров, которые сумели преодолеть невзгоды прошлогоднего отступления. Говоря о войсках Юго-Западного фронта, Брусилов отмечал: «По сравнению с надеждами, возлагавшимися на этот фронт весной 1916 года, его наступление превзошло все ожидания. Он выполнил данную ему задачу — спасти Италию от разгрома и выхода ее из войны, а кроме того, облегчил положение французов и англичан на их фронте, заставил Румынию стать на нашу сторону и расстроил все планы и предположения австро-германцев на этот год»³.

На Кавказском фронте в 1916 г. русская армия взяла Эрзерум и провела успешную Трапезундскую операцию. Закавказье было надежно ограждено от турецкого вторжения⁴.

В такой обстановке русская армия начала подготовку к кампании 1917 г. Однако исход военных действий на Восточном фронте решался не на передовой.

¹ Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. Сборник документов. М., 1940; Головин Н.Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. М., 2001.

² См.: Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.

³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 248.

⁴ См.: Корсун Н.Г. Эрзерумская операция. М., 1938; Он же. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.

Вступление России в войну, которая почти сразу получило официальное название «Вторая Отечественная», вызвало невиданный патриотический подъем. В городах прошли манифестации под лозунгами «Все для войны!», «Все для победы!» Близкий к придворным кругам Н.В. Савич отмечал: «Все проявления патриотического чувства со стороны общества повлияли на государя таким образом, что он теперь, более чем когда-либо, убежден в прочности и крепости самодержавия». Взгляд царя, который, казалось, забыл события первой русской революции, разделяли его министры. В Совете министров Н.А. Маклаков заявил: «Теперь ни Дума, ни партии не страшны, страна возвращается к самодержавию»¹.

С точки зрения государственного права министерское заявление не имело значения, но оно вполне соответствовало российской реальности военного времени.

В Петербурге, который вскоре был переименован в Петроград, подверглось нападению посольство Германии, в Москве были разгромлены магазины, принадлежавшие лицам с немецкими фамилиями. Пресса писала о единении царя с народом и о том, что подвергшаяся нападению Россия вступила в схватку с тевтонским злом, защищая права славянских народов на мирную жизнь.

На заседании Думы 26 июля депутаты единогласно, за исключением воздержавшихся социал-демократов, проголосовали за военные кредиты и обещали сплотиться вокруг «своего державного вождя, ведущего Россию на бой с врагом славянства». Лидер кадетов Милюков заявил о безусловной необходимости одолеть германского насильника и делать все во имя «сохранения страны единой и нераздельной». Цель войны он видел в окончательном разрешении «нашей вековой национальной задачи: свободного выхода к морю». После демонстрации единения царя и народных избранников Государственная дума была распущена и не собиралась полгода. Члены большевистской фракции, обвиненные в государственной измене, были арестованы, преданы суду и приговорены к ссылке в Сибирь.

С началом войны большевики остались верны принципам интернационализма, они верили, что пролетариат европейских государств поднимется, чтобы «снести остатки феодализма и крепостничества, разметать все монархические осколки». Уже в октябре 1914 г. они провозгласили лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Они высказывались против национального мира, за братание на фронте и организацию революционных выступлений в тылу. Лозунгу защиты отечества Ленин противопоставил всегда присущую части российской интеллигенции идею поражения «своего правительства». Революционное пораженчество связывалось с интересами мировой социалистической революции. Однако в первые месяцы войны большевистские призывы не были услышаны народными массами. В силу этого власти,

¹ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 68–70.

расправившись с депутатами-большевиками, успокоились. Они явно недооценили громадной разрушительной силы революционной пропаганды¹.

Выдвинув лозунг «Война до победного конца», ведя целенаправленную антитевтонскую пропаганду, правительство и либеральная общественность мало заботились о разъяснении народу причин и целей войны. В народном сознании война понималась как ссора русского царя и немецкого кайзера, как наказание, ниспосланное за грехи России. Небывалый масштаб боевых действий, тяготы повседневной жизни, вызванные войной на истощение, были непонятны и непривычны для городского и сельского населения, находившегося вдали от фронтовой полосы. Неизбежные ограничения хозяйственной деятельности и свободы передвижения, беженцы, хлынувшие в центральные районы России из Царства Польского, падение жизненного уровня большинства населения, разгул преступности воспринимались как следствие неудачных распоряжений властей. Правительство ничего не делало для успокоения обывателей и укрепления морального единства тыла. Правда, с началом войны был введен сухой закон, по которому запрещалось производство и потребление алкогольных напитков, включая пиво. Николай II считал, что это послужит нравственному исцелению народа. В действительности это привело к росту самогонварения и спекуляции.

В первые недели войны для оказания помощи раненым и беженцам были созданы Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Министерство внутренних дел настаивало на том, чтобы деятельность союзов была подчинена губернаторам и ограничена временем войны, что отвергалось лидерами земств и городских дум. Обладая значительными денежными средствами, союзы создавали госпитали и лазареты, оснащали санитарные поезда, занимались приемом беженцев. Фактически они сделались центрами, которые координировали деятельность либеральной оппозиции. Летом 1915 г. союзы образовали единый Союз земств и городов — Земгор, который пытался взять на себя ведущую роль в снабжении армии обмундированием и медикаментами².

В начале 1915 г. «патронный» и «снарядный голод» превратился в кризис боевого снабжения. Мобилизационные запасы были исчерпаны, казенные заводы не удовлетворяли потребности фронта, требовалось развертывание военного производства, к чему правительство оказалось не готово. Необходимость привлечь частные заводы к военным поставкам и распределению заказов на них вынудила правительство согласиться на предложение промышленников об образовании Особого совещания по усилению артиллерийского снабжения действующей армии. В дальнейшем система особых совещаний была расширена, были созданы особые совещания по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам. Это были консультативные органы при соответствующих министерствах, где большинство составляли представители общественных и деловых кругов. Частное предпринимательство сыграло заметную роль в развитии

¹ См.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксизм и русская революция. М., 1996.

² См.: Погребинский А.П. К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки. Т. 12. М., 1945.

производств, связанных с новой военной техникой — автомобилестроением, самолетостроением, производством средств связи и химической защиты. Особые совещания усложнили структуру исполнительной власти и в немалой степени содействовали ее полной дезорганизации. Вместе с тем их создание дало возможность до известной степени наладить планирование и управление собственным военным производством¹.

Этой же цели служили созданные в 1915 г. по инициативе Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли военно-промышленные комитеты. Во главе Центрального военно-промышленного комитета встал лидер октябристов А.И. Гучков, к руководству были привлечены крупнейшие предприниматели. Деятели военно-промышленных комитетов участвовали в распределении военных заказов и правительственных субсидий, критиковали министерскую бюрократию и претендовали на руководство военной экономикой².

Действительная роль военно-промышленных комитетов в организации производства была невелика, и с начала 1916 г. правительство приступило к ограничению их посреднической деятельности. Это вызвало недовольство военных, дороживших любыми поставками.

Летом 1915 г. под впечатлением большого отступления русской армии Николай II принял решение вступить в верховное командование. Все члены Совета министров, за исключением председателя И.Л. Горемыкина, пытались отговорить царя от этого шага. В частности, А.В. Кривошеин утверждал: «Ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России. Народ давно, уже со времен Ходынки и японской кампании считает государя царем несчастливым, незадачливым»³. Министр двора В.Б. Фредерикс предостерегал императора: «Лавры, которых Вы доискиваетесь, обратятся вскоре в шипы»⁴. Николай II настоял на своем.

Летом 1916 г. генерал Алексеев подготовил специальный доклад царю, где настаивал на создании поста Верховного министра обороны, которому бы подчинялись все министерства и который должен был объединить руководство фронтом и тылом. Речь шла об установлении военной диктатуры для государственного регулирования экономики и ведения войны до победы. План Алексеева был отвергнут как умаляющий власть царя, но итогом его обсуждения стало создание еще одного Особого совещания для координации всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла. Во главе его встал новый премьер-министр и министр внутренних дел Б.В. Штюрмер, наделение которого специальными полномочиями вызвало недовольство остальных министров.

Пост премьер-министра Штюрмер занял по протекции императрицы Александры Федоровны. Это было крайне неудачное назначение. Человек с немецкой фамилией, известный как германофил, новый премьер не имел ав-

¹ См.: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

² См.: Погребинский А.П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т. 11. М., 1941.

³ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 40–56.

⁴ Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б.г. С. 209–210.

торитета в правительственных кругах и не пользовался доверием общественности. Его подозревали в стремлении заключить сепаратный мир с Германией, его возвышение связывали с влиянием на царицу «темных сил».

«Темными силами» принято было называть лиц из ближайшего окружения царской семьи, где все возрастающую роль играл Григорий Распутин. Склонная к мистицизму, суеверию и истерике императрица верила в чудодейственные способности «старца», она видела в нем человека из народа, которому «Бог все открывает». С началом войны «старец» все больше вмешивался в политику. Правилom царицы стало: «Враги нашего Друга — наши враги». Распутинское влияние было предметом разговоров не только в придворных и правительственных кругах, оно широко обсуждалось в тылу и на фронте. Распутинщина отдаляла от престола верных и преданных слуг, вела к изоляции царской семьи и дискредитировала монархию.

Будущий убийца Распутина князь Ф.Ф. Юсупов в беседе с А.Ф. Треповым говорил: «Неужели никто не сознает, что мы находимся накануне ужаснейшей революции, и если государя силой не извлекут из заколдованного круга, в котором он находится, то он сам, вся царская семья и все мы будем сметены народной волной»¹.

Проявлением кризиса власти стала «министерская чехарда», быстрая смена высших должностных лиц. За годы войны на постах председателя Совета министров, обер-прокурора Синода, министров военного, юстиции и земледелия побывало по четыре человека, министров иностранных дел, просвещения и государственного контролера — по три. Пост министра внутренних дел занимали шесть человек. За министерской следовала губернаторская чехарда, что полностью дезорганизовало систему власти в стране.

Свидетельством несостоятельности Николая II стало назначение на пост министра внутренних дел А.Д. Протопопова, которого он до назначения видел один только раз, но за которого просил Распутин. За Протопоповым стояли петроградские банкиры, сам он был человеком неуравновешенным, коллеги считали его сумасшедшим. Думские деятели использовали его случайную встречу с немецким дипломатом в Стокгольме для прямого обвинения в подготовке сепаратного мира.

Всеобщее недовольство действиями Николая II и его ближайшего окружения вызывало тревогу среди членов императорской фамилии, которые предлагали царю пойти на уступки либеральной общественности и согласиться на создание «ответственного министерства». Их попытки были безрезультатны и лишь усилили отчуждение царской семьи от страны.

В ноябре 1916 г. Штюрмер был отправлен в отставку, однако общая ситуация в верхах не изменилась. Милюков свидетельствовал: «Синдикат Распутин и К° выступает с такой откровенностью и такой наглостью, как никогда не выступал прежде»².

¹ Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. Воспоминания. Париж, 1937. С. 224.

² Цит. по: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 637.

В декабре заговорщики — великий князь Дмитрий Павлович, аристократ Ф.Ф. Юсупов и крайне правый депутат В.М. Пуришкевич убили Распутина. Ими двигала вера, что они спасают царскую семью, освобождая ее от влияния «темной силы». Однако надежды на то, что избавление от Распутина предотвратит крушение династии, не оправдались. Огромный кредит доверия, предоставленный монархии, был исчерпан.

Понимание этого пусть и не сразу, но постепенно приходило к либеральной общественности. Еще летом 1915 г. кадеты пошли на соглашение с октябристами, прогрессистами и правыми. В Думе возник Прогрессивный блок, программа которого включала требование создания «министерства общественного доверия», которое отвечало бы не только перед императором, но и перед Думой. К этому времени под влиянием поражений на фронте и усиливающегося развала в тылу иллюзия национального единения, характерная для первых месяцев войны, по сути дела исчезла, и в силу этого Прогрессивный блок считал своей задачей сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами¹.

Новая думская сессия открылась 1 ноября 1916 г. На ней с программной речью выступил Милюков, который обвинял правительство и «темные силы» в дезорганизации тыла, казнокрадстве и тайных контактах с Германией. Каждое свое обвинение он заключал вопросом: «Что это: глупость или измена?» Милюкова поддержал известный националист В.В. Шульгин, входивший в Прогрессивный блок. По его словам, «страна смертельно испугалась собственного правительства», и потому надо «бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет». Дума приняла формулировку Прогрессивного блока о необходимости устранения влияния «темных сил»². Сходную резолюцию принял Государственный совет. Все жили в ожидании перемен, которые связывали с неясными слухами о готовящемся дворцовом перевороте.

Наиболее опасными для правительства были обвинения в готовности заключить сепаратный мир. В Думе оно заявило о готовности вести войну до победного конца, а в приказе по армии и флоту Николай II подчеркнул, что «час мира еще не наступил», потому что не обеспечено «обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей».

Во время войны польский вопрос приобрел чрезвычайную актуальность. В августе 1914 г. великий князь Николай Николаевич в воззвании к полякам обещал возрождение «Польши, свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении» под скипетром русского царя. Практических последствий эта политическая декларация не имела, но после оккупации Польши германской армией Сазонов считал необходимым высказаться о ее будущей судьбе, «не теряя великодержавного достоинства России». Был подготовлен манифест о фактической автономии Польши, но кабинет Штюверма его отложил. 23 ноября 1916 г. Гер-

¹ См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967.

² Подробнее см.: Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 204–214.

мания и Австро-Венгрия провозгласили создание независимого Королевства Польского, что имело целью подчеркнуть бесплодность национальной политики России. В ответ новый премьер А.Ф. Трепов заявил в Думе о намерении после победоносного окончания войны «воссоздать свободную Польшу», которая мыслилась «в неразрывном соединении с Россией». На совещании, где обсуждались конкретные формы такого воссоздания, выявились непримиримые противоречия. Меньшинство полагало, что присоединение австрийских и германских владений Польши к империи придаст «польскому элементу» нежелательное влияние в общегосударственных делах, и высказывалось за полное отделение всех польских земель. Большинство возражало, указывая, что боязнь польского влияния означает неизбежность ограждения от влияния Прибалтики и Кавказа и, стало быть, распад государства. Согласие достигнуто не было. Фактор окраин сыграл свою роль в крушении Российской империи¹.

Главной причиной распада традиционной российской государственности стал социальный вопрос. Необходимость обеспечения армии требовала величайшего напряжения сил в тылу. До конца 1916 г. объем промышленного производства увеличивался, но это достигалось ценой общей дезорганизации народного хозяйства. За годы войны продукция металлообрабатывающей промышленности возросла в 3 раза, производство винтовок — в 11 раз, орудий — в 10, снарядов к ним — в 20 раз. Деятельность особых совещаний позволила преодолеть дефицит снарядов, урегулировать проблемы боевого снабжения, но мобилизация ресурсов не решала транспортного, продовольственного и топливного вопросов.

В армию было мобилизовано свыше четверти взрослого мужского населения страны, в том числе около 20% кадровых промышленных рабочих. Это губительно сказалось на эффективности труда в промышленности, где широко стали использовать женский труд. В сельском хозяйстве ушедших на фронт молодых крестьян заменили старики, женщины и подростки. Деревню лишили более 2,5 млн лошадей, реквизированных для нужд армии, что наряду с оккупацией западных губерний привело к сокращению посевных площадей на 12%.

Уже в первые месяцы войны почти 2/3 железных дорог перешли в подчинение военных властей, что сразу нарушило их управляемость. Железнодорожные станции были забиты эшелонами, шедшими на фронт, и составами с боеприпасами. Слабая ремонтная база вела к полному износу подвижного состава.

Резко ухудшилось снабжение городов топливом и продовольствием. Петроград и Москва получали менее 50% необходимого им топлива. В 1916 г. были введены карточки на сахар, в крупных городах впервые в истории страны стали выстраиваться большие очереди (их называли «хвостами») за хлебом. В 4 раза сократилась продажа мяса на рынке. Цены на основные товары потребления выросли в 4–5 раз, началась инфляция.

¹ Подробнее см.: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи в годы Первой мировой войны: национальная политика и государственное управление. М., 2004.

От ухудшения продовольственного и топливного снабжения в первую очередь страдали городские низы. В донесениях петроградской охранки отмечалось, что очереди за продовольствием «равноценны по влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций». Особое недовольство основной массы населения вызывало бросавшееся в глаза благоденствие банкиров и биржевых спекулянтов, которые наживались на войне. За годы войны банки удвоили капиталы и диктовали свои условия правительству. Правительство, как и прежде, игнорировало социальную несправедливость.

В 1916 г. в России был неурожай, по сравнению с довоенным временем валовой сбор хлебов сократился на 20%. Правительство оказалось не в состоянии своевременными мерами решить продовольственный вопрос. В стране были запасы хлеба, поскольку с началом войны резко сократился экспорт зерна. Урожай 1915 г. был высоким. Однако к этому времени усилиями властей был полностью разлажен механизм частной торговли. Снабжая армию путем казенных поставок и не умея сдерживать обесценение рубля, они превратили зерно в товар, который производители, помещики и крестьяне не торопились выбрасывать на рынок. Власть вынуждена была ввести казенные заготовки не только для фронта, но и для тыла. Фактически это означало закупку казной всего товарного хлеба по твердым ценам, что привело к взлету цен на свободном рынке. В августе–сентябре 1916 г. объем заготовок резко сократился. Была введена хлебная разверстка по губерниям, покупать зерно нового урожая по свободным ценам можно было только после выполнения разверстки. В конце года продразверстку было решено довести до каждого крестьянского двора, что вызвало недовольство деревни, но не решило проблему хлебных очередей¹.

Перебои с хлебом вызвали подъем стачечного движения. Если в 1915 г. бастовало 571 тыс. рабочих, то в 1916 — 1,172 млн. Нехватка квалифицированных рабочих рук повышала эффективность требований бастовавших. Рабочие Петрограда устраивали митинги, 9 января 1916 г. они вышли на улицы с красными флагами. 17 октября рабочие Петрограда провели стачку протеста против войны и роста дороговизны.

За годы войны изменился состав действующей армии. Долгое время командование не обращало внимания на большие потери среди кадровых офицеров и унтер-офицеров. Следствием было то, что солдатами старших возрастов, призванных из запаса, командовали недавние студенты и лица свободных профессий, ставшие прапорщиками военного времени. В этой среде находила отклик антивоенная пораженческая пропаганда большевиков, которая на фронте велась путем распространения газет и листовок, напечатанных по инициативе германского военного командования. Широкое распространение получило злостное уклонение от отправки на фронт. Тыловые учреждения и запасные батальоны были переполнены. Попытки бросить в бой части петроградского гарнизона выявили их нестойкость. Солдаты без команды оставляли позиции.

¹Подробнее об организации работы тыла по обеспечению армии, об изменении промышленного потенциала страны в годы войны и об угрозе хозяйственной катастрофы см.: Воронкова С.В., Цимбаев Н.И. История России. 1801–1917. М., 2007. С. 436–464.

Январь 1917 г. начался стачками и демонстрациями в память жертв Кровавого воскресенья. Рабочие выступили в Петрограде, Москве, Харькове, Ростове-на-Дону, Туле, Баку, Екатеринославе. 18 февраля забастовали рабочие Путиловского завода. В ответ администрация уволила забастовщиков. 22 февраля завод был закрыт. На следующий день, 23 февраля, в Петрограде бастовало 128 тыс. человек. Отмечая международный женский день (23 февраля — 8 марта по новому стилю), на улицу вышли женщины-работницы. Власти полагали, что речь идет о ставших обычными беспорядках, вызванных перебоями с хлебом. В действительности это были антивоенные и революционные выступления, организованные социалистами¹.

В субботу, 25 февраля, в стачке участвовало свыше 80% петроградских рабочих. Вечером командующий Петроградским военным округом генерал С.С. Хабалов получил присланное из Ставки повеление Николая II «завтра же прекратить в столице беспорядки». Ночью были арестованы активисты социалистических партий. Хабалов отдал приказ войсковым начальникам применять против демонстрантов оружие. На следующий день весь город был охвачен всеобщей стачкой. Выступления рабочих переросли в мощное стихийное возмущение.

В Петрограде началась революция.

Антиправительственные настроения рабочих передались солдатам гарнизона, которых подогревали известия о том, что полиция стреляет в голодных женщин и детей. Днем 26 февраля на Невский проспект вышла 4-я рота запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка, которая обстреляла конных городских. 27 февраля восстали запасные батальоны гвардейских Волынского, Преображенского, Литовского и других полков. Солдаты выходили из казарм и присоединялись к рабочим, не подчиняясь приказам командиров.

Вечером 26 февраля председатель Государственной думы М.В. Родзянко телеграфировал царю: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. На улицах идет беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга». Он просил Николая II поставить во главе правительства лицо, пользующееся доверием страны, и заключал: «Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно»². Царь ответил указом о перерыве в заседаниях Думы до апреля.

Совет старейшин Думы подчинился царскому указу. Тем самым любые дальнейшие действия депутатов теряли законную силу, превращаясь в частные совещания. На первом из них днем 27 февраля был утвержден состав Временного комитета Государственной думы. Вечером того же дня последний царский премьер Н.Д. Голицын известил Родзянко об отставке правительства.

В те же часы в Таврическом дворце открылось первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов, председателем которого был избран думский депутат меньшевик Н.С. Чхеидзе. Большинство Исполнительного комитета Совета составили представители социалистических партий, заявившие, что

¹ См.: *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 487–509.

² Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 6–7.

Совет есть «центр сплочения революционной демократии» и что он «смотрит за властью, но сам он не есть власть».

28 февраля восставшие захватили Зимний дворец, Петропавловскую крепость и арсенал. После переговоров им сдался находившийся в Адмиралтействе Хабалов. Ряд министров и генералов были арестованы. 1 марта восставшие моряки Кронштадского порта убили военного губернатора Кронштадта адмирала Р.Н. Вирена и нескольких старших офицеров. В тот же день великий князь Кирилл Владимирович привел к Таврическому дворцу Гвардейский экипаж, чтобы заявить о своей радости по поводу свершившейся революции.

Таврический дворец на время стал центром власти, где одновременно работали Временный комитет Государственной думы и Петроградский совет.

В ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы в воззвании к народам России объявил, что берет на себя «восстановление государственного и общественного порядка». 1 марта Центральный военно-промышленный комитет призвал Временный комитет Государственной думы к «немедленной организации власти», послы Франции и Англии известили Родзянко о признании Временного комитета Государственной думы «единственным законным Временным правительством России»¹.

В тот же день Петроградский совет издал «Приказ № 1 по гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения». Приказ предписывал выборы солдатских комитетов, призывал солдат подчиняться Совету, отменил вне службы вставание во фронт и отдавание чести офицерам. Приказ № 1 положил начало гибели старой императорской армии².

В ночь с 1-го на 2-е марта завершились переговоры об организации власти между Временным комитетом Государственной думы и Исполкомом Петроградского совета. 2 марта Временным комитетом Государственной думы было сформировано Временное правительство, а на следующий день обнародован его состав. Временное правительство не имело законного права на власть, преемственная передача которой не была осуществлена ни одной из высших государственных инстанций Российской империи.

Единственным основанием претензий Временного правительства на власть была победившая революция. Выступая 2 марта с речью о создании правительства, Милюков, назначенный министром иностранных дел, заявил: «Нас никто не выбирал. Нас выбрала русская революция»³.

Попытка сохранить преемственность законной власти была предпринята Временным комитетом Государственной думы, который рассчитывал на отречение Николая II. Соответствующий проект манифеста составил Шульгин, который днем 2 марта вместе с Гучковым тайно выехал в Псков, где в Ставке командующего Северного фронта Н.В. Рузского находился Николай II. От царя требовалось отречение в пользу наследника-цесаревича Алексея. Начальник

¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы мировой войны. С. 342.

² Подробнее см.: Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 291–297.

³ Великие дни Российской революции 1917 г. Пг., 1917. С. 45.

штаба Ставки Алексеев и Рузский запросили по телеграфу мнение командующих всех фронтов и командующих Балтийским и Черноморским флотами. Это были великий князь Николай Николаевич, генералы В.В. Сахаров, А.А. Брусилов, А.Е. Эверт, адмиралы А.И. Непенин и А.В. Колчак. Все они высказались за необходимость отречения царя от престола, видя в том единственное средство «прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии». С ними согласились генералы М.В. Алексеев и Н.В. Рузский. На отречении настаивал председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко, от царя отступили члены Священного синода Русской православной церкви¹.

Первоначально согласившись на предложение Временного комитета Государственной думы, Николай II, после разговора с Гучковым и Шульгиным, отрекся от престола и за себя, и за сына в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. Одновременно он подписал указы о назначении кн. Г.Е. Львова председателем Совета министров и великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим. Тем самым, как ему казалось, обеспечивалась преемственность власти.

Подписанный в Пскове в 15 часов 2 марта 1917 г. Манифест об отречении сохранял видимость законной передачи власти. Манифест выражал надежду, что новый царь будет «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненаружимую присягу»². Иными словами, власть Михаила Александровича заведомо ограничивалась конституционными формами.

По сути, Манифест об отречении нарушал Основные Государственные законы Российской империи и противоречил павловскому закону о престолонаследии. Николай II не имел права по своему произволу отречься за наследника, передача престола Михаилу была незаконным актом.

Последовавшее затем 3 марта отречение Михаила не имело юридического значения. Он подписал Акт, где ставил условием «в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые законы Государства Российского». Династическая монархия прекращала свое существование, уступая свои прерогативы демократическому народному голосованию.

Акт призывал граждан «подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти»³. Это была еще одна попытка сохранить видимость правопреемственности.

Опубликованный на следующий день Акт разрушал надежды немногих искренних монархистов и создавал иллюзию законности существования Временного правительства, которое само апеллировало к Учредительному собранию.

Российская империя потерпела полное крушение.

¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 237–242.

² Цит. по: Государство Российское: власть и общество. М., 1996. С. 277–278.

³ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Пг., 1917. С. VII.

§ 4. От Февраля к Октябрю: провал «февральской демократии»

События Февраля 1917 г. с полной очевидностью показали несоответствие реалиям XX в. государственного устройства Российской империи, даже реформированного в 1905–1907 гг. Февральская революция и отречение Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича, противоречившее российскому законодательству, привели к необратимому крушению некогда великой империи. Именно с этих событий начался распад российской государственности, которая складывалась веками. Ни провозглашение России республикой, ни Декларация прав народов России не внесли принципиально новых изменений в ту ситуацию, что сложилась после февраля.

Российская общественность социалистической и либеральной ориентации воспринимала события Февраля 1917 г. не как крушение российской государственности, но прежде всего как избавление страны от самодержавной монархии. Помимо естественного восторга, связанного с победоносной революцией, здесь сказалась и абсолютная неподготовленность к творческой работе над принципами новой государственности, и полное непонимание масштабов и сложности национального движения, охватившего народы России.

В обращении Временного правительства «К населению России» от 6 марта 1917 г. говорилось: «Совершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая, свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы».

Ближайшие задачи, стоящие перед новой властью, формулировались туманно: «Сознавая всю тяжесть гнетущего страну бесправия, стесняющего свободный творческий порыв народа в годину тяжких народных потрясений, Временное правительство сочтет необходимым немедленно, еще до созыва Учредительного собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо родины». Одновременно подчеркивалось, что «правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения»¹.

Свои права на власть деятели Февральской революции никак не связывали с идеей правопреемства.

Временное правительство отказалось от формальной передачи власти ему Государственным советом и Государственной думой. В декларации 3 марта о его создании не говорилось об их месте в новом государственном строе. Государственный совет перестал собираться, а в мае большинство его членов было уволено за штат. Окончательно Государственный совет был упразднен Советской властью в декабре 1917 г.

Более сложными были отношения Временного правительства с Государственной думой. Министр-председатель Г.Е. Львов готовил торжественное заседание Думы, назначенное на 27 апреля, день, когда в 1906 г. начала работать

¹ Цит. по: Государство Российское: власть и общество. С. 278–279.

I Дума. В действительности на это заседание были приглашены депутаты всех четырех Дум, и думская сессия превратилась в юбилейное торжество, не имевшее законодательной силы. Несколько месяцев члены Думы встречались на частных совещаниях, которые не представляли интереса для Временного правительства. 6 октября было объявлено о роспуске IV Думы и истечении полномочий выборных членов Государственного совета. Временное правительство Керенского покончило с последними институтами думской монархии.

Будущее государственное устройство России Временное правительство, а с ним и подавляющее большинство политических партий, общественных и национальных организаций связывали с Учредительным собранием, которое должно было быть созвано в кратчайший срок.

Декларация «О назначении министров первого общественного кабинета и о программе его деятельности» объявляла свободу совести, печати, союзов, собраний и стачек, провозглашала отмену всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, содержала полную амнистию по политическим и религиозным делам.

Выборы в органы местного самоуправления должны были осуществляться на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Были сделаны важные шаги, призванные обозначить базовые параметры нового политического ландшафта России. Однако для ее будущего, для устойчивости зарождавшихся демократических политических институтов принципиальное значение имели два ключевых вопроса социально-политической жизни: об отношении к войне и о методах лечения застаревшей болезни российского общества — аграрной проблемы. Сразу отметим, что новая власть так и не сумела найти на них адекватные ответы. Что касается первой проблемы, то несмотря на шок, в котором пребывали и армия, и общество в целом после одномоментного перехода страны в качественно иное состояние, приходится констатировать — Временное правительство не нашло рецепта решения проблемы войны, соответствовавшего реальным государственным интересам. Под мощнейшим давлением союзников оно публично декларировало: новая, демократическая Россия будет и дальше принимать участие в войне, будет верна союзническим обязательствам.

Между тем, отношения с союзниками складывались очень непросто. Занявший пост Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев убеждал военного министра А.И. Гучкова: «Мы приняли... известные обязательства, и теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от

А.Ф. Керенский

исполнения их... Я это сделаю, но не могу взять на себя ответственности за те последствия, которые повлечет наше уклонение от выполнения принятых на себя обязательств. Мы находимся в столь большой зависимости от союзников в материальном и денежном отношениях, что отказ союзников от помощи поставит нас в еще более тяжелое положение, чем мы находимся ныне. Соответствующее соглашение, думаю, должно составить заботу Временного правительства»¹.

Деятели «февральской демократии» оказались не в состоянии наладить нормальные деловые отношения с союзниками. Они не прислушались к рекомендациям генерала Алексеева. Еще в меньшей степени они были способны к исполнению пожеланий русского военного представителя в Лондоне генерала Дессино, который весной 1917 г. писал: «Теперь улаживающийся здесь так называемый русский кризис ясно показал настоящие чувства англичан к России. Недоверие царит повсюду; высказывалось открыто, что с Россией теперь считаться не стоит, что русская армия никуда не годна, что Россия изменяет своим обещаниям... Англии доверять нельзя; она хороша, когда у нас хорошо, а если у нас плохо, то на помощь ее рассчитывать нельзя, поэтому с ней стесняться не стоит. Политика слишком теперь должна быть твердая, основанная на полном сознании нашего национального достоинства»².

Ни в отношениях с союзниками, ни в области внутренней политики Временное правительство никогда не руководствовалось таким понятием, как национальное достоинство.

Провозгласив лозунг: «Война до победного конца», Временное правительство никак не связывало его возможную реализацию с солдатскими настроениями. Если в июле 1914 г. достаточно было императорского повеления, то теперь власть была обязана объяснить, ради чего должен продолжаться военный кошмар. Ради защиты демократических ценностей — был ответ. Правда, их смысл люди, одетые в солдатские шинели, понимали достаточно смутно. Для них важно было, как это скажется на их повседневной жизни, будут ли новые времена лучше старых. А это в решающей мере зависело от того, насколько успешно победившая революция будет решать насущные социально-экономические проблемы и главную из них — аграрную. Между тем, новые власти все принципиальные решения откладывали до выборов в Учредительное собрание, подготовку которых Временное правительство объявляло своей основной задачей.

Избавляясь от мешавших ему институтов старой власти, Временное правительство сохранило в то же время некоторые высшие государственные учреждения — сенат, Синод, Особые совещания, что должно было придать ему недостающую легитимность. I Департамент сената, присвоив себе несвойственные ему функции, определил: «Временное правительство волею народа облечено диктаторской властью, самоограниченной его собственной декларацией и сроком до Учредительного собрания»³.

¹ 1917 год в документах и материалах. Разложение армии в 1917 г. М.; Л., 1925. С. 28.

² Цит. по: Павлов А.Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 164.

³ Малянтович П.Н. Революция и правосудие. М., 1918. С. 12.

Наряду со Временным правительством и органами его власти в Петрограде, а затем и по всей стране возникла и утвердилась советская система, идея которой восходила к событиям первой русской революции. 27 февраля 1917 г. был сформирован временный Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов. Членами Исполкома были представители социалистических партий — социал-демократической и эсеровской. По примеру Петрограда по всей России стали возникать Советы, которые действовали как органы народовластия. Не принимая во внимание распоряжения Временного правительства, Советы вводили восьмичасовой рабочий день, определяли заработную плату рабочих, регулировали снабжение населения продовольствием. Реальностью стало двоевластие, когда ни постановления Временного правительства, ни действия советских органов не имели действительной силы, и вместе с тем именно они определяли повседневную жизнь¹.

Важнейшим следствием Февральской революции стало создание Солдатских комитетов, которые опирались на положения Приказа № 1 и возникали на уровне рот, батальонов и полков. Солдатские комитеты, которые отражали политические настроения воинских частей, полностью подорвали принцип единоначалия. Начался необратимый процесс разрушения армейской дисциплины, что весной и летом 1917 г. вылилось в массовые факты братания на фронте, оставление без приказа позиций, дезертирство. Генерал А.С. Лукомский, занимавший пост генерал-квартирмейстера, со знанием дела вспоминал: «Работать в Ставке стало трудно и тяжело; чувствовалось полное бессилие задержать ход событий и остановить начавшийся развал армии»².

Распад армии с особой силой проявился в июне во время так называемого «наступления» Керенского, когда части отказывались идти в бой, а солдаты стреляли призывавшим в наступление офицерам в спину³.

По существу это событие стало точкой невозврата, после которой авторитет Временного правительства в армии упал ниже критической отметки, а призывы большевиков к передаче всей власти Советам начали быстро набирать популярность.

Июльский политический кризис, когда Временное правительство подавило выступление руководимых большевиками петроградских рабочих, прервав тем самым ситуацию двоевластия, не привел к принципиальным изменениям. Одним из следствий июльского кризиса стала отставка Львова и назначение премьером А.Ф. Керенского, который сформировал коалиционное правительство, в котором ведущие позиции занимали эсеры и меньшевики. Новый кабинет наделил себя неограниченными полномочиями, дав себе громкое название Правительство Спасения Революции.

Хотя в историографии нет единой оценки того, насколько адекватно Временное правительство оценивало обстановку в стране, на наш взгляд, оно по-

¹ Подробнее см.: Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л., 1976.

² Из воспоминаний генерала Лукомского // Архив русской революции. Т. 2. М., 1991. С. 33.

³ См.: Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983.

прежнему уповало на выборы в Учредительное собрание, которые рассматривались как панацея от всех бед, захлестнувших Россию.

В марте 1917 г. Временным правительством было создано Особое совещание по подготовке выборов в Учредительное собрание. Тем самым гражданам России было обещано осуществление их многолетней мечты. Выборы были назначены на осень 1917 г. Их подготовка и само проведение проходили в условиях, когда Временное правительство стремительно теряло контроль над положением в стране. Именно поэтому выборы в Учредительное собрание можно считать самими свободными в российской истории, а их результат вполне объективным.

Важной проблемой, стоявшей перед деятелями «февральской демократии», стало определение основ государственного строя, так как отречение Николая II юридически еще не означало ликвидации монархии.

Республиканский строй был предпочтителен для ведущих политических партий — кадетов, октябристов, эсеров и социал-демократов. Уже в марте 1917 г. об этом говорилось на VII съезде кадетской партии, и тогда же Всероссийский торгово-промышленный съезд, выражавший настроения буржуазии, подчеркнул, что «формой управления, наиболее отвечающей государственному и народным интересам и развитию промышленности и торговли, является республика при условии обеспечения политического единства России и при условии широкого развития местного самоуправления, с распространением его на все области России сообразно с их особенностями»¹.

Резкий переход политической системы России в качественно новое состояние, быстрый распад всех управленческих структур, всего того, что мы сегодня называем «властной вертикалью», неизбежно вел к всплеску сепаратистских настроений на национальных окраинах огромного государства. К этому необходимо добавить, что среди представителей новых политических элит, пришедших к власти в результате Февральской революции, далеко не все осознавали значимость сохранения за русскими областями России роли системообразующего звена для обеспечения единства многонационального государства.

Временное правительство, в котором практически сразу главную роль стал играть социалист Керенский, не имело силы бороться или прямо поощряло национально-сепаратистские устремления финнов, поляков, латышей, украинцев. На местах создавались национальные органы власти, ускоренно формировались национальные воинские части, на фронте происходила «украинизация» отдельных воинских образований, повсюду декларировались национально-культурные программы. После февраля 1917 г. национальный подъем охватил практически все народы России и нередко носил подчеркнуто сепаратистский характер.

Среди влиятельных общероссийских партий партия «Народная свобода» была единственной, кто выступал против федеративного устройства России, ибо кадеты считали, что это неминуемо приведет к распаду страны или, в лучшем случае, к образованию аморфной и слабой конфедерации. Один из лидеров этой партии юрист Ф.Ф. Кокошкин в обстоятельном труде «Автономия

¹ Цит. по: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 648–649.

и федерация» исходил из классического положения, согласно которому федеративное устройство предполагает соизмеримость его субъектов. Он пытался доказать, что федерирование России по национальному признаку нецелесообразно и практически невозможно как из-за серьезных диспропорций в численности ее народов, так и в силу неопределенности территории, которую они населяют. Кокошкин полагал невозможным одновременно удовлетворить надежды больших и малых народов, что для него означало невозможность строгого определения пределов компетенции членов федерации. Преобразование России по национальному принципу, федерация народов неизбежно должны были привести к трениям, спорам и вооруженным столкновениям. В согласии с партийной программой он предусматривал территориальную автономию лишь для Польши и Финляндии¹.

Точка зрения Кокошкина не встретила поддержки даже у представителей нерусских организаций кадетской партии, которые высказывались за федерацию, понимаемую как предоставление территориальной автономии Украине, Белоруссии, Литве и другим национальным окраинам. В этом они смыкались с национально-либеральными партиями и общественными движениями, которые после Февраля склонялись к идее федеративного устройства России, подчеркивая при этом, что они не рассматривают субъектов будущей российской федерации народов в качестве суверенных.

В сентябре 1917 г. в Киеве прошел Конгресс народов России, в котором участвовали 93 делегации, представлявшие все основные народы и национальные движения России, за исключением поляков и финнов. Участники Конгресса единодушно высказались за преобразование России в демократическую федеративную республику. Тогда же глава Временного правительства Керенский заявил, что свободная Россия должна быть децентрализованной, т.е. федеративной, но провозгласить ее таковой вправе лишь Учредительное собрание².

Высказывания о возможности переустройства России в условиях продолжавшейся мировой войны на началах добровольного федеративного союза равноправных народов имели немалый привкус демагогии. Во-первых, они противоречили провозглашенной самим Временным правительством задаче сохранения границ по принципу «единства и неделимости» России, а, во-вторых, были практически неисполнимы, ибо центральная власть быстро теряла контроль над окраинами.

Еще в марте 1917 г. был издан «Акт об утверждении конституции Великого княжества Финляндского» и о применении ее в полном объеме, тогда же было признано право поляков на создание независимого государства. В июне Временное правительство, демонстрируя не только политическую слабость, но и пренебрежение основными принципами государственно-правового устройства России, признало украинскую Центральную раду и ее генеральный секретариат как официальное представительство украинской нации. Тем самым впервые в своей истории центральное российское правительство передало часть своей

¹ См.: Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917.

² Несостоявшийся юбилей. М., 1992. С. 7–9.

власти национальному образованию и признало национальный принцип как основу административного устройства страны. Для кадетов эта уступка была неприемлемой, и они отозвали своих представителей из Временного правительства. Тогда же деятелями «февральской демократии» поднимался вопрос об автономии Латвии, Эстонии и Литвы (последняя была оккупирована немцами), дебатировалось право наций на самоопределение вплоть до их отделения. Все это разрушало в общественном сознании представление о целостности России как фундаментальной основе ее исторического существования.

Наиболее последовательными в проведении принципа федерации народов были эсеры, для которых федерализм стал программной установкой еще в годы первой русской революции. Положения партийной платформы дополняла статья И. Окулича «Россия — союз областей», опубликованная в эсеровской газете «Дело народа». Автор предлагал будущему Учредительному собранию превратить Россию в «союз областей» — Малороссии, Грузии, Сибири, Туркестана и др. Иными словами, Россия должна была стать федеративным государством, образцом для которого Окулич называл США. Области этой федерации передавали центру под общее управление вооруженные силы, внешнюю политику, денежную систему и верховный суд, сохраняя в своей компетенции остальные сферы управления, что, как считал автор, гарантировало бы им внутренний суверенитет. В строгом смысле слова, Окулич не предполагал создание федерации народов, но и выделяемые им «области», и последовательное игнорирование Великороссии дают основание видеть в его проекте разновидность национальной федерации¹.

Проект Окулича интересен и тем, что он вызвал отклик И.В. Сталина. В статье «Против федерализма», опубликованной в большевистской «Правде» 28 марта 1917 г., Сталин выстраивал аргументы против федерации, которая противоречит универсальной, по его мнению, мировой тенденции к централизации и унитаризму. В развитии российской государственности федерирование было бы, полагал он, попыткой повернуть колесо истории вспять, привело бы к разрушению сложившейся на протяжении веков экономической и политической связи областей. Сталин полагал, что в отличие от американской федерации, субъекты которой образованы по географическому принципу, федерация в России может быть создана только как средство решения национального вопроса. Он делал вывод, что в настоящее время федерация не соответствует интересам демократического развития страны, и предлагал ориентироваться на унитарное государство, в рамках которого он допускал политическую автономию «для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого»².

По сути, Сталин излагал программные положения партии большевиков, которые в тот момент не считали необходимым и целесообразным образование народов России своей национальной государственности в какой-либо форме.

¹ Подробнее см.: Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М., 2007. С. 518–532.

² Сталин И.В. Соч. М., 1951. Т. 3. С. 23–28.

Сразу после Февраля большевики стояли на позициях, которые могут быть названы унитарно-автономистскими, и отвергали возможность федеративного устройства России. Ленин считал, что «федерация предполагает автономные национальные политические целые», и на этом основании полагал, что федерирование противоречит задачам социалистической революции, в ходе которой Соединенные штаты мира станут государственной формой объединения свободных наций.

Правда, уже в мае Ленин, объективно оценивая настроения широких народных масс, пришел к идее федерации народов. Он писал: «Великороссы предлагают братский союз всем народам и составление общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа». Далее он утверждал, что сами великороссы должны предоставить право всем народам «без изъятия решить вполне свободно, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно»¹.

Несмотря на то, что деятели Временного правительства показали свою полную неподготовленность к решению подлинно государственных задач, в некоторых случаях они беззастенчиво использовали диктаторскую власть, врученную им «волею народа».

Неуклюжей попыткой предотвратить развал страны следует, на наш взгляд, считать событие августа 1917 г., когда назначенный Верховным главнокомандующим Л.Г. Корнилов, имевший репутацию «революционного генерала», предпринял шаги, призванные навести «порядок» в стране и покончить с анархией. В Москве было созвано Государственное совещание, где Керенский, Корнилов и другие ораторы во имя спасения страны призывали к ликвидации системы Советов. В ответ большевиками были организованы массовые рабочие выступления в Петрограде, Москве и других промышленных центрах, что было свидетельством стремительной эскалации политического кризиса.

В конце августа Корнилов потребовал от Керенского предоставить ему всю полноту военной и гражданской власти. События, которые получили название «корниловский мятеж», привели не только к бесславному поражению Корнилова и полной дезорганизации власти Временного правительства, но и — прежде всего — к повышению авторитета партии большевиков. Именно с ними народные массы стали связывать надежды на «наведение порядка» в стране.

1 сентября, узурпируя права Учредительного собрания и используя как предлог неудачное корниловское выступление, правительство Керенского зая-

Л.Г. Корнилов

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 40–41.

вило: «Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский и провозглашает Российскую республику»¹.

Объявление России республикой было сделано вопреки прежним торжественным обещаниям предоставить решение вопроса о будущем государственном устройстве России на усмотрение Учредительного собрания. В итоге республиканская Россия стала фантомом, созданным воображением Керенского, и никак не воспринятым населением страны.

Провал корниловского мятежа еще больше усилил массовое недовольство бездарными действиями Временного правительства по руководству страной, что вело к укреплению позиций Советов и росту их претензий на единоличную власть. Одновременно происходила их большевизация. 12 октября при Петроградском Совете по инициативе большевиков был создан Военно-Революционный комитет, задачей которого была подготовка вооруженного восстания. Его работа принесла свои плоды. В ночь с 25 на 26 октября восставшими был взят Зимний дворец, министры Временного правительства арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. Революция победила.

Власть перешла к Всероссийскому съезду Советов, II Съезд которого открылся вечером 25 октября. Первым принятым на Съезде документом было написанное Лениным обращение — «Рабочим, солдатам, крестьянам!». В нем было заявлено: «...опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на свершившееся в Петрограде вооруженное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки... Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». И после этого следовало: «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов». В стране устанавливалась власть Советов.

На съезде был сформирован орган исполнительной власти — Временное рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров во главе с Лениным. Временным правительством называлось потому, что победившая революция в тот момент не отказалась от идеи созыва Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание дали подавляющее большинство голосов (свыше 83%) представителям общероссийских и национальных социалистических партий. И это очень важно подчеркнуть. Социалистический выбор,

¹ Цит. по: Власть и реформы. С. 651.

правда, в очень абстрактном варианте, был предопределен свободным волеизъявлением. Однако в самом лагере левых сил существовали глубокие разногласия относительно того, как конкретно воплощать в жизнь свои программно-целевые установки. Наиболее решительной силой, отстаивавшей максимально быстрое продвижение к социалистическим идеалам, были большевики. На выборах за них проголосовало меньше четверти избирателей. Нарушив свои обещания, большевики пошли на разгон Учредительного собрания, мечта о котором вдохновляла несколько поколений деятелей освободительного движения.

В.И. Ленин

Придя таким путем к власти, большевики, по крайней мере в вопросах межнациональных отношений, оказались последовательнее своих социалистических и либеральных оппонентов и от декларативного признания принципа равенства и суверенности народов России перешли к признанию их реального права на самоопределение. В этом они были поддержаны своими партнерами по правительству — левыми эсерами. «Декларация прав народов России» (ноябрь 1917 г.) провозглашала право каждого народа на самоопределение вплоть до образования независимого государства и тем самым предопределяла новую государственность как федерацию народов. Впервые признание федерации как плана государственного устройства на переходный период было зафиксировано в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.), которая затем полностью была включена в первую советскую конституцию — Конституцию РСФСР 1918 г.

Октябрьская революция, приход к власти большевиков и левых эсеров, провозгласивших необходимость кардинальной перестройки социальных отношений, равно как и активные военно-политические усилия Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, привели к полному развалу страны. К лету 1918 г. от России отделились Польша, Литва, Украина, Эстония, Латвия, большая часть Белоруссии, Финляндия, Бессарабия, Грузия, Армения, Азербайджан. Быстро менялась ситуация в казачьих областях, на Северном Кавказе, в Сибири и Средней Азии, где набирали силу автономистские и национальные движения. В мае 1918 г. Ленин констатировал: «...от России ничего не осталось, кроме Великороссии»¹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 341.

§ 1. Первые попытки осмысления войны

Как уже отмечалось, начало войны было с энтузиазмом встречено городскими массами практически всех участвовавших в войне стран. Митинги, шествия, торжественные проводы на фронт первых эшелонов — таким был отклик на сообщения о начале войны со стороны европейских элит и среднего класса. Мобилизованные дети крестьян и рабочих отправлялись на войну покорно, но без особого восторга. Лидеры рабочего движения и профсоюзные бонзы поддерживали во всех странах «оборонительную» войну, но у одетых в серые шинели молодых рабочих восторга война не вызывала. Зато их сверстники из дворянских и буржуазных семей — студенты, выпускники гимназий и лицеев — записывались добровольцами, заполняли юнкерские училища. Сохранились восторженные письма погибших в первые месяцы войны добровольцев-студентов, передающие эти умонастроения¹. Романтизм предвоенных движений, вроде немецкого Wandervogelbewegung, патриотизм французских католических союзов или роялистов из Camelots du Roi способствовали мобилизации лучшей части молодежи. С фронта не вернется примерно треть предвоенных выпускников Оксфорда и Кембриджа. Жертвовали своими детьми и некоторые представители высшего света: среди погибших на фронте встречаются и немецкие герцоги, и русские великие князья.

Отправились на войну и философы. По разные стороны фронта находились Эмиль-Огюст Шартье (известный под псевдонимом Ален) и Эрнст Юнгер, в галицийском сражении участвовали Людвиг Витгенштейн и Федор Степун. Воевал и будущий неотомист, историк средневековой философии Этьен Жильсон, и вступивший добровольцем во французский Иностраннный легион Александр Койре, который прославится как историк науки. У мыслителей старшего поколения сражались и гибли на фронте сыновья (как сыновья Э. Гуссерля и Г.Г. Шпета). В 1915 г. погиб наиболее даровитый представитель молодого поколения неокантианцев Эмиль Ласк, в боевых действиях участвовали Ханс Фрайер и Норберт Элиас (философы, которые внесли значительный вклад в развитие социологии), будущий учитель американских неоконсерваторов Лео

¹ «Ура, наконец-то я получил назначение! — писал студент-юрист незадолго до своей гибели в сражении на Марне. — Мы победим! Да и как может быть иначе при столь могущественной воле к победе. Дорогие мои, гордитесь тем, что вы живете в такое время и являетесь представителями такого народа» (Kriegsbriefe gefallener Studenten / Hrsg. von Ph.Witkop. München: Albert Langen, Georg Müller, 1929. S. 7 ff).

Штраус. Мартин Хайдеггер был мобилизован, но на фронт не попал по состоянию здоровья, тогда как его будущий ученик Карл Лёвит воевал и оказался в плену у итальянцев. Эти мыслители напишут главные свои труды после войны; их старшие коллеги, имевшие к тому времени известность и научный вес, вели другую войну — впервые в истории с таким размахом проводилась пропаганда, оправдывающая собственные действия и очерняющая врага.

Уже с самого начала конфликта почти каждой стране было нелегко обосновывать свое вступление в войну. Разумеется, имелись очевидные страны-жертвы (Бельгия, Сербия) и договоры, в соответствии с которыми приходилось объявлять войну агрессору, напавшему на союзника. Но кто был тем агрессором, который развязал войну? Оправдывать свои действия правительствам приходилось не только перед общественным мнением собственных стран. Активная пропагандистская кампания велась в нейтральных странах, она сопрягалась с подрывной деятельностью в тылу врага. Эта практика уже существовала («рептильная пресса» Отто фон Бисмарка¹, подготовка американскими газетными трестами войны с Испанией в 1898 г., японские деньги для русских революционеров и т.п.), но впервые она приобрела такой размах. В странах, которые вступали в войну в 1915–1917 гг. (Болгария, Италия, Румыния, США), уже воюющие державы вели активную агитацию в газетах. Но с каждым месяцем затянувшейся войны все более настоятельной была задача мобилизации внутренних ресурсов, недопущения антивоенных выступлений, забастовок и бунтов.

В этих идеологических кампаниях с самого начала были активно задействованы университетские профессора. Война слов началась еще до того, как развернулись боевые действия. Первый манифест, подписанный несколькими английскими учеными, был опубликован 1 августа: в нем содержался призыв к правительству отказаться от участия в войне, которая прямо не затрагивает британские интересы. Через несколько дней появляется другой манифест, подписанный уже десятками ведущих ученых и литераторов, в котором, помимо ссылок на вторжение в Бельгию, содержались все главные тезисы пропаганды Антанты: война идет не с Германией науки и искусства, а с милитаризмом и экспансионизмом правящей юнкерской верхушки. Ответом на это выступление был получивший наибольшую известность манифест виднейших немецких ученых и литераторов «К культурному миру» («Манифест 93-х»), в октябре вышел еще один манифест — «Обращение преподавателей высших школ германского рейха», написанный видным филологом-античником Ульрих фон Виламовицем-Мёллендорфом, который подписали 4 тыс. профессоров и приват-доцентов. Затем последовала «Декларация немецких университетов».

¹ Пожалуй, именно с Бисмарка начинается согласование дипломатических и военных действий с организацией общественного мнения через прессу. «У Бисмарка были свои журналисты, без которых он не сумел бы наносить свои удары, — с завистью писал французский националист Ш. Моррас в 1905 г. — Эмская депеша предполагала восторженное участие многочисленной и покорной прессы; вот образцовое использование потребных государству фикций, которые вбрасываются в благоприятный и хорошо просчитанный момент, чтобы последовал взрыв в общественном мнении» (*Моррас Ш. Будущее интеллигенции. М., 2003. С. 61–62.*)

Наибольшую — и печальную — известность получил манифест «К культурному миру», на него будут ссылаться критики немецких интеллектуалов из самых разных стран. Он состоял из антитезисов, каждый из которых начинался со слов: «Неправда, что...». Причем, иные из этих утверждений сразу вызвали возмущение не только в странах Антанты. Как могли восприниматься слова о том, что Германия вовсе не нарушала суверенитета Бельгии? Разве не спoreла библиотека в Лувене, не был разрушен огнем артиллерии собор в Реймсе? Ответом были воззвания ученых стран Антанты, в которых вновь и вновь подчеркивалось, что война идет не с Германией Гёте и Шиллера, а с варварством авторитарной прусской военщины.

Разумеется, немецкие профессора имели основания для того, чтобы укорять своих оппонентов в лицемерии, когда те писали о том, что война ведется странами Антанты за ценности цивилизации, за свободу. В Германии и в Австро-Венгрии свобод и прав у населения было не меньше, чем в Великобритании (и явно больше, чем в России), принадлежность Центральной Европы к «европейской цивилизации» также не вызывала сомнений. Но немецкие ученые и литераторы утверждали нечто большее: с немецкой стороны война была объявлена «войной духа», Кант и Гёте в ней оказались в одном строю с Бисмарком и Мольтке. В дальнейшем немецкие публицисты раз за разом будут писать об «особом пути» (*Sonderweg*) Германии, чем будут неизменно пользоваться их оппоненты, ссылающиеся то на политическую культуру лютеранства, то на ментальность немецких «мандаринов»¹. Впрочем, во время войны попытки сделать ее религиозной не нашли поддержки ни у протестантов, ни у католиков, а либеральные и марксистские разоблачения консервативных «мандаринов» принадлежат другой эпохе и связаны с попытками «левых» найти истоки нацизма в бисмарковском рейхе² (а то и во всей немецкой истории). Немецкие публицисты пользовались той же оппозицией «духа» и политической «плоти», оценивая страны Антанты. Существует Россия Толстого и Достоевского и Россия царского самодержавия — восточная деспотия и «тюрьма народов»; Франция Декарта и Паскаля находится в конфликте с цивилизацией рантье; историк Ганс Дельбрюк, один из представителей научного цеха, наиболее вовлеченных в разработку германских планов послевоенных аннексий, писал о «двух Англиях». Французский реваншизм ничуть не легче было обосновывать ссылками на «цивилизацию», чем германский империализм. Ведь если следовать провозглашаемым лозунгам о правах народов, то Эльзас заселен все же этническими немцами. Британское стремление удержать за собой колонии и

¹ *Ringer F.* The Decline of German Mandarins. The German Academic Community 1890–1933. Cambridge: Harvard University Press, 1969. Об особенностях сформированного Реформацией немецкого менталитета и его воздействии на политическую сферу написано огромное число работ. Начало положила книга Х. Плеснера «Запоздалая нация» (1935) (впервые вышла под другим названием: *Plessner H.* Das Schicksal deutschen Geistes im Ausgang seiner bürgerlichen Epoche. Zürich; Leipzig, 1935. В 1959 г. была переиздана под названием: *Plessner H.* Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1959).

² Наибольшую известность среди историков получили труды Х.-У. Велера, в первую очередь: *Wehler H.-U.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.

господство на морях трудно подкрепить ссылками на поэзию Шекспира или прозу Диккенса.

Хотелось бы подчеркнуть, что все полемические ухищрения такого рода не имеют отношения к философии. Конечно, видные философы подписывали манифесты: Э. Бутру и А. Бергсон — во Франции; В. Вундт и В. Виндельбанд — в Германии; Л.М. Лопатин и П.Б. Струве — в России. Но они поступали в данном случае как патриотически настроенные, граждане своих стран, а не как философы в строгом смысле слова. Философия рождается как незаинтересованное созерцание Универсума, исследование наших познавательных способностей, размышление о сущем и должном. Даже политическая философия проясняет вопрос об общественном благе и лучшем политическом устройстве, а не о том, кто фактически виновен в развязывании войны. Лишь в том случае, когда темой философских умозрений сделалась история, а сам философ превратился в своего рода диагноста рождающегося будущего, мировая война обретала черты именно философской проблемы. Но склонные к такого рода умозрениям философы составляли незначительное меньшинство.

Круг проблем, которыми занимались британские, французские, американские философы, был таков, что они не писали по поводу войны *философских* текстов. Они подписывали воззвания, принимали участие в важных дипломатических миссиях, но все это не имело никакого отношения к их собственным теоретическим построениям. Скажем, Бертран Рассел занял пацифистские позиции, выступал против участия Англии в войне, даже был осужден и арестован, но с его работами по математической логике и теории познания это никак не соотносилось. Анри Бергсон был послан французским правительством в США с целью уговорить Вудро Вильсона начать войну против Германии — свою роль играла его всемирная известность, равно как и то, что, в отличие от прочих французских философов, он хорошо говорил по-английски, поскольку провел детство в Великобритании. Но с проблематикой таких трудов, как «Материя и память» или «Творческая эволюция», это никак не было связано. Никакой роли не играла тут и вера в Бога или атеизм мыслителей. Все христиане понимали, что убийство есть грех, но все церкви благословляли войну; европейские социалисты и социал-демократы, чаще всего в Бога не верившие и до войны провозглашавшие войну злодеянием правящих классов, теперь в большинстве своем ее прямо оправдывали.

Профессора философии в этом отношении ничуть не отличались от прочих представителей образованных средних классов. Французские и англосаксонские философы принимали общую для подавляющего большинства версию событий, их профессиональные навыки не играли никакой роли. Скажем, детальный анализ публичных выступлений французских философов¹ показал,

¹ Les Philosophes et la Guerre de 14. Saint-Denis: Presses universitaires de Vincennes, 1988. За время войны философы написали всего лишь 50 статей, причем в подавляющем большинстве случаев ничего собственно философского в них не было. Не было написано ни одной философской книги, посвященной войне. Если учесть, что во Франции число преподавателей философии было большим, чем во всех остальных воюющих странах (из-за обязательного преподавания филосо-

что писали патриотические тексты для прессы чаще всего никому не известные учителя лицеев (философия как в Третьей республике, так и ныне изучается в последнем классе средней школы), а к профессиональным можно отнести лишь некоторое число историко-философских статей, содержащих суровые суждения о Фихте и Гегеле. Последний вообще был плохо известен во Франции и истолковывался во времена Наполеона III как опасный левый автор, подкрепляющий социалистические устремления к подрыву общественного порядка¹, тогда как в предвоенные годы и во время войны его считали идеологом прусского милитаризма.

В те годы словосочетание «немецкая идеология» приобретает широкое хождение во Франции. Его использовал еще создатель *Action française* Шарль Моррас, относя к таковой без разбора и немецких романтиков, и Фихте, и Маркса, и анархистов. Такое «безразмерное» словоупотребление будет иметь во Франции долгую историю — от историко-философски неточных, но все же уместных суждений Альбера Камю в «Бунтующем человеке», до ничтожных с профессиональной точки зрения писаний «новых философов», вроде Андре Глюксмана.

В указанных странах само философское образование не способствовало историческим трудам. Во Франции, например, на философских факультетах учили будущих учителей в лицеях, которым давали добротное историко-философское образование и некоторые познания в области эпистемологии и этики. Однако философия истории во Франции долгое время не разрабатывалась². В Великобритании философии обучали тех, кто был способен аргументированно решать четко поставленные проблемы логики и теории познания. Всемирно-историческое значение войны к подобным проблемам никак не относилось, равно как и популярная дихотомия «европейская цивилизация vs. немецкое варварство». Одни философы воевали на фронте, другие подписывали манифесты, третьи просто молчали (таковых было подавляющее большинство).

Все участвующие в войне государства ссылались на национальный интерес. Исключением была разве что многонациональная Австро-Венгрия, где национальные движения разрывали империю — немецкие националисты из сторонников Георга Шённера были не меньшими врагами империи, чем националисты чешские или венгерские. Говорить о каком-то едином национальном интересе в такой ситуации было затруднительно. Одним из парадоксов дунайской монархии было то, что официального имперского патриотизма здесь держались прежде всего евреи, тогда как пангерманское движение выступало

фии в лице), то можно сказать, что французские философы приняли минимальное участие в словесной войне.

¹ *Espagne M. En deca du Rhin. L'Allemagne des philosophes français au XIX-e siècle. P., 2004; d'Hondt J. De Hegel à Marx. P., 1972.*

² Первая работа, которая может быть отнесена к философско-историческим в том смысле, как это понималось в Германии, была опубликована во Франции только в 1938 г. — это докторская диссертация Раймона Арона (*Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. Essai sur les limites de l'objectivité historique. P., 1938; Idem. Essai sur la théorie de l'histoire dans l'Allemagne contemporaine. La philosophie critique de l'histoire. P., 1938.*)

не только против династии, но и Австро-Венгрии как таковой, видя свою цель в воссоединении всех немцев. Они мечтали о власти германской расы над всем миром, тогда как принадлежащие евреям газеты, начиная с главного либерального издания *Neue Freie Presse*, проповедовали имперский патриотизм, являвшийся своего рода гражданской религией австро-венгерских евреев. «Если император был наднационален, то евреи были поднациональны, представляя собой вездесущую народную субстанцию Империи»¹. Более того, евреи были чаще всего пронемецки настроены. В воспоминаниях Карла Каутского можно найти слова о том, что либеральные венские евреи были «националистами с энтузиазмом, переходившим в шовинизм», причем шовинизм у них был пангерманский — среди основателей пангерманского движения Шёнерера поначалу было много евреев (его правой рукой и идеологом движения был еврей Генрих Фридьонг), которые покинули движение лишь после того, как к антиславянскому шовинизму движения добавился антисемитизм.

В этих сложных внутривластных условиях во время войны в дуалистической монархии была приглушена любая национальная пропаганда, а несущая огромную ответственность за развязывание войны полуфеодалная элита желала лишь сохранения статус-кво. Что касается собственно философии, в Австрии имелись серьезные философские школы, но о войне австрийские мыслители практически ничего не написали.

Сложнее всего было обосновывать оборонительный характер войны в Германии. Причем не только потому, что она объявила начало военных действий, вторглась в Бельгию и вела войну на чужой территории. В сравнении с другими странами немецким церквям было труднее объявлять войну «богоугодной». Христианского политика отличает от нехристианского не столько практика, сколько обоснование своих действий: настоящий христианин не станет оправдывать свои поступки антихристианскими принципами. При всей гибкости богословов трудно было объяснить немецкому католику, помнившему о гонениях времен Бисмарка, что война с французскими единоверцами имеет религиозный характер, а расистские принципы, вдохновлявшие уже в то время значительную часть германской элиты, проистекают из христианского учения. Совсем не чужд расизму был и кайзер Вильгельм, регулярно повторявший, что война имеет расовый характер (*Rassenkrieg*) между германством и славянством, причем без малейшего учета того, что в армии союзника воевали чехи, словаки и хорваты, а из поляков формировали боевые части для войны за «независимую Польшу». Ссылки на войну против «варваров» хоть как-то годились для обоснования борьбы с Сербией и Россией, но и Франция, и Англия (а затем Италия) могли указывать на варварство тех, кто постоянно ссылался на победу над римскими легионами в Тевтобургском лесу.

И Англия, и Франция публично обосновывали свое вступление в войну защитой цивилизации от варварского милитаризма, но и Германия не желала выглядеть стороной, просто стремящейся к захвату новых территорий. Даже

¹ Schorske C. *Fin-de-siecle Vienna: Politics and Culture*. N.Y., 1981. P. 119.

далекие от мудрствований генералы любили поразмышлять о судьбах всего мира. Так, фельдмаршал Мольтке писал о том, что латинские народы якобы уже прошли зенит своего развития, а славяне еще слишком дики и несут миру кнут и духовное варварство; Британия преследует только материальные интересы. «Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий», — говорил он¹. Германская элита видела во внешней экспансии средство одоления внутренней угрозы, победы над взбунтовавшимися «варварами» в самой Германии. Как говорил канцлер фон Бюлов, «национальная политика — истинное средство в борьбе с социал-демократами».

Крупная победа социал-демократов на выборах в 1912 г. была одним из важнейших побудительных мотивов для начала войны. Вероятно, можно согласиться с мнением известного историка Ниппердея², отмечавшего, что наряду с «официальным» национализмом (с сильной монархической составляющей), ориентацией на сохранение статус-кво существовал куда более агрессивный либеральный национализм, который он называет «интегральным». Не прусские юнкера, а немецкая буржуазия была его носителем. Сотни тысяч членов насчитывали союзы *Alldeutscher Verband*, *Wehrverein*, но рядом с ними действовали также весьма сильные *Ostmarkverein*, *Allgemeine Deutsche Sprachvereine*, ставившие перед собой задачи вытеснения одних славян и онемечивания других. Уже названия других союзов — *Deutsche Kolonialgesellschaft*, *Deutsche Flottverein* — передают то, что нацелены они были на борьбу Германии «за место под солнцем». Они были тесно связаны и с промышленниками, и с правительственными кругами. Помимо «красных» члены этих союзов видели врагов в этнических меньшинствах (поляки, евреи), в пацифистах, иногда в левых либералах и католиках. «Борьба за выживание» была объявлена непререкаемым принципом политики: мир виделся поделенным на добро и зло, свет и тьму.

Впоследствии, уже после Второй мировой войны, довольно распространенным станет истолкование истории немецкой буржуазии, согласно которому в начале XX в. она по-прежнему уступала решение важнейших вопросов юнкерству, была аполитичной, а потому покорно принимала прусский милитаризм. Действительно, мечта немецкого бюргерства об объединении Германии была осуществлена «железом и кровью», высшие посты в государственном аппарате занимали дворяне. Однако нельзя не видеть того, что сама немецкая буржуазия в это время уже далеко ушла от гуманистических мечтаний времен Гердера и Шиллера. Если в некоторых других странах, вроде России, Ницше воспринимали прежде всего как «бунтаря» (а потому его читали и почитали «левые»), то в Германии он оказался философом германского империализма *par excellence*. Хладнокровный администратор и техник войны, фельдмаршал Людендорф «лучше, чем кто бы то ни было другой воплощал тип нового буржуазного господствующего класса, отодвинувшего во время войны прежнюю

¹ Цит. по: Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С. 165.

² Nipperdey T. *Deutsche Geschichte 1866–1918*. Bd. II. München, 1992.

аристократию; он был воплощением идей Всенемецкого союза, его brutальной воли к победе, одержимости, с которой на кон ставилось все ради власти над всем миром», — справедливо отмечал С. Хаффнер¹.

Программа милитаризации экономики, подготовки к войне, концентрации всех сил на борьбе за новые колонии за морями и территории на континенте предполагала проведение столь же решительной внутренней политики: репрессивный закон против социалистов, введение цензуры, ограничение избирательного права, прекращение *Judenemanzipation* (евреи должны быть лишены гражданских прав и должны рассматриваться как иностранцы). На международной арене у этих сил врагом № 1 становится Англия. У этого союза было наибольшее влияние на правящие элиты (включая окружение кронпринца и военных в генштабе). Во многом благодаря усилиям этих империалистических элит Германия раньше других стран начала подготовку к войне. Война началась в 1914 г. именно потому, что германская экономика прошла весь четырехлетний цикл подготовки хозяйства к войне, тогда как Франция последовала за нею лишь в 1912 г., а Россия на тот момент вообще к войне не была готова. Рассматривая притязющую на философские глубины немецкую публицистику тех лет, следует учитывать, что на ней сказывались непрерывные споры о целях войны, о том, кто является главным соперником Рейха, которые шли в правящих кругах Германии. Для группы политиков и промышленников, концентрировавшихся вокруг канцлера фон Бетман-Гольвега, таким противником была Россия, для «военно-морской партии» во главе с адмиралом фон Тирпицем таковой являлась Англия. Если в работах интеллектуала война рассматривалась прежде всего как схватка с «мировой плутократией» и «капитализмом», то он явно склонялся ко второй группе немецкой элиты.

Геополитика в явной или неявной форме всегда предполагает некую историософию. Германия была родиной двух наиболее разработанных философско-исторических моделей. Первая из них, представленная прежде всего Фихте и Гегелем, утверждала необходимое движение всего человечества, проходящего на своем пути ряд ступеней. Один народ сменяет другой как выразитель и лидер в этом движении — к началу XIX в. таковым стали немцы. Другая модель восходит к Гердеру и романтикам: есть множество народов с их неповторимыми культурами, нет единого человечества и управляющих его эволюцией единых законов. Этот круг идей получил развитие сначала в «исторической школе права», затем в работах немецких экономистов и социологов (от Франца фон Листа до Вернера Зомбарта). Во время войны немецкие мыслители склонялись либо к подчеркиванию своеобразия немецкого духа, «особого пути» (*Sonderweg*) Германии и «срединной Европы» (*Mitteleuropa*), либо провозглашали, что Германия несет человечеству новую эру, отменяющую наследие либерализма и «идей 1789 года», которым противопоставлялись «идеи 1914 года».

В Германии противопоставление немецкой *Kultur* французской и английской *civilisation* к концу XIX — началу XX в. уже приобрело антизападные

¹ *Haffner S. 1918/1919. Eine deutsche Revolution. Reinbek bei Hamburg, 1981. S. 28.*

черты, тогда как во время Первой мировой войны оно стало общим местом не только трактатов философов и историков, но и официальной пропаганды. Этих воззрений держались даже те мыслители, которые никак не были крайними националистами. Эрнст Трёльч в 1916 г. пишет статью «Метафизический и религиозный дух немецкой культуры»¹, в которой подчеркивает, что немецкие философия, искусство, политическое мышление отличаются от западных. Германская идея свободы всегда будет иной, не похожей на свободу западных народов, поскольку она имеет не столько политический, сколько духовный характер: «она всегда будет сохранять связь с идеалистической идеей долга и романтической идеей индивидуальности», — утверждал он². Немцы иначе видят соотношение индивида и государства, а парламентская демократия не является чем-то необходимым для немца, зато ему, по мнению Трёльча, была исконно присуща «романтическая идея индивидуальности».

Защите этого «особого пути» Германии и своеобразия «немецкого духа» были посвящены несколько статей Томаса Манна и написанная во время войны и вышедшая вскоре после перемирия книга «Размышления аполитичного» (1918). На протяжении всей книги он непрестанно цитирует Достоевского, называет его «пророком»; хотя Германия и Россия вплоть до весны 1918 г. находились в состоянии войны, Манн пишет о союзе Германии и России как о «мечте своего сердца» (вопреки пропаганде того времени, в которой Россия именовалась не иначе, как «варварская страна»). Этот союз, по Манну, должен быть направлен против наступающего англосаксонского мира с его прагматизмом и утилитаризмом (в конце книги, видимо, уже после подписания перемирия, он пишет по-английски: *The world is rapidly becoming english*). Немцев и русских роднит близкое понимание человека и человечности, отличное от латинского и англосаксонского. Манн ставил вопрос о сходном противостоянии традиций этих двух стран Западу и спрашивал: «Разве у нас нет своих славянофилов и своих западников?» Тех, кого он презрительно именовал «литераторами» (включая и собственного брата Генриха Манна, с которым на несколько лет были прерваны все отношения), Томас Манн относил к «западникам», т.е. к тем, кто хотел бы разрушить Германию. Славянофильство в России он оценивал по негативному содержанию как реакцию на Запад, а по позитивному — как консерватизм. Именно такова его собственная позиция — консервативное противостояние Западу.

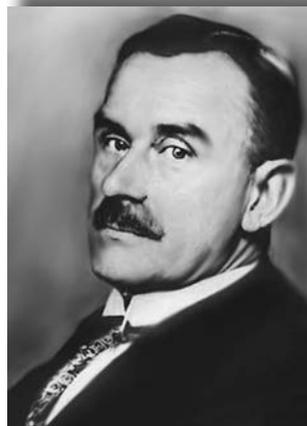
Еще в статье «Мысли во время войны» Манн саркастически писал: французы полвека кричали о реванше, но когда дело дошло до войны, то вспомнили о «цивилизации». Они сделали Реймс крепостью, расположили пушки рядом с собором, а после того, как немцы стали отвечать на огонь этих пушек и разрушили собор, то поднялся плач о «цивилизации», которой грозят «варвары». Но

¹ Она без изменений была переиздана в 1925 г. в сборнике избранных статей Э. Трёльча с характерным названием «Немецкий дух и Западная Европа» (*Troeltsch E. Deutscher Geist und Westeuropa. Gesammelte kulturphilosophische Aufsätze und Reden. Tübingen, 1925*).

² Трёльч Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры // Антология. Логика культуры. М.; СПб., 2009. С. 234.

ведь средневековые соборы давно перестали быть частью их «цивилизации», с точки зрения которой они принадлежат к векам «фанатизма и предрасудков». Неудивительно, что эта «цивилизация» с ее демократией и «правами человека» предстает в его работе насквозь фальшивой и лицемерной¹.

Национальная тема совпадает в «Размышлениях аполитичного» с консервативной: «Политический дух демократического Просвещения и “человеческой цивилизации” является не только антинемецким по духу; он с необходимостью оказывается политически враждебным Германии, где бы он ни преобладал. Будущие историки еще покажут, какой была роль международного иллюминатства, мировой ложи франкмасонов... в духовной подготовке и действительном развязывании этой мировой войны — войны “цивилизации” против Германии», — отмечал Т. Манн². Истинным духовным врагом Германии является даже не Франция, реваншизм которой все же национален, а потому хоть как-то оправдан; настоящий враг — Англия и ее агенты — сторонники «человеческой цивилизации». Этими агентами являются и «deutsche Sapadniki», которые желают тотального изменения национального характера немцев. За образец берется «мировая демократия», «империя цивилизации», «общество человечности», целью которых, однако, является исчезновение немецкого духа.

Томас Манн

Война поэтому определяется Томасом Манном как «консервативное сопротивление прогрессу», который он иронически и с явной отсылкой к Ницше называет «прогрессом от музыки к демократии». Войну Манн приветствует как открытую борьбу с этой цивилизацией — с плоско-гуманной, тривиально-декадентской, феминистски-элегантной Европой, «литературной, как парижская кокетка», ставшей «слишком человеческой»; это война с «цивилизацией танго и тустепа», делячества, прикрытого высокими словами о правах и свободах³. Эта цивилизация уже начала завоевывать Германию до войны, и война есть «восстание Германии против западного духа», дошедшего до нигилизма в результате Просвещения и демократического прогресса. Мир демократии, партийной политики, прав человека и прочих «идей 1789 года» признается им антинемецким, ибо Германия по духу своему консервативна и аполитична.

Таким образом, как мы видим, оборонительную войну легко можно обосновывать необходимостью защиты особенностей собственной культуры. Однако куда более характерны для тех лет публикации, созвучные захватническим планам немецких элит. В начале 1915 г. Макс Шелер опубликовал большую книгу «Гений войны и немецкая война». Главной задачей Германии

¹ Mann T. Gednken im Kriege // Die Neue Rundschau. Nov. 1914. No. 11.

² Mann T. Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt am Main, 1956. S. 58.

³ Ibid.

в войне Шелер считал победу над Россией, отбрасывание ее от Прибалтики и Черного моря. Это — «священная война» за «европейское дело», а Франция и особенно Англия оказываются в его построениях «предателями» этого дела. За этой войной последует ряд других, и объединенную континентальную Европу будет вести на борьбу с Россией именно Германия, которая одновременно введет блокаду против Англии. «Солидарная континентальная Европа под военным руководством Германии»¹, ведущая войну с геополитическим врагом, с Россией, — можно сказать, что Шелер уже сформулировал здесь основные лозунги, под которые действительно шла следующая европейская война. Задача Германии заключалась в том, чтобы объединить «железом и кровью» Европу, уничтожить Россию как самостоятельную державу, а затем вести борьбу с англосаксами за мировое господство.

Все это обосновывалось Шелером ссылками на «европейский дух», что, впрочем, всегда стояло на знаменах тех, кто провозглашал «святым делом» уничтожение России. Любопытно то, что уже в следующей работе Шелера — «Причины ненависти к немцам» (1917) — его оценки радикально меняются. Он замечает, что ненависти к Германии значительно меньше в царской России, чем в «демократических» странах Антанты. Основную причину ненависти к Германии он видит в буржуазном, торгашеском духе Англии².

Вернер Зомбарт во время войны выпустил книгу «Торгаши и герои» (1915), где основная линия противостояния проводилась между Англией и Германией. Враги Германии говорят о борьбе «западной цивилизации» с «немецким милитаризмом», но в действительности речь должна идти о борьбе двух человеческих типов — торгаша и героя, утверждал Зомбарт. Они вечно присутствуют в любой культуре, но как два доминирующих мировоззрения они самым отчетливым образом воплотились в Англии и в Германии. И английская философия от Фрэнсиса Бэкона до Герберта Спенсера, и английская политэкономия, и

¹ Аннексия Бельгии, насильственное включение Голландии в таможенный союз, захват Прибалтики, Украины — о всем этом Шелер, как и многие другие немецкие идеологи, писал вполне откровенно. Время «политической корректности» еще не настало, а потому «честные» немцы той эпохи так не любили лицемерие англосаксов, которые уже научились камуфлировать свои имперские интересы словами о демократии, свободах и правах.

² Еще дальше идет Шелер в докладе, сделанном сразу после заключения Версальского договора «Христианский социализм как антикапитализм». В это время он поддерживает связи с «Июньским клубом» (через Генриха фон Глейхена) и формулирует идеи, которые в целом созвучны «консервативной революции». Можно даже сказать, что «христианский социализм» Шелера является прямым предшественником «немецкого социализма». Марксизм и большевизм им отвергаются, но выдвигается идея «национального государственного социализма». Шелер пишет о возможном союзе с Россией в борьбе против Запада. Целью Германии провозглашается «антикапиталистическая политика». Войну выиграла прежде всего Америка, а это на время дает господство «капиталистическому типу человека и хозяйства», тогда как все остальные нации делаются «в большей или меньшей мере рабами, даже пролетарскими нациями по отношению к англо-американскому капитализму». Но время этого капитализма подходит к концу, поскольку «капитализм есть эпизод мировой истории, он пришел не так уж надолго». Это — идол Маммоны, извращение человеческой природы. Борьба с англо-американским «мировым капитализмом» объединяет угнетаемые «пролетарские нации» — вплоть до возможного союза с Россией, которую несколько лет ранее Шелер считал главным противником европейской культуры.

английская наука от Исаака Ньютона до Чарльза Дарвина связаны с торговством. Даже на природу переносятся либерально-буржуазные представления, тогда как учение о государстве дает образ мещанской конторы. Меркантилизм, полагал Зомбарт присущ всей английской жизни, все войны Англия вела ради прибыли, прикрываясь лицемерными словами о «правах и свободах». Поэтому «война 1914 года есть война Ницше»; «немецкое мышление и немецкое чувство заявляют о себе прежде всего как решительное отрицание всего того, что хоть как то напоминает английское или западноевропейское вообще, мышление и чувство»¹.

Немец же, считал Зомбарт, отвергает утилитаризм и эвдемонизм, идеи пользы и наслаждения во имя воли и духа, долга и преданности, самопожертвования и героизма. Немецкому духу присуще органическое представление о государстве как о том панцире, который защищает народное тело. «Милитаризм» — это выражение ненавидящих Германию торговшей и купленных ими «демократических» писак. На деле же, по мнению Зомбарта, речь шла о примате ценностей воина, героя. Война позволяет выявить эти высшие человеческие свойства. До войны торговшеская культура, буржуазное мировоззрение уже стало завоевывать мир своим стремлением к материальным благам и к комфорту. Однако богатство и комфорт не могут быть высшими ценностями жизни; там, где они делаются таковыми, жизнь неизбежно обречена на упадок. «Идеи 1789 года» антижизненны, утверждал Зомбарт, поэтому против них идет «священная немецкая война», равно как против «интернационализма» торговшей, против «европейничанья». Не существует «европейца вообще», как не существует одного для всех стран единого языка — представители разных наций еще не дошли до того, чтобы говорить на каком-нибудь эсперанто.

До войны Зомбарт считался «красным», близким социал-демократам мыслителем. Его переход на позиции радикального национализма не был единичным случаем среди немецких «левых», вплоть до августа 1914 г. социалисты считали себя пацифистами — таковыми их считали и их противники, т.е. двор кайзера, офицерство, практически вся немецкая буржуазия. Накануне войны 25 июля 1914 г. руководство этой партии приняло резолюцию, осуждавшую австро-венгерское правительство за «фривольную провокацию войны». Но уже через несколько недель парламентская фракция социал-демократов в подавляющем большинстве своем одобрила военные кредиты и вслед за официальной пропагандой стала утверждать, что война была развязана Сербией и Россией, что Германия ведет оборонительную войну за «правое дело».

Подобную эволюцию, как уже отмечалось, проделали почти все социалисты Европы. Но часть руководства немецких социал-демократов пошла много дальше того, что можно назвать патриотизмом. От первоначальной позиции («мир без завоеваний») они к 1916 г. перешли к поддержке планов аннексий германского руководства, обосновывая это тем, что в борьбе с «кровавым царизмом» хороши все средства.

¹ *Sombart W. Händler und Helden, Patriotische Besinnungen. München; Leipzig, 1915. S. 55.*

Особенностью германских правых социал-демократов было то, что тотальная мобилизация всех ресурсов в условиях войны казалась им прологом перехода к социализму. Термин «национальный социализм» появляется в изданиях немецких социал-демократов с 1915 г. Первопроходцем был Август Винниг, напечатавший статью в издании профсоюза немецких строителей. В ней говорилось о том, что военная экономика предполагает не только нормирование ресурсов, но также иную организацию всего общества, участие в управлении профсоюзов — дисциплина и организация становятся ключевыми словами в определении того, что Винниг уже тогда назвал *Elemente eines neuen Deutschtums*. Классовая борьба исчезает в новом рейхе, пролетариат становится союзником и сотрудником государства, поскольку судьба Германии и судьба рабочего класса неразрывно друг с другом связаны.

Среди социалистов, пересмотревших свои прежние пацифистские убеждения, наиболее интересна фигура Пауля Ленша, который принадлежал левому флангу СДПГ, вместе с Розой Люксембург воевал с «ревизионистами». Еще в августе 1914 г. он принадлежал к тем, кто противился голосованию за военные кредиты, но с 1915 г. он входит в группу правых («Группа Кунова — Хэниша — Ленша»), которая пошла гораздо дальше всех прочих в переосмыслении прежней программы и политики социал-демократов. Ленш хорошо разбирался в вопросах экономики (после войны он вышел из партии и стал профессором экономики в Берлинском университете), а потому увязывал необходимость пересмотра пацифистских позиций социалистов с изменениями в отношениях между государством и хозяйственными субъектами. Образование синдикатов и картелей ведет к монополистической организации рынка, ко все большему сращиванию частного капитала с государством. Растет и роль государственного планирования — война лишь усилила и ярко выявила эту тенденцию. Возникающее в условиях войны общество отменяет, по мнению Ленша, индивидуалистические принципы 1789 г. Поэтому и социал-демократическая партия не может далее оставаться прежней классовой партией пролетариата. Из левой партии она становится «партией центра», в которой свою роль будут играть и интеллектуалы, и чиновники, и офицеры.

Социалистический идеал вообще никогда не был тождествен буржуазным идеям прав и свобод, его сердцевину, по мнению Ленша, составляла идея равенства в организованном обществе. Такое общество может возникнуть только в рамках национального государства, а потому социализм выступает у Ленша как «спаситель национализма». В отличие от других руководителей партии, делавших оговорки в духе прежних лозунгов («мир без аннексий», «всеобщее разоружение» после войны), он считал такого рода идеалы абстрактными и оторванными от действительности. Поскольку мы живем в мире национальных государств, интересам немецких рабочих отвечает сильная экономика в могущественной империи. У рабочих есть свое отечество, за которое они готовы умирать, — таков его вывод.

На языке философии истории эти идеи получили выражение в книге Иоганна Пленге: «1789 и 1914. Символические годы в истории политическо-

го духа»¹. Пленге не был членом СДПГ, хотя относился к близким правому крылу этой партии публицистам. Во время войны он печатался в издаваемом А.Л. Парвусом «Die Glocke». Книга начинается с оппозиции идеям Канта и Гегеля. Война, по мнению Пленге, возвращает нас к закрытому торговому государству Фихте и гегелевскому возвеличиванию Пруссии как образцового государства. Война ведет к преодолению классовых противоречий в национальном государстве, она привела уже к централизации, к планированию хозяйственной жизни. «Война производит экономику, экономика — войну!» Именно это составляет существо «идей 1914 года». Нечто подобное происходило и в других воюющих странах, но там не было соответствующей интеллектуальной традиции. «За нами будет XX век. Как бы ни окончилась война, мы являемся образцовым народом. Наши идеи будут определять жизненные цели человечества». 1914 год являлся, по мнению Пленге, годом перелома, поскольку с ним связано «свободное включение крупных хозяйственных органов в государство», сделавшееся «всеобъединяющим центром всех членов экономической жизни», в результате чего, якобы, возникает «народное товарищество национального социализма»².

Пленге считал, что «идеи 1914 года» являлись «золотой серединой» между государственным социализмом и демократизмом. Они объединяли такие противоположности, как организация и индивидуализм, чиновничество и народная свобода, система обязанностей и права человека. 1789 год был годом победы идей свободы, 1914 год символизировал завершение этого бурного исторического периода. «Капитализм возник не на каких-то островках мира во всемирной истории... Капитализм был орудием для государства, а государство со своей стороны — орудием капитализма, желавшего расширить свои рынки, подавить своих противников с помощью политических средств», — писал Пленге³. Он начинался с освобождения, а завершается организацией. Он освободил крестьян, освободил производство от цеховых ограничений, провозгласил свободу торговли и свободу слова. Это привело к быстрому техническому и экономическому развитию. Но само это развитие привело к концентрации капитала, к гигантским предприятиям, которые переплетаются с государственными институтами и гасят прежние свободы. Пленге признавал, что военное хозяйство есть временное явление, что после войны произойдет возврат к некоторым чертам прежней эпохи, но сохранится идея «немецкой организации», планового хозяйства, четкого разделения труда в рамках единого экономического организма. «Идеи 1914 года» для него именно поэтому суть идеи «национального социализма».

¹ Plenge J. 1789 und 1914. Die symbolischen Jahre in der Geschichte des politischen Geistes. Berlin, 1916. Пленге ссылается на вышедшую годом ранее книгу шведского юриста Кьеллена, в которой уже присутствует оппозиция этих двух дат (впервые она была использована неизвестным автором в передовице газеты «Frankfurter Zeitung»).

² Ibid. S. 18, 20, 82.

³ Ibid. S. 74.

Вслед за Гегелем он говорил о движении мирового духа через ступени, находящие свое выражение в «идеях». Теперь он принимает вид национально-го государства с плановой экономикой, национальной и социалистической в одно и то же время. Пленге писал о том, что грядущий социализм не будет утопическим «царством труда» довоенных социалистов, он будет национальным и военным социализмом. «Философски это можно выразить следующим образом: хотим мы того или нет, мы вступаем в закрытое торговое государство Фихте, которое будет строиться на основе гегелевских представлений о государстве»¹. Оно будет закрытым для мирового капитала, который способен только грабить народы (и сравнивается Пленге с пиратами). Это будет сильное национальное государство, в котором одна и та же сила пронизывает все части и посредством единой воли направляет все члены организма к решению стоящей перед нацией задачи. К довоенному обществу уже нет возврата — война изменила и общество, и государство. «Посредством войны мы сделались более чем когда-либо социалистическим обществом»².

Сходные идеи развивались в это время одним из ведущих организаторов военной экономики рейха Вальтером Ратенау. В книге о грядущем («Von kommenden Dingen», 1917) он говорил о «механизированном» и «организованном» обществе, в котором будет преобладать плановая экономика, а потому неизбежно урезаются прежние свободы либерального мира. В написанном через четверть века романе Томас Манн так передавал суть «идей 1914 года»: «...что после Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир; что XX век принадлежит нам и что по истечении провозглашенной около 120 лет назад буржуазной эпохи мир должен обновиться под знаком немецкой эры, стало быть, под знаком того, что не совсем четко определяется как милитаристский социализм». Завершая свои воспоминания об идеологических исканиях тех лет, он пишет: «Эта мысль, чтобы не сказать — идея, завладела нашими умами вместе с убеждением, что война нам навязана, что лишь священная необходимость заставила нас взяться за оружие, — оружие, кстати сказать, давно прикопленное и которым мы столь превосходно владели, что, конечно, жаждали пустить его в ход»³.

К концу войны появляются проникнутые пессимизмом философско-исторические труды. Г. Зиммель в «Конфликте современной культуры» (1918) писал о том, что иррациональная жизнь вступает в современном мире в конфликт с любой разумной формой; Т. Лессинг утверждал, что высшим проявлением европейского разума оказывается несущая лишь смерть военная техника, и приходит к последовательному пацифизму⁴. О. Шпенглер завершает первый том «Заката Европы», в котором предрекается неизбежное крушение всей западной цивилизации.

¹ Plenge J. Op. cit. S. 121.

² Ibid. S. 123.

³ Манн Т. Доктор Фаустус. М., 2004. С. 359.

⁴ Его книга «История как придание смысла бессмысленному» не была пропущена военной цензурой и вышла в свет только после войны в 1919 г.

В русской патриотической публицистике имелись совпадения с публицистикой союзников по Антанте, но с одним отличием. Если в Великобритании и во Франции (а затем в США) противостояние «германскому милитаризму» сочеталось с противопоставлением «свободы — несвободы», «демократии — авторитаризма», то в России они были по понятным причинам невозможны. Об освобождении славян от германского «ига», разумеется, писали немало, ведь начало войне положил ультиматум Сербии. Из пленных чехов и словаков начали создавать армейские подразделения, были даны туманные обещания полякам. Планы расчленения Австро-Венгрии, несомненно, существовали, но в публицистике война представляла преимущественно как война оборонительная или освободительная, что вполне вписывалось в широко распространенные в Российской империи идеи панславизма.

Панславизм опирался на традицию, восходящую к трудам славянофилов первой половины XIX в., хотя многие важнейшие элементы славянофильства были пересмотрены или целиком отброшены¹. Идеейная история всего XIX века «определялась одним и тем же фактом: соприкосновением и оппозицией России и Запада, проникновением европейской цивилизации в Россию. Этот процесс... породил две проблемы: с одной стороны, проблему отношений между "Россией и Западом", "Россией и Европой", между "национальным существованием и западной цивилизацией"; с другой стороны, проблему отношений между образованными людьми и массой, *интеллигенцией* и народом»². Философия в России развивалась прежде всего как философия истории — проблемы логики и эпистемологии интересовали русских мыслителей лишь в связи с политическими и историософскими вопросами. Однако сколь бы самобытными ни были иные русские мыслители, философский инструментарий заимствовался ими у западных, прежде всего немецких, философов, причем И.В. Киреевского и А.С. Хомякова это касается ничуть не в меньшей степени, чем П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского или А.И. Герцена.

Хотя Киреевский, например, писал, что немецкая философия «вкорениться у нас не может», но сам он был несомненным наследником романтиков и Шеллинга, равно как и первый русский западник — Чаадаев. Гегельянцами были и западники, вроде Белинского и Чичерина, и такие славянофилы, как Аксаков и Самарин. Затем Шеллинга и Гегеля сменили другие немцы — Фейербах, Штирнер, Маркс. С 1890-х гг. в России становится необычайно популярным Ницше — ни в одной другой европейской стране помимо самой Германии у него не было такого числа переводчиков, толкователей и поклонников. Наконец, в начале XX в. русские студенты проходят выучку у неокантианцев и Гуссерля в Германии, в Вене и Цюрихе постигают психоанализ. Если же иметь в виду то обстоятельство, что естественным наукам, медицине, инженерному делу многочисленные русские студенты учились за границей именно в немец-

¹ Славянофилы, в отличие от их наследников начала XX в., не были ни националистами, ни государственниками (достаточно вспомнить полемику Ю.Ф. Самарина с М.Н. Катковым).

² Коире А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 6.

ких университетах, то становится понятным, что противопоставление России и Германии в сфере духа оказывалось довольно затруднительным.

При этом во время войны совершенно непригодной оказывалась унаследованная от славянофилов оппозиция «Россия — Запад», союзниками России были Франция и Великобритания, которые к тому же рассматривались как «Запад» многими немецкими публицистами. Еще до войны начинаются споры между двумя группами русских философов по поводу немецкой мысли. Одни подчеркивали самобытность русской философии, признавая, конечно, некоторое влияние немецкой мысли; другие (чаще всего прошедшие выучку в Марбурге, Гейдельберге или Фрайбурге) пытались привнести в Россию последние достижения германской философии¹. Поэтому в полемике с «германским духом» военных времен можно обнаружить след предшествующих споров. Стоит сказать, что подобного рода «внутренняя борьба» в явном или скрытом виде присутствовала во многих публикациях с самого начала войны. Скажем, получившая широкий отклик книга В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» сводит счеты прежде всего с российской революционной и либеральной интеллигенцией, которой противопоставляется не столько славянофильство, сколько официальное монархическое государственничество.

Н.А. Бердяев в своих статьях продолжает начатую в «Вехах» борьбу с «нигилизмом» русской интеллигенции, с марксистским доктринерством, с радикальным западничеством (на примере Горького), которое объявлялось им идолопоклонством². Славянофилы для него были как раз первыми европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не просто на детский манер подражать, как это делали западники, остававшиеся в этом отношении именно азиатами. Почти столь же резко Бердяев пишет о наследниках славянофильства, о Розанове: война вовлекает Россию в всемирную историю, она кладет конец замкнутому провинциальному существованию, а тем самым и «славянофильскому самодовольству», и «западническому рабству»³.

По существу, подобного рода сведение счетов с оппонентами в самой России обнаруживается в многочисленных публикациях. Разумеется, некоторые позиции в условиях военной цензуры не были представлены (ни пацифизм, ни большевистское «пораженчество»), другие вообще не получили в России широкого распространения: в отличие от Германии, о «расовой войне» в России не писали, да и наличие немецкой по крови династии, влиятельной касты прибалтийских баронов препятствовало распространению подобных суждений.

Зато о метафизическом столкновении с германством «русского духа» писали часто. В памяти потомков остались только самые одиозные публикации, вроде статьи В.Ф. Эрнэ «От Канта к Крупну» (в сборнике «Меч и крест»), на-

¹ В качестве примера можно привести основанный учившимися в Германии у неокантианцев Ф.А. Степуном и С.И. Гессеном журнал «Логос»; само издательство «Мусaget» было создано на немецкие деньги и с целью «продвижения» в Россию германской культуры.

² См.: Бердяев Н.А. Азиатская и европейская душа // Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2007. С. 69.

³ См.: Бердяев Н.А. О «вечно бабьем» в русской душе // Собр. соч.: В 5 т. Т. III: Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989.

писанной в самом начале войны. Впрочем, его позиция не была примитивно-пропагандистской, а в работе «Время славянофильствует» он четко указал на границы подобных сопоставлений и сделал ряд оговорок. Как и некоторые другие православные мыслители, он указывал на важную особенность немецкой послекантовской философии, в которой субъект полагает, конструирует реальность. Трансцендентальный идеализм Канта и Фихте получил развитие в неокантианстве Марбургской школы — именно в Марбург отправлялись учиться русские философы¹. Под «немецким духом» Эрн понимал некое сочетание «коперниканской революции» Канта, логицизма Гегеля и волюнтаризма Фихте, Ницше и популярной на то время «философии жизни». Подобно тому, как трансцендентальный субъект организует и даже конструирует объект познания, «немецкий дух», полагал Эрн, желает навязать свой порядок всему миру с той, правда, оговоркой, что этим богатая спекулятивная мысль Германии не исчерпывается: рейнская мистика, романтизм Новалиса или умозрения Гёте противостоят этому доминирующему в Германии подходу к действительности.

Сходным образом о «немецком духе» писал С.Н. Булгаков, для которого внешние события (мировая война) в каком-то смысле подготавливались и предreshались борьбой в сфере духа: «В частности, давно уже назревало и то столкновение германства с православно-русским миром, которое внешне проявилось ныне, не теперь только началась война духовная. С германского запада к нам давно тянет суховей, затягивая пепельной пеленою русскую душу, повреждая ее нормальный рост. Эта тяга, ставшая ощутительной с тех пор, как Петр прорубил окно в Германию, к началу века сделалась угрожающей. И, конечно, существеннее было здесь не внешнее “засилие” Германии, но духовное ее влияние, для которого определяющим стало своеобразное преломление христианства через призму германского духа», — писал Булгаков². Немецкое прочтение для Булгакова есть «арианское монофизитство», принимающее различные облики: от монизма и имманентизма до социалистического человекобожия. Он даже именует его «хлыстовством западного типа»: если соблазном для православия является мистическая разнузданность, укорененная в бессознательном, то «западное, германское хлыстовство зарождается и культивируется в дневном сознании и потому вообще страдает интеллектуализмом»³. Эти слова писались Булгаковым в конце 1916 г., но в самой его книге, начатой еще до войны, действительно можно обнаружить продолжение его предшествующей полемики с «человекобожеством» Фейербаха, Маркса и всего светского гуманизма, которую он начал десятью годами ранее.

За пределы этих еще предвоенных споров выходит Н.А. Бердяев. Безусловно, в его статьях, вошедших в книгу «Судьба России», достаточно много тем, общих для большинства обратившихся к публицистике философов, но появляются совершенно нетипичные для религиозной философии той эпохи вопросы. От рассуждений о «русской и германской душе» он переходит к соотно-

¹ Да и не только философы — можно вспомнить о Б.Л. Пастернаке.

² Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994. С. 5.

³ Там же.

шению национального и общечеловеческого, пишет об империализме, закате европейского рационализма — термины «сумерки Европы» и «новое средневековье» появляются уже в его статьях 1915–1916 гг. Развязанная европейцами мировая война, предсказывал Бердяев, приведет к росту могущества Америки и пробуждению Востока.

Он подвергает критике морализаторство по поводу войны и попытки представить одну лишь Германию ответственной за войну — столкновение империалистических волей Германии и Англии было неизбежным. И с российской стороны речь должна идти не об одной лишь защите от агрессора: «Россия имеет свои самостоятельные задачи, не зависящие от злой воли Германии. Россия не только защищается, но и решает свои самостоятельные задачи»¹. Время войны вообще было для Бердяева временем огромного духовного напряжения — именно в эти годы обретает окончательные черты его близкая последующему экзистенциализму доктрина, впервые выраженная в большой работе «Смысл творчества». В ней значительное место занимает философия истории — размышления о технической цивилизации, мессианизме, эсхатологии возникают в связи с мировой войной и привносимыми ею переменами в судьбы народов.

Революция, поражение в войне привнесли пессимистические оттенки в его суждения о продолжающейся войне. Для Бердяева «русское падение и бесчестье способствовало военным успехам Германии. Но успехи эти не слишком реальны, в них много призрачного. Германские победы не увеличили германской опасности для мира. Я даже склонен думать, что опасность эта уменьшается. Воинственный и внешне могущественный вид Германии внушает почти жалость... Германия есть в совершенстве организованное и дисциплинированное бессилие. Она надорвалась, истощилась и принуждена скрывать испуг перед собственными победами»². Всей Европе, полагал он, грозит внутренний взрыв, подобный российской революционной катастрофе. Возможное крушение всей христианской цивилизации, приход нового варварства под прикрытием революционной риторики — такова пугающая Бердяева перспектива. «После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой»³.

Пожалуй, самым глубоким из сочинений конца войны была книга Е.Н. Трубецкого «Смысла жизни», большая глава которой была посвящена войне и ее последствиям. Война видится им как провал всеевропейской государственности, всех тех идей, на которых строилась цивилизация. И в личной, и в общественной жизни стал господствовать «кодекс последовательного и беспощадного каннибализма». Экономические и технические усовершенствования, даже политическая демократия вели к мировой бойне: «раньше война была делом не народа как целого, а особой армии... Принцип всеобщей воинской повинности, *вооруженного народа*, есть изобретение времен новейших... Меч государства, выпавший из его рук, обратился против него: народ, вооруженный государ-

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 148.

² Там же. С. 7–8.

³ Там же. С. 9.

ством, стал величайшей угрозой для самого его существования»¹. Национализм, т.е. коллективный эгоизм, столкнулся с ничуть не менее убедительным для массы коллективным эгоизмом класса. В других странах революционно-анархические стремления пока сдерживаются, но современный шовинизм и там может обернуться бунтом: «Чем сильнее шовинистический подъем, тем могущественнее могут оказаться и революционная волна, им вызванная, и те искушения интернационала, против которых безверие бессильно!», — писал Трубецкой².

Если религиозные мыслители в результате поражения России пришли к мысли о пагубности войны, способной перейти в войну гражданскую, то их наиболее радикальные оппоненты с августа 1914 г. призывали к такому переходу. Гражданской войной была охвачена не только Россия, но и страны Центральной Европы. Хотя там в итоге и удалось подавить очаги революции, эти искры не угасли. По словами немецкого историка Эрнста Нольте, началась эпоха «европейской гражданской войны».

§ 2. Пушки заговорили, но музы не умолкли

Летом 1914 г. грозные предчувствия надвигающихся катаклизмов, владевшие умами, оправдались — началась война, которой суждено было превратиться в мировую, стать для всей европейской культуры — в том числе и литературы — эпохальным рубежом, определившим вектор ее дальнейшего развития.

«Великая война» никого не оставила в стороне; писатели и поэты разделили судьбы своего поколения. Некоторые были мобилизованы, иные пошли на фронт добровольцами; многие с фронтов не вернулись: в их числе английские поэты Айзек Роузенберг, Уилфред Оуэн, французский поэт Шарль Пегги, погибший в первом же сражении на Марне. Погибали не только на фронтах, но и в тылу — от ран и лишений: в 1914 г. Аполлинер ушел воевать добровольцем, после ранения в голову осколком снаряда вернулся в Париж, но здоровья не восстановил и умер в 1918 г., подхватив грипп, — ему было 38 лет.

Война резко политизировала всю общественную ситуацию, заставив литераторов (даже весьма далеких от политики и не принимавших в военных действиях непосредственного участия) по-новому взглянуть на свои гражданские и творческие приоритеты, что в ряде случаев в корне преобразовало их творчество. Так произошло, например, с Анной Ахматовой (1889–1966). Война стала для нее толчком к выходу за пределы камерного пространства ранней лирики, — в стихах Ахматовой военных лет звучит сопереживание народной боли, они пронизаны ощущением сопричастности поэта всему, что происходит вокруг: «Июль 1914» (1914), «Утешение» (1914), «Молитва» (1915); в стихотворении «Памяти 19 июля 1914» (1916) она емко определяет историческое значение происшедшего: «Мы на сто лет состарились, и это / Тогда случилось в час один»³.

¹ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2003. С. 346.

² Там же. С. 356.

³ Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1998. С. 269.

1914-й год оказался новой точкой отсчета. Перед писателями совершенно определенно встал вопрос о том, как каждый из них лично относится к разразившейся катастрофе, как понимает причины и цели войны, как видит свое участие или неучастие в конфликте. Эти сюжеты сохраняли актуальность на протяжении всех лет войны, ведь по мере развития событий восприятие войны в обществе менялось. Ни в одной стране Европы на этот счет не отмечалось единства, настроения в литературных кругах также были различны, отражая весь спектр имевшихся в обществе разногласий.

В ряде случаев позиция того или иного литератора была легко предсказуема по произведениям, написанным им еще до 1914 г.: скажем, итальянский футурист Маринетти стал активнейшим поборником войны, но это и не удивительно, ведь он славил войну задолго до ее начала. Далеко не всегда, однако, картина складывалась столь однозначно, порой позиция, занятая писателем, оказывалась весьма неожиданной. О том, сколь сложна была ситуация в духовной и социально-политической жизни того времени, говорит, например, тот факт, что антимилитарист Герберт Уэллс вначале поддержал войну: он считал, что война разрушит старые порядки и откроет путь к обновлению, что поражение Германии даст толчок к прогрессу повсюду. В 1914 г. Уэллс выступил со статьями, собранными затем в книгу «Война против войны», ставшую опорой официальной пропаганды, давшую ей важнейший лозунг. Однако по мере нарастания жестокости и кровопролития Уэллс изменил свою позицию, его роман «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна», опубликованный в 1916 г., показал трагедию войны, беспощадно уничтожившей человеческие жизни.

«Мобилизованными и призванными» ощутили себя и американские писатели, причем некоторые — задолго до вступления США в войну. Знаменательна в этом плане фигура Эдит Уортон (1862–1937), внесшей немалый вклад в развитие американского реалистического романа и прозы в целом. С 1906 г. Уортон жила в Париже, где в начале века обосновалось немало американских литераторов-эмигрантов, к которым в 1920-е гг. присоединились затем и некоторые писатели молодого поколения (в частности, пошедший на войну добровольцем Эрнест Хемингуэй; призванный и служивший в армии на территории США Ф.С. Фицджеральд). Уортон была с юности поклонницей немецкой культуры, прекрасно знала немецкий язык, много переводила с немецкого, но в условиях войны победа над Германией стала для нее равносильна спасению Европы. Уортон с головой ушла в благотворительную работу: проводила сбор средств в помощь семьям, пострадавшим от войны, работала без устали по налаживанию медицинской помощи, не раз выезжала на фронт для непосредственного ознакомления с ситуацией.

Писательница организовала публикацию «Книги бездомных», которая вышла одновременно в Нью-Йорке и Лондоне в октябре 1915 г. В ней были собраны прозаические произведения, стихи, ноты и иллюстрации. Все средства, полученные от продажи, пошли на содержание приютов и в комитет по спасению бельгийских детей. Среди авторов были Руперт Брук, Поль Клодель, Жан Кокто, Эдмон Ростан, Джордж Сантаяна, Томас Гарди, Игорь Стравинский,

У.Б. Йейтс, Джозеф Конрад, Морис Метерлинк, Поль Элмер Мор и другие, в том числе и сама Уортон, которая к тому же перевела на английский практически все включенные в сборник французские стихотворения.

В 1916 г. за свою огромную работу во время войны Уортон была принята в кавалеры Почетного легиона — высшая награда Франции для иностранца, в 1918 и 1919 гг. она была удостоена государственных наград Бельгии. Работа женщин в годы войны послужила одним из толчков к тому, чтобы женщины получили, наконец, право голоса; Эдит Уортон — в числе тех, кто этому способствовал.

В общественной дискуссии по проблемам войны и мира писатели участвовали и словом и делом; в нее были вовлечены все роды и виды литературы, все ее жанры; и в прозе, и в поэзии, и в драматургии были созданы произведения о войне, ставшие вехами в развитии общественного сознания и в истории литературы.

Одной из важнейших литературных форм, оказавшейся в годы войны на передовом рубеже, была, безусловно, публицистика, ведь по самой своей природе публицистика предполагает открытое обращение писателя к обществу, стремится к активному прямому разговору о наиболее значимых и актуальных проблемах. Обращает на себя внимание тот факт, что с самых первых дней войны выдающиеся писатели того времени — и те, кто уже достиг известности, и те, кому еще предстояло стать властителями дум европейцев, — в статьях и очерках на злобу дня не просто освещали и комментировали ход военных действий или политические решения, но стремились осмыслить происходящее в контексте всеобщей истории как явление метаисторического порядка. Конечно, такое видение войны было подготовлено всей интеллектуальной и духовной обстановкой рубежа веков, теми трагическими предчувствиями, которые наполняли собой атмосферу предвоенной жизни и отчетливо прозвучали в предвоенной литературе. Идеи, выраженные литераторами в их публицистике военных лет, в дальнейшем нередко подвергались ими существенному пересмотру, порой признавались ошибочными, но в целом публицистика того времени составляет важную часть литературного наследия, главу в истории европейской мысли XX в., служит во многом своеобразным прологом к произведениям послевоенного периода, в том числе художественным.

Весьма характерна в этом отношении военная публицистика Алексея Толстого (1882–1945). В 1914–1916 гг. он был военным корреспондентом газеты «Русские ведомости» и имел возможность самым непосредственным образом наблюдать за событиями. Красной нитью в публицистике Толстого проходит мысль о судьбах русского народа, его роли в европейской истории. С самого начала Толстому важно было показать, как в аморфное, расслабленное культурное сознание эпохи декаданса ворвалась новая реальность — война, по-новому открывшая русским значение их отечества. В статье, так и озаглавленной «Отечество», Толстой с восхищением писал о русском народе: «Но вот настало 17 июля; день, казалось, был такой же, как и все в этом месяце, но случилось событие почти равное чуду: от Владивостока до западных границ, от Белого моря

и до Черного во всей густой толще народа произошел сдвиг: была объявлена мобилизация, затем война, и весь народ, тот, кто был только что и темным, и сонным, и пьяным, за кого мы всегда опасались, кого с такими трудностями учили уму-разуму, поднялся на беспрецедентную эту войну, решительно, мужественно и серьезно»¹.

Статья написана в пафосном тоне, война оценивается в ней как великое героическое поприще. Русский народ предстает у Толстого идеализированным, былинно-сказочным: «переворот произошел в один день, к вечеру мы стали крепким, решительным, чистым народом» (С. 10).

О том, что это, мягко говоря, некоторое преувеличение, хорошо знал и сам Толстой. За романтизацией кроется, на наш взгляд, особый замысел, а не просто патриотическое воодушевление или политический заказ. В очерке «По Вольни» (август 1914 г.), например, Толстой отмечал, что пылкое отношение Москвы к войне совершенно не было понято в провинциальных городах, что там наблюдались недоумение, холод, растерянность, а в «местах, где прошли сражающиеся войска, население ничего уже не понимает, насмерть испугано и тревожится вопросом: возместят ли страховые общества убытки?» (С. 17). Но Толстой дистанцировался от этой картины, «чтобы увидеть ясно перспективы событий», а для него они были неразрывно связаны с «воздухом Москвы» (С. 17): «Москва одна сердцем поверила в высокое предназначение славянской культуры, почувствовала значение этой войны и с бесконечным состраданием приняла на себя всю ее тяжесть» (С. 16).

Великий подъем русского самосознания Толстой связывал с великими, судьбоносными для всей Европы задачами России. Он видел в мировой войне противостояние духа и разума, духа и искаженной рациональности, воплощением которых являются соответственно Россия и Германия. В этом противостоянии обнажилось, по его мнению, и «ядро новой культуры» — «то, что выведет нас, а быть может, и остальные народы из железного тупика механической культуры на верный, ясный путь мира и радости» (С. 10). Именно в этой плоскости рассматривал Толстой задачи России в мировой войне, Россия становилась для Толстого спасителем и залитой кровью Бельгии, и Франции, и всей европейской культуры.

Военная публицистика Толстого, сохраняя присущую ей философичность, постепенно включала в себя новые аспекты. К февралю 1917 г. на фоне революционных событий в России смысл мировой войны все чаще рассматривался Толстым в свете движения к социальному преобразованию мира; война, мир и свобода соединились для него в единый образный узел, осененный ореолом святости и героизма: «Грядущая свобода должна уничтожить войну навсегда. Но, чтобы была у нас эта свобода, нужно *эту* войну довести до конца, потому что тень уходящего злого века еще покрывает больше половины земли» (С. 73).

Конечно, в очерках и рассказах о войне взгляды Толстого обрели значительно более глубокое, не столь однозначное воплощение, как в его статьях.

¹ Толстой А.Н. Отечество. М., 1976. С. 9. (При последующих ссылках на это издание указания номеров страниц приводятся в тексте в скобках вслед за цитатой.)

Его заметки и очерки насыщены реальными человеческими судьбами: в них нашлось место врачам лазаретов и медсестрам, бывалым солдатам и наивному мальчику-добровольцу, о боевом энтузиазме которого Толстой писал с грустной улыбкой («На Кавказе», 1915). Сложный и трагический опыт мировой войны и революций в России потребует создания эпических полотен: трилогия Толстого «Хождение по мукам» (1922–1941) станет одним из них. Толстой работал над ней почти два десятилетия, но зерна этого великого замысла — осмысление судеб России, соединение судьбы личности и национальной истории — мы отчетливо видим в его творчестве военных лет, в том числе публицистике.

Многие мысли Алексея Толстого оказались созвучны взглядам других русских писателей (а в некоторых своих аспектах и не только русских, — скажем, Уэллса). Нельзя не видеть, что выдвигавшиеся Толстым положения были своеобразным преломлением и развитием важных для культурного сознания России идей Чаадаева, всей дискуссии западников и славянофилов (в статье «Отечество» Толстой и сам проводил пунктиром связующую нить от века XIX в век XX).

В контексте войны наследие русских мыслителей XIX в. стало предметом глубоких размышлений, в том числе для тех, чьи взгляды на войну были весьма далеки от взглядов Алексея Толстого. Осип Мандельштам (1891–1938), к примеру, воспринял войну как начало перемен роковых и скрытых в своем внутреннем смысле («Европа», 1914):

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!¹

Религиозные метафоры лирики Мандельштама военных лет подчеркивали вселенскую судьбоносность происходившего, кровавому безумию войны он противопоставлял великую традицию культуры, — его «Ода Бетховену» (1914) звучала как ода миру. Статья Мандельштама «Петр Чаадаев» (1915) также была направлена против вызванного войной и военной пропагандой националистического угара, рассматривала чаадаевские идеи в гуманистическом ключе. «Чаадаев знаменует собой новое углубленное понимание народности как высшего расцвета личности и России как источника абсолютной нравственной свободы», — писал Мандельштам².

Своеобразный разговор с русскими мыслителями XIX в. вели и другие публицисты. Подобно Алексею Толстому и Николай Бердяев, и Леонид Андреев, например, видели в Германии не просто политического и военного противника, но некое средоточие механистической цивилизации, бездуховного позитивизма, той односторонней рациональности, о которой писал еще И.В. Киреевский; в этом контексте смысл и цели войны обретали действительно всемирное духовное значение. Так, Николай Бердяев, перебрасывая мост от положения

¹ Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995. С. 121.

² Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. II. М., 1991. С. 292.

дел в искусстве к событиям государственно-политическим, называл начатую Германией войну «войной футуристической» — «машинной», «индустриальной». «Англия и Франция стараются в этом превзойти Германию, делая новые изобретения», — отмечал он, а «мы, русские, наименее футуристичны в этой войне»¹. Истоки мировой войны лежали, подчеркивал Бердяев, в духовном плане, и масштаб происходящего — вселенский; он был убежден, что в искусстве и в жизни стоит единая задача — сохранить «образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни»². Мировая война подтолкнула Бердяева к углубленному исследованию «русской идеи» — своеобразному продолжению дискуссии между западниками и славянофилами, их последователями и оппонентами в истории русской мысли; его очерк «Душа России» (1915) открывался словами о том, что «мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании»³.

Леонид Андреев был среди тех, кто рьяно поддержал участие России в войне и был сторонником войны до победного конца. При этом Андреев был далек от милитаристского угара: он принял войну с Германией «как необходимость», «страшнейшее из зол»⁴. Вместе с тем война рассматривалась им как великое духовное противостояние, в котором не может быть компромиссов. Еще осенью 1914 г. Андреев писал: «Не было у свободы народов более страшного врага, чем Гогенцоллерны; не было для Духа более мрачного и универсального гасильника, нежели Германия последнего пятидесятилетия» (С. 7). Определяя цели войны для русского народа, он помещал их всецело в сферы идеального: «Не за Россию эмпирическую и сущую, а за Россию мыслимую, желаемую и возможную поднял оружие русский народ» (С. 6).

В позиции Андреева, однако, не было ничего шовинистического, не было ни малейшего прославления войны. Его призыв был обращен к лучшему в человеческих душах, к сохранению гуманистического наследия, — а через него — к сплочению и преодолению безумства войны. Андреев подчеркивал и значение германского гения (в том числе — для формирования русской культуры), необходимость отделить в его проявлениях «пшеницу от плевел» (С. 104): «И как мы не откажемся от Шиллера, — раньше германцы сделают это, — так не сделаемся мы шовинистами и милитаристами, каков бы ни был исход войны» (С. 101). Он призывал к объединению сил «в борьбе за наше общее благо и священную цель: человечность» (С. 95).

Мысль о духовном единении человечества (вдохновлявшая, заметим, многих писателей, выступавших с совершенно иных позиций — решительно против войны) была для Андреева чрезвычайно важна. Итогом войны для него должно было быть новое, преображенное единство мира. Неслучайно его во-

¹ Бердяев Н.А. Кризис искусства. М., 1990. С. 22–23 (Репринтное изд.).

² Там же. С. 23.

³ Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея / Сост. и автор вступ. статьи М.А. Маслин. М., 1992. С. 296.

⁴ Андреев Л.Н. В сей грозный час. Статьи. С.П.Б. [1915]. С. 5. (При последующих ссылках на это издание указания номеров страниц приводятся в тексте в скобках вслед за цитатой.)

енная публицистика выдержана в религиозной образности. Так, в статье «Бельгийцам» он рисует картину того воображаемого дня, когда в Берлин вступят войска союзных держав, пройдут и бельгийцы — при виде их «стыдом и тоскою» зальется «ожесточенное сердце» Берлина, и это — как очистительное покаяние — преобразит Германию (С. 46, 47).

Надо сказать, что на противоположной стороне фронта литературная картина сложилась во многом аналогично: для немецкой публицистики военных лет также было характерно стремление осмыслить происходящее в метаисторическом плане, — хотя, конечно, акценты и оценки были иными. Особенно явственно это проявилось в творчестве Томаса Манна.

Война внесла разлад в отношения между братьями: Генрих Манн был яростным обличителем империалистической политики Германии, в годы войны он продолжал работу над сатирической трилогией «Империя», роман «Бедные» (1917) — вторая часть трилогии — свидетельствовал к тому же о развитии в его прозе темы социальной справедливости, противостояния имперской системе; Томас Манн принял позицию Германии, в письме брату 18 сентября 1914 г. он говорил о «великой, глубоко порядочной, даже торжественной народной войне»¹.

Глубоко переживая кризис европейской культуры рубежа веков, Томас Манн искал пути его преодоления. Он указывал на проявления распада в европейских литературах, во всех сферах жизни; молодая Германия казалась ему возможным противовесом разлагающемуся миру старой культуры, переживающей свою агонию. Томас Манн изложил свое понимание общеевропейской ситуации и места Германии в противоречивой по своему характеру публицистической книге «Размышления аполитичного» (1918). Он подчеркивал, что его интересует не мировое политическое и торговое соперничество, что он желает видеть в Германии не политического конкурента Англии и Франции, а их духовного противника. Оплотом рационализма и механистической цивилизации была, с точки зрения Манна, отнюдь не Германия, а страны Антанты; Германия же предстала в его рассуждениях преградой на пути этой все нивелирующей цивилизации. Он подчеркивал, что нация не только социальное, но и метафизическое существо, что национальная культура — это развивающийся из органической глубины народной жизни духовно-художественно-религиозный продукт; ценность, достоинство национальной культуры состоит именно в том, что отделяет ее от других культур, — и именно в этом ее отличие от цивилизации, общей для всех наций.

Манн видел телеологическую функцию войны в том, что она охраняет и усиливает национальное своеобразие, является средством против рационалистического разрушения национальной культуры. Свое участие в войне Томас Манн понимал как участие в мучительном процессе самоосознания, самообра-

¹ Манн Г., Манн Т. Генрих Манн — Томас Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка, статьи: Пер. с нем. / Сост., автор предисл. и коммент. Г.Н. Знаменская. М., 1988. С. 158. (При последующих ссылках на это издание указания номеров страниц приводятся в тексте в скобках вслед за цитатой.)

ничения и самоутверждения немецкой культуры. Старая Европа опиралась, по мнению Манна, на словесность, отождествляла цивилизацию и литературу, но словесно выраженный дух более всего подвержен упадку, становится центром безнравственности и разложения, в нем наблюдается глубокий распад. Словесно выраженному духу Манн противопоставлял органику жизни, исходные формы человеческой культуры и человеческих отношений, Германия представлялась ему источником этой новой энергии жизни.

Нельзя не видеть в этих рассуждениях влияние немецкого декаданса с его противопоставлением «духа» и «жизни». Впрочем, Томас Манн сомневался в своих собственных построениях. Он хорошо знал, что Германия давно уже стала оплотом буржуазности: его роман «Будденброки» (1901) показал постепенное перерождение немецких бюргеров, поведал историю гибели и одного семейства, и эпохи, и типа человеческой личности, ею порожденной.

Интересно, что в декабре 1917 г. (еще до выхода в свет книги «Размышления аполитичного») Томас Манн, как и его брат Генрих, откликнулся на просьбу либеральной газеты «Берлинер тагеблатт» к писателям рассказать о том, как они представляют себе ближайшее будущее своей страны. В статьях, написанных для этой газеты, братья продолжили и свой личный спор по животрепещущим вопросам войны и мира.

Генрих Манн выражал твердую веру в мир, демократию, человека. Он полагал, что мир в Европе не должен быть отказом от войны на том основании, что европейцы нашли ее невыносимой: «Мы должны покончить с войной сознательно, из внутреннего побуждения. Мы должны знать и сознавать, что взгляды и теории, рисовавшие нам войну как сносный источник существования или как освежающее впечатление, были ложны и всегда таковыми останутся» (С. 159). Завершая свою статью, он писал: «Доброта и вера в равенство людей, прекрасная страсть созревшего восемнадцатого века, — почему бы им не вернуться и, может быть, даже на более прочную почву, ибо она обильно вспоена кровью?» (С. 160).

Томас Манн не разделял руссоистских взглядов и оптимизма своего брата, — его статья «Мир во всем мире?» вышла под вопросительным знаком. Он писал, что люди не должны быть слишком высокого мнения о своих нравственных качествах, сомневался, что «народовластие означает власть разума»: «Народы хотят мира, и притом, во что бы то ни стало, когда война окажется очень долгой и очень тяжелой. Пока этого не случится, с их добродетелью дело обстоит неблестяще» (С. 161).

Вместе с тем, выступив в этой полемике со своеобразной апологией самого себя, Томас Манн высказал и свои надежды на мир и гуманное преобразование послевоенной Европы. Он признавал, что «оказался национальнее, чем полагал сам», но отмечал при этом, что никогда не был националистом, подчеркивал, что «даже в дни глубочайшей национальной горечи» не был чужд понимания того, «что вражда между народами Европы — это, в общем-то, заблуждение, ошибка, что терзающие друг друга противники — никакие, в сущности, не противники, а совместно, по воле божьей, в братской муке трудятся над обнов-

лением мира и души» (С. 162). В заключение он писал, что мечтает о будущей Европе, которая проникнется «религиозной человечностью и терпимой духовностью» (С. 162), «когда народы будут по чести жить рядом за мирными границами, обмениваясь благороднейшими своими благами: прекрасный англичанин, лощеный француз, человечный русский и знающий немец» (С. 163).

По обе стороны фронта — во всех европейских странах — было немало писателей, выступивших решительно против войны и шовинистического угара. Они образовали своеобразный «интернационал», нередко сами использовали это слово в отношении себя метафорически; их вдохновляла во многом великая интернациональная традиция мировой культуры.

В Германии в этом ряду выделяется имя Германа Гессе (1877–1960). Первая мировая война — рубеж в его жизни и творчестве. Она застала Гессе в Швейцарии, но писатель остался германским подданным, чтобы не создавалось впечатления, что он дезертировал в трудную минуту (он стал гражданином Швейцарии только в 1923 г.). Еще до войны Гессе сотрудничал в журналах, оппозиционных по отношению к правившему режиму, но именно военные годы — время его наибольшей политической активности и внутреннего переворота. Сам Гессе отмечал, что до войны не вступал по-настоящему в конфликт с отечеством, правительством и общественным мнением, хотя разделял демократические убеждения и находился в оппозиции кайзеру, но война стала своеобразным водоразделом. «...Результатом для меня явился не только полный отказ от официальной Германии, но и пересмотр моих представлений о функции духа и вообще о поэзии», — писал он позднее Томасу Манну¹. Всю войну Гессе работал в Бернском комитете помощи военнопленным.

Герман Гессе

Осенью 1914 г. Гессе выступил со статьей «Друзья, не надо этих звуков» — слова из Девятой симфонии Бетховена, предваряющие шиллеровскую оду «К радости». Как удивительно перекликаются в своей внутренней устремленности эта статья Гессе и «Ода Бетховену» Манделштама! Гессе призывал интеллигенцию Европы сохранять верность «наднациональной идее человечности», «наднациональному зданию человеческой культуры», противостоять войне; «устранение войны, — писал он, — остается нашей благородной целью и важнейшей задачей христианской цивилизации»². Гессе объявили предате-

¹ Гессе Г. Письма по кругу / Пер. с нем. М., 1987. С. 238.

² Гессе Г. Цит. соч. С. 56, 57.

лем отечества, а он протягивал в современность нить великой духовной традиции, столь мощно звучавшей и в немецкой культуре.

В своей публицистике, в том числе статьях о литературе, Гессе подчеркивал единство, всемирность культурного наследия. Говоря о Гёте, например, Гессе писал: «Любовь к человечеству он ставил выше любви к Германии, а ведь он знал и любил ее, как никто другой. Гёте был гражданином и патриотом в интернациональном мире мысли, внутренней свободы, интеллектуальной совести, и в лучшие свои мгновения он воспарял на такую высоту, откуда судьбы народов виделись ему не в их обособленности, а только в подчиненности мировому целому»¹. С этих позиций рассматривал Гессе и вершинные достижения не только немецкой культуры. Так, в 1915 г. он пишет статью «Толстой и Россия», где подчеркивает значение русской литературы для европейской культуры: «...от России к нам вновь приходит столь мощный поток душевности, изначально христианской любви, по-детски непоколебимой жажды искупления, что наша европейская литература внезапно обнаруживает узость и мелочность перед этим потоком душевной страсти и непосредственности»².

Одним из первых бескомпромиссно осудил войну Ромен Роллан; этой позиции он оставался верен всегда. Весь пыл своей души, всю огромную энергию он посвятил борьбе за мир, за утверждение более справедливого нового миро-созерцания в послевоенные годы. Роллан стремился сплотить творческую интеллигенцию не только Франции, но и всего мира в противостоянии войне и в выработке новых представлений о том, какими должны быть взаимоотношения между странами и народами. Деятельность Роллана в этом направлении была весьма плодотворна; он не только выступал как публицист, но и вел оживленную переписку, поддерживая тем самым связь между свободно мыслящими людьми. Роллан одним из первых поддержал Гессе, между ними завязалась переписка, затем последовали и личные встречи.

На протяжении многих лет корреспондентом Роллана был Максим Горький, разделявший с Ролланом возмущение в отношении европейской бойни народов. Горький читал статьи Роллана, не раз выражал ему свое восхищение. «Вы один из немногих, чья душа осталась непомятой безумием этой войны, и величайшая радость — сознавать, что вы сохранили в своем благородном сердце лучшие принципы человечества», — писал Горький Роллану в декабре 1916 г.³ 30 января 1917 г. в своем приветствии «Максиму Горькому» Роллан подчеркивал: «Перед лицом вражды, свирепствующей между нациями, мы утверждаем союз новой Европы. Живущим войною “Священным союзам” правительств мы противопоставляем братство свободных умов всего мира!»⁴.

В военное время это великое братство поддерживали многие писатели. Горький, как и Роллан, занимал очень активную позицию. Он критиковал и

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 66.

³ Горький М. Письма к писателям. Библиотека «Огонёк». № 72 (987) / Сост. Г. Смольянинов; Предисл. Ефима Зозули. М., 1936. С. 9.

⁴ Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. Т. 14. М., 1958. С. 354–355.

войну, и то устройство общества, которое к ней привело, вел переписку, сплавившая европейскую литературную общественность в противостоянии войне. В 1916 г., например, как только Горький узнал, что Бернард Шоу стоит «вне хаоса страстей, возбужденных безумной войной»¹, то радостно приветствовал его и предложил сотрудничество в своем журнале.

Обращает на себя внимание то, что и Роллан, и Горький выступали не только с откликами на текущие события тех лет, но прилагали усилия к созданию той интеллектуальной и духовной атмосферы, которая вывела бы общество из тупика, приведшего к империалистической войне, — все их мысли были направлены на будущее. Так, Горький задумал серию книг для детей — биографии великих людей, просил Роллана написать биографию Бетховена, одновременно обратился к Г. Уэллсу с просьбой дать биографию Эдисона, а сам взялся за биографию Гарибальди. Горький писал Роллану: «Вы знаете, что никто так не нуждается в нашем внимании в эти дни, как дети. Жалкое наследство готовили мы, взрослые, нашим детям, покидая этот мир, невеселую жизнь мы им завещаем. Эта глупая война — яркое свидетельство нашей моральной слабости, упадка культуры. Напомним же нашим детям, что люди не всегда так и дурны, как — увы! — мы теперь. Напомним им, что у всех народов были, и сейчас еще есть, великие люди, благородные сердца! Именно сейчас необходимо это сделать, в эти дни зверства и торжествующего скотства»².

В антивоенной публицистике все чаще звучала мысль о всечеловеческом единстве, об универсальном общем будущем человечества. Так, в ноябре 1916 г. Роллан обратился с письмом к «Писателям Америки», в котором, скорбя о ситуации в Европе, ставил одновременно и великие задачи на послевоенное время: «Для человека — для истинно живого человека — настал час устремиться к идеалу, объемлющему человечество, в котором европейские расы Старого и Нового Света соединят свои духовные сокровища с древними культурами Азии — Индии, Китая и Японии, — ныне возрождающимися. Все эти величавые формы человечества дополняют одна другую. Мысль о будущем должна быть синтезом всех великих мыслей Вселенной»³. Роллан призывал «цвет американского народа», не обремененного прошлым, взять на себя осуществление этой миссии: «В Старом Свете культура находится под угрозой. Америка должна поддержать гаснущий светильник»⁴. Огромный вклад Роллана в развитие литературы был оценен в годы войны присуждением ему в 1916 г. Нобелевской премии по литературе за 1915 год.

Полемичность, присущая публицистике, была важной характеристикой и художественных произведений военных лет, — всей литературы в целом.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны,

¹ Горький М. Цит. соч. С. 18.

² Там же. С. 8–9.

³ Роллан Р. Цит. соч. С. 309–310.

⁴ Там же. С. 310, 308.

— писал, например, Николай Гумилев («Война», 1914)¹. Маяковский же с самых первых дней занял решительно антивоенную позицию — «Мысли в призыв» (1914), «Мама и убитый немцами вечер» (1914), «Война объявлена» (1914):

Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя².

В обличительных стихах Маяковского соединялись прямое, личностное, очень эмоциональное высказывание и сатирический пафос, горечь, тонкая ирония пародии, как, скажем, в стихотворении «Военно-морская любовь» (1915) о любовной паре миноносцев, чья идиллия разрушена войной — миноносец затоплен, над морями стоит плач и вой овдовевшей миноносицы, а в душе — горький вопрос поэта:

И чего это несносен нам
Мир в семействе миноносином?³

В творчестве Маяковского звучала характерная для литературы военных лет тема — противопоставление тех, кто сражается на фронтах, мерзнет в окопах, идет под пули, и тех, кто наживается на войне или нагло и бездумно упивается жизнью в тылу («Вам!», 1915):

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!⁴

Маяковский, надо сказать, не был в этих строках справедлив к Игорю Северянину (1887–1941), — сказался их давний творческий спор. Действительно, Северянин, называвший себя «эгофутуристом», писавший «поэзы», погружавшийся в страну грез — Миррэлию, утверждавший: «Я трагедию жизни претворю в грезофарс»⁵, — был фигурой весьма противоречивой и в своей лирике нередко балансировал на грани пошлости. Но ведь в годы войны его «увертюры» были не только об «ананасах в шампанском»: в стихотворении «Умалишенная» (1914) он писал, что «Земля сошла с ума», «плюет из пушек на поля / И парится в кровавых банях»; а в октябре 1914 создал «Поэзу о Бельгии», где были такие строки:

¹ Гумилев Н.С. Стихотворения. М., 2007. С. 146.

² Маяковский В. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 91.

³ Там же. С. 106.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Северянин И.В. Стихотворения / Сост. и предисл. В. Грекова. М., 1990. С. 69, 78.

Не верим — не можем! не смеем! —
 Что в брызгах снарядовых пен,
 Смертельно ужаленный змеем,
 Сгорел бирюзовый Лувэн...¹

Не менее остро шла литературная полемика в Германии. В годы войны окреп бунтарский дух левого немецкого экспрессионизма, определив его звучание; экспрессионизм отражал нараставшее в обществе недовольство. Его эстетика сохранила присущую ей обобщенность и абстрактность, но была заряжена трагическими конфликтами XX в. и оказала существенное воздействие на дальнейшее развитие немецкой — и не только немецкой — литературы.

Под влиянием левого экспрессионизма формировалось и творчество вступившего в литературу в годы войны Бертольта Брехта (1898–1956). Уже его первые стихи были полны жгучего неприятия социальной действительности, ее несправедливости и ханжеской морали, но сначала в них превалировал знакомый европейцам начала XX в. мотив — романтизация сильной личности и ее вольной жизни за пределами добра и зла, вне убогих границ общественно принятого бытия («Баллада о пиратах», 1918; «Баллада об искателях приключений», 1917; «О сподвижниках Кортеса», 1919).

Однако мировая война в ее убийственной реальности постепенно все более входила в жизнь и творчество Брехта: в 1918 г. он как студент-медик и санитар в военном госпитале смог увидеть реальные «плоды» войны. Обличение мировой бойни и раскрывшихся с ней социальных язв стало центральной темой Брехта. Молодой Брехт использовал в качестве своего оружия пародию, переворачивая нравоучительные постулаты, используя формы религиозных псалмов и песнопений, хрестоматийные произведения немецкой классики, внутренний смысл которых оказался забыт. В 1918 г. появились первые пьесы Брехта — «Ваал», «Барабаны в ночи», «В чаще городов»; тогда же он написал свою знаменитую «Легенду о мертвом солдате».

Владимир Маяковский

Четыре года длился бой,
 А мир не наступал.
 Солдат махнул на все рукой
 И смертью героя пал.

¹ Там же. С. 74, 72.

Но этим он очень расстроил расчет кайзера, ведь солдат не имеет права на свою собственную волю, и даже тело его не принадлежит ему самому: комиссия врачей извлекла солдата из могилы и признала труп годным встать в строй. И вот, поддерживаемый с боков сестрами и ведомый вдовой, солдат вновь стоит на поле брани, трупную вонь отгоняют кадилом, и под рев военного оркестра мертвого солдата бросают в бой –

И снова солдат, как учили его,
Умер, как герой.
(Перевод С. Кирсанова)¹

Мировая война усилила в европейской литературе позиции сторонников модернизма. В годы войны Джеймс Джойс приступил к работе над «Улиссом», Марсель Пруст опубликовал второй том «В поисках утраченного времени» (1918), вышел в свет сборник начинавшего свой творческий путь Т.С. Элиота (1888–1965) «Пруфрок и другие наблюдения» (1917), создал свои важнейшие произведения Франц Кафка.

Австро-Венгерская империя трещала и разваливалась у Кафки на глазах, увлекая за собой в бездну тысячи и тысячи человеческих жизней. Подавляющая мощь военной машины, всемогущество государственного аппарата, дегуманизация общества, беспощадность массовой бойни — все это запечатлел художественный мир его произведений (романы «Процесс», «Замок», новелла «В исправительной колонии»). Новелла «В исправительной колонии» (1914, опубл. 1919), была непосредственным откликом на войну. При всей притчевой иносказательности текста, универсальности обобщений злободневность смысла этого произведения была очевидна. Речь в нем шла о системе механизированной казни, ужасной по своей жестокости и технической отлаженности, об адской карающей машине — «аппарате», которому верой и правдой, с любовью, преданно и самозабвенно служит герой новеллы — офицер. На создание «аппарата» не жалели трудов, он — совершенство инженерного знания. Офицер уверен в справедливости и священном предназначении «аппарата», техническим обслуживанием которого он занят. При этом офицер исполняет и роль судьи, а принцип его судейства таков: «Вынося приговор, я придерживаюсь правила: «Виновность всегда несомненна»². Офицер в восторге от «аппарата», ради утверждения этой системы правосудия он сам подвергает себя казни. Офицер гибнет, но в гибели его нет ни справедливости, ни красоты, ни святости: «аппарат» не сработал, и «это было просто убийство», а на лице мертвеца «не было никаких признаков обещанного избавления», отмечает Кафка³. Тема враждебности бытия, отчуждения личности, ее затерянности и беспомощности перед бюрократической машиной подавления, столь характерная для Кафки, звучала и злободневно, и пророчески для всей Европы.

¹ Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы / Пер. с нем. Библиотека всемирной литературы. Серия третья. Т. 139. М., 1972. С. 77, 80.

² Кафка Ф. Америка: Роман. Новеллы и притчи / Пер. с нем. СПб., 1999. С. 413.

³ Там же. С. 435.

Вскоре после начала войны в европейских изданиях стали появляться произведения, написанные участниками боевых действий, порой непосредственно на передовой. Эти живые свидетельства становились вехами общественной и литературной жизни. В 1916 г. в Париже вышла новаторская по своему характеру книга Анри Барбюса «Огонь», она потрясла читателей и была удостоена Гонкуровской премии. Барбюс (1873–1935), начавший творческую карьеру еще до войны, ушел на фронт добровольцем, чтобы разделить тяготы и опасности со своими современниками, он по праву посвятил роман «Огонь» памяти товарищей, павших рядом с ним под Круи и на высоте 119. Роман поражал своей правдивостью, изображением простых людей, безымянных солдат на фронте, он показал их заживо гниющими в окопах, по пояс в грязи и воде, измученными страхом и усталостью, под артиллерийским огнем в холод и дождь. Барбюс писал о буднях войны, страданиях и потерях, он раскрывал обезличивающее воздействие войны: она стирает в людях черты индивидуальности, изматывая, отупляет; чтобы выжить, люди выкидывают из памяти воспоминания о пережитом, спасаются «бегством» — в мелочи повседневности, пустой болтовни, карточной игры, наслаждения от сна и пищи.

Официальной версии героики войны Барбюс противопоставил свои размышления ее реального участника. Он изобразил людскую массу, поглощаемую войной, разделение общества на тех, кто страдает в окопах, и тех, кто за их счет спокойно насла-

Анри Барбюс

дается жизнью в тылу. В романе есть эпизод, когда два простых солдата, находясь в увольнении, встречаются в соседнем городке с благополучными буржуа, разглагольствующими о войне: для буржуа она полна блеска славы и доблести, солдат же все это коробит, но их правды никто слышать не хочет.

В романе «Огонь» нашли свое выражение социалистические взгляды Барбюса. В открывающем роман прологе, озаглавленном «Видение», есть такие строки: «Но тридцать миллионов рабов, ошибочно, преступно брошенных друг против друга в эту войну, в эту грязь, поднимают головы, и на их лицах, наконец, появляется выражение воли. В руках этих рабов будущее, и становится ясно, что старый мир обновится только благодаря союзу, который когда-нибудь заключат те, чье число и страдания безмерны»¹. Прообраз этого союза видим мы в заключительной главе романа, когда солдаты мечтают о братском единении всех, в том числе враждующих, народов, и автор декларирует: «Прин-

¹ Барбюс А. Огонь / Пер. с фр. М.: Наука, 1985. С. 7.

цип равенства в правах и уважения священной воли большинства непреложен, и, если его соблюдать, он даст поистине поразительный толчок к прогрессу во всех, решительно во всех областях жизни. Но прежде всего он приведет к созданию обширной и прочной основы всякого прогресса — к улаживанию конфликтов на основе справедливости, что полностью соответствует всеобщим интересам»¹.

Реальность войны входила в непримиримое противоречие с официальными лозунгами политиков, декларируемыми в них идеалами. С каждым днем все яснее становилось расслоение на тех, кто несет бремя войны и гибнет, и тех, кто на войне наживается. Все это обостряло ощущение кризиса социально-политических институтов и самих гуманистических идеалов, вело, с одной стороны, к усилению социалистических, революционных настроений, а с другой — к нарастанию чувства внутренней опустошенности, обмана и общечеловеческой катастрофы. Проблема отчуждения человека и судьба поколения все более выдвигались на первый план.

В военные годы начали в некоторых общих чертах складываться контуры того явления, которое вполне заявит о себе уже после войны и получит название литературы «потерянного поколения». Так стали называть творчество писателей, рассказывавших об опыте поколения, вошедшего во взрослую жизнь с Первой мировой войной, о тех, кто прошел через нее, выжил или погиб, кого она искалечила физически и морально. Это была литература о мировой войне, разделившей поколения, ставшей порогом, переступив который, Европа полностью вошла в XX век.

И в прозе, и в поэзии всех европейских стран постепенно формировались общие темы, мотивы, образные линии, ставшие определяющими для литературы «потерянного поколения».

Важной вехой в этом процессе было творчество английских «окопных поэтов»: Зигфрида Сассуна (1886–1967), Айзека Роузенберга (1890–1918), Уилфреда Оуэна (1893–1918). Они впервые глубоко осознали происшедший в годы войны культурный раскол, воплотившийся в разрыве поколений, сформулировали новые эстетические задачи и, решая их (через правдивое, неприкрашенное слово, свободный стих), смогли существенно обновить английскую поэзию. Оуэн и Роузенберг погибли на фронте, об их огромном даровании свидетельствует то не многое, что они успели написать; их прерванная жизнь сама стала обвинительным приговором войне. В стихотворении «Отпевание обреченной юности» Оуэн писал:

Зигфрид Сассун

¹ Там же. С. 211.

Где звон по павшим, словно скот на бойне?
Лишь рев чудовищный от канонад,
Да пулеметы трескотней нестройной
Отходную им второпях твердят.

(Перевод М. Зенкевича)¹

Для этих поэтов было характерно недоверие к «старому» слову, а с ним — и к идеалам, закрепленным в прежней системе ценностей. Постепенно в их творчестве рождался новый стиль письма со свойственной ему внутренней сдержанностью, ироничностью, художественным минимализмом; важнейшей эстетической категорией становилась «правда», «правдивость». В программном предисловии к книге, которую он планировал, Оуэн (его стихи собрал и опубликовал посмертно в 1920 г. Зигфрид Сассун) писал: «Эта книга не о героях. Английская поэзия еще не готова говорить о них. Нет в ней речи ни о подвигах, ни о землях, ни о славе, чести, силе, величии, суверенном праве и власти, ни о чем, кроме Войны»². Оуэн отбрасывал ложь старых идеалов и высоких, но пустых слов — всю прежнюю ценностную систему. Столь же решительно он порывал и с прежними представлениями об искусстве и о своем собственном труде поэта: «Менее всего меня занимает Поэзия. Мой предмет — Война и горести Войны. Поэзия — в этих горестях. ... Все, что поэт может сделать сегодня, это предупредить. Вот почему настоящие Поэты должны быть правдивы»³. Оуэн был очень проницателен и тонко почувствовал важнейшую художественную потребность времени. Аналогичные эстетические стремления и задачи будут ставить себе в дальнейшем многие другие писатели того времени (скажем, Хемингуэй).

Мировая война шла, как видим, и на полях сражений, и на страницах книг и журналов, слово было в ней оружием. В этих муках рождался новый, XX век, он потребовал глубокого пересмотра прежней системы ценностей, а значит, и преобразования слова. Литература дала свой ответ на этот вызов времени, помогая формированию нового самосознания европейской культуры.

§ 3. Искусство на войне и вне войны. Зарождение контркультуры

Первая мировая война была первой войной такого масштаба, войной, захватившей континенты и страны, изменившей не только карту Европы и геополитическую расстановку сил, но и психологию личности, прошедшей через

Уилфред Оуэн

¹ Западноевропейская поэзия XX века. Библиотека всемирной литературы. Серия третья. Т. 152. М., 1977. С. 85.

² The Penguin Book of Contemporary Verse / Ed. by Kenneth Allott. Harmondsworth, 1977. P. 118.

³ Ibid. P. 118–119.

военные испытания, что не могло не отразиться на искусстве, этом чутком барометре «общественной» температуры. Молодое поколение художников воюющих стран прошло через войну — кто-то пошел воевать добровольцем, кто-то был призван по возрасту, но военная ситуация не могла не повлиять на характер их творчества. Пусть такие французские художники, как Ж. Брак или А. Дерен, прошедшие войну, никогда не вспоминали о ней, и война никак не проявилась в их искусстве, но они также никогда больше не возвращались к своим довоенным экспериментам. Брак был тяжело ранен в голову, Дерен служил в артиллерии, прошел через бои под Верденом, на Сомме, на Шемиде-Дам, но в его искусстве нет ни одной картины, посвященной войне, за исключением маленькой работы «Кабаре на передовой».

То же можно сказать и об искусстве Эрнста Людвиг Кирхнера и его коллег по экспрессионизму Карла Шмидта-Роттлуфа и Оскара Кокошки, творчество которых война затронула лишь по касательной¹. Генри Мур пошел воевать добровольцем, попал в самое пекло боев во Франции, в битве при Шамбре в 1917 г. получил отравление газом. Кроме немногочисленных рисунков война никак не отразилась на творчестве скульптора.

Что было причиной того, что многие из художников, оказавшись на войне, как бы не замечали ее? Скорее всего, впечатления были настолько необычными и острыми, что требовалось время, чтобы осознать происходящее. В сохранившихся военных блокнотах художников нет каких-то особых впечатлений: обычные зарисовки отдыхающих солдат, случайные пейзажные наброски или впечатления от бомбежек (например, блокноты Андре Мара, Фернана Леже, Оскара Цадкина, Марка Шагала и др.). Неслучайно лучшие произведения, связанные с осмыслением войны как цивилизационной катастрофы, были написаны или в последние годы войны, или сразу после нее.

Первая мировая война была не похожа на все предыдущие войны. Возросшая роль техники создавала впечатление имперсональности войны, солдат воспринимался как малая часть большой машины, уносящей миллионы жизней. Традиционные формы изображения войны если и сохраняются, то не могут соперничать с фотографией и кинохроникой, которые все больше используются для фиксации происходящих событий. По мере развития технических возможностей фиксации военных событий все более сомнительной казалась традиционная роль батальных живописцев на войне. Вместе с тем, искусство стало важной составной частью жизни общества, живописные и графические произведения создавались и даже больше, чем можно было ожидать в таких условиях. В том, что было создано фронтовыми художниками, теми, кто прошел войну как солдат, или теми, кто был командирован своими правительствами на фронт в качестве военных живописцев, нашли отражение не только впе-

¹ В 1915 г. Э.Л. Кирхнер написал автопортрет с ампутированной рукой как намек на то, что он лишен возможности заниматься искусством, а превратился в «машину для бойни». Оскар Кокошка был ранен, попал в плен, демобилизован по причине психического расстройства. Во время войны он сочинил драму «Иов» (1917), отразившую его военные переживания.

чатления от войны, но главное — острота ее переживания, тот страх, ужас, боль от насилия и страдания, которые они пережили.

Художники старшего поколения, которые сохраняли приверженность реализму и позднему академизму, выступали как яркие документалисты. Их живопись и наброски сделаны в традициях батального жанра, как он сложился еще в эпоху романтизма. В мельчайших деталях художники-баталисты фиксировали то, что видели, оставив яркие документальные свидетельства военных событий. Придерживаясь традиций военно-исторического жанра, как он сформировался в XIX в., художники-баталисты стремились к точности передачи конкретного события, его зримой реконструкции. Здесь было важно все — детали вооружений, облик воюющих армий, военный ландшафт, портретность героев сражений. Ярким примером классической батальной живописи является творчество таких художников, как сэр Альфред Маннингс и сэр Артур Стритон, один из основателей австралийской художественной школы. Как военные художники они были прикомандированы к штабам своих войск с тем, чтобы фиксировать наиболее важные военные события¹. Известность Маннингсу принесла большая эпическая картина «Атака эскадрона лейтенанта конной кавалерии Гордона Флаувердю в лесу Морей в марте 1918» (Канадский военный музей, Оттава). В отличие от Маннингса, Стритон не писал батальных картин, а создал серию больших панорамных пейзажей мест сражений, вызвавших неоднозначную реакцию критики, которая, признавая несомненные художественные достоинства его пейзажей, укоряла художника за то, что в его панорамах «нет войны» — нет военных действий, нет разрушительных последствий войны («Амьен, ключ к Западу», 1918, Художественная галерея Нового Южного Уэльса)².

Художники, воспитанные на уроках импрессионизма или постимпрессионизма, осознавали неуместность декоративных приемов в произведениях военного времени, стремясь найти иные выразительные возможности живописи, которые смогли бы передать остроту переживаний. Одним из ярких примеров нового типа батальной живописи является картина Феликса Валлотона «Верден: интерпретация войны живописью, раскрашенной черными, красными и голубыми прожекторами, разрушенной землей, облаками газа» (1917, Музей армии, Париж)³. В этой картине, исключительной для его творческой биографии, Валлотон использовал приемы кубофутуризма, создав почти абстракт-

¹ Военные впечатления А. Маннингс (1879–1959) описал в автобиографии: *Mannings A. An Artist's Life. L., 1950*; о нем см.: *Booth S. Sir Alfred Munnings, 1878–1959. L., 1986*; *Goodman J. The life of Alfred Mannings, 1878–1959. Norwich, 2000*.

² Весной 1915 г. Артур Стритон (1867–1943) записался в Королевский военно-медицинский корпус и работал в госпитале в Уондворзе. В качестве военного художника был приглашен в Австралийские имперские силы и получил направление во Францию, где написал много панорамных пейзажей мест сражений. (*Reid J.B. Australian artists at War: Compiled from the Australian War Memorial collection. South Melbourne (VIC), 1977.*)

³ Швейцарский художник Феликс Валлотон (1865–1925) по заданию Министерства искусства Франции был командирован в 1917 г. в Шампань, где посетил Верден и другие места сражений. После поездки он написал пейзажи Аргона и Вердена с разрушениями и ранами дымящихся окопов.

ное произведение, построенное на столкновении разнонаправленных световых и цветовых потоков, прорезающих темное небо над окопами. Неожиданно был найден наиболее адекватный путь не фиксации, а интерпретации войны, который оказался перспективным для искусства.

Художники авангардных направлений, те, кто до войны входили в группы экспрессионистов, кубистов, футуристов и вортицистов¹, искали новые возможности искусства, чтобы передать реальность машинной войны, уносящей тысячи жизней, взрывающей землю, вспарывающей машины и низвергающей вниз самолеты. В одном из писем из-под Аргона Фернан Леже писал: « Эта война представляет собой идеальную оркестровку для убийства как старыми, так и новыми средствами <...> Это линейная, бездушная, почти геометрическая проблема <...> Это чистая абстракция, даже чище, чем кубистическая живопись»². Художники понимали, что время для героического реализма и патриотических аллегорий прошло; война, лишенная человеческого лица, требовала иных средств для своего художественного претворения, необходимо было обострить восприятие, взломать формы и линии, взорвать цвета.

По участию в войне художников можно разделить на две большие группы — официальные военные художники, отправленные своими правительствами на фронт, и художники, оказавшиеся на войне в качестве добровольцев или призванные в армию по возрасту. Таких было довольно много, хотя невозможно назвать их точное число, но их зарисовки, гравюры и написанные по этим материалам живописные произведения составляют довольно большой массив искусства военного времени.

Официальные военные художники состояли в особых бригадах и направлялись на линию фронта, чтобы фиксировать события войны и солдатский быт. На поддержание военного искусства правительства воюющих стран ассигновали немалые средства, а сами бригады художников находились под контролем министерств информации или специальных комитетов³. Начиная с зимы 1914 г. и до конца войны в столицах воюющих государств устраивались выставки, на которых были представлены как официальные военные художники, так и фронтовики⁴.

Так, на весенней выставке 1915 г., организованной Королевской академией художеств в Лондоне, были показаны первые живописные произведения, созданные под впечатлением от войны. В целом они не произвели на публику особого впечатления в силу невысокого уровня выставленных работ. Наи-

¹ Вортицизм — авангардное направление в английском предвоенном искусстве, имевшее много общего с поисками кубистов и футуристов на континенте.

² Leger F. Correspondance de guerre // Cahiers du Musee National d'art Moderne. P., 1990. P. 36, 72.

³ Во Франции такой комитет был организован в 1914 г., в Великобритании — в 1916 г. Тогда же по инициативе Ч. Мастермана была собрана первая бригада военных художников, в которую вошли М. Боун, Э. Кеннингтон, Ф. Додд, Дж. Макбей, П. Нэш, К.Р.В. Невинсон, У. Орпен (см.: Ferro M. La Grande Guerre 1914–1918. P., 1969; Gough P. A Terrible Beauty: British Artists in the First World War. Bristol, 2010. P. 20).

⁴ Salon des Armées, réservé aux artistes du front. Au profit des oeuvres de guerre. Jardin des Tuileries. P., 1916. О выставках военного времени и реакции критики см.: Rutter F. The Influence of War on Art / The Great War. L., 1919; Gough P. Op. cit.

большей популярностью пользовались реалистические работы, как, например, довольно сентиментальная картина Ричарда Жака «Отправка на фронт. Викторианский вокзал» (1916, Имперский военный музей, Лондон). Настоящей сенсацией весенней выставки 1916 г. стала большая картина Эрика Кеннингтона «Кенсингтонцы в Лавенте. Зима, 1914» (Имперский военный музей, Лондон). Группа солдат, среди которых художник написал и свой автопортрет, темными силуэтами читается на фоне белой с красным стены разрушенной деревни¹. Написанная на стекле, как часто делали символисты, в строгих, почти иконных тонах, картина Кеннингтона имела значительный резонанс в прессе и была призвана одной из лучших военных картин сезона.

Событием, которое повлияло на развитие военного искусства Великобритании и способствовало тому, что мы сейчас имеем богатейшую коллекцию произведений, созданных во время «Великой войны», было основание в начале 1917 г. по инициативе лорда Бивербрука и лорда Розермера мемориального военного фонда, положенного в основу Имперского военного музея в Лондоне, и Канадского военного мемориального фонда. Эти шаги были направлены на то, чтобы сохранить как архивные документы, так и визуальные свидетельства войны: фотографии, кинодокументы, плакаты и открытки, созданные военными и фронтовыми художниками произведения. Понимая действенную силу искусства, способного мгновенно и эмоционально реагировать на происходящие события, сохраняя при этом остроту индивидуального восприятия, британские власти выделяли значительные суммы не только на командировки художников на фронт, но и на организацию выставок, издание каталогов, включение произведений в пропагандистский ресурс.

Один из самых известных американских портретистов начала века, пользующийся международной известностью, Джон Сингер Сарджент, несмотря на свой уже солидный для войны возраст и положение в обществе, в 1918 г. в качестве военного художника был командирован на север Франции, где был поражен увиденной сценой бредущих по дороге, ослепших от газовой атаки солдат британского экспедиционного корпуса². На основе эскизов и набросков, сделанных во время поездки, он написал одно из самых впечатляющих и грандиозных по своим монументальным размерам полотен: «Отравленные газом» (1918–1919, 2,3 х 6,1 м, Имперский военный музей, Лондон) — это гигантский фриз с цепочкой понуро бредущих ослепших солдат, темные силуэты которых контрастно читаются на фоне теплого света заходящего солнца, а на переднем плане раненые и мертвые с трудом различимы в месиве изрытой взрывами, готовой их поглотить темной земли. Монументальный фриз Сарджента оказался удачным, потому что художник нашел золотую середину: не пренебре-

¹ В 1914 г. Эрик Кеннингтон (1888–1959) записался добровольцем и воевал на севере Франции, где был ранен летом 1915 г. Помимо названной картины Кеннингтон создал серию военных произведений, например, «Раненые и газифицированные» (1918, Имперский военный музей, Лондон), стремясь быть максимально точным в деталях.

² Джон Сингер Сарджент (1856–1925) большую часть войны провел в Америке. Только в 1918 г. приехал в Англию, где был приглашен работать в качестве военного художника на Западном фронте.

гая возможностями реалистической исторической картины, он отказался от излишней документальности, его «Отравленные газом» отсылали к классическим примерам старого искусства — «Слепым» Питера Брейгеля и «Гражданам Калле» Огюста Родена, возводя, таким образом, конкретный военный сюжет в ранг символа — обвинения бесчеловечности машинной войне. Вместе с тем, очевидно, что такого рода монументальное произведение могло появиться только после войны, так как требовало обобщения фронтовых впечатлений.

Для военного искусства были характерны небольшие зарисовки, сделанные с них гравюры, акварели (акварели того же Сарджента) или портреты (портреты Орпена). Во время командировки на линию фронта Сарджент выполнил многочисленные акварели с видами французских городов, их красота нивелирует присутствие войны, оставляя лишь ее незначительные приметы (например, «Улица в Аррасе», 1918, Имперский военный музей, Лондон)¹.

Ученик Сарджента, известный британский портретист Уильям Орпен оставил заметный след в искусстве портретами и картинами, написанными во время «Великой войны»². Будучи прикомандирован к штабу британского корпуса во Франции, в 1917–18 гг. он создал серию широко и свободно написанных портретов командующих армиями генералов, солдат экспедиционного корпуса, пилотов — первых героев воздушных боев («Полевой маршал Дуглас Хайг», «Генерал-майор сэр Дэвид Ватсон», «Адмирал Росслин Эрскин Уимисс», «Гренадер британской армии», «Пилот У.Д. Беннет»). Особый интерес представляют автопортреты Орпена, в частности, его автопортрет в зеркале, написанный перед отъездом художника на фронт и иронично названный «Готов!» (Имперский военный музей, Лондон). Одетый в армейскую униформу художник смотрит в зеркало, где отражаются яркие цветочные обои гостиницы, сифон и бутылка вина на столе, в окно виднеется солнечная улица тихого французского городка, где-то вдали от окопов и смерти. Столь невоенная картина вызвала неодобрительную реакцию критики, которой она показалась не соответствующей духу времени. На фронте Орпен написал еще несколько автопортретов, но уже с другим настроением, как, например, его «Автопортрет в униформе» (1917, Имперский военный музей, Лондон). Своеобразным отчетом Орпена о командировке стала его персональная выставка «Война», на которой были представлены картины, этюды и рисунки, созданные во время поездки³.

Летом 1916 г. в Зипвале под Соммой произошло одно из самых жестоких сражений между немецкими и британскими войсками. Попав туда спустя несколько месяцев, Орпен был поражен увиденным: контрастом к ясной безмятежности солнечного дня выглядели разбросанные взрывами камни, железные

¹ Little C. The Watercolors of John Singer Sargent. L., 1998.

² Крупнейший ирландский художник Уильям Орпен (1878–1931) в 1916 г. был определен в британскую штаб-квартиру, где сотрудничал в отделе пропаганды, в 1917 г. был командирован на фронт, где написал большое количество портретов как генералов и маршалов, так и простых солдат и летчиков. Военные впечатления Орпен описал в автобиографических заметках: *Orpen W. An Onlooker in France. L., 1921.*

³ За время командировки Орпен написал 138 картин, которые подарил Имперскому военному музею в Лондоне. (*Konody P.D., Dark S. Sir William Orpen, Artist and Man. L., 1932; Haycock D.B. A Crisis of Brilliance: Five Young British Artists and the Great War. L., 2009.*)

прутья и остовы машин, торчащие из земли опорные столбы укреплений, истлевшая одежда, ружья и каски, кости и человеческие черепа — эти страшные напоминания о насильственной и бессмысленной смерти, унесшей многие человеческие жизни. Картина «Зипваль» (1917), как и другие картины Орпена на ту же тему¹, стала своеобразным памятником «окопной войне» и тем, кто был погребен в недрах земли, стал частью военного ландшафта.

Многие представители авангарда непосредственно участвовали в войне как добровольцы и как военные художники. Юношеский радикализм их довоенных художественных экспериментов заметно смягчился в условиях войны, авангардный художественный язык был приспособлен для решения новых задач. Насколько непростым был художественный компромисс, можно видеть на примере творчества Дэвида Бомберга, который в 1917 г. получил заказ от Канадского мемориального фонда на создание картины в память об успешной операции канадских саперов в Сент-Эло близ Арраса². Первый ее вариант «Саперы за работой» (1918–1919, Тейт-галерея, Лондон) показался заказчикам слишком «футуристическим»: Бомберг использовал приемы симультанности, характерные для футуризма, яркую декоративность локального, «плакатного» колорита, построенного на сочетании красного, желтого и черного цветов, «механистическую» структурность ломаных линий. Во втором варианте он отказался от «машинной» эстетики (1919, Национальная галерея Канады, Оттава) и соединил техницизм эффектной балочной конструкции туннеля со строгим реализмом в изображении работающих при мерцающем свете ламп саперов, не забыв при этом написать свой автопортрет в правом углу картины.

Первая мировая война поражала современников своим «техницизмом» — самолеты, подводные лодки, мощные пушки, танки, бронированные машины демонстрировали новейшие достижения инженерной мысли, достижения, направленные на то, чтобы убивать. Восторженное отношение к технике как символу прогресса сменяется смешанным чувством недоверия к ней, страхом перед могуществом смертоносных машин, несущих миллионные потери. Это новое качество войны, а главное — ее новое понимание, требовало от художников и нестандартных средств для передачи тех противоречивых ощущений, которые вызывала эта война.

Особую роль в «Великой войне» приобретают артиллерия и авиация, неслучайно многие художники, профессионально владевшие «правильным» зрением, состояли при артиллерийских батареях в качестве наводчиков. Все, что связано с техникой — артиллерией, самолетами, крейсерами и танками, привнесло новые темы и образы в батальную живопись. Наиболее успешными на этом этапе были молодые художники, прошедшие через опыт авангардных

¹ Такие картины, как «Мертвые немцы в окопе», «Большая воронка», «Немецкие артиллерийские укрепления», написаны в 1917–1918 гг. (Имперский военный музей, Лондон).

² Дэвид Бомберг (1890–1957) был одним из основателей английского вортицизма. В 1915 г. записался в инженерные войска, в 1916 г. был переведен в Королевский экспедиционный корпус и в марте отправлен на Западный фронт. На фронте Бомберг изменил свое отношение к «эстетике машин». После гибели брата, друга И. Розенберга и покровителя Т.Е. Хальме он обратился к более спокойным фигуративным формам.

экспериментов. Достаточно назвать имена участников движения вортицизма, возникшего перед самой войной в 1914 г.: Перси Уиндема Льюиса, Уильяма Робертса, Пола Нэша и Кристофера Р.В. Невинсона¹.

Перси Уиндем Льюис с марта 1916 г. служил лейтенантом в Королевской артиллерии на Западном фронте, участвовал в битвах на Ипрском рубеже, а в 1917 г. стал официальным военным художником при британском и канадском штабах. Для канадцев он написал картину «Канадская батарея» (1918, Национальная галерея Канады, Оттава), а для соотечественников — «Обстрел артиллерийской батареи» (1919, Имперский военный музей, Лондон), в которых попытался соединить конструктивные приемы кубофутуризма с привычной фигуративностью, особенно в портретности отдельных героев его картин². Дробный ритм геометрических линий маскировки, жесткие силуэты разно-масштабных фигур, безликий и холодный ряд снарядов создают настроение тревожного ожидания в первой картине и трагическое — во второй. В «Обстреле батареи» снарядная воронка выглядит большой открытой могилой, в которую кладут погибшего артиллериста. Портретным образам артиллеристов, среди которых художник написал и свой автопортрет, противопоставлены маленькие, как оловянные солдатики, фигурки, подобно механическим роботам монотонно выполняющие свою работу.

Не менее удачной, на наш взгляд, попыткой соединить современный стиль с задачами батальной живописи стали две картины друга Льюиса художника-авангардиста Уильяма Робертса³. По заказу канадцев он написал монументальное полотно «Первая газовая атака на Ипре. 1915» (1918, Национальная галерея Канады, Оттава), а для британцев — «Склад боеприпасов. Франция» (1918/1919, Имперский военный музей, Лондон). Обе картины Робертса, показанные на послевоенной выставке в Королевской академии художеств зимой 1918–1919 гг., были отмечены прессой как одни из наиболее выразительных. Первая имела реальное основание — на ней запечатлены последствия газовой атаки в районе Ипра 22.04. 1915 г. Робертс обострил художественное решение картины тем, что тесно заполнил пространство большими фигурами артиллеристов, не осознающих своих действий или находящихся в состоянии временного парали-

¹ Льюис и Невинсон были одними из наиболее активных участников литературно-художественного движения вортицизма, духовным вдохновителем которого считался американский поэт Эзра Паунд. По инициативе Льюиса был организован журнал «Бласт» (Мировой пожар); в двух номерах, вышедших во время войны, были напечатаны тексты участников движения и воспроизведены репродукции картин художников, ныне утерянные. Единственная выставка вортицистов состоялась в Лондоне в 1915 г., после чего группа распалась, так как большинство ее участников оказались на фронте.

² Перси Уиндем Льюис (1882–1957) — один из наиболее ярких представителей британской авангардной волны. О своем фронтовом опыте он написал в автобиографии (*Blasting and Bombardiering*. L., 1937). Военные рисунки и живопись Льюиса были показаны на выставке «Пушки», состоявшейся в Лондоне в 1918 г.

³ Представитель вортицизма Уильям Робертс (1895–1980) с 1916 г. служил наводчиком в Королевской артиллерии. С 1918 г. был официальным военным художником канадского контингента. Свой фронтовой опыт описал в мемуарах «4,5 гаубицы. Наводчик» («4,5 Howitzer. Gunner»), переизданных: *Roberts W. Five Posthumous Essays and Other Writings*, Valencia, 1990; *Williams A.G. William Roberts: An English Cubist*. L., 2004.

ча. Его жесткая, графичная манера, пламенеющий красный цвет в сочетании с охрой, ярким желтым и грязным цветом хаки по выразительной экспрессивности близка произведениям немецких художников Отто Дикса и Георга Гросса.

Известные представители авангарда братья Поль и Джон Нэш прошли всю войну, став официальными военными художниками только в 1917 г.¹ Поль Нэш не писал батальных полотен, а только пейзажи: в них нет солдат и сражений, а есть перепаханная снарядами земля, искореженные орудия, мертвые останки «железных» машин, темные траншеи окопов и каменные дзоты. Его пейзажи — это поля смерти, озаренные вспышками световых прожекторов, заревом взрывающихся снарядов, это «убитая» земля в мареве серого дыма пожаров («Пустота», Национальный музей Канады, Оттава; «Дорога в Менен», «Сигнал в ночи», «Ночная бомбардировка», все — 1917–1919 гг., Имперский военный музей, Лондон). Брат Поля, Джон прославился картиной «Превыше всего» (1918, Имперский военный музей, Лондон), поставившей его в один ряд с крупнейшими британскими военными художниками. Она была написана под впечатлением от реального события, участником которого оказался доброволец Джон Нэш. В одном из сражений под Камбре художник вместе со своим отрядом пошел в атаку. Через несколько минут из 80 человек были убиты или ранены 68 и только 12 остались невредимы, среди них был и Нэш. Вернувшись в Лондон, он написал картину по памяти, настолько острым было его переживание увиденного: как темные тени на белом снегу дробной цепью бегут солдаты в атаку, обреченные на верную смерть. Сдержанная по стилю, почти графичная по своим живописным качествам картина выглядит суровым приговором «машинной» войне. Под впечатлением от военных пейзажей брата Джон Нэш написал «Лес в Оппи. Вечер. 1917» (Имперский военный музей, Лондон), место, где до сентября 1918 г. шли позиционные бои. Мертвая, застывшая природа, голые, поломанные ветви и стволы деревьев, торчащие острыми пиками из перепаханной снарядами земли. Жизнь ушла под землю, в окопы, где Нэш изобразил двух солдат, затерявшихся в бесконечных ходах-траншеях.

Среди военных художников имя Кристофера Ричарда Вайна Невинсона занимает особое место². Он прошел путь от санитаря до официального военного художника британского правительства. Довоенное увлечение кубизмом и особенно футуризмом приучило Невинсона к конструктивному мышлению и стро-

¹ Один из наиболее известных военных художников Поль Нэш (1889–1946) ушел на фронт добровольцем в 1914 г. После демобилизации по ранению писал в Лондоне картины на темы войны. Младший брат Нэша, Джон (1893–1977), воевал с осени 1916 г. по январь 1918 г., с 1918 г. работал военным художником (*Gregory B. A History of the Artists Rifles. Barnsley, 2006; Haycock D.B. A Crisis of Brilliance: Five Young British Artists and the Great War. L., 2009.*)

² Сын радикального журналиста и военного корреспондента Генри Невинсона Кристофер Ричард В. Невинсон (1889–1946) в начале войны, будучи пацифистом, записался добровольцем в санитарный батальон, где был водителем (ноябрь 1914 г. — январь 1915 г.), пока болезнь не заставила его вернуться в Англию. В 1917 г. включен в первую группу официальных военных художников и командирован на Западный фронт. Свои военные годы описал в автобиографии: *Paint and Prejudice. L., 1937.* О нем см.: *Walsh M.J.K. C.R.W. Nevinson: This Cult of Violence. New Haven; L., 2002; Haycock D.B. A Crisis of Brilliance: Five Young British Artists and the Great War. L., 2009; Gough P. Op. cit. P. 92–125.*

гой геометрии современных форм. Его военные картины соединяют жесткость линейного ритма, геометризацию объемов, смещение точек зрения, simultaneity в передаче движения с реальными приметами и событиями войны. В ранних военных произведениях Невинсон, используя свой фронтальный опыт, обостряет восприятие жесткими ритмическими конструкциями, близкими к футуристическим экспериментам. На выставке 1915 г. в Королевской академии художеств экспонировалась одна из первых его военных картин «Возвращение в окопы» (1914–1915, Национальный музей Канады, Оттава), тематика которой укладывалась в пропагандистскую риторику первых лет войны. Однако в ней нет ничего героического, только суровая отрешенность монотонно марширующих солдат. Невинсон использует футуристические приемы в сдержанной монохромности колорита, построенного на повторяющихся ритмах грязного красного и синего цвета солдатской униформы. Simultaneity движения, угловые сдвиги геометризованных форм, острые, повторяющиеся линии штыков создают впечатление стремительного механического движения, в котором солдаты сливаются в единое тело войны.

Другая картина Невинсона «Пулемет», названная художником по-французски «La Mitrailleuse» (1915, Тейт-галерея, Лондон), имела успех как в Англии, так и во Франции, где о ней восторженно писал Гийом Аполлинер, считавший, что молодой автор сумел передать самую суть «машинной войны», в которой человек и машина составляют одно целое. Некоторые картины Невинсона переключаются по стилю с работами Фернана Леже, в частности его «Отдыхающие французские солдаты» (1916, Имперский военный музей, Лондон), где художник прибегает к сдержанности холодного серо-голубого колорита, лаконизму геометризованных объемных форм, жестким линейным ритмам.

Мы уже писали о том, насколько острыми были впечатления художников от машинной войны, особенно от артиллерийских атак и ночных бомбежек, когда небо озарялось всполохами света, выхватывая из темноты поломанные деревья или мертвенно-серые укрепления окопов. Невинсон написал несколько картин, в которых его как художника волновала проблема передачи яркого светового потока, цветового взрыва, разрезающего и озаряющего темноту ночи исходящими из одной точки лучами («Взрыв», 1917, Имперский военный музей, Лондон).

Начиная с 1916 г. стилистика картин Невинсона заметно меняется. Он практически избегает авангардных приемов, приходит к аскетической сдержанности темного колорита, как бы сгущает краски, уподобляя полотна документальной фотографии. Его картина «La Patrie» (опять названная по-французски) (1916, Городской музей и галерея, Бирмингем) вызвала живой отклик публики и прессы на лондонской выставке 1916 г.¹ В ней отразился личный опыт художника, когда он работал санитаром в госпитале на Ипрском рубеже. Темное мрачное помещение, тесно заставленное носилками с ранеными, освещается резким холодным светом, падающим из окон и рас-

¹ Об этом Невинсон весьма иронично пишет в автобиографии (*Paint and Prejudice*. L., 1937).

крытой двери, в которую вносят очередные носилки. Название картины звучит весьма иронично — вот те, кто отдает молодые жизни своим странам, правительства которых втянули их в войну. Как пацифист, Невинсон считал преступлением любые войны, уносящие жизни людей, особенно детей и стариков (схожая мотивация лежала в основе его картины «Таубе»¹, 1916–1917, Имперский военный музей, Лондон).

Одной из самых известных картин Невинсона является полотно «Дороги славы» (1917, Имперский военный музей, Лондон), которое вызвало скандал и взрыв критики на лондонской выставке 1918 г. Стремясь к максимальной достоверности, нарочитой документальности, Невинсон окончательно порывает с авангардной стилистикой. Художник прибегает к сдержанным, почти монохромным землисто-серым тонам, что еще больше сближает его картину с фотографией. В холодном свете занимающегося утра, запутавшись в колючей проволоке, лежат, упавшие лицом в землю, два мертвых солдата. Художник выхватывает фрагмент бесконечной фронтовой полосы, один среди многих других. Своим суровым реализмом картина отсылает к реализму Гюстава Курбе и откровенности фронтовой фотографии. Цензурный комитет запретил к показу картину и приказал снять ее с выставки. Художник, всегда склонный к эпатажу, отказался выполнить приказ, завернул картину в бумагу и, перевязав веревкой, написал «цензурирована». Критика восприняла «Дороги славы» в штыки, однако причины такого отношения к картине были связаны не с сюжетом, а с тем, что Невинсон сознательно отошел от авангардных экспериментов, считая их неуместными перед лицом смерти².

Среди британских художников военного времени нельзя не упомянуть одного из наиболее сложных мастеров XX в. Стэнли Спенсера³. В конце войны он получил официальный заказ на картину из военной жизни и написал свое знаменитое полотно «Повозки с ранеными на сортировочной станции в Сомле. Македония, сентябрь 1916» (1919, Имперский военный музей, Лондон). Тема физических страданий, смерти и боли была одной из основных в творчестве художников, прошедших войну и знавших о ней не понаслышке. Она красной нитью проходит в произведениях литературы и в письмах с фронта. Жуткие сцены окопной жизни, бомбежек и газовых атак с их катастрофическими последствиями тиражировались в кинохронике и фотографиях. Для художников было важно не столько запечатлеть страдания и смерть, сколько эмоционально

¹ *Taube* («Голубь») — немецкий самолет, использовавшийся для разведки и бомбардировок.

² Оппонентом Невинсона был Роджер Фрай, главный идеолог британского авангарда. Влияние фотографии на военную живопись очевидно. Многие художники использовали фронтовые фотографии для своих картин. В отличие от них Невинсон основывался на собственном опыте. Любопытно, что режиссер Стэнли Кубрик, когда в 1957 г. снимал фильм о «Великой войне», воспользовался названием картины «Дороги славы» для своего фильма.

³ Сэр Стэнли Спенсер (1891–1959) записался добровольцем в Королевскую медицинскую службу, служил санитаром в военном госпитале, добровольцем отправился на Балканский фронт, в Болгарию и Македонию, где воевал в санитарной бригаде. Гибель друзей, постоянное соприкосновение со смертью повлияли на образный строй и содержание послевоенных религиозных произведений художника. Подробнее см.: *Bell K. Stanley Spencer: A Complete Catalogue of the Paintings*. L., 1993.

пережить их, найти образное воплощение идеи смерти как пути искупления и памяти. Картина Спенсера «Повозки» соединяет точность конкретных примет войны с символизмом и метафоричностью образного решения. Направленные к центру повозки, закрытые одинаковыми белыми простынями, ждут своей очереди перед светлым экраном, на котором, как картина в картине, в ярком ирреальном свете, подобном свету райских врат, изображена операция в полевом госпитале. К концу войны реализм и точность военных картин отступают на второй план перед темой памяти, ставшей главной в произведениях, которые создавались в первое послевоенное десятилетие.

Во Франции так же как и в Великобритании с самого начала войны велась последовательная государственная политика, направленная на поддержание художников, как тех, кто был на фронте, так и тех, кого на время командировали на передовую в качестве военных корреспондентов. Произведения военных художников были широко представлены на официальных выставках, наиболее известной из которых была выставка Салон де Арме 1916 г., организованная совместно Министерством искусства и военным ведомством¹. На выставке были показаны произведения фронтовиков, за которые было выручено 60 тыс. франков, направленных на помощь художникам и их семьям. В 1917 г., практически тогда же, когда в Лондоне было принято решение об организации мемориального фонда, правительство Франции обратилось с призывом к художникам разных направлений и возраста отправиться на фронт с тем, чтобы отразить «Великую войну» в своих произведениях.

На него откликнулись разные художники, среди которых были и представители реалистической школы, и символисты, члены группы «Наби» — Пьер Боннар, Морис Дени, Эдуар Вюйар и Феликс Валлотон. Большинство из них сохранили присущие им декоративные качества живописи и избегали изображать батальные сцены или тяготы войны. Так, глава группы «Наби» Морис Дени, вернувшись из командировки, написал довольно странную картину-панно «Спокойный вечер на линии фронта» (1917, Музей современной истории, Париж). Кто-то читает письмо, кто-то рубит дрова, кто-то копает окоп, кто-то носит воду — ничего, кроме руины в центре фриза и неясного дыма вдалеке, не напоминает о войне. Дени создает почти идиллическую картину солдатских будней вдали от войны и смерти.

Аналогичным образом поступает и Пьер Боннар, избегающий батальных сцен. В его эскизно написанных военных пейзажах, намеренно оставленных «незаконченными», руины, грязь, следы разрушений, группы беженцев будут единственными приметами войны, как в построенном на оттенках горящего красного цвета пейзаже «Руины деревни близ Хаина» (1917, Музей современной истории, Париж). Когда Эдуар Вюйар был на фронте, он стал свидетелем допроса пленного немецкого офицера, что послужило сюжетом его небольшой картины «Допрос пленного» (1917, Музей современной истории, Париж), написанной на основе фронтового наброска в духе позднего импрессионизма.

¹ Silver K.E. From Analysis to Synthesis- L'Esprit de Corps: the Art of the Parisian Avant-Garde and the First World War, 1914–1925. Princeton, 1998.

По приглашению семьи промышленного магната Лазара Леви Вюйар посетил его военные заводы в Лионе, где написал две картины: «Производство вооружения» и «Башни» (1917, Музей современной истории, Труайе), передав масштабы новой промышленности, работающей на победу, тема весьма популярная в пропагандистском плакате и военной живописи.

Феликс Валлотон¹, швейцарский художник и график, работавший во Франции, еще до того, как отправиться на фронт, создал серию гравюр на дереве «Это война» (1916, Музей Валлотона, Лозанна), используя выразительные контрасты большой массы черного и тонких линий белого цвета, как в гравюре «В темноте», или больших плоскостей белого, контрастных по отношению к черным нервным линиям, как в гравюре «Колочая проволока». Аналогичным образом использует экспрессивные возможности гравюры на дереве бельгийский художник Франц Мазерель². Будучи пацифистом, он в Женеве выступал против бессмысленной европейской бойни. За время войны Мазерель создал несколько графических серий: «Поднимайся, ты мертв!» (1917), «Смерть говорит» (1917) и «Крестный путь человека» (1918). Не менее экспрессивными были рисунки художника Люка Альбера Моро, воевавшего под Верденом³. Так, перовой рисунок «Октябрь 1917, атака в Шеми-де-Дам» (1917, Музей современной истории, Париж) художник сделал после артиллерийской атаки, изобразив на нем повисшее на дереве тело, закинутое туда взрывом. Аналогичные сцены можно было видеть и на фронтовых фотографиях, но в них не было эмоционального соучастия и экспрессивной выразительности, присущих руке и взгляду художника.

В отличие от художников реалистического и символистского крыла французского искусства, относящихся главным образом к старшему поколению и настроенных патриотически, молодые художники-кубисты были в основном аполитичны. Часть представителей авангарда прошли через фронт, как их британские коллеги; часть, как Пабло Пикассо, остались во Франции; часть, как Марк Шагал, вернулись на Родину⁴. Интересным документом первого года войны является шуточный плакат Пабло Пикассо «Гийом де Костровицкий, артиллерист» (1914), приуроченный к отъезду друга на фронт. В ироничном пастисе плаката времен Наполеоновских войн Пабло Пикассо изобразил Аполлинера в патриотическом порыве с саблей в руке, в лучах прожектора, подкрашенных в цвета французского флага: красный, белый и голубой.

¹ Валлотон был потрясен увиденным на фронте; на основании своих зарисовок и набросков он создал серию военных пейзажей, ставших символическим обличием войны.

² Франц Мазерель (1889–1972), бельгийский график и живописец, близкий к экспрессионизму. Активно выступал против войны.

³ Люк Альбер Моро (1882–1948) прошел всю войну, воевал под Верденом, в Пикардии, в Шеми-де-Дам, был семь раз ранен. На войне делал зарисовки, на основе которых после войны, в 1920–30-е гг. писал картины.

⁴ Марк Шагал вынужден был вернуться в Россию, где создал серию военных рисунков: мобилизация солдат, отправка на фронт, раненые и больные в госпиталях. Выполненные тушью и пером рисунки отличаются необычной для Шагала экспрессией, что отражало волнение художника (1914, ГТГ, Москва).

Принято считать, что война спровоцировала всплеск авангардных экспериментов, подтолкнула развитие таких новаторских направлений, как абстракционизм и дадаизм. Однако в воюющих странах можно наблюдать обратную картину, в частности, кубизм и футуризм практически исчерпали свой экспериментальный потенциал к концу войны, чтобы после ее окончания обратиться или к фигуративному искусству, или искать вдохновения в диалоге с классикой. Наиболее последовательно этот путь прошли Пабло Пикассо и Анри Матисс, не говоря уже о таких мастерах, как Ж. Брак, А. Дерен или немецкие художники-экспрессионисты.

Короткой оказалась жизнь французского скульптора, тесно связанного с английским авангардом, Анри Годье-Бжеска, погибшего во Фландрии под Невиль-Синт-Ваастом в июне 1915 г.¹ В его военных блокнотах сохранились зарисовки, сделанные в последние месяцы жизни. В них Годье-Бжеска использует кубистические и футуристические приемы (т.е. прибегает к смещению геометрических форм и их динамичным комбинациям) для передачи полета снаряда («Один из наших взрывных снарядов», 1915) или действия пулемета («Пулемет в действии», 1915).

Аналогичные рисунки делает на фронте Фернан Леже². В своих блокнотах из-под Аргона и Вердена Леже зарисовывает однополчан то сидящих с трубкой, то играющих в карты, то занятых повседневными делами. Его саперы роют окопы, минируют подходы к позициям, сливаются с военным пейзажем, став частью механизма войны («Саперы», 1916, рисунок на почтовой открытке). Неслучайно две из написанных им картин никак с войной не связаны. Вернувшись в 1917 г. в Париж, Леже написал «Солдата с трубкой» (1917) и «Солдаты, играющие в карты» (1917, Музей Крёллер-Мюллера, Оттерио). Объясняя сюжет второй картины, Леже подчеркивал, что намеренно взял его из жизни. В картине нет войны, игра солдат в карты напоминает аналогичные сцены авантюрного жанра в старом искусстве. Художник усиливает металлический блеск своей почти монохромной живописи; его солдаты, составленные из «механических» форм — цилиндров, призм, конусов, напоминают безликие и одинаковые «машины» для войны. Леже редко изображал смерть, хотя сталкивался с ней ежедневно. На одной из почтовых открыток он пером сделал набросок тел двух убитых солдат, лежащих на дороге («На дороге в Флери», 1916). Он не только зарисовал тела убитых, но и поделился своими впечатлениями: «Я увидел поистине странные вещи. Головы почти мумифицированы, выступая из

¹ В начале войны Анри Годье-Бжеска (1891–1915) пошел добровольцем во французскую армию и 5 июня 1915 г. погиб под Невиль-Синт-Вааст во Фландрии. В Национальном музее современного искусства в Париже хранятся его военные блокноты с зарисовками.

² Фернан Леже (1881–1955) был мобилизован 2 августа 1914 г. и направлен в саперные войска. До осени 1916 г. находился в центре сражений под Аргоном и Верденом. Много рисовал на листках бумаги, в блокнотах и на почтовых открытках. В сентябре 1916 г. под Верденом был отравлен газом. В 1917 г. лечился в Виллепенте, где снова стал заниматься живописью. Послевоенный период творчества Леже называют «механическим», в чем отразились его фронтовые впечатления («Пропеллеры», «Диски», «Винты» — все 1918).

грязи. Они выглядели такими маленькими в этом море земли, что их можно было принять за детей. Тела были особенно необычными. Я увидел руки и хотел бы иметь хороший фотоаппарат, чтобы их заснять. Они были невероятно экспрессивны»¹.

Среди зарисовок Леже, относящихся к 1916–1917 гг., есть несколько набросков и акварелей, сделанных с упавших немецких и французских самолетов. В них нет ничего от героики войны, а есть аналитический взгляд художника на фрагменты упавшего самолета. Леже всматривался в странные сочетания форм, изломанных падением машинных конструкций, создавая почти абстрактные композиции, где только по редким деталям, как, например, кокарда французской армии на крыле, можно идентифицировать изображение («Кокарда. Сбитый самолет», 1916, Национальный музей Фернана Леже, Бю). Уже после войны, в одной из записей 1922 г. Леже писал о том, насколько война была важным этапом его творческой биографии. Несмотря на отсутствие возможности заниматься своим делом — писать картины, Леже обогатился теми впечатлениями, которые он получил от «непосредственного соприкосновения с жесточайшей и грубой реальностью». «Получив свободу, — пишет он, — я извлекаю пользу из этих тяжелых лет ...» и заключает: «не боюсь признаться, меня сформировала война»².

В отличие от представителей кубизма, которые активно не высказывали своих политических пристрастий, футуристы задолго до вступления Италии в войну занимали радикальные позиции. Еще до 1914 г. в манифестах футуристов нигилистическое отрицание прошлого, анархические идеи абсолютной свободы и «революционного вихря» соединялись с воспеванием войны, а мечта о возрождении Великой Италии подогревала милитаристские настроения³.

Художники, как и другие представители творческой интеллигенции Италии, были втянуты в военные события. Весьма показательным примером отношения футуристов к войне стала книга «Война и живопись», написанная в 1914 г. Карло Карра⁴. Однако интереснее другое: в произведениях, созданных во время войны, многие футуристы отходят от довоенных чисто формальных экспериментов, они или монументализируют свой язык, обращаясь к крупным

¹ Цит. по: Art of the First World War. 100 paintings from international collections to commemorate the 80th anniversary of the end of the First World War. Imperial War Museum, London, Caen Memorial, Historial de la Grande Guerre. Peronne, 1998. N. 87.

² Цит. по: Фернан Леже, Жорж Бокье, Надежда Леже. Каталог выставки. М., 1963.

³ В манифестах 1909 и 1910 гг. футуристы особо выделили прославление «войны — единственной гигиены мира — милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов», подчеркивая, что «не существует красоты без борьбы. Нет шедевров без агрессивности». Цит. по: Манифесты итальянских футуристов. М., 1914. С. 7–8. Подробнее см.: Бобринская Е.А. Футуризм. М., 2000.

⁴ Карло Карра́ (1881–1966) принадлежит известный манифест футуристов «Живопись звуков, шумов и запахов» (1913). В 1915 г. вышла его книга «Война и живопись» (Carra futurista Guerra pittura. Milano, 1915), в рисунках которой форма и движение передаются симультанно, как, например, во «Взрыве гранаты» и «Бомбардировке». После встречи с художником Дж. де Кирико в феррарском госпитале Карра отходит от футуризма и примыкает к «метафизической живописи».

обобщенным абстрактным формам, или, используя выработанную до войны лексику, стремятся в динамичных и «механистичных» построениях передать ритмы и скорости разрушительной силы «машинной» войны.

Во время войны местом встреч молодых футуристов была мастерская Джакомо Баллы в Риме. Многие учились у него еще до войны. Довоенный опыт, парижские впечатления и успех выставки футуристов 1912 г. оказали влияние на консолидацию движения и его теоретическое оформление. Наиболее активными в стремлении обновить язык живописи, внося в него движение, время и скорость, были помимо Джакомо Баллы Умберто Боччони, Карло Карра, Джино Северини и Луиджи Руссоло, который равно увлекался живописью и музыкой. Война, если и присутствует в произведениях футуристов, то воспринимается ими символически, как некая внешняя сила, приводящая в движение стихии и механизмы; человек не столько участвует в ней, сколько оказывается вовлеченным в поток событий, будучи малой песчинкой в беспредельном мире космоса и истории.

Так, Джакомо Балла создал серию монументальных по пластике больших цветowych масс абстрактных полотен, одновременно символических и пропагандистских по содержанию. В них доминируют мощные цветовые и световые потоки; спирально закрученные, как языки пламени, они устремляются вверх, сталкиваясь друг с другом и создавая силовые напряжения («Я пою патриотическую песню на площади Сиены», «Флаги на алтаре Отечества», «Живые кричащие формы Италии» и «Чрево войны» — все 1915). Это дополняется цветами итальянского флага, как когда-то в живописи эпохи Рисорджименто.

Не меньший пропагандистский посыл содержался и в картине Джино Северини «Пластический синтез идеи войны» (1915, Галерея современного искусства, Милан), в визуальный коллаж которой художник включил символические знаки тотальной войны, войны не людей, а машин: фрагменты пушки, самолета, якорь и нос корабля, дату начала войны как точку отсчета новой истории Европы. Написанная в цветах французского флага — красном, голубом и белом — картина Северини была выражением солидарности с воюющей Францией.

Как и другие представители авангарда, футуристы вдохновлялись силой и мощью военной техники, особенно артиллерии, бронепоездов и аэропланов, в них они видели прообраз будущего, в котором машина заменит человека или приобретет способность действовать самостоятельно¹. Божество футуристов — машина становится беспощадной в своей разрушительной силе убийцей, при этом человек утрачивает свою волю, оказывается частью машины, как в картине Северини «Бронепоезд в действии» (1915, Музей современного искусства, Нью-Йорк). Поводом для ее создания послужили фотография, напечатанная в газете «Мирор» 1 ноября 1914 г., и описание прорыва бронепоезда через ли-

¹Такого «механического» человека будущего, лишённого страстей за исключением одной всепоглощающей страсти — похоти, вывел в романе «Мафарка — футурист» (1910) Ф.Т. Маринетти.

нию фронта. Этот эпизод, как и фотография, стал для Северини поводом прославления механической силы стальной машины, окруженной дымом взрывов и летящими снарядами. В металлическом чреве бронепоезда маленькие солдаты воспринимаются как части «тела машины»¹.

Используя возможности своего художественного языка, футуристы не раз обращались к темам бомбардировок и взрывов. Встречное движение цветового и светового потоков, вызванное взрывом или бомбардировкой, пытались передать и Балла, и Руссоло, и Северини. Так, Балла в 1915 г. написал необычную для себя картину «Выстрел из ружья», в которой вверх устремляется цветовой и «звуковой» поток, разрезающий воздух. Луиджи Руссоло в картине «Впечатление. Бомбардировка», того же 1915 г., соединил фигуративные мотивы и абстрактные формы. Его пламенеющие цветовые потоки, прорезаемые всполохами световых прожекторов, низвергаются вниз, в горную долину, где в окопах пытаются скрыться солдаты.

В картине «Пушка в действии» (1915, Музей Людвига, Лихтенштейн) Северини, используя схожие приемы, активнее прибегает к языку кубофутуристического коллажа. На его картине блестящая поверхность пушки с фигурой артиллериста окружена расходящимися кругами волнами взрыва и звуков, переданных словами и обрывками фраз. Коллаж из надписей, составленных из фраз, разъясняющих последствия взрыва, одновременно указывает и на место действия, так как часть слов написана по-французски.

Одним из важнейших образов, символизирующих апокалипсис захватившей Европу войны, стал образ мчащегося всадника, восходящий как к древней римской истории, так и к образам средневековых рыцарей и, конечно, к христианскому эсхатологическому всаднику, вестнику судного дня. Наиболее известной работой из этого ряда является «Кавалерийская атака улан», написанная Боччони в 1915 г. (частная коллекция, Милан), соединяющая живопись темперой и коллаж из фрагментов газет и плакатов. Судя по одной из газетных вырезок, Боччони вдохновлялся конкретным событием лета 1914 г., когда в Эльзасе произошло ожесточенное сражение французской и немецкой конницы. Таких сражений было несколько в первый период войны, особенно на Восточном фронте, между русскими и австро-венгерскими кавалериями. Стремительность движения всадников подчеркнута их многократным повторением, резкий ритм стреляющих ружей противостоит парящему галопу лошадей.

Всадник был любимым мотивом в живописи Карра. Во время войны он написал несколько вариантов всадника, используя как кубофутуристические приемы коллажа («Погоня», 1915), так и новую для него манеру «метафизической живописи» («Рыцарь западного духа», 1917). Увлеченный передачей ско-

¹ В двух вариантах картины «Санитарный госпиталь» (1915, Музей Гуттенхайма, Нью-Йорк; Стеделик музей, Амстердам) Северини эволюционирует от фигуративной композиции первого варианта к абстракции второго. Используя приемы футуризма, он акцентирует только некоторые смысловые мотивы — белые одежды медсестер, пары стоящего на станции поезда, пылающий символ Красного Креста.

рости движения, Карра пластически объединяет фигуру всадника и лошади, воля и силы которых направлены к общей цели. Немецкие и австрийские художники, как их коллеги в Англии, Франции и Италии, не оставались равнодушными наблюдателями, а весьма активно участвовали в военных действиях как солдаты и как военные художники. Молодежь, кто добровольцем, кто по призыву, оказалась в окопах, художники старшего поколения, движимые чувством патриотизма, получали от военного командования разрешения на работу в качестве баталистов на линии фронта¹.

Так, венский художник и гравер Альфред Базель, призванный в армию в 1914 г., был официальным военным художником и воевал на Восточном фронте в Галиции, на фронтах в Карпатах, Тироле и в Албании. Его картины, написанные в традиционной реалистической манере, были всегда связаны с конкретными военными сражениями, как, например, «Атака австрийских пехотинцев на деревню Старый Коршун в Галиции 22 декабря 1914» (1914, Исторический музей, Вена). Схожие черты отличают серии батальных картин другого военного художника Оскара Ласке, воевавшего в Альпах и на Восточном фронте. Основываясь на традициях старых мастеров, он в конце войны написал большой триптих «Битва за Белград 9 октября 1915» (1917/18, темпера на холсте, Исторический музей, Вена), в котором выступил как внимательный хроникер событий, стараясь соблюсти точность топографии и дислокации воюющих сторон.

В отличие от своих молодых коллег Элбин Эггер-Линц не принимал непосредственного участия в войне, но оказался свидетелем битвы на Альпийском фронте в начале 1915 г. Во время войны Эггер-Линц создал галерею портретов австрийских и немецких офицеров и написал несколько полотен на тему горных боев. Однако известность к нему пришла благодаря символическим картинам «Война» (1915–1916) и «Те, кто потерял свои имена» (1916, Исторический музей, Вена). Последняя картина производит сильное впечатление, во-первых, за счет масштабов, во-вторых, за счет имперсональности героев: одинаковые в своей бесстрастности солдаты, как механические роботы, послушные чужой воле, становятся «единым механизмом» войны, готовые лечь в землю, с которой они сливаются.

Когда речь заходит об искусстве периода «Великой войны», то первый, кого вспоминают, — это немецкий художник Отто Дикс², искусство которого стало квинтэссенцией отношения современников к войне как к событию, поставившему Европу и человечество на грань выживания, показавшему страшное

¹ Среди немецких и австрийских баталистов, которые работали при фронтах, писали картины и создавали иллюстрации для военных журналов, можно назвать Феликса Швормстедта, Рихарда Асманна, Альфреда Базеля, Оскара Ласке и Элбина Эггер-Линца.

² Отто Дикс (1891–1969) прошел всю войну, записавшись добровольцем в 1914 г. Воевал на Западном и Восточном фронтах (1917), участвовал в боях на Сомме, несколько раз был ранен. Получил Железный воинский крест за храбрость. Увлеченный идеями Ницше, был искренним патриотом и приветствовал войну. Подробнее см.: *Conzelmann O. Otto Dix. Hannover, 1959; Karcher E. Otto Dix 1891–1969: His Life and Works. Cologne, 1988.*

лицо «машинной» войны. Неслучайно творчество Дикса сравнивают с военными произведениями А. Барбюса, Э.М. Ремарка и Э. Юнгера. Дикс не принадлежал к основной группе экспрессионистов, но выразительность и «нерв» его искусства близки духу и стилю этого направления.

Дикс пошел на войну добровольцем, движимый патриотическим порывом и стремлением испытать всю полноту жизни, в чем можно видеть влияние идей его любимого автора — Ницше, считавшего войну важнейшим механизмом совершенствования человечества. Позднее он писал о том, что ему хотелось все испытать самому, окунуться в «бездонные глубины жизни». Во время войны он много рисовал и записывал, сделал несколько своих автопортретов, изобразив себя то в образе Марса, то простым солдатом, то человеком, познавшим, что такое смерть. Основные произведения, посвященные войне, Дикс создал в послевоенное десятилетие, сумев обобщить то, что увидел и пережил, выведя свои «военные» произведения на уровень символа, воплотив в них тему памяти и скорби.

Патриотические настроения, охватившие большую часть творческой интеллигенции в начале войны, постепенно сменились более критическим взглядом на военные события. На место эйфории пришел трезвый взгляд на произошедшую катастрофу, что вызвало сомнения в справедливом характере войны со стороны своих правительств. Молодые люди из воюющих стран, не желавшие принимать участие в мировой бойне, бежали в нейтральные государства, в первую очередь в Швейцарию и Соединенные Штаты. Здесь сложилась уникальная атмосфера, которая определялась активностью политической и творческой эмиграции, ее нигилистическими и пацифистскими настроениями. Неслучайно именно Нью-Йорк и Цюрих становятся центрами контркультурного движения, получившего название дадаизма и ставшего тем симптомом, который отразил реакцию молодежи на несостоятельность старой культуры и общества, не способных предотвратить разрушительный хаос войны¹. Эти движения, не имевшие какой-то одной формы проявления или единой программы действий, но объединенные общим нигилистическим отношением к культуре как таковой, одновременно возникли в Европе и Америке между 1915–1918 гг., их питательной почвой была интернациональная среда эмигрантской молодежи, увлеченной левыми политическими идеями, прежде всего анархизмом М.А. Бакунина.

Самой ранней из такого рода групп был центр протодадаизма в Нью-Йорке, куда в 1915 г. бежали от войны французские художники Марсель Дюшан и Франсис Пикабия. Их имена уже были известны в Америке благодаря участию в знаменитом Армори шоу, выставке современного искусства, организован-

¹ Подробнее см.: *Сануайе М. Дада в Париже*. М., 1999; *Дадаизм: в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кельне*. М., 2002; *The Dada Painters and Poets*. N.Y., 1951; *Dada: monograph of a Movement*. N.Y., 1957; *Richter H. Dada. Art and Anti-Art*. L.; N.Y., 1966.

ной в 1913 г. Альфредом Штиглицом, владельцем галерей «Фото-отделение» и «291». В Нью-Йорке Дюшан и Пикабия оказались в центре интеллектуального кружка, в который входили как эмигранты, так и американские художники. Они организовывали провокационные выставки, шокируя американскую публику полным пренебрежением к культурным стереотипам, общепринятым представлениям о том, каким должно быть произведение искусства. Их совместными усилиями было организовано «Общество независимых художников» (1916), первой скандальной акцией которого стала выставка в марте 1917 г. в Центральной галерее Нью-Йорка. В эпицентре скандала оказался писсуар, названный «Фонтан», который Марсель Дюшан попытался выставить под псевдонимом «Рихард Матт».

Тогда же Франсис Пикабия и Ман Рэй стали выпускать журнал «391», идеологически оформивший движение дада в Нью-Йорке. На протяжении 1915–1917 гг. Марсель Дюшан создает разного рода объекты, привлекая для этого предметы повседневного быта: велосипедное колесо, сушилку для бутылок, лопату для уборки снега, вешалку и пр., давая им ироничные названия, никак не связанные с самим предметом. Такое использование «предметов обихода, доведенных до уровня произведения искусства одним лишь фактом выбора художника», Дюшан называл «реди-мейд», т.е. готовый объект, открыв тем самым путь для свободного выбора художником любого объекта, приспособленного им для своих целей. Демонстрацией конечности этого выбора и стал его объект «Фонтан» как акт полного отказа от эстетических норм и правил, как символ анархической свободы художника от наложенных обществом ограничений, наконец, как освобождение художника от «тирании скипидара» и «торговцев картинами», включающих его в коммерческий товарообмен.

При всей радикальности тех или иных акций дадаистов в Нью-Йорке они не содержали в себе никакой политической или антивоенной составляющей, в них было полное пренебрежение к эстетическим и этическим нормам и вкусам общества, в чем и заключалось контркультурное содержание их деятельности. С вступлением Америки в войну резко изменился интеллектуальный климат Нью-Йорка, дадаисты потеряли часть своей аудитории и уже к осени 1917 г. активность группы заметно снизилась. Надежда на скорое окончание войны и изменение художественной ситуации заставили сначала Франсиса Пикабия, а затем и Марселя Дюшана в 1918 г. покинуть Нью-Йорк. Центр дадаизма переместился в послевоенный Париж.

В Европе дадаистические группы были более активными в выражении своих не только контркультурных взглядов и идей, но и в сознательном неприятии политики своих государств и спровоцированной ими войны, от которой они бежали в нейтральную Швейцарию. Даже если эти взгляды не высказывались напрямую, за исключением немецких дадаистов в Берлине, акции и деятельность европейских дадаистов содержали антивоенную направленность. Во время войны Цюрих стал центром интеллектуальной и политической эмиграции,

объединенной общей ненавистью к социальному порядку, повинному в мировой катастрофе.

История группы дада в Цюрихе, возникшей в феврале 1916 г., подробно изложена в дневнике Гуго Балля, писателя и поэта, одного из инициаторов и идеологов дадаизма¹. Местом встреч и акций дадаистов стало «Кабаре Вольтер», с ним связан начальный период деятельности группы. Ее ядром были молодые интеллектуалы из воюющих стран — Румынии и Германии: немцы Рихард Гюльзенбек, Гуго Балль и Ганс Рихтер, румыны Тристан Тцара, Марсель Янко, Ганс (Жан) Арп из Эльзаса со своей женой Софи Тойбер. У каждого из них были собственные причины бежать из своих стран, но их объединяло стремление к независимости суждений и творчества, неприятие устаревших форм общественного устройства, увлечение идеями анархизма и ненависть к государству как инструменту подавления личности.

Перед членами группы дада не стояло проблемы создания «произведения искусства», они были заняты поисками поэтического и художественного языка, способного выразить разрушительную энергию машинной войны. Через нигилизм по отношению к старой культуре и языку как носителю этой культуры они выражали свои антиобщественные и антимилитаристские взгляды. Позднее один из представителей дадаизма Георг Грос писал: «Мы с легкостью издевались над всем, ничего не было для нас святого, мы все оплевывали. У нас не было никакой политической программы, но мы представляли собой чистый нигилизм, и нашим символом являлись ничто, пустота, дыра»². Основная деятельность группы состояла из проведения разного рода акций и выступлений, форма и содержание которых должны были шокировать публику. Намеренная истерия манифестов дада и представлений в «Кабаре Вольтер» была искривленным зеркалом окружающей действительности. На всем, что делали молодые эмигранты, лежал отсвет того апокалипсиса, в который оказались вовлечены народы Европы.

В первые шесть месяцев существования дада была выработана стратегия движения, сформулированная Гуго Баллем в первом манифесте дада (1916), призывающем объединиться молодежь, стоящую на позициях пацифизма, способного преодолеть разделяющие народы «войну и патриотизм». Основным принципом дада была абсолютная свобода, основанная на отрицании всего, что было направлено на ее ограничение — языка, общества, культуры. Деятельность дада состояла из сознательных провокаций; манифестации, дада-вечера и акции привлекали в «Кабаре Вольтер» молодых людей, с удовольствием участвующих в этом художественном хулиганстве.

После отъезда Гуго Балля из Цюриха его идеи были подхвачены молодым поэтом Тристаном Тцара, ставшим во главе движения³. Летом и осенью 1917 г.

¹ Ball H. Flight Out of Time: A Dada Diary by Hugo Ball. N.Y., 1974.

² Цит. по: Schmeller A. Surrealismus. Wien, 1956. S. 6.

³ Тцара расширил связи с другими авангардными группами, в частности с французскими поэтами Луи Арагоном, Филиппом Супо, Андре Бретоном и Полем Элюаром, с итальянским ху-

были выпущены два номера литературно-художественного альманаха «Дада» с «фонетическими» стихами Тцара и его единомышленников, иллюстрациями Арпа и Марсея Янко. Тогда же в Цюрих приехал Франсис Пикабия; вместе с Тцара они подготовили третий выпуск альманаха, где был опубликован «Манифест Дада 1918», ознаменовавший окончательное оформление движения.

Уже после войны (1919) прошли две выставки дадаистов, однако актуальность их протестного движения ушла в прошлое вместе с войной. Цюрих, как и Европа в целом, постепенно возвращался к мирной жизни, и молодые анархисты утратили часть своей аудитории. Начиная с 1917 г. из Цюриха постепенно уехала большая часть политической и идейной эмиграции, покидали Цюрих и художники: кто-то отправился в Париж, как Ф. Пикабия и Тцара; кто-то — в Кёльн, как Ж. Арп и М. Эрнст; кто-то в Берлин, как Р. Гюльзенбек и другие немецкие художники и поэты, переживавшие войну в Швейцарии¹.

В отличие от цюрихской группы деятельность берлинских дадаистов носила не столько художественный, сколько политический характер². В конце войны они стали выпускать журнал «Новая молодежь», статьи и рисунки в котором носили провокационный характер. Неслучайно журнал был закрыт цензурой уже на пятом выпуске. Наиболее радикальными его авторами были вернувшийся с фронта художник Георг Грос и братья Виланд и Хельмут Херцфельды. В качестве протеста против антианглийской истерии Грос принял имя Джордж, а Хельмут Херцфельд взял псевдоним Джон Хартфилд. Виланд Херцфельд основал издательство подрывной литературы «Малик», выступавшее против власти, а позднее — против фашизма. В 1921 г. Виланд написал знаменитую брошюру «Общество, художник и коммунизм», отстаивая принципы абсолютной свободы художника от любого общественного давления.

Какие же новые принципы привнесли дадаисты в характер художественной деятельности, почему именно в этом нигилистическом движении усматривают корни многих художественных практик, которые существуют сейчас, спустя 100 лет после «Великой войны»? Во-первых, дадаисты провозгласили полную свободу от внешних ограничений — морального, этического, политического, эстетического и любого другого свойства; во-вторых, они искали «чистоты» художественного жеста, не обремененного культурными наслоениями, поэтому за вдохновением обращались к искусству и верованиям примитивных народов, детскому творчеству и творчеству душевнобольных; в-третьих, отказываясь от языка как носителя смыслов, пошли по пути его деконструкции,

дожником и поэтом Ю.Эволой, несмотря на разногласия дадаистов с футуристами относительно войны. В начале 1918 г. Тцара устанавливает отношения с берлинскими дадаистами — Г. Гросом, Дж. Хартфилдом, Й. Баадером, Р. Хаусманом. Подробнее см.: *Cernat P. Avangarda românească și complexul periferiei: primul val. Bucharest, 2007.*

¹ В Германии центрами дадаизма были Кёльн, куда из Цюриха перебрались М. Эрнст и Ж. Арп, и Ганновер, где Курт Швиттерс создал свой стиль, назвав его «мерцизм», выпускал журнал «Мерц», где печатался сам и куда приглашал других участников движения.

² Позднее Гюльзенбек писал, что хотел бы «создать литературу с оружием в руках». Политические взгляды членов берлинской группы представляли странную смесь анархизма Й. Баадера, называвшего себя «верховным дада», и большевизма.

отсюда опора на стихийность, непосредственность творческого акта, его автоматизм, т.е. на случайность и абсурдность полученного результата.

Наконец, дадаисты раздвинули границы творчества художника, включив в него и акционизм как самостоятельный вид деятельности, и фотографию, и кино, и «создание вещей» — арт-объектов, использующих самые разные материалы, вплоть до готовых бытовых предметов. Активно реагируя на социальную действительность, представители дадаизма выражали свое отношение к ней через отрицание; анархизм и нигилизм лежали в основе их идеологии и определяли стратегию поведения, рассчитанную на эпатаж и провокацию. Радикальность позиции сблизила дадаистов с левой идеологией, неслучайно многие его представители участвовали в революции 1918 г. в Германии и поначалу высказывали свою солидарность с большевиками в России.

§ 4. Искусство и визуальная пропаганда

Пропаганда и контрпропаганда играли важнейшую роль в информационной войне. Война нового типа предполагала и новые правила игры, поставив на повестку дня проблему модернизации государственной системы внутренней и внешней пропаганды, централизации ее усилий в консолидации общества и продвижении внешнеполитических установок на союзнические и нейтральные страны. Комитеты по пропаганде и агитации, созданные при министерствах иностранных дел, штабах армий воюющих стран, подвергали цензуре и направляли информационную продукцию, накладывая запреты на негативную информацию (число собственных потерь, реальное положение дел на фронте)¹. Формировалась общая пропагандистская стратегия, к работе над которой привлекались известные писатели и журналисты; дизайнеры и художники активно сотрудничали в специальных графических отделах при комитетах по пропаганде, разрабатывая художественное решение агитационной продукции². Ведущие государственные и частные издательства безвозмездно

¹ Подробнее см.: Кэмбелл С. Тайны Дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918. М., 1928; Ласвель Г. Техника пропаганды в мировую войну. М., 1933; Зильбер И. Тайные средства борьбы: записки германского шпиона о работе в английской цензуре во время Первой мировой войны. М., 1948; Акопов А.А. Проблема пропаганды и формирование образа врага в периодической печати начала XX века: историографический обзор // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 10. Пятигорск, 2008; Он же. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 9–65; Ponsonby A. Falsehood in War-Time: Propaganda Lies of the first World War. N.Y., 1928; Hanak H. Great Britain and Austria-Hungary in the First World War. A Study in the formation of Public Opinion. L., Oxford, 1962; Haste C. Keep the Home Fires Burning: Propaganda in the First World War. L., 1977; Marquis A.G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany during the First World War // Journal of Contemporary History. 1978. V. 13. P. 467–498; Ferraine J. Myth and Anti-Myth of War. 1864–1945. L., 1980; Volpe N. della. Esercito e propaganda nella Grande Guerra (1915–1918). Roma, 1990; Ross St. H. Propaganda for War: How the United States was conditioned to Fight the Great War of 1914–1918. Jefferson, 1996.

² Во Франции в агитационном и социальном плакате, военной иллюстрации работали многие художники рекламного плаката довоенного времени, а также такие графики, как Т. Сейнлен, Ж. Февр, Л.Э. Жона, Д.Ш. Фокере, М. Нёмон и др.; в Германии многие плакаты были созданы по рисункам и акварелям Ф. Швормстедта, В. Штёвера, Ф. Эрлера, Г. Бендта, Г. Эрндта, Ю. Гипкенса,

печатали открытки, большими тиражами выпускали плакаты и листовки. Сатирическая графика и карикатуры регулярно появлялись в военных журналах и периодической печати. Эффективность внутренней и внешней пропаганды обеспечивалась сложившимися к началу XX в. институциями массовой коммуникации, в первую очередь широким распространением прессы и разного рода журнальной продукции, развитием репортажной фотографии и кинематографа, коммерческой и социальной рекламы. Все это вместе взятое способствовало достаточно быстрому распространению информации и внедрению в общественное сознание пропагандистских установок, направленных на информационную и психологическую обработку гражданского населения и воюющих армий в нужном направлении.

Большую роль в системе пропаганды играли как традиционные визуальные формы — газетная и журнальная графика, так и новые возможности, которые предоставляли военная кинохроника, репортажная фотография, организуемые выставки фотографий, рисунков с полях сражений, с видами разрушений и жертв; военные и патриотические сюжеты широко использовались в плакатах, лубках, открытках и других агитационных изданиях. Все это должно было поднять дух гражданского населения и солдат, сплотить общество вокруг общих целей¹. В пропагандистском плакате и открытке преобладали формы и приемы, наиболее доступные для массового восприятия. Активно используется «риторика враждебности», приводящая к конструированию тех или иных фобий, воспроизведению исторически сложившихся стереотипов, традиционных клише и мифологем массового сознания. Каждая из воюющих сторон использовала свою национальную вербальную и визуальную лексику, систему быстро считываемых знаков. В период войны во всех воюющих странах акцент ставился на национальной самобытности образов и художественного языка. Жанровая дифференциация агитационной продукции была практически одинаковой за небольшими исключениями, отражающими национальные особенности ведения и содержания военной кампании.

Массовая визуальная агитационная продукция периода войны подчинялась задачам пропаганды, и в ней была выработана общая для всех воюющих стран риторика; языком визуальных образов формировался образ врага, прославлялись героика и самопожертвование, осознание своего долга перед нацией, взаимопомощь и патриотический порыв. По мере развития военных

Л. Хольвайна, Г. Келина, Т. Фейгеля и др.; в Англии можно назвать имена таких известных графиков, как Дж. С. Прайс, Ф. Бренгвин, Б. Баймсфазер, В. Дайон, А. Лит, А. Вордл и др.; в США получили популярность плакаты Д.С. Гросбека, В. Маккея, Г.Ч. Кристи, Дж.М. Флэга, Г. Фишера, Э. Пенфильда, Б. Уолла и др.

¹ Подробнее см.: Коуплэнд Н. Психология и солдат. М., 1960; Первая мировая война 1914–1918. М., 1968; Семянская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Она же. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; Хмельевская Ю.Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000; Смирнова И.В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914–1918 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Taylor S. The Psychology of the Great War. L., 1915.

действий вырабатывается типология военного агитационного и сатирического плаката, имеющая схожую мотивационную и лексическую основу во всех воюющих странах, будь то Англия или Россия, Германия или Австрия, США или Канада. Плакат, как и агитационная визуальная продукция в целом, сыграл важную роль в мобилизации национальных ресурсов воюющих стран, более того, стал первой ласточкой в формировании самостоятельных плакатных жанров — политического, агитационного и сатирического плаката.

Общими для всех воюющих стран были пропагандистские приемы информационной и идеологической войны, призванные внедрять в общественное сознание основополагающие идеологемы, способные стать консолидирующей и действенной силой. Любая пропаганда есть клише идеологических установок внутри страны, и в ней транслируется та система ценностей, которая характерна для данного общества. Однако во время войны при всем различии политических систем и общественного устройства воюющих стран контрапункты пропагандистских клише были по большей части схожими. Они складывались исходя из основных задач пропаганды, направленных на консолидацию общества вокруг общих целей. Из них основными были оправдание войны, создание установки на справедливость собственного в ней участия и на скорое победное окончание войны, утверждение авторитета власти, восхваление боеспособности армии и военачальников на фоне занижения военно-стратегических возможностей противника, создание негативного образа врага, его агрессии и вероломности целей, поднятие морального духа нации на основе преувеличения своих возможностей, наконец, в сатирической графике — создание карикатурно-приниженного образа врага¹.

Плакаты, открытки, календари, информационные и лубочные листки, листовки, объединяющие текст и изображение, кино- и фотохроника были действенным оружием пропаганды и агитации во всех воюющих странах, став мощным инструментом информационной войны, в которую были вовлечены государственные, политические, интеллектуальные и экономические ресурсы. Помимо газет и радио именно визуальная агитация, рассчитанная на массового потребителя информации, призвана была поддерживать «дух нации», рекрутировать ее мобилизационные ресурсы — будь то пополнение рядов воюющей армии, помощь раненым, инвалидам и семьям погибших, сбор средств для армии и флота, распространение военных займов, организация благотворительных аукционов, выставок, концертов и многое другое, что, возникая спонтанно или целенаправленно, было призвано оказывать моральную и экономическую поддержку своим армиям и правительствам.

В начале войны были созданы специальные отделы в издательствах, занимающиеся пропагандой и созданием агитационных плакатов, информаци-

¹ См.: Голубев А.В. Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994; Дмитриев А.В. Социология политического юмора. Очерки. М., 1998; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

онных и сатирических листков, мобильно реагирующих на военные события, поднимающих «дух» нации и прославляющих героев сражений. Многие художники бесплатно сотрудничали с государственными и частными издательствами, выпускающими агитационную продукцию, считая такое сотрудничество своим посильным вкладом в дело победы.

Плакаты, сатирические листки и открытки военного времени опирались на те формы визуальной пропаганды, которые сформировались в европейской графике еще в начале XIX в., в период французской революции и Наполеоновских войн, и других военных конфликтов, в которые были вовлечены государственные пропагандистские ресурсы¹. Именно тогда сформировалась агитационная идеология, выработалась лексика лубочной народной картинки или сатирического листка, печатная графика стала важным инструментом не только пропаганды, но и информации населения, мобильно реагируя на злободневные события.

Распространению многотиражных плакатов большого или среднего формата способствовало появление в середине XIX в. хромолитографической печати, что позволяло создавать многоцветные изображения, в которых не утрачивалось впечатление рукотворности рисунка или живописи, при сохранении четкости шрифтовой печати. Столь широкому распространению визуальной агитационной продукции в период Первой мировой войны способствовал расцвет рекламного коммерческого плаката и афиши, получивших большое распространение и сформировавших на рубеже XIX–XX вв. национальные школы типографики и плаката. Многие рекламные коммерческие издательства, имея развитую сеть дизайнерских бюро и типографий, в период войны помимо рекламной продукции стали выпускать массовыми тиражами агитационные плакаты, открытки, афиши благотворительных выставок и акций и т.п.

Основными формами военного плаката были шрифтовые плакаты, в которых акцент делался на вербальную информацию, и графические плакаты, в которых использовался визуальный образ — воображаемый или реальный, причем лексика графического плаката опиралась на выработанные ранее традиции. С распространением в средствах массовой информации событийной фотографии она стала широко использоваться как в плакате, так и особенно в открытках, календарях, иллюстрированных военных журналах, где фотографии глав правительств воюющих государств и коронованных особ, членов их семей, генералов и главнокомандующих армий, сцен окопной жизни и мест сражений создавали ощущение достоверности и личной сопричастности к происходящим на фронте событиям.

В крупнейших мировых военных архивах, музеях современной и военной истории сохранились прекрасные коллекции плакатов, агитационных листков

¹ См.: Зоркая Н. Фольклор, лубок, экран. М., 1994; Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны 1914–1918. Иллюстрированный каталог собрания Государственного центрального музея современной истории России. Т. 1–2. М., 2004–2005.

и другой визуальной продукции военного времени¹. Ее многочисленность и жанровое многообразие поражают, настолько активной была пропагандистская война противоборствовавших стран. Как убедительно показала история, наибольших успехов в ней добились страны Антанты, более последовательно и целенаправленно, чем Германия и Австро-Венгрия, проводившие идеологическую и психологическую войну². Среди стран Антанты Великобритания лидировала в деле пропаганды, активно работая как внутри страны, так и на внешнего потребителя информации. Ее пример был важен для США, Австралии и Канады, в которых присутствие британской пропаганды, включая ее визуальную продукцию, было наиболее заметно. Успеху британской пропаганды способствовали не только отношение жителей Великобритании к военным усилиям своей страны, но и наличие большой армии профессиональных журналистов, включая иностранных корреспондентов, граверов и фотографов, а также современных средств связи, типографского оснащения, передовой кино- и фототехники.

Неслучайно в графическом наследии «Великой войны» особое место занимает английский политический и социальный плакат с присущей ему гибкой и целенаправленной мотивацией, воздействующей на разные слои населения. В нем широко использовались стереотипы гражданских и семейных ценностей, активнее, чем в плакатах других воюющих стран, личностный посыл³. Многие английские плакаты стали хрестоматийными примерами агитационного плаката, политической и социальной рекламы.

В агитационной продукции всех без исключения стран, входящих в Антанту, широко использовались государственные символы: изображения знамен, гербов, фотографий глав правительств, царствующих особ и членов их семей.

¹ Одним из лучших собраний документов эпистолярного и художественного наследия периода «Великой войны» являются Имперский военный музей в Лондоне, а также аналогичные музеи в Оттаве, Сиднее, Вене, Париже. В Государственном центральном музее современной истории России хранятся интересная коллекция русских плакатов, лубков, открыток Первой мировой войны, а также коллекция агитационной визуальной продукции этого времени из других европейских стран.

² В Англии помимо разного рода гражданских агентств уже в августе 1914 г. было образовано бюро военной пропаганды при Министерстве иностранных дел, которое возглавил журналист и писатель Чарльз Мастерман. В помощники себе он привлек писателя А. Конан Дойла и журналиста Дж. Бьюкена, взявшего на себя руководство изданием военного журнала. В работе бюро приняли участие ведущие писатели и журналисты, что обеспечило высокий уровень пропагандистских изданий. Достаточно назвать имена Г.К. Честертона, Дж. Голсуорси, Р. Киплинга, Г. Уэллса и др. Уже на второй год войны лордом Бивербруком, владельцем «Дэйли экспресс», совместно с Арнольдом Беннетом был создан Британский военный мемориальный комитет. В его задачу входило привлечение художников, фотографов и кинооператоров к визуальной фиксации военных действий и освещению кампаний британского экспедиционного корпуса на континенте.

³ Подробнее см.: *Кэмбелл С. Указ.соч. М.-Л., 1928; Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War I. Cambridge, 1971; Sanders M.L., Taylor Ph. M. British Propaganda in the First World War. L., 1982; Liddle P.H. 1914–1918: Voices and Images of War. L., 1988; Hardie M., Sabin A.K. War Posters. L., 1920; Rickards M. Posters of the First World War. N.Y., 1968; Borkan G.A. World War I Posters. Atglen, 2002 (автор приводит примеры военного плаката разных стран, в основном опираясь на материалы Великобритании, США и Канады).*

Георг V и Николай II

вался в газетной и журнальной карикатуре (в журнале «Панч») и иллюстрациях в военных журналах (*The Illustrated war news*) и «Иллюстрированная война» (*The War Illustrated*).

В первый период войны, вплоть до 1916 г. основной темой пропагандистского и агитационного плаката были мобилизационные призывы, в которых использовалась самая разная мотивация — от патриотической, рассчитанной на пробуждение чувства долга и гражданской ответственности «истинного британца», до личной, ориентированной на систему семейных ценностей, на поддержание чести семьи и пр.¹

Еще до войны в начале 1914 г. на обложке первого номера журнала «Лондон Опинион» (*London Opinion*) художник-иллюстратор Альфред Лит поместил изображение британского военного министра лорда Китченера с направленным прямо на зрителя указательным пальцем и с надписью: «Твоя страна нуждается в тебе», ставшее культовым образом нации для воюющей страны. На основе обложки Альфреда Литта в первые дни войны был выпущен знаменитый плакат «Британцы! Ждем Вас. Вступайте в национальную армию! Боже, храни короля!», который породил многочисленные варианты аналогичных композиций как в самой Англии, так и за ее пределами. Направленный в сто-

Так, в России большими тиражами выпускались открытки с фотографиями Николая II и членов его семьи, во Франции обычно издавались открытки с фотографией Р. Пуанкаре, в Великобритании — плакаты и открытки с изображением короля Георга V. Не меньшее распространение получили плакаты и открытки с фотографиями глав союзных правительств. По мере расширения союза добавлялись фотографии глав правительств Бельгии, Италии и Японии часто на фоне государственной символики этих стран. Помимо этого в плакатах стран Антанты флаг или герб обычно выступали как самостоятельные символы государства. Образ Британской империи мог замещаться изображением льва, чаще всего образ льва использо-

¹ Подробнее см.: *Lasswell H.D.* Op. cit.; *Sanders M.L.*, *Taylor Ph. M.* Op. cit.

рону зрителя указующий жест стал хрестоматийным примером прямого обращения к гражданам.

В английском мобилизационном плакате и военной иллюстрации образ лорда Китченера стал собирательным образом «истинного британского офицера», как и традиционные для английской политической и сатирической графики образы британского солдата Томми Аткинса или типичного британца, энергичного и честного Джона Буля, как в знаменитом плакате «Кого здесь нет? Тебя?», основанном на найденном Литом решении приема прямого обращения к зрителю.

По мере затягивания военных действий, ожесточения войны, роста разрушений и жертв в плакатах все чаще используются сцены жестокости агрессора и страданий мирного населения¹. Агитационные плакаты чаще всего печатались по эскизам художников, которые сотрудничали как литографы и иллюстраторы с ведущими издательствами еще до войны. Обычно в их основе лежали чисто графические идеи, собирательные образы, фотографии или личные военные впечатления. К последнему типу плакатов можно отнести плакаты художника-иллюстратора Дж. Спенсера Прайса.

Сатирические плакаты часто воспроизводили политические карикатуры, которые печатались в журнале «Панч», где сотрудничали ведущие художники-иллюстраторы. При всей схожести с журнальной и газетной сатирой сатирический плакат обладал более широким адресным воздействием и активнее эксплуатировал архетипические фобии народного сознания. Главными «героями» большинства карикатур и сатирических плакатов были император Вильгельм II («бедный Вилли») и его союзник Франц Иосиф I, доставалось и собирательному образу немецкого солдата — жестокому и звероподобному Бошу. Часто их образы замещались весьма потрепанными орлами, диким гунном и гориллой в каске².

После вступления в войну США пропагандистская машина начинает работать на две страны, и американский плакат, развиваясь самостоятельно, во многом оказывается связанным с британским плакатом, основные виды и жанры которого сформировались в начале войны³. Несмотря на то, что Америка

¹ К такому типу плакатов можно отнести большой спектр плакатов для Красного Креста или плакаты с видами разрушений Антверпена, Реймса или Лунда.

² В духе политической карикатуры решены такие сатирические листки, как «Ночной кошмар Кайзера», «Есть ли здесь место для Вилли?» или известный австралийский плакат «Руки прочь». В английской и французской журнальной графике часто используются образы русского медведя и казака с положительными смысловыми коннотациями, как в английском плакате «Русским катком — измелчим». Элементы социальной сатиры можно видеть, например, в таком плакате, как «Ты в союзе с Кайзером?». Помимо карикатур выпускались сатирические листки, создающие негативный образ жестокого и аморального врага, как в плакате «Рыцари неба» или в сатирических картинках «Как немецкий солдат завоевывал железный крест». Даже реклама военных займов часто использовала сатирические образы «бедного Вилли», как в рекламе победного займа «Помоги поймать гунна!».

³ См. интернет-ресурсы: American Posters of War One (<http://www.library.georgetown.edu/dept/specco/amposter.htm>); Propaganda Posters — United States of America (<http://www.first world war.com/posters/usa.htm>).

вступила в войну намного позднее основных ее участников, ее пропагандистская деятельность была чрезвычайно активной. Солидные финансовые вливания, хорошая полиграфическая база, армия художников-иллюстраторов и литографов, работавших в журнальной иллюстрации и коммерческой рекламе, обеспечили высокий художественный и полиграфический уровень американской визуальной агитационной продукции, помимо плакатов включающей открытки и календари.

Развернувшаяся тотальная война, транспортная блокада, особенно актуальная для Англии, недостаток рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве во всех воюющих странах Антанты и Тройственного союза сделали проблему экономии энергетических, финансовых и продовольственных ресурсов первоочередной. Внутренняя пропаганда воюющих стран помимо мобилизации людских ресурсов и поддержания воинственного духа в своих армиях была направлена на гражданское население с тем, чтобы стимулировать повсеместную и часто безвозмездную помощь армии и флоту, раненым солдатам и инвалидам в госпиталях, военнопленным через Красный Крест. В решении этих проблем большую роль играл социальный плакат, использующий лексику коммерческого плаката и рекламы, приспособленную для нужд военного времени.

Основные цели социального плаката достигались художественными средствами и методами психологического воздействия, выработанными в довоенной коммерческой рекламе и информационной афише. Вместе с тем кардинально поменялись установки рекламы военного времени: вместо приглашения покупать те или иные товары — призывы к строгой экономии; вместо соблазнов отдыха и развлечений — побуждение к труду и волонтерской помощи военной промышленности и сельскому хозяйству.

Жанровое и тематическое разнообразие социального плаката и рекламы чрезвычайно велико, но можно выделить несколько доминирующих тематических групп, характерных для всех воюющих стран, но использующих разную мотивацию, основанную на национальном менталитете и системе ценностей каждой из сторон конфликта.

Во-первых, это плакаты и реклама прямого действия, чаще всего связанные с призывами к строгой экономии. При всем тематическом различии они содержат общий для всех посыл: беречь пшеницу, сахар и соль, бережно относиться к энергетическим ресурсам¹. Во-вторых, это плакаты, побуждающие

¹ Наиболее характерны такие английские плакаты, как «Сохрани пшеницу и помоги флоту. Ешь меньше хлеба», «Кухня — ключ к победе», «Не оставляй хлеба! Сохрани два ломтика каждый день и победи вражескую подводную лодку». Призывы консервировать продукты соседствуют с рекламой сбора крапивы и советами по выращиванию кроликов, как на немецких плакатах. Получила распространение реклама обществ и пунктов сбора продуктов и вещей для фронта, вплоть до старых пластинок, как на одном из английских плакатов. Продовольственная администрация Америки выпускала свои плакаты, как, например, плакат «Они получат всю пшеницу, которую ты им пошлешь». В сборе средств не отставали общественные и религиозные организации, печатавшие свои информационные листки и плакаты.

к социальной помощи и гражданской активности. По существу, они выполняли ту же мобилизационную функцию, что и агитационные плакаты, и были нацелены на объединение усилий всего общества ради достижения победы. В-третьих, рекламные плакаты по сбору средств и пожертвований. В первую очередь это плакаты, призывающие помогать Красному Кресту. В эту же группу входят плакаты, рекламирующие частные и государственные заемные кампании и призывающие покупать облигации военных займов, сдавать золото и серебро на нужды фронта. Агитационный посыл такого рода плакатов всегда один и тот же — своим шиллингом ты поможешь победить врага (как на английских заемных плакатах: «Одолжи пять шиллингов государству и раздави немцев» или «Обрати свое серебро в пули»).

По мере развертывания военных действий все актуальнее становилась проблема нехватки кадров, особенно во флоте и авиации. Неудивительно, что во всех воюющих странах выпускаются красочные плакаты и открытки с образами симпатичных молодых девушек, одетых в военную форму и приглашающих вступить в армию, чтобы стать секретарями, сестрами милосердия, служить в авиации и на флоте¹.

Русский военный плакат занимает особое место в визуальном наследии «Великой войны», что было связано с несколькими причинами: во-первых, особым национальным менталитетом; во-вторых, отсутствием единой целенаправленной пропаганды, участием в ней самых разных институций и групп, преследующих свои политические интересы; в-третьих, сохранением в общественном сознании архетипических культурных кодов, что способствовало широкому распространению и популярности такого архаического для начала XX в. жанра, как лубочная картинка².

На первом этапе войны, когда ситуация на фронте была обнадеживающей, преобладали патриотические настроения, которые нашли свое отражение в стилистике и риторике военного плаката и в лубочной картинке. Ухудшение положения на фронте, сложная российская внутривойсковая ситуация, спад патриотических настроений привели к возрастанию роли социального плаката, росту влияния благотворительных организаций и частных инициатив. Наконец, после Февральской революции меняется стилистика агитационного плаката, имперская идея замещается общегражданской. На смену образу императора как гаранта победы приходит образ солдата и гражданина.

¹ Война внесла существенные изменения в положение женщины в обществе, что нашло свое отражение и в военной визуальной продукции, в которой образ женщины многоаспектен — это и олицетворение родины, и образ матери, жены, возлюбленной, наконец, это образ труженицы, помощницы, сестры милосердия. Подробнее см.: *Warwick A. Woman at War 1914–1918. L., 1977; Total War and Social Change. L.; Milano, 1988.*

² См.: *Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991; Паинс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Последняя война имперской России. М., 2002; Акопов А.А. Проблема пропаганды и формирование образа врага...; Он же. Пропаганда на русском фронте...*

Такие коммерческие издательства, как типографии И. Сытина, С. Морозова, А. Постнова, имевшие опыт работы в рекламе и афише, выпускали большими тиражами военные плакаты, открытки, сатирические листки, иллюстрированные военно-сатирические альманахи («Военный балагур», «Весельчак», «Война сердитая» и др.), а также книжки-лубки с иллюстрациями. В жанре плаката и листовки работали многие русские художники, достаточно упомянуть братьев Васнецовых, К. Коровина, А. Архипова, Л. Пастернака, А. Кравченко, Г. Алексеева, Б. Кустодиева, И. Билибина, военного художника-графика и живописца С. Виноградова, графиков Г. Пашкова, Н. Самошкина, М. Щеглова, живописца и графика А. Шевченко и многих других.

Народная сатирическая картинка и журнальная иллюстрация на злободневные темы сформировались как самостоятельные графические жанры еще в период Отечественной войны 1812 г. и особенно во время Крымской и Русско-японской войны¹. Политические плакаты различных партий получили распространение в период революции 1905 года, когда плакаты стали играть важную роль пропагандистского оружия. Однако именно в годы «Великой войны» выделились основные виды и жанры агитационной продукции на российской почве, как определились и главные «герои» плакатов, их тематическое и идейное наполнение². Помимо агитационного плаката особую группу составляют социальный плакат и социальная реклама, а также сатирические листки, лубочные картинки и лубочные книжки с карикатурами и батальными сценами.

В русских плакатах, открытках и лубочных картинках получает распространение образ Родины-матери и образ России-воительницы и победительницы. Как в плакатах других воюющих стран, женский образ России становится воплощением родины, как образы Германии в немецких землях, Марианны — во Франции, Британии — в Англии или Колумбии — в Соединенных штатах³. Напоминание о воинской славе России было важной составной частью пропагандистского плаката, наиболее часто обращались как к средневековой русской истории, так и событиям Отечественной войны 1812 года. Это неслучайно, ибо в агитационных плакатах Первую мировую войну нередко, особенно в началь-

¹ Подробнее см.: Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX в. М., 2012; Mikhailova Y. Images of Enemy and Self: Russian Popular Prints of Russo-Japanese War // Acta Slavica Japonica. 1998. V. 16.

² См.: Бабурина Н.И. Русский плакат Первой мировой войны. М., 1992; Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX в. М., 2005; Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны 1914–1915. Т. 1. М., 2004; Т. 2. М., 2005; Jahn H. «Kaiser, Cossak and Kolbasniks». Caricatures of German in Russian Popular Culture // Journal of Russian Popular Culture. 1998; Rosenfeld F. «The World Turned Upside Down». Russian Posters of the First World War // Defining Russian Graphic Arts. New Brunswick, 1999; Norris S. Russian Images of War. The Lubok and Wartime Culture, 1812–1917. Philadelphia, 2002; *Idem*. War Time Images. Russian Popular Prints. War Time Culture and National Identity. N.Y., 2006.

³ См.: Рябов О.В. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover, 2007; *Он же*. «Россия-Матушка»: История визуализации // Границы. Альманах Центра этнических и национальных исследований Ив. ГУ. Вып. 2. Визуализация нации. Иваново, 2008. С. 7–36.

ный период, называли Второй Отечественной войной (как, например, в плакате «Мировой пожар», 1914).

При всем разнообразии социального плаката и рекламы лубочная батальная и сатирическая картинка является самой яркой и наиболее национальной агитационной продукцией периода Первой мировой войны. В области сатирического лубка и картинки активно работали представители русского художественного и литературного авангарда. Лубки, созданные такими представителями авангарда, как Д. Бурлюк, Н. Гончарова, М. Ларионов, А. Лентулов, К. Малевич, В. Маяковский, Г. Нарбут и К. Говояров, при всей их близости к традиционной форме народной картинки не были ее простым повторением. Их отличал современный художественный язык, ироничность и стилизация под раешные тексты¹. Локальный цвет, упрощение рисунка, нарочитая плоскостность, игровой характер образов уподобляли лубок браваурной солдатской песне, а комичный образ врага вселял оптимизм². Большинство представителей авангарда сотрудничали с издательством «Сегодняшний лубок», которое печатало не только отдельные картинки, но и выпускало большими тиражами «грошовые» лубочные книжки с иллюстрациями и краткими текстами или стишками, имеющими отношение к военным событиям. Довольно многочисленна была сатирическая продукция типографии А.Ф. Постнова (первый ее плакат был выпущен 12 августа 1914 г.), художники которой ориентировались не столько на лубок, сколько на журнальную и газетную карикатуру³.

Большинство сатирических плакатов и лубков было выпущено в начале войны, позднее актуальность лубочной картинки резко падает, а ее браваурный тон оказывается неуместным в условиях затяжной позиционной войны. Особый жанр военного лубка представляли батальные композиции, в традиционной форме народной картинки информирующие население о событиях войны — это и военные подвиги, и выигранные сражения, и основные государственной важности события. Такого рода лубки имели прямой адресат — им была крестьянская Россия, где батальные лубки наравне с иконами и образом Государя-императора вешались в красном углу избы⁴.

¹ Одними из наиболее известных содружеств поэта и художника были лубки К. Малевича с текстами В. Маяковского: «Глядь, поглядь, уж близко Вислы», «Вильгельмова карусель», «Подошел колбасник к Лодзи», «У союзников французов битых немцев полный кузов» и др., все относящиеся к 1914 г.

² Подробнее см.: *Денисов В.Н.* Война и лубок. Пг., 1916; *Хеллман Б.* Первая мировая война в лубочной литературе // *Россия и Первая мировая война.* СПб., 1999; *Бабурина Н.И.* Указ. соч.; *Вашик К., Бабурина Н.* Указ. соч.

³ Главным героем сатирических плакатов типографии А.Ф. Постнова был казак, ставший образом нарицательным в русской карикатуре и лубке.

⁴ В героическом и батальном лубке заметно стремление к эстетизации войны, стремление придать событиям не только героический, но и сказочный характер. Русские солдаты и казаки изображались смелыми и непреклонными в своей правоте победителями, враги — трусами, бегущими в паническом ужасе. Пик издания батальных и героических лубков приходится на 1914–1915 гг. Из событийных и героических лубков наиболее известны «Героический подвиг донского казака Кузьмы Крючкова», «Подвиг штаб-капитана П.Н. Нестерова», «Война России с Турцией»,

Вне сомнения, агитационный, социальный и сатирический плакат, лубочная картинка, журнальная и газетная карикатура имели большое значение в мобилизационных усилиях российского государства, а созданные ими пропагандистские мифологемы способствовали поддержанию морального духа и единства нации. Однако к концу войны лимит доверия к формам визуальной и прочей пропаганды был исчерпан, причины были не столько в военных неудачах, сколько во внутренних политических и социальных противоречиях.

Если обратиться к немецкому плакату периода «Великой войны», то можно выделить ряд магистральных направлений, характерных для визуальной пропаганды Германии¹. Так, в начальный период войны основное внимание уделялось, во-первых, прославлению императора и его соратников, во-вторых, утверждению справедливости войны со стороны Германии и превосходства немецкого духа. Центральной фигурой

Вильгельм II и Франц Иосиф I

в немецких плакатах и открытках этого времени был император Вильгельм II, в образе которого воплощались мощь и величие германской нации; именно образ императора стал объединяющим для армии и гражданского общества². Не меньшее значение в визуальной агитации играла пропаганда союзнических отношений Германии и Австро-Венгрии — Вильгельма II и Франца Иосифа I. Открыток и плакатов с их рукопожатием было выпущено великое множество. Иногда помимо фотографий императоров включались изображения солдат их армий, пожимающих друг другу руки³. Обычно фотографии глав союзнических государств печата-

Центральной фигурой в немецких плакатах и открытках этого времени был император Вильгельм II, в образе которого воплощались мощь и величие германской нации; именно образ императора стал объединяющим для армии и гражданского общества². Не меньшее значение в визуальной агитации играла пропаганда союзнических отношений Германии и Австро-Венгрии — Вильгельма II и Франца Иосифа I. Открыток и плакатов с их рукопожатием было выпущено великое множество. Иногда помимо фотографий императоров включались изображения солдат их армий, пожимающих друг другу руки³. Обычно фотографии глав союзнических государств печата-

«Война России с Германией и Австрией», «Поражение немцев у Гумбиннена», «Битва под Краковом», «Разгром австрийской армии под Львовом», «Падение Перемышля» и пр.

¹ В Германии визуальная пропаганда была сосредоточена в руках отделов печати при Министерстве иностранных дел, Морском ведомстве и Министерстве внутренних дел, для которых были характерны жесткая регламентация и цензура. Помимо этого существовали частные «бюро пропаганды», взаимодействующие с издательствами. В 1915 г. было сформировано Управление печати, при нем организован графический отдел. Аналогичное отделение, как и Управление плакатов и кино, существовало при отделе военной пропаганды, созданном в 1917 г. при Министерстве иностранных дел. В августе 1918 г. было организовано Имперское учреждение пропаганды, объединившее все потоки пропаганды в единое русло.

² Например, такие плакаты, как «Вильгельм II приветствует солдат», «Германия приветствует своего кайзера!», «Вильгельм II — император», «Вильгельм II дает клятву верности нации», «Кайзер — наш рулевой!»

³ Например, такие плакаты, как «Истинный союз!», «Верность на верность!», «Верные союзники» и пр.

лись на фоне национальных знамен и гербов, в окружении символов воинской славы.

Как и в других воюющих странах, в политической риторике Германии большое значение придавалось пропаганде национального единства, единения императора, армии и народа¹. Если для начала войны были характерны прежде всего мобилизационные плакаты, прославление императора как вождя нации и отца отечества, то по мере ожесточения войны, возрастания ее жертв, разрушений и материальных потерь сменяется пропагандистская направленность визуальной агитации. Император все чаще выступает как мудрый полководец, скорбящий о потерях своего народа². Частым героем открыток и плакатов был командующий Восточным фронтом Пауль фон Гиндербург.

Важное место в системе государственной пропаганды занимало прославление технической мощи Германии, ее военной промышленности и новых типов вооружений. С этой целью выпускались фотографические открытки новейшего вооружения — танков, артиллерии, боевых машин, пулеметов, цеппелинов, новых моделей самолетов и военных крейсеров.

Особый интерес представляют немецкие поздравительные открытки, выпущенные на Рождество 1915, 1916, 1917 и 1918 гг., вместе со специальными номерами иллюстрированных военных журналов (особенно «*Illustrierte Zeitung*»). Помимо традиционных зимних мотивов в качестве иллюстраций использовали фотографии и рисунки художников с военными сюжетами, как, например, встреча Нового года в окопах, на передовой, в госпиталях, сбор рождественских подарков или примеры сестринского милосердия.

В немецкой сатирической графике острие сатиры было направлено против главных противников — Великобритании, Франции и России, а также их союзников — Сербии, Италии и Японии. Их образы-знаки легко считывались и должны были не только вызывать смех, но и укреплять моральный дух нации. В создании сатирических плакатов и открыток принимали участие самые разные художники, но в основном те, кто работал для пропагандистских и сатирических изданий, был связан с выпуском агитационных и политических плакатов. В сатирических плакатах и открытках использовались традиции журнальной и газетной карикатуры, а также народной картинки, как они сложились еще в XVIII в. Персонажи имели легко узнаваемые черты — длинноногий англичанин, русский — обязательно бородатый и с красным носом, француз — щуплый и невысокий, японец — маленький и косоглазый. Иногда их образы заменялись образами медведя, петуха, лисы или льва и т.д. Острая характерность карикатурного рисунка, нелепые позы и уничижительные характеристики противопоставлялись образам союзников — немецкому кайзеру

¹ Например, такие плакаты, как «В нашем единстве сила», «Император позвал и все, все пришли!» и пр.

² Например, такие открытки, как «Кайзер на фронте», «Кайзер скорбит у солдатских могил», «Скорбящий кайзер» и пр.

и австрийскому императору, немецкому и австрийскому солдату, при этом визуальный образ всегда сопровождался выразительной фразой или стихком¹.

Австрийский агитационный плакат и открытки по тематике и набору пропагандистских лозунгов имели практически ту же направленность, что и немецкая агитационная продукция. Вместе с тем в австрийских плакатах была усилена имперская составляющая; рассчитанные на местного потребителя, они не так прямолинейны в своем пропагандистском послыле, как немецкие плакаты. Благодаря устойчивым традициям модерна, который рассматривался как одно из наиболее значительных национальных достижений Нового времени, в австрийских плакатах основное внимание уделяется слогану и аллегории, они ярче и интереснее в графическом и живописном отношении, в них типографика и визуальный образ образуют сложное художественное целое. Выбор шрифта, чаще всего того или иного варианта «фрактуры» или «готики», красота расположения текста на поверхности листа играют в австрийском плакате намного большую роль, чем в немецком, и опираются на ту эстетику шрифта, которая была выработана в искусстве модерна.

При всем национальном своеобразии агитационные, социальные и сатирические плакаты периода Первой мировой войны обладают единством целей и общими типологическими принципами, сыгравшими важную роль в развитии послевоенного политического и коммерческого плаката, более того, опыт визуальной агитации «Великой войны» был развит и продолжен в период испытаний Второй мировой войны.

¹ Например, такие сатирические плакаты, как «Европейское равновесие», «Мат русскому царю», «В наш зверинец», «Батюшка царь: трусливый и лживый» и др. Так, на сатирическом плакате «Очистим нашу землю» написан такой стихок: «Один удар — француз! Один пинок — британец! Один выстрел — русский!»

3

часть

**«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА»
И ПОИСКИ «НОВОГО
МИРОВОГО ПОРЯДКА»**

Глава 8

ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ

§ 1. Цели великих держав и «вызовы» войны (1914–1916)

За считанные дни локальная австро-сербская война переросла в европейскую, а затем и в мировую. Уже в период июльского кризиса стремительная эскалация конфликта показала, что события начали выходить из-под контроля политического руководства великих держав. Не оправдались надежды как Австро-Венгрии на локальную войну с Сербией, так и Германии на ограничение конфликта континентальными рамками.

Неопределенность ситуации и колебания руководства великих держав в период июльского кризиса, а также противоречивые прогнозы в отношении масштабов конфликта вылились в то, что их цели в войне конкретизировались уже после ее начала. Они в значительной степени определялись императивами эпохи. Укрепление государства, его стратегических, экономических позиций, обеспечение условий для внутренней консолидации на базе внешнеполитических успехов, создание возможностей для внешней экспансии и расширения своего влияния — все эти мотивы хотя и в разной степени учитывались при выдвигании целей войны. Они менялись в деталях соответственно успехам или неудачам на фронтах, различались оттенками в интерпретации тех или иных военных или политических деятелей, но главное содержание оставалось неизменным. Облеченные в оборонительную риторику «гарантий безопасности» собственного государства в послевоенном мире или предотвращения гегемонии противника цели каждой из держав в действительности были направлены на изменение в соотношении сил в свою пользу путем улучшения собственных позиций (зачастую не только за счет противников, но и союзников). Руководство каждой из держав намечало контуры новой системы международных отношений, соответствовавшей интересам своей страны. Построение подобной системы связывалось с победой в войне.

Раньше всех к формулированию своих целей в войне приступило германское руководство¹. Это неудивительно. Именно Германии с начала войны принадлежала инициатива в ведении военных действий. Надежды германских

¹ Дискуссия о целях Германии в войне содержится в работах: *Fischer F. Griff nach Weltmacht. Düsseldorf, 1961; Soutou G-H. L'or et le sang. Lebut de guerre économiques de la Première Guerre mondiale. P., 1989; Goemans H.E. War and Punishment. The Causes of War Termination and the First World War. Princeton, 2000; Soutou G-H. Die Kriegsziele des Deutschen Reiches, Frankreichs, Grossbritannien und der Vereinigten Staaten während des Ersten Weltkrieges: ein Vergleich // Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse. München, 1994.*

правлящих кругов на успех молниеносной войны побудили канцлера Т. фон Бетман-Гольвега уже в начале сентября 1914 г. наметить некоторые положения, которые должны были лечь в основу мира с Францией и Бельгией.

Свои программы вынашивало не только политическое руководство Германской империи, но и такие влиятельные организации, как Пангерманский союз, ряд крупных экономических ассоциаций, известные германские деятели науки и культуры. Их объединяло стремление, выраженное в Сентябрьской программе Бетман-Гольвега¹, «обеспечить Германии безопасность на Западе и на Востоке на все мыслимое время». Подобная формулировка по сути предполагала установление германского доминирования в Европе.

На фоне многих откровенно аннексионистских планов, делеемых как германскими военными, так и частью деловых кругов, проект Бетман-Гольвега выглядел достаточно умеренным в свете относительно небольшого объема прямых аннексий, которые он предполагал. Действительно, в категоричной форме говорилось лишь об отторжении от Франции рудных месторождений Брие. Предполагалось также отторгнуть от Бельгии Льеж, Вербьер и, возможно, Антверпен, часть ее территории присоединить к Люксембургу, а сам Люксембург включить в состав Германии. Вопрос о принадлежности Бельфора, западных склонов Вогезов и прибрежной полосы от Дюнкерка до Булони Бетман-Гольвег оставлял на усмотрение военных. Предусматривались право Германии оккупировать важные в военном отношении порты Бельгии и контроль над бельгийским побережьем. Требования на Востоке не были конкретизированы и сводились к пожеланию отодвинуть границы России как можно дальше и сокрушить ее господство над «вассальными нерусскими народами».

Намеченные аннексии были призваны улучшить стратегические позиции Германии посредством укрепления границ на Западе, а также расширить ресурсную базу германской промышленности — основу экономической мощи государства в индустриальную эпоху.

Главной политической целью программы Бетман-Гольвега являлось «ослабление Франции в такой степени, чтобы сделать невозможным ее возрождение в качестве великой державы». Предполагалось взыскание огромной контрибуции с Франции, чтобы не позволить последней расходовать средства на вооружения в течение последующих 15–20 лет. Важным механизмом достижения экономического, а с ним и политического господства являлся бы торговый договор, открывавший рынки Франции и Бельгии для германского экспорта и закрывавший их для экспорта из Великобритании. Французская территория должна была быть открыта для деятельности германских промышленников и финансистов, а Бельгия превращена в полностью зависимое от Германии государство.

Реализация экономических условий в отношении Франции и Бельгии была призвана способствовать созданию под германской эгидой среднеевро-

¹ Под этим названием в историю вошел документ «Предварительные директивы для германской политики при заключении мира», направленный канцлером Бетман-Гольвегом министру внутренних дел К. фон Дельбрюку 9 сентября 1914 г. Авторство идей, вошедших в документ, принадлежит помощнику Бетман-Гольвега Курту Рицлеру.

пейской ассоциации, в которую предполагалось включить Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Австро-Венгрию, Польшу, Италию, Швецию и Норвегию. Связанные таможенными договорами, эти страны должны были сформировать экономический союз, в котором безусловно доминировала бы Германия.

Сентябрьская программа была далеко не первым документом, обращавшимся к идее «Срединной Европы». Проекты создания Среднеевропейского таможенного или экономического союза выдвигались в Германии еще на рубеже XIX–XX вв. как вариант решения проблемы ограниченных рынков за пределами континента. Таким образом, эти планы были связаны не только с претензиями Германии на доминирование в рамках европейской системы международных отношений, но и с поиском своего места в складывавшейся глобальной системе мирового хозяйства. В преддверии войны в некоторых кругах немецкой элиты создание «Срединной Европы» рассматривалось как способ выдержать конкуренцию с Великобританией, а также со стремительно растущей экономикой США. В то же время данный проект сохранял и континентальную направленность. В парадигме противостояния германизма и славянства, присутствовавшей в германской общественной мысли и внешней политике накануне войны, «Срединная Европа» рассматривалась как оплот германизма против «славянского натиска».

Вместе с тем нельзя говорить о сложившемся в германской военно-политической, интеллектуальной элите и деловых кругах консенсусе по вопросу о «Срединной Европе». Нацеленные на установление германского доминирования, прежде всего в Центральной и Юго-Восточной Европе, те проекты, что предлагались представителями различных кругов германского общества, расходились в вопросах географических границ объединения, форм германского контроля, места проекта в общем контексте германской политики. Как накануне, так и в ходе войны достаточно силен был скептицизм в отношении «Срединной Европы» в кругах германских аграриев, опасавшихся подрыва своих позиций из-за конкуренции более дешевой продукции. Ряд представителей деловых кругов, промышленников и банкиров, интересы которых выходили далеко за рамки Европейского континента, высказывали озабоченность тем, что создание закрытого экономического блока под эгидой Германии затруднит ей доступ на мировой рынок.

На наш взгляд, очевидно, что в центре Сентябрьской программы находились прежде всего политические интересы Германии в Европе. План создания «Срединной Европы» был нацелен на то, чтобы в первую очередь посредством экономических рычагов обеспечить Берлину лидирующие позиции на континенте. Успешный опыт таможенного союза как важной опоры позиций Пруссии в Германии в преддверии ее объединения побуждал к попытке его повторения в гораздо больших масштабах¹.

¹ Подробнее о концепции «Срединной Европы» см.: *Туполев Б.М.* «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время Первой мировой войны // *Первая мировая война: Пролог XX века.* М., 1998. С. 106–122; *Mommsen W.* Die Mitteleuropäische und die Mitteleuropapläne im Deutschen Reich // *Mommsen W.* Der Erste Weltkrieg. Anfang vom Ende des bürgerlichen Zeitalters. Frankfurt am Main, 2004. S. 94–117.

В то же время германские правящие круги при формулировке военных целей не отказывались от колониальных амбиций. Так, Сентябрьская программа, наряду с образованием под эгидой Германии Среднеевропейского экономического союза, предполагала создание Центральноафриканской колониальной империи.

Очевидно, что как требования прямых аннексий, так и притязания на осуществление влияния косвенными методами были несовместимы с великодержавными позициями других государств и, естественно, могли быть реализованы только в случае безоговорочной победы Германии.

Провал плана молниеносной войны поставил под сомнение достижение этой задачи. Крах плана Шлиффена требовал корректировки германской стратегии в войне и ставил вопрос о модификации ее целей. После неудачи на Марне сменивший Г. фон Мольтке-мл. на посту начальника Генерального штаба Э. Фалькенгайн связывал успешное окончание войны с возможностью заключения сепаратного мира, по крайней мере с одной из держав Антанты. Считая основным врагом Германии Великобританию, Фалькенгайн предлагал достичь «мира по соглашению» с Россией или Францией. Бетман-Гольвег, которого неудача попыток обеспечить британский нейтралитет в войне лишила иллюзий в отношении позиции Лондона, склонялся к точке зрения начальника Генерального штаба. Как и до войны, Германия ставила задачей расколоть Антанту. Для ее достижения она использовала и силовые, и дипломатические средства. В 1915 г. попытки склонить Россию к переговорам подкреплялись наступлением германских армий на Востоке, в 1916 г. Верденская операция, по замыслу Фалькенгайна, должна была принудить Францию принять условия Берлина. Как и прежде, на пути такого курса стояли амбициозные внешнеполитические цели Германии, затрагивавшие коренные интересы держав Антанты.

В первые годы войны преимущество на полях сражений безусловно принадлежало Германии. И это, по мнению германского руководства, давало ей шансы на достижение договоренности с Россией или Францией. С конца 1914 г. Берлин начал зондировать возможности заключения сепаратного мира сначала с Петроградом, а затем и с Парижем¹. Примечательно, что контакты с царским правительством пытались наладить в основном через придворные круги, где было немало сторонников замирения с Германией, а воздействовать на позицию Парижа стремились через журналистов, отдельных парламентариев, представителей промышленников. В первом случае апеллировали к консервативно-монархическому единству, а во втором рассчитывали на привлекательность перспектив экономического сотрудничества.

Однако германской дипломатии не удалось склонить противников к сепаратному миру. Так, не дали результатов ни попытки установить контакты с

¹ См. подробнее: *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985; *Шаццлло В.К.* Российская империя в планах военно-политической элиты Германии (конец 1914–1915 гг.) // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей. СПб., 2012. С. 32–40; *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальной». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 266–294.

Николаем II через министра двора Фредерикса, ни письма великого герцога Гессенского Александре Федоровне, ни обращения через княгиню М.А. Васильчикову к С.Д. Сазонову, Александре Федоровне, Николаю II, ни поездка доверенного лица датского короля Х.Н. Андерсена в Петроград с целью прощупать возможности выхода России из войны. Также безуспешной оказалась деятельность германской дипломатии в Стокгольме, который с середины 1915 г. стал основной площадкой для поиска контактов с Россией. Германии не удалось реализовать проекты заключения германо-русско-японского союза, не получила продолжения встреча гамбургского банкира Ф. Варбурга с товарищем председателя Государственной думы А.Д. Протопоповым летом 1916 г.

С.Д. Сазонов

Не принесла успеха и деятельность германской миссии в Берне, являвшейся центром по поиску контактов с французским руководством. Не удалось попытаться склонить часть французских промышленников к идее выхода из войны, сыграв на их возможной заинтересованности в доступе к германскому углю. В итоге консервативная идеология и экономические интересы отдельных групп оказались слабее фундаментальных геополитических реалий и соображений безопасности.

На пути Германии к компромиссному миру стояли ее военные победы. Как влиятельным экономическим и политическим группам, так и населению страны сложно было объяснить необходимость отказа от уже завоеванных территорий. После провала плана молниеносной войны даже умеренные круги в германском руководстве, к каковым принадлежал канцлер Бетман-Гольвег, были готовы пойти лишь на незначительный отход от первоначальных требований. Так, например, выступая 6 декабря 1914 г. перед представителями промышленных кругов, германский канцлер не отказывался от создания Среднеевропейского таможенного союза и взыскания контрибуции в качестве условий мира с Францией, добавляя, правда, что аннексии могут быть незначительными или вообще отсутствовать. В германском руководстве практически не рассматривали возможности уступок со своей стороны. Показателен в этом отношении категорический отказ статс-секретаря по иностранным делам Г. фон Ягова от высказанного в середине 1915 г. предложения германского дипломата Г. фон Ромберга рассмотреть возможность хотя бы незначительного пограничного урегулирования в пользу Франции. По его оценке, возможно, излишне оптимистичной, «передача одной деревни повлияла бы колоссально»¹. Попытки договориться как с Россией, так и с Францией отличались непоследовательностью. Наконец, Берлин не мог не учитывать интересы своих союзников. Так, например, рассматривая варианты воздействия на позицию России, германские

¹ Евдокимова Н.П. Указ. соч. С. 21.

государственные деятели вынуждены были считаться как с австрийскими, так и турецкими целями на Балканах и в районе проливов.

Свои планы строили и державы Антанты. Так, 5 сентября 1914 г. Россия, Франция и Великобритания подписали Лондонское соглашение, знаменовавшее превращение Антанты в военно-политический союз. Стороны обязывались не заключать сепаратного мира с противником и не предлагать условий мира без предварительного обсуждения¹. Военные действия против общего противника сплачивали державы этого блока. Важное политическое значение имела отправка на континент британского экспедиционного корпуса, который уже 23 августа 1914 г. принял участие в сражениях на франко-бельгийской границе. Состоявшаяся еще до подписания Лондонского соглашения, т.е. в условиях отсутствия у Англии военно-политических обязательств в рамках Антанты, высадка британских сил на континенте явилась знаком ее приверженности союзникам. Еще одним свидетельством солидарности в рамках Антанты стало начало наступления русских армий в Восточной Пруссии в разгар битвы на Марне.

Как и Германия, каждая из держав Антанты стремилась продиктовать противнику свои условия мира. Хотя для Франции и России на протяжении войны первоочередной задачей являлось освобождение занятых врагом территорий, это не стало препятствием к формулированию целей, выходящих за рамки этого освобождения и предполагавших расширение границ за счет противника. Так, Петроград декларировал цель восстановления объединенной Польши с предоставлением ей автономии в рамках Российской империи. В беседе с английским и французским послами 1 сентября 1914 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов в качестве условий будущего мира, помимо отторжения от Германии и Австро-Венгрии польских земель, называл расширение границ Сербии, нейтральных балканских стран и, возможно, Италии за счет Австро-Венгрии. Главная задача Антанты, по мнению главы русского МИДа, состояла в том, чтобы «сокрушить могущество Германии и положить конец ее стремлению к военному и политическому господству»².

Французский премьер-министр Р. Вивиани продемонстрировал схожую риторику, говоря о «сокрушении прусского милитаризма» в речи перед палатой депутатов в декабре 1914 г. Франция также стремилась к взысканию с Германии контрибуции, возвращению Эльзаса и Лотарингии, восстановлению бельгийской независимости. При всей расплывчатости формулировок и возможности разного толкования практически каждого из положений (размеров контрибуции, границ утраченных провинций, критериев независимости или автономии и определения институтов «милитаризма») за ними стояла готовность продолжать войну³.

¹ Текст соглашения см.: Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 344.

² Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917 гг. М.; Л., 1931–1938. Т. 6. Ч. 1. С. 248–249.

³ См. подробнее: *Stevenson D. French War Aims against Germany. Oxford, 1988.*

Безусловно, превращение Антанты в военно-политический союз не устраняло противоречий между ее членами. Это хорошо иллюстрирует пример Великобритании, которую лишь война заставила окончательно отказаться от традиционной политики «свободы рук»¹. Формально Великобритания вступила в войну как гарант нарушенного Германией бельгийского нейтралитета. Восстановление независимости Бельгии с начала войны декларировалось британским руководством как ее важнейшая цель. Подобные заявления, во-первых, отражали британские стратегические интересы на континенте — Бельгия в руках мощной европейской державы традиционно рассматривалась как угроза безопасности Великобритании, а, во-вторых, давало основания Великобритании выступать в благородной роли защитника международного права, что обеспечивало поддержку общественного мнения внутри страны и позволяло рассчитывать на симпатии ряда нейтральных государств.

Вместе с тем вторжение Германии в Бельгию послужило лишь поводом, а отнюдь не подлинной причиной британского вступления в войну. И требование гарантии бельгийского нейтралитета являлось производной от главной цели участия Великобритании в войне — предотвращения германской гегемонии в Европе и мире. Премьер-министр декларировал необходимость достижения мира, который бы «обеспечивал Англию и ее союзников от будущего нападения со стороны Германии». Британские лидеры рассматривали мощь Германии и ее политику в качестве угрозы Великобритании, ее империи и всей системе «*Rex Britannica*».

Как и для союзников, для Англии было важно выиграть войну, но в качестве столь же значимой рассматривалась задача укрепления позиций своей империи. Помимо сокрушения германской мощи необходимо было сохранить силы для того, чтобы продиктовать условия благоприятного для себя мира. Отметим, что для ряда британских политиков и военных восприятие проблемы безопасности империи не исчерпывались германской угрозой. Сражаясь против Германии, Англия не желала ослабления своих позиций по отношению к союзникам. Традиционно заинтересованный в балансе сил, Лондон воспринимал союз с Парижем и особенно Петроградом как тактический, действующий лишь на протяжении войны. Поэтому наряду с декларированной целью гарантии безопасности империи от германской угрозы британская стратегия была направлена на то, чтобы мирное урегулирование обеспечивало ей большую степень безопасности не только по отношению к Германии, но и по отношению к союзникам. Путь к подобному миру лежал через сходящие для Англии условия мобилизации ресурсов для ведения войны. В отличие от союзников, ведущих военные действия на собственной территории, Великобритания на протяжении определенного времени обладала большей свободой в выборе стратегии. Если Россия и Франция вынуждены были в первую очередь сконцентрироваться на том, чтобы отстоять свои позиции европейских великих держав, то для Англии речь шла о сохранении статуса мировой державы.

¹ См. подробнее: *French D. British Strategy and War Aims, 1914–1916. L., 1986.*

Подобное восприятие интересов, как и военные возможности Великобритании (которая не имела системы воинской повинности), обусловило выбор британской стратегии в первые годы войны. Несмотря на отправку на континент экспедиционных сил, Англия была намерена в основном придерживаться традиционной для себя стратегии ведения войны — предоставлять союзникам финансовые ресурсы и снаряжение, осуществлять морскую блокаду врага и вести действия против его торговли. В сухопутных операциях на континенте она полагалась на армии своих союзников — России и Франции. Английское участие в боевых действиях на Западном фронте оставалось ограниченным вплоть до весны 1916 г.

Вместе с тем пока шла война, противоречия в лагере Антанты отходили на второй план. Конкретные стратегические интересы держав «Сердечного соглашения» могли расходиться, однако совпадение главной цели — достижение победы над Германией — обуславливало поддержание единства коалиции¹.

На Западе Англия и Франция были едины в противодействии усилиям германской дипломатии в Бельгии, направленным на вовлечение этого королевства в сферу своего влияния. Разгоревшейся борьбе способствовала некоторая неопределенность, сохранявшаяся в положении Бельгии в ходе войны². Оказав сопротивление вторгшимся на ее территорию германским войскам и в дальнейшем участвуя в военных действиях против Германии, Бельгия не подписала Лондонский договор, дистанцировавшись, таким образом, от фактических союзников по Антанте. Определенные разногласия по вопросу о внешнеполитической ориентации государства существовали между королем и правительством. Кабинет министров склонялся к более тесной координации с Антантой вплоть до готовности дать обязательство ведения войны до победного конца, тогда как Альберт I настаивал на сохранении нейтралитета. Такая позиция монарха объяснялась как опасениями победы Германии, с одной стороны, так и нежеланием попасть в чрезмерную зависимость от стран Антанты и, в частности, стремлением избежать участия бельгийской армии в наступательных операциях союзников — с другой. Примечательно, что на протяжении большей части войны бельгийское правительство находилось в соседней Франции — в местечке Сент-Андресс, предместье Гавра, а король, являвшийся главнокомандующим бельгийской армией, оставался на территории Бельгии, в курортном городке Ля Панн.

Укрепление позиций в Бельгии давало Германии стратегические преимущества как против Великобритании, так и против Франции, которые Берлин рассматривал как «гарантии своей безопасности», а фактически доминирования в Европе после войны. Это побуждало германские правящие круги стремиться к превращению Бельгии в «вассальное государство». На достижение этой цели, которая оставалась неизменной, несмотря на определенные разно-

¹ См. подробнее: Павлов А.Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. СПб., 2008.

² О политике Бельгии в ходе Первой мировой войны см. подробнее: Хорошева А.О. Внешняя политика Бельгии накануне и во время Первой мировой войны. М., 2007.

гласия по вопросу о средствах ее реализации, была направлена как политика Германии на оккупированной территории, так и усилия германской дипломатии. Консультации, проводившиеся в конце 1915 — начале 1916 г. через посредничество дальнего родственника бельгийской королевы Елизаветы и друга королевской четы, советника рейхсрата по вопросам Баварии графа Г. Терринга, с одной стороны, и доверенного лица короля Альберта профессора Э. Ваксвейлера — с другой, выявили позицию Германии по бельгийскому вопросу. Берлин пытался склонить Бельгию к отказу в будущем от нейтралитета и признанию военного покровительства со стороны Германии. Германия требовала предоставления права прохода своих войск через территорию Бельгии и оккупации некоторых районов, контроля над железными дорогами, предоставления морской базы и вступления Бельгии в таможенный союз. Неудивительно, что подобные предложения не встретили понимания Альберта.

В то же время Бельгия не давала согласия на предложения Франции о заключении таможенного и военного союза. Опасения сепаратных переговоров между Бельгией и Германией вынудило державы Антанты активизировать свои дипломатические усилия. Территория Бельгии имела важное стратегическое значение с точки зрения обеспечения безопасности как Франции, так и Англии. Подконтрольная Германии, она вновь могла стать плацдармом для наступления на Францию, а порты на ее побережье могли быть использованы для действий германских подводных лодок против британского флота. Поэтому Лондон и Париж приложили все усилия, чтобы закрепить проантантовскую ориентацию королевства. 14 февраля 1916 г. они выступили с Сент-Андресской декларацией. В ней союзники гарантировали участие Бельгии в мирных переговорах, обязывались не прекращать войну пока не будет обеспечено восстановление экономической и политической независимости Бельгии, а также возмещение понесенных ею убытков. Интересно, что обязательство не прекращать войну без возмещения Бельгии потерь вызвало сомнения русского МИДа, опасавшегося, что оно способно «создать определенные затруднения союзникам»¹, т.е. сузить свободу их действий при заключении мира. Однако текст декларации не был изменен. Вскоре союзники гарантировали также колониальные владения Бельгии.

Если на Западе державы соперничали за Бельгию, то на Востоке важным вопросом, разделяющим Германию и Россию, стала судьба польских земель. В рамках Венской системы «три восточных двора», как называли монархии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, объединяла заинтересованность в поддержании своего контроля над полученными ими в результате разделов Польши территориями. Война между Россией и Центральными державами означала раскол этого консервативного единства и неизбежно поднимала вопрос о будущем польских земель.

Берлин в качестве умеренного варианта условий мира, способного, по мнению германского руководства, склонить царское правительство к соглашению,

¹ Хорошева А.О. Указ. соч. С. 211.

рассматривал в первой половине 1915 г. отторжение от России северной и западной части Царства Польского и благоприятный для Германии торговый договор с Российской империей. Успехи германского наступления на Востоке лишь расширили ее притязания. Оккупация балтийских провинций Российской империи поставила вопрос об их судьбе. Еще в июне 1915 г. Бетман-Гольвег полагал, что аннексия Литвы и Курляндии станет препятствием на пути соглашения с царским правительством. Однако продвижение германских армий на Восток побудило статс-секретаря по иностранным делам Г. фон Ягова выступить с меморандумом, предлагавшим создание на этих территориях автономного герцогства во главе с германским князем, связанного с Германией военными и таможенными соглашениями и общей системой железных дорог. 5 апреля 1916 г. Бетман-Гольвег заявил, что «Германия никогда добровольно не передаст вновь под власть реакционной России освобожденные ею и ее союзниками народы, расположенные между Балтийским морем и волынскими болотами, будь то поляки, литовцы, балты или латыши»¹.

Таким образом, консервативное единство, к которому пыталась обращаться Германия в ходе тайных переговоров, не выдерживало напора экспансионистских целей, часто облакаемых в либеральные лозунги. Логичным продолжением заявления германского канцлера стало провозглашение Центральными державами 5 ноября 1916 г. формально независимого, но связанного с Германией польского королевства. В данном случае логика войны возобладала над логикой политики — расчет на выгоды момента над ожиданиями преимуществ в будущем. Надежды на обеспечение притока польских добровольцев перевешивали возможные сомнения в целесообразности такого шага. Понимание того, что подобное решение делает еще более призрачными шансы на мир с Россией, не остановило Берлин. В условиях войны на истощение на политику не могла не оказывать влияния необходимость привлечения новых ресурсов для поддержания военных усилий. Проблема мобилизации ресурсов в условиях союзной блокады придала новое звучание идее «Срединной Европы».

Своего рода ответом Антанты на германские проекты создания «Срединной Европы» явились решения Парижской конференции союзников по экономическим вопросам². Созванная по инициативе Франции, она проходила в июне 1916 г. Достигнутые договоренности предполагали создание после войны экономического блока, не включавшего Германию. Так, союзники соглашались на то, чтобы принимать меры против возможного демпинга со стороны Центральных держав, не предоставлять им статус наибольшего благоприятствования, поддерживать независимость от Германии в обеспечении сырьем и промышленной продукцией, а также облегчать условия обмена товарами между собой на протяжении ряда послевоенных лет.

Безусловно, без наполнения конкретным содержанием эти положения оставались лишь благими пожеланиями, и в итоге они оказались мертворож-

¹ Цит. по: *Туполев Б.М.* Россия в военных планах Германии // Первая мировая война: Пролог XX века. С. 53.

² См. подробнее: *Soutou G-H.* L'or et le sang. ... P. 231–412.

денными. Договоренности не были ратифицированы ни Россией, ни Италией, опасавшимися за экспортные рынки для своей аграрной продукции. В Великобритании они сразу же вызвали дискуссию, выявившую серьезные разногласия в правящих кругах. Как министерство торговли, так и сформированный в 1917 г. кабинетом комитет под председательством лорда Милнера, призванный, в частности, выработать пожелания к условиям мира в экономических вопросах, высказались против того, чтобы положить их в основу своей политики¹.

Однако сам факт принятия подобных решений показателен, так как он продемонстрировал характерные для Антанты (прежде всего для Франции) опасения оказаться в зависимости от поставок германских природных ресурсов и столкнуться с торговой конкуренцией Германии после войны. Кроме того, он намечал одну из альтернатив послевоенного урегулирования, в основе которой лежало разделение Европы на враждебные экономические блоки. Наконец, в очередной раз решения этой конференции продемонстрировали непримиримость интересов Антанты и Центрального блока под эгидой Германии.

В ходе Первой мировой войны великие державы боролись «за господство в Европе», и эта борьба создавала предпосылки для изменения расстановки сил в локальных подсистемах на континенте. Одним из ключевых игроков в Центральной и Юго-Восточной Европе на протяжении предшествующих столетий являлась империя Габсбургов. В преддверии Первой мировой войны ее внутренний кризис стал составляющей общесистемного кризиса. Война только усугубила проблемы «больного человека Европы», как уже в начале XX в. стали называть Австро-Венгрию. Ее уязвимость была связана с тем, что дуалистической монархии было все сложнее осуществлять власть в полиэтничном государстве. Национальные движения в самой Австро-Венгрии и на Балканах вступали в противоречие с дуалистической структурой, при которой власть была сосредоточена в двух центрах силы. То неустойчивое равновесие, на котором базировалась стабильность этого государства, грозило быть подорванным в результате войны.

Первоначальные цели Австро-Венгрии в войне определялись стремлением оградить внутренний строй и целостность государства от угрозы, в качестве которой ею воспринималась Сербия как оплот югославянского национализма². Примечательно, что изначально у Габсбургской империи не было аннексионистских планов на Балканах. Против присоединения территории Сербии выступал венгерский премьер-министр И. Тиса, игравший важную роль в формировании балканского направления политики двуединой монархии. В этом проявлялась определенная преемственность предвоенного курса

¹ Peter M. Britische Kriegsziele und Friedensvorstellungen // Der Erste Weltkrieg... S. 106–108. См. также критику решений Парижской конференции: Economist. 1916. Vol. 82. June 24. P. 1182.

² О политике Австро-Венгрии в Первой мировой войне см. подробнее: Shanafelt G.W. The Secret Enemy: Austria-Hungary and the German Alliance, 1914–1918. N.Y., 1985; Исламов Т.М. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5; Волос М., Шкундин Г. Национальные вопросы в Габсбургской монархии во время Первой мировой войны в историографии и историософии: взгляд из России // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1. М., 2012. С. 13–43.

Австро-Венгрии с ее политикой последней трети XIX — начала XX в., кредо которой состояло в экономической экспансии без политической аннексии. Австро-Венгрия не могла отказаться от влияния на Балканах, но приращения за счет территорий со славянским населением потенциально подрывали сложившуюся дуалистическую структуру. Однако еще до войны стало очевидно, что потенциала экономики Габсбургской империи было явно недостаточно, чтобы удерживать страны Балканского полуострова в своей сфере влияния. Поэтому не призывая к аннексии Сербии, в Будапеште рассматривали в качестве желательного сценария отторжение от нее значительных территорий в пользу ориентированных на Габсбургскую империю Болгарии и Албании. Таким образом, дуалистическая монархия надеялась изменить соотношение сил на Балканах в свою пользу. Достижению подобной цели отвечала бы локальная война против Сербии с высокими шансами на победу.

Однако надежды Вены и Будапешта на локальную войну, как известно, не оправдались. Вступление в войну России поставило перед Габсбургской империей проблему ведения военных действий на два фронта. Она застраховалась от того, чтобы оказаться изолированной в этой войне, еще в период июльского кризиса заручившись поддержкой Германии, однако подобная поддержка таила в себе риск стать заложником военных целей более сильного союзника. Затягивание войны содержало в себе новые опасности. Одной из них являлось вовлечение в войну претендовавших на часть земель двуединой монархии Италии и Румынии на стороне ее противников.

Несмотря на то что Италия являлась членом Тройственного союза, к началу войны у нее отсутствовали сколь-нибудь серьезные противоречия со странами Антанты, тогда как Австрия, в состав которой входили населенные итальянцами земли, рассматривалась как потенциальный противник. Поэтому после того, как 3 августа Рим объявил о своем нейтралитете¹, Берлину и Вене оставалось только предпринимать усилия, чтобы Италия не примкнула к враждебному блоку. Позицию выжидания в начале войны заняла и Румыния, также связанная союзными обязательствами с Центральными державами. В депешах в Вену и Берлин румынский премьер-министр И. Брэтиану отметил отсутствие для своей страны казус федерис. У Бухареста, как и у Рима, были мотивы выступить на стороне Антанты. К этому его могло побудить стремление получить Трансильванию. Выступление Италии и Румынии способно было заметно осложнить задачи армии Габсбургской империи, а в случае поражения, учитывая к тому же территориальные претензии Сербии, ставило под сомнение ее выживание.

Неудивительно, что развитие событий первых месяцев войны побуждало министра иностранных дел Габсбургской империи Л. фон Берхтольда задуматься о возможном выходе из нее на условиях статус-кво или с минимальны-

¹ В качестве формального мотива своих действий Рим указал на несоблюдение Веней статьи VII союзного договора, которая предполагала предварительные консультации сторон в случае нарушения статус-кво на Балканах, побережье Адриатики или Эгейского моря в целях достижения соглашения о компенсациях.

ми потерями. Правда, в январе 1915 г. его сменил приверженец войны до победы И. Буриан, пользовавшийся поддержкой венгерского премьера И. Тисы. Несмотря на это, поиски путей ограничения войны продолжались. Перспектива вступления в войну Италии побудила начальника Генерального штаба Ф. Конрада фон Гетцендорфа в апреле 1915 г. высказаться за заключение мира с Россией на условиях разделения Балканского полуострова на сферы влияния и уступок Петрограду в восточной Галиции, а также за счет Турции. Однако преобладающей тенденцией политики двуединой монархии являлись не попытки договориться с Россией, а стремление побудить Германию к уступкам на Западе, а также предотвратить выступление Италии. К «умиротворению» Италии склоняли своего союзника и из Берлина. Сохранение итальянских территорий Австро-Венгрии не представляло стратегического интереса для Германии. Габсбургская империя была для нее гораздо важнее как противовес России и путь на Ближний Восток.

Во многом под германским давлением в переговорах с Римом Вена согласилась отказаться от Трентино. Однако этого оказалось недостаточно для Италии. Не предотвратили ее присоединения к Антанте и предложения австрийского и германского послов в Риме К. фон Маччио и Б. фон Бюлова, расширивших список уступок за счет итальянских областей Тироля, территорий на западном берегу Изонцо, Валоны, а также предложения предоставить особый статус и автономию Триесту. Они включали почти все территории *Italia irredenta* («неприсоединенной Италии»), но союз с Антантой позволял Риму рассчитывать также на укрепление своих стратегических позиций на суше — за счет присоединения Южного Тироля до Бреннера — и на Адриатике — за счет включения в свой состав Истрии и части Далмации с островами. 26 апреля 1915 г. Италия подписала с державами Антанты тайный Лондонский договор и спустя почти месяц, 23 мая, объявила войну Австро-Венгрии.

Тем не менее вопреки ожиданиям держав Антанты выступление Италии против империи Габсбургов не принесло немедленных преимуществ. Итальянская армия оказалась весьма слабой. И на фронтах в 1915 г. инициатива оставалась на стороне Центрального блока. Успешное наступление германо-австрийских армий на Востоке в 1915 г. способствовало расширению коалиции за счет Болгарии, надеявшейся на реванш прежде всего в отношении Сербии за поражение во второй Балканской войне.

Успехи Центральных держав на фронте, правда, в значительной степени достигнутые за счет германского оружия, привели к появлению в правящих кругах Австро-Венгрии аннексионистских планов. Австрия претендовала на территорию Царства Польского, Венгрия — на северо-западную часть Сербии с Белградом, а после разгрома выступившей в августе 1916 г. на стороне Антанты Румынии — на значительную часть румынской Валахии. Однако планируемые аннексии грозили подрывом силового баланса между двумя частями монархии и национального — внутри каждой из них. Споры в правящих кругах Дунайской монархии по поводу территориальных целей войны вновь обнажали шаткость ее внутренней структуры. Как отмечает австрийский историк Л. Хе-

бельт, «в то время как другие дискутировали о целях войны, имея в виду аннексии или стремление к мировому господству, в Австро-Венгрии вопрос стоял прежде всего о “внутренних целях войны”, об использовании международной конъюнктуры для национального соперничества внутри Монархии»¹.

Относительные успехи Габсбургской империи в сотрудничестве с Германией не решали национальных проблем империи, а растущая зависимость от более сильного союзника ставила вопрос о способности сохранить самостоятельность в политике даже в случае победы. Как заметил американский консул в Будапеште У. Коффин еще в конце сентября 1914 г., «...какая бы сторона ни победила, Австро-Венгрия и особенно Венгрия обречены оказаться в числе проигравших...»². Действительно, если победа Антанты грозила территориальным расчленением Габсбургской монархии, то победа Германии — потерей великодержавных позиций и превращением в часть подконтрольной империи Гогенцоллернов «Срединной Европы». На протяжении войны австрийская дипломатия пыталась приложить усилия, чтобы избежать этих сценариев.

Отношения с Австро-Венгрией занимали ключевое место в германских концепциях «Срединной Европы», долженствовавшей опираться на союз Центральных держав. Развитие этих отношений в годы войны демонстрировало как сильные, так и уязвимые стороны германских планов. Так, с серьезными трудностями столкнулся Берлин в попытке побудить Габсбургскую империю к заключению таможенного союза. Не имея возможности ответить Берлину прямым отказом на сформулированное в ноябре 1915 г. предложение, австрийская дипломатия встала на путь затягивания переговоров. В итоге все, чего удалось достичь сторонам, свелось к соглашению о взаимном понижении тарифов осенью 1917 г. В противодействии Берлину определенную роль сыграли экономические интересы австрийской промышленности, которой реализация идеи таможенного союза грозила удушением. Однако главными были политические мотивы. Двухединая монархия пыталась сопротивляться германским инициативам, справедливо связывая с их реализацией фактическое подчинение Австро-Венгрии Германии, видя в них угрозу утраты великодержавного статуса, тем более, что предложения Берлина не сводились к идеям экономической интеграции.

Берлин выступал также за более тесный политический и военный союз, позволявший ему, в частности, поставить под контроль действия австрийской армии. По мере затягивания войны Вене все труднее было отстаивать свои позиции и противодействовать более сильному как в экономическом, так и в военном отношении союзнику. Выявившаяся слабость вооруженных сил империи, не готовых к войне такого масштаба, экономические тяготы, которые испытывали воюющие государства, вели к тому, что для продолжения военных

¹ Хебельт Л. Австрийские пангерманцы в мировой войне: (анти)империалисты, «среднеевропейцы» или немецко-богемские «партикуляристы»? // Народы Габсбургской монархии... С. 69.

² Цит. по: Бертини-мл. И. Две войны венгров в 1914–1919 гг. // Народы Габсбургской монархии... С. 91.

усилий Австро-Венгрия нуждалась как в поддержке германской армии, так и в финансовой помощи Берлина. Слабость внутренняя, проявившаяся в росте сепаратизма народов, населявших империю, также толкала двуединую монархию в еще большую зависимость от Германии. Именно в союзе с Германией правящие австрийская и венгерская элиты видели залог сохранения дуализма, а значит, и своего господства.

Одним из показателей ослабления политических позиций империи Габсбургов в союзе Центральных держав стало уже упоминавшееся выше в ином контексте решение Берлином и Веной польского вопроса. Если первоначально в ноябре 1915 г. Бетман-Гольвег высказал в беседе с австро-венгерским министром иностранных дел И. Бурианом согласие на австро-польское решение¹, то уже в апреле 1916 г. он заявил о необходимости связать Польшу экономически и в военном отношении с Германией. Удар, нанесенный двуединой монархии в результате Брусиловского прорыва, окончательно похоронил надежды на вхождение территории Царства Польского в состав Габсбургской империи. Австро-Венгрия вынуждена была принять лидерство Берлина в этом вопросе. Результатом стала декларация от 5 ноября 1916 г.

Определенную роль в таком решении Германии сыграли стратегические расчеты. Польша рассматривалась прежде всего немецкими военными как буфер на границе с Россией. Включение ее в состав ослабевавшей Дунайской монархии ставило под сомнение возможность выполнения такой функции. Кроме того, в Берлине опасались, что присоединение к Австро-Венгрии значительного славянского населения сделает ее менее надежным союзником. В парадигму противостояния германизма и славянства, которая присутствовала в германской внешней политике, не вписывалась преобразованная на началах триады Дунайская монархия. Еще более явным шагом на пути усиления зависимости Австро-Венгрии от Германии стало объединение военного командования двух стран, во главе которого 6 сентября 1916 г. встал кайзер Вильгельм II.

Уязвимость позиций Австро-Венгрии открывала возможности для перегруппировки сил на Балканах. Расстановка сил в этом регионе, являвшаяся частью общеевропейского баланса, была предметом пристального внимания великих держав, и в то же время она определялась местными игроками и выстраивалась на основе их собственных интересов, амбиций, мощи.

Если Берлин для проведения своих интересов на Балканах опирался на Австро-Венгрию и Болгарию, составивших вместе с Германией и Османской империей Четверной союз, то политике стран Антанты была присуща меньшая определенность в выборе опор своего влияния в регионе. Отчасти это было вызвано несовпадением интересов стран Антанты, отчасти — противоречиями между Балканскими государствами.

На протяжении войны прежде всего Великобритания, но и Франция предпринимали разрозненные попытки побудить Австро-Венгрию заключить сепаратный мир со странами Антанты. Препятствием на пути реализации этого

¹То есть создание на базе объединения Царства Польского с Галицией автономного королевства в составе империи Габсбургов.

сценария были позиция Дунайской монархии, приверженной союзу с Германией, и тот факт, что в ходе войны приращениями за счет ее территории Антанта пыталась привлечь в свой стан новых союзников. Интересы Сербии, Италии, Румынии оказывались несовместимыми с сохранением целостности монархии.

Еще одним направлением дипломатии Антанты на Балканах являлись усилия, нацеленные на возрождение Балканского блока времен первой Балканской войны. Великобритания и Франция стремились привлечь к своей коалиции Болгарию, пытаясь обещанием компенсаций за счет Австро-Венгрии склонить Белград к уступкам в Македонии, традиционно являвшейся объектом притязаний Софии. Однако попытки оказались тщетными, требования Болгарии были неприемлемыми для Сербии, а державы Антанты не могли привлекать одного союзника за счет другого. В свою очередь в союзе с Германией в Софии увидели возможность удовлетворения своих территориальных требований¹.

Объектом борьбы дипломатий двух противоборствующих коалиций являлась Румыния. Победа осталась за Антантой, однако румынская армия не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий и продемонстрировала, что Румыния служила шатким барьером против германского продвижения на Восток². Наконец, в июне 1917 г. Антанте удалось привлечь на свою сторону Грецию.

Хотя Европа являлась основной ареной борьбы в Первой мировой войне, ни военные действия, ни сфера дипломатических усилий держав не ограничивались рамками континента. Характер системы международных отношений, интересов и вовлеченности великих держав на периферии в начале XX в. был таков, что их столкновение в Европе неизбежно ставило вопрос о судьбах колоний и сфер влияния. Великие державы являлись империями, и война закономерно распространилась на их колониальные владения. Перераспределение влияния на периферии рассматривалось европейскими державами в качестве одной из целей войны. Так, например, Германия притязала на создание империи в Африке за счет бельгийских и французских владений, в свою очередь державы Антанты выступали за лишение Германии ее колоний. Правда, по мере затягивания войны германская политика все более концентрировалась на Европейском континенте. Хотя идеи укрепления германской колониальной империи присутствовали при обсуждении в правительственных кругах условий мирных предложений на протяжении 1915–1916 гг., ход войны делал все более призрачными шансы на реализацию подобных проектов.

У Германии просто не было достаточных сил, чтобы отстаивать свою колониальную империю. Уже к концу первого месяца войны британская блокада и господство британского флота на море парализовали действия германского торгового флота. В начале войны Австралия и Новая Зеландия, а также вступившая в войну Япония захватили германские владения в Тихом океане. В Аф-

¹ См. подробнее: Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916). София, 2007; Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года) // Первая мировая война: Пролог XX века. С. 166–182.

² См. подробнее: *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969.

рике французские и английские колониальные силы быстро заняли территорию Того, в феврале 1916 г. был захвачен Камерун. К июлю 1915 г. Германия лишилась Юго-западной Африки. Таким образом, в начале 1916 г. Германия удерживала лишь восточную Африку, бои на территории которой завершились только после подписания перемирия в ноябре 1918 г.

В подобных условиях «Срединная Европа» многими стала восприниматься как политическая, военная, экономическая необходимость. Знаковым событием являлся выход в свет книги германского либерального публициста, депутата рейхстага Ф. Наумана «Срединная Европа» в октябре 1915 г., предлагавшей экономическое объединение центральноевропейских государств под эгидой Германии, но с обязательным сохранением их суверенитета.

Однако не только колонии великих держав, но и независимые неевропейские государства стали участниками конфликта. Уже в начале войны в нее вступили Япония и Османская империя. Они занимали разное положение в международной иерархии. Япония в начале XX в. заявила о своих претензиях на статус великой державы и в ситуации мировой войны увидела шанс его закрепить и упрочить. Формально независимая Османская империя к началу XX в. фактически оказалась в положении полуколонии европейских держав. Несмотря на это, ее правящие круги сохраняли известную самостоятельность в проведении внешней политики. Война, в представлении некоторых из них, а именно агрессивной группировки во главе с военным министром Энвером-пашой, давала шанс избавиться от зависимости и добиться укрепления международных позиций империи. С выступлением на стороне Германии ее представители связывали возможность реванша за поражение в прежних конфликтах, экспансии, прежде всего, но не исключительно, за счет Балканских стран и России. Притязания Турции распространялись на Египет, Ливию, Закавказье, часть Персии и другие территории Центральной Азии.

Примечательно, что процесс вовлечения в конфликт как Японии, так и Османской империи далеко не в полной мере контролировался великими державами. Вступление в войну этих государств отражало процесс расширения масштабов противостояния и спектра вопросов, которое оно затрагивало.

Соперничество великих держав за влияние в постепенно слабеющей Османской империи началось задолго до Первой мировой войны — появление восточного вопроса в европейской политике относят к концу XVIII в. За это время он претерпел существенную эволюцию: появились новые игроки — как великие державы, так и малые страны, а также национально-освободительные движения со своими интересами. В конце XIX — начале XX в. борьба держав за преобладание на Ближнем Востоке оказывала существенное воздействие на их конфигурацию на международной арене, а рост германского влияния в Османской империи и англо-германское противостояние в регионе стали важным фактором в формировании Антанты.

Тем не менее, когда в июле 1914 г. встал вопрос о войне, ни Антанта, ни Центральные державы не желали видеть Турцию в числе ее участников. Для Антанты присоединение Порты к стану противников грозило созданием новых

фронтов, нарушением коммуникаций через проливы, а также волнениями среди мусульманских подданных империй. Но и в Берлине скептически отнеслись к перспективам привлечения Турции в качестве союзника. Германские позиции в Османской империи были достаточно прочны, поэтому любая дестабилизация в регионе воспринималась с опасениями. Сама по себе победа в европейской войне давала бы Германии огромные преимущества для дальнейшего укрепления своего влияния на Ближнем Востоке. Стремясь избежать участия Османской империи в войне, державы Антанты тем не менее не были готовы платить за ее нейтралитет утратой своих преимуществ на ее территории, а Берлин не хотел отказать в поддержке прогермански ориентированным кругам в ее руководстве и пренебречь обретением нового союзника в борьбе против России и Великобритании. Пойдя 2 августа 1914 г. на заключение союзного договора с Османской империей, Берлин укреплял прогермански ориентированную группировку Порты, а значит, и свои позиции в Османской империи.

Однако вступление в войну Великобритании породило нерешительность в турецком руководстве¹. На смену готовности воевать с Россией и уверенности в успехе Германии пришли сомнения в отношении целесообразности вступления в войну. Поэтому несмотря на заключенный союз с Германией, Турция объявила о своем нейтралитете. В то же время в Берлине ожидаемые преимущества от обретения нового союзника перевесили прежние сомнения. Позиции «военной партии» подкрепило появление в Константинополе германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау», сумевших под командованием адмирала В. Сушона прорваться в Дарданеллы, уйдя от преследования британского флота, а также германские займы Турции. Кроме того, Турции удалось заручиться согласием Берлина на поддержку своих интересов в случае вступления в войну. Важным условием участия в войне стало заключение оборонительного договора с Болгарией 19 августа 1914 г., гарантировавшего Турции от возможного удара со стороны своего соседа на Балканах.

Вступление Турции в войну, прологом к которому стала бомбардировка портов Черноморского побережья России 29–30 октября 1914 г., углубляло поляризацию сил на международной арене. Хотя в начале ноября 1914 г. канцлер Т. фон Бетман-Гольвег, стремившийся разорвать единство Антанты, предупредил против расширения союзных гарантий, Германия 11 января 1915 г. заключила союзный договор с Турцией, а в сентябре 1916 г. стороны договорились не заключать сепаратный мир. Это фактически означало взаимное признание целей в войне.

В то же время Германия нелегко соглашалась на разрушение договорной системы, фиксирующей привилегии европейских держав и их подданных на

¹ О факторах, повлиявших на вступление Османской империи в войну, см. подробнее: *Аветян А.С.* Германо-турецкий союз и вступление Турции в первую мировую войну // Против фальсификации истории колониализма. М., 1962. С. 3–27; *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны. М., 1976; *Шеремет В.И.* Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995; *Козлов Д.Ю.* «Странная война» в Черном море (август — октябрь 1914 года). М., 2009; *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire, 1914–1918. Princeton, 1968.

территории Османской империи. Так, в сентябре 1914 г. державы Антанты и Германия с Австро-Венгрией, несмотря на войну, выступили фактически единым фронтом против отмены капитуляций. И лишь в январе 1917 г. Германия согласилась отказаться от них. Не поддерживали Германия с Австро-Венгрией и стремление Османской империи отказаться от положений ряда международных договоров, регулирующих вопросы проливов, торговли, судоходства и религиозной свободы на ее территории. Совместное ведение войны вело к укреплению германских экономических и политических позиций в Османской империи.

Вместе с тем участие в войне Османской империи открыло державам Согласия простор для реализации своих устремлений в Азии и позволяло формулировать новые цели. Будущее ее территорий стало предметом секретных соглашений между державами Антанты, а также договоренностей Великобритании с лидерами арабского национального движения, которое она привлекала в качестве союзника в борьбе с Турцией¹. Надежды на значительные приращения консолидировали блок и побуждали его участников к продолжению войны. Заключая соглашения, державы Антанты стремились обеспечить собственные интересы в послевоенном мире и в то же время снять поводы для разногласий в ходе войны. Реализовать вторую задачу им в основном удалось. По сути, возрождалась практика предвоенных Антант — перед лицом общего противника державы договаривались о разграничении сфер влияния. В 1915 г. союзники признали право России на аннексию Константинополя и зоны проливов в случае успеха в войне, оговорив вместе с тем свои торгово-экономические интересы и возможные претензии на сферы влияния «как в Османской империи, так и в других местах».

Эти претензии были конкретизированы в заключенном в 1916 г. соглашении Сайкса-Пико о разделе азиатской Турции. Достигнутые договоренности не исключали борьбы за получение односторонних преимуществ — показателен пример Великобритании, почти сразу же после подписания соглашения Сайкса-Пико с Францией взявшей курс на пересмотр его условий в свою пользу, а после Февральской революции в России поощрявшей Временное правительство к отказу от аннексионистских требований. Поэтому вопрос о том, в какой степени соглашения могли служить гарантией соблюдения интересов в случае победы, оставался открытым.

Как справедливо отмечал Е.В. Тарле, «первым по времени последствием вступления Англии в войну был внезапный ультиматум, предъявленный Германией японским правительством 15 августа 1914 г.»² Вполне естественно, что набиравшая мощь Япония решила воспользоваться столкновением держав в Европе для того, чтобы укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. Перспективы вступления Японии в войну высветили дилемму, с которой сталкивались

¹ См. подробнее: *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1922. М., 2010. С. 25–99.

² *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма // *Политика: История территориальных захватов. XV–XX века.* М., 2001. С. 571.

европейские державы при привлечении союзников. Расширение коалиции могло способствовать победе, однако «вознаграждение» ее новых членов грозило сокращением плодов этой победы для основных участников. Эта проблема встала перед британским руководством, когда 7 августа 1914 г. глава Форин-оффис Э. Грей обратился к Японии с просьбой об ограниченной морской помощи по защите британского судоходства на Дальнем Востоке. Японская сторона, однако, не желала ограничивать свои цели только этим и приняла решение о выступлении против Германии. Попытки Лондона сдержать своего союзника, который в перспективе грозил стать соперником, успеха не имели. Предъявленный Германии 15 августа 1914 г. ультиматум требовал ее ухода из Кяо-Чао, а 23 августа Япония объявила Германии войну.

В краткосрочной перспективе участие в войне Японии было выгодно Антанте. Потерпели крах германские надежды на обострение русско-японского конфликта. Действия Японии нанесли определенный ущерб Германии на Дальнем Востоке: японские войска захватили принадлежавшие ей острова в Тихом океане, лежавшие к северу от экватора, германские концессии на полуострове Шаньдун. Благодаря действиям японского флота Германия лишилась своих торговых судов в азиатских водах. В конце войны японские корабли присоединились к патрулированию Средиземного моря против германских подводных лодок.

Однако в долгосрочной перспективе усиление японских позиций на Дальнем Востоке таило перспективу подрыва влияния европейских держав и особенно Великобритании, имевшей обширные интересы в этом регионе. Особенно очевидно претензии Японии на лидирующие позиции в этой части земного шара выразились в предъявлении Китаю так называемого «21 требования» в 1915 г., реализация которых существенно укрепляла влияние Японии в Поднебесной. И хотя Токио вынужден был прислушаться к Лондону и снять некоторые выдвинутые им условия, очевиден был открытый войной процесс изменений в региональном соотношении сил держав.

Война создала условия и для изменения баланса сил и в Новом Свете. Воспользовавшись вовлечением в нее европейских великих держав, оставшиеся до апреля 1917 г. нейтральными США предприняли активные действия, нацеленные на укрепление как экономических, так и политических позиций в регионе. Еще более значимым с точки зрения перемен уже не в региональном, а в глобальном масштабе являлось то, что в ходе войны США превратились в международного кредитора и поставщика товаров, прежде всего для стран Антанты.

Таким образом, первые годы войны усилили зародившуюся еще в начале века тенденцию к ослаблению европейского влияния на периферии системы. В то же время хотя сильные неевропейские конкуренты все более решительно бросали вызов преобладанию великих держав Старого Света на Дальнем Востоке и в Новом Свете, последние по-прежнему оставались на вершине международной иерархии. Важно подчеркнуть — основные вопросы международной политики решались на полях сражений в Европе. Здесь на протяжении поч-

ти полутора лет войны ни одна из коалиций существенно не приблизилась к реализации своих целей. Та картина мира, которую рисовало себе германское руководство по итогам войны, не оставляла места для других великих держав на Европейском континенте. В то же время реализация целей держав Антанты вела бы к существенному ослаблению германского влияния. Ни той, ни другой стороне не удалось расколоть коалицию противника. Позиционному тупику на фронте соответствовал и дипломатический тупик.

§ 2. В поисках выхода из войны: стратегия и дипломатия великих держав в конце 1916 — ноябре 1918 г.

Затяжная война и тот позиционный тупик, в котором в 1916 г. оказались великие державы, порождали две тенденции в их политике: с одной стороны, стремление к максимальной мобилизации ресурсов с целью добиться перелома в войне, с другой — продолжение поиска приемлемых вариантов завершения конфликта.

Эти тенденции, пожалуй, наиболее ярко проявились в политике Германии. Итоги кампании 1916 г. оказывались для нее неутешительными. Потерпел крах план выбить Францию из войны. На Западном фронте Англия и Франция перехватили инициативу и провели наступательную операцию на Сомме. На Востоке союзнику Германии Австро-Венгрии был нанесен серьезный удар в ходе Брусиловского прорыва. В условиях союзной блокады, вызванных ею проблем со снабжением и учитывая тяжелое бремя поддержания военных усилий, немецкому руководству все сложнее оказывалось сохранять единство внутреннего фронта.

Осознание частью правящих кругов Германии того, что шансы на выигрыш в такой войне малы, подталкивало их к более настойчивым поискам вариантов «мира по соглашению» с противником. В то же время неготовность отказаться от получения преимуществ в качестве условия такого мира минимизировала возможность его достижения и заставляла привлекать все новые ресурсы для поддержания военных усилий. Ужесточение германской политической линии, своего рода победа логики войны над логикой политики, нашло отражение в назначении на пост начальника Генерального штаба в августе 1916 г. П. фон Гинденбурга. Дуумвират Гинденбурга и его ближайшего помощника, генерал-квартирмейстера Э. фон Людендорфа постепенно концентрировал в своих руках не только военную, но и политическую власть. В то же время германское политическое руководство в 1916 г. продолжало зондировать возможности заключения мира, тем более что к этому его активно подталкивала существенно ослабленная Австро-Венгрия.

Двойственность германской политики отразилась в так называемом мирном предложении Центральных держав от 12 декабря 1916 г. Еще 29 ноября, выступая в рейхстаге, Т. фон Бетман-Гольвег предложил державам Антанты начать переговоры. А 12 декабря соответствующая нота была передана правительствам воюющих с Германией держав через представителей США, Испании

и Швейцарии. Вена, София и Константинополь направили своим противникам аналогичные ноты¹.

В историографии продолжаются споры о том, рассчитывало ли германское руководство всерьез на принятие противником своих предложений или германская инициатива была сугубо пропагандистским демаршем. На наш взгляд, в ней, несомненно, присутствовала эта последняя составляющая. Германское предложение было призвано воздействовать на общественное мнение вражеских государств, завоевать симпатии президента США В. Вильсона, наконец, в случае отказа Антанты принять это предложение лишить аргументов представителей левых партий в собственной стране с их набиравшей силу агитацией в пользу «мира по соглашению». Отказ Антанты от переговоров позволял бы оправдывать все новые мероприятия по мобилизации ресурсов и в перспективе неограниченную подводную войну, которая, как полагала часть правящих кругов Германии, позволила бы нанести решающий удар Великобритании.

Признание пропагандистского аспекта в германском мирном предложении, однако, не снимает вопроса о степени готовности Германии пойти на переговоры и об условиях этих переговоров в конце 1916 г. Примечательно, что мирная нота Германии была демонстративно составлена с позиции силы. Это выразилось как в тоне заявления, акцентировавшего «несокрушимую мощь Германии и ее союзников», так и в выборе времени для его представления — после военных успехов Четверного союза в Румынии. Германское руководство намеренно не включило в текст ноты свои условия мира — в Берлине полагали, что их оглашение может быть использовано пропагандой Антанты.

Это не означало, что возможные условия мира не обсуждались в Берлине. Так, Бетман-Гольвег был готов пойти на некоторые уступки по сравнению со своей же Сентябрьской программой. Прежним оставалось условие аннексии Брие, однако канцлер соглашался обменять его на части Эльзаса-Лотарингии. От Бельгии предполагалось отторгнуть Льеж и полосу территории, обеспечивавшую оборону Рура. Компенсировать некоторое отступление на Западе должны были приращения за счет частей Литвы и Курляндии на Востоке. От России требовалось признание независимости Польши. Условием мира было также согласие России на заключение выгодных Германии торговых договоров. Уделил внимание канцлер и вопросу колоний. Он считал возможным отказаться от владений на Дальнем Востоке в обмен на приращения в Центральной Африке.

Гораздо более жесткую позицию в отношении условий мира занимали Гинденбург и Людендорф. Они выступили против каких-либо территориальных уступок Франции, за аннексию Люксембурга, настаивали на германском контроле над экономикой Бельгии и Польши и железнодорожными линиями этих стран, предлагали взыскать контрибуцию с Бельгии и аннексировать часть территории «русской» Польши. О возросшем влиянии военного руководства

¹ Official Statements of War Aims and Peace Proposals, December 1916 to November 1918. Washington, 1921. P. 1–6.

на принятие решений свидетельствовал тот факт, что Бетман-Гольвег принял все положения, выдвинутые Верховным командованием, за исключением пункта о бельгийской контрибуции.

Таким образом, Германия была готова заключить мир, но лишь на собственных условиях. Очевидно, что они были далеки от варианта «мира без победителей», который предложил почти в это же время американский президент В. Вильсон. Ни мир, продиктованный Германией, ни вильсоновский «мир без победителей» не были приемлемы для держав Антанты. За их отказом от рассмотрения германского мирного предложения, как и за более уклончивым ответом на американские инициативы, стояло не только нежелание обсуждать условия мира в невыгодной для себя ситуации превосходства Германии на фронтах, но и надежды на реализацию собственных планов в результате войны.

К 1916 г. в правительствах стран Антанты осознали необходимость более четко сформулировать собственные цели в войне. К этому их побуждала как ситуация на фронтах, так и международная обстановка. Правящие круги держав Антанты связывали определенные надежды на перехват стратегической инициативы, перелом в войне и достижение победы с планируемыми на 1916 г. наступательными операциями. В случае успеха Антанта готовилась предъявить противнику свои условия мира. В то же время правительства осознавали возможность дальнейшего затягивания войны. Это порождало неуверенность в союзниках, а согласование целей войны рассматривалось как средство консолидации блока, своего рода гарантия против сепаратного мира. Еще одним важным фактором, влиявшим на процесс выдвижения целей войны, являлись активные действия американской дипломатии, выступавшей с мирными инициативами. Рассчитывая на поддержку заокеанской державы, страны Согласия не могли игнорировать ее позицию. Наконец, внутривойсковая ситуация, ставшие более заметными с затягиванием войны разногласия относительно перспектив ее продолжения заставляли правительства направить большие усилия на консолидацию обществ. Ясное представление о целях войны рассматривалось как одно из условий поддержания общественного консенсуса.

Как и в случае Германии, цели держав Согласия определялись стратегическими и экономическими мотивами. Так, например, французские военные подчеркивали важность укрепления восточной границы и стремились к отторжению от Германии левобережья Рейна, для промышленных кругов большое значение имело возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, а также присоединение Саара и обеспечение германских поставок угля. Это было созвучно и стремлению правительства к укреплению экономической базы Франции, и ликвидации промышленного превосходства Германии, которое являлось основой ее военной мощи. На протяжении лета — осени 1916 г. во французских правящих кругах велись консультации, направленные на то, чтобы определить программу своих требований.

Несмотря на разногласия по ряду конкретных вопросов (таких как судьба Люксембурга и левобережья Рейна), правительству удалось сформулировать главные цели, которые нашли выражение в письме, направленном совмещав-

шим посты премьер-министра и министра иностранных дел А. Брианом французскому послу в Лондоне П. Камбону 12 января 1917 г. Эта программа была одобрена правительством как основа для дискуссии о военных целях с Англией. В Париже претендовали на присоединение к Франции Эльзаса и Лотарингии в границах 1790 г. (что предполагало включение значительной части территории Саарского угольного бассейна), а также требовали от Германии отказаться от левого бережья Рейна. Из-за разногласий в Париже о форме французского контроля над территориями к западу от Рейна их судьба не конкретизировалась, однако Франция требовала для себя решающего голоса в определении их будущего.

Смена правящего кабинета в Великобритании и его нежелание связывать себя гарантиями привели к тому, что обсуждение французских целей в Лондоне было отложено, однако оно состоялось в Петрограде и вылилось в соглашение, заключенное в форме обмена письмами 14 февраля и 8 марта 1917 г.¹ Франция пошла дальше «письма Камбона» в своих территориальных претензиях: Эльзас-Лотарингия в границах 1790 г., весь Саар, создание независимых государств на левом берегу Рейна, которые должны были находиться под французской оккупацией вплоть до выполнения Германией условий мира. В отличие от своего союзника, Петроград не смог четко определить желаемые границы на западе. В обмен на признание своих претензий Париж согласился с правом России по своему усмотрению установить границу с Германией и Австро-Венгрией после окончания войны. Таким образом, Франция и Россия стремились к сохранению своих великодержавных позиций, гарантией чего в их глазах становилось прежде всего ослабление Германии и поддержание русско-французского союза.

В качестве одного из условий сохранения великодержавных позиций Англии традиционно рассматривалась ее способность играть роль арбитра в Европе. Поэтому в поле зрения Лондона при выработке целей в войне оказывалась вся система взаимоотношений государств на континенте. В Великобритании детальная разработка основ послевоенного урегулирования началась летом 1916 г. Именно тогда кабинету министров был представлен ряд меморандумов с анализом британских целей войны в Европе. В числе их авторов — начальник Генерального штаба У. Робертсон, первый лорд Адмиралтейства А. Бальфур, первый морской лорд Г. Джексон, сотрудники министерства торговли и внешнеполитического ведомства. Британская военно-политическая элита оставалась приверженной традиционным принципам внешней политики — сохранению превосходства на море, в качестве гарантии которого рассматривалось уничтожение германского военно-морского флота, и балансу сил, выражавшемуся в нежелании как чрезмерного ослабления Германии, так и усиления своих союзников — России и Франции. В Англии считали невозможным возвратить Германии захваченные в ходе войны колонии, особенно те, что уже были заняты

¹ Оно вошло в историю как «соглашение Думерга», названное так по имени французского министра колоний Г. Думерга, который сформулировал вошедшие в его текст французские претензии в ходе визита в Петроград в феврале 1917 г. См. подробнее: *Stevenson D. Op. cit.*

войсками британских доминионов. Безопасность Великобритании настоятельно требовала восстановления независимой Бельгии.

Вместе с тем согласие в отношении общих принципов не означало совпадения взглядов разных представителей правящей элиты на конкретные формы их реализации при выработке условий мира. Неопределенность ситуации на фронтах не позволяла на том этапе войны сформулировать единую программу перекройки европейской политической карты.

Наиболее подробные предложения по вопросам урегулирования в Европе были представлены на рассмотрение кабинета в меморандуме, подготовленном сотрудниками Форин оффис Р. Пейджетом и У. Тирреллом¹. Написанный в разгар войны, этот меморандум важен не столько из-за содержащихся в нем предложений по изменению границ (которые никогда не были приняты на каком-либо официальном уровне и вряд ли могли рассматриваться как основа для британских действий), сколько с точки зрения восприятия авторами дилемм британской внешней политики и возможностей обеспечения стабильности европейской системы.

В меморандум вошли положения о необходимости восстановления независимости Бельгии, передаче Франции Эльзаса и Лотарингии, возмещении Германией нанесенного ущерба. Вместе с тем аналитики Форин оффис очевидно возражали против возможных претензий Парижа на левобережье Рейна, считая необходимым «противодействовать любым попыткам со стороны Франции присоединить значительные германские территории под предлогом стратегической необходимости». Установлению баланса сил было призвано служить создание независимой и достаточно мощной Польши, включавшей в свой состав, помимо территорий Царства Польского, Познани, Галиции, часть Силезии и Богемии и имеющей выход к морю для своей торговли. Единственной уступкой России в польском вопросе являлась готовность признать в качестве главы независимого государства одного из русских великих князей. В остальном Польша рассматривалась в качестве противовеса как Германии, так и России. Той же функции призвана была служить балканская федерация Сербии, Черногории и государства южных славян, образование которого связывалось с распадом Австро-Венгрии. Не исключалась (хотя и в отдаленной перспективе) возможность сербско-болгарского сближения. Как и в Польше, британские деятели рассчитывали на прозападную, а не прорусскую ориентацию этих государств.

Важной проблемой, поднятой в документе, являлась гарантия послевоенного урегулирования. Уже начало Первой мировой войны продемонстрировало шаткость международных обязательств по поддержанию бельгийского нейтралитета. И это побуждало Пейджета и Тиррелла, наряду с мерами по укреплению обороны Бельгии, предложить решение, разрывавшее с британской традицией отказа от союзов в мирное время. Аналитики Форин оффис

¹ National Archives of the United Kingdom (далее — NA), Cabinet Papers (далее — Cab.) 24/2/32.

выступали за заключение оборонительного пакта с Францией и Бельгией, который расценивался ими как наиболее действенная гарантия бельгийской независимости перед лицом возможного повторного германского вторжения.

Если в качестве одной из основ поддержания британских интересов на Западе Европы рассматривалось сотрудничество с Францией, то на Востоке Великобритании стремилась к ограничению влияния России как в Польше, так и на Балканах. В какой степени такой сценарий был реализуем? По мнению авторов меморандума, ответ на этот вопрос зависел от хода военных действий. Безусловно, он исключался в случае успехов русских армий. Однако в Форин оффис сомневались в способности России самостоятельно, без помощи Великобритании и Франции освободить оккупированные Германией территории, не говоря уже о том, чтобы продвинуться на земли германской части Польши. В качестве цены за помощь аналитики внешнеполитического ведомства Великобритании предлагали запросить урегулирование на Востоке Европы на собственных условиях.

Вопрос о позициях Германии в будущей европейской системе, очевидно, был ключевым для обеспечения ее стабильного функционирования. Отношение к этому вопросу в британских правящих кругах характеризовалось определенной двойственностью. С одной стороны, присутствовали желание интеграции Германии в систему как важного элемента баланса сил, с другой — опасения, вызванные тем, что она могла являться источником новой агрессии. Противоречивостью отличались взгляды на экономическую политику в отношении Германии. Германская экономическая мощь как основа ее вооруженных сил представляла опасность, и реакцией на это отчасти стала солидарность с Францией на Парижской конференции 1916 г. в вопросе о создании антигерманского экономического блока. В то же время почти сразу же целесообразность такого курса была поставлена под сомнение. Разрушение или изоляция германской экономики после войны грозили потерей позиций для британского финансового капитала, ее торговли, а значит, и экономической мощи.

Британские планы предполагали ослабление Германии — отторжение у нее части богатых ресурсами территорий (Эльзаса-Лотарингии, части Силезии), наложение контрибуции. В то же время в Форин оффис считали нецелесообразным раздражать Германию ненужными и неоправданными шагами, например, аннексией Гельгольанда в случае победы. Однако британское руководство осознавало, что подобное сочетание давления на Берлин и его «умиротворения» не гарантировало от повторения германской агрессии.

Определенные надежды во внешнеполитическом ведомстве связывали с тем, что поражение Германии повлечет за собой дискредитацию правящей элиты, смену режима и падение политической роли военных кругов. Соответственно новые германские лидеры будут в меньшей степени склонны искать решения внешнеполитических проблем военными методами. Вопрос о том, повлияет ли смена режима на политику Германии и является ли борьба за реализацию лозунга «сокращения прусского милитаризма» оправданной и достижимой целью, оставался предметом дискуссий в правящих кругах стран Согласия вплоть до конца войны.

Еще одним средством «изменения поведения» Берлина являлся подрыв прусской гегемонии в Германии. Пейджет и Тиррелл предлагали на первый взгляд неожиданное и в итоге не реализовавшееся решение — присоединение к Германии немецких земель Австрии. Доводом в его пользу являлось соответствие такого решения «принципу национальностей». Кроме того, по мнению авторов меморандума, оно представляло собой лучший вариант по сравнению с возникновением не способной к обороне Австрии на развалинах Габсбургской империи.

Уже на том этапе войны в странах Антанты заговорили о возможности создания международной организации как гарантии поддержания мира. Меморандум Форин оффис высказывал определенный скептицизм в действенности такого средства. В то же время аналитики внешнеполитического ведомства считали, что существенно повысить эффективность такой организации способно участие в ней США. Таким образом, стабильности будущей европейской системы, по мнению сотрудников Форин оффис, наряду с заключением военно-политического союза с Францией и Бельгией после войны могло способствовать привлечение США в качестве гаранта послевоенного урегулирования.

Однако главным условием реализации этих планов являлась победа над Германией. Цена «мира по соглашению», по мнению британских аналитиков, была слишком высокой. Неизбежный отказ Берлина от выплаты контрибуции возлагал бы на Англию бремя восстановления экономического потенциала Бельгии, реализация целей в Европе потребовала бы уступок Германии в колониях (в качестве единственно возможной сферы здесь рассматривалась Восточная Африка). Германские правящие круги сохраняли бы свою власть, а Германия — влияние в Австро-Венгрии и на Ближнем Востоке.

Пейджет и Тиррелл отдавали себе отчет в гипотетическом характере собственных построений. Формулируя британские интересы и намечая соответствовавшие им варианты перекройки политической карты Европы, они понимали, что возможность реализации тех или иных сценариев зависела и от того, смогут ли союзники навязать условия мирного договора Германии или будут вынуждены заключить «мир по соглашению», и от того, каково будет соотношение сил самих союзных держав к концу войны. Как справедливо замечал французский государственный деятель Ж. Клемансо относительно стремления каждой из держав за счет плодов победы обезопасить себя на будущее, «гарантии будут такими, каких сумеют добиться наши солдаты»¹.

Драматичные события 1917 г. поставили вопрос о возможности союзников реализовать свои проекты, продиктовать противнику выгодные им условия мира. Первым по времени, хотя и не по значению, было объявление Германией с 1 февраля 1917 г. неограниченной подводной войны. В Берлине не раз ставили вопрос о более активном использовании подводного флота как оружия для подрыва экономического потенциала противника и прежде всего Великобритании, способной благодаря господству на море привлекать ресурсы своей

¹ Цит. по: *Ревякин А.В.* Франция: «священное единение» // *Мировые войны XX века.* Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 315.

обширной империи и получать поставки из нейтральных стран, прежде всего из США. Еще 4 февраля 1915 г. кайзер объявил о начале подводной войны, театр которой ограничивался водами, омывавшими Британские острова. Однако резкая реакция США на потопление «Лузитании» (7 мая 1915 г.) и «Арабика» (19 августа 1915 г.) побудили руководство Германии отказаться от активных действий своего подводного флота. Вновь к обсуждению вопроса об использовании подводного флота против торговли противника Германия обратилась весной 1916 г., и вновь нежелание толкнуть США в стан своих врагов заставило Берлин отступить.

Однако в январе 1917 г. германское руководство изменило свою позицию. В условиях истощения ресурсов подводная война рассматривалась как единственное средство, способное, по мнению германских военных, в короткие сроки принудить Великобританию, а значит, и Антанту, к миру. Затягивание войны грозило подрывом внутренней стабильности и поражением. Поэтому в Берлине готовы были рисковать — без решительного перелома в свою пользу у Германии оставалось все меньше шансов на то, чтобы продиктовать условия мира своим противникам. В данном случае в Берлине следовали той же логике, что и в июле 1914 г., принимая решение о войне на континенте. Тогда, строя планы войны, германское руководство рассматривало вовлечение в нее Великобритании как неблагоприятный сценарий, ставящий под вопрос германские шансы на победу. Осознавая возможность развития событий по этому сценарию, в Берлине тем не менее не отказались от войны, надеясь достичь победы на континенте прежде, чем станет ощутим эффект от британского вмешательства. Принимая решение о переходе к неограниченной подводной войне в январе 1917 г., руководство Германской империи точно так же полагало, что Англия, а с ней и ее союзники будут принуждены просить о мире раньше, чем США смогут оказать им действенную помощь.

Переход к неограниченной подводной войне и последовавшие за ним действия германских подводных лодок не только представляли серьезную угрозу снабжению Великобритании в ходе конфликта, но и в перспективе грозили ей утратой ведущей роли в сфере морской торговли. Своего максимума потери британского торгового флота достигли в апреле 1917 г. Над страной нависла угроза продовольственного кризиса. Хотя к осени 1917 г. пик кризиса, связанный с неограниченной подводной войной, был преодолен, ущерб от германской подводной войны ставил перед британской правящей элитой вопрос о цене победы и готовности эту цену заплатить.

Еще в 1916 г. стало ясно, что британская стратегия ведения войны «чужими руками» терпит крах. В январе 1916 г. в Великобритании была введена всеобщая воинская повинность. Участие в наступлении на Сомме знаменовало, по словам английского историка Джона Кигана, «конец века жизненного оптимизма» в Британии¹. Если в начале 1916 г. руководство страны надеялось на завершение войны в течение года, то после Соммы перспективы победы станови-

¹ Keegan J. The First World War. N.Y., 1998. P. 299.

лись все более туманными. Ослабление армий союзников — Франции и России вызывало необходимость расширять свое участие в сухопутных операциях.

Для Англии война становилась борьбой на истощение. Она грозила утратой торгового и финансового превосходства Великобритании. Финансируя своих союзников, сам Лондон все больше вынужден был прибегать к внешним займам. Под обеспечение займов в США направлялось золото и ценные бумаги. Уже в 1915 г. угроза стабильности фунта стерлингов вызвала серьезную озабоченность британского казначейства. В октябре 1916 г. канцлер казначейства Р. МакКенна предупреждал об исчерпании золотых запасов. Представители финансового ведомства неизменно указывали на ослабление позиций Великобритании по отношению к США и призывали к ограничению участия в сражениях на континенте¹.

Угроза утраты позиций мирового торгового и финансового центра в сочетании с информацией об огромных потерях в битве на Сомме и неопределенностью сроков окончания войны побудила некоторых представителей политической элиты выступить с идеей заключения мира на условиях возвращения к довоенному статус-кво. Они ставили под вопрос значение победы, достигнутой ценой истощения ресурсов². Наиболее авторитетным приверженцем курса на заключение компромиссного мира стал один из ведущих деятелей консервативной партии лорд Г. Лэнсдаун. В ноябре 1916 г. он представил свои идеи в письме, направленном кабинету министров. Как показала реакция на него, идея «мира по соглашению» в тот момент не завоевала прочных позиций. Ни кабинет министров, ни соратники по партии, ни руководство Генерального штаба не поддержали Лэнсдауна. Редактор газеты «Таймс» отказался публиковать его письмо. Смена правительства в декабре 1916 г. и приход на пост премьер-министра Д. Ллойд Джорджа знаменовали утверждение линии на продолжение войны до победного конца.

Однако сомнения казначейства и письмо Лэнсдауна, как и обсуждение условий послевоенного мира в рассмотренном выше меморандуме Форин оффис, отражали происходившие изменения в системе международных отношений и в положении Великобритании в рамках этой системы. В меморандуме Пейджета и Тиррелла ставился вопрос о возможности корректировки некоторых принципов внешней политики: авторы призывали к тому, чтобы частично отказаться от традиционной «свободы рук» и связать себя гарантиями с государствами континента, а также привлечь неевропейское государство США к поддержанию мира и стабильности в Европе. Их первое предложение отражало восприятие невозможности восстановления прежней системы баланса сил с учетом огромного потенциала Германии, второе — возросшую за годы войны роль США в международных отношениях. Британские финанси-

¹ French D. Op. cit. P. 121–127, 230.

² См. подробнее: Романова Е.В. Дискуссия о будущем мироустройстве на страницах британских общественно-политических журналов в годы Первой мировой войны // Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. М., 2011. С. 63–70.

сты указывали на то, что борясь с германскими претензиями на мировое лидерство, Великобритания фактически подрывала собственные лидерские позиции. Однако дилемма британской политики состояла в том, что сохранение германской мощи также означало угрозу британскому положению в системе международных отношений. В ходе войны был сделан выбор в пользу борьбы с Германией как представлявшей непосредственную опасность. Неограниченная подводная война существенно не поколебала его. Сделанному выбору соответствовало утверждение Ллойд Джорджа о том, что «финансовая проблема — это проблема победы»¹. Проверкой его истинности мог стать лишь процесс послевоенного урегулирования.

Несмотря на утверждение курса на продолжение войны до победного конца, британское руководство при выборе стратегии ведения войны не могло не считаться ни с растущим числом жертв военных кампаний, ни с состоянием собственных финансов, ни с появившимися настроениями в пользу мира, которые распространялись не только в Великобритании. Пожалуй, здесь они проявлялись в наименьшей степени. Огромные жертвы, понесенные французской армией в длившемся несколько месяцев тяжелейшем сражении на Сомме, битве за Верден, а также в ходе окончившегося провалом «наступления Нивеля» в апреле 1917 г., в сочетании с отсутствием ощутимых военных успехов повлекли за собой массовые солдатские волнения. Волна забастовок прокатилась и в тылу. Сменивший Нивеля на посту главнокомандующего Ф. Петен из-за настроений в армии и в тылу вынужден был временно отказаться от ведения широкомасштабных наступательных операций. Подобное состояние фронта и тыла ставило вопрос о возможности скорого победоносного завершения войны.

Наиболее глубокий кризис поразил Россию, где в конце февраля 1917 г. он вылился в революцию. Февральская революция оказала огромное влияние на политику России, ее позиции в системе международных отношений, а значит, и на расстановку сил в Европе. Сокрушив монархию в одной из крупнейших держав Европы, она нанесла сильнейший удар по консервативной идеологии и поставила вопрос о прочности монархических установлений в других странах. Как союзники, так и противники пристально следили за развивающимися в бывшей империи событиями, оценивая их возможные геополитические и идеологические последствия.

Февральская революция была воспринята рядом представителей западной политической и интеллектуальной элиты с энтузиазмом. Ее приветствовал британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, она позволила американскому президенту В. Вильсону в обосновании вступления США в войну представлять ее как столкновение милитаризма и демократии. Западная пресса и публицистика, освобожденная от политических ограничений, обрушила шквал критики в адрес павшей монархии. На протяжении войны в западных столицах опасались возможности заключения сепаратного мира между Германией и Россией на основе общих консервативных ценностей. Февраль снял подобные

¹ Цит. по: Peter M. Op. cit. P. 109.

тревоги. Пришедших к власти либералов рассматривали как единственную проантантовскую силу в России. Формирование Временного правительства, казалось бы, давало надежды на более тесное сближение. Некоторые наблюдатели увидели в Февральской революции победу западных идеалов, движение за продолжение войны в союзе с Западом¹.

Однако наиболее дальновидные деятели понимали угрозу радикализации революции и оценивали как вероятные перспективы скорого краха Восточного фронта. Действительно, с развитием революции Россия стремительно утрачивала позиции великой державы. Разложение армии, непрочность власти Временного правительства и неспособность решить основные вопросы о земле и мире повлияли на противоречивость и непоследовательность его внешней политики. Постепенно на протяжении марта — октября 1917 г. Петроград отступал от своих целей в войне. Россия фактически отказалась от обретения Константинополя и от влияния в Польше. Тезисы о самоопределении ставили под вопрос целостность империи. Провал летнего наступления 1917 г. продемонстрировал чрезвычайную слабость армии, что делало сомнительной возможность дальнейшего поддержания военных усилий.

С одной стороны, ослабление России для других держав Антанты и прежде всего для Англии означало исчезновение важного потенциального соперника на международной арене. Поэтому союзники всячески поощряли Временное правительство в его отказе от завоевательных планов². С другой стороны, угроза краха Восточного фронта ставила перед Антантой проблему возможности и средств обеспечения выигрыша в войне. Вступление в войну США 6 апреля 1917 г. отчасти компенсировало ослабление России, но все же вопрос о том, способно ли это оказать ощутимое воздействие на ход событий на фронтах в ближайшей перспективе, оставался открытым. Очевидно было, что США требовалось время, чтобы подготовить и переправить в Европу вооруженные силы. Кроме того, Вашингтон не стремился форсировать этот процесс, предпочитая минимизировать возможные жертвы.

Хотя в условиях войны проблемы послевоенного урегулирования неизбежно отступали на второй план перед решением более насущной задачи достижения победы, события в России заставляли задуматься о новой организации Восточной Европы. Как бы ни относились союзники и противники к Российской империи, она являлась традиционным элементом европейского равновесия. Однако охваченная революцией Россия, по словам одного из британских публицистов, грозила стать «политическим островом», неспособным оказывать влияние на европейские дела³. Сходные оценки перспективам развития ситуации в России давались в лагере Центральных держав. В апреле

¹ См. подробнее: *Романова Е.В.* Взгляды британского общества на Россию // Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей XIII международной конференции, 26–28 ноября 2009. Вып. 15. Ч. III. М., 2010. С. 204.

² См.: *Виноградов В.Н., Листиков С.В.* Россия движется к выходу из войны, США вступают в нее // Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 251–273.

³ *Dillon E.J.* The Allies' Task // *Fortnightly Review*. 1917. Vol. 101. № 606 (June). P. 931.

1917 г. министр иностранных дел Габсбургской империи О. Чернин писал, что «Россия надолго (а может быть, и навсегда) теряет свое значение»¹, указывая при этом на необходимость воспользоваться такими обстоятельствами.

Казалось бы, Центральные державы в почти безвыходной ситуации получали шанс на выигрыш в войне и расширение зоны своего влияния. В то же время свержение монархии в России обнажило проблему сохранения политических режимов в их собственных государствах. В Вене и Берлине делали разные акценты при ответе на вопрос о путях сохранения монархического строя. Политическое руководство Австро-Венгрии считало настоятельной необходимостью прекращение войны. Как отмечал Чернин, «если монархии Центральных держав не в состоянии заключить мир в ближайшие месяцы, то народы сделают это сами через их головы, и революционные волны затопят тогда все, за что сейчас еще борются и умирают наши братья и сыновья»². Германия, в представлении ее правящих кругов, обладала большим запасом прочности, чтобы сражаться за победоносный мир. Именно мир на собственных условиях рассматривался как средство укрепления монархических устоев³.

События в России являлись крайней формой проявления процесса раскола внутривнутриполитического консенсуса в отношении перспектив продолжения и целей войны, который в той или иной степени затронул и другие воюющие страны. С идеей компромиссного мира все более активно стали выступать представители социалистического движения. В среде социал-демократии, за небольшим исключением поддерживавшей на протяжении войны свои правительства, все более заметными становились сомнения в целесообразности курса на продолжение войны. С весны 1917 г. с призывами приступить к мирным переговорам стала выступать венгерская социал-демократия. Знаковым событием стал раскол в апреле 1917 г. Социал-демократической партии Германии и образование на основе ее левоцентристской части Независимой социал-демократической партии, последовательно выступавшей за «справедливый мир» и отказ от аннексий. К более настоятельному поиску путей выхода из войны склонялись СДПГ и партия Центра. 19 июля 1917 г. германский рейхстаг 212 голосами против 126 принял мирную резолюцию, содержащую положение об отказе от насильственных аннексий⁴. Хотя ее текст был достаточно противоречив и не исключал борьбы за обретение сфер влияния, а трактовка оказалась достаточно широкой, чтобы позволить впоследствии одобрить усло-

¹ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 170.

² Там же. С. 169–170.

³ В ответ на стремление Чернина побудить Германию к уступкам и получить ее согласие на обращение к державам Антанты с мирными предложениями Бетман-Гольвег в мае 1917 г. писал: «В настоящий момент общий мир может быть куплен лишь ценой полного подчинения воле неприятеля. Но народ такого мира не перенесет, и он помимо того имел бы роковые последствия для принципа монархии. Мне поэтому кажется, что сейчас более, чем когда-либо, необходимо рекомендовать спокойствие, решительность и уверенность, основанную на сведениях, получаемых извне» (Там же. С. 175).

⁴ Official Statements... P. 114.

вия Брест-Литовского и Бухарестского мира, ее принятие стало свидетельством изменений в общественных настроениях.

Одна из возникших в этот период и в итоге нереализованных альтернатив продолжению войны была связана с инициативой социал-демократических партий Скандинавских стран и Петроградского совета организовать конференцию социалистических партий в Стокгольме, призванную разработать основу для переговоров о мире¹. Социал-демократы были готовы сесть за стол переговоров, что отразилось на решении партий западноевропейских стран и США принять приглашение участвовать в международной конференции. Однако правительства Великобритании, Франции, Италии и США, нацеленные на войну до победного конца, отказали в выдаче паспортов делегатам. Такое решение стало поводом для выхода французских социалистов из правительственной коалиции в сентябре 1917 г., что нанесло серьезный удар поддерживавшемуся с начала войны «священному единению». Лидер британских лейбористов А. Гендерсон был исключен из состава Военного кабинета, правда, его место занял другой представитель лейбористов Дж. Барнс. Несмотря на углублявшиеся разногласия в отношении целей войны, социалисты Франции и лейбористы Великобритании не оказались в непримиримой оппозиции своим правительствам.

В большей степени считаться с позицией социал-демократических партий были вынуждены правящие круги России, Австро-Венгрии и Германии. Так, несмотря на то что Временное правительство скептически относилось к идее Стокгольмской конференции в преддверии планировавшегося наступления, оно не обладало столь прочными позициями внутри страны, чтобы пренебречь мнением Петроградского совета. Германское руководство не желало толкнуть социал-демократов на противостояние правительству, и поэтому представители СДПГ и НСДПГ получили паспорта для выезда в столицу Швеции. О. Чернин обосновывал свое решение не противодействовать поездке социалистов в Стокгольм тем, что участие в конференции, почти обреченной, с его точки зрения, на провал, «должно доказать им, что не “бездарность дипломатов”, а обстоятельства повинны в том, что война не прекращается»². Прогноз австро-венгерского министра иностранных дел в отношении международной социалистической конференции оправдался — она фактически не состоялась, не пойдя дальше разрозненных консультаций отдельных делегаций в Стокгольме.

Однако поиски путей выхода из войны не ограничивались уровнем социал-демократических партий. В условиях, когда армии были не готовы для ведения новых наступательных операций, когда возможности населения поддерживать военные усилия были на грани исчерпания, когда грозил рухнуть Восточный фронт, период февраля — ноября 1917 г. оказался наиболее насыщенным разного рода переговорами и зондажами, проводившимися по инициативе правительств и внешнеполитических ведомств держав.

¹ Подробнее см.: *Ревякин А.В.* Франция и «Стокгольмская альтернатива»: внутриполитические факторы дипломатии в 1917 г. // *Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории.* М., 1994. С. 202–215.

² *Чернин О.* Указ. соч. С. 191.

Значительную дипломатическую активность проявляла Австро-Венгрия. Фактически с начала войны Вена побуждала своего более сильного союзника снизить планку военных целей и пойти на скорейшее заключение мира. Очередной раунд попыток найти выход из войны был связан с восшествием на престол нового императора. 29-летний Карл I, внучатый племянник умершего 21 ноября 1916 г. Франца Иосифа, считал настоятельной необходимостью прекращение войны и строил планы реформирования империи. Вскоре после прихода нового монарха обновилось военно-политическое руководство Австро-Венгрии. Ушли в отставку воинственный начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, выступавший за широкомасштабные аннексии, венгерский премьер-министр И. Тиса, решительный сторонник союза с Германией и продолжения войны до победы. На смену близкому к Тисе министру иностранных дел империи И. Буриану пришел богемский аристократ граф О. Чернин, так же как и новый монарх настоятельно искавший пути для мирного решения конфликта.

Наиболее известной австрийской дипломатической инициативой стало так называемое дело Сикста Бурбонского. В апреле 1917 г. брат супруги австрийского императора Карла I принц Сикст Бурбонский передал французскому правительству письмо от своего венценосного зятя, выражавшее желание последнего заключить компромиссный мир. При этом, казалось, что Вена готова принять основные французские требования — возвращение Эльзаса и Лотарингии, восстановление независимости Бельгии, т.е. пожертвовать интересами основного союзника. Оставляя Берлин в неведении относительно своих шагов в Париже, Чернин пытался побудить германское руководство смягчить требования на Западе в обмен на компенсации на Востоке. Сама Австрия была готова отказаться от претензий на Польшу и пожертвовать Германии Галицию. Это не означало, однако, отказа от собственных интересов — Вена рассчитывала на приращения за счет Румынии¹.

Казалось, что австрийским дипломатическим инициативам благоприятствовала позиция Великобритании и Франции. Западные державы оказались благосклонны к тому, чтобы выслушать предложения Вены. Сложившаяся в 1917 г. в Европе обстановка, опасения за восточный фланг Антанты в связи с ухудшением ситуации в России, а затем катастрофа итальянской армии при Капоретто осенью 1917 г., поставившая Италию на грань выхода из войны, побуждали британских и французских политиков и дипломатов рассматривать вариант склонения Австро-Венгрии к заключению сепаратного мира с Антантой.

Габсбургскую империю никогда не считали в Париже и Лондоне основным противником Антанты². Лишь небольшая группа интеллектуалов была склонна к тому, чтобы рассматривать войну как борьбу за свободу Юго-Восточной Европы и реализацию «принципа национальностей». Не вызывая особых сим-

¹ См. подробнее: *Исламов Т.М.* Указ. соч.

² См. подробнее: *Романова Е.В.* Проблема будущего переустройства Австро-Венгрии: британский взгляд в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война, Версальская система и современность.* С. 182–190.

паций в силу своего политического строя, империя Габсбургов страшила английских и французских политиков преимущественно как часть германской Срединной Европы. Нарушить германские планы достижения доминирования в ЦЮВЕ и в перспективе на Ближнем Востоке было возможно, либо обеспечив переориентацию австрийского внешнеполитического курса, либо разрушив «лоскутную империю». В ситуации ослабления России, военных поражений Сербии и Румынии, породивших сомнения в их эффективности как буфера против германского продвижения на Восток, сохранение Австро-Венгрии при условии ее реформирования и изменения внешнеполитического курса стало рассматриваться как не лишенный целесообразности вариант урегулирования в ЦЮВЕ. В период, когда появилась угроза утраты Россией функции одного из элементов баланса сил, более актуальным звучало предупреждение против абсурдности сокрушения великих государств (*great nations*) в угоду принципу самоопределения наций, высказанное в одном из номеров британского либерального журнала «Экономист» еще за год до Февральской революции¹.

Французский взгляд на будущее придунайской монархии был более непосредственно связан с проблемой обеспечения безопасности, одной из гарантий которой на протяжении конца XIX — начала XX в. являлся франко-русский союз. События в России делали актуальной задачу поиска замены своему традиционному союзнику. Германский курс, апеллирующий к «принципу национальностей» для укрепления своего влияния на оккупированных ею окраинах бывшей Российской империи, приводил к мысли о возможных рисках дробления Австро-Венгрии на ряд небольших государств, способных легко попасть в орбиту политики экономически мощной и географически близкой Германии. Разворачивавшиеся на востоке Европы события придавали весомость высказывавшимся в печати аргументам консервативно настроенных публицистов, призывавших к сохранению целостности придунайской монархии. Не только на страницах газет и журналов, но и в военно-политических кругах серьезно рассматривали вопрос о возможности сохранения реформированной Австро-Венгрии. Летом 1917 г. французский Генеральный штаб представил проект ее преобразования в Соединенные штаты Европы².

Вплоть до марта 1918 г. Великобритания и Франция не прекращали попыток договориться с Габсбургской империей. Консультации велись по разным каналам: через офицера французской разведки А. Армана и близкого к австрийскому двору графа Н. Ревертера в августе 1917 г., члена Военного кабинета Великобритании Я. Смэтса и бывшего посла Австро-Венгрии в Лондоне графа А. Менсдорфа в декабре 1917 г., личного секретаря Д. Ллойд Джорджа Ф. Керра и австрийского дипломата Л. фон Скрижинского в марте 1918 г. Ареной этих переговоров становилась нейтральная Швейцария. Пожалуй, наиболее щедрое вознаграждение за заключение Австро-Венгрией сепаратного мира было предложено в ходе встреч Армана с Ревертерой, проходивших с ведома

¹ Economist. 1916. Vol. 82. February 20. P. 334.

² См.: Ревякин А.В. Франция и Россия: проблема сепаратного мира в 1917 году или гонки на выживание // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 2. М., 1998. С. 208.

военного министра Франции П. Пенлеве. Возможно выйдя за рамки имевшихся полномочий, А. Арман предложил Австрии Силезию, Баварию и Польшу в обмен на уступку Италии Трентино и Триеста. Париж, таким образом, делал попытку лишить Пруссию плодов победы не только в войне с Францией 1870–71 гг., но и в войнах с Австрией 1740–1748 гг. и 1866 г. и сокрушить ее доминирование в Германии. Однако в итоге попытки Антанты достичь сепаратного мира не увенчались успехом.

Дело в том, что в британской и французской интеллектуальной и политической элите не было единства в оценке перспектив выведения Вены из орбиты германского влияния. Определенные сомнения там вызывали очевидные противоречия между политикой, направленной на сохранение Габсбургской империи, и декларированным «принципом национальностей». Ни Лондон, ни Париж не были готовы к тому, чтобы полностью пренебречь интересами своего итальянского союзника, хотя и давали Вене определенные авансы за счет Италии. Одновременно с зондажем позиции Австро-Венгрии разрабатывались проекты поддержания собственного влияния в регионе с опорой на малые государства, создание и укрепление части из которых связывалось с распадом полиэтничной империи. В качестве средства укрепления их обороноспособности рассматривались возможности их объединения в федерацию. Именно в тот период во Франции стали зарождаться контуры идеи создания «тыловых союзов», получившей свое развитие после завершения Первой мировой войны. Большое внимание Париж уделял Польше. 5 сентября 1917 г. французское правительство направило Польскому национальному комитету письмо, в котором выражало поддержку требований восстановления Польши в границах 1772 г. и предоставления ей выхода к Балтийскому морю¹.

Дипломатические инициативы Австро-Венгрии были нацелены в первую очередь на то, чтобы прозондировать почву для возможных общих переговоров о мире, оказать давление на Германию и побудить ее к уступкам в двусторонних отношениях. Однако Вена исключала для себя вариант сепаратного мира с Антантой. В Австро-Венгрии понимали, что отказавшись от союза с Берлином, она рискует стать жертвой обеих противоборствующих сторон. В случае сепаратного выхода из войны в Вене всерьез опасались германского вторжения; разрыв с Германией грозил подрывом системы дуализма. Очевидно, что без союзника Австро-Венгрия оказывалась бы в невыгодном положении перед лицом Антанты. Поэтому для Вены мир был возможен только вместе с Германией.

Неопределенность ситуации на фронтах, внутривнутриполитические обстоятельства, накладывавшие ограничения на свободу маневра в сфере внешней политики, обусловили непоследовательность австрийской дипломатии. Понимание того, что для спасения монархии надо заканчивать войну и заключать мир даже на неблагоприятных для Центральных держав условиях, соседствовало со стремлением не упустить возможные выгоды в случае, если Германии и Австро-Венгрии удастся переломить ситуацию в свою пользу. Развитие событий в

¹ *Stevenson D. French War Aims... P. 106–108.*

России, крах летнего наступления русских армий давали Австро-Венгрии шансы рассчитывать на благоприятный исход войны и получение преимуществ на Востоке. Возможность сосредоточить силы против Франции и Англии, которая могла представиться с выходом России из войны, подпитывала веру в прорыв на Западном фронте, способный, по словам О. Чернина, сломить «непреклонные разрушительные намерения наших врагов»¹.

Австрийские дипломатические маневры и «заигрывания» держав Антанты с Австрией вели к тому, что в дипломатическую игру активно вступила Германия, не желавшая уступать инициативу своему более слабому союзнику. В апреле 1917 г. глава политического департамента германской оккупационной администрации в Брюсселе барон О. фон Ланкен получил поручение прозондировать позицию французского правительства о мире на условиях уступок в Эльзасе и Лотарингии. Он стремился к контактам с недавно вышедшим в отставку с поста премьер-министра А. Брианом, который, как полагали в Германии, проявлял склонность к заключению «мира по соглашению». В итоге переговоры не состоялись, натолкнувшись на оппозицию со стороны министра иностранных дел А. Рибо, а также нового главы правительства П. Пенлеве, первоначально согласившегося на установление контактов, но быстро изменившего свое мнение.

Историки не без оснований подвергают сомнению искренность германских намерений договориться об условиях мира, усматривая истинную цель Берлина в том, чтобы внести разлад в стан своих противников². Одновременно с продолжающимися попытками наладить контакты с представителями французских правящих кругов Берлин, воспользовавшись посредничеством испанского дипломата Виллалобара, довел до сведения британского кабинета намерение обсудить вопросы возможного достижения мира.

Предпринятые попытки зондажа не вылились в полноценные переговоры. Однако в отличие от предшествующих лет, как в Париже, так и в Лондоне проявили склонность к тому, чтобы более серьезно обсудить возможные германские условия. Великобритания и Франция рассчитывали на отторжение от Германии Эльзаса и Лотарингии, восстановление Бельгии и Сербии, колониальных уступках в пользу Великобритании, территориальных — в пользу Италии³.

Германский зондаж заставил руководство Великобритании и Франции задуматься над вопросом, готовы ли они предоставить своему противнику карт-бланш на Востоке и заключить мир без России. Опасаясь того, что информация о германских дипломатических инициативах подтолкнет Петроград к выходу из войны, в Лондоне и Париже предпочли не привлекать своего восточного союзника к их обсуждению. В пользу возможного мира, удовлетворявшего англо-французские требования на Западе и германские на Востоке, говорили опасения, связанные с расценивавшейся как вполне вероятной перспективой заключения Россией сепаратного мира с Центральными державами.

¹ Чернин О. Указ. соч. С. 203.

² Stevenson D. The First World War and International Politics. Oxford, 2001. P. 165.

³ NA. Cab. 23/16/2.

Возможный выход России из войны порождает сомнения в способности Антанты продиктовать Германии условия мира. В Англии опасались существенного снижения действенности блокады Германии, а неэффективность этого оружия означала затягивание войны на неопределенный срок и необходимость все новых жертв при неясных перспективах. Подобные рассуждения приводил на заседании Военного кабинета 24 сентября 1917 г. Д. Ллойд Джордж¹.

Определенные колебания были и среди французской правящей элиты. 11 октября 1918 г. Третье бюро Генерального штаба Франции подготовило проект всеобщего мира, предполагающий удовлетворение главных требований воюющих сторон за счет России². Он не был принят политическим руководством страны, однако о возможных настроениях в пользу мира за счет России свидетельствовало высказывание Пенлеве, объяснявшего свой отказ санкционировать контакты с фон Ланкенем сомнениями в том, что Франция «продолжит сражаться, если ей предложат девять десятых Эльзаса и Лотарингии и всю Бельгию»³. Аргументом против подобного решения являлось то, что оно позволяло Германии существенно нарастить свой потенциал. Как отметил лорд Милнер, «в этом случае Германия бы вышла из войны более сильной, чем она в нее вступила, и [это бы означало] новую войну через 10 лет»⁴.

Однако вряд ли германское руководство, проводя зондаж в Париже и Лондоне, было готово отказаться от территорий на Западе Европы за карт-бланш на Востоке. Все, о чем могла идти речь, сводилось к небольшим изменениям границ в пользу Франции. Уже 9 октября на заседании рейхстага глава германского внешнеполитического ведомства Р. фон Кюльман заявил, что Германия не откажется от Эльзаса и Лотарингии⁵. В ответ на это 11 октября Ллойд Джордж подтвердил британское намерение сражаться за провинции.

Обсуждение вопроса о возможности сесть за стол переговоров не означало ослабления военных усилий. Великие державы не оставляли надежд на то, чтобы сломить сопротивление противника и продиктовать ему положения мирного договора. Вместе с тем неясность перспектив окончания войны в условиях ощущавшегося истощения ресурсов вела к тому, что правящие круги вынуждены были рассматривать заключение компромиссного мира как возможный в силу обстоятельств, хотя и крайне нежелательный вариант развития событий. Это побуждало их к политике, нацеленной на обеспечение своей стране максимальных преимуществ к моменту начала переговоров о мире.

В этом же направлении подталкивало их вступление в войну США. Участие США в войне крайне осложняло положение Центральных держав, сокращая период времени, в который можно было рассчитывать на победу. В соответствии с германским руководством настоятельной необходимостью становилось скорейшее нанесение решающего удара противостоящему блоку. Для держав

¹ NA. Cab. 23/16/2.

² См.: Ревякин А.В. Франция и Россия... С. 212.

³ Stevenson D. Op. cit. P. 168.

⁴ NA. Cab. 23/16/2.

⁵ Official Statements... P. 159.

Антанты участие в войне США практически гарантировало победу. Однако наличие у Вашингтона собственных целей войны, далеко не во всем совпадавших с намерениями держав Антанты, его претензии на лидерство в послевоенном мире превращали США в потенциального соперника и ставили вопрос о способности Лондона и Парижа обеспечить свои интересы в процессе послевоенного урегулирования. Вступая в войну, Соединенные Штаты намеренно дистанцировались от Антанты, не подписав Лондонское соглашение и выступив в качестве ассоциированной, а не союзной державы.

Понимание того, что США станут важнейшим игроком в послевоенных международных отношениях, осознание необходимости учитывать их позицию было характерно как для держав Антанты, так и для ее противников. Демократические лозунги, провозглашавшиеся президентом США, внутриполитическая обстановка в европейских странах и идейный климат на континенте побуждали руководство противоборствовавших блоков, по крайней мере в публичных выступлениях, смягчать свои претензии на перекройку границ в свою пользу и облекать свои цели в либеральную риторику. Примером подобной риторики стала речь О. Чернина в Будапеште 2 октября 1917 г., в которой он призывал к созданию нового международного порядка, основанного на всеобщем разоружении, признании третейского суда, свободе морей и торговли, отказе от аннексий¹.

Однако под покровом фраз о «справедливом мире» продолжалась упорная борьба за господство на Европейском континенте. В условиях ощущавшегося приближения переломного момента в ходе войны тенденция к переговорам отступила на второй план перед стремлением к укреплению своих позиций. Во Франции, где на протяжении 1917 г. ощущались определенные колебания в верхах и намечалось размежевание на приверженцев компромиссного мира, с одной стороны, и победоносного — с другой, президент Республики Р. Пуанкаре, несмотря на личную антипатию, поручил в ноябре 1917 г. формирование правительства Ж. Клемансо, который внутри страны развернул наступление против любых пораженческих настроений или инициатив по достижению соглашения с противником. В преддверии переломного момента в ходе войны Франции удалось консолидировать внутренний фронт.

Р. Пуанкаре

Процесс мобилизации ресурсов и создания более прочных позиций для ведения переговоров о мире в Лондоне был связан с более активным привлечением к военным усилиям доминионов, а также мерами, направленными на обеспечение имперских интересов. Сферой пристального внимания Великобритании являлся Ближний Восток, где она активизировала свои военные уси-

¹ См.: Чернин О. Указ. соч. С. 198.

лия. В марте 1917 г. британские войска вошли в Багдад. Операции в Палестине также увенчались успехом. Руководимые генералом Э. Алленби войска в ноябре 1917 г. взяли Газу, затем Аскалон и Яффу, а 9 декабря вошли в Иерусалим. Таким образом, Великобритания обеспечивала себе прочный контроль над Суэцким каналом и хорошие позиции для утверждения своего влияния в районах нефтяных месторождений.

Укрепление позиций Великобритании на территории Османской империи сопровождалось стремлением пересмотреть условия послевоенного урегулирования в регионе, намеченные в соглашении Сайкса-Пико. Англичане не собирались делиться с французами своим влиянием в Палестине и соблюдать условие ее интернационализации. Знаком этого стал уже тот факт, что французские представители не были допущены к участию в управлении занятыми британцами территориями.

В Германии одновременно с зондажем возможностей заключения мира продолжали разрабатывать планы широкомасштабных аннексий. Весной 1917 г. в Кройцнахе прошли совещания высшего военно-политического руководства Германской империи. В качестве объекта германских притязаний были названы Курляндия, Литва, значительная территория Польши; Берлин стремился к установлению военного контроля над Бельгией, аннексии Лонгви-Брие, Льежа, побережья Фландрии, Люксембурга, возвращению колоний. Австро-Венгрия претендовала на то, чтобы закрепить свое влияние в Сербии, Черногории, Албании, Румынии.

В соответствии со складывавшейся обстановкой взоры Германии были устремлены прежде всего на Восток, где радикализация русской революции давала возможность рассчитывать как на выведение из войны одного из противников, так и на расширение сферы влияния и обретение новых ресурсов для продолжения военных действий на Западе и поддержания тыла. Если главы германского и австро-венгерского внешнеполитических ведомств отдавали приоритет первой задаче и считали важным за счет заключения мира укрепить прежде всего политические позиции Германии, то для военных кругов — дуумвирата Гинденбурга и Людендорфа — наиболее значимым являлось расширение ресурсной базы, которое позволяло им рассчитывать на дальнейшее поддержание военных усилий.

Позиция последних сыграла решающую роль в определении условий Брест-Литовского мира с Советской Россией и Бухарестского — с Румынией¹. Согласно условиям первого, от России отторгались Польша, Литва, Курляндия; она выводила свои войска из Эстляндии, Лифляндии, Финляндии, Украины, с Аландских островов, очищала занятые ею анатолийские территории Турции, а также округа Ардагана, Карса и Батума. Россия обязывалась заключить договор с недавно провозглашенной Украинской Народной Республикой, уже связанной договором с Центральными державами, соглашалась на отмену капитуляций в Османской империи, обязывалась провести демобилизацию армии и флота.

¹ Soutou G-H. L'or et le sang. ... P. 632–684.

По условиям договора Россия утрачивала территории, на которых проживало более трети населения прежней империи, производилось 54% промышленной продукции, добывалось около 90% угля и 73% железной руды. На эти территории приходилось 32% сельскохозяйственных угодий Российской империи.

Территориальные постановления Бухарестского договора предполагали потерю Румынией стратегически важных перевалов Карпатских гор (что делало страну незащищенной перед лицом возможной агрессии Австро-Венгрии), а также Добруджи, юг которой передавался Болгарии, а север ставился под временное управление кондоминиума четырех Центральных держав. Румыния обязывалась вплоть до 1926 г. поставлять Германии «излишки» сельскохозяйственной продукции по выгодным ценам, передать компании с преобладающим германским капиталом в аренду на 90 лет почти все нефтяные месторождения страны, предоставить другой германской компании монополию на продажу нефти. На Бухарест возлагались расходы по содержанию оккупационных войск, сроки пребывания которых на территории Румынии не оговаривались.

Условия этих договоров, где под прикрытием принципа самоопределения от России отторгались огромные территории на Западе и земли на Юге, а Румыния попадала в экономическую кабалу и политическую зависимость, были умело использованы Антантой для пропаганды ведения войны до победного конца. В то же время потенциальное усиление Германии за счет России представляло для Антанты серьезную проблему, над которой ее лидеры задумались еще до подписания Брест-Литовского мира. 23 декабря 1917 г. Париж и Лондон достигли согласия в вопросе о политике в отношении России. Сохраняя контакты с Советским правительством через неофициальных агентов, они договорились одновременно поддерживать областные правительства и их армии, выделить средства на «реорганизацию Украины, финансирование казаков и кавказских вооруженных сил». Определялись сферы ответственности стран Антанты — Украина попадала во французскую, а «казачьи области» и Закавказье — в британскую зоны¹. Продвижение германских войск на Восток побудило союзников уже в начале весны 1918 г. перейти к интервенции на территорию России. Англичан и французов объединяла цель предотвратить усиление Германии; кроме того, Великобритания стремилась утвердить свои позиции превосходства на море, а также укрепить подступы к имперским владениям и зоне интересов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Основными объектами союзной, преимущественно британской, интервенции в этот период стали порты севера России — Мурманск и Архангельск, а также Закавказье и Средняя Азия.

Как фактор, благоприятствующий целям Антанты в ситуации германского продвижения на Восток, ее правящими кругами рассматривалась Гражданская война на территории России и общее состояние «хаоса и беспорядков», что не позволяло Центральным державам в полной мере воспользоваться ресурсами потерпевшей крах империи. Фактическая поддержка Антантой мятежа чехо-

¹ Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de souvenirs. T. 9. L'année trouble 1917. P., 1932. P. 428.

словацкого корпуса и расширение зоны интервенции на Дальний Восток было связано отчасти с намерением поддерживать это состояние хаоса, отчасти с надеждой на победу контрреволюционных сил и возвращение России к участию в войне против Германии, отчасти с империалистическими амбициями стран Согласия. Важно подчеркнуть, что крушение Российской империи привело к расширению сферы военных действий. Ее территории становились не только ареной Гражданской войны, но и полем борьбы между блоками и отдельными державами за влияние.

Разрабатывая планы кампании 1918 г., военное руководство Антанты надеялось, что Германия в течение года не сможет перейти в наступление на Западе. Однако вопреки ожиданиям, германское командование решилось на такой шаг в отчаянной надежде переломить ситуацию в свою пользу до прибытия значительных американских подкреплений. Правда, наступательные операции, проводившиеся Германией с марта по июль 1918 г., не принесли желанного результата. В июле 1918 г. войска Антанты перешли в контрнаступление. Тем не менее прогнозы относительно времени завершения войны были противоречивы, многие в военно-политическом руководстве стран Согласия считали, что Германия продержится до 1919 или даже до 1920 г.

Державы Антанты усиливали нажим на союзников Германии. В результате наступления союзников на Салоникском фронте к концу сентября в критическом положении оказалась Болгария. 28 сентября она обратилась с просьбой о перемирии, которое и было подписано на следующий день командующим Восточными армиями генералом Франше д'Эспере. Как отметил в мемуарах Д. Ллойд Джордж, «Балканы — задняя дверь Центральной Европы, и когда мы взломали эту дверь, мы увидели конец войны»¹. Действительно, падение Болгарии серьезно ухудшало положение остальных членов Центрального блока. Под вопрос ставилась возможность получения Германией поставок из Румынии и прежде всего румынской нефти. Союзники получали выгодные стратегические позиции для нанесения ударов по Австро-Венгрии и Турции.

В самой Германии, осознавая невозможность выиграть войну, главное командование пришло к мысли о необходимости заключения перемирия. Одновременно происходили изменения на внутривнутриполитической арене. На пост канцлера был назначен известный своими либеральными взглядами Макс Баденский; было создано правительство, опиравшееся на партийное большинство в рейхстаге, а в конце октября одобрены изменения в конституции, знаменующие переход к парламентской монархии. Эти реформы, с одной стороны, были способны облегчить переговоры с противником, выступавшим с либеральными и демократическими лозунгами, с другой — создавали внутри страны более широкую базу для проведения политики, нацеленной на прекращение войны.

С просьбой о прекращении огня германское руководство решило обратиться к президенту США В. Вильсону². В Германии считали, что противоречия

¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. М., 1937. С. 101.

² Official Statements... P. 414–415.

между державами Антанты и США, выступавшими против аннексионистской политики, позволят ей по крайней мере сохранить свою территориальную целостность. Первоначальный ответ Вильсона на просьбу о переговорах, требовавший лишь эвакуации германских войск с завоеванных территорий, казалось бы, подтверждал надежды Берлина. Однако последующие американские ноты неуклонно ужесточали требования — фактически Вашингтон заявлял о том, что условия перемирия будут определяться без участия Германии.

В качестве альтернативы перемирию на условиях Антанты и США, на которую, в частности, указывал В. Ратенау на страницах одной из немецких газет, рассматривалась организация массового народного ополчения для противостояния врагу — по образцу Великой французской революции. Однако подобный сценарий содержал угрозу полного краха существовавшего режима и не гарантировал благоприятного результата. Он был отвергнут как командованием армии, которое вместе с тем предпочло дистанцироваться от переговоров о перемирии, так и политическим руководством¹.

Нельзя сказать, что среди правящих кругов держав Антанты не было сомнений в отношении своевременности заключения перемирия с Германией. И Пуанкаре, и Ллойд Джордж высказывали опасения того, что «преждевременное» перемирие позволит Германии сохранить силы и не обеспечит справедливого возмездия за действия против союзников. Германская армия не была сокрушена, на германской территории практически не велось военных действий. Рядом с разоренной Францией оказывалась бы не пострадавшая в такой мере от войны Германия и ее непобежденная армия².

Однако аргументы против продолжения войны перевесили эти сомнения. Наиболее емко их высказал генерал Я. Смэтс: «если мир будет заключен сейчас, то это будет британский мир», если война продолжится еще год, необходимый для полного сокрушения Германии, «мы потеряем первое место, и мир, который тогда будет навязан полностью истощенной Европе, будет американским». Год войны, по оценке Смэтса, позволил бы Соединенным Штатам занять место Великобритании как «первой военной, дипломатической и финансовой державы мира». Весомым доводом в пользу завершения войны являлась опасность большевизации и балканизации Центральной Европы, прихода на смену «плохой, но более или менее упорядоченной предвоенной политической системе Европы» «дикого беспорядка ссорящихся и воюющих осколков государств», который, в перспективе, мог дать преимущества Германии³.

Важную роль сыграли аргументы военных. И Д. Хейг, и Ф. Фош осознавали сложности продолжения войны и относительные слабости армий Антанты. Для маршала Фоша ответ на вопрос о целесообразности заключения перемирия зависел от того, в какой степени его условия гарантировали бы невозможность возобновления военных действий со стороны Германии⁴, а также

¹ *Stevenson D.* With our backs to the Wall. Victory and Defeat in 1918. L., 2011. P. 518.

² NA, Cab. 23/14/40.

³ NA, Cab. 24/67/91.

⁴ См.: *Фош Ф.* Воспоминания. СПб., 2005. С. 474–476.

обеспечивали бы преимущества для заключения выгодного Франции мира. Помимо эвакуации германских войск с захваченных территорий и из Эльзаса и Лотарингии в качестве таких гарантий Фош рассматривал оккупацию союзниками левого берега Рейна (как залога будущих репараций) и предместных территорий в районе Майнца, Кобленца и Кельна на правом берегу, открывавших войскам союзников путь в центр Германии. Британское Адмиралтейство выдвигало жесткие условия в отношении германского флота и военных баз, выполнение которых должно было лишить Германию статуса морской державы.

Условия перемирия с Германией были согласованы в ходе совещаний с участием глав союзных правительств и представителя президента Вильсона полковника Э. Хауза, проходивших в Париже и Версале 29 октября — 4 ноября 1918 г. К моменту завершения их работы из войны вышли союзники Германии: 30 октября 1918 г. было подписано перемирие с Турцией, а 3 ноября — со стремительно распадавшейся Австро-Венгрией. Принятие хотя и с оговорками общих принципов, провозглашенных президентом В. Вильсоном в «14 пунктах», не помешало Англии и Франции выработать условия перемирия, удовлетворявшие их собственным требованиям. 5 ноября 1918 г. Германии была направлена нота Лансинга о готовности главного командования Антанты вступить в переговоры с ее представителями для заключения перемирия. Чрезвычайно жесткие по отношению к Германии условия Компьенского перемирия, подписанного 11 ноября 1918 г., призваны были стать эквивалентом военной победы, своего рода компенсацией за то, что оно не было заключено в Берлине.

Компьенское перемирие ознаменовало завершение военных действий на Западе. Однако вопрос о том, может ли 11 ноября 1918 г. считаться окончанием войны, ставили как современники, так и историки¹. Россия была охвачена Гражданской войной, на ее территории действовали войска иностранных интервентов. Зоной нестабильности оставалась Центральная и Юго-Восточная Европа, где только что образованные государства готовы были сражаться за наследство потерпевших крах империй. На Ближнем Востоке Османская империя рушилась под натиском союзников и арабского национального движения. Заключив перемирие, союзники не сняли блокады Германии, рассматривая ее как гарантию подписания мира. А в самой Германии военные ставили вопрос о возможности возобновления войны. Обсуждавших условия будущего мира преследовала мысль о новой войне через 10–20 лет. Лишь мирное урегулирование могло снять или подкрепить эти опасения и продемонстрировать способность европейских держав решить поставленные войной проблемы.

¹ См., напр.: *Offer A. The First World War: An Agrarian Interpretation. Oxford, 1989; Ланник Л.В. Германская военная элита от Компьена до Версаля: заканчивать ли войну? // Первая мировая война, Версальская система и современность. С. 230–242.*

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

§ 1. Роль и характер национализма в великих державах Европы

Начало мировой войны ясно показало, что «кабинетная политика» предшествующих столетий ушла в прошлое, по крайней мере в вопросах войны и мира. В ходе июльского кризиса, а также в первые недели войны общественное мнение и пресса в полной мере продемонстрировали свои мобилизационные возможности. В зависимости от личных симпатий это явление можно называть патриотическим подъемом или шовинистическим угаром, но суть от применения того или иного термина не изменится. Факт остается фактом: никогда еще правительства европейских стран не имели такой горячей общественной поддержки, как в августе 1914 г.

Насколько естественным был этот подъем, в какой мере он искусственно разжигался? Точного ответа на данный вопрос быть не может. Разумеется, воодушевление общества было использовано правящими кругами, чтобы заглушить внутренние противоречия. Вильгельм II говорил тогда в Рейхстаге: «Я не знаю больше партий, я знаю только немцев!» Очевидно и то, что летом 1914 г. наружу высвободился тот огромный потенциал национализма, который накапливался в крупнейших странах Европы многие десятилетия. Объективные межгосударственные противоречия через прессу, публицистику, а отчасти и систему образования десятилетиями «транслировались» в массовое сознание и принимали там форму сомнительных, но кратких и понятных стереотипных представлений о собственной стране и о возможном противнике.

В патриотическом подъеме 1914 г. особенно поражает сходство его проявлений и даже характерной фразеологии по разные стороны линии фронта: патриотические демонстрации, газетная шумиха, очереди у призывных пунктов, торжественные марши уходящих на фронт полков по городским улицам. Как правило, размах подъема прямо зависел от величины конкретного населенного пункта: шумные демонстрации были характерны в основном для крупных городов. Журналисты, политики, проповедники практически везде заявляли, что их страны «были втянуты» в эту войну и что она ведется исключительно ради оборонительных целей. Вопрос о виновниках войны был поставлен в первые же дни, и все главные аргументы в пользу того или иного ответа были приведены уже в первые ее недели. Будущим историкам оставалось их только повторять, подкрепляя все новыми доказательствами в зависимости от «антантофильских» или «германофильских» симпатий. Все стороны заявляли, что

ведут борьбу во имя «цивилизации» против «варварства» своих врагов, и везде начавшийся конфликт преподносился как угроза «самому существованию» данного государства и его народа.

При всей внешней схожести проявлений патриотического подъема, в разных странах он проходил с некоторыми нюансами. В городах Германии патриотическое оживление было, пожалуй, наиболее заметным и искренним. Еще в последние дни июля на улицах собирались толпы народа и пели патриотические песни, с нетерпением ожидая новостей. Известие о начале мобилизации, а затем и об объявлении войны было встречено даже с некоторым облегчением, как окончание томительной неопределенности. Потом — обычная картина: митинги, марши, музыка. Любопытно, что хотя власти приготовились к любому варианту развития событий, им не пришлось подавлять антивоенные демонстрации — их просто не было. Немногочисленные левые социал-демократы потерпели полное поражение в своих попытках организовать такие выступления. Ведущие же лидеры СДПГ поддержали войну как борьбу против русского царизма — извечного врага всех политических свобод. В то же время немецкие рабочие, сохраняя политическую лояльность правительству, не принимали активного участия в патриотических манифестациях, которые остались уделом среднего класса¹.

Несколько иной характер «подъем» носил во Франции. События вокруг австро-сербского конфликта здесь воспринимались как нечто отдаленное, не имеющее отношения к жизни большинства французов. Когда они стали принимать угрожающий оборот, перспектива втягивания страны в войну вызывала скорее беспокойство и недоверие к официальной информации, которое, однако, не вылилось в какие-либо заметные политические акции. Объявление войны вызвало кратковременное «оцепенение», сменившееся затем решимостью защищать свою страну и выполнять свой долг². Именно эта решимость и породила знаменитое «священное единение», которое стало своеобразным «знаменем» французского правительства после начала войны. Дополнительным мобилизующим фактором было то обстоятельство, что война сразу стала восприниматься как продолжение конфликта 1870–1871 гг., как реванш за поражение тех лет. Тема «отторгнутых провинций» — Эльзаса и Лотарингии, которая десятилетиями внедрялась в сознание французов всеми мыслимыми средствами — от школьных учебников до газет, и теперь заняла центральное место в политической пропаганде. Объявив Франции войну, Германия сама аннулировала Франкфуртский мир, и теперь можно было с новыми силами продолжить борьбу, вынужденно прерванную более 40 лет назад. Не случайно французская армия начала войну мощной атакой в Эльзасе, ослабив внимание к другим фронтам. Это едва не привело к роковым последствиям. Другая историческая параллель без труда обнаруживалась в 1792 г. Как и тогда, Франция

¹ Krumeich G. L'entrée en Guerre en Allemagne // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. P., 1990. P. 65–74.

² Becker J.J. La population française face à l'entrée en guerre // Ibid. P. 35–37.

вела войну против западных соседей во имя вечных принципов «свободы, равенства и братства».

Великобритания подошла к началу войны, пожалуй, наиболее политически расколотой из всех западных стран. К тому же в отличие от Германии, России и Франции она, по крайней мере в теории, имела возможность остаться в стороне от европейского конфликта. Ни один договор не обязывал ее в нем участвовать, ибо Антанта с Францией и Россией к 1914 г. так и не стала полноценным военным союзом. В ходе июльского кризиса в стране были сильны нейтралистские настроения, которые доминировали в Лейбористской партии и были весьма распространены в Либеральной. Только консерваторы, находившиеся в оппозиции, последовательно отстаивали необходимость британского вмешательства в конфликт. В последние дни июля и в самом начале августа 1914 г. на английских улицах нередко можно было видеть демонстрации под антивоенными, нейтралистскими лозунгами. Эти настроения не остались незамеченными в Берлине, где до последнего момента сохранялась надежда на британский нейтралитет. Правительство Г. Асквита оказалось расколото, министр иностранных дел Э. Грей долго не мог публично обозначить свою позицию. За прошедшие два десятилетия накопилось множество трудноразрешимых противоречий с Германией, но стоили ли они войны?

В этой ситуации фатальный политический просчет Берлина разрубил гордые узел. Германское вторжение в Бельгию дало официальному Лондону столь необходимое моральное оправдание для вступления в войну. Именно этот факт занял центральное место в выступлении Э. Грея в парламенте 3 августа, за которым последовало объявление войны, и многие политики и общественные деятели полностью изменили свое отношение к ней¹. Защита «малых наций» заняла центральное место в британской политической агитации первых месяцев войны, что отличало Великобританию от континентальных держав, где во главу угла ставилась защита собственного «национального существования». После 4 августа на улицах английских городов можно было наблюдать, в общем, те же картины патриотического воодушевления, что и на континенте.

Вступление в войну России живо напомнило события 1877 г. В общественном мнении 1914 г. Сербия заняла то место, которое занимала Болгария 37 лет назад. Лозунгом дня становилась защита «славянства», только на сей раз не от турецкого ига, а от безусловно враждебного «германства». После вступления русских войск в Галицию в первые же дни войны «славянофильская» агитация обогатилась новыми красками. Теперь война шла и за освобождение «исконных русских земель», «наследия Даниила Галицкого». Вспоминались и другие исторические параллели. Николай II с балкона Зимнего дворца слово в слово зачитал манифест Александра I, обнародованный в 1812 г. Таким образом, в официальной пропаганде начавшаяся война сразу же получила название «Второй Отечественной». Патриотические демонстрации на Невском проспекте, молебны на Дворцовой площади, торжественные проводы поездов, уходящих

¹ Keiger J.F.V. Britain's "union sacrée" in 1914 // Ibid. P. 39–52.

на фронт, — все это создавало впечатление единства монарха и народа, готового сражаться за «веру, царя и отечество». Однако подлинного «священного единения» в России не было. В организации патриотических манифестаций, как сегодня известно, значительная роль принадлежала полиции¹. Если «буржуазные» партии так или иначе поддерживали войну, то среди социалистических партий по этому вопросу произошел раскол. Лишь часть из них (меньшевики-оборонцы) последовала примеру своих западноевропейских единомышленников. Другие же либо вовсе не высказывались о войне определенно, либо вместе с большевиками встали на позиции «революционного пораженчества». В то же время сразу после начала войны резко прекратились забастовки на предприятиях. Но главное — патриотический подъем, насколько он вообще имел место, затронул лишь образованное городское население, а Россия была страной крестьянской и преимущественно неграмотной. Крестьяне, которых отрывали от полей накануне сбора урожая, смысла войны не понимали. Они не отказывались идти на фронт (традиционная лояльность царю была еще сильна), но морально такая армия была менее всего готова к предстоявшей затяжной окопной войне. В некоторых провинциальных городах имели место даже антивоенные «бунты» призывников (наиболее крупный — в Барнауле, где произошло настоящее сражение с полицией), чаще всего вызванные закрытием винных магазинов и кабаков, однако в тех же городах проходили и патриотические манифестации. В целом русское правительство в августе 1914 г. получило от общества определенный «кредит доверия» — но, как показали события, — недолговечный².

С первых же дней война стала мощнейшим стимулом подъема национального самосознания. «Воображаемое сообщество» каждой великой нации вдруг обрело плоть и кровь, стало реально ощущаться, по крайней мере образованными людьми каждой страны. Национализм как «светская религия» в полной мере показал свою мобилизующую силу. Но одновременно, и притом очень ярко, он проявил и свою оборотную, темную сторону. Патриотический подъем практически во всех странах сопровождался вспышками национальной ненависти, шпиономании и прямого насилия, направленного на живших рядом представителей отныне «враждебных» наций. По странам Антанты прокатилась волна немецких погромов, в России их жертвой стало даже германское посольство. В силу ряда исторических причин Германия имела очень многочисленную зарубежную диаспору, и теперь ни один человек со звучавшей по-немецки фамилией не мог чувствовать себя комфортно и в безопасности в городах Франции, Англии, России. И если первые погромы носили все же стихийный характер, то в последующие месяцы они часто были искусственно организованы, как, например, майские погромы 1915 г. в Москве, прошедшие при явном попустительстве властей³. Полицейские чины спокойно наблюда-

¹ *Dahlmann D.* Russia at the outbreak of the First World War // *Les Sociétés...* P. 53–61.

² *Тютюкин С.В.* Россия: от Великой войны — к Великой революции // *Война и общество в XX веке.* М., 2008. С. 125–130.

³ *Блументаль Ф.* Буржуазная политработа в мировую войну. М., 1928. С. 46–48.

ли за бесчинствами толпы, даже не пытаясь им воспрепятствовать. Схожие явления отмечались и в самой Германии, но там они имели меньший масштаб из-за относительно небольшого количества выходцев из враждебных стран и отсутствия у них сколько-нибудь заметной роли в экономике и повседневной жизни страны. Проще говоря, в Германии не было русских, английских и французских фабрик, лавок и магазинов, которые могли бы стать объектом нападения подобно немецким предприятиям и заведениям в странах Антанты.

Как уже говорилось, видимым воплощением патриотического подъема стало «священное единение» между различными политическими силами ради борьбы с общим внешним врагом. Политики, которых еще недавно трудно было представить сидящими за одним столом, — от крайне правых до социалистов — не только дружно отдавали свои голоса за военные кредиты, но и формировали общие правительства (там, где это позволяло конституционное устройство страны). Наиболее широкий политический спектр объединился во Франции, где за время войны в правительстве побывали представители практически всех значимых политических сил. Это не исключало довольно острой политической борьбы, вообще характерной для Третьей республики, но в этой борьбе предметом спора никогда не становился вопрос войны и мира. Речь шла о том, кто из политиков сможет быстрее и эффективнее привести страну к победе. Обвинения в «пораженчестве», которые политики иногда бросали друг другу (например, Ж. Клемансо в адрес А. Бриана), не имели под собой реальной почвы. Рефреном выступлений всех политических лидеров была тема «войны до конечной цели» (*jusqu'au but*), что даже породило новый политический термин — «жюскобутизм». Ж. Кайо, единственный видный политический деятель, которого можно было заподозрить в каких-либо симпатиях к Германии, находился в политической изоляции, а в 1917 г. был арестован.

В Англии вскоре после начала конфликта либеральное правительство было преобразовано в коалиционное. У консерваторов, либералов и большинства лейбористов не было сомнений в необходимости продолжать войну до победы, хотя и существовали некоторые разногласия относительно ее конечных целей. Антивоенная оппозиция была представлена главным образом Союзом демократического контроля и Независимой лейбористской партией. Обе организации действовали легально, но подвергались настоящей травле со стороны «патриотических» активистов и организаций. Когда в ноябре 1917 г. бывший глава Форин оффис лорд Ленсдаун публично предложил попытаться заключить компромиссный мир, его, в отличие от Кайо, не арестовали, однако на его политической репутации и возможной карьере был поставлен крест.

В Германии войну поддержали все без исключения политические партии. К. Либкнехт, единственный депутат рейхстага, голосовавший против военных кредитов, оказался за решеткой. Пацифизм в Германии всегда оставался маргинальным течением и никогда не имел даже того ограниченного влияния, которое было у него в Великобритании и Франции. Тем не менее власти пристально следили за немногочисленными пацифистскими активистами и с помощью полицейского надзора, жесткой цензуры, а иногда и репрессий смогли обречь

их на практически полное молчание. В ходе всего конфликта патриотические «идеи 1914 года» не имели серьезных конкурентов в публичном политическом пространстве империи, однако здесь не было условий для полноценного «священного единения» по французскому образцу. Почти все политические силы были едины в поддержке военных усилий страны, но не имели возможности эти усилия направлять и контролировать. Германское правительство могло ни перед кем не отчитываться в своих действиях. Оно вступило в войну во главе с канцлером Т. Бетман-Гольвегом. Он не был склонен к воинственной публичной риторике, крайние пангерманисты и милитаристы часто критиковали его за мягкость и даже считали «пораженцем». Исследования историков показали несправедливость таких «обвинений»: уже в сентябре 1914 г. в одном из секретных меморандумов он наметил широкую программу аннексий, неосуществимую без полной победы. Бетман-Гольвег продержался в своем кресле до июля 1917 г., после чего началась настоящая чехарда канцлеров, ни один из которых до октября 1918 г. не проявлял ни малейшей склонности к компромиссному миру. В последние два года войны власть фактически перешла к тандему фельдмаршалов П. Гинденбурга и Э. Людендорфа, которые были живым воплощением «прусского милитаризма». Они прекрасно видели, что затяжная война с неопределенными целями теряет популярность в обществе и в армии, но противопоставить этому они могли лишь военно-политическую утопию «тотальной войны», первым практиком, а впоследствии и теоретиком которой стал именно Э. Людендорф.

Национальное самосознание всегда формируется на основе противопоставления «свой—чужой». Для осознания своей принадлежности к какому-то народу людям необходимо иметь представления о других народах. Чтобы люди начали гордиться своим национальным происхождением, им нужно видеть в своем народе такие положительные качества, которых не хватает соседям. Той же цели служат представления о негативных чертах характера других народов. В обычных условиях такое противопоставление людей по принципу «свой—чужой» имеет, как правило, пассивный и часто латентный характер. Но оно чрезвычайно обостряется во время международных конфликтов, особенно столь грандиозных, как «Великая война». Надлежащий «образ врага» был необходим правительствам для сохранения лояльности населения и армии, а также для «экспорта» в нейтральные страны.

В социологии и этнологии достаточно прочно утвердился термин «этнический стереотип». Он означает комплекс устойчивых представлений о каком-либо ином народе, его культурных и социальных особенностях, «национальном характере», достоинствах и недостатках. Этнические стереотипы находятся в довольно сложной взаимосвязи с объективной реальностью, но практически всегда они ее существенно упрощают, а зачастую и искажают. Этнические стереотипы бывают положительными, отрицательными или нейтральными, что обычно определяется историей взаимоотношений разных народов. Такие

стереотипы могут быть весьма устойчивыми и сохраняться столетиями, но все же они подвержены изменениям, в особенности в критических ситуациях. В условиях войны в старых стереотипах в отношении народа-союзника неизбежно сглаживаются отрицательные характеристики, а ранее имевшие место элементы враждебности если и не исчезают вовсе, то трансформируются в снисходительно-добродушное отношение к «экзотическим» чертам соседнего народа. Совершенно противоположную эволюцию претерпевают традиционные стереотипы по отношению к врагу. Постепенно складывается устойчивый «образ врага», который можно охарактеризовать как особый вид этнического стереотипа.

Российский исследователь И.Б. Гасанов дает развернутую характеристику «образа врага», который в различных обществах и культурах, у различных народов приобретает некоторые общие черты. «При всех различиях в причинах и обстоятельствах конфликтов и войн... существует повторяющийся набор изображения противника — некий “архетип” врага, который создается, как мозаика, по частям. Враг изображается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью. При этом главное в “образе врага” — это его полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, человеческого лица. Поэтому “абсолютный враг” практически безличен, хотя может и персонализироваться»¹. Как мы увидим далее, это определение в полной мере соответствует тем «образам врага», которые создавались в различных странах в ходе Первой мировой войны, хотя и с некоторыми нюансами.

В условиях «Великой войны» важнейшим инструментом формирования и поддержания «образа врага» была пропаганда. Элементы пропагандистской деятельности имели место почти во всех военных конфликтах с незапамятных времен, но именно в ходе Первой мировой войны пропаганда впервые стала важнейшей и незаменимой частью государственной политики, направленной на максимальную мобилизацию населения на участие в войне в любой форме — от покупки облигаций военных займов до отправки на фронт. Постепенно создавалась отлаженная пропагандистская машина, включавшая в себя практически все известные тогда инструменты воздействия на массовое сознание. Особая роль отводилась печатной продукции — от объемных томов публицистики до карикатур и плакатов, где зачастую «образ врага» представал в наиболее наглядном и выразительном виде. Незаменимую роль играла ежедневная и еженедельная пресса, которая постоянно создавала у читателя ощущение сопричастности к великим событиям, происходившим в тот момент. Одновременно предпринимались меры к ограничению и, по возможности, полному пресечению любых источников информации, которая могла бы не только подорвать «единство нации», но хотя бы поставить под сомнение тезисы официальной пропаганды.

¹ Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994. С. 24.

Военная пропаганда во всех странах имела как минимум двух адресатов: во-первых, собственное население каждой страны, которое призывалось к жертвам за правое дело; во-вторых, правительства и общественное мнение нейтральных стран, от которых можно было ожидать той или иной помощи в войне. В последние годы войны все большее значение приобретал и третий адресат — население и вооруженные силы враждебных стран. Объективный фактор «усталости от войны» вполне мог быть использован для ослабления военных усилий противника, углубления социальных и национальных противоречий в его лагере. В данной главе мы, однако, сосредоточимся на «внутренней» пропаганде воюющих стран, поскольку именно она в наибольшей степени отражала «образы врага», которые формировались и поддерживались в каждой из них и которые воплощали индивидуальные особенности националистической идеологии.

В первые недели и месяцы войны в прессе, публичных речах и публицистике, естественно, главное внимание уделялось происхождению войны. Разумеется, виновником всегда объявлялась противоположная сторона. Первыми пропагандистскими документами можно считать официальные манифесты о вступлении каждой страны в войну. Они и сейчас поражают сходством своей фразеологии вне зависимости от того, с какой стороны линии фронта оказалась та или иная держава. Все они писались по одному шаблону: «Наша страна всегда стремилась к миру; враги бросили нам (или нашим ближайшим союзникам) дерзкий вызов; мы не можем остаться безучастными, не утратив своего достоинства великой державы; мы вынуждены взяться за оружие и будем сражаться до полной победы; да поможет нам Бог!»¹ Были, впрочем, и некоторые различия. Россия лишний раз требовала от подданных «забыть все внутренние распри» (призрак революции, очевидно, еще преследовал авторов манифеста). Германия ссылалась на свои экономические успехи и свою мощь, которые вызывали постоянную зависть соседей. В английском манифесте, естественно, присутствовала ссылка на Бельгию. Австрийский император, обращаясь к «моим народам» (именно так — во множественном числе), указывал, что они «в течение всех бурь согласно и верно толпились вокруг моего престола», и призывал их и далее делать то же самое. Французский манифест единственный из всех не содержал ссылки на Бога. Вместо этого солдат к победе должны были вести «свобода и слава, справедливость и любовь».

Первоначально «образ врага» был неотделим от вопроса о причинах и виновниках войны. Сам факт агрессии, по мнению правительств, в достаточной мере характеризовал противника, чтобы оправдать участие их стран в войне. Централизованный аппарат пропаганды в начале войны еще отсутствовал, и правительства пользовались «добровольными» услугами патриотической печати. Так, для разъяснения своей позиции британское правительство ограничилось несколькими публичными выступлениями премьер-министра Г. Асквита (первое и важнейшее из них — 6 августа) и нескольких ключевых министров²,

¹ Блументаль Ф. Указ. соч. С. 34–39.

² Haste C. Keep the Home Fires Burning: Propaganda in the First World War. L., 1977. P. 22–24.

представлявших войну как «моральный крестовый поход» в защиту международного права. Пропаганда методом речей и манифестов была в этот период характерна и для других стран. Особой склонностью к такого рода творчеству отличался русский главнокомандующий — великий князь Николай Николаевич. Вскоре существенную поддержку правительствам в этом деле начали оказывать патриотические общества, множившиеся как грибы после дождя, политические партии, а также отдельные деятели науки, культуры, образования, публиковавшие собственные манифесты. Однако чем дольше продолжались военные действия, тем менее важным для первых двух адресатов пропаганды становился вопрос о виновниках войны. Ключевое значение приобретала «справедливость» борьбы с точки зрения ущерба для «человечества» в случае поражения. Иными словами, главным оправданием войны становился характер врага и, следовательно, опасность его торжества для всех «цивилизованных народов». Именно на этом этапе формируется относительно цельный «образ врага».

Взаимное отчуждение французов и немцев имело уже более чем столетнюю историю. Оно восходило как минимум к Наполеоновским войнам и было дополнено более свежими и острыми воспоминаниями 1870–1871 гг. В России и Великобритании Германия лишь недавно заняла то место врага, которое две державы Согласия традиционно видели друг в друге. Более того, в английском общественном мнении уже успел сложиться вполне положительный образ Германии как страны высочайшей культуры и передовой науки. Теперь этот образ предстояло радикально пересмотреть. В Германии в ходе предвоенного кризиса и в самом начале войны в качестве основного врага воспринималась Россия, якобы готовая обрушить на Германию и всю Европу свои «азиатские орды». Постепенно, однако, акценты стали смещаться в сторону Великобритании: именно коварство Туманного Альбиона преподносилось как едва ли не главная причина мирового конфликта. Хотя основные составляющие «образа врага» были, в общем, одинаковы во всех странах, все же имелись некоторые оттенки, позволяющие говорить об определенной своеобразии этого стереотипа в каждой из них.

Важнейшим, едва ли не главным элементом этого образа была «пропаганда ужасов» (*atrocities*) — сообщения о зверствах вражеских армий по отношению к жителям оккупированных территорий, военнопленным и другим «невинным жертвам», разрушении культурных ценностей. Наиболее преуспела в этом отношении пропаганда стран Антанты при формировании негативного образа немцев. Здесь немаловажное значение имело то обстоятельство, что Германия с начала войны вела боевые действия преимущественно на чужой территории, поэтому ее войска создали достаточно поводов для подобного рода рассказов. Вот перечень наиболее «популярных» сюжетов: вероломное нарушение бельгийского нейтралитета, международную гарантию которого Бетман-Гольвег назвал «клочком бумаги»; казни бельгийских священников за отказ торжественно праздновать германскую оккупацию; разрушение бельгийского города Лувена и расправа над его жителями в конце августа 1914 г.; артиллерийский обстрел

Реймского собора 22 сентября 1914 г.; жестокое обращение с пленными; использование душливых газов на фронте.

Бельгийская тема, по понятным причинам, особенно активно использовалась британской пропагандой. Понимая, что газетные статьи могут не дать должного эффекта, правительство позаботилось о том, чтобы придать публикуемым фактам больший вес. Уже в начале 1915 г. в Великобритании появился официальный доклад комиссии лорда Брайса о зверствах немецких войск в Бельгии¹. Широко популяризировались и отдельные немецкие преступления, такие как расстрел английской медсестры Эдит Кейвелл в октябре 1915 г. (она ухаживала за ранеными пленными в брюссельском госпитале и помогала некоторым из них бежать). В полную силу пропаганда Антанты использовала и «неограниченную подводную войну», которая дважды объявлялась Германией в ответ на британскую морскую блокаду ее берегов. С британских, а позже и с американских плакатов невинные пассажиры гражданских судов, отправленных на дно германскими субмаринами, взывали об отмщении. Результатом кампании стала полная дегуманизация «гуннов», как теперь обычно называли немцев. Наиболее кратко эту мысль выразил Р. Киплинг: «Какие бы разделения мир для себя ни придумывал, в сегодняшнем мире есть только две категории: человеческие существа и немцы».

Одним из результатов этой пропаганды было то, что Германии постоянно приходилось оправдываться, в первую очередь перед общественным мнением нейтральных стран. Самым знаменитым образцом такой оправдательной пропаганды стало обращение «К культурному миру» группы из 93 ученых и писателей Германии, опубликованное 4 октября 1914 г. Каждый абзац этого документа начинался словами «неправда, что...», после которых следовало опровержение очередного тезиса враждебной пропаганды на основании официальной позиции германских властей. Обращение имело эффект, обратный ожидаемому. Оно окончательно стерло в общественном мнении большинства других стран представление о Германии как о стране великой гуманистической культуры, к несчастью оказавшейся под пятой прусских милитаристов. Деятели «великой культуры» открыто встали на сторону «милитаристов», которые, по их же словам, успешно защищали страну как от русского «варварства», так и от разлагающего влияния буржуазной «цивилизации» Запада. После этого немецкая *Kultur* стала ассоциироваться на Западе только с самым диким варварством.

Вопрос о том, какова была доля правды в этой пропаганде, в данном случае вторичен. Известному британскому пацифисту А. Понсонби принадлежит знаменитая фраза: «Когда война объявлена, ее первой жертвой становится правда». В 1928 г. он в специальной монографии подверг уничтожающей критике британскую пропаганду военного времени, разоблачив некоторые наиболее одиозные ее мифы². Он показал, что их сюжеты иногда восходят к войнам Средневековья и воспроизводятся как иллюстрации к «образу врага» едва ли

¹ Report of the Committee on Alleged German Outrages. L., 1915.

² Ponsoby A. Falsehood in War-Time: Propaganda Lies of the First World War. L., 1928.

не при каждом военном конфликте. Наиболее примечательной «уткой» стала история об использовании в Германии человеческих тел в промышленных целях, появившаяся в британской печати в середине апреля 1917 г. и уже через месяц полностью разоблаченная. Тем не менее в большинстве случаев «пропаганда ужасов» была причудливой смесью правды и лжи, разделить которые было крайне сложно. Немцы действительно обстреливали Реймский собор, но его колокольни использовались французами как наблюдательный пункт. Немцы действительно расстреляли Э. Кейвелл, но по законам военного времени помощь в побеге пленных была преступлением, и медсестра об этом прекрасно знала. Французы поступили точно так же с двумя немецкими медсестрами, виновными в аналогичном проступке. Список «полуправд» можно продолжать и дальше. Своей краткосрочной цели «пропаганда ужасов» достигла, создав в странах Антанты состояние устойчивой антинемецкой истерии. Однако в долгосрочном плане она нанесла большой вред: во время Второй мировой войны многие сообщения о зверствах нацистов подвергались сомнению именно ввиду аналогии с пропагандой двадцатилетней давности.

Жестокости союзников Германии также использовались в пропагандистских целях. Подробности массового уничтожения армян в Османской империи европейская общественность впервые узнала из английской подборки документов, опубликованной в 1916 г.¹ Ни Германия, ни Турция в тот момент даже не пытались опровергать эти сведения. Возражать таким публикациям действительно было трудно, и они, в целом, выполнили свою задачу по поддержанию устойчиво негативного образа Центральных держав не только в самих странах Антанты, но и в нейтральных государствах. Однако впоследствии их откровенно пропагандистское использование Антантой дало турецким властям повод для отрицания изложенных в данной подборке фактов и принципиального отказа рассматривать эти события как «геноцид».

Полное обезличивание врага как жестокого варвара или дикого животного вовсе не исключает его персонификации. Если враг объявляется единственным виновником войны, то главная ответственность за ее последствия возлагается либо на носителя верховной власти во враждебном государстве, либо на главнокомандующего его вооруженными силами. Неудивительно, что в британской и русской пропаганде против Германии едва ли не центральное место занимала фигура кайзера Вильгельма II, чьи закрученные кверху усы очень хорошо подходили для создания «дьявольского» образа. На английских карикатурах кайзер то в союзе с дьяволом колдует над «эликсиром ненависти», то награждает Смерть (в виде скелета) крестом «За заслуги», то принимает от той же Смерти поздравление с днем рождения возле мертвых тел женщины с ребенком на фоне дымящегося собора, то в виде средневековой химеры наблюдает за горящим от бомб Парижем. На одном из русских пропагандистских лубков кайзер прямо представлен в виде сатаны и пожалован титулом, которого более ста лет назад удостоился Наполеон: «враг рода человеческого». Во французской

¹ The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916: Documents Presented to Viscount Grey of Fallodon by Viscount Bryce, James Bryce and Arnold Toynbee. L., 1916.

Военная карикатура. «Верден — незабываемая дата в славе кронпринца!»

пропаганде наряду с кайзером «популярностью» пользовался и его сын кронпринц Вильгельм, командовавший крупными соединениями германских войск на Западном фронте, в частности под Верденом. Впрочем, кронпринц чаще изображался в жалком и смехотворном виде. Здесь стоит отметить, что «образ врага» в ходе войны имеет два «лика» — устрашающе-жестокий и комический. Верден был прекрасным поводом изобразить «побитого» противника. Явным перекосом в сторону «комичности» в изображении противника страдала русская пропаганда. Выбор такой линии был громадной ошибкой, поскольку, когда искусственные стереотипы о враге-трусе опровергались самой жизнью, граждане, включая солдат, быстро утрачивали доверие к собственному правительству и исходящей от него информации.

Свой «образ врага» создала и германская пропаганда, причем каждому из многочисленных недругов Германии соответствовал свой стереотип. «Варварская» Россия чаще всего представлялась в виде бородатого казака в огромной меховой шапке (как известно, казаки внушали немцам особую ненависть, их даже не брали в плен). Часто на немецких карикатурах присутствовала долговязая и сутулая фигура великого князя Николая Николаевича. Франция сравнительно редко становилась объектом внимания. Она изображалась как страна культурного и морального упадка, населенная развращенным и трусливым народом. Ее типичный образ — трусливый солдат в неуклюжей красно-синей

[Drawn by S. C. Bailie.]

«Благодаря Вильгельму Кровавому в Европе уже более 5 млн трупов и 7 млн раненых. Что этому человеку сделают победившие народы?» — английская карикатура

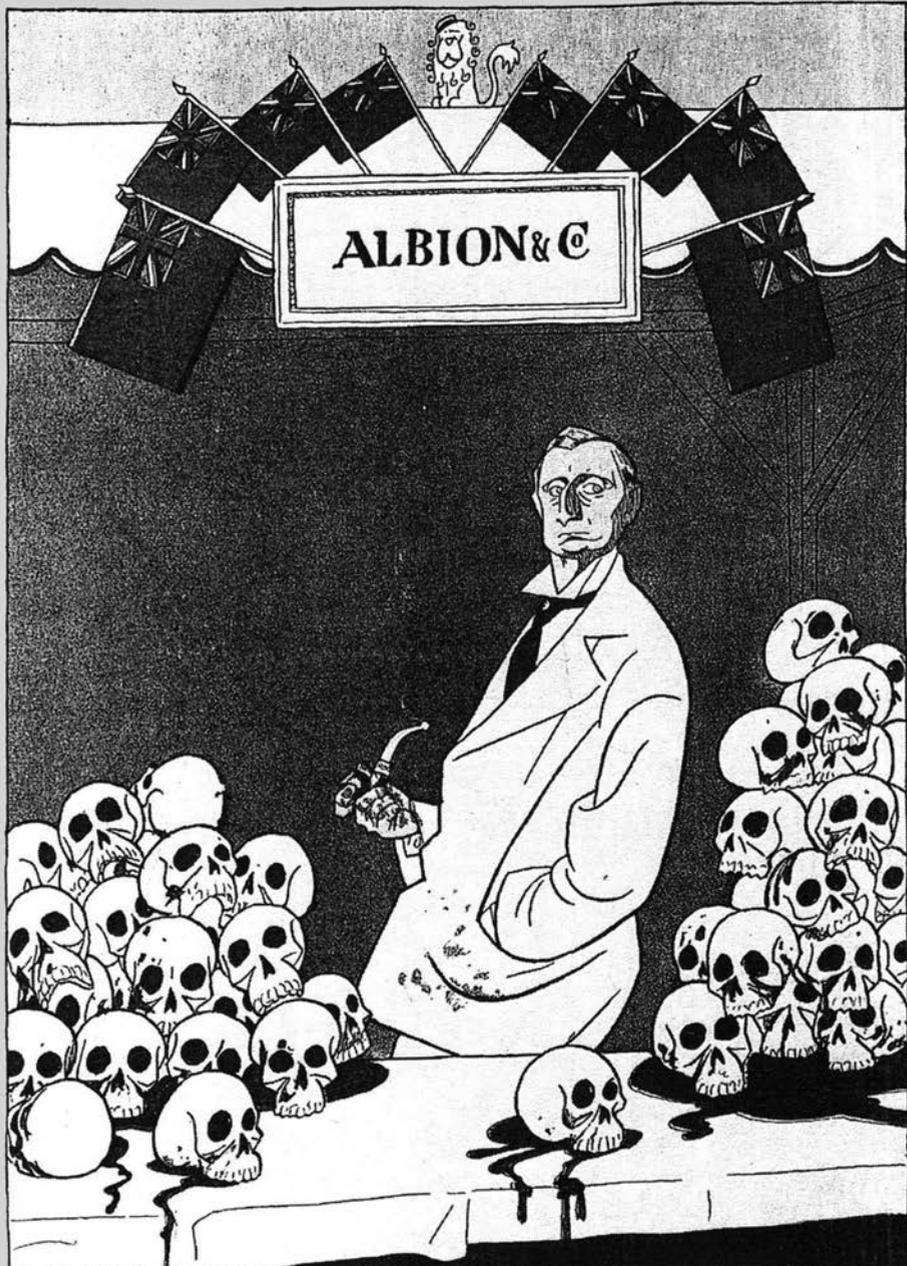
форме времен войны 1870–1871 гг., сдающийся в плен или спасающийся от германского штыка. Однако если французский и русский враги обычно представлялись немецкой пропагандой в комическом облике, то к Великобритании отношение было иным. С момента своего вступления в войну она однозначно воспринималась в Германии как главный враг, с которым не может быть примирения. На создание негативного образа Британии были направлены главные силы как печатной, так и изобразительной пропаганды в Германии¹. Многие немцы даже в общении друг с другом заменили обычные приветствия словами: «Боже, покарай Англию!»

Фундаментальным, можно сказать, архитипическим образом британца в немецком сознании, который усиленно культивировался пропагандой, был образ торговца, лавочника, не знающего иных принципов, кроме погони за прибылью. Название известной книги В. Зомбарта «Торгаши и герои» говорит само за себя. Наиболее распространенными «зооморфными» образами Англии были паук, опутывающий своими сетями всю Европу или даже весь мир, и змея. Чаще всего, однако, Англию изображали как Джона Буля — растолстевшего круглолицего миллионера в смокинге и цилиндре. Персонализацией Туманного Альбиона обычно выступал министр иностранных дел Э. Грей. Одна из самых знаменитых карикатур из журнала «Симплициссимус» изображает Грея как хозяина фирмы «Альбион энд Ко.», стоящего за прилавком, на котором сложены горы окровавленных черепов. Подпись под рисунком от имени Грея гласит: «Война — такой же бизнес, как и всякий другой». В качестве главного мотива, заставившего Великобританию вступить в войну, объявлялась ее зависть к германским успехам в экономическом развитии. В то же время война преподносилась и как конфликт политических принципов: «живая» парламентская система противопоставлялась здоровому германскому консерватизму. Любые призывы к демократизации Германии, исходившие в последние годы войны как из Лондона, так и, в особенности, из Вашингтона, истолковывались как попытки ослабить Германию, подорвать «германскую верность» (*Deutsche Treue*), воспетую в национальном гимне и служившую опорой государства. Немцы хорошо знали о собственном образе, создаваемом англо-французской пропагандой, и пытались его опровергнуть не путем отрицания, а путем разъяснения тех или иных обстоятельств. Так, в ответ на обычное обвинение Германии в отрицании политической свободы германские авторы указывали на принципиальную разницу в понимании самой «свободы». Если в Англии и Франции ценилась свобода человека *от* государства, то в Германии — его свобода *как части* государства. Англичане и французы понимали государство прежде всего как общественный договор, для немцев же оно было живым организмом. Английская философия утилитаризма вела к преклонению перед идолом частного накопления, а для немцев деньги были средством, а не целью; «рабом» человека, а не «хозяином» — и в повседневной жизни, и в политике.

¹ См. подробнее: *Stibbe M. German Anglophobia and the Great War, 1914–1918. Cambridge, 2001.*

Der Hüter des Völkerrechts

Zeichnung von O. Gulbenkian

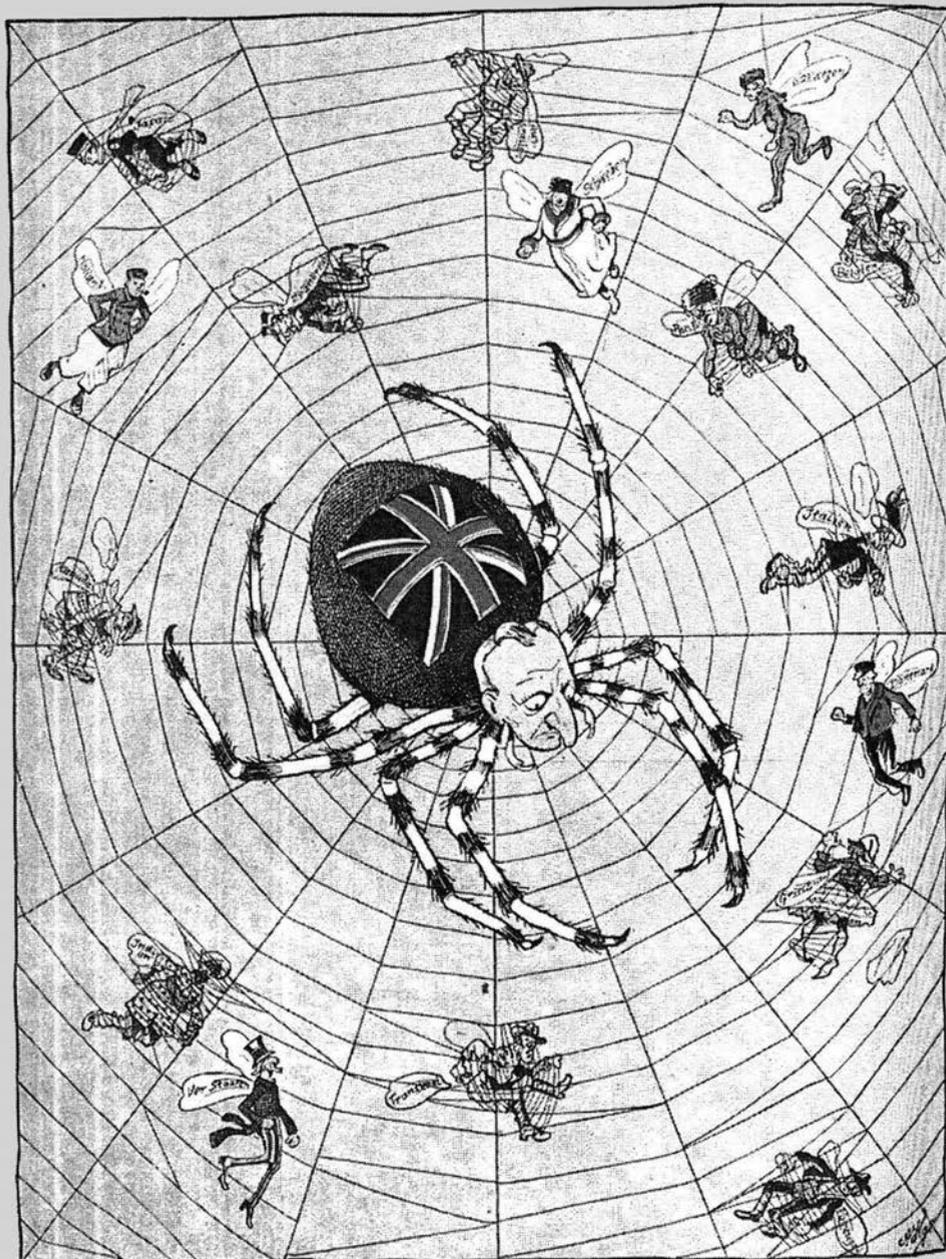
„Der Krieg ist ein Geschäft wie jedes andere!“

«На страже международного права».

Сатирический журнал *Simplicissimus*, 17 августа 1914 г.

(карикатура на британского статс-секретаря по иностранным делам Э. Грея)

Die Weltkreuzspinne.

„Mein Hunger sucht sich Nahrung in der ganzen Welt.
Weh' dem, der voll Vertrauen meinem Netz verfällt!“

Германская пропаганда против стран Антанты с самого начала имела, на наш взгляд, достаточно отчетливый расистский оттенок. Идеи об извечном противостоянии «германизма» и «славянства» звучали в унисон с главными мотивами русской пропаганды, но, разумеется, с обратными знаками. «Латинские» народы (французы, а затем и итальянцы) рассматривались как переживающие упадок, оставившие свой расцвет в далеком прошлом. Однако особенно злобные выпады были направлены против той же Англии. Еще недавно, когда была жива надежда на союз с ней, она считалась «германской сестрой по крови». Теперь же она стала предательницей не только тевтонской, но и вообще белой расы. Если военный союз Англии с Россией вызвал недоумение, то вовлечение в войну против Германии «желтой» Японии вызвало настоящий гнев. Окончательно «расовая чистота» стран Антанты была скомпрометирована после того, как они начали привлекать к военным действиям на Западном фронте колониальные войска из Азии и Африки. Немецкие сатирические журналы разразились потоком расистских карикатур, одна из которых изображала самого Джона Буля в виде негра с металлическим кольцом в носу. В силу обстоятельств «пропаганда ужасов» не имела в Германии столь большого значения, как в странах Антанты. С немецкой точки зрения союз с «желтой» Японией и использование «черных» войск на фронте уже выглядели как крайняя жестокость. Как примеры «азиатского варварства» приводились рассказы о поведении русских войск в Восточной Пруссии и Галиции, смаковалась тема еврейских погромов в России.

Для более интеллектуально взыскательной публики германские профессора выпустили довольно много объемистых трудов, в которых объяснялись «глубинные» причины германского участия в войне, раскрывались достоинства немецкого национального характера (только немцы могут сочетать индивидуальную свободу со стремлением к возвышенным общим целям) и разъяснялась данная самим Богом организаторская миссия Германии в мире.

Одним из неизбежных последствий разгула националистических страстей стал невиданный всплеск шпиономании и репрессии, обрушившиеся на головы «враждебных иностранцев» (*enemy aliens*), волею судьбы оказавшихся в августе 1914 г. на территории страны — противника своей родины, а где-то и на дальних потомков выходцев из враждебных стран. Стихийные погромы сменились целенаправленной кампанией дискриминации и ненависти. В отношении «враждебных иностранцев» фактически отменялась презумпция невиновности, все они объявлялись потенциальными шпионами и диверсантами, которых следовало изолировать. Великобритания показала прямо-таки классический пример подобной кампании, но и в других странах события развивались по аналогичному сценарию. Люди, которых правительства имели действительное основание подозревать в шпионаже, были задержаны уже в первые дни войны (в Великобритании — 220 человек). Однако для «патриотической» публики этого было недостаточно. Одним из проявлений «патрио-

тического подъема» было развитие лихорадочной активности различных патриотических организаций, ассоциаций, новоявленных партий, лиг и пр. В то время как одни отправлялись добровольцами на фронт, другие шли работать в больницы и госпитали для раненых, третьи видели свой долг перед родиной в том, чтобы усиленно отыскивать внутренних врагов. Разумеется, первыми объектами внимания стали люди с иностранными фамилиями или иностранным акцентом. Истерия ксенофобии постоянно разжигалась желтой прессой, издававшей миллионными тиражами (в Англии — «Дейли мейл», «Дейли миррор», «Дейли экспресс», «Джон Буль»). Одной из ключевых фигур в этой кампании был газетный магнат лорд Нортклифф, который помимо нескольких низкопробных газет владел и респектабельнейшей «Таймс». Не имея до конца 1917 г. официальных постов, он приобрел большее влияние, чем некоторые министры. Нередко этот представитель «четвертой власти» хотел казаться патриотичнее самого британского правительства, которое поначалу старалось держаться в стороне от этой кампании.

Требования «ультрапатриотов» имели двух адресатов. От правительства требовали «интернировать их всех» — засадить за колючую проволоку всех выходцев из враждебных стран, включая тех, кто уже успел натурализоваться. От общества требовали активного бойкота всего «вражеского». В Англии представители немецкой диаспоры особенно часто становились парикмахерами и официантами. Пользоваться их услугами патриотичные англичане не должны были. От работодателей желтая пресса требовала изгнать работников немецкого и австрийского происхождения, от простых людей — бойкотировать те заведения, которые этого еще не сделали, а также не покупать не только ничего «сделанного в Германии», но и ничего сделанного из германских материалов. Эгоистические мотивы «отечественных производителей», стремившихся избавиться от конкуренции, проявлялись здесь как нельзя более наглядно и не ограничивались военным временем. «Однажды немец — всегда немец!» — гласил популярный лозунг на одном из плакатов, где жгущий и убивающий все и вся «тунн» после войны представлял в образе респектабельного коммивояжера с немецкими товарами. В результате этой кампании тысячи людей, оказавшихся «в ненужное время в ненужном месте», остались без средств к существованию.

Не смогло устоять под натиском истерии и британское правительство. 22 октября 1914 г. министерство внутренних дел распорядилось арестовать всех ненатурализованных немцев, австрийцев и венгров мужского пола в возрасте от 17 до 45 лет¹. Правда, через десять дней аресты пришлось остановить из-за нехватки мест в тюрьмах. Постепенно, однако, создавались обширные лагеря для интернированных, и желтая пресса с нетерпением следила за их пополнением. Российские власти предпочли нанести «враждебным элементам» экономический удар. В 1915 г. были приняты законы, обязывавшие многочисленных немецких колонистов в западных и южных районах страны, а также на Кавказе продавать свои земли Крестьянскому заемному банку, который расплачивался

¹ Haste C. Op. cit. P. 118.

с ними не живыми деньгами, а собственными долгосрочными облигациями. После этого колонисты выслались во внутренние районы страны. Примечательно, что законы не касались крупных помещиков немецкого происхождения, в том числе прибалтийских «баронов»¹. Часть земель колонистов, живших в России со времен Екатерины II, предполагалось после войны раздать русским крестьянам. По мнению правых политиков, такая подачка должна была отвлечь их внимание от помещичьих земель. В том же году были национализированы все коммерческие и производственные предприятия, принадлежавшие «враждебным» иностранцам. Проведение этих мер в жизнь вызвало хозяйственную дезорганизацию в соответствующих регионах и весьма способствовало перебоям с продовольствием (колонисты производили значительную часть товарного хлеба). Однако «патриотическую» публику это нисколько не смущало.

Кампания ксенофобии не проходила и мимо «верхов» общества. Британскому Королевскому обществу (Академии наук) с трудом удалось избежать «охоты на ведьм» в своих рядах, сопротивляясь постоянному давлению прессы и некоторых собственных членов². Настоящей травле подвергся первый лорд британского адмиралтейства принц Луис Баттенберг, семья которого давно обосновалась в Англии (принц был старшим братом бывшего болгарского князя Александра, свергнутого в 1886 г.). Желтая пресса все неудачи английского флота связывала с германским происхождением Баттенберга. В конце концов принц был вынужден уйти в отставку, предварительно сменив фамилию на Маунтбаттен и отказавшись от всех германских титулов (он приходится дедом супругу нынешней королевы Елизаветы II — герцогу Эдинбургскому Филиппу). Надо сказать, что в Германии произошла сходная ситуация. Эрнст Август, потомок британских королей из Ганноверской династии, герцог Брауншвейгский и Кумберлендский, женатый на сестре вдовствующей британской королевы, официально отказался от второго (британского) титула. То же самое сделал и двоюродный брат короля Георга V Карл Эдуард, герцог Саксен-Кобургский, до 1918 г. носивший британский титул герцога Олбани. Аналогичным образом вели себя многие известные ученые, отказываясь от наград и почетных званий, полученных до войны во «враждебных» странах. Наконец, хрестоматийным фактом является переименование британской Саксен-Кобург-Готской династии в Виндзорскую в 1914 г., так же как и переименование русской столицы в Петроград. В России, правда, не было столь явной травли генералов и адмиралов с немецкими фамилиями, коих было достаточно много.

Патриотический подъем не мог быть не только вечным, но и просто долговременным. Его поколебали уже первые потери, превзошедшие по масштабам все войны прошлых лет. Со временем затягивание войны, огромные челове-

¹ *Rempel D.G.* The Expropriation of German colonists in South Russia during Great War // *Journal of Modern History*. 1932. Vol. 4. No. 1.

² *Badash W.* British and American views of the German Menace in World War I // *Notes and Records of the Royal Society of London*. 1979. Vol. 34. No. 1.

ские жертвы и экономические трудности повсеместно подвергли серьезному испытанию «священное единение». К концу войны оно нигде уже не было таким прочным, как в ее начале. «Усталость от войны» стала отчетливо проявляться уже в 1916 г. Вскоре стала очевидной необходимость «ремобилизации» общества на продолжение борьбы. Определенные усилия в этом направлении предпринимались везде, но успех был неодинаков. В тех странах, где существовали налаженные механизмы взаимодействия власти и общества, правительства до конца войны могли не опасаться «удара в спину» со стороны радикальной оппозиции (Великобритания, Франция). Там же, где устаревшие монархические принципы препятствовали такому диалогу, политические системы не выдержали испытания войной (Россия, Австро-Венгрия, Германия). Приступая к «ремобилизации», правящие круги уже не надеялись в полной мере возродить патриотический подъем 1914 г. Требовалось лишь убедить и заставить общество, невзирая на потери и лишения, «напрячь все силы» для последнего рывка к победе и нейтрализовать все более набравшее силу глухое, а иногда и открытое недовольство, вызванное «усталостью от войны». Для этого необходимо было найти новые политические средства и организационные формы, не испробованные раньше. В частности, для внутренней пропаганды требовалась бóльшая централизация и бóльшая координация усилий между правительством и его «добровольными» помощниками из разного рода патриотических организаций. В идеале необходим был единый координационный центр всей патриотической агитации, но при этом он должен был сохранять видимость «инициативы снизу», чтобы не дискредитировать себя слишком откровенной зависимостью от правительства.

Во Франции такой организацией стал Союз больших ассоциаций против вражеской пропаганды (UGACPE), созданный в марте 1917 г. Его основной движущей силой была Лига образования, действовавшая с ноября 1916 г. Сопредседателями UGACPE стали Поль Дешанель, председатель палаты депутатов французского Национального собрания, и историк Эрнест Лависс. На торжественном учредительном собрании Союза в Сорбонне присутствовали президент республики Р. Пуанкаре, премьер-министр Рибо и правительство в полном составе. Собрание было оформлено как «национальная присяга» о продолжении войны до победы. В Великобритании аналогичным органом стал Национальный комитет по военным целям (NWAC), торжественно учрежденный 4 августа 1917 г., в третью годовщину вступления Великобритании в войну¹. При его создании присутствовали лорд-мэр Лондона, архиепископ Кентерберийский и сам премьер-министр Д. Ллойд Джордж, который выступил с речью о недопустимости и безусловной вредности «преждевременного» мира.

Практическая деятельность обеих организаций была сходна: митинги, публикации, лекции, киносеансы. Во Франции особое внимание уделялось пропаганде в школах, поскольку система начального и среднего образования вообще

¹ О деятельности этих организаций см. подробнее: *Horne J. Remobilizing for "total war": France and Britain, 1917–1918 // State, Society and Mobilization in Europe During the First World War. Cambridge, 1997. P. 195–211.*

была одной из фундаментальных основ Третьей республики. Обе организации были широко представлены «на местах»: французский Союз — через обширную сеть добровольных патриотических организаций (как новых, так и возникших до войны), британский Комитет — через местные отделения Либеральной и Консервативной партий, которые с ним активно сотрудничали. Связь обеих организаций с правительствами была очевидной и весьма прочной, хотя и не официальной. NWAC с октября 1917 г. стал получать регулярные государственные субсидии, а UGACPE с самого начала работал в тесной взаимосвязи с парижским «Домом прессы» — официальным органом информации, пропаганды и цензуры, действовавшим с 1916 г. С мая 1918 г. работу Союза курировал генеральный комиссар пропаганды, назначенный лично премьер-министром. Он же отвечал за финансирование организации, но формально UGACPE сохранял полную автономию.

Идеи, которые пропагандировали обе организации, несли в себе мало нового. Усиленно насаждался уже сложившийся «образ врага» (германское наступление весной 1918 г. дало для этого ряд новых сюжетов). Военно-политические цели Германии преподносились как исключительно захватнические (Брестский мир служил тому подтверждением). Усиленно развеивалась надежда (высказанная, например, Ленсдауном и лейбористами), что в Германии могут прийти к власти умеренные силы, с которыми можно было бы заключить компромиссный мир по соглашению. Таковых сил, по утверждению пропаганды, просто не было, ибо даже германская социал-демократия стала преданным слугой кайзера. В самых темных красках описывались перспективы жизни в случае германской победы. Во Франции, разумеется, огромное внимание уделялось Эльзас-Лотарингии, возвращение которой было безусловным требованием и не могло быть предметом переговоров. В Великобритании пропаганда опиралась на военно-политические цели, провозглашенные Д. Ллойд Джорджем 5 января 1918 г. в выступлении перед представителями тред-юнионов в Кэжстон-холле.

Оценить успешность французской и британской «ремобилизации» не просто. В конце концов обе державы вышли из войны победителями, так что усилия не пропали даром. Массовые пропагандистские мероприятия привлекали довольно широкую аудиторию, но, как отмечали сами пропагандисты, эта аудитория всегда была одна и та же. В отчетах самих пропагандистских организаций ставилась задача «дойти» до тех категорий населения, которые еще не были затронуты их усилиями, но испытывали на себе все тяготы войны, не понимая ее целей (крестьяне, женщины, отчасти рабочие и т.п.). В Великобритании NWAC также должен был вести конкурентную борьбу с пацифистской пропагандой (во Франции этим занималась полиция). Так или иначе, используя как убеждение, так и принуждение, правительствам двух держав Антанты удалось до конца войны сохранить если не «священное единение», то хотя бы общее убеждение в недопустимости революционного взрыва в разгар войны.

В Германии попытка «ремобилизации» общества приняла иную форму. В августе 1917 г. с подачи военного командования была создана «Партия отече-

ства» (Vaterlandspartei), призванная пропагандировать не просто войну до победы, но и самые обширные территориальные захваты. Свои идеи она напрямую заимствовала из арсенала Пангерманского союза. Взлет партии был стремительным: ее численность быстро достигла 1,25 миллиона человек. Но столь же стремительным было и падение. Намередаясь объединить людей всех политических взглядов, кроме социал-демократов, «Партия отечества» так и не достигла внутреннего единства. Ее митинги превращались в уличные дискуссии, иногда переходившие в потасовки, и вскоре прерывались; в глазах общества она была не более чем инструментом правительства для продолжения войны. Уже в начале 1918 г. Vaterlandspartei прекратила свою деятельность, правительство же сделало ставку исключительно на полицейские методы национальной консолидации. Общество ответило пассивным сопротивлением, отказываясь покупать облигации военных займов¹. Поскольку военное командование всеми силами старалось держать его в неведении относительно неудач на фронте, известия о реальном положении дел осенью 1918 г. не могли не спровоцировать революцию.

«Ремобилизационные» усилия западных правительств во многом были вызваны негативным опытом России, который ни одно из них не хотело повторить. В Российской империи к концу 1916 г. общая «усталость от войны» накапливалась так же, как и в других странах. Но здесь она накладывалась на неэффективность государственного аппарата, министерскую чехарду, некомпетентность значительной части военного руководства (А.А. Брусилов был скорее исключением, чем правилом), полный провал материального обеспечения тыла (особенно столиц), общее падение авторитета власти, не говоря уже о печально знаменитой «распутинщине». Чтобы выстоять, Россия нуждалась в собственном варианте «ремобилизации» с привлечением самых широких общественных сил, но у властей для этого не было ни желания, ни возможностей.

В нашу задачу не входит рассмотрение причин Февральской революции. Отметим лишь, что модное в наше время утверждение о «предательстве» государя императора *всеми*, включая генералов и ближайшее окружение, следует, на наш взгляд, преподнести иначе: *такой* государь император был в России *никому* (в том числе генералам и ближайшему окружению) не нужен. Он рассматривался как главная помеха для успешного продолжения войны даже самыми рьяными монархистами. Однако сохранить монархию, пожертвовав царем, тоже было нереально. «Хрен редьки не слаще!» — кричали на улицах охваченного революцией Петрограда при известии о возможной передаче престола брату царя Михаилу, и трехсотлетняя монархия Романовых ушла в историю.

Временное правительство, объявив о «войне до победного конца» и вместе с тем об отказе от «аннексий и контрибуций», по сути, пыталось провести «ремобилизацию» страны для «революционной» и «оборонительной» войны с прежним врагом. Правда, делалось это неосознанно, скорее методом импро-

¹ Bessel R. Mobilization and demobilization in Germany, 1916–1919 // State, Society and Mobilization... P. 215–217.

визаций. Этой цели служили патриотические манифестации под красными флагами, поездки членов правительства по фронту, выступления с речами, формирование «ударных» и даже женских батальонов. Однако люди, всю свою политическую карьеру находившиеся в оппозиции, были абсолютно не готовы к свалившейся на них власти. Неудивительно, что попытка революционной «ремобилизации» провалилась. Внедрение «демократических» принципов в армии летом 1917 г. обернулось катастрофой на фронте. Власть ускользала из рук правительства. О готовности принять ее заявили генералы во главе с Корниловым и большевики во главе с Лениным. Попытка первых не удалась, вторые были гораздо более успешны.

Все усилия «внутренней» пропаганды во время войны были направлены на обеспечение надежности тыла, в то время как наиболее дееспособная и активная часть общества находилась в траншеях. О влиянии националистических идей на фронтовых солдат говорить трудно. Они были меньше подвержены пропаганде, лучше чувствовали ее фальшь, а враг для них не был абстрактным образом, поскольку находился рядом, по ту сторону проволочных заграждений.

Отношение к врагу было разным. Была и жгучая ненависть (например, у некоторых немцев к англичанам), было и уважение к его боевым качествам («крепко немец дерется»), было и презрение, и своеобразный прагматизм («если не ты его, то он тебя»), и сочувствие к людям другой национальности, не по своей воле оказавшимся в противоположных окопах. Яркое свидетельство последнего — знаменитое рождественское перемирие 1914 г., а также братания на некоторых фронтах. «Моральный дух» каждой из армий напрямую зависел от понимания солдатами причин и целей войны (хотя бы в официальной трактовке), степени убежденности в необходимости победы и неприемлемости поражения. Вместе с тем долгое пребывание в окопах с ежедневным риском для жизни, сочетание военной дисциплины с презрением к «гражданским» законам в отношении чужой жизни, собственности и т.п. серьезно меняли психологию фронтовиков. Пока шла война, фронт и тыл существовали в относительной информационной изоляции друг от друга, которая обеспечивалась жесткой цензурой в прессе и перлюстрацией писем (эта изоляция была прорвана только в России после февраля 1917 г., что имело хорошо известные последствия). Настроения солдат в окопах волновали, главным образом, их начальников, а не политическое руководство каждой из стран. Однако война, вырвав из обычной жизни огромные массы людей и отправив их в экстремальные условия фронта, неизбежно ставила проблему их будущей реинтеграции в мирную жизнь, которая уже не могла быть такой же, как до августа 1914 г. Фронтной опыт с его обостренным чувством справедливости и ответственности, «черно-белым» восприятием мира резко контрастировал с правилами и принципами «гражданской» жизни, особенно с политической практикой. Возвращение фронтовиков неизбежно становилось серьезным вызовом для политической системы каждой страны, на который еще только предстояло дать адекватный ответ.

§ 2. Война и принцип национального самоопределения: путь к разрушению империй

К моменту начала Первой мировой войны принцип национального самоопределения, или, как тогда говорили, «принцип национальностей», имел уже длительную, не менее чем вековую историю. Под его знаменем велась борьба с Наполеоном, его исповедовали и проповедовали революционеры 1830-х и 1840-х гг., он придал неповторимое своеобразие большинству европейских революций 1848 г. Специфические варианты его толкования были использованы во внешней политике Наполеона III и Бисмарка, все большее значение он приобретал не только для внутренней, но и для внешней политики России, Австро-Венгрии, Османской империи, именно на нем был замешен порох в балканском «пороховом погребе Европы».

Несмотря на это великие державы, начиная войну в августе 1914 г., вовсе не пытались истолковать свои задачи в терминах «национального самоопределения». Война повсеместно начиналась под лозунгами защиты собственной территориальной целостности и великодержавного статуса (в Великобритании — еще и защиты «попранного международного права»). Однако в исторической перспективе Первая мировая война стала поистине «звездным часом» этого принципа. К концу войны принцип самоопределения представлялся, наряду с Лигой Наций, уже краеугольным камнем будущей международной системы.

Все правительства с самого начала были хорошо осведомлены о «слабых местах» на этнической карте противника. Они не могли удержаться от соблазна использовать этот фактор в своих интересах, в то же время принимая меры предосторожности против «этнического оружия» в руках врага¹. Еще в период июльского кризиса Вильгельм II писал на полях дипломатических донесений о необходимости разослать германских агентов в мусульманские владения Британской империи, чтобы поднять их население на восстание против метрополии. Великий князь Николай Николаевич, едва вступив во главе русских войск в Восточную Галицию, издал прокламацию о будущем воссоединении «Галицкой Руси» с Российской империей². Впрочем, габсбургское правительство здесь нанесло упреждающий удар: в первые недели войны в приграничных районах прокатилась волна массовых казней и арестов «русифилов». Одновременно в Западной Галиции формировались польские национальные отряды, которые с началом войны должны были вторгнуться на земли «русской» Польши и поднять там восстание против царской власти. Эта затея, правда, полностью провалилась³. «Национальная» карта использовалась и на других фронтах. Офицеры

¹ Термин «этническое оружие», разумеется, является метафорой. Применительно к периоду «Великой войны» впервые он был использован А.В. Ревякиным. См.: *Ревякин А.В.* «Этническое оружие» Антанты: Союзное командование и военнопленные противника в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Страницы истории. Черновцы, 1994.

² *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 15.

³ До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 288–289.

французской армии, недолгое время занимавшей в 1914 г. Южный Эльзас, сами проводили в местных школах уроки французского языка, надеясь пробудить «французское» самосознание жителей. После восстановления германского контроля над «имперскими провинциями» германизация там стала проводиться в усиленном режиме. В Бельгии германские оккупационные власти практически сразу установили контакт с некоторыми лидерами фламандского движения. Наконец, правительство Османской империи вскоре после вступления в войну, используя положение султана как халифа всех мусульман, объявило странам Антанты джихад, рассчитывая на соответствующую реакцию мусульманских подданных враждебных держав. В то же время невиданные по жестокости расправы с армянским, а затем и с ассирийским населением азиатских вилайетов турецкое правительство оправдывало склонностью христианских народов к «предательству» — сотрудничеству с наступавшей русской армией.

Однако все эти действия носили в известной степени стихийный характер и преследовали очевидную цель — максимально ослабить тыл противника и укрепить свой собственный. Пока существовала надежда на скорое окончание войны, не было осознанной необходимости в систематическом применении «этнического» и конфессионального оружия: считалось, что военные цели будут достигнуты более традиционными способами. По мере затягивания войны военным и политическим руководством воюющих стран стала осознаваться потребность не просто провоцировать этническую и конфессиональную напряженность в тылу врага, но и в известной мере контролировать и направлять ее. Разумеется, державы были в разной степени уязвимы в этом плане. Франция и Великобритания практически не имели серьезных национальных проблем в метрополиях (правда, за спиной Великобритании была вечно неспокойная Ирландия). Германия имела национальные меньшинства только на своих окраинах (поляки в Познани, датчане в Шлезвиге; французы, точнее, франкофоны — в Эльзас-Лотарингии). Эти группы не могли создать серьезных проблем для Берлина. Наибольшей уязвимостью отличались три многонациональные империи — Российская, Австро-Венгерская и Османская, оказавшиеся теперь по разные стороны линии фронта.

По мере затягивания войны становилась все более очевидной недостаточность исключительно пропагандистских усилий для подрыва тыла противника. Перед правительствами воюющих стран встало несколько взаимосвязанных задач: привлечение на свою сторону части населения враждебных стран из числа «подчиненных национальностей» и национальных меньшинств; выявление приемлемых «контрагентов» среди политических деятелей этих национальных групп, определение условий сотрудничества с ними и, соответственно, послевоенного статуса соответствующих территорий. Последняя задача была тесно связана с проблемой формулирования общих военных целей каждой из сторон, которая сама по себе была достаточно сложна и вызывала серьезные противоречия как на межправительственном уровне внутри коалиций, так и в узком кругу руководящих политиков и военных в каждой стране. Ни одна из воюющих держав в ходе войны так и не выработала четкой линии своей «на-

циональной» политики в тылу врага. Однако многочисленные паллиативные решения, принимаемые по принципу *ad hoc*, в сумме складывались в весьма пеструю и противоречивую, но все же достаточно полную картину.

В условиях военного времени национальный вопрос выступал в двух основных формах — как *сепаратизм* и *ирредентизм*. Если первый предполагал отделение какой-либо территории с целью создания нового государства, то целью второго был переход какой-либо территории от этнически чуждого ей государства к этнически родственному. При этом практически всегда речь шла о пожеланиях довольно абстрактного «большинства» населения, поскольку четкие этнические границы отсутствовали, и на спорных территориях обычно наблюдалась национальная чересполосица. В ходе войны политика держав в каждом из этих случаев имела свою специфику.

Ирредентистские требования уже в XIX в. были частью «национальной идеи» во многих странах. В условиях сорокалетнего «вооруженного мира» они не трансформировались в прямые политические требования, но постоянно присутствовали в прессе, публицистике, парламентских выступлениях и особо секретных меморандумах государственных деятелей. Их осуществление было отложено до подходящего момента, и именно таким случаем стала мировая война. Ирредентизм был свойственен как «великим», так и «малым» державам. Французское требование Эльзас-Лотарингии было по своему характеру ирредентистским. Италия была родиной самого слова *irredenta* — ее взоры были устремлены прежде всего на Южный Тироль, Триест и города Далматинского побережья с заметным итальянским населением. В Османской империи после прихода к власти младотурок практически официальной идеологией стал пантюркизм, а большинство потенциальных «братьев по крови» жило тогда в пределах России. В самой Российской империи со времен Н.Я. Данилевского было сильно сочувствие к «русинам» северо-восточных земель Австро-Венгрии. Кроме того, собственные «братья по крови» за пределами своих государственных границ имелись у Болгарии, Греции, Румынии, Сербии и даже новорожденной Албании.

После того как в 1914 г. враждующие коалиции в «первоначальном» составе не смогли одержать быстрой победы, они занялись поиском союзников, чьи армии могли бы склонить чашу весов в нужную сторону. Этот поиск предполагал предварительное согласование с ними условий, в первую очередь территориальных. Разумеется, прежде всего речь заходила о «неприсоединенных» национальных землях. Их границы в ходе переговоров обычно бессовестно расширялись за пределы всех мыслимых этнических ареалов, на помощь приходили экономические, стратегические или даже исторические документы. Как правило, вступление новой страны в войну сопровождалось соглашением с союзниками о ее будущих территориальных приобретениях. Оно могло быть закреплено в формальном договоре (как в случае с Италией и Румынией) или быть негласным «джентльменским соглашением» (как в случае с Грецией). Лидеры великих держав хорошо понимали, какие проблемы они себе создают на будущее, но долгосрочные соображения всегда перевешивались сиюминутны-

ми планами. В результате руководители средних и малых стран оказывались в уникальной для себя ситуации: они могли оказывать реальное давление на «сильных мира сего». И все же, будучи вынужденными поддерживать ирредентистские требования своих новых и старых союзников, правительства действовали на привычном дипломатическом поле: их партнерами по переговорам были премьер-министры и главы внешнеполитических ведомств признанных и суверенных государств. Иная картина складывалась, когда вместо ирредентизма приходилось иметь дело с сепаратизмом, то есть с народами, которым только еще предстояло стать полноправными субъектами международных отношений.

Поиск союзников в тылу врага был для правительств делом одновременно и простым и сложным. Почти сразу же объявились группы политических эмигрантов из враждебных стран, предлагавшие правительствам свои услуги. Но «идеальный» контрагент должен был совмещать в себе практически взаимоисключающие качества: быть достаточно сильным, чтобы располагать серьезным *независимым* влиянием у себя на родине, и в то же время достаточно слабым, чтобы в критический момент не выйти из-под контроля и не создать для данной державы больше проблем, чем он помог решить. Иными словами, национальные лидеры в этой ситуации не могли быть ни простыми марионетками (в этом случае их помощь была бы бесполезна), ни подлинными союзниками, преследующими в первую очередь собственные интересы. Они были чем-то средним. В каждом конкретном случае они играли роль, более или менее приближенную к одному из этих двух полюсов, но никогда не достигая их.

Массовое привлечение на свою сторону граждан враждебных стран было новым явлением в международных отношениях. Оно, в частности, порождало и ряд чисто правовых проблем. Легионер или повстанец, сражающийся вместе с «вражеской» армией против формально все еще «своего» правительства, для одной стороны мог быть ценным союзником и борцом за свободу, но для другой он оставался только предателем. Соответственно, законы и обычаи войны, которые и так то и дело нарушались, в этих случаях не действовали вовсе. Попав в руки противника, такой человек не считался военнопленным, он был изменником. Соответственно, русские власти без долгих разговоров расстреливали польских легионеров, австро-венгерские — чешских и словацких солдат, а турецкие — арабских повстанцев. Чтобы придать этой новой практике хотя бы видимость законности, правительства должны были как-то оформить свои отношения с национальными лидерами. Это могло быть сделано или в форме признания за их организациями некоторого официального статуса, или в форме создания на «освобожденной» вражеской территории нового квазине-зависимого государства. В ходе войны применялись оба метода. Однако правительства при этом должны были помнить, что любая война заканчивается миром, а столь бесцеремонное вмешательство во внутренние дела противника крайне затрудняло любое компромиссное урегулирование с ним. Соответственно, вместо того чтобы приблизить благоприятный исход войны, оно еще более отдаляло его.

Определенный «национальный» оттенок был присущ этой войне с самого начала. Торжественные декларации воюющих стран о верности союзническим обязательствам и незаключении сепаратного мира негласно предполагали взаимную поддержку военных целей друг друга, в том числе и тех, которые были окрашены в «национальные» тона (все та же Эльзас-Лотарингия, например). Более того, Германия уже в 1914 г. заключила с Османской империей секретный договор, который гарантировал последней воссоединение с «мусульманами, живущими в Российской империи». Активная вербовка союзников в 1915–1916 гг. заставила правительства великих держав, в особенности Антанты, более глубоко втянуться в хитросплетения восточноевропейской (и особенно балканской) политики с ее запутанным клубком национальных противоречий. Из существующих здесь государств два — Сербия и Черногория — уже сражались на стороне Антанты, причем Сербия в знаменитой Нишской декларации от 7 декабря 1914 г. открыто заявила о своих военных целях — присоединении югославянских земель Австро-Венгрии¹. Сербия, наряду с Бельгией, представлялась одной из невинных жертв этой войны, и открыто игнорировать ее интересы союзники не могли. В то же время Италия, которую Антанта любой ценой старалась втянуть в войну, претендовала на часть этих самых югославянских земель — Истрию и Далмацию. Другая часть (Банат) была желанной для Румынии, которая зарилась также на Буковину и Трансильванию и на которую тоже возлагались некоторые надежды. Наконец, Болгария за свои услуги (даже в форме нейтралитета) требовала бóльшую часть уже принадлежавшей Сербии и Греции Македонии, надеясь таким образом достичь реванша за поражение 1913 г. После долгих уговоров сербский премьер-министр Н. Пашич согласился на пересмотр границ в Македонии лишь после войны, когда Сербия вступит во владение югославянскими землями Габсбургов². Не дождавшись ответа, Болгария сделала ставку на Центральные державы, что обернулось катастрофой сначала для Сербии, а в перспективе и для самой Болгарии. Румыния в ходе переговоров сумела добиться исполнения всех своих требований, в том числе и в отношении Баната. Однако ее крайне неудачные действия на полях сражений в дальнейшем позволили Антанте отказаться от этого соглашения. Предпринимались также попытки втянуть в войну Грецию: ей обещали «воссоединение» с греческим населением побережья Малой Азии, в особенности Смирны. Но «прогерманская» позиция короля Константина делала эти попытки безуспешными. В 1917 г. для вовлечения Греции в войну потребовался государственный переворот.

Из всех секретных документов военного времени к числу самых одиозных принадлежит Лондонский договор от 26 апреля 1915 г. Действительно, его несоответствие «принципу национальностей» прямо-таки бросается в глаза.

¹ На путях к Югославии: Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997. С. 343, 350–351.

² Там же. С. 354–357.

Причем речь идет не о полудегендарных странах Ближнего Востока, где произвол европейцев можно было списать на «неразвитость» местного населения, а о землях почти в центре Европы. Помимо Южного Тироля и Триеста итальянцам передавалось почти все восточное побережье Адриатики с обширным хинтерландом и множеством островов¹. Для живших здесь южных славян (в основном хорватов) перспектива оказаться под властью Италии была гораздо хуже сохранения статус-кво — ставшей привычной за целое столетие власти Габсбургов. В историографии утвердилось мнение, что Лондонский договор был «смертным приговором» Австро-Венгерской империи. В случае его реализации Дунайская монархия не могла бы продолжить свое существование². Однако сами авторы договора так не считали. Для Великобритании и Франции главным врагом была Германия. В 1914 г. австрийского посла в Лондоне графа Менсдорфа британские дипломаты провожали домой с большим сожалением и надеждой на скорую встречу. Хотя Австро-Венгрия фактически выступила инициатором начала конфликта, в Лондоне и Париже войну с ней рассматривали как результат досадного стечения обстоятельств. Сохранение в центре Европы обширного многонационального государства представлялось весьма желательным, но при одном условии — разрыва его союза с Германией. С другой стороны, было очевидно, что война многократно усилила этот союз — и чем дальше, тем больше монархия Габсбургов попадала в зависимость от северного соседа. Все это объясняло постоянные колебания, крайнюю непоследовательность и неопределенность позиции держав Согласия относительно будущего Австро-Венгрии. В правящих кругах были и сильные сторонники ее сохранения, и апологеты ее расчленения и, соответственно, поддержки национальных движений. Британское руководство давно заигрывало с чешскими, югославянскими и польскими эмигрантами из Австро-Венгрии. В столицах стран Антанты действовали многочисленные эмигрантские организации выходцев с «национальных окраин» Дунайской монархии. Правительства Антанты пользовались их услугами для получения разведывательной информации, пропаганды и вербовки добровольцев из числа ненатурализованных иммигрантов в США, однако воздерживались от любых заявлений о поддержке их национальных устремлений. Такая позиция во многом объяснялась необходимостью не обострять отношения с союзной Италией, которая крайне настороженно относилась к национальным требованиям не только южных славян (что вполне объяснимо), но и чехов со словаками, поскольку боялась создать прецедент. Тем не менее, когда страны Антанты в январе 1917 г. впервые обнародовали общую декларацию о целях войны (в ответ на запрос президента США В. Вильсона), там прямо говорилось об «освобождении» итальянцев, румын, чехов и словаков от «инострannого господства»³.

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 40–43.

² См., например: Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 438.

³ Международная политика... Ч. 2. С. 62.

Из числа стран Тройственного соглашения наиболее «уязвимой» в национальном отношении, несомненно, была Россия. Против нее и были направлены главные усилия врагов. Еще весной 1916 г. на германские деньги в Женеве была создана Лига инородцев России, объединявшая выходцев со всех национальных окраин империи — из Финляндии, Польши, Прибалтики, Украины, Закавказья и Средней Азии. Задачи организации были чисто пропагандистскими — создание в нейтральных странах, и в особенности в США, негативного образа России как «тюрьмы народов». В июне 1916 г. она провела в Лозанне Конференцию малых народов Европы, делегатам которой даже дорожные расходы негласно оплатила немецкая сторона¹. Деятельность Лиги продолжалась до самого конца войны, но она явно не оправдала вложенных в нее средств. В конечном итоге, лучшей пропагандой могли стать только конкретные политические действия.

Из всех политических вопросов Восточной Европы самым сложным был, безусловно, польский. Долгое время он связывал трех европейских императоров своеобразной «круговой порукой». Россия, Германия и Австро-Венгрия имели в своем составе значительные польские территории и не были заинтересованы в том, чтобы какая-либо из них стала рассадником польского национализма: проиграть от этого могли все. Но когда через польские земли прошел фронт мировой войны, для обеих коалиций использование «польской карты» стало чрезвычайно привлекательным. В Лондоне и в Париже активно действовали польские эмигрантские организации, добиваясь поддержки западных правительств, однако те хранили молчание, считая польский вопрос делом России². Петроград же ограничился лишь декларацией, что в будущем польские земли объединятся под скипетром Романовых. Даже если забыть на время, что многие поляки добровольно сражались на стороне Центральных держав (легионы Пилсудского), можно сказать, что и «антантофильская» часть польского общества была расколота. В среде польских эмигрантов, в отличие, например, от чешских, не было единства, и разные их «фракции» остро соперничали между собой за благосклонность великих держав. Так, правая часть польской эмиграции, представленная «национальными демократами» во главе с Р. Дмовским, не желала иметь ничего общего с левыми польскими политиками (А. Залеский и др.). Между тем в 1915 г. германское наступление передало в руки Центральных держав всю «русскую» Польшу, а в конце 1916 г. они, вопреки нормам международного права, объявили о создании на оккупированных землях «суверенного» польского государства. Эта инициатива преследовала сразу несколько целей: обеспечить пополнение тающим силам Центральных держав за счет «союзной» польской армии, гарантировать сохранение Польши в орбите своего влияния после войны, выбить из рук Антанты «национальную» карту, представив свою войну против России как «освободительную». Польское го-

¹ См. подробнее: Новикова И.Н. Роль немецкой дипломатии в создании «Лиги инородцев России» (1916–1918 гг.) // Международные отношения в новое и новейшее время: Материалы международной научной конференции, посв. памяти К.Б. Виноградова. СПб., 2005. С. 276–279.

² Calder K.J. Britain and the Origins of the New Europe. 1914–1918. Cambridge, 1974. P. 23–26.

сударство было «монархией без монарха»: его формально возглавлял регентский совет, имевший, правда, лишь совещательные функции при германских оккупационных властях. Следует отметить, что между Берлином и Веной сразу возникло довольно острое соперничество за влияние в Польше. На стороне Австро-Венгрии была ее католическая религия и более лояльное отношение поляков. На стороне Германии — военная сила, на которой держались усилия всей центральной коалиции на всех фронтах. Обе империи имели своих претендентов на вакантный польский престол. К тому же Центральные державы так и не смогли найти в Польше достаточно надежных и влиятельных контрагентов. Заседавший в Бельведерском дворце Варшавы регентский совет был не более чем германской марионеткой.

Справедливости ради следует отметить, что в ходе войны это был не первый случай «преждевременного» отторжения вражеской территории путем создания нового государства. В далекой Аравии за несколько месяцев до этого, в июне 1916 г., было провозглашено независимое Арабское королевство на территории вокруг «святых мест» ислама — Мекки и Медины, ранее входивших в состав Османской империи (провинция Хиджаз). Королевство немедленно объявило войну Османской империи и стало центром широкомасштабного арабского восстания против турецкой власти. Этому событию предшествовало полтора года напряженной дипломатической и разведывательной работы. Британский верховный комиссар в Египте Г. Мак-Магон с июня 1915 г. вел интенсивную переписку с наследственным шерифом (защитником) Мекки Хусейном аль-Хашими, который в итоге и стал королем нового государства. Условия сотрудничества между Великобританией и Хиджазом так и не были конкретизированы, и каждая сторона понимала их по-своему. Хусейн рассчитывал встать во главе обширного арабского государства, которое включало бы всю почти Аравию (кроме Адена), Месопотамию, Палестину и Сирию. Англичане же стремились ограничить его амбиции собственно Хиджазом, а остальные земли либо поставить под свой прямой контроль, либо создать там отдельные зависимые от себя государства, возможно даже во главе с кем-то из сыновей Хусейна¹. Они также должны были учитывать претензии Франции на часть арабских территорий (Сирию и Ливан). Следует сказать, что переписка Хусейна и Мак-Магона велась одновременно с выработкой секретного англо-французского соглашения о будущем разделе азиатских владений Османской империи, которое было окончательно оформлено весной 1916 г. (соглашение Сайкса-Пико).

Итак, обе коалиции уже в 1916 г. пошли на прямое нарушение территориальной целостности своих противников, используя лозунги национального самоопределения. В обоих случаях такие действия преследовали скорее сию-

¹ Наследником хиджазского престола был старший сын Хусейна — Али. Второй сын, Абдалла, до самого конца войны безуспешно осаждал Медину, где засел турецкий гарнизон. Впоследствии Абдалла стал королем Трансиордании. Третий сын, Фейсал, фактически возглавил арабское восстание, начавшееся в 1916 г. В 1918–1920 гг. он возглавлял самопровозглашенное правительство Сирии, а в 1921-м при помощи англичан стал королем Ирака.

минутные, чем долгосрочные цели и для каждой из коалиций были, в общем-то, изолированными эпизодами. Ситуация резко изменилась в последние два года войны, когда «самоопределение» превратилось в серьезное идеологическое оружие, рассчитанное на массовое применение. В этот период былая осторожность в национальном вопросе уступила место смелым экспериментам и импровизации. Рубеж 1916–1917 г. ознаменовался несколькими событиями чрезвычайной важности: приходом к власти в Великобритании правительства Д. Ллойд Джорджа, падением самодержавия в России и, наконец, вступлением в войну США. Каждое из этих событий имело важные последствия для всего хода войны, и в частности для национального вопроса.

Вскоре после своего формирования правительство Ллойд Джорджа столкнулось с необходимостью более или менее точно обозначить свои цели в войне. 12 декабря 1916 г. германское правительство обратилось к своим врагам с предложением начать переговоры о мире. Через восемь дней В. Вильсон предложил воюющим сторонам обозначить свои цели в войне. Если германское предложение можно было проигнорировать, справедливо указав на то, что оно было попыткой продиктовать мир с позиции силы (Берлин всячески превозносил свои успехи и не раскрывал своих условий), то запрос Вильсона требовал большего внимания хотя бы из пропагандистских соображений. Результатом стала уже упоминавшаяся декларация Антанты от 10 января 1917 г., в которой достаточно прозрачно выдвигалось требование «освобождения» подчиненных народов Османской и Австро-Венгерской империй. Впрочем, ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Петрограде никто не считал себя ни в малейшей степени «связанным» содержанием этого документа. Тем не менее декларация вселила надежду в круги политэмигрантов из Восточной Европы и Турции, а также в их многочисленных друзей в европейских столицах — и в то же время вызвала разочарование у пацифистов и других сторонников «мира по соглашению», поскольку достичь заявленных целей без полного разгрома Центральных держав было невозможно.

Февральская революция в России была встречена на Западе с осторожным оптимизмом. Исчезал один из главных козырей германской и пацифистской пропаганды. Западные демократии больше не были союзниками одиозного царского режима, а Антанта теперь окончательно превратилась в коалицию «свободных стран». Вместе с тем серьезные опасения уже тогда вызывало влияние революции на боеспособность русской армии. Кроме того, революция несла с собой и серьезный идеологический вызов. В России все более популярным становился лозунг «мира без аннексий и контрибуций», который после отставки П.Н. Милюкова с поста главы МИД в мае 1917 г. стал официальной внешнеполитической доктриной Временного правительства. В то же время на национальных окраинах России (Финляндия, Украина, Закавказье) стали формироваться местные центры власти. От их взаимоотношений с Петроградом во многом зависело будущее крупнейшей из стран Антанты. Иными словами, принцип самоопределения начал реализовываться в России стихийно, «явочным порядком». Результаты этого процесса оставались крайне неопределенными.

Потенциальное ослабление России могло быть компенсировано вступлением в войну США, которое официально состоялось 6 апреля 1917 г. И хотя между формальной декларацией и реальным участием заокеанской державы в военных действиях неизбежно должно было пройти достаточно длительное время (американцы фактически не имели тогда современной боеспособной армии), огромные экономические возможности США создавали для Антанты неоспоримое преимущество. Однако теперь Лондону, Парижу и Риму неизбежно приходилось учитывать цели и интересы нового союзника, которые зачастую были отличны от их собственных. США изначально не стремились ни к аннексиям, ни к контрибуциям. Вашингтон преследовал цель привести свой политический вес в мире в соответствие со своей экономической мощью иными средствами. Однако «бескорыстие» Америки стало излюбленным мотивом ее пропаганды и, стоит признать, вызывало больше доверия, чем «бескорыстие», например, Великобритании. «Идеализм» президента Вильсона часто противопоставлялся «аннексионизму» европейских лидеров. Вильсон также пользовался славой поборника принципа самоопределения, хотя первоначально оснований для этого было немного. Объявляя войну Германии, он, в частности, говорил в конгрессе: «...мы рады бороться за окончательный мир во всем мире и за освобождение народов, включая и германский народ, за права больших и малых стран, за право людей везде и всюду избирать свой путь в жизни»¹. Эти слова мало отличались от заявлений Г. Асквита образца 1914 г., но при желании их можно было истолковать и в духе «самоопределения».

В последующие месяцы 1917 г. ход войны развивался под воздействием революционных событий в России. Оно было весьма многосторонним и не только прямым, но и косвенным. Так, одним из следствий событий в России и США было то, что Париж и Лондон обратили внимание на действовавшее во всех западных странах сионистское движение. Как известно, целью этого движения было своеобразно понятое «самоопределение» еврейского народа путем его «возвращения» на «историческую родину» — в Палестину. Лидеры сионистов с начала войны «осаждали» британских и французских политиков своими проектами, но те не удостоивали их внимания. В 1917 г. ситуация изменилась. В Европе было хорошо известно о большом влиянии еврейского лобби в США. До сих пор оно работало скорее против Антанты: сказывалась «погромная» репутация русского самодержавия. После его падения представилась возможность «переманить» это лобби на сторону Антанты, чтобы обеспечить его содействие в вопросе о формах и масштабах участия США в войне. Не меньшее значение имело и то обстоятельство, что среди лидеров русских революционных партий было немало людей еврейского происхождения. Лидеры сионистов (в основном тоже выходцы из России) убеждали европейских руководителей в том, что публичная поддержка их программы обеспечит Антанте большее сочувствие

¹ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война: Документы и материалы. М., 2002. С. 444.

со стороны новых властей России¹. В какой-то момент Париж и Лондон поддались этой (безусловно, ошибочной) иллюзии. 4 июня 1917 г. постоянный секретарь французского МИД Ж. Камбон в ответ на настоятельные просьбы Н. Соколова, одного из сионистских лидеров, поставил свою подпись под весьма расплывчатой декларацией о сочувствии Франции «возрождению еврейской национальности». Тем временем в Лондоне не покладая рук трудился наиболее видный сионистский лидер Х. Вейцман. После долгих усилий ему удалось добиться опубликования 2 ноября знаменитой «Декларации Бальфура», обещавшей британское содействие в создании в Палестине еврейского «национального очага». Так под воздействием в общем-то сиюминутных соображений была заложена одна из самых опасных политических «мин замедленного действия», которая со временем сделала проблему национального самоопределения на Ближнем Востоке практически неразрешимой.

Прогрессирующая недееспособность российского Временного правительства закономерно вела к тяжелым поражениям на фронтах и растущей поляризации политических сил. Не удавалось наладить диалог и с национальными окраинами. Демократические принципы правительства вступали в противоречие с его стремлением к сохранению территориальной целостности страны. Была выражена только готовность признать независимость Финляндии и Польши, и то лишь на определенных условиях. Отношения с национальными лидерами Украины и Закавказья, добивавшимися тогда автономии, наладить не удалось. Кроме того, правительство не могло дать ответ на самые актуальные вопросы — о земле и мире. После подавления правого корниловского мятежа политический маятник качнулся влево, что создало условия для захвата власти крайне левой фракцией социал-демократов — большевиками. Новая власть поставила вопрос об изменении не только политического строя России, но и всего миропорядка, включая и систему международных отношений.

В политических декларациях большевиков принцип национального самоопределения выступал в своей наиболее радикальной форме — самоопределение вплоть до отделения и образования собственного государства. Спорные вопросы предполагалось решать путем референдума. Теоретически это относилось ко всем землям и странам, независимо от их политической принадлежности, географического расположения и уровня социально-экономического развития. Однако большевики никак не конкретизировали данный принцип применительно к насущным вопросам международной политики. На практике они признавали только один вид самоопределения — в форме создания советских социалистических республик. С существованием «буржуазных» правительств на «самоопределившихся» территориях они в лучшем случае временно мирились под давлением обстоятельств. В дальнейшем ими не было проведено ни одного референдума по территориальным вопросам. Но зимой 1917–1918 гг. реальная политика большевиков делала лишь первые шаги, а

¹ Bovis H.E. The Jerusalem Question, 1917–1968. Stanford (CA), 1971. P. 5; Kimche J. The Unromantics: The Great Powers and the Balfour Declaration. L., 1968. P. 26–30; Laurens H. La question de Palestine. T. 1: L'invention de la Terre Sainte. P., 1999. P. 329–330, 346–347.

пропагандистское воздействие провозглашенных ими лозунгов было очень велико. К тому же на общественное мнение всех стран шокирующее впечатление произвела публикация в Советской России тайных договоров стран Антанты. Пропаганда Центральных держав не замедлила воспользоваться этой публикацией для «разоблачения» коварного Альбиона.

Открывшиеся в Брест-Литовске мирные переговоры поставили страны Антанты в весьма щекотливое положение не только в военном, но и в политическом плане. Первоначально они не рассматривались советской стороной как сепаратные: все воюющие страны приглашались к ним присоединиться. «Демократические принципы», на которых предполагалось вести переговоры, были еще раз сформулированы советской делегацией на первом пленарном заседании конференции в Брест-Литовске 22 декабря (отказ от аннексий и контрибуций, признание неограниченного права наций на самоопределение)¹. 25 декабря последовал официальный ответ Центральных держав за подписью австро-венгерского министра иностранных дел графа О. Чернина. За всю войну это был единственный документ, в котором так или иначе официально формулировался подход Центральных держав к мирному урегулированию. Чернин формально признавал эти принципы, но толковал их так, что они оказывались выгодны исключительно Центральным державам. В частности, принцип национального самоопределения трактовался крайне узко. Признавалось лишь право на «политическую независимость» тех стран, которые потеряли ее в ходе войны. Самоопределение подчиненных национальностей внутри существующих государств могло быть гарантировано только самими этими государствами в соответствии со своей конституцией. То же относилось и к защите национальных меньшинств. К колониям этот принцип объявлялся совершенно неприменимым, причем Германия требовала безусловного возвращения всех своих колоний, захваченных Антантой в ходе войны. Но и эти относительно «либеральные» принципы сохраняли силу только в том случае, если бы к переговорам присоединились остальные страны Антанты².

Оба брест-литовских документа (советский и австро-венгерский) были подвергнуты в Лондоне тщательному анализу. Оба они оказались совершенно неприемлемы. К тому же правительства Антанты считали невозможным для себя вести на этом этапе переговоры о мире. Текущая военно-политическая ситуация создавала явные преимущества для Германии и ее союзников. Официальный отказ союзников России от участия в переговорах сделал эти переговоры сепаратными. Однако необходимость заново сформулировать свои военные цели была достаточно ясно осознана прежде всего в Лондоне и Вашингтоне. В результате появились две публичные декларации — речь Д. Ллойд Джорджа перед представителями тред-юнионов в Кэкстон-холле 5 января 1918 г. и

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. С. 102.

² Statement of Count Czernin at Brest-Litovsk of the Terms on which the Central Powers were Willing to Conclude a General Peace. December 25, 1917 // Official Statements of War Aims and Peace Proposals, December 1916 to November 1918. Washington, 1921. P. 221.

знаменитые «Четырнадцать пунктов» В. Вильсона, изложенные в послании к конгрессу от 8 января.

Провозглашенные 5 января военные цели Великобритании были тщательно выверенным политическим документом. По своему «духу» он вполне соответствовал первоначальному идеологическому обоснованию войны как борьбы за восстановление попранного международного права и более того — за утверждение принципа национального самоопределения. Но с точки зрения «буквы» документ был составлен таким образом, что вполне мог «вместить» в себя весьма прозаические цели британских правящих кругов относительно «вражеских» владений в Африке, Азии и Океании и вместе с тем оставлял достаточную свободу маневра ввиду неопределенности военной ситуации. Так, например, когда готовилась британская декларация, как никогда ранее была сильна надежда на сепаратный мир с Веной. В Швейцарии шли тайные переговоры по этому поводу, вскоре, правда, провалившиеся. Великобритания в этой ситуации не могла заявлять об открытой поддержке национальных движений Дунайской монархии, но и полностью отмежеваться от них англичане тоже не могли. Ллойд Джордж облек британские пожелания по этому поводу в довольно обтекаемую формулировку: «Раздел Австро-Венгрии не является нашей военной целью. Мы думаем все же, что тем нациям, которые так долго этого добивались, будет гарантировано подлинное самоуправление на истинно демократических принципах, без чего нельзя надеяться на удаление из этой части Европы поводов к волнениям, так долго угрожавшим европейскому миру». Очевидно, Ллойд Джордж здесь признавал национальный вопрос внутренним делом Австро-Венгрии и лишь высказывал ей некоторые благие пожелания. На лидеров славянской эмиграции эти слова произвели очень тяжелое впечатление¹. В отношении Османской империи позиция была более определенной: за Турцией сохранялись Константинополь и Восточная Фракия, но Армения, Аравия, Месопотамия, Сирия и Палестина должны были быть отторгнуты. Об их дальнейшей судьбе премьер-министр, однако, предпочел не высказываться².

«Четырнадцать пунктов» Вильсона также не отличались определенностью. Сам принцип самоопределения наций нигде не был сформулирован Вильсоном обобщенно, «в чистом виде». Он лишь следовал как общий вывод из отдельных пунктов его программы, посвященных разным вопросам: колониям (п. 5), России (п. 6), Италии (п. 9), Австро-Венгрии (п. 10), Османской империи (п. 12), Польше (п. 13). В каждом случае конкретная формулировка была особой, что позволяло трактовать эти положения весьма гибко. Ближе всего к четкому определению «национального» принципа Вильсон приблизился позже, когда 11 февраля 1918 г. говорил в конгрессе, что «народы и области не должны быть предметом размена и торга между государями, как скот и пешки в шахматной игре» (второй из «четырёх принципов мирного урегулирования»). Но и здесь лишь указывалось, как *нельзя* решать территориальные вопросы, и ни-

¹ Calder K.J. Op. cit. P. 126.

² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 5. М., 1936. С. 56–60.

чего не говорилось о том, как их *следует* решать. Существует мнение, что обращение Вильсона к «принципу национального самоопределения» было вызвано желанием вырвать этот «козырь» из рук большевиков. Возможно, такой мотив у Вильсона первоначально и присутствовал. Но, как показывает даже беглый взгляд на историю национальных движений этого периода, влияние большевистских идей на них было невелико. Впоследствии, формулируя свои задачи, национальные лидеры всех мастей ссылались на Вильсона, а не на Ленина.

Вопрос о том, как понимал «самоопределение» сам Вильсон, достаточно сложен. На эту тему он высказывался много и всякий раз — далеко не однозначно. Так, весьма радикально прозвучало его заявление в Лиге по поддержанию мира 27 мая 1916 г.: «Каждый народ имеет право выбирать государство, властью которого он будет жить». Русский посол Ю.П. Бахметьев охарактеризовал эти слова как «любительский промах». С другой стороны, объявляя войну Австро-Венгрии 4 декабря 1917 г., Вильсон ясно заявил о нежелании ослаблять или переустраивать нового врага¹. Очевидно, президент слабо представлял себе этнополитическую ситуацию в Центральной и Юго-Восточной Европе, а также на Ближнем Востоке. По мнению некоторых исследователей, Вильсон вкладывал в понятие «самоопределения» не тот смысл, который имели в виду представители «заинтересованных» стран и народов. Для президента он не предполагал воплощения старого принципа Дж. Мадзини — «каждой нации — свое государство, не более одного государства для каждой нации». Скорее, для Вильсона этот принцип по своему значению приближался к принципу «согласия управляемых», заложенному еще в Декларации независимости США. В историографии также отмечается различие самого понимания «нации» в англосаксонских странах и в странах к востоку от Рейна. В первом случае она выступает как совокупность свободных индивидов, живущих в одном государстве. Соответственно, интересы нации — это сумма интересов ее граждан. Во втором случае нация понимается как единый организм, который вырастает из определенной почвы, затем живет, растет, стареет и умирает. Потребности (интересы) этого организма изначально заданы, и интересы отдельных людей полностью им подчиняются². Можно спорить о том, насколько правильна такая интерпретация, однако вряд ли можно сомневаться, что не только американцы, но и англичане часто смотрели на феномен этнического национализма как на странное, почти экзотическое явление, свойственное народам европейского континента. Сам Вильсон, по-видимому, понимал неизбежность конфликтов на национальной почве в будущей Европе, но ему достаточно эффективным механизмом их разрешения представлялась Лига Наций.

¹ Романов В.В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского Государственного университета. 2008. № 4 (1). С. 32; Kernek S. J. Woodrow Wilson and National Self-Determination along Italy's Frontier // Proceedings of the American Philosophical Society. 1982. Vol. 126. No. 4. P. 245.

² См., например: Романов В.В. Указ. соч. С. 31; Whelan A. Wilsonian Self-determination and the Versailles Settlement // The International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43. No. 1. P. 100; Lynch A. Woodrow Wilson and the Principle of "National Self-Determination": A Reconsideration // Review of International Studies. 2002. Vol. 28. No. 2. P. 424–425.

Как известно, президент был горячим сторонником ее создания. Концепция самоопределения как «согласия управляемых» могла предполагать самый широкий спектр практических воплощений — от гарантии культурных и языковых прав меньшинств до создания полностью суверенного государства. Однако державы континентальной Европы крайне настороженно относились к самой идее самоопределения. Поэтому не приходится удивляться, что после выступлений Ллойд Джорджа и Вильсона со стороны лидеров Италии и Франции не последовало никаких заявлений о военных целях их стран.

Пока страны Антанты искали адекватные формулировки для своего понимания принципа самоопределения, Центральные державы получили возможность наглядно продемонстрировать свое видение этого принципа на практике. Большевистская Россия оказалась единственной страной, которая объявила о готовности применить этот принцип к своим собственным территориям. Ее партнеры по Брест-Литовским переговорам не преминули этим воспользоваться. Формально они отказались от прямой аннексии западных территорий России и пошли по другому пути — создания там зависимых правительств, которые «самоопределялись» в пользу тесного сотрудничества с Берлином и Веней¹. Призрачное польское государство существовало уже больше года. Германия также довольно быстро установила дружественные отношения с правительством Финляндии и помогла ему подавить у себя революционные выступления. Наиболее ценным «союзником» оказалась украинская Центральная рада, провозгласившая 24 января полную независимость своей страны: договор с ней был подписан 9 февраля — почти на месяц раньше, чем с Россией. Как известно, он предполагал полную оккупацию украинской территории войсками Германии и Австро-Венгрии и практически неограниченное использование ресурсов страны в интересах этих держав. В ходе Брест-Литовских переговоров Германия пыталась представить как «самоопределение» прогерманские решения местных органов власти уже оккупированных областей (например, ландтага Курляндии), однако советская делегация отказывалась их признавать. Срыв переговоров привел к широкомасштабному германскому наступлению, которому Советская Россия ничего не могла противопоставить. Подписанный 3 марта Брестский мир закреплял отказ России от территорий, занятых германскими войсками в ходе этого наступления (Прибалтика и Белоруссия), но их будущий статус определен не был. Начавшееся одновременно с немецким турецкое наступление в Закавказье в начале мая привело к распаду недолговечного Закавказского сейма — местного осколка Всероссийского учредительного собрания, который несколько месяцев пытался играть роль самостоятельного органа власти. Из трех возникших при этом «независимых» республик одна (Грузия) немедленно попала под протекторат Германии, вторая (Азербайджан) — под протекторат Турции, третья (Армения) смогла сохранить призрачное существование только ценой заключения тяжелейшего мирного договора с той же Турцией — заклятым врагом армянского народа. К лету 1918 г. система

¹ Fischer F. Germany's Aims at the First World War. N.Y., 1967. P. 460–472, 487–501.

буферных государств на границах России от Баренцева до Каспийского моря вполне сложилась. Их «независимый» статус не мог обмануть абсолютно никого, но именно эти государственные образования послужили прообразами ряда будущих государств, существующих на карте мира и в наши дни. Жесткий стиль германского руководства в отношениях с новоиспеченными «союзниками» создавал трудности в подборе надежных «контрагентов». Лидеры новорожденных государств, включая украинского гетмана П.Г. Скоропадского, собственным населением рассматривались лишь как немецкие марионетки. Необходимость поддержания таких правительств с помощью немецких штыков заставляла держать большое количество этих «штыков» вдали от решающих сражений на Западном фронте.

Между тем политические шаги стран Антанты в эти месяцы, пожалуй, больше, чем когда-либо, определялись ходом сражений, и прежде всего германским наступлением. Несколько волн этого наступления в какой-то момент поставили под сомнение саму возможность благоприятного для западных держав исхода войны. Лишь в середине августа наметился перелом, однако его значение было осознано не сразу. Худшего удалось избежать, но даже по самым оптимистичным прогнозам победы можно было ожидать не ранее 1919 г. При этом была очевидна и главная слабость Германии — ее союзники. Берлин стоял во главе «коалиции калек»: Австро-Венгрия, Турция, Болгария находились в неизмеримо худшем положении, чем сама Германия. Их армии все более утрачивали боеспособность, а их экономика страдала не только от обычных военных трудностей и последствий экономической блокады, но и от почти неприкрытого грабежа со стороны германского союзника. Внутреннее разложение этих стран могло сослужить Антанте не меньшую службу, чем годом ранее сослужил ее врагам крах Российской империи. Главные усилия были в этой связи сосредоточены на Австро-Венгрии.

Вскоре было резко расширено сотрудничество стран Антанты с представителями чешской, польской и югославянской политической эмиграции. Последовали многообещающие для них заявления. 3 июня 1918 г. Высший военный совет в Версале принял резолюцию, что «создание объединенной и независимой Польши со свободным доступом к морю составляет одно из условий прочного и справедливого мира, а также верховенства права в Европе». Нетрудно заметить, что конкретных обязательств данная декларация не содержала. Это весьма разочаровало Р. Дмовского, которому к тому времени после долгой борьбы удалось добиться, чтобы официальный Лондон сделал ставку именно на возглавляемый им Польский национальный комитет, а не на соперников из «левого» лагеря польской эмиграции¹. Хотя между официальными лицами стран Антанты и Польским национальным комитетом поддерживались активные контакты, этот комитет не удостоился даже статуса «доверителя» будущего польского правительства.

¹ См. подробнее: *Calder K.J.* Op. cit. P. 145–174.

Чехам и словакам удалось добиться гораздо большего. В заявлении военного совета выражалось удовлетворение недавними заявлениями американского госдепартамента о его «сочувствии» национальным устремлениям чехословацкого и югославских народов¹. 9 августа Чехословацкий национальный совет во главе с Т.Г. Масариком был признан британским внешнеполитическим ведомством как «доверитель (*trustee*) правительства будущего Чехословацкого государства». Сам автор этой формулировки, У. Сид, не смог объяснить ее точный смысл чешскому политику Э. Бенешу, но заверил, что она «сделает для него его дело»². Чехословацкий комитет был для Лондона весьма ценным союзником. К тому времени он уже имел свои вооруженные силы на территории Франции, Италии и России, причем именно действия Чехословацкого корпуса в Сибири вновь пробудили надежду на возрождение Восточного фронта.

Более осторожной была позиция лидеров Антанты в отношении южных славян. Знаменитая впоследствии совместная Корфская декларация Югославянского комитета во главе с хорватом А. Трумбичем и главы сербского правительства Н. Пашича (речь шла о создании в будущем единого государства под скипетром Карагеоргиевичей) прошла для Лондона, Парижа и Вашингтона как будто незамеченной. Это, впрочем, объяснялось особой предупредительностью по отношению к Италии, которая крайне настороженно воспринимала национальные движения южных славян, предвидя будущие территориальные споры на Адриатике. Английская и французская дипломатия, понимая щекотливость положения, уже неофициально указывала итальянцам на вопиющее несоответствие Лондонского договора принципам национального самоопределения. Однако глава итальянского МИД барон Соннино твердо стоял на позициях «священного эгоизма»: Италия не будет отказываться от своих территориальных претензий, пока Англия и Франция не отказываются от своих (в Азии и Африке). Тем не менее даже Италия не брезговала «этническим оружием». Как раз в это время в Риме прошел Конгресс угнетенных национальностей. Его участники не сомневались в необходимости уничтожить империю Габсбургов, но деликатно обошли молчанием вопрос о дальнейшей судьбе ее владений. Следует отметить, что в случае с чехами странам Антанты исключительно повезло с «контрагентами». Т.Г. Масарик и Э. Бенеш обладали несомненным авторитетом как в эмиграции, так и у себя на родине. Этого нельзя сказать о поляках: в Лондоне и Париже разные фракции польской эмиграции постоянно враждовали между собой.

Вопрос о военных целях Великобритании, и в частности о ее отношении к национальным проблемам, стал предметом обсуждения в Имперском военном кабинете с 13 по 15 августа — спустя всего несколько дней после «переломной» победы британского оружия под Амьеном. Свои взгляды по просьбе Ллойд Джорджа изложил глава Форин оффис А.Дж. Бальфур. Любой аспект этих целей порождал трудноразрешимые проблемы, но все же Бальфур предложил

¹ Calder K.J. Op. cit. P. 196–197.

² Hanak H. The Government, the Foreign Office and Austria-Hungary: 1914–1918 // The Slavonic and East European Review. 1969. Vol. 47. No. 108. P. 193–194.

свой вариант их решения. Великобритания должна была с уважением относиться к военным целям Франции и Италии в Европе (Эльзас-Лотарингия и Адриатика), так как с первой она была связана «моральными обязательствами», а со второй — договором 1915 г. Альтернативы разрушению Австро-Венгрии не существовало, поскольку она могла продолжать свое бытие только как сателлит Германии. Движение славянских областей за отделение было объективным и неизбежным фактором, а чисто германо-мадьярское государство выжить не могло. Венгрия стала бы самостоятельной, а австрийские немцы объединились бы с Германией. Последнее обстоятельство не могло не настораживать, но это было меньшим злом, чем предоставление в полное распоряжение Берлина всего населения Дунайской монархии. При определении новых границ несовпадение исторических границ и природных рубежей с этническим расселением порождало огромную проблему (Бальфур, в частности, упомянул о богемских немцах), поэтому в отдельных случаях приходилось «выбросить этнологию на ветер». Выход к морю для будущей Польши без расчленения германских территорий возможен был только как «экономический» — через объявление полной свободы судоходства на Висле. Государства, образовавшиеся вдоль западных границ России (от Финляндии до Украины), должны были либо получить подлинную независимость (то есть не зависеть от Германии), либо быть связанными с Россией в рамках некой федерации. Брестский договор, следовательно, должен был быть разрушен. На Балканах следовало стремиться к выходу Болгарии из войны, даже если для этого пришлось бы оказать давление на Сербию и Грецию в плане территориальных уступок¹. Дальнейшая дискуссия во многом «ушла в сторону»: больше всего говорилось о германских колониях — об их возвращении не могло быть и речи, но вместе с тем их открытая аннексия Британской империей явно не соответствовала «духу времени». Программа Бальфура относительно Центральной Европы возражений не вызвала и, следовательно, может рассматриваться как общее мнение британского кабинета на тот момент. Впрочем, никакого итогового документа по результатам дискуссии принято не было, что вполне понятно: слишком многое еще зависело от изменчивого военного счастья.

В этот момент вновь стала актуальной проблема будущего азиатских владений Османской империи. Как известно, именно они были главным объектом раздела в тайных соглашениях 1915–1917 гг. Их публикация советским правительством поставила Антанту, и особенно Великобританию, в крайне щекотливое положение, прежде всего по отношению к арабам. Ведь она вела войну против Турции в союзе с династией Хашимитов, которая рассчитывала на создание обширного арабского государства. На будущую победу Антанты ориентировались тогда и арабские националисты, штаб-квартирой которых был Каир. Помимо соглашения Сайкса–Пико серьезную озабоченность у арабов вызвала и «Декларация Бальфура», несмотря на ее подчеркнута неопределенный характер. В то же время ситуация, сложившаяся к 1918 г., по мнению ан-

¹ NA. CAB. 23/43. Imperial War Cabinet. 30. Shorthand notes of a meeting. 13/08/1918. P. 142–147.

гличан, давала возможность избавиться от соглашения 1916 г. По словам самого М. Сайкса, «всякая идея о контроле без согласия управляемых должна быть теперь оставлена». Следовало при любой возможности делать упор на сотрудничество с эмиром Фейсалом и подтвердить приверженность этому курсу с помощью публичной декларации¹. Однако ожидать в этом деле сотрудничества от Франции вряд ли приходилось. Там публикация соглашения 1916 г. вызвала своеобразный эффект. Колониальные круги и связанная с ними пресса стали рассматривать его как непреложную «программу-минимум» французской экспансии на Востоке и не считали нужным принимать во внимание «особые отношения» англичан с арабами. Одним словом, назревал очевидный «конфликт интересов» среди союзников Лондона. К этой проблеме англичане подошли вполне традиционно — путем поиска многозначительных и обтекаемых формулировок.

Летом 1918 г., в разгар британского наступления против Турции, группа из 7 арабских националистов, действовавших в Каире, запросила британское правительство о его намерениях в отношении арабских частей бывшей Османской империи. Официальный ответ из Лондона последовал 16 июня 1918 г. Он стал известен как «Декларация для Семи». Британское правительство заявляло, что оно готово признать «полную и абсолютную» независимость арабов на тех землях, которые были «независимы» до войны или которые были освобождены самими арабами (фактически это касалось только Аравийского полуострова). В тех же странах, которые были освобождены от турок британскими войсками, «будущее управление должно основываться на принципе согласия управляемых», то есть арабам отводилась лишь совещательная роль в будущем руководстве². Как и «Декларация Бальфура», этот документ был односторонне британским. О Франции даже не упоминалось, что все же не исключало необходимости согласовать с ней позиции. Результатом напряженных переговоров стало англо-французское соглашение от 30 сентября о режиме оккупированных турецких территорий. Оно предусматривало назначение при британском командующем французского «советника», который имел совещательный голос в вопросах, касавшихся управления территориями, представлявшими интерес для Франции. Фактически документ явочным порядком открывал путь для, по крайней мере, частичной реализации соглашения Сайкса–Пико³.

Осенью 1918 г. проблема военных целей стран Антанты, и в частности их отношения к национальным движениям на территории враждебных государств, впервые перешла в практическую плоскость. Неизбежность скорого поражения Четверного союза стала очевидна, но можно сказать, что собственная победа оказалась для привыкшей к неудачам Антанты неожиданностью. События развивались с такой быстротой, что часто не оставляли западным лидерам вре-

¹ Records of Syria: 1918–1973. Vol. 1. Oxford, 2005. P. 122. Minute by M. Sykes. 2/02/1918.

² Zeine N.Z. The Struggle for Arab Independence: Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. Beirut, 1960. P. 23.

³ См. подробнее: Фомин А.М. Война с продолжением: Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010. С. 60–66.

мени для их адекватного осмысления, и многие решения приходилось принимать в крайней спешке. Более того, вдали от Западного фронта, на котором так долго было сконцентрировано внимание министров и генералов, происходили процессы, которые они были не в силах контролировать. В считанные недели Центральная Европа, освободившись из железных германских объятий, стала ареной невиданного доселе «парада суверенитетов». Империя Габсбургов ушла в небытие, пала династия Гогенцоллернов, а турецкий султан, избавившись от опеки авантюристов-младотурок, мечтал лишь о том, чтобы сохранить свой трон под защитой пушек британского флота. Две трети его владений оказались в тылу британских войск. От Балтийского до Средиземного моря образовался огромный «вакуум силы». Для Антанты наихудшим вариантом могло стать его «заполнение» влиянием с Востока — из большевистской России. Предпосылки для этого существовали, если учесть ожесточение народов из-за тягот долгой войны. Не менее опасным было превращение этого огромного региона в хаос «малых войн», порожденных территориальными амбициями старых и новых государств. Великие державы должны были предпринять серьезные усилия, чтобы не допустить столь нежелательного развития событий.

С точки зрения политических процессов, происходивших на огромном пространстве от Балтики до Красного моря и Персидского залива, формальное заключение перемирий с каждой из стран Четверного союза при всей своей важности не может считаться непререкаемым водоразделом, отделяющим «новую историю» от «новой». По нашему мнению, следует говорить об относительно коротком, но все же заметном и чрезвычайно важном переходном периоде с сентября 1918-го по январь 1919 г., когда в считанные недели решались многие старые международные вопросы и одновременно формировались новые. Подписание перемирий было важнейшим этапом *в ходе* этого периода, но никак не его началом и не его концом.

На практике победившие державы в последние месяцы 1918 г. не располагали достаточными возможностями, чтобы оказывать реальное воздействие на ситуацию. На большинстве «самоопределяющихся» территорий не было вооруженных сил Антанты. Понимая это, победители готовы были использовать в своих интересах даже вчерашних врагов, что нашло свое отражение в условиях перемирий. До особого распоряжения союзников турецкие войска могли оставаться в «части Закавказья» (имелись в виду окрестности Карса), а немецкие — на оккупированных территориях России (дольше всего они задержались в Прибалтике).

Между тем политические лидеры как новых, так и старых государств быстро сориентировались в обстановке и поняли, что история предоставила им уникальный шанс для реализации давних национальных программ. В практику вошла политика «свершившихся фактов» (*faits accomplis*), когда потенциально спорная территория занималась войсками одной из претендующих на нее сторон с тем, чтобы вынудить будущую мирную конференцию признать ее политическую принадлежность как данность. В конце 1918 г. Верховный совет Антанты был вынужден выступить со специальным заявлением против подоб-

ных действий. Правительства «малых стран» официально предупреждались, что подобного рода «свершившиеся факты» не повлияют на решения будущей мирной конференции относительно той или иной территории. Однако предупреждение не возымело действия, и «самозахваты» спорных территорий продолжались. Польша, едва освободившись от германской опеки, начала расширение своих границ во всех направлениях, прежде всего — в сторону Галиции, где успела возникнуть Западно-Украинская народная республика. Сербская армия после стремительного броска от Салоник к Белграду вступила в пределы Венгерского королевства. Государство Хорватов, Словенцев и Сербов, созданное на югославянских землях империи Габсбургов, сочло за лучшее добровольно объединиться с Сербией, поскольку с северо-запада ему угрожали итальянские войска¹. Италия начала осуществлять на Балканах Лондонский договор тем же методом «свершившихся фактов», и полномасштабной итало-сербской войны едва удалось избежать благодаря посредничеству других стран Антанты, подкреплённому высадкой войск в некоторых спорных пунктах. С созданием единого Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, которое уже тогда неофициально называли Югославией, в одночасье осуществились политические программы югославянских активистов, до войны казавшиеся утопией. Албания, которая до войны так и не успела оформиться как полноценное государство, а с 1915 г. была разделена линией фронта, теперь сама начала проявлять территориальные амбиции (в направлении Косова), но в то же время столкнулась с активной экспансией на своих «законных» территориях со стороны Греции, Италии и Сербии. Румыния, вторично вступив в войну в ее последние дни, уже в декабре начала продвижение в Трансильванию. В самом начале 1919 г. войска новорожденной Чехословакии заняли Тешенскую область, на которую претендовала также и Польша.

«Ветер перемен» затронул и Ближний Восток: в Дамаске эмир Фейсал, не спрашивая ни англичан, ни французов, сформировал собственное правительство, претендовавшее на власть над Сирией, Ливаном и Палестиной. В Палестине, в то время как в сионистских колониях праздновали годовщину «Декларации Бальфура», прокатились первые демонстрации арабского населения против этой самой декларации. Чтобы успокоить страсти, Великобритания и Франция 7 ноября опубликовали совместную декларацию, в которой отказывались от планов «аннексии» арабских территорий, но вместе с тем объявляли о намерении оказать «помощь» арабам в формировании органов управления². Как обычно, туманные слова давали простор для разных интерпретаций, но субъективно арабы восприняли декларацию как отказ от соглашения Сайкса-Пико. Свое понимание национального самоопределения демонстрировали и большевики: советские правительства были созданы в Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии. Вернулось из «изгнания» советское правительство Украины. Повсюду эти органы власти вступили в борьбу с «буржуазно-националистическим»

¹ На путях к Югославии... С. 375–379.

² Фомин А.М. Указ. соч. С. 66–67.

руководством. Исход ее, как известно, был различным, но в конце 1918 г. он был еще совсем не очевиден.

Для великих держав в этих условиях вопрос о том, поддерживать ли принцип национального самоопределения, уже не стоял. Самоопределение стало свершившимся фактом. Проблема была в другом: как в каждом конкретном случае применить этот принцип таким образом, чтобы он в наибольшей степени отвечал интересам той или иной державы? Интересы эти, конечно же, у них далеко не совпадали. Ситуация осложнялась тем, что в общественном мнении и в сознании части политических лидеров лозунг «самоопределения» прочно ассоциировался с персоной президента США В. Вильсона. Собственные взгляды Вильсона по этому вопросу были достаточно сложными и не всегда последовательными, но публика видела в его «принципах» то, что она хотела видеть. Европейские державы Антанты на словах признали большинство пунктов программы Вильсона (кроме принципа свободы морей). Теперь перед их дипломатией стояла непростая задача их интерпретации в выгодном для себя ключе. Еще один потенциальный источник проблем заключался в очевидном вопросе: как применять принцип самоопределения по отношению к народам побежденных стран? Одного взгляда на этническую карту Европы было достаточно, чтобы понять, что его приложение, например, к немцам грозило лишить Антанту многих плодов победы. В практическую плоскость этот вопрос перешел сразу: республика Немецкая Австрия открыто заявила о своем стремлении воссоединиться с Германией. Не меньшую проблему представляли собой венгры и, особенно, турки. Сотни тысяч представителей этих «вражеских» народов жили на территориях, на которые претендовал тот или иной «протезе» Антанты. В итоге последние месяцы 1918 г. добавили к давно предвиденным и обдуманым вопросам мирного урегулирования десятки новых, вызванных «стихийным» применением принципа самоопределения. Распутать этот клубок проблем и противоречий была призвана мирная конференция, в которой многие видели прообраз будущей Лиги Наций.

Итак, за время войны «национальный вопрос» в понимании лидеров великих держав проделал заметную эволюцию. В начале войны никто не планировал разрушения враждебных многонациональных империй. Речь шла только о весьма произвольных территориальных изменениях. Для «оправдания» этих изменений могла использоваться этническая аргументация (как в случае с Галицией), но это было вовсе не обязательно. Провозглашенная Антантой борьба за права «малых стран» не имела ничего общего с этническим сепаратизмом. Позднее воюющие стороны оценили силу «этнического оружия» для подрыва вражеского тыла. Эмигранты и перебежчики из числа «угнетенных народов» враждебных стран активно использовались для пропаганды, разведки и даже вербовки легионеров, но политические лидеры воюющих держав не хотели брать на себя каких-либо обязательств в их отношении. Новым явлением стало создание в 1916 г. «независимых» государств в Хиджазе и Польше — на территориях, формально принадлежавших воюющим странам. В обоих случаях эти новые государства целиком зависели от своих «создателей» (Великобритании

и Германии соответственно). Революция в России и провозглашение большевиками принципа самоопределения в его наиболее радикальной форме позволили Центральным державам по итогам Брестского мира распространить эту практику на западные и юго-западные окраины бывшей Российской империи. Вместе с тем нельзя отрицать и пропагандистского эффекта большевистских деклараций. Начиная с 1918 г. политические лидеры воюющих стран были вынуждены дистанцироваться от открытого стремления к «аннексиям» и искать более гибкой формы для своих военных целей. Кампания лета 1918 г. заставила их «пойти ва-банк» в том числе и в использовании «этнического оружия». Только теперь был «вынесен приговор» Габсбургской монархии. Стихийное развитие событий осенью того же года на какое-то время лишило лидеров Антанты контроля над ситуацией на «самоопределяющихся» территориях. Возвращение этого контроля стало одной из главных задач в ходе мирного урегулирования.

ВОЙНА УМОВ. ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВОЮЮЩИХ ДЕРЖАВ (1914–1918)

§ 1. Кто виноват? Причины и историческая роль войны в оценках интеллектуальной элиты стран Антанты

Разумеется, «Великая война» не могла не привлечь внимания мыслителей, философов, ученых и публицистов как в воюющих, так и в нейтральных странах. Однако следует сказать, что проблема войны и мира была одной из центральных в общественной мысли на протяжении многих столетий, поскольку сама история международных отношений постоянно ставила этот вопрос. К началу XX в. в Европе уже сложилась определенная традиция в объяснении феномена войны, хотя с современной точки зрения все, что было написано тогда по этому поводу, нельзя назвать даже относительно законченной «теорией». Тем не менее уже вполне обозначились две фундаментальные парадигмы в объяснении международных отношений и войны — «реалистическая» и «либерально-идеалистическая». Сами эти термины, конечно же, тогда еще не вошли в употребление. Традиционно первую парадигму возводят к Н. Макиавелли и Т. Гоббсу, а вторую — к аббату Ш.И. де Сен-Пьеру и И. Канту, хотя при желании истоки каждой из них можно найти еще в античности (у Фукидида и Аристотеля соответственно). В «реалистической» традиции наиболее распространены были различные теории «баланса сил» и «европейского равновесия», а в «идеалистической» были популярны различные рецепты прекращения войн в виде тех или иных проектов «вечного мира» и даже «европейской федерации»¹.

Период «вооруженного мира» 1871–1914 гг., пожалуй, был наиболее плодотворным в плане появления новых идей за всю предшествующую историю. Почти непрерывная череда острых кризисов и «военных тревог» придавала особую актуальность проблеме происхождения войн и путей их предотвращения. Не только возможность, но и высокая вероятность большой общеевропейской войны была в то время очевидна для любого сколько-нибудь внимательного наблюдателя, хотя мало кто мог предполагать ее действительные масштабы. Неудивительно, что в такой ситуации велись активные поиски путей предотвращения катастрофы. Эти поиски велись в двух направлениях — юридическом (укрепление основ международного права) и политическом (общественное движение за мир).

¹ См. подробнее: *Андреева И.С.* Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975; *Haslam J.* No Virtue like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli. New Haven, 2002.

Давняя традиция написания «трактатов о вечном мире» в XIX в. переросла в организованное пацифистское движение, которое к тому времени имело уже довольно длительную историю¹. Правда, оно раздиралось внутренними противоречиями и повсеместно клеймилось как «непатриотичное» и «пораженческое». К рубежу столетий число сторонников движения заметно выросло, но оно так и не выбралось из идейного кризиса, в котором оказалось еще в 1870-е гг. Главная проблема заключалась в несовместимости пацифизма с национализмом, который повсеместно смешивался с «патриотизмом», и в непоследовательности многих лидеров движения, которые в спорных политических вопросах часто поддерживали официальную линию своих стран.

В среде пацифистов выделилось «сентиментальное» течение, ориентированное на идеи христианской морали (Л. Толстой и его последователи), и «реалистическое», делавшее ставку на развитие международных институтов в результате естественного движения истории от хаоса к порядку. Для части либеральной общественности наиболее действенным средством против угрозы войны представлялось развитие международного права, и прежде всего института арбитража. Отдельные случаи успешного разрешения спорных вопросов с его помощью вселяли большой оптимизм. Но международное право того периода оставалось разрозненной грудой не связанных друг с другом документов, большинство из которых имело «сиюминутный» характер. Юристы-международники поставили себе задачу «кодификации» международного права по образцу внутреннего права государств, причем его источником (в отличие, например, от формулировок XVIII в.) объявлялось не абстрактное «естественное право», а реальная дипломатическая практика. Впрочем, когда ее оказывалось недостаточно, не отрицалось и значение моральных норм. Юристы-международники этого времени потратили немало усилий для выведения общих принципов из, казалось бы, самых незначительных прецедентов. Настоящим виртуозом такой работы был русский юрист Ф.Ф. Мартенс. Однако все теоретические труды наталкивались на один и тот же камень преткновения — абсолютный государственный суверенитет, в том числе и во внешней политике. Было очевидно, что любая международная организация по поддержанию мира может быть эффективна только при известном ограничении этого суверенитета. Но как раз против этого резко выступали правительства практически всех государств. Необходимость придания правовым инструментам большего авторитета привела к идее созыва межправительственных конференций мира. Два таких форума состоялись в Гааге в 1899 и 1907 гг., однако их итог сильно разочаровал организаторов. Были созданы некоторые инструменты, облегчающие добровольное применение правовых норм, но придать этим нормам обязательный характер так и не удалось.

Наконец, ни для кого не была тайной связь внешней политики с экономикой. Правда, выводы из этого делались разные. Радикальные социал-демократы (в частности, русские большевики) заявляли, что капитализм с неизбежностью

¹ См. подробнее: Пацифизм в истории: Идеи и движения мира. М., 1998.

порождает войны и прекратить их можно, только ниспровергнув этот строй. Американский адмирал А. Мэхен и его последователи предлагали наращивать военно-морские «мускулы» для «поддержки» заморской торговли. В то же время английский публицист Н. Энджелл в своей ставшей знаменитой книге «Великая иллюзия» утверждал, что экономические достижения государства никак не связаны с его военной мощью и гонка вооружений является скорее тормозом для экономики. Более того, взаимозависимость великих держав делает бессмысленной войну между ними, так как победитель потеряет едва ли меньше, чем побежденный. Энджелл не отрицал вероятность войны, но отрицал, что у нее может быть какое-либо рациональное, в особенности экономическое, обоснование. К схожим выводам, но совершенно иным путем пришел на исходе XIX в. российский экономист и железнодорожный магнат И.С. Блюх¹. Не задаваясь вопросом об экономической мотивации войны, он на основе большого статистического материала проанализировал влияние «большой» войны на экономику великих держав. Он ясно видел, что в индустриальную эпоху война неизбежно будет крайне тяжелой, затяжной и позиционной, поскольку развитие оборонительных вооружений далеко превзошло развитие наступательных. Это будет война на истощение, которая потребует коренной перестройки национальных экономик, крайнего напряжения финансов, огромного роста налогов, государственного долга, эмиссии и приведет к обнищанию значительной части населения. Во многом предугадав характер будущей войны, Блюх все же недооценил ее масштабы. Так, он полагал, что она продлится не более двух лет. Кроме того, он считал Россию потенциально более устойчивой к потрясениям военного времени именно из-за относительной отсталости ее экономики и значительно меньшей, чем на Западе, зависимости от мирохозяйственных связей. В конечном итоге война, по мнению Блюха, будет разорительна для всех участников — и поэтому следует всеми силами стараться избежать ее. Следует сказать, что работы Блюха и Энджелла были переведены на все важнейшие европейские языки и пользовались большой популярностью. При всей разнице во взглядах, этих двух авторов объединяло представление об экономической нецелесообразности войны независимо от ее итогов. Однако такой строго экономический, можно сказать, бухгалтерский подход к проблеме войны и мира не мог стать общепринятым именно потому, что был чересчур рациональным. Люди далеко не всегда склонны следовать строгим законам логики не только в своих поступках, но и в их объяснении. Неудивительно, что в те же годы столь широкое распространение получили концепции, лишь по видимости имевшие «научный» облик, а на самом деле глубоко иррациональные.

В неустойчивой обстановке «вооруженного мира» в общественных науках пышным цветом расцветали весьма сомнительные «теории», склонные объяснять существующие противоречия и конфликты некими неизменными факторами, данными самой природой. Успехи биологических и географических наук создавали огромный соблазн применить их выводы к объяснению соци-

¹ Блюх И.С. Будущая война, ее экономические причины и последствия. Т. 1–7. СПб., 1893–1898.

альных и политических факторов. Такие взгляды были быстро приняты на вооружение право-реакционными политиками и публицистами. Международные отношения того времени и их недавняя история служили здесь особенно привлекательным материалом.

В последние десятилетия XIX в. на общественную мысль на ее «правом» фланге оказывали большое влияние идеи социал-дарвинизма. Дарвиновская теория естественного отбора казалась простым решением самых сложных проблем. При этом теория эволюции чаще всего отходила на второй план. «Естественный отбор» в социал-дарвинизме стал фактически новой версией старой идеи Гоббса о «войне всех против всех», выраженной в модных «научных» терминах. Согласно такой трактовке, борьба между социальными группами имеет постоянный и бескомпромиссный характер и преследует цель «порабощения» побежденного и господства над ним. Со временем она лишь принимает новые формы, но остается столь же жесткой — это борьба между классами, сословиями, политическими партиями и т.д. Причиной социальной борьбы объявлялось стремление человека к удовлетворению своих материальных потребностей.

Некоторые авторы на этом основании не только доказывали, что войны постоянно присутствовали в человеческом обществе, но и заключали, что именно они были главным фактором эволюции человека (как, например, голландский профессор Р. Штейнметц, работа которого была переведена на русский язык уже в ходе войны)¹. К рубежу веков появились авторы, видевшие в столкновении рас главный фактор всемирной «борьбы за существование», соединяя таким образом социал-дарвинизм с расизмом. Речь шла не только о борьбе белой расы со всеми остальными, но и о противостоянии между разными группами внутри «белой» расы. Таких взглядов придерживался, в частности, «англичанин-рenegат» Х.С. Чемберлен, который, переехав на жительство в Германию, принялся воспевать достоинства «тевтонской» расы гораздо громче самых рьяных ее «коренных» представителей. Разумеется, такая позиция оправдывала войну и в современном ему обществе. Справедливости ради следует сказать, что в странах Антанты расизм и социал-дарвинизм не пустили глубоких корней. Так, английская консервативная общественная мысль пережила «увлечение» подобными идеями еще в конце XIX в. и во время англо-бурской войны, но уже к середине «нулевых» годов XX в. они практически утратили популярность, уступив место либеральной идеологии «внутреннего разнообразия» Британской империи².

Расово-этническое истолкование политических и международных проблем было слишком уязвимо для критики. Требовалась другая концепция, имеющая вид «научности» и подходящая для более «умеренной» публики. И вот, на рубеже веков для объяснения международных проблем и противо-

¹ Штейнметц Р. *Философия войны* / Пер. с нем. Пр., 1915.

² Ellis J.S. "The Methods of Barbarism" and the "Rights of Small Nations": War Propaganda and British Pluralism // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 30. 1998. No. 1. P. 49–64.

речий стал все чаще привлекаться географический фактор. Исходным пунктом геополитических построений (Ф. Ратцель, Р. Челлен) было уже традиционное представление о государстве как о живом организме. Новая «наука» возникла как результат соединения этого представления с понятием «пространство». Под пространством понималась не просто территория государства как один из атрибутов его силы. Пространство само представлялось политической силой, определяющей политическую эволюцию народа. Отсюда следовал вывод о неизбежности стремления государства к пространственному расширению. Считалось, что географическое положение уже само по себе задает параметры поведения государства на международной арене, практически независимо от правящего там режима. В германской версии геополитики пропагандировалась идея, что обширные континентальные территории необходимы каждому государству для развития даже более, чем морские пути, но пользу они могут принести, только если управляются «сильным» государством. В Великобритании Г. Маккиндер выдвинул концепцию «осевого региона» в центре Евразии, обладатель которого якобы может контролировать весь материк. Несмотря на наличие все возрастающего англо-германского антагонизма, обе версии геополитики имели заметную антирусскую направленность.

Таким образом, за десятилетия, предшествовавшие началу войны, в общественной мысли Европы сложилась весьма широкая палитра взглядов и концепций, касавшихся проблемы войны и мира. Поэтому с началом конфликта у пишущих авторов не было необходимости изобретать что-то совершенно новое, достаточно было творчески переработать уже существующие идеи. Конечно же, грандиозный размах событий, проявившийся почти сразу, вносил свои коррективы. Но и он, как мы видели, не был полной неожиданностью. Новый *характер* войны принципиально не менял взгляды на ее *причины*. Война не породила каких-либо свежих, оригинальных идей в объяснении самого феномена войны. Она лишь сильно поколебала одни теории предшествующего периода и, напротив, добавила аргументов другим. Действительно необычным был невероятно возросший *интерес* к этим проблемам. То, что раньше было предметом дискуссий, самое большее, нескольких сотен людей, теперь непосредственно касалось миллионов. Мысли и идеи, завоевавшие в этих условиях популярность, получали значительно больший шанс на хотя бы частичное воплощение в жизнь уже в силу многочисленности своих сторонников. Это особенно ярко проявилось, когда ученые и публицисты стали задаваться вопросом о послевоенном устройстве мира. Однако начиналось все, естественно, с поиска виноватого.

С началом мировой войны сотни авторов, от второсортных журналистов до маститых ученых, принялись писать сочинения, объясняющие ее причины. При всем разнообразии идей и мнений, на наш взгляд, можно выделить два основных направления в литературе того времени, посвященной проблемам войны и мира: «патриотическое» и «оппозиционное». Если первое видело причины войны прежде всего по другую сторону линии фронта, то второе пыталось дать более глубокое объяснение происходящим событиям, не удо-

влетворяясь официальными трактовками. Разумеется, авторов второй группы было гораздо меньше. Для выражения своей позиции им требовалось немалое гражданское мужество: зачастую на карту ставилась не только их популярность у широкой аудитории, но и личная свобода, а то и сама жизнь. Некоторые авторы, не отказываясь от «патриотической» точки зрения, но все же стремясь сохранить определенную объективность в своих оценках, по сути, занимали промежуточную позицию.

Многочисленные «патриотические» публицисты встретили полную поддержку своих государств, которые поторопились снабдить их сборниками документов, разоблачающих козни врагов и оправдывающих свою страну. Это были так называемые «цветные книги», названные по цвету обложки (английская «Синяя», русская «Оранжевая», французская «Желтая» и т.д.). Все эти сборники были крайне тенденциозны и малодостоверны. Документы публиковались в отрыве от контекста и с большими купюрами. Во французском сборнике, например, одна депеша была целиком сочинена специально для него. Лейтмотивы военной пропаганды во многом продолжали «традицию» довоенной журналистики и публицистики, дополнялись свежими новостями с фронтов, тщательно отсортированными. Во Франции получили выход давние реваншистские настроения: перспектива возвращения утраченных в 1871 г. провинций наконец-то стала обретать реальность. В Великобритании война преподносилась как благородная миссия в защиту погрязшего нейтралитета Бельгии и смаковались подробности звериной жестокости «гуннов», как теперь называли немцев. В России (как, впрочем, и в Германии) война представлялась прежде всего как очередной этап извечной борьбы «германства» и «славянства».

«Патриотическая» публицистика не могла претендовать на высокий качественный уровень, даже если ее авторами выступали известные ученые, писатели и философы. Они просто не имели доступа к документам и поневоле вынуждены были довольствоваться «цветными книгами» и речами политиков. Практически во всех странах Антанты главным врагом считалась Германия, причем публицисты обычно именно свою страну (Францию, Великобританию, Россию, а затем и США) воспринимали в качестве главного антагониста Германии, союзники же играли вспомогательную роль. В Австро-Венгрии, во многом спровоцировавшей роковой июльский кризис, повсеместно видели только сателлита Германии. Особого внимания она удостаивалась лишь в работах специалистов по Восточной Европе и Балканам. Вина Германии не вызывала сомнений. Но возникал естественный вопрос о причинах такого поведения этой державы. И тут наибольшей популярностью пользовались два ответа — национальный характер немецкого народа и характер политической системы Германской империи и ее правящего класса — «юнкерско-офицерской касты».

В России официальная пропаганда преподносила эту войну как «Вторую Отечественную», ставя ее в один ряд с событиями 1812 г. Русская интеллигенция, занявшись поисками «духовного смысла» войны, в целом приняла данную позицию. Как и в большинстве стран, речь шла ни много ни мало о самом существовании нации и государства. В этой связи особо популярно было

сравнение мировой войны с недавней русско-японской. Известный философ И.А. Ильин в 1915 г. писал по этому поводу: «Еще недавно, в японскую войну, мы говорили: да, остановимся. Война эта не грозит нашему духовному достоянию. Нельзя воевать просто из-за территории или из-за сомнительного рынка. И война та не стала народной войною. А теперь мы говорим: нет, не остановимся. Германия идет на нас, презирая наши духовные силы; она идет принудительно навязать нам штамп своей культуры... она идет превратить нас в свой покорный и выгодный рынок, она видит в нас варваров, “русские орды”, которые должны в благодарность за принудительное цивилизование предоставить себя для экономической эксплуатации. ...Она идет отсечь от нас живые члены нашего духовного славянского единства и водворить в русской жизни те начала, слепая работа которых вовлекла ее самое в столь глубокое потрясение и кризис. Осознав все это, мы увидели в этом нападении тяжелую угрозу нашему духовному достоянию и встали на защиту нашей свободы и самобытности. И война эта, воистину духовно оправданная война, стала народной войною»¹. Дальнейшие события показали, что Ильин, как и многие другие авторы, скорее выдавал желаемое за действительное. Тем не менее идейные поиски велись весьма напряженно.

В общественно-политической мысли России (имеется в виду ее «патриотическая» часть) «идейный» характер разразившегося конфликта не вызывал сомнений. Одна из пропагандистских брошюр так и была озаглавлена: «Германская идея и русский идеал». При этом если для описания «германской идеи» (во всяком случае, ее отрицательных черт) авторы могли предложить некоторые формулировки (в основном — те же, что предлагались их западными коллегами: «империализм», «национализм», «расовое превосходство», «милитаризм», «железная армейская дисциплина»), то с формулировкой собственно «русской идеи» возникали трудности. Не вполне ясны были даже цели войны. В России ее нельзя было представить ни как войну за «культуру» (в отличие от Германии), ни как войну за «господство права» (в отличие от Великобритании, США и, отчасти, Франции). Е.Н. Трубецкой и П.Н. Милюков отваживались открыто говорить об «исторической задаче» «освобождения» Константинополя. Причем если для первого эта цель имела мистически-религиозное значение, то для второго — чисто экономическое и стратегическое. Но подобная идея вряд ли могла служить оправданием гигантских жертв. Поэтому тот же Е.Н. Трубецкой писал, что Россию «объединяет цель не узко национальная, а сверхнародная» и «русский национальный и государственный интерес требует всеобщего освобождения народностей». Однако эту идею трудно назвать исключительно «русской». В том же духе любили порассуждать и в Лондоне, и в Париже. Сама Германия не брезговала идеей «освобождения народностей», когда речь шла о народностях России. Но поскольку Россия была глубже всего вовлечена в военные действия против главных «угнетателей» малых народов — Османской империи и Австро-Венгрии, она, казалось, имела шанс на осуществление по-

¹ Ильин И.А. Духовный смысл войны // Собр. соч.: В 10 т. Т. 9/10. М., 1999. С. 28–29.

добной миссии. Впрочем, официальный Петроград хранил по этому поводу молчание.

Не будучи оригинальной, идея «освобождения национальностей» не могла стать и центральным элементом «русской идеи». К тому же она могла поднять и малоприятную тему «освобождения» национальностей самой Российской империи. В этой ситуации авторам (как либералам-западникам, так и «неославянофилам») оставалось вещать о будущем «культурном возрождении» России, когда она сможет «сказать свое мировое слово»¹ и всему миру будет «явлена мощь русского духа»². Н.А. Бердяев был убежден, что «старые расы Европы уже сказали свое слово. Русский мессианизм должен быть признан и западным человеком». Однако что это за «слово», какова эта «мощь» и в чем этот «мессианизм» — оставалось загадкой. Вместо конкретных планов и проектов — только неясные миражи. Неудивительно поэтому, что, не имея ясного представления о том, что конкретно Россия может предложить остальному миру, философы и публицисты сосредоточились на внутривнутриполитических аспектах войны. Конфликт с Германией, по мнению того же Е.Н. Трубецкого, способствовал «национальному самоопределению» России через ее освобождение от немецкого культурного влияния, а П.Б. Струве писал, что «мы ощутили себя в войне нацией и государством, русскими и Россией»³. Также не приходится удивляться, что русская общественная мысль осталась в стороне от изучения главной проблемы, волновавшей многочисленных авторов на Западе, — политико-правового оформления послевоенного мироустройства, и в частности создания постоянной международной организации по поддержанию мира. Как тут не вспомнить слова одного из поэтов-юмористов того времени: «Широки натуры русские, / Нашей правды идеал / Не влезает в рамки узкие / Юридических начал...»⁴ Столь дорогие западным союзникам России «юридические начала» международного права и Лиги Наций в нашей стране на роль идейной цели войны явно не годились.

Во Франции в первые годы конфликта на прилавках появились книги под многообещающими заголовками: «Исторические корни войны», «Экономическая подоплека войны», «Причины и результаты войны». Содержание их, однако, глубиной не отличалось. В ряде работ, опубликованных в это время (по большей части небольших статей и брошюр), авторы, начиная с разбора роли «психологических» и «духовных» сил в развившемся конфликте, быстро приходили к сопоставлению соответствующих характеристик французов и немцев. Война, по мнению многих из них, выявила лучшие стороны французского национального характера, ранее скрытые под рутинной повседневности. Так, некий Карлос Ларронд перечислял такие свойства «французской души»,

¹ Выражение В.Ф. Эрнэ.

² Выражение С.Н. Булгакова.

³ Носков В.В. Первая мировая война и русская идея // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 25/2. М., 2008. С. 50–87.

⁴ Стихи Б.Н. Алмазова. Цит. по: Кистяковский Б.А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. Репринтное изд.: М., 1990. С. 107.

особенно ярко проявившиеся с началом конфликта: храбрость, энергия, «порыв» (*l'elan*), отвага, инициатива, остроумие (*la finesse*), чувствительность, чувство юмора, серьезность (*la gravité*), дух самопожертвования, братство, методичность, выдержка (*la tenacité*). Все это, в частности, выразилось в безупречном поведении Франции с точки зрения международного права как перед началом конфликта, так и во время него. Из всех французских «добродетелей» (*vertus*) авторы особенно любили подчеркивать «рациональность», склонность основывать свои действия на *разуме*, а не на эмоциях. Именно родина Декарта являла собой пример наиболее взвешенного и разумного подхода к международным проблемам и отношениям с соседями. С еще большим увлечением французские авторы принялись за разбор «национального характера» своих главных противников. Главнейшим его признаком был «мистицизм», прямо противопоставлявшийся французскому рационализму. «Тевтонский мистицизм», который брал свое начало еще в языческой религии древних германцев, красной нитью проходил через историю соседней страны, был практически не затронут ценностями христианства, усилен воздействием немецкой философии от Канта до Ницше, подкреплен победами Бисмарка и любовно вращивался в империи Вильгельма II. Его наиболее характерными чертами были: убежденность в «избранности» немецкого народа; безусловная вера в «право сильного», переходящая иногда в патологический «инстинкт войны»; единодушное подчинение нации своим политическим и военным вождям; отрицание индивидуальной свободы; абсолютное презрение к нормам морали и права в международных отношениях. Исходя из всего этого конфликт Германии и Франции преподносился как столкновение «силы» и «права» и выступал почти как метафизический конфликт Добра и Зла, а весь ход рассуждений приобретал ярко выраженные дуалистические, «манихейские» черты. Знаменитый философ Анри Бергсон охарактеризовал текущую войну как противостояние двух сил: германской — убывающей, «поскольку она не опирается на возвышенный идеал», и французской — неубывающей, «поскольку она основана на идеалах справедливости и свободы». В целом такой «философский» и «социологический» анализ удачно дополнял и углублял незамысловатые тезисы официальной пропаганды¹.

В Англии авторы многих «научных» работ также отдали дань подобным настроениям. Уже в 1914 г. группа оксфордских ученых-историков выпустила книгу, так и озаглавленную — «Почему мы воюем». Философский и методологический уровень работы, несмотря на маститые степени авторов, оказался довольно низок. Мировая война изображалась как конфликт «принципов» — английских «свободы» и «права» и германских «силы» и «государственной необходимости». По существу это была вывернутая наизнанку концепция В. Зомбарта о «торгашах» и «героях». Общим было то, что причины войны объяснялись национальными характерами народов, а не межгосударственными противоречиями. По существу, ссылки на национальный характер против-

¹ Gerbod P. Les Publications philosophiques françaises et la Première Guerre Mondiale // Les Philosophes et la guerre de 14. Saint-Denis, 1988. P. 33–46.

ника как на одну из главных причин войны мало отличались от представлений о вечной «расовой борьбе». Ведь национальный характер — почти столь же неизменное явление, как цвет кожи. Однако английские авторы не только старались найти причины войны в особенностях немецкого национального характера, но и искали объяснения самому появлению этих особенностей. Считалось «хорошим тоном» объявлять главным врагом не немецкий народ, а прусский милитаризм, который со времен Бисмарка внушал народу свои идеи и представления. Конечная вина возлагалась на «германские идеи» и философские доктрины. Быстро нашлись и главные «антигерои» — творцы этих идей: историк Г. фон Трейчке с его преклонением перед абсолютной государственной властью, философ Ф. Ницше с его культом «сверхчеловека» и «воли к власти», а также отставной генерал Ф. фон Бернгарди, за два года до начала войны доказывавший ее необходимость для Германии. Эти идеи, по мнению публицистов, в германском народе воспринимались очень упрощенно, в результате чего сложилась целая идеология — «религия силы». Оксфордский профессор Г. Слейтер предложил называть ее «нео-одинизмом», поскольку она якобы напрямую восходит к древнегерманской религии Одина, во всем противоположной христианству¹. Едва ли не главной характерной чертой германского народа и его «культуры» объявлялась подчиненность индивидуального начала государственному, доходившая до формирования «машинного сознания»². Впрочем, в свете военных неудач Антанты в начале войны иногда звучали утверждения, что германская автократия лучше выдержала «испытание битвой», чем английская демократия. Необходимостью заимствовать некоторые достижения Германии, чтобы сражаться с ней на равных, обосновывалось, например, требование о введении всеобщей воинской повинности³. Англичан отталкивала «бесчеловечность» германской государственной машины, но они восхищались ее эффективностью.

Были, впрочем, и более серьезные попытки дать оценку международным событиям, подвести своеобразный итог истории международных отношений за 99 лет, прошедших между двумя общеевропейскими войнами. В 1915 г. вышла брошюра известного французского историка Ш. Сеньобоса «1815–1915. От Венского конгресса до войны 1914 года»⁴. Ответственность за войну Сеньобос возлагает в первую очередь на прусскую офицерско-юнкерскую касту. При этом история международных отношений за сто лет распадается в изложении автора на две «системы». Первая была создана в 1815 г. Венским конгрессом, вторая — в 1871 г. Бисмарком. Обе они были направлены против Франции, но если первая была, по крайней мере, продуктом коллективного согласия и равновесия примерно одинаковых по силе держав, то вторая основывалась на доминировании одной сильнейшей державы: «Это был еще невиданный мир,

¹ Slater G. Peace and War in Europe. L., 1915. P. 33.

² Классическим образцом «аналитической» литературы с такого рода обобщениями можно считать книгу: McLaren A.D. Germanism from Within. L., 1916.

³ См.: Oliver F.S. Ordeal by Battle. L., 1915.

⁴ Seignobos Ch. 1815–1915: Du Congrès de Vienne à la guerre de 1914. P., 1915.

мир вооруженный, мир прусский, столь же дорогостоящий, как и война, мир шаткий, без чувства безопасности, всегда на грани войны. ...Доктрина несокрушимого превосходства в наступлении вынуждала каждую страну постоянно готовиться к агрессии и заставляла ее жить под постоянной угрозой агрессии. Страны Европы, чтобы противостоять Пруссии, должны были усвоить прусскую систему». Но все же, несмотря ни на что, это был мир. Германия Бисмарка, подобно Австрии Меттерниха, была довольна своим положением и «оставалась неподвижной, надзирая за Францией». Такое положение не устраивало Вильгельма II, перешедшего к активной внешней политике. Франко-русский союз был лишь началом восстановления системы равновесия сил в Европе. Германия же сумела перессориться со всеми своими соседями, кроме Австро-Венгрии, чтобы потом заявлять об «окружении».

Гораздо более фундаментальным исследованием являлась книга А. Дебидура «Дипломатическая история Европы от Берлинского конгресса до наших дней», вышедшая в 1917 г., сразу после смерти автора. Эта книга — продолжение первого исследования Дебидура, посвященного истории международных отношений в 1815–1878 гг. По сравнению с первой работой апологетический тон по отношению к французской политике здесь чувствуется гораздо сильнее, а приверженность автора либеральным ценностям — слабее. Особенно это заметно в отражении колониальных вопросов. Автор полностью сочувствует расширению французской колониальной империи, одобряет захват Марокко и сожалеет об уступке в пользу Германии части французского Конго. В то же время он осуждает Италию за Триполитанскую войну. Англо-германский конфликт вообще не получил должного освещения, а политика Антанты в целом рассматривается как сугубо миролюбивая. Вину за начало войны Дебидур возлагал исключительно на Германию.

Между тем для объяснения феномена войны, и в особенности текущей войны, простого изложения предвоенной истории международных отношений было уже явно недостаточно. Среди интеллектуальной элиты в ходе войны стало крепнуть убеждение, что сфера международных отношений заслуживает самостоятельного и пристального изучения, для чего необходимы совместные усилия историков, юристов, экономистов и философов. В 1916 г. в Великобритании вышла книга «Введение в изучение международных отношений»¹. Авторский коллектив возглавил А.Дж. Грант, профессор истории в Университете Лидса. Он же написал и вводный раздел, посвященный истории международных отношений с 1815 г. Среди других авторов были Ф.Ф. Уркварт (Оксфорд), А. Гринвуд (Лидс), Дж.Д. Хьюз, Ф. Керр (издатель журнала «Круглый стол», впоследствии личный секретарь Д. Ллойд Джорджа).

Авторы придерживались промежуточной позиции между «патриотическими» и антивоенными взглядами. Не подвергая сомнению справедливость войны со стороны Великобритании, они старались предложить всесторонний анализ современной им международной системы. Причину войны А.Дж. Грант

¹ An Introduction to the Study of International Relations. L., 1916.

видел прежде всего в гонке вооружений и колониальном соперничестве, спровоцированных Германией. Важность экономических факторов в международных отношениях и в происхождении войны авторы признавали, но не считали их решающими. А. Гринвуд, заочно споря с Н. Энджеллом, утверждал, что экономическая взаимозависимость не лишила войну экономической привлекательности. Помимо «интернационального» капитала, заинтересованного в мирной торговле, существует и узконациональный капитал, который порой оказывает серьезное влияние на внешнюю политику государств. Гринвуд в целом отвергал исключительно экономическую мотивировку войны, поскольку «никто не начинает войну в расчете на то, что она окупится». Главная беда, по его мнению, была в том, что до войны рост взаимозависимости не сопровождался параллельным движением к политическому объединению мира.

Перу Ф.Ф. Уркварта принадлежит специальный раздел «Причины современных войн». Войны он рассматривает как инструмент трансформации международной системы. «Статичный мир», в котором каждое государство самодостаточно, его правительство контролируется народом и от него требуется только не вмешиваться в чужие дела, является идеалом пацифистов, но на деле невозможен. Всегда существуют динамические силы, готовые изменить статус-кво. В международной политике такими силами являются державы, по тем или иным причинам недовольные существующим положением вещей.

Уркварт говорит о двух основных видах войн, в зависимости от их причин: завоевательные войны и войны во имя принципов. Завоевательные войны были наиболее характерны для прошлых эпох, однако они никуда не исчезли и в XX в. Все отличие от времен Александра Македонского или Наполеона заключается, по его мнению, в том, что теперь они слегка прикрыты фразами об «экономической необходимости», «естественной» или «стратегической» границе, «этнических» или «религиозных» устремлениях. Такие политические аппетиты не стали более респектабельны, перейдя от монархов восемнадцатого века к нациям века двадцатого, однако их стало труднее распознать. Другая категория войн — войны во имя принципов. Тысячи людей готовы рисковать своими жизнями ради торжества довольно отвлеченных идей, не ожидая личной выгоды для себя даже от победы: «Чем больше общество, к которому принадлежит человек, тем менее своекорыстными становятся его действия от имени этого общества». В прошлом идеологические войны велись во имя религии или идей Французской революции. Затем главной мобилизующей идеей стал «принцип национальностей». Войны из-за него особенно тяжелы и, главное, бесперспективны с точки зрения установления прочного мира.

По существу, эта коллективная работа была одной из первых заявок на разработку неких общих подходов к международным отношениям как к самостоятельной дисциплине. Однако, понимая необходимость всестороннего изучения международных отношений, авторы даже не ставили перед собой задачу выработки какой-то единой и последовательной «теории». В их описании международные отношения предстают скорее как совокупность разнообразных факторов, каждый из которых добавляет новые краски и оттенки в общую гамму, но при этом существует самостоятельно.

Необходимость поддерживать и оправдывать действия своего правительства, добровольная или вынужденная, неизбежно ограничивала любого автора в выборе трактовок и объяснений происходивших событий. Поэтому более взвешенный и объективный подход, как правило, могли предложить те немногие, кто отваживался «плыть против течения». В довоенной Европе антимилитаризм был достаточно широким, хоть и оппозиционным движением. Социалистическими партиями война расценивалась как порождение классовых интересов буржуазии, поэтому национальной вражде они старались противопоставить классовую солидарность пролетариата. Пацифисты рассматривали войну как наследие древнего «кулачного права», вредный обычай вроде дуэли или телесных наказаний, который может быть изжит подобно этим явлениям. С началом войны ряды защитников мира сильно поредели. Социалистические партии, за исключением отдельных радикальных деятелей, дружно поддерживали свои правительства. Многие пацифисты пошли на «моральный компромисс», заявив, что эта война призвана покончить со всеми войнами. Тем примечательнее для нас те, кто в разгар военной истерии сохранил верность своим убеждениям.

31 июля 1914 г., за день до объявления войны, в Париже был убит один из лидеров французских социалистов, основатель и политический редактор газеты «Юманите» Жан Жорес. В разгар июльского кризиса он прилагал отчаянные усилия, чтобы мобилизовать общественное мнение против войны, на деле продемонстрировать солидарность рабочего класса. На август 1914 г. он планировал созыв международного социалистического конгресса по проблемам войны и мира. В день гибели Жореса в «Юманите» вышла его последняя статья, в которой он достаточно ясно выразил свое понимание причин надвигающейся катастрофы. По его мнению, главная опасность заключалась не в реальных намерениях правительств, сколь бы порочными они ни были, и тем более не в реальных устремлениях народов, а в нервозности и панике, которой была подвержена «толпа» и которой правительства могли «заразиться». При должном хладнокровии, при «героизме терпения» в сочетании с «героизмом действия» войны, по его мнению, можно было избежать с помощью длительных и массовых антивоенных акций¹. Жорес пал от руки крайне правого активиста. По иронии судьбы его похороны 4 августа превратились в одну из первых демонстраций «священного единения» между «буржуазным» правительством и социалистической партией.

Большинство «властителей дум» предвоенного поколения однозначно высказались в поддержку своих правительств. Против выступили немногие: во Франции — Ромен Роллан, в Великобритании — Бернард Шоу. Характерно, что оба великих писателя давно уже были известны своими «левыми» политическими взглядами.

¹ L'Humanité. 31.07.1914.

Поскольку «пацифисту» Роллану во Франции не была гарантирована даже личная безопасность, он эмигрировал в Женеву, где и писал свои сочинения на военную тему. Серия его публикаций в швейцарской печати за 1914–1915 г., вышедшая затем отдельной книгой, получила название вслед за ключевой статьей цикла — «Над схваткой». В 1919 г. он опубликовал продолжение этой книги — «Предтечи», в котором были собраны работы 1916 — начала 1919 г., в том числе знаменитая статья «Убиваемым народам». В начале войны Р. Роллан искренне разделял негодование французской публики по поводу «вероломных» действий Германии, ее вторжения в Бельгию, разрушения Лувена, обстрела Реймского собора. Вместе с тем он отказывался возлагать вину на немецкий народ, считая главным преступником германское правительство. Он надеялся, что деятели немецкой науки и культуры смогут отмежеваться от этих злодеяний и осудить их. Поэтому знаменитый «Манифест 93-х», озаглавленный «К цивилизованному миру», в котором эти самые деятели публично оправдывали свое правительство, произвело на Роллана тяжелое впечатление. Тем не менее Роллан старался не рвать связей с теми из германских ученых и писателей, кто хотя бы открыто не проповедовал культ войны и силы, за что его на родине считали едва ли не предателем. В знаменитой статье «Над схваткой» Роллан обвиняет уже все правительства в развязывании войны, а все народы — в бездумном следовании за ними. Ближе к середине войны писатель в свойственной ему патетической манере указал и на другого виновника войны — промышленную и финансовую олигархию и не остановился перед тем, чтобы призвать народы к открытому восстанию против нее.

В совершенно иной манере выступил против войны Бернард Шоу в своем нашумевшем эссе «Здравый смысл о войне»¹. Для него было неприемлемо не столько само участие Великобритании в войне, сколько официальные трактовки этого участия и причин войны в целом. Распространенные штампы о Германии как о «юнкерском» и милитаристском государстве он отвергал не потому, что они не соответствовали действительности, а потому, что сама Великобритания вполне им соответствовала: ее внешняя политика находилась в руках кучки аристократов («английских юнкеров»), а по количеству милитаристской литературы ее книжный рынок вполне мог соперничать с германским. Претензии Великобритании на господство на морях выглядели ничуть не лучше германских претензий на «место под солнцем». Германия, зажата между двумя сильными врагами, не могла быть ничем иным, кроме того, чем она и являлась, и требовать от нее какого-либо самоограничения было абсурдно. С другой стороны, и Великобритания не могла не вступить в войну при нападении на Францию, так как это затрагивало ее собственные интересы, даже если бы Бельгия осталась в стороне от маршрута германских армий. Договор о нейтралитете Бельгии был лишь одним из многих «клочков бумаги», отправленных в мусорную корзину во имя политических соображений. Великобритания имела бы шанс остановить войну, если бы в июле 1914 г. ясно высказалась, что не останется в стороне в слу-

¹ Shaw B. Common Sense about the War. N.Y., 1914. Работа неоднократно переиздавалась.

чае ее начала. Однако глава британской дипломатии Э. Грей этого не сделал — исходя из узкопартийных, внутривластных соображений.

Бернарда Шоу нельзя назвать пацифистом. Он выступал скорее за возврат к старой доброй политике баланса сил, не прикрытой высокими идейными соображениями. Вместе с тем Б. Шоу видел необходимость ограничить всевластие «юнкеров» во внешней политике, поставив ее под парламентский контроль. «Война стала провалом секретной юнкерской дипломатии — нашей ничуть не меньше, чем вражеской. Те, кому еще приходится умирать, должны вдохновляться отнюдь не преданностью (*devotion*) дипломатам, а, как старый социалистический герой на баррикадах, видением человеческой солидарности».

Итак, Роллан и Шоу возлагали вину за войну на правительства, включая свои собственные. Если не на их злую волю, то на их неумелое и бесконтрольное управление. Однако вопрос о том, почему в критической ситуации правительства повели себя именно так, а не иначе, неминуемо должен был возникнуть у тех, кто старался разобраться в объективных причинах войны. Один из первых ответов на него попытался предложить известный английский публицист Г.Л. Дикинсон¹. Стараясь найти наиболее фундаментальную причину международных конфликтов, он ставил проблему взаимного восприятия лидерами государств политических действий друг друга. По его мнению, «нации истекают кровью из-за того, что их государственные деятели не могут доверять друг другу». Государственные деятели, полагал он, склонны воспринимать как угрозу своей безопасности многие действия оппонентов, которые те считают совершенно безобидными. Чтобы продемонстрировать это, Дикинсон с помощью нескольких цитат показал, как воспринималась в предвоенной Германии внешняя политика Лондона, и в частности Антанты с Францией. Война, по его мнению, может быть порождена только взаимным страхом. Страх порождает гонку вооружений, а «вооруженный мир» неизбежно ведет к войне. Дав, таким образом, почти классическое описание ситуации, которую в наше время принято называть «дилеммой безопасности», Дикинсон добавляет, что возникновению войн также способствуют ложно понятый патриотизм, ложно понятый национальный интерес и убеждение в том, что у суверенного государства нет перед другими государствами никаких правовых, моральных и культурных обязательств. Иными словами, главная проблема снова оказывается в субъективных «идеях».

Рассказ об «оппозиционных» интерпретациях войны будет неполным, если не учесть трактовки, исходившие с крайне левого фланга политического спектра — от радикальных социал-демократов. Наиболее яркой фигурой среди них был, безусловно, лидер российских большевиков В.И. Ленин. Исходя из тезиса об одинаково агрессивном характере войны со всех сторон, он призывал социал-демократов всех стран к политике, которая многим казалась тогда абсурдной, — бороться за поражение собственного правительства и превра-

¹ Dickinson G.L. The Basis of Permanent Peace // Towards a Lasting Settlement / Ed. by Ch.R. Buxton. L., 1916. P. 11–36.

щение войны империалистической в войну гражданскую. Как известно, классический марксизм опирается на представление о приоритете классовых интересов перед национальными и государственными. Ленин довел этот тезис до крайности. По его словам, солдат на фронте мировой войны защищает не свое отечество, а интересы кучки капиталистов. Неудивительно, что число сторонников такого подхода за пределами России оказалось ничтожно мало. Однако падение самодержавия создало благодатную почву для ленинских идей, которые заметно не менялись с начала войны и вплоть до прихода самого Ленина к власти. Весной 1917 г., едва вернувшись из эмиграции, Ленин представил, пожалуй, наиболее емкое изложение своих взглядов на войну в популярной лекции, озаглавленной «Война и революция»¹.

Не уставая повторять известный тезис Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами», Ленин добавлял, что «данная война тоже есть продолжение политики тех классов, которые в этой войне сцепились, двух величайших гигантов, накинувших задолго до войны на весь мир, на все страны сети своей финансовой эксплуатации и поделивших между собой экономически весь мир до войны». Речь шла в первую очередь о финансовом капитале Англии и Германии, возглавлявших две враждующие группировки. Закончив раздел мира, капиталисты приступили к его переделу с помощью войны. Война была неизбежна, но возможно ли прекратить ее? Ленин отвечает достаточно ясно: «Эту войну можно кончить только посредством рабочей революции в нескольких странах». Именно в *нескольких* — и притом одновременно. Ленин, кажется, не сомневался в таком развитии событий. Он допускал, что «если революционный класс России, рабочий класс, окажется у власти, он должен предложить мир. И если на наши условия ответят отказом... тогда он весь будет за войну». Но всерьез он такую возможность не рассматривал. Еще в мае 1917 г. он был убежден в невозможности окончания войны путем одностороннего выхода из нее.

Итак, радикальная социал-демократия вообще отрицала объективность понятия «национальный интерес», преподнося его как интерес правящего класса. Из этого следовал вывод о принципиальном различии между внешней политикой любого «буржуазного» государства и политикой будущих социалистических государств, которые должны возникнуть в результате одновременных революций в *нескольких* странах. Противоречие между этой концепцией и реальностью в дальнейшем вызвало большие сложности для внешней политики первого и *единственного* социалистического государства. Будучи верным учеником Маркса, Ленин унаследовал и главную слабость своего учителя — при трезвом и вполне объективном взгляде на настоящее, подчинять прогнозы на будущее заранее заданным политическим целям. Это означало, что рано или поздно придется либо теорию «подгонять» под реальность, либо стараться насильственно изменить реальность в соответствии с теорией. История показала, что Ленин и его сторонники испробовали оба этих пути.

¹ Ленин В.И. Война и революция // Полн. собр. соч. Т. 32. М., 1974. С. 77–102.

§ 2. Что делать? Дискуссия в странах Антанты о путях утверждения прочного мира

Проблемы происхождения войн вообще и «Великой войны» в частности, при всей их важности, не были единственным предметом для обсуждения. Пожалуй, даже более важной темой стали перспективы мирного урегулирования. Для стран Антанты было очевидно, что они не смогут позволить себе еще одну полномасштабную войну в ближайшем будущем. Следовательно, результаты «Великой войны» должны были исключить повторение подобных событий на десятилетия вперед. Однако в вопросе о средствах достижения этой цели единства не было. «Патриотические» авторы видели задачу войны прежде всего в ослаблении главного противника — Германии, а также в таком территориальном переделе мира, и в первую очередь Европы, который наилучшим образом соответствовал бы интересам каждой из держав Антанты (в зависимости от национальной принадлежности автора). Любые международные институты, если о них вообще упоминалось, мыслились как не более чем инструмент для закрепления результатов победы.

Французский историк Ш. Сеньобос был убежден, что условием «устойчивого мира» в будущем должно быть внимательное отношение к пожеланиям народов, в том числе и национальных меньшинств: «Нельзя больше заниматься, как на Венском конгрессе, одним подсчетом человеческих душ. Нужно будет также знать, чего эти души желают». Сеньобос, подобно многим своим предшественникам, констатировал «анархическое» состояние международных отношений. Но эта анархия не являлась их неизменным свойством. Она была порождена абсолютизмом и обоснована в теориях Макиавелли и Бодена. XIX век покончил с абсолютизмом. Однако абсолютизм «окопался во внешней политике, и народы позволили ему там жить по неведению, поскольку они не видели в нем никакой опасности. Эта война сделала ее видимой». Сеньобос полагал, что это «ощущение абсолютного суверенитета» государства по отношению к другим государствам следует «вырвать с корнем» так же, как уже вырвали с корнем понятие об «абсолютном суверенитете государя над его подданными». Сделать это могло только общественное мнение, которое якобы «уже чувствует, что народы Европы имеют больше общих, чем противоположных интересов».

Необходимым условием «прочного мира» Сеньобос считал разгром «двух агрессивных империй», который должен был сопровождаться разрушением их правящих группировок: прусской офицерской касты, австрийской «полицейской бюрократии» и венгерской «олигархии». Это, по его мнению, разрушит даже в глазах их собственных народов уважение к «военному абсолютизму» и вернет нации Центральной Европы в русло «общей эволюции цивилизованных стран». Для Сеньобоса специальные «мироподдерживающие» институты имели лишь второстепенное значение. Главное — «моральный авторитет международных правил». Государства должны уважать свои обязательства так же, как их уважают частные лица. Они должны согласиться на принцип контроля над вооружениями и «искренно подчиниться» воле общественного мнения пу-

тем привлечения «парламентских делегаций» к процессу переговоров. В этом случае «международные институты мира появятся сами собой»¹.

Из всех воюющих стран Европы цензурное и идеологическое давление государства менее всего чувствовалось в Англии. Только английские власти допускали практически открытую агитацию пацифистов. Запрещены были лишь действия, направленные на срыв всеобщей мобилизации после ее введения в 1916 г. Конечно, противники войны действовали в очень трудных условиях, подвергались остракизму, но все же они действовали легально. Наиболее активно на этом поприще проявили себя две организации — Независимая лейбористская партия (левое крыло лейбористов) и Союз демократического контроля, состоявший из политиков и общественных деятелей леволиберальных и радикальных взглядов. Именно публицисты, близкие к СДК, смогли представить наиболее полный и «нейтральный» анализ системы международных отношений и предложить свой рецепт ее «исправления». В сентябре 1914 г. была принята программа СДК, состоявшая из четырех пунктов: 1) ни одна провинция не должна передаваться от одного государства к другому без согласия населения, выраженного через плебисцит или иным способом; 2) ни один договор (или соглашение) не может быть заключен от имени Великобритании без санкции парламента; 3) внешняя политика Великобритании должна быть нацелена не на поиск союзников, а на согласованные с другими державами действия по созданию Международного совета, заседания которого должны быть публичными; 4) Великобритания должна предложить другим странам пойти на взаимное и радикальное сокращение вооружений².

Авторы уже упомянутого «Введения в изучение международных отношений» были практически единодушны в признании необходимости создания международной организации. Так, А.Дж. Грант подчеркивал, что «в какой угодно форме должна существовать европейская директория»³. А. Гринвуд писал о «международном политическом институте» и «международной экономической комиссии» при нем⁴. Ф.Ф. Уркварт, указывая на то, что «нации оказались не менее воинственны, чем короли», все же настаивал на расширении «общественного контроля» над внешней политикой⁵. Дж.Д. Хьюз, рассуждая о международном праве, отмечал, что окончательная победа права может прийти только с полным «разочарованием» в войне как в средстве решения политических вопросов. Пока же выработка единых международных норм затруднялась формальным равноправием всех государств при несопоставимых потенциалах. Те же договоренности, которых удавалось достичь, были, по сути, основаны на силе, которой каждое государство могло подкрепить свою позицию, поэтому право не противопоставлялось силе, а само зависело от нее⁶. В заключительном

¹ *Seignobos Ch. Op. cit.*

² *Egerton G.W. Great Britain and the Creation of the League of Nations. Chapel Hill (NC), 1978. P. 6.*

³ *Grant A.J. War and Peace since 1815 // An Introduction... P. 1–36.*

⁴ *Greenwood A. International Economic Relations // Ibid. P. 66–112.*

⁵ *Urquhart F.F. The Causes of Modern Wars // Ibid. P. 61–64.*

⁶ *Hughes J.D.I. International Law // Ibid. P. 113–140.*

разделе А. Гринвуд также рассуждал о необходимости развития «международного сознания». Соответствующее образование и воспитание позволило бы людям лучше понимать мировые проблемы и их воздействие на жизнь каждого¹. В целом мысль авторов двигалась в том же русле, что и у «радикальных» публицистов, но они были более осторожны с выводами. Так, например, создание наднациональных институтов представлялось им не панацеей, а лишь средством некоторого улучшения международной ситуации.

Даже в умеренно-либеральных кругах, не говоря уже о радикалах и пацифистах, центральное место во всех дискуссиях занимала идея *постоянной организации по поддержанию мира*. Сама идея была не нова и насчитывала к тому моменту уже более чем двухсотлетнюю историю. Однако именно в период Первой мировой войны она впервые получила шанс на реальное воплощение в жизнь, чем и объяснялось огромное количество появившихся тогда планов и проектов. В конце 1914 г. сформировалась группа британских интеллектуалов, известная как «группа Брайса» по имени своего титулованного председателя — лорда Брайса. В нее вошли Дж. Гобсон (автор первой концепции империализма), Г.Л. Дикинсон, А. Понсонби и ряд других деятелей. К весне она подготовила «Предложения по избежанию войны», отпечатанные малым тиражом для узкого круга либеральных ученых, писателей и журналистов. Идеи, изложенные в этом проекте, в основном сводились к созданию наднационального политического органа по защите мира. Вскоре они были развиты Гобсоном в книге «К международному правительству»², название которой говорит само за себя. Он в очередной раз попытался разрешить противоречие, над которым уже не одно столетие ломали голову многие философы и юристы: как заставить суверенные государства разрешать свои споры без применения силы, если над ними нет никакой верховной власти? Единственный выход виделся в создании такой власти и, следовательно, некотором ограничении государственного суверенитета. Все более «скромные» шаги в этом направлении (обоюдное разоружение, арбитраж, посредничество и т.п.) по отдельности либо неосуществимы, либо бесполезны. Только создание полноценной международной власти, включающей в себя все три «ветви» — законодательную, исполнительную и судебную, способно внести порядок в международные дела. Предложенный Гобсоном сложный аппарат международных институтов должен был стать рудиментом подлинного «международного правительства». Важнейшим условием для реализации этих проектов Гобсон считал формирование особого «международного сознания», «духа интернационализма» у больших масс людей в разных странах под влиянием негативного опыта войны, а также в результате установления демократического (парламентского) контроля над внешней политикой. Старые кадры посольств и министерств иностранных дел с их привычкой к тайной дипломатии следовало от своего дела отстранить.

Не сомневаясь в необходимости военной победы, Гобсон выступал за щадящие условия мира. Он понимал, насколько далеки были его планы от теку-

¹ Greenwood A. International Relations and the Growth of Freedom // Ibid. P. 183–198.

² Hobson J.A. Towards International Government. L., 1915.

щих реалий, но решительно возражал против мнения, что раз «ничего не может быть сделано», то не стоит и начинать. Наибольший вред, по его мнению, заключался в доктрине абсолютного государственного суверенитета, которая строилась на заблуждении, что национальное государство является высшей стадией эволюции человеческого общества. Сакрализация государства не была специфически германским пороком и всегда приводила к абсолютизации роли военной силы. Автор первой концепции империализма не мог не учитывать и экономических факторов в международных отношениях. Более того, он прямо заявлял, что «внешняя политика в каждом случае вдохновлялась и направлялась вовсе не какими-либо национальными интересами, а особыми интересами небольших групп финансистов, инвесторов и торговцев во имя частной выгоды», причем наиболее одиозную роль играли торговцы оружием. Но этой теме Гобсон посвящает лишь половину одной из глав своего более чем двухсотстраничного трактата¹ и в целом остается на сугубо идеалистической точке зрения о решающем значении «сознания» народов и спасительной роли будущих международных институтов.

Следующим шагом в развитии «радикально-пацифистского» подхода к международным отношениям можно считать вышедшую в 1916 г. коллективную работу «К устойчивому урегулированию» под редакцией Ч.Р. Бакстона². Авторский коллектив состоял из 11 человек, среди которых были такие известные люди, как Ф. Сноуден — один из лидеров Независимой лейбористской партии, посвятивший свою главу «демократии и публичности» во внешней политике, и тот же Дж.А. Гобсон, написавший эссе о принципе «открытых дверей» в мировой торговле. Г.Л. Дикинсон в первой главе данной работы («Основы постоянного мира») говорил о «реорганизации Европы на новых принципах». Подобно Гобсону, он уповал на идеалы «интернационализма» и формальные международные институты.

В дальнейшем в Великобритании и США стали появляться все более многочисленные группы энтузиастов создания Лиги Мира, предлагавшие собственные проекты. Наиболее примечательным новшеством в них была идея международных вооруженных сил, призванных проводить в жизнь решения Лиги. С весны 1917 г. эта пропаганда координировалась британским Обществом Лиги Наций, которое при своем создании получило благословение Я.Х. Смэтса — влиятельного члена Имперского военного кабинета. Резко возросло количество конференций, митингов, выросли тиражи соответствующей литературы. При этом энтузиасты Лиги старались держаться в стороне от открытых пацифистов, выступавших за скорейший «мир по соглашению». Большинство деятелей, вовлеченных в эту работу, по своим политическим симпатиям были близки к Либеральной партии, в особенности к ее «независимому», асквитовскому крылу. Полностью разделяли идею Лиги и лейбористы, причем в их партии к лету 1917 г. наметилась тенденция к сближению «патриотической» и «пацифистской» фракций. В лейбористском меморандуме о военных

¹ *Hobson J.A. Op. cit. P. 127–148.*

² *Towards a Lasting Settlement / Ed. by Ch.R. Buxton. L., 1916.*

целях, принятом в декабре 1917 г., прямо говорилось о создании Лиги Наций на «наднациональной» основе. В целом благодаря Гобсону, Дикинсону и многим другим авторам к концу войны идея создания постоянной организации по поддержанию мира настолько прочно укрепились в общественном мнении, что даже лидеры стран Антанты не могли ее игнорировать, а среди политиков и дипломатов становилось все больше искренних сторонников этой идеи.

В свою очередь, политическое руководство Великобритании не хотело оставлять инициативу в руках «дилетантов», поскольку дело касалось действительно серьезных проблем послевоенного урегулирования. Проекты «левых» деятелей, очевидно, не могли устроить британскую политическую элиту. Но единственная альтернатива, которую могли предложить консерваторы, — добровольное соглашение ведущих держав о взаимных консультациях, по сути — новое издание довоенного «концерта Европы». Именно такие предложения были выработаны группой во главе с главным редактором журнала «Круглый стол» Ф. Керром. В правительстве в начале войны было мало искренних сторонников идеи Лиги. К их числу относился Роберт Сесиль — министр блокады в коалиционном кабинете. Его план, изложенный в 1916 г. в нескольких меморандумах, предполагал обязательное вынесение спорных вопросов на международную конференцию, решения которой были бы обязательны и подкреплялись бы всей мощью стран-участников¹. Он, как видим, был ближе к «радикальным» проектам, но именно поэтому не нашел поддержки у остальных министров.

Несмотря на многочисленные комментарии к плану Сесилия, идея Лиги не получала развития в официальных кругах вплоть до 1917 г. Однако ряд новых факторов заставил британский Кабинет обратиться к более пристальному изучению данной темы. Во-первых, в войну вступили США. Президент В. Вильсон уже давно позиционировал себя в роли миротворца и горячо поддерживал идею Лиги. Нельзя было оставлять инициативу в его руках, тем более что президент пользовался большой популярностью в антивоенных кругах самой Великобритании. Уже в январе 1917 г. в официальном ответе на запрос Вильсона по поводу целей Антанты в войне союзники выразили симпатию по отношению к идее Лиги, но увязали ее создание с необходимостью собственной победы в войне. Во-вторых, летом 1917 г. появился полуофициальный французский проект Лиги, подготовленный под руководством Л. Буржуа. В его интерпретации Лига превращалась скорее в военный союз победителей и нейтралов, призванный гарантировать результаты мировой войны и вооруженной силой пресекать попытки их ревизии. Для Великобритании такой вариант, разумеется, был неприемлем. Ллойд Джордж, Бальфур и Керзон довольно скептически относились к идее Лиги, но игнорировать ее было уже нельзя. Серьезное обсуждение этой темы началось в Имперском военном кабинете весной 1917 г. Его члены были единодушны в неприятии не только любых «наднациональных» схем, но и вообще любой постоянно действующей организации. Самое

¹ Egerton G.W. Op. cit. P. 39.

большее, что они могли допустить, — обязательный созыв международных конференций в случае острых разногласий между государствами. Когда возник вопрос о санкциях против нарушителей спокойствия, Р. Сесиль предположил, что в качестве последнего аргумента члены Лиги могли прибегнуть к оружию. Практически никто из ключевых министров его не поддержал. Традиция сохранения за Великобританией «свободы рук» на все случаи жизни была еще очень сильна. В январе 1918 г. был создан специальный правительственный комитет по выработке предложений о характере будущей Лиги. Он стал известен как Комитет Филлимора (по фамилии председателя). Эксперты комитета постарались исключить из своего плана любой намек на создание наднациональных структур и ограничение суверенитета. В итоге доклад, подготовленный весной того же года, в целом следовал идеям Ф. Керра о Лиге как о реорганизованном «концерте Европы» и представлял собой скорее типичный «консультативный пакт». Копия этого доклада была отправлена в Вашингтон, но англичане долго не могли добиться никакой реакции на него от правительства США. Даже вопрос о публикации доклада повис в воздухе. Р. Сесиль настаивал на публикации, большинство других членов Кабинета были против. Из Вашингтона с большим трудом удалось через полковника Хауза узнать мнение В. Вильсона о проекте. Президент считал его «беззубым» и высказался против публикации.

Стремление некоторых политиков выхолостить идею Лиги выразилось также в том, что во многих документах британского Кабинета сама антигерманская коалиция нередко именовалась «Лигой Свободных Наций», то есть мыслилась как прообраз будущего международного института и готова была подменить его собой. Тот же Ф. Керр, теперь уже личный секретарь Ллойд Джорджа, в начале декабря советовал своему шефу выступить в роли Иисуса Навина и пообещать воюющим народам «землю обетованную» после окончания войны. Иными словами, планировалось заново сформулировать цели, которые Великобритания преследует в войне. Речь должна была быть произнесена от имени «Лиги Союзных Наций». Эта идея в конечном итоге привела к известному выступлению премьер-министра в Кэкстон-холле 5 января 1918 г.¹

В итоге официальный Лондон ограничился лишь выражением общих симпатий идее Лиги, хотя до конца войны и открытия Парижской мирной конференции в недрах Кабинета появилось еще два проекта Лиги: один из них принадлежал Р. Сесилю, а другой — Я.Х. Смэтсу. Именно Смэтс предложил изящную идею разрешения сложнейшей проблемы совмещения «идеалистических» целей войны с весьма прозаическими колониальными аппетитами стран Антанты, которые благодаря большевикам перестали быть тайной. Выход был найден в системе «мандатов Лиги Наций». Что это такое, никто себе толком не представлял. Но под этой вывеской можно было «не теряя лица» решить большинство территориальных проблем за пределами Европы.

¹ См. подробнее об этом выступлении: Фомин А.М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 2.

Американские представления о характере будущей международной организации отражали специфическое положение США в мире¹. До апреля 1917 г. они были единственной нейтральной великой державой. Затем они стали единственной неевропейской страной, участвующей в войне на европейском театре военных действий. Рост международного влияния США в результате «Великой войны» был неизбежен и очевиден, однако масштаб и характер этого влияния не был до конца понятен ни для американцев, ни для их европейских партнеров. Отсутствие у США стремления к прямым территориальным захватам создавало заокеанской державе имидж незаинтересованного миротворца, в особенности в глазах европейских пацифистов и радикалов. Президент В. Вильсон усиленно поддерживал этот имидж даже после вступления своей страны в войну.

Таким образом, послевоенный миропорядок был без США так же немислим, как и без Лиги Наций. Поэтому многие американские мыслители с готовностью взялись за разработку ее проектов. В США, как и в Великобритании, действовали влиятельные организации, ставившие своей целью проработку принципов будущего мироустройства. Пожалуй, наибольшую известность из них получила «Лига по принуждению к миру». В США, как и в Европе, столкнулись два подхода — наднациональный и межнациональный. Первой позиции придерживался, в частности, крупнейший социолог и экономист Т. Веблен. По его мнению, отказ членов «Лиги миролюбивых народов» от части своего национального суверенитета (а точнее — от «национального эгоизма») был абсолютно необходим для поддержания мира. Излюбленную американскую идею «открытых дверей» Веблен доводил до крайности и призывал к отмене национальных границ внутри Лиги, имея в виду, конечно же, экономические (таможенные) границы. Ядро Лиги должны, по его мнению, составлять главные страны Антанты во главе с США, которые должны иметь полномочия для вмешательства в любых «проблемных» регионах мира и совместно контролировать ресурсы «отсталых» стран — как колониальных, так и формально независимых. Рассуждая в том же духе, президент Гарвардского университета Э. Лоуэлл писал о необходимости «исполнительной власти» для Лиги, которая должна находиться в руках правительств ведущих держав. Известный историк Ф. Тернер представлял себе «идеальное будущее» международных отношений по аналогии с федеративным устройством самих США. Лига Наций должна стать наднациональной структурой, обладающей законодательной и исполнительной властью. Таким образом, рассмотренные авторы мыслили в одном ключе с британцем Дж. Гобсоном. С другой стороны, весьма влиятельный президент Колумбийского университета Н. Батлер выступал против любых форм «мирового правительства». Лига представлялась ему как «определенным образом организованное единство полностью независимых элементов», да и это единство могло быть достигнуто лишь постепенно. Он также высказал довольно оригинальную идею — разделить Землю на несколько «юрисдикций»,

¹ См. подробнее: Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 362–411.

в рамках которых, соответственно, США, европейские державы и Япония будут поддерживать мир и порядок. По сути, это было своеобразное распространение «доктрины Монро» на весь мир.

Говоря об американских концепциях Лиги, нельзя не упомянуть и самого президента В. Вильсона, сделавшего эту идею краеугольным камнем своей внешнеполитической доктрины и способствовавшего ее популяризации, пожалуй, больше всех ученых и публицистов, вместе взятых. Сам термин «Лига Наций» Вильсону подсказал не кто иной, как глава британской дипломатии Э. Грей, который еще в 1915 г. в переписке с Э. Хаузом рисовал перед американцами заманчивую перспективу возглавить такую Лигу, целью которой было бы наказание любой державы, нарушающей принципы международного права. Извечное английское стремление «воевать чужими руками» чувствовалось в этом предложении вполне очевидно. Однако Вильсон всячески избегал разговоров о репрессивной функции Лиги, которые занимали центральное место, например, во французских планах. Вильсон понимал, что рано или поздно этот вопрос придется решать, но пока предпочитал делать акцент на принципах международной морали. Этот «идеализм» уже в ходе войны вызывал серьезную критику даже в самих США, но президент предпочитал ее не замечать. Он не был автором какой-либо оригинальной концепции, но внимательно прислушивался к мнениям авторитетных ученых и отбирал из них то, что считал нужным. О необходимости создания такой международной организации, которая положит конец дискредитировавшему себя принципу «баланса сил» и заменит его принципом верховенства права, Вильсон говорил едва ли не в каждом своем публичном выступлении на международные темы. Однако при этом президент столь же упорно воздерживался от любой конкретизации своих планов. Неизменным оставалось лишь постоянное упоминание о принципах «свободы морей» и «открытых дверей и равных возможностей». Вильсон любил говорить о «всеобщем» характере будущей Лиги и вместе с тем подчеркивал, что она должна объединять демократические государства¹. В этой ситуации возникал и, в общем, оставался без ответа вопрос о членстве в Лиге «авторитарных» государств из враждебного лагеря. Вильсон, к ужасу своих британских союзников, несколько раз заявлял, что «не может быть мира с Гогенцоллернами», но война за распространение демократии на Германию могла затянуться на неопределенный срок. К счастью для президента, в конце войны союзникам не пришлось иметь дело с ненавистным кайзером.

Идея Лиги (точнее, «Сообщества» — *Société*) Наций имела довольно много сторонников и во Франции, хотя здесь она была менее популярна, чем в англосаксонских странах. Кампанию в ее поддержку проводили социалистическая партия и две пацифистские организации, созданные еще до войны, — «Ассоциация мира посредством права» и «Лига прав человека». Кстати, французские пацифисты в своем подавляющем большинстве совершили тот же идейный «скачок», что и французские социалисты, — поддержали военные усилия

¹ Романов В.В. Указ. соч. С. 132–150.

правительства, влившись в «священное единение». В самом конце 1916 г. была создана и специальная «Лига за Сообщество Наций, основанное на мировой конституции»¹. Отличительной особенностью французских планов Лиги Наций был отказ от скорого включения в ее состав стран германского блока и придание будущей Лиге функции контроля над процессом разоружения, а также наделение ее карательными полномочиями (в том числе и с применением военной силы) по отношению к нарушителям международного порядка и спокойствия. Одним из виднейших пропагандистов идеи Лиги во Франции был Леон Буржуа. Бывший пацифист, разработавший свой первый план «Сообщества Наций» еще в 1909 г., он с началом войны перешел на патриотические позиции, активно работал как в Национальном собрании, так и в правительстве, а в дальнейшем защищал французский взгляд на устройство Лиги при выработке устава этой организации.

Таким образом, к моменту окончания боевых действий идея Лиги Наций обрела столь широкую популярность, что непременно должна была обрести и какое-то практическое воплощение. Однако ее конкретные формы оставались расплывчатыми и неясными. Спектр мнений был очень широк — от необходимости создания некоего «мирового правительства», наделенного также судебными и исполнительными функциями, до простой модификации традиционной схемы «концерта держав». Здесь вновь, в который уже раз, всплыла на поверхность главная «аксиома» любой международно-политической теории — отсутствие в межгосударственных отношениях верховного суверена. Если одни авторы стремились создать такого суверена, то другие (в особенности, близкие к британскому правительству) — избежать этого любой ценой.

Другой темой, волновавшей умы, был «принцип национальностей» — идея возможно большего приведения государственных границ в соответствие с этническими. На практике эти две идеи — создание Лиги и самоопределение наций — часто пересекались и одно не мыслилось без другого. Герберт Уэллс, один из глашатаев лагеря «либерал-империалистов» и постоянный оппонент Б. Шоу, уже в середине августа 1914 г. призывал «переписать карту Европы так, как мы хотим, чтобы она была переписана». Война давала шанс, которого иначе пришлось бы ждать столетиями. На будущем мирном конгрессе можно было «перерисовать каждую границу» и свести к минимуму «тысячу острейших конфликтов вокруг расы, языка и системы управления и учредить Лигу Мира, которая будет контролировать земной шар. Мир уже созреет для этого»².

Хотя считалось почти общепризнанным, что будущий пересмотр границ в Европе должен, по возможности, учитывать этнический фактор, но, если не считать работ авторов, профессионально занимавшихся тем или иным регионом Европы (вроде известного слависта Р. Сетон-Уотсона), территориальные проблемы Центральной и Восточной Европы представлялись явно упрощенно.

¹ Guieu J.M. Les Apôtres français de l'esprit de Genève. Les militants pour la Société des Nations dans la France de la première moitié du XXe siècle: Thèse d'histoire. URL: <http://jmguieu.free.fr/Recherches/Resume1.htm>

² Цит. по: Egerton G.W. Op. cit. P. 5.

«Национальные» проблемы затрагивали главным образом Австро-Венгрию, Османскую империю, Россию и некоторые окраинные районы Германии. Поскольку из этих четырех держав три были во враждебном лагере, британские и французские авторы могли достаточно свободно рассуждать о большинстве национальных проблем Европы. Они понимали их сложность, в частности — невозможность проведения четких границ по этническому признаку.

Один из авторов, близких к СДК, признавал, что «втянуться в европейскую войну и в то же время быть дотошным в национальных вопросах невозможно. Война может начаться как борьба национализма с империализмом (столкновение Сербии с Австро-Венгрией), но она неизбежно превращается в войну одного империализма с другим». Единственная возможность обеспечить хоть какое-то соответствие послевоенного урегулирования «принципу национальностей» виделась в воздействии на дипломатов «демократического общественного мнения»¹. В ряде ситуаций этнический принцип неизбежно приходилось принести в жертву стратегическим или экономическим соображениям². Выход же виделся в создании национальных автономий и федерализации многонациональных государств³.

Английскими авторами в качестве образца нередко преподносилась Британская империя, которая, в отличие от прочих колониальных империй, уважала местные различия и никому не навязывала унификации: «...если вы хотите однообразия, отправляйтесь в Германию, оно сделано в Германии. Если вы хотите разнообразия, приезжайте в Британскую империю. Оно здесь растет само»⁴. В Британской империи были заложены элементы более или менее широкого самоуправления — от полноценной демократии в доминионах до «косвенного управления» в африканских колониях⁵. Великобритания не претендовала на исключительные экономические права в своей империи: другие страны могли торговать с ней так же свободно, как и сама Британия. Иными словами, Британская империя — уникальное историческое явление, в сохранении которого заинтересована не только метрополия, но и весь цивилизованный мир.

В завершение следует сказать, что практически все авторы, писавшие о будущем мироустройстве, призванном избавить планету от войн, считали абсолютно необходимым изживание воинственного национализма, который был в их глазах даже не идеологией, а, скорее, пагубным суеверием, провоцирующим войны. Для Дж. Гобсона, Г.Л. Дикинсона, для авторов «Введения в изучение международных отношений» и для большинства американских авторов, включая В. Вильсона, появление «международного сознания», «международного духа» не только в общественном мнении, но и в политике правительств, ограниченной контролем законодателей, было главным залогом будущего мира без войн.

¹ Buxton Ch.R. Nationality // Towards a Lasting Settlement. P. 56–58.

² Barker J.A. The Great Problems of British Statesmanship. L., 1917. P. 3.

³ Urquhart F.F. Op. cit. P. 60.

⁴ Lucas Ch. Empire and Democracy // The Empire and the Future. L., 1916. P. 15.

⁵ Kerr Ph.H. Commonwealth and Empire // Ibid. P. 84.

§ 3. Великие цели «Великой войны»: германский взгляд на войну и будущее мира

Реваншизм и чувство национального унижения стали на рубеже XIX–XX вв. своего рода культом обиды германского народа на «европейский концерт» враждебного окружения. Подобные воззрения отстаивались и разделялись представителями самых разных политических и общественных течений, от консервативных монархистов до значительной части социал-демократов. На этой почве пышно расцвели идеологии как агрессивного этнически окрашенного пангерманизма, так и германского экспансионизма, ставших стержнем, объединявшим немецкое общество на протяжении долгих десятилетий, и не являвшихся отражением особых настроений какой-либо одной партии или специфической социальной группы.

К началу XX в. пангерманизм из романтического культурно-политического движения, нацеленного на создание единого германского государства, превратился в мощную политическую силу, оформившуюся в 1891 г. в Пангерманский союз. Яркие пангерманские публицисты Теодор Райсмани-Гронс, Эрнст Хассе, Генрих Класс настойчиво внушали населению и политикам свою главную идею: миру предстоит германизация, и если надо — насильственная.

Более либеральное, апеллирующее не к силе оружия, а к «превосходству немецкой культуры» течение, которое принято называть германским экспансионизмом, представляли влиятельные политические писатели Пауль Рорбах, Эрнст Ревентлов, Теодор Шиман, Фридрих Науман, Отто Хетч. Большое значение они придавали внутреннему состоянию немецкого общества, идее единения всего народа вокруг кайзера.

Однако внутри общей тенденции экспансионизма существовали вполне явные расхождения. Основные, фундаментальные положения экспансионизма — ценность «Единой и Великой Германии», необходимость внутреннего единства немецкого народа перед лицом «враждебного окружения», готовность к «защите отечества», величие немецкой культуры, борьба за обретение немцами достойного «места под солнцем» — никем, за исключением крайне левых, под сомнение не ставились и служили своего рода основой национального согласия, вполне реального накануне и в первые годы мировой войны. Другие, и прежде всего внешнеполитические, положения экспансионизма — нехватка «жизненного пространства» для немцев, неизбежность колониальных приобретений и «движения на Восток», милитаризм, верность монархической традиции — разделялись далеко не всеми, были предметом политических и партийных споров, и даже среди ведущих идеологов германского экспансионизма не было единства в вопросе о том, считать ли эти положения принципиально значимыми.

Германский экспансионизм был многолик, его идейное развитие до августа 1914 г. так и не привело к выработке целостной идеологии, которая могла бы быть выражена в виде программных политических документов. В предвоенные годы воздействие экспансионистских представлений на выработку и приня-

тие ключевых политических решений неуклонно возрастало, росло и влияние отдельных экспансионистов. Достаточно указать на взаимоотношения Вильгельма II и Теодора Шимана: с кайзером виднейшего идеолога предвоенного экспансионизма, колумниста влиятельнейшей *Kreuzzeitung*¹ связывали узы личной симпатии, общность геополитических представлений и пристрастие к истории. Кайзер регулярно встречался с берлинским профессором, обсуждал с ним внешнеполитическую ситуацию, воспринимал его оценки, особенно если речь шла о «русской опасности»; Шиман иногда сопровождал его в зарубежных поездках, в частности в 1905 г. в Танжере, когда разразился Первый марокканский кризис.

Это обстоятельство никак не исключало того факта, что внутри лагеря экспансионистских публицистов шла острая внутренняя полемика, существовало достаточно глубокое взаимное неприятие. Палитра их взглядов довольно разнообразна: от властителя дум всей первой трети XX в. Пауля Горбаха, центральной фигуры германского экспансионизма, проповедника «великой цели», стоявшей перед Германией в начале века, — возглавить «мировой концерт» и «наложить на мир печать собственной национальной идеи»², до обличителя «западного империализма»³ графа Эрнста Ревентлова, категорически отвергавшего либерально-позитивистское восприятие мира и буржуазные ценности, а после войны яростно обличавшего «лжецов», которые пишут о германской ответственности за развязывание мировой войны⁴. В организационном отношении германский экспансионизм был достаточно аморфен, его представители никогда не стремились ни к созданию политической партии, ни к объединению своих единомышленников в рамках национального общественно-политического союза, как это сделали их идейные оппоненты, создавшие Пангерманский союз. Однако организационное бессилие экспансионистов — и здесь нет никакого парадокса, — во многом содействовало успехам экспансионистской пропаганды, которая была как бы лишена партийной ограниченности и обращалась ко всем слоям немецкого народа. При восприятии их проповеди на первый план выходили не такие факторы, как социально-классовые интересы и партийная дисциплина, но чувство гордости за свою принадлежность к великому немецкому народу и желание служить «Великой Германии». И тем значительней — и в общественном сознании, и в политической жизни, — оказалась роль тех, кто своим пером, своей созданной за годы репутацией умел вызвать подобные настроения, то есть роль политических писателей и публицистов, идеологов германского экспансионизма.

¹ *Neue Preußische (Kreuz-)Zeitung* — правоконсервативная газета, сотрудничая в которой Т. Шиман стал публицистом европейского уровня, реально влиявшим на германскую внешнюю политику; с 1892 по 1914 г. Шиман еженедельно печатал в *Kreuzzeitung* передовицы о внешней политике.

² *Rohrbach P. Der deutsche Gedanke in der Welt. Düsseldorf; Leipzig, 1912.*

³ Под которым понималась прежде всего британская колониальная система, основанная на британском господстве на море: *Reventlow E. Englische Sorgen — deutsche Gefahr: Betrachtungen zu Rowland Thirlemers "The Clash of Empires". Berlin, 1907.*

⁴ *Reventlow E. Kriegsschuldfrage und Kriegsschuldflüger. München, 1929.*

В определенном смысле история германского экспансионизма есть история духовного развития его главных идеологов и история их влияния на политическую и общественную жизнь страны. Благодаря их публицистическому дару, настойчивости и моральному авторитету (хотя редкий из них избежал упрека в беспринципности) экспансионизм на рубеже веков стал в Германии влиятельным направлением общественно-политической мысли. Следует подчеркнуть, что в этом качестве он возник и развивался как следствие глубокого недовольства правящих кругов страны ее положением среди великих держав — недовольства, которое всемерно и целенаправленно раздувалось и, благодаря умелой пропаганде, разделялось большинством немцев.

Идеологи экспансионистской политики проповедовали идеалы «Великой Германии», решительное, вплоть до военного, противостояние возможным противникам, отвергали бисмарковский тезис об «удовлетворенности» Германии своим положением. Они писали о неустранимых европейских противоречиях и враждебности «держав окружения», о желательности передела колониального мира и сфер влияния, о военных приготовлениях коварных соседей и необходимости «миролюбивой» Германии вооружиться ради собственной безопасности. Борьба за «Великую Германию» делала их популярными в народе, призывы к войне — часто косвенные, а порой и прямые, — популярными в военных и правительственных кругах. Очевиден их вклад в создание обстановки конфронтации и нетерпимости в предвоенной Европе, в разжигание антагонизма между народами, в формирование «образа врага», когда в Англии, России, Франции Германия стала восприниматься как воплощение агрессивной милитаристской политики, а в самой Германии европейские державы рассматривались как неизбежные противники в недалеком будущем. Роль теоретиков «мягкой силы» в развязывании войны несомненна.

Но ограничиваться констатацией данного факта нельзя. Это было бы явным упрощением, которое, однако, имеет место в историографии. Ведущие идеологи экспансионизма умели не только ладить с политиками, угождать военным и приспосабливать свою пропаганду к уровню понимания широкой публики — хотя именно эти качества и предопределили их личный успех как публицистов. Крупные ученые и оригинальные политические писатели, они не ограничивались призывами к территориальной или экономической экспансии. В исторической перспективе наиболее важной частью концепции германского экспансионизма, на наш взгляд, была попытка по-новому осветить и обосновать место Германии и германства в меняющемся мире, поставить перед страной и народом ясную и великую цель, пробудить в немцах дух великого народа. Призывы к «Великой Германии» никак не сводились у них к примитивной идее «бронированного кулака» пангерманистов. Напротив, главные выразители настроений германского экспансионизма активно боролись против пангерманской политической школы с ее проповедью раздела мира путем грубой силы. Пауль Рорбах утверждал: «Мир существует для того, чтобы быть полем экспансии не только кораблей и оружия, но и национальной идеи». При

этом он подчеркивал: суть проблемы заключается в том, что «ни один немец» этого не знает¹.

Пропаганда «немецкой идеи» в мире — немецкого образа жизни, высокой немецкой культуры, укрепление немецкой церкви, системы образования, политических институтов — вот конечная цель виднейших экспансионистов. При этом, говоря о путях развития «немецкой идеи», они имели в виду, по словам Рорбаха, «идеальное нравственное сохранение германства как созидательной силы современной и будущей мировой истории», силы, которая будет существовать «как совладычица мировой культуры»².

В субъективном плане эта малоинтересная подавляющему большинству читателей и последователей сторона германского экспансионизма была в действительности главной для его идеологов. Высокая вера в будущее Германии оправдывала в их глазах неприглядные стороны экспансионистской пропаганды в настоящем и в определенной мере облегчала идеологам экспансионизма бремя личной ответственности.

Однако разрыв между политической реальностью и идеальным будущим был столь разителен, что это обстоятельство дает основание говорить о глубокой противоречивости и даже утопизме германского экспансионизма как направления общественной мысли. Читатели газет воспринимали экспансионистские идеи в их упрощенно-политическом аспекте, а мечты о мировой роли немецкой культуры казались им необязательным увлечением ученых авторов. В этом коренилась причина того, что, умея влиять на настроения немецкого народа, экспансионисты никогда не умели вести его за собой. Они стояли не только над партиями, но и, нередко, над реальностью. Раздвоенность и тщательно скрываемый утопизм воззрений идеологов германского экспансионизма были их «родовой чертой». А в сочетании с упоминавшимся чувством национального унижения и реваншистскими настроениями экспансионизм не мог не стать простой идеологией захватнической войны.

Как это ни парадоксально, но и пацифизм, вопреки стереотипам позднейшей историографии, имел в Германии серьезные традиции. Начиная с призыва И. Канта «К вечному миру», прозвучавшего в самое, казалось бы, неподходящее время — в разгар войн Первой антифранцузской коалиции, идея разоружения и создания прочного мира в Европе регулярно присутствовала в немецком общественно-политическом дискурсе. В ходе работы Франкфуртского национального собрания 1848–1849 гг. такие лидеры революции, как Роберт Блюм и Арнольд Руге, выступали за всеевропейский «вооруженный мир»; в 1850 г. во Франкфурте прошел Третий Международный конгресс мира, после которого началось основание германских пацифистских организаций: например, был создан Кенигсбергский Союз мира. Поражение немецкого либера-

¹ Rohrbach P. Der deutsche Gedanke in der Welt. S. 56.

² Ibid. S. 6–7.

лизма в эпоху последовавшей реакции и объединительных войн под эгидой Пруссии привело в Германии к упадку пацифистского движения, но не к исчезновению самой этой идеи.

Всю вторую половину века просуществовал, пусть фактически лишь номинально, Франкфуртский Союз мира. В 1892 г. было создано Немецкое общество мира¹, вдохновленное энергией немногих одиночек (к тому же австрийских по подданству, таких как Берта фон Зуттнер и Альфред Фрид), но все же опиравшееся на поддержку некоторой части германских либерально настроенных образованных кругов. К 1914 г. его численность достигла уже 10 тысяч человек, что было связано с осознанной попыткой наиболее сознательной части общества предотвратить надвигающуюся войну. Позднее возник более элитный Союз международного согласия, не столь многочисленный, но стремившийся оказывать реальное воздействие на правящие круги и всю германскую политику.

Помимо «идейного» пацифизма, привлекавшего в первую очередь интеллигенцию, большой популярностью в Германии пользовались тезисы экономического антимилитаризма Ивана Блюха, писавшего о непосильном напряжении военных, экономических, социальных ресурсов в будущей войне, ее неизбежно затяжном характере и вытекающей из этого опасности голода, эпидемий и революций². Известны слова Ф.А. Круппа, обращенные к Вильгельму II и выразившие мнение экономической элиты Германии: «Дайте мне 10 лет, и я куплю Европу». Тезисы еще более читаемого Нормана Энджелла, в своей «Великой иллюзии»³ отмечавшего невыгодность войны даже для победителя и порицавшего «традиционный», неэффективный пацифизм, в конечном счете также способствовали популяризации антивоенных настроений среди практически мыслящих людей.

Даже во время войны, несмотря на, казалось бы, ее полную массовую поддержку и крах пацифистской утопии, продолжались и даже усиливались многочисленные, порой полярные по своим истокам антивоенные движения. Так, уже в ноябре 1914 г. был основан Союз «Новое Отечество»⁴, стремившийся к взаимопониманию между народами и демократизации Германии, которая должна была стать гарантом скорейшего заключения всеобщего мира. В марте 1915 г. в Берне под руководством Клары Цеткин прошла Международная конференция социалистических женщин против войны — с участием немецких представительниц, несмотря на то, что в тот момент немецкие социал-демократы поддерживали свое правительство в вопросе ведения войны. В ее итоговом манифесте прокламировался отказ от лозунга национальной оборонительной войны и содержался призыв к немедленному заключению мира.

¹ Deutsche Friedensgesellschaft (DFG).

² Блюх И.С. Будущая война и ее экономические последствия. Т. 1–7. СПб., 1898; см. тж.: Bloch J. von. Der Krieg: Der zukünftige Krieg in seiner technischen, volkswirtschaftlichen und politischen Bedeutung. Bd. 1–6. Berlin, 1899.

³ Angell N. The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power to National Advantage. L., 1910.

⁴ Bund Neues Vaterland.

В октябре 1916 г. был открыт салон графини Хетты фон Тройберг, пацифистки всеевропейской известности. Он стал важнейшим и на долгое время единственным политическим салоном Берлина, который посещали виднейшие политики, дипломаты и журналисты всех партий и стран, центром определенного воздействия на элиты и общественное мнение путем закулисных бесед и «просветительской» работы, долженствующей убедить как в бесчестности, так и в невыгодности войны и необходимости обращения к общеевропейскому культурному наследию как к платформе для строительства прочного мира.

Возникало также множество мелких, не связанных друг с другом организаций — частично по причине неспособности Немецкого общества мира выработать и успешно пропагандировать единый антивоенный курс, частично — как реакция на милитаристский правительственный курс и преследования властей. Однако именно эти преследования, в том числе фактический запрет Союза «Новое Отечество» и других новых организаций, привели к тому, что пацифистское движение в годы войны не обрело существенной общественной значимости.

При этом происходило, однако, сближение либерального пацифизма (как традиционного, так и экономического толка) и пацифизма социалистического, основанного на принципах интернационализма. Союз «Новое Отечество» выступал с требованиями парламентского контроля над правительством, равноправия всех партий и социальных реформ как условия для мирного сосуществования в Европе: тем самым впервые произошел отход от традиционного для пацифизма принципа невмешательства во внутренние дела других стран и, одновременно, сближение с программой социалистов. В результате членами Союза стали видные политики СДПГ, такие как К. Эйсер и Э. Бернштейн. Немногие решительные противники войны в рядах СДПГ уже 5 августа 1914 г. сформировали *Gruppe Internationale*, из которой в 1915 г. вышла нелегальная группа «Спартак», а в 1918 г. — «Союз Спартака»; в апреле 1917 г. из левого крыла СДПГ была создана НСДПГ. Все они рассматривали социалистическую революцию как средство недопущения будущих войн, но при этом все больше поддерживали и «буржуазный пацифизм» Союза «Новое Отечество» и Немецкого общества мира, поскольку те дистанцировались от военных целей кайзеровского правительства.

При огромной довоенной популярности идеологии экспансионизма в духе культурной миссии «Великой Германии», разразившаяся летом 1914 г. Первая мировая война не воспринималась либеральными кругами и социал-демократами как отвечающая интересам нации. По этой причине вопрос о войне, о ее причинах с самого начала перетек в плоскость поиска виновных в ее развязывании. От ответа на него зависел уровень энтузиазма масс, степень поддержки прессой правительственной политики, парламентом — военных кредитов, населением — самой идеи войны. Естественно, во всех странах, уча-

ствовавших в войне, и официальная пропаганда, и подавляющее большинство публицистов изображали собственную страну жертвой внешней агрессии. Не была исключением и Германия. Еще до начала войны, во время июльского кризиса, правительство смогло внедрить в общественное мнение тезис об оборонительном (с точки зрения Германии) характере грядущей войны — прежде всего, против России. Этот тезис позднее был подкреплён фактом начала всеобщей мобилизации в России, словно бы вызывавшей противника на бой.

Не только кайзер, известный своей воинственностью и политической близорукостью, но и канцлер Т. Бетман-Гольвег, на последнем этапе во многом лично спровоцировавший саму войну, и откровенно националистические круги, подобно Флотскому или Пангерманскому союзу, говорили о национальной, немецкой оборонительной войне. Сравнительно умеренные круги, видные публицисты, историки — все перешли на националистические позиции, рьяно защищая германскую политику и резко нападая на державы Антанты. Наконец, на милитаристские позиции твердо встали даже «политические профессора», идеологи экспансионизма, казалось бы недавно проповедовавшие идеи о распространении германских культурных ценностей и выступавшие против агрессивной пангерманской пропаганды, — Теодор Шиман, Пауль Рорбах, Эрнст Ревентлов, Отто Хётч и др.

Существенным представляется то обстоятельство, что Т. Шиман, О. Хётч, П. Рорбах были не просто немцами, а остзейскими немцами и, следовательно, испытывали воспитанную веками потребность возлагать на Россию любую вину — как на извечного, с их точки зрения, врага Германии и всех немцев¹. Именно с началом мировой войны начинается апофеоз «шиманизма» — своего рода сплетения милитаризма, империализма и шовинизма. Этот набор идеологием не сходил со страниц английских и французских газет и был связан с именем Теодора Шимана, главного правого колумниста кайзеровской эпохи, поскольку благодаря ему вышел со страниц публицистики в сферу реальной «большой политики». В своей книге «Германия и большая политика», и главным образом в ее завершающем томе, вышедшем в 1915 г. с особым подзаголовком — «Последние этапы на пути к мировой войне», Шиман последовательно рисовал картину планомерного враждебного окружения Германии, вынужденной, несмотря на свое стремление к мирному развитию германства, прежде всего в культурной и экономической сферах, защищаться от агрессивной политики Европы². Строго говоря, внешнеполитическое теоретическое обоснование — «концепцию заложника» — задолго до войны сформулировал барон Фриц фон Гольштейн, закулисный творец германской дипломатии, многолетний «серый кардинал» германской внешней политики, фактически

¹ Schieman T. Die letzten Etappen zum Weltkrieg. Berlin, 1915; Hoetzsch O. Rußland als Gegner Deutschlands. Leipzig, 1914; *Idem*. Die deutsche Sache — Die deutsche Seele. Berlin, 1917; Rohrbach P. Warum es der deutsche Krieg ist! Stuttgart; Berlin, 1914; *Idem*. Woher kam der Krieg? Weimar, 1916.

² Schieman T. Deutschland und die große Politik anno 1901–1914. Bd. 1–14. Berlin, 1902–1915; *Idem*. Die letzten Etappen zum Weltkrieg.

глава министерства иностранных дел; однако вся негативная слава за нее досталась Шиману, легитимировавшему ее как до войны¹, так и во время нее.

В феврале 1914 г. Шиман, обеспокоенный приближением европейской войны на невыгодных для Германии условиях, счел необходимым дать своего рода квинтэссенцию своей позиции в отношении Англии: «Мое (т.е. мое личное) мнение и твердую убежденность я хотел бы резюмировать следующим образом: не было такого периода времени, когда все трудности европейской, равно как и мировой политики могли бы быть лучше, чем это возможно сегодня, направлены на путь спокойного и процветающего развития благодаря одному-единственному спасительному решению. И это решение звучит так: англо-германский альянс. <...> ...англо-германский союз сегодня представляется утопическим; но это не изменяет моей убежденности в том, что он рано или поздно должен стать реальностью, поскольку тем самым немецкие интересы, как и английские, так же как, наконец, и вся общность европейских интересов, проявятся наилучшим образом»². Показательно, однако, что сам Шиман назвал свою позицию «утопической». Речь не могла идти не только о союзе, но даже о нормализации обстановки. Слишком многое разделяло в то время Англию и Германию. Столкновение интересов в экономике и на заморских территориях порождало необходимость вооружаться — вначале, по убеждению экспансионистов, для защиты, по мере усиления противостояния — для нападения. Самый сложный вопрос — о флоте — не поддавался решению. Все это приводило к военно-политической конфронтации, и ни английские, ни германские правящие круги не были заинтересованы в подлинном улучшении взаимоотношений. Следствием и, одновременно, источником напряженности между двумя странами была пропагандистская кампания по созданию образа «главного врага», культивированию вражды и даже ненависти к европейскому соседу.

В противовес остзейцам и в русле господствующего агрессивного анти-английского дискурса, Э. Ревентлов возлагал всю вину не на Россию, а на Англию — как на давнего непримиримого противника³. Броско заклеив Британию «вампиrom континента», он издал в 1915 г. яркую книгу, где разоблачал английскую политику и ее империалистические цели, средства и методы действия. «Вампир континента» имел исключительный успех у немецкого читателя, в 1916 г. вышло его одиннадцатое (!) издание⁴.

¹ Начиная еще со своей знаменитой статьи от 14 июня 1905 г., где он комментировал исход Марокканского кризиса и последовавшую за этим отставку Делькассе. Шиман писал, что было бы заблуждением полагать, будто немецко-английская война означает опасность только для Германии. «Германия может вести подобную войну, за которую — как мы это видели — следует поблагодарить Францию» — на территории самой Франции. Основная мысль была в том, что в случае войны с Англией и почти неизбежного уничтожения германского флота Германия с ее подавляющим преимуществом на суше возьмет реванш во Франции, используя ее в качестве своего рода заложника. См.: *Schiemann Th. Deutschland und die große Politik...* Bd. 5. Berlin, 1906. S. 215.

² *Schiemann T. Deutschland und die große Politik...* Bd. 14. Berlin, 1915. S. 72–73.

³ *Reventlow, Graf Ernst zu. England, der Feind.* Stuttgart; Berlin, 1914.

⁴ *Reventlow, Graf Ernst zu. Der Vampir des Festlandes: Eine Darstellung der englischen Politik nach ihren Triebkräften, Mitteln und Wirkungen.* Berlin, 1915. Последнее, четырнадцатое издание появилось в 1940 г., служа уже целям фашистской пропаганды.

П. Рорбах во время войны работал в Морском министерстве, ездил в Брюссель, чтобы узнать возможные пути воздействия на бельгийское общественное мнение (поручение, оказавшееся совершенно безнадежным), и в Стокгольм, где читал лекции в «немецком духе». В мае 1916 г. Рорбах с той же целью направился в занятую германскими войсками Курляндию и по пути, под Ковно, пытался встретиться с главнокомандующим Гинденбургом, которому хотел сообщить свои идеи о путях дальнейшего развития войны. Однако это не удалось, и дальше Людендорфа Рорбах не пробился. Навязать генералу свою точку зрения публицист не смог. Он советовал бросить все силы против России и был уверен, что в этом случае ее окончательный разгром неизбежен. Поэтому он предлагал отказаться от Бельгии (после чего продолжение войны со стороны Антанты не будет выглядеть морально оправданным), сохранить на Западе статус-кво и добиться решающего преимущества на Востоке. Ответ Людендорфа был лаконичен: «То, что Вы хотите, — есть политика, которой я, как солдат, не могу заниматься»¹. Еще одним разочарованием стало решение о начале неограниченной подводной войны. Рорбах и все те, кто группировался вокруг него и военного историка и теоретика профессора Ганса Дельбрюка, были противниками такой войны, как неизбежно ведущей к вступлению в войну США и созданию решающего перевеса в пользу антигерманского лагеря. Для них всех война кончилась «предательством в Версале»².

После войны Рорбах подробно разобрал ошибки германского руководства и свои попытки их исправить. Помимо упомянутых выше, одной из главных ошибок он считал отсутствие в Германии четкой программы противодействия враждебной пропаганде: «В этом отношении у нас отсутствовала не только действенная практика, но даже элементарное понимание». В то время как английская и французская печать подробно информировала своих и иностранных читателей о поступках и речах политических лидеров, в нужном ей свете трактовала каждый факт и каждый шаг любой известной персоны, на немецкой стороне об этом совсем не задумывались: «С этой стороны наши усилия настолько малозначительны, что трудно найти подобную нацию, которая располагала бы столь мощными силами, как Германия, и была бы столь слаба в организации вспомогательных средств»³. Другой ошибкой экспансионистам (как, например, Т. Шиману) виделась война с Англией; смыслом происходивших событий должно было стать сокрушение России, борьба с «русской угрозой». В 1916 г., в разгар немецкого наступления на Восточном фронте, Шиман писал: «Россия — вот опасность, которая остается и с которой со всей очевидностью придется считаться следующим поколениям, если мы не освободим их от этой опасности. Россия велика и тем опасна для Европы, которая сегодня находится на русской стороне и выступает против нас, против Германии»⁴.

¹ Rohrbach P. Um des Teufels Handschrift: Zwei Menschenalter erlebter Weltgeschichte. Hamburg, 1953. S. 201.

² Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. Stuttgart, 1921. S. 339.

³ Rohrbach P. Um des Teufels Handschrift. S. 206–207.

⁴ Düsseldorf Generalanzeiger. 16.10.1916.

В целом для позиции немецких ученых, публицистов, писателей, серьезных журналистов в годы Первой мировой войны характерна переориентация на поддержку войны, своего рода добровольная идейная мобилизация. Примеры, выбивающиеся из господствовавшего в ходе войны, особенно в ее начале, проправительственного дискурса, являли собой редкое исключение, лишь подчеркивая практически полный национальный консенсус в вопросе отношения к войне.

Ричард Демель, принадлежавший к литературному кружку Стефана Георге, в числе других умеренно либеральных литераторов вполне вписывался в общий дискурс имперского национализма, выступал за необходимость войны и, как и многие, широко пропагандировал превосходство германства. Однако уже в первые месяцы войны он изменил точку зрения на противоположную. Для иллюстрации этого тезиса сошлемся на две полярные по смыслу дневниковые записи Демеля: «Я полагаю, что мы без ложной скромности можем приписать нашему народу наиболее сильное воплощение идеи человечности» и «Трудно продолжать верить, что дело Германии — дело благородной человечности»¹. Эти высказывания разделяют менее чем три месяца. Но это скорее исключение. С небольшими оговорками можно констатировать факт глубокого вовлечения интеллектуалов, даже наиболее влиятельных и политически неангажированных, в феномен политического национализма и милитаризма. Писатели, художники, историки² в своем творчестве поддерживали официальный тезис о невинности Германии в развязывании войны и ее вынужденном в нее вовлечении.

Это касалось даже левых: германская социал-демократия, как известно, почти единодушно поддержала выделение военного кредита в первые дни войны. Основной причиной смены ее традиционно резко оппозиционной риторики на «патриотическую» стало успешное внедрение правительством в ходе июльского кризиса тезиса о неизбежности надвигающейся оборонительной войны с Россией. 4 августа 1914 г., на решающем заседании рейхстага, председатель СДПГ Хуго Хаасе обосновал позицию партии исходя из трактовки социалистами причин уже начавшейся войны. В качестве таковых он назвал империализм и гонку вооружений — и все же поддержал свое правительство в борьбе против русского деспотизма. Классическая цитата первых дней войны наглядно отражает распространенные в обществе настроения³: «Мы должны не только вести оборонительную войну против Англии и Франции — прежде

¹ Цит. по: *Schröter K. Der Chauvinismus und seine Tradition: Deutsche Schriftsteller und der Ausbruch des Ersten Weltkriegs* // Schröter K. *Literatur und Zeitgeschichte: Fünf Aufsätze zur deutschen Literatur im 20. Jahrhundert*. Mainz, 1970. S. 16, 20.

² Как, например, подписанты «Манифеста 93-х», Фридрих Майнеке, Отто Хинтце и др.

³ Хотя и с той оговоркой, что стереотипные образы восторженных толп, с воодушевлением приветствующих прокламацию об объявлении войны, основанные не только на фотографиях и репортажах (подцензурной) прессы, но даже и на мемуарных зарисовках, были релевантны для городов, особенно крупных, но никак не для деревни, которая в массе своей идею войны не поддержала.

всего, мы должны вести войну против царизма, и ее мы будем вести с полным воодушевлением. Ибо это есть война за культуру»¹.

Теоретически внешнеполитическая концепция и социал-демократов, и христианских демократов заключалась в сохранении возможности для создания европейской общности национальных демократий. И СДПГ, и Партия центра даже в годы войны не потеряли горизонтальных связей с политическими единомышленниками в других странах и стремились их по возможности укрепить. Однако в среднесрочной перспективе это представлялось явно невозможным. В целом картина германского общественного мнения была почти гомогенной: не считая немногих противников войны и постепенно распространявшегося в рядах СДПГ² недовольства войной и сомнения в невиновности Германии в ее развязывании, господствовало убеждение в правомерности, оправданности и неизбежности участия Германии в этом конфликте — убеждение, вплоть до конца войны подкреплявшееся как пропагандой и цензурой, так и реальной опасностью уголовного преследования за возможные критические, тем более — антивоенные или пацифистские высказывания. Так, К. Либкнехт, Р. Люксембург, да и не только они получили многолетние сроки за выступления против «гражданского мира»; при желании подобные выступления можно было трактовать и как измену родине с потенциально вытекающей из этого, по законам военного времени, смертной казнью. Тем не менее уже в декабре 1914 г. К. Либкнехт заявил, что в развязывании войны виновна прежде всего Германия.

Некую попытку подойти с другой стороны к идее наднациональной, центрально-европейской общности предпринял Фридрих Науман, даже в ходе войны продолжавший разрабатывать свою знаменитую концепцию «Срединной Европы», основанной на союзе исторически, духовно и этнически близких народов. Его размышления до войны были оформлены в основном в виде докладов; изданы они были уже после начала войны. Самые первые дни предвиденной им войны показали справедливость опасений, что Германия может потерять свои заморские территории и вынужденно возвратиться к бисмарковскому континентальному положению. Развивая свои прежние идеи, Науман поставил целью показать не только опасности, но и преимущества подобной ситуации. В ноябре 1914 г. в журнале *Hilfe* им была опубликована статья «Срединно-европейские мысли о будущем»³, затем другие работы; наконец, в 1915 г. издан обобщающий трехсотстраничный труд «Срединная Европа»⁴. Экономический

¹ Das Hamburger Echo. 1914. Характерно, что в противоположном лагере аргументация — необходимость войны против варварства — была порой дословно идентичной. Так, сравнительно широко отмечавшийся в 1916 г. тройной юбилей — 300-летие со дня смерти Козьмы Минина, Шекспира и Сервантеса — использовался в пропагандистских целях как платформа для противопоставления высокой русской культуры (как части общеевропейской культуры) тевтонскому варварству.

² См. *Juniusbroschüre* Р. Люксембург, опубликованную в июне 1916 г., в которой руководству СДПГ приписывается существенная роль в развязывании войны.

³ *Naumann F. Mitteleuropäische Zukunftsgedanken // Hilfe. 19.11.1914.*

⁴ *Naumann F. Mitteleuropa. Berlin, 1915.*

и военный союз государств-участников, круг которых должен быть достаточно широким, при сохранении их суверенитета и определенного равноправия при продолжении мировой политики Германской империи был призван служить, по его мнению, сохранению и укреплению континентального, а в конечном счете и мирового могущества страны. В этих рассуждениях важно отметить главное — идею всенемецкого надгосударственного национального единства, благотворно влияющего на самих немцев и оказывающего большее культурное и духовное воздействие на соседние ненемецкие народы и на распространение немецкого духа в мире, чем это способны делать разрозненные части великой нации. Идею столь же утопичную и оторванную от политических реалий, как и господствовавшая в прессе, политическом дискурсе и общественном мнении идея об «оборонительной войне» со стороны Германии.

4

часть

**ОТ ПОТряСЕНИЙ
К СТАБИЛИЗАЦИИ:
ПОСЛЕДСТВИЯ
«ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»
ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Планы держав-победительниц и мировые реалии

Пожалуй, ни один другой мирный договор, венчавший большие войны, не подвергался столь сокрушительной критике, как Версальский. Уже многие современники высказывали (хотя и в силу разных причин) неудовлетворенность его условиями. Так, в Германии прочно закрепился тезис о «версальском диктате» победителей. Министр иностранных дел Веймарской республики и глава германской делегации в Версале У. фон Брокдорф-Ранцау назвал его «навязанным [Германии. — *Е.Р.*] миром жесточайшего насилия» в противовес «торжественно обещанному миру права»¹. Для адмирала А. фон Тирпица это был «мир, равносильный гибели»². Как «неслыханный, грабительский мир» охарактеризовал Версальский договор глава советского правительства В.И. Ленин³.

С резким осуждением договора выступили не только в проигравшей Германии и подвергшейся иностранной интервенции, охваченной Гражданской войной Советской России, представители которой не были приглашены к участию в Парижской мирной конференции; разочарование и скептицизм в отношении перспектив прочной стабилизации прослеживались в оценках дипломатов, политиков, интеллектуалов победивших в войне держав. Так, значительная часть французской элиты полагала, что Версальский договор не обеспечивает безопасности Франции⁴; «миром невежества», заключая который Франция пошла на поводу у своих союзников, назвал его видный политический деятель и историк Г. Аното⁵. Если во Франции главным объектом критики договора стала недостаточность содержащихся в его статьях гарантий против возможного германского реванша, то в Англии сожалели о неспособности победивших стран преодолеть наследие войны и прежней системы международных отношений. Участвовавший в работе Парижской мирной конференции британский дипломат Г. Никольсон отмечал: «Мы приехали в Париж, уверенные в том, что вот-вот будет создан новый порядок; мы уехали оттуда, убедившись в том, что новый порядок — это лишь искаженный до неузнаваемости старый»⁶. В 1919 г. бестселлером стала книга Дж.М. Кейнса (другого члена

¹ *Brockdorff-Rantzau U. von. Dokumente.* Berlin, 1920. S. 188.

² *Тирпиц А. фон.* Воспоминания. М., 1957. С. 352.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 353.

⁴ См. подробнее: *Miquel P.* La paix de Versailles et l'opinion publique française. P., 1972.

⁵ *Hanotaux G.* Le traité de Versailles du 28 juin 1919: L'Allemagne et l'Europe. P., 1919.

⁶ *Nicolson H.* Peacemaking, 1919. L., 1934. P. 187.

британской делегации, в будущем — крупнейшего экономиста) «Экономические последствия Версальского договора», в которой он дал крайне негативную оценку процессу мирного урегулирования и пессимистичный прогноз экономического развития Европы.

Подобная критика присутствовала и в более поздних работах. Написанная в преддверии Второй мировой войны книга Э. Карра с «говорящим» названием «Двадцатилетний кризис» обращала внимание на вопиющие противоречия созданной в 1919 г. системы международных отношений, а также лежавшее в их основе несоответствие утопических проектов победителей мировым реалиям. Новая мировая война, начавшаяся в 1939 г., казалось, подтверждала обличительные оценки Версальского урегулирования. Версальский порядок стал рассматриваться в качестве короткой интерлюдии между двумя наиболее разрушительными в истории человечества войнами. В утвердившейся после Второй мировой войны на Западе реалистической парадигме в исследовании международных отношений продолжала доминировать критика Версальской системы. Так, сравнивая Венское и Версальское урегулирование, известный американский политический деятель и историк Г. Киссинджер отдавал очевидное предпочтение первому.

В современной исследовательской литературе сохраняется тезис о слабости установлений Версаля, однако специалисты смещают акцент, указывая на сложность задач, стоявших перед архитекторами мирного урегулирования, и на определенные достижения в процессе построения нового миропорядка. Лидеры великих держав «столкнулись с нерешенными проблемами Европы до 1914 г. и с ситуацией, созданной войной», — пишет британская исследовательница З. Стайнер¹. «В Париже был достигнут лучший из возможных компромиссов, которого переговорщики могли достичь в сложившихся условиях»², — полагают участники международной конференции, приуроченной к 75-летию подписания Версальского договора. Так каковы же были эти условия, в какой степени они позволяли реализовать ожидания лидеров держав и их обществ в отношении послевоенного урегулирования?

Проблемы принципов организации послевоенной системы международных отношений, как и более конкретные вопросы военных целей каждой из держав, обсуждались в среде их руководства на протяжении всей войны. Как военные действия, так и дипломатия участников войны были направлены на получение максимально возможного выигрыша по ее результатам. Еще в ходе конфликта державы Антанты заключили ряд тайных договоров, предполагавших в случае победы территориальные приращения за счет проигравшей стороны и передел сфер влияния в свою пользу. В то же время с самого начала войны частью идейного арсенала Антанты являлись либеральные ценности,

¹ Steiner Z. *The Lights that Failed: European International History*. Oxford, 2005. P. 15.

² *The Treaty of Versailles: a Reassessment after 75 Years* / Ed. by M.F. Boemeke, G.D. Feldman, E. Glaser. Cambridge, 1998. P. 3; см. также: *The Paris Peace Conference, 1919: Peace without Victory* / Ed. by M.L. Dockrill, J. Fisher. N.Y., 2001. P. 13.

не всегда сочетавшиеся с традициями силовой политики. В качестве целей, за которые велась война, выдвигались международное право, права малых стран, а на заключительном ее этапе — воплощение в жизнь «принципа национальностей». В общественной дискуссии присутствовали идеи преобразования внутреннего строя государств-противников в соответствии с либеральными принципами и перестройки системы международных отношений на правовых основаниях. Антанта обличала германский милитаризм, Австро-Венгрия представляла почти что «тюрьмой народов». Февральская революция в России завершила идейное размежевание между блоками. Вступление в войну США, лидер которых провозглашал необходимость построения мира на «проверенных основаниях политической свободы»¹, еще больше усилило либеральную составляющую программы Антанты.

Чем дольше продолжалась война, тем более мощной становилась тенденция отрицания принципов, на которых базировалась старая система международных отношений. Важным фактором, подкреплявшим эту тенденцию, являлась невиданная доселе демократизация — повышение роли масс в общественной жизни, которое принесла с собой война. Успехи и неудачи в ней определялись не только деятельностью кабинетов министров и расчетами генеральных штабов, они зависели от действий массовых армий: солдат — на полях сражений, рабочих — на заводах. Наиболее драматическим проявлением «века масс» стали революционные потрясения в государствах, потерпевших в войне поражение. Мнение широких слоев населения не могли не учитывать и политики стран-победительниц.

Массовые настроения существенно изменились за годы войны. К ее концу не осталось и следа от энтузиазма, охватившего достаточно широкие слои общества с ее началом. Солдатские волнения и участвовавшие случаи братания с противником являлись показателями восприятия массами солдат несоответствия целей войны собственным интересам. Огромные жертвы и тяготы вели к формированию в обществе запроса на мир и новые принципы организации международных отношений, способные этот мир надежно обеспечить. Набравшие силу социалисты выдвигали тезисы о необходимости построения системы с целью предотвращения войны. Либеральная общественность также призывала к созданию основ более справедливого мира.

Процесс демократизации косвенно затронул международные отношения. В ходе войны заявили о себе те игроки, к которым раньше практически не прислушивались. Поиск союзников и стратегические расчеты заставляли великие державы обращать гораздо большее, чем прежде, внимание на позиции малых стран и национальных движений. В армиях союзников сражались колониальные войска, заметный вклад в победу внесли британские доминионы. Наконец, наиболее мощным проявлением процесса демократизации стал распад в результате войны четырех империй — Российской, Австрийской, Германской и Османской.

¹ Congressional Record. Sixty-fifth Congress of the United States. 1st Session. Senate. Doc. 5.

В мир стремительно вторгались разрушавшие старую систему силы. Недаром на завершающем этапе войны были выдвинуты новые всеобъемлющие проекты перестройки системы международных отношений. Речь идет о Декрете о мире, принятом 8 ноября 1917 г. II Всероссийским Съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, и так называемых «14 пунктах» В. Вильсона — программе мира, сформулированной американским президентом в выступлении перед совместной сессией конгресса 8 января 1918 г. Исследователи не раз обращали внимание на поразительную, на первый взгляд, близость ряда положений этих документов. Обращенный не только к правительствам, но и (прежде всего) к народам воюющих стран, Декрет о мире призывал к заключению «справедливого, демократического мира», «без аннексий и контрибуций». При этом под аннексиями понимался не только захват новых территорий, но и насильственное удержание в составе государств других наций или народностей, «независимо от того, когда... насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет». Эти принципы фактически отрицали существовавшую систему международных отношений, на вершине пирамиды которой находились великие державы, посредством колониальных империй осуществлявшие свой контроль над периферией. В соответствии с провозглашенными демократическими идеалами и утверждая, что тайные договоры отвечали интересам лишь эксплуататорских классов общества, большевики отказывались от тайной дипломатии и призывали к ведению открытых переговоров о мире.

Декларация принципов мирного урегулирования, выдвинутая В. Вильсоном, представляла собой одновременно заявление США о своих претензиях на лидерство в послевоенном мире и реакцию на мирные инициативы советского правительства. В условиях усталости от войны, дискредитировавшей в глазах значительной части населения Европы прежнюю систему, провозглашенные большевиками идеи звучали привлекательно. Либеральные демократии Запада не могли позволить себе отдать инициативу в руки Советской России¹. Программу американского президента часто называют наиболее серьезной «либеральной альтернативой» Декрету о мире.

«14 пунктов» Вильсона содержали положения об отказе от тайной дипломатии и решении колониальных споров с учетом мнения населения колоний. Помимо этого, в числе общих принципов, провозглашенных американским президентом, были свобода морей, устранение торговых барьеров, сокращение вооружений. «Принцип национальностей» и воля народов, населявших многонациональные империи, выдвигались в качестве одной из основ территориально-политического урегулирования на территории Габсбургской

¹ См. об этом, например: *Мальков В.Л.* Версаль: дипломатический эпилог войны // Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 611.

и Оттоманской империй, при проведении границ Италии, на Балканах и в Польше¹. Важнейшей инициативой президента являлась идея создания Лиги Наций, призванной служить гарантией «политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств».

И у Вильсона, и у Ленина почти полностью отсутствовали преграды для обличения старой модели международных отношений. В основе сходства двух проектов лежало то, что они были выдвинуты силами, не связанными с прежней системой (большевики, которые к тому же открыто декларировали свой разрыв с ней) или слабо интегрированными в нее (США, которые, по справедливой характеристике современного исследователя П. Кеннеди, в преддверии Первой мировой войны хотя и являлись великой державой, но в «клуб великих держав» не входили²). Эти силы оказались наиболее последовательными в критике старой модели международных отношений, в наибольшей степени готовыми к ее разрушению и формированию новой системы на ином фундаменте. Однако предложенные ими альтернативы оказались принципиально различны. Американский президент не подвергал сомнению основы внутреннего строя западных демократий, он лишь стремился построить новую систему международных отношений на принципах международного права и экономической свободы, которые, как он полагал, создадут условия для американского политического лидерства. Ленин, не отказываясь от возможности взаимодействия с капиталистическими странами по тактическим вопросам, в качестве конечной цели видел преобразование внутреннего строя этих государств в результате победы пролетарской революции.

Безусловно, Советская Россия в конце Первой мировой войны не обладала потенциалом США для претворения в жизнь принципов, провозглашенных ее лидерами. Поскольку та альтернатива в политическом и социально-экономическом строе государства, которая была предложена большевиками, являлась неприемлемой для элит Запада, мирные инициативы советского правительства оставались без ответа. Однако как на завершающем этапе войны, так и в процессе мирного урегулирования страны Запада не могли не считаться с идейной силой большевизма.

Президент В. Вильсон

¹ См. подробнее: Романов В.В. Первая мировая война и формирование американской программы по проблеме самоопределения наций // Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира: Материалы международной конференции. Могилев, 28–29 апреля 2011 г. М., 2011. С. 120–136.

² Kennedy P.M. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L., 1989. P. 320.

В отличие от России, чрезвычайно ослабленной в результате мировой войны и находившейся в пучине войны гражданской, США к 1919 г. существенно укрепили свои международные позиции. Их потери в войне, в сравнении с европейскими странами, были минимальны, кроме того, им удалось не только упрочить ведущие позиции в промышленном и сельскохозяйственном производстве, но и стать наиболее мощной в финансовом отношении державой: за годы мирового конфликта США превратились из страны-должника в одного из крупнейших международных кредиторов. С самого начала войны сотрудничество с США рассматривалось как важное направление политики государств Антанты. Опора на американские поставки и кредиты сыграла существенную роль в поддержании военных усилий стран Согласия. Вступление США в войну, несмотря на некоторые опасения по поводу их лидерских амбиций, рассматривалось в 1917 г. и в Лондоне, и в Париже как гарантия победы. В конце войны ни победители, ни побежденные не мыслили возможности послевоенного урегулирования без США. Примечательно, что Германия обратилась с просьбой о перемирии именно к Вашингтону, а союзники (правда, с определенными оговорками) выразили свою готовность вести переговоры на базе «14 пунктов». К такому шагу их побуждала как мощь заокеанской державы, так и набиравшие силу антивоенные настроения в собственных обществах. Для многих европейских либералов более активная вовлеченность в процесс мирного урегулирования США, связанных с европейской цивилизацией, но в то же время не скомпрометировавших себя участием в прежней, «порочной» системе, давала надежды на построение «лучшего», «более справедливого» мира.

Однако принятие на словах американской программы мира политическим руководством европейских стран далеко не означало единства в лагере победителей, а американские претензии на лидерство — что США действительно стали единоличным лидером. Из великих держав, помимо США, наибольшим потенциалом и способностью серьезно влиять на выработку условий мира обладали Великобритания и Франция. Интересы двух других держав-победительниц, Японии и Италии, ограничивались преимущественно региональными рамками. Лондон и Париж со старой системой международных отношений связывали гораздо более прочные узы, чем Вашингтон; лидеры европейских держав не готовы были отказаться от тех преимуществ, которые их страны имели до Первой мировой войны. Более непосредственно они ощущали и угрозы своей безопасности: сильны были опасения возрождения германской мощи, как источник серьезной угрозы стал рассматриваться большевизм. Либеральный универсализм президента Вильсона далеко не всегда был совместим с интересами европейских великих держав и способен предложить удовлетворяющее их решение международных проблем. Политики и дипломаты этих стран осознавали идейную силу новых принципов, сами использовали их в пропагандистской кампании, однако они также понимали слабости универсализма в столкновении со сложными реалиями международных отношений. При видимости согласия, в отношении европейских лидеров к «14 пунктам» присутствовала значительная доля скептицизма. Примечательно, что даже склонный

к сотрудничеству с США британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж охарактеризовал «14 пунктов» как «очень туманные» и «очень опасные»¹.

Наряду с оптимизмом, порожденным победой, и в среде руководства великих держав, и в общественной дискуссии присутствовала значительная доля скепсиса в отношении возможности отказа от силовой политики и торжества принципов, провозглашенных американским президентом. В условиях революционного подъема и усталости от войны, этот скептицизм на стадии подготовки к конференции был в меньшей степени выражен публично, чем надежды на создание более совершенной и справедливой системы международных отношений. Он был более сильным во Франции, для которой крайне тяжелыми оказались последствия войны и общество которой не покинуло ощущение германской угрозы. В боях Франция потеряла более 1 млн 300 тыс. человек. Процент французских людских потерь по отношению к численности населения оказался самым высоким среди великих держав. Огромный ущерб нанесла война экономике Франции: ее северо-восточные департаменты, являвшиеся средоточием промышленной мощи, стали полями сражений и подверглись разорению, военные расходы достигли огромных масштабов. Война подорвала статус Франции как международного кредитора, серьезный удар ее финансовому положению нанесли экономические и политические потрясения в России, аннулировавшей долговые обязательства царского и Временного правительств. В то же время долг вынужденного прибегать для ведения войны к внешним займам Парижа в пользу Англии и США составил более 3,6 млрд долл. Сложным было стратегическое положение — соседство с Германией, на территории которой практически не велось боевых действий и которая, в глазах французского руководства (если не сокрушить ее мощь условиями мирного договора), была способна на быстрое возрождение и реваншистскую войну. Революция и Гражданская война в России, распад Австро-Венгрии создавали опасный вакуум силы на Востоке, которым мог воспользоваться Берлин. Неудивительно, что в качестве своей основной задачи французское руководство рассматривало максимальное ослабление Германии, а также обеспечение базы для восстановления собственной экономики — в том числе за счет получения территориальных приращений и репараций с поверженного противника.

Иным было положение Англии, характеризуя которое Дж.М. Кейнс писал: «Англия все еще стоит как бы вне Европы. Безгласные содрогания европейского материка не доходят до ее сознания. Он живет своей особой жизнью, и Англия не составляет части его тела»². Результаты Первой мировой войны для Великобритании оказались противоречивыми. С одной стороны, в ходе войны была достигнута главная цель ее политики — предотвращено германское доминирование в Европе и подавлены претензии Германии на статус «мировой державы». Подорванной оказалась морская мощь Германии. Англии удалось укрепить свое влияние в Африке, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии.

¹ Цит. по: *Stevenson D. The First World War and International Politics. Oxford, 1988. P. 232.*

² *Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского договора (фрагменты) // Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М., 1993. С. 26.*

Очевидно ослабленными из войны вышли европейские конкуренты. Поэтому позиции Англии на мирной конференции были достаточно прочны: перед Лондоном стояла задача закрепить уже достигнутое — благоприятную расстановку сил в Европе, превосходство на Ближнем Востоке, лидерство в вопросе морских вооружений.

С другой стороны, ведение войны потребовало огромных ресурсов. 5 млн человек сражалось на фронтах Первой мировой. Людские потери Великобритании исчислялись цифрой почти в 705 тыс. чел. Государственные расходы за годы войны выросли с 12,5% до 51,7% от ВВП. Источником финансирования военных усилий, наряду с налогами, стали внутренние и внешние займы. Государственный долг к концу войны вырос в 12 раз по сравнению с довоенным уровнем и превысил 7 млрд ф.ст. Война оказала негативное влияние на позиции Великобритании в мировой торговле и финансах. Такие итоги подпитывали возникшие еще в ходе войны сомнения в отношении того, стоила ли она принесенных жертв, и порождали надежды на воплощение в жизнь новых принципов.

Во многом в соответствии с географическим, стратегическим и экономическим положением, результатами войны для Англии, ее позиция по вопросам мирного урегулирования была промежуточной между либеральным универсализмом Вильсона и традиционализмом французского премьер-министра Ж. Клемансо, в большей степени, чем лидеры Англии и США, склонного рассматривать международные отношения в категориях силовой политики и с точки зрения обеспечения французской безопасности. Относительная стратегическая неуязвимость, роль экономического и финансового центра мира, которую Англия играла на протяжении значительной части XIX — начала XX в. и от которой не собиралась отказываться, несмотря на существенные потери в ходе войны, сближала ее подход к мирному урегулированию с подходом США.

Ж. Клемансо

Как Вашингтон, так и Лондон не желали чрезмерного ослабления Германии и усиления Франции в Европе. Интересом, объединяющим обе страны, являлась стабилизация европейского рынка.

В то же время стремление Лондона к сохранению и укреплению колониальной империи входило в противоречие с принципами, провозглашенными В. Вильсоном; не готова была отказаться Великобритания и от своего преобладания на морских просторах и оружия морской блокады, противоречившего выдвигавшемуся президентом США принципу «свободы морей».

Не лишенной внутренних противоречий была и позиция самих США. Новая организация системы международных отношений от-

крывала Вашингтону дорогу к лидерству. Однако в среде американской элиты существовали серьезные сомнения относительно целесообразности вовлечения США в сферу мировой политики, сильными оставались изоляционистские настроения, подкрепленные в значительной степени характером американской экономики, продолжавшей оставаться самодостаточной, несмотря на значительное расширение торговых и финансовых связей с Европой.

Огромная идейная сила либеральной риторики в ходе войны помогла странам Антанты сплотить общества и одержать победу, однако новую систему невозможно было построить «с чистого листа». Интересы и возможности великих держав далеко не во всем соответствовали провозглашенным принципам.

Думается, неверно было бы утверждать, что среди руководства великих держав отсутствовало понимание сложности стоявших перед ним задач. Нельзя их упрекнуть и в невнимании к деталям. Не случайно во всех странах над выработкой предложений по условиям мира работали группы экспертов — специалистов в области истории, этнографии, географии, экономики.

Так, во Франции в январе 1917 г. по инициативе кабинета А. Бриана был создан Исследовательский комитет во главе с известным историком Э. Лависсом, который подготовил записки, карты, статистику по вопросам территориального урегулирования в Европе и на Ближнем Востоке. Еще один комитет, под председательством сенатора Жана Мореля, занимался проработкой основных экономических вопросов. Наконец, в декабре 1918 г. — январе 1919 г. А. Тардье, ставший основным советником Ж. Клемансо на Парижской мирной конференции, обобщил результаты работы, проведенной в рамках Исследовательского комитета, а также отдельных министерств, и подготовил французские предложения по вопросам мирного урегулирования¹.

К разработке проектов мирного урегулирования в Лондоне обратились еще летом 1916 г. В 1917 г. в рамках Военного кабинета были созданы подкомитеты во главе с Дж.Н. Керзоном и А. Милнером, занимавшиеся, соответственно, подготовкой предложений по территориальным и экономическим вопросам будущего урегулирования. Важное значение в процессе подготовки к мирной конференции имело формирование в марте 1918 г. Департамента политической разведки в рамках британского внешнеполитического ведомства. Его сотрудники провели детальный анализ ситуации как в государствах-союзниках, так и в государствах — противниках Великобритании. В состав департамента входили такие известные интеллектуалы, как А. Тойнби, Л. Намиер, братья Липер. Возглавлял его работу опытный сотрудник Форин оффис У. Тиррелл. Как и в других странах, выработка предложений к конференции не являлась прерогативой исключительно Министерства иностранных дел. Активно участвовали в ней разведывательные подразделения в Министерстве блокады, Адмиралтействе, военном ведомстве, сотрудники Казначейства и Министерства

¹ Тардье А. Мир. М., 1943. С. 76.

торговли. Обобщением британских предложений для конференции занимался член Военного кабинета генерал Я. Смэтс¹.

В США для разработки программы мира в сентябре 1917 г. была создана группа «Инквайери», часть членов которой вошла в американскую делегацию, отправившуюся в Париж².

Парижская мирная конференция, открывшаяся 18 января 1919 г., была беспрецедентным по своим масштабам международным форумом. В ее работе приняли участие представители 27 стран-победительниц. Великие державы направили в Париж многочисленные делегации. Так, если в 1815 г. штат британского министра иностранных дел Каслри в Вене насчитывал 14 человек, то в состав британской делегации в Париже входило 207 человек, не считая обслуживающего персонала (машинисток, курьеров, шоферов, поваров, официантов)³. Общественный интерес к конференции были призваны удовлетворить более 500 журналистов, освещавших ее работу.

О сложности и многообразии вопросов, с которыми пришлось столкнуться архитекторам Версальской системы, свидетельствует тот факт, что в рамках конференции было создано около 60 различных групп — комиссий, комитетов, подкомитетов. Всего в Париже было проведено более 1600 заседаний по различным вопросам мирного урегулирования⁴. Однако основные решения принимались лидерами ведущих держав, сформировавшими сначала Совет десяти, куда входили главы делегаций и министры иностранных дел великих держав, а затем Совет четырех, в котором главы делегаций США, Великобритании, Франции, Италии заседали уже без участия министров.

Хотя влияние Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо часто вслед за участвовавшим в работе Парижской конференции лордом Дж. Ридделлом уподоблялось власти королей или императоров над судьбой народов⁵, на деле лидерам ведущих государств не были подконтрольны ни внутренние процессы в собственных странах, ни, тем более, международные реалии. Полное сарказма замечание Кейнса о том, что на конференции «Клемансо думал о том, как бы задушить экономическую жизнь врага, Ллойд Джордж — как бы поудачнее совершить сделку и привезти домой нечто такое, что выдержит критику на неделю, президент [Вильсон. — *Е.Р.*] — как бы не сделать чего-либо противоположного справедливости и праву»⁶, свидетельствовало о разочаровании экономиста тем, что главы делегаций, по его мнению, оказались не способны возвыситься

¹ См. подробнее: *Портнягин Д.И.* Великобритания и проблемы послевоенного урегулирования на Парижской мирной конференции 1919 г. // Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 1. М., 2011. С. 108–109; *French D.* The Strategy of the Lloyd George Coalition, 1916–1918. Oxford, 1995.

² См. подробнее: *Романов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005.

³ *Steiner Z.* Op. cit. P. 16.

⁴ *Тардые А.* Указ. соч. С. 81–85.

⁵ *Steiner Z.* Op. cit. P. 18; *The Treaty of Versailles: a Reassessment after 75 Years.* P. 483. См. также: *Riddell G.* Lord Riddell's Intimate Diary of the Peace Conference and After, 1918–1923. L., 1933.

⁶ *Кейнс Дж.М.* Цит. соч. С. 28.

над частными интересами во имя решения общих проблем. Однако оно также отчасти отражало те условия, в которых действовали лидеры Франции, Англии и США.

Упреками человека, «ничего не понявшего в истории Европы» последних пятидесяти лет, чей «островной эгоизм не имел никогда представления о том, что такое вторжение», назвал оценку Кейнсом французской позиции в отношении Германии Тардьё¹. Клемансо не мог не считаться ни с потерями Франции в годы войны, ни с необходимостью обеспечить ей гарантии безопасности на будущее. Британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж приехал во Францию после выборов, на которых ведомая им либерально-консервативная коалиция была поддержана избирателями. Однако реальными победителями на выборах стали консерваторы, получившие 348 депутатских мандатов из 484 завоеванных коалицией, и премьер-министр ощущал зависимость от своих консервативных коллег. В то же время в политической системе Великобритании возростала роль лейбористов, завоевавших в ходе выборов 60 мест в палате общин и тем самым существенно увеличивших свое представительство в парламенте по сравнению с довоенным. Их агитация против антисоветской интервенции, за сокращение вооружений, в пользу Лиги Наций являлась важным фактором внутривнутриполитической ситуации, который должен был учитывать Ллойд Джордж. Наконец, президент Вильсон понимал, что компромиссы со старой системой подорвут как претензии США на лидерство, так и его позиции в собственной стране.

Безусловно, на Парижской мирной конференции каждый из лидеров великих держав отстаивал интересы своей страны, часто в противовес другим державам, однако их объединяло стремление закрепить плоды общей победы. Заложенные в Париже основы новой системы международных отношений стали результатом сочетания и столкновения ценностей, интересов, возможностей великих держав, итогом компромисса между ними.

Одним из важнейших и наиболее амбициозных проектов, который реализовался в результате деятельности Парижской мирной конференции и вобрал в себя противоречивые тенденции периода, стало создание Лиги Наций — международной организации по поддержанию мира. Именно Лига Наций явилась «идеологическим, политическим и моральным ответом западного либерализма... на мировой кризис 1914–1918 гг.»², остро поставивший вопрос о создании механизмов регулирования отношений между государствами, способных предотвратить возникновение войн в дальнейшем и тем самым обеспечить реализацию либерального идеала.

Идея Лиги Наций в годы Первой мировой войны получила, как мы уже отмечали, распространение и в европейских великих державах, и в США. В числе общественных и политических группировок Великобритании, которые уже в начале войны предложили различные проекты создания международной орга-

¹ Тардьё А. Указ. соч. С. 90.

² Egerton G. Great Britain and the Creation of the League of Nations: Strategy, Politics, and International Organization, 1914–1919. Chapel Hill, 1978. P. 201.

низации или системы коллективных действий великих держав, направленных на поддержание мира, были СДК, группа Брайса (бывшего посла в Вашингтоне), Фабианское общество, Общество Лиги Наций, созданное в 1915 г. В преддверии Парижской мирной конференции в Англии был образован Союз за Лигу Наций, во главе с бывшим министром иностранных дел Э. Греем. Во Франции активным сторонником идеи Лиги Наций являлся не раз занимавший министерские посты, а в 1895–1896 гг. возглавлявший правительство Французской республики Леон Буржуа. В июне 1918 г. специально созданный комитет под его руководством выработал французский проект устава международной организации. Однако наиболее влиятельным приверженцем идеи Лиги Наций, безусловно, был президент США, который на мирной конференции настоял на первоочередности обсуждения вопроса о ее создании и возглавил Комиссию по разработке ее устава. На стадии обсуждения и разработки планов этого документа спектр мнений по вопросу о полномочиях и функциях Лиги даже в рамках отдельных стран оставался чрезвычайно широким. Одни проекты предлагали придать международной организации исполнительную власть, предоставить ей функции международного контроля над вооружениями, права вмешательства в экономические вопросы и использования вооруженных сил держав для претворения коллективных решений в жизнь. Другие — рассматривали ее как усовершенствованную систему «европейского концерта» с подключением к нему США.

Создание Лиги Наций, формально провозглашавшей равенство больших и малых стран, отнюдь не означало устранения иерархии из системы международных отношений, на вершине которой по-прежнему оставались великие державы. Это отчетливо проявлялось в характере обсуждения вопросов на конференции; в то же время дискуссия о представительстве малых государств в Совете Лиги, ее руководящем органе, показала невозможность ограничиться признанием новой роли малых стран лишь на уровне риторики. Первоначально американская и британская делегации предполагали членство в Совете лишь великих держав, однако французские, бельгийский и итальянский участники Комиссии по разработке Устава настояли на включении в него представителей малых стран. Отойти от своей первоначальной позиции Лондон и Вашингтон заставляла все более настойчивая критика проектируемой Лиги, уподоблявшая ее реакционному Священному Союзу¹. Признание возросшей роли малых стран отражало европейские реалии: повышалось их потенциальное значение как союзников и опор для создававшейся системы — в условиях распада Российской империи и Австро-Венгрии, непризнания Советской России, исключения Германии из числа членов Лиги. Не случайно именно континентальные державы, Франция и Италия, поддержали в этом вопросе претензии малых государств. В то же время сохранялись сомнения в прочности этих опор, их способности заменить в этом качестве великие державы, чьи лидеры, со своей стороны, далеко не всегда проявляли готовность рассматривать малые страны

¹ См. подробнее: Egerton G. Op. cit. P. 130.

как значимые элементы системы и признать важность поддержания их территориальной целостности.

Распад империй стал одним из порожденных Первой мировой войной процессов, который вызвал к жизни огромное количество проблем, вышедших за рамки компетенций какой-либо одной страны. Резкое увеличение числа вопросов, которые приобрели характер международных, явилось отличительной особенностью послевоенной мировой политики, и, по справедливому заключению З. Стайнер, именно необходимость их коллективного решения первоначально способствовала укреплению нового института¹.

Одним из подобных вопросов стала судьба германских колоний и владений Османской империи. Провозглашенные американским президентом демократические лозунги исключали прямой раздел колоний между победителями. Вместе с тем Великобритания, Франция, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз не желали отказываться от завоеванных в годы войны территорий. Компромиссом идеалов и интересов стала мандатная система, идея которой принадлежала члену Военного кабинета Ллойд Джорджа генералу Я. Смэтсу. Она была сформулирована в памфлете «Лига Наций. Практическое предложение», опубликованном в середине декабря 1918 г. Посредством мандатов генерал предлагал осуществлять управление теми территориями (прежде всего в Европе и на Ближнем Востоке), которые после войны оказались в состоянии хаоса и безвластия. Так, Смэтс считал целесообразным возложить на будущую международную организацию задачу заполнения вакуума силы, возникшего в результате крушения Российской, Австрийской и Османской империй. Посредством системы мандатов великим державам делегировалась бы ответственность за управление территориями, возникшими на развалинах бывших империй, и развитие проживающего там населения². Изначальный замысел автора не был реализован, однако концепция нашла применение за пределами Европы. Исходя из положения о неподготовленности народов бывших германских колоний и владений Османской империи к самостоятельному существованию, они передавались под опеку «передовых наций», выступавших в качестве мандатариев Лиги Наций. Таким образом, Великобритания, Франция, британские доминионы, Япония сумели обеспечить свои колониальные интересы. Вместе с тем хотя бы на словах было провозглашено право колониально зависимых народов на независимость, к обретению которой должно было готовить мандатное управление. Державы-мандатарии предоставляли отчеты о своем управлении постоянной Комиссии Лиги Наций. Комиссия, однако, не обладала принудительной властью в отношении держателей мандата, ее заключения носили рекомендательный характер. Таким образом, общий принцип признания права народов на независимость подрывался ограниченностью его применения. Вопрос о судьбе колоний победителей вообще не рассматривался, их право владения не ставилось под сомнение.

¹ Steiner Z. Op. cit. P. 349–386.

² Smuts J. The League of Nations: A Practical Suggestion. L., 1918.

Главным вопросом послевоенного урегулирования, связанным с созданием Лиги Наций, являлся вопрос о том, сможет ли она стать органом коллективной безопасности и предотвратит возникновение войн в будущем. Серьезные споры, разгоревшиеся уже в ходе обсуждения гарантий территориальной целостности государств, обнажили разное видение лидерами держав функций Лиги Наций и разную степень готовности ограничить свободу собственных действий международными обязательствами. Итогом обсуждения являлась статья 10 Устава Лиги Наций, предполагавшая обязательство «уважать и защищать территориальную целостность и политическую независимость всех Членов Лиги».

Подобная редакция первоначально вызывала сопротивление со стороны Великобритании. Исходя из своего геостратегического положения, Англия традиционно гибко подходила к вопросам поддержания равновесия, являвшегося для нее аналогом стабильности. Стабильность не была равнозначна неизменности всех границ. Как и в XIX в., британские политические деятели отнюдь не желали связывать себя обязательствами по поддержанию территориальной целостности континентальных государств, особенно если ее нарушение не грозило сломом общеевропейского баланса сил. Кроме того, Устав Лиги принимался прежде, чем были решены вопросы территориального урегулирования в Европе. Неясность того, что предстояло гарантировать, также вызывала определенную тревогу у британских политиков. Гораздо большие надежды они связывали с принятием статьи 19, создававшей базу для мирного пересмотра отдельных договоров.

Напротив, континентальной Франции более важно было зафиксировать границы, которые подлежали определению державами-победительницами, и создать преграды на пути их ревизии. Тогда как Франция выступала за ужесточение гарантий, Лондон склонялся к тому, чтобы ограничиться лишь «негативной гарантией», т.е. обязательством отказаться от агрессии в отношении членов Лиги. Принцип «негативной гарантии» поддерживали и некоторые члены американской делегации (например, госсекретарь Р. Лансинг), но не президент Вильсон, считавший гарантии необходимыми, так как без них эффективность Лиги Наций была бы поставлена под сомнение. Хотя британская делегация в вопросе о гарантиях оказалась в изоляции, принятое положение о том, что «в случае агрессии или угрозы ее совершения Совет [Лиги] определяет меры к обеспечению выполнения данного обязательства», учитывая принцип принятия решения при условии единогласия, фактически сводило на нет зафиксированные в статье 10 обязательства. Достаточно расплывчатыми являлись и положения о санкциях, позволявшие трактовать их в зависимости от обстоятельств. В данном случае потерпела поражение французская концепция Лиги, которая предполагала, по сути, продление под ее покровом союза времен войны, направленного против Германии. Парижу не удалось реализовать свой план создания международной армии и генерального штаба под эгидой Лиги Наций: подобные положения не соответствовали целям Лондона и Вашингтона и были заблокированы американской и британской делегациями. Разногласия между

Вильсоном и британским членом Комиссии Р. Сесилем в вопросе о редакции статьи 10 касались скорее формы, чем сути. В ключевых положениях Англии и США удалось согласовать свои проекты и зафиксировать их в Уставе.

Так чем же была Лига Наций для современников? Ее Устав не исключал войну как способ решения международных конфликтов. Британские политические деятели в стремлении успокоить тех, кто опасался ограничения членством в Лиге свободы действий Лондона на международной арене, подчеркивали, что Лигу составляют суверенные государства, а в заявлении для прессы британского правительства говорилось, что деятельность Лиги «должна продолжаться зависеть от свободного согласия... составляющих ее государств»¹. Процедура обсуждения в Лиге давала время для вмешательства «просвещенного общественного мнения», что, в первую очередь, и должно было способствовать урегулированию конфликтов. Вряд ли европейские державы видели в Лиге Наций краеугольный камень мирного урегулирования. Примечательно, что такой влиятельный британский чиновник, как М. Хэнки, после консультаций с членами правительства отказался от поста генерального секретаря, не уверенный ни в правительственной поддержке Лиги, ни в ее перспективах². Г. Аното называл создание Лиги Наций сильной стороной мирного урегулирования, однако предупреждал, что нельзя полагаться на нее для обеспечения французской безопасности³.

Как и «концерт держав», Лига была успешной там, где царило согласие среди держав или где не затрагивались их жизненные интересы. В первые годы своего существования она занималась проведением плебисцитов, созданием Комиссии по управлению Саарской областью, вопросами арбитража и обеспечения прав национальных меньшинств. Под ее эгидой создавались организации, занимавшиеся неполитическими вопросами, такие как Международная организация труда.

Менее плодотворной оказывалась ее деятельность на почве регулирования экономических вопросов, поскольку их решение часто было невозможно без участия США — экономически наиболее мощной державы, в итоге, в результате решения конгресса, оставшейся вне Лиги Наций. Не смогли державы в рамках Лиги прийти к согласию по вопросу о разоружении, воспринимавшемуся каждой из них как затрагивавший жизненные интересы. Приоритет следования интересам национальной безопасности перед интернационализмом ярко проявился в высказывании У. Черчилля, назвавшего себя «другом Лиги Наций», однако отметившего, что «она не является заменой британскому флоту»⁴.

Стабильность системы не могла быть обеспечена лишь созданием нового международного института. Как и прежде, она зависела от соотношения сил держав и их способности обеспечить в рамках системы собственные интересы.

¹ The Paris Peace Conference, 1919. P. 169.

² Egerton G. Op. cit. P. 167.

³ Hanotaux G. Op. cit. P. 328.

⁴ The Times. 27.11.1918. Хотя оно прозвучало еще до создания организации, впоследствии, уже в период ее функционирования, Черчилль остался приверженцем высказанной точки зрения.

§ 2. Изменения в соотношении сил на международной арене: последствия для мировой политики

Важной составной частью послевоенного урегулирования являлась перекройка границ европейских государств и их владений вследствие внутренних процессов, военных конфликтов, продолжавшихся после окончания мировой войны, или согласно мирным договорам, продиктованным державами-победительницами. Однако помимо этих «видимых» изменений чрезвычайно большое значение для стабильности системы имело новое, сложившееся в результате войны соотношение сил между державами и во многом обусловленное им восприятие их интересов в послевоенном мире.

«Великая война» повлекла за собой изменение в международной иерархии и усложнение пространства мировой политики. Подорванными оказались позиции европейских держав, которые на протяжении ряда предшествовавших столетий доминировали в постоянно расширявшейся и углублявшейся системе мирохозяйственных связей¹. Глобальный конфликт дал импульс процессу смены лидера в системе мирового хозяйства, перенесению его ядра из Великобритании в США. Этот процесс растянулся на межвоенный период и неизбежно накладывал отпечаток не только на состояние мировой экономики, но и на политические отношения держав.

Относительное ослабление британских позиций началось еще до войны с возросшей конкуренцией со стороны других держав, активно шедших по пути индустриального развития. Однако наметившееся отставание от Германии и США в промышленном развитии тогда не сказывалось на финансовых позициях Лондона. Внешнеторговый дефицит, который испытывала Великобритания, с лихвой покрывался доходами от «невидимого» экспорта (инвестиций, страховых услуг, фрахтов) и не являлся критическим для сохранения ее лидерства. Прочность фунта стерлингов поддерживалась за счет устойчивой экономической и политической ситуации в стране, выгод ее стратегического положения, которое гарантировало относительную неуязвимость территории. Важную роль играла Великобритания в мировой торговле.

Война нанесла удар как по экспортным возможностям Великобритании, так и по ее «невидимому» экспорту. В результате войны пострадала англо-индийская торговля, приносящая метрополии огромную прибыль и покрывавшая значительную часть ее дефицита в торговле с другими странами на протяжении второй половины XIX — начала XX в. Мобилизация ресурсов для поддержания военных усилий потребовала от Индии введения протекционистских тарифов, что нанесло серьезный удар по британским производителям текстиля, львиная доля которого направлялась на индийские рынки.

¹ По данным П. Кеннеди, индексы промышленной продукции держав в 1920 г., при индексе в 100 для каждой из них на 1913 г., составили: США — 122,2; Германии — 59; Соединенного Королевства — 92,6; Франции — 70,4; России — 12,8; Италии — 95,2; Японии — 176,0. См.: *Kennedy P. Op. cit.* P. 386. Доля Америки в мировой торговле выросла с 22,4% в 1913 г. до 32,1% — в 1920-м; Азии — с 12,1 до 13,4% (см.: *Aldcroft D.H. From Versailles to Wall Street, 1919–1929.* Berkeley; Los Angeles, 1977. P. 45).

Потеря Индией европейских рынков, сокращавшая ее покупательную способность, также явилась фактором, нарушавшим сложившуюся до войны модель хозяйственных связей. Англия постепенно утрачивала былое превосходство на рынках Латинской Америки и Дальнего Востока, где она сталкивалась с возросшей конкуренцией со стороны США и Японии. Из стран Латинской Америки лишь в торговле с Аргентиной Англия сохраняла преобладание.

Еще более пострадал британский «невидимый» экспорт. Существенно ослабленной оказалась финансовая мощь Великобритании, которая, оставаясь кредитором (прежде всего для своих союзников), в ходе войны вынуждена была прибегать к займам в США¹. В условиях войны Англия сумела поддерживать стабильность своей валюты, однако сразу после ее окончания курс фунта стерлингов начал падать, и в марте 1919 г. Лондон вынужден был отойти от золотого стандарта. Его восстановление рассматривалось в качестве одного из важнейших условий возвращения прежних позиций. Все бóльшую конкуренцию со стороны США Англия испытывала не только в торговле и в сфере предоставления финансовых услуг, но и в морских перевозках. Хотя по тоннажу своего торгового флота после войны она продолжала превосходить США, британские темпы строительства уступали американским.

Наконец, традиционно интересы британской заморской торговли и ее империи поддерживались силой военно-морского флота. В этой области в годы войны Англия также ощутила растущий потенциал США. Большую озабоченность в Лондоне вызывала уже американская программа морского строительства, принятая в 1916 г. Она была нацелена на то, чтобы создать первоклассный военно-морской флот, не уступающий флоту других великих держав. После войны британское правительство оказалось перед дилеммой: необходимость возвращения к золотому стандарту требовала сокращения расходов, но сохранить свое военно-морское превосходство в условиях экономии было чрезвычайно сложно. Показателем трудностей явилось согласие британской делегации в ходе работы Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. на признание равенства предельно допустимого тоннажа линейного флота Великобритании и США. Таким образом, связав себя международным обязательством, Лондон отошел от традиционной политики «свободы рук» в вопросах строительства военно-морского флота.

В то же время Англия не собиралась отказываться от своего лидерства. Самое большее, на что были готовы пойти британские политические деятели, — разделить его с США. Некоторое ослабление Великобритании по ряду позиций не было равнозначно слабости и упадку. Несмотря на определенные тревожащие британское военно-политическое руководство тенденции, Лондон продолжал сохранять превосходство в сфере морской мощи. Великобритания оставалась одной из ведущих держав в области экономики. Ее лидеры надеялись на восстановление пошатнувшихся в ходе войны финансовых позиций и усиление своего влияния на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Однако

¹ Долговые обязательства Великобритании перед США исчислялись суммой в 4,7 млрд долл., тогда как она предоставила кредитов на сумму в 11,1 млрд долл. (*Aldcroft D.H. Op. cit. P. 93*).

вопрос о том, в какой мере Лондон сможет выполнять свои прежние функции торгового и финансового центра, организующего ядра системы мирохозяйственных связей, оставался открытым.

Перспективы перемещения такого центра в США после Первой мировой войны также оставались неясными. С одной стороны, мощь американской экономики создавала серьезные предпосылки для этого процесса. Темпы промышленного развития, огромный золотой запас, роль международного кредитора, рост объемов зарубежных инвестиций — все это подкрепляло претензии США на лидерство. С другой — слабая зависимость от внешнего рынка и «изоляциялизм» являлись силами, действовавшими в обратном направлении. Несмотря на рост американской внешней торговли в абсолютных цифрах, ее роль в экономике страны была невелика: если в 1914 г. США экспортировали чуть менее 10% от произведенных промышленных товаров, то в 1929 г. эта цифра упала ниже 8%; доля прямых иностранных инвестиций по отношению к ВВП оставалась неизменной¹.

Значительная часть американской политической элиты критически воспринимала амбициозную внешнеполитическую программу президента Вильсона: одни призывали сосредоточиться на внутренних проблемах США, другие — отдать приоритет региональной экспансии, считая нецелесообразным ограничивать свободу действий США международными обязательствами в рамках Лиги Наций. Средоточием изоляционизма являлась Республиканская партия, которая, одержав победу на промежуточных выборах в ноябре 1918 г., получила большинство в обеих палатах конгресса, что ставило под вопрос ратификацию США заключенных на Парижской мирной конференции договоров. В итоге реализовался именно такой сценарий, что, ввиду возросшей роли США и относительного ослабления европейских центров, подрывало стабильность урегулирования.

Одним из важнейших источников влияния европейских держав в системе международных отношений по-прежнему считались их колониальные империи. Период войны, как и время после ее окончания, пронизывала интенсивная борьба за колонии, разгоревшаяся между великими державами. С подконтрольными территориями продолжали связывать усиление экономической мощи; их материальный и людской потенциал давал преимущество в условиях конфликта. Не случайно в 1919–1921 гг. переживала всплеск колониальная идея во Франции. Именно за счет эксплуатации империи часть французской элиты рассчитывала хотя бы некоторым образом возместить потери, понесенные в войне². В Англии империю рассматривали не только как необходимую опору в ходе войны 1914–1918 гг., но и как залог успеха в возможных конфликтах будущего³.

¹ Kennedy P. Op. cit. P. 424.

² См. подробнее: Andrew Ch.M., Kanya-Forstner A.S. The Climax of French Imperial Expansion, 1914–1924. Stanford, 1924. P. 209–235.

³ Эта мысль нашла отражение в британской публицистике в ходе войны. См., например: Hurd A. The British Empire after the War // The Fortnightly Review. Oct. 1916. Vol. 100. P. 563–577; Low S. The War and the Problem of Empire // Ibid. March 1916. Vol. 99. P. 405–420.

Однако в новых условиях управление империей требовало как значительных средств, так и применения новых методов. Важным фактором, грозившим пошатнуть позиции европейских держав в мире, являлся всплеск национализма на периферии системы международных отношений. Государства, потерпевшие поражение в войне, лишились колоний, однако и победители вынуждены были обратить пристальный взор на ситуацию в своих владениях. Хотя за счет получения мандатов на управление бывшими германскими колониями и владениями Османской империи они фактически смогли увеличить подконтрольные территории, выдвижение принципа национального самоопределения, декларации и политика США и Советской России, сама идея мандатной системы хотя и в разной степени, но подрывали прежние принципы организации империй. Единство великих держав в отношении к колониализму раскалывалось в связи с колоссальным усилением США, ростом влияния азиатской державы — Японии, поколебавшим укорененную в общественном сознании идею превосходства «белой расы». Росту национального самосознания в британских доминионах и колониях европейских государств способствовало участие их населения в военных действиях. Война привела к определенным изменениям в области экономики. Объятый конфликтом Старый Свет служил рынком сбыта для аграрной продукции ряда неевропейских стран. Отток средств из Европы и сокращение европейского импорта в условиях войны давали импульс развитию собственной промышленности¹.

Перед лицом набиравшего силу национального движения метрополии столкнулись с необходимостью консолидации подконтрольных территорий. Применявшиеся ими методы, как и степень успеха подобной политики, различались в зависимости от конкретных условий.

В наибольшей степени изменения затронули положение доминионов в Британской империи. Еще в годы войны Ллойд Джорджем была введена практика заседаний Имперского военного кабинета, в состав которого входили главы правительств доминионов. Доминионы и Индия были представлены на Парижской мирной конференции, стали членами Лиги Наций. Отражением их возросшего внешнеполитического влияния стало получение Австралией и Новой Зеландией мандатов на управление частью бывших германских островов в Тихом океане; их интересы, так же как и интересы Канады, учитывались при подготовке к Вашингтонской конференции; позиция доминионов оказала влияние на внешнюю политику Великобритании в период Чанакского кризиса 1922 г. Закономерным развитием процесса, импульс которому дала Первая мировая война, стал подготовленный в 1926 г. доклад А. Бальфура по внутриимперским отношениям, подтверждавший равенство конституционного статуса доминионов и метрополии. Он лег в основу принятого позднее, уже в 1931 г., Вестминстерского статута, содержавшего отказ от права британского парламента предписывать законы доминионам².

¹ Этот процесс затронул прежде всего британские доминионы.

² См. подробнее: *Darwin J. A Third British Empire? The Dominion Idea in Imperial Politics // The Oxford History of the British Empire: The Twentieth Century. Oxford, 2001. P. 64–87.*

Гораздо меньшую склонность к уступкам Англия проявляла в Индии¹, где было жестоко подавлено вспыхнувшее в 1919 г. восстание в Амритсаре, а в марте 1922 г. — арестован лидер Индийского национального конгресса М. Ганди. В Египте и Ирландии англичане вынуждены были отступить перед натиском национального движения. С оружием в руках ирландцы добились статуса доминиона; он был предоставлен Ирландии договором 1921 г. В марте 1919 г. вспыхнуло восстание в Египте. Его подавление не привело к урегулированию конфликта, который демонстрировал несостоятельность применявшихся Англией методов управления. В 1922 г. Великобритания провозгласила отмену протектората и признала Египет суверенным государством. Независимость носила во многом формальный характер: Англия сохраняла свои стратегические позиции, режим капитуляций и право вмешательства в ведение всех дел, где были затронуты интересы иностранцев.

С вызовами своему господству на подконтрольных территориях столкнулась и Франция. Национальное движение активизировалось в Тонкине и Аннаме, во многом под влиянием соседнего Китая. Однако в крупное восстание оно вылилось лишь в 1930 г. В Северной Африке — зоне традиционных французских интересов и регионе, из которого Франция черпала наиболее значительные подкрепления в годы войны, достаточно прочными оставались французские позиции в Алжире, где метрополия опиралась на довольно узкую прослойку натурализованного населения. В то же время Париж был не готов выполнить обещания военных лет и распространить права французских граждан на все население страны. Конституционное движение охватило Тунис, где в 1922 г. были проведены некоторые реформы, в частности введены ассамблеи с правом совещательного голоса. В Марокко Франция, наряду с Испанией, оказалась вовлечена в войну с берберскими племенами, провозгласившими создание независимой Рифской республики.

Французская политика на подмандатной территории Сирии вызвала сопротивление местного населения, достигшее своего пика в 1925–1927 гг. Ограниченные уступки, на которые вынуждена была пойти Франция на рубеже 1920–1930-х гг., не обеспечили желанной стабильности. Англичане в 1920 г. подавили восстание, вспыхнувшее в переданном под их управление Ираке. Однако в целом британская политика в зоне мандатов на Ближнем Востоке отличалась от французской. На подмандатных территориях, за исключением Палестины, Лондон взял курс на создание формально независимых, однако фактически подконтрольных Великобритании государств.

На путь большей самостоятельности в сфере внешней политики встали после Первой мировой войны бывшие полуколонии — Турция, Китай и Иран. Предпосылки для этого были созданы как внешними условиями (отвлечением внимания европейских держав на ведение войны, порожденными ею противопо-

¹ Однако и здесь Великобритания вынуждена была пойти на ограниченные реформы. В 1919 г. был принят Закон об управлении Индией, предусматривавший создание двухпалатного законодательного органа при генерал-губернаторе. См. подробнее: *Brown J.M. India // The Oxford History of the British Empire. P. 429–433.*

речиями, дававшими возможность прежним полуколониям лавировать между разными центрами силы), так и внутренним развитием и подъемом национального движения. Так, с оружием в руках добилась пересмотра кабального Севрского договора Турция. Иран после Первой мировой войны, казалось, должен был стать объектом исключительно британского влияния. Однако навязанный ему в августе 1919 г. неравноправный договор уже в 1921 г. был денонсирован иранским правительством. Одним из факторов, позволивших Ирану освободиться от доминирующего британского влияния, стало укрепление позиций Советской России и заключение советско-иранского договора. Не готовые к ведению дорогостоящих военных операций британские войска в 1921 г. покинули территорию Персии. Еще в 1919 г. Англия вынуждена была подписать договор с Афганистаном, по которому она отказывалась от контроля над внешней и внутренней политикой страны.

Первая мировая война привела к изменению позиций великих держав в Китае. Германия и Россия выпали из числа активных участников экспансии в этой стране; существенно ослабло влияние Франции. Англия сохраняла возможности для реализации здесь своих интересов, однако сталкивалась с растущей конкуренцией со стороны как США, так и Японии. Взаимное соперничество, опасения радикализации революции в Китае, давление Вашингтона, исповедующего принципы «открытых дверей» и «равных возможностей», заставили державы отказаться от прежней политики «сфер влияния». И хотя обязательство «уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную неприкосновенность Китая», зафиксированное в «договоре девяти держав» о Китае, подписанном в ходе работы Вашингтонской конференции в 1921–1922 гг., далеко не сразу и далеко не в полной мере было реализовано на практике, оно свидетельствовало о признании лидерами ведущих держав необходимости идти на уступки местному национализму.

В целом сочетание силового давления и уступок позволило ведущим европейским державам, Англии и Франции, сохранить свои колониальные империи. Империя по-прежнему рассматривалась там как залог силы метрополии. В то же время в условиях конкуренции со стороны неевропейских акторов и нарастания местного национализма она требовала к себе повышенного внимания и большей гибкости в управлении.

При всей значимости процессов, охвативших просторы Америки, Азии и Африки, важнейшие для системы международных отношений трансформации произошли в Европе. Именно здесь распад прежних империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов оказал наибольшее влияние на мировую политику. Крушение «трех восточных империй» означало крах консервативно-монархической формы государственного устройства, тех реликтов «старого порядка», которые пережили XIX в. Однако, в противовес ожиданиям части европейских интеллектуалов, его результатом не стала организация системы на основе либерального единства.

Установление советской власти в России означало появление на международной арене государства, основанного на принципиально ином фундаменте,

чем западная цивилизация, и исповедующего иную идеологию. Идеинный антагонизм Советской России и западных держав создавал, по крайней мере в 1920-е гг., серьезные препятствия для их взаимодействия в рамках единой системы международных отношений. Однако с точки зрения процесса мирного урегулирования важным было не только возникновение в системе острого идеологического конфликта, но и крушение одной из традиционных опор европейского равновесия, каковой на протяжении существования Венского порядка являлась царская Россия. Утрата этой опоры грозила подрывом стабильности вновь формирующейся системы.

На заключительном этапе войны отношение великих держав к событиям в России диктовалось прежде всего (хотя и не исключительно) целями достижения победы. Начавшаяся интервенция носила в значительной степени антигерманский характер, хотя в ней присутствовало и стремление улучшить свои экономические и стратегические позиции за счет России. Заключение перемирия с Германией создавало принципиально иную ситуацию. Перед великими державами встала задача выработки курса в «русском вопросе» в условиях конструирования основ новой системы международных отношений.

«Русский вопрос» активно обсуждался как в политических элитах держав-победительниц, так и в экспертном сообществе, однако результатом этой дискуссии не стало определение четкой политической линии. Спектр мнений в отношении того, какой должна быть реакция на события в России, оказался чрезвычайно широким: от активной поддержки Белого движения и расширения интервенции до возможности установления контактов с большевиками. Сторонники первого подхода полагали, что большевизм представляет собой главную опасность для стабильности и мира, что он склонен к экспансионизму и грозит подрывом внутреннему устройству западных держав. В качестве формального аргумента в пользу эскалации усилий, направленных на борьбу с большевиками, указывалось на определенные моральные обязательства перед союзными в годы Первой мировой войны силами. Наиболее воинственную в отношении Советской России позицию занимали французские военные и политические деятели, прежде всего маршал Ф. Фош, активно вынашивавший планы военных экспедиций против Советской России с опорой на вооруженные силы малых стран Восточной Европы. В среде британской политической элиты наиболее влиятельным сторонником расширения интервенции являлся У. Черчилль. Позиция Франции объяснима: ее в большей степени тревожила перспектива большевизации Европы. В Париже опасались того, что результатом отказа от поддержки «белых сил» могло стать сближение России с Германией (причем как в случае их поражения, так и в случае их победы) вследствие разочарования политикой союзников. С успехом интервенции связывали определенные надежды на возрождение противовеса Германии.

Скептически относились к подобным инициативам британский премьер-министр и американский президент, характеризовавшие проекты Фоша как «авантюры». «Откуда мы возьмем войска?» — задавал вопрос Ллойд Джордж на заседании Имперского военного кабинета, споря со своими оппонентами.

Даже в маловероятной ситуации получения санкции парламента на призыв в армию, британский премьер-министр сомневался, что эта «армия граждан», всегда готовая сражаться за свободу, согласится воевать в России: «Ее нельзя будет убедить, что подавление большевизма — это война за свободу»¹. Глава правительства не мог не считаться ни с усталостью от войны, ни с популярностью демократических лозунгов, ни с позицией выступавших против вмешательства в дела России лейбористов. Нарастание военного вмешательства требовало расходов, что не входило в планы правительства ввиду широких социальных обязательств. Президент Вильсон также полагал, что идея расширения масштабов интервенции в России не получит поддержки американского общественного мнения.

Определенным препятствием на пути к углублению сотрудничества с Белым движением являлись политические расчеты. Консервативные политические взгляды его лидеров (а главное — идеал «единой и неделимой России») не вполне соответствовали интересам Великобритании и США, которые были не прочь применить к России принцип национального самоопределения и тем самым во многом парализовать в перспективе ее возможную внешнеполитическую активность. Наконец, важнейшим фактором, определившим отношение Ллойд Джорджа и Вильсона к расширению военного вмешательства в России, было понимание того, что Белое движение не опирается на массовую поддержку населения. Сомнения в жизнеспособности установленных «белыми правительствами» режимов порождали мысль о бесперспективности их поддержки, о том, что расходы и жертвы, затраченные на нее, будут напрасными.

Разногласия в правящей элите великих держав и между их лидерами, высокая степень неопределенности в отношении перспектив развития ситуации в самой России и исхода Гражданской войны обусловили колебания и непоследовательность в политике великих держав в «русском вопросе»². Ее антисоветская направленность выражалась в непризнании советской власти и том факте, что советское правительство не было приглашено к участию в мирной конференции, в продолжавшейся поддержке Белого движения и интервенции на территории России, экономической блокаде. В то же время не были допущены к участию в заседаниях наравне с другими державами делегаты от Русского политического совещания (РПС), которое возглавлялось князем Львовым и представляло интересы противостоявших большевикам сил, — как «не выражающие преобладающего в России мнения». Открытыми оставались вопросы о сроках блокады, масштабах помощи противникам большевиков, вмешательстве в гипотетическом случае перехода большевиков к наступательной политике против образовавшихся вдоль границ России государств. С одной стороны, Запад остановился в шаге от признания правительства Колчака. С другой — в поиске альтернативы расширению интервенции Ллойд Джордж и Вильсон

¹ The Paris Peace Conference, 1919. P. 77.

² См. подробнее: Листиков С.В. Проблема интервенции западных держав в России и позиция США на Парижской мирной конференции // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей. СПб., 2012. С. 243–252.

предпринимали попытки зондажа возможностей установления отношений с советским правительством, вылившиеся в идею созыва конференции с участием борющихся в России политических сил на Принцевых островах в Мраморном море и в отправку в Москву миссии во главе с руководителем отдела информации американской делегации в Париже У. Буллитом. Однако подобные инициативы не принесли результата, натолкнувшись на неприятие консервативных сил в западных державах.

Своего рода компромиссом, отвечавшим интересам и возможностям западных держав, являлась поддержка возникших вдоль окраин России государств, которые рассматривались и как «санитарный кордон» против большевизма в случае укрепления в России советской власти, и как препятствие на пути активной внешней политики России в сфере интересов держав Антанты при любом исходе Гражданской войны. В представлении западных политиков, Балтийские государства и независимая Польша являлись буфером против расширения как русского, так и германского влияния. Однако вопрос о том, в какой степени подобные государства смогут стать опорами создания устойчивой системы на востоке Европы, оставался открытым.

Нестабильность ситуации в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе усугублялась тем, что в результате войны потерпела крах Австрийская империя, еще одна великая держава — традиционный центр силы в регионе. В ходе войны и в Англии, и во Франции были как сторонники, так и противники расчленения Австро-Венгрии. Приверженцы организации «новой Европы», основанной на «принципе национальностей», ратовали за распад монархии Габсбургов, тогда как апологеты традиций баланса сил считали возможным сохранение Австро-Венгрии при условии отказа от прогерманской ориентации ее политики и преобразования на федеративных началах. Крупное государство служило бы более надежным элементом европейского равновесия, чем ряд малых стран, экономическая и политическая состоятельность которых многими политиками ставилась под сомнение. Распад империи Габсбургов снял с повестки дня дискуссии о судьбе двуединой монархии. На ее территории образовались независимые республики Австрия, Венгрия, Чехословакия, часть территории вошла в состав независимой Польши, другая — объединившись с Сербией и Черногорией, образовала Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

Заключенные в результате войны договоры не принесли стабильности в Центральную и Юго-Восточную Европу. Соперничество вновь созданных государств, а также отсутствие четких критериев определения границ привело к череде военных конфликтов в регионе. Нарушались традиционные хозяйственные связи, распался единый экономический комплекс прежних империй, экономическая и политическая состоятельность многочисленных новых государств находилась под вопросом. «Опустошительными» назвал хозяйственные результаты воплощения в жизнь «принципа национальностей» профессор Стокгольмского университета Г. Кассель в опубликованной в 1922 г. брошюре «Мировая денежная проблема». По его словам, «через полтора года после за-

ключения мира экономическое и финансовое положение Центральной и Восточной Европы было гораздо хуже, чем во время войны»¹.

Восприятие значимости урегулирования в Восточной Европе для английской и французской политики, как и подходы к этому вопросу Лондона и Парижа, несколько разнилось. Для Франции подход к отношениям с государствами ЦЮВЕ и Россией определялся прежде всего тем, в какой степени они могли рассматриваться в качестве союзника против Германии. Из этого исходило французское руководство, намечая свою политику в отношении России, где оно в большевиках увидело враждебную и потенциально прогерманскую силу, и разрабатывая свой курс в отношении Польши, Чехословакии, Румынии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, направленный на формирование «тыловых союзов», способных заменить Россию. Политика Парижа при определении условий мира была нацелена на укрепление этих малых стран, ради которого он был готов пожертвовать принципом национального самоопределения. Особенно отчетливо это проявилось в «польском вопросе». Франция фактически солидаризировалась с требованиями Польского национального комитета в вопросе о границах нового государства. Она стремилась настоять на передаче Польше богатой углем Верхней Силезии, коридора к Балтийскому морю с городом Данцигом, несмотря на то что реализация подобной программы означала бы включение значительной части немецкого населения в состав польского государства. За французскими требованиями стояло стремление ослабить как стратегические, так и экономические позиции Германии.

Отчасти реакцией британской делегации на подобные планы в отношении Германии явился так называемый «меморандум из Фонтенбло», направленный Ллойд Джорджем Вильсону и Клемансо 25 марта 1919 г.² Британский премьер-министр предостерегал конференцию против чрезмерного ослабления Германии, выступая против отторжения от Германии территорий с немецким населением «в больших пределах, чем это необходимо». С точки зрения британского политика, слабые государства на востоке Европы с проживавшими на их территориях значительными немецкими меньшинствами представляли собой наиболее вероятное условие для будущей войны. Почти что пророческими стали слова Ллойд Джорджа о том, что «если Германия сочтет, что с ней несправедливо обошлись, она найдет средства отомстить завоевателям». По настоянию Англии и США претензии Польши были несколько ограничены: в Верхней Силезии проведен плебисцит, в результате которого область оказалась разделенной между Германией и Польшей, Данциг объявлялся «вольным городом» и передавался под управление Лиги Наций.

Позиция в вопросе о границах Польши не означала жесткой приверженности британского руководства «принципу национальностей». Так, еще в 1916 г. декларируя его в качестве основы будущего урегулирования в Европе, Форин оффис фактически постулировал избирательное применение этого принципа, ограниченное экономической целесообразностью, стратегическими инте-

¹ Кассель Г. Мировая денежная проблема. М., 1922. С. 49.

² Lloyd George D. The Truth about the Peace Treaties. L., 1938. Vol. 1. P. 404–416.

ресами, существовавшими соглашениями и т.д.¹ Показательно, что вопросы территориального разграничения в ЦЮВЕ и условий договоров с союзниками Германии, за исключением границ Польши, не вызвали серьезных разногласий между Лондоном и Парижем. Так, например, они поддержали передачу Чехословакии населенной преимущественно немцами Судетской области, поскольку этот шаг рассматривался как экономическая и стратегическая необходимость.

Все же для Англии, в отличие от Франции, приоритетным являлся вопрос соблюдения баланса сил и экономической стабилизации Европы. Тот факт, что Лондону важнее были экономические, а не политические аспекты взаимодействия на востоке Европы, делал британский подход к Советской России более гибким. Он определял готовность Ллойд Джорджа пойти на контакты с идейно чуждым советским режимом и в дальнейшем рассматривать возможности экономического вовлечения Советской России в систему, что, в частности, проявилось в его программе, разработанной (правда, так и не реализованной) к Генуэзской конференции. В отличие от Франции, Англия фактически со времени подписания мирных договоров не исключала ревизии германских границ на востоке, не рассматривала урегулирование в ЦЮВЕ как окончательное. Недаром она возлагала большие надежды на статью 19 Устава Лиги Наций, предполагающую возможность пересмотра договоров. Подобный курс впоследствии нашел свое выражение в Локарнских соглашениях.

Неудивительно, что вопрос о договоре с Германией вызвал серьезные разногласия европейских великих держав. Наибольшие споры возникли в связи с выработкой территориальных статей мира, а также условий и объемов выплаты репараций. Франция требовала для себя возвращения Эльзаса и Лотарингии в границах 1814 г., оккупации остальной части Саарской области, проведения германской границы по Рейну, французской оккупации и создания буферного государства или государств в Рейнской области². В своих требованиях Франция исходила из необходимости стратегического и экономического ослабления Германии. Граница по Рейну (как и оккупация Рейнской области французскими войсками) исключала возможность неожиданного наступления германских армий на Францию. Претензии на Эльзас-Лотарингию были связаны не только с идеей реванша, но и со стремлением обеспечить базу для своей промышленности за счет железной руды региона, желание получить Саар отражало французские потребности в угле. Промышленная база и военная мощь рассматривались Францией как гарантия своих великодержавных позиций в послевоенном мире.

Однако ни американский президент, ни британский премьер-министр не были готовы согласиться на чрезмерное, с их точки зрения, усиление Франции. Объединение французского железа с немецким углем давало французской промышленности серьезные преимущества. Кроме того, господство в Рейн-

¹ National Archives. Cabinet Papers, 24/2/32.

² См. подробнее: French Foreign and Defence Policy: The Decline and Fall of a Great Power / Ed. by R. Boyce. L., 1998.

ской области способствовало бы усилению французского влияния в Бельгии и Голландии, что по стратегическим соображениям было неприемлемо для Великобритании. В итоге территориальные условия, предъявленные Германии, стали результатом компромисса трех лидеров. Чтобы склонить Клемансо к отказу от требования о проведении германской границы по Рейну, Великобритания и США согласились на предоставление Франции гарантий против агрессии со стороны Германии, подписав с ней соответствующие договоры. Однако Сенат США договор не одобрил, соответственно, мертворожденным оказался и англо-французский договор, который вступал в силу лишь при условии ратификации американской гарантии. В итоге обещания помощи остались лишь на бумаге.

Франции удалось настоять на демилитаризации германской территории на левом берегу Рейна, а также 50-километровой зоны вдоль его правого берега. Здесь Германии запрещалось строить укрепления и размещать войска. Левобережье Рейна, как и ряд предместных плацдармов на правом берегу, подлежало оккупации союзными войсками на срок от 5 до 15 лет. В то же время, увязав вопрос о выводе войск с выплатой Германией репараций, Франция оставляла себе возможности для продления периода оккупации. В итоге дебатов по вопросу о судьбе Саара было найдено компромиссное решение: на 15 лет Саарская область переходила под управление Лиги Наций с последующим проведением плебисцита, угольные копи передавались во владение Франции.

Решения по репарационному вопросу являются одними из главных объектов критики Версальского договора. Дискуссии о причинах политики великих держав и оправданности их решений продолжают в литературе по сей день¹. Хотя принятые в ходе урегулирования постановления не выдержали испытания практикой и вскоре были нарушены, а затем пересмотрены, во многом именно они, как считается, создали базу для германского реваншизма. Отчасти это связано с тем, что в качестве основания для взыскания с Германии репараций был выдвинут тезис о «вине Германии и ее союзников за развязывание войны», который рассматривался в германском обществе как несправедливый. Определенные сомнения в правомерности возложения на Германию ответственности испытывали и в интеллектуальных кругах стран-победительниц, особенно Англии и США. Обвинение Германии входило в противоречие с оценкой предвоенной международной системы как основанной на силовой политике, в которой война была нормой, средством достижения целей, результатом действия баланса сил и тайной дипломатии, и давало Берлину повод небезосновательно обвинять победителей в лицемерии.

Как и в ситуации со многими другими проблемами послевоенного урегулирования, в среде английской и французской элиты было разработано несколько проектов решения репарационного вопроса². Во Франции сторонником взыскания максимально высоких сумм с Германии являлся министр финансов Л.-Л. Клоц. Он считал, что германские платежи должны покрыть ущерб, понесенный союзниками в ходе войны, расходы на пенсии вдовам и ин-

¹ См., например: *Ferguson N. The Pity of War. N.Y., 1999.*

² См. подробнее: *Trachtenberg M. Reparation in World Politics. N.Y., 1980.*

валидам, а также возместить с процентами контрибуцию, которую Франция выплатила Германии по итогам Франко-прусской войны. Напротив, министр торговли Э. Клементель придерживался того взгляда, что большие денежные выплаты со стороны Германии подорвут конкурентоспособность французского экспорта по сравнению с германским. Он отстаивал позицию об умеренности денежных претензий к Германии, придавая большое значение фиксации германских обязательств по поставкам во Францию угля. Однако в качестве необходимого условия для этого Клементель рассматривал сохранение экономического союза Антанты времен войны, продолжение деятельности межсоюзнических торговых агентств, которые ограничивали бы возможности конкуренции со стороны Германии. Выполнение этого условия зависело от позиции США, которые недвусмысленно заявили о своей приверженности принципу свободной торговли и об отказе от поддержания той модели торговых отношений, которая была вызвана к жизни обстоятельствами войны. В этой ситуации Клементель фактически отказался от своей исходной позиции.

Подобным же образом в Великобритании возобладала точка зрения тех, кто выступал за чрезвычайно жесткие репарационные требования к Германии. В соответствии с условиями перемирия Германия признавала обязанность компенсировать ущерб, нанесенный гражданскому населению и собственности союзников в результате своих действий в годы войны. Однако значительная часть британской правящей элиты, а также представители доминионов считали подобные компенсации недостаточными. По их мнению, Германия должна была максимально возместить затраты союзников на ведение войны. Против значительных репарационных претензий выступали прежде всего представители казначейства, в частности Дж.М. Кейнс, подавший в ходе конференции в отставку из-за несогласия с позицией британской делегации. Суммы, названные казначейством, колебались в пределах 2–3 млрд ф.ст. В качестве приоритета Кейнс называл быстрое восстановление европейской торговли, что было несовместимо с высокими репарационными требованиями. Иная позиция была представлена в докладе созданного по решению правительства Комитета по репарациям под председательством австралийского премьер-министра У. Хьюза. Его заседания проходили в ноябре–декабре 1918 г., обсуждалась сумма репараций в 24 млрд ф.ст. Такие выплаты были призваны компенсировать не только ущерб гражданскому населению, но и затраты на ведение войны.

Несмотря на риторику «меморандума из Фонтенбло» и призывы к умеренности, британский премьер-министр в итоге склонился к мысли о высоких репарационных требованиях и фактически солидаризировался в этом вопросе с Францией. На Парижской мирной конференции в Межсоюзническую комиссию по репарациям от Великобритании вошли люди, занимавшие в этом вопросе наиболее жесткую позицию, — Хьюз, лорд Сэмнер и лорд Кенлиф.

Требование огромных репараций наталкивалось и на противодействие США, однако перед лицом объединенных Англии и Франции Вильсон оказался бессилён. Репарационный вопрос не удалось окончательно решить в ходе работы Парижской конференции. Французская и английская делегации за-

блокировали предложение США о фиксированной, низкой сумме репараций. В июле 1920 г. на конференции в Спа были установлены доли репараций, причитавшиеся странам, пострадавшим от Германии. Франция должна была получить 52%, Британская империя — 22%, Италия — 10, Бельгия — 8. Менее значительные доли распределялись между другими странами. В мае 1921 г. Лондонская репарационная конференция определила общую сумму репараций, подлежащих взысканию с Германии, в 132 млрд золотых марок (6,6 млрд ф.ст.)¹.

Что лежало за жесткими требованиями победителей? Недостаток средств на послевоенную реконструкцию, общественные настроения внутри стран, необходимость выплаты военных долгов. Важно понимать, что вопрос о репарациях являлся и вопросом о том, кто заплатит за войну. В случае отказа от репарационных требований Германия, не обремененная, подобно Англии и Франции, внешними долгами, оказалась бы в лучшем финансовом положении. Это противоречило как интересам держав, для которых Берлин продолжал оставаться конкурентом и потенциальным противником, так и довольно распространенным представлениям о том, что Германия должна понести наказание за войну. Как было указано выше, определенное влияние на позицию Франции и Англии оказали США. И Лондон, и Париж рассчитывали на то, что Вашингтон пойдет на списание военных долгов. Для европейских стран логичной казалась увязка вопроса о долгах с вопросом о репарациях. Без аннулирования долгов требование репараций становилось почти что неизбежностью. Однако финансовое превосходство США над Англией было не столь велико, чтобы Вашингтон не опасался его потерять. Американское казначейство беспокоилось о сокращении золотого запаса, что вкупе с изоляционистскими настроениями ставило крест на надеждах европейских государств.

Как среди современников, так и среди позднейших исследователей не было единства во взглядах на Версальский договор, мнения варьировались в широком диапазоне — от критики излишней мягкости до оценки этого документа как репрессивного, содержавшего заведомо невыполнимые условия². Он сохранил базу для восстановления великодержавных позиций Германии, что, несмотря на публичные протесты против «версальского диктата», стало одним из факторов принятия договора Веймарской республикой. В то же время противоречие между заявленными лидерами Антанты принципами и конкретными результатами урегулирования порождало представление о несправедливости условий Версальского мира даже среди самих его создателей, подрывая его устои.

Оценивая процесс становления Версальской системы, и современники, и историки указывали на то, что ее создатели столкнулись с проблемой не-

¹ Таким образом, сумма оказалась значительно меньше предложенной Комитетом Хьюза, но больше той, которую считал целесообразной Кейнс.

² Среди позднейших работ см., например: *Ferguson N. Op. cit.; Шаццлло В.К.* Проблема изменения территориальных границ Германии по итогам Версальского мира // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939. М., 2011. С. 34–41.

преодоленного кризиса, вызвавшего войну 1914–1918 гг.¹ С этим тезисом во многом можно согласиться. Прежде всего, не был до конца разрешен франко-германский антагонизм². Серьезные сдвиги происходили в соотношении сил держав и системе мирохозяйственных связей, что порождало целый комплекс новых противоречий и проблем. Понятны сомнения участников Парижской мирной конференции в перспективах длительного мира и в итоге оправдавшийся прогноз возникновения новой войны через 20 лет. В то же время современники испытывали определенные надежды: на Лигу Наций, общественное мнение, мудрость политических лидеров. Мотив возможности совершенствования системы, взгляд на нее как на «продолжающееся творение»³ также присутствовал в ее восприятии. «Мы окружены историей, которая держит нас, которая толкает нас, которая бросает нас вперед, к новым целям»⁴, — говорил Клемансо, объясняя разногласия среди лидеров великих держав. Так или иначе, Первая мировая война породила полную противоречий Версальскую систему.

§ 3. Послевоенное урегулирование в свете национального вопроса

18 января 1919 г. в Париже торжественно открылась мирная конференция. Впервые со времен Венского конгресса от решений дипломатов, собравшихся в одном месте, зависели контуры новой системы международных отношений. Важная особенность этого форума состояла в том, что на него не были приглашены представители побежденных государств. Победители решили сначала согласовать между собой условия мирных договоров, а потом предъявить их побежденным в качестве ультиматума. Отсутствие на конференции представителей России, которая в тот момент была охвачена гражданской войной, делало авторитет этого форума еще более сомнительным. Либеральной общественностью конференция воспринималась как предвестник и прообраз Лиги Наций, на деле же она быстро обнажила глубокие противоречия в лагере победителей почти по всем вопросам.

Как уже говорилось, в процессе «миротворчества» лидерам Антанты приходилось искать решения многих проблем, самого существования которых они еще недавно не осознавали. Одной из таких проблем стало резкое увеличение числа государств в Европе. Вместо трех консервативных империй в центре Европы от Баренцева до Средиземного моря протянулась цепочка молодых национальных государств с большими амбициями и неопределенными границами: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Албания. Страны Антанты формально согласились взять за основу своих решений «принципы Вильсона», одним из которых было право на националь-

¹ Brockdorff-Rantzau U. von. Op. cit. S. 188.

² Одно из проявлений этого антагонизма — замечание Аното о том, что главной слабостью договора было сохранение единой Германии. См.: Hanotaux G. Op. cit. P. 328.

³ См.: Variety J. Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale. P., 1977; Магадеев И.Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁴ Тардые А. Указ. соч. С. 84.

ное самоопределение. Значительную часть своего рабочего времени Парижская мирная конференция посвятила разбору бесчисленных территориальных споров этих государств друг с другом и с соседями. Как отмечает британский историк Э. Хобсбаум, «мирные соглашения 1918–1919 гг. действительно пытались претворить этот [национальный. — А.Ф.] принцип в жизнь, насколько это вообще было возможно... Ни до, ни после Версаля, ни в Европе, ни где-либо еще не предпринимались столь же целенаправленные и систематические попытки перекроить политическую карту по национальному принципу»¹.

Важнейшей особенностью национализма после 1918 г. было размывание «порогов» его применимости. Если раньше существовала распространенная теория об «исторических» и «неисторических» нациях, из которых только первые обладают политическими правами, то теперь «право голоса» теоретически признавалось за всеми этническими группами. По широко распространенному убеждению, мирная конференция, созданная по окончании войны, не должна была повторить порочную практику Венского конгресса и вообще «старой дипломатии». По выражению того же Вильсона, народы и области не должны быть предметом размена и торга. Наряду с идеей Лиги Наций «принцип самоопределения» пользовался сразу после войны огромной популярностью не только в общественном мнении, но и у многих участников будущей конференции². Однако с самого начала было ясно, что применяться он будет выборочно. Великие державы не допускали и мысли, что он может быть применен к их довоенным владениям. В этом смысле показательна беседа молодого британского эксперта Г. Никольсона с Э. Кроу — одним из авторитетнейших британских дипломатов, в тот момент постоянным заместителем главы Форин оффис. Беседа передана Никольсоном в его знаменитом дневнике. Когда Никольсон, слишком увлекшись «принципом самоопределения», упомянул о возможности передачи Кипра Греции, Кроу ответил: «Можете ли вы применить самоопределение к Индии, Египту, Мальте, Гибралтару? А если вы не готовы идти так далеко, то вы не вправе претендовать на последовательность. А если вы готовы, то вам лучше немедленно вернуться в Лондон»³.

Территориальное переустройство земель, принадлежавших до войны побежденным государствам и России, должно было сформировать новую политическую карту Центральной Европы и Ближнего Востока. Оно имело большое значение и для великих держав, так как служило средством «вербовки» союзников на будущее. Земли малых государств и области, населенные национальными меньшинствами, их людские и экономические ресурсы могли сыграть значительную роль в будущих внешнеполитических комбинациях. Руководители великих держав мастерски использовали в своих интересах «принцип самоопределения», когда в первые недели работы конференции перед Советом десяти выступали представители малых государств и делегации различных народов бывших империй — Российской, Австро-Венгерской и Османской.

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 210–211.

² Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945. С. 52–53.

³ Там же. С. 196.

И Ллойд Джордж, и Клемансо придавали большое значение этой акции, поскольку она могла прибавить веса их собственным аргументам и повлиять на мнение Вильсона. Важно отметить, что в Париже наряду с делегациями международно признанных государств действовали представители народов, только надеявшихся обрести самостоятельность. Допускать или нет ту или иную делегацию на конференцию, представители великих держав решали весьма произвольно. И англичане, и французы старались не допустить на конференцию тех, кто был очевидно настроен в пользу соперников.

Сами представители малых стран в своих территориальных притязаниях очень ловко жонглировали историческими, этническими, экономическими и стратегическими аргументами в зависимости от того, какой из них сулил им большие приобретения. Делегация Польши, например, требовала для своего государства не просто границ, близких к тем, что существовали до первого раздела в 1772 г., но с добавлением большей части Силезии, Восточного Поморья и Мазурской области. Особое значение придавалось Данцигу (Гданьску) как наиболее удобному выходу к морю. Западноукраинские и западнобелорусские земли глава польской делегации Р. Дмовский беззастенчиво называл территориями, которые «принадлежат полякам по праву завоевания, осуществленного предками». Полякам возражала украинская делегация, с трудом пробившаяся на конференцию. Она, помимо бывших Малороссийских губерний России, требовала также Крым, Кубань, Стародубье (запад совр. Брянской области), а также Восточную Галицию, Северную Буковину и Закарпатье, ранее принадлежавшие Австро-Венгрии. В Восточной Галиции в этот момент шла настоящая польско-украинская война, а в Северную Буковину продвигались войска Румынии. Территориальные споры у поляков были также с Чехословакией (из-за Тешенской области) и Литвой (из-за Вильно).

Чехословакия помимо австрийских Богемии, Моравии и Силезии, а также северных комитатов Венгрии (будущая Словакия) и того же Закарпатье требовала предоставить ей «коридор» через область Бургенланд для соединения с другим славянским государством — Югославией (официально — КСХС). Чешские представители также проявляли особую заботу о судьбе лужицких сербов из Германии, чья делегация также прибыла в Париж с требованием автономии. Новорожденная Югославия имела территориальные споры с Румынией (из-за Баната), Албанией (из-за Шкодера и ее северных районов) и, в особенности, с Италией (из-за областей Гориции, Истрии и Далмации).

Румыния требовала всю Трансильванию, всю Буковину, весь Банат (уже занятый сербскими войсками), всю Добруджу и всю Бессарабию, якобы добровольно присоединившуюся к ней еще в последний год войны. Под покровительством румын находилась также делегация небольшого народа куцовлахов (аромунов), чье присутствие в Париже заставило понервничать представителей Греции, на севере которой они жили. Албания, на которую все соседи смотрели как на объект раздела, сама имела обширные претензии на Косово, часть Македонии, юг Черногории, а также некоторые районы Греции. В свою очередь, Греция помимо южной Албании (Северного Эпира) требовала всю Фра-

кию (как западную — «болгарскую», так и восточную — «турецкую»), а также обширную полосу земель на западе Малой Азии от Пандермы (Бандырмы) до Мармариса. Ссылаясь на принципы Вильсона, премьер-министр Э. Венизелос называл эту территорию «греческой по своим физическим и климатическим условиям»¹, хотя она выходила далеко за пределы этнических границ и включала многие территории с бесспорным преобладанием турецкого населения.

Ближний Восток представлял собой не менее пеструю картину требований и контртребований². Эмир Фейсал от имени арабов заявлял о претензиях на создание арабского государства от Индийского океана до Александретты (Искендеруна) и Диарбекира. Приглашенная французами «сирийская» делегация тут же требовала создания «единой Сирии» от Тавра до Аравийской пустыни при помощи и поддержке Франции, но без всякого участия аравийских «бедуинов». Посланцы Горного Ливана просили об автономии в составе той же «единой Сирии» при поддержке Франции. Глава сионистов Х. Вейцман настаивал на создании на обоих берегах Иордана как можно более обширного «национального очага», хранителем которого должна была стать Великобритания. Тут же представитель французских евреев возражал, что далеко не все евреи разделяют идеи сионизма. Совместная делегация «русских» и «турецких» армян требовала создания Великой Армении от Черного моря до Средиземного. Наконец, курдский деятель Шериф-паша представил меморандум с требованием создать курдское государство на доброй трети Османской империи (включая почти все земли, на которые претендовали армяне), причем природные богатства (в первую очередь мосульская нефть) должны были принадлежать только курдам.

Для многочисленных «малых» и «новых» стран Парижская конференция стала настоящим моментом истины. В залах и коридорах старого здания французского МИД на набережной Орсе решались вопросы, которые должны были предопределить развитие этих государств на многие годы вперед. Достижение и подтверждение своих «национальных» целей требовало от глав делегаций большой настойчивости в сочетании с дипломатическим мастерством и известной ловкостью. Неудивительно, что в Париже в эти месяцы собрались многие «великие люди» малых стран, каждый из которых оставил заметный след в своей национальной истории. Польшу представляли известный политик Р. Дмовский и композитор И. Падеревский. Поскольку последний был креатурой Ю. Пилсудского, делегация символизировала примирение различных польских партий. Чехословацкую делегацию возглавил Э. Бенеш, приложивший в ходе войны немало усилий для того, чтобы превратить чехов и словаков в незаменимых союзников Антанты. В будущем ему предстояло стать премьер-министром, а затем и президентом молодого государства. Югославию представляли Н. Пашич, ставший к тому времени настоящим символом великосербской идеи, и А. Трумбич — бывший глава Югославянского коми-

¹ Никольсон Г. Цит. соч. С. 190–191.

² Фомин А.М. Война с продолжением: Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010. С. 105–113.

тета, действовавшего во время войны от имени хорватов, словенцев и сербов Австро-Венгрии. Союз этих двух политиков наглядно демонстрировал стремление сербов и хорватов жить в едином государстве. Румынскую делегацию возглавил И. Брэтиану, который, несмотря на неприязненное отношение и к нему и к его стране большинства лидеров великих держав, смог добиться увеличения румынской территории более чем вдвое. Почти всеобщие симпатии на конференциинискал греческий премьер-министр Э. Венизелос, немало сделавший для превращения своей страны из европейского захолустья в полноценное государство с развитыми политическими институтами. Стремясь к наиболее полной реализации греческой «великой идеи», он вместе с тем называл себя «единственным греком, способным отказаться от Константинополя»¹. Лидер сионистов Х. Вейцман, будущий первый президент Израиля, хотя и представлял в Париже не государство, а всего лишь политическое движение, сумел добиться для себя статуса почти равного с премьер-министрами независимых стран. Наконец, эмир Фейсал, будущий король Сирии, а затем — Ирака, предстал перед европейскими политиками не только как посланец своего отца — короля Хиджаза, но и как полномочный представитель всего арабского населения Османской империи.

Как и следовало ожидать, в результате разнообразных претензий и требований возникло огромное количество спорных территорий. Каждая страна приводила в свою пользу данные об их этническом составе, диаметрально противоположные тем, которыми оперировали ее соперники. Достоверно выяснить, кто и где является «большинством» или «меньшинством», было практически нереально. Длинные меморандумы, представленные разными делегациями, Совет десяти даже не рассматривал, а направлял их в многочисленные комитеты экспертов, которые потом весьма произвольно решали, какой из доводов окажется более весомым. Так, экономические соображения заставили передать Чехословакии 70 тысяч венгров только для того, чтобы новое государство владело железной дорогой на соответствующей территории². Проблема судетских немцев возникла из-за того, что западная граница Чехословакии была проведена по «историческому» принципу. Албания, всю войну сохранявшая нейтралитет, попала под управление (мандат) Италии (до февраля 1920 г.), и ей пришлось поступиться частью своих территорий в пользу Югославии и Греции, хотя те и получили меньше, чем рассчитывали.

Для большинства великих держав все эти национально-территориальные споры имели хотя и важное, но все же не первостепенное значение. Их внимание было поглощено разработкой мирного договора с Германией. Исключение составляла Италия. От Парижской конференции она ждала прежде всего исполнения условий Лондонского договора 1915 г. Между тем лишь небольшую часть тех территорий, на которые она претендовала, можно было назвать «неприсоединенной Италией» (*Italia irredenta*). Итальянцы желали присоединить ряд территорий, ранее принадлежавших Австро-Венгрии, где преобладало

¹ Никольсон Г. Цит. соч. С. 247.

² Там же. С. 216–217.

немецкое или славянское население. Речь шла о Южном Тироле, части Каринтии, Триесте, Истрии и части побережья Далмации с портом Задаром (Зарой) и несколькими островами. Эти земли союзники согласились уступить итальянцам, спокойно пренебрегая «принципом национальностей», но неожиданно горячий спор возник из-за порта Фиуме (Риеки), на который кроме Италии претендовало также недавно созданное Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Передача этого порта Италии не предусматривалась Лондонским договором, но на Апеннингах из-за него разгорелась шовинистическая истерия, и Орlando считал своим долгом вернуться в Рим, обеспечив Фиуме для Италии. Он обосновывал свои притязания стратегической важностью этого порта и наличием в центральной части города значительного числа итальянцев, забывая о том, что пригороды и окрестности Фиуме были почти исключительно славянскими. В. Вильсон, с легкостью отдавший итальянцам немецкий Южный Тироль, в этом вопросе заупрямился. Итальянские притязания он рассматривал как самое вопиющее нарушение «принципа национальностей», тем более что США не признавали тайных договоров военного времени. Клемансо ни в коей мере не желал помогать Италии, а Ллойд Джордж выразил свою позицию следующим образом: если итальянцы хотят соблюдать Лондонский договор, они должны отказаться от Фиуме; если же они претендуют на Фиуме, они тем самым отвергают Лондонский договор и теряют все права на южные районы Малой Азии вокруг Адалии (Антальи). После бесплодных споров итальянцы предпочли «хлопнуть дверью» и покинуть конференцию, но уже через две недели вернулись без лишнего шума. В дальнейшем в отношении Фиуме, как и в отношении не менее спорного Данцига, было принято «соломоново решение» — превратить эти яблоки раздора в вольные города. Правда, если в Данциге эту идею реализовать удалось, то в Фиуме она потерпела полный провал. В сентябре 1919 г. город был захвачен итальянским поэтом и авантюристом Г. Д'Аннунцио, который контролировал город больше года. После выдворения этого самонадеянного деятеля итальянскими же войсками несколько лет статус города оставался неопределенным, и в конце концов в 1924 г. он официально перешел к Италии.

Многочисленные противоречия между странами-победительницами крайне затянули выработку мирных договоров. Представителям Германии проект мира был вручен 7 мая, а подписание договора состоялось только 28 июня. Урегулирование проблем Центральной Европы затянулось еще сильнее. Лишь 10 сентября был подписан Сен-Жерменский договор с Австрией и 27 ноября — Нейисский договор с Болгарией. В ряде случаев полное игнорирование мнения «побежденных» народов ставило под угрозу весь процесс политического урегулирования. Известие о будущей передаче Трансильвании румынам в марте 1919 г. вызвало революцию в Венгрии, подавленную лишь в августе в основном румынскими войсками. Гораздо более серьезные последствия имела высадка греческого десанта в г. Смирне (Измире), осуществленная с благословения мирной конференции 15 мая 1919 г. Она послужила толчком к возникновению организованного национально-освободительного движения в Турции, открыто

порвавшего с правительством Османской империи, ставшим к тому времени послушной марионеткой англичан. В результате мирный договор с Венгрией был заключен лишь 4 июля 1920 г., а подписанный 10 августа того же года Севрский мирный договор с Турцией в силу так и не вступил. Окончательное урегулирование было закреплено только в Лозаннском договоре от 24 июля 1923 г. Таким образом, Парижская мирная конференция была лишь начальным этапом территориально-политического переустройства мира по итогам Первой мировой войны, и при рассмотрении роли национального фактора в этом переустройстве мы не можем ограничиваться хронологическими рамками данной конференции.

Еще до ее открытия неизбежность многочисленных территориальных споров при проведении границ по национальному признаку была очевидна для любого внимательного наблюдателя. Либерально настроенное общественное мнение наиболее «демократическим» способом разрешения таких споров единодушно признавало плебисцит. В ходе подготовки мирных договоров идея плебисцита возникала почти всякий раз, когда выяснялся сложный этнический характер той или иной территории. Однако по решениям мирной конференции было намечено гораздо меньше «плебисцитных зон», чем можно было ожидать. Решение всякий раз принималось весьма произвольно. В итоге спросить мнение жителей об их собственной судьбе было предложено лишь в пяти районах: в Шлезвиге (спор Германия–Дания), Мазурах, Верхней Силезии (Германия–Польша), Шопрони (Оденбурге) (Австрия–Венгрия) и Клагенфурте (Австрия–Югославия). Представители будущей Югославии в этой связи заявили, что им навязывают плебисцит там, где они его не хотят (Клагенфурт), и отказывают в нем там, где они его страстно желают (Истрия и Далмация). По результатам плебисцитов Шлезвиг был примерно поровну поделен между спорящими сторонами, Мазурские озера остались за Германией, Шопронь — за Венгрией, а Клагенфурт (область Каринтия) — за Австрией. При плебисците в австрийской Южной Каринтии выяснилось парадоксальное обстоятельство: в районе, где 69% населения составляли словенцы, только 41% жителей высказался в пользу югославянского государства. Социальное сознание здесь пересилило национальное. Для многих словенских крестьян и рабочих республиканская Австрия во главе с социал-демократами казалась привлекательнее монархической Югославии, а местные предприниматели имели с Венной налаженные деловые связи¹. В Верхней Силезии плебисцит впоследствии так и не выявил «победителя». Его подготовка и проведение летом 1921 г. сопровождались многочисленными провокациями и вооруженными столкновениями, только усилившимися при объявлении весьма противоречивых итогов. Вопрос пришлось решать с помощью арбитража Лиги Наций. В итоге важный промышленный район был поделен между Германией и Польшей, хотя при этом были разорваны многие хозяйственные связи.

¹ *Fraess-Ehrfeld Cl.* La question de Carinthie 1918–1920 // Les nationalites de l'Autriche-Hongrie et la paix de 1918–1919. P. 103–113.

В большинстве случаев судьба спорных территорий со смешанным населением решалась иным путем — силой оружия. В этом смысле весьма показательна история установления восточных границ Польши. Ядром польского государства послужила территория бывшей «русской» Польши, где еще с 1916 г. существовало призрачное польское государство, созданное немцами. С окончанием войны «управлявший» им регентский совет добровольно передал свои полномочия Ю. Пилсудскому, который и приступил к организации нового государства. Восточным соседом Польши была Украинская держава во главе с гетманом П.П. Скоропадским, власть которого держалась исключительно на немецких штыках. Эвакуация германской армии привела к быстрому падению гетманского режима и восстановлению свергнутой им Украинской народной республики во главе с С. Петлюрой. Одновременно в процессе распада Австро-Венгрии в Восточной Галиции была провозглашена Западно-Украинская народная республика, которая уже 3 января 1919 г. объединилась с петлюровской УНР. Именно это государство отправило в Париж делегацию во главе с Т. Сидоренко (ее требования были изложены нами выше). Петлюровское правительство никем не было признано, а территория под его контролем неуклонно сокращалась. На западе оно вело войну с Польшей, на востоке — с Красной армией (формально представлявшей правительство Советской Украины в Харькове), на юге его врагом стали армии А.И. Деникина, боровшегося за «единую и неделимую Россию». Поскольку мирная конференция принципиально не принимала никаких окончательных политических решений относительно положения в России и ее будущих границ, «украинский вопрос» на ее заседаниях с самого начала свелся к польско-украинскому спору вокруг Восточной Галиции с центром во Львове.

Необоснованность польских притязаний на эту территорию с точки зрения «принципа национальностей» была очевидна. Но у Польши было серьезное преимущество. Ее правительство было признано всеми державами Антанты и располагало достаточно серьезными вооруженными силами. В качестве барьера на пути распространения «большевизма» оно, с точки зрения Антанты, было гораздо более надежно, чем петлюровская Директория, уже в январе 1919 г. изгнанная большевиками из Киева. Однако мнения «первых лиц» стран Антанты, как всегда, разделились. Украинская позиция находила отклик лишь у британской делегации, а французы и итальянцы поддерживали Польшу. В. Вильсон со своей позицией так окончательно и не определился. В этой ситуации Варшава предпочла испытанный метод «свершившихся фактов». В ходе весеннего наступления польские войска заняли почти всю спорную территорию, а от полного разгрома большевиками Петлюру помимо своей воли спасли белые армии Деникина, вклинившиеся между красными и «жовто-блакитными». Чтобы «угодить» мирной конференции, польский сейм 23 мая объявил об автономии Восточной Галиции в составе Польши. Это дало конференции шанс соблюсти некоторые приличия при решении судьбы этой провинции. 25 июня главы МИД четырех держав приняли решение «разрешить» Польше оккупировать Восточную Галицию до р. Збруч (бывшая австро-русская граница) с тем, чтобы

ее дальнейшая судьба решилась путем плебисцита. В Варшаве, однако, о плебисците ничего не хотели слышать. К середине июля из спорной территории были вытеснены последние украинские вооруженные отряды. В Париже родилась идея предоставить Польше мандат на Восточную Галицию и тем самым хоть как-то продемонстрировать заботу о ее украинском населении. Польское правительство, прекрасно осознавая свое значение для Антанты как ключевого бастиона в «санитарном кордоне», это предложение проигнорировало. И хотя официальная позиция Антанты основывалась на «временном» характере польской оккупации Восточной Галиции, в дальнейшем эта область управлялась поляками как неотъемлемая часть своей территории¹.

Тем временем, к концу 1919 г. Красная армия загнала остатки войск Деникина в Крым и окончательно разгромила петлюровцев. Украинская народная республика перестала существовать. С. Петлюра с остатками своих войск бежал в Польшу и стал верным союзником своих бывших врагов. Ю. Пилсудскому теперь пришлось непосредственно иметь дело с большевиками. Политический строй России был ему безразличен, но польско-русская граница еще не была определена. Мнения стран Антанты опять-таки разделились. Французы хотели отодвинуть польскую границу как можно дальше на восток, Великобритания же предвидела, что такое решение станет скорее источником слабости для польского государства и причиной постоянного недовольства со стороны России, какое бы правительство ее ни возглавляло. По убеждению англичан, в возможной войне с Советской Россией у Польши было мало шансов. В конце концов им удалось убедить своих союзников. В декабре 1919 г. от имени Верховного совета Антанты была предложена знаменитая «линия Керзона», проведенная, насколько это вообще было возможно, в соответствии с этнической границей польского народа. Советская сторона готова была принять это предложение за основу, но Варшава была непреклонна и уверена в своей силе. Война была неизбежна. Она началась 25 апреля 1920 г.

Перипетии польско-советской войны достаточно хорошо известны. Уже в мае поляки были в Киеве, который Пилсудский видел столицей и одновременно приграничным с Польшей городом «независимой» и буферной Украины. К середине лета уже советские войска заняли половину Польши и устремились к Висле. В Москве серьезно обсуждали «советизацию» Польши, а в Лондоне и Париже опасались похода Красной армии на Берлин. В августе маятник вновь качнулся в другую сторону, и большевики, к облегчению Запада, оказались перед лицом самого унижительного поражения. Когда зашла речь о мире, поляки забыли о всякой умеренности и вернулись к своим требованиям полугодовой давности, что вызвало большую тревогу у их западных покровителей. Мнение последних на сей счет ясно изложил польский посланник в Лондоне в своем донесении в Варшаву: «Условия мира с большевиками, выдвинутые Польшей,

¹ См. подробнее: Складов С.А. Польско-украинский территориальный спор и великие державы в 1918–1919 годах // Исследования по истории Украины и Беларуси. Вып. 1. М., 1995; Он же. Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 136–158.

английское правительство считает безумием, а в случае их принятия Советами — угрозой войны в будущем. Главная проблема — опасение, что Россия, как только вернется в нормальное русло, будет стараться возратить себе окраины и ради этой цели сблизится с Германией. Англия бы в таком случае боялась быть втянутой в новую европейскую заваруху»¹. Предсказание сбылось через 18 лет. Рижский мир, подписанный 18 марта 1921 г., в Москве откровенно расценивали как новый Брест, который должна постичь та же судьба.

Как мы уже говорили, страны Антанты довольно осторожно подходили к проблеме статуса окраинных территорий бывшей Российской империи. Главным приоритетом здесь было уничтожение большевизма или, как минимум, ограничение его влияния. Любой противник советской власти *ipso facto* становился союзником Антанты. Однако противники эти были весьма различны. Полное свержение большевизма возможно было только силами белых генералов, которые, как уже говорилось, были неисправимыми «великодержавниками». С другой стороны, национальные окраины на западе и юге России, стремившиеся к политической самостоятельности, буквально напрашивались на роль буфера и «санитарного кордона» перед распространением «большевистской заразы». Как уже говорилось, в последний год войны Германия весьма поспособствовала созданию цепи «независимых» государств от Баренцева до Каспийского моря. Теперь эта цепь досталась в наследство Антанте, которой приходилось делать трудный выбор. Поддержка одних союзников автоматически означала ослабление других. К тому же в западных столицах не было единого мнения о том, каким должно стать «построссийское пространство» — политически единым и дружественным Западу или раздробленным на множество не менее дружественных малых государств. Разногласия по данному поводу существовали не столько между великими державами, сколько внутри политической элиты каждой из них. Этими колебаниями и объясняется осторожная и непоследовательная позиция мирной конференции и Верховного совета Антанты в «русском вопросе».

О судьбе Украины и Польши сказано уже достаточно много. Помимо них «новые государства» на европейской территории бывшей Российской империи возникли в двух регионах — на берегах Балтийского моря и в Закавказье. Практически все государства этих двух регионов в 1918–1921 гг. успели испытать на себе обе версии доктрины самоопределения — национально-буржуазную и большевистскую. Однако если на Кавказе в конечном итоге утвердилась вторая, то на Балтике — первая.

Судьба государств, возникших на северо-западе бывшей Российской империи, была неотделима от истории Гражданской войны в России. Для стран Антанты здесь особенно ярко проявилась дилемма, о которой было сказано выше: на кого опираться в борьбе с большевизмом — на русское Белое движение или на молодые государства национальных окраин. Как плацдармы для антибольшевистской борьбы эти страны были незаменимы, однако их статус

¹ Цит. по: Михутина И.В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. // Версаль и новая восточная Европа. С. 174.

оставался неопределенным. В наиболее выгодном положении находилась Финляндия. Франция признала ее независимость в числе первых — еще 4 января 1918 г. Великобритания и США предпочли дождаться окончания войны и признали новое государство только в мае 1919 г. Италия сделала это еще позже — 27 июня того же года. В ходе скоротечной гражданской войны (январь–май 1918 г.) финское правительство показало, что оно может эффективно бороться с большевизмом. Однако эта же война привела к усилению в стране германского влияния, и у Антанты оставались опасения, что оно может сохраниться. Так или иначе, в отличие от Польши Финляндия не была в числе первоначальных членов Лиги Наций. Ее восточные границы оставались неопределенными. Теоретически таковыми признавались границы бывшего Великого княжества Финляндского. Но на Парижской конференции финские представители выдвигали претензии на земли вплоть до Белого моря, называя их «Восточной Карелией». Более того, финны попытались реализовать эти амбиции на практике. Летом 1919 г., одновременно с наступлением белых на Петроград, финские силы двинулись к Петрозаводску, но взять его не смогли. При поддержке Финляндии у ее границ возникло три «самоопределившихся» политических образования: Олонецкое правительство, республика Северная Ингрия на Карельском перешейке и Северокарельское государство с центром в Ухте (совр. Калевала). Все они, впрочем, оказались недолговечными.

Более сложной была ситуация с тремя Прибалтийскими государствами. Осенью 1918 г. Латвия и Литва провозгласили свою независимость, а Эстония ее восстановила (провозглашена еще в мае 1918 г.). Однако ни одна из держав-победительниц их независимость не признала. Путь к признанию был долгим и лежал через кровопролитные военные конфликты. Как уже говорилось, Компьенское перемирие оставляло за Германией право сохранить свое военное присутствие в Прибалтике. Тем не менее социал-демократическое правительство Германской республики распорядилось начать эвакуацию регулярных германских войск на родину. Вслед за ними продвижение на запад начали части Красной армии, которые поначалу не встречали серьезного сопротивления. Правительства прибалтийских государств просто не успели обзавестись полноценными армиями и в первые месяцы 1919 г., как раз во время заседаний Парижской конференции, само их существование оказалось под угрозой. В тылу Красной армии возникали просоветские правительства — Эстляндская трудовая коммуна, Латвийская ССР, Литовская ССР (почти сразу объединенная с Белоруссией в Литовско-Белорусскую ССР). Все они приступали к «преобразованиям» по большевистскому образцу, иногда даже более жестким, чем в России (например, в Эстляндской ТК была полностью запрещена религия). «Независимость» этих государств сразу признавалась Москвой, но сами они тут же торжественно заявляли, что не мыслят своего существования в отрыве от Советской России. Следует сказать, что на прибалтийских фронтах за Советы бок о бок с русскими частями Красной армии сражались и национальные формирования, в частности знаменитые красные латышские стрелки. В декабре 1918 г. советской властью контролировалось около половины территорий

Эстонии и Латвии. К марту 1919 г. правительственные силы Эстонии смогли полностью вытеснить красных из своей страны, но те продвинулись вперед на других участках фронта, заняв почти всю Латвию (кроме окрестностей г. Лиепая) и восточную часть Литвы, включая Вильно. Латвийское правительство в отчаянии обратилось за помощью к еще остававшимся на ее территории германским войскам, и те под видом «добровольного» формирования приняли участие в боях против красных, но в конце апреля свергли само латвийское правительство, установив на подконтрольной территории марионеточный режим. Законное правительство Латвии во главе с К. Улманисом около двух месяцев провело в море на борту парохода под охраной британских кораблей. Все это время на части территории Латвии существовал очаг германского влияния, постепенно расширявшийся за счет побед над красными силами немецких, русских и латышских «добровольных» формирований. К власти правительство Улманиса смогло вернуться лишь в конце июня благодаря помощи дружественной Эстонии, однако необходимость вести борьбу за контроль над собственной территорией как с прогерманскими (армия П.Р. Бермондт-Авалова), так и с просоветскими силами практически вывела Латвию из участия в борьбе Антанты против Советской России в 1919 г.

Иную роль довелось сыграть Эстонии. Уже к концу февраля 1919 г. при поддержке финских частей и британского флота эстонским правительственным силам удалось ликвидировать Эстляндскую трудовую коммуну и установить контроль над своей территорией. Однако на этом участие Эстонии в военных действиях не закончилось. Исключительно выгодное стратегическое положение (доступность морских коммуникаций, близость к Петрограду) сделало ее ключевым элементом в планах Антанты по борьбе с большевизмом на северо-западе России. Так называемый Северный корпус белой армии под командованием генерала А.П. Родзянко, начавший в апреле 1919 г. наступление на Петроград, к началу боевых действий состоял на службе у эстонского правительства. К концу июля этот корпус был уже на подступах к бывшей российской столице. Теперь он не подчинялся эстонскому правительству, но выполнял свои задачи в тесном взаимодействии с его вооруженными силами. Августовское контрнаступление красных отбросило корпус от Петрограда, после чего за ним оставалась только узкая полоса земли вдоль эстонской границы. В сентябре под давлением англичан для управления «освобожденными» территориями в Ревеле было создано «Северо-Западное правительство», причем британский генерал Марш буквально силой заставил это правительство признать полную независимость Эстонии. Это решение, однако, не было признано «верховным правителем» А.В. Колчаком, а стало быть, его исполнение даже в случае победы не было гарантировано. Северный корпус к тому времени был переименован в Северо-Западную армию, и возглавил его назначенный Колчаком генерал Н.Н. Юденич. В октябре Северо-Западная армия предприняла новое наступление на Петроград, вначале развивавшееся успешно, но закончившееся полным разгромом. В критический момент эмиссары Северо-Западного правительства отчаянно просили о помощи Финляндию, но непреодолимым

препятствием было нежелание «верховного правителя» признавать независимость этой страны¹.

Двойственное положение «молодых» государств бывших российских окраин здесь проявилось как нельзя более четко. Антанта старалась заставить белых генералов признать «сепаратистские» правительства вопреки их излюбленному лозунгу о «единой и неделимой России». В то же время сама она признавать эти новые государства не торопилась. Этой ситуацией воспользовалась Москва: оставив на время идею «советизации» Прибалтики, она начала прямые переговоры с правительствами трех республик на условиях признания их полной независимости в обмен на их отказ от поддержки любых антисоветских движений. Эта политика принесла свои плоды. В начале 1920 г. отношения Советской России со всеми странами Прибалтики были нормализованы. Латвия и Эстония перестали быть плацдармами Антанты, а Литва пообещала соблюдать благожелательный нейтралитет в разгоравшемся советско-польском конфликте. Предполагалось, что в случае его благоприятного исхода советская сторона вернет Литве захваченную поляками Виленскую область. Однако исход, как известно, был вовсе не благоприятным. Антанта признала независимость трех балтийских государств только в 1921 г.

Судьба Кавказа была теснейшим образом связана не только с русским, но и с Восточным вопросом. Регион мог стать дорогой для проникновения влияния Москвы на Ближний Восток, а мог послужить и удобным плацдармом для действий против нее. Этническая ситуация здесь была столь же запутанна, как и на Балканах. К моменту открытия конференции в Закавказье существовало три национальных государства, постоянно враждовавших между собой и спешно приноравливавшихся к смене покровителей. Армения, едва избежавшая полной гибели, теперь, как уже говорилось, демонстрировала на конференции непомерные территориальные амбиции, вспоминая о временах древнего царя Тиграна Великого. Азербайджан вел с Арменией кровавую войну из-за Нагорного Карабаха, но был уверен в поддержке Антанты, так как понимал, насколько той нужна бакинская нефть. Грузия имела территориальные споры с двумя своими закавказскими собратьями, но гораздо больше опасалась великодержавных амбиций своего северного соседа — генерала Деникина. Тот откровенно сочувствовал сепаратистам из Абхазии, которые, по его убеждению, «ненавидели» грузин и с почтением относились к России. Наконец, к северу от Кавказского хребта царил полный хаос. Относительно устойчивой можно было считать только Горскую республику в Дагестане. Как и в Прибалтике, здесь со всей отчетливостью проявились колебания Антанты между «великодержавным» Белым движением и «сепаратистскими» местными правительствами. Антанта не признавала кавказские правительства, но войска Деникина не имели права пересекать в южном направлении определенную союзниками демаркационную линию. Напряженные отношения между Деникиным и меньшевистским правительством Грузии привели в конце концов к военному

¹ См. подробнее: Смоллин А.В. Белое движение на северо-западе России: 1918–1920. СПб., 1999; Hovi O. The Baltic Area in British Policy: 1918–1921. Vol. 1. Helsinki, 1980.

столкновению, когда силы Добровольческой армии отбили у грузин г. Сочи. В 1919 г. войска Деникина ликвидировали Горскую республику¹.

О том, какую именно ценность представляли Закавказские государства для западных держав, свидетельствуют начавшиеся в сентябре–октябре 1919 г. разговоры о признании *де-факто* их независимости. К тому времени достигло своего пика наступление Деникина в направлении Москвы. В руководителей закавказских республик это вселило опасения, что борец за «единую и неделимую Россию» после победы над большевиками обратит свои взоры на Кавказ. Официальное признание со стороны Антанты они рассматривали как определенную гарантию от этой опасности и принялись настойчиво убеждать в этом англичан. Главный комиссар Великобритании в Закавказье Уордроп поддержал данную идею в письме к Керзону, ссылаясь на чисто «геополитические» соображения: «Признание республик есть дело весьма срочное. Что бы ни случилось с Россией, я рискну предположить, что независимость Закавказья является британским интересом первостепенной важности из-за Индии и Персии. Будет ли Россия в будущем под германским влиянием, будет ли она большевистской или деникинской, она неизбежно будет доставлять нам длительные неприятности»². Британское руководство, однако, не вняло этим аргументам, не желая обижать Деникина в момент наибольшего успеха. Однако события развивались стремительно. Уже к началу 1920 г. деникинская армия была разгромлена. Установление советской власти в Закавказье стало только вопросом времени. В этой ситуации в январе 1920 г. последовало признание трех закавказских правительств со стороны Верховного совета *де-факто*. Отсутствие признания *де-юре*, в частности, означало, что их границы оставались неопределенными. С точки зрения Великобритании Закавказье сохраняло свое политическое и стратегическое значение, но оно было явно вытеснено «на периферию» британской политики. Британский Форин оффис имел своего представителя в Тифлисе, однако тот не располагал никакими рычагами воздействия на ситуацию. Азербайджан был «советизирован» с помощью кемалистской Турции еще в апреле 1920 г.

Летом 1920 г. цели британской политики в регионе были коротко изложены в инструкциях Керзона новому английскому Верховному комиссару в Тифлисе — полковнику Стоксу: «Сохранение независимости кавказских государств; избавление, если возможно, республик Азербайджана и Еревана от влияния советского правительства; моральная поддержка Грузии, покуда она сохраняет свою нынешнюю дружественную, антибольшевистскую позицию»³. Но вскоре стало понятно, что Керзон поставил задачу абсолютно неосуществимую. Поражение дашнакской Армении в войне с кемалистской Турцией осенью 1920 г. превратило Советскую Россию в последнюю надежду Армении. Результатом была «советизация» республики. Очередь Грузии настала весной 1921 г., при-

¹ См. подробнее: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 — весна 1920) // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. М., 2010. С. 158–192.

² Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 1. Vol. 3. P. 562. (Далее — DBFP.)

³ DBFP. 1919–1939. Ser. 1. Vol. 12. P. 635.

чем в последний момент тбилиское правительство удостоилось со стороны Антанты признания *де-юре*, что, впрочем, ему не помогло¹. В 1921–1922 гг. представители свергнутых кавказских правительств, забыв бывшие разногласия, упорно обивали пороги правительств и министерств иностранных дел западных держав с просьбами о содействии в реставрации своей власти. Все усилия были напрасны.

Итак, схожие стартовые политические условия в Закавказье и в Прибалтике привели в итоге к противоположным результатам. Балтийские страны на ближайшие двадцать лет обрели политическую самостоятельность, а закавказские быстро превратились в советские республики. На наш взгляд, это объясняется несколькими причинами. Если на северо-западе белые генералы всецело зависели от прибалтийского «тыла», в особенности от Эстонии, то на юге Деникин ничем не был обязан своим соседям. Следовательно, Москва в тактических целях была заинтересована в сделке с Прибалтийскими странами, а Закавказские республики в этом смысле были бесполезны. Кроме того, если «в тылу» у закавказских стран располагалась потенциально дружественная Москве кемалистская Турция, то ближайшим соседом, например, Литвы была крайне враждебная Советской России Польша, а за спиной Латвии и Эстонии было Балтийское море, где хозяином себя чувствовал британский флот. Балтийские страны являлись «буфером» не только для Антанты, но и для Москвы. Нельзя забывать и о том, что главной целью «советизации» Азербайджана была бакинская нефть, а два других государства последовали за Азербайджаном по «принципу домино». В Прибалтике, лишенной природных ресурсов, аналогичный мотив отсутствовал. Кроме того, страны Закавказья находились в неприязненных и даже враждебных отношениях друг с другом, а молодые республики Прибалтики оказывали друг другу помощь. Сыграл свою роль и неудачный опыт первой «советизации» Прибалтики на рубеже 1918–1919 гг. В конечном итоге для судьбы национальных окраин бывшей Российской империи, как и для государств, возникших на месте Австро-Венгрии, решающее значение имели не дипломатические переговоры и не абстрактные принципы самоопределения, а все тот же пресловутый *fait accompli* — «свершившийся факт».

Можно без преувеличения сказать, что наиболее острые проблемы «принцип самоопределения» порождал в Османской империи. Здесь присутствовали те же факторы, что и в Центральноевропейском регионе, — этническая чересполосица, непомерные амбиции национальных лидеров, закулисная игра великих держав. Но здесь они проявлялись с особой яркостью и, кроме того, дополнялись уже чисто местной спецификой — пестрым конфессиональным составом населения, глубокими различиями в экономическом развитии и хозяйственном укладе не только соседних народов, но и разных частей одного народа, неразвитостью этнического самосознания, которое заменялось племенным, местным или конфессиональным сознанием, общей экономической отсталостью региона. При этом изначальный универсализм вильсоновских

¹См. подробнее: Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia, 1917–1921. N.Y., 1951; Walker C.J. Armenia: The Survival of a Nation. L., 1990.

принципов предполагал их практическую применимость в том числе и на Ближнем Востоке. Это означало, что в процессе мирного урегулирования «национальная» фразеология неизбежно должна была играть не меньшую роль, чем в Европе. Последствия дают о себе знать вплоть до настоящего времени.

По общему мнению западных политиков и дипломатов, народы империи еще не были готовы к полноценному самоуправлению. Кроме того, именно ближневосточные территории были едва ли не главным «призом», который Лондон и Париж рассчитывали получить в результате победы в войне. Англичане и французы не собирались отказываться от этой добычи (как, впрочем, и от германских колоний) ради принципа самоопределения наций. В то же время их неприкрытый захват был теперь невозможен. После деклараций Вильсона подобные действия должны были опираться хотя бы на видимость «согласия управляемых». В качестве спасительного компромисса была предложена идея мандатов Лиги Наций. Этот принцип можно было, по крайней мере, теоретически согласовать с вильсоновской мирной программой, но, с другой стороны, мандаты могли стать простой маскировкой колониального господства. В 1919 г. никто не мог точно определить, что же означает понятие «мандат». Выяснилось это, лишь когда мандатная система начала применяться на практике.

Еще в начале мирной конференции резолюция по поводу мандатов была одобрена Советом десяти. В ней, в частности, провозглашалось намерение Антанты отторгнуть от Турции Армению, Сирию, Палестину, Аравию и Курдистан¹ с установлением там мягкой формы мандатного управления. Конкретные державы-мандатарии не назывались. Предусматривалось три типа мандатов. На ближневосточных землях должны были действовать мандаты группы «А», предполагавшие наибольшую степень самостоятельности подмандатных территорий, что выражалось следующей формулой: «Некоторые общества, ранее принадлежавшие Турецкой Империи, достигли такой ступени развития, при которой их существование как независимых наций может быть предварительно признано при условии поддержки и административных советов со стороны Мандатария до того момента, пока они не смогут существовать самостоятельно. Пожелания этих обществ должны учитываться в первую очередь при выборе Мандатария». Впоследствии эта формула без изменений вошла в Устав Лиги Наций (статья 22).

Возникал неизбежный вопрос: каким образом выявить «пожелания этих обществ»? На Ближнем Востоке ни на одной из спорных территорий не предполагалось проводить плебисцитов. Пожалуй, наиболее близким к «принципу самоопределения» оказалось принятое в марте решение по Сирии. Судьба этой страны вызывала наиболее ожесточенные англо-французские дипломатические столкновения. Англичане указывали на свои договоренности с араба-

¹ Курдистан отсутствовал в первоначальном проекте резолюции, но был включен в ее текст по предложению Ллойд Джорджа, которого «информировали», что эта страна «не покрывается» Месопотамией и Арменией, как он думал раньше. См.: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. 3: Council of Ten Meeting. 30/01/1919. P. 805.

ми и на существование администрации Фейсала в Дамаске, французы же настаивали на точном исполнении соглашения Сайкса–Пико и видели в Фейсале лишь английскую марионетку. В итоге по предложению В. Вильсона было решено отправить в регион специальную комиссию для выяснения «пожеланий» местного населения. Эта комиссия первоначально планировалась как межсоюзная, но когда Франция, а за ней и Великобритания отказались направлять в ее состав своих представителей, она стала чисто американской («Комиссия Кинга–Крейна»). После долгой и кропотливой работы в Сирии и Палестине она выработала следующие рекомендации: Сирия, Ливан и Палестина должны быть переданы под мандатное управление одной державы, а именно США. Если они по каким-то причинам не смогут принять мандат, он должен быть передан Великобритании, но ни в коем случае не Франции. В самом крайнем случае Франции можно было предоставить мандат только на Ливан.

Политическая обстановка в самих США, все более склонявшихся к изоляционизму, уже к осени сделала невозможным активное участие этой державы в ближневосточных делах. Между тем разгорался англо-французский спор из-за Сирии, бóльшая часть которой все еще находилась под контролем английского протектора Фейсала. Британское руководство не стремилось к долгосрочному контролю над Сирией и Ливаном, а лишь хотело «подороже продать» эти страны Франции. В частности, речь шла об условиях транзита через Сирию месопотамской нефти к Средиземному морю. Когда были в основном решены проблемы мирного урегулирования в Европе, англичане с готовностью пожертвовали Фейсалом, забыв об отчете Кинга–Крейна.

В сентябре 1919 г. было заключено англо-французское «временное соглашение», по которому Великобритания отказывалась от всякого участия в делах Сирии, Ливана и Киликии и соглашалась на замену английских войск в этих районах на французские. Фейсал в конце 1919 г. был вынужден заключить с французами соглашение, фактически превращавшее Сирию во французский протекторат. Выполнять его он не собирался, но для европейских дипломатов судьба Сирии была решена. Всеобщий Сирийский конгресс 8 марта 1920 г. провозгласил Фейсала королем независимой Сирии. Это развязало французам руки, и им оставалось лишь подождать официального решения по вопросу о мандатах, которое было принято в апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо. Франция утвердилась в Сирии и Ливане, Англия — в Месопотамии и Палестине. Возмущенная реакция дамасского правительства сделала неизбежным открытое вооруженное столкновение. 25 июля 1920 г. французские войска при молчаливом согласии англичан изгнали Фейсала из Дамаска.

По-разному сложилась судьба других арабских земель. Антианглийское восстание в Месопотамии, которое разгорелось во второй половине 1920 г., убедило Лондон в неприемлемости прямых «индийских» методов контроля над этой страной. По итогам Каирского совещания британских колониальных деятелей (март 1921 г.) было решено превратить страну в конституционную монархию, тесно связанную с Великобританией. На роль монарха пригласили все того же Фейсала, вопреки резким возражениям французов. В июле 1921 г.

новый король вступил на престол. Сама форма мандата теперь казалась англичанам неадекватной создавшейся ситуации. Отношения с Фейсалом было решено оформить на основе двустороннего договора (октябрь 1922 г.), который затем был представлен в Лигу Наций как полноценный «заменитель» мандата. Совершенно иначе вели себя англичане в Палестине. Мандат на эту страну, в основном разработанный к концу 1920 г., предусматривал фактически прямое британское управление и предоставлял солидные привилегии (в деле хозяйственного развития страны) сионистской организации. Таким путем реализовывалась «Декларация Бальфура». Об арабах в тексте мандата напрямую не упоминалось, однако впоследствии туда была добавлена новая статья (25), которая исключала часть подмандатной территории к востоку от Иордана из-под действия «сионистских» статей документа. Таким образом, Трансиордания юридически рассматривалась как «арабская провинция» Палестины, но фактически стала отдельным политическим образованием во главе с эмиром Абдаллой, братом Фейсала.

Особенно долгим и кровопролитным было «мирное урегулирование» в Малой Азии — на «основной» территории Турции. 15 мая 1919 г. Греция после предварительного согласования с союзниками высадил десант в Смирне (Измире). Его целью была объявлена защита местного греческого населения. Вскоре греческие войска начали продвижение вглубь страны. Именно это событие стало отправной точкой турецкого освободительного движения. Оно началось с действий разрозненных партизанских отрядов против греков. Но вскоре его возглавил молодой генерал Мустафа Кемаль-паша, который начал собирать вокруг себя всех недовольных существующим положением вещей. Цели нового движения состояли в освобождении Турции от иностранных войск и всех форм политической и экономической зависимости, а также в сохранении территориальной целостности Турции за исключением арабских земель. В январе 1920 г. в Константинополе собрался меджлис (парламент) Турции, большинство депутатов которого были сторонниками Кемаль-паши. Меджлис принял «Национальный обет» — декларацию независимости Турции и ее территориальной целостности. В ответ английские войска разогнали меджлис. Большая часть его депутатов после этого собралась в Анкаре и объявила себя Великим Национальным собранием Турции, избрав своим председателем М. Кемаля.

Страны Антанты ускорили работу над проектом мирного договора, который фактически лишал Турцию политической самостоятельности. Он был подписан представителями султанского правительства в Севре 10 августа 1920 г. Мустафа Кемаль и его сторонники в Анкаре сразу же отказались признать этот грабительский мир. Греческие войска начали новое наступление. В этот трудный момент Советская Россия, которая сама еще только вставала на ноги, решила оказать Турции помощь. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан советско-турецкий договор о дружбе и братстве, после чего Россия начала помогать Турции оружием, боеприпасами и посылкой военных советников. Россия, правда, была не единственным другом Анкары. Правительство Франции, убедившись в бесперспективности вооруженной борьбы с кемализмом, с 1921 г.

взяло курс на сотрудничество с ним. 20 октября 1921 г. был подписан франко-турецкий Анкарский договор, который знаменовал собой прекращение войны между двумя странами и открывал дорогу для сотрудничества. С этого момента при формальном нейтралитете в греко-турецкой войне Лондон и Париж фактически поддерживали разные стороны конфликта. Франция, к тому же, вела с Москвой нелегкую дипломатическую борьбу за влияние в Анкаре.

1921 год определил исход греко-турецкой войны. Трижды в этом году греки предпринимали попытки наступления и трижды терпели неудачу. В августе они вплотную приблизились к Анкаре, но в сентябре были разбиты в решающем сражении на реке Сакарии. В августе 1922 г. войска Кемаль-паши начали решительное наступление и полностью разгромили греков. 9 сентября турецкие войска вступили в Измир. Греция была навсегда вытеснена из Малой Азии. Англия оказалась на грани войны с Турцией «один на один», ей отказали в поддержке не только союзники, но и собственные доминионы. Вскоре Англия заключила с Турцией перемирие. Для решения всех спорных вопросов было решено созвать международную конференцию в Лозанне (Швейцария). После долгих споров, едва не приведших к возобновлению войны, Турции удалось добиться признания всех главных принципов «Национального обета» и 24 июля 1923 г. был наконец подписан мирный договор. Таким образом, турецкий народ стал единственным из числа побежденных, кому удалось при формировании Версальской системы отстоять свое право на самоопределение.

Как показали дальнейшие события, основной вектор развития Ближневосточного региона состоял в создании независимых национальных государств. Национально-освободительные движения и правительства колониальных держав могли быть только временными попутчиками. Когда в начале этого процесса европейские державы пытались ради собственных целей опереться на то или иное национальное движение, они, очевидно, старались задержать его на полпути, надеясь еще долго удерживать контроль над своими «клиентами». Но объективно такая политика, даже вопреки воле европейских руководителей, способствовала движению стран региона к полной независимости¹.

Следует сказать, что в эти годы неоднократно было опробован новый для Европы способ изменения государственной принадлежности тех или иных территорий. Поскольку теперь для этого требовалось какое-то волеизъявление местного населения, в политическую моду вошло создание на спорных территориях миниатюрных «самоопределившихся» государств, которые сначала отделялись от одной страны, а потом «добровольно» присоединялись к другой. Наиболее яркий пример — республика Срединная Литва, созданная в 1920 г. польским генералом Л. Желиговским в Виленской области, отторгнутой у Литвы. В 1922 г. это «государство» совершенно добровольно присоединилось к Польше. Но поляки были не одиноки. О трех «самостоятельных» правительствах вдоль российско-финской границы уже говорилось выше. Греческие власти в 1922 г., за считанные недели до разгрома их армий в Малой Азии, про-

¹ См. подробнее: Фомин А.М. Указ. соч.

возгласили создание на оккупированных землях «Автономной Ионии». Как мы видим, успешным такой трюк мог быть только в том случае, если он был подкреплен военной силой. Так или иначе, практика создания «непризнанных государств» с этого времени прочно вошла в международную жизнь.

Руководители великих держав прекрасно понимали, что новое территориальное разграничение неизбежно создаст в Европе десятки «Эльзас-Лотарингий». Наличие территорий со смешанным населением приводило к тому, что, где бы ни пролегла граница, сотни тысяч людей оказывались в «чужом» национальном государстве. Поэтому во всей своей сложности возникла проблема национальных меньшинств. Для ее рассмотрения на конференции был создан специальный Комитет по делам новых государств и защите меньшинств. В результате его работы было решено наложить на побежденные страны, а также на «малые» государства Центральной и Восточной Европы ряд обязательств по обеспечению прав миноритарных этнических групп на развитие собственного языка, культуры, религии и системы образования. Соответствующие условия либо включались в мирные договоры, либо составляли предмет особых договоров, которые та или иная страна должна была подписать с великими державами.

Первый договор о меньшинствах (с Польшей) был подготовлен к 7 мая 1919 г. Такая постановка вопроса неизбежно подрывала незыблемый доселе принцип национального суверенитета и создавала повод для иностранного вмешательства во внутренние дела той или иной страны. По этому поводу весной 1919 г. на конференции возник «бунт малых держав» во главе с Румынией, к которой присоединились Польша, Чехословакия и Югославия. Лидеры этих стран указывали на ряд «несправедливостей»: все они имели демократические конституции, которые гарантировали равные права всем гражданам, независимо от религии и этнической принадлежности. Предоставление особых прав меньшинствам придавало им статус самостоятельного коллективного субъекта публичного права и ставило представителей меньшинств в особые отношения к властям по сравнению с остальными гражданами. Иными словами, особая защита прав меньшинств рассматривалась как неоправданная привилегия. К тому же великие державы, навязывая своим младшим партнерам соглашения о правах меньшинств, сами вовсе не собирались принимать никаких аналогичных обязательств. Если уж создавать международную систему защиты меньшинств, то она должна носить всеобщий характер. Однако «малым державам» в весьма жесткой форме «указали их место», напомнив, что расширением своей территории, а то и самим своим существованием они обязаны победам стран Антанты на полях мировой войны. «Бунтари» вынуждены были смириться.

В общей сложности к середине 1920-х гг. действовало 18 международно-правовых актов о защите меньшинств. Соответствующие международные обязательства были наложены на побежденные государства (особые статьи в мирных договорах), а также на Польшу, Чехословакию, Королевство СХС, Румынию и Грецию (специальные договоры со странами Антанты). Позже Албания, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Ирак «добровольно» выступили

в Совете Лиги Наций с декларациями о гарантиях для национальных меньшинств на своей территории. Контроль над соблюдением этих условий возлагался на Лигу Наций, и таким образом в этом вопросе формально утверждался приоритет международных норм над национальным законодательством. Меньшинства в какой-то степени становились самостоятельными субъектами международных отношений. Помимо этого особые конвенции о меньшинствах были заключены между Польшей и Данцигом, Германией и Польшей (о Верхней Силезии), Германией и Литвой (о Мемеле). Двусторонние договоры были подписаны, кроме того, между Италией и Грецией (об островах Додеканес), а также между Австрией и Чехословакией.

Список прав, которыми в теории наделялись национальные меньшинства, был весьма широк. Гарантировалось гражданское равенство, независимо от происхождения, языка и религии. Оно предполагало также и равный доступ к государственным должностям. На территориях, которые меняли свою государственную принадлежность, новое гражданство предоставлялось всем жителям автоматически, но при этом предоставлялось и право оптации в пользу другой страны (с последующим отъездом). Представители меньшинств могли свободно пользоваться своим языком в судах, в средствах массовой информации, на публичных собраниях. Меньшинства получали право на создание своих культурных обществ, гарантировалось право на начальное образование на родном языке (с обязательным изучением государственного). Кроме того, на некоторые страны налагались и особые обязательства в зависимости от конкретной ситуации. Так, Румыния, бывшая единственной страной, не уравнивавшей еще в правах евреев, обязалась исправить этот недостаток. Королевство СХС должно было гарантировать права мусульманского населения в вопросах семьи и брака. Чехословакия обязалась не препятствовать созданию своего сейма русинами Подкарпатья¹. В общей сложности к официально признанным «меньшинствам» относились четверть населения Югославии, более четверти жителей Польши, треть населения Румынии и Чехословакии.

Особо острый характер приобрела проблема меньшинств в Турции. Вся история этой страны, в том числе и недавняя, наводила лидеров Антанты и значительную часть общественного мнения Европы в целом на мысль об органической неспособности турок мирно управлять другими народами. При подготовке Севрского договора именно это обстоятельство послужило поводом для формального или фактического отделения от Турции значительных территорий (Армении, Курдистана, Южной Киликии, района Смирны, Восточной Фракии). Кроме того, на Турцию налагались гораздо более жесткие обязательства по защите меньшинств на той территории, которая за ней сохранялась. В частности, предусматривалась компенсация утраченного в годы войны иму-

¹ См. подробнее: *Кутилова Л.А.* Проблемы защиты прав меньшинств на Парижской мирной конференции // Историческая наука на рубеже веков: Материалы всероссийской научной конференции. 27–28 мая 1998 г. Томск, 1999; *Соломон Ф.* Европа национальных государств против Европы национальных меньшинств // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис. С. 17–33.

щества. Со своей стороны, кемалисты выступали резко против использования меньшинств как инструмента расчленения страны. В результате война Турции за независимость сопровождалась кровавым межэтническим конфликтом между турками, с одной стороны, и местными армянами и греками — с другой. В частности, Киликия после окончательного возвращения под суверенитет Турции практически лишилась армянского населения. В то же время в «Национальном обете» кемалисты не отказывались обеспечить права меньшинств на тех же условиях, что и страны Центральной Европы. В Лозаннском договоре права христианских меньшинств оговаривались именно таким образом. Правда, это не распространялось на греческое население Малой Азии — оно подлежало принудительному обмену на мусульман, выселяемых из Греции. Примерно полтора миллиона греков было выселено из Турции в Грецию, а их место заняли полмиллиона турок, переселенных из Греции в Турцию. Греческая община сохранилась только в Константинополе. Мусульманские меньшинства (например, курды) каких-либо особых прав вообще не получили.

Знаменитый впоследствии историк А.Дж. Тойнби был свидетелем ужасов греко-турецкой войны, сопровождавшейся безжалостными «этническими чистками» с обеих сторон. Он отмечал, что «идея национальности» была для народов Ближнего и Среднего Востока внешним, «западным» заимствованием и ее применение к местным условиям могло принимать самые жуткие и уродливые формы. Однако он же писал, что, раз начавшись, этот процесс не может быть остановлен, поскольку собственные политические институты восточных обществ, на смену которым пришел «принцип национальностей», были к тому времени уже разрушены. Преодоление отрицательных последствий «этнического национализма» возможно было, как это ни парадоксально, лишь в доведении его до логического конца. Ставя события в Турции в более широкий региональный контекст, Тойнби писал: «Но когда, после столетия разорения и кровопролития, возникшие в результате югославское, румынское, греческое, болгарское, албанское, турецкое, арабское, армянское, грузинское и другие ближне- и средневосточные национальные государства достигнут (если это вообще произойдет) некоторого стабильного равновесия, историк, возможно, оценит движение, произведением которого они стали, как не столь уж большое необходимое зло для политического успеха»¹.

За рамками системы международной защиты меньшинств остались инациональные группы в самих державах-победительницах (например, славяне и немцы в Италии), а также словаки, хорваты и словенцы, которые считались частью основного населения соответствующих стран, но на практике оказались в подчиненном положении по отношению к чехам и сербам. Очень скоро это обстоятельство породило серьезные центробежные тенденции во вновь созданных государствах.

В целом «национальный» аспект послевоенного урегулирования был так же противоречив и непочтен, как и все остальные его аспекты. Неизбежное

¹ *Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilisations. L.; Bombay; Sydney, 1922. P. 18.*

несовпадение государственных границ с этническими в «послеверсальской» Европе создало впоследствии многочисленные очаги скрытой напряженности, смягчить которую Лига Наций была бессильна. Формирование новых границ на основании симпатий той или иной великой державы к какой-либо из заинтересованных сторон, а также методом «свершившихся фактов», многократное применение двойных и тройных стандартов в спорных вопросах лишали новую систему необходимого «морального авторитета». Это, в частности, проявилось в постоянном саботаже существующих договоров. Страны, принявшие на себя обязательства по защите меньшинств, систематически эти обязательства игнорировали. Национальная неоднородность новых государств была одной из «мин замедленного действия», заложенных под фундамент новой модели международных отношений. Она сработала и была в полной мере использована гитлеровской Германией и ее союзниками в период агонии Версальской системы, когда вроде бы справедливые требования немцев и венгров в Чехословакии были использованы для уничтожения этого государства в результате Мюнхенскогоговора. Опыт греко-турецкого обмена населением путем насильственной депортации оказался востребованным в других странах (Польша, Чехословакия) 22 года спустя — по окончании Второй мировой войны.

Глава 12

УРОКИ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»: НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ОЦЕНКАХ ВОЕННОГО РУКОВОДСТВА ВЕДУЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ в 1920-е гг.

Мирные договоры 1919–1920 гг., официально завершившие Первую мировую войну, радикально изменили по сравнению с 1914 г. стратегическую и оперативную ситуацию в Европе. Распад Австро-Венгерской и Российской империй, возникновение на их обломках целого ряда новых государств (Советская Россия, Польша, Чехословакия и др.), изменение территориальных границ уже существовавших держав — все это создавало совокупность военно-политических проблем, о которых ранее никто и не задумывался (советско-польская, германо-польская, германо-чехословацкая и т.д.). Такие факторы, как серьезное ослабление военной мощи Германии и одновременное усиление Франции, свидетельствовали о важном изменении военного «баланса сил» в Западной Европе. К трансформациям стратегического и оперативного характера, произошедшим после Первой мировой войны, добавлялся целый ряд тактических и технических новшеств, принесенных четырьмя годами упорных сражений.

Корректное осмысление и анализ произошедших в военной сфере изменений были сложной задачей. Не случайно, что многие исследователи межвоенного времени сегодня сторонятся тотальной критики военных той эпохи за глупость и непонимание, подчеркивая масштаб трансформаций и внутреннюю неоднозначность уроков «Великой войны»¹. Тем не менее вопрос остается актуальным: насколько ясно и адекватно военные деятели ведущих европейских государств оценивали значение и последствия мировой войны? В какой степени сделанные ими выводы и заключения по итогам событий «Великой войны» помогли подготовиться к следующей «большой войне», выявившей, какие из уроков 1914–1918 гг. оказались наиболее востребованными на практике?

Анализ опыта войны был важен для военных в 1920-е гг. не только с чисто теоретической точки зрения. Учитывая то, как завершилась война в Германии (Ноябрьская революция, практически совпавшая с поражением), а также почти неизбежные бюджетные сокращения, ожидавшие британские и французские военные ведомства, военные элиты указанных государств были кровно заинтересованы в том, чтобы рефлексия об итогах войны не привела к их собственной дискредитации и сокращению влияния. Хотя ситуация в Советской России отличалась существенной спецификой, тем не менее и здесь анализ

¹ Murray W. *Armored Warfare: The British, French, and German Experiences // Military Innovation in the Interwar Period* / Ed. by W. Murray, A.R. Millett. Cambridge, 1996. P. 8.

новой стратегической обстановки и уроков «империалистической» войны был важным фактором внутривойсковой борьбы и оказал серьезное влияние на историю РККА в 1920-е гг. Отсюда возникает второй вопрос: каким образом процесс осмысления уроков войны повлиял на развитие вооруженных сил ведущих европейских держав в первое послевоенное десятилетие?

На эти вопросы мы и попытаемся ответить в данной главе.

§ 1. Неоднозначные результаты победы: вооруженные силы Франции и Великобритании в первое послевоенное десятилетие

Традиционно считается, что победа в войне — далеко не самый лучший стимул к развитию и трансформации вооруженных сил. Поражение рассматривается как «более эффективный двигатель изменений». Французская армия в межвоенный период для многих исследователей является в этом смысле показательной: «заикленная» на опыте Первой мировой войны, готовая слепо копировать уже опробованные методы, но не развивать новые, дряхлеющая в техническом и человеческом отношении — такой она часто противопоставляется динамично развивавшимся германским вооруженным силам.

Для подобной оценки есть определенные основания. Действительно, «Великая война» являлась для весомой части французских военных в 1920-е гг. этапом конфликта между великими европейскими державами. Опыт совсем недавно прошедших сражений и примеры, взятые из него, служили основой для военного образования в Высшей военной школе, Центре высших военных исследований, призванных готовить будущий командный состав, активно обсуждались на страницах военных журналов. Показательно и особое внимание к написанию истории мировой войны, проявленное французскими военными. 106-томное издание под названием «Французские армии в Великую войну» (опубликовано в 1922–1937 гг.) рассматривалось советским Генштабом как наиболее полное и всестороннее из имевшихся на тот момент¹.

Первая мировая война была для французских военных примером *тотальной* войны. Не случайно, что сам термин стал употребляться во Франции достаточно рано. Уже в 1918 г. правый политик Л. Додэ выпустил книгу «Тотальная война», на 17 лет опередив более известную работу Э. Людендорфа. Французскими военными тотальная война понималась как конфликт, требующий полной мобилизации ресурсов государства и общества. В 1923 г. генерал Б. Серрини, секретарь Высшего совета национальной обороны (ВСНО), подчеркивал: современные технологии гарантируют, что в дальнейшем войны будут долгими, для их ведения потребуются огромные экономические и людские ресурсы (как метрополии, так и колоний), мобилизация которых должна проходить под руководством государственного аппарата². Схожий анализ уроков 1914–1918 гг.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39352. Оп. 1. Д. 69. Л. 105.

² Baumann T., Segesser D.M. Shadows of Total War in French and British Military Journals, 1918–1939 // The Shadows of Total War: Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939 / Ed. by R. Chickering, S. Förster. Cambridge, 2003. P. 213.

отразился в проекте закона «Об общей организации нации во время войны». В январе 1927 г. докладчик по закону социалист Ж. Поль-Бонкур, считавший, что «будущая война — это война тотальная и подготовка к ней должна стать всеобщей, выйдя за рамки военного ведомства», так сформулировал для депутатов основную идею закона: «Все граждане, независимо от возраста и пола, должны работать в пользу армии».

Представление о «тотальном» характере будущего конфликта вело Серрини (и не его одного) к идее о необходимости своего рода «интегрального» политического органа, который бы объединил гражданских и военных деятелей и обеспечил координацию государственных усилий по подготовке к войне. На практике эти функции должен был выполнять ВСНО. Созданный еще в 1906 г., он не отличался эффективностью. Однако его функции и состав были существенно расширены в 1921–1922 гг.: увеличено количество министров, входивших в ВСНО; созданы четыре секции, каждая из которых была ответственна за разработку отдельного блока вопросов по мобилизации государства в случае войны, постоянный секретариат. Реформы имели целью обеспечить Высший совет «всеми необходимыми средствами для управления и координации совокупности сил государства с целью подготовки к войне» и отражали попытку реализовать на практике выводы из событий 1914–1918 гг. (Ф. Гельтон).

Однако не всем они пришлись по душе. Генеральный штаб и военные министерства успешно сопротивлялись процессу сосредоточения полномочий в руках ВСНО, предпочитая разрабатывать планы мобилизационных мероприятий не в масштабах всей экономики, а лишь для заводов, непосредственно обслуживавших нужды армии¹. Тем самым уроки «тотальной» войны вступали в противоречие с институциональными «инстинктами» ряда военных структур — стремлением самим контролировать все процессы, связанные с подготовкой к войне. Найти нужный баланс в этом вопросе было отнюдь не легко.

На что итоги войны во Франции не оказали никакого влияния, так это на оценку того, кто является главным противником. В июле 1922 г. глава 2-го (разведывательного) отдела Генштаба полковник О. Фурнье с полной уверенностью писал о том, что «одна-единственная опасность доминирует над всеми другими, и это — опасность со стороны Германии. Без нее ни одна другая серьезная угроза не может существовать, и именно на нейтрализацию (и ликвидацию) этой угрозы должна быть нацелена вся наша политика».

Многие французские военные, основываясь на опыте «Великой войны», готовились к продолжительному конфликту с Германией. Эта идея подкреплялась различными аргументами: от стратегических и оперативных (масштаб ресурсов, вовлекаемых в современную войну; протяженность фронтов) до тактико-технических (современная техника дает преимущество обороне перед наступлением). Представление о долгой войне логичным образом вело к повышенному вниманию к ее экономическому «базису». Повторение опы-

¹ *Imlay T. Preparing for Total War: The Conseil Supérieur de la Défense Nationale and France's Industrial and Economic Preparations for War after 1918 // War in History (WIH). 2008. Vol. 15. No. 1. P. 43–71.*

та 1914–1918 гг., когда ряд наиболее развитых и ценных в промышленном отношении департаментов Франции был оккупирован противником, никого не устраивало. В июне 1928 г. маршал А.Ф. Петен уверенно заявлял в Высшем военном совете, вице-председателем которого он являлся, о том, что «обеспечение неприкосновенности государственной территории — один из важных уроков войны»¹.

Однако достичь искомой цели можно было различными способами. Один из этих способов военный теоретик подполковник Ж. Микель в 1926 г. описал в следующих словах: «Перенести войну на территорию противника — вот тот огромный урок, которому учит прошлая война»². Эта мысль подкреплялась практическим военным планированием. Вплоть до 1929 г. мобилизационные планы французской армии на случай войны с главным противником — Германией — носили наступательный характер. До 1926 г. (планы «Р», «Р modifié», «А») они были построены на идее быстрого вторжения в Рур и долину р. Майн с опорой на плацдарм в виде оккупированной Рейнской зоны и предместные укрепления на Рейне. После эвакуации Кельнской оккупационной зоны в 1926 г. и вывода части войск из Европы для борьбы с восстаниями в Марокко и Сирии атакующий порыв французской армии был несколько поумерен: опираясь на оккупационные войска на Рейне, она дожидалась завершения мобилизационных мероприятий с последующим переходом в осторожное наступление (план «А-bis»). В данном случае активная внешняя политика Франции в отношении Германии в 1920–1925 гг. гармонировала со стратегическим планированием и теми выводами, которые определенная часть военных вынесла из опыта мировой войны.

Другой способ обеспечения «неприкосновенности территории» виделся французским военным в создании фортификационных сооружений на восточной границе Франции. Анализ событий 1914–1918 гг. был одним из важных стимулов к этому (наряду с экономическими, геополитическими и демографическими реалиями). Изучение предвоенного планирования Германии, а также мемуаров германских генералов привело французских военных к следующему выводу: немцы опасались наступать в районах с сильной фортификацией, и там, где они предприняли подобные атаки, укрепления, в особенности Верден — «второе после Марны величайшее имя войны», — достойно выполнили свою функцию³. Уже в 1920 г. была начата работа по планированию будущей «линии Мажино», сопровождавшаяся напряженными спорами между сторонниками Петена, с одной стороны (создание непрерывной линии полевых укреплений, т.н. подготовленных полей сражений, чем-то напоминающих траншеи Первой мировой), и остальными членами Высшего военного совета, прежде

¹ Цит. по: *Doughty R.A. The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919–1939.* Hamden, 1985. P. 57.

² *Miquel, Lieutenant-Colonel. Enseignements Stratégiques et Tactiques de la Guerre de 1914–1918.* P., 1926. P. 87.

³ *Normand, Général. Le rôle des fortifications pendant la Grande guerre // Revue des deux mondes.* 1 Novembre 1925.

всего маршалами Ф. Фошем и Ж. Жоффром, — с другой (строительство системы укрепленных районов с промежутками между ними, которые будут использоваться для маневренных действий армии). Проект фортификационных сооружений, согласованный к 1927 г., по своей сути был компромиссным: военные договорились строить мощные укрепленные районы, соединенные между собой сооружениями меньшего масштаба (т.н. малые ансамбли). Все более явной становилась преимущественно оборонительная функция укреплений, что противоречило изначальным концепциям Фоша.

Тем не менее не все военные верили в то, что следующая война неизбежно будет долгой и будет сопровождаться преимущественно оборонительными тактическими и оперативными действиями. Они в известной степени ставили под сомнение французский опыт прошедшей войны. В 1924 г. два анонимных французских майора на страницах «Ревю политик э парламантер» хотя и доказывали необходимость подготовки к долгой войне, но делали это весьма необычным образом. По их мнению, подобная подготовка требуется в силу того, что именно она обеспечит наиболее эффективную мобилизацию в военное время, а это увеличит шансы на быструю победу. С более быстрыми темпами мобилизации во Франции, чем у противника, связывал возможности наступления и подполковник Микель.

Далеко не все верили в то, что наступательная доктрина в 1914 г. была ошибочной. Начальный этап войны, связанный с кровавыми наступлениями «во что бы то ни стало», анализировался подчас иначе. Анонимный военный в 1920 г. считал, что неудачи «плана XVII» связаны не с ошибочностью наступательной доктрины, а, напротив, с его чересчур осторожным выполнением рядом генералов (прежде всего — командовавшим 5-й армией Ш. Ланрезаком). Автор был также убежден, что современная техника благоприятствует не обороне, а наступлению¹. Подобные настроения разделялись и некоторыми представителями французского командного состава на Ближнем Востоке. Во время учений 1931 г. командующий войсками «синих», несмотря на указания руководства, стремился отбить наступление противника не оборонительными действиями, а постоянно переходя в контратаку, за что был подвергнут критике².

Таким образом, французское военное руководство не было единым в оценках уроков мировой войны. Доминирующая концепция воспринимала ее как эталон продолжительной тотальной войны, которой необходимо ожидать в будущем. Для победы в ней требуется обеспечить сохранность собственных природных и экономических ресурсов, главным образом за счет приграничных фортификационных сооружений. Сторонники другой точки зрения стремились перенести войну на территорию противника, делали акцент на наступательных действиях войск как залого военной победы. Подобный дуализм в оценках, во многом связанный с противоречиями «дома Фоша» и «дома Петена», приводил к раздвоенности и самой французской военной политики 1920-х гг.:

¹ [Анон.] Le Plan XVII: Étude stratégique. P., 1920.

² Commandant supérieur des Troupes du Levant. Critique des manœuvres de 1931. S. 1., 1931. P. 78–80. Микрофильмированная копия доступна в: РГВА. Ф. 198-к. Оп. 9. Д. 5000(1).

преимущественно оборонительная тактическая доктрина при наступательных стратегических планах. После 1925 г. вырисовывалось и еще более серьезное противоречие: франко-германское сближение вкупе с постепенным дрейфом в сторону оборонительной стратегии ставило под вопрос действенность «тыловых союзов» Франции (в первую очередь с Польшей и Чехословакией).

Если определение главной стратегической угрозы командованием французской армии не изменилось после войны, то во флоте дела обстояли несколько иначе. Уже в сентябре–октябре 1920 г. Высший совет ВМФ принял решение о необходимости создания военно-морских сил, которые могли бы противостоять как Германии, так и Италии — бывшему союзнику. Более того, не исключалась ситуация, при которой французский флот может противостоять и другим своим бывшим союзникам по войне. В инструкциях адмиралу Ф. де Бону, главному военному эксперту французской делегации на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., подчеркивалось: Франция должна сохранить такие силы, дабы в случае войны между США, с одной стороны, и Великобританией и/или Японией, с другой, быть способной оказать такую поддержку одной из сторон, которая в итоге окажется решающей (симпатии французов при этом склонялись к США). Чтобы достичь этой цели, Франции необходимо было сохранить возможность строить достаточное количество «легких судов» (крейсеров, эсминцев) и подводных лодок¹.

Особое внимание к строительству подводных лодок было одним из важных уроков, извлеченных французскими военными из опыта войны. Так, в серии статей 1920 г. в «Ревю маритим» капитан Р. Кастекс, преподаватель французской Военно-морской школы (в последующем адмирал), внимательно проанализировал использование подводных лодок немцами во время войны. В результате он должен был согласиться с идеей германских флотоводцев о том, что подводный флот — эффективное оружие, которое в будущей войне может сокрушить даже военно-морское могущество Великобритании. Об акценте французов на создание сильного подводного флота говорил и морской статут 1924 г., официально, правда, не принятый Палатой депутатов, но фактически выполнявшийся в 1920-е гг. В нем тоннаж подводных лодок определялся цифрой в 90 тыс. тонн, что должно было сделать Францию (наряду с Японией) ведущей державой в этой сфере военно-морских вооружений.

Опыт войны оказал ключевое влияние и на развитие французских военно-воздушных сил в 1920-е гг. События 1914–1918 гг. заставили многих пересмотреть свое мнение о значении авиации в войне. Не кто иной, как Фош, полагавший в 1910 г., что авиация — это «хороший спорт, но для армии самолет не имеет значения», заговорил совсем иначе: «Военный всегда представляет себе, что следующая война будет развиваться по тем же линиям, что и прошлая. Этого никогда не было и не будет. Одним из серьезнейших факторов в сле-

¹ Blatt J. The Parity that Meant Superiority: French Naval Policy towards Italy at the Washington Conference, 1921–1922, and Interwar French Foreign Policy // French Historical Studies. 1981. Vol. 12. No. 2. P. 232.

дующей войне, безусловно, будет самолет, и возможности широкомасштабных авиационных нападений почти неисчислимы»¹.

Признание роли авиации на поле боя не решало, однако, ряда других проблем. Для значительной части армейского командования, ориентировавшегося на французский опыт 1914–1918 гг. (в т.ч. маршала М.Э. Файоля, главы Генеральной инспекции ВВС), авиация была техническим средством, предназначенным главным образом для обслуживания тактических и оперативных нужд сухопутных сил. В ее функции входили аэрофотосъемка, корректировка артиллерийского огня, борьба с истребителями противника, действия по коммуникациям и ближайшему тылу врага. В наиболее ясной форме эти идеи получили отражение в действиях французской авиационной дивизии, созданной в мае 1918 г. и являвшейся единственным соединением подобного рода среди всех воевавших государств. Армейское командование, упирая на подчинение задач авиации задачам сухопутных сил, противилось тому, чтобы ВВС получили в 1920-е гг. организационную самостоятельность. В итоге борьба французских ВВС за институциональную автономию в немалой степени будет завязана на «переписывание» уроков войны и стремление закрепить за собой функцию, которую они не выполняли и эффективность которой оставалась под вопросом, — бомбардировки стратегического характера².

Несмотря на то, что французские и британские вооруженные силы вели совместную войну и одержали общую победу, выводы, извлеченные ими из опыта 1914–1918 гг., имели серьезные различия. С точки зрения ряда исследователей, акцентирующих внимание на таких военных теоретиках, как Дж. Фуллер и Б. Лиддел Гарт, британские вооруженные силы предпочли проигнорировать конкретные уроки войны и, в отличие от французов, делали ставку не на прошлое, а на перспективы, которые сулили современные средства войны и способы их применения (танки, авиация и т.п.). Другие авторы (Д. Френч, Т. Бауманн, Д. Сегессер) констатируют немалое сходство между анализом опыта 1914–1918 гг. британскими и французскими военными, а также подчеркивают усвоение британской армией уроков мировой войны.

Подобную двойственность оценок можно связать с неоднозначностью самого процесса осмысления событий войны британской военной элитой, сопровождавшегося игнорированием одних факторов при усвоении других. Ряд военных деятелей Великобритании, наиболее заметным среди которых был отставной генерал-майор Ф. Морис, в своих суждениях были весьма близки к коллегам «по ту сторону Ла-Манша». Подчеркивая, что никогда ранее в войны не вовлекалось такое количество людских ресурсов, как в 1914–1918 гг., Морис считал, что «больших войн» следует ожидать и в будущем. В них от мобилизации промышленных и экономических ресурсов будет зависеть не меньше, чем

¹ Цит. по: Reply to the War Office Proposal to Absorb the Military Functions of the Air Ministry, Memorandum by the Secretary of State for Air, February 11, 1922 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Papers (TNA, CAB) 24/133.

² Young R. The Strategic Dream: French Air Doctrine in the Inter-War Period, 1919–39 // Journal of Contemporary History. 1974. Vol. 9. No. 4. P. 57–76.

от мобилизации армий; также возрастет роль взаимодействия политиков и военных — и в целом государственного управления, ведь «организация войны сегодня значит организацию не только армий и флотов, но всей совокупности ресурсов государства»¹.

Анализ проблем, возникших в связи с координацией военных усилий Великобритании в 1914–1918 гг., дал толчок и ряду институциональных реформ. Хотя начало им было положено еще до 1914 г. созданием Комитета имперской обороны (КИО, 1902 г.), после войны они были расширены. В 1923 г. был создан Комитет начальников штабов, призванный обеспечить взаимодействие сухопутной армии, флота и авиации. За этим последовало создание целой сети других органов по военному планированию: Совещательного комитета по вопросам торговли во время войны (1923 г.), Комитета руководителей по снабжению (1924 г.), Объединенного комитета по планированию (1927 г.) и др. Система указанных органов оценивалась современниками достаточно высоко. Французский военный атташе в мае 1928 г. писал о том, что она «способна в случае необходимости ответить на вызовы имперской обороны в наибольшей степени»². Историки, однако, более скептичны: системе не доставало сильного центрального звена (ни кабинет, ни КИО не выполняли этой функции), что оставляло нити ключевых решений в руках министерств (Дж. Феррис).

Для большинства британских военных Первая мировая война не стала рубежным событием, которое бы радикально изменило военное планирование на будущее; ее реальный опыт лишь отчасти находил применение на практике в 1920-е гг. Это было связано не с плохим знанием истории — к ней проявляли интерес, о чем свидетельствовало создание комитета по изучению войны под руководством У. Бирда, бывшего управляющего кадрами Военного министерства, уже в ноябре 1918 г., — а с целым рядом факторов стратегического порядка.

Политическое руководство и широкие слои общества стремились избежать новой войны. В этом смысле события 1914–1918 гг. стали для них колоссальным уроком. «Мы хотим спасти себя от вовлечения в новый Армагеддон, ущерб при победе в котором будет почти таким же, как при поражении», — уверенно писал министр финансов У. Черчилль в 1925 г.³ В расчет принимались как людские потери, так и непредсказуемые политические и экономические последствия для судеб Британской империи. Желание в будущем избежать «большой войны» сочеталось с отсутствием четко выделенных угроз и с т.н. правилом десяти лет, принятым кабинетом министров уже в августе 1919 г.: «Военные ведомства при планировании своих расходов должны исходить из того, что Британская империя в течение ближайших десяти лет не будет уча-

¹ Maurice F., *Major-General. Military lessons of the Great War* // *Foreign Affairs*. 1928. Vol. 7. No. 1. P. 20–29.

² Despres à EMA, 19 mai 1928 // *Service historique de Défense*, 7 N 2797, d. 2.

³ CID 590-B, *French and Belgian Security, Memorandum by the Chancellor of the Exchequer*, February 24, 1925 // TNA, CAB/24/172.

ствовать в большой войне и от ее вооруженных сил не потребуются формирования экспедиционного корпуса».

Однако военные ведомства далеко не сразу «встроились» в эту логику. Как в силу социально-профессиональных «инстинктов» (военные всегда готовятся к войне), так и в силу стремления сохранить свои бюджеты, они продолжали разрабатывать планы на случай эвентуального конфликта.

Одним из ключевых сценариев войны, к которым британская армия готовилась в 1920-е гг., был конфликт с СССР на территории Афганистана. В декабре 1927 г. Имперский Генеральный штаб представил свой военный план. Он строился на идее наступления механизированных сил при поддержке авиации через Гильменд навстречу советским войскам. Этот план был создан с учетом характера местности к западу от гористых районов Афганистана. Как отмечалось, эта равнинно-пустынная местность «особенно пригодна для применения механизированных сил, поддерживаемых авиацией»¹.

Акцент на применение механизированных сил был не случаен. Видный военный теоретик генерал-майор британской армии Фуллер, проклиная «традиционные способы ведения войны», которые «достигли своего апогея под Верденом, на Сомме, под Ипром», и писавший, что «качество вооружений, а не количество людей» является решающим фактором на войне², был в этом вопросе далеко не одинок. Фактически британских военных объединяла одна принципиальная идея: «Британия нуждалась в малой, хорошо вооруженной, высокомобильной армии, построенной по следующему принципу: использовать технику для сокращения людских потерь»³. Особое внимание к механизации и новейшим средствам войны не прошло даром. Британские военные добились в 1920-е гг. существенных успехов в этом отношении. Создание Экспериментальных механизированных сил в 1927 г. (возглавить их было предложено Фуллеру, но он отказался), их новаторские маневры на Солсбери в 1927–1928 гг., низкая доля кавалерии в британской армии — всем этим подкреплялось заявление военного руководства Великобритании о том, что в отношении механизации они опережают другие страны.

Тем не менее концепция малой, но хорошо вооруженной армии была не столько итогом изучения событий 1914–1918 гг., сколько возвращением к историческим «корням». Она соответствовала давним традициям британской армии, привыкшей воевать в колониях небольшими полками и батальонами и побеждать за счет технического, а не численного превосходства над противником. Подальше от сценариев «большой войны» в Европе армию «отталкивало» и политическое руководство. В июле 1927 г. кабинет министров одобрил следующую формулу, исходя из которой должен был определяться армейский бюджет: «Британская империя не будет вовлечена в европейскую войну в тече-

¹ CID, Defence of India, First Report of Sub-Committee, December 19, 1927 // TNA, CAB/24/192.

² Fuller J.F.C. War and Western Civilization, 1832–1932. L., 1932. P. 253.

³ French D. Doctrine and Organization in the British Army, 1919–1932 // The Historical Journal. 2001. Vol. 44. No. 2. P. 500.

ние ближайших десяти лет, и непосредственные военные планы армии должны основываться на подготовке к неевропейской войне»¹.

Армия, тем не менее, пыталась сопротивляться. И в январе 1928 г. на совещаниях Генштаба говорилось о необходимости обучать войска сражаться в «маневренной войне против организованных сил противника, вооруженных ружьями, пулеметами, пушками, самолетами и танками и, возможно, газом». Фактически речь шла о «большой войне» в Европе. Но все же более реалистичным применительно к 1920-м гг. выглядел сценарий, к которому Генштаб призывал в феврале 1922 г.: тренироваться «для наиболее вероятной войны, т.е. против противника, вооруженного хуже, чем мы, и обладающего сравнительно малыми силами»² — иными словами, сценарий «малой войны» на периферии. Британское армейское руководство в немалой степени было вынуждено примирить свои выводы из событий 1914–1918 гг. (необходимость небольшой высокотехнологичной армии) с политическими императивами (требование избежать «большой войны»).

Руководство британского ВМФ также весьма неоднозначно подошло к анализу уроков войны. Адмиралтейство считало, что опыт 1914–1918 гг. подтвердил его правоту и верность использованных методов. Это касалось двух ключевых вопросов: стратегии блокады и роли линкоров в будущей войне.

Анонимный британский офицер, докладывая в Лондон 11 ноября 1918 г., был уверен, что немцы подпишут перемирие: «...вещь, которая пугает их больше всего, — это блокада, так как они боятся голода и болезней». Для многих военно-морских деятелей Великобритании стратегия блокады, примененная к Германии в годы войны, была образцовым оружием, возможность использовать которое Великобритания обязательно должна сохранить в будущем. На фоне англо-американских дискуссий о т.н. правах воюющих сторон (США стремились сохранить право торговать во время войны, в которой они не участвуют) вице-адмирал Х. Ричмонд, с 1927 г. глава Имперского военного колледжа, настаивал, что блокада «была в “Великую войну” нашим единственным наступательным средством до тех пор, пока мы не увеличили сухопутную мощь». Он был убежден, что «нет ничего более глупого, чем отказаться от средства, использование которого было столь жизненно важным для нас как в великие войны прошлого, так и в недавнюю войну»³. Опыт блокады Германии в годы войны был важен для Великобритании не только в связи с ее влиянием на германский тыл (особое внимание на это обращалось в официальной истории блокады, написанной отставным офицером ВМФ А. Беллом в 1937 г.), но и в связи с тем, что он демонстрировал: Германию можно запереть в Северном море, не дав ей выйти на океанские просторы⁴.

¹ CID Paper 892-B, The Basis of Service Estimates, July 2, 1928 // TNA, CAB/24/196.

² French D. Big Wars and Small Wars between the Wars, 1919–39 // Big Wars and Small Wars: The British Army and the Lessons of War in the 20th Century / Ed. by H. Strachan. L., 2006. P. 37–38.

³ Journal of the Royal Institute of International Affairs. 1926. Vol. 5. No. 3. P. 131.

⁴ Black J. A Military History of Britain: From 1775 to Present. Westport, 2006. P. 126.

События войны подтвердили также, с точки зрения британских флотоводцев, решающую роль линейного флота и крупных морских сражений. Несмотря на уникальность Ютландского сражения 1916 г. (в силу того, что оно было единственным крупным сражением с участием главных военно-морских сил противников), именно ему уделялось основное внимание Штабного колледжа ВМФ. Анализу операций подводных лодок Германии и мерам борьбы с ними посвящали значительно меньше времени: даже к 1939 г. планировавшаяся официальная история конвойных операций 1917–1918 гг. так и не была завершена. Адмиралтейство достаточно оптимистично смотрело на перспективы борьбы с подводными лодками. В 1923 г. оно планировало нейтрализовать угрозу с их стороны к концу третьего месяца войны. В 1925 г., жалуясь на замедление строительства эсминцев — «главного орудия против подводных лодок» — и ряд технических проблем, оно, тем не менее, в целом повторило свою оценку¹.

В превознесении линкоров и занижении угрозы со стороны подводных лодок не все были единодушны, раздавались и другие мнения. Так, в статье в «Таймс» в 1920 г. контр-адмирал У.Р. Холл, начальник военно-морской разведки в годы войны, предупреждал о серьезной угрозе доминированию линейного флота, которую создают стремительно прогрессирующие авиация и подводный флот. Схожие мысли высказывались и среди политического руководства. Премьер-министр Д. Ллойд Джордж, как записал в своем дневнике М. Хэнки в декабре 1920 г., стремился «доказать, что линкор обречен, — это было очень удобно с политической точки зрения». Свои сомнения по поводу ценности линкоров в будущем высказывал в то время и Черчилль, занимавший пост военного министра². Политики, выступавшие с подобными идеями, однако, не столько основывались на анализе опыта войны, сколько преследовали свои собственные цели и интересы: необходимо было убедить военных, что в условиях послевоенной реконструкции и всеобщей экономии бюджеты их ведомств также будут сокращены. Сворачивание программ строительства линкоров — самых дорогих кораблей — было в этом смысле отнюдь не мало-важным.

С мыслью о том, что «линкор обречен», большинство военно-морских деятелей не соглашалось. В целом, британское Адмиралтейство в опыте войны находило скорее подтверждение уже существовавших теорий и концепций, нежели материал для их изменения и развития. Определенный налет «неактуальности» произошедшему в 1914–1918 гг. придавал и тот факт, что в 1920-е гг. главным потенциальным противником выступало государство, которое в годы войны и даже после нее было союзником Великобритании, а именно Япония. В феврале 1925 г. Адмиралтейство четко сформулировало свою позицию: «Ясно, что нынешняя ситуация ни в коей мере не сопоставима с той, что суще-

¹ CID Paper-639-B, Copy of a Letter from the Admiralty to the Secretary, CID, October 21, 1925 // TNA, CAB/24/175.

² *Kitching C.J.* Britain and the Problem of International Disarmament, 1919–1934. L., 1999. P. 44.

ствовала в 1914 г. Мы сталкивались с совершенно иной проблемой. Германии, чтобы нанести поражение Британской империи, было необходимо в первую очередь победить Гранд Флит, освободив тем самым выходы для своих крейсеров... Географическое положение Великобритании было столь благоприятным, что ничто другое не позволило бы Германии нанести удар по нашей торговле. Япония, однако, благодаря своему географическому положению может нанести нам серьезный удар, напав на наши торговые пути и отдаленные части империи, не вступая в морскую битву». Война с Японией «будет, безусловно, в течение первых 12 месяцев или больше крейсерской войной океанского масштаба, включающей к тому же крайне сложные операции по концентрации главных сил флота в дальневосточных водах»¹. Для подготовки к подобной войне для Адмиралтейства в 1920-е гг. важнее, чем опыт войн, было внутреннее противостояние с Казначейством, постоянно стремившимся сократить военно-морской бюджет и урезать количество крейсеров и ряда вспомогательных судов.

Однако и Адмиралтейство, и британская армия в игнорировании практических уроков «Великой войны» были все же далеки от руководства ВВС. Как и «футурист» Фуллер в армии, многие деятели британской авиации видели в событиях 1914–1918 гг. тот тип конфликта, которого необходимо избежать в будущем. Заманчивым средством преодоления печального опыта «Великой войны» стала идея воздушных бомбардировок вражеского тыла (т.н. стратегические бомбардировки). По мысли начальника Штаба ВВС маршала Х. Тренчарда, бомбардировки были отличным средством нанести удар в самое сердце противника. Осуществляя бомбардировки гражданского населения, можно было «убить сразу двух зайцев»: заставить население противника оказывать давление на свое правительство с целью капитуляции и разрушить тыл врага, сорвав обеспечение его армий на поле боя. Безусловно, он понимал, что бомбардировкам подвергнется не только противник, но и сама Великобритания. Однако Тренчард полагал, что другие нации (прежде всего французы — главный потенциальный противник в воздухе в 1920-е гг.) «сдадутся раньше, чем мы... Та нация, которая выдержит бомбардировки дольше, в конце концов и победит». Однако не все в командовании ВВС были столь самонадеянны. Несмотря на приоритет, который Тренчард отдавал развитию бомбардировочной авиации, британские военные активно работали в 1920-е гг. и над системой противовоздушной обороны и над строительством истребительной авиации².

Британские ВВС не смогли избежать определенного учета практического опыта войны и в ином отношении. Если на Западном фронте в годы войны Тренчард активно использовал авиацию для самостоятельных действий, и прежде всего для бомбардировок тыла противника, то на Ближнем Востоке

¹ Admiralty, Navy Estimates, February 4, 1925 // TNA, CAB/24/171.

² Ferris J. Fighter Defence before Fighter Command: The Rise of Strategic Air Defence in Great Britain, 1917–1934 // The Journal of Military History (JMH). 1999. Vol. 63. No. 4. P. 845–884.

ВВС выполняли более скромную, но и более эффективную функцию — непосредственной поддержки действий сухопутных сил, оказав немалую помощь войскам генерал-лейтенанта (в последующем фельдмаршала) Э. Алленби осенью 1918 г.¹ Подобные задачи авиация выполняла на практике и в 1920-е гг., все активнее замещая армию в качестве «имперской полиции»: в 1922 г. в зону ее ответственности перешли Палестина, Трансиордания, Ирак, а в 1928 г. — Аден. В отличие от ситуации с армией, действия на периферии принесли британским ВВС немало пользы, причем не только в виде роста бюджетных ассигнований: они дали авиации большой опыт во взаимодействии с сухопутными силами, что способствовало достаточно быстрому освоению схожих задач в годы Второй мировой войны².

Таким образом, руководство вооруженных сил двух победивших государств, Франции и Великобритании, по-разному подошло к оценке уроков войны. Доминирующей во Франции стала точка зрения о том, что «Великая война» — эталон будущего конфликта, образец «тотальной» и долгой войны, к которой Франция должна готовиться заранее. Такая концепция гармонично сочеталась как с внутренним положением французской армии (ключевые посты занимали люди, чьи карьеры были непосредственно связаны с успехами французской армии в мировую войну), так и с ясным определением главного внешнего противника — Германии.

В Великобритании дело обстояло иначе. Руководство вооруженных сил извлекло свой урок из событий 1914–1918 гг.: благодаря новейшим техническим средствам, улучшенному взаимодействию родов войск и сокращению численности армий оно рассчитывало избежать долгой и кровопролитной войны. К этой же главной цели стремились политики и общество. Тем не менее британские военачальники (особенно в Адмиралтействе и ВВС) недооценивали конкретное и практическое значение ряда уроков войны. Даже армия, внимательно подошедшая к их анализу, не могла учесть их на деле в 1920-е гг.: при подготовке к «малой войне» на периферии многое из опыта «Великой войны» было не так уж и важно. На практике все как будто возвращалось на довоенные «рельсы»: армия «патрулировала» империю, флот акцентировал роль линкоров и готовился к генеральному сражению на море, координация планирования между видами войск оставляла желать лучшего. Иными словами, британские вооруженные силы во многом проигнорировали конкретные уроки войны. Главный же вывод стратегического характера — избежать войны *à la* 1914–1918 гг. — носил скорее негативный, нежели позитивный характер. Политика, учитывавшая его, была адекватной условиям 1920-х гг., однако ее перестройка в новых международных условиях оказалась отнюдь не простым делом.

¹ Muller R.R. Close Air Support: The German, British, and American experiences, 1918–1941 // Military Innovation in the Interwar Period. P. 152.

² Ferris J. Catching the Wave: the RAF Pursues a RMA, 1918–39 // The Fog of Peace and War Planning: Military and Strategic Planning under Uncertainty / Ed. by T.C. Imlay, M.D. Toft. L., 2006. P. 171.

§ 2. Учит ли чему-то поражение?

Германская военная элита в 1920-е гг.

Для армии, фактически рожденной поражением, германский рейхсвер пользуется у исследователей (особенно англоязычных) весьма высокой репутацией. В ряде исторических работ (Дж. Корам, Р. Читино и др.) его развитие в 1920-е гг. рассматривается как образец успешных военных инноваций, верного анализа уроков войны, приведшего к созданию основ военной доктрины, эффективно реализованной в виде «блицкрига» 1939–1941 гг. Германские историки более скептически: они отмечают нереалистичность многих идей командования рейхсвера, отсутствие согласованного военного планирования, приверженность довоенным стратегическим и оперативным установкам.

Исследователи, позитивно оценивающие результаты развития рейхсвера в 1920-е гг., справедливо отмечают роль тщательного анализа событий войны его руководством. Германия считается образцом в этом отношении. Помимо того, что проигравшие государства часто проявляют особый интерес к осмыслению причин своего поражения, существенную роль в данном вопросе сыграла личность генерала Х. фон Секта, в 1919–1920 гг. начальника войскового управления (теневого Генштаб), а в 1920–1926 гг. главнокомандующего рейхсвера. По его настоянию уже в декабре 1919 г. была сформулирована программа по созданию 57 комитетов и подкомитетов, целью которых было изучение уроков прошедшей войны по самым различным направлениям, с привлечением ведущих военачальников, принимавших непосредственное участие в боевых действиях¹. Большое внимание военные уделяли и составлению официальной истории войны. Хотя заниматься ею было поручено Рейхсархиву, находившемуся в подчинении МВД, военные деятели стремились оказывать непосредственное влияние на ход работы: они не собирались допустить оценок, дискредитирующих армию в целом и их самих в частности.

Германские военные тщательно изучили опыт войны на тактическом и оперативном уровнях, извлеченные из него идеи стали одной из основ подготовки к следующей войне. Однако результаты анализа уроков стратегического порядка были далеко не столь однозначны.

Для Секта, который большую часть войны провел не на Западном, а на Восточном фронте и на Ближнем Востоке, кровавые битвы огромных армий, не приводящие к решающим результатам, были тем явлением, которое не должно повториться в будущем. В 1920-е гг. он активно развивал концепцию «современной армии», которая состояла бы из двух компонентов — небольшой профессиональной армии (200–300 тыс. чел.) и более массовой милиции: «Время вооруженных масс, по всей видимости, прошло... Система государственной обороны должна включать в себя малую профессиональную армию из военнослужащих с долгим сроком службы, набранных предпочтительно на добровольной основе, которые будут иметь очень высокие стандарты по обуче-

¹ Corum J.S. The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform. Lawrence, 1992. P. 37–38.

нию и вооружению. За этой армией должна существовать система всеобщей воинской повинности с небольшим (около 3 месяцев. — *И.М.*) сроком службы для всех молодых мужчин»¹. Сект, конечно, не исключал возможности возникновения «тотальной» войны, однако он верил в возможность избежать ее и добиться результата за счет интенсивных действий профессиональной армии в начальный период столкновений. Вторгнувшись на территорию противника, сорвав планы его мобилизации и расстроив систему командования и контроля, эта армия могла обеспечить победу, не дав конфликту перерасти в долгую позиционную войну².

«Позиционный тупик» рассматривался германскими военными как нечто «ненормальное», ситуация, при которой «классическое военное искусство» уступило место противоборству людских масс и техники. Видный теоретик «малой армии» Г. Зольдан полагал, что «в век материального сражения массовая армия — это пережиток», а «человеческая масса в материальном сражении уже ничто, более того, она — зло». Восстановив в правах «классическое военное искусство», традиционные и излюбленные концепции быстрой маневренной войны Х. фон Мольтке-старшего и А. фон Шлиффена, командование рейхсвера рассчитывало решить двойную задачу — «ограничить войну с целью снова сделать ее целенаправленным и управляемым инструментом использования силы на базе элитарного контроля над стратегией»³.

Действительно, помимо военных соображений, в реалистичности которых сомневались историки и современники, за концепцией «малой армии» Секта стояли его социально-политические взгляды. Являясь в этом отношении продолжателем давней традиции, восходившей все к тем же Мольтке-старшему и Шлиффену, он верил, что течение войны должно определяться профессиональными военными, полагая опасным давать ей чрезмерно «разрастись», вовлечь в себя широкие массы гражданского населения — «тыловых людей, ни разу не слышавших и выстрела» (что влечет за собой непредсказуемые социальные последствия)⁴. Думается, что уроки из Ноябрьской революции 1918 г. Сект сумел извлечь сполна. Таким образом, опыт «позиционного тупика» на Западном фронте способствовал новому витку интереса не только к концепциям «молниеносной войны» («блицкрига»), но и к поиску механизмов по усилению контроля самих военных за ходом и течением войны. Она вновь должна была стать преимущественно их профессиональным делом.

Изучение опыта войны приводило, однако, и к другим выводам. Многие германские военные высказывали идеи, близкие, на первый взгляд, к концепциям «тотальной войны». Сам термин популяризировал Э. Людендорф в одноименной работе 1935 г. Для него «тотальная война» связана с полным под-

¹ Цит. по: CID Paper 926-B, The Military Situation in Germany, Memorandum by the Secretary of State for War, 6 December, 1928 // TNA, CAB/24/199.

² *Strohn M.* Hans von Seeckt and His Vision of a "Modern Army" // *WIH.* 2005. Vol. 12. No. 3. P. 318–337.

³ *Geyer M.* German Strategy in the Age of Machine Warfare, 1914–1945 // *Makers of Modern Strategy* / Ed. by P. Paret. Princeton, 1986. P. 554.

⁴ Цит. по: *Carsten F.L.* The Reichswehr and Politics, 1918–1933. Berkeley, 1973. P. 9.

чинением всех задач государства и общества достижению победы. Это своего рода идеальное положение дел, когда тыл и армия, руководимые железной волей военного командования, прикладывают все силы для достижения решительного военного результата. Первая мировая война не была, с точки зрения Людендорфа, «тотальной»: тыл предал армию, и «вместо исхода войны путем решительного сражения получился исход войны путем революции, в хвосте которой поплелось командование»¹.

Для первого главнокомандующего рейхсвера — генерала В. Рейнхардта, прошедшего войну на Западном фронте, война продемонстрировала: для успешного ее ведения необходима мобилизация всех ресурсов народа; «каждый взрослый мужчина и женщина несут в себе определенное количество военных возможностей». Для достижения победы государство должно реализовать весь имеющийся потенциал. «Вопрос не в том, — утверждал генерал, — какую армию государство выставляет на поле битвы, но в том, насколько государственные структуры подходят для реализации и укрепления возможностей народа». В отличие от Секта, Рейнхардт видел будущее за массовыми армиями; в условиях Веймарской Германии, ограниченной Версальским договором, он ратовал за систему народной милиции, которая могла бы не только укрепить малочисленный рейхсвер, но и служить залогом тесной связи между армией и обществом, средством консолидировать германскую нацию и возродить атмосферу образца августа 1914 г.²

В чем-то схожие взгляды высказывал и К. Шлейхер, в 1920-е гг. видный офицер рейхсвера и сподвижник Секта, в 1932–1933 гг. военный министр. Результатом его анализа уроков войны стала концепция полностью милитаризованного общества (*Wehrgemeinschaft*), в основе которого он видел мощную систему авторитарного военного планирования, подчиненную одной цели — массовой мобилизации населения и промышленности. Все вопросы финансовой, экономической и образовательной политики в таком обществе будут согласовываться с военными и внешнеполитическими нуждами государства для обеспечения его победы в будущей войне. Как и Рейнхардт, он поддерживал идею создания армии на милиционных началах³.

Наконец, еще одна концепция, внешне радикально отличная от идей Секта, принадлежала Й. фон Штюльпнагелю, начальнику 1-го (оперативного и планирующего) отдела войскового управления, и была известна под названием «Народная война» (*Volkskrieg*). В своей секретной разработке «Мысли о будущей войне» (1924), анализируя сценарий будущего конфликта (французское либо франко-польское нападение на Германию), Штюльпнагель нарисовал картину партизанской войны на территории Германии, в которой участвует все население. Она должна, с его точки зрения, вестись по заранее разработанному плану и с применением любых возможных методов (индивидуальный террор против

¹ Людендорф, ген. Введение тотальной войны // Военный зарубежник. 1936. № 4. С. 12.

² Mulligan W. The Creation of the Modern German Army: General Walther Reinhardt and the Weimar Republic, 1914–1930. N.Y., 2005. P. 204–205, 209.

³ Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб: История и структура. 1657–1945. М., 2005. С. 255.

командования противника, применение газов, затоплений и т.п.) — своеобразная смесь «терроризма и тактики выжженной земли» (М. Гайер). Этот анализ основывался на выводах Штюльпнагеля о том, что война требует «использования силы всей нации». Для победы в ней необходимо согласование военных целей с «национальной волей большинства народа»¹.

Несмотря на внешнее радикальное различие между идеями Секта, с одной стороны, и Людендорфа, Рейнхардта, Шлейхера, Штюльпнагеля — с другой, в своей основе они, как ни странно, имели много общего. Никто из них, по большому счету, не ставил под сомнение ряд традиционных для германской военной мысли положений, шедших от К. фон Клаузевица через Мольткестаршего и Шлиффена к началу Первой мировой войны. Несмотря на весь пафос высказываний о тотальной войне, Людендорф продолжал верить в традиционные по своей сути принципы: «Решительный исход сражения дает решительный исход войны. Сражение — это важнейший акт войны». Он не видел необходимости координировать государственное и военное планирование, ведь «война и политика, в конечном счете, это одно и то же». Как и в годы мировой войны, Людендорф стремился сосредоточить власть в руках военных, которые на поле боя добьются решительного результата, его «тотальная война была той же “Великой войной”, в которой все было бы сделано правильно»². Несмотря на внешний радикализм, Штюльпнагель также, по сути, был традиционалистом. «Народная война» была для него лишь средством задержать и истощить противника, конечная победа, по его мнению, может быть достигнута лишь в рамках традиционной битвы на уничтожение (*Vernichtungsschlacht*), которую превозносил еще Шлиффен. Вмешательство политического руководства в военные вопросы отвергалось: при необходимости военные будут принимать решения против воли гражданских лиц. Пусть в меньшей степени, но и Рейнхардт оставался заложником довоенных принципов: ключевой остается «решающая битва», для успеха в которой необходимо определить центр тяжести удара и сосредоточить на нем основные огневые средства (Рейнхардт был большим сторонником тяжелой артиллерии). Несмотря на опыт сражений на Западном фронте, Рейнхардт в 1920-е гг., как и до 1914 г., не был чужд романтических представлений о войне, говоря о достоинствах командующего, проявляющихся в «любви и заботе о своей армии: так рыцарь любит свою лошадь и заботится о ней».

Таким образом, стратегические уроки 1914–1918 гг. слабо учитывались германскими военными. Сект видел в них отрицательный опыт, повторения которого можно избежать за счет небольшой профессиональной армии, вооруженной по последнему слову техники. Другие крупные военные теоретики, несмотря на некоторые попытки интегрировать уроки войны в свои концепции, в основе своей оставались на базе довоенных принципов, прочно укоренившихся в германской военной традиции.

¹ Vardi G.-I. Joachim von Stülpnagel's Military Thought and Planning // *WiH*. 2010. Vol. 17. No. 2. P. 193–216.

² Chickering R. *Sore Loser: Ludendorff's Total War // The Shadows of Total War*. P. 174.

О том, что опыт 1914–1918 гг. не внес радикальных изменений в концепции военных деятелей, говорили и их оценки причин поражения Германии в войне. Для бывшего начальника штаба Восточного фронта генерал-майора М. Гофмана поражение стало результатом конкретных просчетов вполне определенных командующих, в особенности Х. фон Мольтке-младшего, сначала изменившего «план Шлиффена», а затем допустившего поражение на Марне и, наконец, позволившего фронту застыть в позиционной войне¹. Людендорф не был столь уверен в абсолютной верности «плана Шлиффена», но также винил главное командование: с ноября 1914 г. необходимо было сосредоточить основные усилия на войне с Россией. Излюбленным же его мотивом были вариации на тему «удара ножом в спину». Людендорф полагал, что и будущие конфликты могут закончиться «не в результате поражения одной из военных держав, но по причине развала одного из ведущих войну народов».

Такой анализ причин поражения Германии свидетельствовал о том, что германские военные не видели в уроках 1914–1918 гг. причин радикально менять свои довоенные взгляды и представления — ведь не они привели страну к проигрышу. Актуальности прошлым концепциям придавал и характер той ключевой стратегической проблемы, которая стояла перед рейхсвером в 1920-е гг., — хорошо знакомого вопроса о войне «на два фронта». После 1918 г. сама проблема никуда не делась, она лишь приобрела новые очертания: теперь вместо России и Франции Германии противостояли Франция и Польша.

Когда в июне 1919 г. обсуждался ультиматум Антанты с требованием подписать Версальский договор, генерал-квартирмейстер В. Гренер пришел к выводу, что в случае возобновления войны у Германии нет шансов. Окруженная враждебными Францией, Польшей и Чехословакией, максимум, на что она была способна, — локальный успех на востоке. Однако любые преимущества от него будут сведены к нулю из-за невозможности сопротивляться на западе: судьба Германии, как и раньше, решалась на Рейне, а не на Висле.

Правда, большая часть германских военных планов 1920-х гг. предпочитала игнорировать пессимистичные выводы Гренера — в надежде на то, что оборонительные действия рейхсвера замедлят французское продвижение на западе и выиграют время для успешного наступления на востоке против Польши. Проблема заключалась в том, что шансы рейхсвера на победу даже в войне с одной Польшей были крайне малы. Серия учений в 1927–1929 гг. продемонстрировала: Германия, по всей вероятности, не выдержит наступления со стороны Польши, даже если та будет одна.

Все это привело Гренера, в 1928–1932 гг. занимавшего пост военного министра, к разработке «первой разумной стратегической концепции» Германии². Констатируя невозможность для Германии вести войну на два фронта, он считал, что единственный вариант стратегии, который обещает определенный успех, заключался в ведении оборонительной войны против Польши (в случае

¹ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 201–202.

² Deist W. The Road to Ideological War: Germany, 1918–1945 // The Making of Strategy: Rulers, States and War / Ed. by W. Murray, M. Knox, A. Bernstein. N.Y., 1994. P. 366.

нападения со стороны последней): последовательное отступление, за которым следовала решительная контратака. Далее в ход шла дипломатия: Германия обращалась к Лиге Наций и использовала свой экономический потенциал для заключения благоприятного мирного договора. Однако концепция Гренера, достаточно неплохо гармонизировавшая с внешнеполитическим курсом Германии в период относительной стабилизации обстановки в Европе, вызвала резкое отторжение у начальника войскового управления генерала В. фон Бломберга и других высших чинов рейхсвера. Это еще раз подчеркивало, что многие из германских военных были далеки от стремления скоординировать военную и внешнюю политику государства. Между тем необходимость подобной координации была одним из важнейших уроков «Великой войны».

Таким образом, анализ опыта 1914–1918 гг. в контексте особого положения Германии в 1920-е гг. ставил ее военное руководство перед неизбежной дилеммой. Те выводы, которые извлекли из событий мировой войны Сект и другие военные, были неприменимы к рейхсверу в том виде, в каком он существовал в первое послевоенное десятилетие. Несмотря на свою отличную выучку и тактическую подготовку, он был неспособен воевать даже против Польши. При этом надо понимать, что никто из германских военных не рассматривал 100-тысячный рейхсвер как базу для своего военного планирования и концепций. Сект ясно писал во введении к тактическому руководству 1921 г., что в качестве нормы оно «исходит из силы, вооружений и техники современной военной державы, а не обозначенной мирным договором армии Германии в 100 тыс. чел.». Если уроки «Великой войны» были неприменимы к рейхсверу, то здравый анализ ситуации 1920-х гг., предпринятый Гренером, также не устраивал военных, поскольку заставлял их признать слабость германской армии. В итоге определенное (хотя и далеко не полное) примирение концепций германских военных и имеющейся у Германии армии произойдет лишь в 1930-е гг., с началом ее массового перевооружения.

Стратегические дилеммы руководства германского ВМФ были в чем-то сходны с теми, что стояли перед рейхсвером. После затопления основных сил флота в Скапа-Флоу и ограничений, наложенных на его остатки Версальским договором, помышлять о противостоянии с главным бывшим противником, Великобританией, было сложно. Уязвимость Германии являлась слишком очевидной. Как подчеркивал в 1929 г. адмирал Э. Редер (в последующем гросс-адмирал и командующий ВМФ нацистской Германии), главная угроза для Германии — возможность британской блокады, «самого простого и безопасного способа... нанести нам поражение». Роль союзной блокады в прошедшей войне рассматривалась как ключевая, хотя и отмечалось, что сохранение свободы в Балтийском и Черном морях дало Германии возможность долго ей сопротивляться.

Слабость германского флота и оценка непосредственных угроз подталкивали руководство рейхсмарине к подготовке к конфликту не с Великобританией, а с Францией и Польшей. Сценарий одной из первых военных игр (1926 г.), не ограничивавшихся задачами лишь обороны побережья, предусматривал столкновение именно с этими государствами. По сути, до германо-польского

договора 1934 г. именно он останется доминирующим. Подготовка к такого рода сценарию требовала для германского флота «эсминцев, мин, сетей, а также спокойствия и упорства» (Х. Хельвиг).

Такие скромные задачи, однако, не могли устроить ряд германских флотоводцев и служить базой для применения тех уроков, которые они извлекли из войны. Их внимание, как и до 1914 г., было сосредоточено на борьбе с Великобританией. В 1928 г. капитан 1-го ранга (в последующем адмирал) О. Гроос выступил с осторожной критикой действий германского ВМФ в годы войны. Считая целью морской войны «владение торговыми путями», он полагал, что германская стратегия «флота в наличии» не оправдала себя. Необходимо было во что бы то ни стало навязать бой главным силам британского флота — «следовало драться, когда бои на Марне и под Кале достигли наибольшего напряжения», — что дало бы возможность разрушить торговую блокаду. Несмотря на свой критический запал, в акценте на роль эскадренного боя он был не так далек от идей адмирала А. фон Тирпица¹.

Вице-адмирал в отставке В. Вегенер в 1929 г. выступил с более радикальной критикой. По его мнению, «операции германского флота в мертвом Северном море, со стратегической точки зрения, были походами, которые не могли дать ничего». Для того чтобы действительно угрожать Великобритании, Германии необходимо было обеспечить себе выход в Атлантический океан — средоточие жизненно важных торговых коммуникаций — через «открытие вновь Бельтов, соглашение с Данией относительно использования ее вод и контроль северного торгового пути» через Каттегат и Скагеррак вокруг Шетландских островов в Атлантический океан. Другим путем в этом же направлении, согласно Вегенеру, могла быть оккупация армией территорий на Атлантическом побережье Франции (что могло произойти в случае победы в Марнском сражении)².

Идеи Вегенера, акцентировавшего роль баз в Норвегии и Франции для борьбы в Атлантическом океане, как можно заметить, были фактически реализованы в начальный период Второй мировой войны. Однако с практическим освоением ряда иных уроков 1914–1918 гг. имелись проблемы. Как ни странно, это касалось опыта подводной войны, которую с немалым успехом в годы Первой мировой вела сама Германия. Тома официальной истории подводной войны за 1917–1918 гг. так и не появились в межвоенное время и были изданы лишь в 1960-е гг. На фоне развития средств обнаружения подводных лодок заявлялось о снижении их роли; энтузиаст линейного флота Редер считал подводную войну лишь «защитным средством» слабых морских держав. В итоге к 1939 г. кригсмарине имел лишь 57 подводных лодок, в то время как адмирал К. Дёниц, командующий подводным флотом нацистской Германии, требовал 300. Тем не менее в теоретическом отношении в 1920-е гг. было сделано многое. Фактически тактика «волчьих стай» (массированных нападений на конвои), ко-

¹ Гроос О. Учение о морской войне в свете опыта мировой войны. М., 1930.

² Вегенер, вице-адм. Морская стратегия мировой войны // Оперативно-тактические взгляды германского флота: Сборник статей из германской военно-морской литературы. М., 1941. С. 42–83.

торая принесет столько бед союзникам во Вторую мировую войну, была разработана в это время¹.

Таким образом, германские военно-морские деятели сталкивались примерно с той же дилеммой, что и командование рейхсвера: опыт войны указывал на пути развития флота, которые были невозможны в 1920-е гг. Сам же анализ событий прошедшей войны имел свои сильные стороны, хотя без упущенных уроков также не обошлось.

Если выводы из опыта войны, сделанные руководством армии и флота, были фактически неприменимы при имевшихся в 1920-е гг. средствах, то с ВВС ситуация обстояла еще хуже: этот род войск тогда еще только зарождался. Тем не менее и здесь германские военные стремились сделать выводы из опыта прошедшей войны. Как и в рейхсвере, анализ событий 1914–1918 гг. был проведен весьма скрупулезно. С декабря 1919 г. более 130 офицеров ВВС в составе 28 комитетов изучали самые разнообразные технические и тактические уроки прошедшей войны. Обращения с просьбой описать свой боевой опыт рассылались и наиболее опытным пилотам, в т.ч. Э. Мильху, ставшему в последующем фельдмаршалом ВВС нацистской Германии. Главное внимание при изучении событий войны было посвящено проблемам поддержки авиацией тактических действий сухопутных сил. Мильху, в частности, было предложено осветить задачи по тактической разведке и борьбе за «превосходство в воздухе» с помощью истребительной авиации². Подобная расстановка акцентов была неслучайной.

В годы войны германская авиация достигла немалых успехов в реализации задач по непосредственной поддержке действий армии с воздуха. Созданные в 1917 г. эскадрильи самолетов поддержки пехоты, которые были предназначены для нанесения ударов по наземным объектам, являлись важным нововведением. Этот опыт стал основой и для концепций 1920-х гг.³

Таким образом, анализ германскими военными уроков «Великой войны» был селективным. Дело было не только в том, что часть из них игнорировалась (как, скажем, опыт «тотальной» войны в концепции «современной армии» Секта), а часть успешно усваивалась (важность борьбы за торговые коммуникации во флоте). Нередко за внешним изменением довоенных представлений на деле скрывались хорошо знакомые еще до 1914 г. идеи и концепции. Но, пожалуй, наиболее показательным был разрыв между степенью учета военных реалий тактического и оперативного характера, с одной стороны, и игнорированием стратегических уроков — с другой. Армейское командование, далеко не зря потратившее столько усилий на изучение истории тактических действий и операций, при этом не собиралось признавать целый ряд иных соображений: необходимость координировать военный и политический курс, полнее учитывать реалии социально-экономического характера, не надеясь на то, что

¹ Herwig H.H. Innovation Ignored: the Submarine Problem. Germany, Britain, and the United States, 1919–1939 // *Military Innovation in the Interwar Period*. P. 230–239.

² Irving D. The Rise and Fall of the Luftwaffe: The Life of Field Marshal Erhard Milch. L., 1973. P. 15.

³ Corum J.S. The Luftwaffe's Army Support Doctrine, 1918–1941 // *JMH*. 1995. Vol. 59. No. 1. P. 57.

благодаря блистательно проведенной операции можно будет переломить ход войны. Последствия этих невыученных уроков не раз скажутся в годы Второй мировой войны.

§ 3. Итоги à part: мировая война в оценках советского военного руководства в 1920-е гг.

После Первой мировой войны стратегическая ситуация Франции, Великобритании и Германии существенно изменилась. Однако масштаб трансформаций, произошедших с бывшей Российской империей, был совсем иным. Сама империя исчезла, а на ее обломках образовался целый ряд государств, главное из которых, Советская Россия (с 1922 г. — СССР), находилось не только в совершенно ином военно-политическом положении, но и по своей сути радикально отличалось от предшественника. Учитывая все это, было далеко не ясным, представляют ли уроки «империалистической» войны действительную ценность для военного руководства государства, рожденного в ходе революции и гражданской войны и провозгласившего социалистический путь развития.

В 1920-е гг. советские военные прошли, как нам представляется, через три этапа в своем отношении к урокам войны: известное отрицание их значения в самом начале десятилетия, особое внимание к ним в годы реформы 1924–1928 гг. и, наконец, новые сомнения в их актуальности на рубеже 1920–30-х гг.

В 1921–1922 гг. на фоне сокращения Красной армии и обсуждения характера ее будущего устройства М.В. Фрунзе, на тот момент командующий вооруженными силами Украины и Крыма, выступил со своим анализом опыта мировой войны и его значения. В условиях враждебного капиталистического окружения Советское государство, полагал он, должно готовиться к войне. Она будет масштабной как по географическому размаху, охватывая всю Европу, так и по количеству вовлеченных в нее ресурсов: «...теперь участниками войн являются почти поголовно целые народы, сражаются не тысячи или десятки тысяч людей, а целые миллионы — самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы». Однако подобная война не будет похожа на Первую мировую: «Мне кажется совершенно несомненным, что по своему основному характеру тип будущих войн будет приближаться к типу нашей гражданской войны»¹. Развитие революционных процессов в Европе не позволит противнику иметь сплоченный тыл, следовательно, не будет возможным и позиционный тупик; оборонительная тактика и крепостные сооружения теряют свое значение.

Несмотря на то, что Л.Д. Троцкий, председатель РВС Республики, являлся ярким противником Фрунзе по ряду вопросов, в своих взглядах он также сочетал учет одних уроков мировой войны с отрицанием других. В немалой степени это было отражением двойственности взглядов Троцкого, проповедо-

¹ Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1965. С. 98.

вавшего идеи «мировой революции» и при этом защищавшего военспецов в РККА и призывавшего не отвергать «буржуазную военную науку». Так, подчеркивая, что не стоит идеализировать опыт Гражданской войны, он, тем не менее, утверждал, «что в последнем счете исход борьбы решится в зависимости от того, чьи агитационные пункты окажутся сильнее, т.е. какая идея окажется убедительнее для широких народных масс и способна будет держать их в духовной связи, без которой нет армии»¹. В свете кровавых наступательных операций на Западном фронте в 1914 г. эти слова выглядят достаточно опрометчиво.

Л.Д. Троцкий

Особняком в этом отношении стоял бывший генерал-майор царской армии А.А. Свечин. В серии лекций 1923–1924 гг. в Военной академии РККА, сотрудником которой он являлся, Свечин заявил о себе как о стороннике идеи о том, что предстоящий конфликт будет походить на Первую мировую и представлять собой войну «на измор». Для успеха в ней необходимо заботиться о пропорциональном развитии экономики государства в мирное время, придерживаться осторожности в ведении войны (операции с ограниченными целями), обеспечить единое руководство «на фронтах политической, экономической и вооруженной борьбы». Представляется, что это были вполне здравые уроки, извлеченные из событий 1914–1918 гг.²

Как следует из идей Фрунзе и Троцкого, в начале 1920-х гг. опыт Первой мировой войны не игнорировался полностью. Рассуждения Фрунзе об изменившихся масштабах войны, в которую вовлекаются «почти поголовно целые народы», служат тому свидетельством. Об этом же говорит создание еще в августе 1918 г. при Всероссийском главном штабе «Военно-исторической комиссии по описанию войны 1914–1918 гг.», в последующем включенной в состав Штаба РККА и неоднократно переименовывавшейся.

Усиление внимания к урокам мировой войны, с опорой на них при планировании дальнейшего развития РККА, произошло после 1923–1924 гг. С крахом надежд на революцию в Германии и явным замедлением темпов «мировой революции» необходимо было преодолевать левацкие перегибы и внутри армии. В переходе на относительно «нормальные» рельсы развития анализ событий мировой войны оказался весьма полезен. Показательно, что хотя термин «тотальная война» не использовался (слишком уж он в 1930-е гг. «вошел в моду в фашистской Германии»), такая его калька, как «полная война», встречалась в советских военных журналах³.

¹ Цит. по: Киришин Ю.Я. Лев Троцкий — военный теоретик. Клинцы, 2003. С. 260.

² Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М., 1927.

³ Будкевич С. Чему нас учит первая империалистическая война? // Военный вестник. 1934. № 7. С. 19.

Как отмечают исследователи, «главный урок, извлеченный советскими военными из Первой мировой войны, заключался в том, что будущая война подразумевает принципиально иную степень участия экономики, всего народного хозяйства»¹. Идеи о том, что «современные войны ведутся, конечно, не отдельными армиями, а всей страной в целом, всеми силами и средствами», не только высказывались в теоретических работах, но и служили одной из концептуальных основ в период реформы Красной армии (1924–1928 гг.). Это сказывалось при обсуждении ключевого элемента реформы — перехода на смешанную систему комплектования армии, подразумевавшую сочетание кадровых и милиционно-территориальных формирований. Безусловно, в этом шаге решающую роль сыграли факторы экономического (необходимость сокращения расходов) и внешнеполитического (идея временной «передышки») порядка. Однако и анализ уроков войны имел немалое значение. Обосновывая необходимость сочетать кадровую систему комплектования армии с милиционно-территориальной, начальник Главного управления РККА В.Н. Левичев подчеркивал, что такое решение находится «в соответствии с современными требованиями и характером будущих войн». Решающую роль в войне сыграют «мобилизованные народные массы», чью военную подготовку и обучение как раз и призвана реализовать терсистема².

Осмысление опыта войны дало импульс и еще одной важной инициативе советских военных периода реформы — идее создания «интегрального» политического органа для подготовки к «тотальной» войне. Делая акцент на необходимости, «еще в мирное время, всесторонней и планомерной подготовки всей совокупности экономических и людских ресурсов страны», Фрунзе, занимая должность председателя РВС и наркома по военным и морским делам, призвал создать Совет или Комитет обороны на правах полномочной комиссии Совнаркома «на тех же основаниях, что и СТО (Совет Труда и Оборона. — И.М.), с регулярными заседаниями (не реже одного раза в месяц)». Поскольку будущая война требовала мобилизации всех сил государства, в состав Совета должны были войти руководители ключевых ведомств: четырех наркоматов (военного, рабоче-крестьянской инспекции, путей сообщения, финансов), а также ВСНХ и Госплана. Осознав, по всей видимости, что идея особого Совета нереализуема, Фрунзе выступил с предложением реформирования уже имевшегося СТО и создания при нем мобилизационной комиссии, чей состав в миниатюре повторял бы состав предлагавшегося ранее Совета обороны. Идея Фрунзе была реализована в 1927 г. (после его смерти) в виде Комиссии обороны, вскоре получившей название Распорядительного заседания СТО и ставшей фактически высшим органом подготовки СССР к войне.

Все большее внимание к урокам Первой мировой войны напрямую сказывалось и на представлениях о некоторых ключевых оперативно-стратегических

¹ Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 25.

² Доклад Левичева в РВС СССР о милиционно-территориальных формированиях РККА, 16 августа 1925 г. // Реформа в Красной Армии (РКА): Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 1. СПб., 2006. С. 387–398.

характеристиках будущего вооруженного конфликта. Прежде всего, он рассматривался как продолжительная, упорная, кровопролитная война. В 1928 г. 4-е (разведывательное) управление Штаба РККА считало, что продолжительность наиболее вероятного конфликта с участием СССР «может колебаться от 1½ до 3 лет при условии интенсивного ведения войны»¹. Некоторые военные (начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский, заместитель наркома по военным и морским делам С.С. Каменев) уже в 1927–1928 гг. полагали, что будущая война, скорее всего, в смысле ее «масштаба и напряжения борьбы» уйдет вперед по сравнению с событиями 1914–1918 гг.²

Еще один важный вывод советского военного руководства из опыта 1914–1918 гг. получил свое отражение в концепции т.н. милитаризации — или, иначе, военизации. Понимая военизацию как «приспособление всей страны к выполнению задач обороны», Тухачевский фактически призывал к резкому усилению роли военных в принятии экономических решений снизу доверху: от разработки проектов торговых кораблей (могут использоваться как военные в период конфликта) до контроля за объемами производства гражданских заводов и формирования планов развития всего народного хозяйства³. Весной–летом 1927 г. он предлагал «сосредоточить основные функции мобилизационного планирования в Военной комиссии Госплана (преобразованной в сектор обороны Госплана). Долгосрочные планы развития экономики с точки зрения военных задач должен был утверждать СТО, тогда как планы хозяйственной мобилизации — комиссия представителей наркоматов под началом Штаба РККА, который получал бы “право направлять и контролировать всю мобилизационную работу”»⁴. Добившись в мае 1927 г. возможности ввести в органы Госплана своих представителей, военные, по сути, приобрели «право непосредственно участвовать в формулировке долгосрочных и краткосрочных планов Советского Союза» (Л. Самуэльсон). Во многом чрезмерная амбициозность, вызвавшаяся, в частности, в указанных шагах, и стала причиной отставки Тухачевского в 1928 г. с поста начальника Штаба РККА.

Советские военные, как бы внимательны они ни были к опыту 1914–1918 гг., все же не собирались отказываться от идей об уникальности Советского государства и исключительности условий, в которых для него будет разворачиваться будущая война. В итоге влияние идеологических императивов на анализ уроков войны нередко могло приводить к парадоксальным результатам.

Так, вполне обоснованным выводом из событий мировой войны было представление о будущей войне как о конфликте коалиций. При этом указывалось и на то, что «характерной чертой обеих коалиций, выявившейся в процессе

¹ Будущая война // Антология отечественной военной мысли. Кн. 11. М., 1996. С. 627.

² Тухачевский М.Н. Война как проблема вооруженной борьбы // БСЭ. Т. 12. 1-е изд. М., 1928. Ст. 595.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 62об-63об, 76 и сл.

⁴ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). 2-е изд., перераб. М., 2008. С. 48–49.

войны... являлось наличие внутренних противоречий между их участниками»¹. Однако этот логичный в целом анализ при взаимодействии с идеологическими императивами и бюрократическими интересами мог приводить к формированию искаженной картины. В 1926 г. Тухачевский писал о том, что «наиболее опасными, наиболее решительно угрожающими Советской власти государствами приходится считать все государства, расположенные по нашей западной границе». Начальник Штаба РККА призывал исходить из того, что СССР с момента объявления войны должен будет противостоять совокупным силам Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии (113 дивизий). Подобная оценка Тухачевского объяснялась, однако, не только соображениями о враждебности капиталистического окружения, но и его стремлением увеличить количество дивизий РККА².

Таким образом, анализ уроков мировой войны и выводы по его результатам стали важным компонентом советских военных концепций в период реформы Красной армии 1924–1928 гг. Тем не менее речь не шла о прямолинейном процессе. Как и сама реформа — компромисс «между опытом гражданской войны и принципами устройства современных армий» (оценка военного эксперта в эмиграции А.А. Зайцова), — анализ уроков мировой войны в этот период характеризовался двойственностью. Часть «наследия» прошлого конфликта рассматривалась как актуальная и важная, однако другая — либо отвергалась, либо трактовалась искаженно.

Тенденция к оценке событий 1914–1918 гг. как все более далеких от новых реалий, перед которыми стояли уникальные в своем роде государство и армия, усилилась после июльского совместного заседания ЦК ВКП(б) и РВС (1929 г.), на котором генеральным секретарем И.В. Сталиным была объявлена программа масштабной технологической реконструкции вооруженных сил. На фоне перспектив, открывавшихся в связи с 5-летним планом развития, многие военные во главе с Тухачевским стали все больше акцентировать внимание на том, что уроки прошлого устарели. Тухачевский увидел возможность за счет радикального технического переоснащения, изменения количественных параметров армии трансформировать и «лицо» войны: «...реконструированная армия вызовет и новые формы оперативного искусства»³. Упирая на новые промышленные и экономические возможности СССР, Тухачевский, с одной стороны, высказывал ряд перспективных идей, а с другой — впадал в фантазии. Если бы Красная армия следовала в годы Великой Отечественной войны его расчетам по расходу артиллерийских снарядов (3 млн шт. на день боя), то всего количества снарядов, произведенных, к примеру, в 1943 г. (ок. 86 млн шт.), не хватило бы и на месяц.

Некий элемент нереальности был связан, однако, не только с расчетами Тухачевского на период первой пятилетки. Несмотря на то, что многое из опы-

¹ Таленский Н. Некоторые выводы из опыта войны 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 8. С. 10.

² Доклад Тухачевского Ворошилову о 4-летнем плане развития стрелковых войск, 5 июня 1926 г. // РККА: Документы и материалы. С. 592–598.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 14.

та мировой войны было адекватно проанализировано и усвоено военными, для воплощения результатов этой работы на практике возможностей было подчас недостаточно. На протяжении большей части 1920-х гг. Красная армия находилась в процессе становления¹. Иными словами, даже хорошо усвоенные советскими военными уроки из событий 1914–1918 гг. далеко не всегда могли быть реализованы на практике.

Подобная же дилемма, но в еще большем масштабе, характеризовала состояние дел в ВМФ и ВВС. Перед флотом, чья материально-техническая оснащенность в 1920-е гг. оставляла желать лучшего, стояла угроза, что осмысление уроков прошедшей войны рядом военных фактически приведет к его ликвидации. Тухачевский не раз повторял: существенные расходы Германии на флот до 1914 г. — одна из причин ее поражения². Тем не менее военным, не разделявшим этих взглядов, удалось ко второй половине 1920-х гг. снизить градус «ликвидаторских» настроений. Одну из немаловажных ролей в этом сыграл тот факт, что они стремились продемонстрировать значение ВМФ для общей стратегии СССР в будущей войне, увязать ведение сухопутной и морской войны в единое целое, что само по себе являлось немаловажным выводом из событий 1914–1918 гг. В июле 1925 г. начальник Оперативного управления Штаба РККА С.М. Белицкий подчеркивал: «Основной план войны, предусматривающий концентрацию главных сил армии по обоим берегам р. Припяти, ставит наши фланги у Балтийского и Черного морей в трудное положение без помощи флота. Поэтому всякие ликвидаторские взгляды на роль флота в наших условиях должны быть осуждены». Оперативный сценарий морских маневров 1925 г. хорошо гармонировал со стратегическими представлениями командования РККА о будущей войне³.

Хотя военно-морскому командованию в немалой степени удалось продемонстрировать значение флота для стратегических потребностей государства, все же было не до конца ясно, какой именно флот нужен СССР. Ряд советских военных теоретиков — сторонников т.н. малой войны на море (М.А. Петров, К.И. Душенов и др.) — видели основу ВМФ в подводных лодках, авиации, торпедных катерах. Такой флот должен был наносить противнику короткие, стремительные удары, тесно взаимодействуя с сухопутными силами на приморских направлениях⁴.

Однако присутствовали и иные суждения. По результатам маневров Балтийского флота 1925 г. начальник Оперативного управления Штаба РККФ А.А. Тошаков пришел к выводу о решающем значении линейного флота для владения Финским заливом и призывал к его пополнению. Аналогичные выводы сформулировал и РВС в мае 1928 г. Такие идеи предполагали серьезное расширение флота и были в немалой степени близки к концепциям британских

¹ Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004. С. 10–11.

² Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 181.

³ РККА: Документы и материалы. С. 371, 476.

⁴ Начальный период войны: По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны / Под общ. ред. С.П. Иванова. М., 1974. С. 77–78.

и ряда германских военно-морских деятелей. Однако применительно к советским реалиям первого послевоенного десятилетия они были малореlevantны: «...в 1924–1928 гг. еще не была создана промышленная база, способная производить современные технические средства борьбы на море в необходимом для обороны морских границ количестве»¹.

Схожие проблемы с практической реализацией уроков войны наблюдались и в советской авиации. Анализ уроков войны начальником Управления РККВФ П.И. Барановым привел его к идее о приоритете для авиации функций взаимодействия с сухопутными силами. В период реформы 1924–1928 гг. Управление придавало первостепенное значение созданию многоцелевых самолетов непосредственной поддержки пехоты и истребителей. Однако из событий войны делались и другие выводы. Утверждалось, что «опыт боевой работы авиации в мировой империалистической войне и на фронтах Гражданской войны в СССР показал, что воздушный флот является грозным родом войск, способным не только взаимодействовать с наземными войсками, но и выполнять самостоятельные действия в глубоком тылу противника»². Однако средства, необходимые для подобных самостоятельных действий (бомбардировочная авиация дальнего действия), отсутствовали в советских ВВС в 1920-е гг. В 1931 г. Баранов, во многом адекватно проанализировавший уроки 1914–1918 гг., был снят со своего поста после инцидента, когда он отказал Сталину в полете на опытном образце четырехмоторного бомбардировщика ТБ-3. Сталин упрекнул его в том, что тот мыслит «категориями прошлого», увлекаясь одномоторными самолетами, и потребовал немедленно запустить в производство новую модель³. Как и в случае с идеями Тухачевского, развитие индустриализации в СССР было воспринято как возможность отказаться от «устаревшего» опыта войны.

Таким образом, анализ уроков 1914–1918 гг. советскими военными в 1920-е гг. был селективным и менялся в зависимости от влияния ряда «внешних» факторов. Ключевыми среди них можно считать: стратегические оценки перспектив «мировой революции» и сроков «неизбежного» столкновения с капитализмом; идеологические установки, связанные с представлениями о степени «уникальности» вооруженных сил социалистического государства; наконец, состояние развития экономики и промышленности СССР. В самом начале 1920-х гг. все из указанных факторов «работали» на известное пренебрежение к опыту мировой войны, веру в радикальные мировые изменения, при которых более ценным будет скорее опыт Гражданской войны в России, а не «империалистической» войны. В период реформы 1924–1928 гг. представления об известной «мирной передышке» для СССР, необходимость сокращения военных расходов, ложившихся бременем на экономику, привели к достаточно серьезному и тщательному учету ряда уроков войны. Тем не менее идеологически мотивированные соображения не переставали искажать ряд оценок со-

¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

² Там же. Д. 34. Л. 8.

³ Гребенюк А.В. РККА накануне Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 2. С. 16.

ветских военных и в это время. Наконец, с началом ускоренной индустриализации в СССР в военно-теоретическом отношении произошел известный откат к ситуации начала 1920-х гг.: надежды на радикальное изменение материально-технической базы вооруженных сил приводили к тому, что уроки 1914–1918 гг. считались устаревшими. Как тогда казалось, перед СССР открываются перспективы, при которых опыт прошлого и анализ, проведенный военными капиталистических государств, останутся далеко позади.

В 1920-е гг. военные всех ведущих европейских государств в разной степени, но проявляли внимание к урокам «Великой войны». Масштабный, продолжительный и кровопролитный конфликт, приведший к радикальным изменениям в стратегической обстановке в Европе, не мог не приковывать их внимания; по словам ряда исследователей, все межвоенное время разворачивалось «в тени тотальной войны». Однако даже тщательный анализ опыта войны сам по себе еще не гарантировал, что военные в конце концов не проигнорируют его и не будут «готовиться к прошлой войне».

По тому, как анализировались и усваивались уроки этого конфликта военными элитами ведущих европейских государств, можно выделить две основные группы. Первая из них, к которой можно отнести значительную часть французских и советских военных, рассматривала мировую войну как эталон «тотального» вооруженного конфликта, к которому стоит готовиться и в будущем. Вторая группа, состоявшая из многих британских и германских военных, видела в мировой войне отрицательный опыт, повторения которого необходимо избежать с помощью современных технических средств, восстановления прав «военного искусства». Эти средства переломят логику тотальной войны, быстро и без массовых потерь решив исход конфликта.

Можно ли провести ясную черту и сказать, что один из двух типов анализа событий войны был верным, а другой — нет? Категоричный ответ, на наш взгляд, вряд ли возможен. Большинство британских и германских военных сложно обвинить в полном игнорировании уроков войны. Скорее, это относилось лишь к некоторым теоретикам ВВС Великобритании, посчитавшим, что технический прогресс, своего рода «революция в военных делах», радикально изменит «лицо» будущей войны. Даже те из военных деятелей, кто отрицал значение опыта мировой войны, также извлекали из него урок — пусть негативного и, по сути, ошибочного характера; полностью они его не игнорировали. Хотя анализ уроков войны французскими и советскими военными был глубже, в данном случае имелись свои промахи. Как показывают события начального этапа Второй мировой войны, подчас в известном пренебрежении к урокам современности (мировой войны) и приверженности устоявшимся традициям нет ничего плохого. Вполне резонной представляется идея о том, что в 1939–1940 гг. «немцы не пришли с кардинально новой концепцией войны, но, скорее, применяли некоторые новые технические средства и новый тип боевого соединения — танковую дивизию — к преследованию своей традиционной

стратегической цели нанесения поражения противнику в короткой и решительной кампании»¹. В этом смысле французские военные, радикальнее, чем немцы, изменившие военную доктрину по сравнению с периодом до Первой мировой войны, оказались в просчете: в 1940 г. явно не хватало идей о наступательной войне, в избытке имевшихся в 1914 г.

К идее о том, что не существовало единственно верного пути осмысления событий «Великой войны», подталкивает и ряд иных факторов. Сам опыт войны был внутренне неоднороден. Так, многое зависело от театра военных действий: тот факт, что Сект почти не видел позиционной войны на Западном фронте, рассматривается как одно из важных обстоятельств формирования его военной концепции. Многообразие уроков войны сказывалось и в том, что одни из них — тактические и оперативные — могли усваиваться при одновременном игнорировании других, стратегического порядка, что во многом отражало ситуацию в Германии.

Оценивая роль уроков войны в развитии вооруженных сил ведущих европейских государств в 1920-е гг., стоит, как нам представляется, избегать категоричных суждений. Исследователи неоднократно отмечали решающее влияние опыта «Великой войны» на развитие военных доктрин и планирования межвоенного периода. Хотя с этой идеей как таковой поспорить сложно, но не стоит преуменьшать роль и иных факторов. Многие в интерпретации событий «Великой войны» было связано и с эволюцией политической и экономической ситуации внутри государств, оценками стратегической обстановки, развитием международной ситуации, геополитическими реалиями, уроками новых войн. Подходя к анализу опыта 1914–1918 гг., военные не начинали «с чистого листа»: у них уже были определенные довоенные представления, убеждения и стереотипы. Сталкиваясь с фактами, им противоречившими, они далеко не всегда меняли свое мировоззрение, придерживаясь старых принципов вопреки новым реалиям.

Именно в силу того, что процесс осмысления стратегической обстановки военными в 1920-е гг. не был чем-то изолированным, а являлся частью военно-политического и социально-экономического развития европейских государств, он приобретал особую значимость. От него теперь зависели не только детали военных доктрин, которые оставались в секретных папках Генштабов, но и вопросы, непосредственно связанные, осмелимся сказать, с судьбами европейской цивилизации: милитаризация государства, взаимоотношения военного и политического руководства, степень «разрыва» между армией и обществом. В этом смысле уроки «Великой войны» проявлялись во всех государствах. От решения вопросов, связанных с подготовкой к «большой войне», теперь зависела жизнь всего государства и всех его граждан.

¹ *Heinemann W. The Development of German Armoured Forces 1918–1940 // Armoured Warfare / Ed. by J.P. Harris, F.H. Toase. L., 1990. P. 68–69.*

ВОЙНА И ИТОГИ ПЕРЕСТРОЙКИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВЕДУЩИХ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ

§ 1. Становление советской государственности: первые шаги

На II Всероссийском съезде Советов, закрепившем переход власти в руки партии большевиков, был сформирован орган исполнительной власти — Временное рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным. Временным правительством называлось потому, что победившая революция не отказалась от идеи созыва Учредительного собрания.

Учредительное собрание, мечта о котором вдохновляла несколько поколений деятелей освободительного движения, начало работу 5 января 1918 г. К этому времени исполнительная власть в Петрограде, Москве, в крупных городах Центральной России достаточно прочно контролировалась органами Совета народных комиссаров. Председателем Учредительного собрания был избран лидер правых эсеров В.М. Чернов. Учредительное собрание приняло закон «О государственном устройстве России», где страна объявлялась демократической федеративной республикой, «союзом свободных народов, в пределах федеральной конституции суверенных». Предел «суверенности» свободных народов — один из ключевых вопросов построения новой государственности — остался неопределенным. Дальнейшего развития законодательская деятельность Учредительного собрания не получила. ВЦИК принял декрет о его роспуске.

Разгон Учредительного собрания оказал глубокое воздействие на обострение социально-политической борьбы, на стремление всех участников политического процесса решать спорные вопросы насильственными методами. Однако если лагерь взявших власть левых сил отличался достаточно высокой степенью внутреннего единства, то среди их оппонентов не прекращались острые споры, порожденные, в значительной мере, разным видением будущего России. Для одних, прежде всего монархистов, составивших ядро Белого движения, было характерно стремление к восстановлению «единой и неделимой России», для других, эсеров и близких к ним деятелей «февральской демократии», важной задачей казалось создание новой модели государственного устройства страны.

С лета 1918 г. многие члены Учредительного собрания, преимущественно представители эсеровской партии, приняли активное участие в вооруженной борьбе против советской власти. Ими было создано около тридцати эфемерных правительств в Поволжье, на Урале, на Европейском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. Большинство правительств, где заправляли деятели «фев-

ральской демократии», были крайне недолговечны и либо падали под ударами красных, либо уступали место военным вождям Белого движения. Некоторую роль в консолидации антибольшевистских сил сыграли самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), Временное сибирское правительство в Томске, Верховное управление Северной области в Архангельске, омская Директория.

Призывы восстановить Учредительное собрание, лозунги политических свобод и одновременно неприятие системы Советов не встречали понимания среди поволжского, уральского, сибирского крестьянства, даже при том, что оно испытывало недовольство большевистской политикой продразверстки. Крестьяне помнили, как эта политика ревностно проводилась в 1917 г. министром земледелия Временного правительства эсером Черновым. С другой стороны, воспоминания о «февральской демократии» и «прекрасных днях свободы», равно как и эсеровская демагогия, вызывали отторжение у большей части русского офицерства, составлявшего костяк Белого движения. В годы Гражданской войны идеология и практика «февральского демократического эксперимента» оказались полностью дискредитированными.

После разгона Учредительного собрания ведущая роль в становлении новой государственности перешла к Советам, где партия большевиков пользовалась большим влиянием. В январе 1918 г. в Петрограде работал III Всероссийский съезд Советов, деятельность которого противопоставлялась большевиками бездействию разогнанного Учредительного собрания. На съезде было принято решение о слиянии Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов. Тем самым закреплялись основы системы советской государственности, в рамках которой ведущую роль играла партия большевиков.

Высшим органом власти в России стал Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд избирал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, который действовал на постоянной основе. Съезду Советов и ВЦИК был подотчетен высший орган исполнительной власти — Совнарком, который руководил работой народных комиссариатов, созданных взамен упраздненных министерств. Деятельность хозяйственных наркоматов — путей сообщения, земледелия, финансов, продовольствия, торговли и промышленности — координировал Высший совет народного хозяйства. Одновременно ВСНХ организовывал работу национализированных фабрик и заводов. В январе 1918 г. был издан декрет «О рабоче-крестьянской Красной армии», который провозглашал создание новой армии на началах добровольности.

Советская государственная система, в основных чертах сложившаяся в первые месяцы после прихода большевиков к власти, отличалась стройностью и отражала давние народные представления о справедливом социальном устройстве. Она пользовалась поддержкой городских рабочих и крестьянских масс и доказала свою жизнеспособность в годы Гражданской войны.

Советы, которые являлись основной и самой массовой ячейкой нового государственного строя, в принципе могли стать добротной основой при по-

строении в России гражданского общества. Однако советская система, которая в первые годы своего существования была достаточно демократична и основывалась на принципах многопартийности, прямой выборности, сменяемости и постоянного обновления руководства Советов, входила в острое противоречие с политикой большевистской партии. Стоя у власти, большевики стремились к установлению полного контроля над всеми звеньями государственного механизма. В условиях Гражданской войны они насаждали «красный террор» и милитаризацию страны, что противоречило сути советской системы. Ярчайшим внешним проявлением глубинных кризисных процессов, связанных с построением новой государственности и новых общественных отношений, стал лозунг кронштадтских матросов, «красы и гордости революции», в марте 1921 г. восставших против власти большевиков: «За Советы, но без коммунистов».

В Советской России к исходу Гражданской войны, на наш взгляд, победила не Власть Советов, за которую на стороне красных сражались народные массы, а жестокая партийная диктатура, провозглашавшая своей целью мировую революцию и достижение коммунистического идеала.

Крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения страны, видело именно в советской власти выразителя своих надежд и гаранта справедливого решения земельного вопроса. Принципиальную важность в данном контексте имел первый декрет Советской власти — Декрет о земле. Он шел навстречу вековым чаяниям крестьянства и провозглашал уничтожение частной собственности на землю. Помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли, согласно Декрету, переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов «вплоть до Учредительного собрания». В основу Декрета была положена эсеровская программа решения аграрного вопроса, которая включала запрещение купли и продажи земли, ее уравнительное распределение по трудовой и потребительской норме и предполагала запрет на применение наемного труда. Большевики, как и эсеры, высказывались за безусловную ликвидацию помещичьего землевладения, но их аграрная программа строилась на принципе национализации земли, ее передачи в руки государства, но не тех, кто ее обрабатывает. Однако в первые месяцы после прихода к власти Ленин и его соратники считали чрезвычайно важным заручиться поддержкой крестьянства и не настаивали на национализации земли.

В начале 1918 г. III Всероссийский съезд Советов принял декрет «О социализации земли». К тому времени экспроприация помещичьих земель в Центральной России была практически завершена, но ее перераспределение откладывалось до решения Учредительного собрания. Декрет «О социализации земли» покончил с эсеровскими надеждами на Учредительное собрание. Вместо волостных земельных комитетов, где были сильны позиции эсеров, распределение земли было вверено земельным отделам Советов, находившихся под контролем большевиков. К началу посевной кампании 1918 г. перераспределение земли в основном завершилось. Подавляющая часть конфискованных угодий (свыше 85%) была отдана крестьянам. Аграрное законодательство и со-

циальная политика советской власти в короткое время привели к революционным преобразованиям в деревне.

Дальнейшие действия большевиков по отношению к деревне во многом диктовались логикой Гражданской войны и необходимостью решить проблему продовольственного снабжения городского населения, прежде всего рабочих, которые были их главной социальной опорой. Продовольственный кризис весны 1918 г. имел своим следствием установление продовольственной диктатуры, которая означала принципиальное изменение политики большевиков по отношению к деревне. Народному комиссариату продовольствия в мае были предоставлены чрезвычайные полномочия по борьбе «с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Создавались продовольственные отряды из рабочих, которые должны были изымать зерно в деревне и мобилизовать трудовое крестьянство на борьбу против кулаков. Местными Советами формировались комитеты деревенской бедноты (комбеды), которые приняли активное участие в конфискации запасов хлеба. Социальная рознь в деревне резко обострилась, что в ряде случаев приводило к массовым крестьянским выступлениям против большевиков.

Однако крестьянская вера в то, что именно советская система гарантирует им владение землей, не была поколеблена. Решающую роль в этом сыграло неумение и нежелание разномастных вождей Белого движения решить аграрный вопрос. В некоторых случаях, как, например, в период наибольших успехов Деникина, речь шла о прямом восстановлении помещичьего землевладения. Тем самым белые лишали себя массовой социальной опоры и прямо подталкивали крестьянство к поддержке советской власти.

Выступая от имени рабочих крупных промышленных предприятий, именую их «передовым отрядом революции», большевики в первые месяцы после прихода к власти рассчитывали навести элементарный порядок в сфере промышленного производства с помощью органов рабочего контроля. Возникшие весной 1917 г., эти органы (фабзавкомы) осенью 1917 г. стали устанавливать полный контроль над деятельностью фабрик и заводов, определять продолжительность рабочего дня, условия труда и заработную плату. Ясно, что неизбежны стали конфликты с предпринимателями. В ряде случаев по инициативе рабочих происходила стихийная национализация, которая почти всегда вела к быстрому упадку производства. Закрывались крупные предприятия, росла безработица.

В ноябре 1917 г. было принято Положение о рабочем контроле, где говорилось, что он должен служить интересам «планомерного регулирования народного хозяйства». Анархо-синдикалистские тенденции, характерные для деятельности фабзавкомов на ранней стадии их существования, предельно ограничивались. Зимой–весной 1918 г. государство проводит масштабную национализацию промышленности, занимает ключевые позиции в экономике и финансах. Банковское дело было объявлено государственной монополией. Были национализированы частные железные дороги, морской и речной торговый флот. В апреле 1918 г. была введена монополия внешней торговли.

Стремление придать национализации планомерный и постепенный характер рухнуло, столкнувшись с реалиями Гражданской войны. 28 июня 1918 г. Совет народных комиссаров издал декрет о национализации всех ведущих отраслей промышленности. Советское правительство перешло к жесткой централизации и регламентации хозяйственной жизни, широко использовало репрессивные методы управления производством. К концу 1920 г. была завершена национализация крупной, средней и части мелкой промышленности, что никак не предотвратило падение объемов производства. Крайне низкой была производительность труда и производственная дисциплина. Фактически разрушенной оказалась система частной торговли. Полностью расстроилось денежное обращение, происходило катастрофическое обесценение рубля. Ситуация, которая в советской исторической литературе описывалась понятием «военный коммунизм», в действительности была подлинной национальной катастрофой.

Хозяйственная разруха, которую большевики объясняли Гражданской войной и интервенцией, вела к резкому падению уровня жизни городского населения. Рабочие и служащие получали заработную плату натурой — продовольствием и предметами первой необходимости. Введение карточной системы, где строго соблюдался классовый подход, не решало проблему снабжения. В крупных городах царил голод. Рабочие уходили с фабрик и заводов, искали возможности вернуться в деревню. Власти приравнивали самовольный уход к дезертирству и карали нарушителей по законам военного времени.

Рабочие и выражавшие их настроения профсоюзные лидеры не скрывали своего недовольства существующим положением. Особенно резко против уравнилельных тенденций военного коммунизма выступали высококвалифицированные рабочие. Вместе с тем — и это следует подчеркнуть с полной определенностью, — городской пролетариат был чужд антисоветских настроений, сохранял веру в советскую систему и не желал реставрации власти «буржуев». Немалую роль в поддержании этих настроений играла умелая пропаганда и агитация большевиков. Но была и ясно выраженная воля сознательных рабочих вытерпеть трудности ради построения светлого будущего, где не будет эксплуатации человека человеком.

Октябрьская революция, приход к власти большевиков и левых эсеров, провозгласивших необходимость кардинальной перестройки социальных отношений, равно как и активные военно-политические усилия Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, привели к полному развалу страны. В конце 1917 г. большевистское правительство признало независимость Финляндии и находившейся под германской оккупацией Польши. Борьба за власть на Украине между Советами и Центральной радой привела к тому, что последнюю поддержали германские войска, оккупировавшие значительную часть украинской территории. В Закавказье в качестве оккупантов выступали английские и турецкие войска.

Важную роль в укреплении позиций партии большевиков накануне и сразу после ее прихода к власти играла последовательная борьба за демократический выход из мировой войны. Лозунг «Долой войну» был близок и по-

нятен народным массам. Первым декретом советской власти, принятым на II Всероссийском съезде Советов, стал Декрет о мире, который призывал все воюющие страны к заключению всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. Он был обращен как к правительствам, так и прямо к народам, которые должны были добиваться прекращения войны. Декрет о мире не был принят всерьез правительствами воюющих держав, но оказал огромное влияние на революционизацию сознания солдатских масс. Советское правительство требовало от фронтовых армейских комитетов немедленно вступать в переговоры о перемирии с неприятелем. На фронте происходили многочисленные братания, противники договаривались о прекращении огня и заключали «солдатский мир». Старая армия фактически перестала существовать.

Столкнувшись с категорическим нежеланием государств Антанты вести какие-либо переговоры, советское правительство стало подготавливать сепаратный мир с Германией и ее союзниками. Переговоры велись в Брест-Литовске. Советская делегация предлагала вывод войск с оккупированных территорий, признание прав народов на самоопределение, отказ от контрибуций. Особо оговаривалось право свободно распространять революционно-агитационную литературу. Германская сторона понимала право народов на самоопределение как создание на оккупированной немецкими войсками территории небольших подчиненных ей государств.

Брестские переговоры шли трудно и привели к расколу в большевистском руководстве. Германия требовала от Советской России все больших и больших территориальных уступок, на что большевикам в конечном итоге пришлось согласиться. Брестский мир был ратифицирован в марте 1918 г. IV (Чрезвычайным) Всероссийским съездом Советов. Условия мира были жестоки и унижительны. Советская Россия демобилизовывала армию, она фактически лишалась военно-морского флота и была обязана выплатить громадную контрибуцию. От нее была отторгнута территория, где до войны проживала треть населения Российской империи.

Итог участия России в Первой мировой войне был печальным: в 1917–1918 гг. российское государство быстро шло к полному распаду.

Существовала ли реальная альтернатива Брестскому миру? Следует признать, что противостоять военному натиску Германии и ее союзников Советское государство не могло. Соглашаясь на условия Брестского мира, Ленин и его соратники рассчитывали на то, что в Европе вскоре начнется мировая революция, которая разрушит капиталистический строй и всю старую систему международных отношений. В определенном смысле их надежды оправдались. Мировая революция не произошла, но в ноябре 1918 г. победила революция в Германии. Брест-Литовский мирный договор потерял свою силу. Советское правительство его аннулировало.

Судьбу России решал не этот документ, но исход сражений на полях Гражданской войны.

Брестский мир не был признан державами Антанты, для них он стал сигналом к подготовке военной интервенции против недавнего союзника. Для

Германии условия Брестского мира создавали удобную возможность для постоянного грубого вмешательства во внутренние дела Советской России и для поощрения автономистских и сепаратистских настроений.

К лету 1918 г. от Советской России отделились Польша, Литва, Украина, Эстония, Латвия, большая часть Белоруссии, Финляндия, Бессарабия, Грузия, Армения, Азербайджан. Быстро менялась ситуация в казачьих областях, на Русском Севере, на Северном Кавказе, в Сибири и в Средней Азии, где набирали силу автономистские и национальные движения.

Возникновение новых государственных образований на территории бывшей Российской империи проходило в острой борьбе между приверженцами национально-демократической (буржуазной) и советской (социалистической) государственности. Разгон Учредительного собрания привел к быстрому изживанию среди враждебных большевикам буржуазных и социалистических партий эфемерной идеи «общефедеративного правительства демократической России». В борьбе с большевиками деятели национальных движений взяли курс на государственную независимость.

Летом 1918 г. в стране началась полномасштабная гражданская война. В июле V Всероссийский съезд Советов принял решение о переходе ко всеобщей воинской повинности и о комплектовании на ее основе армии и флота. Превратив Советскую республику в единый военный лагерь, создав Красную армию, милитаризировав все сферы жизни, большевики одержали победу.

События Гражданской войны со всей очевидностью показали, что принцип «единой и неделимой России», провозглашенный Белым движением, отвергается большинством населения прежней Российской империи и почти всеми народами, ее населявшими. На Украине, к примеру, белые армии боролись не только с красными, но практически со всеми сторонниками украинской независимости. Неудачу деникинского похода на Москву П.Н. Врангель прямо связывал с «крамолой на Кубани», как он характеризовал действия казаков-автономистов¹.

Советское государственное строительство особенно рельефно проявлялось в сфере национально-государственных отношений. Придя к власти, большевики оказались последовательнее своих социалистических и либеральных оппонентов и от декларативного признания принципа равенства и суверенности народов России перешли к признанию их реального права на самоопределение. В этом они были поддержаны своими союзниками — левыми эсерами.

Декларация прав народов России (ноябрь 1917 г.) провозглашала право каждого народа на самоопределение вплоть до образования независимого государства и тем самым предопределяла новую государственность как федерацию народов.

Первые признание федерации как плана государственного устройства на переходный период было зафиксировано в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой на III Всероссийском съезде Советов в

¹ См.: Врангель П.Н. Воспоминания. М., 1992. Ч. 1. С. 368–421.

январе 1918 г. Декларация — государственно-правовой акт, который объявлял Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Декларация была полностью включена в первую советскую конституцию — Конституцию РСФСР 1918 г. Съезд также принял резолюцию «О федеральных учреждениях Российской республики», где новая государственность определялась как «федерация советских республик», основанная на добровольном союзе народов.

Сразу после Брестского мира (март 1918 г.) глава советского правительства Ленин пришел к выводу, что лозунг федерации является условием победы в Гражданской войне и, одновременно, средством государственного объединения многонационального населения России. Он коренным образом пересмотрел отношение большевиков к федеративному устройству: «Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средство борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, — даже федерация нисколько не противоречит демократическому централизму»¹.

Весной 1918 г. началась работа над Конституцией Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). К тому времени принципы советского федерализма и механизм советской федерации не были никак обозначены.

В июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов первая советская Конституция была принята. Она закрепляла особенности советского федерализма, который воплотил давнюю идею федерации народов. Конституция определяла Российскую Республику как «свободное социалистическое общество всех трудящихся России». Статья 11 гласила: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные Съезды Советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику»². Правовой статус автономной республики не был точно зафиксирован, как не определялся и перечень этих республик.

Конституция РСФСР 1918 г. подтверждала, что вся законодательная и исполнительная власть в стране принадлежит Советам, и отвергала принцип разделения властей. Советская государственная система имела четкую пирамидальную структуру. Органами советской власти на местах были городские и

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151.

² Цит. по: Государство Российское: власть и общество. М., 1996. С. 302. Подробнее см.: Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России: 1917–1920. М., 1987.

сельские Советы и их исполкомы, волостные, уездные, губернские, областные съезды Советов. Государственная власть строилась на принципах демократического централизма.

Первая российская конституция принималась в условиях, когда в стране шла ожесточенная гражданская война, стремительно росла социальная и политическая поляризация. После событий 6 июля 1918 г. большевики открыто порвали со своими недавними союзниками — левыми эсерами. Неудивительно, что в подобной атмосфере подлинно демократическое содержание Основного закона все чаще входило в противоречие с такими ее положениями, как утверждение ведущей роли рабочего класса в создаваемом государстве диктатуры пролетариата, как неравенство избирательных голосов рабочих и крестьян, лишение права голоса «нетрудовой» части населения. Ведущая роль в государственном строительстве и политической жизни большевистской партии не декларировалась, поскольку изначально в основе советской системы лежал принцип многопартийности.

Однако Ленин и его соратники вели последовательную борьбу против этого принципа. В стране были запрещены буржуазные, национальные и национально-социалистические партии. Заявления социалистических партий об их лояльности власти не принимались во внимание. Большевики утверждали, что у них нет иной возможности отстоять идеалы нового социального строя.

По окончании Гражданской войны в 1921 г. были распущены анархистские организации и арестованы видные анархисты, заявил о своем самороспуске Всеобщий еврейский рабочий союз (Бунд), проходили процессы над правыми эсерами и меньшевиками. С многопартийностью в стране было покончено.

Укреплению партийной диктатуры и ее полной победе над советской системой служила резолюция X съезда РКП(б) «О единстве партии», которая запрещала любые внутрипартийные и фракционные выступления. Эта резолюция стала исключительно действенным инструментом в создании предельно централизованной и жестко иерархичной государственно-политической системы.

Возникновение Российской Федерации происходило в условиях острейшей социальной и политической борьбы, развала старой армии и государственного аппарата, полной дезинтеграции страны, его фоном были военные поражения, оккупация значительных территорий и унижительный Брестский мир. Советский федерализм стал следствием национальной катастрофы, подготовленной неспособностью правящих кругов старой России к реформированию имперской государственности, слабостью и безответственностью деятелей «февральской демократии». Вопрос об объективной неизбежности катастрофы остается открытым, но несомненно, что февраль 1917 г. и послефевральское развитие сделали федеративное переустройство России неотвратимым. Поражение белых в Гражданской войне — дополнительное свидетельство того, что иной путь был практически невозможен.

Для большевиков федерализм был принципиальной уступкой, на которую они пошли тем легче, что постоянно подчеркивали его временный харак-

тер и не скрывали, что их цель — от советского федерализма перейти к социалистическому унитаризму. Привлекательность национального федерализма для большевиков заключалась и в том, что его идеи нашли широкий отклик в мировом рабочем движении и среди угнетенных народов колоний и полуколоний. Он оставлял им простор для маневра в предвидении мировой революции, надежды на которую они еще не теряли. Этот аргумент сохранял свое значение даже в период образования СССР. Так, осенью 1922 г. Сталин утверждал, что «образованием нашей союзной республики мы создадим верный оплот против международного капитализма» и «новое союзное государство послужит новым решительным шагом по пути к объединению трудящихся всего мира в единую Мировую Социалистическую Советскую Республику»¹.

Идея национального федерализма сыграла значительную роль в укреплении нового политического и социального строя. Большевики в высшей степени умело использовали стремления национальных движений к максимальной степени самоопределения для победы в Гражданской войне. Не будет преувеличением сказать, что они утвердили свою власть, используя не только вековую мечту о социальной справедливости, но и столь же давнюю идею о праве каждого народа самому решать свою судьбу. Но, победив в Гражданской войне, лидеры Советского государства, на словах исповедуя демократические принципы равенства и суверенности, стали прежде всего заботиться об укреплении своей монополии на власть.

Важнейшим условием и инструментом этого процесса, который в конечном счете привел к построению подлинно унитарного государства, было единство рядов большевистской партии. На VIII съезде РКП(б) (1919), когда существовали отдельные национальные республики, а их объединение еще не стояло в повестке дня, был решен вопрос об отказе от федеративного принципа построения партии, подчеркивалась особая роль центрального партийного руководства.

Тем самым были заложены основы системы, где монопольно правящая партия превращалась в стержень советской государственности, в инструмент, призванный прекратить центробежные процессы, которые привели к развалу страны. В критический период российской истории большевики оказались той единственной реальной силой, что сумела переломить разрушительные тенденции, грозившие покончить с веками складывавшимся понятием «Россия». Исторический парадокс: большевики стояли в авангарде тех сил, которые боролись со старым миропорядком, но именно они обеспечили сохранение российской государственности в условиях общеевропейского кризиса. Их усилиями создавалась страна, которую и друзья, и враги чаще всего именовали Советской Россией.

Через пять лет после Октябрьской революции на Первом Всесоюзном съезде Советов 30 декабря 1922 г. были приняты договор и декларация об образовании СССР в составе РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР. Союзный договор

¹ Сталин И.В. Соч. М., 1951. Т. 5. С. 394.

определял предметы ведения Союза Советских Социалистических Республик, его верховные органы власти, утверждал обязательность декретов и постановлений Совнаркома СССР для всех союзных республик. Правда, статья 26 сохраняла за каждой из союзных республик «право свободного выхода из Союза». Новое союзное государство формально было федерацией, которую образовали четыре равные республики, две из которых, в свою очередь, сами считались федерациями. Сложная структура СССР, закрепленная Конституцией 1924 г., вела к ограничению политического суверенитета входивших в его состав национальных республик, ибо их декларированные права на практике входили в противоречие с принципами социалистического унитаризма.

Объединение России, Украины, Белоруссии и единых на тот момент Закавказских республик в одно союзное государство внешне могло восприниматься как воссоздание разрушенной в годы революции российской государственности. В действительности же на протяжении десятилетий происходило построение и укрепление унитарного государства, принципиально отличного от Российской империи и ничего общего не имевшего с имперской государственностью.

§ 2. Центральная Европа: от полиэтничной Габсбургской империи — к суверенным национальным государствам

В конце XIX — начале XX в. во многих странах Европы национальные проблемы переплетались с социальными и оказывались тесно взаимосвязанными с геополитическими и военно-стратегическими целями и планами как великих держав, так и малых государств континента. В особенно сложном положении оказалась Австро-Венгрия. Ее поражение в Первой мировой войне стало мощным ускорителем сепаратистских процессов в Венгрии, Чехии, Словакии, Галиции, землях южных славян и привело к внутривнутриполитическому краху многонациональной Дунайской империи.

Многомерный кризис Австро-Венгрии назревал постепенно и начался задолго до «Великой войны». Насущными проблемами социально-политического развития Австро-Венгрии к началу XX в. стали прорывные реформы в национальной политике и в сфере модернизации государственного управления. Но на пути решения обеих взаимосвязанных задач были, по образному наблюдению видного австрийского историка П. Урбанича, «ухабы и уклоны». Несмотря на то, что значимость этих сюжетов в целом осознавалась политической элитой империи, единственным значительным актом в деле демократизации ее политической системы было введение в Австрии в 1907 г. всеобщего избирательного права для мужчин. В сфере национальной политики ситуация была еще сложнее и запутаннее. Урбанич отмечает, что противоречия в межнациональных отношениях с разной силой наблюдались повсюду, где бок о бок проживали две и более народности. Так, приводимый им в качестве иллюстрации конфликт между немцами и чехами в Богемии, связанный с обсуждением в 1897 г. законопроектов об уравнивании чешского и немецкого языков, привел к параличу рейхсрата, что имело для идеи парламентаризма и для отдельных

парламентских партий далекоидущие негативные последствия. Компромиссы между национальными группами, достигнутые в Моравии, Галиции, Буковине, отчасти в Истрии, укрепляли институт местного самоуправления, но не общееавстрийское государственное сознание¹.

Долгое время надежной опорой Габсбургской династии выступала императорская армия, которая, казалось, была ограждена от национальной борьбы. Для офицерского корпуса родиной была вся монархия, а не место проживания одного из народов. Военные образовывали своеобразную вненациональную касту, члены которой и в личной жизни были, как правило, оторваны от своей национальной среды и зачастую говорили на «казенном немецком» — так иронически называли это наречие носители литературного немецкого языка. Однако «прививки» от национализма в конечном итоге не спасли армию. Уже сам призыв в немецкоязычную армию и служба в ней воспринимались теми же венграми как проявление иноземного господства и угнетения.

Эрозии подверглась и другая опора Габсбургов — чиновничья бюрократия. Ее представители ненемецкой национальности испытывали давление со стороны Вены, которая, сдерживая их служебное продвижение, пыталась сделать из них послушных адептов габсбургского патриотизма.

С началом войны широкие масштабы приняли репрессивные функции стремительно милитаризовавшегося государства. Смертные приговоры и аресты, зачастую необоснованные, носившие превентивный характер, усиливали антиимперские и антигабсбургские настроения в широких слоях населения. Примерно с 1916 г. восприятие войны как бессмысленной кровавой бойни и связанное с этим возмущение «близорукостью оупевшего мира» стали характерными симптомами менявшихся настроений в обществе — и прежде всего в среде фронтовиков².

За начавшимся моральным разложением в войсках последовало растущее возмущение гражданского населения. На ранних этапах оно, как известно, относилось к войне с одобрением: ведь согласно официальной пропаганде, поддержанной даже оппозиционными социал-демократическими партиями, армия воевала против русского царизма за освобождение угнетаемых им народов. Однако в дальнейшем, когда военный абсолютизм уничтожил все конституционные гарантии в Австрии, а в России произошла Февральская революция, война в глазах многих жителей дуалистической монархии утратила свой былой смысл. И это произошло несмотря на то, что император-король Карл I (в Венгрии Карл IV), взошедший на престол 21 ноября 1916 г., после смерти Франца Иосифа, попытался переломить ситуацию и предпринял усилия по смягчению внутривосточной напряженности, возобновив деятельность рейхсрата, приостановленную 25 июля 1914 г. Австрийский парламент собрал-

¹ Урбанич П. Дунайская монархия? Понятие и историческая действительность // Родина. 2010. № 11. С. 95–97.

² Сенявская Е.С., Миронов В.В. Человек на войне: «свои» и «чужие» // Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 534.

ся в конце мая 1917 г. 2 июля был одобрен указ о политической амнистии, в том числе для лиц, приговоренных к смертной казни.

Тем не менее в условиях военно-политического поражения на фронте внутривластный кризис продолжал углубляться. Остановить этот процесс не смог и явно запоздалый манифест императора от 16 октября 1918 г., прокламировавший федеративное переустройство австрийской части многонациональной монархии, или Цислейтании. Распад Австро-Венгрии принял необратимый характер, вылившись в образование новых государств и кардинальную смену политического режима.

Особую роль в этом процессе, на наш взгляд, сыграли фронтовики, чье сознание в последние месяцы войны стремительно радикализировалось. Антивоенный протест перемежался филиппиками в адрес виновников лишений их семей в тылу. К этим «внутренним врагам» причисляли спекулянтов, капиталистов, евреев, наживших, по убеждению солдат, громадные барыши. В солдатских письмах можно прочесть: «Мы видим, что война ведется не за нас, бедных, а чтобы капиталисты могли набить карманы... Почему евреи не на фронте?» В представлениях части австрийских военнослужащих, прошедших русский плен, образ врага идентифицировался с социальной элитой общества: «...наши враги — бароны, князья, короли. Они наши враги, собаки, натравившие нас друг на друга, дали нам в руки оружие и сказали нам, что сербы и русские наши враги, которых нужно уничтожить... Но горе магнатам, давшим нам в руки оружие, теперь мы повернем винтовки против них»¹.

Но это был стихийный процесс, которому до поры до времени явно не хватало «рулевого». На эту роль претендовали различные политические силы, но прежде всего — социал-демократы. Их влияние неуклонно росло с конца XIX в. Достаточно полно позиции Социал-демократической рабочей партии Австрии (СДРПА) на завершающей стадии Первой мировой войны раскрываются в материалах съезда партии, состоявшегося в октябре 1917 г. Правление партии в лице В. Адлера и К. Реннера подверглось критике австрийских «центристов». Австрийские «мартовцы» (солидарные с Ю. Мартовым) во главе с О. Бауэром, вернувшимся в начале сентября из русского плена, обвиняли Правление в том, что вместо развертывания классовой борьбы оно ориентировалось на сотрудничество с органами местной администрации и правительства, практиковало минимализм. Компромисс все же удалось найти. В обмен на заверение «центристов», что они не пойдут на раскол партии, В. Адлер согласился включить в резолюцию съезда требование добиваться мира без аннексий и контрибуций.

Этим важным подвижкам в рядах австрийской социал-демократии предшествовала Февральская революция 1917 г. в России, которая была воспринята в Европе как фундаментальный поворот от самовластия к правовому государству. Демократическая Россия, по мнению либеральных и значительной части левых сил, перестала быть угрозой западной цивилизации. Отныне заключение мира с Россией расценивалось социал-демократами как приоритетная задача.

¹ Цит. по: *Сенявская Е.С., Миронов В.В.* Указ. соч. С. 536–537.

О. Чернин

Наряду с достижением мира популярнейшим требованием дня в 1917–1918 гг. стало предоставление нациям права на самоопределение. Правда, министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин считал, что данный лозунг должен применяться только в отношении России, в частности «русской» Польши и ее балтийских провинций. Для Австро-Венгрии же он заменял «право наций на самоопределение» таким же правом государств. Чернин разделял точку зрения австрийского премьер-министра Э. Зайдлера, заявившего 30 ноября 1917 г. в рейхсрате, что Австрия, в которой существует всеобщее избирательное право, не нуждается в создании особых условий для отдельных наций. Такую же позицию заняло и руководство СДРПА, которое объявляло Австрию «наднациональным государством», более высокой формой по сравнению с на-

циональным государством.

Пока шли эти, в конечном счете бесплодные, дискуссии, обстановка в стране все более накалялась. Затягивание мирных переговоров с Россией в Брест-Литовске, отказ правительства реорганизовать монархию с учетом национальных требований, а главное, резкое ухудшение продовольственной ситуации — все это привело к всеобщей стачке в январе 1918 г. (550–600 тыс. участников в одной только австрийской части империи — Цислейтании). Мощное давление на власть «снизу» было дополнено демаршем Правления СДРПА, потребовавшего от премьера Э. Зайдлера принять экстренные меры по стабилизации внутреннего и международного положения страны. Справедливости ради отметим, что лидеры социал-демократии расценивали забастовку только как революционную демонстрацию, но «превращения ее в революцию желать не могли»¹. Стихийная революционность рабочих масс не могла, однако, заменить политической ответственности за судьбу страны, которую готова была взять на себя социал-демократическая элита.

Большие надежды в Вене связывали с переговорами в Брест-Литовске, где удалось подписать договор с украинской Центральной радой, согласно которому вновьявленное украинское правительство обязалось поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля не менее 1 млн тонн зерна². Однако даже последующая оккупация Украины германскими и австро-венгерскими войсками не разрешила продовольственного вопроса. Это вызвало в июне 1918 г. новую мощную волну стачек, бунтов, охвативших всю Австрию. Они, правда, не носили политического характера, а касались лишь удовлетворения насущных че-

¹ Бауэр О. Австрийская революция 1918 года. М.; Л., 1925. С. 62–63; Österreich 1918–1938: Geschichte der Ersten Republik / Hrsg. von E. Weinzierl u. K. Skalnik. Bd. 1. Graz; Wien; Köln, 1983. S. 37–38.

² Полтавский М.А. История Австрии: Пути государственного и национального развития. Ч. II. М., 1992. С. 283.

ловеческих потребностей, но свидетельствовали о надвигающейся социально-политической катастрофе.

Не менее грозная опасность для полиэтничной Габсбургской империи исходила от межнациональных коллизий. Уместно в этой связи привести резолюцию редко упоминаемого в литературе Конгресса угнетенных народов Австро-Венгрии, проходившего 8–11 апреля 1918 г. в Риме. В нем участвовали чехи, словаки, южные славяне, поляки, румыны, а также официальные наблюдатели от Италии, Великобритании и Франции. В резолюции Конгресса говорилось: «1. Каждый из названных народов прокламирует свое право создать собственную единую нацию и добиваться полной политической и экономической независимости; 2. В Австро-Венгерской монархии все эти народы видят инструмент немецкого господства, самое большое препятствие на пути осуществления их требований и прав; 3. Конгресс подчеркивает необходимость совместной борьбы против общего врага с тем, чтобы каждый народ добился полного освобождения и полного национального единства в свободном союзном государстве»¹.

Австрийские социал-демократы придерживались в национальном вопросе Брюннской программы 1899 г. и выступали за федерализацию Цислейтании, но без отделения наций. Однако кризисная ситуация заставила их внести коррективы в свою программу. Речь шла прежде всего о левых социал-демократах. 20 января 1918 г. нелегальная конференция левых социал-демократов — австрийских немцев, чехов, поляков — приняла национальную программу, разработанную О. Бауэром. Подтверждая право народов Габсбургской империи на самоопределение, программа требовала выделения им соответствующих территорий (по языковому принципу). Примечательно, что впервые социал-демократы поставили вопрос об объединении Немецкой Австрии с Германией. Не исключался и сценарий распада Австро-Венгрии и выделения из нее Немецкой Австрии в качестве суверенного государства с последующим объединением с Германией в одно немецкое государство. 3 октября 1918 г., когда империя уже агонизировала, социал-демократическая фракция рейхсрата поддержала положения программы Бауэра. В тот же день Правление партии, признав право на самоопределение славянских и румынской наций, заявило о своей готовности обсудить предложения о переустройстве Австрии в федерацию свободных национальных общин. Аналогичное заявление сделало 9 октября руководство Христианско-социальной партии.

27 сентября 1918 г. Коронный совет под председательством императора Карла I признал неотложным делом приступить к реорганизации монархии, «пока народы сами не занялись этим». Первым шагом на этом пути виделось создание временных национальных собраний из состава депутатов рейхсрата. Однако реформа «сверху», задуманная как способ сохранения Цислейтании, приняла иное направление. Представители наций превратили новую структуру в органы провозглашенных суверенных государств. Правящая элита обнаруживала свою несостоятельность в глазах не только славян Австрии, но

¹ Цит. по: Österreich 1918–1938... S. 41.

и самих немцев. 21 октября в здании Нижнеавстрийского ландтага немецкоязычные депутаты рейхсрата объявили себя Временным национальным собранием Немецкой Австрии. Избранные в рейхсрат на основе закона о всеобщем избирательном праве члены Временного национального собрания воплощали принцип народного суверенитета. В новый орган власти вошли 101 депутат от Немецкого национального союза, 72 христианско-социальных депутата, 42 социал-демократа и 16 прочих.

В течение 1918 г. и в самой Австро-Венгрии, и за ее пределами выдвигалось несколько интересных проектов национально-государственного переустройства Дунайской монархии. Так, в январе президент США В. Вильсон предложил создать союзное государство национальных автономий, в марте К. Реннер «воскресил» свой план культурно-национальной автономии, в августе он же выступил за конфедерацию четырех новообразованных государств австрийских немцев, чехов, южных славян, поляков. Однако эта идея была воспринята весьма прохладно. В начале октября социал-демократический клуб в рейхсрате ратовал за преобразование Цислейтании в федерацию свободных национальных общин. 30 октября 1918 г. Временное национальное собрание направило президенту США В. Вильсону ноту, в которой сообщалось о планах создания нового австрийского государства. Одновременно признавалось право всех народов Габсбургской империи на самоопределение, включая (что примечательно) судетских (чешских) немцев¹.

В последнюю декаду октября 1918 г. параллельно с развалом армии шел процесс обвального распада имперской государственности. Очевидно, что старую систему власти не могли спасти произведенные тогда Карлом I замены премьер-министров Австрии и Венгрии М. Гусарека и Ш. Векерле на Г. Ламмаша и Я. Хадика и министра иностранных дел С. Буриана на Д. (Ю.) Андраши-младшего. Несмотря на все эти маневры, в широком общественном мнении утратившая доверие населения исполнительная власть ассоциировалась с монархией, которой в эти дни также нашлась альтернатива. Временное национальное собрание образовало коалиционное правительство — Государственный совет во главе с канцлером К. Реннером. В Госсовет вошли представители трех партий: Социал-демократической рабочей, Христианско-социальной и Немецкого национального союза. Следует отметить, что на ключевые в тех условиях посты госсекретарей по иностранным делам и социального обеспечения были назначены социал-демократы В. Адлер (11 ноября 1918 г. он умер, и его заменил О. Бауэр) и Ф. Хануш. Социал-христианам достались портфели госсекретарей внутренних дел, сельского хозяйства, общественных работ, транспорта; Немецкий национальный союз получил посты госсекретарей по военным делам, образованию, юстиции, финансам, торговле и ремеслам, народному здравоохранению и продовольствию. Переименование должностей символизировало новый дух власти, призванной стоять на страже интересов общества. Разрыв со старым порядком означала и такая мера Госсовета, как

¹ Österreich 1918–1938... S. 65–66, 69.

освобождение политзаключенных, среди которых был сын В. Адлера Ф. Адлер, совершивший покушение на австрийского премьер-министра К. Штюргка.

Объявив СДРПА правящей партией, лидеры австрийских социал-демократов на состоявшемся 30 октября — 1 ноября 1918 г. партийном съезде отвергли «русский путь» как «опасный эксперимент», чреватый тем, что «крестьяне возьмут измором промышленные центры»¹. Свершившаяся, по их оценке, народная революция в Австрии требовала теперь от власти и общества солидарной терпеливой работы. Доверие населения к Госсовету укрепилось после заключения 3 ноября перемирия с Антантой.

Усиливая социальную направленность политики новой власти, Госсовет создал 4 ноября Центральную и 11 районных комиссий по занятости, ввел пособие по безработице в размере половины зарплаты. Семьям дополнительно выплачивалась одна крона в день на каждого неработающего члена семьи. Был восстановлен воскресный отдых, введены 8-часовой рабочий день и 44-часовая рабочая неделя на крупных предприятиях, оплачиваемый отпуск для рабочих, отменена система милитаризации промышленных предприятий, запрещено применение детского труда. О рождении экономической демократии свидетельствовали законы 1919 г. о производственных советах на предприятиях, о лишении промышленных капиталистов права на управление их собственностью (при этом им предоставлялась компенсация)².

В центрально- и восточноевропейских революциях, имевших общие предпосылки и проходивших практически синхронно, проявился синдром заразительности (подражания). Это можно видеть по однотипным мерам в сфере социального обеспечения граждан, а также по схожим демократическим преобразованиям политической системы. Вслед за Россией и Германией Австрия отвергла монархию как форму правления. 11 ноября 1918 г. Реннер внес на рассмотрение Госсовета законопроект о провозглашении республики и присоединении Немецкой Австрии к Германии. Инициативу социал-демократов поддержали Немецкий национальный союз и республиканское крыло Христианско-социальной партии. В тот же день император подписал манифест об «отказе от всякого участия в государственных делах» (но, заметим, не об отречении от престола). Признав за народом право выбора правительства, император отправил в отставку своих министров. 12 ноября Временное национальное собрание провозгласило Немецкую Австрию демократической республикой. По предложению О. Бауэра и К. Реннера в законе от 12 ноября было записано, что Австрия является «составной частью Германской республики»³. Однако большинство австрийцев не поддерживали (во всяком случае, безоговорочно) идеи аншлюса. Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры 1919 г. запрещали аншлюс.

В феврале 1919 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Социал-демократы получили 72 мандата, социал-христиане — 69, пангерманцы (не-

¹ *Leidinger H., Moritz V. Die Republik Österreich 1918 / 2008. Wien, 2008. S. 13.*

² Подробнее см.: *Полтавский М.А. Указ. соч. С. 300, 306–307.*

³ *Leidinger H., Moritz V. Op. cit. S. 16.*

мецкие националисты) — 26, прочие — 3. Эта избирательная кампания отличалась большим демократизмом. Впервые в выборах участвовали женщины, мажоритарная система была заменена пропорциональной. Одержавшие победу социал-демократы сформировали, как и прежде, коалиционный кабинет во главе с К. Реннером. Коалиция из трех партий оставалась у власти до июля 1920 г.

Хотелось бы подчеркнуть, что переход государственной власти в руки новой элиты в Австрии не привел к гражданской войне. Это позволило спокойно решить вопрос о династии Габсбургов. Карлу I не чинили препятствий, и в конце марта 1919 г. он уехал в изгнание в Швейцарию. Все привилегии Габсбургов были отменены, членов правящей ветви императорской фамилии выслали из страны, а все, что принадлежало им как правителям (но не их частная собственность), было конфисковано. Законодательным путем в Австрии упразднили дворянское сословие, а также титулы. Провозглашение республики, конечно, не означало одномоментной трансформации монархистского сознания общества в республиканское. Не без основания печатный орган СДРПА «Арбайтер-Цайтунг» характеризовал установившийся порядок как «республику без республиканцев»¹.

1 октября 1920 г. была принята Конституция Первой Австрийской республики, юридически закрепившая итоги национально-демократической революции, открывшей возможности для формирования социально ориентированного государства. В Австрии, ставшей парламентской республикой, право голоса получили все граждане, включая женщин, начиная с 20-летнего возраста. Помимо нижней палаты парламента — Национального совета — была создана и верхняя палата — Федеральный совет, куда входили представители 9 земель, имевших свои ландтаги и правительства. Таким образом, Первая Австрийская республика конституировалась как федеративное государство. Президент республики избирался парламентом — Федеральным собранием. Партийно-политическую систему новообразованного государства составили клерикальная Христианско-социальная, великогерманская Немецкая национальная и Социал-демократическая рабочая партии.

По иному, гораздо более драматическому сценарию разворачивались события, связанные с крахом двуединой монархии, в Венгрии, но и здесь ее крушение было напрямую сопряжено с последствиями «Великой войны». Распад монархии, столпами которой были армия и бюрократия, начался с морального разложения в войсках. Отказ продолжать войну пришел на смену массовым представлениям 1914–1915 гг. о начавшейся войне как об оборонительной, направленной против агрессивной России. Антивоенным, но не пораженческим настроениям венгерских рабочих масс отвечало требование влиятельной Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ) заключить «компромиссный мир» без аннексий и контрибуций. Идею «компромиссного мира» поддержали и другие оппозиционные (либеральные и демократические) партии

¹ Воцелка К. История Австрии: Культура, общество, политика. М., 2007. С. 346; Österreich 1918–1938... S. 73.

Венгрии. Консервативный лагерь требовал «почетного мира»¹. Одновременно нарастал протест против авторитарного режима императорского двора и «всесильного» премьера Иштвана Тисы. 23 мая 1917 г. он вынужден был уйти в отставку.

Экстремальная обстановка войны придавала событиям в Венгрии ускорение и непредсказуемость. Еще в феврале 1916 г. лидеры СДПВ считали невозможной организацию всеобщей стачки, весьма пессимистично оценивая морально-психологическую обстановку в стране. Даже в сентябре 1918 г. политики и государственные чиновники, находясь в отпусках, не допускали и мысли о близком крахе империи, хотя и улавливали нарастающее недоверие общества к власти.

Между тем к 1918 г., по свидетельствам современников, многие венгерские части заявляли, что не собираются больше воевать за монархию, но хотели бы защитить от внешней угрозы границы своей истинной родины². Социал-демократическая партия в воззвании, опубликованном 8 октября 1918 г., отдавая должное мирным инициативам с Востока и Запада, выступила за заключение мира на российских или на американских (вильсоновских) принципах, а также за образование самостоятельной демократической Венгрии.

Как свидетельствуют исторические источники, жажда мира и кризис доверия к власти были в первую очередь связаны с крепнувшей уверенностью, что война проиграна и все дальнейшие жертвы напрасны. Поскольку время шло, а перемирие все не приближалось, к указанному психологическому состоянию добавлялось нетерпение. Массовая поддержка лозунга «компромиссного мира» актуализировала в общественных настроениях недовольство условиями жизни в тылу — низкой оплатой труда, постоянными перебоями с продовольственным снабжением, бедственным положением инвалидов войны, вдов и сирот погибших фронтовиков. Многих жителей страны шокировал контраст между массовой нуждой и довольством спекулянтов, развлекавшихся в ресторанах. В венгерском парламенте постоянно раздавались гневные обвинения в адрес Вены: правящие круги империи спасают монархию ценой венгерской крови. И, напротив, в австрийском рейхсрате можно было услышать жалобы на то, что аграрная Венгрия живет в достатке, обрекая вторую половину монархии жестоко страдать от голода.

И. Тиса

¹ Подробнее см.: *Varga L. Garami Ernő: Politikai életrajz.* Budapest, 1996. 149–150, 176.о.

² Подробнее см.: *Яси О. Распад Габсбургской монархии.* М., 2011. Ч. 1. Гл. III.

В этих условиях политические партии занялись корректировкой своей тактики, нацелив ее прежде всего на расширение избирательного права. Причины, а вернее, мотивы выдвижения этого требования и его поддержки на словах правительством были связаны, с одной стороны, с призрачным расчетом правящих кругов таким способом укрепить доверие масс к власти, с другой — со стремлением оппозиции расширить свою электоральную базу для проведения демократических реформ посредством обновленного парламента. СДПВ выдвинула план расширения избирательного права как награду рабочим за их самоотверженность в войне. Любопытно, что чуть раньше, 28 апреля 1917 г., Карл IV в рескрипте, направленном И. Тисе, поручил ему предусмотреть в законопроекте расширение избирательных прав в масштабах, соответствующих численности жертв, принесенных народом на алтарь войны. Возникновение советов в качестве новых органов управления было следствием отторжения массами девальвированных либеральных ценностей, дискредитированных псевдолиберальным курсом премьеров И. Тисы и Ш. Векерле.

Известия об Октябрьской революции 1917 г. в России и леворадикальных мерах большевиков, трансляторами которых были возвращавшиеся из русского плена военнослужащие, укрепляют в массах надежду на политические и социальные перемены. Одновременно они рожают иллюзию быстрого и справедливого решения общественных проблем. Катализатором радикализации массовых настроений в Венгрии послужила и всеобщая стачка австрийских трудящихся в январе 1918 г. под лозунгами «Хлеба!» и «Мира!». Амплитуда этих чувств, идей и действий простиралась от «голодных демонстраций» и погромов, «диких стачек» до организованного движения за легализацию профсоюзов, освобождение политзаключенных и введение всеобщего избирательного права¹.

К сентябрю 1918 г. перед лицом очевидного военного поражения Центральные держав усиливаются антидуалистические настроения, раздаются призывы к провозглашению в Венгрии республики². Левый «Блок за избирательные права» (Партия независимости и 1848 года во главе с М. Каройи, СДПВ, признанными лидерами которой были Э. Гарам и Ж. Кунфи, Гражданская радикальная партия О. Яси, Демократическая партия В. Важони) не исключает возможности отделения Венгрии от Австрии при сохранении территориальной целостности Транслейтании, которая должна административно перестроиться на федеративной основе. В тактике демократической коалиции наблюдается переход от требования широких избирательных прав к лозунгу всеобщего избирательного права при тайном голосовании. Лидер оппозиции М. Каройи, выступая 22 октября в венгерском парламенте, призвал депутатов как можно быстрее создать демократическое правительство из лиц, не скомпрометированных поддержкой политики войны.

¹ Подробнее см.: История венгерского революционного рабочего движения / Пер. с венгерского. М., 1970. Т. 1. С. 126, 129; *Weltner J. Az MSzDP és a háború // Tanúságtevők. 2. köt. Budapest, 1976. 327.o.; Kende J. Bevezető // Tanúságtevők. 2. köt. 33.o.*

² *Jászi O. Magyar Kálvária — magyar feltámadás: A két forradalom értelme, jelentősége és tanulságai (1920). Budapest, 1989. 17.o.*

Следуя примеру австрийских немцев и славян, создававших национальные структуры власти, оппозиция высказалась за образование Венгерского национального совета и формирование им нового правительства. В своем первом обращении к населению от 26 октября 1918 г. Венгерский национальный совет провозгласил в качестве своей главной цели «спасение венгерского государства».

К лозунгу о провозглашении республики осенью 1918 г. в Венгрии сложились два подхода. Блок Каройи, выступавший за широкую демократизацию государства, прокламировал «народную республику». Левые социал-демократы и «революционные социалисты», составившие позднее костяк Венгерской коммунистической партии, выдвигали лозунг социалистической республики. Монархистский вектор в раскладе политических сил оказался чрезвычайно ослабленным и, в конечном итоге, «поглощенным» правоавторитарной альтернативой.

Важным в этой связи представляется вопрос о преломлении в общественных настроениях идеи диктатуры. Можно с большой долей уверенности утверждать, что режим «военного абсолютизма» 1914–1918 гг. в Габсбургской империи, политика «твердой руки» И. Тисы в Венгрии имели двоякие последствия. С одной стороны, психологически они вызывали аллергию на всякую диктатуру. С другой — после четырех лет войны в общественном сознании сохранялась инерция силового (административно-приказного) решения политических вопросов. Первая, антиавторитарная тенденция, однако, не имела глубоких корней в венгерском обществе. По образному выражению Яси, «венгерская демократия не прошла подготовительной школы»¹. Зато на вторую альтернативу «работали» радикализация беднейших слоев населения и пример Советской России. Венгерские демократы в этой непростой ситуации надеялись проплыть между Сциллой либеральной демократии и Харибдой авторитарной диктатуры, выбрав для этого «третий путь» — «народную демократию». Такую сверхзадачу ставил и стремился решить в ходе «революции астр»² ее лидер М. Каройи. Сорокатрехлетний политик, умный, эрудированный, энергичный граф Михай Каройи мог, по мнению близко знавшего его Яси, дать фору подавляющему большинству венгерских государственных деятелей и занять руководящие посты в любом венгерском правительстве.

Загадкой для многих интеллектуалов, как в стране, так и за рубежом, было стремительное превращение консерватора Каройи в революционера. На наш взгляд, это объясняется тем, что он интуитивно понял: Венгрии нужны люди

М. Каройи

¹ История венгерского... С. 179, 182; *Jászi O.* Op. cit. 35.o.

² Венгерскую революцию 1918 г. назвали «революцией астр», имея в виду, что революционные солдаты украшали этими цветами свои кепи.

действия. Приоритетное в иерархии его социально-культурных ценностей служение Отечеству в тот исторический момент виделось ему в прекращении войны и в коренном реформировании парламентско-представительной системы. Разочаровавшись в «послушных, коррумпированных депутатах» венгерского Государственного собрания, Каройи остановил свой выбор на концепте республиканской «народной демократии»¹.

Венгерский национальный совет, созданный во главе с Каройи, в своем воззвании потребовал полной независимости Венгрии, немедленного прекращения уже «совершенно безнадежной» войны, введения всеобщего избирательного права и тайного голосования, освобождения политзаключенных, проведения аграрной реформы, денонсации Брестского и Бухарестского мирных договоров 1918 г. В воззвании было заявлено о необходимости воспрепятствовать «образованию чрезмерных накоплений капитала», что было реакцией на народное возмущение против нажившихся на войне богачей. Провозглашая равенство наций, воззвание имело в виду лишь культурную автономию и местное самоуправление, но не предоставление национальностям территориальной автономии. Национальный совет взял на себя ответственность за дальнейшую судьбу нации. Его позиции укрепились благодаря поддержке солдат и молодых офицеров, образовавших Совет солдат.

27 октября в Будапеште прошел 100-тысячный митинг с целью заставить короля назначить Каройи венгерским премьер-министром. Возмущенные цинизмом Карла I (IV), обещавшего Каройи пост главы правительства, но обманувшего его, демонстранты ничего не хотели слушать о Габсбургах: ни о короле («Вон короля!»), ни о его наместнике в Венгрии — эрцгерцоге Иосифе («Долой диктатора!»). К Венгерскому национальному совету примыкало все большее число различных организаций. Кровавая расправа конной полиции и жандармерии над демонстрантами 28 октября у Цепного моста («сражение у Ланцида») окончательно подорвала доверие народа к королевской власти. Между тем в последние дни октября 1918 г. национальные революции в Буковине, Чехии, Словакии, Галиции, Австрии, землях южных славян свергли династию Габсбургов, и только Венгрия оставалась под ее властью.

29 октября Национальный совет перешел от выжидательной позиции к наступлению, образовав оперативный орган управления — исполком. Пошаговое отвоевание Национальным советом власти опиралось на революционный настрой рабочих, солдат, студентов, большинство которых требовало образования правительства во главе с Каройи. В ночь с 30 на 31 октября перешедшие на сторону Национального совета солдаты захватили здание военной комендатуры и арестовали находившихся там офицеров-монархистов. Вооруженные солдаты и рабочие заняли телеграф, телефонную станцию, оружейный завод, вокзалы, мосты, Австро-Венгерский банк. «Народ сам совершил революцию, — признавал Каройи в своих мемуарах, — взял власть и передал ее Национальному совету». Фактически того же мнения был лидер социал-демократов Эрне

¹ Jászai O. Op. cit. 111–115.o.

Гарамии, который вспоминал: «Мы строили планы, а массы, в первую очередь вооруженные массы, действовали»¹. Гарамии считал необходимым использовать все возможности для заключения компромисса со всеми влиятельными политическими силами, включая консерваторов, с тем чтобы избежать революционного насилия и не усугублять и без того ужасные последствия войны. Но ресурс широкого политического консенсуса был исчерпан.

29–30 октября прошли выборы депутатов в Будапештский совет рабочих, что наряду с образованием Национального совета говорило о создании внесистемных структур власти и управления. Номинально существовавшая старая власть была уже не в состоянии противостоять этому процессу.

31 октября 1918 г. эрцгерцог Иосиф по поручению короля назначил Каройи премьер-министром, который сформировал коалиционное правительство. В него вошли четыре представителя Партии независимости, два деятеля Гражданской радикальной партии, два социал-демократа и трое беспартийных, близких к партии радикалов и СДПВ. Таким образом, произошел кардинальный сдвиг влево в партийном составе высшего органа исполнительной власти. В принятой вечером 31 октября программе правительства (совпадавшей с воззванием Национального совета) прокламировались реформы в политической (государственная независимость, всеобщее избирательное право, политическая амнистия, гражданские свободы) и социально-экономической (образование министерства труда и социального обеспечения, парцелляция земли и передача ее крестьянам) области. В отношении Габсбургов Каройи не возражал против того, чтобы Карл оставался правителем Венгрии, но на основе персональной унии, о которой, однако, он, учитывая настроения в обществе, не посчитал нужным упоминать в программе. В монархии новые лидеры видели гарантию территориальной целостности своей страны. Ратуя за полную независимость Венгрии, каройисты особо подчеркивали, что решение вопросов войны и мира относится к компетенции венгерского Государственного собрания.

Стремительный ход событий, бурная смена настроений в обществе заставили правительство Каройи вернуться к вопросу о форме государственного устройства. Следуя примеру Чехословакии, Германии, Австрии, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, Национальный совет 16 ноября 1918 г. провозгласил Венгрию «народной республикой». До принятия конституции функции главы государства были возложены на правительство. 11 января 1919 г. Каройи был избран временным президентом Венгерской республики и оставался на этом посту до своей отставки 20 марта 1919 г. Он ушел со своего поста добровольно, не сумев заручиться поддержкой держав-победительниц, готовивших планы крупномасштабной территориальной и демографической перекройки Венгрии. Успеха не добилась и Венгерская советская республика, оказавшая за короткий период своего существования (март–июль 1919 г.) вооруженное со-

¹ *Károlyi M. Egy egész világ ellen. Budapest, 1965. 487.o.; Garami E. Forrongó Magyarország. Leipzig; Wien, 1922. 39.o.*

противление оккупантам (войскам Франции, Чехословакии, Румынии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев).

«Революция астр» была социально-политической и одновременно национально-демократической, направленной не только на широкую демократизацию страны, но и на сохранение *территориальной целостности суверенной Венгрии*, готовой предоставить широкую автономию проживавшим в бывшей Транслейтании невенгерским нациям и равноправной со своими соседями. Такая Венгрия, однако, в тот момент не устраивала ни западные державы, ни соседние центральноевропейские и балканские государства, чьи руководители принесли ее в жертву своим аннексионистским амбициям. В самой же Венгрии 1 августа 1919 г. к власти пришел адмирал Миклош Хорти, установивший правоавторитарный режим.

В середине 1920-х гг. завершился процесс складывания новой политической системы венгерского общества. Венгрия консолидировалась как парламентское государство с его важнейшими атрибутами: двухпалатный законодательный орган, многопартийность (за исключением запрещенной коммунистической партии), легальная оппозиция в парламенте и стране. Вместе с тем Венгрия оставалась королевством без короля. Парламент провозгласил династию Габсбургов окончательно низверженной с венгерского престола, оставив вакантным трон. Адмирал М. Хорти занял пост регента. Фактически была установлена монополия на власть проправительственной Единой партии, обладавшей внушительным большинством в парламенте.

Не менее сложные и многоплановые процессы сопровождали становление нового независимого государства в коронных землях, заселенных преимущественно чехами и словаками.

Накануне Первой мировой войны чешско-немецкое противоборство, связанное с нереализованными притязаниями чехов на равное с немцами и венграми положение в империи («Фундаментальные статьи» 1871 г., языковые законопроекты К. Бадени 1897 г.), получило в своем развитии новый импульс. После введения в Цислейтании всеобщего избирательного права вновь избранные в мае 1907 г. в рейхсрат чешские депутаты образовали Чешский клуб, принимавший обязательные для всех его членов решения по национальным и государственно-правовым вопросам. Незаконный роспуск в 1913 г. чешского земельного сейма привел к росту антивенских настроений и радикальному образу действий. Всю вторую половину 1913 — первую половину 1914 г. протестные акции множества чешских и немецких общественных и политических организаций прокатились по Богемии¹.

¹ Исламов Т.М., Хаванова О.В., Романенко С.А., Стыкалин А.С., Ненашева З.С. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны // Война и общество. Кн. 1. М., 2008. С. 418; см. также: Седова Н.В. Чешский вопрос в период кризиса монархии Габсбургов: 1909–1914: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

На рубеже XIX–XX вв. Словацкая национальная партия провозгласила принцип «национального самоуправления», поддерживая идею преобразования империи в «доброе и справедливое отечество», ее федерализации. Словацкая социалистическая и либеральная политическая элита опиралась на финансовую поддержку чехов. Общим требованием словацких политиков было введение всеобщего избирательного права, что могло увеличить число словацких депутатов в венгерском парламенте и позволило бы успешнее отстаивать национальные интересы словаков. Часть словацких политиков придерживалась чехофильской ориентации и находилась под сильным влиянием идей Т.Г. Масарика. О доминировании национальных задач в деятельности словацкой политической элиты свидетельствовал и тот факт, что на август 1914 г. было намечено создание Словацкого национального совета.

Начатая в августе 1914 г. Веной война была чужда большинству чехов и словаков. На это выразительно указывают масштабы дезертирства и сдачи в плен: к концу 1916 г. в России оказалось до 250 тыс. чешских и словацких военнослужащих, большинство которых сдались в плен добровольно. Военные суды чуть ли не ежедневно выносили смертные приговоры чешским солдатам и гражданским лицам, которые сказали хоть слово критики, утаили нелегальный листок или слишком приветливо встретили русского военнопленного.

Непопулярная война явилась для чешской политической элиты катализатором разработки проектов выхода из Габсбургской империи. Так, лидер либерально-демократической Национальной партии свободомыслящих (младочехов) К. Крамарж в 1914 г. передал Николаю II проект создания славянской империи во главе с Россией. Мыслимая как федерация, империя должна была состоять из отдельных королевств или царств, объединенных особой российской императором, общим законодательством, общими верховными органами власти — Имперским советом и Имперской думой. К ведению федеральных органов должна была относиться внешняя, оборонная и финансовая политика (по аналогии с Австро-Венгрией). Новое государство представлялось Крамаржу конституционной монархией с избираемым императором и чешским вице-королем¹. Однако устремления чешских политиков не находили серьезной поддержки в России. Для Крамаржа контакты с российскими политиками обернулись репрессиями. Обвиненный в измене, он был приговорен к смертной казни, замененной на 15 лет лишения свободы. Только в июле 1917 г. он, вместе с соратником по партии А. Рашином, был амнистирован.

Другая часть общественно-политических деятелей Богемии — лидеры либеральной Чешской народной (с 1905 г. — Чешской прогрессивной) партии (реалистов) Т. Масарик, Э. Бенеш — связывали образование независимого чехословацкого государства с поддержкой западных держав. Именно там формировались органы чешского и словацкого национального объединения. В самой Австро-Венгрии, в Праге, сложилась подпольная организация — «Маффия».

¹ Подробнее см.: *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж — политик нескольких эпох // *До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе.* М., 2009.

22 октября 1915 г. в США представители Словацкой лиги и Чешского национального объединения подписали Кливлендское соглашение об объединении чехов и словаков в федерации государств. Руководящим центром чешского и словацкого заграничного сопротивления — «зарубежной акции» — стал Чешский заграничный комитет, преобразованный в 1916 г. в Чехословацкий национальный совет (ЧНС) и имевший свои организации в России, Европе и США. Председателем ЧНС был избран профессор Карлова университета Т. Масарик, находившийся с начала войны в эмиграции. Совет приступил к комплектованию своих вооруженных сил — добровольческих легионов для борьбы с Германией и Австро-Венгрией за национальную независимость. Масарику были чужды как антисемитская истерия, так и наивная вера чехов и словаков во всеславянскую общность духа. Идее реставрации короны святого Венцеля он противопоставил лозунг демократической чехословацкой республики, а надежде на помощь России — ориентацию на поддержку демократического Запада.

В мае 1917 г., накануне возобновления работы австрийского рейхсрата, 222 представителя чешской творческой интеллигенции обратились к депутатам со специальным манифестом. Речь в нем шла о необходимости преобразования монархии и установлении реального равноправия наций. Выдвигались предложения и о создании полностью суверенного государства чехов и словаков. Однако эти проекты вызвали негативную реакцию правящих кругов Венгрии, опасавшихся усиления позиций славянских наций¹.

30 мая 1917 г., уже в первый день работы рейхсрата, председатель Чешского союза Ф. Станек заявил о назревшей необходимости «преобразования Габсбургско-Лотарингской монархии в федеративное государство свободных и равноправных национальных государств». Ссылаясь на «естественное право народов на самоопределение и свободное развитие» и на «историческое право, полностью признанное государственными актами», чешские депутаты поставили своей конечной целью «объединение всех ветвей чехославянской нации, включая и словацкую, в чешское демократическое государство». О словаках говорилось, что они проживают «в неразрывном единстве с чешской исторической родиной». Эти положения легли в основу нескольких проектов конституции будущего чехословацкого государства, разработанных в июле–августе 1917 г.²

Весной–летом 1917 г. в Чешских землях, так же как и в других частях империи, прошли массовые выступления с требованиями мира, хлеба, свободы и независимости. Объявленная летом 1917 г. новым императором Карлом I амнистия вернула на свободу около 700 чешских политзаключенных. Таким образом, протестное движение элиты и народных масс чешской и словацкой наций усиливалось, что способствовало консолидации национально-освободительной борьбы, объединению усилий эмиграции и организаций, действовавших в самой Австро-Венгрии.

¹ История Венгрии. Т. III. М., 1972. С. 36–37.

² Исламов Т.М. и др. Указ. соч. С. 451.

6 января 1918 г. в Праге на совещании депутатов рейхсрата и земских сеймов была принята «Декларация всех депутатов чехословацкой нации». В документе, в отличие от Майской декларации 1917 г., прокламировалось создание суверенного, демократического и социально справедливого чехословацкого государства «в границах исторических земель и своей словацкой ветви». В апреле 1918 г. в Праге состоялось многочисленное собрание представителей чешской общественности, торжественно принявших «национальную присягу» принципу независимости. В мае отмечалось пятидесятилетие чешского Национального театра. Празднование вылилось во внушительную политическую манифестацию, проходившую под национальными лозунгами. Практически одновременно в Питтсбурге (США) состоялось общее собрание делегатов чешских и словацких землячеств, на котором присутствовал Т.Г. Масарик. Собравшиеся приняли резолюцию об образовании единого Чехословацкого государства. Через месяц, 29 июня 1918 г., правительство Франции признало ЧНС как основу будущего правительства. Аналогичные заявления были сделаны 9 августа и 3 сентября британским и американским правительствами.

Т. Масарик

Судьба Австро-Венгрии и вместе с ней перспектива национально-государственного развития чехов и словаков окончательно определились летом 1918 г., когда в августе во Франции захлебнулось последнее наступление германских войск. Как только стало ясно, что Германия будет разбита, и исчезла опасность того, что после распада Габсбургской монархии Судетские области подпадут под власть Германии, чехи больше не интересовались вопросом о сохранении Габсбургской империи. Теперь они вспоминали слова Ф. Палацкого: «Мы существовали до Австрии и будем существовать после нее»¹.

Катастрофическое положение на фронтах, жесточайший продовольственный кризис в Австрии вынудили правительство приступить к вывозу из чешских земель в Австрию сырья и продуктов питания. Так, в октябре 1918 г. было решено отправлять каждый день по 20 вагонов муки, и это при полуголодном существовании самого населения Чехии. Подобные грабительские меры вызвали массовое сопротивление действиям Вены. На 14 октября 1918 г. была назначена всеобщая забастовка. Она приобрела политический характер, пройдя под лозунгами национальной независимости, образования «свободной Чехословацкой республики». Забастовка стала практически всеобщей, в ней участвовали десятки тысяч человек.

¹ *Блуэр О.* Цит. соч. С. 35.

Массовые акции 14 октября, однако, еще не привели к провозглашению республики чехов и словаков. Но именно они предопределили дальнейшее развитие событий. Вывоз ценностей из чешских земель был блокирован. Чешские политики в стране продемонстрировали свою готовность к решительным действиям.

18 октября 1918 г. словак по отцу Т. Масарик, словак М. Штефаник и чех Э. Бенеш направили правительству США письмо, известное как «Вашингтонская декларация». В ней был сформулирован тезис о Чехословацком государстве с единой политической чехословацкой нацией. Масарик, отдавая приоритет правам личности, ратовал за максимально широкую местную автономию и равноправие наций.

Через 10 дней в Праге на Вацлавской площади оглашается текст сообщения о принятии Австрией ноты президента Вильсона «о праве чехословацкого народа на самоопределение». Становится также известным, что министр иностранных дел Д. Андраши согласился принять американские условия ведения мирных переговоров. Люди воспринимают сообщение как капитуляцию Австро-Венгерской империи и начинают уничтожать символы монархии.

28 октября 1918 г. действовавший в стране Чешский национальный комитет во главе с К. Крамаржем прокламировал образование Чехословацкого государства, а 30 октября Словацкий национальный совет принял декларацию о вхождении Словакии в состав этого государства. Тогда же в Женеве проходило совещание представителей Национального комитета и Национального совета. В соответствии с достигнутым между ними соглашением 13 ноября была утверждена Временная конституция и сформировано однопалатное Национальное собрание. На следующий день в Праге Национальное собрание единогласно избрало Т. Масарика президентом Чехословацкой республики, а К. Крамаржа — главой ее правительства. По замыслам «президента-освободителя» (такого титула Масарик удостоился на родине), республика должна была строиться на фундаменте «гуманной демократии».

Во Временной конституции содержались положения о высшем, избираемом на основе всеобщего избирательного права, законодательном органе — Национальном собрании, о главе государства — президенте, о правительстве, а также о «временном оставлении в силе всех существовавших ранее земских и имперских законов». Последующими законодательными актами были учреждены Верховный суд, 12 департаментов-министерств, Высший административный суд. Таким образом, и это важно подчеркнуть, в чехословацкой революции новации не вели к поспешному разрыву преемственных связей с довоенными правовыми нормами.

Принятая 29 февраля 1920 г. постоянная Конституция основывалась на принципе разделения трех ветвей власти, который дополнялся механизмом сдержек и противовесов. В парламентской республике правительство несло ответственность перед двухпалатным Национальным собранием. Президент страны избирался Национальным собранием сроком на 7 лет и наделялся широкими полномочиями. Наиболее влиятельными были партии, входившие в

правлящую «пятерку»: Национальная социалистическая, Аграрная, Социал-демократическая, Национальная демократическая, Клерикальная народная. В оппозиции находились Коммунистическая партия, Словацкая народная партия, Немецкая и Польская националистические партии. В Основном законе указывалось на недопустимость нарушения принципа национального равноправия и насильственной ассимиляции. Государственным языком по Конституции объявлялся «чехословацкий» (чешский — в чешских землях, словацкий — в Словакии). В районах, где 20% населения составляли национальные меньшинства, допускалось употребление родного языка наравне с официальным.

На первых порах на функционировании суверенного чехословацкого государства сказывалось практическое отсутствие совместного опыта проживания и неукрепившееся сознание национального единства чехов и словаков. Осенью 1918 г., в момент рождения Чехословацкой республики, лояльность словаков в отношении нового отечества была еще минимальной. Между тем при создании вертикали государственно-управленческих структур главным образом чехи обеспечили страну квалифицированными кадрами чиновников.

Идея Масарика о единой «чехословацкой нации» и едином языке возникла отнюдь не спонтанно. На наш взгляд, она служила выражением межэтнической общности чехов и словаков, маркером рождавшейся политической нации, подобной российской или югославской политическим нациям.

Конституирование Чехословацкой республики стало государственно-правовым завершением национально-демократической революции. В итоге были заложены политико-правовые основы функционирования либерально-демократического режима. Томаш Масарик не уставал подчеркивать, что «демократия должна быть постоянной реформой, постоянной революцией, но революцией голов и жизни».

Пожалуй, с наибольшими сложностями процесс становления новых независимых государств, возникших на обломках Австро-Венгрии, столкнулся на землях, заселенных южнославянскими народами. Дело в том, что исторически на роль их объединительного центра претендовали как уже независимая Сербия, так и находившаяся в составе Австро-Венгрии Хорватия.

Традиционное соперничество между Сербией и Хорватией в начале XX в. нашло выражение в столкновении двух «мегапроектов». Хорватское католическое общество в Боснии и Герцеговине во главе с архиепископом Иосипом Штадлером выступало с планами создания королевства «Великая Хорватия» путем объединения Хорватии, Далмации, Крайны, Боснии и Герцеговины в составе Австро-Венгерской империи. Эти планы разделяли многие депутаты законодательных собраний указанных земель.

Вместе с тем все хорватские политические партии, апеллируя к «историческому праву», не исключали перспектив воссоздания независимости и целостности Хорватии. Одновременно начала действовать хорвато-сербская

коалиция, поддерживавшая контакты с Королевством Сербия. В свою очередь правительство Сербии вдохновляла идея «Великой Сербии», предусматривавшая присоединение к Королевству не только населенных сербами земель, но и части других территорий¹. Отметим, что хорватский проект допускал возможность реформирования Австро-Венгрии на основе триализма (Австрия, Венгрия, югославянские земли), но он наталкивался на решительное неприятие Будапешта.

С началом Первой мировой войны в позиции югославын отчетливо обозначились антиавстрийская линия и солидарность с Сербией. В Нишской декларации от 7 декабря 1914 г. скупщина Сербии призвала к освобождению от габсбургской власти всех югославын².

В армиях Антанты уже в первые годы войны началось формирование чешских, южнославянских и других воинских частей, которые сражались против Германии и Австро-Венгрии. В эмигрантских кругах южных славян стали разрабатываться сепаратистские проекты. В марте 1915 г. конгресс хорватских, сербских и словенских эмигрантов провозгласил лозунг объединения находившихся в пределах Австро-Венгрии югославянских земель с Сербией. За поражение Австро-Венгерской империи в войне и независимость южных славян высказался Югославянский комитет, основанный в мае 1915 г. в Лондоне на сербские деньги. Его возглавил хорватский депутат австрийского рейхсрата Анте Трумбич. После оккупации Сербии австро-германцами (октябрь 1915 г.) хорватские политики стали подчеркивать центральную роль Хорватии в консолидации югославын: «Столицей будущей Югославии должен стать Загреб, а не Белград». При обсуждении интеграционных планов в Петербурге член Югославянского комитета Франо Супило настаивал на том, что слияние хорватов с сербами «должно принять форму, обеспечивающую перевес культурного миросозерцания хорватов над нынешними стремлениями сербов», выделяя «европейский оттенок цивилизации хорватов в противоположность культуре сербской»³.

30 мая 1917 г. 33 депутата австрийского рейхсрата, объединившихся в «Югославянский клуб», выступили с так называемой Майской декларацией. Речь шла о необходимости, «руководствуясь национальным принципом и хорватским государственным правом, объединить все земли монархии, населенные сербами, хорватами и словенцами, в самостоятельное, свободное от господства чужих народов и основанное на демократических принципах государственное целое под скипетром династии Габсбургов»⁴.

Сербское правительство Николы Пашича, не разделявшее принципы Майской декларации, апеллировало к Нишской декларации от 7 декабря

¹ Рубинштейн Е.И. Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963. С. 119; см. также: Писарев Ю.А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии 1905–1914 гг. М., 1962; Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб., 2001.

² Фрейдзон В.И. Указ. соч. С. 231.

³ Там же. С. 233; Шемякин А.Л. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. С. 62–63.

⁴ Исламов Т.М. и др. Указ. соч. С. 457.

1914 г. В этом документе Сербия объявлялась центром объединения всех югославянских земель, а будущее государство виделось сербским. Неудивительно, что некоторые политики называли сербского премьера Николу Пашича «югославянским Кавуром», проводя параллель с премьером Пьемонта, возглавившим объединительное движение в Италии. Но такой подход, разумеется, не устраивал другие югославянские нации.

К 1917 г., когда обозначились признаки военно-политического поражения Центральных держав, позиции Сербии усилились. 20 июля 1917 г. многоопытный политик Н. Пашич, премьер-министр Сербии, и А. Трумбич подписали на острове Корфу декларацию. В компромиссном документе участники соглаше-

Н. Пашич

ния отталкивались от идеи, что сербы, хорваты и словенцы являются единым «трехименным народом по крови, языку, письменности, целостности территории, на которой постоянно проживают, по общим жизненным интересам своего национального существования, своего духовного и материального бытия». Проектируемое после окончания войны государство должно было включить в себя часть территории Австро-Венгрии, Сербию и Черногорию. Формой правления мыслилась конституционная парламентская монархия во главе с сербской династией Карагеоргиевичей. Она была призвана охранять равноправие всех трех народов, их вероисповедание, конфессиональную принадлежность, язык и национальную символику¹.

Идейную основу указанных выше проектов составлял югославизм. Исследователи, трактуя этот феномен как форму национализма и романтическую теорию национального единства югославян, усматривают в нем попытку создать наднациональную идеологию союзного государства. На практике это воплотилось в унитарное великосербское государство, возникшее в 1918 г. под названием «Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев». Югослависты не сомневались

¹ В.И. Фрейдзон показал, что позиция Трумбича, продиктованная обстановкой 1917 г., означала отход от программных установок хорватского национального движения (см.: Фрейдзон В.И. Указ. соч. С. 234).

в том, что Россия, особенно постфевральская демократическая Россия, должна проливать кровь и рисковать своей судьбой ради «славянского дела»¹.

В январе 1918 г., вслед за всеобщей стачкой в Австрии и Венгрии, забастовали и вышли на демонстрации десятки тысяч рабочих и служащих в югославянских землях. Среди их требований значились немедленное заключение мира и осуществление права наций на самоопределение. Показательно при этом, что полномочия подписать мирный договор делегировались не австро-венгерскому министру иностранных дел, а Югославянскому комитету. 30 декабря 1917 г. этот комитет в телеграмме, направленной делегации Советской России на переговорах в Брест-Литовске, заявил о неправомерности делегации Австро-Венгрии во главе с О. Черниным вести переговоры о мире. Посланцы императора, говорилось в телеграмме, «не представляют угнетенных народов Австро-Венгрии, но лишь деспотические правительства Вены и Пешта»².

В обстановке нарастающего протестного движения народных масс активизировалась югославянская политическая элита, поддержанная Западом. 28 июня 1918 г. президент США В. Вильсон выступил за освобождение славян от немецкого и австрийского господства, а 28 октября 1918 г. он признал справедливыми национальные стремления югославян к свободе.

В августе 1918 г. был образован Национальный совет Словении и Истрии в Любляне, выступивший за автономию южнославянских народов в рамках Габсбургской монархии. Во главе его стал лидер Словенской народной партии Анте Корошец. Чуть позднее было основано Народное вече Боснии и Герцеговины. 5–6 октября в Загребе заседало Народное вече словенцев, хорватов и сербов, в состав которого входили депутаты саборов Хорватии, Боснии и Герцеговины, а также ландтагов Далмации, Крайны и Истрии. Партийный состав веча включал Католическую партию Словении, Хорватскую радикальную партию, Хорватскую партию права и др. Вече ратовало за объединение всех словенцев, хорватов и сербов в одном национальном свободном и независимом государстве и провозгласило себя временной центральной властью в Хорватии, Словении и Далмации. Состоявшаяся 6 октября 1918 г. конференция социал-демократических партий Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины поддержала инициативу либералов и консерваторов. В итоге в состав Народного веча (а впоследствии — в коалиционные правительства) вошли и представители социал-демократов.

29 октября 1918 г. на чрезвычайном заседании Хорватского сабора была принята резолюция, аннулировавшая хорватско-венгерское соглашение 1868 г. Сабор заявил о разрыве «всех государственно-правовых отношений и связей Королевства Хорватии, Славонии и Далмации с Венгрией и Австрией». Хор-

¹ Писарев Ю.А. Создание югославского государства в 1918 г.: уроки истории // Новая и новейшая история. 1992. № 1; Фрейдзон В.И. Исторические корни и сущность югославизма: XIX в. // Новая и новейшая история. 1997. № 3.

² Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). М., 2011. С. 108.

ватия, Славония и Далмация расторгли отношения с Венгрией и Австрией и примкнули к самостоятельному Государству Словенцев, Хорватов и Сербов. В Загребе, как уже говорилось, был сформирован верховный орган власти нового государства — Народное вече. Но это государственное образование просуществовало недолго. В условиях еще продолжавшейся войны оно видело в Королевстве Сербия естественного союзника. 16 ноября 1918 г. правительство Далмации, ссылаясь на отсутствие собственных сил для борьбы против итальянской экспансии и тяжелое продовольственное положение, направило Народному вечу в Загребе обращение, известное как «Письмо из Сплита». В нем далматинское руководство предлагало рассмотреть проект объединения всех остальных югославянских территорий с Сербией. 23 ноября 1918 г. для обсуждения «Письма из Сплита» в Загребе было созвано расширенное заседание Народного веча Государства Словенцев, Хорватов и Сербов, а также Воеводины.

24 ноября 1918 г. загребское вече приняло решение объединить Государство Словенцев, Хорватов и Сербов с Королевством Сербия. Сербский принц-регент Александр дал обещание неукоснительно соблюдать конституцию нового государства и уважать права несербских народов. По мнению советского историка Ю.А. Писарева, лидеров Хорватии и Словении толкала на объединение внутривластная ситуация в стране, чреватая угрозой социальной революции, и позиция Антанты и США, стоявших за объединение югославянских территорий вокруг Сербии¹.

Таким образом, фантастическая, по оценке В.И. Фрейдзона, идея единого «трехименного» народа из достояния интеллигенции превратилась в основу официальной идеологии. При этом необходимо помнить, что кроме трех «основных» составляющих «троименного» народа в объединенном Королевстве проживали довольно многочисленные национальные меньшинства: венгры, немцы, румыны, словаки, чехи, болгары, итальянцы, турки, греки.

В радикальных преобразованиях, охвативших земли южных славян, приоритетными в условиях краха монархии стали политические реформы, и прежде всего формирование национально-государственных структур. Состоявшаяся 1 декабря 1918 г. в Белграде официальная встреча депутатов Народного веча с принцем-регентом Александром из династии Карагеоргиевичей провозгласила рождение объединенного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. 17 декабря произошло официальное присоединение Черногории к провозглашенному Королевству. Спустя почти сто лет сербский исследователь О. Милосавлевич отметил, что в ряду национальных стереотипов о «1918 годе», бытующих в среде современных сербских интеллектуалов, самым распространенным является образ Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев как объединения «освободителей и освобожденных, победителей и побежденных»². В действительности заявленный принцип «равноправия народов» не соблюдался. Пра-

¹ Писарев Ю.А. Образование югославского государства. М., 1975. С. 339, 344, 359–360.

² Милосавлевич О. Методологические предпосылки исследования национальных стереотипов. 1918 год: «освободители» и «освобожденные» // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы. СПб., 2011. С. 76, 80.

вящая сербская элита проводила великодержавную политику. Органы государственной власти и местного самоуправления не претерпели существенных изменений только в Сербии, в остальных регионах нового Королевства произошла их реорганизация на базе централизма и минимальной автономии.

По Видовданской конституции 1921 г. Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев узаконивалось как парламентская монархия во главе с династией Карагеоргиевичей. Правительство несло ответственность перед королем и парламентом — Народной скупщиной. Страна была разделена на 33 области во главе с назначаемыми королем губернаторами (великими жупанами). Хорватия не получила даже тех прав, которыми она пользовалась в Австро-Венгрии. В Королевстве вводилось всеобщее избирательное право для мужчин. По существу, вместо федерации было создано унитарное государство. В стране действовали 3 основные партии: сербские Социал-демократическая и Радикальная и оппозиционная Хорватская народная крестьянская, вскоре переименованная в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию. Коммунистическая партия Югославии была запрещена.

Революционное протестное движение, охватившее в конце Первой мировой войны всю Австро-Венгрию, явилось сложным переплетением антивоенных, национально-освободительных, социальных и политических устремлений масс и элиты. Его общей чертой стала попытка создания более справедливого, демократичного и гуманного общества. Она служила лейтмотивом борьбы за прекращение войны, реализацию суверенных прав наций, демократизацию государства, значительное расширение его социальных функций. Однако всем этим прогрессивным ценностям не суждено было укорениться в большинстве стран Центральной и Восточной Европы. Видный венгерский публицист О. Яси нашел удачное сравнение, назвав преподавание истории в Австрии династической героической поэмой, а в Венгрии — феодальным эпосом. В силу такого просвещения народы Габсбургской империи оказались заложниками радикальных националистов¹.

Социально-экономические, духовно-культурные конфликты в монархии теснейшим образом переплетались в массовом и элитарном сознании с комплексом сложнейших межнациональных противоречий. Политизация всего общества актуализировала в условиях войны свойственный менталитету деление окружающего мира на «своих» и «чужих». Усилиями национальных элит «чужими» стали титульные нации Дунайской монархии (австрийские немцы и венгры), «ответственные» за поражение в войне. На ее завершающей стадии магистральный путь преодоления «несправедливости» со стороны «господствующих» наций виделся «угнетенным» этносам в национально-государственном самоопределении.

¹ Яси О. Указ. соч. Ч. 7.

Уже вскоре после распада Габсбургской империи О. Яси, осмысливая эту историческую драму, так обосновывал доминирование национального фактора в комплексе причин развала монархии. Существовавшие отличия Габсбургской монархии от классического Запада предопределили ее историческую неудачу и распад: «Этнографическая база в Австрии была куда более смешанной; бóльшая географическая разобщенность и глубокие культурные противоречия разделяли расы, нации, вероисповедания; территория государства намного позднее стала закрытой общностью; на протяжении более двух сотен лет турецкого ига значительная часть Монархии находилась под влиянием чужого культурного и политического устройства; вышеперечисленные причины примерно на двести лет задержали развитие Монархии; в империи Габсбургов политическое и экономическое объединение происходило на этапе, когда национализм уже превратился в сознательную силу; Монархия не смогла стать отечеством для народов, проживающих на ее территории». Яси выделил три группы причин, подорвавших единство старого патримониального государства. На первом месте, естественно, стоял «рост национального сознания у различных наций, которые не смогли найти возможностей для истинной консолидации и адекватного самовыражения в условиях неповоротливой абсолютистской структуры». Во-вторых, «экономическое и социальное давление со стороны господствующего феодального класса, взаимодействовавшего с ростовщическим капитализмом, не позволяло развиваться производительным силам различных наций». В-третьих — сказывалось «отсутствие сколько-нибудь серьезного гражданского воспитания»¹.

В целом ряде современных исследований по истории Австро-Венгрии сложная проблема стабильности многонационального дунайского государства увязывается с вопросом о возможностях самореформирования дуалистической системы². Историк С. Вэнк (США), соглашаясь с тем, что прежние резко негативные оценки монархии Габсбургов как «тюрьмы народов» были явным преувеличением, одновременно оспаривал тезис американских и британских историков И. Деака, Б. Елавиц, Ф.Р. Бриджа, А. Скеда о наличии некоего позитивного опыта Австро-Венгрии. Вэнк полагал, что влияние успехов в культуре, образовании и экономического роста Австро-Венгрии на «жизнестойкость» полиэтничного общества блокировалось архаичной имперской политической системой. Наднациональная государственная идеология Габсбургов оценивалась

¹ Там же. С. 50, 271, 566.

² См.: Айранетов А.Г. Историческая судьба Австро-Венгрии // Вопросы истории. 1999. № 1; Он же. От империи Габсбургов к идее Дунайской конфедерации // Там же. 2004. № 2; Исламов Т.М. Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2; Он же. Австро-Венгрия в Первой мировой войне // Там же. 2001. № 5; Механизмы власти: Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. М., 2009; Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. L., 1989; Bridge F.R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. N.Y., 1990; Williamson S.R., Jr. Austria-Hungary and the Origins of the First World War. N.Y., 1991; Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladels: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz; Wien; Köln, 1994.

Вэнком как коренящаяся «больше в феодальных и династических концепциях, чем в современных идеях интернациональной организации государства»¹. Представляется, однако, что в своих рассуждениях американский исследователь вольно или невольно привносит в научно-исторический анализ реалий конца XIX — начала XX в. весьма спорный опыт последних десятилетий XX — начала XXI в.

Концепция С. Вэнка, содержащая ряд дискуссионных положений, вызвала возражения крупнейшего российского специалиста по Австро-Венгрии — Т.М. Исламова². Уязвимое место в концепции американского историка он усматривал в недооценке значимости экономического роста Австро-Венгрии как важнейшего критерия государственной стабильности. Касаясь тезиса Вэнка о роли национального фактора в дезинтеграции Габсбургской монархии, Т.М. Исламов утверждал, что ее сохранение при наличии двух сильных соседей на западных и восточных границах, Германской и Российской империй, было для подавляющего большинства населявших ее народов вопросом жизни и смерти. Сепаратистские тенденции в предвоенную эпоху достаточно отчетливо прослеживались лишь в национально-освободительном движении югославян. Вместе с тем Т.М. Исламов признавал, что лояльное отношение к монархии, свидетельством которого было общеимперское сознание (*Gesamtstaatsbewusstsein*), не снимало с повестки дня вопроса о реорганизации дуалистической монархии на федеративных началах как единственно возможном пути ее сохранения в качестве «общего дома».

Война усилила национальную напряженность в империи. Неурегулированность национальных отношений, очевидное недовольство многих народов своим положением сказывались на боеспособности австро-венгерской армии с каждым годом все больше. С лета 1917 г. в умонастроениях славян и других народов империи наметился перелом: все отчетливее стали проявляться разочарование в империи Габсбургов, неверие в ее способность гарантировать совместное существование и необходимую безопасность населяющим ее народам. Национальный подъем, отмеченный требованиями независимости и суверенитета, наблюдался во всех славянских землях монархии. Не сумев модернизировать на федеративных началах государственное устройство и систему управления полиэтничной империи, австрийские немцы и мадьяры в условиях военно-политического поражения 1917–1918 гг. «вспомнили» и о своих правах на самоопределение.

Вместе с тем нельзя забывать, как справедливо напоминал Т.М. Исламов, и о другом. В 1920-е гг., конструируя Версальскую систему, лидеры стран-

¹ Вэнк С. Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 16, 17.

² Исламов Т.М. Конец средневековой империи: Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт...

победительниц не учли, что наднациональной монархии Габсбургов «надо было найти какую-нибудь замену, раз уж она должна была исчезнуть». В действительности и Малая Антанта, и Лига Наций оказались еще менее способны, чем Габсбургская династия, выступить в роли международного рефери. Декларированный принцип «одна нация — одно государство» на практике не был реализован: слишком уж велико было несовпадение между установленными послевоенными государственными границами и исторически сложившимися этническими границами. В большинстве стран Центрально-Восточноевропейского региона (за исключением Австрии и Венгрии) заметную долю населения составляли меньшинства с достаточно развитым национальным сознанием. Некоторые из меньшинств, в частности венгерское в Чехословакии, Румынии и Югославии, имели центр притяжения за границей, тем более сильный, что мадьяры испытывали притеснения в названных странах. Отсутствие эффективного механизма согласования национальных интересов (как внутри отдельных стран, так и в межгосударственных отношениях) на протяжении всего межвоенного периода оставалось источником немалой напряженности в регионе.

В заключение скажем следующее. Нельзя исключить, что, не будь военно-политического поражения, для многонациональной Дунайской империи сохранился бы определенный шанс на ее реформаторское обновление. Однако, учитывая уровень политической культуры большинства наций Центрально-Восточной Европы, можно с большой долей уверенности предположить, что федерализация Габсбургской империи пошла бы по авторитарному варианту. Между тем, как известно, исторические события и явления развиваются с разной ритмичностью. Казавшаяся достоянием XIX в., но в действительности отнюдь не исчерпанная и бурно выплеснувшаяся в период Первой мировой войны энергия национального самовыражения, активизация поразному позиционировавших себя национальных движений решающим образом скорректировали остродраматический ход военно-дипломатической и социально-политической истории 1914–1918 гг. и обусловили распад Габсбургской монархии.

Пошаговая демократизация политической системы, вероятно, могла бы существенно снизить остроту национального напряжения. Однако национальные элиты не были склонны к компромиссам. Переплетение национально-сепаратистского движения с резко возросшей политической активностью масс стало реальной альтернативой несостоявшимся реформам «сверху». Распад Габсбургской империи и возникновение на ее руинах новых суверенных государств по сути своей не были какими-то изолированными и неповторимыми феноменами. Однако вопреки надеждам западных, да и восточноевропейских политиков страны — наследники Австро-Венгерской империи уже через 20–25 лет не смогли противостоять тому напору многочисленных конфликтов, которые в итоге взорвали Версальско-Вашингтонскую систему и привели человечество к новой мировой войне.

§ 3. Ноябрьская революция и становление Веймарской Германии

История Ноябрьской революции 1918 г. в Германии изучена до мельчайших подробностей. Революционные события описывались не только по дням на протяжении месяцев, но и буквально по часам. Последовавшее за ними строительство Веймарской республики, с сопровождавшей его политической борьбой и созданием новых партийно-государственных структур, также представляется известным во всех своих деталях. При этом не только в широких слоях образованной общественности, но и среди историков по большей части распространены лишь несколько стереотипных картин, порой уводящих в сторону от глубокого научного анализа. Обычные представления (усталость от войны — революционные настроения народа и армии — победоносное шествие революции — борьба коммунистов за советскую власть и убийство их лидеров — «версальский диктат» — путчи, чехарда правительств — массовая безработица, инфляция, выплаты зарплаты дважды в день — подъем правых сил, наконец, приход к власти НСДАП и тем самым завершение периода «импровизированной демократии»), разумеется, в основном соответствуют историческим реалиям и складываются, казалось бы, во вполне логичную цепь неизбежных событий и их последствий. Однако при таком стандартном подходе некоторые важные взаимосвязи процесса становления новой, пост-имперской Германии зачастую остаются за рамками исторического дискурса.

Парадоксальным образом российской читающей публике эта эпоха известна, пожалуй, лучше, чем немецкой, — прежде всего по романам Э.М. Ремарка; историкам — по классической работе Я.С. Драбкина, уже около полувека остающейся главным научным трудом в отечественной историографии, посвященным Ноябрьской революции¹. В ней революция оценивалась с точки зрения ее исторической задачи — передать власть в руки рабочего класса и создать социалистическое общество — и, соответственно, рассматривалась как потерпевшая поражение, преданная руководством СДПГ.

В Германии же события 1918–1919 гг. долгое время воспринимались в отблесках последующей эпохи, а именно — краха республики в 1933 г. Ноябрьская революция рассматривалась не как начало демократического развития Германии, а как первый шаг к грядущей гитлеровской диктатуре². Тот факт, что 1918-й год оказался в тени 1933-го, наложил отпечаток на всю научную литературу по истории Веймарской республики: традиционно она посвящена в первую очередь изучению причин ее поражения, распадаясь на два в основном противоборствующих направления. Одно из них подчеркивает чрезмерный континуитет властных структур между кайзеровской Германией и республикой, явно недостаточную смену элит, компромиссный характер новой политической системы, в которой вдобавок изначально был заложен авторитарный потенциал. Другое же выдвигает на первый план ошибочные стратегии, кон-

¹ Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

² Ср.: Nipperdey T. 1933 und die Kontinuität der deutschen Geschichte // Nipperdey T. Nachdenken über die deutsche Geschichte: Essays. München, 1986. S. 186–205.

фликт интересов, личных амбиций республиканских лидеров. Действительно, революция изначально ощущалась слишком многими как нечто или незавершенное, или, напротив, зашедшее слишком далеко. Подобным образом в массовом сознании и в традиционной историографии выглядят и Веймарское национальное собрание, и Веймарская республика в целом.

Сама Веймарская республика традиционно носит клеймо «республики без республиканцев», «демократии без демократов», именуется «консервативной» республикой, но чаще всего — «импровизированной демократией»¹. Очевидно, что эти стереотипы, как минимум, нуждаются в уточнении. Ответ на вопрос о том, насколько Веймарская республика действительно являлась «импровизированной», республикой, возникшей после спонтанной революции, не подготовленной серьезными политическими силами и лишенной массовой поддержки; насколько политический и социальный развал Германской империи был неизбежен и в какой степени он был вызван мировой войной, — следует искать не только в событиях 1918 г.

Первая мировая война, которую (прежде всего — в Германии) принято называть «основополагающей катастрофой» (Urkatastrophe) XX столетия, с ее 15 миллионами жертв, из которых два миллиона пришлись на долю Германии, безусловно, явилась более рубежным и существенным явлением, чем Ноябрьская революция, причем не только для коллективной памяти, но и для «реальных» общественно-политических, социальных, экономических, тем более — демографических и даже ментальных структур.

Возникновение Ноябрьской революции «из войны»² несомненно. Однако только лишь усталость от войны, экономическая разруха и предстоящее поражение — недостаточное, на наш взгляд, объяснение краха монархии. В этих событиях вполне очевиден эффект обострения накапливавшихся десятилетиями противоречий и структурных проблем внутри неререформируемого сословного общества, многократно усугубленных влиянием тяжелых военных условий. Война на два фронта оказалась не под силу не столько германской армии, сколько, прежде всего, германской экономике. В 1915 г. военное производство составляло 38% всей промышленной продукции, в 1917 г. — уже 75%. Государственный долг за четыре года войны возрос в 30 раз: с 5,2 млрд марок в 1914 г. до 156,4 млрд марок в 1918-м. Нехватка сырья, квалифицированной рабочей силы (ушедших на фронт мужчин на производстве заменяли работавшие по 12 часов женщины и подростки) и, соответственно, падение производительности труда вели к неуклонному снижению выпуска промышленной продукции, который сократился почти вдвое — так же, как и продукция сельского хозяйства, что уже в 1915 г. привело к необходимости введения карточной системы на все основные продукты питания; как результат — массовое недоедание, го-

¹ См., например: *Thofß H. Demokratie ohne Demokraten? Die Innenpolitik der Weimarer Republik.* Berlin; Brandenburg, 2008. S. 8.

² *Schönhoven K. Die Entstehung der Weimarer Republik aus dem Krieg: Vorbelastungen und Neuanfang // Weimar in Widerstreit: Deutungen der ersten deutschen Republik im geteilten Deutschland / Hrsg. von H.A. Winkler. München, 2002. S. 13–32.*

лод¹. Людские потери Германии от войны составили не только около 2 млн чел. убитыми и около 4,5 млн чел. ранеными, но и огромное, трудно поддающееся исчислению число умерших (в том числе после войны, но из-за прямых ее последствий) от голода, эпидемий, пропавших без вести и попавших в плен².

Страшные сражения весны–лета 1916 г. на Сомме и при Вердене привели к резкому падению численности кадрового состава германской армии и истощению материальных ресурсов, амуниции и боеприпасов. Нехватку боеспособных солдат предполагалось компенсировать техническим превосходством над Антантой. К весне 1917 г. немцы рассчитывали резко увеличить число самолетов, удвоить производство боеприпасов и пороха, а снарядов и патронов для пулеметов — утроить. В 1916 г. было создано имперское ведомство по продовольствию, введен закон «О службе на благо отечества», согласно которому все мужчины от 17 до 60 лет, не призванные в армию, должны были работать на военных заводах, а предприятия, «не являвшиеся важными для военных целей», подлежали закрытию. Акции, подобные кампании по обмену золота на почетный знак «Золото я отдал за железо», должны были мобилизовать на нужды фронта последние, даже самые частные, ресурсы.

Как хорошо известно, выполнить программу Гинденбурга в полном объеме не удалось. Более того, реализация закона «О службе на благо отечества» породила огромный комплекс организационно-бюрократических проблем.

Т. фон Бетман-Гольвег

Военные займы, выпуск необеспеченных денег, обмен золота на обесценивающиеся бумажные деньги все больше ускоряли инфляцию. Стоимость минимального набора продуктов выросла за период с 1914 г. по 1916-й в полтора раза, с 1916 г. по 1918-й — еще почти вдвое³. Вера в победу улетучивалась. Даже чиновники и служащие, опора госаппарата, испытывали серьезный дискомфорт в силу резкого ухудшения своего материального положения. При этом кайзеровская юнкерско-военная элита продемонстрировала решительное нежелание любых преобразований: предложенная для успокоения общества канцлером Т. Бетман-Гольвегом умеренная реформа прусской избирательной системы встретила с их стороны решительный отпор.

¹ До войны пищевой рацион в Германии в среднем составлял 3500 ккал в день, в 1916–1917 гг. он не превышал 1500–1600 ккал. За годы войны от голода и недоедания в Германии умерло около 760 тыс. человек, в том числе, по некоторым источникам, до 700 тыс. чел. в «брюквенную зиму» 1916/1917 гг.

² По некоторым оценкам, общее число вызванных войной потерь Германии составило до 22 млн чел. Кроме того, современные оценки добавляют в число непрямых потерь и миллионы женщин 1875–1900 годов рождения, оставшихся одиночками из-за огромной убыли мужчин в возрасте 20–55 лет. Ср.: Kluge U. Die Weimarer Republik. Paderborn, 2006. S. 29–30.

³ Preisindex für Ernährung 1914–1918 // Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Bd. 1914–1918. Berlin, 1915–1919.

Октябрьская революция 1917 г. и выход России из войны еще более усилили антивоенные и революционные настроения в Германии. В январе 1918 г. всеобщая политическая стачка охватила основные индустриальные центры страны; в ней участвовало свыше миллиона человек, выдвигавших уже и политические требования.

После выхода из войны России главным противником виделась Англия. Единственно возможным средством противостоять британскому превосходству на море германскому командованию представлялась подводная война, причем неограниченная, т.е. нарушающая морское право, что, впрочем, не особенно беспокоило военных. Немецкие адмиралы и генералы были твердо уверены в ее успехе и обещали победу в течение шести месяцев. Однако действительность показала необоснованность этих надежд. Более того, подводная война ускорила вступление в конфликт США, после чего победа союзников была предрешена.

Для истории Ноябрьской революции именно тот факт, что германский флот до последних дней войны оставался почти нетронутой, внешне боеспособной единицей, на которую командование возлагало большие надежды, оказался принципиально важным.

29 сентября на совете в Спа Гинденбург и Людендорф наконец признали, что армия начинает выходить из повиновения, фронт может развалиться в любой момент и единственное спасение — немедленное перемирие. Гражданское руководство страны, по сути, впервые услышало правду о реальном положении дел на фронте из первых уст¹. Одновременно Людендорф возложил вину за создавшееся положение на всех «этих в Берлине».

Этот момент часто считают началом «легенды об ударе ножом в спину». Действительно, впоследствии армейская верхушка, в первую очередь Гинденбург, приложила немало усилий по насаждению данного мифа. И само понятие², и начало «легенды» принято возводить к выступлению Гинденбурга в ноябре 1919 г. перед комиссией Национального собрания по расследованию

¹ Из сообщений очевидцев доклада специального курьера Верховного главнокомандования госсекретарям и представителям рейхстага, т.е. самой верхушке руководства страны: «Я слышал полузадушенные возгласы, я замечал подступающие слезы. Пробуждение от наркоза, гнев, ярость, стыд, обвинения: военные годами нас обманывали, а мы верили этому, как евангелию». Цит. по: *Christian Graf von Krockow. Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890–1990. Reinbeck bei Hamburg, 1990. S. 117.* Другое свидетельство — историка Артура Розенберга — объясняет, как это стало возможным: «С конца сентября 1914 г. и вплоть до конца войны ежедневные донесения были вполне добросовестны и надежны. В них было то, что обычно и содержат в себе подобные донесения, а именно данные о расположении фронта и о важнейших событиях. Но собственно решающие сведения в эти ежедневные донесения невозможно вписать: сила собственных войск в соотношении с войсками противника, резервы обеих сторон и общее стратегическое положение. Об этой реальной военной ситуации немецкий народ, включая рейхстаг, ничего не знал. Положение дел на войне было известно при дворе, в Верховном командовании и в лучшем случае еще канцлеру» (*Rosenberg A. Die Entstehung der Weimarer Republik. Frankfurt a. M., 1966. S. 91.*)

² *Dolchstoß* (нем.) — буквально «удар кинжала» — образ, впоследствии широко использовавшийся в карикатурах, где мерзкие социал-демократические политики или же некая гнусная личность с характерным еврейским профилем подкрадываются с кинжалом к сражающимся с врагом немецким солдатам.

причин развала германского фронта осенью 1918 г., подтвержденному в его мемуарах, изданных уже в следующем году, где он сравнил падение истощенного немецкого фронта, пораженного предательством тыла, с «Зигфридом под вероломным ударом копья свирепого Хагена»¹.

Эта «легенда» не умирает до сих пор — несмотря на то, что она многократно и весьма убедительно опровергалась в научной литературе. Успешность ее распространения и ее стойкость объясняются необычностью ситуации в Германии осенью 1918 г.: для большинства населения отсутствовали внешние признаки классической картины страны, терпящей поражение в большой войне. Линия фронта пролегла за пределами рейха, еще совсем недавно с большой помпой отмечались успехи Германии в России, Северной Италии и Северной Франции, слышались утверждения о том, что Германия находится на пороге победы. На этом фоне просьба Верховного командования о перемирии выглядела равносильной признанию им своего поражения. Неудивительно, что солдаты утратили боевой дух и желание сражаться. Правда, многие генералы и высшие штаб-офицеры, никогда не имевшие контакта с массой солдат, объясняли это соприкосновением с «революционным» тылом, часто используя почти медицинские метафоры — «заражение», «отравление» и т.д. Тем самым проводилась логическая связь между революцией и военным поражением.

В конце сентября — начале октября союзники дали понять немцам, что переговоры о мире будут вестись только с парламентским правительством. «Указ о парламентаризации» последовал уже 30 сентября. 3 октября, как известно, было создано правительство принца Макса Баденского, с участием различных политических сил, представленных в рейхстаге, — тем самым был сделан шаг на пути к частичной модернизации монархии. Одновременно была одобрена давно предлагавшаяся реформа прусской избирательной системы. Феномен этих «реформ сверху, проводимых противниками реформ»² имел более комплексный характер, нежели просто «революция сверху»³.

Для Людендорфа включение представителей оппозиции (Филипп Шейдеман) в правительство открывало возможность в дальнейшем переложить на них ответственность за поражение. Для кайзеровской элиты — военной, политической и отчасти промышленной (в начале октября виднейшие промышленники, прежде всего представители тяжелой промышленности, в том числе Союза немецких производителей железа и стали, — активно участвовали в выработке концепций по поддержке реформ сверху и удержанию рабочих в рамках «порядка») — это было не просто вынужденное желание создать видимость демократизации кайзеровских общественно-политических структур, но и стремление к действительным, пусть умеренным изменениям — чтобы сыграть на опережение и не допустить революции. При этом парламентские политические силы отнюдь не были пассивным инструментом власти, а еще до конца сентября раз-

¹ *Hindenburg P. von. Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. Цит. по: Christian Graf von Krockow. Op. cit. S. 117.*

² *Wirsching A. Die paradoxe Revolution 1918/19 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2008. Nr. 50/51. S. 8.*

³ *Kolb E. Deutschland 1918–1933: Eine Geschichte der Weimarer Republik. München, 2010. S. 5.*

работали собственные инициативы по изменению политического строя.

28 сентября межфракционный комитет рейхстага выдвинул требование конституционных реформ в качестве «предпосылки для создания сильного, имеющего доверие большинства рейхстага правительства»¹. И хотя вплоть до окончания войны ликвидация монархии не являлась существенной темой германского политического дискурса, но по меньшей мере переход от конституционной монархии к парламентской и ликвидация сословного государства являлись целью широкого спектра политических сил: большинство партий, представленных в рейхстаге (СДПГ, Центр, Прогрессивная народная партия), прилагали немалые усилия по введению в Германии парламентской формы правления еще до реформы, навязанной Верховным командованием под давлением союзников.

Говоря о причинах, повлекших за собой выход ситуации из-под контроля, следует учитывать откровенную неспособность и нежелание кайзеровской элиты проводить или поддерживать давно назревшие реформы. Необходимость модернизации госаппарата, политической, экономической, социальной системы стала, на наш взгляд, очевидной уже к 1917 году. Однако стагнация и паралич политической воли, отсутствие любых инициатив со стороны правительственного аппарата, не извлекшего уроков даже из революционных событий 1917 г. в России, безусловно, способствовали как усилению кризисного потенциала всей государственной системы, так и радикализации антигосударственных, точнее — «антисистемных», революционных настроений и проникновению их почти во все слои общества.

Макс Баденский, в отличие от большинства представителей немецкой политической элиты, к моменту своего назначения канцлером уже давно выступал за умеренные внутриполитические реформы и за заключение мира без выдвижения требований об аннексиях. Тем самым он вполне подходил на роль главы демократического правительства по своим взглядам — но не по своим внутренним качествам: принцу не хватало управленческих навыков, жесткости, способности быстро ориентироваться в хаотичной обстановке бурных октябрьских дней. В правительство вошли представители парламентского большинства — Партии Центра, социал-демократов, Прогрессивной народной партии; таким образом, оно опиралось на достаточно широкий спектр общественной поддержки. Правда, сам титул принца не позволял Макс Баденскому стать

Максимилиан Баденский

¹ Цит. по: Kolb E. Op. cit. S. 6.

символом демократических реформ. К тому же вплоть до последних дней октября принц ратовал за сохранение монархии, защищал Вильгельма II и даже выступил с инструкцией для прессы, запрещающей критиковать кайзера.

Первым актом нового правительства Макса Баденского стала телеграмма, отправленная 3 октября американскому президенту Вильсону, о готовности принять его «14 пунктов» в качестве фундамента для переговоров о мире. Тем самым германское руководство окончательно признало поражение в войне.

Обращение к Вильсону резко противоречило еще недавно господствовавшей официальной пропаганде; шок от его публикации, внезапно развеявший последние иллюзии в немецком обществе, трансформировался в коллективное желание — завершить войну любой ценой. «Движение за мир» носило в октябре 1918 г. лавинообразный характер и стремительно радикализировалось. Резко усиливалось влияние революционных групп, до той поры сравнительно немногочисленных и в рамках жесткого полицейского государства практически не имевших выхода на политическую арену. В массовом сознании зрело опасение, что в рамках существующей политической системы добиться скорого окончания войны будет невозможно. Требования отречения стали усиливаться и даже обсуждаться в печати, несмотря на существовавшую цензуру. Одновременно продолжалась работа по демократизации и парламентаризации политической системы. 28 октября вступили в силу законы об «Изменении имперской конституции». Правда, по сравнению с конституцией Бисмарка 1871 года в ней были лишь слегка изменены некоторые статьи, но этого оказалось достаточно, чтобы Германия формально могла считаться парламентской монархией.

Подчеркиваем, эти новации в тот момент носили формальный характер, ибо основные рычаги власти оставались в руках Вильгельма II, который и слышать не хотел об отречении и передаче власти социал-демократам, хотя на этом настаивал канцлер и даже генералитет. 29 октября Вильгельм II выехал из Берлина в ставку в Спа, что было интерпретировано как бегство от постоянных требований об отречении; одновременно был издан приказ германскому флоту о выходе в открытое море.

Именно этот, до сих пор широко обсуждаемый¹, приказ вызвал спонтанно вспыхнувшее 3 ноября восстание матросов в Киле. Попробуем воссоздать собственную версию того, что произошло тогда. К началу ноября 1918 г. скорое поражение Германии было не только очевидно, но и публично признано самим Верховным командованием (отметим, что в соответствующем письме Гинденбурга одним из мотивов заключения перемирия было желание сохранить жизнь немецким солдатам). Поэтому вполне логичным представляется отказ матросов выполнять заведомо самоубийственный приказ, отданный буквально

¹ См., например: *Deist W.* Die Politik der Seekriegsleitung und die Rebellion der Flotte Ende Oktober 1918 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1966. Nr. 14. S. 341–368; *Groß G.R.* Eine Frage der Ehre? Die Marineführung und der letzte Flottenvorstoß 1918 // *Kriegsende 1918: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung* / Hrsg. von J. Duppler u. G.R. Groß. München, 1999. S. 349–365; *Afflerbach H.* “Mit wehender Fahne untergehen”: Kapitulationsverweigerungen in der deutschen Marine // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2001. Nr. 4. S. 595–612.

в последнюю минуту перед неизбежным заключением перемирия. Немецкие матросы в этой ситуации были не готовы идти навстречу «почетной смерти под развевающимся флагом».

Чем же было вызвано это роковое решение морского командования — попыткой добиться перелома в войне, стремлением поддержать военными действиями идущие переговоры или же сознательным желанием «почетной смерти»?¹ Думается, что мотивы командования были многогранны: вероятно, оно не планировало «самоубийство» в прямом смысле слова. Однако матросы, основываясь и на разговорах, и на общих настроениях, царивших на базе и зафиксированных в том числе и письменно, интерпретировали приказ однозначно, отказавшись быть жертвами губительного честолюбия офицеров². Командующий флотом адмирал Ф. фон Хиппер попытался, ввиду начавшихся волнений, отменить приказ о наступлении, но было уже поздно: матросы были вынуждены идти до конца, поскольку выбирать приходилось только между «старым порядком» (что означало трибунал и расстрел за мятеж на военном корабле в военное время) и борьбой за ликвидацию «старого порядка». Иными словами, матросов почти принудили просто бороться за выживание, что в итоге стало катализатором всегерманской революции³.

Из Килия, после того как стало очевидным, что попытки подавления революции фронтowymi частями обречены на провал, волна революционных волнений покатила по всей стране, и в течение недели неожиданно для всего мира и самой Германии развалилась не только империя, но и вековая политическая

¹ «Почетная смерть» и «губительный менталитет» — важнейшие понятия, характеризующие образ мышления правящей дворянской верхушки Австро-Венгрии и Германии, во многом — офицерского корпуса, особенно морских офицеров (в среде которых было традицией предпочитать смерть — затопление корабля и команды — капитуляции). Предвосхищение грядущей неминуемой назревающей гибели империи и всего привычного миропорядка сочеталось с желанием устроить этому миру «пышные похороны», уйти, «громко хлопнув дверью», — в том числе и этим объясняется та настойчивость, с которой австрийский и немецкий генералитет еще в 1914 г. двигался к мировой войне. В конце Первой мировой войны, в преддверии неминуемого поражения, давняя морская традиция пережила настоящий ренессанс; этаблировалось даже новое понятие — *Todesfahrt*: самоубийственный выход навстречу врагу при заведомом отсутствии шансов на успех.

² Командир линкора «Тюрингия» говорил о необходимости «уйти на дно под развевающимся флагом», другие офицеры — о том, что нужно предпочесть «гибель с честью» «позорной капитуляции». Цит. по: *Afflerbach H.* «Mit wehender Fahne untergehen». S. 606. Следует учесть, что в данном контексте «гибель» и «затопление корабля» в немецком языке — одно слово.

³ Тот факт, что матросы поначалу не думали ни о какой революции, подтверждают записи историка — современника событий: «Требования восставших матросов были вполне аполитичными. Из 13 пунктов, выдвинутых солдатским советом первой эскадры, дальше всех шел один, который требовал освободить арестованных матросов “Тюрингии” и “Гельголанд”, а также матросов, осужденных в 1917 г. Также требовали освободить от ответственности участников нынешних волнений: в их личное дело “не должны вноситься никакие негативные записи”! То есть революционеры не хотят, чтобы им в личное дело записали революцию» (*Rosenberg A.* Op. cit. S. 235). «Неисторично», но обоснованно Розенберг подводит итог: «Не НСДПГ (независимые социал-демократы, левое радикальное крыло СДПГ, отколовшееся от социал-демократов и впоследствии ставшее основой компартии. — К.Ц.), а адмирал Шеер (глава штаба морского командования. — К.Ц.) создал революционный котел, взорвавшийся в ноябре 1918 г.» (*Ibid.* S. 168).

Ф. Эберт

система отдельных монархий, княжеств и герцогств — причем практически без малейшего сопротивления — «удивительно бесшумно»¹.

Вильгельм II отказывался отречься даже и после восстания матросов в Киле. В итоге 9 ноября Макс Баденский по собственной инициативе опубликовал прокламацию об отречении кайзера и его наследника и передал власть в руки нового канцлера — лидера СДПГ Фридриха Эберта. Многократно описано последовавшее спонтанное провозглашение «немецкой республики» Ф. Шейдеманом, благодаря чему он обуздал революционную энергию масс и перехватил инициативу у лидера левых Карла Либкнехта, чуть позже провозгласившего «социалистическую республику». Тем самым социал-демократы стали «революционерами не по своей воле»

и лишь в последнюю минуту возглавили уже идущую революцию, а впоследствии — республику, что, однако, не умаляет объективной необходимости и широкой поддержки в массах коренных государственных преобразований. Особенностью германской революции было то, что основная борьба разгорелась не между правыми и левыми силами, как обычно случается в революциях, а между умеренными левыми и крайне левыми, ориентировавшимися на российский большевизм.

При этом следует еще раз отметить: влияние мировой войны на германскую революцию заключалось не только в том, что она стала ее непосредственным катализатором. Уже для современников было очевидно, что именно благодаря войне в Германии окончательно назрела необходимость кардинальных общественно-политических перемен. В начале заседаний Национального собрания в феврале 1919 г. один из вождей революции — Ф. Шейдеман, легитимируя роль социал-демократии в недавних событиях и одновременно создавая новую картину истории Германии, заявлял: «Наше поражение [в войне. — К.Ц.] было предопределено». Поэтому возникла потребность передать ответственность за дальнейшее развитие страны той политической силе, которая «издавна выступала за демократический принцип. Ни у последней битвы старого режима, ни у нас не было выбора. Это была неизбежная историческая необходимость»².

Успех восстания в Киле, провозглашение, независимо от событий на севере, Баварской республики, переворот в Берлине, молниеносный развал Герма-

¹ Machtan L. Die erstaunlich lautlose Untergang von Monarchie und Bundesfürstentümern — ein Erklärungsangebot // Die vergessene Revolution von 1918/19 / Hrsg. von A. Gallus. Göttingen, 2010. S. 39–56.

² Цит. по: Grulich R. Geschichtspolitik im Zeichen des Zusammenbruchs. Tübingen, 2012. S. 59.

К. Цеткин, К. Либкнехт, Р. Люксембург

нии не означали, однако, коренной общественно-политической трансформации. Верхние слои общества, в частности генералитет и буржуазия, считали необходимым пожертвовать символами прежнего режима — кайзером и местными правящими династиями, чтобы сохранить прежнюю суть государства. Спонтанно возникавшие, в основном на фабриках и в гарнизонах крупных городов, рабочие и солдатские советы, формировавшиеся и действовавшие по российскому образцу, в первый период революции, казалось, взяли власть в свои руки. 10 ноября представители советов сформировали временное правительство — Совет народных уполномоченных. Как и в России полтора года ранее, система местных советов создавала на первых порах видимость двоевластия, но именно видимость, поскольку основная часть чиновников продолжала исправно исполнять свои функции в рамках старого госаппарата.

Существует немало свидетельств того, что ведущие социал-демократы «не хотели революции» или же считали ее излишней¹, поскольку к ноябрю 1918 г. «основные пункты их внутривнутриполитической программы» уже были выполнены или начали выполняться. Однако несомненно, что идея революции и республики, серьезных политических, экономических, социальных изменений разделялась не только основной массой социал-демократов, но и буквально всеми активными политическими силами и имела полную поддержку населения, не говоря уже о наличии левого политического крыла — независимых социал-демократов (НСДПГ) и «Союза Спартака», позднее Компартии, требовавших еще более радикальных изменений; не может быть и речи об отсутствии массовой поддержки Веймарской республики и о ее изначальной обреченности.

Тем не менее буквально на следующий день после отречения кайзера и провозглашения республики начинает формироваться фронт сопротивления дальнейшей радикализации политического процесса — направленный пре-

¹ См., например: *Noske G. Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach a. M., 1947. S. 75.*

жде всего против системы советов и крайне левых спартаковцев. Уже 10 ноября был заключен так называемый пакт Грёнера–Эберта: начальник генштаба генерал В. Грёнер заверил канцлера в лояльности армейского руководства новому правительству; в свою очередь, Эберт гарантировал неприкосновенность командных функций офицерского корпуса и обещал бороться с левым радикализмом. Подобный договор был заключен и в экономико-социальной сфере: 15 ноября председатель Генеральной комиссии профсоюзов Германии Карл Легин и другие профсоюзные лидеры подписали соглашение с представителями крупнейших предпринимателей Х. Стиннесом и К.Ф. Сименсом, по которому профсоюзы обязались прекратить неорганизованные забастовки, не тормозить производство и не допускать экспроприаций частной собственности; в качестве ответного шага был введен 8-часовой рабочий день, профсоюзы признаны единственными полномочными представителями рабочего класса на производстве, предприниматели признали коллективные тарифные договоры и введение рабочих в заводские советы.

В ноябре 1918 г. важным фактором, влиявшим (хотя и косвенным образом) на развитие германской революции, были события в революционной России. С точки зрения большинства немецких социал-демократов, в России именно большевики, ликвидировавшие институт парламента, ввергли страну в кровавую гражданскую войну. Избежать подобного развития событий, сохранить парламентскую демократию, всеми средствами не допустить крайне левых к власти и предоставить решать дальнейшую судьбу страны Национальному собранию — стало важнейшей задачей СДПГ. На это было нацелено включение представителей НСДПГ в Совет народных уполномоченных и в созданный одновременно с ним Исполнительный комитет германских советов. Благодаря этой инициативе руководства СДПГ удалось существенно уменьшить «дестабилизирующий» потенциал радикального крыла.

С точки зрения большинства социал-демократов, к 10 ноября революция фактически победила, достигнув своих основных целей: кайзер бежал и отрекся, республика провозглашена, Эберт отказался от «кайзеровского» титула канцлера, оставшись лишь членом СНУ, который превратился в новое правительство Германии, тотчас же признанное Верховным главнокомандованием, госаппаратом и чиновниками. Демобилизация, переговоры с союзниками, решение текущих вопросов, включая продовольственный, — в этих основных сферах государственной жизни быстро налаживается сотрудничество старых элит с новым руководством. Большинство советов также конструктивно сотрудничали с ним в рамках новой системы, состоящей из советов, партийных структур, профсоюзов и прежнего чиновничества.

Даже Комиссия по социализации некоторых отраслей промышленности, созданная в ноябре 1918 г., во главе с К. Каутским и известным экономистом, также умеренно марксистских взглядов, Р. Гильфердингом, видела своей целью не радикальную национализацию экономики, а обсуждения планов «постепенной социализации» — чтобы кардинальными мерами не разрушить производство, тем более в момент демобилизации и реконверсии.

Для понимания дальнейших перспектив развития внутривнутриполитической ситуации в Германии важна констатация того факта, что основная часть населения страны стремилась, на наш взгляд, не столько к углублению революции, сколько к реформам, причем сравнительно умеренным. Это можно объяснить тем, что из-за катастрофических финансовых потерь люди стремились сохранить оставшееся и не подвергать свое материальное положение рискованным политическим экспериментам¹. Даже левые политические силы — СДПГ и НСДПГ (правда, без участия радикально настроенных спартаковцев), сформировавшие советы рабочих и солдатских депутатов, по сути, добровольно отказались от взятия власти, высказавшись в пользу созыва Национального собрания.

Больше того, хотелось бы подчеркнуть, что в Германии во многом именно советы содействовали формированию многопартийной демократии. На начальном этапе революции советы не являли собой единой организации с четкой идеологией; наряду с общими целями они концентрировались в своей работе на местных задачах, во многом — по поддержанию порядка и спокойствия, и рассматривали себя как временные организации. Вопрос о власти и форме будущего государства должно было решить демократически избранное Национальное собрание — эту идею поддерживало подавляющее большинство советов. И именно Всегерманский съезд Советов, состоявшийся 16–20 декабря в Берлине, дал мощный внутривнутриполитический импульс для широкого общественного консенсуса по этому вопросу.

Из 486 делегатов съезда большинство (288) представляли СДПГ, НСДПГ получила всего 88 мест, а «Союз Спартака» — только 10. Это неудивительно, ибо в ноябре 1918 г. численность «Союза Спартака» достигала всего нескольких сот человек.

Съезд санкционировал сосредоточение всей власти в руках СНУ и своей резолюцией назначил выборы в Национальное собрание на январь 1919 г. Добровольный отказ советов от власти и решительное высказывание в пользу парламентской демократии во многом определили политический климат Веймарской республики². При том, что в целом кайзеровский государствен-

¹ Соответствующие настроения передают записи Эрнста Трёлча — теолога, философа, либерального политика, одного из основателей Народного союза за свободу и отечество, созданного в 1917 г. в противовес националистической Немецкой отечественной партии: «После жуткой ночи картина стала ясной из утренних газет: кайзер в Голландии, революция победила в большинстве центров, князья отрекаются от своих престолов. Ни один человек не погиб за кайзера и отечество! Чиновничество перешло на службу новому правительству! Гарантируется сохранение всех обязательств — и никакого штурма банков! Воскресенье, 10 ноября, был замечательный осенний день. Бюргеры, как обычно, толпами гуляют в Грюневальде. Никаких элегантных туалетов, сплошь бюргеры, иные явно специально оделись просто. Все несколько пришибленные, как люди, чья судьба решается где-то далеко, но все же успокоившиеся и умиротворенные тем, что все так хорошо закончилось. <...> На всех лицах написано: зарплату будут платить и дальше» (Цит. по: *Christian Graf von Krockow*. Op. cit. S. 123. Ср. также: *Kluge U. Die Weimarer Republik*. S. 41.)

² Эберт и Грёнер планировали разгон съезда Советов еще до его первого заседания и арест депутатов; план сорвался из-за отсутствия готовых участвовать в этом воинских частей. Тем показательнее, что результаты заседаний полностью отвечали чаяниям правых социал-демократов, и съезд, которого так опасался Эберт, оказался куда более умеренным, чем можно было ожидать.

ный аппарат, армия, экономика, местное самоуправление остались практически нетронутыми¹, данные действия советов решили основной вопрос любой революции, вопрос о власти, в пользу буржуазии².

Выборы в Национальное собрание, состоявшиеся 19 января 1919 г., принесли безоговорочную победу умеренным левым, леволиберальным силам, составившим позднее так называемую Веймарскую коалицию (СДПГ, Центр, Немецкая демократическая партия), имевшую конституционное большинство (329 мандатов из 421). Однако уже на первых выборах в рейхстаг 6 июня 1920 г. коалиция потеряла почти половину голосов избирателей и мандатов, крупнейшая партия — СДПГ — была вынуждена перейти в оппозицию, в то время как радикально настроенные левые и правые почти вдвое увеличили свое представительство. В дальнейшем эта тенденция сохранилась. Тем не менее республика оставалась высшей ценностью, вокруг которой готовы были сплотиться самые различные слои населения и политические силы. Так, например, после убийства министра иностранных дел Вальтера Ратенау (непопулярного и среди правых, и среди крайне левых), совершенного правой террористической организацией «Консул», по всей стране прокатилась мощная волна манифестаций, превратившаяся в грандиозную демонстрацию прореспубликанской солидарности. Профсоюзы объявили всеобщую стачку во всей стране. Гигантские колонны демонстрантов, каких еще не видела Германия, шли в полном порядке под республиканскими знаменами по всем немецким городам. При этом в демонстрациях участвовали не только рабочие, но и буржуа, либералы, католики, социал-демократы вместе с коммунистами. В тот же день правительство приняло постановление в защиту республики, которое уже через три дня прошло рейхстаг и стало законом.

Безусловно, определенные успехи веймарской политики были налицо. Национальное собрание и первые социал-демократические правительства предотвратили реально грозившую стране гражданскую войну и распад государства³. Веймарская республика впервые ввела в Германии широкие полити-

¹ Спустя полгода после революции из 470 прусских сельских округов только одним управлял социал-демократ, остальные ландраты занимали свои посты еще со времен империи.

² См.: Judick G. Der Platz der Novemberrevolution 1918/19 in der deutschen Geschichte // 75 Jahre deutsche Novemberrevolution. Bonn, 1994. (Schriftenreihe der Marx-Engels-Stiftung, 21). S. 11.

³ Ср., например, описание М. Эрцбергером (председателем Партии Центра и главой комиссии по перемирию) возможных последствий отклонения Германией условий мирного договора в меморандуме, подготовленном для заседания совета министров в начале июня 1919 г.: «Союзники снова начнут военные действия, части Германии, особенно Гурская область, будут захвачены, блокада, на данный момент отмененная, возобновится. Во внутренней политике стране грозит массовый голод и приход к власти большевизма, который почувствует, что его час настал. Органы государственной власти потеряют свой авторитет, население радикализуется налево и направо. Возникает угроза гражданской войны. Для Германии в целом это означает распад германского государства. Отдельные германские земли не смогут противостоять давлению союзников и настойчивым предложениям заключить с ними мир. Если уже и сейчас в Баварии, в Рейнской области, на востоке наблюдаются подобные тенденции, то с тем большей уверенностью можно этого ожидать, если полный распад Германии станет реальностью» (цит. по: Ribhegge W. Die Weimarer Nationalversammlung 1919 als Ort der Erinnerung // Weimar und die Republik: Geburtsstunde eines demokratischen Deutschlands / Hrsg. von M. Schultheiß u. J. Roßberg. Weimar, 2009. S. 61).

ческие и социальные права — 8-часовой рабочий день, всеобщее, в том числе для женщин, избирательное право; была провозглашена свобода слова, печати, собраний, отменена цензура и осадное положение. Германия в середине 1920-х гг. вернулась в европейскую «семью наций».

С другой стороны, несмотря на то, что символы и основные структуры «старого порядка» были упразднены, их влияние на массовое сознание продолжало сказываться, подчас заметно. Хотя мировая война и была проиграна, но армия осталась в ореоле «непобежденности». Германские вооруженные силы по-прежнему находились в руках прежнего, имперского по своему происхождению командования. Не случайно именно эта общественная, а затем и политическая сила стала основным инструментом реакции в борьбе с революцией, а впоследствии — самостоятельным политическим игроком, сдвигавшим республику все дальше вправо.

Рубежным моментом в развитии революции и становлении новой политической системы Германии стали восстание «спартакистов» в Берлине в январе 1919 г. и разгром Баварской и Бременской советских республик. После этого окончательно распадается единство германской социал-демократии. Неудивительно, что демократическая республика, получившая в ноябре 1918 г. практически всеобщую поддержку, начинает постепенно терять сторонников, а прежние (кайзеровские по своей сути) государственные, административные, социально-экономические структуры дальше почти не меняются. И в результате «в немецкой историографии до сих пор обсуждается вопрос — а была ли в 1918 г. в Германии революция?»¹

Последний тезис обоснованно отвергнут современной наукой². О поражении революции нельзя говорить — если не иметь в виду задачу установления в стране социалистических порядков. Но об этом, по сути дела, речь и не шла, поскольку лишь незначительная часть восставших рабочих и солдат стремилась к созданию социалистической республики советского типа. Основная же цель революции — ликвидация монархии и утверждение республиканской формы правления — была достигнута. Поэтому импульса для дальнейшего развития революции и обострения революционной борьбы попросту не было: несмотря на тяжелейшие последствия войны, большая часть населения была нацелена на модернизацию существовавших общественных отношений, а не на их ликвидацию.

Другое дело, что ни одна из сил, свершивших революцию, не имела четкого представления о том, что делать дальше. Строительство новой политической системы в такой ситуации неизбежно превратилось в сплошную «импровизацию».

Принятая Национальным собранием 31 июля 1919 г. конституция являла собой продукт межпартийного компромисса. Невозможность предвидеть дальнейший вектор политического развития и уверенность ее создателей в

¹ Патрушев А.И. Германия в XX веке. М., 2004.

² См., например: Mommsen H. Ist die Weimarer Republik an Fehlkonstruktionen der Reichsverfassung gescheitert? Chancen und Scheitern der ersten deutschen Republik // Weimar und die Republik: Geburtsstunde... S. 105–121.

массовой поддержке парламентской демократии вылились в компромиссный характер созданной системы государственной власти, сочетающей в себе элементы президентской, парламентской и прямой демократической (механизм всенародных плебисцитов) республики. Широкие полномочия президента, включая возможность роспуска парламента и его прямое правление в случае «опасности для правопорядка», задумывались, разумеется, как дополнительная опора для республиканской демократии — исходя из актуального опыта военных путчей и восстаний радикальных политических сил. В 1919 г. предвидеть обратную опасность, заложенную в этом механизме и проявившуюся позднее, не смог никто. В начальный же период становления Веймарской Германии в качестве основы для всего политического процесса большинству политиков виделся широкий общественный консенсус в выборе принципиального вектора развития страны: реформы вместо дальнейшего углубления революции. Эта тенденция наглядно проявилась в добровольном самороспуске советов, передаче ими всей власти в руки Национального собрания и низкой поддержке январских восстаний, как радикально-левых, так и ультраправых.

§ 4. Итоги партийно-политической перегруппировки в странах Запада: есть ли будущее у европейской цивилизации?

11 ноября 1918 г. в Компьене было подписано перемирие, в соответствии с которым немецкие войска прекратили сопротивление и сложили оружие. Первая мировая война закончилась. Однако даже в Соединенных Штатах, находившихся за тысячи миль от районов боевых действий, нормальная жизнь наладилась далеко не сразу. Что же говорить о тех странах, чья территория стала ареной четырехлетних кровопролитных сражений? Восстановлению нормального ритма жизни препятствовали не только огромные разрушения и людские потери. Перед обществом и государством сразу же встал комплекс сложнейших социально-экономических проблем, связанных с переводом военной экономики на мирные рельсы. От уровня решения этой не имевшей исторических аналогов проблемы напрямую зависело качество жизни мирной, послевоенной Европы.

В повестке дня сразу оказался чрезвычайно болезненный вопрос о том, ради чего жители этого континента 4 года терпели нужду и лишения. Он обострялся в силу того, что в России прозвучала жесткая и опасная для всех власть имущих декларация: война велась ради интересов кучки финансовых магнатов, которые подчинили своим корыстным интересам всю внешнюю и внутреннюю политику ведущих мировых держав. Вот ради удовлетворения их узкогрупповых интересов и шла четыре года невиданная по своим масштабам война, принесшая олигархам гигантские прибыли, а простым людям — огромные лишения, — утверждали лидеры крайне левого крыла российских социал-демократов, взявшие в октябре 1917 г. власть в самой крупной стране мира в свои руки и пытавшиеся воплотить там в жизнь те принципы, на которых они рассчитывали построить общество нового типа.

Конечно, положение самой молодой советской власти в 1918–1919 гг. было крайне тяжелым, и ее перспективы выглядели весьма проблематичными, но вопрос о путях и способах возвращения послевоенной Европы к нормальной жизни приобрел исключительную актуальность для будущего Старого Света. Все это серьезно осложняло для победителей выработку условий послевоенного урегулирования. А ведь от этого напрямую зависела перспектива столь необходимой всему западному обществу стабильности, вне которой немислимо было осуществить возвращение жизни стран Старого Света в нормальную колею. Было очевидно, что общество и государство не могут перманентно функционировать в режиме чрезвычайности и что если власть не способна обеспечить нормальную жизнь, то очень скоро неизбежно возникнет вопрос: а зачем тогда нужна такая власть?

Ответ на вопрос о том, как конкретно будет осуществляться процесс возвращения Западной Европы к мирной жизни, в решающей мере зависел от позиции ключевого элемента любой политической системы — государства. Однако, учитывая сложность, масштабность и разноплановость проблем, с которыми пришлось столкнуться на этом отрезке и победителям и, особенно, побежденным, становится очевидным, что, хотя этот институт и является ядром любой современной политической системы, его немалых потенциальных властных возможностей все же будет явно недостаточно для того, чтобы держать под контролем те сложнейшие процессы, которые сопровождали нелегкое возвращение европейского сообщества к мирной жизни. Правда, политические системы развитых стран Запада эпохи «индустриального общества» отличались от своих более ранних аналогов тем, что обладали еще целым рядом институтов, первое место в ряду которых, бесспорно, принадлежало политическим партиям¹. Именно они осуществляли устойчивую связь между собственно государственным аппаратом, как правило, не пользовавшимся симпатиями широких слоев общества, и основной массой рядовых граждан. Их деятельность позволяла преодолевать разрыв во взаимодействии государства и общества и одновременно в той или иной степени транслировать во властные структуры те «месседжи», которые общество хотело бы донести до власти. Благодаря подобному взаимодействию облик государства приобретал более демократичную окраску и последнее в какой-то мере страховалось от стагнации. По сути дела, партии создавали иллюзию того, что управление государством является не делом узкой касты правящего класса, определяющей приоритетные направления развития страны исходя из собственного видения ее интересов, а процессом, к которому так или иначе подключено все общество. Хотелось бы подчеркнуть, что в начинавшуюся эпоху «массовой политики» это имело

¹ Внутренняя анатомия политических систем ведущих стран Запада и характер взаимодействия их составных частей детально исследованы в трудах известного отечественного специалиста М.Н. Марченко. См., например: *Марченко М.Н.* Политическая организация современного буржуазного общества. М., 1981; *Он же.* Очерки теории политической системы современного буржуазного общества. М., 1985.

принципиальное значение для прочности и стабильности любого политического режима.

Хотя данная эпоха только начиналась, уже сам этот факт накладывал глубокий отпечаток на весь характер и динамику политического процесса в ведущих странах Запада и в России. Она диктовала принципиально новые правила игры для тех политиков, кто хотел рассчитывать на успех. Если раньше политическая элита могла решать все ключевые вопросы кулуарно, в «прокуренной комнате» (американский сленг), то война стала тем детонатором, который взорвал прежние представления о роли масс в политической жизни. Вернувшиеся с войны миллионы солдат, труженики тыла, прежде всего женщины, молодежь, особенно остро воспринимавшая любые проявления социальной несправедливости, — все они больше не желали выступать в качестве безгласных статистов, о которых сильные мира сего могут вытирать ноги. Градус социальной напряженности достиг критической отметки, и политическим элитам пришлось спешно изыскивать средства, способные убедить рядовых граждан в том, что они являются полноценными, полноправными и, главное, важными действующими лицами политического процесса, сопричастными к управлению страной.

Важнейшим инструментом решения этих задач стала демократизация норм политической жизни, прежде всего резкое расширение избирательного права, которое в большинстве развитых стран сделалось всеобщим. Начали входить в практику референдумы и первичные выборы, позволявшие рядовым избирателям оказывать большее влияние на органы государственной власти и руководство политических партий. Серьезные подвижки в это время происходят в сфере конституционного права, в которое постепенно инкорпорируются различные социальные сюжеты, объединяемые общей идеей социальной ответственности государства. На качественно новый уровень выходит влияние СМИ на все сегменты жизни общества, в том числе и на политику. СМИ превращаются в обоюдоострое оружие. С одной стороны, они позволяют политическим элитам активно манипулировать массовым сознанием, внедрять в него выгодные власти представления о ключевых проблемах развития общества, определять их иерархию, дискредитировать неудобные силы и идеи. Но, с другой стороны, в ряде случаев СМИ могут создавать и немалые трудности для властных структур. Так или иначе, без СМИ политический процесс в эпоху «массовой политики» просто невозможен. Они превращаются во влиятельную ветвь власти.

Эти кардинальные подвижки самым непосредственным образом сказались на характере перегруппировочных процессов, разворачивавшихся в то время в ведущих странах, включая даже находившиеся за тысячи миль от района боевых действий США. Проблема, однако, заключалась в том, что практически все партийные системы западных стран находились на разных фазах перестройки, вызванной экстраординарными условиями военных лет. Подчеркиваем, этот общий для основных участников войны процесс разворачивался в каждой стране в своем индивидуальном ритме, определяемом исходным состоянием пар-

тийной системы и сложностью тех проблем, с которыми пришлось столкнуться компонентам данной системы в ходе войны. Эта своеобразная аритмия, по сути, еще не исследовалась в научной литературе, и сейчас мы можем высказать лишь некоторые первичные соображения относительно того, как такая специфика перегруппировочного процесса сказалась на том политическом климате, который господствовал в Европе после окончания «Великой войны», и как это отразилось на эффективности политических систем Западной Европы.

Прежде всего, как нам представляется, подобная асинхронность в перестройке партийно-политических систем стран Запада вела к росту неравномерности их развития, процессу, начавшемуся практически одновременно с вступлением западной цивилизации в стадию «индустриального общества», следствием чего стало резкое обострение соперничества между основными «актерами» мировой политики за «влияние» в широком смысле этого слова¹. Наложившись на комплекс крайне неудачных решений, принятых в процессе послевоенного урегулирования, данное обстоятельство лишь еще больше накаляло и без того весьма тревожную атмосферу тогдашней Европы, накладывая на общую ситуацию печать неопределенности и нестабильности. Не случайно в это время модными были рассуждения о «закате европейской цивилизации» и о вступлении Европы в «эпоху войн и революций». На наш взгляд, очевидно, что несовершенство тогдашних партийно-политических систем ведущих стран Запада, порожденное незавершенностью их адаптации к новым реалиям, вносило солидную лепту в формирование подобного общественно-политического климата.

Во-вторых, незавершенность процесса перестройки партийных систем, выражавшаяся прежде всего в том, что оставался открытым вопрос о модусе взаимоотношений партий либерально-консервативного мейнстрима со своими социал-демократическими коллегами, ставила под сомнение прочность интеграции основной части партий левого фланга в рамки партийных систем: ведь их начавшееся сближение произошло в чрезвычайных условиях, когда правящим кругам была жизненно необходима консолидация всего общества вокруг властных структур. Ради достижения этой глобальной цели политические элиты готовы были согласиться на подключение ненадежных новичков к процессу государственного управления. Однако и либералов и консерваторов даже в той крайне тяжелой ситуации, в которой оказались все участники войны, очень беспокоило отношение представителей этого идейно-политического течения к «священной» для любого буржуазного политика проблеме собственности. И если в годы войны они готовы были мириться с «крамольными» идеями политиков левого толка, то с наступлением мира подобное желание начало таять. В такой обстановке вопрос о перспективах прочного подключения умеренных

¹ О данной тенденции писал еще В.И. Ленин в своей классической работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако исходя из этого он делал вывод о приближающемся крахе капиталистической формации, что не получило подтверждения в конкретной истории. Тем не менее сама эта особенность была четко подмечена уже тогда, хотя в дальнейшем и не освещалась должным образом в отечественной историографии.

представителей левого фланга политического спектра к работе государственного механизма выглядел отнюдь не праздным. Без его окончательного решения говорить о завершении партийной перегруппировки в странах Запада, на наш взгляд, не приходилось, ибо только так в эпоху «массовой политики» можно было рассчитывать на утверждение там социальной стабильности.

Неясным оставался и общий вектор развития собственно буржуазных партий. Дело в том, что в годы войны, в силу полной невозможности решать блок сложнейших социально-экономических проблем традиционными способами, руководство противоборствовавших держав вынуждено было прибегнуть к принципиально иным рецептам лечения болезней, одолевавших тогда социально-экономическую сферу всех участников конфликта. Они базировались на этатистских постулатах, согласно которым государство должно активно вмешиваться в социально-экономические процессы с тем, чтобы регулировать их с целью повышения эффективности экономики и укрепления социальной стабильности общества. Партии, точнее, их руководство, казалось бы, решительно перешло в это тяжелое время на этатистскую платформу. Однако мы не случайно подчеркиваем временный характер этого шага. Действительно, целесообразность подобной тактики решения социально-экономических проблем обосновывалась исключительно чрезвычайными условиями войны¹. В то, что она должна стать нормой жизнедеятельности буржуазного общества, ни либеральные, ни консервативные политики в большинстве своем не верили. Как только закончилась война, в политическом хоре, особенно в странах-победителях, все громче стали звучать голоса тех партийных и государственных деятелей, которые полагали, что время опасных экспериментов прошло и главная задача текущего момента заключается в возвращении к нормальному порядку вещей, в котором не будет места государственному регулированию социально-экономических отношений. Иными словами, они видели миссию власти в том, чтобы поставить прочный заслон на пути проникновения этатистских идей и, особенно, этатистской практики в политический процесс. Громче всего призывы о «возвращении к нормальным временам» звучали в США и Англии — странах, где частнособственнические отношения отличались наибольшей прочностью. Не случайно 1919–1920 годы были заполнены острейшей партийно-политической борьбой, итоги которой и должны были показать, насколько глубоко политическая элита западных стран усвоила этатистские принципы решения социально-экономических проблем.

Значимость исхода этих споров для будущего западной цивилизации возрастала в силу того, что в политическую жизнь послевоенной Европы ворвались новые силы, отвергавшие либерально-консервативные программно-целевые установки и предлагавшие свои версии магистральных направлений развития европейской цивилизации. Речь идет о быстро набиравших популярность

¹ Видный советский исследователь генезиса процесса огосударствления Н.В. Сивачёв отмечал, что в то время «процессы огосударствления только зарождались». См.: Сивачёв Н.В. О некоторых проблемах государственно-монополистического капитализма // Новая и новейшая история. 1980. № 3. С. 88.

и, соответственно, политический вес лево- и праворадикальных сил. Важно подчеркнуть, что, во-первых, в первые послевоенные годы эти силы находились вне существовавших политических систем, являли собой яркий образец внесистемной оппозиции; во-вторых, они смогли сформулировать собственный вариант общественного развития, многим казавшийся привлекательным и альтернативный заметно дискредитированному в годы войны либерально-консервативному пониманию сущности этого процесса. Все надежды на лучшее будущее и лево-, и праворадикальные силы связывали с обновленным по их рецептам государством, которому отводилась активная роль в решении социально-экономических проблем. Нейтрализовать их влияние можно было лишь за счет перехвата у них части их идейного багажа. Правда, этот вариант опять-таки наталкивался на проблемы, связанные с отношением к роли государства в жизни общества.

Однако «старая гвардия» как либералов, так и консерваторов буквально грезила о возвращении к «нормальным временам», в которых не было места каким-либо проявлениям этатизма. Эти люди отказывались понимать, что «Великая война» вызвала необратимые изменения в буржуазном обществе. Эпоха свободной конкуренции, в которой государство действительно могло избегать вмешательства в сферу социально-экономических отношений, ограничиваясь ролью беспристрастного наблюдателя за действием «естественных законов свободного рынка», прошла. Появление гигантских корпораций серьезно деформировало ту социально-экономическую инфраструктуру, на которой зиждилась вся западная цивилизация. Собственно говоря, смысл начавшейся в годы войны партийной перегруппировки заключался не только в том, чтобы обеспечить оптимальные условия для функционирования военной экономики, но и в том, чтобы (и это, вероятно, в исторической ретроспективе главное) адаптировать политические системы ведущих мировых держав к неизбежно усложнявшемуся социально-экономическому контексту «индустриального общества»¹. Парадоксальным образом значительная часть политической элиты, призванная формулировать ту повестку, которая определяет магистральные направления развития страны, на этот раз превратилась чуть ли не в главный тормоз на пути завершения трансформации политических систем, приведения их в соответствие с реалиями «индустриального общества». Пока сохранялось такое положение дел, говорить о завершении перестройки партийно-политических систем ведущих западных держав, на наш взгляд, не приходилось.

Отсюда возникает множество вопросов. В данном разделе мы попытаемся ответить лишь на вопрос о том, как данное обстоятельство сказалось на общей динамике перехода Европы к мирной жизни и почему даже либеральные партии, обычно весьма восприимчивые к требованиям перемен, на сей раз не стали лидером в процессе адаптации политических систем западноевропейских стран к послевоенным реалиям. Ответ на первую часть этого вопроса, на наш

¹О сущности и механизме процесса адаптации политических систем к меняющемуся социуму см.: Манькин А.С. Механизм адаптации политической системы: соотношение правовых, политических и социальных моментов // Политология / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1997.

взгляд, достаточно очевиден. Лозунг «возвращения к нормальным временам», возобладавший в политической жизни подавляющего большинства стран Запада и означавший отказ от того уровня усвоения этатистских принципов организации социально-экономической сферы, который обеспечил странам Антанты победу в войне, вызвал серьезные проблемы в осуществлении реконверсии, т.е. перевода экономики на мирные рельсы, что повлекло за собой пусть временные, но достаточно болезненные перебои в функционировании экономики, а это, в свою очередь, негативно сказывалось на уровне социальной напряженности в большинстве европейских государств. Не случайно за первыми послевоенными годами и в отечественной, и в зарубежной науке прочно закрепился ярлык «кризисных»¹. Объективные показатели социально-экономического развития стран Европы на данном отрезке убедительно свидетельствуют о явно неблагоприятном положении дел в этой сфере.

Конечно, вряд ли правомерно объяснять все коллизии, охватившие тогда Европу, только отказом политических элит использовать этатистские рецепты при решении проблем реконверсии. Свою роль здесь сыграл целый комплекс разноплановых причин, но метания руководства ведущих европейских государств, безусловно, вносили свою лепту в ту атмосферу неопределенности, которая тогда буквально окутала Старый Свет и породила идеи, родственные тем, что прозвучали в знаковой книге О. Шпенглера². Ясно, что неуверенность, неопределенность в вопросе выбора парадигмы, которая будет определять магистральные направления развития европейской цивилизации, заметно осложняла и запутывала всю картину послевоенного урегулирования.

Другое дело, что в конечном счете европейские политики хоть и не без труда, но все же сумели справиться и с проблемами реконверсии, и с мощным натиском левых сил, и с налаживанием мирной жизни в целом. Почему же не оправдались многочисленные прогнозы, предвещавшие мрачные перспективы для Старого Света? Причин здесь много, но прежде всего сказалась очевидная, с позиций сегодняшних реалий, недооценка прочности частнособственниче-

¹В таком ключе оценивают этот короткий, но важный период такие известные отечественные ученые, как, например, Н.В. Сивачёв, Я.С. Драбкин, Ю.И. Рубинский. Сходные положения можно встретить в трудах Бёрнера, Мюррея, Шеннона и др. Разница в подходах отечественных и зарубежных историков к оценке этих событий заключается в том, что первые рассматривают их как проявление общего кризиса капитализма, а вторые связывают их исключительно с издержками перехода западного общества к мирной жизни. Подробнее см.: *Драбкин Я.С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1997; *Рубинский Ю.И.* Тревожные годы Франции: Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919–1939). М., 1973; *Сивачёв Н.В.* США: государство и рабочий класс. М., 1982; *Burner D.* The Politics of Provincialism: The Democratic Party in Transition. 1918–1932. N.Y., 1968; *Leuchtenburg W.* The Perils of Prosperity: 1914–1932. Chicago, 1958; *Murray R.* The Politics of Normality: Governmental Theory and Practice in the Harding–Coolidge Era. N.Y., 1973.

²Конечно, далеко не все готовы были принять тезис Шпенглера о том, что западноевропейско-американская культура «находится в процессе завершения» (*Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993. С. 128), но сам факт появления работы, где таким образом оценивались перспективы цивилизационной общности, еще недавно считавшейся эталоном прогресса, свидетельствовал о глубоком шоке, который переживала интеллектуальная элита Европы в годы «Великой войны».

ских отношений в Европе, возможностей западного общества развиваться в этих рамках. Вероятно, та в целом оправданная критика буржуазных отношений, которая была так характерна для идейной жизни послевоенной Европы, несколько искажала реальную ситуацию, деформировала оценки перспектив нерегулируемой рыночной экономики, что неизбежно вело к гипертрофированию масштабов кризиса, охватившего европейский мир.

Сегодня большинство исследователей склонны считать, что первопричину тех неурядиц, с которыми столкнулась Европа в первые послевоенные годы, следует искать не столько в системном кризисе буржуазного общества, сколько в неготовности властей решать не имевшие аналогов в истории проблемы реконверсии¹. На наш взгляд, в подобных оценках содержится немало рациональных моментов. Реконверсия огромного народного хозяйства — действительно архисложная задача, и пускать ее на самотек, как это сделала большая часть стран — участников войны (исключение составила Англия, где заранее пытались спрогнозировать основные направления перевода экономики на мирные рельсы и, главное, создать конкретные механизмы для решения этих задач), для государства значило априори обречь себя на крупные неприятности. Конечно, эта простая истина очевидна лишь сегодня. Тогда же большинство политиков явно недооценило ту угрозу, которая исходила для них от данной проблемы. Опять-таки сегодня очевидно, что решать вопросы, связанные с реконверсией, без активного вмешательства государства в эти процессы невозможно. Это убедительно доказал опыт Второй мировой войны. Однако сегодняшняя аксиома в 1918–1920 гг. отнюдь не выглядела таковой.

Сценарий перевода экономики на мирные рельсы под эгидой государства означал неизбежное укрепление позиций приверженцев этатистской парадигмы управления социально-экономическими процессами. Такая перспектива и раньше не устраивала сторонников традиционного подхода к решению социально-экономических вопросов, а после того, как в России победила социалистическая революция и новые власти кардинально пересмотрели все прежние концепции, касающиеся роли государства в социально-экономической сфере, предельно расширив его функции и поставив в практическую плоскость вопрос о национализации крупной собственности, этатизм в глазах многих буржуазных политиков стал отождествляться с социалистическими идеями и, следовательно, выглядел абсолютно неприемлемым. Конечно, отнюдь не все представители политической элиты западных стран, прежде всего из ее либерального сегмента, занимали столь примитивную, с сегодняшней точки зрения, позицию, но подобные настроения на этом историческом отрезке преобладали². Результаты выборов, прошедших во всех ведущих странах Запада в 1919–1922 гг., закрепили победу этих сил.

¹ В таком ракурсе трактуют эти сюжеты, например, авторы одного из фундаментальных исследований по истории мировой экономики, см.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б. Полякова, А.Н. Марковой. М., 1999.

² Этот тезис хорошо прослеживается на примере Демократической партии США. В классическом труде Д. Бёрнера «Политика провинциализма: Демократическая партия на

Возникает вопрос: почему же последователи этатистских принципов, в целом успешно использованных в ходе войны для мобилизации военной экономики, в мирное время не сумели сохранить свои позиции? Речь идет в первую очередь о либералах, которые традиционно отличались большей восприимчивостью к веяниям времени, способностью усваивать и перехватывать у оппонентов популярные в обществе идеи, наконец, воплощать их в жизнь в приемлемом для правящих кругов виде. Однако на сей раз они не сумели взять на себя роль локомотива, продвигающего в практику партийно-политической жизни новые методы осуществления управления социально-экономическими процессами. И дело здесь не в том, что либерализм исчерпал свои возможности в деле выработки новых рецептов, позволяющих совершенствовать общественные отношения. Хотя, по-видимому, любая идеология имеет в этом плане свои пределы, но вся последующая история убедительно продемонстрировала, что по крайней мере в XX в. либерализм оставался достаточно эффективной идеологией. В чем же тогда дело применительно к интересующему нас историческому отрезку?

Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен. Вероятно, свою роль в том, что в сложнейших условиях послевоенного урегулирования либерализм не сумел предложить западному обществу конструктивную программу адаптации европейских стран к новым реалиям, сыграли сразу несколько факторов. Прежде всего, необходимо учитывать, что практически ни одной развитой стране еще не приходилось сталкиваться с подобными проблемами, а любая идеология черпает резервы для обновления в первую очередь из того социума, в рамках которого развивается. Опыт государственного регулирования социально-экономических отношений в годы войны, по мнению большинства представителей политических элит западноевропейских стран, был неприемлем для мирной жизни, ибо он соответствовал экстраординарной ситуации, а задача власти как раз и состояла в том, чтобы вернуть жизнь общества в нормальную колею, где действуют естественные, а не чрезвычайные законы.

Настороженность правящих кругов по отношению к этатистским подходам к решению социально-экономических проблем резко возросла именно в 1919 г. в силу того, что для этих сил был абсолютно неприемлем сценарий, по которому пыталась осуществить переустройство российского общества советская власть. Именно в это время она взяла на вооружение так называемую политику военного коммунизма, при которой практически не оставалось места для легальных товарно-денежных отношений, а вся хозяйственная жизнь предельно жестко регламентировалась государством¹. Уже в конце 1920 г. от

перепутье» показано, как проходил непростой откат этой партии с занимаемых ею в годы войны позиций в социально-экономической сфере (см.: *Burner D. The Politics of Provincialism*). Эта схема, с определенными оговорками, может быть использована и в других случаях.

¹В советской историографии безоговорочно утверждалось, что политика военного коммунизма была вынужденной мерой, порожденной реалиями Гражданской войны, и, несмотря на вынужденный характер, сыграла позитивную роль в том, что победа в Гражданской войне осталась за большевиками, ибо подобная практика позволила максимально мобилизовать скудные экономические ресурсы вокруг революционного

этой практики пришлось отказаться, но она давала противникам огосударственного решения социально-экономических проблем массу поводов для критики любых форм государственного вмешательства в эту сферу.

Свою роль в отторжении принципов этатизма как инструмента управления социально-экономическими процессами сыграли социально-экономические последствия войны. До сих пор мы делали акцент на то, что она несла огромные материальные потери, лишения и резкое падение уровня жизни. Все это, безусловно, так. Однако имелись и другие последствия войны. Они заключались в том, что, по крайней мере в странах-победительницах, большой бизнес получил весьма солидные дивиденды от военных контрактов. Особенно большими доходами обернулась война для американских корпораций, которые, как известно, получили за эти годы в общей сложности 33,5 млрд долл. чистой прибыли. Не говоря об экономических последствиях такого развития событий, они имели и очень значительный социальный резонанс. Вполне успешные для большого бизнеса стран-победительниц экономические итоги войны способствовали укреплению в менталитете бизнес-элиты стереотипов о своем всемогуществе.

Хорошо оплачиваемые публицисты, журналисты, аналитики взалбли убеждали общественное мнение своих стран в безграничных возможностях «капитанов индустрии» самостоятельно и, главное, успешно решать весь комплекс социально-экономических проблем послевоенного мира. Для иллюстрации этого тезиса приведем лишь один пример. Достаточно популярный в то время в Америке публицист и социолог Д. Мур опубликовал в 1919 г. эссе «Американский бизнес на мировых рынках», в котором вполне серьезно утверждал, что человечество могло бы прекрасно обойтись без наследия Фидия, Сократа и других выдающихся представителей культуры прошлого. «Но где бы был мир сегодня без высокого духовного мужества, предприимчивости и усердия промышленников и банкиров наших дней?»¹ — провозглашал Мур. Он не сомневался, что будущее принадлежит «капитанам индустрии» — и только им. Неудивительно, что подобная апология большого бизнеса быстро переключалась в риторику политических деятелей, отстаивавших интересы этих сил в политической жизни стран западного сообщества. Особенно усердствовали в этом плане английские консерваторы и Республиканская партия США. В предвыборной платформе последней чуть позднее было прямо зафиксировано: «Республиканская партия, как всегда, решительно выступает против

ядра общества и, сформировав «железный кулак», сокрушить силы контрреволюции. В этих рассуждениях, вероятно, есть своя логика, но очевидно, что политика военного коммунизма влекла за собой огромные издержки (например, создавала серьезную напряженность в отношениях с крестьянством), что признавали и сами лидеры нового государства. Объективная, всесторонняя оценка этого этапа социально-экономической политики Советского государства — безусловно, дело будущего. Но одно обстоятельство, на наш взгляд, бесспорно: политика военного коммунизма позволяла зарубежным критикам советского эксперимента создавать его уродливо-карикатурный образ, а противники этатистских подходов получали в свои руки дополнительные козыри в полемике со своими внутривнутриполитическими оппонентами.

¹ Moore J. American Business in the World Market. N.Y., 1919. P. 13.

любых попыток правительственного вмешательства в дела бизнеса»¹. Понятно, что подобный взгляд на природу социально-экономических отношений, по сути, не оставлял места для государственного вмешательства в эту сферу. Лидеры делового мира были твердо убеждены, что они сами способны решить все проблемы, связанные с возвращением к мирной жизни.

Наконец, свою роль в том, что этатизм не сумел закрепиться на завоеванных в годы войны позициях, сыграли серьезные тактические ошибки, допущенные политическими лидерами этатистского лагеря в ходе острейшей партийно-политической борьбы, буквально захлестнувшей страны-победительницы сразу же после окончания войны. Речь идет о Вильсоне, Ллойд Джордже и Клемансо, которые в 1919 г. все свое внимание сконцентрировали на безусловно важных внешнеполитических сюжетах, связанных с формированием новой модели системы международных отношений, но при этом явно недооценили значение вопросов, связанных с переводом народного хозяйства на мирные рельсы. Конечно, в каждой из этих стран была своя специфика, свои особенности, характеризовавшие партийно-политическую борьбу на этапе возвращения к мирной жизни². Однако имелись и моменты, объединявшие политическую жизнь стран-победительниц. Во-первых, освободившись от жесткого давления военного фактора, политическая жизнь, вернувшаяся в привычное русло демократических норм, в этих странах буквально забила ключом. А поскольку ставки в этом соперничестве были весьма высоки — определялись магистральные направления развития страны на перспективу, — естественно, что накал борьбы практически везде резко превышал обычный уровень. Во-вторых, по существу все политические лидеры военной эпохи видели свою основную миссию в том, чтобы на дипломатическом уровне закрепить успех в войне, получить достойную долю в том пироге, который сразу после окончания войны начали делить победители. Отсюда — вполне объяснимое первостепенное внимание к внешнеполитическим сюжетам, совершенно нехарактерное для политических будней. И третье. Во всех этих государствах их руководство в большей или меньшей мере не представляло себе масштаба проблем, связанных с осуществлением перехода общества к мирной жизни, оказалось неподготовленным к решению комплекса этих вопросов. Это, в свою очередь, сказалось на состоянии партийных систем этих стран, серьезнейшим образом повлияло на темпы и характер завершающей стадии партийной перегруппировки, начавшейся в годы войны.

Конечно, несмотря на известное сходство процессов, развернувшихся в политической жизни стран-победительниц, тогда в каждой из них имелся собственный, присущий только этой стране сценарий решения проблем,

¹ National Party Platforms / Comp. by D. Johnson and V. Porter. Urbana, 1972. P. 263.

² Безусловно, наиболее драматично эти события развивались в США, где президенту В. Вильсону пришлось столкнуться с массивной атакой своих внутривнутриполитических оппонентов, отказавшихся поддержать его внешнеполитическую линию. Ход и финал этой борьбы детально проанализированы в монографии Е.И. Поповой. См.: *Попова Е.И.* США: борьба по вопросам внешней политики. 1919–1922. М., 1966. В ней убедительно доказывается, что итоги этой борьбы оказали чрезвычайно весомое влияние на всю последующую динамику внутривнутриполитического развития Соединенных Штатов.

с которыми ей пришлось столкнуться в ходе возвращения к мирной жизни. Хотя политические элиты практически всех этих стран отвергли этатизм как способ решения ключевых вопросов социально-экономического плана, подобный откат к практике прошлого века в разных государствах имел различный общественно-политический резонанс.

Наибольшие последствия для западной цивилизации имели итоги борьбы по вопросу о магистральных направлениях социально-экономического развития в США. Несмотря на то, что это не европейская держава, к концу войны положение дел в этом государстве стало оказывать заметное воздействие на ситуацию во всем мировом сообществе, ибо США под руководством В. Вильсона сделали весомую заявку на роль морально-политического лидера западной цивилизации¹. Однако если на политико-дипломатическом и финансово-экономическом уровне претензии Вашингтона выглядели вполне обоснованно, то в плане разработки конструктивных рецептов решения общих для всех союзников проблем реконверсии США не сумели предложить своим партнерам ничего, кроме призывов «возвращаться к нормальным временам».

Это было тем более удивительно, что В. Вильсон уже успел зарекомендовать себя твердым приверженцем либерального этатизма. На этих принципах базировалась вся социально-экономическая политика его администрации, а сам он был известен как сторонник активного участия государства в регулировании и упорядочении стихийных сил рыночной экономики². По его инициативе в США было одобрено законодательство, расширявшее возможности государства в регулировании трудовых отношений, финансовой сферы, транспорта, а в годы участия США в войне в стране в кратчайшие сроки была создана разветвленная инфраструктура, позволявшая федеральному правительству достаточно уверенно держать руку на пульсе военной экономики, направлять ее развитие в нужное для достижения победы русло. Однако начиная с 1918 г. президент переключил свое основное внимание на внешнеполитические сюжеты, связанные с подготовкой устраивавших США условий послевоенного урегулирования. Это вело к ослаблению внимания к вопросам совершенствования системы управления социально-экономической сферой.

Тревожным звонком для правящей Демократической партии послужили результаты промежуточных выборов 1918 г., ставшие известными за несколько дней до окончания «Великой войны». Она проиграла их и уступила контроль над обеими палатами конгресса своим давним оппонентам — республиканцам, партии, в недрах которой росло и ширилось движение в поддержку по-

¹ Подробно см.: *Herring G. From Colony to Superpower: US Foreign Relations since 1776.* N.Y., 2008; *Shulzinger R. US Diplomacy since 1980.* N.Y., 2002; *Киссинджер Г. Дипломатия.* М., 1994; *Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США.* М., 2012; *Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.).* М.; Тамбов, 2005; *Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона.* М., 1990.

² Вильсон изложил свои взгляды на этот комплекс вопросов в работе «Новая свобода», вышедшей в свет еще до войны. См.: *Wilson W. The New Freedom.* N.Y., 1913. Аналогичные идеи были сформулированы в работе его близкого сподвижника Брендайса: *Brandeis L.D. Social and Economic Views of Justice Brandeis.* N.Y., 1930.

пулярного в деловых кругах требования демонтажа всей той разветвленной инфраструктуры, которая была создана в годы войны для регулирования военной экономики¹. Комментируя сложившуюся ситуацию, влиятельный политический обозреватель У. Липпман замечал: «Может кто-нибудь назвать хоть одну реформу, предложенную или, тем более, осуществленную демократами в последнее время?»²

Однако эти предупреждения не повлияли на политическое поведение Вильсона. Наоборот, он полностью увяз в «Великих дебатах», разгоревшихся вокруг ратификации Версальского мира. Результаты этих баталий хорошо известны: Вильсон, а вместе с ним и Демократическая партия потерпели в них чувствительное поражение, что не могло не сказаться на их престиже. Очередные президентские выборы принесли победу республиканцам, которые четко ассоциировались с противниками этатистских методов регулирования социально-экономических отношений. Их приход к власти символизировал возвращение Америки к так называемому «свободному рынку». Именно так эти события воспринимались не только миллионами американцев, но и жителями Европы, в глазах которых США стали постепенно превращаться в символ прогресса, то государство, примеру которого, особенно в сфере экономики, следует подражать.

Не менее серьезный удар по позициям сторонников этатистских методов регулирования социально-экономической сферы нанесли события, развернувшиеся в 1919–1920 гг. в Англии, где в годы войны также сложилась разветвленная и достаточно эффективная структура государственного регулирования основных отраслей народного хозяйства, которую поддерживали главные политические силы страны. Практически сразу же после окончания войны в политической элите этой страны произошел раскол и бóльшая ее часть повернула в сторону деконтоля всей совокупности хозяйственной жизни. В итоге в правящей коалиции возникла глубокая трещина, которая привела к тому, что лейбористы, рассчитывавшие использовать государственное регулирование в качестве инструмента для решения ряда социальных проблем, вышли из правящей коалиции и перешли в оппозицию правительству Ллойд Джорджа после парламентских выборов, состоявшихся в декабре 1918 г.

Как справедливо отмечает отечественный историк С.А. Соловьев, «исход выборов предопределил и судьбы механизма государственного контроля военной экономики»³. Действительно, на протяжении всего первого послевоенного года правительство целенаправленно осуществляло меры по упразднению всех структур, которые были созданы в предшествовавший период для мобилизации всех ресурсов страны на нужды военной экономики. По существу, оно пошло навстречу деловым кругам и их объединениям, которые, уверовав в свои

¹ Подробнее см.: Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции / Отв. ред. Е.Ф. Язьков. Ч. 2. М., 1993.

² *Burner D. The Politits of Provincialism. P. 54.*

³ *Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985. С. 117.*

силы, требовали от властных структур избавить их от всех форм государственного регулирования.

Росту самоуверенности большого бизнеса и тех политических сил, которые защищали его интересы, способствовало и то, что в Англии в 1919–1920 гг. наблюдался экономический подъем (правда, кратковременный), позволивший противникам этатизма утверждать: свободный рынок по-прежнему эффективен и всемогущ, и, следовательно, нет никакой необходимости отказываться от проверенных временем подходов к решению социально-экономических проблем. Так же как и в Соединенных Штатах, в Англии в эти годы все более популярным становился лозунг «Назад к нормальным временам» (Back to normal). Что касается тех сил, которые считали целесообразным использование этатистского инструментария в управлении социально-экономическими процессами, то они оказались разобщены, что безусловно снижало их конкурентоспособность.

В наиболее сложном положении оказались сторонники Либеральной партии. Именно отношение к роли государства в социально-экономической сфере вызвало глубокий раскол в их стане, причем приверженцы реформирования всей системы социально-экономических отношений оказались в меньшинстве, ибо основной костяк партии по-прежнему ставил во главу угла укрепление индивидуальных свобод и защиту естественных прав (в первую очередь — права собственности)¹. Вопросы общественного блага, социальной справедливости, даже экономической целесообразности отступали на задний план перед классическими догмами, которыми либералы небезуспешно пользовались на протяжении XIX века. Либералы, всегда гордившиеся тем, что они чужды догматизму и косности, теперь как раз и оказались в плену традиционных стереотипов.

Конечно, не все либералы отказывались вносить коррективы в свои программно-целевые установки, но признанный лидер той их фракции, которая была восприимчива к этатистским идеям, Ллойд Джордж, так же как и его американский коллега Вильсон, в то время основные усилия направил на достижение наиболее выгодных для Великобритании условий послевоенного урегулирования. В этой ситуации для него гораздо важнее была поддержка консервативного сегмента английского общества, чем отстаивание неоднозначно воспринимаемых в стране этатистских проектов. В итоге, так же как и в США, подобная тактика обернулась для Либеральной партии катастрофой: в 1922 г. коалиционное правительство Ллойда Джорджа вынуждено было уйти в отставку, а его место заняло чисто консервативное правительство во главе с Э. Бонар Лоу. Консерваторы, лейбористы и либералы пошли разными дорогами, от единения военных лет не осталось и следа. Неопределенность с выбором приоритетных программно-целевых установок дорого обошлась либералам. Эта партия перестала быть востребованной в политическом процессе, и ту нишу, которую она так уверенно занимала в предшествующее столетие, теперь

¹ Об эволюции Либеральной партии в этот ответственный момент ее истории см.: Либерализм Запада. XVII–XX века / Отв. ред. В.В. Согрин. М., 1995. Гл. 7.

оккупировала новая сила — Лейбористская партия, а сами либералы на долгие годы оказались выброшенными на обочину политического процесса.

Эти факты не вызывают особых споров. Гораздо сложнее — ответить на вопрос об итогах партийно-политической перегруппировки, проходившей на Британских островах в годы «Великой войны». Главная трудность здесь заключается в оценке степени перестройки Консервативной партии, которая сразу же после войны, по сути, отбросила бóльшую часть этатистского инструментария, успешно апробированного в условиях военного времени. А ведь именно эта партия на протяжении всего межвоенного периода занимала лидирующие позиции в партийном тандеме Британии. Без ее прочного перехода на этатистскую платформу говорить о завершении полноценной партийной перегруппировки вряд ли возможно.

Не полностью адаптировалась к своему новому статусу и Лейбористская партия. Там, по крайней мере в первой половине 1920-х гг., имелось довольно влиятельное левое крыло, стремившееся не к модернизации буржуазного общества, а к созданию социалистического (но не советского образца) общества, в котором идеи социальной справедливости органично сочетались бы с британскими ценностями¹. Ясно, что подобные призывы не способствовали обретению состояния эластичного равновесия, столь необходимого для эффективного функционирования партийной системы. Неудивительно, что на протяжении всего межвоенного периода в Англии не раз наблюдались бурные всплески социальных конфликтов, ей пришлось пережить не один политический кризис, ее экономика так и не обрела необходимого динамизма², а сама она постепенно теряла позиции в мировой экономике и политике.

Еще более противоречивым оказалось воздействие войны на партийно-политическую систему Франции, страны, принявшей и выдержавшей основную тяжесть немецкого удара, понесшей, наряду с развалившейся Российской империей, наибольшие людские и материальные потери. Мы уже отмечали, что французская партийная система отличалась значительной аморфностью и текучестью. Партии достаточно часто меняли свою политическую ориентацию, союзников и даже электоральную базу. Неудивительно, что политическую жизнь Третьей республики характеризовала высокая степень нестабильности. Слабость партий, с одной стороны, и крайне сложная обстановка на Западном фронте, с другой, привели к тому, что уже в начале войны партии

¹ Достаточно сказать, что в параграфе 4 Устава Лейбористской партии в качестве ее цели ставилась задача утверждения в стране «общественной собственности на средства производства», а чуть позднее лейбористы одобрили программный документ под характерным названием «Труд и новый социальный порядок», где говорилось о том, что партия собирается добиваться «реконструкции самого общества». См.: *Labour and the New Social Order: A Report on Reconstruction*. L., 1918.

² И это несмотря на то, что Англия дала миру крупнейшего экономиста XX в. — Джона Мейнарда Кейнса, на теориях которого базировалась основная часть экономики западных стран вплоть до середины 70-х гг. прошлого века. Его идеи оказались востребованными прежде всего не на родине, а в США, где в 30-е гг. правящая Демократическая партия взяла их на вооружение. И это, на наш взгляд, пусть косвенно, но подтверждает тезис о незавершенности партийной перегруппировки на Британских островах.

во многом самоустранились от решения насущных проблем жизни общества в условиях военного времени, переложив основное бремя ответственности на исполнительную власть и военных.

После войны глава правительства Ж. Клемансо, так же как и его коллеги по Антанте, сконцентрировал свое внимание на вопросах выработки наиболее выгодных для его страны условий послевоенного урегулирования¹. А в это время во Франции после краткого периода эйфории, вызванного победой, резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка. В политическом процессе наметилась тенденция к поляризации партий, формированию двух пусть не четко структурированных, но жестко противостоящих друг другу в идейно-политическом плане блоков, по-разному видевших перспективы послевоенной Франции. В центре же обозначился опасный для стабильности общества разрыв². Французские либералы в этой сложной ситуации не сумели сформировать платформу, на базе которой можно было добиваться консолидации общества. И в этой стране на данном историческом отрезке либерализм не сумел выработать и предложить обществу конструктивную программу действий, способную эффективно решать комплекс сложных социально-экономических проблем, с которыми столкнулась Франция сразу же после окончания войны.

Конечно, на наш взгляд, французский либерализм никогда не отличался особой креативностью, а тот факт, что основное внимание его лидеров было переключено на внешнеполитические сюжеты, еще больше ограничивал их способность перехватывать у своих оппонентов перспективные и популярные идеи. Французские либералы, по существу, варились в собственном соку, в то время как жизнь ставила перед обществом и страной весьма острые проблемы. Как следствие, Францию на протяжении всего межвоенного периода постоянно лихорадило. Политический маятник заходил то далеко вправо, то отбрасывался на противоположный фланг.

Начало этой тенденции положили уже первые послевоенные выборы, состоявшиеся в ноябре 1919 г. На них победу одержал Национальный блок, включивший в себя большинство правых группировок. Основной упор эти силы делали на максимально жесткое выполнение условий Версальского мира. «Германия за все заплатит» — с этим лозунгом они связывали все надежды на лучшее будущее для Франции. Ни о каких реформах, нацеленных на повышение эффективности экономики или совершенствование социальных отношений, речи, по сути, не шло.

Разумеется, подобный подход вызывал крайнее раздражение на левом фланге политического спектра, представители которого полагали, что в обществе должны утверждаться принципы социальной справедливости. Расхождения между различными сегментами левых сил заключались в оценке темпов и методов осуществления этого процесса. Очевидно, что диалог между двумя

¹ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983.

² На данную тенденцию политической жизни послевоенной Франции обращает особое внимание известный отечественный франковед Ю.И. Рубинский, который справедливо выводит из этой важнейшей характеристики ее партийно-политической системы причины краха Третьей республики. См.: Рубинский Ю.И. Указ. соч. С. 442–447.

основными полюсами партийно-политической системы Франции был весьма затруднен¹. Вместо традиционного для демократического общества модуса поведения в политическом процессе, при котором соперники, представляя своим согражданам альтернативные программы развития страны, сохраняют в то же время консенсус по стержневым вопросам развития общества, они делали акцент на сюжеты, исключившие или до крайности сужавшие возможности для достижения согласия. В итоге перманентные политические кризисы рыхлили каркас Третьей республики, подталкивая и приближая момент национальной катастрофы.

Иной сценарий завершающей фазы перестройки наблюдался в государствах, проигравших войну. Здесь это событие сопровождалось не только революционным взрывом, похоронившим прежнюю модель политической организации этих государств, но подчас распадом самой государственности. В этом контексте наибольший интерес представляли события в Германии, стране — лидере Тройственного союза. Там либеральные идеи не пользовались большим влиянием и заметно отличались от своих аналогов в странах Антанты, особенно в Англии и США². Зато государство, особенно в Пруссии, традиционно играло весьма заметную роль во всех сферах жизни немецкого общества. Война еще больше стимулировала эту тенденцию. В глазах общественности все меры по регламентации социально-экономических отношений долгое время оправдывались тем, что они были абсолютно необходимыми для достижения победы. Однако на деле все усилия военно-политического руководства оказались не просто безрезультатными, а контрпродуктивными: Германия потерпела поражение. На наш взгляд, первое и, возможно, основное последствие этого события — гигантский шок, который испытало немецкое общество, твердо убежденное в неизбежности победы своей страны в войне. Отсюда — *полное* смещение всех привычных ценностных ориентиров. В такой ситуации достаточно было небольшого толчка, чтобы политическая система пошла вразнос.

Как мы знаем, все именно так и произошло. Восстание в Киле молниеносно переросло в революцию, которая за несколько дней сокрушила казавшуюся незыблемой политическую систему Германской империи. Конкретный ход ее хорошо известен. Однако в оценке процессов, сопровождавших становление новой модели, в научном сообществе до сих пор существуют значительные расхождения. Пожалуй, единственное, что не вызывает споров, — это признание того, что сам взрыв носил спонтанный характер, к нему оказались не готовыми подавляющее большинство представителей политической элиты, и в этой обстановке основная нагрузка по стабилизации ситуации, возвращению политического процесса в легитимное русло вплоть до выборов в Учредительное собрание легла на плечи социал-демократов. Не оспаривая данного утверждения, хотелось бы сделать несколько уточнений. Во-первых, на наш взгляд, явно недооценивается роль в становлении новой политической системы Германии

¹ Подробнее см.: Рубинский Ю.И. Указ. соч.

² Подробнее об особенностях национальных моделей либерализма см.: Либерализм Запада. XVII–XX века / Под ред. В.В. Согрина. М., 1995.

верхушки военной власти, которая сумела сохранить контроль над основной частью пусть и деморализованной, но представляющей внушительную внутриполитическую силу армией. Кроме того, высшие военные круги сумели взять под плотную опеку основные звенья сложного процесса перестройки экономики на мирные рельсы. Достаточно упомянуть о деятельности Демобилизационного управления, которое сумело в сложнейших условиях становления новой модели политической системы (иными словами, безвременья) наладить тесные контакты с лидерами профсоюзов, что позволило в значительной мере стабилизировать сферу трудовых отношений.

Обычно эту функцию выполняют представители либеральной части политического спектра. Однако в Германии старые буржуазные партии находились на стадии реформатирования, которое, правда, затронуло в первую очередь их фасад: названия и главные лозунги претерпели изменения, а в остальном, по крайней мере в период становления новой политической системы, они продолжали занимать прежнюю нишу в общественно-политической жизни¹. После жестко регламентируемой схемы управления социально-экономической сферой большинство политиков (кроме социал-демократов) с опасением и подозрением относились к этатистским постулатам, возлагая основные надежды на действие «естественных законов рыночной конкуренции».

Тот факт, что основное бремя проблем, связанных с конструированием новой государственности, легло на плечи социал-демократов, наложил заметный отпечаток на характер новой конституции, в которой были зафиксированы такие непривычные для буржуазного общества нормы, как защита труда, признание фабзавкомов, утверждение, что пользование собственностью не должно противоречить общественному благу, и т.д. Нельзя забывать и о том, что на волне революционного подъема в стране была создана Комиссия по социализации, призванная воплотить в жизнь планы реформистских лидеров социал-демократов по трансформации общества в качественно новую фазу, нацеленная на постепенное встраивание в его ткань ростков новых отношений, основанных на принципах социальной справедливости. Это была очевидная, достаточно привлекательная в глазах многих альтернатива революционному варианту переустройства общества².

Однако этим тенденциям противостоял иной вектор общественно-политического развития, опиравшийся на традиционный для Пруссии культ сильной власти. Несмотря на крах монархии, у нее оставалось немало приверженцев в политической элите бывшей империи. Серьезным влиянием в стране продолжала обладать армейская верхушка. Опираясь на военизированные добровольческие формирования, имея тесные контакты с магнатами немецкой

¹Подробнее см., в частности: *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. М., 1978; *Орлова М.И.* Германия 1918–1939 годов. М., 1973; *Патрушев А.И.* Германская история через тернии тысячелетий. М., 2007.

²Не случайно взгляды автора этих планов, К. Каутского, были подвергнуты сверхрезкой критике со стороны безусловного лидера революционного крыла левых сил — В.И. Ленина. См.: *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский / Полн. собр. соч. Т. 37. С. 101–110.

промышленности, она представляла собой силу, без которой сложно представлять динамику и итоги становления политической системы послевоенной Германии. Прежде всего давлением военной верхушки объясняется появление в Основном законе статей, дававших чрезвычайно широкие (некоторые историки называют их «почти монархическими»)¹ полномочия главе исполнительной власти.

Все это свидетельствовало об отсутствии в завершающей фазе перегруппировки какого-либо определяющего вектора. Политический процесс в первые послевоенные годы отличался хаотичностью и нестабильностью. Попытки социал-демократов стать главной движущей силой этого процесса не увенчались успехом. Отсюда противоречивость и неустойчивость той модели партийно-политической системы, которая сложилась в послевоенной Германии и вошла в историю под названием Веймарской республики.

В целом, на наш взгляд, можно констатировать, что перегруппировочные процессы, разворачивавшиеся в первые послевоенные годы в ведущих мировых державах, лишь частично решили стоявшие на повестке дня задачи. Главный итог этих процессов — сравнительно прочная интеграция в рамки партийно-политических систем большинства западноевропейских стран умеренных (подчеркиваем: именно умеренных, а не всех) социал-демократов. Это позволило правящим элитам серьезно расширить тот арсенал, который помогал им удерживать под контролем социальную сферу. Бесспорно, что интеграция социал-демократов придала партийно-политическим системам западноевропейских стран гораздо большую устойчивость, сделала их более адекватными запросам эпохи «массовой политики».

Сложнее обстояло дело с полноценным переходом партий либерально-консервативного типа на этатистскую платформу. Если в годы войны руководство большинства этих партий согласилось санкционировать создание разветвленных механизмов, нацеленных на государственное регулирование социально-экономических отношений, то после ее окончания подавляющая часть политической элиты западноевропейских стран стала решительно требовать отказа от практики военных лет и возвращения к «нормальному порядку», т.е. такому состоянию социально-экономической сферы, положение дел при котором определяется исключительно действием рыночных механизмов.

Подобный разворот либерально-консервативного мейнстрима явно не способствовал стабилизации партийных систем, ибо грозил разрушить наметившееся взаимопонимание между умеренными социал-демократами и руководством традиционных буржуазных партий. Ситуация осложнялась тем, что объем электората, который контролировала новая властная триада (либералы-консерваторы-социал-демократы), не только не увеличился, но даже начал сокращаться — в силу того, что на крайних флангах политического спектра появились (и не просто появились, но оформились в жестко структурированные организации, число приверженцев которых быстро росло) партии лево- и праворадикального толка. И те и другие, по сути, ставили в качестве своей страте-

¹ Орлова М.И. Указ. соч. С. 33.

гической цели задачу не совершенствования, а коренной ломки существующей модели политической организации общества и перестройки ее в соответствии со своими программно-целевыми установками.

Конечно, ведущим буржуазным партиям уже не раз приходилось сталкиваться с вызовом со стороны самых разных движений протеста, и, в принципе, уже сложился механизм, позволявший постепенно перехватывать у них инициативу и вытеснять их на обочину политического процесса¹. Однако на сей раз привычные схемы взаимодействия партийно-политического мейнстрима с новыми амбициозными игроками не сработали. Вопрос о причинах того, почему это произошло, до сих пор остается открытым. Можно высказать лишь некоторые соображения, дающие, на наш взгляд, ключ к пониманию того, почему эволюция политических систем ведущих стран разворачивалась именно в таком ритме.

Во-первых, предшествующие движения протеста, как правило, сводили причины всех неурядиц, с которыми сталкивалось общество, к одной-двум проблемам (тарифная политика, иммиграция, национальный вопрос, финансовая политика, этнокультурные проблемы и т.д.). Это были типичные «партии одной проблемы». Они не ставили вопрос о перестройке основ существующего общества. Поэтому бороться с ними было сравнительно просто: требовалось лишь придать их требованиям более умеренное звучание. Теперь же на крайне левом и крайне правом флангах политического спектра появились силы, требовавшие тотального переустройства общества, а не его частичного усовершенствования. С подобным вызовом партиям либерально-консервативного мейнстрима еще не приходилось сталкиваться. Во-вторых, сами они в этот чрезвычайно ответственный период проявили удивительную негибкость, если не сказать — политическую близорукость, не сумев вовремя оценить степень угрозы, исходившей от сил новой политики.

Все это говорит о том, что в развитии партийной перегруппировки произошел крутой излом. Ее ход резко затормозился. По сути, она осталась незавершенной. Политическая элита стран Запада, вынужденная под влиянием экстраординарных условий военных лет пойти на глубокую корректировку программно-целевых установок партий политического мейнстрима, после окончания войны, уверовав, что худшие времена позади, потеряла заинтересованность в доведении перестройки партийных систем своих стран до логического завершения. Однако жизнь вскоре показала, что обратной дороги нет. Возврат к прежним «нормальным временам» оказался иллюзорным и попросту невозможным. Но политическим элитам ведущих стран Запада потребовалось пережить тяжелейшие потрясения великого экономического кризиса 1929–1933 гг. для того, чтобы осознать эту нехитрую истину. И именно это обстоятельство открыло дорогу для полноценного завершения крупномасштабной партийной перегруппировки, начатой еще в годы «Великой войны».

¹ Подробнее о схеме взаимодействия партий мейнстрима с движениями социального протеста см.: Манькин А.С., Язьков Е.Ф. Роль третьих партий в партийно-политической системе США // Вопросы истории. 1981. № 5.

§ 5. На пути к тоталитарным режимам: массовое сознание фронтовиков и рост праворадикальных настроений в странах Западной Европы

«Великая война» совпала с крупнейшим изломом европейской цивилизации, одним из проявлений которого стало формирование нового типа массового сознания в воюющих странах. Десятки миллионов людей, вырванных из мирной жизни и брошенных в крошечный ад взаимного уничтожения, испытывали невероятную эмоциональную (негативную) нагрузку, разрушавшую сложившиеся прежде стереотипы поведения и нравственные ценности. Общим вектором перемен становилась радикализация сознания масс, крушение представлений о дозволенном и недозволенном, усиление ментальной готовности к поиску врага и применению силы в мирной, послевоенной жизни.

Этот тренд в массовом сознании создавал благоприятную почву для развития тоталитарной тенденции — ключевого политического феномена 1920–1930-х гг., — ибо способствовал бурному распространению, особенно в первые послевоенные годы, леворадикальных и правозкстремистских течений в европейских странах. Их зарождение и успех могут быть осмыслены только в контексте чрезвычайных условий военного времени, а также прямых и косвенных последствий «Великой войны», в особенности для стран побежденных или недовольных ее итогами.

На рубеже XIX–XX вв., еще задолго до начала Первой мировой войны, в культурно-историческом и идейно-политическом дискурсе европейских стран прочные позиции заняли понятия национализма, империализма, милитаризма и ряд других. В общественном сознании они формировали представление (миф) о войне как об универсальном способе решения национальных задач и обеспечения государственных интересов, как о форме проявления жизненной силы индивидов и методе создания необходимых условий для развития и процветания нации.

Военно-националистическим мифом были заражены все участники конфликта, но в разной степени. Среди ведущих международных акторов в этом плане безусловным лидером была Германия, где «август 1914 г.»¹ морально, духовно и психологически был подготовлен наилучшим образом и стал одним из самых сильных эмоциональных переживаний немцев в XX в., на время объединившим представителей практически всех сословий и классов. Мираж «величия» национальных задач, стоявших перед Германией, пронизывал немецкое общество сверху донизу, а патриотический порыв, окрашенный военной романтикой и помноженный на давнюю милитаристскую традицию, толкал на призывные пункты десятки тысяч молодых добровольцев, убежденных в том, что война даст им столь необходимый шанс для преодоления духовного вакуума и самоутверж-

¹ Под термином «август 1914 г.» понимается период особого накала националистической и патриотической пропаганды, высшая степень готовности общества к войне.

дения в жизни. Этот порыв похоронил под Лангенмарком (24 октября 1914 г.) тысячи безусых гимназистов и плохо обученных студентов, атаковавших неприятеля с пением национального гимна, но без артиллерийской подготовки.

В Италии картина была иной. Эмоционально война втянула в свою орбиту лишь часть общества: преимущественно мелких предпринимателей города и деревни, служащих разного уровня, персонал сферы обслуживания, лиц свободных профессий и иных представителей средних слоев, занявших в армии позиции младших командиров. Подавляющая масса рабочих Севера и крестьян Юга (в основном неграмотных) оставалась глуха к призывам интервентистов отправиться на «последнюю войну Рисорджименто». Многие итальянцы слышали о нем от своих отцов и дедов, но не многие из них понимали, зачем Италии понадобились еще «не присоединенные» к королевству «итальянские земли» Габсбургов. Тем не менее именно эти, силой оторванные от земли и одетые в шинели вопреки их здравому крестьянскому смыслу, люди сформировали костяк рядового состава армии.

Между означенными выше двумя полюсами (Германия и Италия) в спектре умонастроений масс накануне войны располагались остальные страны, причастные к конфликту. Уровень и характер «мотивации войны», при которой она обретала личный смысл, а гибель во имя провозглашенных целей становилась героизмом, в этих странах были различны. Однако если во Франции и Великобритании атмосфера раздутых националистических и патриотических страстей («За Честь и Справедливость!») поднимала эмоциональную готовность солдат к самопожертвованию почти до уровня Германии, то в большинстве остальных стран ментальный настрой в воинских частях, отправлявшихся на фронт, тяготел скорее к итальянскому варианту. Вчерашние крестьяне, безграмотные или полуграмотные, зачастую не покидавшие прежде родных деревень и с трудом переключавшиеся на свой лад обрушившиеся на них патриотические призывы, оказывались оторванными от привычной среды обитания и брошенными во враждебный мир постоянной опасности и смерти без ясного ответа на вопрос: зачем? Не всякому крестьянскому уму было по силам установить прямую связь между любовью к «царю и отечеству» и гибелью в лесах Восточной Пруссии.

С первых же выстрелов начинался длительный, мучительный процесс психологической ломки и деформации сознания огромной массы людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Этот процесс охватывал личный состав всех без исключения воевавших армий, однако протекал он неравномерно. На его глубину и скоротечность влияли разные факторы: моральный дух солдат и понимание ими целей войны накануне отправки на фронт, победы и поражения своих армий, степень реальной опасности для жизни, условия службы и обеспечение войск всем необходимым, характер отношений с сослуживцами и командирами, тяжесть боев и потеря и многие другие.

Одним из ключевых факторов в этом далеко не полном перечне был новый социальный опыт, который солдаты обретали в действующей армии. Они общались с представителями разных социальных групп и политических

взглядов, разных национальностей и вероисповеданий. Многие из них впервые оказались на территории других стран. Новые впечатления давали пищу для формирования нетрадиционных представлений об окружающем мире и своем месте в социуме. Военная служба вырабатывала у солдат первичные навыки коллективных действий, встраивала их в систему военного иерархического подчинения. По мере затягивания конфликта фронтовики все чаще соприкасались с элементами социального и политического протеста, интуитивно осваивали его простейшие формы. Ускорялась социализация огромных масс вооруженных людей, вынужденных переосмысливать прежнюю систему ценностей и искать новые точки опоры в изменившейся, враждебной и непривычной для гражданского человека системе многофункциональных общественных связей.

Однако главным фактором трансформации сознания и психики фронтовиков была сама война, которая обесценивала высшую человеческую ценность — жизнь. Экстремальная ситуация перевертывала представления о добре и зле, превращала социальные аномалии в норму. Гигантские разрушения и массовое уничтожение ни в чем не повинных людей, насильственная смерть и непреходящее, гнетущее ощущение близости собственной гибели, горы трупов и страдания искалеченных, грязь и убогость окопных будней, недоступность элементарных радостей бытия, а также необходимость убивать себе подобных — все это повергало человека в шок, уничтожало привычные нравственные нормы и стереотипы поведения.

Ужасы войны и постоянное присутствие смерти становились источником глубоких эмоциональных потрясений и катализатором психопатических реакций. Они провоцировали массовые асоциальные действия. Война открывала шлюзы для выхода психологической напряженности предвоенных лет, высвобождала низменные человеческие инстинкты, делала насилие над личностью «нормальным», повседневным атрибутом действительности. Зачастую вопреки воле и желанию людей, одетых в шинели, война прививала им «вкус к жестокости», формировала массовое милитаризованное сознание и равнодушие к страданиям. Война учила профессионально убивать и превращала солдат в механические орудия убийства («убей, или убьют тебя»).

Широкий спектр негативных эмоций и чувств имел как сиюминутный, так и отсроченный результат. Фронтовики получали мощнейшую психологическую травму и в долгосрочной перспективе становились жертвами посттравматического синдрома с целым «букетом» негативных психологических, ментальных и социальных последствий (для обозначения этого феномена в литературе иногда используется термин «окопный менталитет»). Именно Первая мировая война, которой были присущи многие черты войны *тотальной*, проникшая практически во все сферы общественной жизни и подчинившая их себе, выдвинула проблему массовой психологии и массового сознания (как на фронте, так и в тылу) в ряд важнейших для всех стран, вовлеченных в конфликт.

Реальность военной поры формировала пренебрежительное отношение фронтовиков к человеческой жизни, становившейся той разменной монетой, которая ежедневно была в ходу и практически ничего не стоила. Осмысление

этого факта и «привыкание» к смерти формировало новый тип сознания — «солдатский фатализм»¹, то есть равнодушие к происходящему вокруг. Однако фатализм не умалял главного и всепоглощающего желания каждого — выжить. Именно выживание оказывалось на фронте главной целью и реальным подвигом, а не смерть во славу царя, императора или отечества.

Выжить самому и помочь выжить товарищу — вот лейтмотив и главная движущая сила формирования новой социально-психологической группы, объединяемой термином «фронтное братство». Солдаты вместе выполняли приказы и шли в атаку, убивали противника, хоронили погибших, ели из одного котла, мечтали о возвращении домой, ругали «тыловых крыс» и командиров, делились друг с другом скудными солдатскими радостями. Их накрепко спаяло ощущение постоянной смертельной опасности, а близость товарищеского плеча придавала дополнительные силы и надежду на помощь в трудную минуту. Чувство товарищества, единства и равенства в экстремальных условиях войны становилось платформой для преодоления различий в классах, сословиях, религиях и т.д. В массовом сознании фронтовиков сливались воедино и причудливо перемешивались элементы логического мышления, природные инстинкты и эмоциональные порывы, причем логическое мышление, основанное на личном опыте, как правило, не становилось определяющим, формирующим стереотипы массового поведения. В окопах «Великой войны» рождалась новая ментальная основа для преодоления в будущем парадигмы «левый–правый» и одновременно укреплялась иная, доступная и понятная каждому фронтовику парадигма: «свой–чужой».

Восприятие и оценка противника стала очень важным элементом массового сознания солдат в действующих армиях. До отправки на фронт образ врага складывался преимущественно под влиянием официальной ура-патриотической пропаганды, интенсивность которой в боевых условиях заметно снижалась, а фальшь становилась более очевидной. Тем не менее на поле боя всегда доминировали ненависть и презрение к врагу, желание отомстить за перенесенные страдания и гибель товарищей, за собственные исковерканные судьбы, потерю родных и близких.

Однако чем дольше солдаты пребывали в действующей армии, тем больше абстрактный образ противника в их сознании персонифицировался в конкретных, живых людях, причем не только тех, кто находился по другую сторону линии фронта. Солдаты общались с пленными, интернированными, гражданским населением, проникались сочувствием к таким же, как они сами, простым людям, втянутым в бессмысленную бойню. Отсюда — братание на фронтах, «рождественское перемирие» 1914 г., обмен «посылками» и т.д. По мере накопления усталости от войны, особенно с 1916 г., проблески взаимного сочувствия все больше обретали черты устойчивого настроения (особенно в воинских частях Италии, Австро-Венгрии, России) и провоцировали поиск ответов на «коварные» вопросы: кто виноват, зачем все это нужно и что делать? Эти му-

¹ Олдингтон Р. Смерть героя. М., 1967. С. 364.

чительные вопросы подрывали боевой дух, расшатывали воинскую дисциплину, но солдаты по-прежнему выполняли приказы командиров и шли в бой.

Настроения солдатской массы менялись по ходу военных действий, переходили из скрытой формы в открытую и наоборот, отражали осознанную или эмоционально-подсознательную реакцию индивидов, но всегда являлись важнейшим индикатором морального состояния войск. Под массовыми настроениями обычно понимаются особые психические переживания переходного типа, вырастающие из повседневных эмоций, но рационализированные условиями среды обитания индивидов. Сигнальная (психологическая) реакция однородных солдатских масс на вызовы внешней среды также являлась преимущественно однородной, поскольку отражала их общую удовлетворенность/неудовлетворенность реальными условиями жизни и субъективную оценку возможности перемен.

Массовые настроения представляют собой один из важнейших компонентов массового сознания, носителем которого являются большие группы людей, объединенных на основе общих целей и ценностей. Они выделяются по разным признакам, но должны быть, во-первых, обязательно наделены характерными чертами социально-психологической общности, во-вторых, осознавать свою принадлежность к этой общности на базе единых интересов, в-третьих — обладать системой коммуникаций внутри этой общности. Такие группы становятся реальными субъектами общественно-политического процесса лишь в том случае, если у них возникает групповая организация и выражающая их интересы идеология (мифология), дающая рецепт коллективных действий (применительно к Первой мировой войне это произошло уже в послевоенный период).

Подавляющая масса вышедших из траншей фронтовиков (солдат и младших командиров) соответствовала этим критериям. Они были накрепко спаяны горечью потерь и пережитых страданий, обладали более или менее схожим видением военного и послевоенного мира, привыкли держать в руках оружие и без колебаний пускать его в ход, наконец, само физическое насилие над личностью, аномальное в гражданской жизни, воспринималось ими в качестве естественного и действенного метода в достижении поставленных целей. К концу войны они были полны надежд на скорый возврат к мирной жизни, которая (в их представлении) должна была стать много лучше той, от которой они уходили на фронт. Эти надежды для подавляющего большинства из них впоследствии оказались иллюзорными. Неудивительно, что в такой ситуации «окопный менталитет» превратил эту массу людей в чрезвычайно опасный, «горючий» материал, который был брошен в топку разгоравшегося послевоенного социально-экономического и политического кризиса.

Как вскоре стало очевидным, возврат к гражданской жизни не принес успокоения и стабилизации в развитие Европы. Напротив, для фронтовиков он обернулся новым психологическим испытанием, глубина и содержание которого в решающей степени определялись их статусом: победители или по-

беженные. Однако во всех воевавших странах экономика с трудом избавлялась от перенапряжения военных лет, постепенно перестраиваясь на нужды мирного времени. Этот процесс затруднялся разрывом прежних внешнеторговых связей, узостью внутреннего рынка, низкой покупательной способностью населения, огромным внутренним долгом, накопившимся за годы войны во многих воевавших странах. Масса мелких и средних предприятий, не связанных с обеспечением военных нужд, была разорена. Остро ощущалась нехватка топлива и сырьевых ресурсов. Хозяйственная разруха, безудержный рост налогов и инфляции, запредельные цены на электроэнергию и уголь, хронический дефицит продовольствия и предметов первой необходимости (только в Германии и Франции за годы войны исчезло около трети ремесленных производств), дороговизна и засилье «черного рынка» — все это дополняло картину экономического хаоса.

Между тем вчерашних солдат, подавляющее большинство которых имело лишь вещевой мешок или ранец за плечами, нужно было кормить, размещать и как-то устраивать в жизни. Многие крестьяне, ставшие солдатами, не возвращались в деревни, а оседали в городах, усиливая давление на рынок рабочей силы и создавая дополнительные социальные, жилищные и иные бытовые проблемы. Миллионы людей в Европе, особенно беженцы, страдали от недоедания, умирали от тяжелых болезней (тиф, «испанка»). Общая нестабильность и неустроенность усиливались под воздействием волны социального протеста, захлестнувшей европейские страны, и роста антропогенной нагрузки на человека. Неудивительно, что адаптация бывших фронтовиков к *такой* мирной жизни приобрела преимущественно конфликтный характер.

Была у этой проблемы еще одна, весьма ощутимая ментальная грань. Выношенная в окопах и граничившая с презрением нелюбовь фронтовиков к тылу, его отчасти высокомерное неприятие находило после войны обильную пищу: «не нюхавшие пороха» тыловики жили по иным меркам. Рабочие трудились в будни и отдыхали по выходным, бастовали, требуя увеличения зарплаты и других социальных льгот, дети ходили в школу, горожане покупали одежду, сидели в кафе и даже посещали театры, политики бесплодно «толкли воду в ступе», яростно споря друг с другом, а банкиры и промышленники, сумевшие нажиться на крови, на поставках некачественного обмундирования и вооружения, сколотившие капиталы на спекуляциях дефицитным продовольствием и предметами первой необходимости, сумевшие уклониться от отправки на фронт и отсидеться в тылу, теперь стремились быстрее наверстать упущенные возможности «сладкой жизни». Иными словами, *их* (тыловиков) жизнь «шла своим чередом», *они* ничего не потеряли, когда другие (*мы*, солдаты) гнили за *них* в окопах. Эти люди («зажравшиеся тыловики-пацифисты») вызывали у ветеранов особую ненависть и презрение, пробуждали в них горечь и жажду мести.

Фронтовики чувствовали себя чужими в этой, ставшей для них непривычной, мирной реальности. Война не отпускала их. Ее свежий и подлинный образ, с кровью, смертью, грязью и потом, не имевший ничего общего с «героическим эпосом» тыловых ура-патриотов, преломлял оценку вчерашними

солдатами окружающей действительности, обостряя чувство фронтовой солидарности и стремление к примитивно понимаемой справедливости, с одной стороны, ускоряя нарастание отчаяния и озлобления на всех и вся — с другой. Привыкшие к простым решениям и разделению окружающих по принципу «свой–чужой», усвоившие логику жесткого иерархического подчинения и безоговорочного выполнения приказов, бывшие фронтовики превращались в особую, закипавшую ненавистью «касту».

Психологический конфликт демобилизованных солдат с «мирной жизнью» подпитывался не только и не столько ее ментальным неприятием, сколько глубоким разочарованием в результатах содеянного. Для англичан и французов война закончилась не парадным вступлением в поверженный Берлин и торжеством Свободы, Чести и Справедливости, за что столь рьяно ратовали националисты всех мастей накануне войны, а подписанием перемирия в лесу недалеко от Парижа. И хотя победа заметно ослабила угрозу внутреннего кризиса, и хотя «коварные тевтоны» потерпели поражение, а либеральные ценности западной цивилизации, казалось бы, «восторжествовали», ощущение полной бессмысленности массовых жертв именно в Великобритании и Франции было очевидным: победители в итоге мало что получили. Надежды простых людей на существенное улучшение жизни после войны явно не оправдывались. Конечно, тяжелые чувства отчасти смягчались буффонадой победы, парадными маршами, раздачей орденов и заверениями правителей сделать страну «достойной своих героев, возвращающихся с полей сражений» (Ллойд Джордж). Однако за этими славословиями скрывался факт глубокого духовного кризиса послевоенной поры: ценностные ориентиры викторианской Англии поблекли, преемственность с довоенным миром была нарушена, а престиж власти поколеблен. Война оставила глубокую травму в массовом сознании англичан и французов, а также тяжелые, сохраняющиеся до сих пор (красные маки в петлицах) воспоминания в народной памяти.

Для итальянцев даже сама победа оказалась весьма сомнительной — «украденной». Она не принесла ни обретения страной политического могущества, ни вождеденных территориальных приращений, ни хоть какого-то улучшения качества жизни граждан. Напротив, «победа» выглядела граничащей с поражением, унижительной для национального достоинства в целом и для каждого воевавшего в частности. Между тем армия «победителей» разваливалась, исполнительная власть впадала в паралич, авторитет короны катился вниз, а рабочие все чаще и активнее выходили на улицу со своими требованиями.

О немцах и говорить не приходится: не дав противнику возможности даже ступить на свою землю, они возвращались домой в боевом порядке, но в качестве побежденных. Как и по чьей вине такое могло случиться? Внятного и убедительного ответа ни на этот, ни на общий для всех фронтовиков сакраментальный вопрос «За что сражались?» ни у победителей, ни, тем более, у побежденных не было.

Однако было всепроникающее ощущение безвременья, «смутной поры» и отсутствия ясной перспективы. За долгие годы войны миллионы молодых

людей освоили «науку жестокости», научились профессионально убивать, но не пахать или строить. Для таких фронтовиков, не имевших гражданской профессии, адаптация к мирной жизни протекала особенно болезненно. Они переживали острый посттравматический синдром и начинали ненавидеть общество, которое, по их мнению, не оценило в должной мере их подвига, не воздало им по заслугам. Определенные меры социальной поддержки, предпринимавшиеся правительствами воевавших стран¹, не создавали эффективных инструментов для быстрой адаптации демобилизованных военнослужащих к гражданской жизни. Неудивительно, что процесс социализации фронтовиков в новых условиях нередко приводил к результатам, прямо противоположным ожидавшимся: появлялись большие группы мужчин трудоспособного возраста — асоциальных, опустошенных, озлобленных, не видевших перспектив своего существования, преследуемых воспоминаниями об ужасах войны и духовно сломленных. Впоследствии эту когорту разочарованных ветеранов назовут «потерянным поколением». Именно ее блестяще описал Э.М. Ремарк².

Появление этого поколения характеризовало одну из ключевых черт послевоенной эпохи — крах довоенных ценностных ориентиров и формирование духовного вакуума, который стремительно заполнялся «ценностями» иного рода — унаследованными от прошлого авторитарными и новыми, тоталитарными представлениями об общественном устройстве.

Первая мировая война нанесла чудовищный удар по устоявшемуся в Новое время идейно-психологическому коду элитарных групп и, отчасти, массовых слоев населения. Наивная вера либеральных и социалистических мыслителей в гуманную природу человека и безальтернативность поступательного движения современной цивилизации по пути прогресса (технического, научного, культурного) оказалась опрокинутой самой жизнью. Война проверила на прочность складывавшиеся десятилетиями моральные и психологические устои капиталистического общества, и эту проверку они выдержали очень плохо. В условиях кризиса программных и ценностных установок либерализма, социализма и гуманизма люди оказались интеллектуально дезориентированы. Спровоцированная войной эрозия идейно-психологических стереотипов побуждала к переосмыслению не только духовной сущности человека, но и природы власти и государства, отношений элиты и массы, роли насилия и убеждения, прав индивида и общества и т.д. На этом фоне ширились представления о востребованности сильного государства как регулятора социально-экономических процессов, что привносило качественно новый элемент в политическую борьбу, а также становилось питательной средой для развития тоталитарных тенденций («Даешь сильную власть!»).

¹ Различные виды военных пенсий и компенсаций во всех воевавших странах: ветеранам, инвалидам, вдовам, сиротам и др.; пособия по безработице (от трети до половины прежнего заработка в течение нескольких недель, а затем мизерное социальное пособие). Наиболее существенные меры государственной поддержки, помимо пособий, были провозглашены в Великобритании: программа жилищного строительства для ветеранов и их трудоустройство.

² Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. Возвращение // Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1993.

Все это ускорило процесс ментального перехода с уровня обыденных ориентаций, определяющих повседневную (бытовую) активность человека, на уровень ориентаций базовых, диктующих поведенческие реакции на основе сложившихся идейных представлений. Иными словами, в европейских странах, особенно побежденных, после войны массы рядовых граждан на основе собственного опыта начали осмысливать органическую связь между невзгодами своей жизни и политикой правящих кругов («если в лавке нет мяса, виноват министр, а не мясник»). Массы, и в первую очередь бывшие фронтовики, испытывали нарастающие сомнения в способности господствующей политической элиты (будь то либералы или консерваторы) приспособиться к условиям национального кризиса и дать адекватные ответы на их чаяния. Таким образом, в массовом восприятии ставилась под вопрос легитимность власти. Отсюда — лишь шаг до конкретных в той или иной мере насильственных действий. И этот важнейший сдвиг в массовом сознании — прямой результат ментальных изменений, произошедших под воздействием послевоенного кризиса, то есть одно из важнейших последствий Первой мировой войны. Именно война оказала решающее влияние на формирование так называемого *массового общества* — нового, присущего XX веку типа общественной организации, в котором широкие массы, по сути дела, впервые оказываются вовлеченными в политический процесс в качестве его активных субъектов, а не пассивных наблюдателей. Неудивительно, что за эти массы разворачивается ожесточенная схватка различных политических сил, стремящихся направить бурлящий поток социальной энергии в нужное для себя русло. Борьба старых и новых элит за массы — вот основной вектор развития политического процесса в западном мире после «Великой войны». Именно в таком социальном контексте рождались тоталитарные движения, громко заявившие о своих претензиях на власть.

Наибольшим успехом в экстремальных ситуациях пользовались движения и партии, апеллировавшие к эмоционально легко воспринимаемым лозунгам (националистическим, классовым) и предлагавшие простые, «хирургические» способы решения проблем. Именно радикальные движения, ультраевые и ультраправые, стали центрами притяжения для всех тех недовольных, кто был готов бороться против существующих порядков не только с помощью избирательных бюллетеней, но и насильственными методами, — в первую очередь для бывших фронтовиков.

Эта новая реальность побуждала консервативные элиты, пожалуй впервые в истории, искать способы взаимодействия с широкими массами. Осознание такой необходимости дало импульс к демократизации общества и складыванию пропорциональных избирательных систем по принципу «один человек — один голос». По иронии истории их появление стало одной из ключевых предпосылок формирования тоталитарных режимов в странах Запада. Путь к интеграции массового избирателя в существовавшие партийно-политические системы пролегал через явное или скрытое сотрудничество с правыми радикальными и ультрарадикальными группировками, не преследовавшими, в отличие от левых, цели разрушения сложившихся имущественных отношений.

В качестве инструмента использовался проверенный временем национализм — сменивший одеяния, но оставшийся неизменным по сути. «Национализм из понятия, связанного с левыми и либеральными идеями, — пишет Эрик Хобсбаум, — превратился в среде мелкой буржуазии в шовинистическое, имперское, агрессивное-ксенофобское движение, точнее — в правый радикализм»¹. Теперь, в условиях послевоенного кризиса, в отличие от предыдущей поры, национализм новой «закваски» предлагал решения национальных и государственных задач (как правило, полностью отождествляя их) на путях борьбы не только с внешним, но и с внутренним противником. Этот национализм обрел черты некой интегральной доктрины, ставившей, как и прежде, во главу угла интересы нации, но дававшей свои ответы на новые экономические, социальные, моральные и идейные вызовы времени. Он обращался к широким массам с лозунгами радикального переустройства общества, заигрывал с анархо-синдикалистами и нащупывал пути проникновения в профсоюзы, указывал конкретных врагов (либералы, демократы, коммунисты, евреи, славяне, банкиры-плутократы, спекулянты) и ломал устоявшиеся в массовом сознании представления о механизмах управления обществом. Война, повлекшая немыслимое прежде усиление роли государства в жизни людей, не только способствовала внедрению командных методов в решение экономических, социальных и национальных проблем, но и сделала их гораздо более легитимными в сознании масс. Апология слепого повиновения приказам и жесткой дисциплины, культ милитаризма, представление о безупречности принципов иерархии, жесткая критика парламентаризма и демократических методов управления обществом, как полностью несостоятельных, — все эти идеи находили благодатную почву в сознании измученных невзгодами военной поры людей, которые испытывали жгучую потребность в ясных лозунгах, харизматических вождях и четких приказах.

Такой «набор революционного бойца» в послевоенные годы могли предоставить лишь две радикальные силы: ультралевые — вышедшие из социалистического лагеря коммунисты, предлагавшие революционное ниспровержение буржуазного строя в целом, и ультраправые — «замешенные» на новом национализме, расизме и реваншизме сторонники «наведения порядка», названные впоследствии фашистами в Италии и нацистами в Германии. И те и другие апеллировали к массам, обрушив на них мощный поток демагогических лозунгов, обещаний и мифов.

Именно мифы оказались самой востребованной пищей для истерзанного войной массового сознания разочарованных ее итогами бывших фронтовиков и значительной части средних слоев города и деревни в побежденной Германии и «потерявшей победу» Италии. Мифы ультралевых и ультраправых радикалов выглядели спасательным кругом в водовороте лжи и лицемерия послевоенной политической жизни буржуазного общества. Они возрождали надежду на лучшее будущее, были близки и понятны простым людям по духу, не требовали никакого рационального осмысления.

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 192.

Политические мифы — это некие символы веры, которым определенная социальная группа придает статус истины¹. Как правило, это красивая ложь, и в нее должна безоговорочно поверить та социальная группа, которой эта ложь предназначена. Мифы вызывают к эмоциям, а не к разуму. Они не требуют опровержений или доказательств, основаны на инфильтрации иррационального начала в массовое сознание адептов такой «религии», дают выход сильным человеческим эмоциям и бурно распространяются в периоды острых социальных кризисов и мучительных психологических переживаний.

Политические мифы обычно имеют универсальный характер. Они «пеленают» своими образами мировоззрение адептов, предоставляя им удобный, универсальный ключ к пониманию событий прошлого, настоящего и даже будущего. В любой жизненной ситуации мифы избавляют от необходимости думать, дают «безошибочный» рецепт действия, тем самым позволяя своим приверженцам занять исключительно комфортную эмоционально-психологическую нишу. Слепая вера в «божественный гений» дуче или фюрера, в «предначертание свыше» обеспечивает психологическую «легкость» бытия. Вождистский миф легко усваивается широкими массами, становится частью сознания и терапевтическим средством от паники и депрессии. Этот миф освобождает его носителя от моралистических оценок, априори дает право на любые методы борьбы, развязывает руки для вседозволенности и агрессивных действий, в том числе откровенно насильственных, направленных на физическое и психологическое подавление неугодных. Любая информация, пропущенная через мифологизированный фильтр, обретает в сознании носителей мифа двухцветную окраску («свой–чужой»), и для определения противника достаточно лишь приклеить ему этикетку «чужой». В сочетании с социальными, национальными, расовыми и иными предрассудками, политический миф способствовал складыванию в массовом сознании бывших фронтовиков и значительной части средних слоев населения в Германии и Италии специфического типа социальной психогаммы, которая оказалась чрезвычайно восприимчивой к идеологическим постулатам фашизма. На ее основе складывался новый субъект особого — консервативного (несмотря на революционную фразеологию), ультраправого, радикального — действия.

Неудивительно, что эта ментальная матрица оказалась доступной и близкой вчерашним солдатам. Именно они стали тем ядром, вокруг которого в послевоенные годы формировались различные радикальные протестные движения тоталитарного типа.

Они появились почти во всех воевавших странах, став одним из проявлений нарастания глубокого кризиса демократической формулы власти. Как правило, организационно-политическим костяком тоталитарных движений были партии и военизированные отряды. В борьбе за массы они использовали широкий арсенал средств: от всеобщего избирательного права до прямого физического насилия над противником. Степень проникновения этих движе-

¹ Флад К. Политический миф: Теоретическое исследование. М., 2004. С. 9.

ний в ткань гражданского общества была различна и зависела от национально-исторической традиции каждой страны, глубины послевоенного кризиса и особенностей ментального настроения масс. Однако повсеместно тоталитарные (названные впоследствии фашистскими) движения были доморощенными, испытывавшими влияние, но не привнесенными извне.

В Великобритании, стране с глубокими парламентскими традициями, устоявшейся классической либеральной демократией и развитым гражданским обществом, тоталитарную тенденцию олицетворяли лишь мелкие группировки «эстетствующих» интеллигентов и подчиненных им молодчиков, занявшие очень узкую нишу в политическом спектре. В начале 1920-х гг. в стране появились микроскопические организации, именовавшие себя фашистскими: Фашистская лига империи, Британские фашисты, Фашистская лига, Фашистское движение, Кенсингтонская фашистская партия, Йоркширские фашисты, Национальные фашисты, Лига британских братьев и другие¹.

Во Франции, не менее славной своими демократическими устоями, тоталитарная тенденция также дала о себе знать — и даже более весомо, чем в Великобритании, но явно не стала доминирующей. Она была схожей по форме (множество фашиствующих группировок, заявивших о себе значительно позже: Боевые кресты, Франсисты, Патриотическая молодежь, Французская солидарность и др.), но существенно отличной по содержанию. Один из ее основных носителей — организация «Аксьон франсез» — появилась во Франции еще в конце XIX в. и была связана с консервативной националистической традицией, решительно отвергавшей демократию, тосковавшей по монархическим порядкам, жесткой иерархии и сильной власти и уповавшей на элиту, а не на массы. В этом смысле она являлась не столько тоталитарным, сколько авторитарным феноменом. После войны «Аксьон франсез» стала прибежищем многих ветеранов, для которых лозунг организации — «Честь, Семья и Отечество!» — был близок и понятен.

Тоталитарная тенденция пробивала дорогу и в малых странах Европы (Дании, Швейцарии, Нидерландах), где также прослеживалась родственная связь зарождавшегося фашизма с национализмом. В Бельгии, например, первые профашистские организации появились в среде фламандских националистов. В Австрии в 1919 г. был создан Хеймвер — организация фашистского типа, не скрывавшая своей неприязни к соседним славянским народам. Хеймвер заявлял о своей преданности пангерманизму, но одновременно находился под сильным идейным влиянием Муссолини. В Испании фашистские группы возникли после установления республики в числе прочих организаций правого, националистического толка.

Одной из типичных черт нового национализма, вне зависимости от страны его происхождения, было стремление к сильной власти как к гаранту обеспечения национальных интересов. В массовом сознании кризис демократии в послевоенные годы воспринимался не как отсутствие эффективных механизмов управления, а как порок самой системы управления на либерально-

¹ Прокопов А.Ю. Фашисты Британии: Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932–1940). М., 2001. С. 50.

демократических началах, что автоматически подводило к мысли о необходимости ее замены на новую власть, более эффективную. Если взглянуть на эту проблему шире, можно утверждать, что фашисты, ратуя за усиление роли государства в жизни общества, оказались в общем тренде. Придя к власти в Италии и Германии, они сформировали тоталитарную модель государственного регулирования экономики и социальных отношений.

Подобное антидемократическое умонастроение, как, впрочем, и выражавшие его тоталитарные движения в целом, получило особенно широкое распространение там, где сложились дополнительные благоприятные предпосылки, а именно: реальный кризис власти на фоне глубокой неудовлетворенности масс итогами войны и производного от нее роста реваншистских настроений. В Западной Европе таких государств было два: Италия и Германия. Только в этих странах тоталитарные движения стали, хотя и в разное время, действительно массовыми, увлекшими большие группы людей и подчинившими их достижению своих целей. Идейные вдохновители таких движений воспевали войну («стальную грозу»¹) как способ естественного отбора и существования человечества, призывали к переделу несправедливого (послевоенного) мира, устроенного кучкой либеральных политиков, делали ставку на применение военной силы ради установления «справедливого нового порядка», топтали устоявшиеся с XIX в. идеалы гуманизма и прогресса.

В Италии в первые послевоенные годы сложилась исключительно благоприятная обстановка для распространения такого рода идей. Несмотря на «победу», в стране созрел полномасштабный общенациональный кризис. Развал экономики, не выдержавшей напряжения военного времени, усугублялся шквалом массовых выступлений рабочего класса («красное двухлетие»), приводивших к параличу целых отраслей производства и экономическому хаосу. Рабочие были хорошо организованы и располагали необходимыми действенными инструментами для борьбы за свои цели. В их руках были окрепшие профсоюзы и крупные политические партии: социалистическая и отколовшаяся от нее леворадикальная коммунистическая. В результате рабочему классу удалось добиться весьма существенных социально-экономических уступок, закрепленных на законодательном уровне². У многочисленных представителей средних слоев и бывших фронтовиков эти успехи рождали не только зависть и чувство несправедливости, но и не лишённые оснований страхи перед грядущей в Италии «большевистской революцией», на пути которой правящая элита (также испытывавшая эти страхи) не могла поставить заслон.

Мотив бессилия власти перед внутренним врагом многократно усиливался, когда речь заходила о врагах внешних, в том числе о бывших союзниках по Антанте. В массовом сознании устоялось и быстро расширилось представление

¹ В Германии, например, одним из наиболее популярных певцов реванша был Эрнст Юнгер. См.: Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000.

² 8-часовой рабочий день, существенное увеличение зарплаты, расширение норм по охране труда, улучшение условий найма и увольнения рабочей силы, значительное уменьшение размеров штрафов за нарушения производственной дисциплины, а также законы о передаче крестьянам части необработываемых земель.

о несоразмерности цены победы и ее результатов. Все больше обывателей приходило к выводу, что государство — либеральное, «джолиитианское» — обанкротилось, продемонстрировало полную немоту и не сумело отстоять национальные интересы Италии в результате победы. Миф об «украденной победе» («побежденная среди победителей») стал самым распространенным и популярным в Италии в первые послевоенные годы. Количество его носителей росло в геометрической прогрессии. В их сознании этот миф причудливо переплетался с идеями классовой борьбы, национального величия, бессилия либеральной демократии, необходимости возмездия, абстрактной справедливости и т.д.

Тем не менее в этом «интеллектуальном коктейле» все более отчетливо вырисовывались те объекты, которые в привычной для фронтовиков парадигме попадали в разряд «чужих» (предателей): либералы, демократы, «джолиитианцы», пацифисты, парламентские пораженцы, коммунисты, социалисты, спекулянты и прочие. Противостоять им могли лишь «герои», объединенные общей идеей «Великой Италии», готовые осуществить революционный переворот, установить сильную, надклассовую власть, способную обеспечить гражданам социальную справедливость, а Италии — «достойное место под солнцем».

Этими идеями вдохновлялись члены боевых отрядов фашистов (от итальянского *fascio di combattimento* — «союз борьбы»), сформированных в Италии весной 1919 г. Они составили костяк набиравшего обороты тоталитарного движения на Апеннингах.

«Союзы борьбы» возглавлял Бенито Муссолини — харизматический вождь («дуче», за ним уже был закреплен этот неформальный титул), имя которого вошло в историю как синоним самого уродливого исторического феномена XX в. — фашизма. Выдающийся демагог, в избытке наделенный характерным итальянским темпераментом, Муссолини умел завораживать толпу своими речами, вызывая неподдельный энтузиазм у своих сторонников. Дуче стал классическим образцом лидера тоталитарного движения: он использовал все доступные средства (легальные и нелегальные) для получения массовой поддержки, требовал слепого и безоговорочного подчинения и выполнения своих приказов, формировал иерархическую структуру движения, выдвигал популистские лозунги. Имея за спиной многолетний опыт революционера-социалиста, Муссолини блестяще сочетал в своих проповедях лозунги яростного национализма крайне правого толка с левой социальной и политической демагогией, что не осталось незамеченным наиболее прозорливыми представителями правящего класса¹, значительная часть которого в конечном счете оказала фашизму поддержку. В начале 1920-х гг. Италия стала единственной страной в Европе, где влиятельная часть элиты (политической, военной, финансовой, монархической) консолидировалась в понимании необходимости допуска фашистов к власти в долговременной или краткосрочной перспективе. Консенсус элит стал одним из решающих условий успеха фашистского движения (а с 1921 г. — и фашистской партии), которое быстро заполняло вакуум на крайне правом фланге политического спектра Италии.

¹ См., например: *Orlando V. Miei rapporti di governo con S. Sede. Milano, 1944. P. 176.*

Либеральные демократы с каждым днем утрачивали шансы на политическое выживание. Отныне вопрос об историческом будущем Италии зависел от исхода противостояния радикальных правых сил, с одной стороны, и радикальных левых — с другой. Осенью 1922 г. в результате спецоперации под названием «Поход на Рим» фашистский дуче был назначен премьер-министром. Начался процесс трансформации политической системы Италии. Спустя три года этот процесс стал необратимым и обрел четкую тоталитарную направленность. На рубеже 1920–30-х гг. в стране сформировался первый в Западной Европе тоталитарный режим, провозгласивший в качестве одной из главных задач «фашизацию нации».

Попытка встать на этот путь была предпринята крайне правыми силами и в Германии, где поляризация общества достигла не меньшей остроты, чем в Италии. Мысль о необходимости радикальных перемен в традиционном политическом устройстве пробивала дорогу в массовом сознании немцев еще на завершающем этапе военных действий. В итоге вспыхнула революция, похоронившая империю. Ее начало совпало с поражением Германии в войне. Однако в воображении многих бывших фронтовиков последовательность и взаимосвязь этих событий была иной: революция — поражение — Версаль с его «кабальными» условиями. Они не понимали истинных причин военной катастрофы и искали их за пределами фронтовой жизни. Абсурдность произошедшего (поражения) делала немецких фронтовиков особенно склонными к мифологизированному восприятию действительности, что создавало гносеологическую основу для распространения тоталитарных настроений.

Так рождалась и падала на благодатную почву растиражированная впоследствии гитлеровцами легенда об «ударе кинжалом в спину борющемуся фронту», а версальский диктат становился синонимом Веймарской республики, которую военное поколение немцев рассматривало не иначе, как позорное детище поражения. Однако виновниками неза заслуженного поражения представлялись не правящие круги, как в Италии (вряд ли можно было заподозрить Людендорфа в немощи и бездеятельности), а левые партии и организации (потом еще и евреи), втянувшие страну в революцию.

Глубочайший кризис власти осенью 1918 г. был очевиден. Но начавшаяся революция не пошла по «русскому» сценарию, поскольку радикализм крайне левых внушал весьма многочисленному среднему классу серьезные опасения за свою жизнь и, особенно, за свою собственность («господство рабов»).

На этом фоне правые радикалы, в том числе национал-социалисты (возникшая в 1919 г. НСДАП), предстали в заманчивом и романтизированном образе борцов за восстановление «исторической справедливости». На самом раннем этапе своей истории НСДАП, наряду с «фёлькише» и прочими правыми течениями и группировками, шла в общем русле «консервативной революции» в Германии¹, возрождавшей наиболее значимые национальные мифы («особая нация», «высшая раса», «третий рейх», «сильное, авторитарное госу-

¹ Подробнее о консервативной революции см.: Пленков О.Ю. Триумф Мифа над разумом. СПб., 2011.

дарство»), которые обладали огромной притягательной силой, но были якобы утеряны в республике.

Ядром «консервативной революции» и массовой базой зарождавшихся тоталитарных движений стали бывшие фронтовики, быстро впитывавшие антиреспубликанские, антидемократические, антизападные и антилиберальные идеи. Они внимали речам новоявленного фюрера, слыша в них столь желанные и ясные ответы на мучившие их вопросы. По сути дела, Гитлер, не обделенный харизмой и не менее одаренный оратор и демагог, чем дуче, не изобрел ничего нового. Он лишь отобрал наиболее реакционные и одиозные идеи крайне правых, разбавил их революционной, социалистической фразеологией левых и «замесил» это идеологическое тесто на расизме и антисемитизме. Выпекавшиеся из этого месива «пирожки» для массового потребления легко переваривались бюргерством. НСДАП сразу возникла как партия, нацеленная на активное завоевание масс, и как боевая организация, применяющая методы прямого насилия. В августе 1921 г. у нее появились и особые штурмовые отряды (СА).

Воодушевленные успехами итальянских фашистов, гитлеровцы попытались устроить нечто подобное «Походу на Рим» и в Германии («пивной путч»), но потерпели полный провал и остались маргинальной группировкой. Представители старой консервативной элиты поспешили откреститься от нацистов, поняв, что время последних еще не настало. Общество слишком устало от пережитых военных и революционных потрясений. Для военного реванша требовалась передышка и новое, молодое поколение солдат. Тоталитарные движения сбавили обороты, но никуда не исчезли. Их выход на политическую авансцену Германии был отложен до нового экономического кризиса и кризиса власти на рубеже 1920–30-х гг., создавшего благоприятные предпосылки для превращения нацистов в реальную политическую силу.

Тем не менее распространение тоталитарных тенденций в Европе обрело характер эпидемии. Вслед за Италией режимы, в той или иной степени тяготеющие к тоталитарным способам управления, установились в межвоенный период в Польше, Югославии, Венгрии, Болгарии, Испании, Португалии, Румынии, Греции. Апофеозом этой тенденции стал приход к власти нацистов в Германии, давшей миру классический образец тоталитарного строя. Эти режимы не затронули сложившуюся структуру капиталистической собственности (лишь усилив присутствие нового собственника — государства), но преобразовали политическую систему с целью «социализации» человека, его превращения в послушное и преданное «орудие» собственной политики.

Появление тоталитарных тенденций и режимов было немислимо вне исторического контекста наследия Первой мировой войны. В этой связи можно утверждать, что именно «Великая война» определила основную характерную черту всего межвоенного периода в капиталистическом мире — противостояние сил демократии и тоталитаризма.

ОЦЕНКИ И ВЫВОДЫ: ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ПОСЛЕ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»

§ 1. Мир после мира. Версальское урегулирование с точки зрения победителей

Первая мировая война, помимо всего прочего, способствовала тому, что проблемы международных отношений и внешней политики стали привлекать внимание гораздо более широкой аудитории, чем когда бы то ни было ранее. С окончанием войны этот интерес, пожалуй, только усилился. Само по себе грандиозное событие, повлекшее громадные разрушения и жертвы, а также полный крах прежней системы международных отношений, требовало объяснения и истолкования. Необходимо было дать оценку новой, только формировавшейся международной модели. Разумеется, в обоих случаях мнения и оценки в сильнейшей степени зависели как от «гражданства» автора (то есть от его принадлежности к одной из держав), так и от его общей мировоззренческой позиции.

Интерес к проблеме истоков и происхождения «Великой войны» обрел вполне практическое значение после подписания Версальского договора, 231-я статья которого возлагала вину за развязывание войны исключительно на Германию и ее союзников. С этого момента вопрос об «ответственности за войну» стал одним из самых животрепещущих и в исторической науке, и в международной политике. Данное обстоятельство предопределило высокую степень политизации исторических исследований в межвоенный период. В зависимости от того или иного ответа на этот вопрос, историография разделилась на «антантофильскую» и «ревизионистскую». Понятно, что во Франции, Великобритании и, отчасти, США «антантофильское» направление играло роль «официальной» концепции, а «ревизионистское» оказалось «в оппозиции». В Германии же ревизионистский подход абсолютно доминировал¹.

Однако вопрос об «ответственности за войну» был все же вопросом истории. Развитие международных отношений и принципы их действия после окончания мирового конфликта ничуть не меньше волновали как ученых-международников, так и общественное мнение всех стран Европы. Представление о том, что «эта война должна покончить со всеми войнами», прочно утвердилось в умах большинства жителей, по крайней мере, стран Антанты и многих нейтральных стран. Казалось, что слишком велики были жертвы, чтобы наро-

¹ См. подробнее: *Виноградов К.Б.* Буржуазная историография Первой мировой войны: Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. М., 1968.

ды могли себе позволить их повторение. Исключительно высок был авторитет В. Вильсона, которому после его прибытия в Европу направили открытые письма Б. Шоу и Р. Роллан. Публика очень мало знала о закулисных интригах в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. и о циничном торге людьми и территориями в ходе заседаний Совета десяти и Совета четырех. Среди части авторов в моду вошло противопоставление «старой» дипломатии (своекорыстной и кабинетной) и дипломатии «новой» (якобы честной и открытой).

Одним из первых дел конференции стала выработка Устава Лиги Наций, который, по настоянию Вильсона, должен был войти во все мирные договоры как неотъемлемая их часть. Таким образом, конференция на практике взялась за реализацию идеи, которой во время войны было посвящено так много теоретических трудов. В комиссию по подготовке Устава помимо Вильсона входили Я.Х. Смэтс, Р. Сесиль и Л. Буржуа — наиболее убежденные сторонники Лиги, соответственно, в Великобритании и Франции. «Конечный продукт» носил компромиссный характер. Лига создавалась как постоянно действующая организация, члены которой обязывались все свои споры, в случае неудачи прямых переговоров, передавать на ее решение. Предусматривались и санкции (вплоть до военных) к нарушителям спокойствия. Однако принцип единогласия при принятии ключевых решений делал практическое применение таких санкций маловероятным, а принцип добровольного участия в них оставлял ведущим державам достаточную «свободу маневра». Французская идея наделить Лигу Наций «карающим мечом» либо в виде собственной армии, либо в виде права распоряжаться определенными контингентами армий стран-участников в окончательный текст не вошла, что во многом обесценивало новую организацию с точки зрения Парижа.

Таким образом, в основном благодаря английской позиции удалось создать документ, который открывал дорогу для параллельного существования «старой» и «новой» дипломатии, Лиги Наций и многочисленных закулисных переговоров и конференций. Однако с самого начала сильнейший удар по авторитету Лиги нанес отказ американского сената ратифицировать Версальский договор, а вместе с ним и Устав Лиги. В последний год своего президентства В. Вильсон остался «за бортом» собственного детища.

Публикация мирных договоров, а вместе с ними и Устава Лиги Наций вызвала огромный поток комментариев со стороны журналистов, публицистов, юристов, экономистов, историков и людей других «пишущих» профессий.

В первые годы после окончания войны основное внимание общественной мысли стран-победительниц было сконцентрировано на проблеме будущего Лиги Наций и «нового мира», созданного в 1919 г. Если в ходе войны рассматривались преимущественно планы будущего мироустройства, то теперь задача состояла в том, чтобы, во-первых, оценить соответствие реальных достижений этим планам и идеалам, а во-вторых, попытаться спрогнозировать степень эффективности новых международных порядков и институтов, и в первую очередь Лиги Наций.

Спектр мнений был весьма разнообразен. Радужные надежды относительно перспектив Лиги соседствовали с ее уничтожающей критикой. Но все же на первых порах оптимистических голосов было больше. Так, известный британский историк Дж.П. Гуч в 1922 г. писал: «В новом мире, где знакомые ориентиры сметены бурей и землетрясением, основная мудрость состоит в том, что выживание европейской цивилизации крепко связано с жизнеспособностью и авторитетом Лиги Наций, принимающей и оберегающей как победителей, так и побежденных»¹. Некоторые авторы (в особенности американцы из числа поклонников В. Вильсона) были убеждены, что международные отношения можно построить на принципах справедливости, которые по сути своей одинаковы как для целых народов, так и для отдельных людей. А с утверждением справедливости длительный мир, по их мнению, установится сам собою; причем это будет не статичный миропорядок, а «подлинный мир социального прогресса», где быстро сформируется сообщество государств, основанное на общих целях участников. При этом конкретная форма такого сообщества не столь уж важна. Мир гораздо больше нуждается в «самоконтроле», чем в политических механизмах и институтах².

В работах того времени Устав Лиги подвергался самому скрупулезному анализу, а первые ее действия оценивались как свидетельства ее будущего успеха или провала. Авторы, непосредственно причастные к работе Лиги Наций, старались подчеркнуть ее международное значение для «нового порядка» и привлечь внимание публики к ее первым успехам (создание Постоянного международного суда, разрешение финско-шведского конфликта из-за Аландских островов и т.п.)³. Множество публикаций было посвящено поиску «истоков» идеи Лиги — со времен эпохи Возрождения (Данте, Скулли) до относительно недавних Гаагских конференций. Во всех подробностях изучалась и анализировалась история развития международного права, в особенности методы и практика мирного разрешения международных споров. В этом контексте Устав Лиги представлял как последнее слово научной мысли, венчающее все ее предыдущие достижения⁴.

На наш взгляд, одно из наиболее удачных и, вместе с тем, наиболее кратких произведений такого рода принадлежит британскому юристу Д. Бёрнсу. В своем анализе он последовательно разделял понятия «внешняя политика» и «международная политика». Если первая просто принимала как данность существование различных стран и народов со своими особенностями, то вторая основывалась на утверждении, что «характер и политическое устройство каждого народа таково, каково оно есть, вследствие его отношения к характеру и устройству других народов». Иными словами, основные характеристики

¹ Gooch G.P. *History of Modern Europe: 1878–1919*. N.Y., 1923.

² Jordan D.S. *Democracy and World Relations*. N.Y., 1919. P. 132–137.

³ Marvin F. *The League of Nations in Being // The Evolution of World-Peace: Essays Arranged and Edited by F.S. Marvin*. Oxford, 1921. P. 146–158.

⁴ См., например: York E. *Leagues of Nations, Ancient, Medieval and Modern*. L., 1919; Hicks F.C. *The New World Order: International Organization, International Law, International Cooperation*. N.Y., 1920; Allen S.H. *International Relations*. Princeton (NJ), 1920.

каждого народа определялись его окружением, при этом не существовало непроходимой грани между внутренними и внешними задачами государства, поскольку в обоих случаях конечная цель одна — благополучие собственных граждан. Ключевым понятием для этого автора, как и для множества других, являлось «международное сознание». Его развитию способствовала деятельность международных организаций, как межправительственных (начиная с Всемирного почтового союза), так и неправительственных (например, Красного Креста), деятельность которых Бёрнс подробно рассматривал. Их главная роль, по мнению автора, заключалась во все большей «интернационализации» разных сторон жизни людей. Таким образом, Лига Наций вписывалась в общий контекст достаточно длительного исторического процесса, но оказалась далеко не самым удачным воплощением этих тенденций. Неразрывная связь Устава с мирными договорами, безусловно, вредила репутации Лиги, поскольку сами договоры, как продукт эгоизма победителей, разительно контрастировали с возвышенными принципами Лиги, а сама Лига мало походила на проекты различных энтузиастов времен войны¹.

Гораздо более критичным по отношению к достижениям версальских миротворцев оказался один из самих этих энтузиастов — уже упоминавшийся нами Дж. Гобсон. Лига Наций, созданная в 1919 г., не имела ничего общего с грандиозной схемой «международного правительства», предлагавшейся им во время войны. Неудивительно поэтому, что он назвал ее не иначе как «мошенической». С самого начала она была «отравлена» связью с «продиктованными» мирными договорами и на деле стала не Лигой Наций, а «лигой форин оффисов» победивших держав с «тонким камуфляжем» из специально привлеченных нейтралов. Это подтверждалось и изначальным недопущением в ее ряды побежденных стран и России, которые должны были для своего приема в Лигу выполнить ряд условий, поставленных их врагами. «Тиранический» характер Лиги проявился и в системе мандатов. Их распределение, а также формулирование условий происходили за закрытыми дверями, без всякой консультации с заинтересованными народами. К тому же, если бы Лига действительно видела «священный долг цивилизации» в помощи «недоразвитым» народам, она бы сделала систему международного контроля за «отсталыми» территориями эффективной (с возможностью прямого влияния Лиги на ситуацию) и всеобщей, не ограничивая ее лишь захваченными «вражескими» владениями. В целом Гобсон считал необходимым создание новой Лиги Наций, построенной на совершенно иных принципах, поскольку та, что уже была создана, оказалась лишь инструментом «автократического и империалистического» правительства².

Наиболее острой критике, правда, с противоположных позиций, Лига Наций подверглась во Франции. Ж. Клемансо, возглавлявший правительство до января 1920 г., не скрывал своего скептического и даже насмешливого отношения к самой идее Лиги и своей приверженности к «старой системе» международных отношений. Поскольку его авторитет как «отца победы» был в стране

¹ *Burns D. International Politics. L., 1920.*

² *Hobson J. Problems of a New World. L., 1921. P. 227–234.*

непререкаем, сама идея Лиги быстро утратила популярность. По выражению знаменитого историка А. Олара, при Клемансо «те из французов, кто, будучи тайне врагами идеи Лиги, все же не смели об этом говорить, утвердились в своей враждебности. Другие опасались быть высмеянными в том случае, если бы высказали слишком много доверия к Лиге. Те из сторонников Лиги, которые еще оставались ее энтузиастами, должны были теперь следить за своим языком и за своим пером, чтобы не стать поводом для насмешки, выказав слишком большую веру в нее»¹.

Ярким примером французского скептицизма по отношению к «новым принципам» международных отношений могут служить работы профессора права А. Пилле. Уже в 1919 г. он опубликовал небольшую брошюру «Об идее Сообщества наций». Рассмотрев исторические корни этой идеи, он показал «химеричность» всех предшествующих проектов, которая в полной мере распространялась и на Устав, подготовленный в 1919 г. Невозможность практического воплощения таких идей коренилась в самом характере государства: «Правительство, каким бы ни была его форма, отвечает за государство: оно должно его охранять, поддерживать его силы, обеспечивать его процветание, предвидеть и устранять опасности, которые могут угрожать государству. Оно ответственно, и оно должно действовать; оно потеряет время, консультируясь с философами, как ему рекомендует Кант. <...> Отсюда вытекает невозможность доверять арбитрам важные вопросы и, следовательно, бесполезность всего проекта организованного Сообщества наций»². Впоследствии Пилле развил свои идеи в курсе лекций «О войне и праве», прочитанном в Университете Лувена (Бельгия). Он беспощадно критиковал все уступки, сделанные французской делегацией на мирной конференции в Париже: отказ от стратегических границ по Рейну и от создания буферных государств на западе Германии. В Уставе Лиги Наций его не устраивало главным образом отсутствие у этого органа собственных вооруженных сил. Он постарался убедить своих слушателей, что ликвидировать войну в принципе невозможно, а наилучший способ сделать ее более редкой — сильная армия и хорошо укрепленные стратегические границы³.

Более широкий обзор ситуации в 1923 г. предложил известный французский социолог и психолог Г. Ле Бон⁴. Автор был специалистом по коллективной психологии и придерживался весьма правых политических взглядов. Ле Бон был убежден, что причина большинства политических проблем лежит в распространенном заблуждении, согласно которому лучший способ разрешения спорных ситуаций — их всестороннее коллективное обсуждение. Такие реалии послевоенной политики, как бесчисленные международные конференции, создание Лиги Наций и преувеличенные ожидания от ее работы, были напрямую связаны с этим заблуждением. На самом деле «коллективный раз-

¹ Aulard A. L'opinion publique en France et la Société des nations // La France et la Société des nations. P., 1923. P. 227.

² Pillet A. De l'idée d'une Société des nations. P., 1919. P. 24.

³ Pillet A. La guerre et le droit. Louvain, 1922.

⁴ Le Bon G. Le déséquilibre du monde. P., 1923.

ум» не способен создать ничего цельного и прочного, особенно когда состоит из людей, представляющих противоположные интересы. В качестве примера Ле Бон приводил провал Генуэзской конференции 1922 г. Лига Наций, не имевшая сил для реализации своих решений, к тому времени уже успела продемонстрировать свою неэффективность, например в польско-литовском споре о Вильно. Коллективные усилия, по мнению Ле Бона, могут принести реальные плоды лишь в том случае, если они вдохновляются чьим-либо непререкаемым авторитетом. Таким авторитетом сразу после войны обладал В. Вильсон и, в меньшей степени, Д. Ллойд Джордж. Но их усилия принесли скорее вред, чем пользу. В частности, двумя фатальными ошибками, совершенными после войны, Ле Бон считал поощрение распада Австро-Венгрии на ряд небольших и слабых государств и, с другой стороны, отказ от расчленения Германии и установления постоянного французского контроля на левом берегу Рейна. Лига Наций могла быть эффективна только в том случае, если бы она превратилась в абсолютное мировое сверхправительство. Однако как раз этого не допустит ни одна великая держава, и в первую очередь США, отказавшиеся от вступления даже в слабую Лигу.

Поскольку Ле Бон был убежден в том, что большие массы людей в своих действиях руководствуются исключительно эмоциями, а вовсе не разумом, важнейшим политическим инструментом он считал престиж государства и власти. Он отмечает: до войны экономисты¹ полагали, что война маловероятна, поскольку она разорительна для победителя не менее, чем для побежденного. Однако экономические мотивы — не главные в поведении государств. Гораздо важнее — соображения престижа, которые в конечном счете и привели к войне. Исходя из этой концепции Ле Бон приветствовал французскую оккупацию Рура как акцию, восстанавливающую престиж Франции и освобождающую ее от диктата Англии. Однако он критиковал слишком осторожную манеру, в которой это было сделано, в частности отказ от репрессий в отношении местного населения за саботаж. Ле Бон подчеркивал, что «на самом деле не силой, а благодаря престижу всегда правили властители народов. Их власть испарялась, когда лишалась своего престижа. Это фундаментальное правило искусства управления не знает исключений». Выражаясь современным языком, Ле Бон писал об одном из невоенных факторов мощи государства, несколько абсолютизируя его значение. В целом его идеи отражали начавшееся у части мыслителей «разочарование» в демократии как в способе правления и необходимом условии мира между государствами. Причем если Ле Бон лишь констатировал непрочность нового мирового порядка, то многие деятели целенаправленно прилагали усилия к его разрушению. В Германии О. Шпенглер не только мрачно вещал о «закате Европы», но и призывал Германию, переживающую «Годы решений» (название одной из его работ), к возобновлению экспансии.

Большой интерес к международной проблематике сохраняли и американские исследователи. Несмотря на официальный «изоляционизм» своего

¹ Очевидно, Ле Бон имеет в виду в первую очередь Н. Энджелла.

правительства, американская интеллектуальная элита живо интересовалась событиями в Европе. Ведь и сам американский изоляционизм, как известно, предполагал вовсе не отказ США от участия в мировых делах, а лишь смену форм и методов этого участия. Ключевым инструментом теперь становилась «дипломатия доллара». Отсюда и характерный «экономический» взгляд многих авторов на проблемы Старого Света. Известный экономист Ф.А. Вандерлип, совершив в 1921 г. путешествие по большей части европейского континента (кроме России) и встретившись с лидерами большинства государств, на следующий год обобщил свои наблюдения в книге «Что будет дальше с Европой?». Обрисовав отчаянное экономическое положение, в котором находилось большинство европейских стран, он сделал вывод, что причина этого заключается не столько в войне, сколько в неразумном мирном урегулировании после войны. Мирные договоры были порождением эгоизма победителей, их экономические статьи оказались практически невыполнимыми. Разделение Центральной Европы на множество новых государств разорвало налаженные хозяйственные связи, что быстро поставило эти страны на грань экономической катастрофы (огромные долги, гиперинфляция, безработица и т.д.). К Лиге Наций автор относился с осторожным оптимизмом — как к единственному, пусть и несовершенному инструменту, который мог решать экономические проблемы континента. Вандерлип выступал за более активную роль США в европейских делах через реструктуризацию союзнических долгов, предоставление новых кредитов на жестко оговоренных условиях, создание единого европейского банка с перспективой выпуска единой европейской валюты. Ему, как и многим американцам, идеальным решением европейских проблем представлялась федерализация Европы по образу и подобию самих США¹.

Более академичный характер носила работа другого американца — директора Американского географического общества Нью-Йорка И. Боумэна. Книга, богато иллюстрированная картами, посвящена в основном послевоенной политической географии и всем тем проблемам, которые она породила. Их основная причина — несовпадение новых политических границ с этническим и религиозным составом населения. Автор остался последовательным «реалистом» и не испытывал иллюзий по поводу возможного разрешения этих проблем в ближайшем будущем: «Поскольку этот мир населен несовершенными человеческими существами, в нем всегда были поводы для столкновений и откровенные несправедливости. Эти вещи мудрые люди всегда пытались исправить. Но окончательный успех никогда не будет достигнут. Эволюционная борьба, которая сопровождала подъем человека от примитивного состояния к современному, будет долго продолжаться. В общем и целом это конкурентный (курсив автора. — А.Ф.) мир, и к издержкам обычной конкуренции должны быть добавлены издержки наивысшего рода конкуренции — войны. Национальные и расовые амбиции, ненависть и соперничество будут продолжаться до конца времен, хотя они могут быть уменьшены по своим масштабам и

¹ Vanderlip F.A. What Next in Europe? N.Y., 1922.

интенсивности». Постепенное улучшение ситуации возможно только через осуществление «кооперативных планов», то есть тех или иных форм международного сотрудничества. Лига Наций, вне зависимости от своей конкретной формы, с исторической точки зрения была лишь одним из таких «кооперативных планов», напрямую порожденным войной. Все подобные «планы» (Почтовый союз, Международная организация труда, Всемирный суд справедливости и т.п.) могут лишь постепенно, на протяжении поколений, через развитие образования и влияние «мудрых и дальновидных» политиков устранить или смягчить возможные причины «международных бедствий»¹.

Локарнские соглашения 1925 г. открыли кратковременный период ослабления международной напряженности, который впоследствии стал известен как «эра пацифизма» (1925–1932 гг.). Британский историк Р. Моуат превозносил итоги Локарнского договора, связывая с ним надежды, которые ранее возлагались на Устав Лиги Наций: «Успех Локарнской конференции произвел немедленное воздействие на восприятие Европы в остальном мире. Европейский таможенный союз рассматривается как вполне осуществимый, и уже поговаривают о Соединенных Штатах Европы»². «Эра пацифизма» была одновременно и эрой «международного оптимизма». Дискредитированные за время войны пацифистские и европеистские идеи стали обретать былую популярность. Наиболее примечательным было возрождение лозунга о «Соединенных Штатах Европы», активным пропагандистом которого был бывший австрийский граф, гражданин Чехословакии Р.Н. Куденхове-Калерги, основавший в 1922 г. Панъевропейский союз. Именно в этот период французский политический деятель А. Бриан заслужил прозвище «апостола мира» благодаря своему участию в подготовке Локарнских соглашений, а также двум дипломатическим инициативам, связанным с его именем: пакту Бриана–Келлога (1927) и плану «Пан-Европы» (1929).

Для всех внимательных наблюдателей был очевиден глобальный характер формирующейся системы международных отношений. Осознание этого факта привело к переосмыслению многих доктрин, казавшихся незыблемыми. В частности, критике стал подвергаться европоцентризм — стремление рассматривать мировую историю только с точки зрения наиболее «прогрессивных» западноевропейских стран. Во многих работах того времени значительное внимание уделялось отношениям западных держав с колониальными и полуколониальными странами. Однако в большинстве случаев дело не шло дальше утверждений о необходимости «помощи» азиатским и африканским народам на пути к «цивилизации». Юридическое неполноправие этих стран рассматривалось как вполне естественное явление: самостоятельно они не смогли бы обеспечить у себя «закон и порядок», столь необходимые во взаимозависимом

¹ *Bowman I.* The New World: Problems in Political Geography. N.Y., 1922.

² *Mowat R.B.* A History of European Diplomacy, 1914–1925. N.Y., 1931.

мире XX века. Французский юрист Ш. Дюпуи даже предложил чеканную формулу по этому вопросу: «Чтобы суверенитет уважали, он должен заслуживать уважения»¹. Созданная после войны система мандатов Лиги Наций, а также некоторые изменения в методах колониального управления (особенно британских) дали пищу для многочисленных трудов об эволюции колониализма по пути «самоуправления».

К собственному «голосу» азиатских и, тем более, африканских народов призывали прислушаться совсем немногие. Концепция германского социолога и философа О. Шпенглера, первым после войны выступившего с идеей множественности самодостаточных «культур», отличалась глубоким пессимизмом по отношению к будущей судьбе Запада. Однако в этом Шпенглера мало кто поддержал. К межвоенному периоду относится и начало научной деятельности выдающегося британского историка Арнольда Джозефа Тойнби (1889–1975) — классика «цивилизационного» подхода к изучению истории. Он был одним из экспертов британской делегации на Парижской мирной конференции и мог воочию наблюдать всю беспринципность европейской дипломатии, рассматривавшей страны и территории как куски своеобразного «пирога» с более или менее лакомой начинкой. В 1921 г. Тойнби в качестве корреспондента газеты «Манчестер Гардиан» отправляется в путешествие по Греции и Турции, которые в тот момент были охвачены жесточайшей войной друг с другом. В 1922 г. он опубликовал основанную на результатах своей поездки книгу «Западный вопрос в Греции и Турции. Изучение контакта цивилизаций»². Именно непосредственное наблюдение за «контактом цивилизаций» во время этой поездки позволило Тойнби в основных чертах сформировать принципы своего «цивилизационного подхода», а события греко-турецкой войны послужили для этого иллюстрацией³. Для Тойнби история не была «мертвой книгой». Современные ему события он рассматривал как продолжение истории, как результат действия ее законов, смысл которых он пытался постичь.

Свой главный труд, «Постижение истории», Тойнби писал, параллельно работая в только что созданном Королевском институте международных отношений. Его перу принадлежат многочисленные тома «Обзора международных отношений», регулярно издававшегося этим учреждением. Текущие международные отношения, по мнению Тойнби, давали мало оснований надеяться на скорое установление гармонии в мире. В 1924 г. в очередном томе «Обзора» он писал о грандиозной диспропорции, которая возникла в результате войны: «...обязанности бывшего “концерта держав” угрожали свалиться только на

¹ Dupuis Ch. Le droit des gens et les rapports des grandes puissances avec les autres états avant le pacte de la Société des nations. P., 1921.

² Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilisations. L.; Bombay; Sydney, 1922.

³ См. подробнее: Фомин А.М. Философия, рожденная войной: формирование историко-философской концепции А.Дж. Тойнби в начале 1920-х годов // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 9. М., 2002.

плечи Великобритании... но было очевидно, что она не может в одиночку взять на себя такую ответственность». Россия и США оказались за рамками новой системы, Япония была слишком далеко, а Франция и Италия сосредоточились на локальных проблемах. В Восточной Европе и на Среднем Востоке «местные государства действовали по своей собственной инициативе, и самое большее, что Союзники могли сделать, это повлиять на баланс между ними, положив на чашу весов неопределенную массу своего одобрения или порицания». Кроме того, Россия в результате революции искоренила у себя все немногочисленные признаки «западной цивилизации» и превратила чисто «западную» борьбу труда и капитала в свою собственную цивилизационную борьбу с Западом. И все же именно Запад должен заложить основы «более широкого общества» (*wider society*), в котором несколько великих обществ будут ощущать себя равноправными членами. Опираясь на созданные им мировые системы финансов, коммерции и транспорта, он вполне сможет выработать необходимые механизмы «всеобщей Лиги Наций»¹. Таким образом, Тойнби оставался сторонником идеи Лиги, но его не устраивало ее конкретное воплощение. Собственное представление о том, какой должна быть эта Лига, он вписывал в общий контекст своей цивилизационной концепции.

Не только Тойнби видел непрочность созданного после «Великой войны» миропорядка. По мере того, как становилась ясной реальная, а не идеальная картина международных отношений, по мере возникновения все новых противоречий между великими и малыми державами, книжный рынок стал наполняться работами, все более скептически оценивавшими происходящее. По понятным причинам, особенно много такой литературы выходило во Франции, которая не сумела в ходе мирного урегулирования реализовать многие из своих политических целей. Вина за это чаще всего возлагалась на «вероломных союзников». Ярким примером этого жанра является книга известного публициста А. Фабр-Люса «Кризис союзов»², в которой история взаимоотношений двух партнеров по Антанте описывается как история английских предательств и французских уступок.

Самые убежденные противники Версальского мироустройства обосновались в Москве. Третий Интернационал стал «штабом мировой революции», которая до 1921 г. оставалась «в повестке дня» международного коммунистического движения, затем была отложена на неопределенное будущее, но никогда полностью со счетов не сбрасывалась. Советские идеологи были убеждены, что капитализм вступил в стадию «общего кризиса», из которого выхода нет. Следовательно, неизбежны революции и сопровождающие их гражданские, национально-освободительные и межгосударственные войны. С другой стороны, политические деятели западных стран воспринимали Советское государство как нечто абсолютно чуждое их политической культуре и, соответственно,

¹ *Toynbee A.J. The World after Peace Conference. Oxford, 1926.*

² *Fabre-Luce A. La crise des alliances: Essai sur les relations franco-britanniques depuis la signature de la paix (1919–1922). P., 1922.*

враждебное и опасное. Кроме того, СССР рассматривался как продолжатель экспансионистских тенденций Российской империи, территорию которой он в основном унаследовал. Неудивительно поэтому, что даже самый «спокойный» период середины и конца 1920-х гг. прошел под знаком острого противостояния СССР и Великобритании, которое, естественно, находило свое отражение в прессе и публицистике.

Экономический кризис 1929 г. и установление нацистского режима в Германии разрушили призрачную стабильность Версальского миропорядка, а в месте с ней и большинство мировоззренческих иллюзий, на которых этот порядок был основан. Очень скоро стало совершенно очевидно, что Устав Лиги Наций бессилён перед «силовой политикой», и авторам поневоле пришлось возвращаться к более традиционным «реалистическим» идеям — «балансу сил» и «национальному интересу».

В целом за время войны и первые послевоенные годы общественная мысль западных стран прошла путь от поиска виновных в мировом катаклизме через попытки сначала сформулировать, а потом и реализовать идеал справедливого мироустройства под сенью Лиги Наций к сомнению, а затем и разочарованию в этом идеале. Тем не менее бурные события этого времени дали авторам неоценимый фактический материал для осмысления и объяснения реалий международной жизни, сущности процессов, разворачивавшихся на международной арене. Именно в ходе войны и сразу после ее завершения изучение международных отношений окончательно выделяется в самостоятельную область знаний, отличную от дипломатической истории, международной юриспруденции и социологии. Однако изучение этого предмета все еще носило чисто эмпирический характер и в сильнейшей степени было окрашено национальными и политическими пристрастиями авторов.

В наше время ни одна из многочисленных концепций, предложенных в то время, не рассматривается как полноценная теория международных отношений. В работах многих авторов начала XX в. нередко можно найти мысли, созвучные более поздним теоретическим построениям (проблема восприятия, дилемма безопасности и т.п.). Однако эти мысли обычно были лишь иллюстрацией к описанию конкретных событий. Размышляя о перспективах международных отношений, авторы либо приходили к пессимистическому выводу о неизбежности войн, либо призывали к радикальному пересмотру структуры международных отношений при помощи формирования принципиально новых институтов. При этом неизменно подчеркивалась необходимость формирования «международного сознания», которое должно вытеснить узкий национальный эгоизм. Ответ на вопрос о том, как уменьшить вероятность войны, не поступившись государственным суверенитетом, так и не был найден. Можно констатировать, что он и не мог быть найден в условиях тогдашнего многополярного и нестабильного мира.

§ 2. Проигранная война и судьбы Германии. Идейный ландшафт Веймарской республики

Рождение Веймарской республики из войны, причем войны проигранной, означало двойственность ее восприятия общественно-политической мыслью Германии 1920-х гг. С одной стороны, свержение монархии, отказ от самой идеи монархизма и строительство республики на основе пусть и зыбкого, но все же общенационального консенсуса, выраженного в Веймарском национальном собрании, знаменовали надежду на наступление новой эпохи; итогом войны виделось общественное обновление и ликвидация всего старого миропорядка. С другой — крах старого режима и победа в войне, по преимуществу, государств с парламентской политической системой заставляли возлагать слишком высокие ожидания на возможности этой новой для Германии системы. Эти ожидания являлись еще более тяжелым балластом для Веймарской республики, поскольку она должна была ликвидировать последствия войны, за которую не несла ответственности. Тяжелейший и позорный Версальский мир, который лег тяжким бременем на репутацию и восприятие молодой республики внутри страны, при этом являлся следствием и порождением старой монархической системы. Тем самым новая парламентская система была вынуждена отвечать за ошибки старой и за поражение в войне, только лишь в результате которого она и возникла.

Сама идея парламентской демократии за все годы существования Веймарской республики так никогда и не смогла завоевать умы большинства населения Германии — за исключением самого начального периода, во время еще фактически дореспубликанских выборов в Национальное собрание. Классическое объяснение структурной слабости веймарской системы и той легкости, с которой она развалилась, — конституционные недостатки, изначально заложенные в ее фундаменте, и прежде всего статья 48 Конституции, позволявшая президенту править на основании чрезвычайных декретов, что в сочетании с последствиями мирового экономического кризиса и массовой безработицей способствовало фактически самоликвидации демократии¹. Наряду с этим не менее важным обычно представляется и факт внутреннего отторжения (прежде всего со стороны политических элит) республиканского строя. Авторитарная система изначально представлялась вполне возможным и в какой-то мере даже желанным вектором политического развития для большинства профессиональных военных, судейского корпуса, чиновников и т.д. В сочетании с критической массой инфляции и армией безработных этот негативный потенциал в итоге взорвал республику изнутри. Иными словами, Веймарская республика, по мнению сторонников данной точки зрения, воспринималась большинством общественных группировок лишь как некая временная кон-

¹ Ср., например: *Bracher K.D.* Die Auflösung der Weimarer Republik: Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart, 1955; *Mommsen H.* Regierung ohne Partei: Konservative Pläne zum Verfassungsaufbau am Ende der Weimarer Republik // Die deutsche Staatskrise 1930–1933 / Hrsg. von H.A. Winkler. München, 1991. S. 1–18.

струкция¹. При этом традиционное восприятие национал-социализма, окончательно ликвидировавшего «Веймар», как маргинального, крайне правого по своей сути, течения проигравших в последнее время все больше смещается в сторону давнего, но долгое время малопопулярного в историографии тезиса о том, что главным врагом Веймарской республики был политический центр². Именно оттуда, из основных слоев общества, вырос национал-социализм. Таким образом, подтверждается тезис о Веймарской республике как о «демократии без демократов»³.

Однако при всех этих подходах во многом за рамками научного анализа остается то принципиальное для судеб послевоенной Германии обстоятельство, что Веймарская республика была вынуждена преодолевать последствия мировой войны. Эта война во всех европейских странах воспринималась как величайшая катастрофа, но уникальность положения Веймарской республики заключалась не только в том, что Германия войну проиграла, но и в том, что республика не начинала войну, в ней не участвовала и не должна была бы чувствовать свою ответственность — ни за ее развязывание, ни за ее исход⁴. Однако, вне зависимости от этого, обществу предстояло преодолеть глубокий шок от потери статуса великой державы и примириться или, как минимум, принять как данность унижительный мирный договор. Проблемы обустройства, финансовой и социальной поддержки жертв войны, преодоления безудержной инфляции представляли собой тяжелое бремя для экономик всех участвовавших в войне европейских держав. Для Германии же ситуация усугублялась огромным бременем репараций. Согласно Версальскому договору сумма репарационных выплат не просто была зафиксирована на немислимо высоком, заведомо непосильном для Германии уровне. Великобритания и, особенно, Франция поначалу в категоричной форме требовали незамедлительной выплаты «чистыми» наличными деньгами в твердой валюте.

Единственной возможностью для Германии оставались займы у США. Тем самым был запущен порочный для мировой экономики механизм «крупновороты» денежно-долговых средств: американские доллары, практически не задерживаясь в Германии, оказывались — в качестве выплат по репарациям — в Великобритании и Франции, чтобы затем вернуться назад в США в качестве выплат военных долгов этих стран; за Германией же оставались долги и проценты по долгам — теперь уже и перед США. А кроме того, таким образом военные репарации трансформировались в гражданские долги перед частными амери-

¹ См.: *Fritzsche P.* Rehearsals for Facism: Populism and Political Mobilization in Weimar Germany. N.Y., 1990; *Pyta W.* Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918–1933: Die Verschränkung von Milieu und Parteien in den protestantischen Landesteilen Deutschlands in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1996.

² *Jones L.E.* "The Dying middle": Weimar Germany and the Fragmentation of Bourgeois Politics // Central European History. 1972. Vol. 5. No. 1. P. 23–54.

³ Ср., например: *Thoß H.* Demokratie ohne Demokraten? Die Innenpolitik der Weimarer Republik. Berlin; Brandenburg, 2008.

⁴ Ср.: *Bessel R.* Die Krise der Weimarer Republik als Erblast des verlorenen Krieges // Zivilisation und Barbarei: Die widersprüchlichen Potentiale der Moderne / Hrsg. von F. Bajohr u.a. Hamburg, 1991. S. 98–114.

канскими банками — и это позволяло (с точки зрения заимодавцев) защитить их от возможных ревизий условий мирного договора и более не ставило сам вопрос выплат в зависимость от проблемы виновности в развязывании войны.

Наконец, всю страну в целом и, особенно, менталитет политически активной общественности следовало перестроить на мирные рельсы, причем главной оставалась не проблема «как это сделать», «насколько это *возможно*», а другой вопрос: насколько само германское общество вообще готово было принять ситуацию мирного существования после поражения в войне?

По известному образному выражению, характеризующему мировые войны XX в., воюющие стороны никак не могли закончить воевать¹. Для Германии после Первой мировой войны это относится практически к подавляющей части общества. Разгром революционных выступлений 1919 г., правые путчи, позднее — правые и левые боевые отряды... За исключением сравнительно короткого периода экономического подъема и социальной стабилизации в середине — второй половине 1920-х гг., фактически на протяжении всего послевоенного периода в стране преобладали настроения, приближавшиеся к тем, которые характерны для предкризисной стадии развития общества. Таким образом, война, формально закончившись в ноябре 1918 г., по сути, не прекратилась ни в сфере внутренней политики Германии, ни, тем более, в сфере политики внешней, в которой страна в еще большей степени, нежели до 1914 г., ощущала себя в окружении врагов. С другой стороны, опыт войны повлиял на формирование новых массовых стереотипов, которые начали играть важную роль для достаточно заметной прослойки общества: «гражданский мир» (Burgfrieden), «окопное братство», единение народа в годину бедствий. Все это оказывало непосредственное воздействие как на политическую жизнь, так и на общественную мысль.

Поражение в войне требовало осмысления. Из трагического военного опыта следовало извлечь какие-то выводы, которые можно было бы экстраполировать на реалии Веймарской республики. На фоне тяжелейшего послевоенного и послереволюционного положения в Германии общественные дискуссии о путях решения вставших перед страной проблем пошли в двух диаметрально противоположных направлениях, приведя, с одной стороны, к распространению в обществе реваншистских настроений и к попыткам противостоять «диктату Версаля», а с другой — к всплеску популярности пацифистского движения. Ничто из этого не было новым для немецкой общественно-политической мысли. Реваншизм и чувство национального унижения стали своего рода новым воплощением исторической обиды германского народа на «европейский концерт» враждебного окружения. Вместе с тем и послевоенный пацифизм опирался в Германии на давние традиции.

Всеобщая усталость от войны привела к рождению после ее окончания достаточно массового движения за прочный мир. В 1918–1919 гг. оно не имело общего руководства и общенациональной структуры и возглавлялось, по

¹ Geyer M. War and Terror: Some Timely Observations on the German Way of Waging War // War and Terror in Historical and Contemporary Perspective / Ed. by M. Geyer. Baltimore, 2003. P. 47–69.

преимуществу, спонтанно возникающими Советами солдат и рабочих. Именно массовая усталость от войны, невозможность скорого забвения ее тягот и ужасов, невозможность абстрагироваться от разрухи и горечи поражения не только явились важнейшими факторами стремительности и легкости победы Ноябрьской революции, но и стали своего рода объединяющей платформой для таких разных политических сил, как Советы и партийное большинство рейхстага. Как нам представляется, в ходе революции ее участники поднимали красные знамена не столько за установление абстрактной социалистической республики, сколько, прежде всего, против войны. Этот антивоенный импульс настолько сохранился в массах и после войны, что все политические партии вынуждены были его учитывать. При этом существовавшая до войны относительная идеологическая и политическая гомогенность немецкого пацифизма теперь исчезла окончательно. До 1914 г. сторонники движения за мир представляли собой почти исключительно мелкобуржуазные круги и образованные средние слои, прежде всего интеллигенцию. В ходе войны, особенно на ее завершающей стадии, к пацифистскому движению стало подключаться все больше сторонников обеих социал-демократических партий Германии. Важно отметить, что они привносили с собой и новые программные требования и теоретико-концептуальные установки. Само понятие *мира*, ранее относившееся лишь к взаимоотношениям между различными государствами, теперь переносилось на внутрисоциальные реалии. Все больше распространялось понимание взаимосвязи внешней и внутренней политики и необходимости демократизации и гуманизации общественных структур как фундамента для долгосрочного мира.

Главное, однако, на наш взгляд, заключалось в том, какую позицию занимала основная часть немецкого общества. Только его поддержка могла качнуть маятник в сторону победы сил реваншизма или же — в сторону установления прочного мира, будь то на принципах интернационализма, или либеральной демократии, или экономической целесообразности.

Если начало мировой войны знаменовало собой наступление в Германии т. н. «гражданского мира» — практически единодушной поддержки всеми партиями правительственной политики, включая военные кредиты, — то ее окончание привело вновь к формированию внутрисоциальных фронтов, которые изменили свою конфигурацию, но противостояние между которыми лишь усилилось. Революция еще больше усугубила эту ситуацию.

Непосредственно после Ноябрьской революции немецкие пацифисты самых разных направлений, включая социал-демократов и сторонников христианского социализма, центристов и либералов, смогли идентифицировать в глазах значительной части населения идеи пацифизма с политической системой зарождающейся республики. Некоторые видные представители пацифистских организаций заняли значимые посты в обновленных правительственных структурах. Массовость антивоенного движения и сближение разных позиций внутри него не привели, однако, в первые послевоенные годы к укреплению целостности немецкого пацифизма и формированию единой общегерманской

организации. Сохранялось множество разрозненных, порой соперничавших друг с другом обществ. Новые члены с радикальными взглядами, вступавшие в старые организации, конфликтовали с традиционалистами, неколебимо державшимися за давние либеральные принципы. Все же непосредственно после победы революции обе крупнейшие организации — Немецкое общество мира и Союз «Новое Отечество» — вызвали к жизни совместную акцию: инициативу «*Nie wieder Krieg*»¹, под лозунгом которой 1 августа, в день начала мировой войны, планировалось проводить ежегодный День мира (*Antikriegstag*), чтобы, опираясь на личный военный опыт участников мероприятий, постоянно стимулировать массы и правительство к поддержке планов сохранения прочного мира. Непосредственным организатором Дня мира явился Союз ветеранов войны в поддержку мира², основанный в октябре 1919 г. и ставший третьей по величине антивоенной организацией Германии³. Первый День мира, прошедший 1 августа 1920 г. в Берлине, собрал около 15–18 тыс. участников. На следующий год к его организации примкнули широкие круги СДПГ и НСДПГ, в результате в 1921 г. мероприятия прошли в 250 городах, в них приняло участие около полумиллиона человек. Однако уже в 1922 г. мероприятия, прошедшие снова в 250 городах, собрали, по разным оценкам, от 30 000 до 150 000 участников. После этого и ежегодный День мира, и движение *Nie wieder Krieg* все больше стали терять свое значение внутри Германии, хотя и получили широкий международный резонанс: несмотря на отсутствие соответствующей центральной международной организации, День мира стал проводиться во многих европейских странах, прежде всего в Скандинавии и на Балканах.

В Германии пацифистское движение так и не сумело выработать единой платформы. Организации, боровшиеся за прочный мир, были солидарны в своем отрицании войны, но занимали кардинально различные позиции по вопросу о выборе путей и средств достижения общей цели. Традиционный, умеренный леволиберальный пацифизм, учитывая глубокие изменения в послевоенной международной обстановке, ориентировался на Лигу Наций, считая ее важнейшим инструментом сохранения мира; основной задачей при этом виделось улучшение ее работы, совершенствование принципов ее функционирования и, в целом, международного права. Радикальный пацифизм выступал фактически с антигосударственных позиций — за массовые отказы от воинской службы, за всеобщую стачку и всенародную конфронтацию с собственным правительством ради предотвращения войны.

Кроме того, принципиальное различие двух основных течений в германском движении за мир — либерального и радикального — заключалось в концентрации их усилий на, соответственно, внешнеполитическом и внутриполитическом направлении. Наглядным примером общей тенденции развития послевоенного пацифизма в сторону радикализации и внешнеполитического крена служит эволюция первой и самой массовой организации — Немецкого

¹ Буквальный перевод: «Никогда больше войны».

² *Friedensbund der Kriegsteilnehmer*.

³ Его численность в 1921 г., в период расцвета, достигала 30 тыс. человек.

общества мира. До войны эта организация стояла на весьма утопичных позициях ожидания улучшения политического и общекультурного климата: предполагалось, что в долгосрочной перспективе большинство населения передовых просвещенных стран проникнется пацифистской идеологией и пониманием важности сохранения мира. Соответственно, свою задачу она видела в пропаганде идеи мирного существования народов и постепенного разоружения. Концепт мира воспринимался исключительно как внешнеполитическое явление, и в качестве пути его долгосрочного сохранения виделось сотрудничество государств в рамках юридически прописанных норм международных организаций, включая судебные. Более того, либеральные пацифисты рассматривали развитие империализма в качестве позитивного условия для формирования прочного мира: глобальный экономический рост должен был продемонстрировать важность мирного сотрудничества экономик ведущих стран и отход на задний план политических разногласий перед экономическими выгодами.

Во время и, особенно, после войны в ряды пацифистских организаций начали активно вливаться социал-демократы, позднее — в некоторой степени и коммунисты. Естественно, основной упор отныне делался на внутривнутриполитическую и социальную проблематику, борьба за мир — ассоциировалась с борьбой за межгосударственное и межличностное равноправие. В программе, принятой в октябре 1919 г., наряду с идейным противодействием войне и развитием международного сотрудничества прокламировалась цель ликвидации всеобщей воинской повинности, право на отказ от воинской службы, полное разоружение и социальное равенство — именно оно, наряду с равноправием отдельных государств, должно было стать фундаментом долгосрочного мира.

До подписания Версальского мира основным вопросом всей германской политики была проблема принятия или непринятия его заведомо неприемлемых условий, после подписания — отношение к нему, особенно к «позорным параграфам» VII части (статьи 227–230, включавшие, среди прочего, требование выдачи и осуждения Вильгельма II). Но наиболее сильное напряжение во всех слоях немецкого общества вызывала, естественно, статья 231, формулировавшая полную и единоличную ответственность Германии за развязывание войны, что превращало ее моральную вину в юридически значимый фактор для репарационных требований. Впервые в истории мирный договор включил в себя положение о вине одной из сторон, равно как и список военных преступников из 859 офицеров и генералов, возглавляемый будущим президентом — фельдмаршалом Гинденбургом.

Правые партии, выйдя из правительства и предоставив подписывать договор социалистам, тем самым возложили на них ответственность за него и (умело совершив подмену понятий) вину за само поражение в войне, зафиксированное в условиях мирного договора. Именно тогда, когда тяжелейшие последствия Версальского мира были вполне осознаны массами, пацифисты внезапно превратились в виновников краха германской государственности и

бедственного положения послевоенной Германии. Вполне понятно, что такое запоздалое переложение вины с больной головы на здоровую не имело оснований, однако внешние поводы для недовольства именно пацифистами, на наш взгляд, все же существовали. Далеко не все пацифисты признавали параграфы договора, прокламировавшие исключительную вину Германии за развязывание «Великой войны»; но все же в целом они выступали за выполнение условий договора, чтобы тем самым достичь примирения с Францией и мира в Европе. Другая причина «политики исполнения», сблизившая пацифистов с официальной стратегией немецкого правительства начала 1920-х гг., — попытка внешне максимально выполнять требования Версальского договора и таким образом продемонстрировать их заведомую завышенность и невозможность выполнения Германией своих обязательств по выплате репараций из-за полной экономической разрухи.

Поддержка противоречивших настроениям широкой общественности условий мирного договора стала причиной того, что уже с 1919 г. начался целенаправленный правый террор не только против революционеров и иных политических противников, но и против пацифистов: происходят убийства Курта Эйснера и Ганса Пааше, покушение на Максимилиана Хардена и т.д. И при этом ненависть к пацифистам, как правило, не отделяемым от левых социалистов, коммунистов и прочих «ноябрьских предателей», была присуща отнюдь не только правым националистическим кругам и очень скоро стала интегральной частью всей политической культуры Веймарской республики. Не случайно жертвой жесточайшей травли в прессе, а затем и праворадикальных убийц стал министр иностранных дел В. Ратенау, также причислявшийся к «предателям», причем безосновательно, поскольку в ноябре 1918 г. он выступал против перемирия и за продолжение военных действий, чтобы обеспечить Германии более выгодные исходные позиции на переговорах¹.

Особняком стояли лишь отдельные концепции, порой яркие, представленные известными личностями, но остававшиеся, тем не менее, маргинальными на фоне политического мейнстрима. Так, известный философ и социолог Макс Шелер, выступавший с позиций философской антропологии и пантеизма в поддержку пацифизма и даже с идеями вечного мира и, как ни странно, приглашенный в 1927 г. прочесть лекцию о сохранении мира офицерам и генералам военного министерства, в конечном счете также занимает позицию, фактически, Клаузевица, говоря о войне как о средстве политики, хотя и оговаривается, что «средство не должно стать целью», а «вечный мир является безусловно положительной ценностью»².

Что касается внутривнутриполитической обстановки в Германии в целом, то в ней изначально достаточно конкретные лозунги движения за мир все более

¹ Разумеется, истинные причины убийства Ратенау лежали глубже, нежели официально объявленный следствием слепой антисемитизм молодых фанатиков: стремление дестабилизировать республику, спровоцировать коммунистов на ответную реакцию и развязать руки фрайкору на пути установления правой диктатуры.

² Scheler M. Zur Idee des Ewigen Friedens und des Pazifismus // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 13. Bonn, 1990.

превращались в абстрактные, нередко компромиссные формулировки. Кроме того, несмотря на начальную массовость движения за мир, его влияние на правящие круги оказалось слишком слабым, его роль в практической политике — едва ли не нулевой. Уже первый же международный конфликт — оккупация Рура французскими войсками в 1923 г. — привел к тому, что германское правительство запретило французским делегатам участвовать в Дне мира, сами мероприятия должны были проходить только в закрытых помещениях. При этом коммунисты вышли из числа участников движения и отныне стали проводить конкурирующий День антифашистов; а с 1924 г. стал проводиться и День конституции, частично антивоенной направленности, но организуемый более правыми кругами, и, наконец, националистический День жертв¹, воспринимаемый как прямой антипод Дню мира.

В условиях намечавшегося кризиса движения за мир, в 1922 г. практически все значимые пацифистские организации Германии объединились в Немецкий картель мира². Очевидно, его лидеры рассматривали общенемецкий картель как попытку придать пацифизму новый импульс и объединить разрозненные усилия. Однако обе цели не увенчались успехом. С этого времени начинается необратимый спад и конечный закат немецкого антивоенного движения. В середине 1920-х гг. германский пацифизм вновь распадается. Невзирая на совместную борьбу с возрождающимся германским милитаризмом — и формально не отрекаясь от движения за прочный мир, умеренные организации выходят из Немецкого картеля мира и официально поддерживают военную политику правительства, чтобы получить государственные субвенции. Некоторые наиболее активные члены картеля и сочувствующие журналисты были осуждены как изменники родины — например, за раскрытие секретного перевооружения рейхсвера. Надежды многих пацифистов на возможность пассивного сопротивления милитаристским тенденциям были разрушены в 1923 г., в период оккупации Рура французскими войсками; одновременно стала очевидной и невысокая значимость пацифизма в структуре немецкого и европейского политического спектра.

Вступление Германии в 1926 г. в Лигу Наций, казалось бы, воплотило в жизнь многие чаяния пацифистского движения. Однако постепенно становились очевидными как изъяны Лиги Наций, неадекватность ее Устава реальным потребностям мирного развития европейской цивилизации, так и нежелание германского правительства прислушиваться к мнению пацифистских организаций. В 1927 г. распался Союз ветеранов войны в поддержку мира. В 1929 г. разногласия среди членов Немецкого картеля мира достигли апогея — в ходе обсуждения вопроса об отношении к правительственной программе строительства броненосных крейсеров. Картель фактически прекратил свое существование.

Однако главной проблемой пацифистского движения послевоенной Германии были, на наш взгляд, не организационная слабость и внутренние разно-

¹ «День памяти жертв мировой войны» (Gedächtnistag für die Opfer des Weltkrieges).

² Deutsches Friedenskartell. К 1928 г. в него входили 22 организации с общим числом членов около 100 тыс. человек.

гласия. Наибольшее значение, как нам представляется, имел постоянно возраставший в течение 1920-х гг. радикализм пацифистов, принимавших на своих конгрессах все менее реалистичные резолюции, что все более затрудняло сотрудничество с политическими партиями, а главное — все больше отталкивало от них не только обывателей, постепенно забывавших войну, но и либеральную интеллигенцию, традиционно служившую оплотом антивоенных идей. И когда, наконец, руководство в Немецком картеле мира перешло к крайним радикалам, это окончательно вывело германский организованный пацифизм на обочину политической арены. Лишенный какой бы то ни было массовой поддержки, он похоронил вместе с собой и внепартийное пацифистское движение. Послевоенные дискуссии о путях достижения прочного мира завершились победой реваншизма и национализма.

Движение за прочный мир в любых формах само по себе не могло потерять поддержки широких кругов общественности. Непосредственный травматичный опыт войны и тягот тыла у большинства населения явился причиной его массовой поддержки, но в долгосрочной перспективе оказался недостаточным для его сохранения и консолидации. Главной причиной перемены в позиции немецкого среднего класса стала не компрометация пацифистской идеи, а компрометация самих пацифистов. Им вполне логичным представлялось, что для стабильного существования республики необходим прочный идеологический фундамент, основанный на преодолении кайзеровского прошлого с его милитаристским наследием. Но в неразрывной связи с этим оказался острый вопрос об ответственности Германии за развязывание войны.

Правительственное социал-демократическое большинство, на которое пытались опираться пацифисты, не проявило интереса к этой проблематике. В итоге пацифисты выпустили из рук инициативу в решении вопроса об ответственности за войну — и это, в конечном итоге, стало одной из крупнейших ошибок новых властей и одной из главных проблем Веймарской республики.

После войны сохраняется значительное влияние на умы читающей немецкой публики идеологов предвоенного экспансионизма, писавших в 1900–1910-е гг. о неустраненных европейских противоречиях, по-прежнему враждебном окружении Германии, о военных приготовлениях коварных соседей и необходимости в этой связи вооружиться ради собственной безопасности. Довоенный «шиманизм» продолжался и в веймарскую эпоху. В 1921 г. П. Рорбах, чье влияние на практическую политику и долговременные теоретические постулаты несомненно и весьма велико, солидаризировался с ним в своей книге «Германия среди мировых народов». Даже после военного поражения и крушения Германской империи он соглашался с Т. Шиманом в том, что за войну на территории Франции последняя должна «благодарить Англию»¹. Завершающие главы этого внешне исторического труда — «Начало мировой войны» и «Германия в мировой войне» — написаны в чисто пропагандистской манере, проникнуты стремлением снять вопрос о немецкой ответственности за развязывание войны.

¹ *Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. Stuttgart, 1921. S. 223.*

Горбаху вторили другие идеологи довоенной «Великой Германии» и послевоенного ревизионизма. Э. Ревентлов обличал «лжецов», которые писали о вине Германии в развязывании мировой войны¹. Сам Шиман, являвшийся до войны настолько ярким поклонником Англии, что в августе 1914 г. вынужден был уйти из правоконсервативной *Kreuzzeitung* (ибо он был лишен возможности высказывать на страницах газеты свои проанглийские симпатии), скоро меняет пристрастия на обратные, говоря о том, что Англия толкала мир к военной катастрофе², а после войны — прямо обвинял прессу союзников в подготовке и развязывании войны³. По образному выражению правого историка Теодора Шидера, послевоенные «исторические исследования являлись продолжением войны другими средствами»⁴.

Лишь немногие публицисты и политики признавали ответственность Германии за развязывание войны. В ноябре 1918 г. была основана леволиберальная газета *Die Weltbühne*. Ее издатель Зигфрид Якобсон считал, что признание немецкой вины — неперемное условие укрепления демократии и залог невозвращения милитаризма. Эту позицию поддерживали печатавшиеся в газете видные публицисты, журналисты, писатели — Карл Осецкий, Курт Тухольский, Лион Фейхтвангер. В июне 1919 г. Союз «Новое Отечество» также сделал принятие положения о признании вины Германии частью своей программы и стал трактовать Версальский договор как результат развязанной Германией войны. При этом, однако, большинство немецких пацифистов были убеждены в невозможности выполнения его условий.

Отдельное место в политическом спектре рассуждений о роли Германии в войне и о послевоенном мире занимала позиция коммунистов. КПГ проводила прямую параллель между последствиями войны и ее причинами. Коммунисты рассматривали Версальский договор как попытку западного империализма унижить и уничтожить Германию. Если в августе 1914 г. империалистические разбойники напали друг на друга, то в Версале часть из них — победители — навязали побежденному столь же разбойничьи условия — «результат внутреннего и внешнеполитического положения Германии после четырех с половиной лет империалистической захватнической войны и после семи месяцев политической перегруппировки империалистических классов с помощью правительства псевдо-революции»⁵. Этот мир грозит уничтожить не только германский империализм, но и основы существования немецкого рабочего класса, соответ-

¹ *Reventlow, Graf Ernst zu. Politische Vorgeschichte des großen Krieges. Berlin, 1919; Idem. Kriegsschuldfrage und Kriegsschuldflüchter. München, 1929.*

² *Schiemann T. Ein Verleumder: Glossen zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin, 1915; Idem. Wie England eine Verständigung mit Deutschland verhinderte. Berlin, 1915.*

³ *Schiemann T. Wie die Presse unserer Feinde den Krieg vorbereitet und erzwungen hat. Berlin; Leipzig, 1919.*

⁴ Цит. по: *Frie E. Das deutsche Kaiserreich. Darmstadt, 2004. S. 82.*

⁵ Тезисы Центрального комитета КПГ 19 мая 1919 г. по поводу Версальского мирного договора: *Leitsätze der Zentrale der KPD vom 19. Mai 1919 zum Versailler Friedensvertrag // Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung / Hg. von Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Bd. VII. Berlin (Ost), 1966.*

ственно, «единственно возможным и неизбежным выходом» является свержение правительства, установление пролетарской диктатуры и ускорение мировой революции. Отвергая пацифизм¹ и первое революционное правительство социал-демократов, коммунисты, тем не менее, также присоединялись к общей тенденции германского политического дискурса — резкой «антиверсальской» риторике.

В публицистике и в бесчисленных массовых собраниях агитация против «позорного мира» была неразрывно связана с «легендой об ударе ножом в спину». Подтвержденный авторитетом Гинденбурга, который еще в ноябре 1919 г. выступил перед комиссией Национального собрания по расследованию причин развала германского фронта с данным тезисом, дополненным положением о невиновности Германии в развязывании войны, этот постулат играл в мировоззрении правоконсервативных националистов двойную роль: во-первых, он снимал ответственность с военного руководства кайзеровской Германии и тем самым обелял весь старый режим в целом; во-вторых, он возлагал на революционные силы, а соответственно, и на руководство Веймарской республики вину за поражение, унижительный мирный договор и тяжелейшие послевоенные условия. Он стал основой ревизионистской политики, которая завоевала приверженцев в самых различных слоях общества. Миф об «ударе ножом в спину армии» на деле стал реальным ударом в спину молодой республике.

В целом реакцию немецкого общественного мнения на «Версаль» характеризует неприятие его условий, хотя и с различных позиций. И пришедшие к власти умеренные социал-демократы, и, в основном, сохранившие свое положение старые элиты и чиновники из государственного аппарата, и значительная часть рядовых немцев были едины в возмущенном отрицании ответственности Германии за развязывание войны. Характерно, что при этом и германская сторона, и ее вчерашние противники игнорировали тот факт, что тем самым за ошибки исчезнувшей империи приходится отвечать новой, стремящейся к демократии республике — и в результате антидемократические силы получают косвенную поддержку своим постулатам.

Вопрос об ответственности за развязывание войны (*Kriegsschuldfrage*) и «легенда об ударе ножом в спину» (*Dolchstoßlegende*) постоянно присутствовали в политическом дискурсе Веймарской республики. Из их своего рода сочетания было сформулировано понятие *Kriegsschuldlüge* — «ложь о виновности в войне». Имелся в виду тезис Версальского договора о единоличной ответственности Германии за развязывание войны и, в не меньшей степени, шквал патриотической публицистики союзников, откровенно тенденциозно клеймившей экспансионистскую политику кайзеровской империи, вплоть до утверждений, что агрессивный *Drang nach Osten*, вековая ненависть к французам, стремле-

¹ «Пацифизм по сути своей — буржуазная социальная реформа... и столь же беспомощен в преодолении противоречий, антагонизмов и гнета капитализма» (Клара Цеткин, «Борьба коммунистических партий против военной опасности и войны», 1922 г., цит. по: *Die Friedensbewegung: Organisierter Pazifismus in Deutschland, Österreich und in der Schweiz* / Hrsg. von H. Donat u. K. Holl. Düsseldorf, 1983. S. 262).

ние к гегемонии в Европе или даже к мировому господству имманентно присущи немецкому национальному характеру. В свою очередь, разоблачение этой «импортной лжи» немецкими публицистами и политиками должно было служить делу идейного противостояния Германии репарационным требованиям Антанты. Уже на Парижской мирной конференции 1919 г. немецкие делегаты говорили о «лжи о виновности в войне». Кроме того, этот слоган использовался во внутривнутриполитических целях, чтобы заклеить «ноябрьских предателей», виновных в поражении Германии, из-за которых столь тяжелым оставалось послевоенное положение страны.

В результате в решении вопроса об ответственности за войну в общественном мнении стала доминировать «легенда о невиновности» Германии.

Для широкого спектра демократических политиков и партий, поддерживавших Веймарскую республику, это был осознанный выбор, основанный не только и не столько на реваншизме, сколько на убеждении, что тезис о невиновности Германии в Первой мировой войне может стать единственной идеей, объединяющей вокруг себя все столь различные и часто противостоящие друг другу общественные и политические силы. Тем самым «легенда о невиновности» легла в основу всей веймарской государственной мифологии, она была интуитивно понятна и эмоционально близка любому немцу, независимо от политических пристрастий. Одновременно с этим объективный (тем более, научный) анализ причин мировой войны и выяснение вопроса об ответственности за нее были строго табуизированы. Лишь очень немногие голоса призывали к признанию хотя бы моральной вины Германии (еще до Парижской мирной конференции — независимые социал-демократы и коммунисты, позднее — например, леволиберальная газета *Die Weltbühne*) или хотя бы высказывали сомнения в общепризнанной версии об оборонительном характере войны — как некоторые левые публицисты (в частности, Курт Тухольский) и историки (Артур Розенберг).

Таким образом, вопрос об ответственности за развязывание войны находился в центре внимания общественно-политической мысли послевоенной Германии. При этом в обществе в целом по данной проблематике царил обстановка, близкая к консенсусу. Ярких политических, публицистических или общественных дискуссий о ней практически не было. Как правило, они сводились к жалобам на несправедливость союзников в отношении Германии. Классический пример трактовки этих сюжетов — публикации Центрального бюро по изучению причин войны¹, выпускавшего в 1923–1928 гг. периодическое издание «Вопрос об ответственности за развязывание войны: Ежемесячник международного просвещения» (*Die Kriegsschuldfrage: Monatsschrift für internationale Aufklärung*). Характерен эпиграф, предпосланный сборнику, объединившему под одной обложкой все статьи «Ежемесячника» за 1923 и 1924 гг.: «В Европе есть народ, почти 75 миллионов человек, который заклеят бесчестными

¹ Zentralstelle für Erforschung der Kriegsursachen. Бюро было образовано еще в конце 1918 г. как подконтрольная структура германского МИДа и публиковало документы, аналогичные «цветным книгам» в других европейских странах.

обвинениями в том, что он осознанно и целенаправленно подготовил и начал великую войну, и который наказан так, как никогда ни в новой истории, ни в Средние века не был наказан ни один поверженный народ, — за эти самые преступления. У этого народа не было ни единой возможности высказаться в свою защиту. Его обвинители были его судьями. И после вынесения приговора стали известны доказательства — частично благодаря усилиям самого этого народа, но по большей части — из лагеря его врагов, — доказательства, которые демонстрируют, что вынесенный ему приговор является наихудшей и крупнейшей судебной ошибкой людского правосудия в анналах цивилизованного человечества»¹.

Тем самым идеологический фундамент республиканской исторической мифологии (то есть, фактически, государственной легитимации Веймарской республики), казалось бы, парадоксальным, но вполне логичным образом объективно играл на руку врагам молодой республики и служил питательной почвой для реваншистских, ревизионистских и националистических настроений в самых широких кругах общества. Тот факт, что социал-демократическое правительство не смогло избежать тяжелейших условий навязанного союзниками мира, сразу во многом дискредитировал новые власти в глазах населения. В дальнейшем Веймарская республика неуклонно двигалась вправо, ее руководители — Ратенау, Штреземан, Брюнинг — постоянно подвергались нападкам как «предатели», жертвами правого террора становились не только коммунисты, но и умеренные социал-демократы и буржуазные политики, подписавшие перемирие, а позднее — Версальский мир. При этом, казалось бы, успех веймарской политики был налицо: Германия вернулась в европейскую «семью наций», величина репараций все время корректировалась в сторону уменьшения, пока они совсем не были отменены. И в целом весь «диктат Версаля» был вызван войной, ответственность за которую следовало бы возлагать на кайзеровскую элиту, а не на веймарскую. Здесь, как и в случае с «легендой об ударе ножом в спину», была налицо не просто предвзятость, но осознанное стремление к манипулированию политическими процессами с целью ликвидации республиканских устоев.

¹ Die Kriegsschuldfrage: Monatsschrift für internationale Aufklärung. Berlin, 1925. Показательны и названия статей в журнале: «Приготовления к войне в России», «Идейное насилие в вопросе об ответственности за войну», «Вина в развязывании войны: неисторичная проблема» и т.д.

§ 1. Политическая философия в «эпоху революций и контрреволюций»: основные тенденции

Первая мировая война знаменовала собой решительный разрыв со всей прежней традицией — политической, правовой, интеллектуальной, культурной и т.д. Она привела к крушению многовековых монархий, утрате почти всякой политической роли традиционной аристократии (в тех странах, где она не была попросту уничтожена). Первая мировая война была первой и в том отношении, что в ней уже достаточно отчетливо проявились некоторые черты войны *тотальной*: не только потому, что массовыми стали жертвы среди мирного населения, но и потому, что ведение войны потребовало всеобщей мобилизации всех человеческих ресурсов. После этой войны стало «само собой разумеющимся то, что ни одно правительство, ни одно государство и ни одна форма правления не обладают достаточной прочностью, чтобы пережить поражение в войне»¹. Во всех участвовавших в войне странах она способствовала глубоким подвижкам в социальной сфере, которые, однако, не обязательно вели к демократизации общественно-политической жизни. Разумеется, в правящие элиты западноевропейских стран вошли профсоюзные вожди и парламентские фракции социалистов и лейбористов, социал-демократический II Интернационал окончательно и бесповоротно переходит на позиции реформизма. Однако вышедшие на сцену истории массы вовсе не исчерпывались организованным рабочим движением, на роль лидеров которого претендовали социал-демократы. Разоренные войной средние слои, городская и сельская мелкая буржуазия под угрозой пролетаризации (да и опасаясь повторения судьбы русских собственников) становятся неприимыми врагами марксизма. Если в странах-победительницах эта трансформация затронула лишь сравнительно узкие слои, то в странах проигравших (либо тех, где существенная часть населения полагала себя незаслуженно обманутой условиями мира, как, например, итальянская буржуазия) она способствовала формированию новых радикальных движений протеста.

Эти движения и в то время, и ныне чаще относят к «контрреволюции». Действительно, фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, родственные партии в других странах получали поддержку капитала и старых элит, поскольку вели борьбу прежде всего с коммунистами, изображали себя первыми защитниками дисциплины и порядка, равно как и прочих буржуазных институтов и добродетелей. Однако подавление попыток повторить опыт ком-

¹ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 10–11.

мунистической революции в ряде стран Европы происходило с незначительным участием фашистов: с этим в целом справлялись старые элиты (иной раз при существенной поддержке социал-демократов). Только в Италии фашизм оказался главной ударной силой контрреволюции, но и там это движение прошло сложную эволюцию от революционного «сквадризма» к однопартийному режиму. Фашизм был революционным движением — в том смысле, что был направлен не только против марксистских партий, но также против прежних либеральных и консервативных элит.

В истории европейской цивилизации к слову «революция» сложилось особое отношение. На протяжении двух веков оно было магическим, подразумевающим, что ниспровержение существующего порядка всякий раз благотворно для всего рода человеческого. Пока городская мелкая буржуазия устраивала террор и казнила аристократов и священников, это именовалось «революцией»; однако если точно такой же террор был направлен против парламентских фракций либералов и социалистов, то он объявлялся «контрреволюцией»¹. Находясь под угрозой пролетаризации, которую несет этой массе крупный капитал, еще более опасаясь физического истребления коммунистической диктатурой, средние слои вспоминают практику якобинцев и объявляют себя «народом».

В авангарде движений, бунтующих против прежних элит, на рубеже 1910–20-х гг. была молодежь. С фронта вернулись 20-летние ветераны, которые были приучены к тому, чтобы решать возникающие проблемы посредством насилия, делить мир на «друзей» и «врагов». Мироощущение этой молодежи хорошо передают не только и, может быть, даже не столько романы о «потерянном поколении». Гораздо меньше в литературе говорили о тех, кто вспоминал о войне как о той кузнице, в которой были выкованы «стальные» люди; в окопах родилось то фронтовое братство, которое служило для них образцом и в гражданской жизни. В боях зародилось единство нации поверх всех прежних классовых и культурных барьеров. К началу 30-х гг. эти фронтовики станут офицерами и унтер-офицерами армии, состоящей из тех, кто не успел повоевать и получал образование в 20-е гг. К 1930 г. НСДАП демократически выигрывает выборы во всех немецких студенческих союзах (за исключением католического), тогда как в коммунистическую партию записываются сыновья тех рабочих, которые состояли в СДПГ. Взгляд на сохранившие власть прежние элиты хоть правой, хоть левой молодежи хорошо передан в мемуарах историка Голо Манна (сына Томаса Манна), который сам в то время был страстным республиканцем, социалистом и пацифистом: «Хотя бы одно было ясно тогдашним студентам: бесцветная серость республики, посредственность тех, кто ее представлял. В подавляющем большинстве своем это были люди кайзеровского рейха. Они просто состарились, обнищали, но сохранили и непременный котелок, и туго затянутый под воротничком галстук; люди, лишённые всякого блеска, без идей,

¹ Отличие фашизма от «контрреволюции» XIX столетия и от консервативных сил 1920–30-х гг. не раз отмечали серьезные историки. См., например: *Remond R. Introduction a l'histoire de notre temps*. Т. 3: Le XXe siècle. P. 128–130.

без надежды»¹. В Германии к этому конфликту поколений добавлялось еще и то, что в правящих либералах и социал-демократах видели тех, кто «нанес удар ножом в спину» якобы победоносной немецкой армии.

Неудивительно, что Версальский мир отвергался большинством немцев². Важно подчеркнуть: в умах немецкой молодежи борьба против итогов Версаля смыкалась с бунтом против тех элит, которые привели страну к поражению, приняли и выполняли условия врага. То, что это произойдет, еще до подписания мира предсказывал один из крупнейших и наиболее прозорливых немецких мыслителей — Макс Вебер, который писал о том, что после вызванной одной лишь усталостью эпохи пацифизма в Германии разгорится костер крайнего шовинизма: «Народная ненависть неиссякаема, и вспыхнет *немецкая ирредента* со всеми обычными при ней *революционными средствами самоопределения*»³. Начиная с «Пруссачества и социализма» О. Шпенглера (1919) немецкие публицисты будут вести словесную войну с либералами как с «предателями», своего рода «внутренней Англией», готовя почву для консервативной революции. Идеология «консервативной революции» имела своих предшественников, как недавних (Ницше), так и более далеких от современности: в «Основных чертах современной эпохи» Фихте уже описывал царство буржуазии как состояние совершенной разнузданности и завершенной греховности. В это время вновь и вновь переиздается давняя книга Ф. Тённиса «Общность и общество», в которой индивидуалистическому гражданскому обществу противопоставляется утопия «общины» (*Gemeinschaft*), охватывающей то ли все человечество, то ли один избранный народ.

Хотя в Германии в силу известных особенностей ее послевоенного положения подобные тенденции проявились ярче и сильнее, чем где-либо еще, они хорошо видны и в других странах. Английский историк Х. Сетон-Уотсон в 1930-е гг. объездил почти всю Среднюю и Восточную Европу и был свидетелем своеобразного «хождения в народ» молодых интеллектуалов. Результаты их усилий были различны. В одних странах они не вызывали сочувствия у простых людей, а вот в Венгрии и Румынии эти движения нашли массовую поддержку. Пытаясь объяснить данный феномен, Сетон-Уотсон пишет: «Румыны боялись России, а капиталистический враг в их среде часто был евреем. Поскольку Третий Рейх боролся как против внутреннего, так и против внешнего врага, Гитлер был для них защитником, и они проглотили его идеологию»⁴. Радикализм молодежи послевоенного поколения способствовал росту враждебных друг другу сил; общим у них было только неприятие властвующих элит, власти крупного капитала, «рабства процента», купленных плутократами парламентских фракций и газет.

¹ Mann G. Erinnerungen und Gedanken: Eine Jugend in Deutschland. Frankfurt a. M., 1991. S. 380.

² О восприятии этого мира немцами см.: Krüger P. Versailles: Deutsche Aussenpolitik zwischen Revisionismus und Friedenssicherung. München, 1986.

³ Вебер М. Политические работы. М., 2003. С. 354.

⁴ Сетон-Уотсон Х. Фашизм справа и слева // Коммунизм и фашизм — братья или враги? М., 2008. С. 190.

Безусловно, у этих движений не было бы никаких шансов стать той чудовищной силой, которая привела европейскую цивилизацию на край гибели, не будь экономического кризиса, начавшегося в 1929 г. «Корни фашизма, как и социализма, — в рыночном обществе, которое перестало нормально функционировать»¹. Этот кризис был неизбежным итогом всей предшествовавшей эволюции капиталистической экономики, но то, что он оказался столь глубоким и привел к хорошо известным политическим последствиям, имело и идеологические предпосылки. К ним можно отнести и упадок либеральной экономической и политической мысли. Сторонник кейнсианства, крупный финансист 1930-х и политик 1950-х гг. П. Мендес-Франс прямо обвинял либеральную экономическую догматику первой трети XX века в том, что костер экономического кризиса гасили, подливая в него бензин. Без стремления сохранить золотой стандарт, дефляционизма и политики «сбережения» (т.е. уменьшения государственных расходов в ту эпоху, когда они были и так совсем незначительными) правительство Брюнинга не столкнулось бы со столь значительной безработицей и массовым разорением средних слоев. Именно эта политика, опиравшаяся на рецепты тогдашних экономических «гуру», привела Гитлера к власти².

Революции, как известно, совершаются недовольными своим положением массами, но готовят их меньшинства, своего рода «контрэлиты», сознательно противопоставляющие существующему порядку какой-то убедительный для масс проект. До войны такой силой было социалистическое движение. Однако во время войны социалисты и социал-демократы поддержали свои правительства; после войны же они входят в правительственные коалиции в ряде стран Западной Европы. Рабочие перестают быть пролетариатом, которому «нечего терять», они становятся интегральной частью существующего общественного порядка. Хотя это движение завершится только к середине XX столетия, оно отчетливо наметилось уже в 1920-е гг. Это не осталось незамеченным наиболее проницательными философами и социологами того времени, которые предрекали, что эпоха «революций слева» завершится интеграцией пролетариата в структуру индустриального общества. Анализируя суть перемен в социальной сфере после «Великой войны», один из первых теоретиков индустриального общества — Ханс Фрайер констатировал, что эпоху «революций слева» постепенно сменяет новая революционная ситуация: с вхождением «четвертого сословия» в ряды «третьего», образуется тот самый «народ», о котором так много говорилось еще со времен якобинцев. И именно этот «народ» теперь стремится

¹ Поланьи К. Великая трансформация. СПб., 2002. С. 260.

² См.: *Mendès France P., Ardant G. Science économique et lucidité politique.* P., 1973. P. 82–85. В этой работе указывается на то, что экономическая политика Я. Шахта в Германии 1933–1936 гг. (выход из кризиса, ликвидация безработицы в Германии буквально за пару лет) в целом соответствовала «новому курсу» Рузвельта на практике и кейнсианству в теории. Распространенная — в том числе и среди историков — интерпретация, согласно которой выход из кризиса нацистской Германии происходил за счет военных расходов, является очевидным образом ложной. Подготовка к войне начинается с 1937 г., а противившийся этой программе Шахт был отправлен в отставку.

овладеть государственной властью: такова суть «революции справа»¹. Особое место во всех этих схемах занимала революция в России, которую одни мыслители вообще выносили за пределы того, что имеет какое-то отношение к Европе; для других эта революция завершала движение, начавшееся в Англии в XVII в., но то, что из нее проистекло, уже не имело отношение к революции, понимаемой левыми как «эмансипация». «Революция 1917–1924 гг. была *последним* из европейских переворотов, воспроизводивших модель Английской революции и Французской революции; революция, начавшаяся около 1930 г. с коллективизации крестьянства, явилась *первым* из грандиозных социальных изменений, преобразовавших наш мир в 30-х гг.»², — писал К. Поланьи. Как и европейские «революции справа», «революция» в СССР привела к огосударствлению всей экономики, «тотальной мобилизации», даже к смене пропагандистской лексики (не «пролетариат», а «советский народ»).

Однако революционная эпоха началась в Европе отнюдь не с политических переворотов. В статье «Закат революций» Х. Ортега-и-Гассет справедливо утверждает, что все Новое время было по своему духу революционным, а судьбоносные политические потрясения суть следствия интеллектуальной революции, начавшейся в XVII столетии. «На протяжении полутора веков европейская политика была политикой идей»³, — подчеркивает он. Этот круг идей был задан математикой и физикой Нового времени: европейские конституции, политико-правовые трактаты написаны, как правило, языком «геометрического разума». «Закат революций» связан не с силой «реакции», «контрреволюции», но с тем, что наступила новая эпоха, кладущая конец господству рационализма. Через несколько лет Ортега уточняет свой диагноз: на место либерального миропорядка и рационалистических утопий приходит время «восстания масс», которые выталкивают наверх своих воинственных и авторитарных вождей; хотя эта масса куда более образованна, чем в любые другие времена, ее представители не способны мыслить рационально, да и не желают этого делать. «Поразительное единство всех новых больших движений в Европе и Америке состоит в том, что все они сознательно *иррационалистичны, антиинтеллектуалистичны*, а в большинстве своем обнаруживают откровенное презрение к духу и духовным ценностям вообще»⁴, — вторит ему М. Шелер. Эпоха Просвещения, так и не создав царство разума, завершилась. Начинается совсем иное время.

Сходный диагноз времени можно обнаружить у многих мыслителей 1920-х гг. Об иррационализме массовых движений пишут и З. Фрейд, и К. Ясперс. Религию этим массам заменяют идеологии. Конечно, основные идеологии — либерализм, консерватизм, социализм — сформировались и развивались на протяжении XIX в. Они уже обрели характер светских рели-

¹ Фрайер Х. Революция справа. М., 2009. С. 18.

² Поланьи К. Цит. соч. С. 267.

³ Ortega y Gasset J. El ocaso de las revoluciones (1923) // Ortega y Gasset J. El tema de nuestro tiempo. Madrid, 1955. P. 123.

⁴ Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 110.

гий, но еще сохраняли связь с научной рациональностью, представляя интересы больших социальных групп. Идеологии послевоенной Европы с научной точки зрения смехотворны, но они захватывают и ведут массы¹. Буржуазному гражданскому обществу ими противопоставляется органическая «общность», объединяющая весь народ и предполагающая авторитарного вождя. Иными словами, европейская цивилизация вступает в эпоху кризиса.

Слово «кризис», употреблявшееся ранее применительно к экономическим и политическим реалиям, приобретает теперь куда более широкое значение. Война поставила под вопрос все европейские ценности, все то движение, которое началось с эпохи Возрождения (а для некоторых мыслителей — и с античности). Кризис Европы — это кризис европейской цивилизации. Слова французского поэта П. Валери «Теперь мы знаем, что цивилизации тоже смертны» можно было бы ставить эпитафией к множеству текстов европейских философов, историков, публицистов. Еще во время войны выходит первый том «Заката Европы» О. Шпенглера, в котором фиксируется начавшееся движение вниз стран Запада (*Abendlandes*), ставится под вопрос историческое самопонимание людей этой цивилизации. Термин «цивилизация» стал общеупотребимым только к началу XIX столетия², он гордо использовался европейцами для отделения себя от «дикарей» и «варваров». Однако после «Великой войны» слово «варварство» стало все чаще употребляться применительно к самим европейцам. Под непосредственным влиянием войны рухнули те конвенции и запреты, которые удерживают человека от святотатства и детоубийства; религиозные традиции, нравственные идеалы, представления о высоком в искусстве и в жизни сметаются новой эпохой. Многие историки и философы сравнивают наступившее время с тем периодом развития Римской империи, когда цезаризм опирается не только на преторианцев, но также на массу, жаждущую лишь *panem et circences*. «Мы стоим перед угрозой гибели цивилизации», — писал Р. Дж. Коллингвуд, который вовсе не был ностальгирующим консерватором³.

Именно в послевоенные десятилетия приходит осознание множественности цивилизаций, причем осознание границ собственной европейской цивилизации становится чем-то общепринятым. И русские эмигранты — евразийцы, и получившие европейское образование китайцы, арабы, индийцы подчеркивают то, что господство европейского «проекта» подходит к концу вместе с эрой колониальных империй. Для М. Шелера континентальная Европа «уже никогда не вернет себе того *абсолютного* статуса пионера и господина мировой цивилизации, каким она обладала во всемирно-историческую эпоху *исключительно* благоприятной конъюнктуры в мировой политике и экономике еще в предвоенное время»⁴. Техническое и экономическое первенство захва-

¹ См.: Plessner H. *Abwandlungen des Ideologiegedankens* (1931) // Plessner H. *Zwischen Philosophie und Gesellschaft*. Frankfurt a. M., 1979. S. 255–257.

² См.: Февр Л. *Бои за историю*. М., 1991; Элиас Н. *О процессе цивилизации*. М.; СПб., 2001. Т. 1.

³ Коллингвуд Р. Дж. *Принципы искусства*. М., 1999. С. 105.

⁴ Шелер М. *Мировая война и структура Европы с точки зрения социологии знания — специфически европейские задачи* // Шелер М. *Проблемы социологии знания*. М., 2011. С. 207.

тили США, но и они столкнутся с конкуренцией со стороны России, Японии, других азиатских стран. У Западной Европы еще остается шанс быть мировым центром чисто научного и метафизического знания.

Однако для целого ряда мыслителей кризис послевоенной Европы связан именно с господством рассудочной метафизики и науки Нового времени. Для Э. Гуссерля это «кризис европейских наук», начавшийся еще с математизированного естествознания в XVII в.; для М. Хайдеггера корни лежат еще глубже: эпоха метафизики начинается с Сократа, тогда как подлинная «несокрытость истины» была доступна философии досократиков. На уровне философской публицистики раздается множество голосов обвинителей самого научного разума, выступающего как «противник жизни» (Л. Клагес) или, по меньшей мере, как крайне ограниченное техническое орудие, над которым возвышаются интуиция, миф, вера.

Многие университетские профессора философии могли и не разделять такого рода антиинтеллектуализм, но их голоса слышали немногие. Да и в самой академической «философии для философов» после войны происходит разрыв с господствовавшими ранее доктринами. Как писал свидетель этого разрыва Х.-Г. Гадамер, «неокантианство рухнуло в окопах Первой мировой войны». От философии, видевшей свою задачу в обосновании научного знания, а потому сводившейся к теории познания, происходит переход к феноменологии и к онтологии. Важнейшие для последующего развития философии события происходили в Германии и Австрии¹. В 1920-е гг. в Вене, Берлине формируется неопозитивизм, который затем будет перенесен в США эмигрантами в 1930-е гг. В дальнейшем он преобразуется в господствующую там донныне «аналитическую философию», утратив исходно революционный характер замыслов представителей Венского кружка². В Германии на первый план выходят учения, непосредственно связанные с упомянутой ранее «консервативной революцией». И экзистенциализм, и философская антропология рождаются в немецких университетах в оппозиции не только к прежней философии, но и к политическому порядку послевоенной Европы. В учениях Хайдеггера, Плеснера, Гелена первостепенными становятся вопросы подлинности существования, понятия решимости, риска. Впоследствии они будут заимствованы французскими писателями и мыслителями — Сартром, Мерло-Понти, Камю. Но сходную проблематику мы обнаруживаем и у тогдашних западных марксистов, и у «реакционных» противников коммунизма.

¹ Этому периоду посвящена необозримая историко-философская литература. В том числе и потому, что господствующие донныне философские доктрины непосредственно связаны с учениями 1920–30-х гг. Сошлемся только на пару статей тех философов, которые были свидетелями резких перемен в мире идей, связанных в том числе и с политическими обстоятельствами. См.: Plessner H. Deutsches Philosophieren in der Epoche der Weltkriege // Plessner H. Zwischen Philosophie...; Marquard O. Verweigerter Bürgerlichkeit: Philosophie in der Weimarer Republik // Marquard O. Glück im Unglück: Philosophische Überlegungen. München, 1995.

² Ср.: большинство перебравшихся в США австрийских и, особенно, германских психоаналитиков в Америке быстро растеряли свои симпатии к «красным».

В начавшейся «европейской гражданской войне» (Э. Нольте) формируется, а затем культивируется тип воина-работника, борца, наделенного «черно-белым» видением мира и не желающим идти на компромиссы. Такому видению мира сотен тысяч европейцев соответствовали философские взгляды, в которых они узнавали себя самих и которые получили широкое распространение в межвоенной Европе. Только с радикальными переменами всей экономической, социальной, политической жизни Европы после Второй мировой войны подобное мировоззрение постепенно утратит свою очевидность.

§ 2. Литература на послевоенном перепутье: поиски и открытия

Война закончилась, наступил долгожданный мир, солдаты возвращались домой. По существу, однако, это вряд ли можно назвать возвращением, ведь к 1918 г. решающая «точка невозврата» европейской культурой была уже пройдена: война перевернула страницу истории, Европа перешагнула порог, окончательно вступив в XX век. Все прежде бывшее осталось в прошлом, мир стремительно менялся, выявляя свои новые черты. Эти особые свойства того времени прекрасно выразил Томас Манн в авторском вступлении к роману «Волшебная гора» (1924), отмечая, что предлагаемая им читателю история «произошла некогда, когда-то, в стародавние времена, в дни перед великой войной, с началом которой началось столь многое, что потом оно уже и не переставало начинаться»¹.

Европа переживала тогда сложнейший период переоценки прежних духовных ценностей, смены мировоззренческих, социальных и политических ориентиров, общих представлений и жизненных устоев. Этот процесс охватил все стороны бытия, затронул не только интеллектуальную элиту европейских стран, но всех европейцев без исключения: с войной в него оказались вовлечены огромные массы людей, представлявших самые разные слои общества. Война не оставила камня на камне от прежней Европы — ни в масштабе ее политической карты и судеб народов, ни в масштабе личного пространства простых обывателей. Напряжением всех своих внутренних сил послевоенная Европа пыталась нащупать контуры своего нового «я», что не могло не привести к обострению противоборства между представителями различных философских взглядов, политических убеждений, художественных направлений.

Узлы противоречий, обнаружившихся еще в предвоенные годы, после войны затянулись со всей силой. Окончание войны не привело даже к временному затишью в общественно-политической жизни: Европа оказалась эпицентром революций, гражданских войн, национально-освободительных, националистических, фашистских движений. Писатели, как и их сограждане, были вовлечены в эти конфликты и порой участвовали в них самым активным и непосредственным образом.

В России война неразрывно переплелась с последовавшими революционными преобразованиями, этот клубок предопределил судьбу нашей страны

¹ Манн Т. Волшебная гора // Собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М., 1995. С. 8.

и личные судьбы ее писателей. В январе 1918 г. А. Блок завершил работу над поэмой «Двенадцать»; позже, размышляя над ее созданием и связью с политическими событиями, он отмечал, что «поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронсящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства»¹. Русское художественное самосознание того времени включало и «Оду революции» В. Маяковского, опубликованную в 1918-м, с ее ликующим финалом: «...о, четырежды славься, благословенная!»², и «Окаянные дни» (1918–1919) И. Бунина — дневники, опубликованные только в середине 1920-х гг. русским издательством в Париже. Русское общество раскололось — духовно, социально-политически, а затем и пространственно: значительная часть русской культуры оказалась в эмиграции, возник феномен литературы *русского зарубежья*.

В других европейских странах политическая жизнь и литература также находились в теснейшей взаимосвязи. Весьма широкое распространение получили радикальные левые взгляды, они питали творческую энергию многих европейских писателей. Социалистическая революция в России стала мощным катализатором этого процесса. В послевоенные годы она служила источником вдохновения для Анри Барбюса: он активно выступал в защиту Советской республики, расценивал факт ее создания как крупнейшее явление в мировой истории, вводящее человечество в новую фазу его развития. Романы Барбюса о Первой мировой войне («Огонь»; затем «Ясность», 1919) стали предметом общеевропейской политической дискуссии; В.И. Ленин называл их «одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого, массового явления роста революционного сознания в массах», превращения обывателя в революционера «именно под влиянием войны» (статья «О задачах III Интернационала») ³. В 1919 г. Барбюс создал международное объединение деятелей культуры, призванное бороться за освобождение умов от предрассудков буржуазного общества, — «Кларте» («Ясность» — по названию его антивоенного романа). Барбюса поддержали в этом начинании такие видные писатели, как А. Франс (Франция), Г. Уэллс, Т. Гарди, Б. Шоу (Великобритания), В. Бласко Ибаньес (Испания), Э. Синклер (США), С. Цвейг (Австрия), Г. Манн (Германия) и другие. Группа издавала газету и (с ноября 1921 г.) журнал «Кларте»; она просуществовала несколько лет, став немаловажной страницей в общественной жизни 1920-х гг. В 1923 г. Барбюс вступил во Французскую коммунистическую партию, до конца своих дней являлся ее видным деятелем. Яркий представитель немецкого экспрессионизма, один из крупнейших немецких поэтов XX в. Иоганнес Бехер (1891–1958) в годы войны был активным противником немецкого милитаризма, в 1917-м вступил в Независимую социал-демократическую партию. С созданием в 1918 г. Коммунистической партии Германии Бехер стал ее членом, в 1920-е — членом ЦК КПГ, депутатом рейхстага от компартии. Поэт приветствовал Октябрьскую революцию, его произведения революционного

¹ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Л., 1980. С. 377.

² Маяковский В.В. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 172.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. С. 106.

содержания, в частности поэма «У гроба Ленина» (1924), вызвали огромный общественный резонанс: за них Бехер подвергся судебному преследованию по обвинению в государственной измене; Горький, Роллан, Барбюс выступили в его защиту.

Интерес к марксизму и социалистическим преобразованиям в послевоенные годы нарастал, что не могло не затронуть весьма широкий круг литераторов, в том числе и не связывавших себя организационно с коммунистическим движением. Так, дух революционных перемен питал поэзию и драматургию Бертольта Брехта. В 1920-е гг. он обратился к изучению марксизма, а свой новый, «эпический» театр (важным принципом которого стало нарушение театральной иллюзии, вовлечение зрителя в активное осмысление и пьесы, и современной жизни) считал театром эпохи науки и социалистической революции.

В разрушенном войной мире возник момент некоего культурного «провисания», острой потребности в альтернативе обанкротившейся системе ценностей. В этих условиях усилилась критика современной промышленной цивилизации — не только «слева», но и «справа». Европейская литература испытала немалое влияние и праворадикальных политических идей и движений.

Нельзя не видеть, что в идейных установках некоторых направлений декаданса и авангардизма уже содержались предпосылки для развития ультраправых взглядов, получивших в 1920–30-е гг. свое политическое выражение — в том числе в идеологии фашизма и нацизма. Габриеле Д'Аннунцио (1863–1938), например, начинавший как поэт, прозаик и драматург итальянского декаданса, в годы войны служил летчиком и пехотным офицером, а после войны стал одним из лидеров националистического движения, связанного с фашистскими организациями. В 1919 г. он руководил экспедицией, захватившей югославский город Риеку (Фиуме), был затем комендантом этого города; при фашизме в 1924 г. Д'Аннунцио получил титул князя. В 1930-е он решительно поддержал колониальную политику Муссолини (публицистический сборник «Держу тебя, Африка», 1936), в 1937 г. — возглавил Королевскую академию наук. Основоположник и теоретик европейского футуризма Ф.Т. Маринетти в 1919 г. провозгласил родственность футуризма и фашизма, стал единомышленником и активным сторонником Муссолини.

Идейное влияние праворадикальных политических движений испытали в XX в. деятели культуры самых разных стран. Печальны в этом отношении творческие судьбы таких крупных и талантливых писателей, как Кнут Гамсун и Эзра Паунд. Норвежец Кнут Гамсун (1859–1952) вошел в литературу еще в конце XIX в., в 1920 г. был удостоен Нобелевской премии по литературе. В его прозе и драматургии с самого начала прослеживалось характерное для декаданса неверие в мир, устроенный по принципам буржуазной демократии. В 1920-е гг. эти ноты стали звучать еще отчетливее: современная действительность изображалась Гамсуном противоречащей исходным началам бытия, обрекающей человека на одиночество и пустоту («Женщина у колодца», 1920; «Последняя глава», 1923; «Бродяги», 1927). Со временем литературные искания трансформировались в политический выбор: в годы Второй мировой войны

Гамсун сотрудничал с немецкими оккупантами; после войны он был отдан под суд за измену родине. Американец Эзра Паунд (1885–1972) принадлежал к более молодому поколению, являлся теоретиком и практиком одного из авангардистских направлений — имажизма. Вся творческая жизнь Паунда оказалась теснейшим образом связана с Европой, куда он прибыл в 1908 г. Взгляды Паунда и его эстетические принципы нашли свое наиболее полное выражение в его главном поэтическом произведении — *Cantos* («Песни»); первые шестнадцать «Песен» вышли в свет в 1925 г., над дальнейшими Паунд работал до конца своих дней. Философские споры, политическое противоборство, история и современность, Восток и Запад — стали предметом размышлений поэта в этом монументальном труде всей его жизни. В 1920–30-е гг. Паунд жил в Италии; порядок, установленный в стране Муссолини, произвел на поэта сильнейшее впечатление; в 1933 г. он встретился с Муссолини, и эта встреча также оставила свой неизгладимый отпечаток. В 1941 г. Паунд стал вести в Риме официальные радиопередачи для держав «оси», в апреле 1945-го был арестован итальянскими партизанами и передан американским властям. Его содержали в лагере в Пизе, а затем переправили в США, где обвинили в государственной измене, но признали душевнобольным и приговорили к принудительному лечению. Как раз в этот период жизни Паунд завершил, пожалуй, лучшую часть своего главного творения — «Пизанские песни». Они были опубликованы в 1948 г. и получили Боллингеновскую премию, что вызвало настоящий скандал и острейшую общественную полемику. Через десять лет Паунд был освобожден, вернулся в Италию, где и умер в возрасте 87 лет. Так ошибочный выбор пути — в годы, когда весь европейский мир стоял на перепутье, — в итоге привел двух выдающихся писателей к идейному тупику и жизненному краху.

Надо сказать, однако, что в стане «правых» наблюдалась весьма сложная и противоречивая в идейном плане картина, шла острая полемика; к тому же далеко не все, кто к нему принадлежал, придерживались праворадикальных политических позиций. Критиков «справа» объединяло глубокое разочарование в достижениях буржуазной демократии, неверие в либеральные ценности, в либеральное представление о природе человека и общества, в общественный прогресс как неуклонное поступательное движение вперед, но акценты они расставляли по-разному и пути выхода из тупика современной промышленной цивилизации предлагали разные. Их голоса — важная составляющая общественного сознания XX в. Среди тех, кто в 1920–30-е гг. критиковал западную цивилизацию «справа», были столь сложные творческие индивидуальности, как Т.С. Элиот, У.Б. Йейтс, Т. Хьюм, И. Бэббит, П.Э. Мор, Г.К. Честертон. Элиот отдавал приоритет нравственному и религиозному началу культуры; он был другом и литературным соратником Паунда, посвятил ему поэму «Бесплодная земля», но, в отличие от Паунда, стал активным противником праворадикальных движений, фашизма и нацизма, принял английское подданство и в годы Второй мировой войны вел передачи на английском радио.

Идейное противостояние в 1920-е гг. обострилось, развернулась активная борьба за умы. В этом контексте происходил пересмотр культурного наследия

с точки зрения новых идеологических и политических позиций. В России, скажем, уже в конце 1910-х гг. заметными участниками литературной полемики стали леворадикальные деятели Пролеткульта, желавшие развития «чистой» пролетарской культуры и отрицавшие искусство прошлого. В государственной политике и общественном сознании в целом столь резкого разрыва не произошло, но вопрос о переоценке «классической» культуры и новом понимании места художника в современном обществе был одним из приоритетных. Аналогичные процессы шли и в других европейских странах. Не стоит забывать, что организации Пролеткульта существовали также, например, в Германии, Великобритании (хотя и очень недолго). С другой стороны, пересмотр культурного наследия широко развернули и праворадикальные движения. Одним из наиболее существенных примеров в этом плане может служить творчество Ницше, получившее одностороннюю, явно идеологизированную интерпретацию и в таком виде взятое на вооружение: идеи немецкого философа давали своеобразную «культурную санкцию», а запрос на нее в тот период был особенно велик. Подобной санкции и вдохновения искали в творчестве не только уже умерших, но и живых, — причем порой наперекор самим авторам, как, скажем, в случае с видным представителем немецкого символизма Стефаном Георге (1868–1933). В поэзии Георге еще со времен декаданса нашли свое развитие некоторые идеи Ницше, он воспевал таинственные силы природы, исключительных героев, мистический культ силы. В его творчестве противоречиво соединились идея «искусства для искусства» и мысль о подвижнической миссии художника, вера в способность высокого искусства изменять действительность. В последнем сборнике стихов («Новое царство», 1928) Георге создал образ утопического государства, основанного на союзе людей, чистых духом, ведомых учителем, объединенных идеей служения высокому предназначению. Фашистские идеологи пытались отождествить «новое царство» Георге с Третьим рейхом, что вызвало возмущение самого поэта, отвергшего фашизм, эмигрировавшего в Швейцарию и не пожелавшего даже быть похороненным в Германии.

Как видим, идеологическая борьба за литературу (и все виды искусства) в послевоенные годы достигла небывалых масштабов. Конечно, литература никогда не стояла в стороне от общественно-политической жизни, но в годы войны, а затем и после нее она оказалась непосредственным участником политического противоборства, фактором коллективного сознания. В этой связи в послевоенные годы перед литературным сообществом в целом встала проблема внутренней свободы и самоидентификации: война разрушила прежние устойчивые представления о месте и роли художника — как властителя дум, воспитателя вкуса и даже как творца «башен из слоновой кости». Задачу «духовного собирания» сил остро ощущали многие; одним из тех, кто решительно принял этот вызов времени, был Ромен Роллан. Весной 1919 г. он подготовил «Декларацию независимости духа», в которой призывал интеллигенцию сплотиться вновь вокруг идей гуманизма и духовной свободы. К «Декларации» Роллана присоединились деятели культуры различных стран — не только Европы, но и всего мира: Рабиндранат Тагор и Максим Горький, американцы Шервуд

Андерсон, Ван Вик Брукс, Эдгар Ли Мастерс, французы Анри Барбюс, Жюль Ромен, англичанин Бертран Рассел, итальянец Бенедетто Кроче, австриец Стефан Цвейг, немцы Герман Гессе, Генрих Манн, Кете Кольвиц и многие другие.

Процесс творческого самоопределения стал движущей силой напряженных литературных исканий и смелых литературных экспериментов. Происходила ломка и трансформация сложившихся эстетических представлений, форм, установок, изобразительных средств. Этот процесс затронул тогда все художественные системы (от авангардизма до реализма, породив огромное количество различных «измов», школ и течений), ведь общим для европейской культуры было расставание с лежавшим в руинах прошлым и стремление нащупать контуры нового мира.

Но классическая традиция отнюдь не утратила не только своего исторического значения, но и актуальности. Происходил новаторский по своей сути «диалог» между эстетическими системами и направлениями, классической традицией и современностью, на их пересечении создавались такие шедевры, как «Дуинские элегии» и «Сонеты к Орфею» (1922) австрийца Райнера Марии Рильке (1875–1926). Поэзия Рильке 1920-х гг. выросла из трагического опыта мировой войны, ее важнейший мотив — брэнность человеческой жизни и высокое достоинство человека, проявляемое в смиренном приятии своей природы и полноты бытия. Удивительная прозрачность и классическая выверенность формы, развитие классической лирической темы особенно подчеркивают пронзительную современность стихов Рильке: они затрагивают самый нерв кризисного мироощущения человека XX в. и одновременно — своим поэтическим строем — преодолевают распад человеческого духа. Эти творческие достижения Рильке — веха в мировой поэзии. В России они нашли глубокий отклик: Рильке прочно связал свою духовную и творческую жизнь с Россией еще в 1900-е гг.; его дружба и переписка с М. Цветаевой и Б. Пастернаком (1925–1926) стали новой страницей в истории этих отношений.

Важнейшим содержанием литературы послевоенных лет, в значительной мере определившим ключевые направления ее развития, стало осмысление мировой войны как рубежа в истории человечества и фактического начала новой культурной эпохи.

Военная тема доминировала и в прозе, и в поэзии, по-разному преломляясь в произведениях писателей разных творческих индивидуальностей и убеждений. Особое место в ее трактовке занимает роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Жизненный путь самого Гашека может служить примером того, как война и революционные события, катализатором которых она послужила, переворачивали человеческие судьбы. Чех Ярослав Гашек (1883–1923) был в 1915 г. призван в австро-венгерскую армию, сдался в плен русским, затем вступил в созданный в России Чехословацкий легион, после Октябрьской революции встал на сторону советской власти, вступил в РКП(б) как член чехословацкой секции РКП(б) и в Красную армию, сотрудничал во фронтовых газетах, занимался партийной работой в политотделе 5-й армии Восточного фронта. Вернувшись на родину в 1920 г., он присту-

пил к работе над своим романом. Книга не была окончена, но Гашеку удалось создать в ней образ «маленького человека», ставший нарицательным.

В антивоенной сатирической эпопее Гашека преломилась великая смеховая традиция европейской культуры, идущая от Аристофана, Рабле, Сервантеса, Свифта, Гоголя. С помощью гротеска и иронии на фоне уродства современной бюрократической и военной машины Гашек утверждал народный здравый смысл. Народное сознание служило в романе положительным полюсом юмора и веселого смеха, а военная истерия и военная машина предстали как убогое искажение и общества, и человеческой природы.

Жизнеутверждающий пафос Гашека не разделяли писатели «потерянного поколения», в жизни и творчестве которых мировая война также сыграла решающую роль и стала главной темой. Хотя литература «потерянного поколения» начала формироваться еще в годы войны, ее важнейшие, ключевые произведения появились в 1920-е гг. Охватывая опыт первых послевоенных лет, рассказывая о людях, искалеченных войной физически и духовно и не сумевших вписаться в новую, послевоенную действительность, писатели «потерянного поколения» показали глубину катастрофы, прошедшей сквозь их жизни, крах общественно-политических институтов буржуазного мира, кризис его гуманистических идеалов.

Темы, образы, мотивы, раскрывавшие данную проблематику, были во многом общими для этих авторов; они прозвучали и в европейских литературах (независимо от того, по какую сторону линии фронта писателям довелось воевать), и в американской, что само по себе знаменательно как свидетельство духовной атмосферы тех лет. Участие США в мировой войне явилось для американской литературы мощным фактором ее развития, причем в 1920-е Европа стала для американских писателей в немалой мере «своим» пространством — и художественным, и фактическим, — определившим их творческие судьбы. Эдвард Эстлин Каммингс (1894–1962), например, в годы войны служил шофером медицинской службы во Франции, где был по ошибке приговорен к тюремному заключению, — эти впечатления легли в основу его романа «Огромная камера» (1922). После войны Каммингс остался в Париже, который «обживали» в те годы и другие молодые американские писатели: в их числе Хемингуэй, Фицджеральд, Фолкнер.

Эрнест Хемингуэй

Сам термин «потерянное поколение» вошел в обиход после выхода в свет романа Эрнеста Хемингуэя (1898–1961) «И восходит солнце» (1926), где в качестве эпиграфа фигурировала фраза, произнесенная американкой и парижанкой Гертрудой Стайн в разговоре: «Все вы — потерянное поколение». Ее смысл в контексте исторического времени и самого романа оттенял другой эпиграф (из Экклезиаста), слова которого звучат, как эхо, и в названии: «Род проходит и род приходит, а земля пребывает веки. Восходит солнце и заходит солнце и спешит к месту своему, где оно восходит...»¹ Из этого святого и вечного круговорота жизни выпало поколение Первой мировой войны — «потерянное поколение». Мир наступил, но неприкаянные герои романа не могут обрести покоя: они — калеки душой и телом, лишённые возможности пустить корни и иметь потомство, а потому мечутся, переезжая с места на место, прожигая свою жизнь, топя боль и тоску в алкоголе. Хемингуэй изображал богооставленный мир пустоты и бесплодия, где царит суэта, но человек все же пытается выжить.

Эта тема тотального отчуждения современного человека, жизни людей на закате культуры прозвучала и в следующем — напрямую антивоенном — романе Хемингуэя «Прощай, оружие!» (1929). Его действие происходит во время войны; главный герой, американец Фредерик Генри, — лейтенант санитарной службы в итальянской армии (в годы войны на итальянском фронте в составе Красного Креста служил и был ранен сам Хемингуэй). Военный опыт постепенно ведет лейтенанта Генри к полному разочарованию, ощущению своего отчуждения ото всего происходящего, более того — от всех декларируемых обществом культурных ценностей. Знаменательны в этом отношении следующие размышления героя: «Абстрактные слова, такие, как “слава, подвиг, доблесть” или “святыня”, были непристойны рядом с конкретными названиями деревень, номерами дорог, названиями рек, номерами полков и датами»². Отторгая бессмысленную реальность войны, герой пытается бежать от нее, заключив свой «сепаратный мир», обрести смысл в личной жизни, сведенной к исходным параметрам бытия: «Я создан не для того, чтобы думать. Я создан для того, чтобы есть. Да, черт возьми. Есть и пить и спать с Кэтрин»³. Звучание романа глубоко трагично, иллюзии Генри разбиваются, не оставляя возможности счастливой «сепаратной» жизни: гибнут и возлюбленная героя — Кэтрин, и их ребенок.

В том же году, что и «Прощай, оружие!», вышли в свет такие знаковые произведения литературы «потерянного поколения», как романы немца Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и англичанина Р. Олдингтона «Смерть героя».

Ричард Олдингтон (1892–1962) в 1916 г. пошел на фронт добровольцем, командовал ротой и был контужен. В годы войны появились его стихи, вошедшие затем в сборник «Образы войны» (1919). Но чтобы вполне осознать масштаб происшедшего, Олдингтону все же потребовалась дистанция во времени. В ро-

¹ Хемингуэй Э. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 3.

² Там же. Т. 1. С. 311–312.

³ Там же. С. 345.

мане «Смерть героя» он подверг уничтожающей критике все английское общество предвоенных лет. Герой романа Джордж Уинтерборн не выдерживает бессмысленного ужаса войны, порожденной этим обществом, фактически сам идет под пули и гибнет. Тему «потерянного поколения» Олдингтон продолжил затем в своем романе с симптоматичным названием «Все люди — враги» (1933), где также предпринял попытку вскрыть большой исторический пласт, рассмотреть войну в контексте и предвоенных и послевоенных лет: роман охватывал период с 1900 по 1927 г. Герой этого романа Тони Кларендон идет на фронт из внутреннего благородства и чувства солидарности, но итогом для него тоже становится полное отчуждение, поиск спасения в абсолютно личной сфере любви, однако и в ней он не находит надежды на будущее: как и герои Хемингуэя, герои Олдингтона лишены возможности иметь потомство. Тони и Катарина удаляются на остров, теперь их мир — общество лишь друг друга, ограниченное и в пространстве, и во времени.

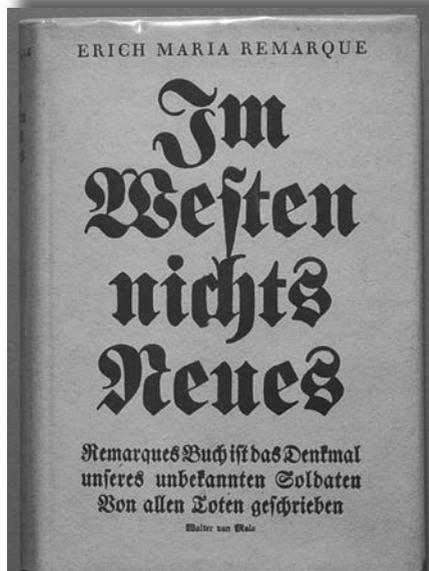

Ричард Олдингтон

Эрих Мария Ремарк (1898–1970) попал на фронт семнадцатилетним юношей, был неоднократно ранен, а после войны, чтобы выжить, сменил множество профессий. Роман «На Западном фронте без перемен» Ремарк предварил таким эпиграфом: «Эта книга не является ни обличением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто

Эрих Мария Ремарк

*«На Западном фронте без перемен»
(1929)*

стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов»¹. В своих книгах Ремарк рассказывал о тех, кто воевал, кто или погиб, или вернулся с фронта искалеченным, кто после долгих лет войны, после всех принесенных жертв должен был встраиваться в мир распавшихся человеческих связей, мир, где господствовали принципы наживы и легких удовольствий. Оттого в произведениях Ремарка так силен мотив братства бывших фронтовиков и обреченной любви, образы героев наделены мужественной сдержанностью, стойкостью.

В отличие, скажем, от романа Барбюса «Огонь» (1916), в котором автор стремился изобразить собирательно массу людей, брошенных гнить в окопах, и героем был фактически целый взвод, послевоенная литература «потерянного поколения» сосредоточила свой взгляд на отдельной личности, на судьбах конкретных людей, раздавленных войной. Она создала проникновенные и глубоко запоминающиеся образы «потерянных»: это и Пауль Боймер Ремарка, и Фредерик Генри Хемингуэя, и Тони Кларендон Ричарда Олдингтона.

Первая мировая война служила своеобразной точкой отсчета, определявшей проблематику и способы художественного освоения действительности и в произведениях, не рассказывавших непосредственно о событиях войны, как, например, в романе Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» (1928).

В годы войны жизнь Дэвида Герберта Лоуренса (1885–1930) по многим причинам складывалась непросто: его жена была немкой, и от первого брака у нее в Германии остались дети; сам он страдал туберкулезом и неоднократно вынужден был проходить медицинское освидетельствование на предмет годности к военной службе; Лоуренс жил на морском побережье в Корнуэлле, его заподозрили в шпионаже в пользу Германии и в октябре 1917 г. официально из Корнуэлла выдворили. В 1919 г. Лоуренс с женой покинули Великобританию и переехали в Италию, затем много путешествовали. Роман «Любовник леди Чаттерли» был опубликован в Италии в 1928 г. Важнейшая его тема — отчуждение современного человека от первооснов бытия, священность жизни чувств, противостояние человеческой природы социальному устройству, гнету общественных предрассудков и машинной цивилизации XX века, гордящейся прогрессом, но фактически враждебной человечности. В центре романа — любовная связь между леди Констанцией Чаттерли и ее лесничим, но Первая мировая война является исходной исторической предпосылкой. Констанция вышла замуж за Клиффорда Чаттерли в 1917 г., когда тот был дома в отпуске; после медового месяца он вернулся на фронт, а через полгода был доставлен вновь в Англию; тяжелые ранения сделали его инвалидом. Мировой войне и современной цивилизации Лоуренс бросает свой вызов: его героиня понимает, что живет в век «по сути своей трагический», «среди руин», что «война разрушила всю ее жизнь» и «больше нет гладкой дороги в будущее», но этот опыт убеждает ее в том, что «нужно жить и учиться жизни»².

¹ Ремарк Э.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1993. С. 10.

² Lawrence D.H. Lady Chatterley's Lover / With an Introduction by R. Hoggart. Harmondsworth, 1988. P. 5.

В мире, где обесценилось все, что прежде считалось важным, жизни не только учились, — ее методично прожигали. Война — столь долгая и трагическая — усилила ощущение быстротечности жизни, желание взять от каждого мгновения все возможное; люди, лишённые корней и ориентиров, погрузились в безмыслие и нравственное безразличие, предавшись поиску сиюминутных удовольствий, ведь все остальное многим казалось зыбким и призрачным. Эти настроения нашли свое отражение и в романе Ф.С. Фицджеральда (1896–1940) «Великий Гэтсби» (1925), и в романе Олдоса Хаксли (1894–1963) «Шутовской хоровод» (1923) с его горькими наблюдениями над английским обществом «века джаза», как нередко называют метафорически 1920-е гг. с их кратким экономическим бумом на руинах старого мира. Джаз, возникший в США перед войной, с ее окончанием быстро распространился и в Европе: свойственная джазовой музыке импровизационность, чувственность, синкопированный ритм, внутренний надрыв задевали важные струны в сознании людей того времени.

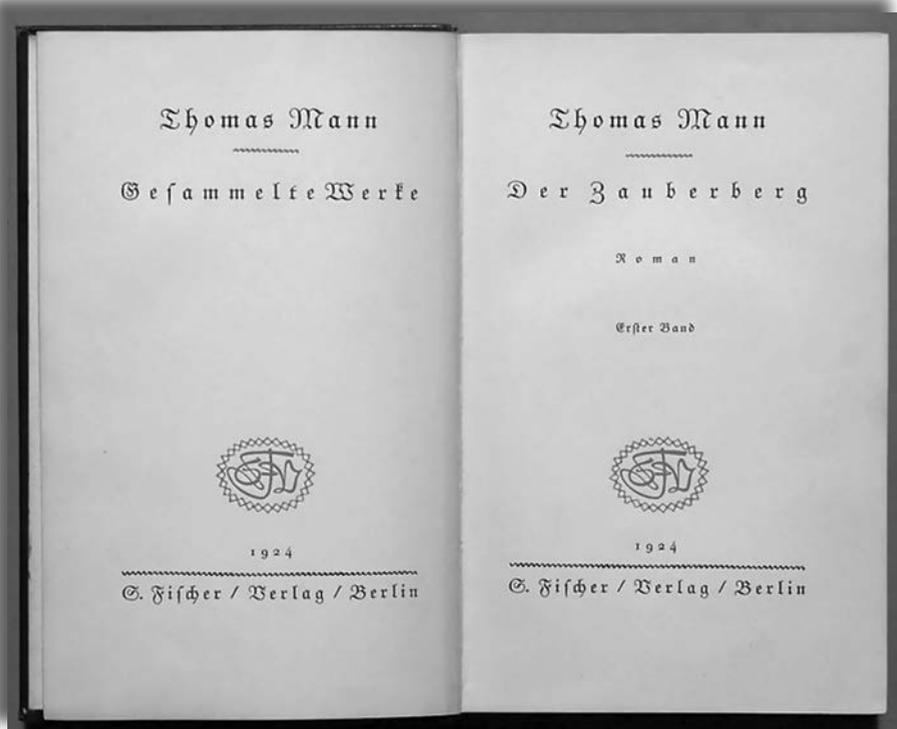
Потрясение, которое испытала европейская культура в годы войны, разочарование в идее прогресса, старых культурных ценностях, глубокий пессимизм послужили катализатором для развития модернизма, давшего уже в начале 1920-х гг. свои классические образцы: «Бесплодную землю» (1922) Т.С. Элиота (1888–1965), «Улисса» (полностью издан в 1922 г.) Дж. Джойса.

Действие романа «Улисс» происходит в Дублине и укладывается в один обычный день — четверг, 16 июня 1904 г. При этом роман писался во время войны и после ее окончания, что сам автор считал важным подчеркнуть, добросовестно и дотошно указав последней строкой текста место и время его создания: «Триест — Цюрих — Париж, 1914–1921»; адресован же был «Улисс» читателю послевоенных лет. Роман словно протягивал в сознании нить во времени от легендарных героев Древнего мира к современности, через войну — к читательскому «здесь и сейчас». Один день из жизни Дублина предстал как общая картина мира на протяжении его истории — истории, не приводящей к прогрессу и размывающей человеческую личность.

Поэма «Бесплодная земля» Элиота стала символом неверия в буржуазную цивилизацию. Сила воздействия этого произведения была огромна, его строки и образы сразу же вошли в культурное сознание. «Бесплодная земля» пронизана отчаянием, тоской и неверием; современный мир изображен в ней как окаменевшая груда мусора, повсюду господствуют бесплодие и распад. Не менее пессимистически оценивает Элиот и современного человека, которому дано знать лишь «нагроможденье... образов несвязных»¹. В поэме Элиота, как и в «Улиссе» Джойса, переплелись современность и мифы древности, — все говорило о ничтожестве современной цивилизации и закате истории. Эти темы Т.С. Элиот продолжил развивать в следующей своей поэме — «Полые люди» (1925).

Тема «заката Европы» получила в послевоенные годы, надо сказать, весьма неоднозначную трактовку. В общественной полемике по этому вопросу далеко не все разделяли пессимистическую точку зрения, предложенную, в частности,

¹ Элиот Т.С. Полые люди. СПб., 2000. С. 425.

«Волшебная гора» (1924)

Освальдом Шпенглером в его культурологической работе «Закат Европы», написанной под непосредственным впечатлением от Первой мировой войны и изданной в 1918–1922 гг. Признание глубинного кризиса западной культуры сопровождалось нередко мучительным поиском выхода из этого тупика. В 1924 г. вышел в свет роман Томаса Манна «Волшебная гора», где под метафорическим кровом европейского туберкулезного санатория писатель собрал представителей различных направлений предвоенной европейской мысли: «препарируя» европейское сознание кануна Первой мировой войны, Манн столкнул их в борьбе за влияние на душу молодого человека — неискушенного «простака» Ганса Касторпа. Под воздействием разных людей и идей Ганс проходит свой сложный путь развития, итог его — не отчаяние, а углубленное гуманистическое постижение жизни. Действительность вторгается в разреженное пространство «волшебной горы», бросая героя на поля сражений Первой мировой. Автор с печалью выражает сомнение в том, что в этой «злой свистопляске» герою удастся уцелеть, и все же завершает роман хотя и вопросом, но нотой надежды в отношении судеб человечества: «А из этого всемирного пира смерти, из грозного пожарища войны, родится ли из них когда-нибудь любовь?»¹

¹ Манн Т. Цит. соч. С. 518.

Роман стал вехой в развитии философской прозы; в 1929 г. Томасу Манну была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Трагедия войны обострила потребность оценить опыт Европы в контексте других культур. Европейская «фаустовская» вера в разум, личность, действие вызывала тревожные сомнения в своей внутренней состоятельности, Восток предлагал альтернативу. Темы «Азия и Европа», «действие и созерцание», «власть и покорность» становятся центральными в творчестве Лиона Фейхтвангера (1884–1958), он развивает их в исторических романах «Еврей Зюсс» (1920–1922, опубл. 1925), «Безобразная герцогиня» (1923); опыт антиколониальной борьбы народа Индии вдохновляет Роллана в работе над книгой о Ганди (1923); Герман Гессе публикует роман «Сиддхартха» (1922), предлагая иное, «восточное» видение смысла человеческого бытия и возможности выхода за пределы противоречий окружающей действительности.

Для Германа Гессе Первая мировая война была осознанным человеческим и творческим рубежом. В его художественном творчестве вехой явился роман «Демриан. История юности Эмиля Синклера» (1919); Гессе издал его под псевдонимом Эмиль Синклер. Роман задел нерв эпохи, был восторженно встречен молодежью. Главный герой искренне рассказывал о своей жизни: он с детства видел страшную пропасть между буржуазной действительностью и лицемерной общественной моралью, стремился выйти из состояния внутренней духовной опустошенности и разочарования, обрести свою личность. Направление указал ему его друг — Демриан, открывший герою истинность «пути внутрь» — самопознания как главного средства переустройства мира, создания нового людского сообщества. Вначале Синклер воспринимает друга с опаской, как искусителя, противостоящего светлому и упорядоченному — «отцовскому» — миру законов и установлений, но затем и собственный внутренний голос зовет его вглубь — в мир «материнский», мир природной «прасущности» человека. Начинается мировая война, оба друга призваны в армию; этот опыт становится решающим в становлении Синклера. Он видит, как в действительности возникает «нечто новое, некая новая человечность». Это эпохальное значение мировой войны Гессе подчеркивал образно: «Гигантская птица билась, чтобы выломиться из яйца, а яйцо — это мир, и он должен быть разрушен»¹.

«Демриан» (1919)

¹ Гессе Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1994. С. 319.

Размышляя над судьбами Европы, Гессе вновь и вновь обращался к русской культуре, в первую очередь к творчеству Достоевского; три статьи о Достоевском вошли в его сборник «Взгляд в хаос» (1919–1920). В творчестве Достоевского Гессе видел знамение новой эпохи, пророческое предвидение «заката Европы»; одна из статей так и называлась — «Братья Карамазовы, или Закат Европы» (1919). Гессе подчеркивал, что в центре «карамазовщины» как явления — вера в сомнительность всякой веры, относительность всех моральных норм, стирание грани между добром и злом, «отказ от всякой нормативной этики и морали в пользу некоего всепонимания, всепрятия, некоей новой, опасной и жуткой святости»¹. «Карамазовщина» воплощает хаос, распад прежней рациональной Европы: «Идеал Карамазовых, этот древний, азиатски оккультный идеал начинает становиться европейским, начинает пожирать дух Европы. В этом я и вижу закат Европы» (С. 104).

Но Гессе отмежевался от шпенглеровского понимания «заката»: он видел в нем не только гибель, «мучительный, опасный момент провисания между ничем и всем» (С. 111), но и возможность «пути внутрь» и рождения нового — «как всякая смерть на земле, этот закат поведет к новому рождению», писал он (С. 104–105). Ориентиром для Гессе в этом отношении также в значительной мере было творчество Достоевского. В «Размышлениях об “Идиоте” Достоевского» (1919) он писал: «Будущее неопределенно, путь же к нему указан здесь недвусмысленно. Направление его — к новому душевному строю. Он ведет через Мышкина, требует “магического” мышления, принятия хаоса... чтобы у корней нашего бытия отыскать забытые инстинкты и возможности нашего развития, чтобы вновь приняться за созидание, оценку, разграничение нашего мира» (С. 119).

Размышления Гессе о «закате Европы» включали в себя как необходимую часть и оценку революционных событий в России: «Уже пол-Европы, уже по меньшей мере половина Восточной Европы находится на пути к хаосу, мчится в пьяном и святом раже по краю пропасти, распевая пьяные гимны, какие пел Дмитрий Карамазов. Над этими гимнами глумится обиженный обыватель, но святой и ясновидец слушают их со слезами» (С. 115).

Многие мысли Гессе в отношении эпохального перелома в европейской культуре весьма созвучны с идеями Александра Блока, выраженными им и в стихотворении «Скифы» (30 января 1918 г.), и в поэме «Двенадцать» (1918), и, конечно, в статье «Крушение гуманизма» (1921). Статья вначале прозвучала в виде докладов еще весной 1919 г. в издательстве «Всемирная литература» и осенью того же года на открытии Вольной философской ассоциации. Блок исходил в своих размышлениях из тезиса о космическом, вселенском начале — «духе музыки». «Всякое движение, — подчеркивал он, — рождается из духа музыки», но постепенно «лишается той музыкальной влаги, из которой родилось, и тем самым обрекается на гибель» — «перестает быть культурой и превраща-

¹ Гессе Г. Письма по кругу / Сост., автор предисл. и коммент. В.Д. Седельник. М., 1987. С. 105. (При последующих отсылках к этому изданию указания номеров страниц приводятся в тексте в скобках вслед за цитатой.)

ется в цивилизацию», а «хранителем духа музыки» оказывается «тот же народ, те же варварские массы», в которых зарождается новое движение¹.

Однако в понимании процесса утверждения нового сознания между Блоком и Гессе имелись существенные расхождения. Гессе оставался верен индивидуалистическому гуманизму: он писал, что на пути «к новому душевному строю» «не стоит искать какой-то программы, и никакой переворот не откроет туда дверь», что «каждый вступает на него в одиночку, сам по себе»². Блок же считал, что гуманизм, «исходной точкой и конечной целью которого была человеческая личность», был верен «духу музыки», «пока личность была главным двигателем европейской культуры». «Естественно, однако, — отмечал поэт, — что, когда на арене европейской истории появилась новая движущая сила — не личность, а масса, — наступил кризис гуманизма» (С. 328).

Блок видел и ту трагическую роль, которую сыграла в крушении гуманизма Первая мировая война — «пошлейшая и грандиознейшая из войн»: «Своим резко антимузыкальным согласием на эту войну цивилизация подписала смертный приговор себе самой» (С. 346).

Поэт был далек от идеализации «музыки» масс, он прямо — и пророчески — писал: «Музыка эта — дикий хор, нестройный вопль для цивилизованного уха. Она почти невыносима для многих из нас... она для многих из нас и смертельна. Она — разрушительна для тех завоеваний цивилизации, которые казались незыблемыми» (С. 345).

России в «открывшейся эпохе вихрей и бурь» (С. 347) Блок отводил особое место ввиду ее близости «духу музыки»: «...музыкальные звуки нашей жестокой природы всегда звенели в ушах у Гоголя, у Толстого, у Достоевского» (С. 347). В ушах самого Блока они также звучали явственно и мощно:

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,

Издание поэмы «Двенадцать»
с иллюстрациями Ю. Анненкова (1918)

¹ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Л., 1982. С. 344. (При последующих отсылках к этому изданию указания номеров страниц приводятся в тексте в скобках вслед за цитатой.)

² Гессе Г. Письма по кругу. С. 119.

Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос¹.

Соединив в трагический узел всепобеждающую любовь Христову и жестокость, силу и немощь, беду и надежду, Блок провидел судьбу России; образный строй и ритмы его поэмы выразили это видение с той глубиной и многозначностью, которую дают художественные формы освоения действительности. Блок смог по-новому увидеть роль народа в истории, в своих духовных исканиях он нащупал струну, ставшую одной из важнейших в развитии русской литературы в 1920-е гг.

Тема народа как великой деятельной силы истории преломилась по-разному в послевоенном творчестве многих русских писателей, но особенно значимыми в этом плане были созданные в тот период масштабные эпические произведения. Русская литература ощущала настоятельную потребность в целостном художественном освоении эпохи, глубоком постижении Первой мировой войны как узлового события, приведшего к революциям 1917 г. и коренному перелому в жизни отечества, — все это потребовало создания эпических полотен. Ими стали и незавершенная эпопея Горького «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936), где художественно исследовались сорок предоктябрьских лет русской жизни; и «Хождение по мукам» Алексея Толстого, раскрывавшего движение русской интеллигенции к осознанию своего внутреннего единства с народом («Сестры», 1922, новая редакция — 1925; «Восемнадцатый год», 1927–1928; «Хмурое утро», 1940–1941); и «Тихий Дон» Михаила Шолохова (1928–1940), где героем предстал сам народ в переломный момент своей трагической истории. На осуществление столь масштабных творческих задач ушли годы, публикация этих произведений на протяжении 1920–30-х гг. была событием в литературной и общественной жизни страны; «Тихий Дон» стал вехой в мировой литературе.

С Первой мировой войной человечество вошло в XX век. Стремление осмыслить этот эпохальный исторический перелом, значение завершившейся мировой войны для судеб держав и народов, поколения людей, в жизни которых она стала решающим рубежом, питало литературу 1920-х гг., сохранив, в немалой мере, свое значение для литературы и в последующее десятилетие. В этот общий процесс были вовлечены писатели самых разных творческих индивидуальностей, взглядов, литературных направлений. В итоге многое из того, что было создано тогда, стало классикой литературы XX в., сохраняет способность — даже через столетие — самым непосредственным образом задевать читателя за живое. И это закономерно, ведь в полемике публицистов, в муках и радостях героев художественных произведений, в новом образном строе литературы тех лет обретало свои формы современное культурное сознание Европы.

¹ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 324.

§ 3. Искусство после войны: испытание модерном и возврат к традиции

Старое искусство более ново, чем новое...

Кристиан Шад

Война внесла существенные коррективы в развитие искусства, изменив вектор его движения от радикальных экспериментов авангарда в сторону все большего сближения с традицией, под которой понималось не только «музейное искусство», но и создание пластических ценностей, с ним сопоставимых. Большинство представителей авангарда в большей или меньшей степени были затронуты войной, солдатами пройдя через поля сражений, испытав тяготы окопной жизни, ранений и потери друзей. Довоенные эксперименты отходят на второй план перед лицом войны, которая показала, насколько эфемерными были надежды на изменение общества и человека посредством искусства.

Уже во время войны просматриваются контуры будущих изменений: молодые представители авангарда в своих военных произведениях все больше склоняются к традиционной фигуративности, соединяя приемы и лексику экспрессионизма, кубизма или футуризма с пластическим языком реализма, что можно видеть в работах 1917–1918 гг. П. Пикассо, Ж. Брака, Ф. Леже, Дж. Баллы, Дж. Северини, К. Карра́ и таких английских мастеров, как К.Р.В. Невинсон, братья Нэш, Д. Бомберг и один из основателей вортицизма — Перси У. Льюис. От экспрессионизма, каким он сформировался в начале века, отошли практически все его ведущие представители, работая в манере, лишь частично сохраняющей былую экспрессию цветовых потоков. После возвращения с фронта и демобилизации и Э.Л. Кирхнер, и К. Шмидт-Ротглюф, и М. Бекман, и О. Дикс все больше склоняются к традиционным языковым формам, наполняя свои произведения духом символизма, что воспринималось как возвращение к национальным корням. После 1918 г. утрачивает свой контркультурный пафос дадаизм, стремящийся «вписаться» в общеевропейскую художественную ситуацию, о чем свидетельствуют выступления дада в Париже и Берлине в первые послевоенные годы. Послевоенная ситуация предъявляла искусству свои требования, и оно как могло ответило на вызовы времени.

Военная тема не переставала волновать художников и после войны, более того, именно в 1920–30-е гг. были созданы наиболее значительные произведения, ей посвященные (аналогичные процессы были характерны и для литературы; требовалось время, чтобы осмыслить и заново пережить военные испытания). В послевоенных произведениях художники как бы заново переживали свои фронтовые впечатления, однако главное заключалось не в этом: каждый из них смог подняться над событийностью военного искусства и предложить своим современникам осмыслить произошедшее, попытаться понять глубину пережитой катастрофы, за которую было заплачено тысячами молодых жизней.

Так, уже после перемирия Уильям Орпен, как официальный художник на мирной конференции, написал три большие исторические картины — групповые портреты союзников, принимавших участие в этом знаменательном событии: «Мирная конференция», «Подписание мира в Зеркальной галерее

Версаля» и «Члены пресс-центра союзных государств» (1921–1922, Имперский военный музей, Лондон). Тогда же он задумал картину-памятник «Неизвестному британскому солдату, убитому во Франции, — посвящается» (1922–1927, Имперский военный музей, Лондон). Были написаны два варианта картины. В первом из них Орпен пошел по пути символической трактовки темы памяти как героического триумфа. По сторонам от воинского саркофага, закрытого британским флагом, он изобразил двух полубоженных юношей в солдатских касках и с ружьями в руках. Над ними два путти держат венок славы, от которого длинные цветочные гирлянды спускаются вниз, к саркофагу. На Орпена обрушился шквал критики: в странных фигурах юношей усмотрели издевку и вызов общественному вкусу. Тогда художник убрал из картины худосочных юношей и путти с гирляндой. Освобожденная от ненужной риторики, картина обрела необходимую простоту и торжественность, в полной мере отвечая своему предназначению — быть памятником павшим.

Другой фронтовой художник, Стэнли Спенсер, через пять лет после окончания войны получил заказ на роспись мемориальной капеллы Сэндхем в небольшом городке Бёклер (Burghclere) (1923–1932) в память о погибшем на войне лейтенанте Гарри Сэндхеме¹. Алтарную стену капеллы занимает большая композиция «Воскрешение солдат», написанная в сдержанных тонах серого и охры — цвета земли и солдатской униформы. Молодые солдаты, с узнаваемыми, портретными лицами, воскресают там, где их застала смерть, там, где они были спешно похоронены в солдатских могилах с одинаковыми белыми крестами. Пространство до горизонта заполнено бледными лицами воскресающих солдат, тысячи белых крестов, которые они держат в руках, резко выделяются на темном фоне. В одной из сцен Спенсер использовал мотив своей картины 1919 г., только вместо повозок раненых привозит грузовик, который встречает сержант Викари, подобно апостолу Петру открывающий увитые розами врата рая. Несмотря на реалистическую, а местами и натуралистическую манеру, цикл Спенсера наполнен символическим содержанием, его «окопный эпос» — это не только памятник страданиям и ужасам войны, но, главное, напоминание о ее бессмысленности, та «дорога искупления», через которую прошло его поколение.

Однако наиболее яркими событиями послевоенного времени стали монументальные триптихи Отто Дикса, стилистика которого в эти годы сблизилась с движением «новой вещественности» в послевоенной Германии.

На Первой всемирной выставке дадаистов в Берлине Дикс представил публике фриз «Инвалиды войны» (1920), где страшным контрастом к сверкающим витринам выглядят протезы инвалидов, сделавшие их похожими на механических монстров. Спустя четыре года на выставке «Нет больше войны!» (1925) он поразил всех графической серией «В окопах войны», состоящей из 50 листов и созданной на основе фронтальных набросков. Откровенные сцены

¹ Мемориальная капелла в Бёклере была заказана Спенсеру богатой англичанкой Мэри Бехренд, сестрой Сэндхема, и ее мужем — Луи. Спенсер написал в общей сложности 19 композиций, 18 из которых посвящены эпизодам повседневной солдатской жизни.

смерти, равнодушия живых среди разлагающихся трупов, гниющих в темной, вязкой жиже, вызывали содрогание у одних и ненависть у других, никого не оставляя равнодушными.

Картина «Окопы» (1920–1923), в которой Дикс суммировал свои фронтовые впечатления, была приобретена Музеем Вальрафа–Рихарца в Кёльне, но вскоре, под давлением мэра города, возвращена художнику: демонстрация «Окопов» сопровождалась возмущением общественности, желавшей видеть прославление героических подвигов, а не гниющие трупы и ужас смерти. Спустя десять лет картина была захвачена нацистами и, скорее всего, уничтожена. Однако ее идея стала центральной в триптихе «Война» (1929–1932, Галерея новых мастеров, Дрезден) — самом значительном произведении, связанном с «Великой войной». Обратившись к триптиху — излюбленной форме немецкой сакральной живописи, Дикс переводит содержание картины из актуального в сакральное, изображая алтарь войны, на который положило многие жизни его поколение. В центральной части он во многом повторяет композицию «Окопов»: на переднем плане — скелеты, трупы в последней стадии разложения, проросшие сквозь них ветви деревьев, грязь и смрад окопа, на заднем — опустошенная, изувеченная земля. В нижней, узкой горизонтальной панели Дикс изобразил братскую могилу лежащих рядами солдат, навсегда оставшихся в окопах. Экспрессия художественного языка Дикса, соединяющего реалистическую точность фантазмагорических деталей с классическими аллюзиями на страдания Христа и вечную жертвенность мучеников войны, шокировала публику, желавшую забыть страдания пережитой войны. Свою последнюю антивоенную картину («Фландрия», 1932–1936; Государственный музей, Берлин) Дикс создал в память об А. Барбюсе, умершем в 1935 г. Она недвусмысленно отсылает к описанию окопов в романе «Огонь». Обращаясь к наследию нидерландского мастера Питера Брейгеля Старшего, Дикс изобразил застывший мир окопов, залитых водами Потопа: вросшие в землю солдаты всех армий не в силах больше воевать, они навечно остались слиты с принявшей их землей.

Главными симптомами времени в послевоенном искусстве стали: симбиоз авангардных форм с декоративным и реалистическим языком нового стиля — ар деко, сформировавшегося на основе предвоенного модерна и символизма; развитие неоклассических тенденций практически во всех художественных школах Европы, включающих такие направления, как «новая вещественность» в Германии, «метафизическая живопись» и движение «Новеченто» в Италии, неоакадемизм в России, обращение к классике мастеров Парижской школы; неопластицизм, возникший на основе взаимодействия геометрической абстракции и архитектурного рационализма, нашедший свое выражение в деятельности группы «Стиль» в Голландии; пуризм во Франции; политический конструктивизм и школа Баухауз в Германии; конструктивизм в России.

Наконец, новые идеологические симптомы привели к замещению контркультурной практики дадаизма более лояльным к «культуре» как таковой сюрреализмом, сохраняющим эпатазирующую общество лексику, но активно участвующим в реальном художественном процессе. Интернациональная

среда Парижа сформировала такое уникальное явление межвоенного времени, как Парижская школа, сыгравшая важную роль в интернационализации европейского искусства, формировании на французской почве того многообразия и той разнонаправленности художественных явлений, которые стали отличительной особенностью развития искусства в первые два десятилетия после «Великой войны». При всем стремлении обрести утраченное равновесие и гармонию, послевоенное искусство оказалось зависимо от многих привнесенных обстоятельств: экономических, политических, идеологических. Непросто складывалась судьба у художников и архитекторов в странах с тоталитарными режимами, где не эстетические предпочтения, а идеология определяла стилистику и содержание произведений, формировала институционную систему существования искусства под эгидой государственного патронажа.

Военные разрушения, утрата жилого фонда и общественных зданий, активное восстановление экономики, возрастание роли международных корпораций, социальные проблемы времени стимулировали развитие градостроительства и архитектуры, сыграли важную роль в формировании таких стилей, как функционализм и ар деко. Архитектура выдвигается на первое место среди других пластических искусств, ее теория и практика активно воздействуют на систему формообразования в других художественных практиках, включая не только дизайн, но и живопись, скульптуру и графику.

Отправной точкой нового стиля, получившего название «ар деко», стала Международная выставка современного декоративного искусства и художественной промышленности, которая состоялась в Париже летом 1925 г.¹ В настоящее время термин «ар деко» приобрел более широкое значение: он используется для описания стиля, характерного для архитектуры и прикладного искусства первых двух десятилетий после войны². Если в Европе стиль ар деко проявился главным образом в декоративных и предметных формах дизайна и оформлении интерьера, то в США он был связан в первую очередь с архитектурой и прикладным искусством, получив название «стиль модернистик»³.

Истоки стиля восходят к модерну, что особенно заметно в архитектуре и прикладном искусстве. Феномен ар деко и его художественное многообразие были многим обязаны авангарду, сумевшему приспособиться к новым эстетическим запросам среднего класса, набиравшего силу в восстанавливаемой после войны Европе. Не случайно Д.В. Сарабьянов в своей книге о модерне писал, что «под воздействием архитектуры конструктивизма и функционализма на переломе от модерна к новым стилевым течениям в прикладном искусстве Европы и Америки возникла та общность, которая в более позднее время получила наименование “ар деко”. Практически это почти тот же модерн, но с поправкой на рационализм 20-х годов»⁴.

¹ Хилльер Б., *Эскрипт С.* Стиль ар деко. М., 2005. С. 21.

² Дункан А. Ар деко: Энциклопедия. М., 2010. С. 6.

³ Малинина Т.Г. Формула стиля: Ар Деко: истоки, региональные варианты, особенности эволюции. М., 2005. С. 11–12.

⁴ Цит. по: Там же. С. 38.

Стилистика ар деко, основанная на свободном использовании большого спектра языковых форм — от исторических стилей до экзотики и авангарда, легко приспосабливалась к разным историческим, политическим и экономическим условиям, удовлетворяя как потребность власти в монументальной репрезентации, так и потребность в уюте и гармонии частной жизни. Послевоенная Европа, казалось, наверстывала упущенные возможности, в моду вошли ритмы джаза, театр и кинематограф властвовали над умами европейцев, мода стремительно менялась, большими тиражами печатались гляцевые журналы, реклама призывала покупать и отдыхать, интенсивное жилое строительство нуждалось в насыщении интерьеров вещами и предметами, дарящими ощущения комфорта и удовольствия.

Стиль ар деко стал стилем роскошной жизни богатых и знаменитых, особенно в начальный период своего существования, когда уникальные предметы роскоши, созданные по эскизам Рене Лалика и Мориса Марино, вдохнувших новую жизнь в изделия из стекла, Эдгара Брандта и Жана Дюнана, возродивших искусство эмали и кованого металла, Поля Фолло и Андре Мара (André Mare), как и других известных художников и дизайнеров, украсили интерьеры салонов и кабинетов промышленных и финансовых магнатов. Классиком графического дизайна ар деко стал А.М. Кассандр, сумевший приспособить достижения авангардных графических экспериментов к новым потребностям индустриальной и торговой рекламы. Среди характерных особенностей стиля ар деко в декоративном и прикладном искусстве было увлечение египетскими и восточными мотивами, интерес к первобытным, примитивным формам, архаическим культурам, экзотизм деталей и мотивов, любовь к изобразительной орнаментике и игре фактур натуральных материалов — камня и дерева, возрождение малой статуарной пластики, получившей большое распространение в 1920–30-е гг. Позиционируя себя как «новый современный стиль», ар деко использовал такие технологичные материалы, как стекло, алюминий, железобетон, приспособивая геометризованные формы монументальной архитектуры и предметной среды к господствующему декоративизму, оттеняющему брутальность лаконичных объемов. В интерьерах широко использовались дорогие отделочные материалы, среди которых особенно популярными были мрамор, оникс, редкие породы дерева; роскошь интерьеру придавали декоративные панно, мозаика, инкрустация и позолота, малая пластика.

Полноты своего развития стиль ар деко достигает со второй половины 1920-х гг., когда постепенно отступает на второй план его эклектическая составляющая, которую сменяет новаторское использование принципов неоклассики и функционализма. Сплавив воедино разнообразные тенденции времени, архитектура ар деко смогла создать универсальный архитектурный язык, сохранявший свою актуальность вплоть до 1960-х гг.¹

В архитектуре стиль ар деко наиболее ярко проявил себя при строительстве небоскребов в США, само появление которых ознаменовало рождение

¹ Подробнее см.: *Иконников А.В.* Архитектура XX века: Утопии и реальность. Т. 1. М., 2001. С. 345; *Bayer P.* Art Deco Architecture: Design, Decoration and Detail from the Twenties and Thirties. L., 1999; *Hiller B., Escriitt S.* Art Deco Style. L., 2003.

собственно американского архитектурного стиля. Расцвет высотного строительства приходится на вторую половину 1920-х гг. и связан с конкуренцией крупных корпораций в презентации своего преуспевания и престижа. Наиболее яркий пример нового принципа высотного строительства — знаменитый небоскреб Крайслер-билдинг, построенный в 1930 г. по проекту архитектора У. Ван Алена. В нем соединились выработанная стилистика декоративного стиля и машинная эстетика современного урбанизма, нашедшая отражение в ступенчатом завершении небоскреба, состоящем из хромированных арок, отдаленно напоминающих автомобильные колеса¹. Апогеем развития стиля модернистских в Нью-Йорке стал Рокфеллер-центр, состоящий из комплекса разномасштабных зданий, образующих единый ансамбль, основанный на общих принципах архитектуры и декора зданий.

Система декорирования небоскребов базировалась на общем желании американских заказчиков и архитекторов отойти от подражательности и сформировать национальный вариант стиля на базе приспособления декора к монолитным архитектурным объемам небоскребов и на основе широкого использования рельефа, мозаики и росписи. В них орнаментальные мотивы доколумбовой Америки и архаики сочетались с геометризмом неокубизма, упрощением форм, свойственным примитивизму, и ориентальной экзотикой. Так, в роскошных интерьерах Крайслер-билдинг наравне с современными геометризированными формами были использованы древнеегипетские мотивы. Роскошь материалов и яркая декоративность отделки фасадов и интерьеров небоскребов, как и вообще зданий в стиле ар деко, призвана была демонстрировать высокий социальный статус их владельцев, став символом преуспевания и богатства. Более того, декор рассматривался как необходимая составляющая уникального облика здания².

Широта и инвариантность проявлений стиля ар деко отражала ту особую атмосферу легкомыслия и игры, успеха и надежности, которая была характерна для послевоенных настроений, того духа артистизма, который определял характер взаимоотношений в кругу творческой интеллигенции³, прежде всего в странах-победительницах. Ар деко обладал удивительной способностью адаптироваться к разным эстетическим запросам времени, легко заимствуя приемы и стили разных эпох и стран.

Причина его популярности заключалась не только в вариативности стиля, но и в демократизме его природы, в открытости новым веяниям, что обеспечило привлекательность ар деко в среде художников. Практически все значительные мастера 1920–30-х гг. в той или иной степени были затронуты его воздействием. Последнее проявилось в выборе определенных мотивов, среди которых наиболее популярными были темы и образы античной мифологии (с опорой на архаику, а не на классику), такие герои комедии дель арте, как Пьеро и Ар-

¹ Подробнее см.: *Stravitz D. The Chrysler Building. N.Y., 2002.*

² *Салливан Л. Высотные административные здания, рассматриваемые с художественной точки зрения // Мастера искусства об искусстве. М., 1971. С. 41 и далее.*

³ Подробнее см.: *Искусство эпохи модернизма: Стиль ар деко. 1910–1940. М., 2009.*

лекин, купальщицы и одалиски, темы спорта и отдыха (картины 1918–1920-х гг. П. Пикассо, А. Матисса, А. Дерена, М. Вламинка, Ж. Брака, Дж. Северини, Дж. де Кирико, Тамары де Лемпика и др.). Яркая декоративность колорита сочеталась с линейной стилизацией и подчеркнутой пластикой форм (произведения позднего кубизма П. Пикассо, А. Сюрважа, М. Бланшар, Л. Маркусси, «механистический период» в творчестве Ф. Леже).

Рост влияния ориентализма как важной составляющей эстетики первой четверти века был многим обязан балетным сезонам труппы С. Дягилева, с которой сотрудничали многие художники еще во время войны: в частности, П. Пикассо участвовал в оформлении балета «Парад», премьеры которого состоялась в Риме в 1917 г. Смелые цветовые контрасты, «пряность» колорита и изящный ритм линий в декорациях и костюмах Л. Бакста вызвали волну подражаний. В моду вошли костюмы «а-ля Бакст», с использованием легких шелковых шаровар, шляпок в виде восточной чалмы, интерьеры наполнились восточными коврами. К 1920-м гг. относится знаменитая серия «Одалисок» А. Матисса, в которой мастер с наслаждением варьирует цветовые отношения и орнаментальные мотивы восточных тканей и ковров.

Во многом неоклассика, столь важная в творческой эволюции многих мастеров межвоенного времени, отвечала стилистике ар деко, в основе которой лежал диалог современности и традиции. Наиболее показательна в этом смысле эволюция П. Пикассо с его увлечением неоклассикой. В конце войны в его творчестве происходит ощутимый разрыв с довоенным кубизмом и обращение к традиционным темам и образам, почерпнутым из классического лексикона. Однако пик интереса к классике и вариаций на ее образы и темы приходится на начало 1920-х гг., когда появляются такие знаменитые произведения художника, как серия картин на тему «Мать и дитя», «Купальщицы» (1920), «Три женщины у источника» (1922), «Девушка на берегу» (1923) и панно-занавес «Бегущие» (1922). Утратив свою радикальность, авангард не только примирился с традицией, но и дал ее новое истолкование, традиция обрела черты современного стиля. Аналогичную эволюцию можно видеть в произведениях фовистов А. Дерена и М. Вламинка, футуристов Дж. Северини, Дж. Баллы и К. Карра, в творчестве Дж. де Кирико, черпавшего вдохновение из арсенала классического искусства.

Наиболее последовательно неоклассицизм проявился на итальянской почве, для которой классика была и остается национальной традицией. Ведущими направлениями, в основе которых лежал диалог с традицией, были «метафизическая живопись» и движение «Новеченто» (*Novecento*). Ранние довоенные произведения Дж. де Кирико, главы метафизической школы, вдохновляли сюрреалистов. Во время войны де Кирико познакомился с футуристом К. Карра, и они вместе стали активно пропагандировать идеи метафизической живописи в журнале «Валори пластици» («Пластические ценности», с 1919 г.). Напечатанные в нем статьи позднее были объединены в сборник с весьма показательным названием: «Классицизм в современном искусстве» (1922). Несмотря на то, что союз де Кирико и Карра не был долговечен, метафизическая живопись оказала большое влияние на европейское искусство в плане нового

понимания пластики и архитектурной целостности композиции, с одной стороны, и привнесения в живопись утраченного содержания, того скрытого и странного смысла, который был так важен для сюрреалистов, — с другой. Де Кирико и его единомышленники видели в классике возможность отойти от злободневности содержания, сохранив способность современного искусства затрагивать вечные, вневременные темы, в чем можно видеть определенные рудименты символизма, которым в юности вдохновлялся де Кирико. Среди своих предшественников метафизики видели Джотто и Рафаэля, Пьеро делла Франческа и Мантенью — великих мастеров Возрождения. Не случайно Карра писал о том, что он «возвращается к примитивным и конкретным формам», чувствуя себя «Джотто своего времени». Другой современник метафизиков, бывший футурист Дж. Северини, в своей книге «От кубизма к классицизму» (1921) писал практически о том же, предлагая пройти путь очищения формы от Джотто, Пуссена и кубизма к новому классицизму.

Параллельно метафизической живописи в Италии формируется правое крыло неоклассиков. Немногим позднее оно было тесно связано с политикой в области искусства фашистского правительства Муссолини. Важную роль в процессе консолидации усилий неоклассического направления сыграла группа «Новеченто», которая впервые выставила свои работы в 1923 г. Основательницей и вдохновителем всех выставок группы была писательница и журналистка Маргарита Сарфатти, дружившая с Муссолини. Члены группы принадлежали к разным направлениям, но их объединяло желание ввести классику в современный контекст. Именно внутри этой группы родился важнейший лозунг межвоенного времени — «возвращение к порядку», определивший вектор движения современного искусства, которое искало обновления через приобщение к традиции. Не случайно такие члены группы «Новеченто», как М. Сирони, А. Фуни, А. Буччи, П. Маруссиг и У. Оппи, обращались к традициям ренессансного портрета и алтарной картины, использовали формы полиптиха в своих «современных» произведениях. Обыденные бытовые сюжеты и портреты современников в руках неоклассиков приобретали иной статус — статус, равный «музейному искусству»¹.

Во многом близким к идеям неоклассиков, но родившимся на принципиально иной идеологической почве было немецкое движение «Новая вещественность» (*Neue Sachlichkeit*)². Возникшее в 1925 г. как оппозиция экспрессионизму, оно охватило не только живопись и архитектуру, но и кинематограф, фотографию, литературу, театр и музыку, став наиболее значительным явлением немецкой художественной жизни вплоть до 1933 года, года прихода к власти фашистов. Название «Новая вещественность» было придумано в 1925 г. дирек-

¹ См.: *Seconda Mostra del Novecento Italiano: Catalogo* / A cura di M. Sarfatti. Milano, 1929; *Correnti C. Cento Opere d'Arte Italiano: Dal Futurismo a Oggi*. Roma, 1968; *Formaggio D. et al. Il Novecento Italiano, 1923–1933*. Milano, 1983; *Arte Italiana: Presenze 1900–1945* / A cura di P. Hulten, G. Celant. Milano, 1989.

² *Schmied W. Neue Sachlichkeit and German Realism of the Twenties*. L., 1978; *Michalski S. New Objectivity*. Cologne, 1994; *Becker S. Neue Sachlichkeit*. Köln, 2000; *Plumb S. Neue Sachlichkeit 1918–33: Unity and Diversity of an Art Movement*. Amsterdam, 2006.

тором Художественного музея в Мангейме Г. Хартлаубом, организовавшим выставку современных немецких художников «Новая вещественность. Немецкое искусство после экспрессионизма». Практически тогда же увидела свет книга критика Ф. Роо «Постэкспрессионизм. Новая вещественность и магический реализм». Роо попытался внести определенную систематизацию в общий поток неоклассических и реалистических тенденций, включить немецких мастеров нового реализма в европейский контекст. По мнению Хартлауба, выражение «новая вещественность» следует «использовать как этикетку нового реализма, имеющего социалистический привкус. Это было связано с общим для Германии того времени ощущением смирения и цинизма, пришедшим на смену периоду безудержных надежд, которые нашли выход в экспрессионизме. Цинизм и смирение — негативная сторона “новой вещественности”, позитивная же ее сторона выражается в энтузиазме по отношению к сегодняшней реальности, энтузиазме, который вызван желанием принимать вещи абсолютно объективно на материальной основе, не облекая их в идеальные одежды. Это здоровое избавление от иллюзий наиболее ясно выразилось в Германии в архитектуре»¹. Однако надо признать, что в этой «вещественности» было нечто большее, чем трезвое наблюдение реальности, универсальность нового «немецкого духа» была выражением революции в общем духовном настрое эпохи, новой общей «вещественности» мысли и чувства.

Хартлауб разделил течение на два крыла: «правое» и «левое», не только различные по идейным и стилистическим основаниям, но и разделенные географически. «Правое», «неоклассическое» крыло он назвал магическим реализмом, сблизив работы его представителей с творчеством де Кирико и швейцарского художника Ф. Валлотона. Центром магического реализма были Мюнхен и Карлсруэ, а его наиболее последовательными представителями — Г. Шримпф, А. Канольдт с его италянизированными пейзажами и натюрмортами и К. Шад, прошедший путь от экспрессионизма и дадаизма к неоромантическим, вдохновленным классикой произведениям.

Однако наиболее интересным и современным было «левое» крыло «новой вещественности», центрами которого стали такие политизированные города, как Берлин и Дрезден. Многие представители «левого» крыла прошли через войну и были активными участниками революции 1918 г., входили в государственные органы революционного правительства. Их искусство сохраняло верность социальной критике, а сами они активно участвовали в левых политических движениях. Ведущими и наиболее яркими представителями «левого» крыла «новой вещественности» были Отто Дикс, Георг Грос и Макс Бекман, прошедшие войну и одно время тесно связанные с экспрессионизмом и дадаизмом. Именно их трагическое и острое в своей критической направленности искусство в наибольшей степени отразило «нерв» немецкой культуры первых послевоенных лет.

¹ Цит. по: Фремттон К. Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития / Пер. с англ. М., 1990. С. 191; см. также: Турчин В.С. «Новая вещественность» — искусство потерянного поколения // Советское искусствознание. Вып. 26. М., 1990.

Несмотря на явные различия, представителей «правого» и «левого» крыла объединяло стремление быть точными хроникерами своего времени. Они внимательно относились к деталям, фиксируя любую мелочь, пространство их картин кажется лишенным воздуха, гладкая фактура мазка, сдержанность почти монохромного колорита, точность рисунка уподобляли картины большим фотографиям. Жизнь послевоенной Германии, потерявшей миллионы жизней своих граждан, предстает на картинах художников «новой вещественности» полной драматических противоречий, социальных конфликтов и личных трагедий. Война во многом определила их взгляд на человека как на развратное, грязное и жестокое чудовище, не случайно позднее в своей автобиографии Грос писал: «... человек — свинья. Все разговоры о морали — вранье, предназначенное для дураков». Утрированное изображение низменных пороков, жестокости и жадности нуворишей, острая социальная критика, граничащая с политической сатирой, подчеркнутая гротескность образов сближали художников «новой вещественности» с литературным экспрессионизмом и театром Б. Брехта (триптих О. Дикса «Метрополис», 1928; картины Г. Гроса: «Столпы общества», 1918; «Поклонники золотого тельца», 1926; его же серия рисунков «Лицо правящего класса», 1921). Художники «левого» крыла «новой вещественности» были беспощадны в своей критике современного им общества, в котором чревоугодие и извращенная чувственность соседствовали с нищетой, болезнями, отчаянием инвалидов войны, просящих милостыню под сверкающими витринами модных магазинов («Инвалиды войны» О. Дикса, 1920).

После падения Веймарской республики критическая направленность искусства художников «новой вещественности» резко осуждалась пришедшими к власти нацистами, желавшими видеть современное им немецкое искусство инструментом воспитания масс в истинно «арийском» духе на примере физически сильного, нравственно здорового героя, верного национальным традициям. Искусство Дикса, Гроса, Бекмана и представителей авангарда (от экспрессионистов до дадаистов и абстракционистов) рассматривалось как «дегенеративное», как отражение нравственного упадка, как лишенное национальных корней. «Отныне мы будем вести беспощадную очистительную войну против последних у нас элементов культурного разложения», — заявил А. Гитлер 19 июня 1937 г. на открытии выставки «Дегенеративное искусство». Выставка стала идеологической дискредитацией оппонентов режима, не случайно за ней последовала травля представителей авангарда и неофициального искусства, большая часть которых покинула пределы Германии, а те, кто остался, не имели возможности работать и выставляться¹. Апогеем преследования авангардного искусства, чуждого «здоровому духу немецкой нации», стало сожжение произведений «дегенеративного искусства» после двухлетнего турне выставки по городам Германии².

¹ Подробнее см.: Голомиток И.Н. Тоталитарное искусство. М., 1994; Маркин Ю.П. Искусство Третьего рейха. М., 2012.

² Летом 1939 г. огню были преданы 1004 картины, 3825 акварелей, рисунков и графических работ — в первую очередь произведения Э. Нольде, К. Шмидта-Роттлуфа, Э. Хеккеля, О. Дикса, Г. Гроса и К. Кольвиц.

Помимо идеи «возвращения к порядку» культурный климат Европы послевоенного периода определяло стремление авангарда сформулировать свою новую стратегию, определить пути дальнейшего развития художественного эксперимента на основе обновления пластического языка и содержания искусства, во многом основанного на странном симбиозе теософии и марксизма. Наиболее перспективными для будущего развития европейского искусства и архитектуры были социально ориентированные архитектурные идеи «новой вещественности», неопластицизма и функционализма, архитектура конструктивизма, развитие таких авангардных художественных практик, как абстракция и сюрреализм¹.

Идеи новой архитектуры, в отличие от ар деко ориентированной на социальное равенство и общую доступность комфортного и недорогого жилья, витали в воздухе послевоенной Европы, нуждающейся в быстром и экономичном восстановлении разрушенных войной городов. Более того, рост городского населения, активная урбанизация территорий бросали вызов архитекторам нового поколения в решении градостроительных и транспортных проблем. Так, на Парижской выставке 1925 г. помимо павильонов, представлявших новые веяния в дизайне интерьеров и предметной среды и отражавших стилистику ар деко (павильоны Коллекционера, Французского посольства, Стеклопанельной посуды и др.), были построены два павильона, демонстрирующие авангардные архитектурные решения: павильон СССР К.С. Мельникова и павильон «Эспри нуво» Ле Корбюзье и его мастерской. Первый представлял советский конструктивизм, второй — пуристическую архитектуру Франции. Оба павильона вызвали неоднозначную оценку критики: одни ими восхищались, другие ругали, видя в лаконичных и ясных объемах построек, математической выверенности пропорциональных и пространственных отношений, отсутствии какого-либо «декора» отсутствие «архитектуры».

Павильон «Эспри нуво» стал демонстрацией основных принципов современной архитектуры, разработанных Ле Корбюзье, реализацией его идей в области жилого интерьера. Называя дом «машиной для жилья», Ле Корбюзье и его единомышленники сводили к минимуму все лишнее, максимально экономично используя двухуровневое пространство жилого интерьера, обставленное кожаными креслами, гнутыми деревянными стульями и модульными стандартизированными стеллажами. Стены павильона были окрашены в любимые пуристические цвета и украшены картинами самого Ле Корбюзье, Х. Гриса и А. Озанфана. Павильон «Эспри нуво» стал манифестацией тех идей, которые проводились пуристами на страницах философско-художественного журнала «Эспри нуво» (*L'Esprit nouveau*), основанного в 1919 г. Именно там Ле Корбюзье опубликовал свои «Пять отправных точек современной архитектуры», ставшие азбукой нового архитектурного языка. Помимо интерьера в павильоне был темный зал, где демонстрировались панорамы градостроительных проектов

¹ Подробнее см.: *Фремнтон К. Указ. соч.*

Ле Корбюзье: утопический проект «Современный город» и «План Вуазен», предлагавший кардинальную реконструкцию центра Парижа и вызвавший шквал критики и возмущение парижан¹. Павильон «Эспри нуво» и постройки Ле Корбюзье 1920-х гг. (два дома в экспериментальном поселке Вайссенхоф близ Штутгарта, 1927; здание Центросоюза в Москве, 1928–1929, строительство завершено в 1935-м; вилла Савой в Пуасси, 1929–1930) ознаменовали победу функционализма с его минималистической эстетикой, основанной на простоте геометрических объемов, дешевизне технологий и материалов, свободной планировке и функциональном использовании крыши и пространства под домом. На первое место выдвигались экономичность и технологичность строительства, разрабатывались идеи Ле Корбюзье о «прожиточном максимуме», городском зонировании, подчиненном функциональной целесообразности, удешевлении строительных технологий с использованием фабричных модулей².

«Начинается великая эпоха, — писал Ле Корбюзье. — Возникают новые веяния. Индустрия, нахлынувшая словно бурный поток, принесла с собой новые орудия, приспособленные к этой новой эпохе и порожденные новыми веяниями. Закон экономии властно управляет нашими действиями и мыслями»³. К середине 1920-х гг. формируется «интернациональный стиль», ознаменовавший распространение идей функционализма и конструктивизма как в Европе, так и в Америке. Его крупнейшие представители В. Гропиус, Л. Мис ван дер Роэ, Тео ван Дусбург, Эль Лисицкий, Э. Мендельсон, Я.И.П. Ауд и др. заложили основы современного градостроения и жилищного строительства, продемонстрировали новые возможности высокотехнологичной архитектуры, направленной на удовлетворение потребностей всех слоев населения, без социальных и имущественных различий⁴. Идеи социального равенства и «бесклассовой» архитектуры были характерны практически для всех представителей функционализма, исключение составлял, пожалуй, лишь Мис ван дер Роэ.

Большую роль в формировании нового языка современной архитектуры сыграли немецкие архитекторы, связанные с группой «новой вещественности», и голландские архитекторы и дизайнеры, которые объединились вокруг журнала «Стиль». Хартлауб, идеолог *Neue Sachlichkeit*, видел в ней не стиль, а лишенный «сентиментальности» подход к природе общества. Слово «вещественность» появилось в лексиконе архитекторов под влиянием социалистических идей русского конструктивизма и явно имело политический контекст. Большой

¹ Подробнее см.: Всеобщая история архитектуры. Т. 11. М., 1973; *Ле Корбюзье*. Архитектура XX века. М., 1977; *Козн Ж.Л.* Ле Корбюзье. М., 2008. С. 31–33.

² Подробнее см.: *Уиттик А.* Европейская архитектура XX в. Т. 2: Эра функционализма (1924–1933). М., 1964; *Фремpton К.* Указ. соч. С. 155–273; *Troy N.J.* Modernism and the Decorative Arts in France: Art Nouveau to Le Corbusier. New Haven; L., 1991.

³ Цит. по: Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1972. С. 235.

⁴ Развитие идеи архитектуры «социальной ответственности» в группе архитекторов, близкой к «новой вещественности», эстетика «элементаризма» Л. Мохой-Надя, вдохновленная русским и немецким конструктивизмом, минимизация жилого пространства благодаря встроенной мебели и функциональной кухне, идеи дома-коммуны и бесклассовой системы общественных поселений (проекты Э. Мая рабочих поселков во Франкфурте, 1925; проекты В. Гропиуса жилого строительства в Берлине, 1929; эссе Гропиуса «Социологические основы минимального жилья», 1929).

интерес у немецких и голландских архитекторов вызвало творчество Эль Лисицкого, приехавшего в Берлин в 1921 г. для продвижения советской культуры. Его влияние было усилено статьями, которые Лисицкий печатал в немецких журналах, и представленным на Большой Берлинской художественной выставке 1923 г. павильоном «Проуненраум». Словом «проун» Лисицкий определял ту область искусства, которая располагалась между живописью и архитектурой и была основана на использовании элементарных форм и материалов, находящихся во взаимосвязи с пространством. Согласно Лисицкому, «вещественные» конструкции должны обладать простотой элементарных геометрических форм, пространственностью и символической значимостью. Последователи и соратники Лисицкого образовали левую группу архитекторов «ABC», куда входили М. Стам, М. Таут, Х. Шмидт, Х. Мейер, Х. Виттвер, — группу, ориентированную на проектирование «социально необходимых» зданий, основанное на научных принципах функциональной конструкции и абстракции.

Появление архитектуры «новой вещественности» в Германии стало возможным благодаря программе по жилищному строительству, предложенной правительством Веймарской республики в 1923 г. и действовавшей вплоть до экономического кризиса 1929 г. Группой немецких и голландских архитекторов был опробован опыт строчной жилой застройки, выработаны концепция «свободного города» и система стандартного модуля максимально аскетичной типовой квартиры со всеми удобствами. Опытным образцом типового жилого строительства стал поселок Вайссенхоф под Штутгартom, построенный по проектам интернациональной группы архитекторов к выставке Немецкого Веркбунда (объединения мастеров архитектуры, декоративно-прикладного искусства и промышленников) в 1927 г.¹

Для новой архитектуры требовались архитекторы и дизайнеры, не обремененные стереотипным мышлением и способные решать принципиально новые задачи. Не случайно сразу после войны, когда актуальной была задача быстрого восстановления городов и производства, встала проблема профессиональной подготовки архитекторов, дизайнеров и художников, что стимулировало выработку оптимальной образовательной системы, которая существует и сейчас в крупнейших архитектурных и дизайнерских институтах. Эта система берет свое начало в послевоенной Германии и Советской России. Ее история связана с такими учебными заведениями, как немецкий Баухауз и советский Вхутемас.

Баухауз был создан в Веймаре в 1919 г. путем объединения Школы прикладного и декоративного искусства архитектора Х.К. ван де Велде и Веймарской академии художеств. Он просуществовал, но уже в ином качестве, до прихода к власти фашистов, т.е. до 1933 г., завершив свою активную деятельность в Дессау, где по проекту В. Гропиуса, неизменно руководившего школой до 1928 г., был построен комплекс учебных и жилых зданий. Немецкий архитектор Вальтер Гропиус считал, что новое время и технический прогресс ставят

¹ Германия была представлена такими известными архитекторами, как П. Беренс, В. Гропиус, Л. Мис ван дер Роэ и братья Таут. Подробнее см.: *Фремpton К.* Указ. соч. С. 201–202; о Веркбунде см.: Там же. Гл. 12.

перед архитекторами задачу объединения искусства, техники и науки в особой «строительной гильдии», какой, с его точки зрения, и должен был стать Баухауз. Как Гропиус, так и многие известные преподаватели школы: Тео ван Дусбург, Л. Мохой-Надь, Х. Мейер, Х. Виттвер — симпатизировали социалистическим идеям, что определяло их политику в области архитектуры, подчеркнув связь с производством и максимальную демократичность создаваемой предметной среды¹. «Баухауз, — писал в 1922 г. Оскар Шлеммер, — был основан для возведения собора социализма, и его мастерские как бы копируют ложи строителей соборов... Перед лицом экономических трудностей наша задача — стать пионерами простоты, то есть найти простую форму удовлетворения всех жизненных нужд, которая в то же время была бы представительной и искусной»². Уникальная среда Баухауза объединяла художников, дизайнеров и архитекторов, увлеченных идеей создания новой жизненной среды современного города, основанной на единых законах формообразования, одинаковых для всех пластических искусств, стремящихся к синтезу³. 1920-е годы были временем расцвета Баухауза, где преподавали такие известные живописцы, как В. Кандинский и П. Клее, сыгравшие основополагающую роль в разработке лексических основ современного искусства. Более того, их взаимное общение обогатило как их собственное творчество, так и искусство в целом, что привело к дальнейшему развитию теории абстракции и углублению ее семантики⁴. После ухода в 1928 г. Гропиуса из Баухауза художественная политика школы значительно «полевела», поскольку новый директор, архитектор Х. Мейер, придерживался прокоммунистических взглядов. Последнее предопределило судьбу Баухауза: даже недолгое директорство Мис ван дер Роэ не спасло положения, школа была закрыта вскоре после своего переезда в Берлин.

В целом художественная жизнь послевоенной Европы была чрезвычайно насыщенной, чему немало способствовали рост цен на произведения современного искусства, зависящий от конъюнктуры художественного рынка, деятельность журналов и галерей, появление состоятельных коллекционеров и заказчиков, проявляющих интерес к современному искусству. Художественная сцена тогдашней Европы была представлена разнообразием творческих

¹ «Давайте создадим новую гильдию ремесленников, без классовых различий, которые возводят барьер высокомерия между ремесленником и художником. Давайте вместе придумаем и построим новое здание будущего, в котором архитектура, скульптура и живопись сольются в единое целое и которое однажды руки миллионов рабочих поднимут к небесам как хрустальный символ новой веры», — написано в «Программе Государственного Баухауза в Веймаре» (1919).

² Цит. по: Фремттон К. Указ. соч. С. 182.

³ Аналогичные идеи синтеза волновали Ле Корбюзье, о чем он не раз писал и говорил, считая, что «в самом... пластическом событии все едино: скульптура, живопись, архитектура».

⁴ Помимо раннего труда «О духовном в искусстве» (1911), В. Кандинский в период преподавания в Баухаузе написал книгу «Точка и линия на плоскости. Прологомены в науке об искусстве» (1926), а П. Клее тогда же выпустил «Педагогические эскизы» (1924). Л. Мохой-Надь полемически выступал против «буржуазности» архитектуры и искусства и издал книги «Технология, машина, социализм» (1922) и «Живопись или фотография» (1929). Тео ван Дусбург пользовался большой популярностью в Баухаузе, где недолго преподавал. Его многочисленные статьи, касающиеся новых принципов формообразования, печатались в журнале «Стиль».

индивидуальностей и манер, пестротой направлений, спонтанно возникающих объединений и групп, часто конкурирующих за внимание зрительской аудитории, публики и критиков. Рядом с такими крупными мастерами, как А. Матисс, П. Пикассо, В. Кандинский, М. Шагал, С. Дали, существовало много других, не менее выдающихся художников, определивших лицо современного европейского искусства на многие годы вперед.

Наиболее значительными с точки зрения последующего развития искусства были набиравшие силу и влияние в послевоенный период два направления — геометрическая абстракция и сюрреализм. Если геометрическая абстракция была связана в первую очередь с идеями формообразования, волновавшими как теоретиков, так и практиков архитектуры и дизайнера, то сюрреализм подхватил упавшее знамя дадаизма и позиционировал себя как кардинальную «революцию сознания», направленную на освобождение личности от груза государства и общества. Важным фактором развития искусства, как и культуры в целом, было возрастающее влияние экзистенциальной философии и феноменологии, прежде всего — знаковых представителей философской мысли первой четверти XX века: Анри Бергсона, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Э. Мунье и М. Мерло-Понти¹. Возрастающее влияние теософии и антропософии увлекало многих представителей авангарда, особенно таких его «метафизических» направлений, как абстракционизм и, в отдельных случаях, сюрреализм². Для последнего важнейшими стимулами исследования подсознательного стали психоанализ З. Фрейда и учение К. Юнга об архетипах и коллективном бессознательном.

Именно в межвоенный период абстрактное искусство выходит из тени других авангардных художественных практик, прежде всего кубизма и пуризма, обретает самостоятельное бытие в форме интернациональных в своем составе творческих объединений — «Стиль» в Голландии, «Круг и квадрат» и «Абстракция-творчество» в Париже³. Помимо текстов самих представителей абстракционизма (В. Кандинского, П. Мондриана, Т. ван Дусбурга, К. Малевича и Эль Лисицкого) формируется теория абстракции, издаются журналы, пропагандирующие новое «конкретное» искусство. Теория абстракции, основанная на платоновских идеях и текстах немецкого историка и теоретика искусства

¹ Подробнее см.: Французская философия и эстетика XX в.: А. Бергсон, Э. Мунье, М. Мерло-Понти. М., 1995; тезис А. Бергсона о том, что «эволюция есть бесконечное творчество», выдвинутый в его труде «Творческая эволюция», оказал большое влияние на представителей авангарда. См.: Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. М., 1998.

² Известно, что и Иттен в Баухаузе, и Кандинский, и Мондриан, и Т. ван Дусбург, и де Кирико были связаны с послевоенным теософским движением, очень влиятельным в Европе и Америке.

³ Так, историк и теоретик абстрактного искусства М. Сейфор в 1929–1930 гг. издавал журнал «Круг и квадрат» (подробнее см.: *Seuphor M. La peinture abstraite*. P., 1962). Группа «Абстракция-творчество» также выпускала свой журнал, статьи по современному искусству, в частности абстрактному, печатались в журнале «Эспри нуво», в издательстве Баухауза в 1920-е гг. увидели свет основные труды В. Кандинского, Т. ван Дусбурга, П. Клее, П. Мондриана, К. Малевича, Л. Мохой-Надя. Об абстракционизме см.: *Brion M. L'art abstraite*. P., 1956; *Хофман В. Основы современного искусства: Введение в его символические формы* / Пер. с нем. СПб., 2003; *Рид Г. Краткая история современной живописи* / Пер. с англ. М., 2005.

В. Воррингера¹, на постижении «универсальности» абсолютной формы, отражающей гармонию Вселенной, легла в основание деятельности представителей голландского объединения «Стиль», созданного в 1917 г. Питом Мондрианом и Тео ван Дусбургом. В первом манифесте группы, опубликованном в журнале «Стиль» в 1918 г., в числе прочего говорилось, что «основатели неопластицизма обращаются ко всем, кто верит в реформу искусства и культуры, с призывом разрушить те преграды, которые мешают дальнейшему развитию. Убрав ограничения естественных форм с помощью нового пластического искусства, мы уничтожим помехи, стоящие на пути выражения нового чистого искусства»².

В теории неопластицизма еще живы были утопические идеи жизнестроения, характерные для предвоенного авангарда. Стремясь к преобразению реального мира средствами искусства, способного создавать «чистую гармонию», Мондриан считал, что в будущем «осуществление чистого выражения формы в наглядной реальности нашей среды заменит искусство... [и] мы будем жить в осуществленном искусстве. Искусство будет отмирать по мере того, как будет расти равновесие в жизни»³. Теория и практика Мондриана, прошедшего путь от реализма к кубизму, были многим обязаны философии голландского математика М. Схунмакерса (Schoenmaekers), тесно связанного с кружком европейских теософов. Схунмакерс был основателем так называемой «пластической математики», изложенной им в книгах «Новый образ мира» (1915) и «Принципы пластической математики» (1916). Отзвук его теософских идей можно видеть в книге Тео ван Дусбурга «Новое движение в искусстве» (1916), в которой проводится платоновская идея «божественного» происхождения прекрасного: «Художник ищет всеобщее в частном. Найти нечто прекрасное — значит не что иное, как открыть всеобщее. И это всеобщее есть божественное. Распознать это божественное в каком-нибудь произведении — значит получить эстетическое удовольствие»⁴. Разрабатывая теорию неопластицизма как основу формообразования современного искусства, Мондриан, подобно ван Дусбургу, опирался на математические и пластические идеи Схунмакерса, не без влияния которого появился термин «неопластицизм». Именно Схунмакерс предложил ограничить цветовую палитру тремя основными цветами: желтым, красным и синим,

¹ В своих работах, в первую очередь в диссертации 1909 г. «Абстракция и вчувствование», Воррингер выделяет два типа самоопределения культуры: «классический», основанный на «вчувствовании» и склонный к любованию натурой, и «абстрактный», тяготеющий к трансцендентности и сверхреальности, причем последнюю он понимает как мистическую безбрежность сознания. Работы Воррингера оказали влияние на многих представителей абстракционизма, в частности на Кандинского. Определенным оправданием абстракционизма и формальных экспериментов авангарда можно считать тезис Мерло-Понти о том, что, «переходя от “означающего” языка к чистому языку, литература — одновременно с живописью — освобождается от стремления к сходству с вещами и от идеала законченного произведения искусства» (т.е. Мерло-Понти развивает положение Бергсона о «бесконечном» творчестве).

² Цит. по: Фремттон К. Указ. соч. С. 209–210.

³ Mondrian P. Plastic art and pure plastic art. Цит. по: Hess W. Dokumente zum verständnis der modernen Malerei. Hamburg, 1959. S. 103.

⁴ Цит. по: Seuphor M. Op. cit. P. 65.

о космической значимости которых он писал: «Тремя главными цветами являются желтый, синий и красный. Они единственные существующие цвета... Желтый — это движение луча солнца (вертикаль)... Синий — контрастный цвет по отношению к желтому (горизонтальный небесный свод)... Красный — соединение желтого и синего». В «Новом образе мира» он обосновывает ограничение пластического языка только прямоугольными элементами: «Двумя главными, полными противоположностями, которые придают форму нашей Земле и всему, что есть на Земле, являются: горизонтальная линия силы, то есть путь Земли вокруг Солнца, и вертикальное, глубоко пространственное движение лучей, берущее начало в центре Солнца»¹.

Следуя теософским взглядам Схунмакерса, Мондриан также ограничивает цветовую гамму своих геометрических построений, исходя из сочетания трех основных цветов и «не-цветов»: черного, белого и серого. Он вывел пять принципов формообразования в неопластицизме, из которых основополагающими были два: равновесие противоположностей (вертикалей и горизонталей) и разделение основных цветовых полей полосами «не-цвета»; благодаря четкой продуманности цветовых, ритмических и пропорциональных соотношений достигалась абсолютная, математически выверенная, лишенная эмоциональной окраски гармония. Таким образом, главной целью неопластицизма было достижение «универсальной гармонии» (единства искусства и общества) через простоту, духовность и «чисто пластические произведения искусства». Помимо теории неопластицизм активно реализовал себя на практике, в частности в области архитектуры и дизайна, в чем была главная заслуга Тео ван Дусбурга и его коллеги архитектора Геррита Ритвельда².

В архитектурных идеях неопластицизма просматривается сильное влияние советских конструктивистов, в первую очередь теории супрематизма К. Малевича и проунов Эль Лисицкого. В 1920-е гг. неопластицизм завоевывает международное признание, его «чистые универсалии форм» проникают и в творчество такого мэтра абстракционизма, как В. Кандинский³. Представители неопластицизма, в частности Мондриан, активно участвовали в художественной жизни Парижа, где в 1931 г. присоединились к группе «Абстракция-творчество».

Среди авангардных практик 1920–30-х гг. наиболее перспективным и всеобъемлющим был сюрреализм, возникший в Париже в 1924 г. благодаря деятельности вернувшегося с войны Андре Бретона и его друзей — Филиппа Супо,

¹ Цит. по: Фремттон К. Указ. соч. С. 210.

² Первая попытка использовать принципы неопластицизма в дизайне мебели принадлежала именно Герриту Ритвельду, который на основе складного кресла-кровати создал свой знаменитый «красно-синий стул»: его форма состояла из черного каркаса, двух досок и реек разной длины, окрашенных в «основные цвета».

³ Уже в баухаузовский период в творчестве Кандинского появляются строгие геометризированные формы, особое значение среди них получает экспансия круга в пространство («Несколько крутов», 1926); его волнует соотношение простых геометрических форм и пространства, которое наделяет их почти «космической» по своей силе энергией («Синий круг», 1922). Парафразом неопластицизма можно считать его картину «Тринадцать квадратов», написанную в 1930 г.

Луи Арагона, Жака Ваше и Поля Элюара¹. Позднее к ним присоединились бывшие дадаисты Макс Эрнст, Ганс Арп, Ман Рэй, Франсис Пикабия и Марсель Дюшан. Постепенно группа разрасталась, к ней присоединялись как литераторы, так и художники, скульпторы, кинематографисты. Наиболее активными членами «бретеновской команды» были в основном литераторы и художники «первого призыва»: Рене Кревель и Рене Клер, Робер Деснос и Жак Превер, Макс Эрнст, Андре Массон, Ив Танги.

Первая выставка сюрреалистов состоялась в Париже в 1925 г.; вскоре к группе присоединились приехавшие в Париж Сальвадор Дали, Рене Магритт, Луис Бунюэль. Расцвет сюрреализма приходится на конец 1920-х — начало 1930-х гг., когда движение выходит за пределы Франции и приобретает международное значение. В орбиту влияния сюрреализма помимо Старого Света включается Америка, где проходят крупные выставки сюрреализма, наиболее представительной из которых была выставка «Фантастическое искусство, дада, сюрреализм» (Нью-Йорк, 1936–1937). В 1936 г. в Париже прошла скандальная выставка «Сюрреалистический объект»; в том же году международная выставка сюрреалистов состоялась в Лондоне. Непосредственно перед войной шумную славу приобрел Сальвадор Дали, ставший наиболее ярким и противоречивым представителем сюрреализма². Мимо сюрреализма не прошли и другие крупные мастера XX в., в частности П. Пикассо, А. Джакометти, Г. Мур. Знаменитая «Герника», созданная Пикассо для испанского павильона Всемирной выставки искусств и техники в Париже (1937), во многом использует сюрреалистическую лексику.

В отличие от других направлений авангарда, за исключением экспрессионизма, сюрреализм не был очередным авангардным стилем. Он отражал определенное «состояние умов», тот дух разочарования и анархического нигилизма, который возник во время войны в среде пацифистски настроенной молодежи³. Генетически связанный с дадаизмом военного и послевоенного времени, во многом восприняв его игровое и контркультурное начало, сюрреализм пошел дальше, сформировав свою идеологию и достаточно стройную систему, основанную на философии неокантианства и неогегельянства, на взглядах А. Бергсона и В. Дильтея, наконец, на психоанализе З. Фрейда и аналитической психологии его ученика К. Юнга. Рожденный на волне интереса к психологии и изучению психических отклонений личности, психоанализ сыграл важную роль в развитии искусства, выявив до того скрытые возможности творческого воображения и самореализации личности. Более того, изучение творчества душевнобольных, детей и самоучек позволило по-новому оценить потенциаль-

¹ Подробнее об истории сюрреализма см.: Батракова С.П. Искусство и утопия: из истории западной живописи и архитектуры XX века. М., 1990; Шенье-Жандран Ж. Сюрреализм / Пер. с франц. М., 2002; Сюрреализм: Энциклопедия / Сост. И.Г. Мосин. СПб.; М., 2005.

² Помимо собственно творчества, для сюрреализма было важно все: облик, поведение, вербальное высказывание, скандалы и эпатаж. В этом смысле фигура С. Дали наиболее показательна, не случайно он любил повторять: «Сюрреализм — это я!»

³ Подробнее см.: Short B.S. Dada and Surrealism. N.Y., 1980; Art in Theory: 1900–1990 / Ed. by Ch. Harrison, P. Wood. Blackwell, 1995.

ные возможности сознания, проникнуть в тайны восприятия и возникновения образов¹. В круг интересов социальной психологии попадают древние сакральные ритуалы и культы, что приводит к анализу коллективного бессознательного и рождению теории архетипов Карла Густава Юнга². Учение Фрейда о подсознательном, о сублимации в творческом акте полового влечения (либидо), определяющего психическую и практическую деятельность человека, о роли сновидений и подсознания в рождении образов легло в основание творческого метода сюрреализма, определив не только форму, но и содержание произведений сюрреалистического искусства³.

Интерес к психоанализу, практике спиритизма и гипноза проявился у А. Бретона еще до войны, когда он изучал медицину, а затем во время работы в военном госпитале, куда попадали солдаты с психическими расстройствами. Знакомство с психоанализом З. Фрейда во многом способствовало выработке главного метода сюрреализма — «психического автоматизма», первый опыт которого продемонстрировали Супо и Бретон при написании абсурдистской поэмы «Магнитные поля», опубликованной в журнале «Литература». Журнал, основанный Бретоном, Супо и Луи Арагоном в 1919 г., стал рупором литературного и художественного сюрреализма.

Основные положения творческого метода сюрреализма Бретон изложил в первом «Манифесте сюрреализма» (1924), корректируя их в последующих манифестах (1929, напечатан в журнале «Сюрреалистическая революция»; 1942 — «Пролегомены к третьему манифесту сюрреализма», напечатаны позднее, в 1946-м), возникающих в разные, часто кризисные периоды в истории движения. Сюрреализм имел многочисленных сторонников среди литераторов, кинематографистов, фотографов, но Бретон особую роль отводил художникам, сравнивая возникновение спонтанного визуального образа в искусстве с рождением поэтического образа в литературе⁴. Близость этих видов творчества демонстрировалась сюрреалистами в игровой форме. Знаменитая коллективная игра «Изысканный труп», напоминающая словесное буриме, удовлетво-

¹ Развитие психоанализа внесло определенные коррективы в изучение искусства и др. исследований возникновения образов и их трансформации. В последние годы жизни Аби Варбург, основатель иконологии, работал над «Атласом Мнемозины», посвященным культурной памяти и «великому переселению» образов в процессе взаимодействия культур.

² В трудах Юнга затрагивался широкий спектр философско-психологических проблем: от терапии психических расстройств до проблем личного и коллективного бессознательного, взаимодействия человека и общества. Изучение коллективной психологии и теория бессознательного легли в основу его учения об архетипах, сыгравшего значительную роль как в осмыслении ритуала и связанного с ним искусства древних народов, так и в развитии современного Юнгу художественного языка. См.: Юнг К. Архетип и символ. М., 1991; Юнг К., Нойман Э. Психоанализ и искусство. М., 1997.

³ Из важных для искусства сюрреализма работ З. Фрейда см.: Художник и фантазирование. М., 1995; Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве. СПб., 2007.

⁴ Перу Бретона принадлежат многочисленные статьи в сюрреалистических журналах, а также отдельные издания: «Сюрреализм и живопись», 1928; «Что такое сюрреализм?», 1936; «Краткий словарь сюрреализма», 1940; «Генезис и перспективы сюрреализма», 1941; «Положение сюрреализма между двумя войнами», 1945; и др.

ряла сразу нескольким требованиям сюрреалистов: автоматическое письмо, бессознательное рождение фантастических образов, парадоксальность возникающих смыслов.

Метод «чистого психического автоматизма» открывал безграничные возможности образной комбинаторики, снимал какие-либо ограничения, как эстетического, так и нравственного свойства, с «бескорыстной игры мысли». Не будучи единым художественным стилем, сюрреализм, тем не менее, предъявлял к участникам движения определенные требования, следование которым создавало впечатление общности: помимо метода «психического автоматизма», для большинства представителей сюрреализма было характерно коллажирование визуальных или вербальных образов, интерес к творчеству детей и душевнобольных, к иероглифу как содержательному знаку, опора на традиции древних культур и культов. Иллюзионистический обман зрения приводил к появлению образов-обманок, к натуралистическим пермутациям, т.е. странному соединению разной природы элементов в одном образе. Природа «черного юмора», свойственные ему гротеск и ирония снимали излишнюю серьезность с фантазий сюрреалистов, вносили парадоксальность в «реальность ассоциативных форм». Эротизм был составной частью сюрреалистической образности, более того, «любовное влечение», возникающее на уровне подсознания, соотносилось с принципом «психического автоматизма».

Данный метод спровоцировал изобретение разных техник, способных передать случайность возникающих образов: это фроттаж — «проявление» текстуры какой-либо поверхности, на которую положена бумага, путем «натирания» графитом, пастелью и др.; фюмаж — надымление и напыление, в результате чего рождались странные образы; дриппинг — разбрызгивание краски по поверхности; и многое другое, что создавало впечатление спонтанности и иррациональности образов. По существу, природа сюрреализма была глубоко эклектична, его представители свободно пользовались разными языковыми «кодами» авангарда — от абстракции (Х. Миро, И. Танги, А. Массон, Г. Арп, Г. Мур), дадаизма, с его использованием приемов коллажа, создания объектов и их комбинаций (М. Эрнст, Г. Арп, М. Оппенгейм), до иллюзионизма и «классицизма» (С. Дали, Р. Магритт, П. Дельво). Свободное «плавание» в океане новаторства и традиции, свойственное сюрреализму, роднит его с постмодернизмом нашего времени, со свойственной ему культурной толерантностью и «цитатностью» как доминирующим приемом художественного высказывания.

Не меньшей эклектичностью отличалась политическая позиция сюрреалистов, сохраняющих «левую» революционную фразеологию, свойственную европейской творческой интеллигенции еще со времен М. Бакунина и князя П. Кропоткина. Согласно Бретону, сюрреализм стоит на «трех китах»: свободе сознания, личной свободе по отношению к государству и обществу, свободе от моральных ограничений. Утопические идеи разрушения сознания буржуазного общества средствами искусства и воображения сюрреалисты активно пропагандировали — в журналах «Литература», «Сюрреалистическая револю-

ция», «Сюрреализм на службе революции», а также участвуя в провокационных акциях, издании памфлетов, листовок, бюллетеней¹. Бретон и его коллеги создают разного рода комитеты, стремясь придать им международный статус: Интернациональный комитет духа, Центральный офис сюрреалистических изысканий, Бюро сюрреалистических справок и пр. Революционная лексика в плане раскрепощения сознания и освобождения личности от сковывающих ее пут государства сближала позицию сюрреалистов с политическими идеями коммунистов (включая идею «перманентной революции»), постулатами Г. Маркузе и борьбой Че Гевары². Современная «левая» фразеология либеральной европейской интеллигенции во многом схожа с идеями и идеалами сюрреализма. Дух сюрреализма не исчерпан и в наше время, он проявляется всякий раз, когда общество нуждается в изменении, в освобождении от «коросты» стереотипов сознания. Не случайно «следы» сюрреализма можно видеть и в экспрессивной абстракции, и в поп-арте, и в гиперреализме, и в концептуализме, и во многих других практиках современного искусства.

Как видим, послевоенный период был чрезвычайно насыщенным в плане обретения новых смыслов и качеств искусства. Постепенно затягивались военные раны, жизнь восстанавливалась и предъявляла литературе, изобразительному искусству и, особенно, архитектуре и дизайну свои требования обновления и комфорта. Вместе с тем довоенные идеи преобразования сознания и общества средствами искусства и воображения давали новые всходы, приобретали новые очертания и формы, многие из которых провоцировали будущие перемены.

¹ Большой популярностью пользовался также журнал «Минотавр» (1933–1939), в котором печатались статьи Бретона, Дали и др., воспроизводились картины и фотографии сюрреалистов, в частности Ман Рэя и Брассе. С 1942 г. в Нью-Йорке издавался сюрреалистический журнал «VVV».

² Первой скандальной акцией сюрреалистов был выпуск памфлета «Труп» (в октябре 1924 г.), направленного против пышных похорон писателя Анатоля Франса; в 1925 г. была выпущена декларация «Готовы совершить революцию», тогда же сюрреалисты сближаются с Французской коммунистической партией. В 30-е гг. А. Бретон едет в Мексику, встречается там с Л. Троцким. Практически любое политическое событие встречало отклик у сюрреалистов: они выступали против войны в Испании, против оккупации Чехословакии, против войны Франции в Алжире; наконец, их последней заметной акцией была поддержка молодежного движения 1968 г.

Заключение

КОНТУРЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА

В первой половине 20-х гг. прошлого века развитие европейской цивилизации после бурных потрясений, вызванных «Великой войной» и порожденным ею мощным выбросом революционной энергии, начало постепенно возвращаться в стабильное, эволюционное русло. Это был весьма непростой период, в ходе которого политическим элитам большинства европейских государств пришлось столкнуться с проблемами, по сути не имевшими аналогов в предшествовавшей истории. Так или иначе, на все эти опасные вызовы правящим кругам ведущих европейских стран, определявших общую динамику развития европейской цивилизации, удалось найти приемлемый (правда, в разной степени) ответ, позволивший сбить волну социально-политической нестабильности, преодолеть хозяйственные неурядицы, вызванные переводом экономики на мирные рельсы, добиться стабилизации системы международных отношений.

Нормализация основных сфер жизнедеятельности европейского сообщества ни в коей мере не означала его возвращения «назад к нормальным временам», т.е. к довоенному порядку вещей. Несмотря на то, что этот лозунг активно и небезуспешно эксплуатировался консервативными силами во многих странах континента, европейская цивилизация уже никогда не смогла вернуться к прежним параметрам, определявшим ее лицо в довоенный период. Те гигантские многоплановые подвижки, которые сопровождали «Великую войну» и затронули практически все сферы жизнедеятельности европейского сообщества, делали невозможной реставрацию его довоенной модели. Конечно, масштабы перемен в различных областях были неодинаковыми. Например, в международных отношениях произошла «полная смена декораций»: старая модель системы международных отношений канула в небытие. На смену ей пришла иная модель, которая по всем ключевым характеристикам отличалась от своей предшественницы. Принципиальные изменения претерпела политическая карта мира: в результате войны исчезли с лица земли сразу четыре империи, да и остальные границы заметно изменились. Наконец, огромное воздействие на развитие европейской цивилизации оказало возникновение реальной альтернативы буржуазному варианту общественного прогресса. С тех пор практически весь XX век проходил под знаком соперничества двух социальных систем. Оно накладывало отпечаток, по сути, на все аспекты эволюции европейского сообщества. Хотя идеологи буржуазного правопорядка потратили немало сил на доказательство утопичности советского эксперимента, на практике наибо-

лее дальновидные политические лидеры Запада (Д. Ллойд Джордж, Э. Эррио, Ф. Рузвельт и др.) вынуждены были учитывать в своей деятельности «советский фактор».

Безусловно, не во всех областях и не на всех уровнях функционирования европейского сообщества изменения выглядели столь рельефно. Скажем, в сфере экономики, по крайней мере внешне, действительно наблюдались интенсивные попытки реанимировать довоенную хозяйственную модель, где государству отводилась бы роль «ночного сторожа» и где, по мысли адептов этой идеи, безоговорочно царили бы «естественные законы рынка». Хотя в исторической литературе весьма популярен тезис о том, что 1920-е годы стали периодом расцвета свободной рыночной конкуренции, он, на наш взгляд, отражал скорее не реальное положение дел в экономике, а то, каким его хотели видеть идеологи большого бизнеса. Этому сюжету можно посвятить отдельную монографию, но здесь мы ограничимся лишь одним примером. Пожалуй, наиболее ярким приверженцем подобных взглядов был Г. Гувер, автор своего рода библии бизнесменов межвоенного периода — политического бестселлера 20-х гг. «Американский индивидуализм», где он не жалея красок расписывал преимущества американской модели «свободной рыночной экономики», которая обеспечила все гигантские успехи Америки и «не должна раствориться ни в каких государственных действиях»¹. Вплоть до осени 1929 г., когда на весь западный мир, и в первую очередь на США, обрушился невиданный по своей силе экономический кризис, идеи Гувера в глазах большинства представителей деловых кругов Старого и Нового Света выглядели своего рода аксиомой.

Однако если в риторике политиков типа Гувера возвращение к «нормальным временам» выглядело достаточно убедительно, то на практике речь шла скорее об известном уменьшении и изменении набора тех сфер, где государство воздействовало на экономику. Государство стремилось уйти от регулирования социальных отношений, оставляя за собой лишь репрессивные функции и делая упор на то, что бизнес «повзрослел» и теперь, осознавая степень своей социальной ответственности, сам может эффективно решать проблемы, связанные с взаимоотношениями труда и капитала.

Что касается собственно экономических вопросов, то здесь государство, избегая прямого вмешательства в них, все же не полагалось более на стихию рынка, а всячески поощряло самоорганизацию бизнеса, прежде всего крупного, в виде ассоциаций, торговых палат и т.д. Конечно, возможности этих структур в деле организации, упорядочения, регламентирования хозяйственной жизни были более ограниченными, чем у государства, но все же их деятельность вносила определенную предсказуемость в ритм экономической жизни, несколько сужая простор для стихии рыночных отношений. Таким образом, говорить о полноценном возврате к довоенному статус-кво в сфере экономики, на наш взгляд, не представляется возможным. Происходил, скорее, известный откат в процессе этатизации социально-экономических отношений — а это означало, что отныне речь могла идти лишь о темпах этатизации социально-экономи-

¹ Hoover H. American Individualism. Garden City, 1923. P. 40.

ческих отношений, а не о возвращении к временам полностью «свободного» рынка. И все же элементы преемственности в данной сфере заметны достаточно отчетливо, и в этом нет ничего удивительного. Инерционность вообще присуща развитию экономической сферы, поэтому, как правило, изменения здесь происходят постепенно.

Безусловно, жителей стран, только что переживших самую кровопролитную в истории человечества войну, волновали не столько вопросы о принципах организации хозяйственной жизни (хотя по большому счету они, возможно, в решающей мере влияют на все остальные аспекты функционирования «индустриального общества»), сколько проблемы, связанные с созданием условий, которые предотвращали бы повторение подобных конфликтов. Иными словами, европейское сообщество в большинстве своем усиленно размышляло о том, как сделать мир более безопасным. Не случайно в 1919–1920 гг. наиболее обсуждаемой в СМИ темой являлась работа Парижской мирной конференции, ее итоги и перспективы новой международной организации — Лиги Наций. Практика решения вопросов послевоенного урегулирования вызвала у потомков весьма противоречивые отклики.

Очевидно, что в общественном мнении, да отчасти и в настроениях политических элит стран-победительниц, на первой стадии послевоенного урегулирования (от окончания боевых действий до первых серьезных конфликтов на Парижской конференции) доминировал элемент эйфории от победы. Отсюда — явно завышенные ожидания «светлого будущего», т.е. мира, в котором будет покончено с войнами. Однако, как только участники форума в Париже приступили к разрешению конкретных проблем, связанных с формированием контуров послевоенного мира, стало ясно, что реальные государственные интересы держав-победительниц явно имеют перевес над абстрактными устремлениями к прочному миру. Это, конечно, не означало, что во главе великих держав находились какие-то ультрамилитаристы. Отнюдь. Просто любой политик, если он хочет удержаться на вершине власти, должен выстраивать свою линию поведения в соответствии с тем пониманием государственных интересов, которое разделяют правящие круги его страны.

Государственные интересы — сложное понятие¹, включающее в себя целый ряд компонентов, главные из которых связаны с обеспечением безопасности собственного Отечества — а это предполагает постоянное укрепление потенциала мощи, и здесь уже не до благих пожеланий о «вечном мире». Суровые реалии мировой политики сплошь и рядом диктуют свои предельно жесткие императивы. Работа Парижской мирной конференции, на которой державы-победительницы попытались согласованно выработать условия проч-

¹Разработкой данного весьма важного и широко употребляемого понятия занимается теория международных отношений, где достаточно убедительно показано, из каких составляющих формируется это понятие и как оно влияет на реальную внешнюю политику, преобразуя звонкую политическую риторику в конкретные шаги на международной арене. Подробнее о механизме влияния концепции государственных интересов на внешнеполитический курс главных секторов системы МО см.: Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Манькина. М., 2009. Гл. 2; Современная мировая политика / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2009. Гл. 6; *Сетов Р.А.* Современный миропорядок и государственные интересы России. М., 2010.

ного послевоенного миропорядка, подтверждает этот тезис. Да, там удалось выработать основные параметры новой модели международных отношений, но говорить о ее высокой стабильности вряд ли уместно, поскольку ни один из ключевых участников этого форума не мог считать, что его государственные интересы учтены в ней в полной мере. Отсюда — обостренное желание улучшить свои позиции на международной арене, создававшее почву для нарастания конфликтного потенциала в рамках системного комплекса, сконструированного в Париже. Хотя многие конфликты поначалу существовали в латентной форме, само их наличие накладывало глубокий отпечаток на всю атмосферу, в которой развивалась международная жизнь. Палитра последней обрела заметные отличия от довоенных аналогов, «Великая война» стала серьезным водоразделом в ее развитии. Уже в это время обозначились те болевые точки, которые чем дальше, тем больше подтачивали устои новой, только что сформированной модели международных отношений. Здесь, на наш взгляд, прежде всего следует выделить три блока проблем.

Во-первых, большинство исследователей констатируют, что обсуждение вопроса о судьбе побежденной Германии создало в перспективе гораздо больше трудностей, чем удалось тогда конструктивно решить. Главное, жесткий подход к поверженному противнику подготовил почву для расцвета в Германии реваншистских настроений, которыми на рубеже 20–30-х гг. умело воспользовались национал-социалисты во главе с Гитлером. Анализируя уроки решения германской проблемы, историки неизбежно задаются вопросом: в чем кроется корень тех неудач, с которыми столкнулись союзники при выработке подходов к данным сюжетам? Ведь не секрет, что в схожей ситуации после Второй мировой войны позиция победителей была еще более жесткой. Тогда Германия на время вообще перестала существовать как суверенное государство, однако никаких сколько-нибудь серьезных всплесков реваншистских настроений, сопоставимых с настроениями межвоенного периода, там не наблюдалось. Так может быть, причиной неудовлетворительного результата действий Антанты в германском вопросе была недостаточная жесткость и последовательность в отношении своего противника?

Думается, дело не в этом. В отличие от 1945 г., когда участники антигитлеровской коалиции взяли под свой плотный контроль все процессы воссоздания немецкой государственности, на Парижской конференции лидеров великих держав волновали в первую очередь вопросы, связанные с ограничением влияния Германии на международной арене. А ведь в последние дни войны там, как известно, вспыхнула революция, которая в одночасье перевела политическую систему Германии и весь политический процесс в этой стране в качественно иное русло. Крушение империи высвободило огромную политическую энергию, а четких норм и правил игры в рамках так называемого «демократического политического процесса» в стране еще не сложилось. Неудивительно, что в подобной обстановке идеи центристов, ориентированные на стабильный, эволюционный путь развития, выглядели неубедительно — и наоборот, экстремистские лозунги, сулившие быстрое и радикальное решение насущных проблем общественного развития, находили немалый отклик у значительной

части населения Германии. Нельзя сказать, что руководство Антанты не беспокоила внутривнутриполитическая ситуация в Германии, но оно всячески избегало прямого вмешательства в ее внутренние коллизии, явно предпочитая делать акцент на использование косвенных рычагов воздействия на положение дел в этой стране. Так или иначе, тот вариант решения германской проблемы, который был санкционирован на мирной конференции в Париже, оказался весьма уязвим с точки зрения обеспечения стабильности в Европе.

Во-вторых, на мирной конференции в международное право был инкорпорирован один из самых спорных, дискуссионных принципов, ставший своего рода «миной замедленного действия». Речь идет о декларации постулата, вошедшего в историю под названием «право наций на самоопределение». В принципе, о том, что люди одной национальности имеют право добиваться создания собственного национального государства, политики и общественные деятели говорили еще в XIX в. Правда, вплоть до завершения Первой мировой войны это были, главным образом, благие, ни к чему не обязывавшие пожелания. Однако условия войны, как мы видели, вынудили руководство воюющих государств изыскивать все новые и новые ресурсы для наращивания совокупной мощи своих стран. И здесь их взоры обратились на различные националистические движения, добивавшиеся создания собственных государственных образований. К этому надо добавить, что стимулированное войной наступление эры «массовой политики» подталкивало политические элиты Запада к демократизации своей риторики, а отчасти и практики политической жизни. В подобном контексте рассуждения о праве наций самим определять свою судьбу выглядели как вполне отвечающие веяниям времени. Неудивительно, что на завершающем этапе войны данный принцип был озвучен уже на официальном уровне: он прозвучал и в «14 пунктах» В. Вильсона, и в ленинском Декрете о мире. Все это существенно обновило повестку дня послевоенных международных отношений.

Декларировать принцип самоопределения было легко. Однако, как только на Парижской мирной конференции встал вопрос о том, как будет выглядеть новая политическая карта Европы, стало понятно: выдвижение на авансцену этого принципа открыло «ящик Пандоры», ибо реализовать его на практике в условиях жуткой этнической чересполосицы, характерной для Центральной и Юго-Восточной Европы, и при этом не породить массы остроконфликтных ситуаций невозможно. К этому добавлялась практика «двойных стандартов» при решении вопросов, связанных с переформатированием государственных границ в Старом Свете. Если каждый из лидеров национальных движений всеми правдами и неправдами пытался доказать обоснованность своих притязаний на максимально большие территориальные приобретения, не заботясь о том, какова будет реакция соседей (особенно этим отличалась Польша), то лидеры великих держав стремились, прежде всего, укрепить позиции собственных клиентов из числа претендентов на роль союзников в послевоенном мире, не особенно тревожась о том, как подобные действия будут восприняты местным населением. Такая политика творцов Версальской системы вела к тому, что в ее организм изначально были инкорпорированы многочисленные «мины замед-

ленного действия» в виде целой череды латентных конфликтов на этнической почве. Медленно, но неотвратимо они подтачивали стабильность новой модели международных отношений.

На этом основании сегодня некоторые горячие головы объявляют именно постулат о праве наций на самоопределение чуть ли не главным источником тех бед, с которыми столкнулась послевоенная Европа. Значит ли это, что мы должны отказывать национальным меньшинствам в праве на организацию собственного государства, что они обречены жить в рамках тех государств, в которые они когда-то вошли, особенно если последнее произошло помимо их воли? Думается, что так ставить вопрос нецелесообразно. Безусловно, постулат о праве наций на самоопределение — обоюдоострое идеологическое оружие, требующее очень осторожного обращения. Между тем в ходе Парижской конференции и всего мирного урегулирования использование этого принципа основывалось скорее на сиюминутных политических расчетах. К тому же оно было крайне непоследовательным и избирательным, что не могло не вызвать разочарования и раздражения у «обиженных» стран и народов. Обоснованность использования этой идеи в решающей степени определяется тем, насколько грамотно выстраивают национальную политику политические элиты, которым принадлежит власть в многонациональных государствах. В этом смысле можно сказать, что после Первой мировой войны великим державам пришлось разбираться с последствиями национальной политики ушедших в историю империй — Австро-Венгерской, Османской и, отчасти, Российской.

Нельзя утверждать, что архитекторы Версальской системы не осознавали ее несовершенства. Однако большие надежды, по крайней мере в момент конструирования данной системы, они и, особенно, общественное мнение европейских стран связывали с Лигой Наций — международной организацией, созданной (по официальной версии) для урегулирования возможных конфликтов. На практике именно эти ожидания обернулись еще одной слабостью новой модели организации международных отношений.

В принципе, это неудивительно, можно даже сказать — закономерно, ведь это был первый в истории опыт создания универсальной международной организации по поддержанию мира. Ее творцы столкнулись с комплексом сложных проблем, главная из которых заключалась в том, чтобы выработать эффективные рецепты санкций против нарушителей правил международного общежития и одновременно не нарушить суверенитет основных участников новой организации. Решить эту проблему в полном объеме «отцам-основателям» Лиги Наций явно не удалось. Ключевые акторы системы международных отношений не желали хоть сколько-нибудь ограничивать свои суверенные права, а без этого выработать действенные механизмы, позволяющие сдерживать конфликтный потенциал в установленных Уставом Лиги Наций рамках, было практически нереально.

Таким образом, возникла парадоксальная ситуация: в мире появилась организация, призванная поддерживать принципы мирного сосуществования на международной арене, решать все конфликтные вопросы путем переговоров и арбитража, блокировать любые попытки потенциального агрессора нарушить

общепринятые нормы взаимоотношений между государствами, — однако у нее не было достаточных рычагов для выполнения своей миссии. Иллюзия надежности инструмента, гарантирующего прочный мир, сыграла с европейцами злую шутку позднее, уже в 1930-е гг., но, по сути, проблемы, связанные с ролью Лиги Наций, были имманентно присущи конструкции, вошедшей в историю под названием «Версальская система».

Устойчивое и стабильное развитие европейской цивилизации во многом зависело от того международного климата, в котором она существовала. Однако, на наш взгляд, не меньшее значение для будущего послевоенной Европы играла внутривнутриполитическая обстановка в наиболее крупных государствах данного региона. И здесь последствия «Великой войны» также были явно неоднозначными. Об этом уже написано немало серьезных исследований. Нам представляется, что в них несколько недооценивается роль тех крупных подвижек, которые произошли в партийно-политических системах ведущих государств континента. Ведь именно от состояния партийно-политических систем во многом зависит политический климат в государстве, а в более широком смысле — «здоровье» общества в целом. Война, несомненно, способствовала усложнению конфигурации и норм функционирования данных комплексов практически во всех воюющих странах. Более того, в некоторых из них партийно-политические системы под напором сложнейших проблем, порожденных войной, полностью обанкротились, не сумев предотвратить революционного взрыва, похоронившего всю прежнюю систему государственного устройства.

Однако такая судьба постигла лишь те государства, политические элиты которых не сумели адаптировать базовые элементы партийно-политических систем своих стран к реалиям военного времени. А реалии эти требовали, прежде всего, решения двух кардинальных проблем: во-первых, необходимо было обеспечить максимальное сплочение населения вокруг курса на поддержку усилий своего правительства в войне, во-вторых, курс на достижение победы предполагал создание эффективных механизмов, способных мобилизовать все ресурсы общества для достижения победы.

Попытки воплотить в жизнь эти запросы общественного развития потребовали перестройки привычных, устоявшихся норм взаимоотношений партий, составлявших мейнстрим политической жизни в ведущих странах Запада (партии либерального и консервативного толка), с оппозиционными силами, в первую очередь — с силами, разделявшими в той или иной мере социалистические идеи¹. От успеха или неуспеха этой операции в огромной степени зависело все будущее западной цивилизации, ибо конфронтация с набирав-

¹Это касается и стран, уже достаточно прочно усвоивших нормы демократического политического процесса (Англия, Франция), и государств, лицо которых определяла монархическая власть (Германская империя, Австро-Венгрия), где вопрос о судьбах буржуазного правопорядка тесно переплетался с вопросом о будущем самого института монархии. Из этого списка в значительной мере выпадает Российская империя, в которой процесс становления партийной системы делал первые, весьма робкие шаги. Конечно, и здесь та проблема, о которой мы ведем речь, объективно тоже стояла в повестке дня. Беда нашей страны заключалась в том, что ни император, ни его ближайшее окружение *абсолютно* не понимали роли и значения любых партий в развитии общества.

шими силу партиями левого фланга неуклонно подтачивала устои буржуазного правопорядка, что ставило под вопрос его перспективы. Война лишь резко обострила эту дилемму, внесла в нее дополнительную напряженность, придавала ей судьбоносный характер.

Это понимали многие представители высших эшелонов власти ведущих европейских государств. Однако понимать суть проблемы и иметь готовые рецепты ее решения — вещи далеко не идентичные. На пути установления смычки между этими частями политического спектра существовали, на первый взгляд, непреодолимые барьеры. Главным камнем преткновения являлся вопрос об отношении к базовой ценности буржуазного общества — частной собственности. Если партии либерально-консервативного типа видели в частной собственности своего рода «священную корову», на которую следует только молиться, но ни в коем случае нельзя ее трогать, то в классическом марксизме, на котором основывались идейно-политические установки партий социалистического и социал-демократического типа, частная собственность представлялась основной причиной всех зол, главным препятствием на пути утверждения в обществе идеалов социальной справедливости.

Безусловно, и в том и в другом лагере с рубежа XIX–XX вв. происходила постепенная переоценка идеологических крайностей, но этот процесс шел весьма медленно. Лишь экстраординарные условия военных лет, поставившие и политические элиты, и общество в целом перед необходимостью бороться за выживание, вынудили практически всех участников политического процесса (за исключением крайне левых социалистов) пойти на переосмысление ряда своих ключевых идеологем, что дало дополнительный импульс процессу интеграции социал-демократов в рамки легитимных партийно-политических систем европейских государств. Для многих идеологов этих партий реалии военных лет стали доказательством того, что государственные интересы стоят выше классовых.

По сути, под непосредственным воздействием реалий военных лет в идеологии европейских социал-демократов произошла если и не революция, то, по крайней мере, глубочайшее переосмысление базовых устоев классического марксизма. Это было поистине судьбоносное событие, существенно изменившее дальнейший вектор эволюции европейской цивилизации. В ее рамках удалось наладить диалог с силами, которые изначально были ориентированы на слом буржуазного правопорядка и своими действиями подтачивали его устои; ранее жестко конфронтировавшие силы начали налаживать сотрудничество ради совершенствования существующего строя. Это можно расценивать как историческую смену вех в развитии западного сообщества, которое за счет подобной трансформации обрело не только бóльшую устойчивость, но и необходимый любому обществу динамизм (стремление к совершенствованию).

Справедливости ради отметим, что несомненный успех политического истеблишмента стран Западной Европы был смазан тем, что от достаточно мощного пласта европейской социал-демократии откололось крайне левое крыло международной социал-демократии, которое стало именоваться коммунистическим. Его сторонники, ориентировавшиеся на взявших власть в России

большевиков, готовились к «последнему и решительному» штурму бастионов капитализма и, естественно, не хотели и слышать о каком-либо диалоге не только с буржуазными партиями, но и с теми последователями марксистской идеологии, которые допускали возможность встраивания партий социалистического толка в ткань политических систем какого бы то ни было буржуазного государства. Конечно, на первых порах представители этой новой политической силы в количественном отношении явно уступали традиционным социал-демократическим партиям. Однако у них имелись и определенные преимущества.

Во-первых, в условиях тяжелейших испытаний, которые переживала Европа и которые показали, что привычные рецепты решения ключевых проблем развития общества не срабатывают (или срабатывают недостаточно эффективно), повсеместно ощущалась острая потребность в новых подходах к этим вопросам, чувствовалась готовность к масштабным переменам, ибо существовавший порядок вещей перестал удовлетворять значительную часть населения измученных войной европейских стран. В подобной атмосфере идеи, которые стремились реализовать в России крайне левые силы, выглядели заслуживающими, как минимум, пристального внимания.

Во-вторых, в отличие от прежних абстрактных рассуждений теоретиков социал-демократии, призывы большевиков к построению общества, где будет царить социальная справедливость, опирались на реальный фундамент в виде государственной власти, позволявшей осуществлять на практике декларируемые изменения в сфере социально-экономических отношений. И это было чрезвычайно важно. Хотя долговременные последствия этих мер спрогнозировать было очень непросто (они на деле оказались далеко не однозначными), лидеры Советского государства получили возможность утверждать, что новая, счастливая эра в развитии человечества открыта. Для многих разуверившихся в традиционных идеологических императивах жителей европейских стран происходившее в России становление нового государства и общества казалось тем «лучом света в темном царстве», который символизировал появление перспективы, надежды на изменение жизни к лучшему. А это означало, что новая политическая сила сможет получить поддержку достаточно значимых сегментов общества, что позволит ей играть заметную роль в партийно-политической жизни ряда европейских стран.

В-третьих, на руку крайне левым играло то обстоятельство, что в первые послевоенные годы, т.е. в период становления нового идейно-политического движения, его оппоненты из либерально-консервативного лагеря оказались не готовы к тому вызову, который бросили им лидеры Советской России. Особенно удивительным было то, что либеральный сегмент политической элиты ведущих стран Запада, обычно весьма креативный по части генерирования новых подходов к решению актуальных проблем, стоявших перед обществом, на сей раз долгое время не мог сформулировать привлекательную альтернативу тому каскаду нестандартных рецептов, радикально менявших привычные представления о характере функционирования социально-экономической и политической сферы, который вбросили в идейную жизнь большевики. По

сути, на данном историческом отрезке роль генератора новых идей европейские либералы уступили социал-демократам. Вместо этого они нудно продолжали эксплуатировать традиционный набор идеологических клише. В такой ситуации у идеологов леворадикальных сил появлялись хорошие шансы выступить в роли творцов светлого будущего.

Наконец, укреплению позиций леворадикальных сил способствовали важные новации в области партийного строительства. Здесь они поистине были первопроходцами. В коммунистических партиях вводилось персональное членство на основе жестко прописанных уставных принципов, чем-то напоминавших уставы рыцарских орденов (жесткая иерархия, жесткая дисциплина, беспрекословная приверженность четко прописанным принципам). Что самое главное — создавался механизм для координации и управления деятельностью новой политической силы в международном масштабе. Таким инструментом стал Коминтерн, вокруг оценки исторической роли которого сломано много копий. Не вдаваясь в детали этих ожесточенных споров, в которых политические предпочтения явно преобладают над поисками научно выверенных оценок, отметим, что новому политическому руководству России деятельность Коминтерна, как нам представляется, приносила известную пользу, давая ему рычаг, который можно было использовать для оказания определенного воздействия на внутривнутриполитический климат ряда зарубежных стран, что, в свою очередь, повышало удельный вес Советского государства на международной арене.

Безусловно, возникновение такого принципиально нового идейно-политического течения радикально изменило и усложнило партийно-политический ландшафт послевоенной Европы, поставило перед государствами континента задачи, не имевшие аналогов в довоенной жизни. Очевидно, что на этом направлении развития европейской цивилизации под непосредственным воздействием «Великой войны» произошел болезненный разрыв в привычном течении политического процесса.

Масштабные изменения наблюдались не только на левом фланге идейно-политического спектра Старого Света. Потрясения, которые пришлось пережить жителям охваченной войной Европы, деформировали всю привычную систему ценностных координат, что ставило в повестку дня поиск новых идеологических ориентиров, способных дать простые и понятные для широких слоев населения ответы на два кардинальных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?». Экстремальная ситуация требовала экстремальных ответов. Предложить их могли только политики, исповедовавшие радикальные взгляды и не боявшиеся отбрасывать любые ранее незыблемые императивы, включая серьезно дискредитированные войной демократические политические институты. Именно на последние, по мнению многих рядовых жителей Европы, ложилась ответственность и за само начало войны, и за бездарное руководство боевыми действиями, и за чудовищные испытания, обрушившиеся на них; наконец, за все несправедливости существовавшего правопорядка, которые отчетливо высветила война. Неудивительно, что призывы «отречься от старого мира» находили живой отклик в этой среде.

Хотя сейчас модно объединять левых и правых радикалов в единый комплекс сторонников тоталитарной идеологии, на самом деле такой подход искажает подлинную картину идейной жизни послевоенной Европы. Да, радикалы обоих флангов весьма скептически относились к возможностям и перспективам буржуазной демократии, делали акцент на укреплении властной вертикали (т.е. исполнительной власти в ущерб всем другим), не боялись использовать слово «диктатура». Однако между ними имелось и принципиальное расхождение. Если левые радикалы (коммунисты) рассматривали в качестве залога дальнейшего общественного прогресса ликвидацию частной собственности на средства производства, то правые радикалы (фашисты, национал-социалисты и их аналоги в других странах) ничего против частной собственности не имели — при условии, что отношения собственности регламентируются контролируемым ими государством. Такая постановка вопроса давала крайне правым как минимум два важных преимущества. Во-первых, подобный подход позволял поддерживать диалог с традиционными политическими и бизнес-элитами, многие представители которых увидели в них эффективный инструмент в борьбе с набравшим размах рабочим движением. Во-вторых, он способствовал привлечению симпатий многочисленных средних слоев, которые, с одной стороны, шокировало отношение левых к собственности, а с другой — вполне удовлетворяли абстрактные рассуждения правых о необходимости утверждения общности национального духа, укреплении единства нации, что предполагало известную гармонизацию отношений внутри нее. Послевоенные реалии, перегруженные взаимными претензиями и обидами государств друг на друга, создавали благоприятную среду для стремительной популяризации взглядов правых радикалов, суливших быстрый переход от кошмаров военных лет к процветанию и величию. Так или иначе, правые радикалы пришлось ко двору в ряде стран Западной и Центральной Европы, стали неотъемлемой частью идейно-политической жизни стран этого региона. Их голос звучал достаточно громко и уверенно.

В итоге можно констатировать, что партийно-политическая жизнь большинства европейских стран под влиянием «Великой войны», несомненно, усложнилась, стала более многоцветной и, как следствие, более напряженной и менее предсказуемой. Эта известная неопределенность, дополняемая и усугубляемая незавершенностью партийной перегруппировки в ведущих странах Запада, о чем мы говорили в данной книге, создавала по-своему уникальный фон, на котором разворачивался очередной виток истории европейской цивилизации. Может возникнуть вопрос: не преувеличиваем ли мы специфику ситуации, сложившейся в послевоенной Европе? Полагаем, что нет, ибо любые крупные исторические катаклизмы порождают социально-политическую турбулентность. Ее масштабы, а главное — количество тех параметров, которые в этот период подверглись радикальной трансформации, заметно превосходили все, с чем сталкивалась Европа со времен крушения Римской империи.

Хорошо известно, что необходимость максимальной мобилизации всех людских и материальных ресурсов заставила власти основных воюющих держав пойти на жесткое регулирование всей совокупности социально-экономи-

ческих отношений. В данной работе мы уделили преимущественное внимание тому, как это обстоятельство повлияло на динамику партийно-политической жизни ведущих стран континента. Ясно, что эти сюжеты являлись тем стержнем, вокруг которого выстраивалась жизнь любого общества.

Очевидно, что под прямым воздействием перемен в области социально-экономических отношений заметным изменениям подверглось то идеологическое поле, на котором возросла и окрепла европейская цивилизация. Первое, что сразу же бросается в глаза при взгляде на панораму идейной жизни Европы, где ранее практически безраздельно господствовали либерально-консервативные краски, — это усиление «розовых» тонов, привнесенных идеологами социал-демократов. Именно их стараниями обрели респектабельность многие необычные, а то и крамольные для предвоенной Европы идеи. Прежде всего, они касались ключевого для любого общества вопроса — о роли и месте государства в его жизни. Если представители традиционного политического истеблишмента руководствовались в этом вопросе известным высказыванием президента США Кулиджа, который отметил, что идеальной, с его точки зрения, была бы ситуация, при которой федеральное правительство свело бы к минимуму вмешательство в повседневную жизнь своих сограждан, то идеологи социал-демократов видели в государстве важнейший инструмент совершенствования общественных отношений. Отказавшись от идеи одномоментного (революционного) перевода общества в качественно иную стадию, они считали, что общественный прогресс будет осуществляться за счет постепенного расширения социальных функций государства. Именно в их среде вызревал принципиально важный для последующего развития европейской цивилизации идеал «социально ответственного государства», которое должно продвигать общество ко все большей социальной гармонии. Реализация этой концепции неизбежно влекла за собой расширение социальных функций государства.

Несмотря на ожесточенное сопротивление традиционалистов, ратовавших за привычное отношение к роли и месту государства в жизни общества, новые взгляды настойчиво пробивали себе дорогу. О степени их влияния говорит хотя бы тот факт, что они начали проникать в такую исконно консервативную область, как конституционно-правовые доктрины. Так, в конституциях Чехословакии, Бельгии, Германии, одобренных после Первой мировой войны, в большей или меньшей степени были инкорпорированы определенные положения, стимулировавшие в перспективе расширение сферы социальной деятельности государства.

Еще одна принципиально важная новация той картины идейной жизни послевоенной Европы, которая во многом была порождена усилиями социал-демократов, касалась отношения к ключевой категории буржуазного общества — к собственности. Со времен Дж. Локка собственность безоговорочно рассматривалась всеми теоретиками и практиками как важнейшая составляющая естественных прав человека и, следовательно, неприкосновенная субстанция. Посягательство на право собственности расценивалось и либералами и консерваторами как преступное покушение на сами устои общества и должно было строжайшим образом пресекаться. Для идеологов социал-демократии этот

постулат отнюдь не являлся аксиомой. Наоборот, в собственности, а точнее — в неравномерности ее распределения крылся, по их мнению, источник большинства проблем, с которыми сталкивалась западная цивилизация. Отсюда — вывод о необходимости регулирования собственности (и даже ее ограничения и отчуждения) в интересах общества. Собственность перестала быть «священной коровой». Рассуждения левых о необходимости регулирования собственности теперь получили гораздо большую убедительность, ибо это была уже не голая теория: в годы войны подобная практика была санкционирована самой государственной властью.

Изменения в идейной сфере затронули не только сюжеты, касающиеся проблем внутривнутриполитической жизни европейских государств. Реалии войны заставили европейцев серьезно задуматься над переоценкой многих прежних стереотипов, касавшихся определения роли и места войны в развитии человеческой цивилизации. Хотя антивоенное движение существовало и до Первой мировой войны, в общественном сознании война выглядела как, в целом, вполне естественное средство решения международных конфликтов. Однако, пережив «Великую войну», европейцы, причем не только ее участники, но и представители политических элит, стали осознавать, что силовое решение спорных проблем, даже в случае успеха, может сопровождаться такими издержками, которые будут перевешивать все возможные дивиденды от победы. А это неизбежно наводило на мысль о желательности создания надежных стабилизаторов, позволяющих контролировать уровень конфликта, не допуская его эскалации.

Еще до войны ряд общественных деятелей Англии и США предлагали создать некую наднациональную структуру, которую можно было бы использовать в качестве инструмента по поддержанию прочного мира. Однако тогда это были прожекты отдельных интеллектуалов, не имевших ни массовой опоры, ни поддержки сильных мира сего. Война стимулировала рост популярности подобных планов. Теперь в числе их приверженцев оказались и представители высших эшелонов власти, в первую очередь президент США В. Вильсон. В итоге такая организация была, наконец, создана. Она стала своеобразным ответом западной цивилизации на потрясения, пережитые в годы «Великой войны». С ее появлением идея урегулирования международных конфликтов путем арбитража, консультаций, переговоров, а если необходимо, то и санкций со стороны мирового сообщества прочно вошла в идейный багаж западной цивилизации. Конечно, это не означало, что приверженцы силовых методов решения конфликтных ситуаций в сфере международных отношений исчезли из палитры идейно-политической жизни Европы. Их голоса по-прежнему достаточно громко звучали и в повседневной жизни, и в научных дискуссиях, и на важных политических форумах. Однако теперь у них появились вполне реальные оппоненты, мнение которых игнорировать было невозможно.

Своеобразная революция произошла под прямым влиянием войны и в военном деле. Она затронула практически все его стороны: техническую оснащенность армий, тактику, планирование боевых действий, работу мобилизационных структур и т.д. Изменения во всех указанных областях были многооб-

разны и далеко не однозначны, но в этом перечне, на наш взгляд, наибольшее значение имеет то, какие уроки извлекла военная элита европейских стран из опыта событий 1914–1918 гг. Здесь мнения теоретиков военного дела разделились. Одни (преимущественно среди представителей Франции) полагали, что тенденция к усилению *тотального* характера военных действий в перспективе будет только набирать обороты и, следовательно, все военное строительство должно быть подчинено задачам максимальной мобилизации всех доступных ресурсов, ибо только так можно рассчитывать на успех. Однако у них имелось немало оппонентов, прежде всего в среде британских военных руководителей, которые утверждали, что в новой геополитической ситуации, сложившейся после окончания «Великой войны», не имеется серьезной почвы для повторения сценария, толкнувшего мир в пучину глобального конфликта. Они не отрицали возможности возникновения новых войн, но полагали, что, во-первых, их ареной, скорее всего, станут определенные сегменты периферии системы международных отношений, где оставалось немало «горячих точек», способных стать источником военного конфликта, а во-вторых, влезать в возможные столкновения в Европе Лондону не имеет смысла. Однако подобные сценарии предполагали совершенно иной, чем в случае тотальной войны, вариант подготовки к ним. Несмотря на острую полемику о характере будущей войны и, следовательно, о магистральных направлениях развития военного дела и военной мысли, идея о тотальном характере будущей войны все настойчивее пробивала себе дорогу, оказывая заметное воздействие как на сугубо теоретические сферы жизнедеятельности европейского сообщества, так и на общую динамику его развития, постепенно подчиняя себе не только собственно военное дело, но и внутреннюю и внешнюю политику и экономику.

Если в том, что «Великая война» оказала глубокое воздействие на все связанное с военным делом, нет ничего удивительного, то ее влияние на духовную жизнь европейцев в известной мере остается в тени. А ведь на самом деле события 1914–1918 гг. стали серьезным стимулятором новых веяний и в этой сфере. Безусловно, подвижки здесь начались еще до Первой мировой войны. Вступление ведущих стран Запада в стадию «индустриального общества» еще в конце XIX в. вызвало эрозию многих привычных устоев «традиционного общества». На протяжении жизни практически одного поколения окружающая действительность изменилась разительным образом, что не могло не влиять на умонастроения и простых людей, и творческой интеллигенции, на ту систему ценностей, которую они разделяли.

В среде интеллектуальной элиты на рубеже веков распространяется разочарование в гуманистическом, по своей сути, наборе ценностей, который многие десятилетия определял лицо европейской культуры. Прежде всего, представители ее молодого поколения начали интенсивный поиск новых форм отражения действительности, новых ценностных ориентиров. Эти поиски подталкивали их к мысли о несовершенстве современного им общества. Начавшаяся летом 1914 г. невиданная по своим масштабам война ежедневно подтверждала данный тезис. Вопрос о конструировании новых ценностных ориентиров в такой обстановке приобретал особую актуальность. Не случайно сторонники обновления духов-

ной сферы как начального этапа трансформации всего общества называли себя авангардистами, футуристами, модернистами. Их жесткое неприятие прежней системы ценностей сыграло заметную роль в эволюции европейской цивилизации. Очевидно, что масштабы и конкретные проявления этого воздействия далеко не однозначны, но само его наличие не вызывает сомнений.

Но, пожалуй, самые жаростные споры в чрезвычайно широкой палитре разногласий, порождаемых обсуждением итогов и последствий «Великой войны», вызывает вопрос о ее влиянии на судьбы России. Прежде всего, ученые (политиков мы выносим за скобки) никак не могут договориться: можно ли объединять в единый комплекс историю имперской, Советской и современной России? От этого зависит ход дальнейших рассуждений. В любом случае, на наш взгляд, очевидны несколько моментов, касающихся выяснения итогов и влияния войны на историю России. Войну она проиграла — это бесспорный факт. Другое дело, почему?

Достичь согласия по этому вопросу вряд ли возможно, да, вероятно, и не нужно. С нашей точки зрения, искать корни той катастрофы, которой обернулось участие России в Первой мировой войне, следует в несовершенстве ее тогдашней политической системы, ее неадекватности реалиям «индустриального общества», неспособности политической элиты империи осуществить модернизацию государственных структур и общества в целом в соответствии с запросами времени. Отсюда — грубейшие просчеты в разработке и осуществлении той общей стратегии, которой должна была придерживаться власть, стремящаяся к достижению победы. Строго говоря, такой полноценной стратегии властям империи выработать так и не удалось. По большей части они просто плыли по течению. Результат хорошо известен.

Разговор о влиянии «Великой войны» на различные сферы жизнедеятельности европейского сообщества можно продолжать еще очень долго. Наверное, это нецелесообразно, ибо и так не вызывает сомнений тот факт, что из войны вышла уже другая Европа, по всем основным параметрам существенно отличавшаяся от своего аналога образца 1914 г. Об этом говорит и то, что отчаянные попытки правящей элиты ведущих европейских держав вернуться «к нормальным временам» по большому счету принесли весьма ограниченные результаты и смогли лишь отсрочить крах «старого порядка» — модели развития европейского сообщества по канонам довоенной жизни. Великий экономический кризис 1929–1933 гг. полностью перечеркнул все надежды на возврат к идеализированной довоенной эпохе. Она осталась только в отголосках коллективной памяти да в художественных произведениях. На смену уверенно шли новые времена, иные порядки, другие правила игры, в чем-то более совершенные по сравнению с довоенными, а в чем-то более жесткие и даже жестокие. За прогресс, толчком для которого послужило такое уродливое явление, как война, приходилось платить немалую цену. Возможно, это главный урок «Великой войны».

Приложения

Список приложений

Приложение 1. Война: армии и вооружения	701
1. Армии основных стран к 1914 г.	701
2. Флоты великих держав к началу Первой мировой войны	701
3. Соотношение численности населения воюющих стран и мобилизованных за 1914–1918 гг.	702
4. Распределение общего количества дивизий противоборствующих сторон по фронтам Первой мировой войны	703
5. Производство основных предметов вооружения за весь период войны (1914–1918) ..	705
6. Боевые средства основных держав к началу и концу войны 1914–1918 гг. (в абсолютных цифрах)	706
7. Военное командование стран-участниц Первой мировой войны	707
Приложение 2. Потери и демографические процессы в 1913–1919 гг.	716
1. Военные потери в годы Первой мировой войны	716
2. Умершие от испанского гриппа	717
3. Последствия «химической войны» 1915–1918 гг.	717
4. Естественное движение населения (на 1000 человек) в 1913–1919 гг.	718
5. Потери на море	718
Приложение 3. Военнопленные	719
1. Военнопленные, удерживаемые в странах Антанты	719
2. Военнопленные, удерживаемые в странах Четверного союза	720
Приложение 4. Война и экономика	721
1. Развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в годы Первой мировой войны	721
1) добыча железной руды, тыс. т	721
2) выплавка чугуна, тыс. т	721
3) выплавка стали, тыс. т	721
4) добыча каменного угля, тыс. т	722
5) выработка электроэнергии, млн кВт-ч	722
6) длина железнодорожного полотна в странах Антанты и Четверного союза, км ..	722
2. Сельское хозяйство в 1914–1918 гг.	723
1) урожай сельскохозяйственных культур, собранный в основных странах в период Первой мировой войны, тыс. т	723
2) выращивание основных сельскохозяйственных культур в России в 1914–1917 гг., тыс. т	723
3) экспорт и импорт зерна, т	723

3. Основные торговые потоки в Первую мировую войну	724
1) внешнеторговый оборот Британской империи в 1913–1919 гг., млн фунтов ст.	724
2) внешнеторговый оборот США в 1913–1919 гг., млн долл.	724
4. Промышленное производство в России в 1913–1917 гг., млн довоенных руб.	724
5. Развитие социально-экономической сферы накануне и в годы Первой мировой войны	725
1) экономически активное население, задействованное в основных сферах народного хозяйства 1907–1913 гг., тыс. человек	725
2) динамика забастовок в годы Первой мировой войны.	726
3) профессионально организованный пролетариат, тыс. человек	726
6. Изменения в структуре финансов великих держав и в мировой финансовой системе в целом, произошедшие под воздействием Первой мировой войны	727
1) расходы воюющих стран в 1914–1918 гг., млн долл. США	727
2) государственные доходы держав Антанты в 1914–1918 гг.	729
3) государственные доходы Российской империи в 1914–1918 гг.	729
4) главные группы доходов Германской империи в 1914–1918 гг. (за вычетом административных расходов), долл.	729
5) паритеты валют.	729
6) кредиты, ссуды, выданные Казначейством США зарубежным правительствам, а также заявленные ими расходы с 6 апреля 1917 г. до 30 ноября 1918 г., млн долл.	730
7) межсоюзническая задолженность к 1923 г., млн долл.	731

Приложение 5. Политическая жизнь в странах Запада и в России в Первую мировую войну 732

1. Руководство воюющих стран	732
2. Партийный контроль в парламентах.	734
3. Президентские выборы в США в 1916 г.	736

Приложение 6. Синхронистическая таблица событий Первой мировой войны 737

Приложение 7. Иллюстрации 750

Приложение 1

ВОЙНА: АРМИИ И ВООРУЖЕНИЯ

1. Армии основных стран к 1914 г.

	Антанта					Центральные державы и их союзники		
	Россия	Франция	Англия	Сербия	Бельгия	Германия	Австро-Венгрия	Турция
Мирный состав армий	1 360 000	735 000 (+76 000 нас. колоний)	132 000	32 000	43 000	788 000	410 000	300 000
	2 378 000					1 498 000		
Кол-во новобранцев, ежегодно призываемых на военную службу	435 000	250 000	20 000	30 000	30 000	350 000	207 000	70 000
	765 000					620 000		
Кол-во мобилизованных в первые месяцы войны	2 712 000	1 856 000	320 000	350 000	151 000	2 061 000	1 250 000	600 000
	5 389 000					3 911 000		

Источник: Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». 7-е изд. М., 1927. Т. 46. С. 5–6.

2. Флоты великих держав к началу Первой мировой войны

Классы кораблей	Великобритания	Франция	Россия	Италия	Германия	Австро-Венгрия
Дредноуты	20 (12)*	3(4)	(7)	3(3)	15(5)	3(1)
Линейные крейсера	9(1)	—	(4)	—	4(3)	—
Линейные корабли (додредноуты)	40	20	9	9	22	9
Броненосные крейсера	25	18	3	8	7	2
Крейсера	17	—	3	2	5	1
Легкие крейсера	31(20)	—	6(10)	6	31(5)	7
Старые крейсера	45	6	2	6	7	2
Миноносцы	33	17	25	63(2)	70	51
Подводные лодки	76(23)	62(9)	36(19)	19(8)	28(23)	7(4)

* В скобках обозначено количество строящихся кораблей.

Источник: Строчков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 153.

3. Соотношение численности населения воюющих стран и мобилизованных за 1914–1918 гг.

	Воюющие государства	Общая площадь (+колонии/зависимые территории), млн кв. км	Численность населения (+колонии/зависимые территории), млн человек	Число мобилизованных, млн	Мобилизованные к населению, %
Страны Антанты и их союзники	Россия	22,5	166	19	11,4
	Великобритания	0,3 (+33,5)	46 (+380,2)	5	10,9
	Франция	0,5 (+10,7)	39,8 (+48,3)	6,8	17,1
	Италия	0,3 (+2)	36 (+2)	5,6	15,6
	США	7,8 (+1,8)	96,5 (+9,8)	3,8	3,9
	Бельгия	0,02 (+2,7)	7,5 (+14,78)	0,38	5,1
	Сербия и Черногория	0,2	5,2	0,8	15,4
	Румыния	0,1	7,7	0,6	7,8
	Греция	0,1	4,9	0,2	4,1
	Япония	0,4 (+0,3)	55,1 (+19,1)	0,03	0,1
	Государства Центральной и Южной Америки	9,1	34	—	—
	Китай	11,1	340	—	—
	Сиам	0,5	5,8 (8,4)	—	—
	Португалия	0,1	6 (+8,7)	0,04	0,7
	Четверной союз	Германия	0,5 (+3)	67 (+14,6)	13,2
Австро-Венгрия		0,6	52	9	17,31
Турция		1,8	21,6	1,6	7,41
Болгария		0,1	4,8	0,7	14,58

Источники: Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934; Вакулич П.И. Мировая война в цифрах // Военный вестник. 1924. № 8; Соллогуб Н. Война в цифрах // Книга и революция. 1929. № 13–14; Singer J.D., Small M. The Wages of War 1816–1965. N.Y., 1973; The Economics of World War I. Ed. by S. Broadberry and M. Harrison. Cambridge, 2005.

4. Распределение общего количества дивизий противоборствующих сторон по фронтам Первой мировой войны

Год, месяц	Азиатский фронт		Западный фронт		Восточный фронт		Итальянский фронт		Балканский фронт	
	Антанта	Германия и Турция	Антанта	Центральные державы	Антанта	Центральные державы	Антанта	Центральные державы	Антанта	Центральные державы
1914	Август	1	84	80	74	42	—	—	12	—
	Сентябрь	—	84	76	74	58	—	—	12	11
	Октябрь	2	86	77	94	58	—	—	12	12
	Ноябрь	4	89	89	103	69	—	—	12	14
1915	Декабрь	6	90	81	103	77	—	—	12	13
	Январь	9	92	82	104	74	—	—	12	12
	Февраль	11	93	87	104	91	—	4	12	7
	Март	15	96	87	105	92	—	4	12	5
	Апрель	16	23	101	100	106	92	—	12	5
	Май	16	27	105	93	106	98	36	12	7
	Июнь	17	31	120	93	106	106	36	12	2
	Июль	18	24	124	93	106	105	36	12	1
	Август	23	38	129	90	106	105	36	12	—
	Сентябрь	25	35	133	90	112	102	36	12	—
	Октябрь	25	32	136	101	112	88	36	15	22
	Ноябрь	24	31	135	102	120	85	36	19	23
Декабрь	24	31	137	104	128	86	36	20	21	

Год, месяц	Азиатский фронт		Западный фронт		Восточный фронт		Итальянский фронт		Балканский фронт		
	Антанта	Германия и Турция	Антанта	Центральные державы	Антанта	Центральные державы	Антанта	Центральные державы	Антанта	Центральные державы	
1916	Январь	27	32	139	105	128	87	38	20	14	18
	Февраль	25	32	141	105	128	87	38	20	15	15
	Март	25	32	146	108	128	84	39	20	18	15
	Апрель	21	33	151	110	128	83	40	27	18	14
	Май	24	16	151	111	128	83	42	28	18	13
	Июнь	24	16	154	113	129	81	46	27	16	13
	Июль	21	16	158	112	129	90	46	24	16	13
	Август	21	16	160	111	130	101	45	25	16	13
	Сентябрь	21	16	160	110	128	108	45	26	17	11
	Октябрь	21	16	161	121	161	107	46	26	18	11
	Ноябрь	22	26	163	121	165	106	48	26	18	10
	Декабрь	22	17	163	121	165	107	49	26	21	12
1917	Январь	23	17	169	124	148	108	49	26	22	12
	Февраль	23	19	170	133	149	108	53	26	24	12
	Март	24	20	174	142	149	107	53	26	26	12
	Апрель	24	23	176	144	222	115	57	27	26	13
	Май	24	21	176	150	222	115	57	27	26	13
	Июнь	25	22	178	152	218	113	57	32	25	13
	Июль	25	23	179	150	222	115	63	27	25	12
	Август	25	23	179	142	221	124	63	28	25	12
	Сентябрь	26	22	180	142	220	116	63	32	24	12
	Октябрь	26	27	180	140	194	114	64	39	24	12
	Ноябрь	29	29	175	143	195	107	71	42	24	12
	Декабрь	30	27	170	153	195	99	63	39	24	12

1918	Январь	14	26	171	168	—	86	62	37	23	12
	Февраль	14	26	177	173	—	81	62	37	23	12
	Март	14	22	177	181	—	70	62	39	24	13
	Апрель	14	20	183	195	—	53	54	41	24	14
	Май	14	21	188	199	—	49	54	49	25	14
	Июнь	13	21	198	200	—	47	57	53	26	14
	Июль	12	21	205	201	—	47	57	52	28	14
	Август	12	22	210	197	—	45	57	58	30	14
	Сентябрь	12	20	215	199	—	43	57	59	32	14
	Октябрь	12	18	219	182	—	37	57	56	32	17
	Ноябрь	12	12	222	184	—	34	57	—	32	17

Источник: Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 865–870.

5. Производство основных предметов вооружения за весь период войны (1914–1918)

Вооружения	Германия	Франция	Англия	США	Италия
Бездымный порох, т	350 000	310 000	430 000	390 000	—
Взрывчатые вещ-ва, т	1 000 000	700 000	600 000	200 000	—
Огравляющие вещ-ва, т	55 000	49 000	—	—	—
Винтовки, млн шт.	8,5	2,9	3,8	3,5	2,4
Пулеметы станковые, шт.	230 000	87 000	239 000	150 000	36 000
Орудия легкие, шт.	64 000	23 600	26 000	4000	6480
Орудия тяжелые, шт.					
Снаряды легкие, шт.	306 млн	290 млн	218 млн	20 млн	70 млн
Снаряды тяжелые, шт.					
Патроны, млрд шт.	8,2	6,3	8,6	3,5	3,6
Самолеты, шт.	47 500	52 146	47 873	14 000	13 560
Авиамоторы, шт.	44 000	92 386	52 598	28 509	24 660
Танки, шт.	100	6200	2900	—	—

Источник: Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 33, 37.

6. Боевые средства основных держав к началу и концу войны 1914–1918 гг. (в абсолютных цифрах)

	Франция		Англия		Германия		Италия		США		Россия	
	Август 1914	Ноябрь 1918*	Август 1914	Ноябрь 1918								
Боевые средства												
Арт. орудия легкие	4500	10 000	1500	7000	5500	15 000	1500	6000	550	6000	7112	7265
Арт. орудия тяжелые	300	7500	500	4000	2000	10 000	200	5000	400	4500	795	2560
Арт. орудия зенитные	—	400**	—	400**	—	2600	—	—	—	220**	—	—
Минометы	—	3000	—	4000	—	30 000	—	8000	—	—	—	—
Винтовки и карабины	3,4 млн	3 млн	750 тыс.	2 млн	5 млн	6 млн	2,5 млн	2 млн	500 тыс.	2 млн	—	3,5 млн
Пулеметы ручн. и легкие	—	70 000	—	10 000	12 000	104 000	—	10 000	—	58 000	—	—
Пулеметы станковые	5000	30 000	2000	50 000	—	—	—	30 000	1500	11 8000	4152	23 800
Танки	—	4000	—	3000	—	70	—	—	—	1000	—	—
Автомобили грузовые	6000	80 000	807	56 700	—	55 000	1600	26 000	—	29 000	—	7000
Автомобили легкие	2000	30 000	400	30 200	—	10 000	450	2500	—	11000	—	2700
Самолеты боевые	560	7000	272	4000	300	14 000	143	2600***	—	6000***	150	1000
Снаряды легкие	5 млн	38 млн	600 тыс.	25 млн	7 млн	40 млн	3 млн	15,8 млн	500 тыс.	20 млн	6 млн	20 млн
Снаряды тяжелые	1 млн	10 млн	100 тыс.	6 млн	3 млн	40 млн	300 тыс.	5,3 млн	100 тыс.	5 млн	—	—
Пагроны	1,3 млрд	700 млн	800 млн	800 млн	1 млрд	—	—	540 млн	—	1,7 млрд	2,8 млн	1,5 млн

* На фронте и в тылу. ** Только на фронте. *** Включая учебные.

Источник: Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 31.

7. Военное командование стран-участниц Первой мировой войны

Антанта

Великобритания

Военные министры	Начальники Имперского Генерального штаба	Фронты
Г. Асквит (31.03–6.08.1914) Фельдмаршал Г. Китченер (6.08.1914–5.06.1916) Д. Ллойд Джордж (7.07.1916–5.12.1916) Э.Дж. Стэнли, граф Дерби (11.12.1916–20.04.1918) А. Милнер (20.04.1918–10.01.1919)	Ген.-лейтенант Ч. Дуглас (6.4.1914–25.10.1914) Ген.-лейтенант Дж. Вольф Мюррей (26.10.1912–25.9.1915) Ген.-лейтенант А. Мюррей (26.9–22.12.1915) Ген.-лейтенант У. Робертсон (23.12.1915–18.2.1918) Фельдмаршал Г. Вильсон (19.2.1918–18.2.1922)	Британские экспедиционные силы (8.1914–1919) Фельдмаршал Дж. Френч (4.8.1914–15.12.1915) Фельдмаршал Д. Хейг (19.12.1915–4.1919) Египетские экспедиционные силы (3.1916–11.1919) Ген.-лейтенант А. Мюррей (3.1916–6.1917) Ген.-лейтенант Э. Алленби (6.1917–3.1919) Ген.-лейтенант Э. Балфин (с 3.1919) Средиземноморские экспедиционные силы (3.1915–1.1916) Ген.-лейтенант Я. Гамильтон (12.3.1915–10.1915) Ген.-лейтенант Ч. Монро (10.1915–9.1.1916) Войска в Месопотамии (Индийские экспедиционные силы «D», 11.1914–11.1918) Ген.-лейтенант А. Барретт (11.1914–4.1915) Ген.-лейтенант Дж. Никсон (4.1915–1.1916) Ген.-лейтенант П. Лейк (1.1916–8.1916) Ген.-лейтенант Ф. МоД (до 11.1917) Ген.-лейтенант У. Маршалл (с 11.1917) Британские силы в Италии (11.1917–11.1918)¹ Ген.-лейтенант Г. Плуомер (11.1917–2.1918) Ген.-лейтенант Ф. Ламберт, граф Кейвен (03.1918–11.1918) Войска метрополи (8.1914–1.1920) Ген.-лейтенант Я. Гамильтон (5.8.1914–12.3.1915) Фельдмаршал Дж. Френч (19.12.1915–8.5.1918) Ген.-лейтенант У. Робертсон (30.5.1918–4.1919)

¹ Часть британских войск оставалась в Италии до марта 1919 г.
Источник: Fosten D.S.V., Marrion R.J. The British Army 1914–1918. Oxford, 1978. P. 20.

Франция

Военные министры	Главнокомандующий армиями Севера и Северо-востока (3.12.1915–12.12.1916 — Главнокомандующий войсками Франции)	Группы армий
<p>А. Мессими¹ (13.06–26.08.1914) А. Мильеран (26.08.1914–29.10.1915) Дивизионный ген. Ж. Галлиени (29.10.1915–16.03.1916) Дивизионный ген. П.-О. Рок (16.03.1916–12.12.1916) Дивизионный ген. Л.-Ю. Лигеле (12.12.1916–14.03.1917) Контр-адмирал М.-Ж.-Л. Лаказ (15–18.03.1917; и.о. воен. мин.) П. Пенлеве (20.03–13.11.1917) Ж. Клемансо (16.11.1917–18.01.1920)</p>	<p>Дивизионный ген. Ж. Жоффр (2.8.1914–12.12.1916) Дивизионный ген. Р. Нивель (12.12.1916–15.5.1917) Дивизионный ген. А. Петен (15.5.1917–1919)</p>	<p><i>Северная группа армий</i> (с 5.1.1915; 4.10.1914–5.1.1915 — Временная Северная группа армий) Дивизионный ген. Ф. Фош (5.1.1915–27.12.1916) Дивизионный ген. Л. Франше д'Эспере (27.12.1916–10.6.1918) Дивизионный ген. П. Местр (с 10.6.1918) <i>Восточная группа армий</i> (с 5.1.1915) Дивизионный ген. О. Дюбай (5.1.1915–31.3.1916) Дивизионный ген. Л. Франше д'Эспере (31.3.1916–27.12.1916) Дивизионный ген. Н. де Кастельно (27.12.1916–21.1.1917) Дивизионный ген. Ф. Фош (21.1.1917–31.3.1917) Дивизионный ген. Н. де Кастельно (с 31.3.1917) <i>Центральная группа армий</i> (22.6.1915–1.12.1917) Дивизионный ген. Н. де Кастельно (22.6.1915–12.12.1915) Дивизионный ген. Ф. де Лангль де Кари (12.12.1915–2.5.1916) Дивизионный ген. А. Петен (2.5.1916–4.5.1917) Дивизионный ген. М.Э. Файоль (4.5.1917–1.12.1917) <i>Резервная группа армий</i> (1.1.1917–8.5.1917, с 23.2.1918) Ген. Ж. Мишле (1.1.1917–8.5.1917) Ген. Э. Файоль (с 23.2.1918)</p>
<p><i>Союзные войска на Балканах</i> (с 10.1915) Дивизионный ген. М. Сарай (16.1.1916–14.12.1917) Дивизионный ген. А. Гийома (14.12.1916–9.6.1918) Дивизионный ген. Л. Франше д'Эспере (18.6.1918–5.7.1920) Главнокомандующий войсками союзников Дивизионный ген. Ф. Фош (26.3.1918)</p>		

¹ В 1899 г. А. Мессими покинул армию в звании лейтенанта. В годы войны служил в вооруженных силах. В 1918 г. демобилизовался в звании бригадного генерала.

Россия

Военные министры	Ставка Верховного главнокомандующего	Начальник Главного штаба	Начальник Главного управления Генерального штаба	Командующие фронтами
<p>Ген. от кавалерии В.А. Сухомлинов (11.03.1909–13.06.1915) Ген. от инфантерии А.А. Поливанов (13.06.1915–15.03.1916) Ген. от инфантерии Д.С. Пууваев (15.03.1916–3.01.1917) Ген. от инфантерии М.А. Беляев (3.1–28.2.1917) А.И. Гучков (2.3–5.5.1917) А.Ф. Керенский (5.5–30.08.1917) Ген.-майор А.И. Верховский (30.08–20.10.1917)</p>	<p>Верховные главнокомандующие Генерал от кавалерии вел. кн. Николай Николаевич (20.07.1914–23.08.1915; 2.03.1917–11.03.1917) Имп. Николай II (23.08.1915–2.03.1917) Ген. от инфантерии М.В. Алексеев (1.04.1917–21.05.1917) Ген. от кавалерии А.А. Брусиллов (22.05.1917–19.07.1917) Ген. от инфантерии Л.Г. Корнилов (19.07.1917–27.08.1917) А.Ф. Керенский (30.08.1917–3.11.1917) Ген.-лейтенант Н.Н.Духонин (3.11.1917–9.11.1917) Прапорщик Н.В. Крыленко (9.11.1917–5.03.1918) Начальники штаба Верховного главнокомандующего Ген. от инфантерии Н.Н. Янушкевич (19.07.1914–18.8.1915) Ген. от инфантерии М.В. Алексеев (18.8.1915–1.4.1917) Ген. от кавалерии В.И. Гурко (10.11.1916–17.2.1917)</p>	<p>Ген. от инфантерии Н.П. Михневич (7.3.1911–28.2.1917) Ген.-лейтенант В.Н. Минут (11.4–9.5.1917) Ген.-майор А.П. Архангельский (9.5–8.12.1917)</p>	<p>Ген. от инфантерии М.А. Беляев (1.8.1914–8.1916) Ген.-майор П.И. Аверьянов (10.8.1916–9.5.1917) Ген.-майор Г.Д. Романовский (9.5–22.9.1917) Ген.-майор В.В. Марушевский (с 26.9.1917)</p>	<p>Северо-Западный фронт Ген. от кавалерии Я.Г. Жилинский (19.7–3.9.1914) Ген. от инфантерии Н.В. Рузский (3.9.1914–17.3.1915) Ген. от инфантерии М.В. Алексеев (17.3.1915–4.8.1915) Западный фронт Ген. от инфантерии М.В. Алексеев (4.8.1915–18.8.1915) Ген. от инфантерии А.Е. Эверт (23.8.1915–11.3.1917) Ген. от инфантерии В.В. Смирнов (11.3.1917–31.3.1917) Ген. от кавалерии В.И. Гурко (31.3–22.5.1917) Ген.-лейтенант А.И. Деникин (31.5–2.8.1917) Ген. от инфантерии П.С. Балуев (2.8–12.11.1917) Северный фронт Ген. от инфантерии Н.В. Рузский (18.8–6.12.1915) Ген. от кавалерии П.А. Плева (6.12.1915–6.2.1916) Ген. от инфантерии А.Н. Куропаткин (6.2–22.7.1916) Ген. от инфантерии Н.В. Рузский (1.8.1916–25.4.1917) Ген. от кавалерии А.М. Драгомиров (29.4–1.6.1917) Ген. от инфантерии В.А. Черемисов (9.9–14.11.1917)</p>

Военные министры	Славка Верховного главнокомандующего	Начальник Главного штаба	Начальник Главного управления Генерального штаба	Командующие фронтами
	<p>Ген. от кавалерии В.Н. Клембовский (11.3–5.4.1917) Ген.-лейтенант А.И. Деникин (5.4–31.5.1917) Ген.-лейтенант А.С. Лукомский (2.6–30.8.1917) Ген. от инфантерии М.В. Алексеев (30.8–9.9.1917) Ген.-лейтенант Н.Н. Духонин (10.10–3.11.1917)</p>			<p>Юго-Западный фронт Ген. от артиллерии Н.И. Иванов (19.7.1914–17.3.1916) Ген. от кавалерии А.А. Брусилов (17.3.1916–21.5.1917) Ген.-лейтенант А.Е. Гутор (22.5–10.7.1917) Ген. от инфантерии Л.Г. Корнилов (10.7–18.7.1917) Ген.-лейтенант А.И. Деникин (2.8–29.8.1917) Ген.-лейтенант Н.Г. Володченко (9.9–24.11.1917) Румынский фронт <i>Главнокомандующий</i> король Румынии Фердинанд I <i>Помощники главнокомандующего</i> Ген. от кавалерии В.В. Сахаров (12.12.1916–1.4.1917) Ген. от инфантерии Д.Г. Щербачев (11.4.1917–25.3.1918) Кавказский фронт Ген. от инфантерии Н.Н. Юденич (3.4–31.5.1917) Ген. от инфантерии М.А. Пржевальский (31.5–28.12.1917)</p>

Италия

Верховный главнокомандующий	Начальник штаба Верховного командования	Военные министры
Король Виктор Эммануил III (24.5.1915–3.11.1918)	Ген.-лейтенант гр. Л. Кадорна (24.5.1915–8.11.1917) Ген.-лейтенант А. Диаз (8.11.1917–3.11.1918)	Ген. Д. Гранди Ген. В. Цупелли Ген. П. Мороне Ген. Э. Джакардино Ген. В. Альфиери Ген. В. Цупелли

США

Начальник Генерального штаба	Главнокомандующий американскими войсками во Франции	Государственные секретари по военным делам
Ген. Т. Блiss	Ген.-лейтенант Дж. Першинг (с 11.10.1918)	Л. Миллер Гаррисон Н.Д. Бейкер Ж. Даниельс

Сербия

Верховный главнокомандующий	Начальник главного штаба Верховного командования	Военные министры
Принц-регент Александр (1914–1918)	Воевода Р. Путник (1914–1917) Воевода Ж. Мишич (с 1.7.1917)	Д. Степанович М. Боянович Б. Терзич

Румыния

Верховный главнокомандующий	Начальники Генерального штаба	Военные министры
Король Фердинанд I Румынский	Ген. Д. Илиеску (08.1916–11.1916) Ген. К. Презан (11.1916–11.1918)	К. Арьбе Е. Григореску

Центральные державы и их союзники

Германия

Верховный главнокомандующий	Начальники Полевого Генерального штаба	Фронты	Группы армий
Император Вильгельм II	Ген.-полковник граф Г. фон Мольтке (14.09.1914–3.11.1914) Ген. пехоты Э. фон Фалькенгайн (3.11.1914–29.8.1916) Ген.-фельдмаршал П. фон Гинденбург (29.8.1916–3.7.1919)	Фронт Гинденбурга (30.7–29.8.1916) Ген.-фельдмаршал П. фон Гинденбург Фронт Леопольда Баварского (29.8.1916–11.1.1919) Ген.-фельдмаршал принц Леопольд Баварский	Восток Группа армий Гинденбурга (5.8.1915–30.7.1916) Ген.-фельдмаршал П. фон Гинденбург Группа армий Эйхгорна (30.7.1916–31.3.1918; 31.3.1918–7.2.1919; с 30.7.1918 — группа армий «Киев») Ген.-полковник Г. фон Эйхгорн (30.7.1916–30.7.1918) Ген.-полковник гр. Г. фон Кирхбах (с 31.1.7.1918) Группа армий «Рига» (31.3.1918–4.1918) Ген.-пехоты Г. фон Каген (31.7.1918–14.12.1918) Группа армий Макензена (6.7–18.9.1915; 30.9.1915–28.8.1916; 28.8.1916–1.7.1918) Ген.-фельдмаршал А. фон Макензен Группа армий Линзингена (18.9.1915–31.3.1918) Ген. пехоты А. фон Линзинген Группа армий Белова (12.10.1916–22.4.1917) Ген. пехоты О. фон Белов Группа армий Шольца (22.4.1917–25.12.1918) Ген. артиллерии Ф. фон Шольц Группа армий Леопольда Баварского (5.8.1915–29.8.1916) Ген.-фельдмаршал принц Леопольд Баварский Группа армий Войрша (29.8.1916–31.12.1916) Ген.-полковник Р. фон Войрш Запад Группа армий Кронпринца (25.11.1916–18.1.1919; с 11.11.1918 — группа армий «В») Кронпринц Вильгельм (25.11.1916–11.11.1918) Ген.-полковник К. фон Эйнем (12.11.1918–18.1.1919)

			<p><i>Группа армий Рупрехта Баварского</i> (28.8.1916–2.1.1919; с 11.11.1919 — группа армий «А») Ген.-фельдмаршал принц Рупрехт Баварский (28.8.1916–21.11.1918) Ген. пехоты Ф. Сикст фон Арним (29.11.1918–2.1.1919) <i>Группа армий Альбрехта Вюртембергского</i> (25.2.1917–23.12.1918; с 11.11.1918 группа армий «D») Ген.-фельдмаршал герцог Альбрехт Вюртембергский <i>Группа армий Гальвица</i> (19.7–28.8.1916; 27.1–6.12.1918, с 11.11.1918 — группа армий «С») Ген. артиллерии М. фон Гальвиц <i>Группа армий Бозна</i> (6.8–31.10.1918) Ген.-полковник М. фон Бозн Азия <i>Группа армий «Ф»</i> (Йилдерим»; 9.7.1917–17.3.1919) Ген. пехоты Э. фон Фалькенгайн (9.7.1917–25.2.1918) Ген. кавалерии О. Лиман фон Сандерс (25.2–31.10.1918)</p>
--	--	--	--

Австро-Венгрия

Военные министры	Главнокомандующие	Начальники Полевого Генштаба	Командование вооруженными силами	Фронты	Группы армий
<p>Ген.-полковник А. Кробатин фон Польшиш Маралек (12.1912-4.1917)</p> <p>Ген.-полковник Р. Штегер-Шгейнер фон Штейнштэттен (4.1917-3.11.1918)</p>	<p>Ген. пехоты эрцгерцог Фридрих (1.8.1914-15.2.1917)</p> <p>Император Карл I (15.2.1917-3.11.1918)</p> <p>Фельдмаршал барон Г. Кевесс фон Кевесстаза (ноябрь 1918)</p>	<p>Фельдмаршал гр. Ф. Конрад фон Гелцендорф (1.8.1914-1.3.1917)</p> <p>Генерал пехоты барон А. Арц фон Штруссенбург</p>	<p>Балканы Фельдцейхмейстер О. Пагиорек (1.8-27.12.1914), ген.-полковник эрцгерцог Евгений (27.12.1914-27.5.1917)</p> <p>Юго-Западное направление (27.5.1915-11.1.1918)</p> <p>Ген.-полковник эрцгерцог Евгений</p>	<p>Фронт эрцгерцога Иосифа (2.12.1916-15.1.1918)</p> <p>Фронт К. Кевесса фон Кевесстаза (16.1-5.4.1918)</p> <p>Фронт ген.-полковника эрцгерцога Карла (20.10-2.12.1916)</p>	<p>Группа армий Бем-Эрмоли (9.1915-25.7.1916; 14.10.1916-24.1.1918)</p> <p>Фельдмаршал барон Э. фон Бем-Эрмоли</p> <p>Группа армий эрцгерцога Карла (8.1916-20.10.1916)</p> <p>Ген. кавалерии эрцгерцог Карл</p> <p>Группа армий Конрада (11.3.1917-7.1918)</p> <p>Фельдмаршал Ф. Конрад фон Гелцендорф</p> <p>Группа армий Бороевича (с 23.8.1917)</p> <p>Фельдмаршал С. Бороевич фон Бойна</p> <p>Группа армий эрцгерцога Иосифа (с 7.1918)</p> <p>Фельдмаршал эрцгерцог Иосиф</p> <p>Группа армий Кевесса (с 10.1918)</p> <p>К. Кевесса фон Кевесстаза</p>

Болгария

Верховный главнокомандующий	Главнокомандующий действующей армии	Начальник штаба действующей армии	Военные министры
Царь Фердинанд I	Ген.-лейтенант Н. Жеков	Ген.-майор К. Жостов (10.1915–8.1916) Ген.-майор И. Луков (8.1916–2.1918) Ген.-майор Х. Бурмов (2.1918–10.1918)	Ген.-лейтенант И. Фичев (1914–1915) Ген.-майор Н. Жеков (1915) Ген.-лейтенант К. Найденов (21.9.1915–21.6.1918) Ген.-лейтенант С. Савов (21.6–28.11.1918)

Османская империя

Верховный главнокомандующий	Начальник штаба Главного командования	Группы войск	Военный министр
Мехмед V (1909–1918) Мехмед VI (1918)	Ген.-лейтенант Ф. Бронзарт фон Шеллендорф (1914–1918)	«Кавказ» (2.1917–12.1917) Маршал Ахмет-Иззет-паша (1917) «Восток» (с 3.1918) Ген.-лейтенант Вехиб-паша (1918) Ген.-майор Халил-паша (1918–1919) «Сирия» (10.1917–12.1917) Ген.-лейтенант Джемаль-паша (1917) «Иллиризм» (с 7.1917) Ген.-пехоты А. фон Фалькенгайн (1917–1918) Ген. кавалерии О. Лиман фон Сандерс (1918) Ген.-лейтенант Мустафа Кемаль-паша (1918)	Энвер-паша (1914–1922)

Источник: Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003; *Voitite J.M. Who's Who in World War One. L., 2001.*

Приложение 2

ПОТЕРИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В 1913–1919 гг.

1. Военные потери в годы Первой мировой войны

Страна		Погибшие в бою	Раненные	Пропавшие без вести / пленные	Военные потери за месяц	Военные потери на 1 000 000 населения
Англанга	Соединенное Королевство	704 803	1 664 625	107 583	17 734,4	19 654
	Канада	57 843	152 046	3879		
	Австралия	59 330	152 171	4084		
	Новая Зеландия	16 711	41 317	498		
	Южная Африка	7121	12 029	1538		
	Индия	62 056	66 889	11 070		
	Малые колонии	507	810	—		
	Британская империя	908 371	2 089 887	799 413		
	Франция*, включая солдат североафриканских территорий; колоний; иностранцев	1 357 800 28 200 28 700 3700	4 266 000	490 000	26 315,8	32 927
	Россия	1 700 000	3 850 000	2 417 000	42 288,6	10 494
	США	50 585	205 690	4500	6666,7	1313
	Бельгия	13 716	44 686	67 569	1705,7	11 513
	Сербия, Черногория	48 000	143 148	189 958	932	10 666
	Италия	462 391	953 886	530 000	15 587,5	18 466
	Румыния	335 706	120 000	—	21 753,2	47 183
	Греция	5000	21 000	1000	303	1852
<i>Всего</i>	4 881 569	11 694 297	4 499 440	133 286,9	154 068	
Центральные державы	Германия	1 808 546	4 246 779	1 113 390	35 019,5	26 866
	Австро-Венгрия	922 500	3 600 000	2 118 190	23 437,5	22 642
	Османская империя	325 000	400 000	250 000	6701	17 568
	Болгария	75 844	152 390	33 729	393,3	2917
	<i>Всего</i>	3 131 890	8 399 169	3 707 413	65 551,3	69 993

* Французский историк А. Сови приводит следующие показатели по военным потерям Франции в Первую мировую войну: погибшие в бою — 1 104 900, пропавшие без вести — 252 900, всего — 1 357 800 (*Sauvy A. Histoire économique de la France entre les deux guerres. Vol. 1. Paris, 1984. P. 371–373*).

Источник: Данные по погибшим в бою, раненым, пропавшим без вести/пленным приведены по: Encyclopedia Britannica (Britannica.com); *Stubbs K.D. Race to the Front: The Materiel Foundation of Coalition Strategy in the Great War. Westport, CT, 2002*; *Дьюнтоу Р.Э., Дьюнтоу Т.Н.* Всемирная история войн: Харперская энциклопедия истории / Пер. с англ. Т. 3. СПб.; М., 1998. С. 943.

Цифры по военным потерям за месяц, на 1 млн населения, даны по: *Singer J.D., Small M. The Waves of War 1816–1965. N.Y., 1972. P. 66.*

2. Умершие от испанского гриппа

Континент и страна	Население	Количество умерших
Европа	421 000 000	2 300 646
В том числе:		
Франция	32 830 000	240 000
Великобритания	43 150 000	от 246 017 до 252 138
Германия	58 450 353	236 662
Россия	184 000 000	450 000
Испания	28 880 000	257 052
Азия	—	от 26 000 000
В том числе:		до 36 000 000
Индия	306 000 000	18 500 000
Китай	472 000 000	от 4 000 000 до 9 500 000
Индонезия	49 350 000	1 500 000
Япония	55 000 000	388 000
Северная Америка	—	725 000
США	103 208 000	675 000
Канада	8 148 000	50 000
Латинская Америка	—	от 766 000 до 966 000
Африка	—	2 375 000

Источник: *Johnson N. Britain and the 1918–1919 Influenza Pandemic: A Dark Epilogue. L.; N.Y., 2006 (Tab. 4.1); Derronne J.P., Housset B. Grippe A (H1N1). Tout savoir comment s'en prémunir. Paris, 2009.*

3. Последствия «химической войны» 1915–1918 гг.

Потери, вызванные применением химического оружия (умершие и пострадавшие)

Страна	1915–1917	1918	Всего
Великобритания	72 000	114 000	186 000
Франция	20 000	110 000	130 000
Германия	37 000	70 000	107 000
США	—	75 700	75 700

Источник: *Lepick O. La grande guerre chimique. Paris, 1998. P. 315.*

Погибшие в ходе «химической войны» 1915–1918 гг.

Страна	1915–1917	1918	Всего
Великобритания	3200	2700	5900
Франция	3300	2800	6100
Германия	1900	2100	400
США	—	1195	1195

Источник: *Lepick O. Op. cit. P. 318.*

4. Естественное движение населения (на 1000 человек) в 1913–1919 гг.

Год	Великобритания			Франция			Италия			США			Германия		
	Рождаемость	Смертность*	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность**	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1913	24,2	14,3	+9,9	18,8	17,7	+1,1	31,7	18,7	+13	—	—	—	28,3	15,8	+12,5
1914	—	—	—	18,1	27,1	-9	31,1	17,9	+13,2	—	—	—	27,6	19,9	+7,7
1915	22,1	16,2	+5,9	11,8	26,2	-14,4	30,5	20,4	+10,1	25,1	14,1	+11	21	22	-1
1916	21,2	14,8	+6,4	9,5	23,9	-14,4	24	19,7	+4,3	25	14,8	+10,2	15,7	19,7	-4
1917	18,3	14,8	+3,5	10,4	21,6	-11,2	19,5	19,2	+0,3	24,7	14,2	+10,5	14,4	21	-6,6
1918	12,2	17,8	+0,4	12,1	28,6	-16,5	18,1	33	-14,9	24,6	18,3	+6,3	14,7	25,2	-10,5
1919	19,1	14,8	+4,3	13	19	-6	21,4	19	+2,4	22,3	13	+9,3	20,7	16,2	+4,5

* С 1915 г. данные по смертности в Англии и Уэльсе относятся только к гражданскому населению.

** Данные по смертности приведены только для гражданского населения.

Источник: Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 78.

5. Потери на море

Потери военных флотов (1914–1918)

Классы кораблей	Англия	Франция	Россия	Италия	США	Япония	Германия	Австро-Венгрия	Османская империя
Дредноуты	2	—	2	1	—	1	1	2	—
Линейные крейсера	3	—	—	—	—	—	1	—	—
Броненосцы	11	4	2	2	—	—	1	1	2
Броненосные крейсера	12	4	1	2	3	1	6	—	—
Легкие крейсера	5	—	—	—	—	—	16	2	1
Старые крейсера	10	1	1	1	1	3	3	2	1
Эсминцы	64	11	8	22	2	2	68	4	3
Миноносцы	11	8	6	—	—	1	55	7	—
Подводные лодки	54	12	8	14	1	—	200	7	—
Сторожевики							8	—	4
Речные мониторы							—	3	—

Источник: Больных А. Морские битвы Первой мировой: Схватка гигантов. М., 2003. С. 504–505.

Потери торгового флота союзников за весь период войны, т

Страна	От миноносцев, крейсеров	От подводных лодок	От минных заграждений	От авиации
Англия	442 702	663 5059	643 417	7912
Франция	52 205	812 309	34 144	—
Италия	6016	803 092	37 280	—

Источник: Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 48.

Приложение 3
ВОЕННОПЛЕННЫЕ

1. Военнопленные, удерживаемые в странах Антанты

Военнопленные, страна	В России	Во Франции	В Британии	В Италии	В Сербии	В Румынии	Всего в странах Антанты
Германия	Офицеры	5057	3910	—	5840	54	11 300
	Солдаты	424 100	324 000	—	—	12 900	985 700
	Остальные*	43 250	—	—	2670	840	98 000
	Умершие, всего	25 200	10 000	—	500	3100	55 800
%	9,5	5,75	3,75	—	8,5	24	5,6
Австро-Венгрия	Офицеры	54 146	—	5154	1500	250	61 100
	Солдаты	2 057 000	9000**	523 000	108 000	9700	2 708 000
	Умершие, всего	385 000	—	35 000	30 000	3000	453 000
	%	18	—	7	27	30	16,3
Турция	Офицеры	950	25	822	—	350	1800
	Солдаты	50 000	1500	41 700	—	—	93 600
	Умершие, всего	10 000	150	4500	—	—	14 700
	%	20	11	10,5	—	—	15,3
Болгария	Офицеры	—	—	—	—	—	—
	Солдаты	—	—	—	—	—	—
	Всего	200	4000	—	8000***	6450	18 700
	Умершие, всего	—	500	—	—	800	1300
%	—	12,5	—	—	12,5	7	
Всего	Офицеры	57 178	5090	4732	1700	300	74 389
	Солдаты	2 272 000	439 000	365 700	122 000	30 000	3 871 611
	Умершие, всего	411 000	27 000	14 500	31 000	7000	526 000
	%	17,75	51,3	4	25	23	12

* Под «остальными» военнопленными-подданными Германии подразумеваются лица, не вернувшиеся из плена или пропавшие без вести, смерть которых не удалось установить. ** Переправленные из Сербии и Италии во Францию. *** Переправленные во Францию и в Испанию.

2. Военнопленные, удерживаемые в странах Четверного союза

Военнопленные, страна		В Германии	В Австро-Венгрии	В Турции	В Болгарии	Всего
Россия	Офицеры	14 000	4977	164	17 600	19 200
	Солдаты	1 420 000	1 264 000	15 000		2 700 000
	Умершие, всего	55 000	63 000	2500	2200	122 700
	%	4	5	16	12	4,3
Франция	Офицеры	10 865	22	9	1742	10 900
	Солдаты	524 500	630	119		526 800
	Умершие, всего	17 000	—	—	150	17 200
	%	3,2	—	—	8,5	3,5
Британия	Офицеры	4465	43	441	1546	4940
	Солдаты	355 900	115	35 600		392 600
	Умершие, всего	11 000	—	4200	130	16 000
	%	3	—	12,3	8,5	4
Италия	Офицеры	4589	10 158	—	293	14 750
	Солдаты	128 300	359 400	—		488 000
	Умершие, всего	5300	26 000	—	—	31 300
	%	4	7	—	—	6
Сербия	Офицеры	4	1031	—	—	1040
	Солдаты	27 000	153 600	—	—	180 600
	Умершие, всего			—	—	
	%			—	—	
Румыния	Офицеры	1056	589	3	12 100	2245
	Солдаты	41 600	52 200	2039		106 000
	Умершие, всего	—	4200	—	1200	6000
	%	—	8	—	10	5,5
Всего	Офицеры	37 000	18 000	605	61 500	55 605
	Солдаты	2 553 400	1 843 000	50 600		4 508 395
	Умершие, всего	90 000	121 000	6700	7600	225 000
	%	3,5	6,5	13	12,5	5

Источник: *Rachaminov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. N.Y., 2002. P. 39–42.*

Приложение 4

ВОЙНА И ЭКОНОМИКА

1. Развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в годы Первой мировой войны

1) добыча железной руды, тыс. т

Страна	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Великобритания	16 254	15 107	14 463	13 712	15 084	14 847
Франция	21 918	11 252	620	1681	2035	1672
Россия	9531	7660	5940	7250	5330	590
Италия	603	706	680	942	994	694
США	61 980	41 440	55 526	75 168	75 289	69 658
Германия	28 608	20 505	17 710	21 334	22 465	18 392
Австро-Венгрия	3039	2285	2285	3200	2490	1457

2) выплавка чугуна, тыс. т

Страна	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Великобритания	10 425	9067	8864	9062	9488	9253
Франция	5207	2736	584	1311	1408	1293
Россия	4641	4137	3764	3804	2964	597
Италия	427	385	378	467	471	314
США	30 389	22 263	30 385	39 126	38 613	38 052
Германия	16 761	14 390	11 529	13 314	13 142	11 755
Австро-Венгрия	1758	1847	1817	1930	2380	—

3) выплавка стали, тыс. т

Страна	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Великобритания	7781	1971	8687	9136	9873	9692
Франция	4687	2802	1111	1784	1991	1800
Россия	4918	4466	4120	4276	3080	402
Италия	934	911	1009	1269	1332	933
США	30 900	23 200	29 200	42 400	45 200	44 400
Германия	17 609	15 620	13 288	16 183	15 288	14 092
Австро-Венгрия	2611	1540	1980	2500	2220	940

4) добыча каменного угля, тыс. т

Страна	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Британия	292 042	269 927	257 269	260 489	252 487	231 404
Франция	40 844	27 528	19 533	21 310	28 915	26 259
Россия	36 050	31 900	31 440	34 470	31 310	1300
Италия	701	781	953	1306	1722	2171
США	434 000	383 500	401 500	455 900	500 600	525 600
Германия	277 342	245 331	234 816	253 350	263 200	258 854
Австро-Венгрия	54 112	48 302	38 354	9084	8827	—
Болгария	358	421	533	640	761	673
Турция	826	651	420	408	146	186

Источник: *Stubbs K.D. The Materiel Foundations of Coalition Strategy in the Great War. Westport, CT, 2002. P. 104–108.*

5) выработка электроэнергии, млн кВт-ч

Страна	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Британия	2,50	3,00	3,50	4,10	4,70	4,90
Франция	1,80	2,15	1,90	2,18	2,40	2,70
Россия	1,95	—	—	2,58	—	—
Италия	2,00	2,20	2,58	2,93	3,43	4,00
США	—	—	—	—	43,42	—
Германия	8,00	8,80	9,80	11,00	12,00	13,00

6) длина железнодорожного полотна в странах Антанты и Четверного союза, км

Страна	1913	1914	1918	1919
Великобритания	32 623	—	—	32 703
Канада	47 160	49 559	61 560	61 961
Австралия	31 453	33 053	40 657	41 291
Индия	55 822	56 786	58 928	59 119
Франция	40 770	37 400	—	37 700
Россия	70 156	—	—	71 400
Италия	18 873	19 125	20 262	2034
Бельгия	4676	—	—	4727
Сербия	15 088	15 256	—	—
Греция	1584	—	2373	2383
Румыния	3549	3588	3123	4968
США	401 977	406 724	408 015	407 409
Германия	61 159	61 749	62 443	57 935
Австро-Венгрия	22 981	—	—	—
Болгария	2109	2124	2203	2203
Турция	5438	—	—	—

Источник: *Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. L., 1976. P. 479–480, 583–584; Idem. International historical statistics: Africa and Asia. N.Y., 1982; Idem. International historical statistics the Americas and Australasia. Detroit, 1983. P. 513, 658.*

2. Сельское хозяйство в 1914–1918 гг.

1) урожай сельскохозяйственных культур, тыс. т

Страна	Пшеница	Рожь	Овес	Картофель	Сахарная свекла	
Великобритания	9436	11 733	11 733	21 040	—	
Франция	29 130	4160	17 770	47 100	13 290	
Италия	22 252	701	2063	12 241	5098	
США	110 937	7010	94 522	46 816	1136	+195 тыс. т сахарного тростника
Румыния	6425	167	1221	300	459	
Греция	1510	55	257	225		
Германия	16 878	42 195	30 146	159 499	57 878	
Австро-Венгрия*	19 692	10 456	10 077	46 319	28 713	
Болгария	3827	746	476	86	536	

* Без учета Галиции в 1914–1916 гг., Кюстенланда в 1915–1916 гг., Буковины в 1914 г. и 1916 г., Хорватии–Славонии с 1917 г.

Источник: *Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. L., 1976. P. 249–266; Idem. International Historical Statistics the Americas and Australasia. Detroit, 1983. P. 241.*

2) выращивание основных сельскохозяйственных культур в России в 1914–1917 гг., тыс. т

Культура	1914	1915	1916	1917	Всего
Пшеница, рожь, овес, ячмень	44 776,37	45 613,39	37 472,53	35 497,1	163 359,4
Другие зерновые культуры	6067,152	6157,242	6032,754	6342,336	24 599,48
Картофель	26 556,89	22 533,97	18 527,42	18 502,85	86 121,13
Фураж	22 697,77	22 370,17	21 567,55	20 430,77	87 066,25

Источник: *Antsyferov A.N., Bilimovich A.D. Russian Agriculture during the War: Rural Economy. New Heaven, 1930. P. 183.*

3) экспорт и импорт зерна, т

Год	Британия импортер	Франция импортер	Россия экспортер	Италия импортер	Румыния экспортер	США экспортер
1913	9939	1539	9084	1811	2745	2504
1914	8797	1698	5325	1016	2034	2504
1915	8392	1948	300	2252	677	7076
1916	8258	2873	343	1831	1791	4191
1917	7021	2369	—	1916	—	2885
1918	4493	1989	2	1542	—	3021
1919	5673	2347	—	2105	1	4028

Источник: *Stubbs K.D. The Materiel Foundations of Coalition Strategy in the Great War. Westport, CT, 2002. P. 116.*

3. Основные торговые потоки в Первую мировую войну

1) внешнеторговый оборот Британской империи в 1913–1919 гг., млн фунтов ст.

Год	Аргентина		Австралия		Канада		Франция		Германия		Индия		Нидерланды		Новая Зеландия		Россия		США	
	И*	Э**	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э
1913	43	23	38	35	32	25	46	29	80	41	49	70	24	15	20	10,8	40	18	142	29
1914	37	15	37	34	32	18	38	26	47	23	43	63	24	13	23	9,4	28	14	139	34
1915	64	12	45	29	42	14	31	70	—	—	62	46	23	18	30	9,4	21	13	238	26
1916	52	14	36	36	61	19	27	93	—	—	72	53	22	24	38	12,1	18	25	292	33
1917	48	13	64	22	85	17	23	112	—	—	67	60	20	21	29	7	18	49	376	33
1918	63	18	45	26	125	15	35	131	—	—	89	49	8	15	25	77	7	0,3	515	23
1919	82	21	111	26	118	17	49	147	1	15	108	71	22	34	53	9,6	16	13	542	34

* Импорт. ** Экспорт.

Источник: *Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. L., 1976. P. 573.*

2) внешнеторговый оборот США в 1913–1919 гг., млн долл.

Год	Канада		Франция		Германия		Япония		Мексика		Великобритания	
	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э
1913	121	415	137	146	189	332	92	58	78	54	296	597
1914	161	345	141	160	190	345	107	51	93	39	294	594
1915	160	301	77	369	91	29	99	41	78	34	256	912
1916	237	605	109	861	6	2	182	109	105	54	305	1887
1917	414	829	99	941	—	—	254	186	130	111	280	2009
1918	452	887	60	931	—	—	302	274	159	98	149	2061
1919	495	734	124	893	11	93	410	366	149	131	309	2279

Источник: *International Historical Statistics. The Americas and Australasia. Detroit, 1983. P. 578.*

4. Промышленное производство в России в 1913–1917 гг., млн довоенных руб.

Группа отраслей промышленности	1913	1914	1915	1916	1917
Горная и горнозаводская	1003,9	1019,3	926,1	941,3	528,1
Металлообрабатывающая	628,1	709,7	1432,7	1888,4	1212,9
Добыча и обработка камней	154,3	143,9	103,7	89,3	65,8
Обработка дерева	171,2	150	114,7	106,3	93,3
Химическая	337,7	312,6	492,6	853,5	564,1

Группа отраслей промышленности	1913	1914	1915	1916	1917
Произ-во пищевых продуктов и наркотиков	1505,8	1561,6	1445,9	1176	734,8
Обработка твердых материалов животного происхождения	134,6	149,8	169,5	182,5	128,9
Обработка хлопка	1090,3	1021,6	1031,2	892,5	596,4
Обработка шерсти	195,1	191,1	208,3	187,2	134,4
Обработка льна и пеньки	115,3	146,7	147,7	130,6	90,7
Обработка шелка	49,2	43,5	45,8	38,9	21,8
Произ-во смешанных волокнистых веществ	44,6	42,1	92	146	27,2
Пр-во по обработке бумаги и полиграфия	152	142,3	127,6	126	99,2
Передача электроэнергии и водоснабжение	38,7	56,2	51,9	72,9	46,5
<i>Всего</i>	5620,8	5690,4	6389,7	6831,4	4344,1
%	100	101,2	113,7	121,5	77,3

Источник: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 350.

5. Развитие социально-экономической сферы накануне и в годы Первой мировой войны

1) экономически активное население, задействованное в основных сферах народного хозяйства 1907–1913 гг., тыс. человек

Страна	Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Торговля, финансы	Транспорт и коммуникации	Государственная служба
Великобритания (на 1911 г.)	1606	1210	7118	896	1609	3921
Франция (на 1911 г.)	8576	246	6685	2053	717	2659
США	11 590	1050	8230	3890	3190	5880
Бельгия (на 1910 г.)	802	200	1190	293	191	598
Румыния (на 1913 г.)	3159	9	309	107	71	295
Австро-Венгрия (на 1910 г.)	14 107	495	4666	1224	600	2048
Германия (на 1907 г.)	10 483	1245	7834	1800	1026	2976
Болгария (на 1910 г.)	1821	2	178	68	28	112
Нидерланды (на 1909 г.)	640	23	563	269	158	428
Швеция (на 1910 г.)	1016	13	552	120	112	290

Источник: Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. L., 1976. P. 153–163; *Idem*. International Historical Statistics the Americas and Australasia. Detroit, 1983. P. 154.

2) динамика забастовок в годы Первой мировой войны

Показатель	Британия					Франция				
	1914	1915	1916	1917	1918	1914	1915	1916	1917	1918
Кол-во забастовок	972	672	532	730	1165	672	98	314	696	499
Кол-во рабочих, участвовавших в забастовках, тыс.	447	448	276	872	1116	162	9	41	294	176
Кол-во потерянных рабочих дней, тыс.	9878	2953	2446	5647	5875	2187	55	236	1482	980

Показатель	Россия					Италия				
	1914	1915	1916	1917	1918	1914	1915	1916	1917	1918
Кол-во забастовок	3534	928	1410	1938	—	905	608	577	470	313
Кол-во рабочих, участвовавших в забастовках, тыс.	1337	539	1086	892	—	217	180	138	175	159
Кол-во потерянных рабочих дней, тыс.	5755	1863	4769	3822	—	—	—	838	849	912

Показатель	США					Германия				
	1914	1915	1916	1917	1918	1914	1915	1916	1917	1918
Кол-во забастовок	—	—	2667	2325	2151	1223	141	240	562	532
Кол-во рабочих, участвовавших в забастовках, тыс.	—	—	1600	1227	1240	238	48	423	1468	716
Кол-во потерянных рабочих дней, тыс.	—	—	—	—	—	2844	46	245	1862	1453

Источник: *Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. L., 1976. P. 173–177; Idem. International Historical Statistics the Americas and Australasia. Detroit, 1983. P. 167.*

3) профессионально организованный пролетариат, тыс. человек

Страна	1914	1915	1916	1917	1918
Англия	4185	4398	4678	5542	6652
Франция	861	83	168	493	997
Германия	1503	995	945	1278	2889
США	2021	1946	2073	2372	2726

Источник: *Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 88–91.*

6. Изменения в структуре финансов великих держав и в мировой финансовой системе в целом, произошедшие под воздействием Первой мировой войны

1) расходы воюющих стран в 1914–1918 гг., млн долл. США

Статьи расходов в номинальных и довоенных долл. США	1914					1915					1916							
	Британия	Франция	Россия	Италия	США	Германия	Британия	Франция	Россия	Италия	США	Германия	Британия	Франция	Россия	Италия	США	Германия
Расходы по государственному долгу	93	263 257	226	102	23	58	105	354	499	114	23	110	294	663	653	176	23	320
Военные расходы	376	1330 1305	891	177	256	440	1677 1582	3203 2288	3876 2185	622 576	260	1802 1569	4657 3476	5085 2705	6020	1595 932	279 254	5585 3860
Военные пенсии	—	—	—	—	184	—	—	—	—	—	176	29 25	—	—	—	—	171 155	25 17
Другие специальные военные расходы	—	—	—	—	—	—	199 188	—	—	—	3	—	616 460	—	—	—	—	116 80
Ссуды союзникам (и доминионам — для Британии)	—	19	—	—	—	—	252 238	174 124	—	—	—	—	1537 1147	676 359	195	—	—	—
Расходы гражданского управления	346	298 291	1143	211	238	164	362 341	447 319	1357 1231	269 249	266	147 128	353 263	518 276	2271	246 144	247 224	84 58
Расходы по восстановлению	—	1	—	—	—	—	—	3 2	—	—	—	—	—	66 35	—	—	—	—
<i>Итого расходов</i>	815	1911 1873	2260	490	701	662	2595 2449	4181 2986	5735 3822	1005 931	728	2088 1818	7457 5565	7008 3728	9139	2017 1179	720 654	6130 4236

Статьи расходов в номинальных долл. США	1917						1918						1919					
	Британия	Франция	Россия	Италия	США	Германия	Британия	Франция	Россия	Италия	США	Германия	Британия	Франция	Россия	Италия	США	Германия
Расходы по государственному долгу	619 364	958 366	1054 448	280 120	25 16	622 406	924 435	1388 410	—	424 116	198 106	1552 826	1313 579	1561 438	—	593 157	616 308	1611 692
Военные расходы	6488 3816	6156 2349	4764 1088	2825 1207	660 434	5599 3652	7960 3755	7984 2355	—	3984 1088	7026 3190	9000 4790	8230 3665	4022 1130	—	4669 1235	11 239 5620	7187 3084
Военные пенсии	—	—	—	—	171 113	24 16	119 56	—	—	93 25	235 126	23 12	246 108	—	—	343 91	324 162	31 13
Другие специальные военные расходы	466 274	—	—	—	16 11	282 184	1139 537	—	—	—	191 102	1028 547	770 339	—	—	—	469 234	864 371
Ссуды союзникам (и доминионам — для Великобритании)	2650 1559	487 186	97	—	885 582	—	2373 1120	394 116	—	—	4739 2534	—	1288 567	1068 300	—	—	3478 1739	—
Расходы гражданского управления	344 202	760 290	2812 1373	257 110	311 204	86 56	479 226	906 267	—	336 92	1382 739	785 418	485 214	1646 462	—	478 126	2213 1107	795 341
Расходы по восстановлению	—	133 51	—	—	—	—	—	95 28	—	—	—	—	—	1854 521	—	103 27	—	—
<i>Итого расходы</i>	10 567 6215	8494 3242	8727	3362 1437	2068 1360	6613 4314	12 994 6129	10 767 3176	—	4837 1321	13 771 6797	12 388 6593	12 422 5472	10 151 2851	—	6186 1636	18 339 9170	10 488 4501

Источник: Фиск Г. Межсоюзнические долги. М., 1925. С. 26–27, 30, 32–33, 35, 37–38, 40–41.

2) государственные доходы держав Антанты в 1914–1918 гг.

Виды финансовых поступлений, млн номинальных и довоенных долл.	Британия	Франция	Италия	США
Таможенные пошлины (+ хлебные пошлины для Италии)	1342 934	1050 538	360 205	622 441
Акцизы	1160 860	841 458	338 196	1403 927
Налог на наследство	728 536	626 340	70 41	54 30
Подходный налог (+ имущественный для Британии)	3354 2152	757 388	517 282	3324 1869
Налог на сверхприбыли	1754 906	—	—	—
Другие налоги	273 207	387 208	715 388	237 149
Государственные услуги и монополии	—	394 237	740 419	—
Почта (+ телеграф и телефон для Франции)	166 116	-76 -28	—	41
Займы	16 514 15 808	23 380 10 816	7702 3264	11 052 6138

3) государственные доходы Российской империи в 1914–1918 гг., млн номинальных и довоенных долл. США

Налоговые поступления	4698/2342
Другие поступления	2129/1062
Займы	19 030/10 156

4) главные группы доходов Германской империи в 1914–1918 гг. (за вычетом административных расходов), долл.

Доходы/убытки по управлению имперскими предприятиями	-34,4
Доходы от таможенных пошлин, налогов и сборов	1936,8
Единовременные доходы	1395,6
Излишки от предыдущих лет	134,9
Другие доходы	410,4

Источник: Фиск Г. Межсоюзнические долги. М., 1925. С. 48–64.

5) паритеты валют

- 1 фунт стерлингов: 1913 г. — 4,8666 долл.
1920 г. — 3,66 долл.
1 франк: довоенный — 0,1929 долл.
послевоенный — 0,0392 долл.
1 итальянская лира: довоенная — 0,193 долл.
послевоенная — 0,0526 долл.
1 рубль (довоенный) — 0,5146 долл.
1 йена: довоенная — 0,4985 долл.
послевоенная — 0,206 долл.
1 долл.: 1913 г. — 42,2 рейхсмарки,
1919 г. — 32,8 марки,
1923 г. — 4,2 трлн марок.

Источник: Bogart E. Direct and Indirect Costs of the Great World War. N.Y., 1920;
<http://www.measuringworth.com/index.php>

б) кредиты, ссуды, выданные Казначейством США зарубежным правительствам, а также заявленные ими расходы с 6 апреля 1917 г. до 30 ноября 1918 г., млн долл.

Показатели	Велико-британия	Франция	Италия	Бель-гия	Рос-сия	Другие страны	Всего
Чистые заимствования	3945	2445	1210	210,1	325	61,5	8196,6
Чистые ссуды	3796	2010	1091	185,5	187,7	25,8	7296
Расходы:							
снаряжение, включая ремонт	1179,5	668,1	229,7	7,5	58,7	3,9	2147,4
снаряжения для других правительств	204	—	—	—	—	—	204
валюта и хлопок	1570,7	505,4	37,9	—	53,2	—	2167,2
зерно	1214,6	—	0,7	2,3	—	—	1217,6
другие продукты питания	878,4	77,8	58,8	13,4	1,7	—	1030,1
табак	63,6	18,4	—	2,4	—	—	84,4
другие поставки	165,6	86,7	34,9	4,1	49,3	—	340,6
транспортировка по суше	—	24,6	57,1	0,7	2,2	—	84,6
транспортировка по морю	48,9	62	0,8	—	1,3	—	113
возврат ссуд	—	876	577,8	10,6	—	—	1464,4
проценты	270	125,9	29,2	5,5	4,1	0,3	435
срочные платежи	307	159,8	577,8	—	—	—	471,8
на восстановление	—	89,0	—	139,5	—	11,6	240,1
закупки серебра	132,8	3,8	—	—	—	—	136,6
продовольствие для северной России	7	—	—	—	—	—	7
закупки у нейтральных стран	—	—	5,9	—	—	—	5,9
перекредитование для военных закупок правительства США в Италии	—	—	25	—	—	—	25
другие различные расходы	29,3	14	34	1,2	3,1	10	91,6
Всего заявленных расходов	6071,4	2711,5	1091,8	187,2	178,6	25,5	10 266,3

Источник: Moulton H.G., Pasvolsky L. War Debts and World Prosperity. Washington, 1932. P. 427.

7) межсоюзническая задолженность к 1923 г., млн долл.

Государства-должники	Государства-кредиторы					
	США	Великобритания	Канада	Франция	Италия	Россия
Великобритания	4661	—	69,7	359,8	133,8	1265,2
Британские доминионы	—	723,6	—	—	—	—
Россия	241,9	4322	—	1165,7	7,2	—
Италия	2015	2568,6	—	163,9	—	—
Франция	3990,7	2927,6	5,7	—	96,6	—
Бельгия	454,5	43,8	6,3	711	—	—
Сербия (Югославия)	61,6	137,9	—	348,9	3,4	—
Румыния	43,8	125,9	20,5	227,9	32,6	—
Греция	16,5	109	7,5	166,2	—	—

Источник: Фиск Г. Межсоюзнические долги. М., 1925. С. 6.

Приложение 5 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В СТРАНАХ ЗАПАДА И В РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

1. Руководство воюющих стран

Страна	Глава государства	Премьер-министр	Министр иностранных дел	Министр финансов
Великобритания	Георг V	Г. Асквит (апрель 1908 – декабрь 1916), Д. Ллойд Джордж (декабрь 1916 – октябрь 1922)	Э. Грей (декабрь 1905 – декабрь 1916), А. Бальфур (декабрь 1916 – октябрь 1919)	Д. Ллойд Джордж (апрель 1908 – май 1915), Р. Маккенна (май 1915 – декабрь 1916), Э. Бонар Лоу (декабрь 1916 – январь 1919) А. Рибо (август 1914 – март 1917), Ж. Тьерри (март–сентябрь 1917), Л. Клотц (сентябрь 1917 – январь 1920)
Франция	Президент Р. Пуанкаре (январь 1913 – январь 1920).	Р. Вивиани (1914 – октябрь 1915), А. Бриан (октябрь 1915 – март 1917), А. Рибо (март–сентябрь 1917 г.), П. Пенлеве (сентябрь–ноябрь 1917 г.), Ж. Клемансо (ноябрь 1917 – январь 1920)	Т. Делькассе (август 1914 – октябрь 1915), Р. Вивиани (октябрь 1915 г.), А. Бриан (октябрь 1915 – март 1917), А. Рибо (март 1917 – ноябрь 1917), С. Пишон (ноябрь 1917 – январь 1920)	
Россия	Николай II (от- река 2/15 марта 1917)	В.Н. Коковцов (сентябрь 1911 – январь 1914), И.Л. Горемыкин (январь 1914 – январь 1916), Б.В. Штюрмер (январь–ноябрь 1916), А.Ф. Трепов (ноябрь–декабрь 1916/январь 1917), Н.Д. Голицын (декабрь 1916/январь 1917 – февраль/март 1917), Г.Е. Львов (март–июль 1917), А.Ф. Керенский (июль–октябрь/ноябрь 1917), председатель СНК В.И. Ленин (ноябрь 1917 – январь 1924)	С.Д. Сазонов (сентябрь 1910 – июль 1916), Б.В. Штюрмер (июль–ноябрь), Н.Н. Покровский (ноябрь 1916 – март 1917), П.Н. Миллюков (март–май 1917), М.И. Терещенко (май–октябрь/ноябрь 1917), нарком иностранных дел Г.В. Чичерин (май 1918–1930)	В.Н. Коковцов (апрель/май 1906 – январь 1914), П.Л. Барк (февраль 1914 – март 1917), М.И. Терещенко (март–май 1917), А.И. Шингарев (май–июль 1917), Н.В. Некрасов (июль–август 1917), М.В. Бернацкий (сентябрь–октябрь/ноябрь 1917), нарком финансов И.И. Скворцов-Степанов (ноябрь 1917), В.Р. Менжинский (ноябрь 1917 – март 1918), И.Э. Гукковский (март–август 1918), Н.Н. Крестинский (август 1918–1922)
Италия	Виктор Эммануил III	А. Саландра (март 1914 – июнь 1916), П. Боселли (июнь 1916 – октябрь 1917), В. Орландо (октябрь 1917 – июнь 1919)	С. Де Соннино (ноябрь 1914–июнь 1919)	Э. Данео (ноябрь 1914 – июнь 1916), Ф. Меда (июнь 1916 – июнь 1919)
США	Президент В. Вильсон (март 1913 – март 1921)		Государственные секретари: У.Д. Брайдан (март 1913 – июнь 1915), Р. Лансинг (июнь 1915 – февраль 1920)	Секретарь Казначейства: У. Мак-Эду (март 1913 – декабрь 1918)

Сербия	Петр I Карагеоргиевич	Н. Пашич (сентябрь 1912 – декабрь 1918)	Н. Пашич (сентябрь 1912 – декабрь 1918)	Л. Пачу (сентябрь 1912 – декабрь 1918)
Греция	Константин I (март 1913 – июнь 1917), Александр I (июнь 1917 – октябрь 1920)	Э. Венизелос (октябрь 1910 – март 1915, июнь 1917 – апрель 1921), Д. Гунарис (март–октябрь 1915), А. Заимис (октябрь–ноябрь 1915, июнь–сентябрь 1916, апрель–июнь 1917), С. Скулудис (ноябрь 1915 – июнь 1916), Н. Калоидис-ропулос (сентябрь–октябрь 1916), С. Ламброс (октябрь 1916 – апрель 1917)	Э. Венизелос (1914 – ноябрь 1915), С. Скулудис (ноябрь 1915 – июнь 1916), А. Заимис (июнь 1916 – апрель 1917), Н. Политис (июнь 1917 – апрель 1921)	А.Н. Диомидис (1912 – ноябрь 1915), С. Дракумис (ноябрь 1915 – апрель 1916), Д. Раллис (апрель 1916 – июнь 1917), М. Петропонгис (июнь 1917 – апрель 1921)
Румыния	Фердинанд I	И. Брэтяну (январь 1914 – февраль 1918), А. Авереску (февраль–март 1918), А. Мартиломан (март 1918 – март 1920)	Э. Порумбару (январь 1914 – март 1918), С. Арион (март 1918 – март 1920)	Э. Костинеску (январь 1914 – март 1918), М. Саулеску (март 1918 – март 1920)
Германия	Вильгельм II Ф. Эберт (февраль 1919 – февраль 1925)	Рейхсканцлеры: Т. фон Бетман-Гольвег (1909 – июль 1917), Г. Михаэлис (июль–октябрь 1917), Г. фон Гертинг (октябрь 1917 – сентябрь 1918), Максимилиан Баденский (8 октября – 9 ноября 1918), Ф. Эберт (9 ноября 1918 – февраль 1919)	Г. фон Ягов (январь 1913 – ноябрь 1916), А. Циммерманн (ноябрь 1916 – август 1917), Р. фон Кюльманн (август 1917 – август 1918), П. фон Хингце (август 1 – октябрь 1918), В. Сольф (октябрь–декабрь 1918)	Г. Кюн (март 1912 – январь 1915), К. Гельферих (февраль 1915–1916), Э. фон Редерн (1916–1918)
Австро-Венгрия	Франц Иосиф I (декабрь 1848 – ноябрь 1916), Карл I (ноябрь 1916 – ноябрь 1918)	Австрия: К. фон Штурк, Э. фон Кербер, Г. Клам-Мартинич, Э. фон Фойхтенег, М. фон Гейндлейн, Г. фон Ламмаш. Венгрия: И. Тиса (1913–1917), М. Эстерхази (январь–август 1917), Ш. Векерле (1917 – октябрь 1918), Я. Хадик, М. Каройи.	Л. фон Берхтольд (февраль 1912 – январь 1915), И. фон Буриан (январь 1915 – декабрь 1916, апрель–октябрь 1918), О. Чернин (декабрь 1916 – апрель 1918)	Л. фон Биллинский (февраль 1912 – февраль 1915), Э. фон Кербер (февраль 1915 – октябрь 1916), Л. фон Буриан (октябрь–декабрь 1916, 22 декабря 1916 – апрель 1918), кн. Конрад Гогенлоэ-Вальденбург-Шиллингфурст (2–22 декабря 1916), А. Шницмюллер (апрель–ноябрь 1918)
Болгария	Фердинанд I Кобург	В. Радославов (1913 – июнь 1918), А. Маринов (июнь 1918 – октябрь 1919)	В. Радославов	Д. Тончев (1913–1918)
Османская империя	Мехмед V (апрель 1909 – июль 1918), Мехмед VI (июль 1918 – ноябрь 1922)	Великий визирь – Саид Халим-паша (июнь 1913 – февраль 1917), Мехмед Талаат-паша (февраль 1917 – октябрь 1918), Ахмед Иззет-паша (октябрь–ноябрь 1918)	Саид Халим-паша (июнь 1913 – февраль 1917), Ахмед Нессимит-бей (февраль 1917 – апрель 1920)	Рифаат-бей (июнь 1913 – февраль 1917), Мехмед Джавид-бей (февраль 1917 – апрель 1920)

¹ С 3 по 26 августа 1914 г. пост министра иностранных дел Французской республики занимал Г. Думерг.

2. Партийный контроль в парламентах

Великобритания

Выборы в декабре 1910 г., %	Выборы в декабре 1918 г., %
Консервативная партия – 46,3	Межпартийная коалиция – 47,6: • коалиционные юнионисты – 32,6 • коалиционные либералы – 13,5 • коалиционные лейбористы – 1,5
Либеральная партия – 43,8	Либеральная партия – 12,1 Консервативная партия – 3,4 Ирландские юнионисты – 2,7
Лейбористская партия – 7,2	Лейбористская партия – 22,2
Ирландские националисты – 2,5	Шинн фейн – 4,5 Ирландские националисты – 2,2

Источник: Butler D., Freeman J. British Political Facts, 1900–1960. L., 1964. P. 122.

Франция

Выборы в апреле–мае 1914 г., %	Выборы в ноябре 1919 г., %
Группа радикальной и радикально-социалистической партии – 29,1	Группа радикальной и радикально-социалистической партии – 14
Группа социалистической партии – 17,1	Группа социалистической партии – 11,1
Группа левых радикалов – 11,2	
Группа левых республиканцев – 9,1	Группа левых республиканцев – 7,5
Группа левых демократов – 5,8	Группа республиканских социалистов – 4,2
Группа республиканской федерации – 6,3	Группа республиканско-демократического согласия – 29,9 Группа республиканского и социального действия – 10 Группа левых республиканцев-демократов – 15,2
Группа беспартийных депутатов – 7,3	

Источник: <http://www.france-politique.fr/assemblee-nationale-1914.htm>; <http://www.france-politique.fr/assemblee-nationale-1919.htm>

Россия

Государственная дума Российской империи IV созыва
(сформирована по итогам выборов в ноябре 1912 г.), %

Правые	14,7
Русские националисты и умеренно-правые	20,1
Центр	7,4
«Союз 17 октября»	22,1
«Народная свобода» (кадеты)	13,1
Прогрессисты	10,5
«Польское коло»	2
Мусульманская группа	1,3
Белорусско-литовско-польская группа	1,3
Трудовая группа	2,2
Социал-демократическая фракция	3,1
Беспартийные	1,3

Источник: Анфимов А.М., Корелин А.П. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 254.

Италия

Выборы в 1913 г., %	Выборы в 1919 г., %
Либерал-демократы – 47,6	Итальянская социалистическая партия – 32,3
Итальянская социалистическая партия -17,6	Итальянская демократическая партия – 10,9
Радикальная партия – 10,4	Центристская коалиция (либералы, демократы, радикалы) – 15,9
Конституционно-демократическая партия – 5,2	Итальянская народная партия – 20,5
Католики – 4,2	
Социалисты-реформисты – 3,9	
Демократическая партия – 2,8	
Итальянская республиканская партия – 2	

Источник: Ballini P.L. Le Elezioni nella storia d'Italia, dall'Unità al fascismo: profilo storico-statistico. Bologna, 1988.

США

1913–1915	1915–1917	1917–1919
Палата представителей, % демократы – 66,8 республиканцы – 29,2	Палата представителей, % демократы – 52,8 республиканцы – 45	Палата представителей, % демократы – 49,6 республиканцы – 48,2
Сенат, % демократы – 51 республиканцы – 44	Сенат, % демократы – 56 республиканцы – 40	Сенат, % демократы – 53 республиканцы – 42

Источник: US Bureau of the Census. Political Statistics of the United States, 1789–1945. Washington, 1949. P. 293.

*Австро-Венгрия***Выборы в Австрии в июне 1911 г., %**

Христианская социальная партия – 45,5
Социал-демократы – 25,4
Германская партия свободы – 5,1

*Австрийская республика***Выборы 1919 г., %**

Социал-демократическая партия – 40
Христианская социальная партия – 36
Великогерманская партия – 18,4

Источник: *Cook C., Paxton J. European Political Facts of the Twentieth Century. N.Y., 2000. P. 165.*

Германия

Выборы в рейхстаг в 1912 г., %	Выборы в Национальное собрание в январе 1919 г., %
Социал-демократическая партия – 34,8	Социал-демократическая партия – 37,9
Партия центра – 16,4	Партия центра – 19,7
Национально-либеральная партия – 13,6	Немецкая демократическая партия – 18,6
Немецкая консервативная партия – 9,2	Немецкая национальная партия – 10,3

Источник: *Cook C., Paxton J. European Political Facts of the Twentieth Century. N.Y., 2000. P. 206–207.*

3. Президентские выборы в США в 1916 г.

Кандидат	Партийная принадлежность	Голоса выборщиков	Результаты всеобщего голосования
В. Вильсон	Демократическая партия	277	9 129 606 (49%)
Ч. Хьюз	Республиканская партия	254	8 538 221 (46%)
А.Л. Бенсон	Социалистическая партия	–	585 113 (3%)
Дж.Ф. Хэнли	Прогибиционистская партия	–	220 506 (1%)
А.Э. Реймер	Социалистическая рабочая партия	–	13 403 (0,08%)

Источник: *US Bureau of the Census. Political Statistics of the United States, 1789–1945. Washington, 1949. P. 289.*

Приложение 6
СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Год	Международные отношения	Военная сфера		Внутриполитическая сфера
		28.07	30.07	
1914	28.06 Убийство в Сараево Гаврилой Принципом австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и Софии Гогенберг	28.07 Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии	28.07 Столкновения британских армейских частей с ирландскими националистами в Дублине	
	5.07 Вильгельм II заявил о германской поддержке Австро-Венгрии в случае военного конфликта	30.07 (17.07) В России объявлена всеобщая мобилизация	30.07 В Париже убит лидер французских социалистов Ж. Жорес	
	20.07 – 23.07 (7–10.07) Визит Р. Пуанкаре в Россию	31.07 В Австро-Венгрии объявлена всеобщая мобилизация	31.07 Заккрытие Лондонской биржи (до 4.01.1915)	
	23.07 Австро-венгерский ультиматум Сербии	1.08 (19.07) Начало мобилизации во Франции и Германии. Германия объявила войну России	2.08–3.08 Введение цензуры в Германии. В Британии также наложены строгие ограничения на новости, поступающие с фронта. Во Франции бюро печати, созданное в рамках военного министерства, наделено исключительным контролем за распространением информации о ситуации на фронте	
	29.07 Болгария объявила о своем нейтралитете в войне. Советание Международного бюро в социалистического бюро в Брюсселе	2.08 Бельгия объявила о нейтралитете и приступила к мобилизации. Приказ У. Черчилля о мобилизации британского флота. Оккупация германской армией Люксембурга		
	30.07 Завершение болгаро-германских переговоров о предоставлении Софии суды в размере 600 млн франков	3.08 Германия объявила войну Франции и Бельгии. В ночь на 4.08 Германия вторглась на территорию Бельгии	4.08 Пуанкаре озвучил в Национальном собрании лозунг «Священного единения»	
	2.08 Заключение секретного германо-турецкого союза, направленного против России	4.08 Великобритания объявила войну Германии. Дж. Френч назначен главным командующим британской армии во Франции	7.08 Призыв ген. Китченера к британской молодежи вступить в армию	

* Все даты приведены по новому стилю. Для России в скобках даны даты по старому стилю.

Год	Международные отношения	Военная сфера	Внутриполитическая сфера
1914	2.08	Германия в ультимативной форме потребовала от Бельгии предоставить ее войскам свободный проход через бельгийскую территорию	8.08
	3.08	Италия заявила о своем нейтралитете	13.08
	4.08	В. Вильсон заявил о нейтралитете США в начавшейся войне	14.08 (01.08)
	6.08	Китай объявил о своем нейтралитете	17.08
	15.08	Открытие Панамского канала	22.08 (09.08)
	27.08	Назначение ген. Лимана фон Сандерса главнокомандующим турецкой армией	1.09 (19.08)
	5.09	Лондонское соглашение между Великобританией, Францией и Россией об отказе от сепаратных переговоров с противником	2.09
	17.12	Великобритания объявила Египет своим протекторатом	2.12
		17.08 (04.08)	

Год	Международные отношения	Военная сфера	Внутриполитическая сфера
		3.11 Э. фон Фалькенгайн официально сменил Г. Мольтке-м.л. на посту главы германского Генштаба	
		3.11–5.11 Поражение британско-индийских войск в битве при Танга (германская Восточная Африка)	
		5.11 Великобритания и Франция объявили войну Турции. Аннексия Британией Кипра	
		7.11 Японцы захватили Киао-Чао, германскую концессию в Китае	
		11.11–24.11 (29.10–11.11) Лодзинская операция германских войск на Восточном фронте	
		18.11 Возращение французского правительства в Париж	
		8.12 Победа британского флота над германским у Фолклендских островов	
		15.12 Австро-венгерские войска оставили Белград, захваченный ими 2.12. Территория Сербии полностью освобождена	
1915	18.01 «21 требование», выдвинутое японским правительством Китаю	2.01 (20.12.1914) Наступление русских войск в Карпатах (до середины апреля)	В России образовано «Особое совещание по обороне», основаны военно-промышленные комитеты
4.02	Форин оффис заявил о том, что британские военные морские силы будут перехватывать любые суда, доставляющие зерно в Германию	19.01 Первый воздушный рейд немцев на Англию (с участием дирижаблей)	31.01 В Германии введена суточная норма потребления хлеба на человека
26.04	В Лондоне подписан договор между странами Антанты и Италией о вступлении последней в войну	30.01 В Германии принято решение начать неограниченную подводную войну. 18.02 Берлин объявил акваторию Северного моря и воды, омывающие побережье	март В Австрии введена карточная система, позже – в Венгрии

1915					Великобритании, зоной боевых действий и начал подводную войну против нейтральных судов			
7.05	Британский лайнер «Лузитания» потоплен германской подводной лодкой	3.02			Начало продвижения британских войск вдоль реки Тигр в Месопотамии	апрель		Начало массовых депортаций армян из Турции, сопровождавшихся их геноцидом
24.05	Союзники впервые в совместной декларации обвинили турецкое руководство в резне армянского населения, квалифицировав ее как «преступление против человечности»	2-22.02 (17.01-9.02)			Битва у Мазурских болот	14.05		В соответствии с постановлением британского правительства граждане враждебных государств в возрасте от 17 до 55 лет, проживавшие в Великобритании, могли быть интернированы либо репатрированы
25.05	Китай принял «21 требование» Японии	19.02 (продлилась до 9.01.1916)			Начало Дарданелльской операции	25.05		Формирование коалиционного правительства в Великобритании (Г. Асквигг – премьер-министр, А. Бальфур сменил У. Черчилля на посту первого лорда Адмиралтейства, Д. Ллойд Джордж возглавил недавно созданное Министерство вооружений)
6.09	Подписан секретный договор между Болгарией, Германией и Турцией	22.03 (09.03)			Русские войска взяли Перемышль	2.06		Британский парламент принял «Закон о производстве вооружений»
5-8.09	Манифест международной социалистической конференции в Циммервальде с призывом заключить мир между народами, без аннексий и контрибуций	22.04			Вторая битва при Ипре. Первое приращение удушливых газов германскими военными	12.07		В Германии введено государственное управление на угледобывающих предприятиях
28.09	Англия и Франция заключили соглашение с США о предоставлении им займа в 500 млн долл.	25.04			Союзники (британские, австралийские и французские войска) высадились на Галлиполи, однако турецкие позиции ими не захвачены	август		В России в IV Государственной думе образован Прогрессивный блок

1915	25.09–14.10	Третье сражение при Артуа		
	5.10	Начало высадки британо-французских частей в Салониках для оказания помощи сербской армии		
	6.10	Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав		
	9.10	Австро-венгерские войска оккупировали Белград		
	15.10	Великобритания объявила войну Болгарии		
	21.10	Третье сражение при Изонцо		
	10.11	Четвертое сражение при Изонцо		
	30.10–16.12	Хамаданская операция в Персии		
	22.11	Битва под Ктесифоном (Месопотамский фронт)		
	3.12	Назначение Ж. Жофра главнокомандующим французской армией		
	19.12	Д. Хейг сменил Дж. Френча на посту главнокомандующего британской армией во Франции и Фландрии		
	21.12	У. Робертсон назначен начальником штаба британской армии		
	8–17.01	Наступление австро-венгерских войск в Черногории	январь	К. Либкнехт приступил к публикации нелегальных революционных листовок – «Политических писем» за подписью «Спартак»
	8–9.01	Эвакуация англо-французских войск из Галлиполи		
1916	27.03	Открытие межсоюзнической конференции по военным делам в Париже		
	18.04	Предупреждение, сделанное В. Вильсоном Германии, о разрыве дипломатических отношений в случае прекращения Германией подвоянной войны		
	24–30.04	На международнои социалистической конференции в Кингале принят манифест	Русские войска взяли г. Эрзерум на северо-востоке Турции	Введение всеобщей воинской повинности в Великобритании
	16.02 (03.02)		27.01, 25.05	

Год	Международные отношения	Военная сфера		Внутриполитическая сфера
		21.02–18.12	24–30.04	
1916	«Обращение второй социалистической конференции к разоружаемым и угнетаемым народам»	Битва под Верденом	Февраль	Начало забастовочного движения в Клайде (Великобритания). Создана Федерация британской промышленности
15–16.05	Заключено секретное англо-французское «соглашение Сайкс-Пико» о разделе Османской империи	Русские войска взяли г. Битлис на востоке Турции, 18.03 вошли в г. Трабзон	1.06	Пасхальное восстание в Ирландии
14.06	Межсоюзническая конференция по экономическим вопросам в Париже	Пятая битва при Изонцо	25.07 (12.07)	Создание Управления по распределению продовольствия в период военного времени в Германии
5.11	Провозглашено создание независимого Королевства Польского под австро-германским протекторатом	Отставка А. фон Тирпица с поста статс-секретаря военно-морского ведомства Германии	август	Отставка министра иностранных дел России С.Д. Сазонова
12.12	Обращение союзникам, озвученное Т. Бетман-Гольвегом в рейхстаге от имени Центральных держав, начать переговоры о мире	Прибытие войск АНЗАК во Францию	22.08	В Конгрессе США принят закон об ассигнованиях на армию
20.12	Нота В. Вильсона ко всем участникам конфликта с предложением начать мирные переговоры	Югландский морской бой	7.11	В Австро-Венгрии издан указ о регулировании производства на частных предприятиях
		Брусиловский прорыв на Восточном фронте	21.11	Президент США В. Вильсон был переизбран на второй срок
		У Оркнейских о-вов погиб военный министр Великобритании Г. Китченер, 6.07 на его место назначен Д. Ллойд Джордж		Смерть императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I. Его преемником стал Карл I

1916	6.06–24.06	Блокада Греции войсками Антанты	22.11	В Германии статс-секретарем по иностранным делам назначен А. Циммерманн (вместо Г. фон Ягова)
	июнь	Начало Арабского восстания против Османской империи в Хиджазе	декабрь	Введение принудительной хлебной разверстки в России
	1.07–18.11	Битва на р. Сомме	5.12	Отставка Г. Асквита с поста премьер-министра
	6.08–17.08	Шестое сражение при Изонцо	7.12	Д. Ллойд Джордж в качестве нового главы британского правительства сформировал Кабинет военного времени
	27.08	Румыния вступила в войну на стороне Антанты	5.12	Принят Закон о вспомогательной службе Отечеству, позволявший реализовать «программу Гинденбурга» посредством «тотальной мобилизации» экономики
	28.08	Италия объявила войну Германии	22.12	Ряд новых министерств сформирован в Великобритании: Министерство продовольствия, Министерство труда, Министерство пенсий, Министерство морских перевозок
	30.08	П. фон Гиндербург сменил Э. фон Фанкельтайна на посту начальника Генерального штаба Германии. Турция объявила войну Румынии	31.12 (18.12)	Убийство Г. Распутина в Петрограде
	14.09–18.09	Седьмое сражение при Изонцо		
	15.09	В ходе сражения на р. Сомме британскими военными были впервые задействованы танки		
	сентябрь–декабрь	Наступление австро-германских войск в Румынии		
	16.10	Войска Антанты оккупировали Афины		

Год	Международные отношения	Военная сфера		Внутриполитическая сфера
		31.10–4.11	Девятое сражение при Изонцо	
		25.11	В Германии военно-воздушный флот выделен в отдельный род войск	
		6.12	Германские войска оккупировали Бухарест	
1917	1.03	1.02	Германия начала «неограниченную подводную войну»	8.03–14.03 (23.02–01.03)
	23.03	5–11.01 (23.12–29.12.16)	Митавская операция русских войск на северо-западном направлении	15.03 (02.03)
	18.04	9.02 по сер. марта	Отступление германских войск к «линии Зигфрида» («линии Гинденбурга»)	6–11.04
	20.07	11.03	Взятие Багдада британскими войсками	17.04 (04.04)
	2.11	6.04	Вступление США в войну на стороне Антанты	18.05
	5–7.11	16.04–9.05	Операция Нивеля	23.05
	6.12	12.05–8.06	Десятая битва при Изонцо	20.05

1917	9.12	В Фокшанах подписано перемирие между Румынией и Центральными державами	15.05	Новые назначения во Франции: А. Петэн – главнокомандующий французской армией, Ф. Фох – начальник Генерального штаба	13.07	Отставка Т. фон Бетман-Гольвега, новым рейхсканцлером Германии назначен Г. Михаэлис
			7.06	Мессинская битва	19.07	В рейхстаге большинством голосов принята резолюция в поддержку мира
			28.06	Высадка первых американских войск во Франции	21.07 (8.07))	А.Ф. Керенский назначен министром-председателем правительства России
			1.07 (18.06) – 13.08 (30.07)	Июльское (июньское – по ст. стилю) наступление на Восточном фронте	21–25.08	Массовая антивоенная демонстрация в Турине подавлена войсками
			2.07	Греция объявила войну странам Четвертого союза	7–12.09 (25–30.08)	Выступление Л.Г. Корнилова
			12.07	В битве за Ипр германские войска впервые использовали горючий газ (иприт)	14.09 (01.09)	Россия провозглашена республикой
			31.07–10.11	Битва при Пашендейле	1.11	Назначение Г. фон Гертинга новым рейхсканцлером Германии
			17.08–12.08	Одиннадцатая битва при Изонцо	7.11 (25.10)	Октябрьская революция в России
			1–6.09 (19–24.08)	Рижская операция германских войск на Восточном фронте	8.11 (26.10)	На Втором всероссийском съезде советов рабочие и солдатские депутаты приняли Декрет о мире и Декрет о земле
			12–20.10 (29.09–7.10)	Германская операция по захвату Моонзундских островов	15.11 (02.11)	Принятие СНК Декларации прав народов России
			15.10	Казнь Матвй Хари, обвиненной в шпионаже	17.11	Назначение Ж. Клемансо на пост премьер-министра Франции
			24.10–9.11	Сражение у Капоретто (итальянский фронт)		

Год	Международные отношения	Военная сфера	Внутриполитическая сфера
1918		20.11–6.12	Битва при Камбре. Первое в истории массованное применение танков и зарождение противотанковой обороны
		7.12	США объявили войну Австро-Венгрии
		9.12	Вступление британских войск в Иерусалим
	8.01	Президент США В. Вильсон озвучил свои «14 пунктов»	Весеннее наступление германской армии на Западном фронте
	3.03	Заключение Брест-Литовского мирного договора	Высадка британских войск в Мурманске
	7.05	Бухарестский мирный договор между Румынией и Центральными державами	Германская оккупация ряда черноморских портов России - Одессы (13.03), Николаева (17.03), Севастополя (1.05)
	29.09	В Салониках болгарские уполномоченные подписали перемирие с державами Антанты	Операция «Св. Михаэль» в Пикардии
	4–5.10	В. Вильсон получил австро-германское предложение о перемирии	Создание Королевских военно-воздушных сил Великобритании на базе слияния Королевского летного корпуса и Королевской Военно-морской авиационной службы
	5.10	Обращение турецкого правительства к В. Вильсону с предложением о мире	Высадка японских войск во Владивостоке
	5.10	Народное вече в Загребе объявило о разрыве с монархией Габсбургов и об образовании Государства словенцев, хорватов и сербов	Германское наступление во Фландрии
			сер. янв. Всеобщая стачка в Австро-Венгрии
			16.01 Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (3.01)
			18.01 Начало работы Учредительного собрания в Петрограде. 19.01 (6.01) большевики издали декрет о его роспуске (5.01)
			24.01 Декрет СНК о переходе России на григорианский календарь
			28.01 Декрет об организации РККА. Массовые забастовки в Берлине и других городах Германии
			февраль Восстание моряков австро-венгерской эскадры в Когоре. В Англии женщинам предоставлено избирательное право
			16.03 Постановление о перенесении столицы из Петрограда в Москву

1918	28.10	Объявление Пражским национальным комитетом о создании самостоятельного Чехословацкого государства	27.05–13.06	Наступление немецких войск на р. Эна	май–июнь	Широкое стачечное движение развернулось на военных заводах в парижском и сент-этьенском округах
	30.10	Турция подписала Мудросское перемирие	15.07–4.08	Марнское сражение	16.07	Расстрел парской семьи в Екатеринбурге
	3.11	В Падуе австро-венгерское командование подписало перемирие с державами Антанты	2.08	Высадка английского десанта в Архангельске	середина мая–август	Выступление чехословацкого корпуса в России
	10.11	Румыния вновь вступила в войну на стороне Антанты	8–13.08	Амьенская операция англо-французских войск	октябрь	Пик пандемии испанского гриппа
	11.11	В 5.10–5.25 утра подписано Компьенское перемирие, которое вступило в силу в 11.00 по парижскому времени	12–15.09	Сен-Мийельская операция американских войск под командованием Дж. Першинга	3.10	Макс Баденский назначен рейхсканцлером Германии
			26.09–11.11	Мёз-Артонское наступление на Западном фронте	16.10	Манифест Карла I о федеративном переустройстве Цислейтании
			14–29.09	Прорыв Салоникского фронта войсками Сербии, Англии, Франции и Италии	25.10	Образован Венгерский национальный совет
			1.10	Вступление британских войск в Дамаск	31.10	Назначенный премьер-министром Венгрии М. Каройи сформировал коалиционное правительство
					31.10	И. Тиса убит восставшими солдатами
					3.11	Началось восстание моряков в Киле
					9.11	В Берлине лидер САПФ Ф. Шейдеман провозгласил Германию республикой. Вильгельм II отрекся от престола

Источники: История первой мировой войны 1914–1918 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975; *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974; *Галкин И.С.* Австро-Венгрия 1870–1919 гг. М., 1949; *Всемирная история*. Т. VII–VIII. М., 1960–1961; *Советская военная энциклопедия* Т. 1–8. М., 1976–1980. *Полная хронология XX века / Авт.-сост. Н. Уильямс; Ред. Ф. Уоллер*. М., 1999; *Nettall G.* The Pivotal Conflict: A Comprehensive Chronology of the First World War, 1914–1919. N.Y., 1992; *Sabines B.* Larousse de la Grande guerre. Paris, 2007.

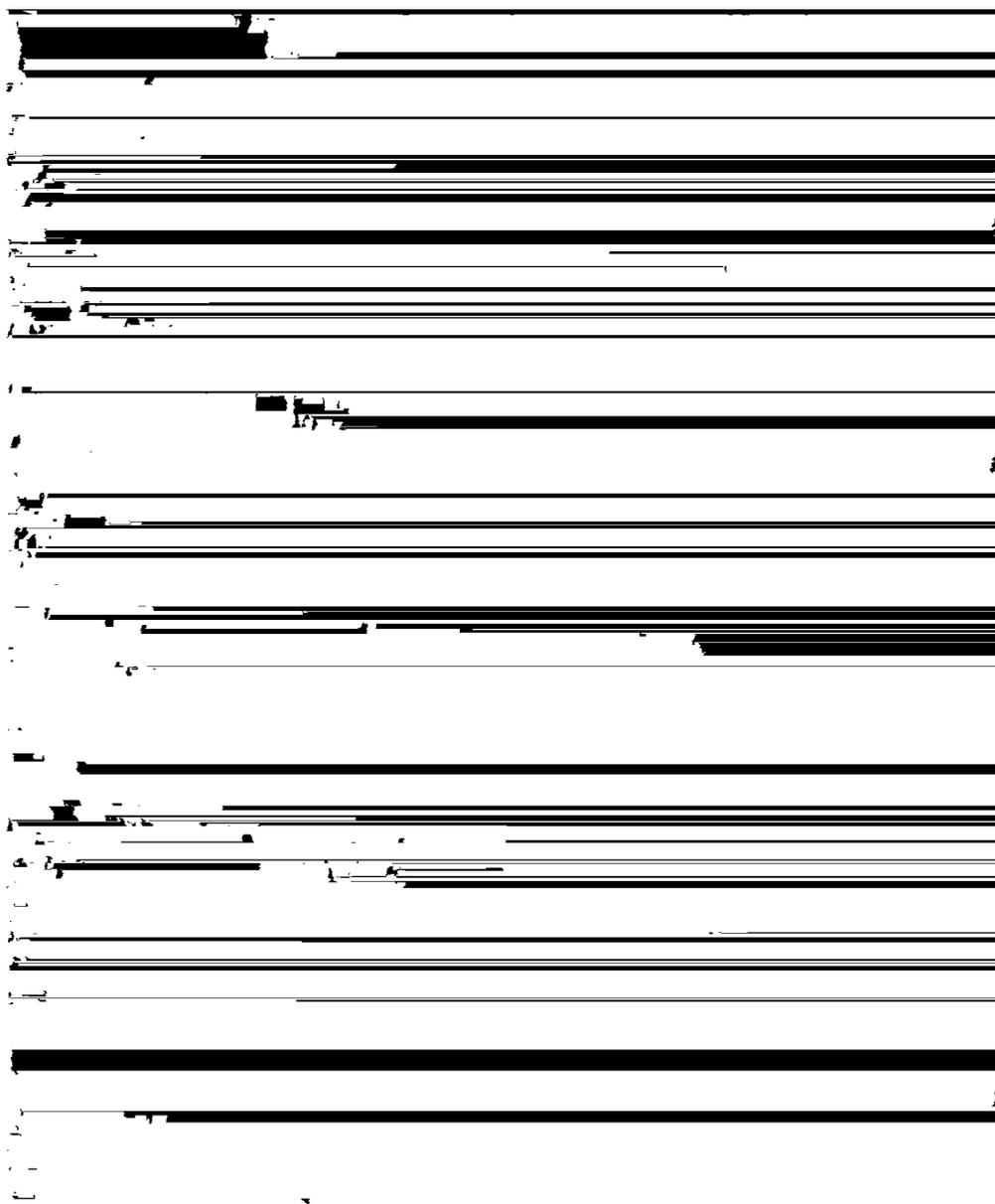
Приложение 7 ИЛЛЮСТРАЦИИ

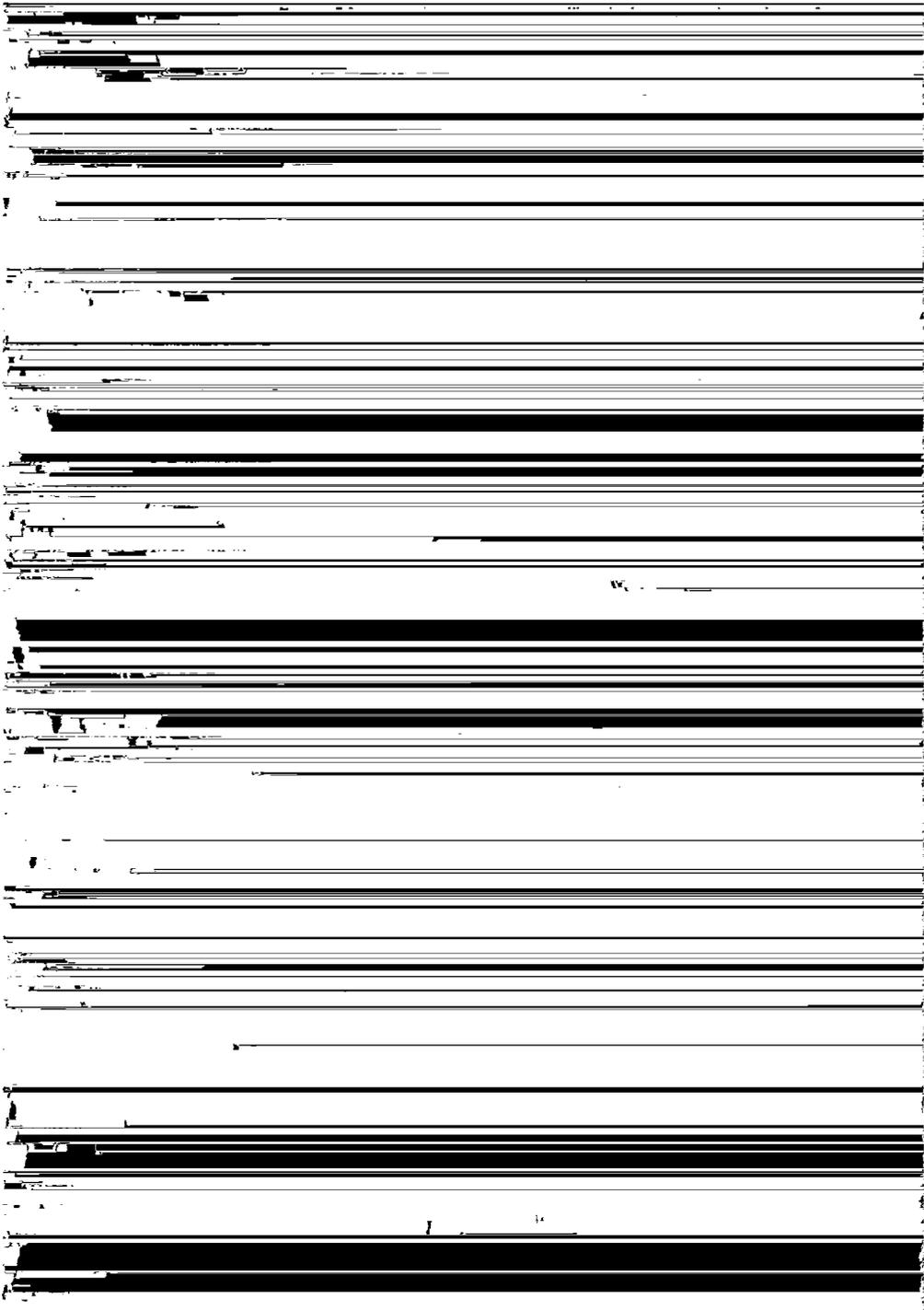
Европа в 1914 г.

Европа в 1923 г.

Фронты сторон к концу операций 1914 г.

Кампания 1915 г.

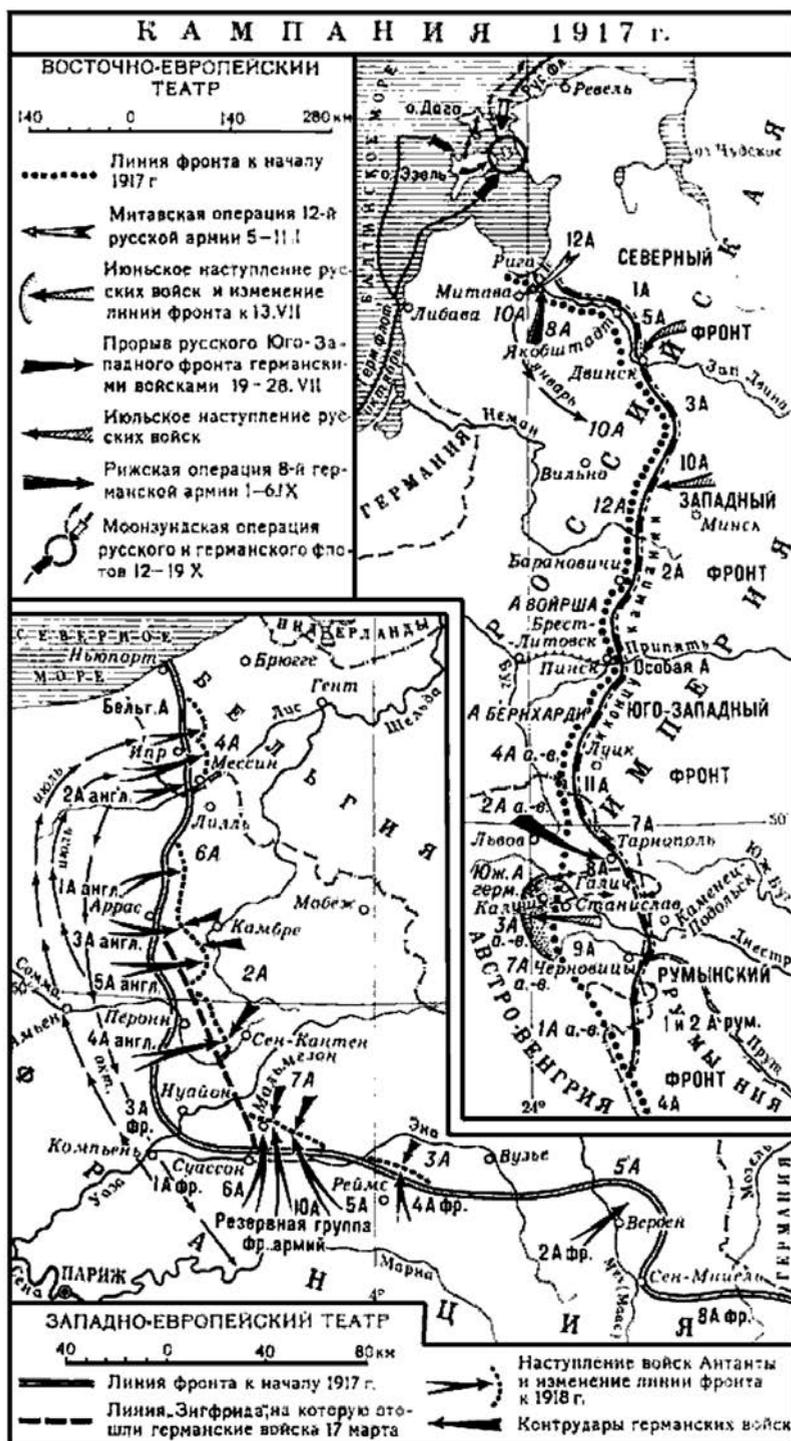
Кампания 1916 г.

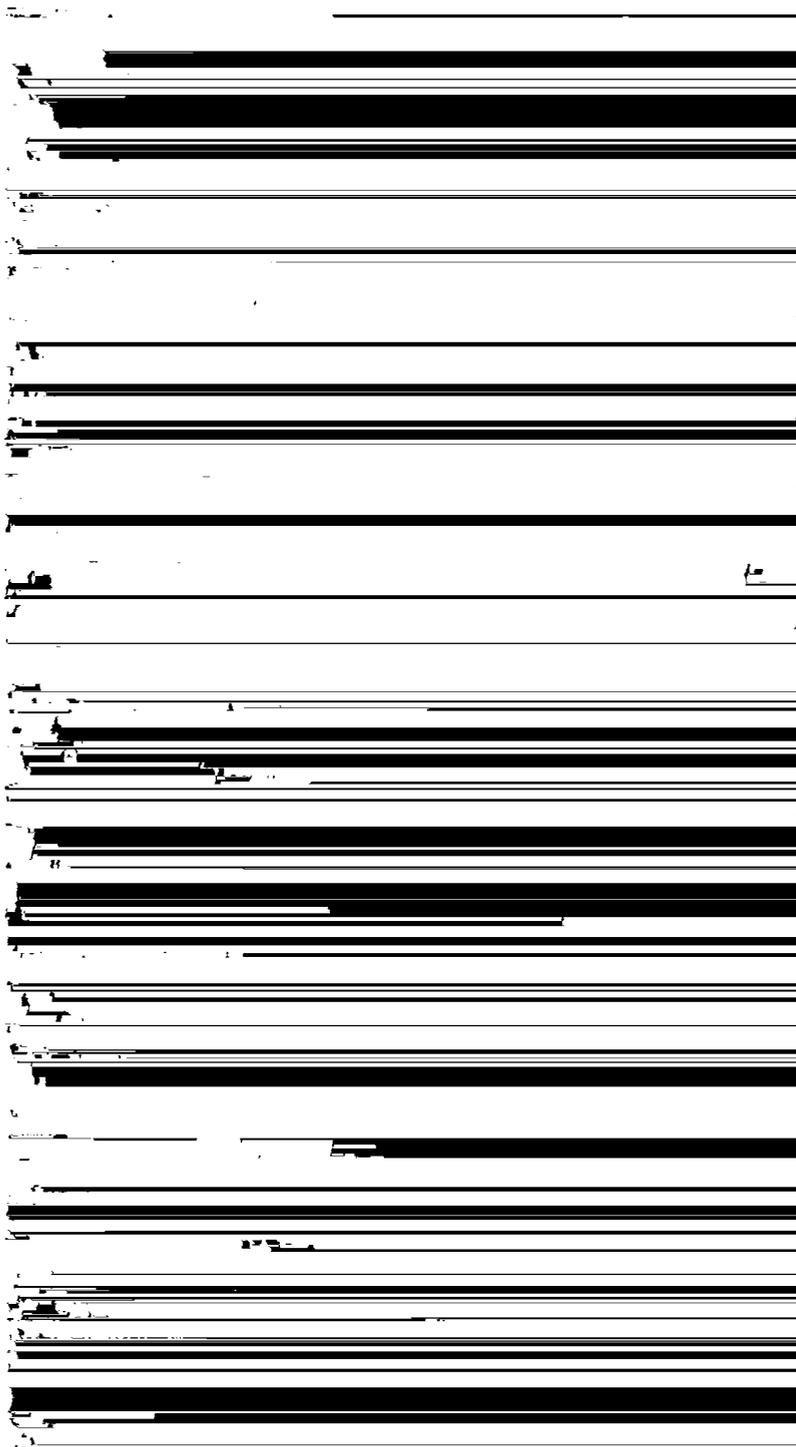
Ближневосточный театр военных действий в 1914–1916 гг.

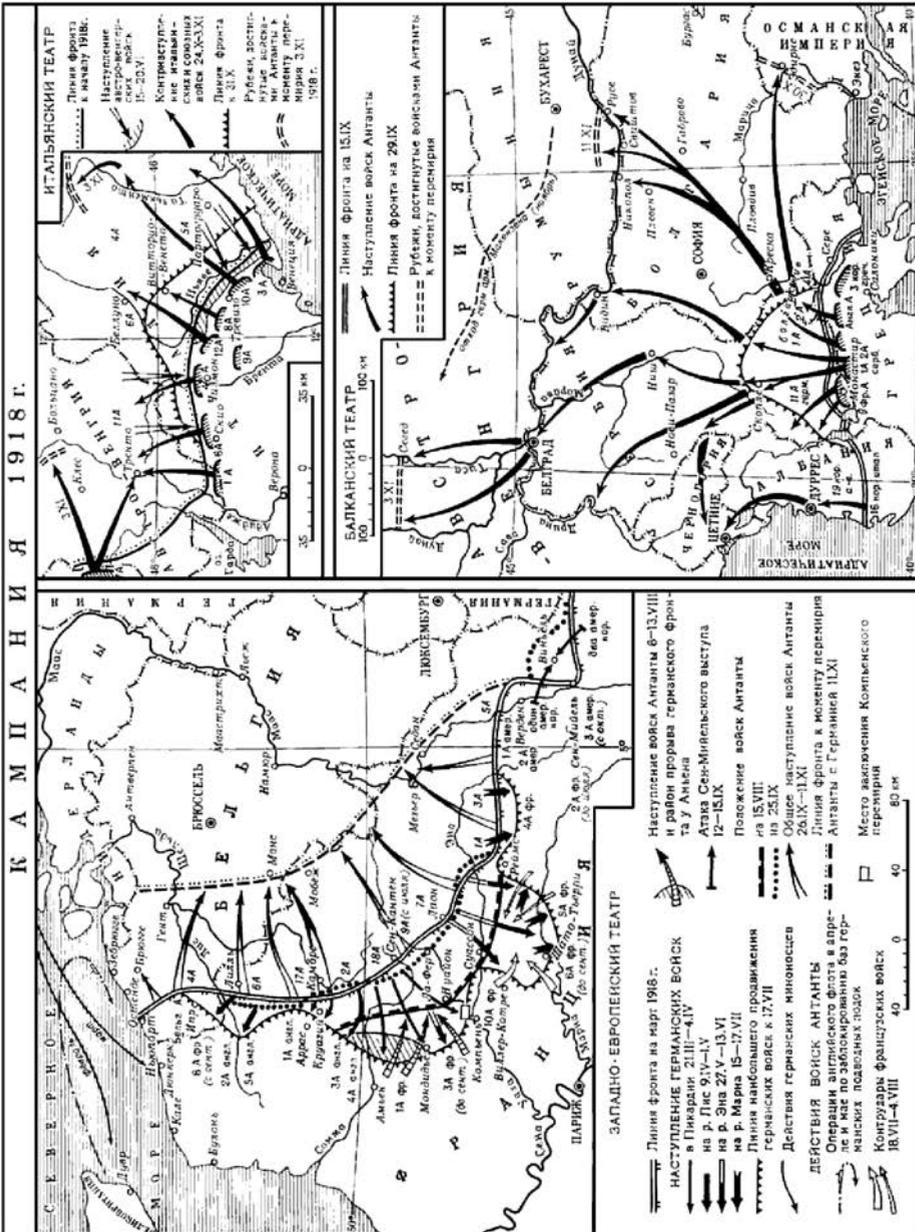
Дарданелльская операция 1915 г.

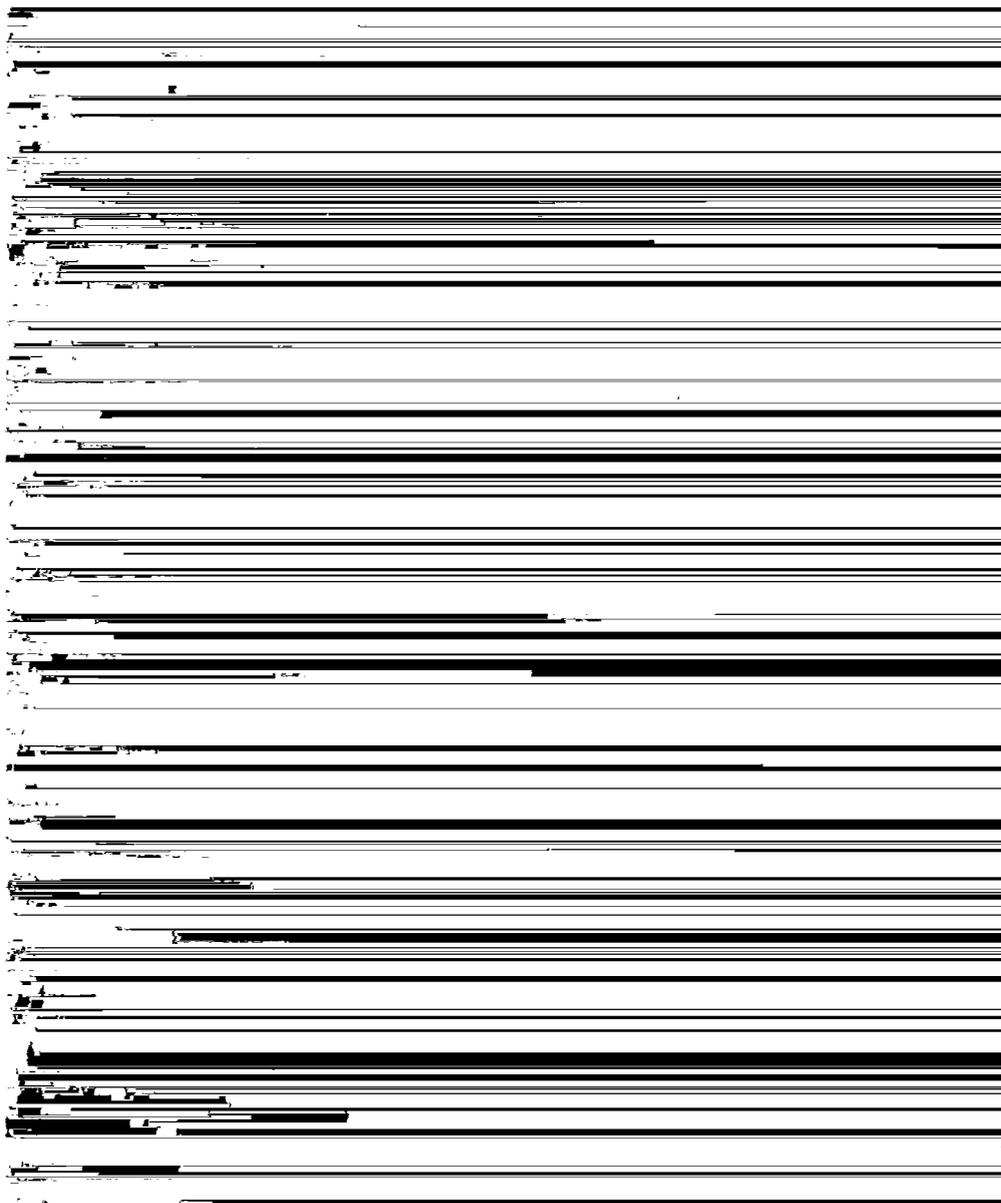
Кампания 1917 г.

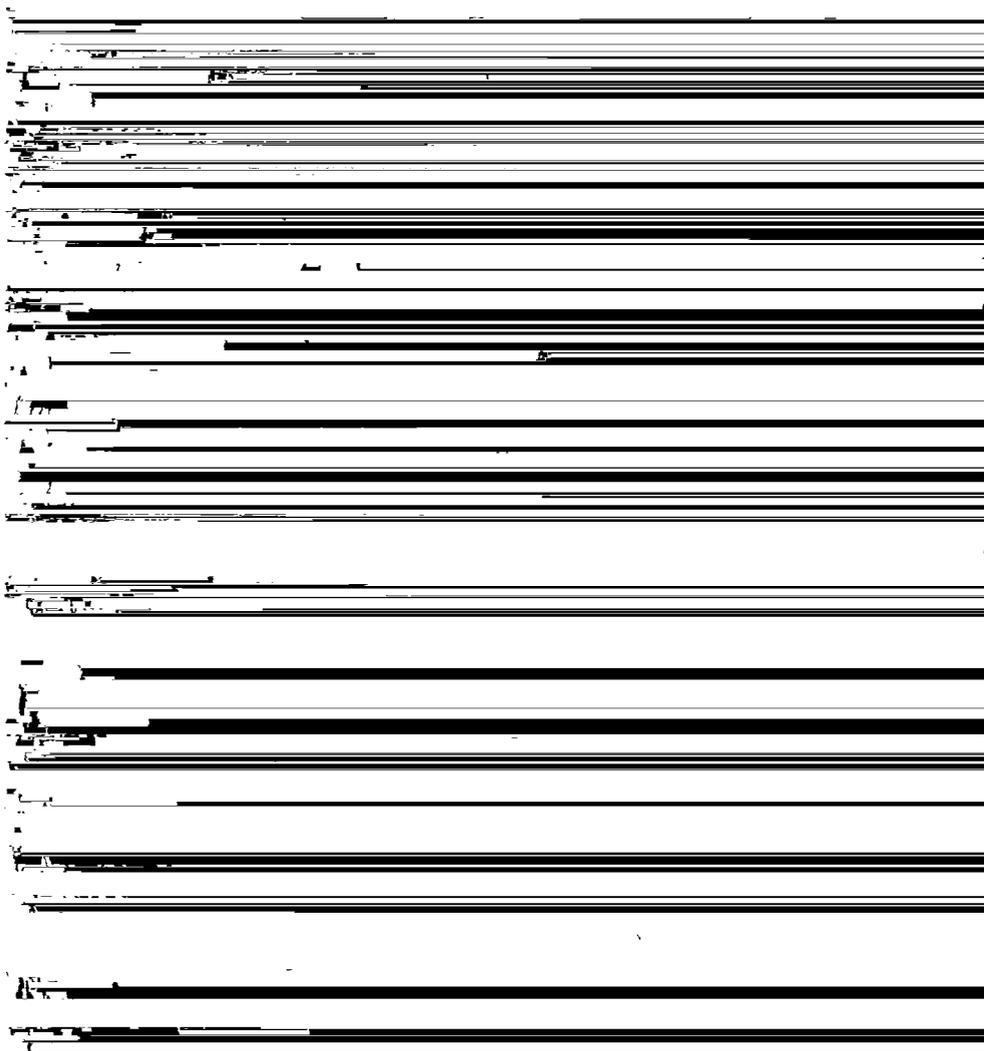
Военные действия в Палестине в 1917–1918 гг.

Кампания 1918 г.

Территория, отошедшие Центральным державам по Брест-Литовскому миру 1918 г.

Боевые действия в Африке

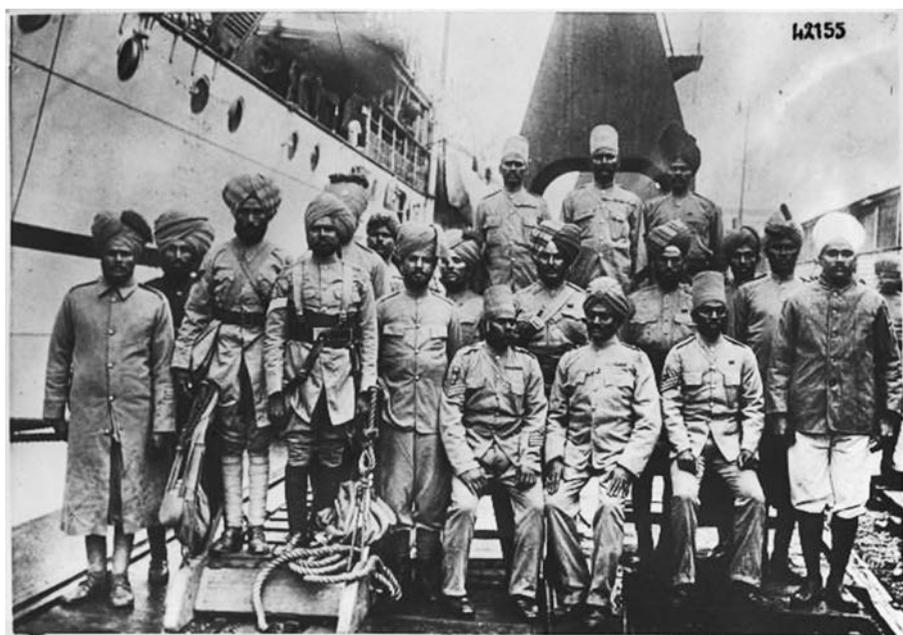
Лионский вокзал в Париже: очереди из желающих вступить во французскую армию

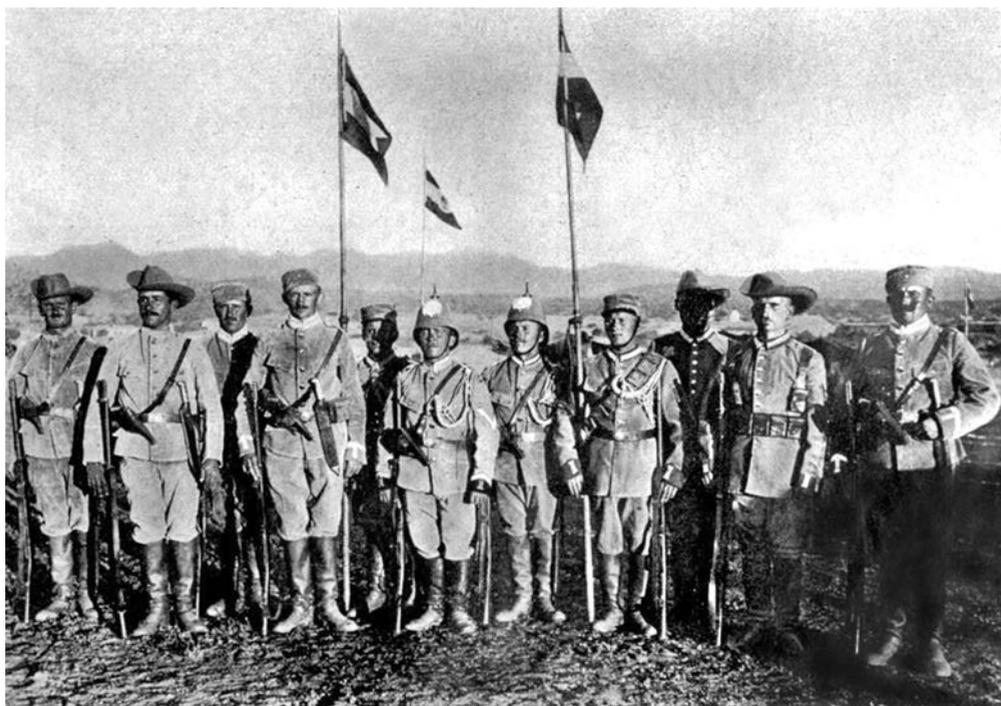
Воодушевление на улицах Берлина: Германия объявляет войну

Такси Марны

Индийские войска, 1914 г.

Отряд германских войск в Юго-Западной Африке, 1914 г.

Лорд Китченер приветствует русские войска перед отплытием в Лондон, 1916 г.

Турецкое командование сдает Иерусалим британцам, декабрь 1917 г.

Французские офицеры возлагают цветы на могилу боевых товарищей

Французские солдаты в окопах

Германские траншеи в Вогезских горах

Британская траншея во время Дарданелльской операции, 1915 г.

Сербские резервисты

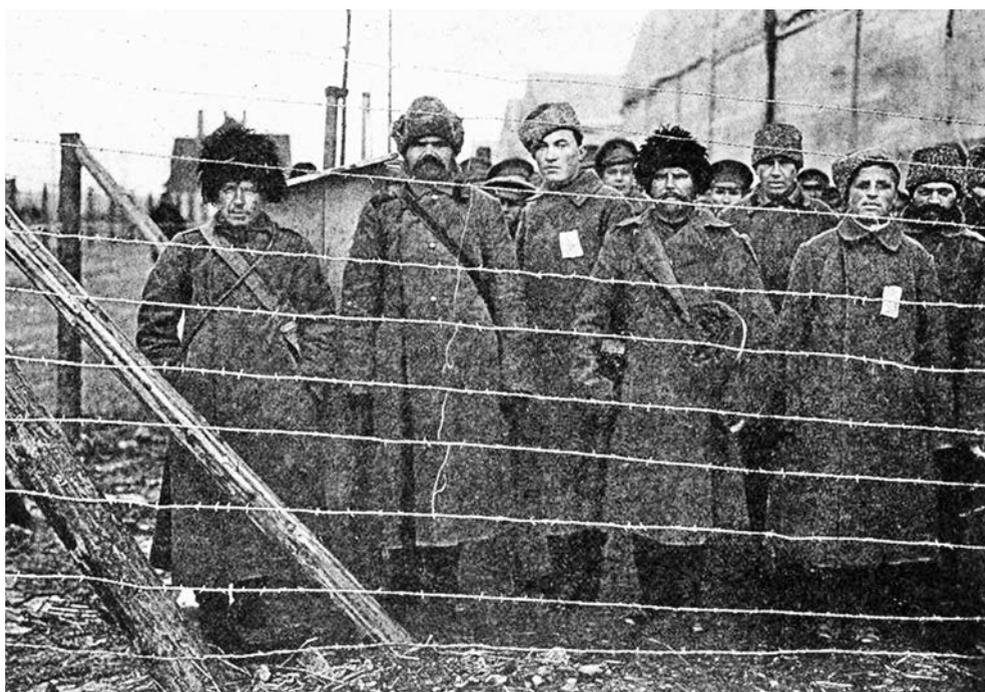
Молебен о здравии раненых солдат в импровизированном госпитале около Агустовского леса (Сувалки, Польша)

Турецкие военнопленные за колючей проволокой и надзором британских солдат, 1915 г.

Армянские вдовы и дети, пережившие геноцид

Русские солдаты в лагере для военнопленных в Зоссене, Германия

Германские военнопленные во время большого наступления в Шампани, 1918 г.

Оркестр из военнопленных в Мюнстерском лагере, Германия

Воздушный налет на Лондон, 1915 г.

Во Фландрии: церковь на территории, отвоеванной британскими солдатами, 1917 г.

Пашендейл, осень 1917 г.

Солдаты 64-го полка 7-й пехотной дивизии армии США ликуют при получении известия о подписании перемирия, 11 ноября 1918 г.

11 ноября 1918 г.: на улицах Лондона празднуют подписание перемирия

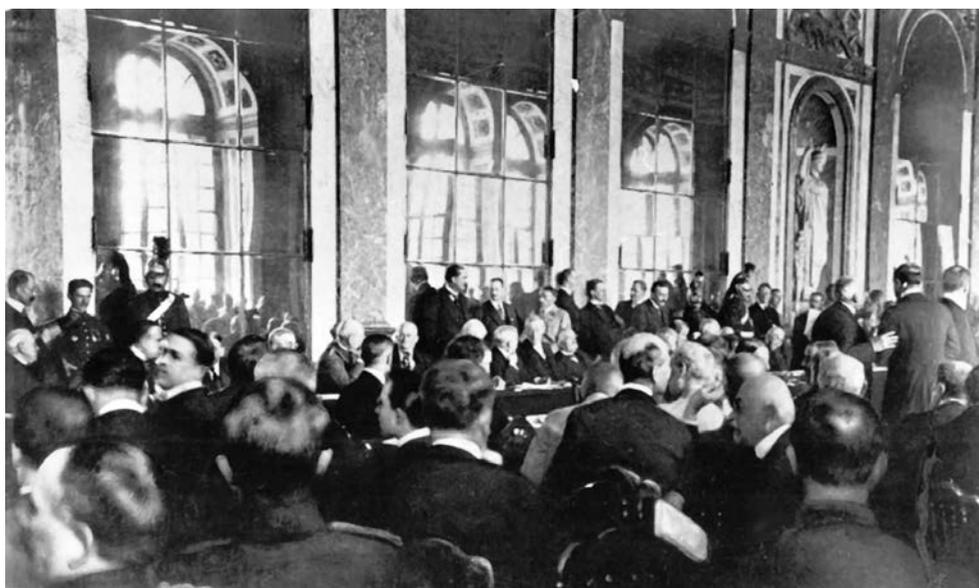
Народ на улицах Берлина приветствует германских солдат, возвращающихся с фронта, как «непобежденных»

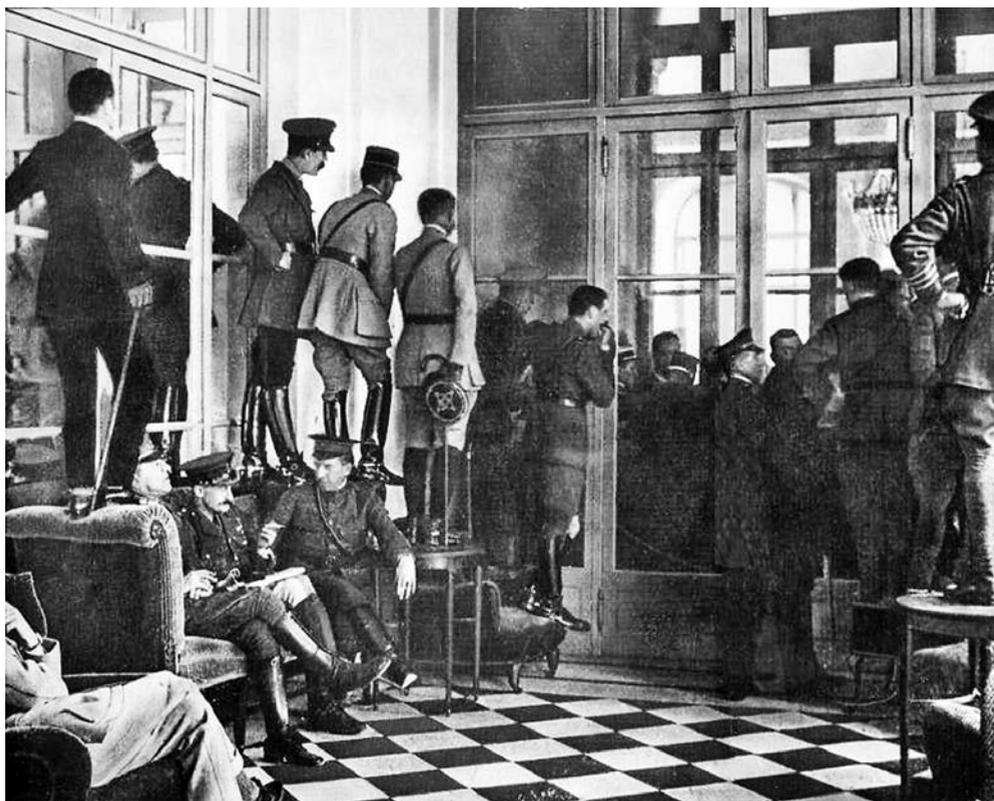
«Да здравствует Вильсон!» (Процессия президента Вильсона проезжает мимо народа, собравшегося около ресторана «Максим» на улице Руаяль в Париже)

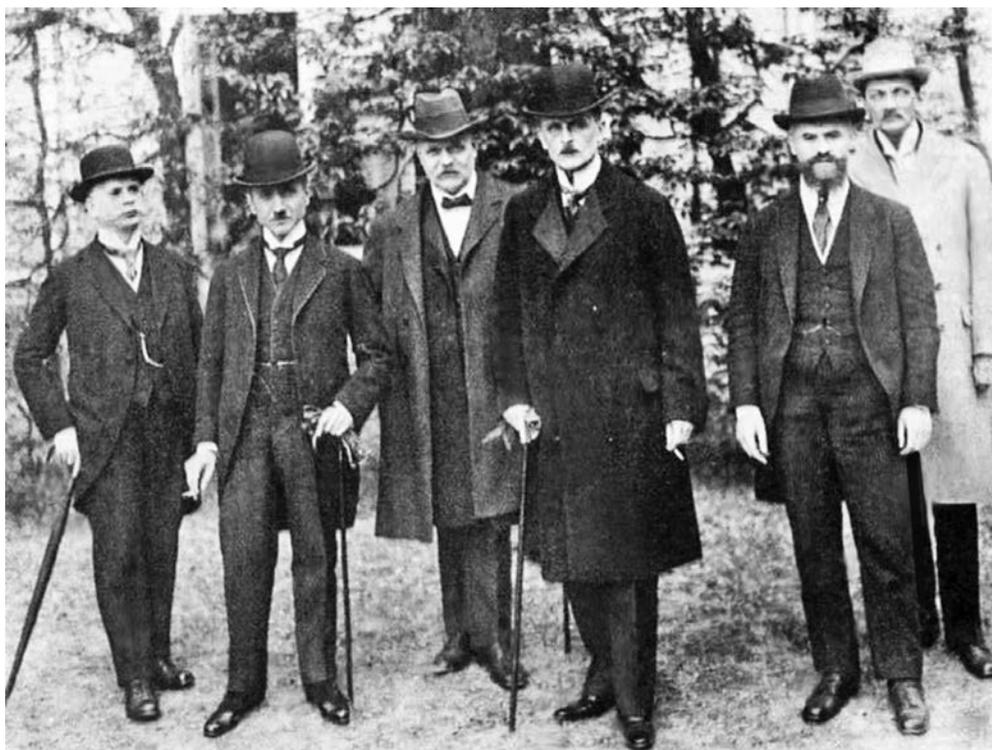
25 апреля 1919 г. Яростные протесты в Данциге против условий мирного договора с Германией

28 июня 1919 г., в пятую годовщину убийства австро-венгерского эрцгерцога Франца Фердинанда, в Зеркальном зале Версальского дворца был подписан мирный договор с Германией

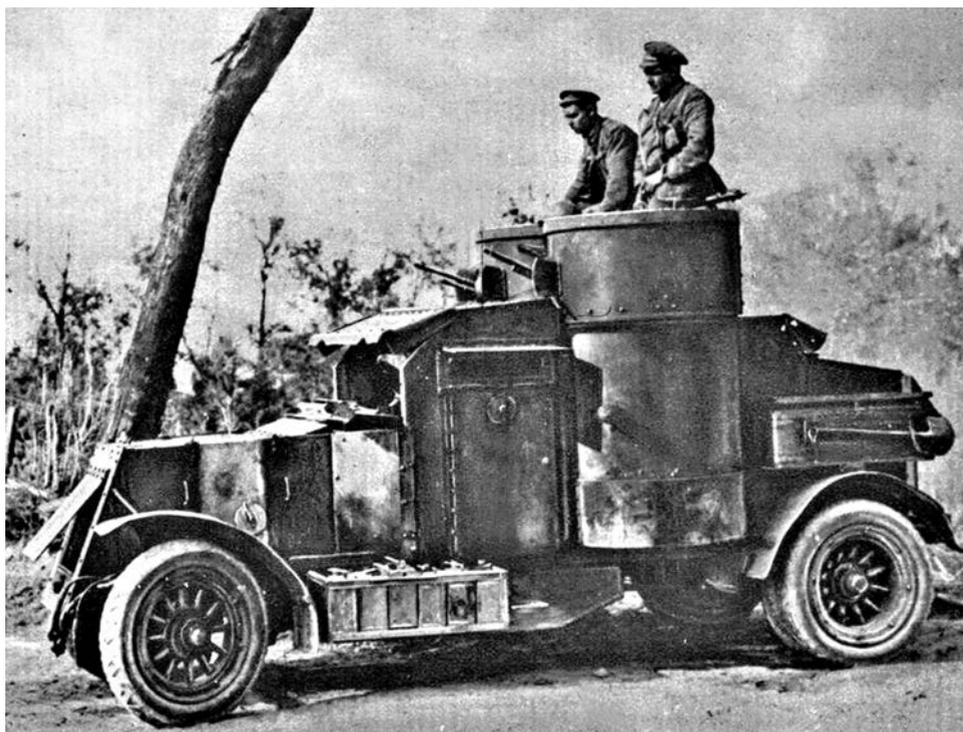
Офицеры союзных государств взобрались на столы и стулья, чтобы увидеть подписание Версальского мирного договора

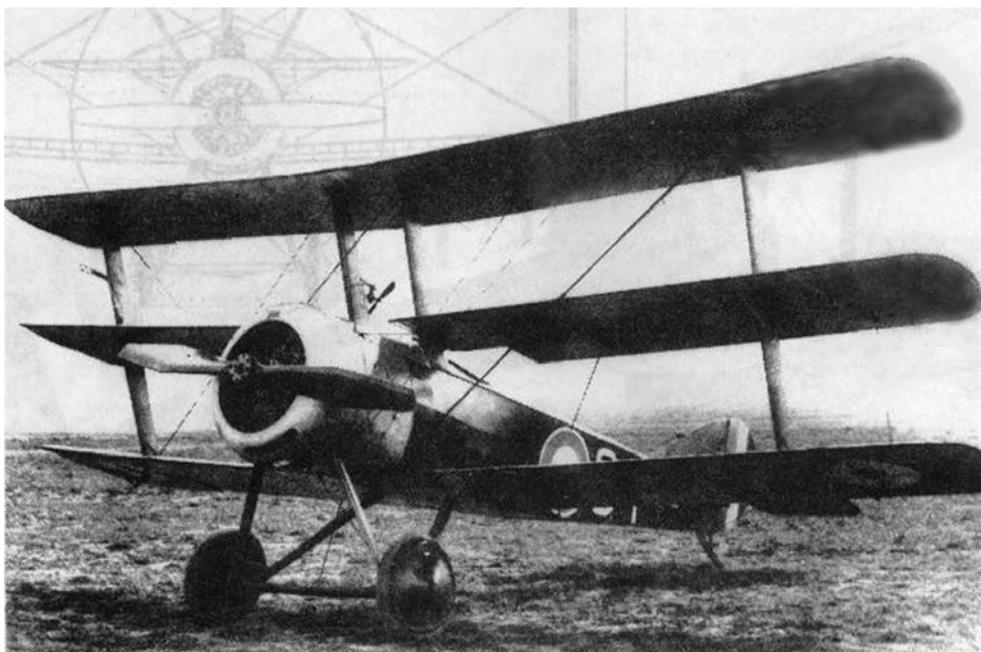
Германская делегация, подписавшая Версальский мирный договор: *(слева направо)*
Р. Лейнерт, К. Мельхиор, Й. Гисбертс, У. фон Брокдорф-Ранцау,
О. Ландсберг, В. Шукинг

Реймс, тяжелые пушки большой мощности, 1918 г.

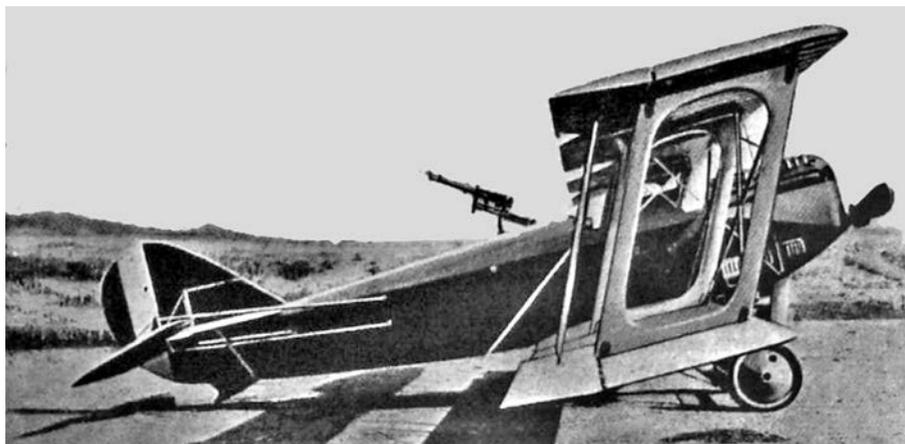
Британский бронированный автомобиль

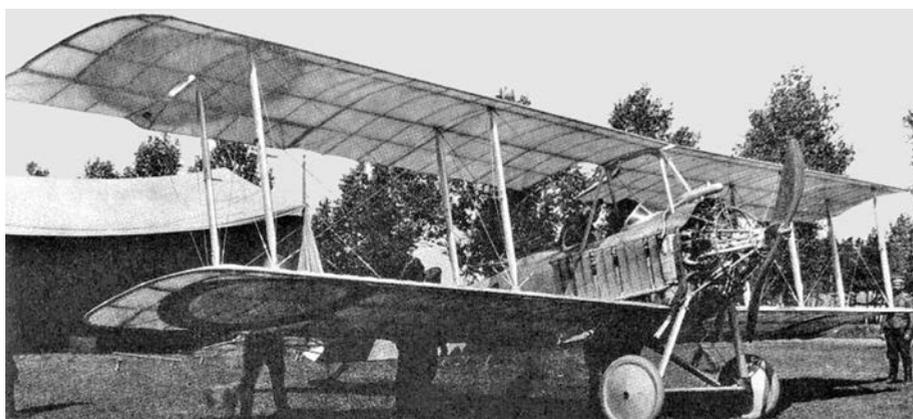
Сопвич Триплан (Sopwith Triplane), истребитель 1916 г. (компания «Сопвич Авиэйшн», Великобритания)

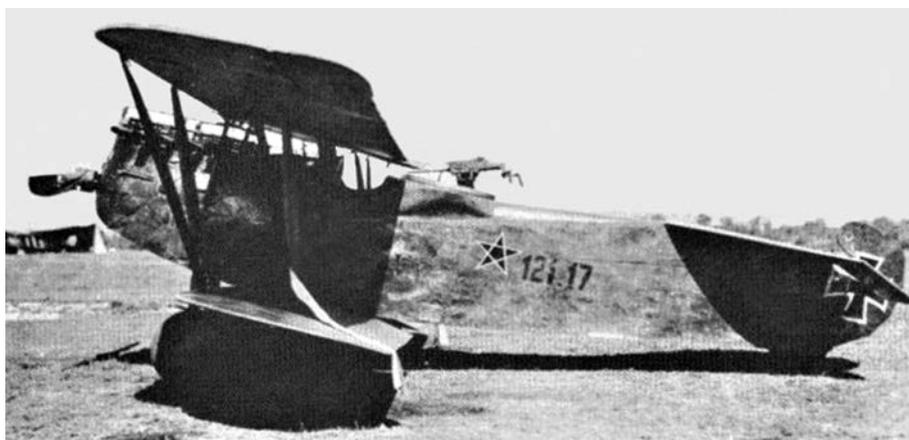
Самолет-разведчик Моран-Солнье типа ВВ 1915 г.
(компания «Аэроплан Моран-Солнье», Франция)

Пакард-Лепер ЛУСАК-11 (Packard-LePere LUSAC-11), истребитель 1918 г.
(компания «Пакард», США)

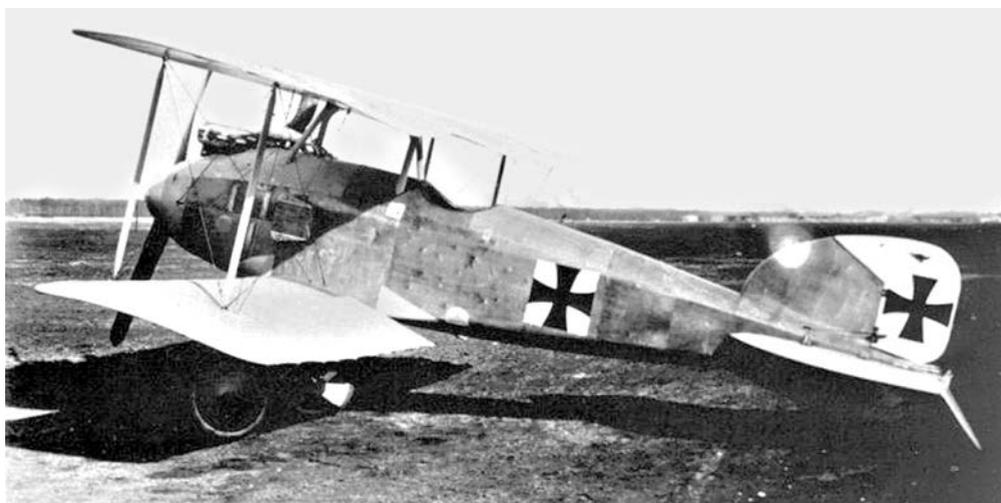
Лебедь-12, фронтовой самолет 1916 г.
(акционерное общество воздухоплавания «В.А. Лебедев и Ко»)

Феникс УФАГ С. 1 (Phönix UFAG C. 1), самолет-разведчик 1917 г. (компания
«Унгарисхе Флюгцейгfabрик», «Феникс Флюгцейгерке», Австро-Венгрия)

Ганса-Бранденбург НВ (Hansa-Brandenburg NW), разведывательный гидросамолет 1915 г. (компания «Ганза унд Бранденбургише Флюгцейтверке», Германия)

Альбатрос Д. 1 (Albatros D. 1), истребитель 1916 г. (компания «Альбатрос Флюгцейтверке», Германия)

Тяжелый танк Марк I (Mark I) 1916 г., Великобритания

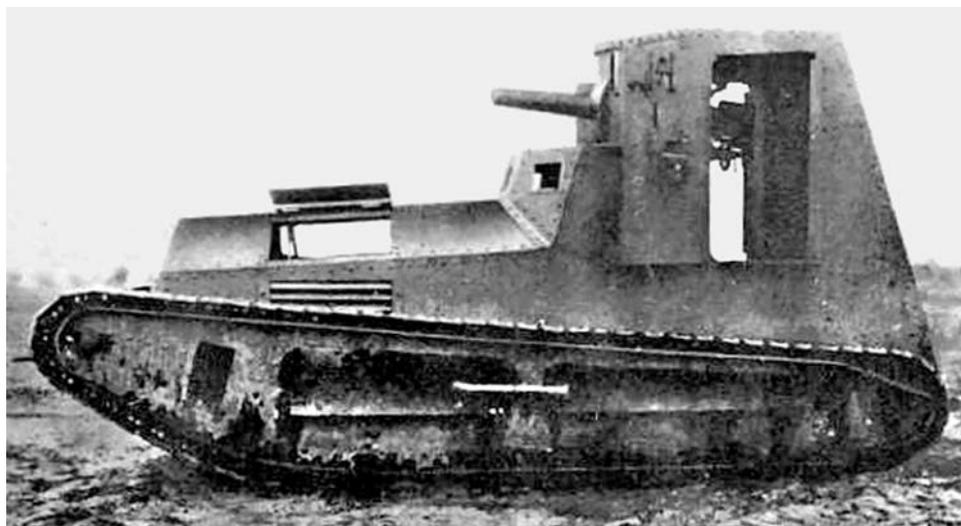
Средний танк Марк А «Уиппет» (Medium Mark A Whippet) 1918 г., Великобритания

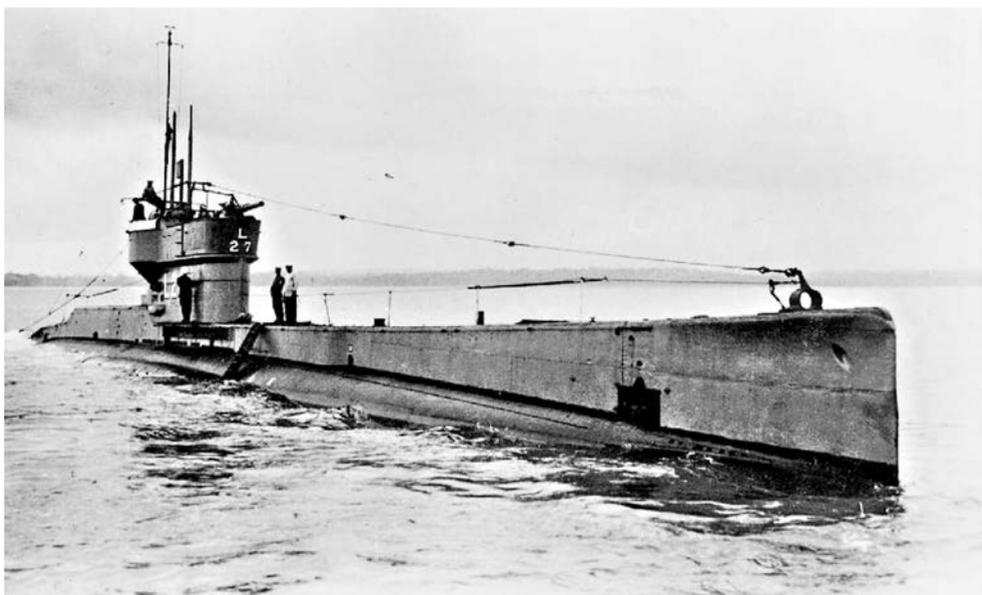
Танк Сен-Шамон (Le Saint-Chamond) 1917 г., Франция

Сомма 5 июня 1918 г.: несколько сот французских танков следуют по полевой дороге

Легкий танк LK-II (Leichte Kampfwagen LK-II) 1918 г., Германия

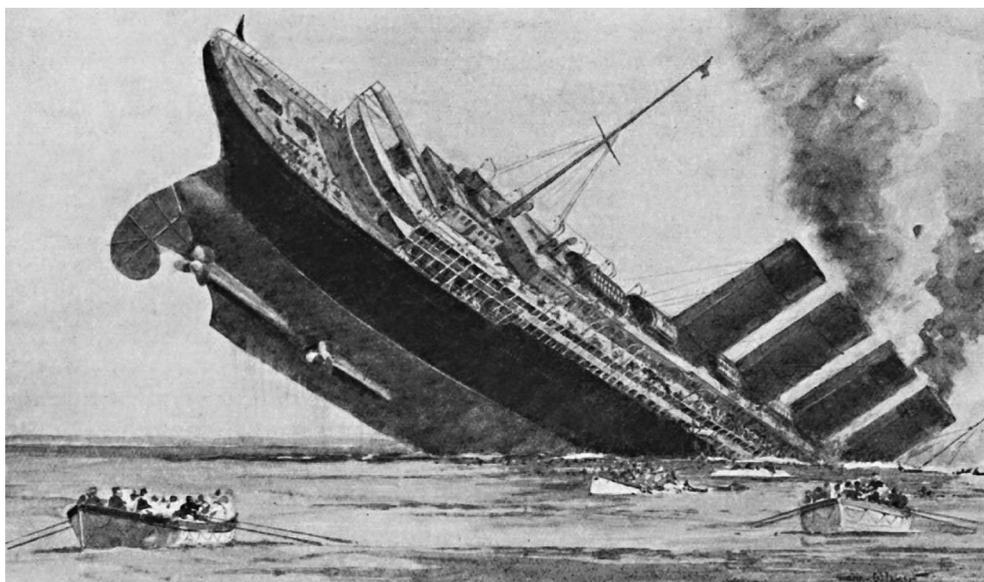
Британская подводная лодка класса L (HMS L. 27) 1919 г. (компания «Виккерс Лтд.»)

Французская подводная лодка Дюпюи де Лом Q. 15
(Dupuy De Lome Q105) 1916 г., Тулон

Германская подводная лодка U. 118 1918 г. (компания «АГ Вулкан Штеттин»)
На фото U. 118, выброшенная на мель в Гастингсе (Англия) в апреле 1919 г.

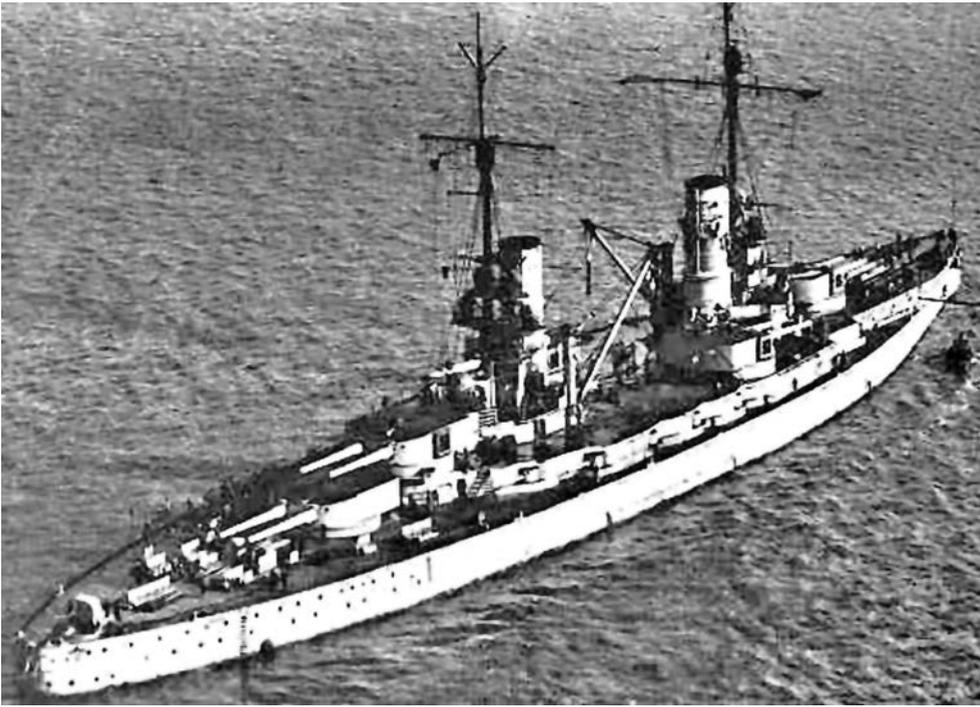
Тонущая «Лузитания», 7 мая 1915 г.

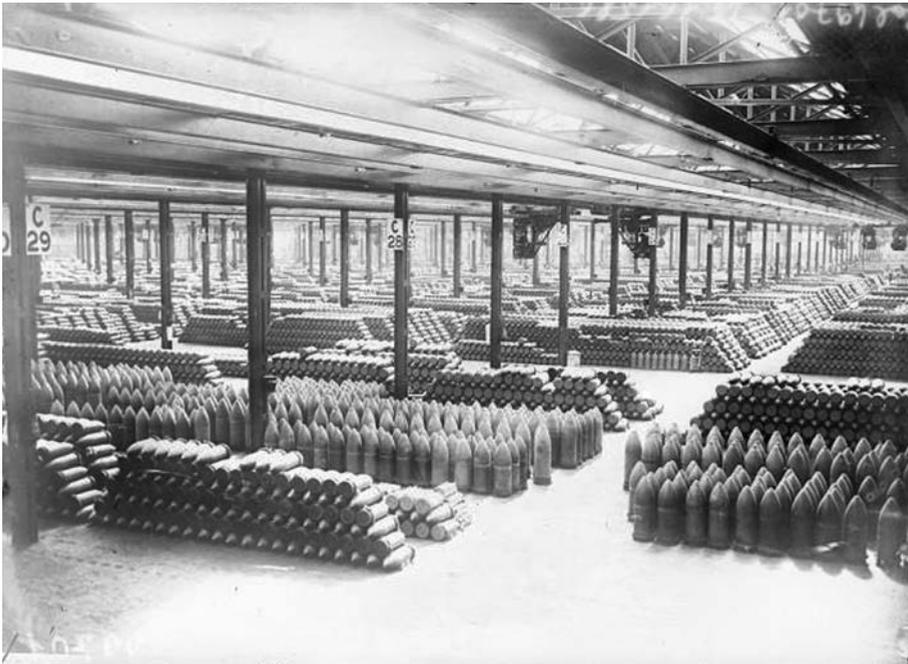
Британский дредноут 1906 г. (Портсмут)

Британский дредноут «Королева Елизавета» 1913 г. (Портсмут)

Германский дредноут «Кайзер» 1911 г. (Императорская верфь в Киле)

Английский военный завод, 1917 г.

«Мировой
пожар. Вторая
Отечественная
война».
1915. Россия

«Богатырское
дело Козьмы
Крючкова».
Лубочная
картинка.
1914. Россия

В. Маяковский, К. Малевич. «Глядь, поглядь,
уж близко Вислы, немцев пучит, значит
кисло». 1914. Россия

Глядь, поглядь, уж близко Вислы
Немцев пучить, значит кисло!

Шел австриец в Радзивилы,
да попал на бабы вилы.

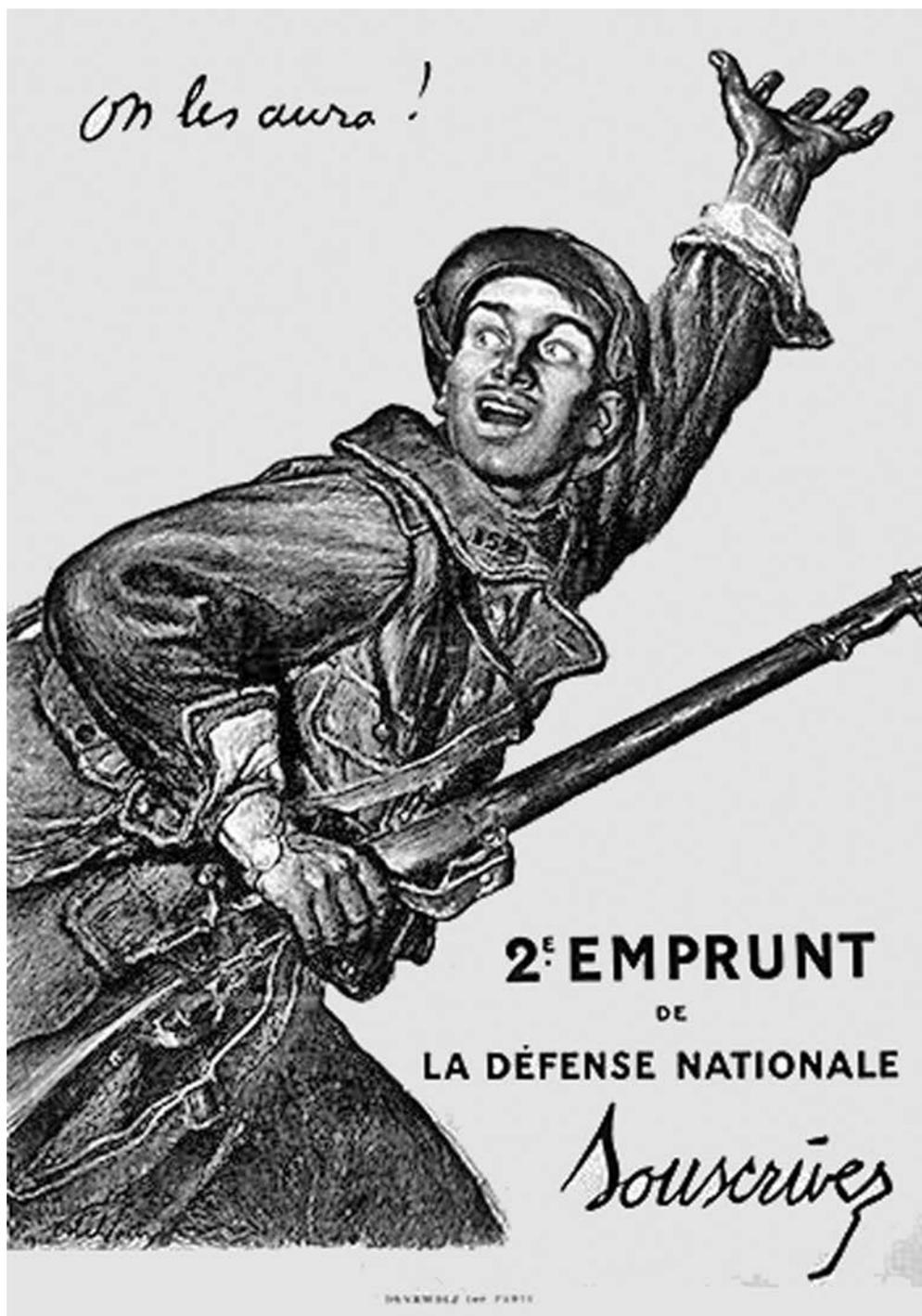
В. Маяковский, К. Малевич. «Шел австриец в Радзивилы, да попал на бабы вилы». 1914

«Кайзер — наш рулевой». 1914, Германия

«Внутренняя сила и единая национальная воля приведут к победе!» 1915. Германия

А. Фэрр. «Мы их достанем!». 1916. Франция

У.Х. Коффин. «Жанна д'Арк спасла Францию. Спаси свою страну. Покупай военные облигации». 1917

Е.В. Килей. «Женщины Британии говорят –
“Иди!”» 1915. Англия

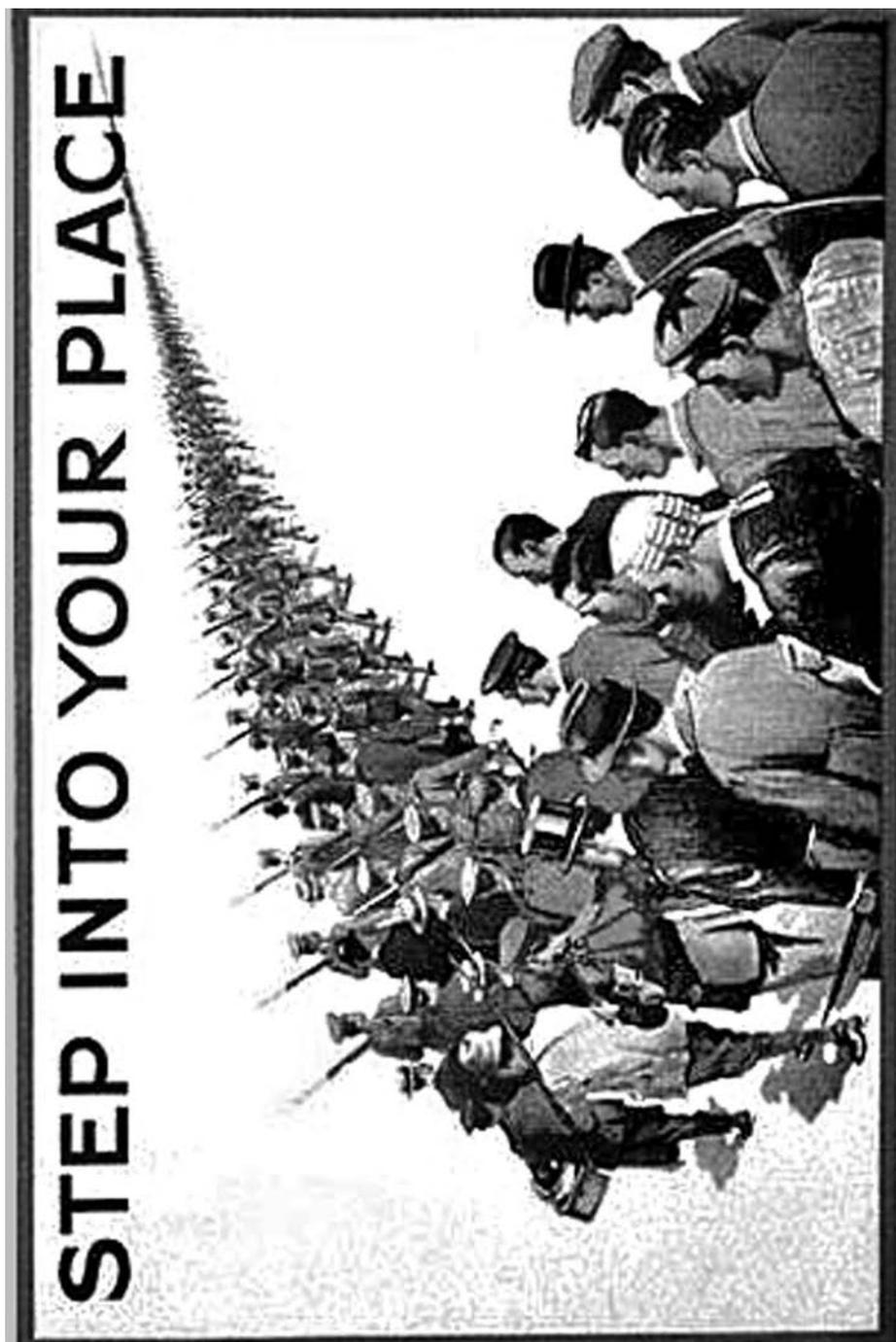

«Следуй за мной! Твоя страна нуждается
в тебе!» 1915. Англия

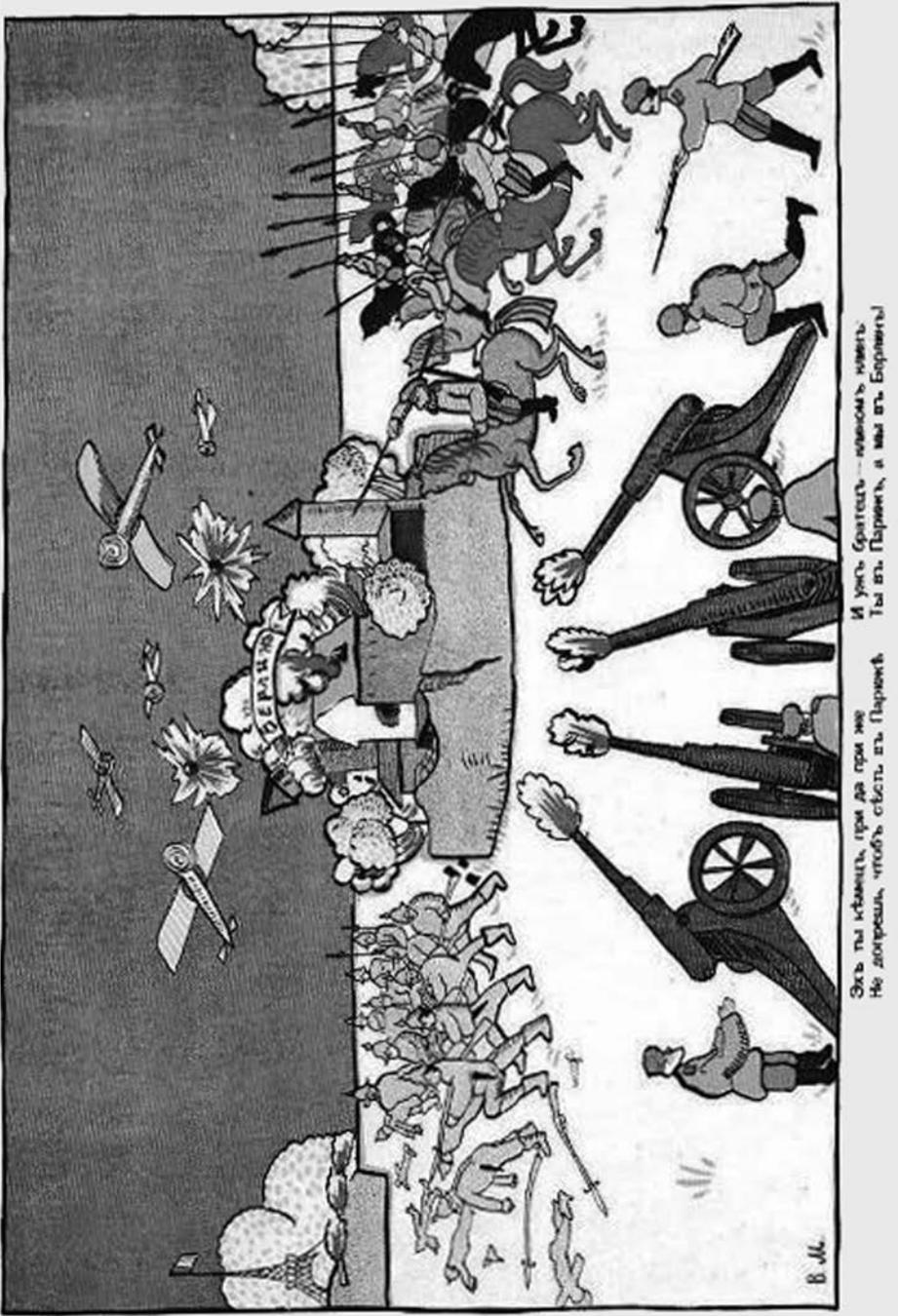
А. Лит. «Британцы, вы нужны лорду Китченеру! Вступайте в армию своей страны! Боже, храни Короля!» 1914.
Англия

«Кухня — ключ к победе. Ешь меньше хлеба». 1915. Англия

«Встань на свое место». 1914. Англия

В. Маяковский. «Эх ты немец, при да при же...». 1914. Россия

**КО ВСѢХЪ ЗАЛАХЪ РОССИЙСКАГО БЛАГОРОДНАГО
СОБРАНІА 5, 6, 7 ДЕКАБРЯ 1914 ГОДА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БАЗАРЪ = НА ПОМОЩЬ
ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ = УСТРАИВАЕМЫЙ
М.Г.О.У.**

ПРОДАЖА ТЕПЛЫХЪ
КЕШЕЙ ДЛЯ ОТИЖЕ-
НИИ ВЪ ДѢЙСТВУЮ-
ЩУЮ АРМІЮ • ПА-
КЕТЫНЫ КОЛОНИИ
СОЮЗНЫХЪ ГОСУД-
ДАРСТВЪ, КЫСТАВ-
КА КОЕНЫХЪ ТРО-
ФЕЕКЪ, ДОСТАВЛЕН-
НЫХЪ СЪ ТЕРРА БО-
ЕНЫХЪ ДѢЙСТІИ •
ПРОДАЖА ОТКРЫ-
ТОКЪ ИЗВѢСТНЫХЪ
РУССКИХЪ ХУДОЖ-
НИКОВЪ • МОМЕН-
ТАЛЬНЫМЪ ФОТОГРА-
ФІИ • БЕЗПРОИГ-
РЫШНЫМЪ ЛОТЕРЕ-
ЕМЪ • ГАЗНЫМЪ ПИ-
РЫМЪ ПРОДАЖИ • БА-
ЗАРЪ ПЕРЦЕНКЪ •
АУКЦИОНЪ КЕШЕЙ
• КХОДНАМЪ ПЛА-
ТА САНІТАРЪ •
ДВОЕ ДѢТЕЙ ПРИ
ОДНОМЪ КХРОСЛОМЪ
БЕЗПЛАТНО • КА-
ЗАРЪ ОТКРЫТЫХЪ:
ПЯТИЦА 5 ДЕКАБ-
РЯ, СЪ 6 ЧАС. ВЪЧ. ДО
1 ЧАС. ПОЧИ, СУББО-
ТА, 6 Д, СЪ 12 ЧАС.
ДЛЯ ДО 1 ЧАС. ПО-
ЧИ, ВОСКРЕСЕНЬЕ,
7 Д, СЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 1 ЧАС. ПОЧИ. •

В.М. Васнецов. Листовка-приглашение на благотворительный базар. 1914. Россия

С. Родионов. «Иди за родину!» Открытка. Россия

«Германия – август 1914». 1914

«Германия приветствует своего кайзера». 1915. Германия

Х. Фишер. Помоги! 1917

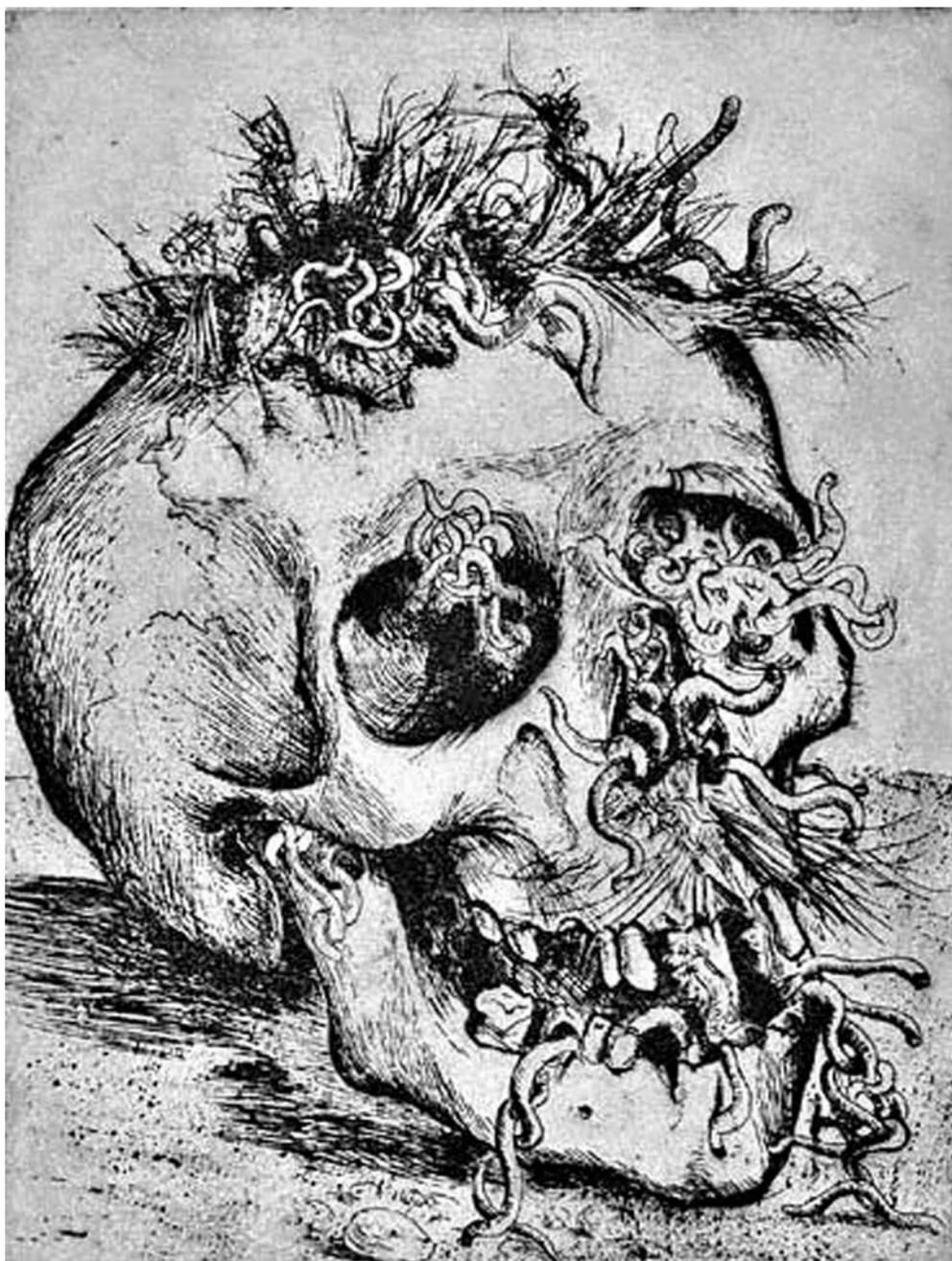
«Союз Америки и Британии». 1917. США

П. Пикассо. Гийом де Костровицкий, артиллерист.
1914. Тушь, перо

Л.А. Моро. Газовая атака. 1917. Париж. Музей современной истории

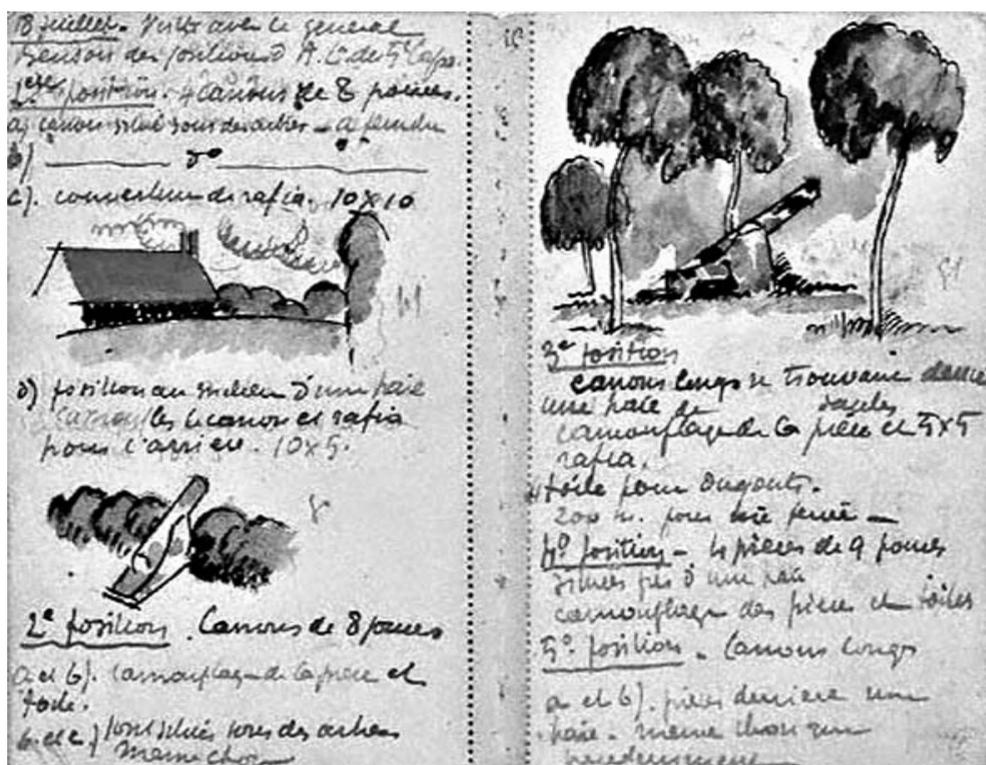
О. Дикс. Череп. Гравюра. 1924. Перонн. Исторический музей Великой войны

М. Бекман. Морг. 1915

О. Цадкин. Под Лудом. 1916. Перо, акварель.
Париж. Музей современной истории

А. Мар. Блокнот с зарисовками маскировки. Чернила и акварель. 1916.
 Перонн. Исторический музей Великой войны

Э. Шиле. Пленный русский офицер. 1916

О. Дикс. Окопное мясо. 1924. Акварель. Берлин. Немецкий исторический музей

Научное издание

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Под редакцией Л.С. Белоусова, А.С. Манькина

Редакторы *Е.А. Босина, И.Е. Новикова*

Художественный редактор *Ю.М. Добрянская*

Художник *В.А. Чернецов*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректоры *Е.А. Босина, И.Е. Новикова*

Верстка *Л.В. Тарасюк*

Подписано в печать 20.05.2014.

Формат 70×100¹/₁₆.

Бумага офсетная. Офсетная печать.

Гарнитура Палатинолинотайп. Усл. печ. л. 65,8 + 1,29 цв. вкл.

Уч.-изд. л. 58,15 + 0,87 цв. вкл. Тираж 1000 экз.

Изд. № 10 160. Заказ

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Тел.: (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71.

Тел.: (495) 939-33-23 (отдел реализации).

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

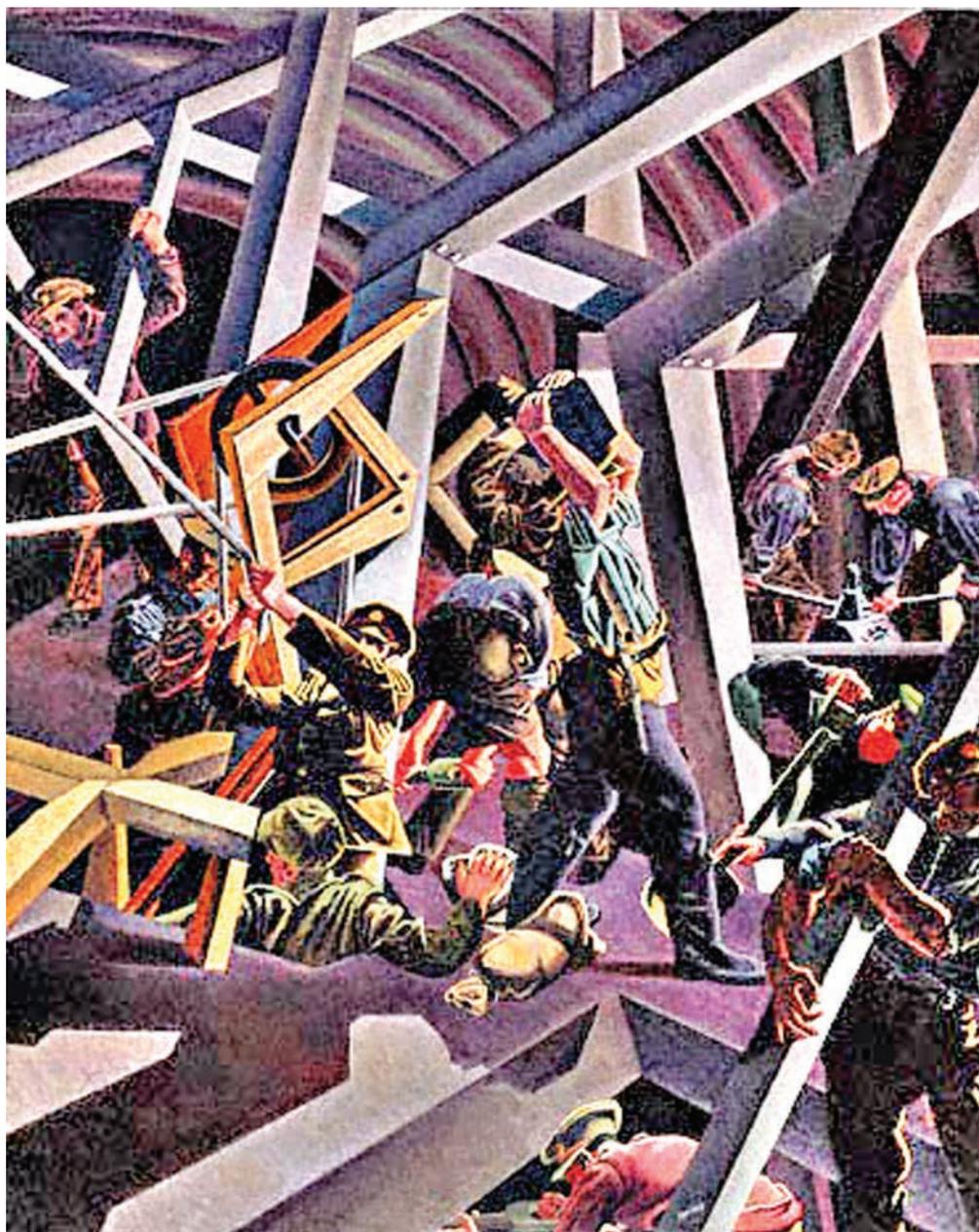
Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-34-93

Отпечатано в типографии МГУ.

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15

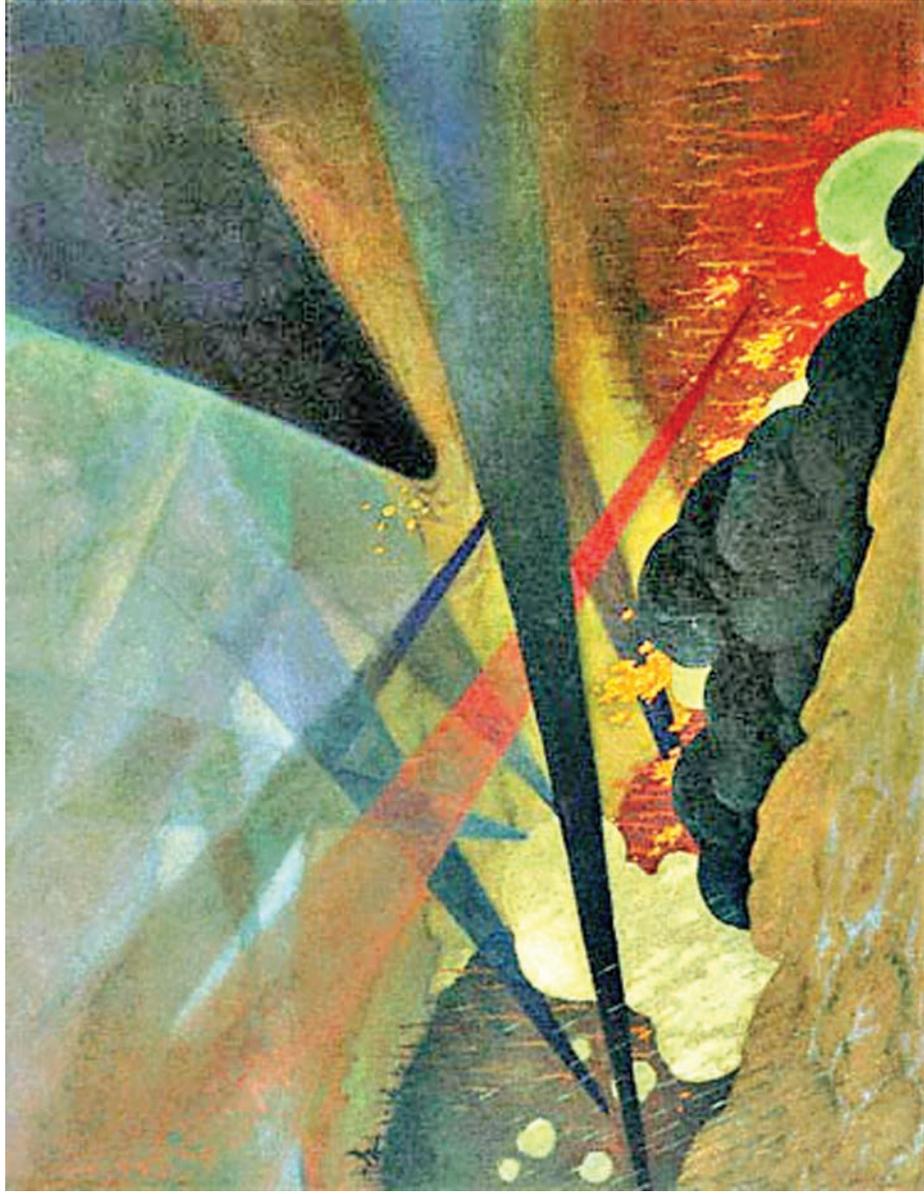
*Д. Болберг. Канадские саперы за работой. 1919.
Оттава. Национальная галерея Канады*

О. Дикс. Триптих «Война». 1929–1932. Темпера на дереве. Дрезден. Городская галерея новых мастеров

О. Дикс. Фландрия. 1934–1936. Масло и темпера на холсте.
Берлин. Государственный музей прусской культуры

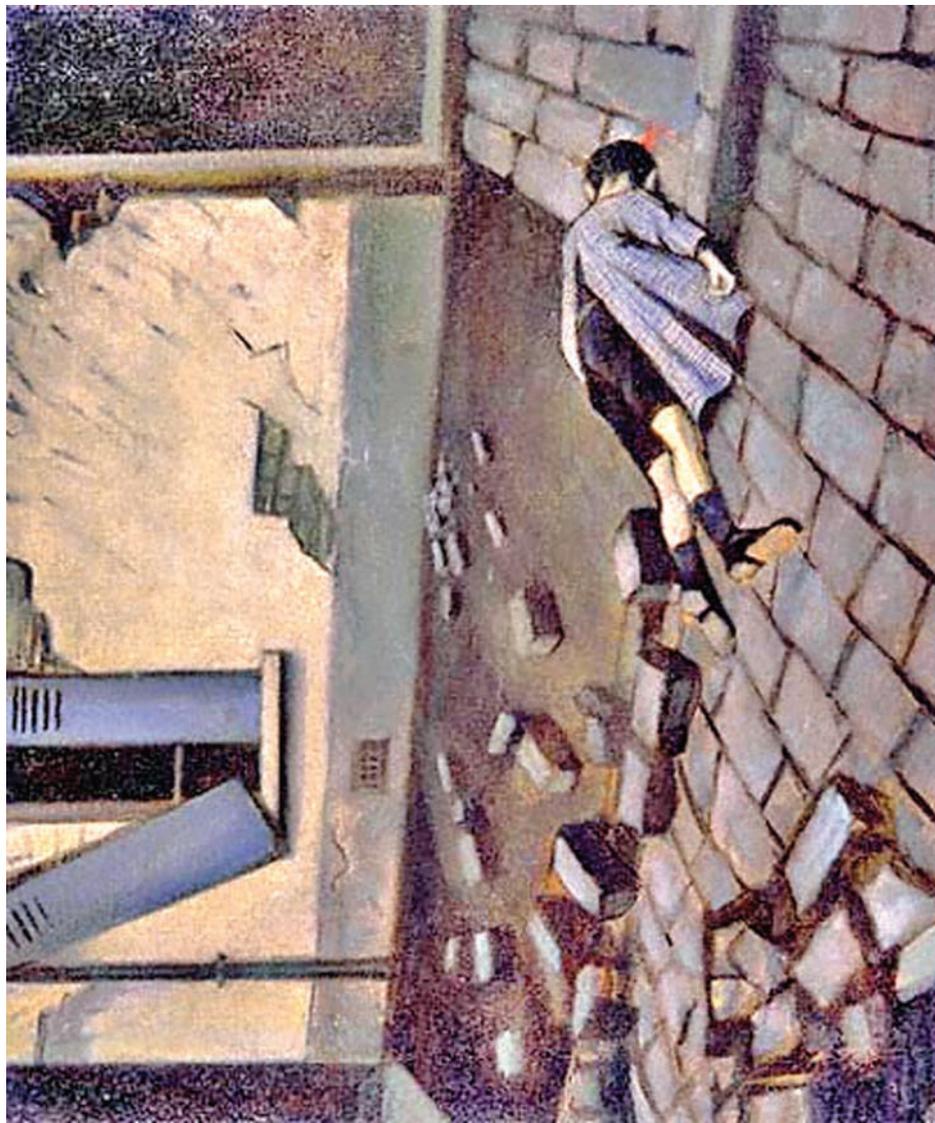
Ф. Виллотон. Верден: интерпретация войны живописью, раскрашенной черными, красными и голубыми прожекторами, разрушенной землей, облаками газа. 1917. Париж. Музей армии

П.У. Льюис. Обстрел артиллерийской батареи. 1919. Лондон. Имперский военный музей

К. Невинсон. Дороги славы. 1917. Лондон. Имперский военный музей

К. Невинсон. Таубе. 1916–1917. Лондон. Имперский военный музей

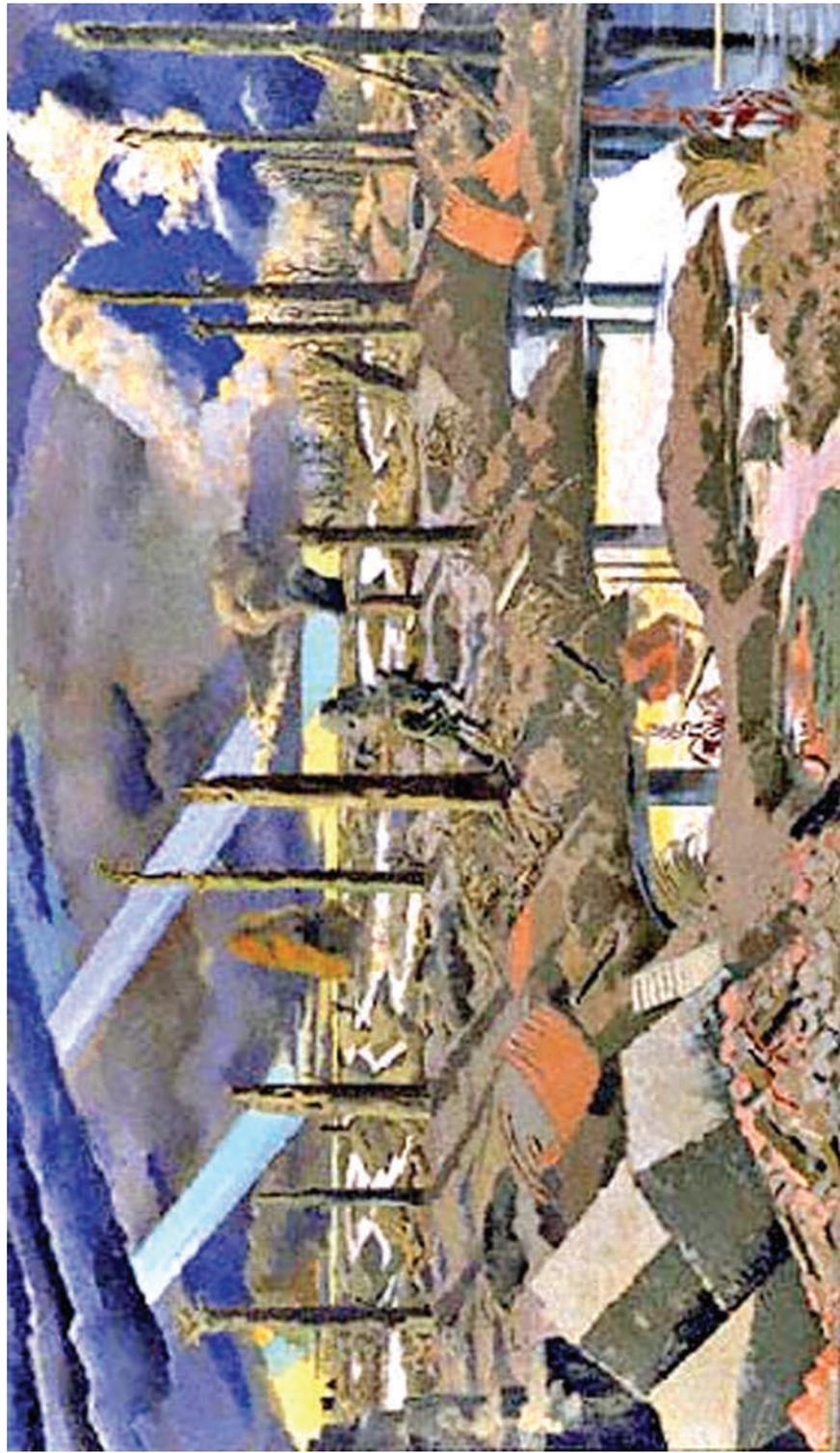
*Дж. Северини. Бронепоезд в действии. 1915.
Нью-Йорк. Музей современного искусства*

*Дж. Северини. Пластический синтез идеи войны. 1915.
Мюнхен. Городская галерея современного искусства*

Ф. Леже. Солдаты, играющие в карты. 1917. Отгердо. Музей Крёллер-Мюллера

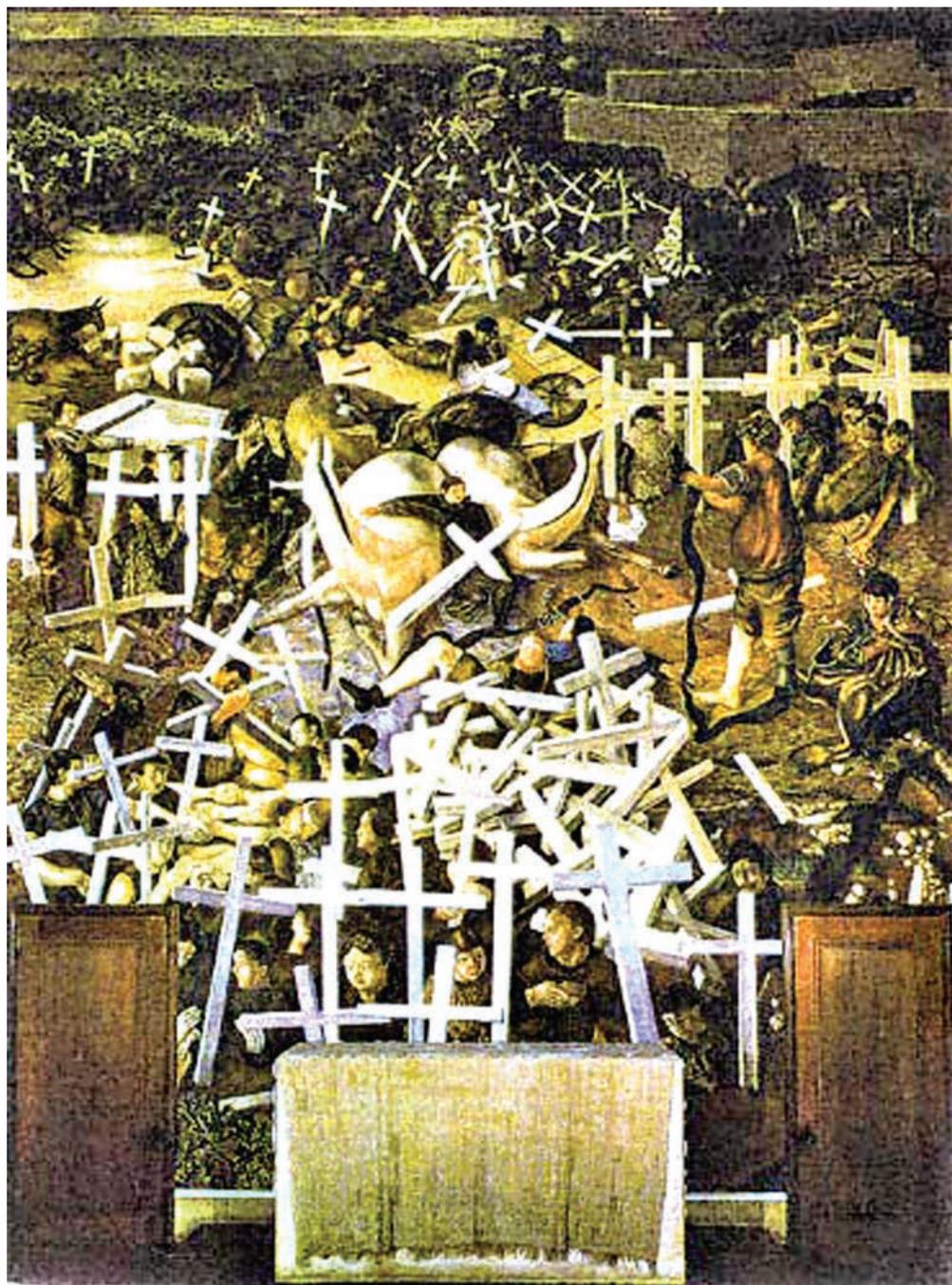
П. Nash. Дорога в Менен. 1918–1919. Лондон. Имперский военный музей

У. Орпен. Автопортрет в униформе. 1917. Лондон. Имперский военный музей

У. Орпен. Неизвестному британскому солдату, убитому во Франции, — посвящается.
1922–1927. Лондон. Имперский военный музей

С. Спенсер. Воскрешение солдат. 1923–1932.
Бёклер, графство Гемпшир. Мемориальная капелла Сэндхем

С. Спенсер. Повозки с ранеными, прибывающие на перевязочный пункт в Смоле, Македония, сентябрь 1916 г. 1919. Лондон. Имперский военный музей

*Э.Л. Кирхнер. Автопортрет с ампутированной рукой. 1915. Оберлин, штат Огайо.
Мемориальный музей изобразительных искусств им. Д. Аллена*